

А.Е.ПРЕСНЯКОВ

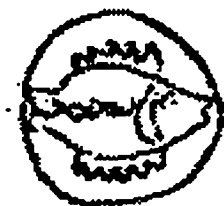

КНЯЖОЕ ПРАВО
В ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЛЕКЦИИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ
ПРЕСНЯКОВ
(1870—1929 гг.)

А.Е.ПРЕСНЯКОВ

КНЯЖОЕ ПРАВО
В ДРЕВНЕЙ РУСИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
X-XII СТОЛЕТИЙ

•

ЛЕКЦИИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ
КИЕВСКАЯ РУСЬ

Подготовка текста, статьи и примечания
доктора исторических наук
М. Б. СВЕРДЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА • 1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»:

К. З. Ашрафян, Г. М. Бонгард-Левин,
В. И. Буганов (зам. председателя),
Е. С. Голубцова, А. Я. Гуревич, С. С. Дмитриев,
В. А. Дунаевский, В. А. Дьяков, М. П. Ирошников,
Г. С. Кучеренко, Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев,
А. В. Подосинов (ученый секретарь),
Л. Н. Пушкирев, А. М. Самсонов (председатель),
В. А. Тишков, В. И. Уколова

Рецензенты:

доктора исторических наук
А. А. Преображенский, Л. Н. Пушкирев

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. Буганов

Пресняков А. Е.

П 73 Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. — М.: Наука, 1993. — 635 с.
ISBN 5-02-009526-5

Труды выдающегося отечественного историка А. Е. Преснякова «Княжое право в древней Руси» и «Лекции по русской истории. Киевская Русь» — важные явления русской научной мысли начала XX в. Они раскрывают индивидуальные особенности автора — яркого исследователя, оригинального мыслителя, признанного педагога высшей школы. До сих пор сохраняет научное значение критический анализ А. Е. Пресняковым исторических концепций русской историографии середины XIX—начала XX в. Для историков и всех интересующихся историей нашей Родины.

П 0503020200-115
042(02)-93 без объявл.

ББК 63.3(2)41

ISBN 5-02-009526-5

© Издательство «Наука», 1993
Оформление

КНЯЖОЕ ПРАВО
В ДРЕВНЕЙ РУСИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
X—XII СТОЛЕТИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта состоит из двух очерков, связанных единством темы. Первый посвящен междукняжеским отношениям в домонгольские времена. Изучение их шло не в порядке изложения этого очерка. Убедившись в невозможности ни выдержать на данных источников представление о «нераздельно-поочередном» княжом владении ^{1*}, ни свести характеристику междукняжеских отношений к «договорному» началу ^{2*}, я сделал попытку составить описание всех отражений этого явления в летописном материале. Получилась картина, осмысление которой вело к началам древнеславянского семейного быта и семейного права. Так явилась введением в первый очерк характеристика основных особенностей этого права. Она не претендует ни на какую самостоятельность, а лишь выдвигает те общие и основные черты, какие существенны для понимания явлений княжого владения и междукняжеских отношений. Второй очерк посвящен попытке осветить то, что я называл общественным положением князя: особый круг отношений, который служил основанием самостоятельного положения князя в древнерусской землекняжени. Некоторых вопросов внутреннего строя древнерусской земли-княжения мое изложение коснулось лишь вскользь, поскольку это представлялось необходимым, по связи их с основной темой, особенно для оценки исторического значения дружины и ее эволюции в древней Руси. Стремление более полно выяснить соотношение изучаемых явлений с общим укладом древнерусской жизни потребовало бы монографической обработки этих вопросов и обобщения ее результатов в общей картине древнерусского социально-политического строя, что в настоящее время было бы задачей для меня непосильной и вывело бы мое изложение слишком далеко за намеченные рамки. Не скрываю от себя тех крупных недостатков, какие явились следствием указанного ограничения задачи, по необходимости искусственного. Быть может, всего ярче сказались они на вопросе о смердах, которых рассматриваю как часть населения, стоящего под особой властью князя, неся в его пользу особые повинности, и в то же время оставляю открытым вопрос о границе, отделяющей эту часть населения

от общей массы волостных людей ^{3*}. Дело в том, что тут перед нами один из сложнейших вопросов русских древностей, имеющий свою аналогию в задаче определить соотношение «гродской» и «опольной» организаций в древней Польше ^{4*}. Такого рода вопросы не могут быть во всей их глубине трактованы в работе, посвященной, по существу, иным темам.

Обе группы отношений, рассмотренных в моих очерках, могут и, по крайнему разумению моему, должны быть подведены под одно общее понятие «княжого права», как совокупность обычно-правовых норм, возникавших вне общего хода правового развития древнерусских земель-княжений, в сфере деятельности княжеских сил, независимой от общего уклада народной жизни. Выдвигая это понятие в заголовок книги, пытаюсь подчеркнуть, с одной стороны, тесную связь между обоими очерками, а с другой — крупное историческое значение, какое следует признать за изучаемыми в них явлениями, которые, развиваясь в сфере междукняжеских владельческих отношений и в области, охваченной действием особой власти князя над группами населения, состоящими под специальной княжеской защитой, постепенно разрастаются в новый — удельно-вотчинный — уклад всего социально-политического строя русского ^{5*}.

Не раз случалось мне — во втором очерке — для освещения тех или иных вопросов прибегать к аналогиям из области западноевропейского средневековья. Но это не делает его сравнительно-историческим исследованием: он не ставит себе целью какие-либо выводы социологического характера. Сравнения и аналогии в нем лишь прием изложения, иллюстрация выводов и гипотетических допущений, построенных на русском материале.

Крайне сожалею, что не мог воспользоваться трудом А. А. Шахматова ^{6*} «Разыскания о древнейших русских летописных сводах»; когда он появился, моя книга почти вся была уже отпечатана ^{7*}. А между тем труд этот, столь богатый ценным содержанием, в ряде вопросов (например, о «ряде» Ярослава, о грамотах Ярославлих и др.) дал бы мне немало существенных указаний.

Выпуская в свет книгу, суть которой в попытке возбудить пересмотр некоторых вопросов, основных для истории древней Руси, не могу не выразить глубокой признательности учителям своим, друзьям и товарищам, которые своим интересом, вниманием и сочувствием поддерживали и питали стремление мое к на-

учной работе и доверие к возможности вынести в печать сложившиеся исторические воззрения. Особенно трудно мне оценить в словах то многое, чем я обязан многолетнему личному и научному общению с глубокоуважаемым и дорогим учителем моим С. Ф. Платоновым^{8*}. Без его дружеских настояний и эта книга не была бы написана. Кроме того, она сложилась в связи с моим университетским преподаванием, за приобщение к которому я бесконечно обязан историко-филологическому факультету Петербургского университета, как и за то, что он приютил мое «Княжое право» в своих записках^{9*}.

Сердечное спасибо Б. А. Романову, оказавшему мне и книге моей незаменимую дружескую услугу составлением указателей^{10*}.

КНЯЖОЕ ВЛАДЕНИЕ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ РЮРИКОВИЧАМИ В X—XII ВВ.

I. ВВЕДЕНИЕ: ЧЕРТЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Вопросы древнерусской истории нельзя назвать стоящими на очереди в нашей историографии. Давно затих некогда преобладавший интерес к проблемам так называемого Киевского периода. Но причину такого затишья едва ли можно искать в том, что основные из них признаны решенными. Напротив, ближе к истине будет сказать, что наша историческая наука охладела к их изучению, утомленная противоречиями и спорами, в основе которых слишком часто чувствовалась недостаточность данных для решения поставленных широких задач. И менее догматичная, более критически настроенная, часто скептическая по отношению к общим построениям, новая историческая литература стала их обходить, отдавая лучшие свои силы другим вопросам, для работы над которыми нашлись обильные материалы, вопросам позднейших периодов. А представления об основах древнерусского быта продолжали жить научной жизнью почти исключительно в общих курсах русской ли истории или истории русского права^{1*}. При таких условиях понятно, что в научно-литературном обороте остаются подчас рядом, непримиренные и необобщенные, элементы старых разрушенных теорий с новыми выводами и наблюдениями.

Рассыпанная хранина древнерусской истории требует систематического пересмотра. Но едва ли такой пересмотр может ставить себе задачей, подобно знаменитым теориям старой классической литературы русской истории, найти одно основное начало — родовое, общинное или иное, — чтобы из него объяснить все существенные особенности древнего быта. С другой стороны, критическое изучение этих теорий составляет особую задачу, более существенную для истории нашей научной мысли в XIX ст., чем для разработки истории древней Руси. Более целесообразным представляется другой путь: непосредственного наблюдения имеющихся данных и их обобщения, путь строго эмпирический.

Однако в чистом виде и он едва ли возможен: данные источников для древнего периода столь отрывочны, что простого сопоставления их часто недостаточно для того, чтобы раскрыть их истин-

ный смысл, тем более что понять его — значит для людей нашего времени отрешиться от своих привычных понятий и усвоить, по возможности, воззрения иной, давно минувшей культурно-исторической эпохи. Вот почему трудно согласиться с мнением Н. А. Максимейка^{1, 2*} о том, что следует «давать только то, что содержали в себе памятники, и толковать добытые результаты самостоятельно, не прибегая к *искусственному* освещению из источника теории и сравнений», что «идти строго индуктивным путем» значит «идти без указки предвзятых мыслей и без помощи аналогий». Едва ли подобное требование выполнимо, да едва ли его выполнение и желательно. «Самостоятельный» путь Н. А. Максимейка, путь личных размышлений над материалом не может быть путем, свободным от предпосылок, так как мысль исследователя не есть *tabula rasa* [чистая доска], а избегать сравнительно-исторического метода — не значит ли относиться с чрезмерным доверием к привычным категориям собственной мысли, вместо того чтобы воспитывать ее на изучении явлений, родственными с изучаемыми не только по конкретным чертам, но и по принадлежности к сродному культурно-историческому складу быта? И едва ли существует более безопасный, в научном смысле, путь к толкованию явлений прошлой жизни, как наблюдение над сходными сочетаниями и взаимоотношениями черт быта, норм права, элементов мировоззрения у различных народов, живших в сходных исторических условиях.

Нельзя, впрочем, отрицать законности опасливого отношения к пользованию историческими аналогиями. Ими часто злоупотребляли, перенося на изучаемое явление черты других, признанных аналогичными. Это нередко искажало выводы, компрометируя и самый метод. Указанная опасность одинаково сильна и при сравнении черт исторической жизни различных народов и при пользовании так называемым методом «переживаний», например, при сравнительном изучении древнего права, с одной, и современного обычного права, с другой стороны: легко, идя этими путями, внести в вырабатываемое представление об изучаемом явлении черты ему чуждые, заимствуя их либо из чужого быта, либо из позднейших эпох, новообразования которых ошибочно приняты за архаизмы. Но все эти оговорки нисколько не умаляют значения сравнительного метода. Избежать возможных ошибок можно не устранением плодотворного метода, а осторожностью в пользовании им.

С другой стороны, разочарование в прежних стройных теориях, вполне законное само по себе, не должно вести к скороспелому разрыву научной традиции. Напротив, выделение из завещанных ими результатов того, что может и должно быть принято, —

¹ Максимейко Н. А. Сеймы литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902. С. II.

А. Прѣсняковъ.

Губернскому вѣдѣтельному
Николаю Петровичу
Ахаришу

отъ автора

КНЯЖОЕ ПРАВО въ древней Руси.

Очерки по исторіи X - XII столѣтій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1909.

Титульный лист книги «Княжое право в древней Руси»

естественный исходный пункт упомянутого необходимого пересмотра вопросов древнерусской истории.

Одним из таких результатов, особенно ценных для целей моих очерков, нельзя не признать понятия «задруги», или «семейной общины», выдвинутого Ф. И. Леонтовичем^{3*} для объяснения древнерусского быта^{4*}. На понятии этом придется несколько остановиться, не потому чтобы представлялась возможность сказать о нем что-либо новое, но потому, что оно, отчасти по вине самого создателя задружной теории, отчасти по другим причинам, обросло в нашей научной литературе некоторыми недоразумениями; их надо устранить, прежде чем формулировать то определение «задруги», которым придется пользоваться в дальнейшем изложении.

Несомненную заслугу Ф. И. Леонтовича составляет привлечение югославянского и западнославянского материала для выяснения основ семейного быта и гражданского права древней Руси. Но мысль его под влиянием этих ценных аналогий направилась в иную сторону — к созданию теории, пытавшейся из найденного «задружного» начала объяснить весь склад древнерусской жизни: «задружный принцип общей думы, единения, уговора» оказался лежащим «в основе вечевых и княжеских отношений» и, таким образом, перенесенный в несвойственную ему сферу не мог не потерять значительную долю не только своего научного значения, но и своего реального содержания, превращаясь в растяжимое и мало определенное начало общинности, под которое подводятся самые разнохарактерные явления. В частности, стремление объяснить из «задруги» происхождение территориальных общин, образовавшихся будто бы простым разрастанием «первичной задруги», привело к неудачному отождествлению с задругой верви Русской Правды^{5*}, поддержанному неточным и произвольным переводом статей Полицкого статута^{6*}, в которых встречается слово «врвь»².

С другой стороны, то же расширение понятия «задруги», давшего столь драгоценный ключ к пониманию процесса как старославянской, так и позднейшей колонизации, в связи с изучением форм дворищного расселения, хозяйства и землевладения, привело у некоторых исследователей к преувеличенному подчеркиванию экономической, трудовой основы старой земледельческой семьи, затушевавшему различие «семейной общины» от позднейших явлений сябровства, складничества, искусственной, договорной семьи и т. п.; кровная связь, лежащая в основе так называемого задружного начала, стала представляться второстепен-

² Леонтович Ф. И. О значении верви по «Русской Правде» и «Полицкому статуту» сравнительно с задругою юго-западных славян // ЖМНП. 1867. № 4. Тут Ф. И. Леонтович отвлеченное понятие — врвь од башине — линия родства по отцу — принял за название землевладельческой общины, заключая из тождества названий о тождестве явлений на Руси и у западных славян.

ной чертой, чуть не случайным элементом старого семейного быта, особенно ввиду социально-экономических аналогий его с иными формами земледельческого быта, так богато развившимися на русской почве^{7*}.

Не эти ли черты историографических судеб понятия задруги объясняют возникшую против него реакцию и отрицание? Пример такого отрицания находим в трудах В. И. Сергеевича^{8*}. Полемика авторитетного историка русского права против введения этого понятия в толкование явлений древнерусского права немногословна. Легко и метко устранив аналогию «задруги» и русской верви³, В. И. Сергеевич замечает: «Южнославянская задруга и сама не древнего происхождения; она не старше XV века», — и поясняет в другом месте⁴: «Такая семейная община весьма позднего происхождения; ее не было еще в XIV веке; с южнославянской задругой случилось то же, что с русской крестьянской общиной: явление новой истории перенесли в седую древность», ссылаясь при этом на работу Пейскера^{5, 9*} и на «заслугу правильной постановки этого вопроса и основательного его решения» Стояна Новаковича^{6, 10*}.

Тут перед нами новое надоразумение, давно выясненное польским и чешским критиками Пейскера⁷. Нельзя не согласиться с отзывом В. И. Сергеевича о превосходном труде Новаковича и тем более не пожалеть, что он взглянул на выводы Новаковича глазами не самого ученого серба, а г. Пейскера, не сумевшего различить «родовой общины» от неразделенной семьи, ни понять терминологию Новаковича, который «сельской задругой» называет то, что мы зовем сельской общиной, нигде не смешивая ее, подобно Пейскеру, с «задругой» в смысле большой семьи, для обозначения которой слово «задруга» стало техническим термином лишь в условном научном употреблении. Настаивая на том, что сербская старина не знала сельской общины, ни тем более сельского общинного землевладения, Новакович указывает, что в древности реальной бытовой единицей была не эта община, а село иного типа — группа «кучь» (огнищ или дымов), считает даже излишним настаивать на «происхождении села из задруги, расширенной семьи и племени», так как это «обстоятельство, которое у нас видно

¹ Сергеевич В. Лекции. С. 247—249.

² Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3. С. 420.

³ Peisker J. Die serbische zadruga // Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. Leipzig; Weimar, 1900. Bd. 7; Idem. Slovo o zadrugu // Narodopisný sborník československý. Praha, 1899. N 4, 5.

⁴ Новакович Ст. Село // Глас. Београд, 1891. Т. 24.

⁵ Balzer O. O zadrudze słowiańskiej // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1899. Roczn. 13. Zesz. 2; Kadlec K. K «słowu o zadrugu» // Narodopisný sborník československý. Praha, 1900. N 6. Ср.: Marković M. Die serbische Hauskommunion (Zadruga) und ihre Bedeutung in der Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig, 1903; и замечание Бруннера^{11*} (Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 105, Anm. 71).

по самым именам» (патронимическим), и не только далек от фантастической мысли, будто семейная задруга возникла в XV в. под влиянием податной системы, но указывает ряд данных относительно существования семейных общин в 7—11 мужчин, тахітит 13—16 в XIV в. В «неразрывную связь» с финансовой системой государства Новакович ставит «устойчивость и развитие» задруг, а никак не их происхождение⁸, тем более что сербский государственный строй в эпоху Законника Душана^{12*} и система властельского крупного владения не только не были благоприятны задруге, но часто открыто действовали против нее по тем же мотивам, по которым и фирман 1766 г. направлен против обычая христиан жить в задруге, избрав одно лицо старейшиной: «потому что этим уменьшаются доходы, которые они платят». Как правительственная податная система, так и феодальные владельцы стремились единицей обложения платежами и повинностями считать не сложную задругу, а индивидуальную семью (инокошину), отдельный двор (кучу), содействуя своим давлением разложению более крупных единиц сельского семейно-общинного быта.

Воззрение, согласно которому исходным пунктом истории гражданского права славянских народов (точнее, вообще народов арийского корня) надо признать семейное право задругного типа, можно назвать прочно установленным⁹. Как бы ни были разнообразны бытовые судьбы славянской семьи в зависимости от тех или иных условий расселения, колонизации и хозяйства, политической и социальной организации; как бы, с другой стороны, ни разрешился в науке сложный и спорный вопрос о происхождении этой семьи из иных доисторических форм племенного быта, существенно отчетливо установить основные черты того семейного обычного права, которое составляет в границах доступного историческому наблюдению прошлого древнейший момент истории славянского права^{13*}. Богишич^{14*} и Кадлец^{15*} исходят в характеристике этого права из отрицания всякого качественного различия, в правовом отношении, между многолюдной семейной общиной и малой семьей, между задругой и инокоштиной, признавая их правовой строй тождественным. Суждение это возникло естественно в противовес часто встречавшемуся смешению боль-

⁸ *Bujak Fr.* Studia nad osadnictwem Małopolski // RAU. Wydz. hist.-filoz. Ser. 2. 1905. T. 22. S. 381—382. Допуская, что Пейскер неудачно ссылается на Новаковича, Буюк полагает, однако, что его попытка вывести южнославянскую задругу из соединения двух-трех семейств в одну податную единицу может содержать верное историческое наблюдение, которое находит поддержку в факте, что подобное явление существовало на Русском Севере в виде «складства», как его толкует В. И. Сергеевич. Но и тяглое происхождение складства не факт и весьма спорная теория. Ср.: *Клочков М. В.* К вопросу о складниках // ЖМНП. 1901. № 11.

⁹ *Kadlec K.* Rodinný nedíl čili zádruha v právu slovanském. Praha, 1898; *Cohn G.* Gemeinderschaft und Hausgenossenschaft // Zeitschrift für vergleichenden Rechtswissenschaft. Stuttgart, 1899. Bd. 13. H. 3.

шой семьи (*rodinný nedil*) и родовой общины (*rodový nedil*) и преувеличению значения количественного состава тех или иных семейных общин¹⁰. Однако трудно принять это мнение без существенных оговорок. Приведу его так, как его резюмирует Кадлец: «Как и в задружной семье, так и при инокошной, отец семьи не владелец семейного имущества. Оно принадлежит всей задруге, всем членам семьи, и отец, живущий в общине с взрослыми сыновьями, не имеет права располагать семейным имуществом без согласия сыновей, и это не только по отношению к распоряжению при жизни, но и по отношению к распоряжению на случай смерти, так что и завещания отец инокоштин не может сделать без согласия сыновей. Так же как в задруге, так и в инокоштинной общине, и может как старейшина быть заменен одним из своих сыновей, если по какой-либо причине не способен исполнять должность старейшины. Так в инокоштинной, как в задруге, сыновья могут, особенно если женились, требовать раздела имущества. По смерти отца настанут в инокоштинной такие же отношения, как в задруге: все остается *in status quo* [в существующем положении], конечно, если братья хотят оставаться нераздельными». В этой характеристике инокоштинной, установленной Богишичем¹¹ на основании современного обычного права южных славян, она действительно сливается с задругой во всех существенных чертах, и Кадлец прав, когда настаивает на тождестве в правовом строе многолюдных задруг с теми малыми задругами, которые Богишич называл инокоштинами. Но, с другой стороны, для Богишича инокоштина, равная индивидуальной семье по составу, противопоставляется вместе с задругой городской семье по правовому строю. Отношение же Кадлеца к этому существенному вопросу для меня не ясно, так как он видит, например, следы задружной общины у словинцев в том, что «еще теперь, под влиянием старых традиций, словинский крестьянин хозяйничает до смерти, хотя бы имел и нескольких сыновей, давно взрослых и далеко более способных вести хозяйство, чем он сам: сыновья у него как бы в услужении». Казалось бы, что тут перед нами строй отношений, резко отличающийся от задружных. Тот же Кадлец указывает, что, по чешскому праву, хотя отчуждение имущества недопустимо без согласия членов нераздельной семейной общины, «но дети не могли препятствовать распоряжениям отца относительно родового

¹⁰ Пейскера, по-видимому, отчасти то и ввело в заблуждение, что Новакович, допуская, что «древнее время больше покровительствовало задружному быту» и что в старину не только малых, но и многолюдных задруг было больше, чем в XIV—XV вв. или позднее, однако, настаивает, что «многолюдные задруги были всегда редки» и что задружный быт вообще развивался «в тесном родственном кругу».

¹¹ *Bogisic V.* D'une forme particulière de la famille rurale chez les serbes et les croates // *Revue de droit international.* Bruxelles; Leipzig, 1884. T. 16.

имения, пока жили нераздельно»¹². Даже относительно правильности характеристики современной сербской крестьянской семьи Богишичем некоторые сомнения выражает Милан Маркович^{13, 17*}, указывая на принцип сербской судебной практики, что между отцом и детьми не может быть задружных отношений, так как между ними нет общности имущества; так и современное швейцарское право, признавая задругу — *Gemeinderschaft*, сохранившуюся в некоторых кантонах, не допускает, чтобы родители с детьми могли составить настоящую общину ввиду неравноправия лиц.

Полное тождество семейно-имущественных отношений в союзе отца и детей, с одной, и более сложных семейно-общинных организаций, с другой стороны, едва ли может быть установлено с достаточным основанием для какого бы то ни было исторического периода. Но и настаивая на их различии, мы не приходим к отрицанию неразрывной внутренней связи между правом индивидуальной семьи и так называемых «семейных общин». Напротив, рассмотрение их характерных черт ведет к признанию их органической и генетической взаимной связи, вскрывая общую им общинную и историческую основу. Она выясняется на анализе, во-первых, отношения семейного права к вопросу об имущественных правах членов семейного союза, о владении, распоряжении и наследовании, и, во-вторых, форм семейной организации.

Вышеприведенная установленная Богишичем сравнительная характеристика инокоштины и задруги легко может привести к представлению, что перед нами в обоих случаях своеобразный вид совладения. Ряд попыток подвести представление об имущественном праве древней семьи — простой и сложной — под современные юридические понятия привел к значительным разногласиям. Одни, как, например, хорватский ученый Спевец^{14, 18*}, видят в задруге общность имения, совладение, так что задругари — участники общих правовых взаимоотношений, субъекты прав на задружное имущество, а не члены какого-либо высшего правового организма без самостоятельного значения юридических лиц. Другие такому определению противопоставляют различие моментов развития семейного союза, подчеркивая, что в древнейший период лицо было в столь сильной зависимости от задруги, что не могло проявлять своих прав как прав сколько-нибудь индивидуальных, так что о каком-либо праве собственности отдельного задругаря как совладельца не может быть и речи: права, вытекающие из собственности на имущество, принадлежали

¹² Ср. ст. 85 Царского Судебника^{16*}: «Кто вотчину продать, и дѣтемъ его и внучатомъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ, и не выкупи ее имъ», тогда как братья или племянники имеют право выкупа, если не были «въ тѣхъ купчихъ въ послушѣхъ». Дети и внучата не имеют права выкупа «по мотивам строгого подчинения их отеческой власти» (*Сергеевич В. Лекции. С. 529*).

¹³ *Marković M. Die serbische Hauskommunion. S. 62—67.*

¹⁴ *Spevec F. J. Pravo bliže rodbine. Zahreb, 1883.*

целому, задруге, а не членам, составляющим ее в каждый данный момент; лишь постепенно, по мере разложения основ старого за-
дружного права, задруга все больше приближается к совладению,
принимая характер корпорации¹⁵. Основанием для этой послед-
ней точки зрения, отрицающей по существу за отношением членов
древнейшего семейного союза к семейному имуществу характер
совладения, служит отсутствие у них первоначально права распо-
ряжения своей долей в общем имуществе, так что самое понятие
о такой доле, которое можно конструировать как так называемую
Anwartschaftsquote [долю в праве на преемство], лишено всякого
реального и юридического бытия¹⁶. Чтобы осмыслить этот тип
имущественного права, Г. Кон применяет к нему понятие герман-
ской «gesamnten Hand», общего, нераздельного владения. И вопрос
этот получает особое значение при свете разногласия относи-
тельно строя древней индивидуальной семьи, и прежде всего отно-
сительно того, можно ли говорить, при таком складе семейно-
имущественных отношений, о каком-либо наследовании.

«Право наследования, — скажем словами М. Ф. Владимир-
ского-Буданова^{17, 19*}, — возникает не из искусственного измыш-
ления, а коренится в совладении лиц, живущих в одном доме
с наследодателем, разделявших вместе труды приобретения иму-
щества и право пользования им». Исследователи задружного
быта единодушно настаивают на первоначальном отсутствии
наследования в задружном имуществе. Смерть главы задруги не
вела к открытию наследства: возникал лишь вопрос о замене усоп-
шего старейшины другим, если только не происходило распада
задруги с разделом, а не наследованием ее имущества. Но дейст-
вительно ли ту же формулу можно применить и к древней
индивидуальной семье? Едва ли. Более правильным представ-
ляется тот ответ на этот вопрос, какой находим у немецких ис-
следователей: Гирке, Кона.

«Исходным пунктом права наследования, — говорит Гир-
ке^{18, 20*}, — была у германцев, как и у всех арийских народов,
семейная община (Hausgenossenschaft)» и затем, указывая отли-
чия германской семьи от римской, особенно в положении главы до-
ма, замечает, что «германское право наследования основано на
представлении о продолжении домашнего союза при отпадении его
главы» и что поэтому при смерти домовладыки не возникают
вполне новые права наследников на семейное имущество, а лишь
расширяются уже существовавшие права членов семейного союза;
но при этом Гирке решительно восстает против применения к иму-
щественному праву союза отца и детей понятия «Gesamnt-

¹⁵ Kadlec K. Rodinný nedíl. S. 126—136.

¹⁶ Cohn G. Op. cit.

¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 481.

¹⁸ Gierke O. Erbrecht und Vicinenrecht im Edikt Chilperichs // Zeitschrift für Rechtsgeschichte. Weimar, 1876. Bd. 12.

hand» [общее владение], настаивая на «Einhand» [единое владение] отца и на том, что с его смертью возникает «действительное наследование» (отчина); что же касается до общего владения (Gesammthand), то оно возникает лишь при ведении совместного и нераздельного хозяйства сонаследниками, причем смерть одного из них не создает наследства, а доля его остается в обладании семейной общины, из которой один член выбыл: происходит не наследование, а «консолидация» владения. Таким образом, если признать, что отец при жизни был единым субъектом владения имуществом, хотя бы как «представитель дома», а не индивидуально (такую оговорку делает Гирке), если признать его «Einhand», то нельзя говорить о простом «расширении» имущественных прав членов семейного союза при смерти отца; возникает наследство, хотя бы и нераздельное, возникает общее владение, новое право, новый тип обычноправовых соотношений. Этот «новый тип» и есть основное и характерное для древнеславянского права явление, отмеченное в его терминологии словами братство, *skladna bráća*, род, *nedíl, nedílní bratři*, unio, *fratři indivisi*, *bracia niedzielni* и т. д.). Отсутствие права распоряжения своей долей — идеальной или реальной, все равно, так как до раздела нет ни того ни другого понятия, — мешает приравнять данное взаимоотношение сонаследников их совладению, от которого следует отличать общее нераздельное владение¹⁹. Высказывавшее в печати²⁰ требование, чтобы историки проводили различие между понятиями неразделенной семьи и собственно задруги, вызвало со стороны проф. Бальцера^{21, 21*} замечание, что нераздельная семья (*rodzinny niedzil*) отличается принципиально от задруги — все равно, большой или малой (инокоштины Богишича?) — тем, что замкнута в кругу семейного родства в строгом смысле этого слова. Но ведь и для задруги — в том широком смысле, в каком термин этот употребляется в научной литературе — нельзя считать характерным участие в ней чужаков или хотя бы свойственников. Помимо того что у южных славян задруги, составленные чужаками искусственно, редки и неустойчивы, прием в состав задружного союза чужих по крови либо ставит их в положение неполноправное, либо санкционируется адаптацией, делая их приемышами (*domazetovići*). Что же касается нераздельных семей, разросшихся и усложненных сожительств-

¹⁹ Любопытны и ценны указания Кона, что понятие «общей собственности», сохраненное в первой, выработанной Блунчли, редакции Цюрихского гражданского уложения, удалено было из второй редакции того же уложения (Шнейдера), потому-де, что понятие это отвергнуто наукой и излишне рядом с понятием «совладение» (*Miteigentum*); далее Кон указывает, что понятие «*Gesamteigentum*», «*gesammte Hand*» вновь получило признание в некоторых отделах германского гражданского права и законодательства.

²⁰ В статье, подписанной: *Towarzysz broni. Metodyka badań starożytnych* // *Ateneum*. Warszawa. 1900. T. 2.

²¹ *Balzer O. Historia porównawcza praw słowiańskich*. Lwów, 1900. S. 44.

вом ряда поколений и семей, как и введением в их состав свойственников (зятьев, принятых в дом), то между таким союзом и элементарной формой нераздельной семьи различие явно лишь количественное, а не качественное, не меняющее существа правовых отношений. Более сложные по составу семейные общины (задружи) вырастают из нераздельной семьи в зависимости от тех или иных экономических, социальных и культурно-исторических условий, поддерживающих тенденцию к жизни и хозяйству вкупе, в более или менее людных селах, кучах, дворищах. Но правовая основа их остается той же, что и в их ячейке — простой нераздельной семье братьев-сонаследников (точнее было бы сказать единонаследников, если бы это слово не употреблялось в ином значении). Поэтому, быть может, лучше избегать термина «задруга» — пока речь идет об обычноправовых отношениях — и говорить о нераздельной семье как основном явлении древнего славянского быта и права, различая два момента в ее бытии: семью отцовскую, патриархальную и семью братскую с их, особенно последней, в правовом отношении несущественными осложнениями в личном составе.

Наиболее существенным явлением быта нераздельной семьи надо признать общее владение имуществом и общее хозяйство. И то и другое первоначально в самом полном смысле слова. Жить нераздельно — значит жить на едином хлебе. И законодательства, которым приходилось считаться с явлениями, вытекавшими из древнего склада семейного быта, стремятся признавать правовой единицей семейный союз только при полной общности в имуществе и хозяйстве. Так, например, «Законник Стефана Душана» приравнивает «братеньцев» или отца с сыновьями, хотя и держащихся «у единой коуке», но разделенных «хлебом и именем», — выделенным малым семьям (по отношению к повинностям); так, Винодольский закон^{22*} допускает родных к свидетельству друг про друга только «ако стое всак по себи и раздилени ест мею собом», считая препятствием к свидетельству не родство, а сожительство в одном хозяйстве²².

²² Законник Стефана Душана цара српског. 1349 и 1354 / Изд. Ст. Новаковић. Београд, 1870. Ст. 49. Ср. ст. 197, устранившую ответственность за преступника его родственников, если они «су одельнии. . . оу своихъ коукяхъ».

Закон Винодольский, ст. 67 (Закон Винодольский. . . Труд В. В. Ягича. СПб., 1880. С. 90—91). О той же предпосылке относительно нераздельной семьи в современном швейцарском и старом французском праве см.: *Cohn G. Gemeinschaft*: кодификатор цюрихского гражданского права полагал, что общее хозяйство если и не обязательно для нее, то «почти необходимо, чтобы была достигнута цель закона»; средневековое французское право первоначально считало необходимым условием для существования «frèrage», «communauté», «compagnie», «même pain, sel et conduite» [«братство», «община», «товарищество», «один хлеб, соль и образ жизни»], житье «à frais commun, à commune bourse et dépense» [«по общим расходам, из общей казны и расхода»], легальное признание «des communautés à deux ménages et à deux pains distincts» [«общины в два хозяйства и два различных хлеба»] — уже вторичное

Что касается владения общим имуществом, то оно охватывает одинаково и движимое и недвижимое имение, право распоряжения которым принадлежит в братской или более сложной семье всей совокупности ее членов, а не старейшине. Наблюдаемые Богишичем явления, заставившие его признать то же правило и для союза отца с детьми, не могут быть истолкованы как исконная черта общего значения: скорее тут сказалось влияние на инокоштиную более сложных форм семейного быта²³. Но для сложной семьи единство владения и распоряжения несомненно, так что для законности сделки на отчуждение требовалось — например, в чешском праве — письменное согласие всех братьев или стрьев, кто «владеет нераздельно», без представительства старейшины за других; точно так же и иск, обращенный на семейное имущество, можно — по чешскому праву — предъявлять либо к отцу, так как дети, хотя бы и взрослые, самостоятельно при нем не отвечают, либо, при сложной семье, ко всем ее правоспособным членам сразу, так что незаконен иск, предъявленный к старшему брату без упоминания о младших, или ко всем нераздельным братьям без упоминания живущего нераздельно с ними стрья.

Наконец, яркий свет на строй нераздельной семьи проливают условия ее ликвидации — раздела. Полный раздел надо, конечно, отличать от выдела (добровольно или за кару) и частичного (раздел «хлеба и имения» при сохранении единства организации и жительства; раздел усадеб или усадеб и пашен при сохранении земель или одних угодий в общем владении). Нельзя, думаю, не согласиться с Кадлецем, что первоначально «задружное» право знало лишь выключение отдельного члена из задруги за кару или

явление. Бомануар^{23*} (*Les coutumes de Beauvoisis* — цитата у Кона) подчеркивает правообразующую силу совместного хозяйства, говоря, что «*campagnie*» создается «*par seulement manoir ensemble à un pain et à un pot un an et un jour, puisque les meubles de l'un et de l'autre sont mêlé ensemble*» [товарищество создается «только совместным поселением с одним хлебом и с одним горшком в течение одного года и одного дня, потому что движимое имущество одного и другого смешиваются вместе»], так что бедняк, принятый в дом, может таким путем получить право на часть в общем имуществе.

²³ Ср.: Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. I. С. 62; «Большак есть полный распорядитель над деньгами и имуществом двора в известных пределах, обусловливаемых обычаем и миром: он не может совершенно произвольно растрачивать общее имущество, между прочим, потому, что если он употребит во зло свою власть, мир остановит его по жалобе прочих членов». Опекa мира над расточителем-большаком не что иное, чем ограничение его воли согласием членов семьи. Богишич и сам, по-видимому, склонялся к признанию особенностей своей инокоштины результатом влияния навыков задружного быта; по крайней мере, вопрос о взаимоотношении инокоштины и задруги он ставил так: «...l'organisation de l'une a-t-elle eu de l'influence sur celle de l'autre, en lui communiquant sa nature, et laquelle des deux familles a exercé cette action?» [«организация одной имела ли влияние на организацию другой, передавая ей свою природу, и которая из двух семей осуществила это воздействие?»] — и обещал посвятить этой теме особое исследование (*Bogisic V. D'une forme particulière*. P. 403).

отречение его от нее, без права для задругаря требовать, чтобы ему была выделена часть из общего имущества. Но фактически обосновать это мнение на основании имеющихся данных довольно трудно, по крайней мере не выходя за грань славянского материала. Выдел же отдельного лица по добровольному соглашению характерен лишь в том отношении, что тем самым разрывается всякая его правовая связь с оставшейся в нераздельном дворище семьей²⁴. Что касается различных форм частичного раздела, то, как ни важен он для истории землевладения, не буду на нем останавливаться, как не имеющем отношения к ближайшим целям моего изложения. Зато полный раздел представляет значительный интерес. Характерно, прежде сего, довольно большое разнообразие условий, на каких он происходит. При разделе обычно различают наследственное имущество (недвижимое: отчину, дедину, старую баштину) от новоприобретенного (при жизни делящих). Последнее обыкновенно делится поголовно, но с некоторой надбавкой в пользу старшего поколения (как дольше участвовавшего в работе: «да сваки труд свою плацу приме», как поясняет Полицкий статут); поголовно делится и движимое имущество. Что касается вотчины, то относительно нее редок поголовный раздел; преобладает деление по коленам или линиям от общего предка, дележ поровну, но не между всеми наличными членами семьи, а либо между членами старшего их поколения, покрывающими, так сказать, своих нисходящих, либо по предкам — дедам, прадедам наличных участников, т. е. по первым нераздельным братьям, сонаследникам первого отца, основателя данной разросшейся нераздельной семьи. Этот преобладающий обычай любопытен потому, что, казалось бы, наглядно подтверждает две высказанные выше мысли: 1) что сложные нераздельные семьи происходят от братской семьи сонаследников; 2) что древнее семейное право не знало полноправия взрослых сыновей при отце в составе инокоштины. Иногда, при всех формах раздела, последний старейшина получает некоторый лишек (старейшинство, изврштина; «на старейший путь», — сказали бы на Руси).

Выдел и раздел ведут к образованию новых единиц, которых названия разнообразны: инокоштина, особеньяк, дел, одилиена куча и т. д. Раздел окончательно разрушает семейный союз,

²⁴ И. Хубе приводил [*Hube J. Geschichtliche Darstellung der Erbfolge-rechte der Slaven... zum Druck befördert und mit einem Nachtrag Vermacht von Romuald Hube*²⁴. Posen, 1836. Цитата у Кадлеца: *Kadlec K. Rodinný nedil. S. 109*] следующий характерный пример из польской старины: один из четырех братьев, по-видимому старший, выделился от трех остальных с $\frac{1}{4}$ имения; потом двое умерло, и четвертый стал владельцем всех оставшихся нераздельными $\frac{3}{4}$ -й. «Haec est ratio, — поясняет цитируемый документ, — qua re idem Gneuco Wooda possedit tres portiones hereditatis praedictae et Supzi (старший) tummodo quartam partem» [«Подсчет таков, что этот Гневко Вода владеет тремя частями ранее названного наследства, тогда как Супзи, таким образом, — четвертой частью»].

если, конечно, раздел полный. Подобно тому как выдел отдельного члена окончательно разрывал его правовую связь с прежней семьей, так и полный раздел устраняет такую связь между вновь возникшими единицами. Выраставшее из принадлежности к нераздельной семье право на часть ее имущества при наследовании или разделе не могло повести к возникновению права на наследование имущества, оставшегося по смерти раздельно живших и ведших свое обособленное хозяйство родственников. «Никогда, — замечает по этому поводу Кадлец, — в древнейший период наследство не переходило к выделенным сыновьям или братьям наследодателя, но становилось выморочным».

Остается сделать несколько замечаний относительно форм семейной организации. Ее основная черта — в значении и положении главы нераздельной семьи, называемого старейшиной, старостой, домачином, главарем, господарем, большаком, газдой и т. п. И в этом вопросе необходимо провести упомянутое выше различие между отцовской (дедовской) семьей и нераздельной семьей более сложного состава. Тот первичный и основной тип семейного союза, хотя бы и количественно разросшегося, о котором Кадлец замечает: «... первоначально и пока задруга была не слишком велика, старейшиной бывал, конечно, предок всех членов задруги. . . ; еще и теперь, где задруга ограничивается меньшим числом членов, домачином обычно бывает отец или дед», — не мог не заключать в своем строе некоторых существенных отличий сравнительно с союзом без «прирожденного старосты». Выше были приведены указания на признание за таким «старостой» более широких прав по распоряжению семейным имуществом, чем обычно отводится на его долю в характеристиках «задружного» быта. Полагаю, далее, необходимым придать общее значение заключению Бальцера относительно преувеличенности — по отношению к польскому праву — мнения, что оно вовсе не допускало завещания: «Мнение это справедливо, поскольку касается передачи наследства по завещанию лицам, не связанным с наследодателем узами крови; зато в круге родни свобода завещательных распоряжений шла уже очень далеко в старом нашем праве, как естественное следствие власти родового старосты»²⁵. Это замечание проф. Бальцера полную силу получает, если не терять из виду, что материал его наблюдений в польской старине касается нераздельной семьи сравнительно очень узкого родственного состава и что право «завещательных распоряжений», вытекающее из «власти родового старосты», обосновано им²⁶ именно по отношению к «прирожденным старостам». Собственно речь тут идет о завещательном распоряжении (*testamentie*) особого типа, обоз-

²⁵ Balzer O. O zadrudze słowiańskiej. S. 7.

²⁶ Balzer O. O następstwie tronu w Polsce // RAU. Wydz. hist.-filoz. Ser. 2. 1897. T. 11.

начаемого в древнерусском праве термином «ряд». «Содержание этого распоряжения не есть назначение наследника (в чем заключается вся сущность римского тестаментa), а лишь разделение имущества между готовыми (законными) наследниками»²⁷. Не вижу никаких оснований для признания нормы Русской Правды: «Аже кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтемъ на томъ же стояти» (ст. 121 III ред. по изд. В. И. Сергеевича)^{25*} позднейшей, тем более что правило ст. 130: «А дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови» хорошо освещается южнославянским обычным правом, по которому, если раздел производится *при жизни родителей*, родной дом достается обыкновенно младшему сыну, при котором старики и доживают свой век. Следует, по-видимому, признать, что в руках «прирожденного старосты» была значительная власть в деле выдела и раздела между детьми — в форме «ряда», устанавливаемого им и осуществляемого либо при его жизни, либо по смерти. Мало того, славянское обычное право знает и случаи назначения (точнее, номинации или десигнации) «прирожденным старостой» преемника при переходе патриархальной семьи в сложную нераздельную братскую семью, причем обычно этому назначению предшествует замещение намеченным преемником престарелого главы в функциях старейшинства.

Как было упомянуто, при смерти главы семьи первоначально, если не происходит раздела, вся отчина переходит нераздельно ко всем детям²⁸. Сохраняя нераздельность, братская семья сохраняет и организацию, во главе которой стоит старейшина. Такая нераздельность владения, хозяйства и организации может сохраняться при благоприятных условиях в течение ряда поколений. В сложной нераздельной семье единство владения не оставляет места для возникновения наследования. Со смертью данного старейшины на очередь ставится вопрос лишь о преемстве во власти главы данного союза. И решается он в обычном праве крайне разнообразно. Точнее, быть может, было бы сказать, что славянское обычное право не выработало сколько-нибудь общей нормы в этом отношении, допуская различные варианты на практике. Кроме номинации предшественником встречается и естественный переход старейшинства к наиболее влиятельному, и узурпация, и избрание членами нераздельной семьи. Часто домачином становится старший из сыновей умершего отца или старший из братьев предыдущего старейшины; но возможно и признание старейшинства за младшим, как более способным и влиятельным. Предпочтение старших по возрасту независимо от их генеалогического положения естественно ввиду большого их авторитета и опытности. Наконец, нередки явления избрания, ничем кроме

²⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 475—476.

²⁸ Ср.: Русская Правда / Изд. В. Сергеевич. III ред., ст. 122: «...лаки ли безъ ряду умереть, то всѣмъ (вариант: «все») дѣтемъ».

личного мнения, по-видимому, не обусловленного. Кое-где у южных славян, где задружный быт развился сложнее, наблюдается допущение к старейшинству провизорно, в виде опыта — на 1—2 года, даже на 40 дней, пока не выяснится, кто более подходящий. Возможно, несмотря на поговорку «Где жена кучи кучу, ту нема ни кучи, ни кучища», избрание женщины на старейшинство. Собранный исследователями обширный сравнительно-исторический материал ведет к заключению, что в общеправовом сознании славянства не установилось твердых представлений о каком-либо правильном порядке перехода старейшинства, раз оно не приращенное патриархальное, от одного лица к другому²⁹.

Многообразно значение изучений древнего славянского семейного права для исторической науки. Не говоря об их общеисторическом значении, ввиду тождества основ этого права с теми, на каких вырос гражданский быт других арийских народов, они дают, в связи с особенностями расселения и хозяйства славянских народов, ключ к пониманию истории их землевладения; в них же надо искать исходных положений истории народ-

²⁹ Проф. О. Бальцер (*Historia porównawcza praw słowiańskich*. S. 44—45) ставит этот вопрос иначе, резюмируя следующим образом результаты, добытые «описательным методом»: «В нынешней южнославянской задруге родовой староста получает власть путем выбора членов рода, а кое-где путем номинации предшественником; у словаков без избрания или номинации получает это звание старший в роде; в русской «большой семье» (задруге) оно редко переходит на старшего в роде, обычно остается старшему сыну предшественника. Власть родовой старосты у южных славян в высокой степени ограничена, так что без позволения членов рода не может он предпринять ничего важного; в русской «большой семье» она деспотична. В самом южном славянстве задруга решает свои дела где большинством голосов, где только единогласием. Примеров таких противоречий можно бы набрать и больше. Приведенных достаточно: мы должны в конце концов спросить, получали ли в первичной славянской задруге старосты власть по выбору или по старшинству возраста, или по близости родства с предшественником; была ли эта власть ограниченной или же повелительной; наконец, каким способом постановлялись в родах решения. Если вообще существовало какое-либо первобытное славянское право, то не могли существовать рядом все эти противоречивые принципы, а только один, в лучшем случае один по другому. Однако, как было в действительности, этого доселе не только не разъяснено, но даже и вопрос не поднимался». Дело в том, что перед проф. Бальцером носится как идеальная цель сравнительного изучения славянского права восстановление «истории первичного подлинного славянского права», поэтому его не удовлетворяет «история развития определенных понятий и учреждений, общих всему славянскому миру, в каждом из выделившихся и обособившихся уже народных прав»; от сравнительно-исторического изучения он требует выяснения «праславянского ядра» каждого изучаемого учреждения, того, что в нем «действительно славянского, а не только чешского, польского, русского или сербского». Сомневаюсь, чтобы постановка таких задач не была иллюзорной. Сравнительное изучение древнего права славянских народов с правом других народов арийского корня не ведет ли к тому, что элементарное ядро «праславянского» права отождествится с «alt-arisches jus civile» [«древнеарийское гражданское право»] или «alt-arisches jus gentium» [«древнеарийское международное право»] в духе Лейста^{26*}? Можно ли доказать и даже допустить, что доисторический быт славянства, определившегося в своей культурно-этнографической характеристике, создал единое право?

ного гражданского права славянского. Но в настоящем изложении на очереди вопрос об отражении этого права в политическом быту славянских народов древнего периода их истории. И прежде чем перейти к рассмотрению с этой точки зрения характерных черт княжого владения и междукняжеских отношений в древней Руси, отмечу, что для западнославянской исторической литературы мысль о повторении в отношениях славянских князей, не исключая и русских, к волости-княжению обычноправовых отношений частных лиц к владеемой ими земле представляется общепринятой; в организации и внутренних отношениях княжеских династий у чехов и поляков, как и у южных славян, исследователи видят черты того же семейного права, какое господствовало в народном быту³⁰. А у нас, в русской исторической литературе, установленное было «теорией родового быта» единство в представлении обычноправового уклада общественного быта, с одной, и порядков княжого владения, с другой стороны, рушилось с падением этой теории в ее целом, оставив лишь обломки прежних обобщений в литературной традиции. Но эти обломки, или пережитки, сохранили и сохраняют свое влияние в учении о древнерусских междукняжеских отношениях, как оно излагается и доселе в трудах общего характера.

Так, в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского^{28*} находим теорию о «лествином восхождении» князей с одного стола княжого на другой. «Ярославици, — читаем тут, — не делили достояния отцов и дедов на постоянные доли и не передавали доставшейся каждому доли своим сыновьям по завещанию. Они были подвижными владельцами, которые передвигались из волости в волость по известной очереди. Очередь эта определялась старшинством лиц и устанавливала постоянно колебавшееся, изменчивое соотношение наличного числа князей с количеством княжеских волостей или владений. Все наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лестницу. Точно так же вся Русская земля представляла лестницу областей по степени их значения и доходности. Порядок княжеского владения основывался на точном соответствии ступеней обеих этих лестниц, генеалогической и территориальной, лестницы лиц и лестницы областей». Насколько подобное представление соответствует историческим данным, увидим ниже. Теперь только отмечу, что, унаследованное от теории родового быта, оно получает совсем новое содержание в изложении В. О. Ключевского, так как он уже не может объяснить происхождения родового порядка княжеского владения «влиянием частного туземного быта на политический строй земли»,

³⁰ Ср.: Balzer O. O następstwie tronu w Polsce. Ср. замечания Кадлеца («Rodinný pedil»); ср. очерк владельческих отношений винодольских князей, приложенный Ягичем к изданию Винодольского закона (Закон Винодольский... Труд В. В. Ягича. С. 108—126)^{27*}, и т. д.

по крайней мере без «некоторой оговорки», именно, что «родовые понятия и отношения у туземцев находились уже в состоянии разрушения, когда князья начали устроить их». Не пробует В. О. Ключевский объяснить родовой порядок и как пережиток разрушающихся родовых понятий: «... родовыми отношениями не объясняется самый порядок княжеского владения по очереди старшинства с владельческой передвижкой князей: подобного передвижного порядка не видим в тогдашнем частном быту русских славян»³¹. Остается искать объяснения в «исключительном положении династий» и рассматривать очередной порядок как крайне своеобразное небывалое явление. «Если я не ошибаюсь, — замечает проф. Ключевский, — нигде более в истории мы не имеем возможности наблюдать столь своеобразный политический порядок». И полагая, что оно наблюдается в древней Руси, проф. Ключевский строит весьма сложное объяснение изучаемого явления, в котором отмечу только еще одну черту, также характерную, как след влияния теории родового быта. Разумею аналогию между княжескими отношениями древней Руси и позднейшим московским местничеством. Естественная у И. Е. Забелина, полагавшего местнические понятия в основу всей характеристики древнерусского общественного и политического быта^{29*}, она служит В. О. Ключевскому не только для освещения известия «Сказания о Борисе и Глебе» мниха Иакова, что «Ярослав оставил наследниками и преемниками своего престола не всех пятерых своих сыновей, а только троих старших»³², но прежде всего для конструкции, вслед за С. М. Соловьевым^{30*}, древнейшего понятия «отчины» и связанного с ним «изгойства»: «отчина имела первоначально генеалогическое значение: под этим словом разумелось место среди родичей на лестнице старшинства, доставшееся отцу по его рождению и им переданное детям». При свете этого понятия поясняется, что такое изгой, этот «генеалогический недоросль», у которого отец умер раньше деда, не оставив ему «въ передовой цѣпи отецкаго мѣста»: князь-изгой, «не имея генеалогической отчины, лишался права и на территориальную, т. е. терял участие в очередном владельческом порядке, как не попавший

³¹ Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 208—211. В последней цитате слово «тогдашнем» — лишнее, так как не может же оно означить намек на «прежний» быт, будто содержащий подобную черту?

³² «Это, — поясняет В. О. Ключевский, — известная норма родовых отношений, ставшая потом одной из основ местничества. По этой норме в сложной семье... первое властное поколение состоит только из трех старших братьев, а остальные, младшие братья, отодвигаются во второе подвластное поколение, приравниваются к племянникам: по местническому счету старший племянник четвертому дяде в версту» (Там же. С. 205). Единичный факт «властности» трех Ярославичей, причем по изгнании Изяслава «властное поколение» состоит из двух братьев, Святослава и Всеволода, как и по смерти Святослава — из Изяслава и Всеволода, возведен тут в норму; но и, кроме того, разве местническое правило указывает на различие «властных» и «подвластных» поколений?

в очередь». Свое понятие «генеалогической отчины», унаследованное от родовой теории, В. О. Ключевский называет «чисто математическим»; оно действительно столь отвлеченно, что едва ли могло бы быть усвоено конкретным мышлением древнерусского князя. Оно необходимо патриарху современной русской исторической науки для того, чтобы сохранить традиционное представление о порядке княжого владения в древней Руси в новой редакции, оторвавшей его от реальной почвы древнерусского общественного быта и народного обычного права. В этой редакции учение о древнерусских междукняжеских отношениях придало своему объекту весьма искусственный и сложный характер. Естественно возникает вопрос, где причины этой усложненности и искусственности: в особенностях ли древнерусского княжого быта или в свойствах конструирующей их объяснение теории?

В основе древнерусского княжого владения, по В. О. Ключевскому, лежит «нераздельность отчего и дедовского достояния князей»; в очередном порядке выражалась «мысль о нераздельности княжеского владения Русской земли: Ярославичи владели ею, не разделяясь, а переделяясь, чередуясь по старшинству». Но в чем состояло «достояние» князей, которым они владели по такому своеобразному порядку, который одновременно подходит под понятия передела и чередования? В. О. Ключевский определяет его то как «верховную власть», собирательную, принадлежащую всему княжескому роду, то как «русскую землю», частями которой отдельные князья временно владели. Согласовать оба указываемые «основания порядка» трудно, так как, по мнению В. О. Ключевского, с одной стороны, «понятия о князе, как территориальном владельце, хозяине какой-либо части Русской земли, имеющем постоянные связи с владеемой территорией, еще не заметно», а, с другой, несомненно, что князья владели не частью в отвлеченной «верховой власти», а вполне реальными волостями, частями земли русской.

К тому же время до Ярослава остается вне этой концепции. «Довольно трудно, — читаем у В. О. Ключевского, — сказать, какой порядок княжеского владения существовал на Руси при предшественниках Ярослава и даже существовал ли какой-либо определенный порядок». Для этого периода В. О. Ключевский устанавливает два наблюдения. Во-первых, «при отце сыновья правили областями в качестве его посадников (наместников) и платили как посадники дань со своих областей великому князю-отцу»; во-вторых, «когда умирал отец, тогда, по-видимому, разрывались все политические связи между его сыновьями... между отцом и детьми действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права»³³. И между этим моментом и следую-

³³ Там же. С. 201.

щим, для которого развернута картина «очередного» порядка, не установлено никакой исторической связи, тем более что отношение В. О. Ключевского к завещанию Ярослава нерешительно: то он считает его «отечески задушевым, но очень скудным политическим содержанием», то с помощью комментария к нему из Иакова Мниха и одного позднейшего места летописи (о смерти Всеволода, под 1093 г.) находит, что «Ярослав отчетливо представлял себе порядок, какому после него будут следовать его сыновья в занятии киевского стола»^{31*}.

Потеряв свою первоначальную стройность, родовая теория в редакции В. О. Ключевского страдает внутренней несогласованностью, перестает быть цельной «теорией», ставя тем самым на очередь задачу пересмотра фактических данных относительно древнерусского княжеского владения и их обобщения заново, независимо от тех или иных пережитков старого воззрения, которого сила и слабость была именно в последовательно проведенной мысли о строго определенном строе всего древнего быта.

Соперницы родовой теории — общинная и задружная — не выставили сколько-нибудь разработанных учений о порядках древнерусского княжого владения и прошли бесследно для этого вопроса³⁴. И рядом с изложением В. О. Ключевского стоит, собственно, одно учение В. И. Сергеевича о господстве в междукняжеских отношениях древней Руси «договорного начала» и об отсутствии в ней какого-либо определенного преемства столов, распределявшихся между князьями под влиянием весьма разнообразных начал: народного избрания, распоряжения князя-предшественника, начал отчины и старейшинства. Догматичность системы изложения В. И. Сергеевича, посвященного описанию действовавших в изучаемом обширном периоде «начал», кои иллюстрируются примерами за время с X по XV в., объясняет нам, как «Исторические очерки» 1867 г. обратились в отдел «Юридических древностей»^{32*}. Такая система изложения, не устанавливая и не сохраняя исторической перспективы, сама по себе делает необходимым пересмотр выводов В. И. Сергеевича путем исторического изучения. Тем более что эта система, несомненно, повлияла на них, создавая иллюзию, что раз сложившиеся нормы отношений удерживаются в той же силе с XI—XII вв. до XV и XVI вв., что XV в. повторяет зады XII в., что под тождественной словесной

³⁴ Ф. И. Леонтович в статье «Задружно-общинный характер политического быта древней России» (ЖМНП. 1874. № 7. С. 142—143) высказал мысль, что «княжеские роды и династии организуются по тем же началам, как и простые задруги», но, увлекшись возведением «задружных начал» в роль конструктивного принципа всего древнерусского политического быта, а не междукняжеских только отношений, пришел к фантастическому представлению, что «княжеский род был задругой, общей для всего народа, для всех волостей», увидел их появление и в княжеских договорах, и в вечевом избрании князя, чем лишил свою мысль, плодотворную в иной постановке, всякого реального значения.

формулой документов в разные исторические эпохи мыслилось тождественное содержание. Упомянутая система изложения (и изучения) лишила В. И. Сергеевича возможности придать надлежащее значение вопросу, ясно поставленному на одной из страниц его труда. «Договоры, — читаем тут, — определяют взаимные права и обязанности владетельных князей. Возникает вопрос, какого происхождения эти права и обязанности, представляет ли договор способ первоначального их возникновения, или эти права и обязанности существовали и до договора в силу обычая, но были нарушены, стали предметом спора и получили в договоре лишь новое подтверждение? Надо думать, что значительная часть содержания договоров имеет бытовую основу; не все в них возникло благодаря одному голому соглашению. Князья жили и действовали в готовой уже среде; определяя свои отношения договорами, они должны были вносить в них и то, что в этой среде считалось уже правдой»³⁵. Разрешение, по мере возможности, вопроса, «что возникло вновь из соглашения и что имеет в своем основании бытовую подкладку», а также, что нового вносила жизнь в смысл повторявшихся иной раз из века в век формул, возможно лишь на иных путях исследования, чем избранные В. И. Сергеевичем.

Sit venia [пусть будет снисхождение] высказанным выше замечаниям. Их цель только обосновать мнение, что основные вопросы древнерусской истории действительно требуют пересмотра. И оно останется верным, как бы неудачной ни оказалась попытка приступить к этой задаче в настоящих «Очерках».

II. БОРЬБА ЗА ЕДИНОВЛАСТИЕ

История возникновения княжого владения русской землей едва ли может быть восстановлена с достаточной полнотой и основательностью. Древние предания, сбитые и переплетенные в составе старейших летописных сводов, дошли до нас в отрывочной и часто ненадежной письменной традиции. Но пренебрегать ими не приходится, и попытка извлечь из них некоторые черты для характеристики, хотя бы с постоянной *reservatione mentali* [мысленной оговоркой], положения дел на Руси в древнейший период представляется законной. Для этой цели обратимся прежде всего к договорам с греками.

«И заповѣда Олегъ, — читаем в Лавр. летописи под 907 г., — дати воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключь, и потомъ даяти уклады на Рускыя грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, на Переяславль, на Полтъскъ, на Ростовъ, на Любечъ и на прочаа городы, по тѣмъ бо городомъ сядяху велиции князи, подѣ

³⁵ Сергеевич В. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1900. Т. 2. С. 129.

Олгомъ суще». В начале договора 912 г. читаем о послых «отъ рода Рускаго», «иже послани отъ Олга, великого князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ боярь». Трудно точнее определить или угадать, что это за «великие князи», сидящие по городам под рукою киевского князя, но нет никаких оснований предполагать в них членов одного рода³⁶. Скорее вспомнишь в связи с ними Рогволода полоцкого и туровского Туры, представляя их себе самостоятельными варяжскими предводителями, группировавшимися для общих предприятий и укрепления своего положения в среде восточного славянства по мере надобности вокруг общего вождя и связанными с ним то более, то менее прочными связями. Несколько иные впечатления дает текст Игорева договора. Тут в перечне послов идут после Ивора, «сла» Игорева, великого князя русского, «объици сли: Вуефастъ Святославль, сынъ Игоревъ; Искусеви, Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Ульбъ Володиславль; Каницаръ Передьславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Ульблъ; Прасътнъ Туръдуви; Либи Аръфастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастнъ Акунъ, нети Игоревъ» и далее еще 14 имен послов с указанием, чьи они. Если предположить, а предположение такое представляется естественным, что послы перечислены в порядке положения лиц, их отправлявших, то два обстоятельства — женские имена в первом, так сказать, ряду перечня, и имя Якуна, Игорева племянника, на десятом месте — наведут на мысль, что в этом договоре находим указание на целую группу княжого рода. Может быть, было бы слишком смело прямо внести все 10 имен в список членов Рюрикова рода, с одной стороны, потому, что в том числе могут оказаться и важные лица не Рюриковой крови³⁷, с другой — потому, что остановка на Якуне и отнесение остальных имен к иной группе может быть и случайна. Но верным представляется одно, что во времена Игоря княжой дом состоял уже из нескольких лиц, причем поименованы два племянника. Послы и гости посланы «отъ Игоря, великого князя Рускаго, и отъ всякая княжья и отъ всѣхъ людии Руския земля». Причислить ли членов княжого дома к светлым князьям, сидящим по городам русским, уже во времена Игоря? Едва ли это было бы основательно. В летописном изложении выделение Рюрикова рода из общей массы «всякаго княжья» как рода владельческого выступает постепенно, начиная со времен Святослава, и, насколько можно судить по скудным намекам старых преданий, отразившихся в наших летописных сводах, не без борьбы

³⁶ В. Е. Данилевич в «Очерках истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» (Киев, 1896. С. 57) хочет видеть в них местных, туземных князей, отличных от тех «мужей», каких сажал Олег по городам; но их варяжские имена приведены в договоре Игоря.

³⁷ Напомним имя Свенелда в Святославовом договоре.

завоевал этот род для себя монополию на княжое звание и княжое владение.

В древнейшее — Игорево — время семья княжая сидит, по-видимому, нераздельно в Киеве, «на едином хлебе», как сидели в старину чешские и польские княжие семьи³⁸. В непосредственном обладании киевского княжого рода мы для древнейших времен имеем основание представлять себе кроме Киева только Новгород³⁹. По городам сидят княжие мужи — светлые князья, а примученные и обложенные данью племена остаются под управлением собственных князей. Первое заметное расширение этого непосредственного владения составила Деревская земля. Но историческая основа этого факта трудно восстанавливаема. Повесть временных лет представляет дело так, что покори́л древлян под дань еще Олег, но они «затворилися отъ Игоря по Ольговѣ смерти»; Игорь, победив их, обложил данью больше Ольговой^{34*}. Начальный свод^{35*}, насколько он сохранился в Новгородской I, не отделяя деятельности Олега от Игоревой, упоминает о том, как деревская дань отдана Свенелду, что вызвало недовольство Игоревой дружины и в итоге темную историю Игоревой гибели. Рассказ предания о мести Ольги за мужа кончается известием, что она возложила на древлян тяжелую дань, две части которой шли Киеву, а третья Вышгороду к Ольге, «бѣ бо Вышегородѣ градъ Ользинъ», и обошла затем Ольга Деревскую землю, уставляя уставы и уроки, оставив по себе становища и ловища^{36*}. Все эти предания о замене власти отдельных князей земли деревской непосредственной властью киевской переплелись с преданиями о Свенелде и его сыне, столкнувшимся на древлянской почве с Олегом Святославичем, в клубок, который распутает только подробный анализ истории старейших летописных текстов, предпринятый А. А. Шахматовым. Для моей цели достаточно остановиться на не зависящем от этого клубка известии, что Святослав, собираясь вторично в Болгарию, посадил Ярополка в Киеве, а Олега в Древлянской земле, новгородцам же дал в князья Владимира^{37*} под опекой Добрыни.

Перед нами первый пример раздела княжих владений между сыновьями киевского князя. Это, точнее, не раздел, не выдел сыновьям части владений, но лишь сосредоточение «володения» областями в руках княжьей семьи: отец «сажает» сыновей посадниками своими в Киеве и в «Деревѣхъ»⁴⁰. Но Святослав погиб,

³⁸ Balzer O. O następiwstwie tronu w Polsce; ср.: Kadlec K. Rodinný nedíl; Čelakowský Jar. Powšechné české dějiny právní. Praha, 1900. S. 58; ср.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 40.

³⁹ По свидетельству Константина Багрянородного, Святослав еще при жизни Игоря сидел в Новгороде^{33*}.

⁴⁰ «Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ» (Лавр. С. 67); уже это предание выделяет особенности отношений Новгорода к киевским князьям: Святослав «дает» новгородцам Владимира по их просьбе; старшие братья отка-

не вернувшись домой, и немедленно разыгралась первая усобица. Повесть временных лет соединяет два разных мотива столкновения Ярополка с Олегом: личную месть Свенелда древлянскому князю и совет Ярополку: «. . . поиди на братья свои и прими волюсть его». Только второй имеет для нас значение: после гибели Ярополка Владимир, убоявся, бежал из Новгорода за море, «а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ въ Руси».

Смысл этой первой усобицы так определен в словах В. О. Ключевского: «Когда умирал отец, тогда, по-видимому, разрывались все политические связи между его сыновьями: политической зависимости младших областных князей от старшего их брата, сдвигшегося после отца в Киеве, не заметно; между отцом и детьми действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права»⁴¹. Старое семейное право покоилось на нераздельности житья и владения. С разделом разрушался семейный союз, и обычные понятия не знали преимуществ и прав старшего брата над другими. Понятия эти, господствуя в междукняжеских отношениях, становились в резкое противоречие с политической тенденцией киевских князей создать прочное подчинение Киеву подвластных областей. И первый, вытекавший из обстоятельств, выход из дилеммы — стремление объединить в руках киевского князя все владения отца, «быть, владея, единому в Руси». Правильность такой оценки древнейших усобиц, как указал и В. О. Ключевский, подтверждается ходом дальнейших событий. К ним и обратимся.

Вернувшись из-за моря с варягами, Владимир начинает борьбу с Ярополком, изгнав его посадников из Новгорода и покорив себе Полоцк, где «имяше власть свою» Рогволод, которого Ярополк пытался втянуть в свою систему, женившись на его дочери. На ней женится Владимир — позднейшее сказание о Рогнеде считает Полоцк «ея отчиной»⁴², — и утвердившись на севере, продолжает борьбу, пока не «нача княжити в Киевѣ единъ». Достигши власти, Владимир завершает строение киевского владчества в русской земле: «. . . времена Владимира Святого или Великого были кульминационной точкой этого процесса строения, завершением, так сказать, его механической эволюции, его роста»⁴³. Рядом походов на отложившиеся племена вятичей, радимичей, на соседей от ляхов и хорватов до камских болгар, энергичными мерами по обороне южной границы со стороны степи

зались идти на север, «и пояша Новгородци Володимера къ себѣ». Оценка этих черт не входит в задачи настоящего очерка, имеющего в виду лишь междукняжеские отношения.

⁴¹ Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 201.

⁴² Лавр. С. 285.

⁴³ Грушевский М. Історія. Т. 2. С. 1.

Владимир очертил границы своего государства — «и бѣ живя съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ». Лишь скудные намеки летописных преданий о Владимире указывают на то, чего ему стоило сосредоточить в своих руках силы, достаточные для решения этой задачи. Главная его опора — на севере. Как на Рогволода он идет, собрав «вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдъ и Кривичи», так и в города, построенные для обороны степных границ Киевщины, он нарубает «мужъ лучшиѣ отъ Словень и отъ Кривичъ, и отъ Чюди и отъ Вятичъ», а в трудную минуту борьбы с печенегами идет «Новугороду по верховниѣ воѣ»⁴⁴.

Необходимостью укрепить внутреннюю силу нового господства над восточным славянством всего естественнее объясняется известие о том, как Владимир сажает четырех старших сыновей: Вышеслава в Новгороде, исходном пункте Владимировой силы, точке соприкосновения с варяжским миром, где он сперва, заняв Киев, посадил дядю своего Добрыню; Изяслава — в новопокоренном Полоцке; Святополка — в Турове, где незадолго до того поминался имевший там свою волость Туры, Ярослава — в далеком Ростове. По смерти Вышеслава в Новгород переведен Ярослав, Святополк и Изяслав остаются по-старому в Турове и Полоцке, в Ростове посажен Борис, в Муроме — Глеб, у древлян — Святослав, на Волини, во Владимире — Всеволод, Мстислав — в Тмуторокани⁴⁵. Кроме того, позднейшая редакция летописных сводов указывает нам Станислава в Смоленске, Судислава — в Пскове, где его находим и в дальнейшем рассказе Повести временных лет⁴⁶.

Династическая политика Владимира⁴⁷ вполне удалась в том смысле, что с тех пор его род монополизирует в своих руках княжое владение на Руси; мы позднее не встречаем указаний

⁴⁴ Лавр. С. 119, 124.

⁴⁵ Лавр. С. 118.

⁴⁶ Воскр. С. 313; Соф. I. С. 120.

⁴⁷ Совершенно иную ее оценку находим у В. И. Сергеевича (Русские юридические древности. Т. 2. С. 45—46): «Для оценки взглядов этого князя на территорию необходимо выяснить, как смотрел он на свои города и земли, составляли они в его понятии одно нераздельное целое или это была совокупность самостоятельных волостей, благодаря счастливой случайности соединившихся под его управлением, а после его смерти долженствующих снова разъединиться и вести самостоятельную жизнь?» И решает, хотя и предположительно, вопрос во втором смысле. Но можно ли «счастливой случайностью» назвать добытое упорной борьбой? Отношение Владимира к сыновьям показывает, что сажал он их именно «в качестве местных правителей», как, впрочем, в другом месте признает и сам В. И. Сергеевич (Там же. С. 122), а о том, чтобы он предназначал им их волости в выдел, подобно тому как Полоцк Изяславу, судить при отсутствии известий о «ряде» Владимира мудрено. Но более вероятно, по летописи, исключительность положения Рогнединой отчины уже при Владимире. Во всяком случае, сами войны Владимира и его «заботы о внутреннем устройстве городов и земель» рисуют его строителем большого государства, что отрицает В. И. Сергеевич.

на какие-либо фигуры, подобные Рогволоду и Туры. Но указанное выше противоречие обычных семейных понятий политической тенденции киевского князя сказалось на этот раз еще при жизни отца. Владимир держал сыновей в положении посадников: «Ярославу же суцу Новѣгородѣ и урокомъ дающе Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новѣгородьстии». Ярослав «сего не даяше отцю своему», и Владимир собирался на него походом, но заболел и умер⁴⁸. Столкновения с сыновьями происходили у Владимира и раньше, в 90-х годах X в. Хроника Титмара^{38*} — источник хорошо осведомленный и почти современный (1012—1015) этим событиям — рассказывает, что Владимир женил Святополка туровского на дочери польского короля Болеслава, который сумел было восстановить зятя против отца, но Владимир велел арестовать Святополка с женой и советниками и заключить под стражу (*in singulari custodia*)⁴⁹. Быть может, с этими событиями надо связать исчезновение из русских источников сидевшего во Владимире Волынском Всеволода: Ф. А. Брауну^{39*} удалось найти весьма вероятное указание на конец его биографии: князь Visivald погиб на скандинавском севере в 995 г.⁵⁰ Естественно предположить, что и он ушел за море в «Варягы» вследствие разрыва с отцом.

Рознь личных интересов и стремление к независимости, видно, пробуждались тотчас, как в руки отдельных князей попадала власть над теми или иными областями. И если их проявления при жизни отца носили печать бунта против отцовской власти, то по его смерти они могли опереться на общеправовой факт семейных разделов унаследованной отчины или вызвать упорную борьбу — вне всяких общеправовых норм — против распада отчины, за сохранение ее единства в руках одного владельца. В дальнейшем встретимся с обоими явлениями.

Перейдем к наследству Владимировых сыновей. На вопрос, кого прочил Владимир по себе на киевский стол, можно ответить только предположительно. Нет основания думать о Святополке, который был у отца в опале. Еще С. М. Соловьев высказал предположение, что отец хотел оставить старший стол Борису. То же повторяет Грушевский^{42*}, указывая, что Владимир вызвал Бориса к себе и на него возложил свое княжое дело — борьбу

⁴⁸ Лавр. С. 127. В Новг. I (С. 75): «...и тако даяху вси князи Новгородстии».

⁴⁹ Thietmari Chronicon / Ed. F. Kurze // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover, 1889, VIII, 72; ср.: Balzer O. *Genealogia Piastów*. Kraków, 1895. S. 69.

⁵⁰ Заимствую это указание из доклада Ф. А. Брауна в Археологическом обществе. С приведенными данными можно связать указание Хильдесхаймской хроники^{40*}, что в 992 г. Болеславу грозила большая война с руссами (цитата у Грушевского. — *Історія*. Т. I. С. 433). Густынская летопись^{41*} откуда-то знает, что во Владимире Волынском в 90-х годах сидел Позвизд.

с печенегами⁵¹. Во всяком случае, о каком-либо старейшинстве или о правах первородства в дошедших до нас известиях нет и речи⁵². Святополк захватывает власть, пользуясь своим присутствием в Киеве и поддержкой какой-то вышгородской партии, и немедленно начинает борьбу за единовластие⁵³, ведущую к гибели Бориса, Глеба, Святослава — о младших Владимировичах далее ничего не слышно, затем к борьбе Святополка с Ярославом. Ярослав, опираясь, подобно Владимиру, на Новгород и варягов, одолевает Святополка, но лишь после смерти Мстислава, с которым пришлось поделить волости Днепром, «переевласть его всю Ярославъ и бысть самовластец Русьстѣй земли»; тем более что он и последнего брата Судислава посадил в поруб.

Перечисленные факты ясны в своей грубой элементарности. Выводы, какие из них можно сделать относительно характера княжеского владения до времен Ярослава, уже были попутно намечены: отсутствие всяких черт старейшинства и по прекращении совместного нераздельного житья княжой семьи в Киеве под влиянием необходимости развернуть все династические силы для укрепления киевского владычества над областями восточного славянства, возникновение усабиц. Их можно рассматривать как естественное последствие того, что не было в общеправовых понятиях той эпохи никаких способов для организации семейного владения вне либо патриархальной родительской власти, либо вполне нераздельного владения, общего для сонаследников, которые ничего в нем не считали бы своим личным. И с первых шагов к реальному разделу владений в форме посадничества сыновей под властью отца, как только власть эта сметена смертью, перед молодым государством остаются только две возможности: восстановление единства и целостности владения путем борьбы и уничтожения родичей или распад, дробление на ряд отдельных, независимых друг от друга волостей-княжений. За рассмотренный период в русском прошлом верх взяла первая из этих возможностей. Но и вторая сказалась на деле в попытках Владимировых сыновей выбиться из-под власти отца и, стало быть, выделить в полное особое владение себе то, что получено было лишь в заведование как часть общего целого. Правда, удалось

⁵¹ Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 192—194; Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 3.

⁵² Не могу придавать значения благочестивым, часто цитируемым словам Бориса: «Не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго...» и т. д.^{43*} Весь рассказ о нем — плод позднейшей идеализации Бориса и Глеба с точки зрения иного поколения; само понятие «быти въ отца мѣсто» трудно на основании одних этих слов переносить на времена Владимировых сыновей.

⁵³ Нельзя не согласиться с мнением М. С. Грушевского, что «если бы Святополку удалось довести свой план до конца, общество наверное помирилось бы с ним и забыло бы его приемы, как забывало не раз и позднее и раньше, и, перенеяв отцовскую политику покровительства церкви, нашел бы Святополк себе место между прочими „христолюбцами“»^{44*}.

это фактически одному Изяславу. Полоцкая волость сразу становится отдельным владением Изяславова рода, причем не лишено значения, что по смерти Изяслава, которую летопись относит к 6509/1001 г., на 14 лет раньше смерти Владимира, его княжение, по-видимому, бесспорно перешло к его сыну Брячиславу. Сказание о Рогнеде понимает дело так, что Владимир выделил Полоцк Рогнеде и сыну ее Изяславу по совету бояр. «Въздвигни отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ», — сказали они князю, «Володимеръ же устрои городъ и да има, и нарече имя городу тому Изяславль»⁵⁴.

Заключение этого сказания: «... и оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославимъ внукомъ», — выражает исторически верную мысль, если понять ее не в духе сказания. Мы действительно видим ряд столкновений полоцких князей с киевскими, ряд попыток Ярослава, его сыновей и внуков восстановить зависимость Полоцка от Киева, попыток, так и не давших прочных результатов.

Вопрос о преемстве в княжом владении древнейшего периода колеблется между перспективой раздела, распада семейной группы на ряд отдельных линий, общего владения на ряд отдельных отчин, и политической необходимостью единства для интересов молодого государства, только что построенного усилиями ряда поколений. Все, что мы наблюдали в древней Руси, знакомо истории других народов — славянских и германских. Кровавые первые страницы истории всех молодых государств славяно-германского мира. И этим она обязана не случайным чертам нравов жестокой, варварской эпохи. Всюду видим, как понятие наследства, обычно-правовое понятие семейного быта, примененное к княжому владению, ведет к распаду молодой государственности, еще не успевшей создать новые нормы и отношения, свободные от узких рамок частного семейного быта. Всюду потребность сохранить раз созданное единство ведет к борьбе против того, что создавалось как право к семейным злодеяниям, уничтожению соперников-братьев и прочей родни⁵⁵. Рядом кровавых опытов доходят исторически молодые династии на заре славянского средневековья до попыток выработать компромиссы для примирения непримиримых начал: государственного и семейно-династического.

В русской истории такая попытка связана с именем Ярослава.

⁵⁴ Лавр. С. 285. Известие об Изяславле указывает на значительное расширение при этом выделе территории Полоцкой волости. Ср.: *Данилевич В. Е.* Очерки истории Полоцкой земли... С. 1.

⁵⁵ Ср., например, о чешских смутах по смерти Болеслава II (ум. 999 г.) и в 30-х годах XI в. — у Титмара и в Хильдесхаймских анналах. И. Лозерт указывает, что в оба эти момента, по смыслу источников, произошел «полный раздел Чехии» и единство восстановлено кровавой борьбой (*Loserth J.* Das angebliche Senioratsgesetz des Herzogs Bretislav I und die böhmische Succession in der Zeit des nationalen Herzogstums // *Archiv für österreichische Geschichte.* Wien, 1882. Bd. 64, H. 1).

III. РЯД ЯРОСЛАВЛЬ

В «Повести временных лет» читаем под 6562 г. следующий рассказ: «Преставися великий князь Русьский Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: „Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои: имѣйте и собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете в любви межю собою, Богъ будетъ в васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ, но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будете в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ“. И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: „аще кто хощетъ обидѣти брата своего, то ты помагай егоже обидять“; и тако уряди сыны своя пребывати в любви»⁵⁶.

Не буду взвешивать, скудно или нет политическое содержание этого ряда. Оно, во всяком случае, характерно и требует внимания. Перед нами предсмертный «рядъ» отца, делящего владения свои между сыновьями с заповедью мирно хранить этот раздел, «не преступати предѣла братня, ни сгонити». Но что составляет наиболее знаменательную черту «ряда» — это стремление избежать естественного последствия раздела: распада семейного союза. Напомнив сыновьям, что они «братья единого отца и матере» (не так, как сыновья Владимира⁵⁷), Ярослав убеждает

⁵⁶ Лавр. С. 157.

⁵⁷ Это указание имеет свой особый смысл. В обычном праве славянском основной семейного союза служит, естественно, союз мужа и жены, отца и матери. «Двойственность родительской власти в русском праве не может быть указана ясно в фактах древнейшей русской истории; но аналогия права других славянских народов указывает, что это устройство семейной власти явилось у славян с незапамятных времен; доказательством того служат следующие явления: а) дети по смерти одного из родителей освобождались из-под власти другого; б) дети освобождались из-под власти другого родителя, если он вступал в повторный брак» (*Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 457*). Действительно, Вислицкий статут Казимира Великого^{45*} указывает на старый польский обычай, «quod moriente matre bonorum omnium pueri a patre ipsorum tollunt medietatem» [«что, когда умирает мать, дети получают от отца их половину всего имущества»], и запрещает детям требовать от отца что-либо из его отчины (bonorum obvenientium ex linea paterna) пока он не женится вторично (antequam ad secundas nuptias convolabit). Дальше пошел Вартский статут^{46*} 1423 г., устанавливая, что отец не обязан выделять детей и в случае вторичной женитьбы. Но и в XV ст. дети в этом случае сохранили право на получение «материзны», как имели его в эпоху Вислицкого статута по отношению к вдовому отцу. Наша летопись недаром настаивает на перечислении матерей Владимировых сыновей: древнее

их быть в любви и мирно «живуще», чтобы не погибнуть самим и не погубить «землю отец своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ», а для этой цели признать «въ отца мѣсто» старшего брата Изяслава, которого главная обязанность помогать тому из братьев, кого другие захотят обидеть. Изяслава братья должны слушать, как отца слушали; но это не значит, чтобы к нему переходила патриархальная власть; он лишь во главе братской семьи: «...пребывайте мирно, послушающе брата брата». Цель завета Ярослава — сохранение семейного союза между его сыновьями ради внутреннего мира и единства в борьбе с врагами. В этом «политическое» содержание его ряда, попытка согласовать семейный раздел с потребностями государственного единства. Ведь результат семейного раздела — прекращение совладения и распад основанной на нем социальной группы. Но результат этот осуществлялся в полной мере лишь в таких условиях, где не было налицо интересов экономического или иного характера, достаточно сильных, чтобы вызвать к жизни явления иного порядка. Если полному разделу со всеми его последствиями противодействовал склад экономических условий, происходил неполный, частичный раздел и возникали новые разнообразные формы быта, сочетавшие начала раздельного и общего владения или совладения имуществом. Но к социальным новообразованиям могло вести также влияние, при разделе общего имущества, интересов, не связанных с экономическим бытом. Глава семейной общины, разросшейся в сложную задругу, был, говорят нам исследователи древнего быта, не только распорядителем совместных работ и общего имущества, он в языческие времена представитель рода перед богами, а также хранитель норм обычного права, носившего в древнейшем быту сакральный характер. С распадом хозяйственного, имущественного единства кровного союза оставалась потребность охраны единства культа и общинного порядка. Связанные с этими интересами функции и у славян, и у германцев оставались часто в руках одной семьи, сохранившей из поколения в поколение привилегию давать общине из своей среды не по наследству, ибо понятие наследства не применялось к функциям, сказать по-нашему, публичноправового характера, а по избранию, но непременно из данного рода, старейшин, вождей, как бы они ни титуловались, носителей традиций культа и внутреннего наряда. Как ни далеки явления этого рода от содержания Ярослава завещания, упоминаю о них мимоходом как указание на бытовую естественность попытки сохранить общую организацию княжого рода при распаде ее прежней материальной основы ввиду настоятельных нужд такого характера, что их на нашем языке можно назвать политическими.

воззрение находило тут свое объяснение слабости семейных связей между Владимирцами.

Крайне узко, в терминах семейного быта, намечена в летописном «ряде» Ярослава политическая функция, предназначенная им старшему сыну. Эту функцию он связывает с владением киевским столом. Но можно ли назвать ряд Ярослава попыткой установить новый порядок вообще княжого наследования? На это нет оснований. И прежде всего, необходимо отметить, что, разбираясь в вопросе о началах преемства в княжом древнерусском владении, следует строго различать наследование земель-волостей, с одной, и преемство в старейшинстве над всеми князьями русской земли, с другой стороны. По существу эти два вопроса никогда не смешивались в древнерусских княжеских отношениях, и если их раздельность не всегда ясно выступает, то лишь потому, что в течение двух столетий старейшинство в земле русской более или менее связывалось с обладанием Киевом.

В «ряде» Ярослава, как он нам передан, нет признаков установления на будущее время порядка преемства во владении княжими волостями; и прежде всего нет в нем понятия о сохранении единого, общего и нераздельного владения русской землей всеми князьями Ярославля, а тем более Рюрикова⁵⁸ рода. Внуки и правнуки Ярослава вернее, чем позднейшие теории, понимали суть происшедшего раздела, считая своими отчинами и дединами то, что получили их деды от своего отца Ярослава.

Сложнее вопрос о том, установлена ли «рядом» Ярослава какая-либо норма преемства в киевском старейшинстве? В. О. Ключевский указывает на слова, вложенные летописцем в уста Ярослава в рассказе о кончине Всеволода (под 1093 г.): «Аще ти подасть Богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеша, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». «Се же сбысться, — добавляет летописец, — глаголь отца его, якоже глаголаше бѣ, сему примшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего»⁵⁹. И это понимание летописцем «отней заповѣди» Ярослава, за преступление которой он вслед за Феодосием Печерским осудил Святослава, положившего начало «выгнанью братню»⁶⁰, надо признать верным, поскольку речь тут идет о преемстве на столе киевском и о братском согласии, организованном с помощью старейшинства киевского князя.

Известно, что ряд Ярославль не стоит одиноко в истории славянских народов. Его значение в истории древнерусских междукняжеских отношений побуждает остановиться на двух любопыт-

⁵⁸ Полоцкие Изяславиичи остаются совсем в стороне.

⁵⁹ Лавр. С. 209.

⁶⁰ Там же. С. 177. Ср. в рассказе о смерти Ярослава: «Всеволоду же тогда сущю у отца, бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братьи, его же имаше присно у собе» (Там же. С. 157—158).

ных параллелях. О современнике Ярослава Бржетиславе чешском^{47*} Хроника Козьмы Пражского^{48*} рассказывает, что он, почувствовав приближение смерти, созвал к себе бояр, какие при нем оказались, чтобы указать им и поручить их верности того, кто после него должен стать правителем государства. «У меня, — говорил он, — как видите сами, пять сыновей, данных мне Богом. Делить между ними чешское королевство кажется мне нецелесообразным, потому что каждое царство, разделенное на части, погибает»^{49*}; далее, вложив в уста короля развитие последней мысли на исторических примерах, Козьма так его речь продолжает: «Поэтому необходимо позаботиться, чтобы после моей смерти не возник между ними раздор из-за захвата власти над страной. Ради этого умоляю я всех вас Богом Всемогущим и заклинаю вашей клятвой верности, чтобы между моими сыновьями или внуками всегда старший по рождению держал высшую власть и престол в княжестве, и все братья его или кто из княжого рода были бы под его властью»⁶¹. Трудно согласиться с Лозертом⁶², что рассказ Козьмы не дает основания говорить о новом уставе Бржетислава по вопросу о преемстве княжой власти в Чехии. Справедливо указывая, что Бржетислав раньше сам разделил Моравию между тремя сыновьями, что номинация преемника предшественником — обычай давний, Лозерт лишь в том смысле прав, называя завет Бржетислава только мнимым законом о сеньорате, что это не закон, который мог бы иметь обязывающую силу при развитии в Чехии начале избрания. Новизна же мысли Бржетислава была та же, что в Ярославовом ряде: избежать политических последствий раздела установлением объединения удельных князей под старейшинством князя главного отняго стола, избежать того «полного раздела Чехии», о каком упоминает сам Лозерт для времен до Бржетислава.

Лет через 80 то же явление повторяется в Польше. Разумею вызвавшее также немало споров завещание Болеслава Кривоустого (ум. 1138 г.). Известий о нем, разно редактированных, немало в польских источниках⁶³. Приведу наиболее четкую формулу из письма папы Иннокентия III к архиепископу гнезненскому: «Когда Болеслав, бывший князь Польши, раздал отдельным сыновьям своим определенные части в Польше, оставляя старшему город Краков, он установил, чтобы всегда, кто старейший в его роде, имел этот город, так чтобы, если старейший умрет или откажется от своего права, то вступал бы во владение этим городом тот, кто во всем роде после него старейший»^{50*}. Тут, согласно с темой письма, речь идет только о владении столицей.

⁶¹ Cosmae Chronica Boemorum, II // MGH, SS. Hannoverae, 1851. Vol. IX. P. 75.

⁶² Loserth J. Das angebliche Senioratsgesetz.

⁶³ Smolka St. Testament Bolesława Krzywoustego // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1881. T. 13. S. 259—310.

Но другие источники, например Хроника Кадлубка⁵¹, поясняют, что мысль Болеслава была в том, чтобы «старшему по рождению принадлежали и княжение краковской области и княжеская власть (*auctoritas principandi*)»⁶⁴.

Политическая мысль Ярослава, тождественная с идеями чешского и польского князей, выступает особенно ясно, если приглядеться к его способу распределения волостей между сыновьями. Едва ли для этого достаточно критерия, установленного родовой теорией, что Ярослав распределил части русской земли между сыновьями, «согласуя их взаимное отношение по степени старшинства со сравнительной доходностью этих частей»⁶⁵. Конечно, как указывает В. И. Сергеевич⁶⁶, наследование в княжеских владениях должно было отличаться от наследования в частной собственности уже потому, что «собственность делилась на равные части, а при дележе владений сообразовались с естественным делением их на волости», так что «доли получались не равные и не одинакового достоинства», и при разделе «возникал вопрос, кому дать лучшую волость, кому следующую за ней по достоинству и т. д.», при чем и «обнаруживалось преимущество старшинства братьев». Но такими соображениями не все объясняется в действиях Ярослава: распределяя волости между сыновьями, он группирует в их руках владения, едва ли, особенно по отношению к старшему, руководясь только степенью их «доходности». При Владимире (как и ранее, при Святославе) распределение княжих сыновей по городам скорее наводит на мысль о политическом мотиве: Новгород, Полоцк, Туров, Древлянская земля, Волынь, а на востоке: Ростов, Муром, Тмутаракань. Во времена Ярослава Полоцк выделен в особое владение Роговоложих внуков, которым пришлось уступить еще Витебск и Усвят. Это повысило боевое положение и Новгорода, и Турова, так как

⁶⁴ Германскому миру, насколько знаю, подобный порядок совершенно чужд, за исключением единственного примера, именно так называемого завещания Гензериха вандалского. Право на престол принадлежало у германских племен, знавших королевскую власть, всему мужскому составу королевского рода, без определенной последовательности индивидуального наследования. В каждом отдельном случае то лицо из числа «гипотетических» преемников, которое будет призвано на престол, определялось народным избранием (или при номинации либо при узурпации — признанием, вольным или невольным). При значительном усилении королевской власти у вандалов Гензерих (ум. 447 г.), чтобы избежать раздела и смут, определил, чтобы престол всегда доставался старшему из членов королевского дома независимо от степени его родства с предшественником (*Dahn F. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. B., 1881. Bd. 2. S. 207; Idem. Genserichs Testament // Dahn F. Bausteine. Gesammelte kleine Schriften. B., 1880. Bd. 1—2; Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1892. Bd. 2. S. 23*). Характерно, что Дан ищет объяснения мысли Гензериха в заимствовании у мавров, у которых подобное преемство существовало издавна для шейхов или эмиров.

⁶⁵ Ключевский В. О. Курс. Ч. 1. С. 203.

⁶⁶ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 153.

«воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего»⁶⁷. Ярослав в Новгороде сажает Константина Добрынича, которому под опеку дает старшего сына Илью, а потом, по смерти Ильи, ссылке и умерщвлении Константина, посылает туда Владимира, после же него — Изяслава. Старший сын киевского князя в Новгороде — обычное явление, вызывавшееся стремлением удержать этот город в тесной связи с Киевом. История княжения самого Ярослава в Новгороде, история с Константином Добрыничем⁶⁸, вся позднейшая история Новгорода свидетельствуют, что дело шло не только о «доходах» новгородских и даже не о сношениях с варяжским миром и борьбе с полоцкими князьями, часто покушавшимися на северную столицу древней Руси, но также, если не преимущественно, о внутренних отношениях новгородских, требовавших особого внимания для поддержания киевского владычества. И Новгород остается в руках Изяслава как своего рода аннекс Киева: он посадил там сына Мстислава, быть может, еще при жизни Ярослава. В его руках и Туров, которым он владеет, по-видимому, также еще при жизни отца⁶⁹; наконец, в его же руках и земля Древлянская, слитая с киевскими волостями при Ярославе⁷⁰. Из западных пунктов, выделившихся своим значением, один Владимир Волынский остается особым княжением; но, как увидим, стремление довести до конца эту многозначительную по генетической ее связи с политикой Владимира и Ярослава концентрацию западных волостей становится естественной и заветной мечтой владетелей Киева.

Сложнее вопрос о судьбах восточных владений. Их главная масса сосредоточена в руках черниговского Святослава, который владеет и Тмутараканью и Муромом. Но судьбы Поволжья, очевидно, менялись. Рассказ 1071 г. показывает нам Ростовскую область, Белозерье под властью Святослава⁷¹, «Поучение Мономаха» — Ростов под властью Всеволода еще до вокняжения Святослава в Киеве⁷². Не вижу возможности отчетливо раз-

⁶⁷ Соф. I. С. 134.

⁶⁸ Ср.: Новг. I. С. 66; Соф. I. С. 134; *Грушевский М.* История. Т. 2. С. 27.

⁶⁹ Грушевский и другие заключают так из текста Ипат. (С. 114), где в рассказе о болезни Ярослава сказано: «Изяславу тогда Туровъ княжашу»; сам по себе текст ненадежен, ибо тут поправка неполноты текста Лавр. (С. 157): «Изяславу тогда сушу»; ср. списки Хлеб., Погод., где: «Изяславу тогда сушу въ Туровъ княжашу», что похоже на внесение в текст приписки на поле оригинала; Воскр. (С. 333), как и некоторые списки Соф. I (С. 139) летописи, имеют: «Изяславу сушу тогда Новѣгородъ». Но все это не дает права отрицать за заметкой Ипат. значения известия о княжении Изяслава в Турове, который видим затем в его руках и отчиной его потомства (см.: *Грушевский М.* История. Т. 2. С. 28, 45, 307).

⁷⁰ Там же. С. 257.

⁷¹ Лавр. С. 170—171.

⁷² Там же. С. 238.

граничить территориально и хронологически владельческие права Святослава и Всеволода на русском северо-востоке⁷³.

Но и отмеченные черты достаточно ясно показывают, что раздел по Ярославову ряду не руководился «доходностью» волостей, по крайней мере преимущественно, а также и то, что при нем не только руководились естественным делением владений на волости, но и группировали их, уничтожая самостоятельное значение тех или иных.

Рассматривая содержание Ярославова ряда и положение его наследства в руках Ярославичей, нельзя не уловить определенной политической тенденции к сохранению основ государственного единства в компромиссе с тенденцией семейного раздела⁷⁴.

IV. БОРЬБА ЗА ОТЧИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI В.

Каковы же были последствия Ярославова ряда? Осуществились ли его намерения? На этот вопрос можно ответить утвердительно, с неизбежной оговоркой: отчасти, и притом не в той форме, представление о которой вызывается летописным текстом самого уряженья. Русская земля не распалась на ряд бессвязных владений отдельных линий Ярославова дома, сохранила некоторое единство политического — не владельческого — целого. Но носителем этого единства не стал один старший брат, не занял он

⁷³ Ср. соображения Грушевского: *Історія. Т. 2. С. 45—46, 62, примеч. 2.* Позднейшие поколения представляли себе дело так: «и взя большой Изяславъ Киев и Новгородъ и иные города многы Киевскыя во предѣлехъ; а Святославъ Черниговъ и всю страну вѣсточную и до Муромъ; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро», Поволжье (Новг. I. С. 66). Это представление об «окончательном» разделе, как выражается С. М. Соловьев, не разъясняет его перипетий (*Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 289*).

⁷⁴ Бальцер признает для древнейшего периода польской истории такое же наделение старшего сына большими владениями, указывая эту черту и в завещании Кривоустого. Тут политическая потребность примыкала к отмеченной в первой главе черте славянского обычного права: наделению старейшины при разделе большей долей. «Только с упадком принципата, — замечает далее проф. Бальцер, — выступает яснее стремление к более равномерному признанию прав всех сонаследников при разделе земли, а изредка, в позднейшую эпоху, встречается денежная приплата» (*Balzer O. O następstwie tronu*). В. И. Сергеевич придает значение лишь одной стороне Ярославова ряда — отчинному разделу, считая его намерением создать пять наследственных княжений, притом указывая, что Ярослав «не смотрел на современную ему Россию как на единое политическое тело» (*Сергеевич В. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1. С. 49*). Что в те времена не существовало нашего понятия о единстве и нераздельности государственной территории — само собой разумеется. Но приписывать Ярославу такую беззаботность относительно своих владений, что «северные волости, мог он думать, не останутся без князя, они найдут его сами», не приходится ввиду всей его деятельности, содержания его ряда и пошедшей от него традиции.

места отца в княжеской семье. Видим по смерти Ярослава при раздельности владения нераздельность общих действий по обороне русской земли и по внутренним делам ее трех старших Ярославичей⁷⁵. Второе выпускают они из поруба дядю Судислава, чтобы, приведя его ко кресту, постричь в монахи; второе воюют с торками и половцами; второе с мужами своими создают знаменитый устав, вошедший в состав Русской Правды. Но прежде всего ведут они второе политику сосредоточения в своих руках всех волостей русской земли.

Схема «родового» или «очередного» владения выведена не из текста Ярославова ряда, а кроме априорных соображений о родовом быте, из наблюдений над «практикой первых поколений Ярославичей»⁷⁶. Первые черты этой практики в судьбе Владимира Волынского и Смоленска.

Когда в 1057 г. умер в Смоленске Вячеслав, оставив сына Бориса, то старшие князья «посадиша Игоря Смолинскъ, изъ Володимеря выведше». Помимо того что нет основания ради удобства схемы считать Вячеслава четвертым, а Игоря пятым Ярославичем, так как летопись, перечисляя сыновей Ярослава, Игоря называет раньше Вячеслава, само выражение «выведше» устраняет возможность видеть тут пример «лествичного восхождения». По-видимому, дело шло о завершении того сосредоточения западных волостей в руках киевского правительства, какое выше отмечено: Волынь остается в руках Изяслава и его братьев, союзников⁷⁷, как и Смоленск, по смерти Игоря ставший общей

⁷⁵ Ср.: *Грушевский М.* История. Т. 2. С. 51—54. Это и вызвало представление, что по смерти Ярослава «остался 3 сынове его: вятший Изяславъ, а средний Святославъ, менший Всеволодъ; и раздѣлиша землю» (Новг. I. С. 66). Представление это В. О. Ключевский (Курс. Ч. I. С. 205) указывает в «Сказании о Борисе и Глебе»: «По сихъ преставися Ярославъ, поживъ добръ по смерти отца своего лѣтъ 38, оставивъ наслѣдники сыны своя, Изяслава и Святослава и Всеволода, управи имъ, якоже бѣ лѣло, Изяслава Кыевъ старѣйшаго, а Святослава въ Черниговѣ, и Всеволода въ Переяславѣ, и прокыя по инѣмъ властемъ» (Сказание о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. . . / Изд. И. И. Срезневский. СПб., 1860. Стб. 75). Нет основания эту черту вносить в «ряд» Ярослава и тем более видеть в преобладании трех Ярославичей проявление позднейшей «нормы родовых отношений», по которой «старший племянник четвертому дяде в версту». Древняя Русь не знала ни местничества, ни его норм.

⁷⁶ «Следует различать, — замечает В. О. Ключевский, — схему или норму порядка и его практическое развитие. Первую надобно наблюдать по практике первых поколений Ярославичей, а потом она остается только в понятиях князей» (*Ключевский В.* Курс. Ч. I. С. 202).

⁷⁷ С. М. Соловьев (История России. Кн. 1. Стб. 290) принимает указание Татищев^{52*}, что во Владимир переведен из Ростова Ростислав Владимирович, старший из внуков Ярослава (*Татищев В. Н.* История Российская. М., 1773. Кн. 2. С. 117); принимает это и В. О. Ключевский (Курс. Ч. I. С. 205). Но, помимо крайней ненадежности известия, не известного ни одному из дошедших до нас летописных сводов, схема от него ничего не выигрывает, так как и старшинство Вячеслава перед Игорем так же сомнительно, как и преимущества Смоленска перед Волынью. В понимании этих событий следую, как часто и дальше, «Истории Украины-Руси» М. С. Грушевского.

волостью трех старших Ярославичей⁷⁸, поделивших его доходы на три части. Это случилось в 1060 г., а через четыре года «бѣжа Ростиславъ Тмѹтороканю». Откуда бы он ни бежал — с Волини, как полагал, следуя Татищеву, С. М. Соловьев, или из Червенских городов, где потом получили надел его сыновья, как предполагает М. С. Грушевский⁷⁹, мы должны и Галичину, как и Волинь, представлять себе в следующие годы в руках Изяслава: недаром Святополк Изяславич называл Галичину, отданную на Любецком съезде Володарю и Васильку Ростиславичам: «волость отца моего и брата»⁸⁰. Наконец, в 1067 г. Ярославичи заманили к себе Всеслава Брячиславича полоцкого и посадили его с двумя сыновьями в поруб, а после второго изгнания Всеслава в 1069 г. видим на полоцком княжении Изяславичей, сперва Мстислава, потом Святополка, пока в 1071 г. Всеслав не вернул себе отчину.

Таковы первые моменты «практики» старших Ярославичей. Картина вполне ясная. Мы видим такую же борьбу за соединение всех волостей в руках киевского правительства, какую наблюдали и в X, и в первой половине XI в., с той только разницей, что роль «собирателя» земель играет не один князь, а союз трех Ярославичей, и перевес силы на их стороне столь значителен, что возможны иные, менее напряженные приемы борьбы.

В том же направлении развиваются события и далее, лишь осложненные раздорами старших Ярославичей и выступлениями киевского веча. Осложнения эти, разбивая централизующие Киевскую Русь силы, привели к ряду новых явлений в междукняжеских отношениях, к ряду новых компромиссов между борющимися тенденциями раздела и объединения.

Разрыв между братьями-триумвирами подготовили события 1068—1072 гг.: разрыв между Изяславом и киевлянами, изгнание Изяслава, освобождение из поруба Всеслава Брячиславича и провозглашение его киевским князем, союз Изяслава с двоюродным братом Болеславом польским, бегство Всеслава из-под Белгорода в родной Полоцк. События эти пошатнули положение Изяслава. В отношениях между братьями произошла крутая перемена. Когда киевляне оказались без князя лицом к лицу с Изяславом, ведшим на них «лядьскую землю», за «градъ отца своего», за «отень столъ» вступились Святослав и Всеволод. Изяслав вернулся, но лишь отчасти исполнил поставленное братьями условие — отложить гнев, не губить отня града, не водить «ляхов Киеву»⁸¹ и вызвал глубокое раздражение в населении Киевской

⁷⁸ «Преставися Игорь во Смоленске и разделися Смоленскъ на три части» — Львовск. летопись под 1060 г.; то же в Тверск. (С. 153)^{53*}. В Соф. I и Воскр. летописях заметка об этом разделе попала под 1054 г. — немедленно после рассказа о смерти Ярослава. Раздел этот едва ли касался территории.

⁷⁹ Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 46, 363.

⁸⁰ Лавр. С. 260.

⁸¹ Там же. С. 169.

земли. Ненадолго вернул он себе и господство над Полоцком. В событиях этих Изяслав выступает один, как князь, ведущий свою политику. И Святослав восстанавливает против него Всеволода, обвинив его в соглашении с Всеславом против братьев. Летописец не верит обвинению, и нет оснований ему верить. Мотив дальнейших событий, по летописи, в том, что Святослав «бѣ начало выгнаныю братню, желая болшее власти» и после бегства Изяслава «сѣдѣ Киевѣ прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню»⁸². Волости Изяславли поделены: на Волыни видим Олега Святославича, Глеба — в Новгороде, Туров, по-видимому, в руках Всеволода⁸³. Смерть Святослава в конце 1075 г. принесла новую комбинацию. Всеволод сел было по нем на столе, но вынужден признать возвращение Изяслава, назвать его себе старейшиной, вступить с ним в братское единение интересов⁸⁴. Немедленно Олег выведен из Владимира Волынского, но и Чернигова не получил, Глеб, выгнанный из Новгорода, гибнет в Заволочье⁸⁵. Изяслав получил обратно свои западные волости. А на восток от Днепра сила Святославля объединяется с прежними владениями Всеволода: Переяславль, Чернигов, Смоленск и Поволжье — в его руках. И когда Изяслав умер, когда Всеволод сел в Киеве «на столѣ отца своего и брата своего», летописец мог сказать, что он «переима власть Русьскую всю»⁸⁶, очевидно, не видел он раздела власти в том, что Всеволод сохранил Новгород за Святополком Изяславичем, а младшему Изяславичу Ярополку дал Владимир с Туровом.

Время продолжительного княжения Всеволода (1078—1093) было критическим в истории междукняжеских отношений древней Руси. При нем выяснились основные противоречия в обычном понимании начал княжого владения, и врезались они в жизнь с большею силою, расшатывая вконец выдвинутую в предыдущем изложении тенденцию к сохранению единства русской земли путем концентрации ее волостей в руках князей, владевших Киевом.

Положение, создавшееся во второй половине XI в., может быть характеризовано борьбою двух противоположных тенденций: той, что вытекала из понимания каждой волости, выделенной тому или иному из сыновей Ярослава как отчины его потомков, и той, что была вызвана к жизни самим процессом созидания Киевского государства и выражалась в стремлении князей, вла-

⁸² Там же. С. 177—178 характерно: «...сѣдоста на столѣ на Берестовомѣ», а потом: «Святославъ сѣде Киевѣ».

⁸³ Там же. С. 238—239. Не знаю, почему Грушевский думает, что Олег получил Волынь только от Всеволода, по смерти Святослава (Исторія. Т. 2. С. 67). Глеба Святославича Лавр. упоминает в Новгороде под 1071 г., Новг. I — под 1069 г. Можно думать, что он водворен в Новгороде после первого изгнания Изяслава, что бросает некоторый свет на политику Святослава. Ср.: Новг. I. С. 67.

⁸⁴ Лавр. С. 196.

⁸⁵ Там же. С. 193; ср.: *Грушевський М.* Исторія. Т. 2. С. 68.

⁸⁶ Лавр. С. 197.

девших Киевом, сохранить единство распоряжения силами и средствами всей страны, а для этого и судьбами отдельных составных ее частей. Ошибку «родовой», а также «очередной» теории древнерусского княжого владения можно усмотреть в попытке объяснить явления, обусловленные борьбою двух указанных противоположных тенденций, во что бы то ни стало из одного принципа. Сливая в одно вопросы о старейшинстве в земле русской и о владении княжими волостями, теория развивалась по пути возведения в нормы права всех наблюдаемых в древней жизни фактических отношений и тем достигла большой искусственности в построении и в толковании текстов.

Не различая владельческих отношений к волостям от преемства в старейшинстве, теория поставила владение территориальными отчинами в зависимость от «политической карьеры» князя, определяя ее «движением его отца в ряду поколений», и создала особую «норму», состоящую в том, что «когда у князя отец умирал раньше деда», то осиротелый княжич «терял участие в очередном владельческом порядке» и тем самым утрачивал право на отчину, становился «изгоем»⁸⁷. Это понятие княжого изгойства сильно укоренилось в традиционных представлениях о древнерусском княжеском быте: оно давало выход ряду недоумений, которые создались благодаря отрицанию в этом праве понятия отчины как наследственного семейного владения. Укоренилось оно и держится, несмотря на своеобразное происхождение как самого термина, принятого в исторической литературе, так и связанного с ним понятия.

Единственный источник, применяющий слово «изгой» к князю, — пресловутый «Уставъ великаго князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ, и мирилѣхъ торговыхъ»⁸⁸. Тут в перечне «церковныхъ людей», между которыми «суд или обиду» ведаёт митрополит или епископ, читаем ставшие знаменитыми слова: «...изгойи трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣть, холопъ ис холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и сего (вариант: и къ себѣ) приложимъ: аще князь осиротѣть». История текста этого устава еще не восстановлена, хотя он вызывает ряд недоумений, и слова митрополита Макария: «...излишним считаем замечать, что эта грамота Всеволода дошла до нас не в первоначальном своем виде», — не подлежат спору^{54*}. Замечу только, что некоторые списки имеют чтение вместо «изгой» — «изгойской», вероятно первоначальное, так как оно не нарушает общей конструкции перечня⁸⁹. А текст о троих изгоях — глосса, неизвестно кем приписанная, к которой вне

⁸⁷ Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 221.

⁸⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. 1. С. 245.

⁸⁹ Предполагаю следующий текст: «А се церковныя люди: игумень, игуменья ... пущеникъ, задушный человекъ, изгойской, монастыреве, больницы, гостиници, странноприимници, то люди церковныя, богадѣльные».

всякого отношения к содержанию грамоты приросло еще лирическое восклицание какого-то князя: «...а се и четвертое изгойство и сего приложимъ: еще князь осиротѣть». Говорю: лирическое восклицание, потому что едва ли кому приходило в голову зачислять осиротелых князей в церковные, богадельные люди, подсудные церкви⁹⁰. Само по себе сопоставление «изгоя» с сиротой естественно. В. И. Сергеевич указал на то, что термин «сироты» заменил слово «изгой» относительно монастырских крестьян в грамотах XIV в.⁹¹ Но как бы ни казалось метким с точки зрения обиженного судьбою княжича сопоставление княжого сиротства с изгойством, теория, обосновавшая на нем учение о потере не вовремя осиротевшими князьями их отчинных прав, ввела в оборот понятия, которые чужды древнерусской жизни. Не только нигде, кроме приведенной глоссы, нет применения к княжичу термина «изгой», но нигде в источниках не найти и отрицания за какими-либо князьями их отчинных прав, нигде нет указания на возможность потери этих прав в силу каких-либо условий родового или иного характера.

Правда, политика старших Ярославичей часто нарушала отчинные права младших князей, нарушала систематически и настойчиво. Этим она вызвала много смут. «Сироты, — скажем словами М. С. Грушевского, — отчины которых забрали старшие Ярославичи во время их малолетства, ничего им не оставив, вырастали один за другим и шли добиваться своего добра»⁹². Но правда — не права, а общественного интереса — бывала часто на стороне нарушителей, и с ними видим симпатии летописца, голос его среды, быть может, и киевского общества; да и то не всегда. Этот тон летописных рассказов, питавший в исторической литературе представление, что право не было на стороне «изгоев», нельзя принимать в расчет, так как и в них мы найдем не отрицание отчинных прав младших князей, а лишь пренебрежение этими правами там, где они противоречили интересам населения, где их защита приносила «земле Русской много зла». А как только доходят до нас настроения местного населения спорных городов в ходе самих событий или в случайных замечках летописца, почти всегда мы видим это население на стороне местных отчичей, и его сочувствие, обусловленное всем строем

⁹⁰ Нельзя же так истолковать слова С. М. Соловьева: «такие исключенные из старшинства князья считались в числе изгоев» (История России. Кн. I. Стб. 283). Или то, что В. И. Сергеевич рассматривает нашу глоссу как слова устава? См.: Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 273: «Всеволодов устав, перечислив три вида, прибавляет к ним четвертый, новый»; или Там же. Т. 2. С. 332: «Устав причисляет к изгоям всех князей сирот».

⁹¹ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 274: «...этот новый термин очень близко передает смысл более старинного термина — изгой». В. И. Сергеевич относит оба термина вообще к крестьянству, но указанные им тексты говорят о крестьянах монастырских.

⁹² Грушевский М. Історія. Т. 2. С. 69.

древнерусской жизни, доставило в конце концов победу началу «отчины».

Выше уже было отмечено, как Владимир «воздвиг» отчину Рогнеды и дал Полоцк ей с сыном Изяславом. Полоцкая земля, отчина Рогволожих внуков, с тех пор стоит отдельно от отчины и дедины внуков Ярославлих и переходит от Изяслава к его сыну Брячиславу, затем к Всеславу Брячиславичу (1044—1101), чтобы потом пойти в раздел сыновьям последнего.

Та же судьба, по обычному праву семейному, предстояла и наделам сыновей Ярославлих. Характерно, что, хоть Святослав умер на киевском княжении, похоронен он «Черниговъ у святаго Спаса», в Преображенском соборе, у гроба его основателя Мстислава Владимировича⁹³. Потом Черниговом овладели Всеволод и сын его Владимир; но когда кончилась усобица за Чернигов, уже по смерти Всеволода, и Владимир уступил Олегу, то летописец, решительно осуждающий последнего, однако, так выражается: «Володимеръ же створи миръ съ Олегомъ и иде изъ града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде в градъ отца своего»⁹⁴; он ничего не знает о «праве» Всеволода перейти в Чернигов, раз Святослав занял Киев⁹⁵, а упоминает, как и «Поучение» Мономаха, Всеволода в Чернигове лишь после смерти Святослава в связи с тем, что Олега «вывели» с Волыни, и он «бѣ» у Всеволода в Чернигове, пока не «бѣжа отъ Всеволода» в Тмуторокань»⁹⁶, откуда и начал борьбу за свою отчину.

На Олеге Святославиче повторилась судьба других младших князей, лишенных отчин: Бориса Вячеславича, Давыда Игоревича, Ростислава Владимировича. Этот последний, выдержав борьбу с Святославом, положил начало значению Тмуторокани как убежища младших князей, выбитых из земли русской. В момент бегства Олега от дяди в Тмуторокани как черниговской волости сидел брат его Роман, к которому скрылся и Борис Вячеславич после неудавшейся попытки засесть в Чернигове во время усобицы Всеволода с Изяславом⁹⁷. В союзе с половцами начали Олег и Борис борьбу против дядей. Победа на Сожице привела к тому, что черниговцы, хотя с ними ни Олега,

⁹³ Лавр. С. 193, 146.

⁹⁴ Там же. С. 218.

⁹⁵ Татищев В. Н. История Российская. Кн. 2. С. 127; Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 297; Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 206.

⁹⁶ Лавр. С. 193, 239.

⁹⁷ Д. И. Иловайский^{55*} (История Рязанского княжества // Сочинения Д. И. Иловайского. М., 1884. С. 9) полагает, что Всеволод оставил за Олегом и его младшим братом (Ярославом) муро-рязанские земли, на том основании, что позднее видим в Муроме Олегова посадника (Лавр. С. 222, под 1095 г.). Весь склад отношений говорит против этого; Олевов посадник в Муроме появился, очевидно, после примирения Олега с Владимиром в 1093 г. Неясна роль каких-то козар в убийении Романа половцами и в ссылке Олега (см.: Там же. С. 198). Но эти факты не могут стоять вне связи с политикой Всеволода. Ср.: Грушевский М. История. Т. 2. С. 72, 511.

ни Бориса не было, стали за своего отчича и сели в осаду против Изяслава и Всеволода; только после битвы на Нежатиной ниве, где пал Изяслав, но пал и Борис, а Олег едва ушел с малой дружиной, удалось Всеволоду водворить в Чернигове сына Владимира. Удача следующего, 1079 г. — мир с половцами и гибель убитого ими Романа — позволила Всеволоду захватить Тмуторокань: Олег сослан за море в Царьград, а в Тмуторокани видим Всеволодова посадника Ратибора⁹⁸.

Таково последнее проявление «практики» первого поколения Ярославичей. Следующие годы приносят коренную перемену в междукняжеских отношениях. Всеволод не в силах довести последовательно до конца политику концентрации волостей и вынужден идти на уступки отчичам отдельных частей земли русской, уступки, которые готовят постановления Любецкого съезда⁹⁹.

Момент поворота указан событиями 1084—1086 гг. «В се же время выбѣгоста Ростиславича два отъ Ярополка и пришедше прогнаста Ярополка. И посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича и посади Ярополка Володимери. В се же лѣто Давыдъ зая Грькы (вар.: гречники) въ Олешьи и зая у нихъ имѣнье; Всеволодъ же пославъ приведе ѿ и вда ему Дорогобужь. В лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ свѣтниківъ; се увѣда Всеволодъ, посла противу ему сына своего Володимера. Ярополкъ же, оставивъ мать свою и дружину Лучьскъ, бѣжа в Ляхы. Володимеру же пришедшу Лучьску, и вдашася Лучане; Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а мать Ярополчю, и жену его, и дружину его приведе Киеву и имѣнье возьмъ его. В лѣто 6594. Приде Ярополкъ из Ляховъ и створи миръ с Володимеромъ. И иде Володимеръ вспять Чернигову, Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдевъ мало дний, иде Звенигороду; и не дошедшу ему града и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадья, отъ дьяволя наученья и отъ злыхъ челоуѣкъ . . . Бѣжа Нерадецъ треклятый Перемышлю к Рюрикови»¹⁰⁰.

Всеволод, переняв по смерти Святослава «власть Русьскую всю» и продолжая политику сосредоточения в своих руках волостей за счет младших князей-отчичей, держит эти волости своими сыновьями и племянниками — Изяславичами. Ярополк Изяславич сидит во Владимире Волынском, по-видимому, на всех западных волостях. На него направлены притязания Давыда Игоревича и Ростиславичей¹⁰¹. Всеволод защищает своего став-

⁹⁸ Лавр. С. 194—195, 198.

⁹⁹ Ср.: Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 71—81.

¹⁰⁰ Лавр. С. 198—200.

¹⁰¹ Позднее, см. под 1077 г., брат его Святополк, изгнав Давыда из Владимира, «нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата» (Там же. С. 260).

денника. Но для «ставленника» этого его княжение — нечто иное: его отчина, как видно из приведенных слов Святополка. В столкновении Ярополка с Ростиславичами, с Игоревичем Давыдом перед нами столкновение разных отчинных прав, отчинных приязней.

Так называемые «изгой» сумели заставить Всеволода пойти на уступки. Не знаем, когда Ростиславичи получили от Всеволода Перемышль и Теребовль: М. С. Грушевский высказывает предположение, что после их борьбы с Ярополком в 1084 г., и такое предположение естественно вытекает из указаний летописи¹⁰². По смерти Рюрика Ростиславича Перемышль переходит к его брату Володарю, и затем «Червенские города» остаются во владении Ростиславовой линии Ярославля рода.

Сумел добиться своего и Давыд, перехватив в Олешье артирию византийской торговли Киева¹⁰³. На первых порах Всеволод дал ему только Дорогобуж на р. Горыни, волость, выделенную также из владений Ярополка¹⁰⁴. Такое дробление своей волости Ярополк, видно, признал нарушением своих прав: происходит усобица его с Всеволодом (Владимиром)¹⁰⁵, а по ее замирании — к сожалению, не знаем, на каких условиях, — видим гибель его от руки убийцы, подосланного, очевидно, Ростиславичами. Теперь Давыд утверждает на отне столе, во Владимире¹⁰⁶. Остатки южной отчины Изяславичей получает Святополк: кроме Турова и Пинска — Берестье и Погорину из волынских волостей Ярополка¹⁰⁷. А Новгород переходит из его рук к Всево-

¹⁰² *Грушевский М.* Исторія. Т. 2. С. 74—75. Ростиславичи жили во Владимире у Ярополка, очевидно под надзором, потому что их выступление с того начинается, что они «выбѣгоста отъ Ярополка», по-видимому, пока тот был в Киеве у Всеволода (Лавр. С. 198); Владимир вернул от них Владимир Ярополку, но под 1086 г. читаем о Рюрике в Перемышле, а под 1097 г. узнаем, что Володарю Перемышль, а Васильку Теребовль дал Всеволод (Рюрик умер в 1092 г. — Там же. С. 208). К соглашению с Ростиславичами относит М. С. Грушевский договор Владимира с Ярополком на Бродах (Там же. С. 239).

¹⁰³ О значении Олешья см.: *Грушевский М.* Исторія. Т. 2. С. 517—518.

¹⁰⁴ Там же. С. 74, 386.

¹⁰⁵ Иначе объясняет эту усобицу В. И. Сергеевич: «Летописец, по обыкновению, чрезвычайно краток и не объясняет причин, побудивших владимирского князя восстать на сильного дядю. Он говорит только, что Ярополк послушал злых советников. Можно думать, что злые советники объяснили своему князю, что он имеет более права на Киев, чем его дядя; вот почему он и собирался войной на него» (*Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 2. С. 268). Трудно думать, чтобы Ярополк нуждался в злых советниках, чтобы узнать о своих правах на Киев, и чтобы он предъявил их, просидев спокойно несколько лет на Волыни, без всякого повода. Совокупность известий о событиях этих лет достаточно объясняет мотивы Ярополка.

¹⁰⁶ Лавр. С. 247.

¹⁰⁷ М. С. Грушевский (Исторія. Т. 2. С. 77) полагает, что Погорину Всеволод оставил себе, но заключает об этом из того же текста (Лавр. С. 253), откуда раньше вывел, что Погорина — волость Ярополка. Также двойственно его суждение о Берестье (*Грушевский М.* Исторія. Т. 2. С. 74, 77, 366; ср. С. 387). Данные летописи могут быть истолкованы без натяжки лишь в том смысле, что это части волости Ярополка, переданные его брату.

лоду, который послал туда внука Мстислава Владимировича ¹⁰⁸.

Этим разделом южнорусских волостей вопрос о наследстве Ярослава крайне осложнился. Долгое владычество старших Ярославичей создало, как мы видели, представление, что они трое — единственные преемники отца. И летописный пересказ постановлений Любечского съезда отражает ту же точку зрения. Он знает только три отчины: Изяславлю, Святославлю и Всеволожу, а волости, доставшиеся младшим князьям, считает данными им по воле Всеволода ¹⁰⁹. Так же смотрит и Святополк Изяславич, полагая, что Давыд и Ростиславичи владеют его, Святополка, отчиной.

Так смотрел и автор летописного поминального слова по Всеволоде, говоря: «Се же в Киевѣ княжа, быша ему печали большы, паче неже съдѣяшу ему в Переяславли; съдѣяшу бо ему Киевѣ, печаль бысть ему отъ сыновей своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другыя; сей же, омиряя ихъ, раздаваше власти имъ» ¹¹⁰.

К встречающемуся в последнем тексте понятию «раздачи» городов и волостей еще вернемся. А пока примем во внимание, что упомянутая «теория трех отчин», если можно так обозначить это воззрение, хотя и вытекала из хода событий по смерти Ярослава, но могла сформулироваться только после смерти Всеволода: до тех пор черниговская отчина Святославичей оставалась предметом упорной борьбы. Только в 1094 г. добился Олег Святославич того, что Владимир уступил ему «градъ отца его», а сам вернулся «на столъ отень Переяславлю». Да и это соглашение не закончило борьбы за черниговские волости, точнее — за волости Святославли. Выше было упомянуто, что отрывочность и неполнота дошедших до нас известий не позволяют отчетливо разграничить владельческие права Святослава и Всеволода Ярославичей в Поволжье. Возвращение Олега в Чернигов не замедлило поднять споры о взаимном отношении потомства обоих князей на севере и северо-востоке. Разыгрывается продолжительная усобица, в которой характерен наряду с упорной защитой черниговских волостей Олегом ¹¹¹ также широкий размах его покушений на Смоленск, Новгород, Суздаль, Ростов, на весь север. И противники не отрицают его прав на отнятия волости,

¹⁰⁸ Новг. I. С. 67; Лавр. С. 201.

¹⁰⁹ Различие: «каждо да держитъ отчину свою» и «а имже роздаялъ Всеволодъ города» (Лавр. С. 247).

¹¹⁰ Там же. С. 209.

¹¹¹ Изяславу Владимировичу, занявшему Муром, Олег говорит в сознании отчинных прав своих: «...иди в волость отца своего, Ростову, а то есть волость отца моего; да хочю ту съдѣ порядь створити со отцемъ твоимъ, се бо мя выгналь из города отца моего; а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хоцещи дати?» (Там же. С. 228—229).

а твердят ему только: «...иди ис Суждаля Мурому, а въ чюжей волости не сѣди» и т. п.¹¹² Именно борьба Олега утвердила представление об отчине Святославичей.

Смерть Всеволода открыла снова вопрос о столе киевском. Всеволод княжил при близком участии сыновей. Владимира видим постоянным заместителем отца во всех действиях вне Киева, в походах и переговорах, в борьбе за города и волости. Ростислав, по-видимому, постоянно был при отце: только после его смерти отправляется он в Переяславль, а в момент кончины Всеволода за Владимиром посылают, но Ростислав тут, при нем. Любопытный текст, читаемый под 1089 г.: «Священа бысть церкви Печерская святая Богородица монастыря Феодосьева Иоаномъ митрополитомъ . . . при благороднѣмъ князи Всеволодѣ, державному Русьскыя земля и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводство держащу Киевскыя тысяща Яневи, игуменьство держащу Иоану», хоть и искаженный¹¹³, похож на официальную торжественную запись, в которой событие датируется княжением князя и его сыновей, воеводством тысяцкого, игуменством печерского игумена. Естественно возник вопрос о праве Владимира сесть «на столъ отца своего». Но он «нача размышляти, река: „Аще сяду на столъ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ“, и, размыслив, послал за Святополком в Туров, а сам «иде Чернигову», Святополк же «сѣде на столъ отца своего и стрия своего»¹¹⁴.

Часто приводили этот рассказ в доказательство, что Владимир признавал родовое старейшинство. Но что в нем больше всего поражает, это отсутствие упоминания о старейшинстве. И нигде в летописных рассказах о Святополке, о междукняжеских отношениях в его время не применено к нему это понятие, хотя поводов к тому было бы немало. Ни из чего не видно, чтобы Святополк мог повторить в обращении к Владимиру то, что его отец говорит отцу Владимирову: «Ты, брате мой, парекъ мя старѣйшину собѣ». Владимир лишь размышляет о киевском столе: «...яко есть столъ преже отца его былъ», т. е. опять-таки о столкновении двух отчинных прав, и отнюдь не охуляя своего («аще сяду на столъ отца своего»), предвидит нежелательную борьбу с Святополком (в то время, заметим, как не были еще закончены его счеты с Олегом из-за Чернигова). Что отношение между Святополком и Владимиром не было повторением отношения их отцов, ни в признании старейшинства, ни в формуле «ты ми еси братъ, а я тобѣ»,

¹¹² Там же. С. 222—232.

¹¹³ Там же. С. 201. А. Ф. Бычков^{56*} поправлял так: «державнѣмъ. . . и чаду его, Володимеръ и Ростиславъ».

¹¹⁴ Там же. С. 210.

видно из всего дальнейшего хода событий. Святополк, по-видимому, встретился с Владимиром по вокняжении своем в Киеве только по поводу предположенного похода на половцев. Не как старейшина земли русской зовет он князей в поход, а должен выслушать и исполнить совет: «. . послися къ брату своему Володимеру, дабы ти помогъ». По посольству Святополка Владимир «посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку», и сам прибыл в Киев. Тут князья «совокупистася у святаго Михаила и взяста межи собою распря и которы, и уладившеся цѣловаста крестъ межи собою». К сожалению, содержание этого соглашения, вынужденного настояниями «мужей смысленихъ», остается неизвестным. Но что оно не привело к восстановлению помянутых отношений старших князей, видно хотя бы из того, что Святополк не помогает Владимиру против Олега¹¹⁵, как помогал Изяслав Всеволоду в борьбе за Чернигов. Вообще, политика Святополка и Владимира совершенно независимы одна от другой и часто скрещиваются. В событиях и отношениях по смерти Всеволода Ярославича (1093) видим не проявление «нераздельно-поочередного» владения, а торжество отчинных тенденций и раздельности княжих интересов над началом старейшинства киевского князя в русской земле.

Так готовились постановления Любецкого съезда. «В лѣто 6605. Придоша Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ, и братъ его Олегъ, и сняшася Любичи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуше: „почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюше? а Половцы землю нашу несутъ розно и ради суть, оже межу нами рати; да нынѣ отсель имемся по единому сердцу и блюдемъ Рускыѣ земли. Каждо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславль, Володимеръ Всеволожь(-ю?), Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святослав(лю?); а имже роздаялъ Всеволодъ города, Давыду Володимеръ, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теробовль Василкови“. И на томъ цѣловаша крестъ: да аще кто отсель на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный; рекоша вси: „да будетъ на нь [крестъ честный. — *Ипат.*] и вся земля Русьская“; и цѣловавшеся поидоша всвояси»¹¹⁶.

Таков этот знаменитый текст. Возьмем его, как он нам дан. Отметим в нем прежде всего отсутствие двух представлений: о единстве владения князей Ярославова потомства и о старей-

¹¹⁵ Иначе: *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 91. Но в 1094 г. Владимир стоит один против Олега. Участие Святополка в походе на Чернигов и битве под Стародубом имеет иную мотивировку: «поганыхъ дѣля», по выражению Мономаха (Лавр. С. 245; ср.: С. 222). В дальнейшей борьбе не видно участия Святополка.

¹¹⁶ Лавр. С. 247—248.

шинстве над ними киевского князя. Это не простое умолчание: решительно выражено начало раздельного, отчинного владения, даже Киев назван Изяславлим и достается Святополку как его отчина, а не в силу старейшинства среди князей, о котором нет и помину. И те функции, какие возлагались на старшего князя в «ряде» Ярослава: охрана мира между братьями-князьями и единство в обороне земли, тут возлагаются на совокупность князей, целующих крест на солидарности действий. Любецкий съезд подводит итог положению, создавшемуся в предыдущие годы. Исследователи склонны придавать большое значение его постановлениям. Оно, конечно, очень велико как показатель силы и значения прежде всего отчинного начала. «Чрезвычайно важно, — повторим за В. И. Сергеевичем, — начало, положенное в основу этого распределения (волостей). Князья принимают начало отчины; внуки Ярослава должны сидеть на столах, которые даны были дедом их отцам. Принцип раздельности владений не есть, таким образом, новость, появившаяся только в XIII веке. Это исконное явление нашей истории»¹¹⁷. Но некоторые идут дальше, приписывая постановления Любецкого съезда своего рода творческое значение. С. М. Соловьев¹¹⁸ полагал, что Любецкий съезд отстранял главную причину усобиц — отсутствие отчинности. М. С. Грушевский¹¹⁹ полагает, что хотя эти постановления касались только данных волостей, но имели значение прецедента на будущее время и были «финалом концентрационной политики в ее теории, решительным ударом тенденции собирания земель, проявившейся по смерти Ярослава». Это сильно преувеличено. Решительный удар «концентрационной политике» был нанесен борьбою 70—90-х годов, и постановления Любецкого съезда, которые В. И. Сергеевич метко назвал «мирным трактатом», только санкционируют ее результаты; значения «прецедента» не могли они иметь для одного из основных и исконных начал обычного права! К тому же и на деле они закончили борьбу за отчины только на востоке, относительно волостей черниговских.

Мы не знаем, как возникла замечательная особенность летописной редакции любецких решений: отличие трех отчин от городов, розданных Всеволодом. Но игнорируя его, исследователи неточно передают их содержание: над владениями Давыда Иго-

¹¹⁷ *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 2. С. 139. Не вполне точным представляется лишь то, что это «исконное явление» (исконное потому, что коренится в обычном праве древнейшего, какой можно исторически уловить, склада) имеет свое начало «в особенности первоначальных волостей, существовавших еще до Рюрика». Едва ли можно установить такую древнюю «особенность» хотя бы для какой-нибудь волости! Все они позднейшего и постепенно развивавшегося образования.

¹¹⁸ *Соловьев С. М.* История России. Кн. 1. Стб. 327—328.

¹¹⁹ *Грушевский М.* Історія. Т. 2. С. 90—91. Нерешительные рассуждения Грушевского о старейшинстве см.: С. 109, 131.

ревича и Ростиславичей, хоть они и были как бы гарантированы княжеским съездом, нависла некоторая прекарность.

И в этом была одна из причин непрочности результатов Любецкого съезда. Она тесно связана с другой — с вопросом об отчинных правах на Киев. «Князья объявили, — читаем у С. М. Соловьева, — что пусть каждое племя (линия) держит отчину свою». «Любецкие постановления, — говорит М. С. Грушевский, — признали каждой княжой линии ее отчину, но ничего не сказали (по крайней мере, в той редакции, в какой мы их имеем) про порядок дальнейшей передачи этих отчин по наследству... Соответственно тому Киев должен бы быть наследственной волостью линии Изяслава, и ничто не указывает на то, чтобы за Киевом было впрямь признано какое-либо исключительное положение»¹²⁰. Примирился ли с такой перспективой Мономах, которого обычно считают инициатором Любецкого съезда? Как мы и раньше не видели «тесного союза двух наисильнейших князей Мономаха и Святополка», какой М. С. Грушевский полагает «в основу политического положения», так не видим его и далее. Новгород остался в руках Мономахова сына Мстислава, хотя, применив к нему понятие отчины, пришлось бы его признать Изяславим наследством. И когда Святополк попытался заменить Мстислава своим сыном, то встретил отпор новгородцев, за которым М. С. Грушевский видит не без основания действие политики Мономаха. Но то же умение опереться на местные общественные силы помогло Владимиру позднее осуществить и свои притязания на Киев, отказ от которых в 1093 г. был, как мы видели, естественно обусловлен обстоятельствами положения. То, что тогда связало Владимира, грозило ему и связывало его политику и далее: возможность затем осуществления союза Святополка с Святославичами. В течение всего киевского княжения Святополка Владимир стоит изолированным среди князей, так как история с ослеплением Василька лишь мимолетно поставила Святополка в затруднение, а в конце концов только развязала ему руки. Известный антагонизм между Владимиром и Святополком красной нитью проходит через события этих лет: причиной

¹²⁰ Но ниже Грушевский возвращается к «родовой» схеме: «Мы видели, что в двух первых поколениях Ярославичей Киев переходил не от отца к сыну, а в порядке семейного („родинного“) старшинства: от старшего брата к меньшему и от меньшего брата к сыну старшего брата. Мономах этот порядок прервал и передал Киев сыну» (Там же. С. 131). Мы видели, что эта схема слишком внешне снята с хода событий и осмыслена искусственно. Старшие Ярославичи владеют каждый своей частью, а общие дела вершат сперва втроем, потом по двое. Всеволод — старейшина не для всех князей, а для тех, кого держит под рукой своей: сыновей и Изяславичей, волостями которых распоряжается по усмотрению, вызвав усобицу с Ярополком. Святополку же Мономах уступает отчинное преимущество на Киев, ничем не проявив признания за ним старейшинства в княжом роде. Намерение Ярослава если и осуществилось, то в весьма искаженном виде.

его могло быть только столкновение их отчинных прав на Киев¹²¹.

Итак, Любецкий съезд не разрешил споров между князьями-отчичами о разделе наследия, доставшегося Ярославим внукам. В их спорах пала идея единства и старейшинства. И остро стали два вопроса: о владении юго-западными землями, о дальнейших судьбах Киева.

Святополк все усилия направил на то, чтобы осуществить свое представление об отчине Изяславлей возвращением себе всех западных волостей. Повод к действию ему дал Давыд Игоревич, сплетший свои опасения перед Ростиславичами с недоверием Святополка к Владимиру из-за Киева¹²². Ослепление Василька восстановило было по почину Мономаха и Святославичей против Святополка, но вмешательство киевлян и уступчивость Святополка обернули все дело на голову Давыда, наказывать которого поручили самому Святополку. В союзе с Святославичами — в его войске видим сына Давыда черниговского Святошу — он изгоняет Давыда, чтобы себе взять Воынь, а затем «нача думати на Володаря и на Василька глаголя: яко се есть волость отца моего и брата», подымает на них венгров. Поздно понял Давыд, какую яму себе вырыл, и стал действовать вместе с Ростиславичами. Ростиславичам удалось отстоять свою волость, и Давыд вернул себе Владимир. Но съезд князей в Уветичах решил отнять у него Владимир в пользу Святополка, а ему предоставил Бужск и Острог, да от Святополка — Дубен и Чарторыйск, а позднее и Дорогобуж, с приплатой по 200 гривен от Мономаха и Святославичей. Возвратив себе Владимир Воынский, Святополк, опираясь на союз с Святославичами, делает следующие шаги к той же цели: князья (вероятно, после съезда, без участия Моно-

¹²¹ Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 327; Грушевский М. Історія. Т. 2. С. 91, 101, 131. Порча летописного текста любецких постановлений своеобразна: после «Святославъ Киевъ Изяславль» ожидалось бы «Володимиръ Переяславль Всеволожь», но «Переяславль» выпал, а далее Лавр. дает «Давыдъ и Олегъ и Ярославъ и Святославъ» (то же Р. А.^{57*} — без «и»). В списках Соф. I (С. 150) имеем: «Святославль» (Черниговъ). Воскр. (С. 12) дает чтения: «Изяславле», «Всеволоже», «Святославле». Если их держаться, то «Изяславле» будет не определением Киева, а указанием на другие волости? Но чтения Воскр. не первоначальны. Порча этого текста очень стара, так как и Ипат. (С. 167) имеет уже то самое, что Лавр.: «Всеволожь», «Святославъ» (Х. П.^{58*}; Святослави).

¹²² Если верить рассказу современника, Давыда смутили слухи о союзе Владимира с Васильком против Святополка и его, Давыда. «Аще не имевъ Василка, — стал он твердить Святополку, — то ни тобѣ княженья Киевѣ, ни мнѣ в Володимери». Пусть это была клевета или сплетня. Общее положение делало ее вероятной, и тревога разыгралась в кровавую драму. См.: Лавр. С. 248—263; Грушевский М. Історія. Т. 2. С. 91—99.

маха¹²³) послали сказать Володарю: «Поими брата своего Василка къ собѣ, и буди вамъ единая власть, Перемышль», но сопротивление Ростиславичей и отказ Владимира свели на нет эту попытку. Наконец, и племянник Святополка теряет Берестье и умирает в Киеве в оковах¹²⁴. Если вспомнить еще об упомянутой попытке Святополка вернуть себе Новгород, о чем у них был ряд с Владимиром, «яко Новугороду быть Святополчу», разбитую сопротивлением новгородцев¹²⁵, и о возобновлении наступательных действий против полоцких князей¹²⁶, то основные черты политики Святополка станут вполне ясны: он стремится, хотя и неудачно в целом, к восстановлению «отчины Изяславлей», того господства на запад от Днепра и в Новгороде, которое было намечено для киевского князя Изяславом Ярославичем.

Время от смерти Ярослава (1054) до смерти Святополка Изяславича (1113) можно рассматривать как определенный цикл развития междукняжеских отношений. В основе их лежит отношение к княжому владению как владению землей по нормам обычного семейного права. Нераздельное владение при нераздельности семьи; после раздела полная отдельность, самостоятельность владения с распадом семейного союза на ряд отдельных, независимых семей, общей дедины — на ряд самостоятельных отчин. Действие такого обычая, резко противоречившего интересам молодого Киевского государства, привело к попытке компромисса, какую видим в «ряде» Ярослава. Если мы принимаем за источник, с которым надо считаться и которым можно пользоваться, летописную передачу этого «ряда», то нет основания иначе отнести к данным, сообщаемым той же летописью в рассказе о смерти Всеволода Ярославича. Вот почему не могу принять мнения В. И. Сергеевича, что Ярослав имел в виду преемство киевского стола, как и всякой отчины, в прямом, нисходящем потомстве Изяслава, и считаю мысль Ярослава вполне аналогичной содержанию завещаний Бретислава чешского и Болеслава польского. Только с падением силы старейшинства киевского князя стало возможным то прямолинейное применение к Киеву понятия отчины, какое находим в постановлениях Любецкого съезда. Причиной крушения Ярославова завета можно назвать тот характер нерешительного компромисса, который лежит в ос-

¹²³ К этим планам относится показание Мономаха в начале его «Поучения», что к нему пришли послы от братьев с такими речами: «...потъснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ; ежели не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ» (Лавр. С. 232—233; ср.: Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 99).

¹²⁴ Лавр. С. 264—265.

¹²⁵ Там же. С. 265—266.

¹²⁶ Поход на Минск, под 1104 г. (Там же. С. 270).

нове его содержания, попытку примирить раздел владений и единство политики призывом князей к братскому единодушию и к признанию старшего брата «въ отца мѣсто»¹²⁷. Житейски более сильное начало отчинных, владельческих интересов естественно взяло верх над тенденцией, осуществление которой требовало подчас отказа от сепаратных выгод ради общей цели.

Старейшинство, которое, кстати сказать, никогда в памятниках Киевской Руси не обозначается термином «великое княжение»¹²⁸, не имело реальной основы в «общеземском значении политического средоточия Руси», какое, например, В. О. Ключевский приписывает городу Киеву. Такой основой для старейшинства Киев мог бы стать, если бы действительно был «политическим средоточием» в смысле центра политической власти над остальными волостями русской земли. А таким он был только для небольшой киевской волости. Остальные никогда не управлялись из Киева, даже те, какие принадлежали в данное время киевскому князю, сажавшему по городам сыновей или посадников. Мало того, все развитие киевской жизни в рассматриваемый период, подъем влияния местных общественных сил, выразившийся в значении веча как самостоятельного фактора киевской политической жизни, надо понять как одно из условий падения старейшинства киевского князя. Иначе было во времена до Ярослава, когда все восточное славянство подчинялось нераздельной, хотя и внешней, власти киевского князя, и Киев можно было рассматривать как центр создававшегося государства. Но раздел владений, принесенный эпохой сыновей Ярослава, и затем индивидуализация киевских интересов пошатнули «общеземское», центральное значение киевского князя. С первого самостоятельного выступления киевского веча (изгнание Изяслава, провозглашение Всеслава, переговоры с Святославом и Всеволодом) оно является выразителем местных, киевских, а не общерусских интересов. В этот период заложены основы влияния киевского веча на политику князей и на преемство киевского стола. И влияние это тем может быть характеризовано, что лицо, занимающее золотой стол киевский, для киевлян — свой, местный князь. В связи с таким складом киевских отношений стоят как противодействие киевлян

¹²⁷ «Это была — говорит В. О. Ключевский про древнюю Русь, — федерация не политическая, а генеалогическая, если можно соединять в одном определении понятия столь различных порядков, федерация, построенная на факте родства правителей, союз, невольный по происхождению и ни к чему не обязывавший по своему действию, — один из тех средневековых общественных составов, в которых из частноправовой основы возникали политические отношения» (*Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 241*).

¹²⁸ Старшие летописные своды не знают термина «великий князь» для обозначения какого-либо явления междукняжеских отношений, и когда историки рассуждают о великокняжеской власти в древней Руси, то касаются темы, в сущности, чуждой древнерусской жизни. Ср. об этом замечания Грушевского: *Грушевський М. Історія. Т. 3. С. 206*.

образованию наследственного, династического владения Киевом в одной линии, так и на первый взгляд противоположная их тенденция к обращению линии старших Мономашичей в местную киевскую династию: и то, и другое вело к перевесу в Киеве местных интересов над общерусскими, к усилению местного значения киевского князя за счет его старейшинства в земле русской¹²⁹. Не развившись до государственного властвования в отдельных волостях, в частности в киевской, княжая власть не могла стать той силой, которая создала бы единое русское государство, преодолев раздельность княжого владения и все нараставшую по мере усложнения жизни обособленность русских земель.

«Наша древность, — читаем в начале „Русских юридических древностей“, — не знает единого „государства Российского“; она имеет дело со множеством одновременно существующих небольших государств»^{60*}. Это, несомненно, лучшая из попыток установить формальное определение древнерусской государственности, попыток, которые ввиду логической несоизмеримости явлений древней политической жизни и понятий нашего государственного права неизбежно носят условный и искусственный характер стремления выделить из явлений древней жизни те признаки, какие можно без явной натяжки подвести под наше понятие государства. Литература истории русского права не находит государственной формы у древней Руси как целого, указывая на отдельную волость-землю как на «законченное социальное целое со всеми необходимыми элементами государственности» — своей определенной территорией, населением и самостоятельной верховной властью¹³⁰. Форму этой государственности В. И. Сергеевич определяет как «смешанную», в которой участвуют два элемента: монархический, в лице князя, и народный, демократический, в лице веча¹³¹. А попытки определить государственноправовую форму «единства русской земли» не дали удовлетворительных результатов.

Трудно говорить о единстве «государственной» территории древней Руси не только потому, что непрочными оказались ее усилия достигнуть территориального самоопределения, но еще более по ее раздробленности между отдельными волостями-княжениями, не преодолеваемой какой-либо общей властью, дей-

¹²⁹ Сходное значение для упадка принципата краковских князей, установленного завещанием Кривоустого, имела «индивидуальность» интересов и тенденций Кракова. Ср. об этом замечания Пекосиньского^{59*}: *Szujski J., Piekosiński Fr. Stary Kraków. Kraków, 1901. S. 22.* И попытка Казимира Справедливого на Ленчицком съезде 1180 г. заменить сеньорат Кривоустого наследственной в линии своего потомства великокняжеской властью краковских князей не спасла Польшу от полного раздробления на уделы по той же причине.

¹³⁰ Корф С. А. История русской государственности. СПб., 1908. Т. 1. С. 70, 88.

¹³¹ Сергеевич В. Лекции. С. 130.

ствием общего территориального права¹³². Правда, раздробленность эта не была устойчивой; иногда исчезала обособленность той или иной волости, поглощаемой соседней землей. Но эти «инкорпорации» — явления исключительные, часто временные и не шедшие глубоко¹³³. Зато чаще видим — и чем дальше, тем больше — обособление все новых и новых волостей-княжений. Трудно говорить о единстве населения древней Руси (в государственноправовом смысле слова) при медленном усвоении даже общенационального наименования для него, при отсутствии объединяющей его административно-политической организации, при слабости бытовых связей, развивающихся в направлении все большей децентрализации жизненных интересов. Наконец, попытки выработать понятие о единой власти, стоящей во главе древней Руси, пришли к полному крушению, так остроумно оформленному В. О. Ключевским в приведенном выше его определении древнерусской «федерации» как «генеалогической», а не политической.

Намеченное «рядом» Ярослава старейшинство киевского князя не имело в складе древнерусской жизни реальной основы, на которой оно могло бы вырасти в силу, организующую единство всей земли русской.

Не поддержал его и мнимый «очередной» порядок, выведенный из фактов, свидетельствующих именно об отсутствии жизненных условий для развития идеи Ярослава в явлениях княжого владения и междукняжеских отношений¹³⁴. Не развили единства земли русской и княжеские съезды, хотя на них и возложены

¹³² «А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть» (Русская Правда / Изд. В. Сергеевич, III ред., ст. 48).

¹³³ Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 254—259.

¹³⁴ Славянская история знает любопытный пример княжого владения, которое действительно подходит под определение «нераздельно-поочередного», применяемое В. О. Ключевским к древней Руси. Это владение князей острова Крка (Вельи). В конце XII в. видим управление в руках двух братьев, которые управляют «alterutrum succedentes»; что академик Ягич поясняет «обычаем, существовавшим в княжеском роде с давних времен, по которому князья управляли сообща, разделив совокупное имение на столько участков, сколько было владетельных членов дома, в управлении которыми они сменяли по очереди друг друга». В 1232 г. раздоры между князьями привели при вмешательстве Венецианской республики, верховного владельца этих островов, к следующему порядку: владения — острова Велья и Първич — разделены, по числу князей, на три части; каждый князь получал свой участок в управление на шесть месяцев, а потом они должны были меняться; все доходы составляли одно состояние, принадлежавшее в равном размере всем трем князьям. Тут есть и нераздельность и поочередность. См.: Закон Винодольский. . . Труд В. В. Ягича. С. 102—128. Случаи нераздельного владения, но без поочередности, встречались и на Руси, например владение Москвой и «численными людьми» по духовным Калиты, Ивана, Симеона и Дмитрия Ивановичей: тут доходы делятся поровну или «по частям», но «блудеть сопча, съ одного». Ниже встретим и примеры поочередности, не срочной, а, пожалуй, «лествичной», но не по отношению к Киеву.

Любецким уговором те функции, для которых Ярослав обмыслил старейшинство.

Представляя древние княжения как «суверенные государства», коих суверенные права ограничивались лишь договорами, В. И. Сергеевич изображает княжеские съезды как «собрания независимых государей»¹³⁵. Такое определение их как нельзя лучше иллюстрирует условный и по необходимости искусственный характер подведения явлений древней жизни под понятия нашего времени. Оно далеко не передает того смысла, какой вкладывался в съезды их участниками и современным им русским обществом. Для своего времени съезды были собранием «всей братьи» или нескольких князей для принятия общих решений, часто вытекавших не из положения князей как носителей власти в той или иной волости, а из присущего им сознания, что они — группа князей, Ярославлих внуков, призванная «блюсти Русскую землю» и принимать решения, не связанные непременно с делами волостей, во главе которых стоят участники съезда. Речам князей на Любецком съезде, когда они «глаголаша къ собѣ, рекуще: „Почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половцы землю нашу несутъ розно и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отсель имемся по едино сердце, и блюдемъ Рускыѣ земли“», — тесно в определении В. И. Сергеевича. Князья сознавали себя членами более широкого целого, чем отдельные волости, их отчины, и это целое не было для них только суммой отдельных и независимых волостей-княжений. И связь, их объединявшая в XI в., не была только договорной. Это был, скажем словами В. О. Ключевского, «союз невольный по происхождению» — «один из тех средневековых составов, в которых из частноправовой основы возникали политические отношения» и которых, добавим, по существу, не уложить в категории современных понятий государственного права¹³⁶.

¹³⁵ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 211—212. Г. Тельберг в статье «Несколько замечаний о междукняжеских снмах в древней Руси» (ЖМНП. 1905. № 6) устанавливает существенный признак «снма»: цель «политико-юридического характера», установление «ряда»; князья сходятся на снем, чтобы «порядъ положиш о Русьѣй землѣ», «ряды вся укончати о Русской земли и о братьи своей» и т. п.; и в то же время Г. Тельберг соглашается с мнением В. И. Сергеевича, что княжеские съезды были «обычным средством для заключения договора и соглашений, имеющих целью какое-либо совокупное действие нескольких князей». Но существенная черта снемов — ряд о земле и братьи: решения их обязательны для младшей братьи. И эта черта решает в положительном смысле вопрос, следует ли приписывать снмам «действие на всю территорию» Руси. Сам характер вопросов, решавшихся на снмах, мешает признать их участников только представителями отдельных волостей, а сами снмы — собраниями суверенных государей.

¹³⁶ Русская историческая мысль упорно искала государственно-правового определения древней Руси как политического целого. Разновидность этих усилий представляет и воззрение В. И. Сергеевича на древнюю Русь как на сумму «суверенных государств», связанных лишь договорными отношениями. Мысль людей нашего времени с трудом мирится с явлениями, которым она не может

Присматриваясь к княжеским съездам за время киевского княжения Святополка, отметим прежде всего одну их черту. В Уветичах и на Золотыче видим только Святополка, Владимира и Святославичей, что не мешает летописцу про второй из этих съездов сказать: «совокупишася вся братья». На Долобьске Святославичей не было, и только к ним, по рассказу летописца, отправлено особое посольство с призывом к предположенному походу на половцев.

Сопоставляя эту черту с тем, что в постановлениях Любецкого съезда отчинами названы только владения потомков Изяслава, Святослава и Всеволода, видим, что составляло основу политической системы данного времени. Перед нами положение, сходное с тем, какое наблюдается в первые годы после кончины Ярослава. Потомки старших Ярославичей унаследовали не только их отчины, но также их совместное властвование в земле русской.

И этот их союз оказался не более глубоким и тесным, чем союз их отцов. Выше была отмечена изолированность Мономаха при сближении Святополка с Святославичами. Любецкое соглашение не устранило по существу соперничества из-за Киева между отчиками по Изяславе и Всеволоде. Позднее выплыли наружу и притязания на Киев Святославова потомства.

Таким образом, нельзя свести все содержание постановлений Любецкого съезда и выраженных ими междукняжеских отноше-

отказать в политическом характере и которые все-таки не укладываются в привычные для нее правовые формулы. Поэтому приведу меткое суждение К. Лемана^{61*} о древней Швеции: «Zum staatsrechtlichen Begriffe eines Reiches ist die schwedische Verfassung im Anfange des dreizehnten Jahrhunderts noch nicht durchgedrungen. Das „riki“ oder „Konungsriki“, von welchem die älteste Aufzeichnung des westgöthischen Rechtes an mehreren Stellen spricht, ist eine Summe von Einzelstaaten, welche nur durch die Person des Königs miteinander verbunden sind. Über diesen „Einzelstaaten“, den „Landschaften“, steht keine höhere staatsrechtliche Einheit, weder eine selbständige, noch eine aus den Landschaften durch Wahl oder Geburt hervorgegangene Einheit. Unvermittelt, wenn man vom Könige absieht, stehen sie nebeneinander. Jede Landschaft hat ihr eigenes Recht, ihre eigene Ämterverfassung. Der Angehörige einer anderen Landschaft ist Ausländer in demselben Sinne, wie der Angehörige eines anderen Reiches» [«Шведский строй в начале тринадцатого века еще не достиг государственно-правового понятия „государства“. „Riki“ или „Konungsriki“, о котором во многих местах говорит древнейшая запись вестготского права, является суммой отдельных государств, которые связаны друг с другом только личностью короля. Над этими „отдельными государствами“, „областями“ нет никакого более высокого государственно-правового единства, ни самостоятельного единства, ни единства, исходящего из областей посредством избрания или рождения. Внезапно они стоят один рядом с другим, если не обращать внимания на королей. Каждая область имеет свое собственное право, свой собственный административный строй. Принадлежащий к одной из прочих областей является иностранцем в том же смысле, как принадлежащий к другому государству»] (Lehmann K. Der Königsfriede der Nordgermanen. В.: Leipzig, 1886. S. 7). Отсутствие королевского права, которое стояло бы вне и выше земских прав отдельных волостей, объединяя их, не позволяет Леману видеть в королевской власти силу, создающую «eine höhere staatsrechtliche Einheit» [«более высокое государственно-правовое единство»].

ний к признанию начала отчинного, раздельного владения. Резко отразилось в Любецком ряде это начало, но последовательно оно в нем не проведено, так как отчинами названы лишь владения трех старших Ярославичей по отношению к их потомству. Резко отразилось в нем и падение киевского старейшинства, так как к Киеву применено понятие отчины и киевский князь ничем, кроме первого места для его имени, не выделен из других князей, как не выделяла его и политическая жизнь следующих лет. Но отрицание руководящей роли за Святополком Изяславичем еще не убило до конца представления о необходимости власти, которая защищала бы землю от внешних врагов, объединяя для этого все ее силы, и от внутренних раздоров, умиряя рознь князей-отчичей. Княжеские съезды конца XI и начала XII в., худо ли, хорошо ли, сохранили эту традицию в совместных действиях наиболее сильных князей этого времени.

На итогах этого прошлого стал строить свою систему Владимир Всеволодович Мономах, заняв киевский стол по смерти Святополка и поставив себе целью возродить связанное с этим столом старейшинство в земле русской.

V. БОРЬБА ЗА СТАРЕЙШИНСТВО В XII в.

Для того, чтобы понять деятельность Владимира Всеволодовича, надо иметь в виду все ту же борьбу в истории междукняжеских отношений древней Руси двух начал, которые назовем началами отчины и старейшинства. Мы видели, что в предыдущем периоде первое из них росло и крепло, а второе оказалось бессильным удовлетворить своему назначению и сохранить единство в распоряжении средствами всей страны для защиты внешней ее безопасности, а для этого — установить центральную силу, которая охраняла бы внутренний мир, влияя на судьбы отдельных составных частей молодого государства и на их взаимоотношения. Отчинное право — частноправовое понятие семейного владения и наследования — претерпело в применении к княжому владению два существенных осложнения. Отцовский раздел наследства между сыновьями, произведенный Ярославом, не мог руководиться только хозяйственными, экономическими соображениями, как при разделе частного имущества. В нем, как мы видели, заметна известная политическая тенденция, сказавшаяся в группировке западных волостей вокруг Киева, восточных — вокруг Чернигова, но не проведенная последовательно, так как доля третьего Ярославича разбивала своим существованием цельность слагавшейся системы двух крупных держав — право- и левобережной по отношению к Днепру. С этой точки зрения, которую можно назвать политико-географической, становится особенно понятной деятельность Всеволода и его сына, направленная

сперва на приобретение Чернигова и его волостей, затем на приобретение Киева и западных волостей при сохранении Переяславского княжества как киевского форпоста со стороны степи, а также северных владений, которые, окружая вместе с южными волости черниговских князей, служили хорошей базой для влияния на них. Искажение и осложнение простых задач семейного раздела тем, что мы называли проявлением в Ярославовом ряде политической тенденции, обусловило и преобладание трех Ярославичей с их потомством и борьбу между ними.

Десятилетия, протекавшие со смерти Ярослава, принесли и другое осложнение условий отчинного княжого владения и наследования. Княжое отчинное право приходит в столкновение с политической силой веча. С первого проявления этой силы на юге в 1068 г. видим развитие таких отношений между князьями и населением, которые сильно осложняют практику преемства княжих столов. Даже в тех случаях, где нет резких проявлений народной воли в форме призвания и изгнания князей, утверждается необходимость народного признания и ряда между князем и вечем. Население каждого стольного города полноправно в признании князя и ряде с ним, если, конечно, имеет силу осуществить свое право: князь для него свой местный князь; и Киев в этом отношении не составляет исключения, рядясь с своим князем только об управлении местными делами. Народное избрание, однако, ограничено обычным правом на княжение потомков Владимира и Ярослава. При встрече княжого отчинного права с началом народного избрания слагается тот же компромисс между ними, какой господствовал в королевствах германского мира. Право на престол принадлежит всему составу княжого рода, но без определенной последовательности индивидуального наследования; в каждом отдельном случае народное избрание — или признание — «сажает на столе» того или иного из носителей этого «гипотетического» права: обычное право очерчивать лишь круг возможных наследников. С другой стороны, начало старейшинства не нашло себе сколько-нибудь устойчивого осуществления. В своеобразном сочетании с раздельностью владений старших Ярославичей оно создало гегемонию трех князей, приведя в их столкновениях и соглашениях к восстановлению единовластия Всеволода, быстро, однако, подточенного борьбой с младшими отчичами и выродившегося по его смерти в плохо согласованное властвование более сильных князей, решавших общие дела по взаимному соглашению на съездах.

Перед Мономахом стояли две задачи: укрепить за собою Киев, осуществив притом наиболее широкое представление о «Всеволожей отчинѣ», и возродить старейшинство, придав ему значение династической привилегии своего потомства, т. е. укрепив за этим потомством отчинные права на Киев, сохранить и связь старей-

шинства в земле русской с обладанием «золотым столом киевским»¹³⁷. Такое понимание «задач» Мономаха вытекает из совокупности фактов, характеризующих его деятельность как киевского князя¹³⁸.

16 апреля 1113 г. умер Святополк Изяславич. На другой день киевляне, собравшись на вече, послали к Владимиру со словами: «пойде, княже, на столъ отень и дѣдень». Мономах замедлил прибытием в Киев и приехал лишь по второму посольству. Этому промедлению исследователи не раз придавали особое значение. С. М. Соловьев полагал, что Мономахом руководили те же побуждения, что при уступке Киева Святополку: уважение к старшинству на этот раз Святославичей¹³⁹. Говорить ли, как это плохо вяжется с его борьбой против прав тех же Святославичей на Чернигов? М. С. Грушевский также думает, что Владимир искал оправдания своей узурпации в воззрениях князей, которые «не очень-то признавали права народного избрания»¹⁴⁰, но узурпацию видит не столько в нарушении прав Святославичей, сколько в оттеснении от киевского стола старшей линии Ярославичей; так же смотрит и В. И. Сергеевич. Ни из чего не видно, чтобы Владимир сам разделял это мнение. И старший Святославич Ярослав, сидевший на Волыни, восстает против Владимира, только когда на юге появился Мстислав Владимирович как возможный преемник отца. Самому промедлению Владимира едва ли можно приписывать столько значения. Летопись не указывает его причины, говоря только: «не пойде, жаяся по братѣ». Киевляне вторым посольством его торопят, встревоженные народным бунтом. Сама сложность положения дел в Киеве, охваченном разрухой, может быть достаточным объяснением промедления, столь краткого: 17 апреля киевляне послали первый призыв Владимиру, 20-го «вниде Владимиръ въ Киевъ». Этого, быть может, достаточно, чтобы осведомиться о положении дел в Киеве, но едва ли, чтобы выяснить отношение других князей к своему шагу.

Как бы то ни было Владимир, призванный киевлянами «сѣде на столъ отца своего и дѣдъ своихъ». Его двенадцатилетнее княжение М. С. Грушевский так характеризует: «Киевский стол занимает сильнейшая и способнейшая линия Всеволода, поэтому концентрация земель русской державы около своего старого центра — Киева могла достигнуть еще нескольких успехов: последний проблеск в агонии этой концентрации»^{62*}.

Земли «русской державы» были объединены под киевской властью во времена Владимира, Ярослава. Механизм этого

¹³⁷ Ср. приведенные выше постановления польского короля Казимира Справедливого на Ленчицком съезде 1180 г.

¹³⁸ Ср.: Грушевский М. История. Т. 2. С. 109—125.

¹³⁹ Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 349.

¹⁴⁰ Грушевский М. История. Т. 2. С. 110. Суждение М. С. Грушевского нерешительно: ср. С. 111.

объединения не сложен: сыновья киевского князя держат наиболее важные пункты как отцовские посадники. Старейшинство «в отца место», о котором говорит ряд Ярославов, могло бы иметь значение реальной силы, поддерживающей единство всей земли, если бы оно вело к таким же отношениям между старейшиной и младшими князьями, какие существовали между отцом и сыновьями. Этого не произошло по смерти Ярослава. Но мы видим, что старшие Ярославичи свои волости держат сыновьями. Изяславичи теряют волости с изгнанием отца, Святославичи с возвращением Изяслава. Всеволод, переняв волость русскую всю, оставляет Изяславичей при управлении Новгородом и Волынью, но держит их в положении подвластных, распоряжаясь их волостями без всякого внимания к неприкосновенности их отчин, и, уступая города «изгоям», по-видимому, не считает это «вводом во владение», а лишь такой же «раздачей» городов, какая практиковалась по отношению к сыновьям, что и подчеркнуто в летописной передаче постановлений Любецкого съезда.

Эпоха княжеских съездов, как можно назвать время киевского княжения Святополка, приносит в значительной степени утверждение княжеских прав на отчины. Но в практике общих действий младшие князья остаются в зависимости от старейшинства «володевших» на Руси Святополка, Владимира и Святославичей: только эти принимают решения, а в походы идут младшие, не участвовавшие в совете, не опрошенные: лишь разногласие старших князей дает, например, Ростиславичам возможность отвлечь грозившую им снова судьбу «изгоев».

В этих чертах предыдущего времени была своего рода историческая основа для политики Владимира по отношению к младшим князьям. Волости, бывшие у него в руках, он поручает сыновьям — видим Мстислава в Новгороде, Святослава, а по его смерти Ярополка в Переяславле, Вячеслава в Смоленске, Юрия в Суздале. Кроме того, заняв Киев, Владимир вступает в наследие политики Изяслава и Святополка Изяславича. Те волости, что находились в непосредственном владении Святополка, переходят к нему: Турово-Пинская земля как «киевская волость», по выражению одного из позднейших князей¹⁴¹. Но и младших князей, сидевших на западных волостях, Владимир втягивает в свой семейный союз: волынский князь Ярослав Святополчич был женат на внучке Владимира Мстиславне; за Всеволодка, сына Давыда Игоревича, князя Городенского, он выдает дочь свою Агафью; на дочери Володаря Ростиславича женит сына своего Романа. Едва ли эти родственные связи имели целью только политический союз, как полагает М. С. Грушевский. По крайней мере по отношению к Ярославу Святополчичу видно нечто иное. Под 1117 г. читаем рассказ о походе Владимира на него: «и створи миръ

¹⁴¹ Ипат. С. 222.

съ Ярославомъ, Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ стрьемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову». Через год Ярослав бежал в Венгрию и начал борьбу с помощью венгров, поляков и чехов, втянув в нее и Ростиславичей, пока не погиб под Владимиром. И летописец, сторонник дома Мономахова, доказывает правоту Владимира, «оному бо младу сущю и гордящюся противу строеви своему и паки противу тѣсти своему Мъстиславу»¹⁴².

Эта мотивировка не лишена значения. Вспомним, что позднейшие своды сохранили указание на связь между разрывом Ярослава с Владимиром и их семейными отношениями: «Ярославъ Святополчичъ отсла отъ себе жену свою, дщерь Мъстиславлю, внуку Володимерю; Володимеръ же слышавъ се и совокупи воя, поиде на нь»¹⁴³. Если превращение семейной истории Ярослава в основной мотив и является, вероятно, позднейшей комбинацией книжника, то само известие о ней нельзя признать каким-либо вымыслом, а в сопоставлении с приведенным рассуждением киевского летописца оно приобретает несомненный интерес. Владимир мужа внуки, обязанного почтением к тестю, а тем более к его отцу, ставит своим «наказанием»¹⁴⁴ в положение послушного подручника. После бегства Ярослава Владимир сажает на Волини сына Романа, а по его смерти Андрея.

После гибели Ярослава Святополчича старшая линия Ярославичей быстро захудала¹⁴⁵. Волинь остается под властью киевского князя: по переходе Андрея в Переяславль (1135) Ярополк Владимирович сажает тут племянника Изяслава Мстиславича.

Соединение Волини с Киевом в одних руках, объединительные тенденции политики Владимира представляли серьезную опасность для Ростиславичей. В первом походе Владимира на Волинь видим их в его войске, но изгнание Ярослава толкнуло их к союзу с изгнанником, а после его гибели, когда ушли приведенные на Мономаха венгерские и польские силы, Василько и Володарь, «к Володимеру с молбою и с дары послаша послы»¹⁴⁶, больше о них не слышим.

В то же время и в том же духе устанавливает Мономах свои отношения к князьям Полоцкой земли. Причины разрыва с Глебом Всеславичем, княжившим в Минске, летопись не указывает, рассказывая только, что Глеб «бѣше воевалъ Дреговичи и Слуцескъ

¹⁴² Там же. С. 204—207.

¹⁴³ Воскр. С. 24; ПСРЛ. Т. IX. С. 150.

¹⁴⁴ Тон этого «наказания о всем» отмечен в Лавр. С. 277; «сваривъся нань много».

¹⁴⁵ Младшие братья Ярослава умерли юношами, не оставив потомства; из его сыновей Вячеслава видим позднее на мелком Клецком княжении, а второму, Юрию, удалось в конце 50-х годов XII в. вернуть себе клочок своей дедины — Туров. От него пошло целое гнездо мелких турово-пинских князей.

¹⁴⁶ Ипат. С. 206—207.

пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покоряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголаше, укаряи ѿ». Слова эти намекают на предшествовавшие недоразумения, о которых киевская летопись предпочла умолчать. Владимир смирил Глеба, который «вышедъ изъ города с дѣтми и с дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мире, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера; Володимеръ же умиривъ Глѣба и наказавъ его о всемъ вѣдѣсти ему Менескъ». А через два года Мономах, «взя Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кыеву», где он через несколько месяцев и умер¹⁴⁷. Продолжает дело Мстислав Мономахович. В 1127 г. он заставил полочан выгнать Давыда Всеславича и просить себе в князья Рогволода Всеславича, а на третий год «поточи Мъстиславъ Полотскіи князь, съ женами и с дѣтми, въ Грѣкъ, еже преступиша хрестіанское целование» — «зане не бяхуть въ его воли и не слушахуть его, коли е зовашеть въ Рускую землю в помощь, но паче молваху Бонякови шелудивому во здорově»; за это Мстислав «посла по Кривитьстѣи князь по Давыда, по Ростислава и Святослава и Рогъволодича два, и усажа у три лодьи и поточи ѿ Царьграду за неслушание ихъ, а мужи свои посажа по городомъ ихъ»¹⁴⁸. Так Владимир и Мстислав довели до конца дело объединения западных волостей под киевской властью, осуществили задачи, намеченные Изяславом и Святополком. Отсутствие известий о столкновениях с Ростиславичами¹⁴⁹, оставшимися на своем посту — западном форпосте южной Руси, распадение их отчины и раздоры по смерти Василька и Володаря между их сыновьями заставляют думать, что и галицкие князья не нарушали киевского владычества на запад от Днепра.

С другой стороны, характерны отношения между Владимиром, а затем Мстиславом и черниговскими Святославичами. Не слышно о раздорах между ними. Но нет основания говорить и о такой зависимости Святославичей от Мономаха, какая создавалась для младших князей правобережного Днѣпровья. В фразеологии киевской летописи Святославичи всегда выделены, поставлены рядом с Владимиром. Их она вместе называет: «братья Русции князи»¹⁵⁰. В поход на Ярослава волынского идут Владимир и Давыд Свято-

¹⁴⁷ Там же. С. 203—205.

¹⁴⁸ Там же. С. 211, 217—218.

¹⁴⁹ Относительно особенности их положения сравнительно с другими князьями см. ниже.

¹⁵⁰ Там же. С. 201: «В лѣто 6623, индикта 8, съѣздишася братья Русции князи, Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожъ, и Давыдъ Святославличъ, и Олегъ, братъ его», на перенесение мощей св. Бориса и Глеба в Вышгороде из деревянной церкви в каменную. Происходит спор о том, где поставить раку, среди ли церкви, как хотел Владимир, или по плану Святослава Ярославича в приготовленной комаре, и решается жребием в пользу Святославичей. Отмечу одну подробность: князья обедали у Олега. Не было ли у него своего двора в Вышгороде? И почему Олег принимает в Вышгороде братьев, а не Владимир? Ср. позднейшие отношения Вышгорода к Всеволоду Ольговичу.

славич, и Володарь, и Василько¹⁵¹. Быть может, и то не лишено значения, что Давыд упоминается в походе только вместе с самим Владимиром, а когда Владимир послал на Дон сына Ярополка, то и Давыд послал сына своего Всеволода¹⁵². Проследим и дальнейшее развитие этих отношений при Мстиславе Владимировиче. Старшие Святославичи сошли со сцены. Олег умер еще в 1115 г., Давыд в 1123 г. Черниговский стол занял было третий брат их, Ярослав, но Всеволод Ольгович «изъѣхалъ» его, дружину перебил, а самого дядю вернул в Муром. Летописец, благочестивый поклонник Мономахова племени, рассказывает, как Мстислав собирался походом на Всеволода, чтобы соблюсти крестное целование к Ярославу, как молил его Всеволод, подкупая киевских бояр, как медлил и колебался Мстислав, пока игумен Андреевского монастыря и «собор иерейский» не взяли на свою душу преступление крестного целования, как Мстислав, наконец, «створи волю ихъ и съступи хреста. . . къ Ярославу и плакася того вся дни живота своего»¹⁵³. Ярослав остался в Муроме, а Всеволод на столе черниговском.

Плач по свершенном клятвoprеступлении не помешал Мстиславу использовать положение в духе отцовской политики. «В то же лѣто посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣ»¹⁵⁴, и в числе братьи этой видим его зятя Всеволода Ольговича: так про старших Святославичей не выражались. Не обошлось дело и без территориальных уступок Всеволода в пользу киевского князя, расширивших южные владения его за счет черниговских волостей в Посемье¹⁵⁵. А владения эти представляли особую важность именно потому, что разрывали связь Черниговщины

¹⁵¹ Там же. С. 204 — ошибочно: Давыд Ольгович. То, что и как тут названы Ростиславичи, вероятно, указывает на большую, по крайней мере формально, независимость, признанную за ними Мономахом. Напомню, что Володарь был тестем Мономашича Романа.

¹⁵² Там же. С. 204. Если из одной строчки слишком смело делать вывод, то все-таки не могу не отметить, как указанная черта напоминает позднейшее правило договоров: «. . . а гдѣ ми буде, брате, поити на рать . . . всѣсти ти самому съ нами на конь. . . а пошлемъ воеводѣ, и тобѣ и своихъ воеводѣ послати».

¹⁵³ Там же. С. 209—210.

¹⁵⁴ Лавр. С. 282.

¹⁵⁵ Грушевский (Исторія. Т. 2. С. 123) к этому моменту относит захват Мстиславом Посемья и посадение в Курске Изяслава Мстиславича. Так и П. В. Голубовский^{63*} (История Северной земли до половины XIV в. Киев, 1881. С. 108) говорит о вторичном присоединении Курска к Переяславскому княжеству в 1128 г. Но в Лавр. летописи находим известие, что «Ярополчи бяхуть посадници по всей Семи и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ» в связи с первым столкновением Мстислава с Всеволодом из-за Ярослава и ранее их примирения (под 1127 г.). Ср.: Голубовский П. В. История Северной Руси. С. 107: его ссылка на различие хронологии Лавр. и Ипат. летописей не имеет значения, так как и последняя упоминает о Ярополчих посадниках на Локне в том же моменте изложения, как первая. Захват Курска с Посемьем, очевидно, был первым шагом киевского князя по черниговскому перевороту, и Всеволоду пришлось с ним примириться, купив этой ценой мир с Мстиславом.

с половецкими степями, так часто служившими для Святославичей источником сил на борьбу с киевскими князьями.

С объединением под одну власть Киева западных волостей и владений, охватывавших с севера и юга волости черниговские, семья Мономашичей пока дружно держалась под старейшинством Мстислава, сказывалась подавляющей силой в политической системе древней Руси¹⁵⁶.

Так восстановил Мономах — точнее, впервые осуществил на деле — идею старейшинства в земле русской: Мстиславу лишь оставалось достроить начатое отцом здание. Они проводили в жизнь воззрение, что отдельные князья держат части русской земли с обязанностью соединять свои силы на общее дело по требованию старейшего, киевского князя под страхом кары, лишения волости. Что такое осмысление практики Мономаха и сына его не включает в себе преувеличения, показывает одно позднейшее свидетельство. В 1177 г. в Киеве сидел Роман Ростиславич, и послал он на половцев сыновей и братьев, из которых один, Давыд Ростиславич, не пришел и стал виновником поражения. Тогда один из Ольговичей поехал в Киев к Роману с таким заявлением: «Брате! я не ищю подъ тобою ничегоже, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову, а Давыдъ виновать — онъ же того не створи», добавляет летописец, видимо признавая норму княжого права, на которую ссылался обвинитель Святослав Всеволодович. И дело кончилось изгнанием Романа из Киева¹⁵⁷. Не в смутные годы середины XII в. могла выработаться такая норма княжого права, а лишь во времена энергичной киевской власти; и недаром прозвучало злорадством обращение Святослава к Роману — «обрадовашася, — говорит киевский летописец, — Ольговичи, аки не вѣдуще Божия казни»: он ссылался на правило, с которым Романа должна бы связывать семейная традиция¹⁵⁸.

¹⁵⁶ О Ростиславичах наши летописи молчат, указав под 1124 г. на смерть Василька и Володаря. Сведения о дальнейших событиях в Галичине сохранились лишь у Длугоша (ср.: *Грушевський М.* Історія. Т. 2. Примеч. 10). Там идет борьба Васильковичей и Володаревичей при вмешательстве Мстислава Владимировича. Лишь по смерти его удалось Володимирку Володаревичу объединить Галичину в своих руках.

¹⁵⁷ Ипат. С. 409.

¹⁵⁸ В. И. Сергеевич полагает, что Святослав Всеволодович ссылался в данном случае на условие, внесенное в договор между Романом и черниговскими князьями (*Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 2. С. 240). Но не совсем понятно, как могли эти князья вносить в свой договор условие относительно кары вообще князей за вину, сопоставляя ее притом с виною мужа. Святослав требует, чтобы Роман покарал брата, как Мстислав полоцких князей. Напомню, кстати, что термин «ряд» далеко не тождествен по значению со словом «договор». Ср. «рядъ рядити, рядъ держати» = управлять; «рядъ» = мирный порядок: новгородцы негодуют, что князь «не створи имъ ряду, нъ боле раздыра»; «безъ ряду умереть» = «безъ языка умереть», не сделав «уряженья» — раздела наследникам. Ср. определение понятия «ряда» у Ф. И. Леонтовича (Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 8. С. 219).

Рука об руку с объединительной политикой идет стремление Мономаха подвести под непрочную идею старейшинства новое династическое основание. Результаты Мономаховой политики были блестящи и окружили его память особым ореолом в глазах киевского общества: половцы оттеснены за Дон, усобицы прекратились, княжая власть окрепла, проявляя свою силу в уставном законодательстве, стремившемся поставить в определенные рамки нарастающую социальную рознь. Симпатии населения Киевщины были обеспечены потомству Мономаха. Обеспечить и на будущее время устойчивость созданной системы отношений — не могло не стать целью ее создателя. И обстоятельство, казалось, сулило успех, но сами основы этой системы и Мономахова ряда оказались непрочными.

Летописец лишь вскользь упоминает об этом ряде. Сообщив о кончине Владимира, он заключает: «... и сынове его разидошася кождо въ свою волость, съ плачемъ великомъ, идѣже бѣше комуждо ихъ раздаялъ волости... Мѣстиславъ, старѣйший сынъ его, сѣдѣ на столѣ в Києви, отца мѣсто своего»¹⁵⁹. Не подлежит сомнению, что Мстислав занял киевский стол по «ряду» отца. В начале княжения Владимира он сидел в Новгороде. Под 1117 г. читаем известие, что Владимир «приведе» Мстислава из Новгорода и дал ему Белгород¹⁶⁰, за чем последовал разрыв Владимира с Ярославом Святополчицем. С. М. Соловьев допускал, что призыв на юг Мстислава мог вызвать у Ярослава подозрение о планах преемства на Киев, но не находил основания объяснять ими само распоряжение Мономаха¹⁶¹. Решительнее судит М. С. Грушевский¹⁶², указывая, что для простой помощи себе Мономах взял бы кого-нибудь из младших сыновей. Момент этот представляется действительно знаменательным в политике Мономаха уже потому, что Мстислав, уйдя на юг, номинально остался новгородским князем: в Новгородской летописи читаем, что, уходя в Киев, Мстислав «сына посади в Новѣгородѣ Всеволода на столѣ», а «посадиша на столѣ Всеволода Новгородци» только после смерти Владимира и вокняжения Мстислава в Киеве¹⁶³.

Передача киевского стола Мстиславу, насколько знаем, не представила затруднений. Святополковичи были устранены, бессильные и по личному составу. Старших Святославичей уже не стало, а третий брат их, Ярослав, не смог и Чернигова удержать против племянника. Но ряд Мономаха не остановился на этом. Намек на дальнейшее его содержание исследователи находят в известии о событиях по кончине Мстислава (1132): «Преставися Мстиславъ... и сѣде по немъ братъ его Ярополкъ, княжа Киевѣ;

¹⁵⁹ Ипат. С. 208.

¹⁶⁰ Лавр. С. 277; Ипат. С. 204.

¹⁶¹ Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 353.

¹⁶² Грушевский М. История. Т. 2. С. 111.

¹⁶³ Новг. I. С. 121, 123.

людье бо Кыяне послаша по нь. В то же лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича из Новгорода и да ему Переяславль по крестному цѣлованью, акоже ся бяше урядилъ с братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, акоже бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ»¹⁶⁴.

В тексте этом прежде всего привлекают внимание последние слова, отмеченные В. И. Сергеевичем, как единственный пример в древней Руси оставления стола сыновьям в общее владение¹⁶⁵. Насколько знаем, Мстислав никогда не занимал переяславского стола. С 1113 г. сидит в Переяславле Ярополк. А Владимир перед кончиной, оставляя Мстиславу золотой стол киевский, дает ему вместе с Ярополком Переяславль. Это могло иметь лишь смысл предоставления Мстиславу права распорядиться переяславским столом и утвердить на него отчинные права Мстиславичей. Мстислав по смерти отца урядился крестным целованием с Ярополком о передаче по отню повеленью Переяславля Мстиславичу Всеволоду, точнее вообще Мстиславичам, как их отчину: по изгнании Всеволода Юрием Ярополк дает Переяславль крестного ради целования другому Мстиславичу — Изяславу. В уряжение этом заключалось и определение относительно судеб стола киевского. Момент передачи Переяславля Всеволоду — переход Ярополка в Киев, когда преставился Мстислав, «оставивъ княжение брату своему Ярополку, емуже и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предастъ»¹⁶⁶. Исчерпывалось ли содержание Мономахова ряда преемством Ярополка по Мстиславе на киевском столе с передачей Переяславля Мстиславичам? Едва ли. Когда Ярополк передал Всеволоду Переяславль, вызвав его из Новгорода, то Юрий и Андрей Владимировичи поняли это как шаг к передаче ему и киевского стола по Ярополке: «...се Ярополкъ, брать наю, по смерти своей хощеть дати Киевъ Всеволоду, братану своему», порешили они и выгнали его и Переяславля¹⁶⁷.

Переход на юг Всеволода Мстиславича получил такое же значение, как в 1117 г. появление Мстислава в Киевской земле. Отмечу притом, что с уходом Всеволода из Новгорода стол новгородский не был передан другому князю: изгнанный Юрием Всеволод вернулся в Новгород, но новгородцы, негодуя, что он покинул их, хотя крестным целованием обязался княжить у них пожизненно, не сразу его приняли, да и потом, низлагая его через три года, корили: «...чему хотѣлъ еси сѣсти Переяславли?»¹⁶⁸.

Можно, конечно, при отрывочности наших известий коле-

¹⁶⁴ Лавр. С. 268. Ср.: Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 270—272; Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 131—132.

¹⁶⁵ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 253.

¹⁶⁶ Ипат. С. 212.

¹⁶⁷ Новг. I. С. 126. Лавр. и Ипат. летописи не упоминают об участии Андрея в изгнании Всеволода, но в дальнейшем видим, что он переходит в Переяславль, чем подтверждается показание Новг. I.

¹⁶⁸ Новг. I. С. 126—129.

баться: отнести ли план преемства Мстиславичей по Ярополке на киевском столе к ряду Мономахову или к соглашению Мстислава с Ярополком? Но колебания эти устраняются, полагая, самым характером как завещания Мономаха относительно Переславля, которое создавало права на него киевского князя Мстислава с потомством, хотя временно волость и оставалась в руках Ярополка, так и содержанием завещания Мстислава, оставившего брату Киев, вместе с опекой над сыновьями. С совокупность известий дает представление о последовательно проводимой династической реформе, вполне согласной с общим характером деятельности Мономаха; и нет оснований противопоставлять планы и соглашения Мстислава с Ярополком содержанию Мономахова ряда ¹⁶⁹.

Дело шло об утверждении за одной из линий Мономахова потомства как исключительных прав на владение Киевом, Переславлем и Новгородом, так и связанного с киевским столом старейшинства в земле русской, руководящей роли во всей системе русских земель-княжений. Речь шла обо всем наследии Владимира и Мстислава — владельческом и политическом. Только такое толкование дошедших до нас отрывочных известий, согласное с общим направлением политики Владимира и Мстислава, дает объяснение и той упорной борьбе, какая завязалась между Мономашичами при первой попытке осуществить на деле новый порядок преемства на столе киевском.

Но имеем ли мы основание видеть тут установление нового принципа в княжом наследовании? На такой вопрос ответ возможен только отрицательный. Мономах и Мстислав лишь повторяют в более сильной степени, потому что княжеский род количественно разросся, то, что в свое время удалось старому Ярославу: свести владение ядром древней Руси к владению одной семьи с исключением других, боковых линий. Ничто не указывает на то, чтобы в их планах играла какую-либо роль идея майората, чтобы она приходила им в голову. С другой стороны, попытка эта происходила в условиях иной исторической эпохи, и смысл ее должен быть ограничен указанием на установившиеся избирательные права населения ¹⁷⁰. Поскольку пошедшая от Владимира и Мстислава традиция была принята населением земли Киевской — сперва по отношению вообще к Мономахову потомству, затем к старшим Мономашичам, — она лишь суживала круг возможных наследников данного стола, не предопределяя, однако, строгой последовательности индивидуальных прав в их среде и не поддерживая идею старейшинства киевского князя.

В течение дальнейших событий именно династические тенденции старших Мономашичей дали толчок к кровавой смуте, в кото-

¹⁶⁹ К такому пониманию склоняется и М. С. Грушевский (*Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 131*).

¹⁷⁰ «И съде Киевѣ Мстиславъ» — читаем в Лавр. С. 280; «Мстислава посадиша на столъ» — в Новг. I. С. 123.

рой «раздърся вся земля русьская», погибли результаты политики Мстислава и Мономаха, пало и значение Киева.

Крушение системы отношений, созданной трудами Мономаха и Мстислава, а тем более их династических планов вполне определилось в первый же год по смерти Мстислава. Переход Всеволода Мстиславича из Новгорода в Переяславль оказался неосуществимым. Дядя Юрий в тот же день его выгнал, а бурное настроение новгородцев требовало оставить его на их столе, чтобы удержать Новгород в руках Мстиславичей. Попытка Ярополка иначе исполнить свой ряд с Мстиславом, переводя в Переяславль Изяслава Мстиславича из Полоцка¹⁷¹, привела к утрате полоцкого княжения. Раздраженные, подобно новгородцам, уходом своего князя, полочане изгнали его брата Святополка и посадили на стол своего отчича Василька Святославича, внука Всеслава¹⁷². Новгородские и полоцкие дела заставили Ярополка отступить от ряда Мстиславова и «уладиться» с братьями — Юрием и Андреем (роль Вячеслава рисуется пассивной). Изяслава Ярополк «съ ну-жею» вывел из Переяславля, чтобы отдать этот город Вячеславу. А Изяславу «даша» к Минску, который один уцелел из прежней его Полоцкой волости, Туров и Пинск, куда, однако, вскоре вернулся Вячеслав, не утвердившийся в Переяславле¹⁷³.

¹⁷¹ «И съде Гюрги дний 8, и выведе и Ярополкъ, хрестънаго ради цѣлованья, и посла по другаго Мстиславича, по Изяслава, в Полтескъ, и приведе и с клятвою» (Лавр. С. 286). Ср.: Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 368.

¹⁷² Ср.: Соловьев С. М. История России. Кн. 1. Стб. 368; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли. С. 82.

¹⁷³ Ход событий и их хронология за эти годы сильно спутаны. Лавр. дает под 1133 г. неясный текст: «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смолинска даръ, и тако хрестъ цѣловаша; и поча лишатися Вячеславъ Переяславля и, дошедъ Городца, воротися опять». Не идет ли тут речь о неосуществленном на деле новом соглашении Ярополка с Мстиславичами, пытавшимися ценою даров привлечь его на свою сторону в переяславском вопросе? Не могу видеть тут дары, которые Ярополк поручил князьям новгородскому и смоленскому дать Изяславу, как предлагает Грушевичский: в Новгороде сидел Всеволод, в Смоленске — Ростислав Мстиславич. Под 1134 г. Лавр. сообщает о выходе Вячеслава из Переяславля в Туров против воли Ярополка, а под 1135 г. — о том, как Юрий «испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю»; затем, в то же лето «изъ Турова иде Изяславъ в Мѣнскъ, оттолъ же иде Новугороду к братьи, и сложишася (со — Р. А.) Олговици и с Давыдовици, и всташа вси на рать». В Ипат. читаем только: под 1134 г. — «Вячѣславъ лишився Переяславля, иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка», а под 1135 г. то же, что в Лавр., известие о соглашении Юрия с Ярополком — «и про то заратишася Олговици». Новг. I относит начало усобицы к 1134 г., упоминая о походе Всеволода с новгородцами, чтобы брата (Изяслава) посадить в Суздале, после которого «Изяславъ иде Киеву: и раздърся вся земля Русьская». Последний поход — это поход Изяслава под Чернигов в помощь Ольговичам, падающий по Лавр. на осень 6643 г., что может быть и 1134 г.

В предыдущем Лавр. явно двойит известие о Турове и запаздывает с началом усобицы, путая записи о событиях в Поволжье и в Переяславле (Лавр. С. 287—288; Ипат. С. 213—214; Новг. I. С. 126—127).

И снова видим группировку князей, сходную, на первый взгляд, с той, которая сложилась по смерти Ярослава: союз Мономашичей — Ярополка, Юрия, Андрея, с ними и второй брат, безличный Вячеслав, — против племянников. Но времена были другие. В руках младших князей было слишком много сил для того, чтобы союз старших Мономашичей мог властвовать в земле, подобно старшим Ярославичам. Серьезной силой оказалась в возникшей уособице и самостоятельная политика вечевых городов.

Поначалу Мстиславичи выбиты из южной Руси. Киев, Волынь, Туров, Переяславль в руках дядей. По соглашению с Ярополком Юрий, получив Переяславль, отдал ему Суздаль и Ростов, «и прочую волость свою, но не всю». Поволжье также в руках дядей, Ростислав Мстиславич удержался в Смоленске, но об его участии в уособице мы ничего не слышим¹⁷⁴. Опорным пунктом Мстиславичей оказался на первых порах Новгород, но с первых же шагов Всеволода, направленных к тому, чтобы втянуть его в борьбу за интересы Мстиславичей, выступила сильная партия противников служения княжеской династической политике, а неудача суздальских походов доставила ей решительный перевес¹⁷⁵. Только союз с сильными Святославичами, во главе которых стоял энергичный Ольгович Всеволод, помог Мстиславичам добиться уступок. Андрей Владимирович перешел в Переяславль, очищая Владимир Волынский для Изяслава, а изгнанный новгородцами Всеволод получил Вышгород, чтобы вскоре перейти в Псков, куда звали его новгородские «милостници», куда манила надежда вернуть себе новгородский стол. Но Новгород был уже потерян для Мономахова племени в смысле надежной опоры его силы. «Не только Мономаховичи, но и вообще Ярославичи с этого времени, можно сказать, теряют новгородскую волость, и она занимает совсем особое, исключительное положение в политической системе Руси»¹⁷⁶. Потеряна и Минская волость, вернувшаяся в руки полоцкой княжой линии¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Не знаю, как это объяснить. Выступает Ростислав только по примирении Мстиславичей с Ярополком как противник Ольговичей: смольняне перехватывают Святослава Ольговича, изгнанного новгородцами, и участвуют в походе под Чернигов.

¹⁷⁵ Новг. I. С. 126—127. После поражения при Ждане горе посадничество переходит в руки Мирослава Гюрятинича, который делает неудачную попытку посредничества между Киевом и Черниговом; а примирение Мстиславичей с Ярополком и разрыв их союза с Святославичами привели к низложению Всеволода: «...велѣль вы, рече, къ Всеволоду приступити, а паки отступити велить» (Там же. С. 129).

¹⁷⁶ Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 138.

¹⁷⁷ С ухода Изяслава Мстиславича из Минска на север не имеем сведений о Минской волости. С конца 30-х годов видим полоцких князей в союзе с Ярополком, потом с Всеволодом Ольговичем. Под 1140 г. Ипат. сообщает о возвращении из Царьграда двух полоцких княжичей. Вероятно, с этими известиями надо связать возвращение Минска в руки его «отчичей»; первое

Мономахово наследие разбито. И территориальные потери, и еще более разрушение силы, объединившей политическое руководство всей землей русской, вскрыли с яркой наглядностью несоответствие оснований, на которых строил Мономах, как складу междукняжеских отношений, так и настроению населения. Его дело нашло себе продолжателя только в Мстиславе. Но оно оказалось слишком тесно связанным с личными свойствами, а еще более — с положением этих князей среди княжой братии и рушилось при первых раздорах в среде Мономахова потомства.

Рушилось дело Мономаха. Но не исчезла бесследно традиция, доведенная им до такого напряжения, что возможной казалась ее победа. И ее проявления в ходе дальнейших событий требуют внимания.

В 40-х годах XII в. ее берет в свои руки Всеволод Ольгович (1138—1146)¹⁷⁸. Раздорами Мономашичей черниговские князья воспользовались, чтобы восстановить свое положение, стесненное политикой Мономаха и Мстислава: «Олговици начаша просити у Ярополка: „что ны отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хотимъ“» — и после примирения с Мстиславичами «вда Ярополк Олговичемъ отчину свою, чего и хотѣли»¹⁷⁹. М. С. Грушевский догадывается, что речь шла о Посемье, указывая, что куряне после этого выступают в составе сил Ольговичей¹⁸⁰. Смерть Ярополка (в феврале 1138 г.) открыла Всеволоду Ольговичу более широкие пути. Мономашичи были ослаблены отсутствием солидарности между двумя самыми сильными представителями их рода — Юрием Владимировичем и Изяславом Мстиславичем¹⁸¹. Только этим можно объяснить беспомощное положение Вячеслава, занявшего было Киев по смерти брата. Всеволод Ольгович, придя под Киев с вышегородцами¹⁸², послал сказать ему: «Иди з добромъ

упоминание о нем как владении полоцких князей под 1151 г. (Ипат. С. 308). Ср.: Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли. С. 83—86.

¹⁷⁸ Обзор его княжения см.: Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 138—146.

¹⁷⁹ Ипат. С. 213, 215.

¹⁸⁰ Новг. I. С. 130. Соглашение не оказалось прочным: через два года Всеволод с половцами нападает на переяславские волости и «пойма Посульское», по-видимому спорную территорию (Ипат. С. 216).

¹⁸¹ По вокняжении в Киеве Всеволода Юрий приезжал к Ростиславу Мстиславичу в Смоленск, обращался и к новгородцам, тщетно хлопоча о коалиции против Всеволода (Новг. I. С. 132). И позднее: Изяслав ездил к Юрию, но не мог с ним уладиться (Лавр. С. 294).

¹⁸² Это участие вышегородцев в захвате Киева Ольговичем заставляет вспомнить об указанной выше роли Олега в Вышгороде при перенесении мощей св. Бориса и Глеба: он принимает у себя и угощает Мономаха. Братья Святославичи добиваются при этом исполнения предначертаний своего отца относительно помещения раки святых. Связь Святославичей с Вышгородом не ясна из дошедших до нас известий. Но едва ли будет преувеличением сказать, что Всеволод Ольгович имел бы основание назвать Вышгород отним городом. Он и умирает в Вышгороде (Лавр. С. 297); не в Киев, а в Вышгород везут его,

изъ города», — и Вячеслав уступил без борьбы, вернувшись в свой Туров.

И «съде Олговичъ в Киевѣ и нача замышляти на Володимеричѣ и на Мстиславичѣ, надѣяся силѣ своей, и хотѣ самъ всю землю держати с своею братьею: искаше подѣ Ростиславомъ Смолинска, а под Изяславомъ Володимеря»¹⁸³.

Глава черниговских князей, заняв стол киевский, мог лелеять самые широкие планы, мог чувствовать себя призванным к объединению Всеволожей и Святославлей отчин старших Ярославичей в одной политической системе, построенной в духе Мономаха, но на более широком основании, чем то, что служило Владимиру. И Всеволод Ольгович делает попытку вступить на путь Мономаха, «оставив свою отчину», как упрекал его Вячеслав¹⁸⁴, попытку безнадлежащую, так как не имел он на самом деле ни одной из тех опор, на каких покоилось положение Мономаха: ни в солидарности своей семьи, ни в перевесе сил над другими князьями, ни в сочувствии населения. Тем она любопытнее, так как не вытекала из окружавших Всеволода условий, а вызвана исключительно силой традиции киевского старейшинства.

Первые покушения Всеволода направлены на Волынь и Переяславль. «Иди изъ Володимера», — послал он сказать Изяславу, а Андрею Переяславскому: «Иди Курску». Но Мономашичи твердо стали за свои отчины и, даже разрозненные, оказались в силах их удержать¹⁸⁵. Пришлось считаться с Мономашичами. Начались переговоры Всеволод сперва «не хотѣ учинити волѣ ихъ», но «послѣдѣ съдумавъ, оже ему безъ нихъ нелзѣ быти, и давъ имъ прошение ихъ и крестъ к нимъ цѣлова»¹⁸⁶. Не знаем, в чем со-

больного. Еще при Изяславе «держа Вышгородъ Чюдинъ» (Там же. С. 177, под 1072 г.); это, по всей вероятности, Микула Чюдин, участвующий четвертым в ряду княжих мужей на съезде трех Ярославичей, установивших свою «Правду», а при Владимире Мономахе Иванко Чюдинович, муж Ольгов, участвует в составлении устава о резах.

¹⁸³ Там же. С. 291.

¹⁸⁴ «Азъ, брате, — такие слова влагает ему в уста летописец, чей рассказ сохранился в позднейших сводах, — приидохъ здѣ по братии своей Мстиславъ и Ярополцъ, по отецъ нашихъ завѣщанию; аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мний тебе буду» (Воскр. С. 32). Ср. замечание К. Н. Бестужева-Рюмина^{64*} (О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 77).

¹⁸⁵ Лавр. С. 291.

¹⁸⁶ Ипат. С. 219. М. С. Грушевский полагает, что Всеволод обещал передать Вячеславу и Изяславу Киев, приняв соглашение, состоявшееся еще до того между этими князьями. Указание на то, что между ними такое соглашение было уже при жизни Всеволода, он видит в словах Вячеслава: «Изяславъ ѣда битися съ Игоремъ, тако молвити: язъ Києва не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячславъ братъ старѣй, а тому его ищю» (Там же. С. 297), — и в покаянии Изяслава перед дядей, что он по удаче на нем «чести не положилъ» (Там же. С. 289). Это еще не указывает на уговор совместно владеть Киевом, а поведение Вячеслава после победы Изяслава над Игорем (Лавр. С. 298) прямо говорит о намерении его править самостоятельно. Всего вероятнее, что все эти известия

стояли уступки Всеволода, но Мономашичи сохранили свои княжения, а Всеволода, как говорил позднее Изяслав, признали старейшиной¹⁸⁷. По смерти Андрея Всеволод послал на Вячеслава, чтобы отнять у него Туров. «Съдиши, — велел он ему сказать, — в Киевской волости, а мнѣ достойть; а ты иди Переяславлю въ очину свою»; Вячеслав подчинился, но затем уговорил Всеволода вернуть ему Туров, а Переяславль отдал Изяславу в обмен на Владимир, куда Всеволод послал сына Святослава.

Еще менее успешна была новгородская политика Всеволода. Ни его брату, ни сыну не удалось там утвердиться, а опасность перехода Новгорода на сторону враждебного Юрия Владимировича побудила Всеволода к новому соглашению с Мстиславичами: «...уладися Всеволодъ с шуринами своими и да има Новѣгородъ и посадиша Святополка Новѣгородъ»¹⁸⁸.

Так сложились своеобразные отношения: Ольгович, захвативший Киев и старейшинство, главную опору находит в Мстиславичах, союз с которыми и дал ему возможность удержать за собою занятое положение. Союз этот служил Всеволоду не только для того, чтобы изолировать Юрия и держать волости, где влияние Мономашичей пустило наиболее глубокие корни. Он был ему необходим в противовес недовольству и требованиям своей черниговской родни. Крайне характерно положение этого Святославича, перекинувшегося на правый берег Днепра и тем самым поставленного в антагонизм с братьей, сидевшей на столах Черниговской области.

Святославичи в дни Всеволода делились на три линии — Давыдовичей, Ольговичей и Ярославичей. Последние замкнулись в своих мурома-рязанских волостях, а старшая линия была оттеснена на второй план Всеволодом, но оставалась достаточно сильной, чтобы с нею считаться. Стремясь сохранить независимость от всей этой родни и держать ее в руках, Всеволод, по-видимому, ничего так не опасался, как согласия между Давыдовичами и своей братьей Ольговичами. По крайней мере, киевская летопись приписывает ему политику по правилу «divide et impera» [«разделяй и властвуй»] относительно черниговских князей¹⁸⁹. Ему приходилось не опоры в них искать для своей, по замыслу, общерусской политики, а бороться против их стремления вытеснить его

указывают на согласие Изяслава признать старейшинство и киевский стол за Вячеславом во время его краткого княжения по смерти Ярополка. Ср.: Грушевский М. Исторія. Т. 2. С. 141, 150.

¹⁸⁷ «Всеволода есми имѣлъ въправду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене, яко отецъ» (Ипат. С. 230).

¹⁸⁸ Лавр. С. 293—294.

¹⁸⁹ «Бѣ бо Игореви обѣщалъ издавна дати подѣ собой Черниговъ, и не да ему, но да и Давыдовичю Володимеру, и свади братью, и тако отпусти» (Ипат. С. 217). «Всеволодъ же, не хотя того, оже ся братья съвѣкупила въ едину мысль, посла къ Давыдовичема, река има: „отступи та вы отъ брату моею: азъ ваю надѣлю“» (Там же. С. 223).

самого из черниговских волостей, где он за собой сохранил область вятичей¹⁹⁰, и навязать ему свои планы по распределению волостей и отношениям к другим князьям¹⁹¹. Всеволод стремился к старейшинству в земле русской, лавируя в течениях княжеских отношений, а братья хотели видеть в нем орудие своих интересов и семейных традиций. Доходило до того, что Игорь пробовал добиваться Переяславля помимо брата и вступил в неудачную борьбу с Мстиславичами на свой страх¹⁹²: летопись об участии в ней Всеволода не упоминает.

И в такой обстановке Всеволод Ольгович пробует осуществлять свое старейшинство, требуя, где можно, покорности; пробует осуществить и распоряжение киевским столом на случай смерти, повторяя Мономаха, но в пользу семьи Ольговичей.

В конце концов Всеволод достиг признания своего старейшинства всеми князьями, кроме Юрия Владимировича и Володимирка галицкого. Как бы ни было оно поверхностно сравнительно с властным положением Мономаха или Мстислава, Всеволод все-таки стоял в центре всех событий заврема своего киевского княжения и если не силой, то дипломатической игрой влиял на них, идя от компромисса к компромиссу. Непримируемый Юрий замкнулся в своей северо-восточной отчине и до поры до времени не имел значения на юге. Всеволод не мог привести его, хоть формально, к признанию своего узурпированного, с точки зрения отчинных прав Мономашича, старейшинства. Он ограничился тем, что захватил «города Гюргевѣ, конѣ, скотѣ, овцѣ и кде чѣто чюя товарѣ», т. е. все, чем владел Юрий на юге¹⁹³. Что до галицких князей, то в начале княжения Всеволода видим их на его стороне против Изяслава волынского; но когда Волынь перешла к Всеволоду, а Володимирко Володаревич начал объединять Галичину в своих руках, дошло до разрыва. Всеволод и князья, его союзники¹⁹⁴, «идоша на многоглаголиваго Володимерка и волею

¹⁹⁰ «А отчинѣ своеѣ не дасть, Вятичѣ», — жалуется на него брат его Игорь (Там же. С. 222).

¹⁹¹ Его сделки с Мстиславичами и передача Турова, а потом Владимира сыну Святославу вызвали постоянное недовольство братьев: «и бысть брати его тяжко сердце, Игореву и Святославу: волости бо дасть сынови, а брати не надѣли ничимъ же» (Там же. С. 222); «И не любяхуть сего Олговичи, братья Всеволожа, и поропташа на нь, оже любовь имѣть съ Мьстиславичи, съ шюрями своими, а с нашими ворогы, и осажалъсѣ ими около, а намъ на безголове и безмѣстьѣ и собѣ» (Там же. С. 223—224).

¹⁹² Лавр. С. 294. Следствием этой усобицы была уступка Вячеславом Переяславля Изяславу с согласия Всеволода. Сделав братьям некоторые уступки в черниговских волостях, Всеволод дал им на западе Клеческ и Черторыйск — Святославу Ольговичу, а Давыдовичам — Берестье и Дорогичин.

¹⁹³ Ипат. С. 221; Лавр. С. 294. Об Остерском городке Юрьеве см.: *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 355—356. Какие еще разумеются тут «города», летописи не указывают.

¹⁹⁴ «Совокупи вси князи Русские» (Лавр. С. 195); «ходиша Олговичи на Володимерька, Всеволодѣ с братама, съ Игоремъ, Святославомъ, Дадыдониць Володимеръ и Вячеславъ Володимеричъ, Мстиславича два, Изяславъ,

(вар.: неволею) нудяще его приѣхати къ Всеволоду поклонитися ему, оному же того не хотящу». Володимирко купил себе мир крупной контрибуцией¹⁹⁵, склонив на свою сторону Игоря Ольговича.

В переговорах Володимирка с Игорем впервые возникает вопрос о киевском преемстве. «И поча Володимеръ слати ко Игореву, река: оже мя умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животе помогу ти про Киевъ. И тако прельсти Игоря, Игорь же нача молитись къ Всеволоду, молбою и гнѣваяся, река: не хощеш ми добра; про што ми обреклъ еси Киевъ, а приятьли ми не даси приимати?» Всеволод «обрек» Киев Игорю. Чтобы заранее обеспечить это преемство, созвал он братьев и Владимира Давыдовича с Изяславом Мъстиславичем и, по рассказу киевской летописи, сказал им: «Володимеръ посадилъ Мъстислава, сына своего, по собѣ в Киевъ, а Мстиславъ Ярополка, брата своего, а се я мольвлю: оже мя Богъ поймѣть, то азъ по собѣ даю брату моему Игореву Киевъ». Не один Киев давал он Игорю, а и старейшинство над князьями: «цѣлуйте, — сказал он им, — крест ко Игореву; что вы начнете даяти, но по воли, а не по нужи», а Игорю: «цѣлуй крестъ, яко имѣти братью в любовь»¹⁹⁶. Всеволод в данном тексте выдвигает ту черту старейшинства, которая была наиболее спорной и наиболее вызывала сопротивления. Старейшина, будучи «въ отца мѣсто», должен быть не только руководителем и распорядителем общих предприятий, объединяющим силы всей земли, он должен иметь право и распределять ее части — волости между князьями, как отец между детьми¹⁹⁷. И в этом состояло противоречие между началами старейшинства и отчины, одна из его сторон, тянувших к сохранению единства в распоряжении владениями, подвергшимися отчинному разделу. Эту черту старейшинства князья никогда не теряли из виду и в стремлении его осуществить, и в стремлении его обессилить¹⁹⁸.

Затем, на смертном ложе в Вышгороде, Всеволод «призва к собѣ Кияне и нача молвити: „Азъ есмь велми боленъ, а се вы

Ростиславъ, и Святославъ Всеволодичъ, Всеволодоквича два, Борисъ и Глѣбъ, и Глѣбовичъ Ростиславъ» (Ипат. С. 225).

¹⁹⁵ Ипат. С. 225—226; Лавр. С. 295—296.

¹⁹⁶ Ипат. С. 226—227.

¹⁹⁷ Я. А. Голяшкин в «Очерке личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII века (в связи с воззрениями родовой теории)» (Издания Исторического общества при Московском университете. М., 1898. Т. 2) пришел к заключению, что «князь-отец мог раздавать волости без внимания к возрасту сыновей»^{65*}.

¹⁹⁸ Изяслав Мстиславич, уступая Киев дяде Вячеславу и возлагая на него старейшинство, говорит: «Ты ми еси отецъ, а се ти Киевъ, а се волость: которое тобѣ годно, то возми, а иное мнѣ вдай» (Ипат. С. 278). Когда Изяслав впервые занял Киев, то Вячеслав, «надѣясь на старѣйшинство», начинает распоряжаться волостями: «отъя города опять, иже бѣше отъ него Всеволодъ отъялъ; не токмо же то, но и Володимеръ зая и посади въ немъ Андрѣевича» (Лавр. С. 298).

братъ мой Игорьъ, имѣтесь по нь“. Они же рекоша: „Княже! ради ся имемъ“. И пояша Игоря в Киевѣ, иде съ ними подѣ Угорьскій и съзва Киянѣ вси; они же вси цѣловавше к нему крестъ, рекуче: „Ты намъ князь“»¹⁹⁹.

Перед нами характерный пример номинации киевского князя предшественником. Она сама по себе не дает ему прав, необходимо признание населения для приобретения стола киевского, необходимо признание князей для приобретения старейшинства. Пример этот еще тем интересен, что тут видим, насколько знаю, первый пример крестного целования князю-преемнику при жизни предшественника²⁰⁰, приема, который сыграл столь крупную роль в развитии престолонаследия и у нас, и на Западе. На этот раз он не дал прочных результатов. Напротив, по-видимому, именно эта особенность вызвала протест киевлян: «Олговичевъ не хоцемъ быти аки въ задничи». Игорю пришлось возобновить ряд с киевлянами, повторить крестоцелование по смерти Всеволода, приняв условия, поставленные вечем, причем оно признало князем не одного Игоря, а обоих Ольговичей: «Братъ твой князь и ты», — заявили киевляне Святославу Ольговичу²⁰¹. Пришлось Игорю возобновлять переговоры и с князьями, причем Изяслав Мстиславич «ни отвѣта ему не дасть», решив «налѣзти столъ дѣда и отца своего», и киевляне перешли на его сторону, приняв от Изяслава во время боя тысяцкого с его стягом, а двоюродные братья Игоря, Давыдовичи, сперва «въспросиста у него волостей много», а потом, несмотря на уступчивость Игоря, «по малѣ же дний съступиста хрестного цѣлования»²⁰².

Так рушилась попытка Ольговича пойти по следам Мономаха. Даже при жизни Всеволода достигнутые им результаты были меньше тех, каких добился Владимир. Две возросшие в силе и значении окраины — Ростово-Суздальская область на северо-востоке, Галицкая на западе — остались вне сферы его влияния; Полоцкая земля заново обособилась; Новгород не был орудием его политики. Не менее значительна разница внутренней силы старейшинства при Всеволоде и Мономахе. Авторитет первого незначителен; лишь хитрая дипломатия союзов и внесения разлада в среду князей позволила ему формально добиться первенствующего положения и до конца удержать его. И если даже Мономаху не удалось преодолеть раздель-

¹⁹⁹ Ипат. С. 229: «Заутрии же день ѣха Игорь Вышегороду, и цѣловаше к нему хрестъ Вышегородыцъ».

²⁰⁰ «Всеволодъ же еще сы в животѣ своемъ, посла къ Изяславу Мъстиславичю Володислава, зятя своего, и къ Давыдовичема Мирослава Андрѣевича, река: „Стоите ли въ хрестномъ цѣлованьи у брата своего у Игоря?“, и рѣша: „Стоимы“» (Там же. С. 229).

²⁰¹ Там же. С. 229—230: «Святославъ же рече имъ: язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ».

²⁰² Там же. С. 231.

ности Киевщины и Черниговщины, обособленности червенских городов, а пришлось признать за их князьями особое, равное своему, хотя и обусловленное признанием его старейшинства, положение; если шаг к успеху в этом отношении, сделанный Мстиславом, был неполон, так как права распоряжения черниговскими и галицкими волостями и он не достиг, то тем поучительнее отношение Ольговича киевского к его черниговской родне, разбитой на три линии отчийей отдельных частей Святославлего наследства: переход на киевский стол, на старейшинство в земле русской не только не усиливает его авторитета в среде князей черниговских, но лишь отчуждает его от них как изменника семейным интересам и традициям²⁰³. Его дело оказалось еще более личным, чем у Мономаха, так как не получило той династической окраски, какая ярко сказалась у последнего. Намерение, какое приписал ему летописец в начале его княжения, — «хоть самъ всю землю держати с своею братьею» (Лавр.)^{66*}, если оно было, разбилось о семейные и междукняжеские отношения Всеволода; исторически надо предпочесть чтение Ипатьевской: «Самъ хотяше землю всю держати» (без слов: «съ своею братьею» — С. 218). Всеволод не укрепил владельческого положения своей семьи, как сделали это Мономах с Мстиславом.

Если оглянемся назад на ход русской исторической жизни за столетие от смерти Ярослава Владимировича до смерти Ольговича Всеволода, перед нами развернется сложная картина упорной борьбы начал отчины и старейшинства в междукняжеских отношениях. В предыдущем изложении ее рассмотрение естественно разбилось на характерные моменты. Старшие Ярославичи — и в мире, и в борьбе — держат старейшинство одни, не считаясь с младшими князьями, но и не уступая его старшему в своей среде. Общая их деятельность обусловлена скорее равновесием их сил, чем действительной солидарностью; как только первое нарушилось, возрождается борьба, приведшая к единовластию Всеволода. В руках Всеволода старейшинство еще более разлагается, и отчинные права младших князей достигают фактического, если не формального признания. При Святополке Изяславиче не наблюдаем ни формального, ни фактического признания прав старейшинства за киевским князем, но и Любецкий съезд

²⁰³ Даже киевский свод сохраняет особую похвалу Игорю Ольговичу за то, что он «бѣшетъ добрый ѡборникъ отечества своего». Что под этим разумеется, видно из упрека Давыдовичам, что они забыли завет, «яко же лѣпо жити братьи единомысленно въкупѣ, блюдучи отечества своего», и дьявол вложил им мысль «не зыскати брата Игоря, ни помянути отечества» (Там же. С. 249, 234). О недовольстве Ольговичей и Давыдовичей против Всеволода см. выше.

не принес полного торжества началу отчинного раздела и раздельного владения. Оно еще не созрело для такой победы, прежде всего потому, что не имело под собой определенных территориальных основ.

Раздел, произведенный Ярославом, их наметил, но не создал. Отдавая в руки старших сыновей целые системы волостей, то более цельных, как надель Изяслава и Святослава, то более раздробленных, как отчины Всеволода, ряд Ярославов только в черниговских владениях образовал территорию, оказавшуюся сравнительно устойчивым фундаментом для обособленного владения одной из линий Ярославова потомства. Указание В. И. Сергеевича на влияние, какое разделы княжеских владений испытывали от «естественного деления их на волости», так что и сам «принцип раздельности владений» — исконное явление нашей истории — имеет свое начало «в особенности первоначальных волостей, существовавших еще до Рюрика», — требует развития и исправления в том смысле, что сама «особность волостей», и само «естественное деление на них земли русской развивались постепенно, по мере усложнения местной жизни и, так сказать, на глазах истории.

Действительно, принцип раздельности владения, имеющий свою основу в практике семейных разделов по обычному праву, мог последовательно развиваться в применении к княжеским владениям лишь с полным падением если не традиций старейшинства, никогда не исчезавших в теории, то их реальной силы и жизненного значения, а также с развитием обособленности отдельных земель-волостей, постепенно замыкавшихся в своих местных интересах. Этот последний процесс, естественно развивавшийся более напряженно и быстро в окраинных землях, живших особою жизнью по самому географическому положению своему, составлял коренную и глубокую основу как упадка старейшинства, так и торжества начала отчины по отношению к тому целому, каким владели Владимир и Ярослав²⁰⁴. Он сделал уже столь значительные

²⁰⁴ Не имея возможности в данном контексте останавливаться подробнее на этом явлении, приведу следующие слова М. С. Грушевского: в XII в. «создавалась такая сложность жизни и отношений внутри каждой земли, что она начинает все больше жить своею жизнью, а интересы и деятельность ее князей, дружины, общества все реже выходят за границы своей земли, что очевидно ослабляет связи не только данной земли с другими, но и ее собственных частей между собою». Историческая жизнь, «разбившись на атомы, ушла в глубь областей, в низы общества, замыкаясь во все более узком, тесном пространстве, и вместе с тем мельчала, серела и вырождалась, потому что при такой децентрализации и партикуляризме не могли уже возникнуть центры достаточно сильные, мощные, чтобы оплодотворять новыми запасами энергии, новыми течениями идей и творческих сил этот процесс раздробления, рассеяния всего, что было добыто политической и культурной эволюцией киевского государства» (*Грушевский М. История. Т. 2. С. 129—130*).

успехи в середине XII в., что попытка Всеволода Ольговича возродить традицию Мономаха не могла не оказаться бесплодной. Борьба, разыгравшаяся по его смерти, тем и поучительна, что хоть мотивы ее и можно по-прежнему подвести под определение борьбы двух начал, отчинного раздела и старейшинства, но ее обострение и различие условий, в каких она протекает, сравнительно с прошлым временем, приводят к последствиям существенно новым.

VI. ПАДЕНИЕ КИЕВСКОГО СТАРЕЙШИНСТВА

Сложные перипетии напряженной усобицы²⁰⁵, закончившейся княжением в Киеве Юрия Владимировича, которое можно назвать временем заката старых киевских традиций, представляют с точки зрения моего очерка интерес лишь в самых общих, основных чертах своих. Подробный летописный рассказ о событиях этих лет показывает, как глубоко потрясли они всю землю русскую, втянув в один бурный круговорот силы всех ее частей, кроме разве одной только Полоцкой земли²⁰⁶.

Никогда еще не достигала такой широты сама территория борьбы. Еще в дни киевского княжения Всеволода Ольговича за привычным для прежних поколений горизонтом междукняжеских счетов и отношений стала новая сила Юрия Владимировича, князя земли Ростово-Суздальской. Он остался вне тех связей, какие удалось Ольговичу стянуть к Киеву, но дальнейшие события показали, что и он не мирится с сужением понятия своей отчины до пределов тех владений, какие находились в те годы в его руках. Падение власти Ольговичей в Киеве, переход киевского стола к Изяславу Мстиславичу вызвали его на южную арену. Началась знаменитая борьба между дядей и племянником, игравшая такую роль в воззрении родовой теории, хотя Юрий столь же мало был «старшим в роде», как Изяслав.

Борьба между ними шла, несомненно, из-за старейшинства.

²⁰⁵ Ипат. С. 233—336; Лавр. С. 297—330.

²⁰⁶ «Сколько запомнила история, — пишет об этих событиях Грушевский, — старый Киев не был еще свидетелем такой сложной политической системы, такой бесконечной сети союзов и контрсоюзов. Все почти княжения старой Киевской державы, хоть и выделившиеся уже, принимали деятельное участие в этой борьбе за Киев — от Новгорода до Переяславля, от Суздаля до Галича; кроме княжеских союзов и расчетов, влияли и стремления общин-земель к определенным своим политическим целям: Киевской к обособлению в особое целое, Переяславской к отделению от Киева и Чернигова, Туровской к отделению от Киева и т. п. Из сил, стоявших вне системы земель древней Киевской державы, играют более или менее видную роль Польша, Венгрия, не говоря уже про половцев» (*Грушевский М. История. Т. 2. С. 153—154*).

Не признавший Ольговича, Юрий тем менее склонен был признать племянника старейшиной в князьях русских: «Противу молодъшему не могу ся поклонити», — говорил он брату Вячеславу²⁰⁷. «Старѣйшинство еси с мене снялъ», — корил он Изяслава²⁰⁸, и сам Изяслав, точно забывая, подобно Юрию, о старшем своем дяде Вячеславе, на слова Ростислава Юрьевича: «Ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внуцѣхъ», — отвечает признанием старшинства Юрия: «Всихъ насъ старѣй отецъ твой, но съ нами не умѣть жити».

О чем князья говорили в таких выражениях? Если мы попробуем собрать указания летописного рассказа на причины вражды Юрия к Изяславу, то, быть может, отнесемся более осторожно, чем это принято в исторической литературе, к мнению, что заветной мыслью Юрия было именно княжить в Киеве, что в этом был основной мотив его действий. Во время первой борьбы с Изяславом он предлагал племяннику такой компромисс: «Дай ми Переяславль, ать посажу сына своего у Переяслави, а ты сѣди царствуя в Киевѣ». Утвердившись в Киеве, он «поваби Вячеслава на столъ Киеву», но бояре его отговорили, «рекуче: брату твоему не удержати Киева». И позднее он готов помириться с княжением в Киеве Вячеслава: как он во время борьбы с Изяславом уверял: «Язъ Киева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячьславъ братъ старѣй, а тому его ищю», так, при ссылке брата на такие речи отвечает: «Язъ ся тобѣ, брате, кланяю: тако право есть, ако то и молвиши, ты мнѣ еси, яко отецъ», лишь бы Вячеслав перестал быть орудием в руках Изяслава, опорой его действительной власти: «Ать поѣдетъ Изяславъ Володимерю, а Ростиславъ Смоленску, а въ ся сама урядивъ»²⁰⁹.

Рядом с такими заявлениями Юрия стоят в том же рассказе летописца его обвинения против Изяслава: не о Киеве говорил Юрий, а об обидах своих, о порухе своей чести. Изяслав принял к себе его сына Ростислава и дал ему несколько городов, потом после похода на Юрия в Поволжье изгнал его с юга, лишив волостей: «Гюрги же соромѣ сына своего сжали въ собѣ, рече: таколи мнѣ части нѣту в Руской земли и моимъ дѣтемъ?» И далее: «Сыновець мой Изяславъ, на мя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожегль, и еще и сына моего выгналъ из Русьской земли, и волости ему не далъ, и соромъ на мя възложилъ; а любо соромъ сложаю и земли своей мѣщю, любо честь свою налѣзу, паки ли а голову свою сложаю». Наконец: «Се, брате, на мя

²⁰⁷ Ипат. С. 298.

²⁰⁸ Там же. С. 266.

²⁰⁹ Там же. С. 266, 275, 297—298.

еси приходилъ и землю повоевалъ, и старѣйшинство еси с мене снялъ»²¹⁰. Если взять последний текст, как он нам дан, без предвзятого определения того, что должен был Юрий считать старейшинством, надо будет признать, что, по его мнению, тем Изяслав с него старейшинство снял, что повоевал его землю²¹¹, что сына ему оскорбил, что считает его ломтем, отрезанным от Русской земли.

Конечно, всех этих мелких наблюдений и соображений самих по себе недостаточно для того, чтобы строить на них какие-либо выводы. Но они характерны для того освещения, какое получает деятельность Юрия в рассказе южного летописца о борьбе его с Изяславом. Степень их исторического значения определится их сопоставлением с фактами Юрьевой политики.

Изяслав Мстиславич, заняв Киев, определенно стремится не только к владению этой волостью, но к старейшинству среди русских князей и к утверждению его на семейном владении главными княжениями: «Всихъ насъ старѣй отецъ твой, — говорит он Ростиславу Юрьевичу, — но съ нами не умѣть жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю, имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душу свою; нынѣ же аче отецъ ти волости не далъ, а язъ ти даю». Выведя из Владимира Волынского Святослава Всеволодича, сына сестры своей, и «водивъ его ко кресту», Изяслав дает ему пять городов в Побужье, а Владимир сохраняет за собой; с этих пор Воынь — семейное владение Мстиславичей. Решительно отвергнув попытку дяди Вячеслава войти в роль старейшины и распоряжаться волостями, Изяслав отнимает у него Туров в пользу сына своего Ярослава. В Смоленске — брат его Ростислав; в Переяславле — сын Мстислав. Так заняты основные позиции. Старые новгородские связи давали надежду, что и Новгород, где княжили Святополк Мстиславич, потом Изяславич Ярослав, можно упрочить за своей системой. На очереди вопрос об отношении к князьям черниговским. Давыдовичи признали Изяслава, с ним в союзе ищут господства в черниговских волостях против Ольговичей. К Изяславу тянет и Ростислав рязанский, видимо опасаясь сильного северного соседа. Но Ольгович Святослав, бежавший из Киева и теснимый союзниками Изяслава Давыдовичами, послал к Юрию в Суздаль: «А поиди в Рускую землю Киеву». Призывая Юрия, Ольгович признал его своим «отцемъ». Но ему пришлось бежать «за лѣсъ у Вятичѣ»: Изяслав волости Ольговичей передал Давыдовичам, забрав себе все имущество Игоря,

²¹⁰ Там же. С. 262, 263, 266.

²¹¹ Так толкует мысли Юрия В. И. Сергеевич (Русские юридические древности. Т. 2. С. 279—280).

поделившись с Давыдовичами челядью и товаром Святослава. Юрия пока удалось парализовать, направив на него рязанского союзника и новгородскую силу Святополка Мстиславича.

Но все эти успехи непрочны, пока Ольгович имеет опору в Юрии, показавшем свою силу на Рязани: от Юрьевичей Ростиславу пришлось бежать к половцам; на Новгороде: Юрий взял Новый торг и всю Мсту, поотнимал у новгородцев дани их и пути торговые; на Смоленской волости, против которой Юрий направил Святослава Ольговича.

Так создалось положение, требовавшее разрешения: «Поидевъ на Дюрдевъ Суждаль, — твердят Давыдовичи, — любо съ нимъ миръ створимъ, любо ся съ нимъ бьемъ». И сам Изяслав чем дальше, тем яснее видит, что необходимо ему с Юрием «управить, любо миромъ, любо ратью». Иначе недостижимо равновесие в системе русских княжений под старейшинством Изяслава.

Северный противник заявляет о правах своих на юге. Глеб Юрьевич посадил посадников в Курске и по Посемью, занял «у Изяслава», по выражению южного летописца, «отень городокъ» — Городок Остерский, отнятый у Юрия Всеволодом Ольговичем, покушался на Переяславль, где были у него, по-видимому, сторонники. А главное, когда он прибыл в Городок, Изяслав звал его к себе в Киев, и он «общавъ же ся идти къ нему и не иде». Зато пришел к Изяславу другой, старший Юрьевич — Ростислав.

Темна история с этим князем. Лаврентьевская летопись причиной его шага считает разногласие с отцом из-за союза с Ольговичами, врагами Мономахова племени, Ипатьевская — недовольство, что отец ему волости не дал²¹². Дело

²¹² Лавр. С. 303: «В то же лѣто поиде Ростиславъ Гюргевичъ ис Суждаля с дружиною своею в помощь Олговичемъ на Изяслава Мстиславича, посланъ отъ отца своего. И здумавъ Ростиславъ с дружиною своею, река: „Любо си ся на мя отцю гнѣвати, не иде к ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и стрьемъ моимъ; но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ны волость“». Этот мотив идет как бы навстречу настроению киевлян против борьбы в среде Мономахова племени и союзов с Ольговичами (Святославичами; ср.: Ипат. С. 243, 246, 250). Иначе Ипат. С. 257: «В то же время пришесть бѣ Юргевичъ старѣйший Ростиславъ, роскогоравъся съ отцемъ своимъ, оже ему отецъ волости не далъ в Суждальской земли, и приде къ Изяславу Киеву, поклонився ему рече: „отецъ мя переобидиль и волости ми не далъ“». Этот приход Ростислава Лавр. ставит в связь с уходом Глеба, его брата; приняв Ростислава с радостью, Изяслав послал сказать Глебу: «„Иди ко Олговичемъ, к тѣмъ еси пришесть, ати ти дадять волость“, и иде Глѣбъ Чернигову, а оттуда къ отцю, а Ростиславъ иде в Городецъ, а по городомъ посажа посадники своя». Ипат. разделяет эти два факта (см. С. 256, 257), указывая, что Изяслав дал Ростиславу пять городов в Побужье (бывший надел Святослава Всеволодовича), а в Городок Остерский взял его с собою только на съезд с Давыдовичами. Уходя в поход на Юрия, Изяслав доверил Ростиславу стеречь землю Киевскую, а по возвращении услышал обвинения, что тот подговаривал на него киевлян и берендеев (на случай, если бы Юрий победил

кончилось разрывом с обвинением Ростислава в происках на юге в пользу Юрия. Не считая возможным толковать летописные рассказы о Ростиславе, приписывая ему роль своеобразного Валленрода, думаю, что они характерны для междукняжеских отношений прежде всего тем, что Ростислав признал Изяслава старейшиной в Володимирех внуках, выражая готовность «за Рускую землю страдати» и «подлѣ него ѣздити». Вспомним, что и Глеб Юрьевич, все время верно служивший отцу против Изяслава, когда приходится стать лицом к лицу с этим последним, подчеркивает, что он не судья между ними: «Ако мнѣ Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ, а язъ ти ся кланяю; ты ся с моимъ отцемъ самъ вѣдаешъ, а мене пусти къ отцю», — говорит он Изяславу, осажденный в Пересопнице. А Изяслав отвечает: «Вы мнѣ братья своя, до васъ нѣту рѣчи никоеяже», — и, приняв у себя Глеба, выехавшего к нему с поклоном, отпустил его к отцу²¹³. Во всех этих переговорах и отношениях есть нечто большее, чем простая дипломатия с ее уловками: своеобразие отношений, в которых семейные воззрения и навыки так неожиданно подчас окрашивают детали кровавых усобиц и политической борьбы.

Итак, первые реальные требования, выдвинутые Юрием, — это часть в русской земле через сыновей и прежде всего Городец, Посемье, Переяславль. Но центр столкновения пока еще больше на севере: только тут выступает лично Юрий, направляя удары свои на Новгород. «Се стрый мой Гюргий из Ростова обидить мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ, и на путехъ имъ пакости дѣть», — жалуется Изяслав союзникам, набрасывая план большого похода на Суздальщину²¹⁴. Придя в Новгород, он созывает вече новгородцев

Изяслава, — Ипат. С. 261; Лавр. С. 304), и, не приняв оправданий Ростислава, выслал его, пограбив его имение и расточив его дружину, к отцу. М. С. Грушевский, подчеркивая ответ Изяслава на требование Ростислава, чтобы он рассудил его с теми, кто его оговаривает: «Того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити съ хрестьянами или погаными», а также известие, что Ростислав пришел к отцу с заявлением: «Слышалъ есмъ, оже хошетъ тебе вся Руская земля и Черныи Клобуки», — считает обвинения против Ростислава весьма вероятными (Исторія. Т. 2. С. 159). С. М. Соловьев (История России. Кн. I. Стб. 411, примеч. 2) пробовал согласить оба известия: «Вероятно, Юрий послал Ростислава на юг с тем, чтобы тот добыл себе там волость, подобно тому как добыли волость прежде сын его Иван (получивший от Святослава Ольговича Курск с Посемьем — Ипат. С. 236), потом Глеб; но пришедши на юг и увидавши, что дела Черниговских идут плохо и что они хотят заключить мир с Изяславом, Ростислав заблагорассудил обратиться также к последнему, тем более что прежде Изяслав звал к себе брата его Глеба. Так могут быть согласены известия обоих списков». Верно тут то, что похождения Юрьевичей на юге постепенно выясняют Юрию положение дел и втягивают его в киево-переяславские отношения.

²¹³ Ипат. С. 275—276.

²¹⁴ Там же. С. 258.

и псковичей, зовя их на Юрия за их обиды. Широко задуманный поход этот не дал больших результатов вследствие выжидающей позиции, занятой Святославичами²¹⁵. Но что речи Изяслава новгородцам не были простой уловкой, чтобы увлечь их за собой, показывает то значение, какое вопрос о новгородских данях, отнятых Юрием, занял в последующих переговорах между князьями.

Только после всех этих наступательных шагов Изяслава поднялся Юрий на юг и на отказ Изяслава уступить ему Переяславль, сохраняя себе Киев, ответил поражением его войск, занятием Переяславля и Киева. Но Изяслав — сила, с которой нельзя не считаться: он сохранил Владимир, а через брата — силы смоленские, через сына — новгородские, кроме того, союз с Польшей и Венгрией. И старик Вячеслав указывает брату, что прочного мира не достигнуть без соглашения с Изяславом. В начавшихся переговорах характерно обоюдное упорство Юрия и Изяслава в вопросе о новгородских данях: Изяславу нужно сохранить влияние и популярность в Новгороде, Юрий начал наступление на новгородскую волю, столь существенное в политике северных князей²¹⁶.

Не умел Юрий жить с южными князьями. Не умел он и ладить с киевским обществом. «А вы вѣдаета, — говорят киевляне Мстиславичам, — оже намъ съ Гюргемъ не ужити». Он, видимо, и не старался «уладиться», «урядиться» с людьми, приобрести популярность в связи с формальным признанием его киевлянами. Приемы его круты. В те времена уособицы между князьями сопровождались захватом имущества не князей только, но и их дружины. «И дружину его изсѣче и разграби» — обычный припев уособиц. Победив Изяслава под Переяславлем и заняв Киев, Юрий дал волю своей дружине. После заключения мира уговорились князья вернуть награбленное, но Юрий со своими суздальцами оставил Изяславлих мужей в большой обиде. Тем более пострадали они при следующих захватах Киева Юрием, лишаясь сел своих и

²¹⁵ Там же. С. 259—260; Новг. I. С. 137.

²¹⁶ Поляки и венгры, союзники Изяслава, ставят Юрию условие: что касается Киева, то «а быста вы съѣла в Киевѣ, сама ся вѣдаюча, кому вама приходить, а Изяславу осе его Володимирь готовъ, а се его Луческъ, а што его городовъ, ать съдить в томъ, ать онамо к Новугороду Великому ать взворотить Гюрги дани ихъ вси» — и далее: «Изяславъ же хотяше всихъ даний к Новугороду Новгородикыхъ, акоже есть и переже было, — и тако не уладишася», Юрий «не да даний, а Изяславъ не отступися». Только вооруженное посредничество Володимирка галицкого и просьбы Вячеслава привели к миру: «Изяславъ съступи Дюргеви Киева, Дюрги възврати всѣ дани Новгородкыи Изяславу и егоже Изяславъ хотяше» (Ипат. С. 270—274). Но и уступив Киев, Изяслав не признал старейшинства Юрия «въ отца мѣсто»: он не иначе называет его, как стрѣмь. О борьбе ростово-суздальских князей за «дани» с новгородцами ср.: Новг. I. С. 148.

имущества. Против суздальцев, владевших чужим, поднялся целый погром по смерти Юрия²¹⁷.

Киевляне, долго стоявшие на том, что не могут поднять рук на Володимирово племя, с появлением Юрия на юге увидели, что его власть для них чужая и чуждая, что им «съ Гюргемъ не ужити»²¹⁸. И прочной почвы под ногами Юрий на юге не приобрел.

Важнее другое: Юрий в противоположность Изяславу не может быть назван борцом за продолжение Мономаховой традиции. Изяслав сохраняет и в трудном положении своем более широкий политический кругозор. Добываясь Киева, он пытается стать во главе всех князей русских, иметь всю братью свою и весь род свой в правду, чтобы они ездили по нем со своими полками, а борьба с Юрием для него неизбежна, так как независимая и враждебная суздальская сила грозит влиянию его в Новгороде и служит опорой враждебным элементам Черниговщины; вытеснив Юрия с юга, Изяслав требует, чтобы он отсекся от союза с Ольговичем, чтобы он покинул Переяславль и Городок, предоставив их сыновьям и отказавшись от личной политики на юге²¹⁹. Покончив борьбу с Юрием, Изяслав все силы свои и венгерскую помощь обращает на князя галицкого, чтобы добиться не только захваченных Владимирком городов, но и обязать его «съ Изяславомъ быти, и его ся не отлучити ни въ добръ, ни в лисъ, но всегда съ нимъ быти».

Восстановить во что бы то ни стало разрушавшуюся, в сущности уже разрушенную, систему, связывавшую вокруг Киева все волости земли русской, — постоянная тенденция Изяслава, как только он получает возможность действовать свободнее.

²¹⁷ На Пересопнице в 1149 г. князья уговорились так: «Яко по Переяславскомъ полку что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицу. Изяславъ же посла мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, егоже бѣ отшелъ, а мужи, своего дѣля, они самѣ ѣхаша, а дружини тивуны своѣ послаша; и тако приѣхавше к Гюргеви и начаша познавати свое. Гюрги же того всего не управи, и мужи Изяслави приѣхаша къ Изяславу, ничтоже исправивше своего» (Ипат. С. 274—275). Вторично изгнанный из Киева Изяслав говорит дружине: «Вы есте по мнѣ изъ Рускыя земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизний лишився» (Там же. С. 284). Когда Юрий умер, «много зла створися въ тѣ день: розграбиша дворъ его красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, егоже звашеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ, сына его, разграбиша в городѣ; избивахуть Суждальци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче» (Там же. С. 336).

²¹⁸ Неосведомленность Юрия о движениях Изяслава лучше всего показывает, на чьей стороне было все население. Два раза захватывал Изяслав Юрия врасплох, так что его союзник Володимирко галицкий удивился: «Како естъ княжение свата моего, аже рать на нь из Володимеря идеть, а како того не увѣдати?» (Там же. С. 276, 288, 289).

²¹⁹ Там же. С. 306. По уходе Юрия Изяслав Городок дотла разорил (Там же. С. 308).

Иное — Юрий. Трудно про него сказать, что он, заняв Киев, вошел в связанные со столом киевским традиции, хоть он и родной сын Мономаха, брат Мстислава. Заняв Киев впервые, он сажает сыновей по пригородам киевским, в границах собственно киевской «Русской» земли²²⁰, да в Переяславле. Попытка отнестись непримиримо к Изяславу, до намерения: «выжену Изяслава, а волость его всю переиму», разбилась о противодействие Володимирка галицкого, Вячеслава и всех условий, с какими на юге считаться приходилось. Далее, лишь спорные между Волынью и Киевом земли по р. Горыни да «киевская волость» — дреговичи (Туров — Пинск) входят в круг власти Юрия. Притом в подробном рассказе обо всей этой борьбе за Киев нигде нет намека на то, чтобы Юрий пытался добиться признания за собой старейшинства — в Мономаховом смысле слова. Особенно показательно для рассматриваемого исторического момента третье, и последнее, княжение Юрия в Киеве. На этот раз по смерти Изяслава Мстиславича и брата своего Вячеслава Юрий окончательно «сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ», принятый «всей землею Русскою», устранив без особых усилий таких соперников, как Ростислав Мстиславич и Давыдович Изяслав. Посадив сыновей по пригородам киевским и в Переяславле, Юрий пробует войти в южную систему отношений, в которую вводит его стол киевский. Для этого приходится ему искать опоры в Ростиславе Мстиславиче²²¹, который явился посредником между ним и другими князьями, приведя их «и съ полкома ею» к Юрию, и тот их «прия въ любовь»²²².

Примирился и уладился Юрий и с черниговскими князьями²²³. И перед половцами на съезде с ними о мире в Зарубе Юрий выступает с Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем, по-видимому, за всех князей русских. Но действительное его влияние незначительно. Земли-волости вне

²²⁰ «Гюрги же старѣйшаго сына своего Ростислава посади у Переяславли, Андрѣя Вышегородѣ, а Бориса в Бѣлгородѣ, а Глѣба в Кановѣ» (Там же. С. 268).

²²¹ Ростислав признал его старейшинство: «„Отце, кланяю ти ся. . . стрый ми еси, яко отецъ“. Гюрги же рече: „Право, сыну, съ Изяславомъ есмь не могль быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ“» (Там же. С. 328). Утвердившись в Киевщине, вернув ей Погорыню, Юрий посылает за Ростиславом: «Сыну, мнѣ с кимъ Рускую землю удержати? с тобою: а поѣди съмо» (Там же. С. 330).

²²² «Ростиславъ же посла по брата своего Володимера Володимерю, и по Мъстислава и Ярослава Лучьску, и привесть я оба к Гюргеви, къ строюи своему, и с полкома ею, а Мъстислава остави Володимери: нѣ смѣ бо Мъстиславъ ѣхати, река: „Иметь мя Дюрги“. Дюрги же сею примѣ в любовь, а ко Мъстиславу посла съ хрестынымъ целованьемъ, и того прия в любовь» (Там же. С. 330).

²²³ На съезде у Лутавы: «Тогда же Гюрги вѣда Изяславу Корческъ, а Святославу Олговичю Мозырь, и ту уладивъся с нима, иде въ свой Киевъ» (Там же. С. 331).

границ Киевщины уже живут своею жизнью, не оглядываясь на киевского князя. Волынь, составлявшая в Мономаховой системе вместе с Киевщиной ядро центральных владений, при нем окончательно выделяется в особую, самодовлеющую единицу. Мстислав Изяславич выгнал оттуда дядю, Мстиславича Владимира, и занял Владимир Воынский. Юрий поднялся на него походом. Но это было его частное, личное дело, не связанное ни с каким общим политическим планом: надо было исполнить, раз представился повод, крестное целование покойному брату, Андрею, что Юрий добудет Воынь его сыну²²⁴; а встретив сопротивление, Юрий, постояв десять дней у Владимира, отступил, так легко примирившись с утратой влияния на Воынь²²⁵, что, видно, ему уже незачем было настаивать на борьбе с Мстиславом: это яркий симптом глубокого переворота во всем складе политической жизни древней Руси, издавна нараставшего, теперь достигшего зрелости.

Совокупность известий о деятельности Юрия Владимировича ведет к заключению, что у него не связывалось с обладанием киевским столом каких-либо широких положительных задач. Вот почему не вижу оснований ставить его в ряд борцов за сохранение и поддержание Мономаховых традиций, быстро шедших к полному упадку; вот почему отмеченные выше черты в повествовании о его деятельности южного летописца следует признать заслуживающими внимания: он сильно ограничивает мнение о Юрии в противоположность его сыновьям Андрею, Всеволоду, как о представителе старых киевских традиций и тенденций. Напротив, характерные черты южнорусской политики Андрея и Всеволода Юрьевичей с их стремлением устранить возможность возрождения в Киеве в руках потомков Мстислава Мономашича, сильного политического центра, претендующего на руководящую роль во всей системе русских земель-княжений, выросли на той же почве, как и деятельность Юрия. Резкое различие, сказавшееся в том, что Юрий в конце концов перешел на юг, а сыновья его оставались на своем северо-востоке, обусловлено не столько

²²⁴ «Гюрги же Володимира не собѣ искашетъ, но цѣловаль бѣшетъ хрестъ къ брату своему Андрѣви, въ животѣ и еще, яко по животѣ его волость удержати сынови его; и потомъ к Володимеру къ Андрѣвичю хрестъ цѣлова, яко искати ему Володимира; и про то поиде к Володимерю, ища Володимеру» (Там же. С. 334).

²²⁵ «Дюрдий же видя непокорѣство его к собѣ и сѣжалиси о погыбели людѣстѣй, нача молвити дѣтемъ своимъ и бояромъ своимъ: не можемъ стояти сдѣ, зане онъ, мний буда, не покоритъ ми ся; а язъ не радуются о погыбели его, ни прогнанью его, но рекохъ: уведу и въ хрестное цѣлование, яко и братью его; онъ же не всхотѣ того» (Там же. С. 335). Племянника Юрий утешил Погоринской волостью.

противоположностью целей, какие ставили себе эти князья, сколько иными условиями, в каких привелось им действовать. Перед Юрием стояла внушительная сила Изяслава, объединявшего своим влиянием киевские, волынские, смоленские, новгородские силы, наконец, и турово-пинские. Чтобы не дать реализоваться целям, за которыми такие силы стояли, Юрию пришлось взять в свои руки Киев, напрячь все средства, какие были в его распоряжении. В его время уход на север был бы отступлением с юга в пользу соперника. И Юрий, видимо, думал обеспечить раз завоеванную позицию, представляя Суздальщину младшим сыновьям, а энергию старших сосредоточивая на юге²²⁶. Во времена Андрея и Всеволода реальная почва для осуществления планов линии Мономахова потомства разбита; Андрей может отдать Киев младшему брату, даже смоленским Ростиславичам, а Всеволод ограничится возбуждением ссор между южными князьями и требованием, чтобы его воля признавалась всюду, где он заинтересован.

Как бы то ни было, время Юрия Владимировича может быть названо тем историческим моментом, когда исход борьбы различных течений в древнерусской жизни вполне определился в смысле окончательного упадка централизованного и объединявшего эту жизнь влияния Киева. С образованием на северо-востоке сильного Суздальского княжества, с обособлением Волыни и Турово-Пинского княжества киевский центр, земля Русская в коренном значении термина, стал жертвой своего исключительного исторического положения, жертвой традиции старейшинства. В то время как другие земли перестраивали в своем обособлении местный быт на новых началах, Киевщине не было дано сложиться в особое политическое целое и выработать себе прочную внутреннюю организацию под управлением своей местной династии. Ревниво смотрели князья, осевшие в своих уделах, за тем, чтобы никому из них не досталась Киевщина в такое удельное владение. Со времен Юрия развивается среди них тенденция — иметь «часть в Русской земле»; это было, по замечанию М. С. Грушевского, своего рода вопросом чести, а также средством следить за судьбами Киева, имея под руками опорную точку для влияния на них²²⁷.

В столь исключительном положении Киевщины на закате ее силы и значения сказалась живучесть традиций киевского старейшинства. Но не только в этом. Вторая половина

²²⁶ Лавр. С. 353. Ср. ниже, в главе VII.

²²⁷ Грушевский М. Історія. Т. 2. С. 296—297. М. С. Грушевский дает список 15 волостей Киевщины, бывавших особыми наделами отдельных князей.

XII в. принесла ей некоторый эпилог исторических ее судеб. Киевское княжение Ростислава, Мстислава Изяславича, Святослава Всеволодовича еще окрашено в старые киевские цвета, хоть и сильно полинялые. Ростиславу М. С. Грушевский приписывает «спокойное, авторитетное и довольно влиятельное положение патриарха Русской земли»²²⁸, но положение это далеко от роли руководителя дел земли Русской, кроме дел половецких. Ростислав, как следом за ним и с удвоенной энергией Мстислав Изяславич²²⁹, ведут тяжкую оборону против степи. Святослава Всеволодовича после фантастической попытки предпринять борьбу с южными Мономаховичами и Всеволодом суздальским²³⁰ видим в течение 13 лет на киевском столе в почетной роли патриарха, каким его рисует «Слово о полку Игореве», бессильного, зависимого от «брата и сына», как ему Всеволод позволяет себя называть²³¹, отдавшего всю землю Киевскую в руки Ростиславичей, живущего по-прежнему черниговскими интересами.

Киевское старейшинство пало, так как процесс децентрализации жизненных интересов земель-волостей, составлявших древнюю Русь, взял верх над их объединением вокруг Киева; и горький плач черниговского поэта, что никто из князей не слышит призыва вступить в «златъ стремень» за землю Русскую, прозвучал надгробным словом уходящей в прошлое старине.

Вторая половина XII в. — критический момент в истории Руси и, стало быть, в истории междукняжеских отношений. Распад того целого, которым владели Владимир и Ярослав, во главе которого стояли Мономах и Мстислав Владимирович, на ряд отдельных, замкнутых в себе земель-княжений, посте-

²²⁸ «Черниговские Ольговичи, Волынские Изяславичи, Галицкий Ярослав, Переяславский Глеб, Рязань, Новгород стояли в сфере его политического влияния, и он еще (уже в последний раз) поддерживает киевскую традицию прежних добрых времен: требует уважения к себе, чтобы князья имели его «отцомъ собѣ въ правду» и в его послушании ходили, а с своей стороны соблюдал традиционный долг — блюсти справедливость между князьями — и наделял волостями разных захудалых князей» (*Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 189*). Андрей не стесняет Ростислава, даже уступает ему в делах новгородских.

²²⁹ Соглашаясь признать Мстислава киевским князем, князья «цѣловали крестъ, якоже взяти имѣ волость у Мѣстислава по своей воли»; от старшего князя теперь прежде всего ждут наделов из того, чем он владел, норовят с ним «волооститься». Мстислава признали и черниговские князья старейшиной: «бяху бо тогда Олговичи въ Мѣстислави воли» (Ипат. С. 265, 268). Сохранив за собой владимирское княжение, Мстислав с тех пор как в 1170 г. сын его Роман стал новгородским князем, соединяет силы Киева, Волыни и Новгорода в своих руках.

²³⁰ Ипат. С. 415—422.

²³¹ Там же. С. 456.

пенно развиваясь и углубляясь, дошел до полного осуществления. Завещанная Ярославом, развитая и воплощенная в жизни Мономахом, идея старейшинства в земле русской изжита и исчерпана. С точки зрения междукняжеских отношений мы определяли этот процесс как борьбу двух начал: старейшинства и отчинного раздела. Посмотрим, что случилось с обоими понятиями к концу рассматриваемого исторического периода.

В ряде событий второй половины XII в. резко выделяется — согласно обычной исторической схеме — разорение Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. Незачем, конечно, и говорить теперь, что следствием победы Андрея не было «перенесение великокняжеского престола из Киева во Владимир». Но «Андрей впервые отделил старшинство от места»²³². Точнее, старейшинство осталось и при Андрее связанным с Киевом и «Русской» землей, но отношения между ними изменились; прежде, кто занимал стол киевский, тот приобретал и связанное с ним старейшинство; теперь Андрей, как потом и брат его Всеволод, заставив признать за собой старейшинство, считает своим правом распоряжаться столом киевским и волостями в пределах Киевской земли²³³. Так сузилась территориальная основа этого старейшинства: все остальные волости прочно освоены на отчинном начале, и даже властный Андрей не пробует мешаться в их судьбы. И теперь значение этой связи старейшинства с Киевом — только формальное, не в ней источник и опора его силы. Поэтому совершенно верно передает суть дела замечание В. О. Ключевского: «Княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение».

Личное и условное. Это старейшинство не вытекает из определенной территориально-политической системы, не служит ее историческим нуждам. Поэтому и логика жизни не требует уже, чтобы оно было одно в общем союзе князей. Кроме тех форм территориально-политического старейшинства, какие наблюдаются в отдельных землях, обособившихся в самостоятельные системы мелких княжений (о них ниже), возможно

²³² Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 393.

²³³ По разорении Киева Мстислав Андреевич посадил там дядю Глеба. По его смерти сел было в Киеве Владимир Мстиславич, но Андрею «не любо бяше съдѣнье Володимере Киевѣ и насылаше на нь, веля ему ити ис Киева, а Романовѣ Ростиславичю веляше ити Киеву», Ростиславичам он посылает сказать: «Нарекли мя есте собѣ отцомъ, а хочю вы добра, а даю Романови, брату вашему, Киевѣ». Ослушание Ростиславичей вызывает такую отповедь Роману: «Не ходиши в моей воли съ братьею своею, а пойдѣ с Киева, а Давыдъ исъ Вышегорода, а Мьстиславъ изъ Бѣлагограда; ато вы Смоленскъ, а тѣмъ ся подѣлите», и Ростиславичи отвечают: «Брате, въ правду тя нарекли есмы отцемъ собѣ... а намъ путь кажеши изъ Руськой земли безъ нашеѣ вины» (Ипат. С. 386—388).

образование иных связей на начале старейшинства, которые можно назвать произвольными, искусственными. Так, под 1151 г. читаем, что «прислашася Полотьчане къ Святославу Ольговичю съ любовью, яко имети его отцемъ, себѣ и ходити в послушаньи его, и на том целоваша хрестъ»²³⁴; под 1154 г.: «Ростиславъ Мъстиславичъ, Смоленский князь, цѣлова хрестъ съ братьею своею, съ Рязаньскими князи, на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имѣяхуть ѥ отцемъ себѣ»²³⁵. Конечно, и ранее отношения старейшинства устанавливались договорами²³⁶: при отсутствии твердых норм преемства это вытекало из существа дела; но характер соглашений был иной, пока речь шла о признании за данным лицом того традиционного старейшинства, какое связано было с обладанием золотым столом киевским, чем в приведенных примерах, где все сводится к исканию личного покровительства и союза. И ряд, коим признавалось за определенным лицом положение, вытекавшее из традиции киевского старейшинства, по существу не тождествен с договором об отеческой опеке и сыновнем признании авторитета и послушании между любимыми князьями. Только соглашения последнего типа можно в точном смысле слова назвать «договорным старейшинством», так как только в них все содержание взаимоотношения сторон устанавливалось произвольным действием их. Во второй половине XII в., если оставить в стороне указанные выше пережитки киевской традиции, старейшинство получает действительно характер личного, договорного отношения. Дело в том, что оно в эту эпоху потеряло значение принципа, на котором князья пытались построить организацию, предназначенную для сохранения единства Ярославова наследия от распада под давлением отчинного раздела. Вместе с потерей своего общеполитического назначения старейшинство теряет и свой первоначальный и основной смысл учреждения, предназначенного для сохранения единства в недрах разросшегося семейного союза, пока имеются общие для всего его сложного состава интересы. Как ни слабо исполняло киевское старейшинство намеченные для него Ярославом функции, оно жило и периодически возрождалось, пока такие интересы были

²³⁴ Ипат. С. 308: ср. С. 338. Об этих отношениях см.: Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли. С. 86—87.

²³⁵ Ипат. С. 331—332.

²³⁶ Например, Изяслав Ярославич говорит — под 1078 г. — Всеволоду: «Ты, брате мой... введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ» (Лавр. С. 196; стилизация тут, быть может, и позднейшая); или признание Юрия «отцемъ» Ольговичей с призывом занять киевский стол; ср. договор Изяслава Мстиславича с Вячеславом: «Ты ми еси отецъ, а се ти Кієвъ» (Ипат. С. 278) и т. п.

налицо и имели некоторую силу. Оно падало по мере нарастания розни в интересах земель-волостей и в княжеской среде, постепенно теряя всякое значение для земли русской, взятой в ее целом.

Изменение в характере и смысле тех отношений, какие связаны с понятием старейшинства, лишь одно из проявлений того нового склада междукняжеских отношений, какое наблюдаем во второй половине XII в. Ту же эволюцию, что старейшинство, пережили и все кровные отношения между князьями. Явление это привлекло внимание и вызвало интересный этюд Я. А. Голяшкина²³⁷, посвященный тщательному изучению терминологии, употребляемой князьями середины XII в. в сношениях и соглашениях друг с другом. Общий вывод автора таков, что во вторую половину XII в. в княжеском быту разыгрывается глубокий кризис, представляющий картину разложения старых форм междукняжеских отношений и зарождение новых. Суть же наблюдаемого процесса Я. А. Голяшкин усматривает в том, что «общество князей-родственников превращается в общество самостоятельных правителей».

Подобно тому как старейшинство, оторванное от политической задачи, для которой пытались его использовать Ярослав и Мономах, получило личное значение и преимущественно договорный характер, так и все личные отношения между князьями пережили ту же эволюцию, все более отрываясь от традиции единства, все более теряя характер союза «невольного по происхождению», «генеалогической федерации», по образному выражению В. О. Ключевского. И эволюция эта естественно отразилась на тех формулах, заимствованных из области семейного быта, которыми князья продолжали пользоваться ввиду кровного родства своего, для выражения отношений, содержание которых давно отошло от условий «нехитрого семейного строя». Но это перерождение смысла терминов семейного быта в их применении к междукняжеским отношениям, конечно, старше второй половины XII в., на которой сосредоточил свое внимание Я. А. Голяшкин. «Выйдя, — говорил он, — из ячейки нехитрого семейного строя, междукняжеские отношения еще в Киеве стали заметно и быстро менять свою физиономию, впитывать в себя новые идеи, возникавшие на почве частных столкновений между князьями, и постепенно приобретать политический характер». Как мы видели, начало этого процесса надо искать в попытке, выразившейся впервые в ряде Ярослава, обратить форму нераздельной семьи под руководством единого старейшины в учреждение, предназначенное для сохранения единства во внутренней жизни и внешней самообороне молодого

²³⁷ Голяшкин Я. А. Очерк. С. 211—285.

русского государства. Отсюда прежде всего вытекли особенности значения слов «отец», «брат старейший», «братья» в применении к междукняжеским отношениям. Первые два естественно сближаются, отождествляясь в обозначении старейшинства, приобретая характер терминов политического быта. Пусть «попытка связать со старшинством известные политические права на послушание со стороны младших князей удалась так же мало, как и попытка установить правильный переход киевского престола по очереди старейшинства»²³⁸, но «попытка» эта выразилась в ряде явлений исторической жизни русской, а при Мономахе приняла такой оборот, что «отеческая опека» уступила место «простой политической гегемонии». Лишь с упадком гегемонии киевских князей и победой начал семейного, отчинного раздела, разрушавшего единство и земли русской и рода княжеского, получают эти термины значение личных, индивидуальных отношений — союза, связанного с покровительством одного, более или менее сильного, союзника другому и зависимостью последнего, более или менее неопределенной: от обязательства «быти за одинъ» до «во всей воли ходити». Сплошь и рядом звучат в речах княжеских термины «отче» и «сыну» — и как простые формулы дипломатического языка, или проще, как бытовые обороты речи. Вывод, что «положение князя-отца определялось не само собой, естественным порядком перехода старшинства, а самопроизвольным „хотѣниемъ“ или „наречениемъ“ со стороны остальных князей», одинаково верен и для времен, когда один из старших Ярославичей нарекает другого себе старейшиной, и для конца XII в., когда южные Мономашичи нарекли Всеволода суздальского старейшим в своем Володимировом племени²³⁹. Но глубокую разницу видим в том, что для XI и начала XII в. это «наречение» или признание чьего-либо старейшинства связано с построением определенной территориально-политической системы и тенденцией к созданию начал политической гегемонии в целом союзе князей, а для второй половины XII в. — это лишь условная формула частного, личного союза, под старейшинством одного князя, группы независимых владельцев вполне обособившихся вотчин²⁴⁰. Грань,

²³⁸ Я. А. Голяшкин то полагает, что род Ярославичей «никогда не подчинялся родовой организации, *если только* не видеть ее в завещании Ярослава, никогда не был учреждением», то признает, что в старину «власть рассматривается как принадлежность старшинства и приобретается поэтому не усилиями личной энергии, а самым порядком рождения».

²³⁹ Ипат. С. 459.

²⁴⁰ Наиболее сильное выражение готовности стать в личную зависимость дал Ярослав галицкий, обращаясь к Изяславу: «Ныне, отце, кланяю ти ся, прими мя яко сына своего Мьстислава, такоже и мене, ать ездить Мьстиславъ подле твой стремень по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твоей стремень».

которая намечается между этими явлениями, может быть названа относительной, тем более что, как выше указано, старейшинство, например, суздальских князей связывалось и в конце XII в. с правом распоряжаться в «Русской земле» (в тесном значении Киевской области), но это не должно затуманивать ее исторической содержательности ввиду явного распада всей старой территориально-политической системы.

Вне тенденций старейшинства князья называются братьями без различия степеней родства. Еще Неволин^{67*} отметил, что все князья, как равные в известном отношении друг другу по княжескому достоинству, называют себя взаимно братьями^{68*}. Сама по себе черта эта не заключает в себе ничего своеобразного. Исследователи славянского семейного быта не раз отмечали широкое значение слова «братья», объемлющего всех членов нераздельной семьи. С применением той же схемы семейных отношений к владетельному роду это слово естественно приняло политический оттенок, подчеркивая равенство князей. Братья-князья собирались на съезды XI в., «все братья» — русские князи. По мере приобретения младшими князьями все большего признания их прав как отчичей резче выступает это подчеркивание равенства князей в термине «братья». Старший начинает обращаться к младшему со словами: «брате и сыну», — и слышит в ответ: «брате и отче!», а не то встречает протест против тона, который требовал бы выражений «господине-отче», как например: «Аже еси съ сякими рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту челоувѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ»²⁴¹. В эпоху, принесшую торжество началу раздельного отчинного владения над тенденциями к единству земли и властвования, термин «братья» действительно означает «лиц, просто равноправных, независимых владетелей, которых соединяло между собой общее происхождение от одного родственника». Я. А. Голяшкин удачно объясняет сохранение старых семейных форм и формул при новом складе политического быта, кроме силы традиции, тем, что «князья, даже окунувшись совершенно в водоворот новых политических отношений, продолжали составлять один род, изолированный от общества и потому теснее захватывавший своих членов, внушая им постоянную мысль о их исключительной кровной близости друг к

ѣждю, всими своими полкы». Это предложение верного и послушного союза в трудную минуту разрешилось через несколько месяцев войной. Позднее встречаем термин «господин»: «Ты господинъ, ты отецъ», — обращаются пронские князья к Всеволоду суздальскому (Лавр. С. 367); «отце-господине», — взывает к нему Владимир Ярославич галицкий (Ипат. С. 448).

²⁴¹ Ипат. С. 390 — слова Мстислава Ростиславича Андрею Юрьевичу.

другу»^{69*}. Сознание своей монополии на княжое достоинство в силу принадлежности к роду владетельных²⁴² князей — такова та грань, которая обособляет князей от общества в данный период. И Лешко польский, настаивая на низложении боярина Володислава, захватившего было власть в Галиче: «Не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи», несомненно выразил мнение и русских князей: погибший в заточении Володислав «нашедь зло племени своему и дѣтемъ своимъ, княжения дѣля: вси бо князи не призяху дѣтий его того ради».

Братство князей предполагало не только равенство их в княжеском достоинстве, но и их союзность. Все братья, русские князья, «послушающе» брат брата, со старейшим, в отца место, во главе, как единая действующая на Руси сила, — таков идеал Ярославова ряда. Распад его наследия привел к дроблению братского союза князей на ряд «частных политических союзов с разнородными системами взаимных отношений»^{70*}. И слово «брат» приобретает особое значение в половине XII в.: брат тот, с кем можно жить в союзе²⁴³,

²⁴² Едва ли можно признать удавшейся попытку В. И. Сергеевича (Русские юридические древности. Т. 2. С. 303—304) отыскать в древней Руси безземельных служилых князей. Он указывает на Давыда Всеславича на основании его участия в походе 1103 г. на половцев: «Эта была, конечно, служба его Ярославичам». Если считать достоверным, что Давыд в это время был изгнанником из Полоцкой земли (полоцкие дела за это время почти совсем неизвестны, но мнение В. И. Сергеевича наиболее вероятно), то все-таки временное отлучение от отчины и участие в общекняжеском предприятии не делают его представителем особой категории «служилых» и «безземельных» князей, как и участие в походе для него, конечно, не служба. Еще менее повод считать безземельным служилым князем Ростислава Юрьевича. Ростислав, по мнению В. И. Сергеевича, обиженный отцом, приехал к Изяславу с предложением услуг и не требуя волости; Изяслав услуги принял и дал ему несколько городов в кормление на условии верной службы. Выше была речь об этом эпизоде, приведены и тексты, из которых видно, что, по Лавр., Ростислав и ехал в Киев искать волости, а по Ипат., жалуется Изяславу, что отец ему волости не дал, и Юрий понимал удел сына как «часть въ землѣ Русской», а не как служилое кормление. Наиболее безземельный князь древней Руси — Иван Берладник, но и его нельзя подводить под эту категорию, так как и для него безземельное состояние ненормально: он опасный претендент-противник для Ярослава галицкого, а не слуга князей, у которых ищет убежища и помощи. Скорее можно признать первыми «безземельными» служилыми князьями Константина Владимировича, из рязанских князей, на службе у Ростислава Михайловича черниговского (Ипат. С. 527) и его сына Евстафия, перекинувшегося к Миндовгу (Там же. С. 565, 569). Ср.: *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 59. М. С. Грушевский почему-то служилым князем считает Святополка, которого видим в рядах галицкого боярства: не по «княжому» ли имени? См.: Ипат. С. 384—385; ср.: *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 443.

²⁴³ «Въ мнѣ братья своя, — говорит Изяслав Мстиславич Глебу Юрьевичу, — до васъ нѣту рѣчи никоєя же; но обидитъ мя твой отецъ, а съ нами не умѣть жити» (Ипат. С. 276). А Юрий — Ростиславу: «Право, сыну, съ Изяславом есмь не могль быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ» (Там же. С. 328).

брат-союзник, кто обещал «быти за одинъ братъ»: «Дажь стоиши въ томъ ряду, — говорят князья друг другу, — то ты намъ братъ, паки ли поминаешь давныя тяжа... то съступилъ еси ряду». Это договорное, политическое братство — явление того же порядка и той же эпохи, как и условное, договорное старейшинство. Такова эволюция терминологии междукняжеских отношений, объясняющая вычурную форму, в какой Вячеслав Владимирович выразил свою радость по поводу уступки ему Киева Изяславом: «Ты мой еси отецъ, и ты мой и сынъ, у тебе отца нѣту, а у мене сына нѣтуть, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ»²⁴⁴. Конечно, вся эта «терминология», в которой так мало определенности и так трудно различить отражение бытовых явлений и личных чувств от политического элемента взаимных обязательств и приобретаемых прав, еще далека от схоластики московских договоров с их канцелярски выработанными формулами. Но присматриваясь к ней, мы, несомненно, вступаем в условия удельного быта и отношений между князьями как независимыми владельцами обособленных волостей-княжений, ограниченных в своей независимости и связанных друг с другом лишь фактическим соотношением сил и интересов да договорными соглашениями.

Договорные отношения между князьями удельного времени подробно изучены В. И. Сергеевичем и легли в основу его исторической теории. Выводы, полученные прежде всего на основании известий, идущих «от XII века и ближайших к нему годов смежных столетий»²⁴⁵, приняты в этой теории за исходный пункт русского исторического развития, на них построена характеристика древнейшего периода русской истории. Так возникло представление об «исконной» политической особенности древнерусских волостей, «первоначальных», существовавших «еще до Рюрика»; о «преобладающем значении договорного и союзного начала в нашей истории»²⁴⁶, и притом — во всей нашей древнейшей истории, с первых моментов ее, о каких мы можем получить некоторое представление из источников. То «множество единовременно существующих небольших государств», какими представляются волости-княжения XII в., возникло и сложилось в доисторические времена. Волость — территория, потому и составляющая «одно государственное целое», что состоит под одною властью. И эта власть старше деятельности князей Рюрикова рода;

²⁴⁴ Там же. С. 290.

²⁴⁵ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 2.

²⁴⁶ Там же. С. 131, 139, 231.

ее возникновение одновременно и неразрывно связано с возникновением древнейших городов. И древнейшие волости — не племенные. Племена, перечисляемые начальным летописцем как имеющие каждое свое княжение²⁴⁷, носят местные наименования: нет основания предполагать «родовое единство отдельных племен и обуславливаемую этим единством политическую их цельность». Волости возникли не на племенной основе. «Скрытый от глаз историка процесс возникновения первоначальных волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а с оружием в руках». «Группами предприимчивых людей» строились города; «жители таких укрепленных пунктов при благоприятных условиях могли стремиться к расширению своих владений и с этой целью захватывать чужие земли и подчинять себе разрозненное население этих земель», а для «береженья» своих приобретений строили пригороды. «Центр волости город, к нему тянется земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выйти из города»²⁴⁸. Так возникли волости политически обособленные, исконное и основное явление древнерусского политического быта.

По существу, это гипотетическое построение В. И. Сергеевича, несомненно, содержит ряд очень ценных указаний на то, в каком направлении следует искать выяснения древнейших моментов русского исторического процесса. Но оно, само явившись результатом перенесения на древнейшие времена наблюдений, установленных для XII в., получило в исторической теории В. И. Сергеевича такую силу, которая едва ли плодотворно отразилась на понимании деятельности русских князей и междукняжеских отношений X и XI столетий, вызвав неудачную попытку подвести под действие «договорного» начала кровавую борьбу сыновей Святослава и Владимира, где рать не до мира стояла, а до полного уничтожения противника и объединения власти над всеми волостями, и несогласную с изложением летописи оценку деятельности Владимира и Ярослава, одностороннее освещение времени старших Ярославичей и Мономаха. Дело в том, что В. И. Сергеевич предположил слишком большую определенность и зрелость волостного строя на заре русской исторической жизни и тем подрывал возможность эволюционного понимания форм древнерусского политического быта. Удельный строй, характеризующийся в политическом отношении обособленностью волостей-княжений и договорными отношениями между князьями, явился результатом долгого исторического развития, хотя бы оно и опиралось на основы, заложенные еще во времена «доисторические», в эпоху колонизации Восточно-Европейской равнины славянскими племенами и перехода их от племенного быта

²⁴⁷ Лавр. С. 9.

²⁴⁸ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 1—12.

к городскому и волостному строю. Волости-княжения и междукняжеские отношения XII и XIII вв. во всех существенных исторических чертах своих не пережитки глубокой древности, а новообразования. Не в целях этого очерка древнерусских междукняжеских отношений следить за постепенным самоопределением земель-волостей. Отмечу только, что оно не встретило в конце концов достаточного противодействия во влиянии княжой политики, а, напротив, нашло в ней именно в начале отчинного раздела силу, которая каждой земле давала возможность выработать себе законченный политический строй укреплением у себя определенной княжой семьи. Так начало отчины встретило поддержку в тенденциях самого населения, созидавая основы удельного уклада всего русского политического быта.

VII. СТРОЙ КНЯЖОГО ВЛАДЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ

До сих пор мы говорили только о борьбе начал старейшинства и отчинного раздела по отношению к тому целому, которым владели Владимир и Ярослав. Теперь заглянем внутрь постепенно обособляющихся частей этого целого.

В них основные черты княжого владения и междукняжеских отношений по существу, конечно, те же, но в разнообразных комбинациях и изменениях, обусловленных особенностями местной исторической жизни.

«Процесс распада, — читаем у М. С. Грушевского, — не ограничился разделом державы на особые земли, а проходил свои дальнейшие стадии внутри отдельных земель. В XI в., можно сказать, „земля“ вообще соответствует княжению; князь чаще всего представляет собой целую землю (а иногда и несколько земель). В XII в. каждая земля, за немногими исключениями, превращается в целую политическую систему с целой группой княжений, с княжими линиями старшими и младшими, с большими и меньшими политическими центрами, с различными системами княжеских отношений; одним словом, земля, как микрокосм, повторяет в себе склад политической системы Русской державы»²⁴⁹.

Основным фактором такого дробления отдельных земель было начало отчинного раздела и владения в связи с стремлениями пригородов к независимости и обособлению.

²⁴⁹ Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 129.

Первой выделилась в особое владение Полоцкая земля. К сожалению, отношения между ее князьями отразились в наших летописных сводах столь отрывочными и случайными известиями, что сколько-нибудь обстоятельное их изучение прямо невозможно: сама генеалогия их представляет немало пунктов неясных и сомнительных²⁵⁰. То немногое, что можно сказать с некоторой уверенностью, сводится к следующему. После Изяслава Владимировича и, вероятно, еще при жизни его отца полоцкая отчина перешла к его сыну Брячиславу²⁵¹, затем к Всеславу Брячиславичу. Смерть Всеслава (1101) принесла первый раздел Полоцкой земли, но восстановить его не представляется возможным²⁵². Впрочем, с этих пор можно отметить борьбу за Полоцк и смену в нем князей путем убиц и вмешательства веча полоцкого. Видим и совместные предприятия всей братьи Всеславичей²⁵³, свидетельствующие о том, что полного распада отчины Рогволожих внуков на ряд вполне обособленных владений не произошло. О том же говорит и опала, постигшая всех полоцких князей со стороны Мстислава в 1129 г. С падением власти Мстиславичей в Полоцке (1132) развитие полоцких отношений начинается как бы заново. И основные их черты: во-первых, то, что Полоцку так и не привелось до конца его независимости установить у себя определенный порядок преемства в одной династии, не пришлось обособиться в полной мере, замкнувшись в своих местных интересах; во-вторых, в общем устойчивое разделение Полоцкой земли на отчины отдельных линий Всеславова потомства²⁵⁴. Кроме того, некоторые

²⁵⁰ Ср.: *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли; *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

²⁵¹ О Всеславе Изяславиче мы знаем только, что смерть его записана под 1003 г. Сидел ли он в Полоцке, летопись не указывает, а старшим его считают, по-видимому, потому только, что он раньше умер. Быть может, то, что Изяслав под 1001 г. назван «отец Брячиславль», можно, за неимением лучшего, принять за нарек на преемство Брячислава по Изяславе?

²⁵² Нет у нас даже списка его сыновей — шести или семи — по старшинству лет, нет сведений ни об их посажениях при отце, ни о каком-либо ряде Изяслава.

²⁵³ «Томъ же лѣтъ (1106) побѣдиша Зимѣгола Всеславичъ, всю братью» (Лавр. С. 271). Естественно предположить с В. Е. Данилевичем^{71*} руководящую роль полоцкого князя, каким для этого времени он признает Бориса Всеславича (*Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли. С. 73), а Довнар-Запольский^{72*} — Давыда (выражение Лавр. С. 270: «Оле҃гъ самъ иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича», — скорее указывает на попытку Олега в 1104 г. помочь изгнанному братьями Давыду).

²⁵⁴ «Следя за борьбой князей из-за Полоцка, — говорит Довнар-Запольский, — нельзя не заметить, что полоцкие князья не переходят с одного удела на другой, что еще сыновья Всеслава осели уже на своих уделах», и указывает на Минскую волость Глебовичей, сохраняющуюся в их руках сквозь ряд бурных событий в течение всего XII в., на Витебскую волость Святославичей или Васильковичей (линия Василька Святославича), которую, впрочем, проследить значительно

черты²⁵⁵ в истории полоцких князей указывают на одно естественное последствие сочетания устойчивого владения волостями, доставшимися отдельным семьям княжого рода, с отсутствием прочно установленного преемства, а тем более династического обособления главного княжого стола в земле Полоцкой: занятие тем или иным князем этого стола не вело к разрыву его владельческих отношений к прежней отчине. Изгнанный из Полоцка князь возвращается на прежний стол свой²⁵⁶, и семьям княжеским, князьям-братьям, по-видимому, дружно державшимся в борьбе из-за Полоцка, приходилось мириться с невозможностью произвести в своей среде сколько-нибудь окончательный раздел владений. При переходе старшего из братьев на стол княжения полоцкого его прежнее княжение занимает другой брат, но с всегдашней перспективой возвращения брата и перераспределения столов снова по-старому или, смотря по соглашению, как-либо иначе. Такова почва, на которой действительно возникает своего рода нераздельность владения отчиной группы князей, с распределением между ними волостей, которое, изменяясь, смотря по обстоятельствам, не ведет иногда к распаду этой отчины на ряд обособленных владений, а создает своего рода «очередное» пользование ими.

Сходные явления мы встречали уже и на юге и еще встретим. Обратимся к Черниговской земле.

труднее, и на друцкую отчину Борисовичей^{73*}. Во вторую половину XII в., как справедливо указывает Данилевич, «уже замечается в общих чертах то территориальное разделение полоцкой земли, которое выразилось в литовский период в распадении ее на три земли: Полоцкую, Минскую и Витебскую»^{74*}. Предыдущие группировки владений могут быть уловлены лишь в самых общих чертах.

²⁵⁵ Наблюдая борьбу трех семей полоцких князей — Глебовичей, Васильковичей и Борисовичей, В. Е. Данилевич отмечает, что около 1151 г. братья Глебовичи сидели: Ростислав — в Минске (Ипат. С. 308), Володарь — в Городец (где видим его позднее), Всеволод — в Изяславле (упомянут там позднее; Там же. С. 340), а затем, когда в 1151 г. Ростислав перешел в Полоцк, то Минск занимает Володарь, чтобы по изгнании Ростислава из Полоцка уступить ему Минск и вернуться в свой Городец. В этом В. Е. Данилевич видит пример владения по «праву старшинства», то, что В. О. Ключевский назвал бы очередным порядком. То же и еще в двух примерах: когда Всеслав Василькович витебский занял полоцкий стол, брат его Брячислав перешел из Изяславля в Витебск; в Друцке после Рогволода Борисовича княжили друг за другом два его сына: Глеб и Всеслав (Ипат. С. 355, 419; Лавр. С. 383)^{75*}. Само по себе княжение брата по брате немного дает, когда мы не знаем ни времени, ни обстоятельств смены князей, как в двух последних случаях. Первый пример был бы интересен, если бы мы хоть то знали наверное, что Володарь старше Всеволода (в росписи князей сам Данилевич помещает вторым Всеволода, а Володаря третьим). Но и без этого можем признать удачным наблюдение В. Е. Данилевича, указывающее, однако, не столько на преимущества в наследовании дядей перед племянниками, как он выводит, сколько на зарождение нераздельного или лишь условно-раздельного владения братьев с чередованием их в зависимости от судеб стола полоцкого.

²⁵⁶ Ср. возвращение Ростислава Глебовича в Минск: Ипат. С. 340; Рогволода Борисовича в Друцк: Там же. С. 355; Всеслава Васильковича в Витебск: Там же. С. 406; и т. п.

Черниговская отчина Святославичей²⁵⁷ оказалась наиболее устойчивым из созданий Ярославова ряда. В 90-х годах XI в. закончилась кровавая борьба за отчинные права сыновей Святослава, и они осели в своих владениях. Не знаем подробнее, как они поделились. Но старший, Давыд, сел в Чернигов, Олег, по всей вероятности, — в Новгороде Северском, младший, Ярослав, — в волостях мурома-рязанских. Понимать это надо как раздел отцовского наследия на три отчины. Только Чернигов как старший стол и большее княжение во всей земле сразу занял особое положение в междукняжеских отношениях Святославичей. По смерти Олега и Давыда (1123) его занял было Ярослав Святославич «по принципу родового старшинства», но не в наследовании отчин, а в преемстве старейшинства, связанного с черниговским столом. Изгнание его племянником, Всеволодом Ольговичем, в 1127 г. заставило Ярослава, лишенного поддержки со стороны Мстислава киевского, вернуться в Муром. С этих пор его мурома-рязанские волости составляют особое владение его потомков, оторванное от черниговской системы княжений.

Остались две линии, Давыдовичей и Ольговичей, со своими двумя отчинами²⁵⁸. Политическое значение Чернигова, его несоизмеримость с другими волостями помешали окончательному распаду этих владений на два самостоятельных княжения. Всеволод Ольгович, отняв у дяди Чернигов, сумел путем сближения с сильным Мстиславом, а затем ловкой политикой во время раздоров между Мономашичами не только удержаться во главе Черниговской земли, но добиться, наконец, и княжения в Киеве. Чернигов он при этом уступает Давыдовичу Владимиру, удержав, однако, за собой одну из волостей черниговских — землю вятичей. По смерти его Давыдовичи пытаются использовать вражду между Изяславом Мстиславичем и Ольговичами, чтобы овладеть всеми волостями Ольговичей, и этой борьбой двух линий занята первая половина XII в. В непрерывной борьбе за Киев и черниговские волости погибли один за другим представители старшей линии, угасшей с последним из Давыдовичей Святославом Владимировичем, который умер

²⁵⁷ Ср.: Голубовский П. В. История Северной земли; Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV в. Киев, 1882; Грушевский М. История. Т. 2. С. 317—328.

²⁵⁸ В 1157 г. Святослав Ольгович и его племянник Святослав Всеволодич говорят Изяславу Давыдовичу: «А се отчинъ межѣ нама двѣ, одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичъ, а язъ Ольговичъ; ты же, брате, прими отца своего, Давыдова, а што Олгово, а то нама дай, ать въ ся тѣмъ подиливъ». Изяслав же «отчину има узвори, а свою къ собѣ прия» (Ипат. С. 307).

в 1167 г. на незначительном княжении в земле вятичей²⁵⁹. Черниговские владения остаются в руках двух линий Ольговичей: потомков Всеволода и Святослава.

Долгие годы борьбы сплотили Ольговичей. Как ранее они хранили единство отчины Олега, не доводя распределения владений в своей среде до окончательного раздела на ряд мелких отчин, так и после падения Давыдовичей они успешнее, чем какая-либо линия Рюрикова рода, сочетают раздельное пользование волостями с сохранением единства владения. Своеобразный порядок этот был подготовлен теми особенностями, какие вносило во владение черниговскими волостями постоянное стремление Святославичей к столу киевскому. Оно поддерживало в них потребность солидарности, совместных действий, соглашений относительно Чернигова, передававших его из одной линии в другую. Пример мы уже видели во времена Всеволода Ольговича. Далее, когда по смерти Изяслава и Вячеслава киевских мелькнула Изяславу Давыдовичу надежда на Киев, он сговаривается с Святославом Ольговичем, «яко же бы Изяславу у Киевѣ съдѣти, а Святославу у Черниговѣ». Узнав, что в Киеве не удержаться (идет Юрий Владимирович), Святослав посылает сказать Изяславу: «пойди ис Киева, сеть идти въ Киевѣ Дюрги; а язъ ти Чернигова съступлю». Изяславу пришлось уступить Киев Юрию и вернуться в Чернигов, а Святослав «поиде Сновську»²⁶⁰. В этом нет, конечно, никакого «порядка преемства»: перед нами только соглашение на данный случай, обусловленное для Давыдовича необходимостью заручиться поддержкой Ольговичей²⁶¹. Необходимость эта, однако, красноречиво указывает на условия, затиравшие раздельность отчинного владения новыми комбинациями. Те же условия, побуждавшие черниговских князей держаться вкупе при почти непрерывной борьбе их с Мономаховым племенем, привели к более определенным и устойчивым явлениям в области междукняжеских отношений

²⁵⁹ «Умре Святославъ Володимиричъ во Вщижи, внукъ Давыдовъ» (Там же. С. 359).

²⁶⁰ Там же. С. 328—329.

²⁶¹ Заняв Киев по смерти Юрия Долгорукого, Изяслав пробует сохранить Чернигов за собой, оставив там племянника со всем полком своим. Но Ольговичи заставили его уступить: «и даша Святославу Ольговичу Черниговъ, а Всеволодичю Новгородъ (Северский), а Изяславъ иде въ свой Киевъ» (Там же. С. 336—337). Притом Изяслав, подобно Всеволоду Ольговичу, сохранил за собой часть черниговских волостей: Святослав жаловался потом, что взял только «Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ, Моровиескъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь, а въ нѣхъ съдѣти псареве же и Половци», тогда как Изяслав «всю волость Черниговскую собою держитъ и съ своимъ сыновцемъ» (Там же. С. 343). При вторичном изгнании Изяслава из Киева Святослав не уступил ему Чернигова, и между ними пошла уособица (Там же. С. 344—352), неудачная для Изяслава, который, наконец оставив надежду на Чернигов, гибнет в 1162 г. в борьбе с киевскими князьями (Там же. С. 354).

Черниговской области, когда линия Давыдовичей сошла со сцены и все волости сосредоточились в руках потомков Олега. И то не сразу. По смерти Святослава Ольговича (1164) видим попытку его сына Олега занять Чернигов как отчину свою с исключением старшей, Всеволожей, линии Ольговичей. Ему это не удалось, пришлось уступить Чернигов дяде Святославу Всеволодовичу, но до смерти Олега видим ряд проявлений его вражды к черниговским князьям, споры о волостях, которыми Святослав распоряжался в пользу своей родни и в ущерб интересам племянников²⁶². Отчинная тенденция раздела давала себя сильно чувствовать в борьбе родственных линий и вполне преодолеть ее, по-видимому, так и не удалось группе черниговских Ольговичей²⁶³. Но и осуществления она в домонгольские времена не получила. Ряд компромиссов, к каким прибегали Ольговичи для преодоления внутренней розни и для объединения своих сил, помешал Черниговщине распасться на несколько обособленных княжений и создал те черты княжеских отношений, которые позднейший книжник обобщил в выражении «лествичное восхождение», перенеся его с Чернигова на Киев.

Присмотримся к упомянутым компромиссам. Святослав Всеволодович, заняв киевский стол, на первое время Чернигов сохраняет за собой²⁶⁴, потом сажает в нем брата Ярослава, но во главе общих дел Черниговщины стоит по-прежнему не Ярослав, а Святослав²⁶⁵. «Одиначество» Ольговичей носит при нем характер союза двух линий, остающихся отдельными. Так, собираясь походом на Всеволода суздальского, Святослав говорит брату: «Се азъ старѣ Ярослава, а ты, Игорю,

²⁶² Мать Олега по соглашению с епископом и передними мужами мужа своего три дня скрывала смерть отца, пока не приехал в Чернигов Олег. Но епископ, преступив клятву, дал весть Святославу, «и начаста слати межи собою, ладячася о волостехъ; Олегъ же, на ся поступивъ уладися, Святославу съступи Чернигова, а собъ зя Новгородъ» (Там же. С. 358); для дальнейших отношений ср.: Там же. С. 358, 360, 406, 408.

²⁶³ Ср. усобицу Михаила Всеволодича с Олегом (Игоревичем?) курским: Лавр. С. 426.

²⁶⁴ «Иде Володимеръ съ женою къ Чернигову ко отцю: ту бо живяше Святославъ, пришедъ ис Киева» (Ипат. С. 414). «Во томъ же лѣтъ преставися Олегъ Святославичъ. . . Потомъ же Игорь, братъ его, съде в Новѣгородѣ Свѣтърьскѣмъ, а Ярославъ Всеволодичъ в Черниговѣ съде» (Там же. С. 415). По-видимому, водворение в Чернигове Ярослава стояло в связи с кончиной Олега, отказавшегося, вероятно, от притязаний на Чернигов только в пользу Святослава? Ср. его столкновение с Святославом в 1167 г.: «Олегъ бо просяше в правду надѣленья; Святославъ же не пода ему, но вда брату своему лѣпшую волость» (Там же. С. 359—360).

²⁶⁵ «Иде Святославъ к Любчю и призва к собѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, ряды ему дѣюще» (Там же. С. 415). «Святославъ посла сына своего Олга и Володимера в Посемье» (Там же. С. 435). «Святославъ позва братью свою въ Роговъ: Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча с ними думати, хотя на Рязанский князи: бяхуть бо имъ рѣчи про волости» (Там же. С. 456).

старѣ Всеволода, а нынѣ я вамъ во отця мѣсто остался: а велю тебѣ, Игорю, сдѣлать остатки съ Ярославомъ, блюсти Чернигова и всеѣ волости своей»²⁶⁶. По его смерти брат его Ярослав остается в той же роли патриарха всех Ольговичей и действует, «собравъ братью свою и сдумавъ с ними»²⁶⁷.

Установившаяся солидарность действий в среде Ольговичей, как бы осуществивших для себя завет старого Ярослава, привела к двум последствиям, характеризующим внутренние отношения Черниговщины за вторую половину XII и начало XIII в. Это, во-первых, особая практика преемства в старейшинстве и владении столом черниговским, а во-вторых, слабое проявление начал отчинного раздела в порядке владения отдельными волостями. Для характеристики первой достаточно перечислить князей, занимавших черниговский стол за указанное время: сперва, как мы видели, идут Святослав Всеволодович и брат его Ярослав; потом Игорь Святославич; за ним следует сын Святослава Всеволод Чермный и друг за другом его братья Глеб и Мстислав Святославичи. По смерти Мстислава сын Всеволода Михаил занимает Чернигов вопреки притязаниям Олега курского: это первая усобица за столько смен княжений²⁶⁸. Под понятие «родового» преемства по праву «старшинства в роде» это явление подойдет в том смысле, что, по-видимому, старейшинство каждый раз принадлежало старшему во всей группе черниговских князей по возрасту и влиянию²⁶⁹; «княжаше въ Чернигове, — говорит черниговское „Слово о князях“, — въ большемъ княжении, понеже бо старий братьи своей»²⁷⁰.

²⁶⁶ Там же. С. 418; ср.: Лавр. С. 405.

²⁶⁷ Ипат. С. 468. Всеволод суздальский посылает не к Ярославу, а «къ Олговичемъ» и с ними рядится, водя «Ярослава ко честному кресту и всихъ Ольговичъ» (Там же. С. 469).

²⁶⁸ Ср.: *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 326. Эпизод с княжением в Чернигове Рюрика Ростиславича (Лавр. С. 416) — искусственная комбинация в связи с сложной политикой Всеволода Чермного, лишь случайно врезавшаяся в судьбы Чернигова. Преемство черниговское за данное время протекает без смут: о них не слышим. Ср., напротив, определенно указанную солидарность Ольговичей за время Всеволода Чермного: «Совкупишася Олговичи вси в Черниговъ на снемъ, Всеволодъ Чермны с своею братьею, и Володимеръ Игоревичъ с своею братьею» (1206 г.) — тут отмеченная выше союзность двух линий; в дальнейшем рассказе постоянно выступают «Олговичи вси» (Там же. С. 405—413).

²⁶⁹ Если так, то перед нами сеньорат в понимании Болеслава Кривоустого, Гензериха, осуществление идеи ряда Ярослава. Ср. решение Рюрика Ростиславича: «с мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты и урядивъ с нимъ, съступилъ ему старѣйшинства и Києва» (Ипат. С. 422).

²⁷⁰ Вар.: «тои бѣ князь старѣйший въ братьи своей» («Слово похвальное на перенесение мощей свв. Бориса и Глеба» / Изд. Х. М. Лопарев // Памятники древней письменности. СПб., 1894. Вып. 98). Это «слово о князях» — драгоценный памятник стремления Черниговщины к княжому «одиначеству», подобно «Слову о полку Игореве». Ср.: *Голубовский П. В.* Опыт приурочения древне-

Перед нами несомненный пример «очередного» порядка, «нераздельно-поочередного» владения. Нераздельно ли? Думаю, что Святослав Ольгович верно выразил черниговское воззрение, поручая старейшим после него представителям рода Олегова блюсти «всеѣ волости своей». Не один Чернигов переходил из рук одной княжеской линии к другой. Выделение мурома-рязанских волостей, падение Давыдовичей устранили представление об отчинах трех Святославичей: черниговские волости — общая дедина Ольговичей. И видим, как это мимоходом отметил Грушевский, что во вторую половину XII в. речь идет не об отчинах отдельных князей, не о разделе, а о наделении младших князей старейшиной черниговским. Мирясь с Олегом Святославичем, Святослав Всеволодич обещает ему: «А брата ти надѣлю Игоря и Всеволода». При господстве отчинных представлений князья рядились относительно определенных волостей, на какие предъявляли свои права: а тут Олег требует «въ правду надѣленья», считая несправедливым предпочтение, оказанное Святославом своим брату и сыну; спор идет о лучших и худших волостях, не об отчинах.

Не вижу, однако, возможности идти так далеко, как М. С. Грушевский, и признать для Черниговщины сложившуюся систему «лествичного восхождения»: оно — схема княжого происхождения, отчасти обобщившая факты жизни, подгоняя их под такую систематичность, какой они никогда не достигали, отчасти, по-видимому, осмыслившая их с точки зрения позднейшей мысли, воспитанной в практике местнических счетов²⁷¹.

Конечно, можно предположить, что «надѣление въ правду»

русской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате (Древности. Труды Археографич. комиссии Московск. археологич. об-ва. М., 1899. Т. I. Вып. 3) и замечания М. С. Грушевского (*Грушевський М. [Рец.] П. В. Голубовский. Опыт приурочения. ... // Зап. Наукового товарищества ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 43. С. 3—5*).

²⁷¹ Напомню источник этой схемы. В старых летописных сводах читаем рассказ под 1195/1196 г. о том, что Всеволод суздальский и Рюрик Ростиславич требовали от Ольговичей отказа от Киева и получили ответ: «Мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашемъ животоу не ищемъ его, ажъ по васъ, кому и Богъ дастъ» (Ипат. С. 463). Никоновская летопись заменяет этот ответ риторической речью Ярослава Всеволодовича: «Не буди мѣѣ отлучения великого стола и главы и славы всеа Русии Киева, но якоже и отъ прадедъ нашихъ лествицею каждо восхожаше на великое княжение Киевское, аще же и намъ и вамъ, возлюбленная и драгая братия, лествичнымъ восхождениемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти на великое княжение великаго Киева. Его, братия, не разоряйте, ни присецайте, да не Божий гнѣвъ на себѣ привлечете, хотяще едины по всей Русии господствовать. Богъ убо мститель есть неправду творящимъ»^{76*}. Это, конечно, не показание источника, а такое же книжное мнение, как позднейшие ученые теории. Оно может служить источником для изучения исторических воззрений своего времени, а не явлений древней жизни.

должно было естественно привести к тому, что лучший стол после черниговского доставался тому, кто был следующим по старшинству после черниговского князя. Но это только на первый взгляд. Подобное соображение на деле разбивается необходимостью считаться с тем, что черниговское княжое «одиначество» было по существу компромиссом между двумя линиями Ольговичей. Новгород Северский не стал ступенью к Чернигову, хотя иногда служил для удовлетворения старейшего во второй линии. Если по соглашению 1158 г.²⁷² Святослав Ольгович получил Чернигов, а Новгород Северский достался Святославу Всеволодичу, который и занял после дяди Чернигов (благодаря устранению Давыдовичей), то в 1179 г. видим переход на черниговский стол Ярослава Всеволодича, в то время как Новгород по Олеге достался Игорю Святославичу²⁷³. В чьих руках Новгород Северский во время старейшинства Игоря, не знаем, как и вообще не можем составить списка его князей. Тем более осторожно следует относиться к схематизации явлений, о которых сведения столь отрывочны²⁷⁴.

²⁷² Ипат. С. 337.

²⁷³ Там же. С. 415.

²⁷⁴ Замечания эти направлены, в сущности, не по адресу М. С. Грушевского. Этот осторожный исследователь допускает «лествичное восхождение» с такими оговорками, что признает его скорее стилистически, как термин, который «во всяком случае хорошо передает этот порядок перехода столов и к тому же был довольно распространен в новейшей исторической литературе», чем по существу. Правда, он говорит так: «Наиболее чистый тип родовых отношений держался... в Черниговщине. Хоть тут была исключена младшая линия Святославичей, а были попытки сделать это и со старшей линией, да не было недостатка и в отдельных конфликтах, но, во всяком случае, в XII в. выработалась тут система „лествичного восхождения“, которая и проводилась довольно точно: братья в меру своего старшинства переходили со стола на стол, а за ними в том же порядке переходили на второстепенных столах их сыновья» (*Грушевский М. История. Т. 3. С. 202*). И даже, поясняя, что Черниговщина в силу особого склада княжого владения не разделилась на несколько обособленных княжений, несмотря на существование нескольких княжеских линий и по крайней мере двух или трех установившихся княжих волостей, утверждает следующее: «Каждый член династии, если он не умер преждевременно и кто-нибудь не пересек ему дороги, должен был переходить со стола на стол, начав с наименьшего, до самого Чернигова; за ним передвигались его братья: когда он доходил до старших волостей, где-нибудь с тыла начинали свое движение его сыновья. Этот круговой оборот князей неустанно связывал вместе все волости земли и не давал им выделяться». Конечно, все это такая же стилизация наблюдаемых явлений, как и в Никоновской летописи. Сам же М. С. Грушевский, когда не отрешается от конкретной почвы, говорит правильно: «Если мелкие волости, может быть, не были устойчивы и очень часто, или даже обычно назначались старшими князьями младшим каждый раз ad hoc [„для данного случая“], то и это тоже влияло на нераздельность земли» и признает, что «не можем даже сказать, было ли установлено практикой такое же соотношение по степеням других волостей, как этих двух: Чернигова и Новгорода» (Там же. Т. 2. С. 326—327). Эта неопределенность суждения есть недостаток изложения, и, к сожалению,

Одиначество черниговских Ольговичей было обусловлено прежде всего их упорной борьбой с Мономаховым племенем, ставшей для них особенно тяжелой со времени усиления Ростовско-Суздальской земли. Господство Мономашичей на западе от Днепра, на севере и на юге от Черниговщины грозило большою опасностью черниговским князьям, и она становилась еще значительнее, когда Муромо-Рязанская волость попадала в сферу влияния Суздальщины, становилась орудием ее политики. Разбивать по мере сил эту мощь Мономашичей стало необходимой задачей черниговской политики. Отсюда борьба черниговских князей за Посемье, за Новгород, где во второй половине XII в. так часты князья-черниговцы, за Киев и киевские волости. Всякая консолидация владений, где оседали постепенно линии Мономахова племени, была враждебна черниговским интересам, грозя самому существованию их дедины. Отсюда постоянное участие их в раздорах Мономашичей, их роль сеятелей недовольства и союзников всех враждующих в Мономаховом племени. В этой борьбе выковалось одиначество черниговское, вылившееся в своеобразный уклад междукняжеских отношений. Не старина тут перед нами, а новое явление, хотя и связанное с развитием и расцветом, в особо благоприятных условиях, одной из характерных для древнерусского политического быта тенденций.

Реальные условия черниговской политики XII в., а не преданность их старой — точнее, книжной и позднейшей — теории, объясняют нам и их упорную борьбу против стремления Мономашичей обратить Киев в свою фамильную отчину. Впервые, кажется, поставили Мономашичи требование «раздела Днепром» в 1154 г., когда Ростислав Мстиславич послал сказать Изяславу Давыдовичу: «Цѣлуй к нама хрестъ, ты въ отчинѣ своей Черниговѣ сѣди, а мы у Киевѣ будемъ»²⁷⁵. Изяслав Давыдович, ответив на такое требование вызовом на борьбу, добивается Киева, вызывая отповедь Юрия Владимировича: «Мнѣ отчина Киевѣ, а не тебѣ». Через 20 лет новое столкновение на той же почве: Святослав Ольгович требует от Ярослава Изяславича, на котором Ростиславичи, дав ему Киев, положили старейшинство, надела в киевских волостях и получает ответ: «Чему тобѣ наша отчина? тобѣ си сторона не надобѣ». «Святославъ же поча ему молвити: „Я не Угринь, ни Ляхъ, но единого дѣда есмы внуцы, а колко тобѣ до него, толко и мнѣ“»²⁷⁶.

нию, в обобщениях получается много больше, чем дают источники и факты, и даже не без противоречия с этими данными.

²⁷⁵ Ипат. С. 326.

²⁷⁶ Там же. С. 393. М. С. Грушевский (Исторія. Т. 2. С. 203) полагает, что последними словами Святослав хотел отметить, что он, так же как Ярослав, принадлежит к четвертому поколению от Ярослава, только династия Святослава

В еще более общей и отчетливой форме сохранила нам летопись то же требование Мономашичей под 1195 г., когда Рюрик Ростиславич с братом Давыдом и с Всеволодом суздальским «послаша мужи своя ко Ярославу и ко всем Ольговичем, рекше ему: целуй к намъ крестъ къ всѣмъ со всею своею братьею, како вы не искати отчины нашея, Києва и Смоленска, подъ нами и подъ нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ: како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпру, а Києвъ вы не надобѣ». Ольговичи ответили Всеволоду (как старейшему в Володимировом племени²⁷⁷): «Ажь ны еси вмѣнилъ Києвъ, тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то в томъ стоимъ; ажь ны лишитися его велишь отъгнудъ, то мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци, при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому ѿ Богъ дастъ». Всеволод «хотѣ оправити все племя Володимере» и иди на Ольговичей, но они сумели заключить с ним отдельный мир, разделив интересы противников²⁷⁸. Признав наследственность владений Всеволода суздальского²⁷⁹, Ольговичи упорно отрицают исключительность отчинных прав на Киев потомков Мономаха. Киев — общая дедина Ярославлих внуков, и владеет им «кому Бог даст». Знаменательно, что представление это так настойчиво выдвигается как раз в эпоху упадка связанного с Киевом старейшинства во всей земле русской, когда оно раздробилось, уступая место старейшинству в том или ином княжеском «племени» или в произвольно возникшей группе князей-союзников. Различные мотивы влияли на такую поддержку традиционного взгляда на Киев и землю Киевскую. Но общий их корень в борьбе против стремления старших Мономашичей, потомков Мстислава, к обращению Киева в свое отчинное владение, в противовес которому как суздальские князья, так и Ольговичи настаивают на общем, родовом значении Киева и его «Русской»

старше Мономаховой. Нет никаких оснований предполагать, чтобы князья занимались такими генеалогическими выкладками. Скорее следует указать на то, что никогда Святославици не ссылаются на генеалогическое старшинство своей линии Ярославова рода.

²⁷⁷ Ипат. С. 461.

²⁷⁸ Там же. С. 462—463. Все эти заявления Ольговичей не указывают на то, чтобы относительно Киева установился какой-либо порядок владения им по очереди. «Кому Бог даст», — говорят они, зная, что Бог дает княжения военной удачей, вечевым призывом и т. п. Ольговичи протестуют против своего исключения из круга возможных претендентов на киевский стол, защищая свое «гипотетическое» право на преемство в нем.

²⁷⁹ Всеволод урядился с Ольговичами «про волость свою и про дѣти своя, а Києва подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленска не искати» (Там же. С. 496). Вспомним, что владимиры целовали крест Всеволоду «и на дѣтехъ его» (Лавр. С. 360).

земли во всем ли племени Мономаха или во всем роде Ярославлем. Возвращаясь к этому явлению по его связи с черниговской политикой, чтобы дополнить уже сказанное несколькими замечаниями о тех чертах в поздних судьбах Киевщины, которые аналогичны особенностям княжого быта в земле Черниговской. Поучительны тут и черты сходства и черты различия.

Подобно Черниговщине, и Киевская земля не распалась на ряд отдельных вотчин-княжений. И в ней наблюдаем образование мелких княжений, неустойчивых и переменных, путем не раздела, а надела²⁸⁰. Но суть отношений была иная. «В Киевщине, — приведу слова М. С. Грушевского, — волости разным князьям раздавались довольно часто, особенно начиная с середины XII в., но эта практика имела тут свои отличия. Мотивы наделения были весьма разнообразны. То это были волости для близких родственников, братьев или сыновей киевского князя, который хотел иметь их поближе, либо для помощи, либо для обеспечения им наследования киевского стола. Иногда это были волости для разных младших родственников, которые вовсе не имели волости в другой земле или утратили ее, и киевский князь как патриарх династии считал долгом позаботиться о них. То волости эти должны были удовлетворить или вознаградить тех, кто помог киевскому князю добыть стол, или имел на него какие-либо права или претензии, так что дело доходило до полюбовного дележа Киевщиной». Кроме того, «при частых сменах князей на киевском столе и при частых изменениях относительно второстепенных князей в Киевщине постоянно менялись и волости киевские: выкраивалась волость для какого-нибудь князя — возникало маленькое княжество; уходил он через некоторое время — это княжество теряло свою отдельность; являлся новый князь, которого надо было наделить, — для него выкраивали волость где-нибудь в другом месте. Каких-либо определенных волостей, которые постоянно играли бы роль особых княжений, можно сказать — не было»²⁸¹.

Не было тут ни отчинных разделов, которые разбили бы землю на отдельные княжества, ни общего, нераздельного владения, которое покоилось бы на единстве владель-

²⁸⁰ «Помяни первый рядъ, — говорит Святослав Ольгович Ярославу Изяславичу, — рекль бо еси, оже я сяду въ Киевѣ, то я тебе надѣлю, паки ли ты сядеши въ Киевѣ, то ты мене надѣли; нынѣ же ты съдѣ еси право ли, криво ли, надѣли же мене» (Ипат. С. 393). Рюрик Ростиславич про Романа Мстиславича: «Ажь ми ся уже молить... но язъ его прииму и ко кресту вожду и надѣлокъ ему даю» (Там же. С. 462).

²⁸¹ *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 296. Из 15—16 волостей киевских, перечисленных Грушевским, больше половины только по одному разу бывали особыми княжениями.

ческой группы. Первое обусловило внешнюю нераздельность Киевщины, второе — дробило ее внутри, разлагая ее внутреннюю силу и значение киевского князя не только в ряду других князей, но и в самой земле киевской²⁸².

Иначе, чем в Черниговщине, сложилось княжое владение в отделившейся от нее земле Муромо-Рязанской²⁸³. Тут по смерти первого ее князя Ярослава (1129) видим все волости в руках его сыновей — Ростислава, Святослава и Юрия, и в 30-х годах рязанские, муромские и пронские князья выступают совместно в борьбе с половцами²⁸⁴. В Муроме сидел Юрий, а по его смерти (1148) видим в Муроме Святослава, умершего через два года. Тогда Ростислав соединяет все волости в своих руках: садится в Муроме, а в Рязань посылает сына Глеба²⁸⁵. Эта попытка свести владение Ярославичей к единству в руках старейшего вызвала борьбу против дяди Владимира Святославича, вероятно оставленного без надела. Видим его на стороне Юрия Долгорукого и Ольговичей против Ростислава, союзника Изяслава и Давыдовичей. Не совсем ясные по отрывочности известия о перипетиях этой борьбы двух линий муромо-рязанских Ярославичей²⁸⁶ позволяют отметить две черты: стремление Ростислава осуществить старейшинство в виде сперва единства владения, затем, по-видимому, гегемонии во всей земле²⁸⁷ и исход в торжестве начала отчинного раздела.

²⁸² Возможны стали такие факты, как ряд Рюрика Ростиславича с Святославом Всеволодичем, по которому он уступил Святославу старейшинство в Киев, «а собѣ взя всю Русскую землю» (Ипат. С. 422). Происходит, по выражению Я. А. Голяшкина, выделение Киева из «Русской» земли^{77*}.

²⁸³ Ср.: Иловайский Д. И. История Рязанского княжества.

²⁸⁴ В статье Воскресенского свода «Начало о великихъ князехъ Рязанскихъ» читаем: «Ярославъ съде на Муромѣ и на Рязанѣ, и сиде два году, и преставися, и положенъ въ Муромѣ. А на Муромѣ и на Рязанѣ остались дѣти его: Ростиславъ да Святославъ да Юрьи; и Ростиславъ да Святославъ были на Рязани, а Юрьи на Муромѣ» (Воскр. С. 242). Д. И. Иловайский считает Юрия старшим (Муром — старший стол), а Ростислава младшим. Под 1131 г. находим известие: «Князи Рязанстии и Пронстии и Муромстии много Половецъ побиша» (ПСРЛ. Т. IX. С. 157).

²⁸⁵ «Той же зимѣ умре Святославъ, сынъ Ярославль, у Муромѣ, а братъ его Ростиславъ съде на столѣ; а Рязаню послаша мѣншего Ростиславича Глѣба» (Ипат. С. 227, под 1145 г.).

²⁸⁶ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. С. 26—32. Автор принимает известия Никоновской летописи (под 1147 и 1149 гг.) о других членах Святославлей линии, заподозренные Карамзиным^{78*}, и дает им весьма вероятное толкование.

²⁸⁷ Ростислав Ярославич вернул себе княжение, приняв необходимость союза с Юрием суздальским, и в 1152 г. «Ярославичъ Ростиславъ с братею, и с Рязанци и с Муромци, поидоша съ Гюргемъ, а не отрекоша ему» (Ипат. С. 314). Последние слова намекают на отказ в рязанской помощи в предыдущем году,

Это последнее произошло по смерти Владимира Святославича, отчича муромского, но умершего князем на Рязани в 1162 г.²⁴⁶ Никоновская летопись, вероятно, правильно освещает его положение, назвав его по-позднейшему «великим князем рязанским»²⁴⁹. Но после него Муром и Рязань обособляются друг от друга: Муром — в линии Святославичей, Рязань — Ростиславичей²⁹⁰. Не буду подробнее следить за дальнейшей судьбой этих княжеских волостей. О внутренних делах Муромского княжества дошло слишком мало известий. А бурное и многоголовое гнездо князей рязанских наполняет два последних десятилетия XII в. почти неустанной борьбой за волости, осложняемой вмешательством Всеволода суздальского. Сыновья Глеба Ростиславича призывают к этому вмешательству, потому что брат их старейший Роман «уимаеъ волости» у них, и Всеволод берет на себя роль справедливого старейшины, «порядъ створивъ всей братьи, роздавъ имъ волость ихъ комуждо по старейшинству»²⁹¹, но умирил их ненадолго. Они сидят гнездом, делясь и переделяясь, и стремление пронского князя к выделу вызывает резкую вражду к нему братьев: «есмы воевали на своего брата, оже насъ не слушаеъ», — оправдывались они перед Всеволодом суздальским²⁹². Но ни одиначества княжого, ни раздела отчинами так и не установилось в бурных смутах, едва ли не разжигаемых Всеволодом, который наконец лишает рязанских князей их владений, отдав Пронск муромскому князю, а в Рязани посадив сына Ярослава²⁹³. По возвращении рязанским князьям их отчины Юрием Всеволодичем²⁹⁴ борьба возобновляется с сугубым напряжением. В 1217 г. Глеб Владимирович изменнически избивает братью, а через два года отнявший у него с суздальской

о чем известие сохранилось в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. IX. С. 186). Смерть Ростислава Д. И. Иловайский относит к 1155 г., полагая, что известие (Ипат. С. 332) о крестоцеловании Ростислава Мстиславича с рязанскими князьями, которые «вси зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ», указывает на группу младших князей.

²⁸⁸ «Преставися Володимеръ, князь Рязани, сынъ Святославль, внукъ Ярославичъ» (Ипат. С. 355).

²⁸⁹ ПСРЛ. Т. IX. С. 229.

²⁹⁰ Юрий Владимирович муромский и Глеб Ростиславич рязанский — в полной зависимости от Андрея Боголюбского, но для их взаимоотношений надо отметить, что, когда Андрей идет на Болгар, с ним идет Юрий муромский (1164 г.: Воскр. С. 77); когда же «посла князь Андрей сына Мстислава на Болгары, а Муромский князь сына посла, и Рязанский князь сына посла» (Ипат. С. 385). Ср. состав ополчения, посланного на Киев в 1169 г., и выше об отношениях между Мономахом и Святославичами черниговскими.

²⁹¹ Лавр. С. 367—368.

²⁹² Там же. С. 382—383.

²⁹³ Там же. С. 409—412.

²⁹⁴ Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. М. Оболенским. М., 1851. С. 111.

помощью Рязань Ингварь Игоревич покончил смуту, заняв рязанские волости для своей семьи; Владимировичам на долю осталось изгнание²⁹⁵. Татарское нашествие застаёт семью Игоревичей, сидящей на рязанских волостях под старейшинством Ингварева брата Юрия, рязанского «великого князя». И хоть дальнейшее развитие княжеских отношений происходит в следующий период на тех же основах, общих всей древней Руси, но его касаться не буду: оно протекает в иных условиях, изучение которых выходит за границы моего изложения.

Что же находим в этой окраине земли русской? Мы не знаем положения младших князей при жизни первого поколения Ярославичей. Братья следуют друг за другом в старейшинстве, и переживший других Ростислав объединяет все волости. Тут в миниатюре повторилась история киевских Ярославичей. Повторяется она и в борьбе Владимира Святославича за отчину, и в победе отчинного раздела владений на Муромскую и Рязанскую волости. Раздел этот упразднил, по-видимому, и вопрос о старейшинстве: Муром уходит под влияние суздальского князя, как и Рязань сильно его чувствует. В Рязанской земле наблюдаем упорную борьбу, которая, хоть Всеволод и рассадил князей на волости по старшинству, не утонула выработкой какого-нибудь устойчивого порядка; ни раздела на отчины, ни очередного владения мы не видим. Нет в Рязанской земле ни распада, ни внутреннего равновесия. Княжеские отношения, бурлившие под тяжелым давлением суздальской силы, не успели до катастрофы 1217—1219 гг. уложиться в какую-либо мирную систему.

Вернемся на юго-запад.

Галицкая земля, назовем ее удобным позднейшим выражением, обособилась в самостоятельное княжение Ростиславичей одновременно с Черниговщиной. И ее «особность» сразу определилась резче, чем какой-либо иной области. Связанная с киевской политикой лишь интересом к положению дел на Волини, поглощаемая своими польскими, венгерскими, чешскими отношениями, Галичина зажила особой жизнью. Владеют ею по смерти Рюрика Ростиславича (1092) Володарь и Василько, причем Володарь держит Перемышль и Звенигород, а Василько — Галич и Теребовль с волостями.

Наши летописи молчат о судьбах княжого владения в

²⁹⁵ Лавр. С. 418—419, 422. О судьбе Владимировичей см.: Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. С. 59.

Галичине за это время. Единственный источник — те сведения, какие сохранила Хроника Длугоша^{79*}. Она сообщает, что по смерти Володаря его сыновья владеют: Ростислав — Перемышлем, а Владимир (Володимирко) — Звенигородом; она же называет двух Васильковичей: Григория (по Грушевскому, ошибочно вместо Юрия) и Ивана²⁹⁶. Наши летописи только последнего знают, сообщая о смерти его на галицком княжении²⁹⁷, да Володимирка. При таком состоянии наших сведений трудно получить какие-либо выводы. Длугош передает о борьбе в 20-х годах между Володаревичами; на стороне Ростислава стояли Васильковичи, за него вступился и Мстислав киевский. Володимирко, видно, с этих пор стал идти к цели объединить Галичину в своих руках. Под 1140 г. летопись упоминает Ивана Васильковича и Володимирка²⁹⁸; остальных, по всей вероятности, уже не было в живых. Через год Иван умер, и Володимирко «сѣде во обою волостью, княжа въ Галичи». Обе волости по характеру записи надо тут, насколько разумею, понять как обе основные волости: Володареву, которой Володимирко владел со смерти брата Ростислава, и Василькову, объединенную в руках Ивана. Перед нами известие об объединении Галичины. М. С. Грушевскому мешает признать это указание на Ивана Ростиславича в Звенигороде. Но ничто не говорит о том, чтобы он там сидел как самостоятельный князь, а не как подручный дяде племянник²⁹⁹; вспомним, что летописец о вокняжении в Киеве Всеволода Ярославича сказал: «Переима власть Русскую всю», хотя на Волыни и в Новгороде сидели Изяславичи. В таких явлениях нет черт «очередного порядка», какой допускает М. С. Грушевский для Галичины на основании одного этого факта.

²⁹⁶ Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 417—421; Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей. С. 186—187.

²⁹⁷ Ипат. С. 221, под 1141 г.

²⁹⁸ В несколько странной форме: Всеволод послал на Волынь «Ивана Васильковича и Володаревича из Галича Володимирка», но под следующим годом читаем: «преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ и прия волость его Володимирко Володаревичъ; сѣде во обою волостью княжа в Галичи» (Ипат. С. 218, 221). «Из Галича» М. С. Грушевский в первом известии считает припиской на поле, не на место вставленной.

²⁹⁹ На том основании, что в 1144 г. галичане, пользуясь отсутствием Володимирка, послали «по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ и въведоша к собѣ в Галичъ» (Ипат. С. 226). М. С. Грушевский полагает, что после смерти Ростислава «отношения сложились нормально, Володимирко перешел на старший стол в Переяславль, и меньший стол, Звенигород, передал Ростиславову сыну Ивану» (Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 419). Тут для объяснения известия летописи предпосылкой служит «норма», существование которой еще не доказано для Галичины.

Как бы то ни было, попытка Ивана Ростиславича занять Галич по призыву населения привела к суровой расправе Володимирка с галичанами и к изгнанию Ивана, ставшего знаменитым князем-скитальцем под прозвищем Берладника. Объединенная Галичина стала серьезной политической силой, влиятельной в южной Руси, с довольно сложными и самостоятельными международными отношениями. Это единство она сохранила и при единственном сыне Володимирка Ярославе. Ярослав «одинъ худою своею головою ходя, удержалъ всю Галичкую землю», а умирая, «приказалъ мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимѣру далъ Перемышль». Олег — не только меньший, но и незаконный («Настасьичъ») — погиб в поднявшейся смуте, а с Владимиром кончилась династия Ростиславичей, своеобразные судьбы которой так далеко вышли за рамки всяких традиций.

Постоянное стремление киевских князей владеть и Во-
лынь³⁰⁰ привело после крушения Мономаховой системы к неожиданному результату. Та линия княжого рода, заветной целью которой было стать киевской династией, та семья, членов которой киевляне называли «своими» князьями, осела на Волыни, обособив ее в свое фамильное владение. Отношения между Киевом и Волынью обернулись: теперь из Волыни Мстиславичи добывают Киев; Волынь становится их опорным пунктом и убежищем в неудачные годы, а затем — единственным их владением.

Когда Изяслав Мстиславич в первый раз занял Киев (1146) и вывел с Волыни Святослава Ольговича, он, по-видимому, оставляет ее в своих руках, а через два года переводит во Владимир брата Святополка из Новгорода³⁰¹, а в Луцке видим Владимира Мстиславича. Но непрочность его положения в Киеве делает эту передачу Владимира брату весьма условной: сюда Изяслав возвращается каждый раз, как вынужден покинуть Киев, и возвращается не к брату, а в «свой» Владимир³⁰². Братья Изяслава

³⁰⁰ Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 367—369; Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895.

³⁰¹ Новг. 1. С. 137. Андрияшев^{80*} предполагает, что во Владимире в 1146—1148 гг. сидел Владимир Мстиславич (Андрияшев А. Очерк. С. 123).

³⁰² «А язъ поѣду въ свой Володимиръ» (Ипат. С. 280; ср. С. 268). М. С. Грушевский полагает, что Изяслав передал Волынь Святополку в заведование, «блюсти», а потом, может быть, более определенно, но все-таки не без оговорок (Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 365). Едва ли есть основание для предположения такого формального «ряда». А текст, на который ссылается Грушевский: «...пусть Изяславъ брата своего Святополка во Володимиръ, Володимера блюсти» (Ипат. С. 285), касается стратегической меры, а не владельческих отношений, и относится уже к 1150 г.

не имели основания считать Владимир и Луцк своими личными владениями: они сидели под рукой Изяслава на общей, не разделенной впрок волости³⁰³. По смерти Святополка Мстиславича Изяслав посылает второго своего сына Ярослава «Володимирю княжить»³⁰⁴.

Изяслав Мстиславич умер в том же году, и Владимир Мстиславич занимает, видимо по старшинству своему среди волынских князей, Владимир. Ярослав и потерявший переславское княжение Мстислав ютятся в Луцке³⁰⁵. Но Изяславичи не склонны признавать старшинства Владимира: по матери, он не родной им дядя, а «мачешичь», к тому же он, быть может не доверяя племянникам, ищет опоры у Юрия, идет на них по приказу нового киевского князя к Луцку³⁰⁶. И Мстислав «ѣха изъѣздомъ на стрыя своего на Володимера Володимирю», захватил его семью и добро³⁰⁷, занял Волынь и сумел в ней удержаться.

В 1167 г. южные князья Мономашичи зовут Мстислава на киевское княжение, сговорившись при этом взять у него волости по своей воле: Ярослав требует Владимир Волынский³⁰⁸. Такая «твердь» братьев встретила самый решительный отпор, и Ярослав остался в Луцке, а Мстислав и на киевском княжении удержал Владимир за собой. Взятие Киева Мстиславом Андреевичем, неудача попыток возобновить борьбу оправдали осторожность Мстислава. Волынь осталась единственным убежищем его семьи. Перед смертью он устанавливает окончательный раздел отней волости на два княжения: Владимирское и Луцкое.

В тяжелой болезни — это было в 1170 г. — Мстислав посылает к Ярославу и «урядився добръ съ братомъ и крестъ цѣловавъ, якоже ему не подозрѣти волости подъ дѣтми его»³⁰⁹. Некоторое время след прежних отношений времен Изяслава, по-видимому, сохранялся в виде волынского старейшинства Ярослава Изяславича: искать себе Киева идет Ярослав «Лучьскый», но «со всею землею Волыньскою»³¹⁰. По смерти его и этот след исчезает. Две отчины — Владимирская и Луцкая — имеют каждая свою судьбу, дробясь далее между наследниками.

³⁰³ «А Изяславу осе его Володимеръ готовъ, а се его Луческъ», — говорят союзники Изяслава Юрию (Ипат. С. 270—271).

³⁰⁴ Там же. С. 322.

³⁰⁵ Ср.: *Андрияшев А.* Очерк. С. 131.

³⁰⁶ Ипат. С. 330. Характерно подчеркнутое тут «мачешичь».

³⁰⁷ Там же. С. 333.

³⁰⁸ Там же. С. 365.

³⁰⁹ Там же. С. 381—382.

³¹⁰ Там же. С. 392. Не найдя себе «старъйшинства въ Олговичѣхъ», которые «не сступишася ему Києва», Ярослав урядился с смоленскими Ростиславичами, и те «положиша на Ярослава старъйшинство и даша ему Киевъ».

У Мстислава было четыре сына: Роман утверждается во Владимире, Всеволода видим в Бельзе, Святослава и Владимира — в Червне и Берестье³¹¹. Но младшие в том же году сошли с житейской сцены, не оставив потомства. Владения поделились между двумя старшими. Дальнейшее развитие княжеских владений и отношений протекало в сложных условиях созидания галицко-волынской державы и борьбы в Юго-Западной Руси разноплеменных сил, крайне ими осложненное³¹².

Ярослав Изяславич луцкий оставил также четырех сыновей. Известия об их владениях и отношениях крайне отрывочны и скудны³¹³. Присматриваясь к ним, М. С. Грушевский пришел к заключению, что среди потомков Ярослава луцкого наблюдается переход братьев со стола на стол³¹⁴. Дело в том, что на луцком столе упоминаются после Ярослава его сыновья: сперва Всеволод, потом Ингварь, наконец Мстислав Немой³¹⁵. Но это и все, что мы об этих отношениях знаем. Видя в ряде других известий братьев Ярославичей луцких действующими вместе, можем предположить, что они, охраняя свое наследие в крайне тревожных и напряженных обстоятельствах, держались «за одинъ братъ», сохраняя, быть может по завету отца, традицию луцкого старейшинства. Но дальнейшего развития этим княжеским отношениям получить не привелось. Мстислав Немой перед смертью «далъ свою отчину князю Данилови и сына своего поручивъ Ивана». Иван пережил отца ненадолго, а Луцк захватил было другой его отчич — Ярослав Ингваревич. Но у него Даниил отнял Луцкую волость, передав ее своему брату Васильку³¹⁶.

Своеобразны владельческие судьбы смоленских Ростиславичей³¹⁷. Ростислав Мстиславич, лет сорок княживший на столе, порученном ему от отца, сильно поднял значение Смоленска, сделав его центром северной политики старших

³¹¹ Там же. С. 383, 446, 384.

³¹² Сыновей Всеволода Мстиславича видим владельцами Бельза (Александр) и Червна (Всеволод) (Там же. С. 483), и это может быть, как принимает М. С. Грушевский, первоначальные их наделы.

³¹³ Всеволод владел Луцком, в руках Ингваря видим Дорогобуж и Шумск, Мстислава Немого находим в Переспонице, об Изяславе и вовсе нет указаний, да и остальные (Там же. С. 426, 428, 485) случайны.

³¹⁴ Грушевський М. Історія. Т. 3. С. 202.

³¹⁵ Іпат. С. 426, 485, 501.

³¹⁶ Там же. С. 501—502. Ярослава он потом наделил Перемилом, затем Межибожем.

³¹⁷ Ср.: Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895; Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель.

Мономашичей. Настойчиво и в общем успешно поддерживая свое влияние в Новгороде, Ростислав имеет большое значение в делах Полоцкой земли (одно время в Витебске даже княжил сын его Давыд), служит главной опорой Изяслава в борьбе за Киев, заставляет считаться с собой черниговских и суздальских противников. Он носитель общей политики Мстиславичей наравне с старшим братом, который с ним постоянно совещается о совместных действиях; именно Ростислав впервые формулировал притязание Мономахова племени на господство в западном Поднепровье. И в то же время этот осторожный политик сумел не принести интересы Смоленска в жертву своим более широким планам. Напротив, он-то и положил начало обособлению Смоленска как семейного владения своих потомков. При нем Смоленск вырастает в значительный торговый центр, при нем получает больше самостоятельности смоленское церковное управление с учреждением епископии, и сами столкновения смоленского веча с князьями, начавшиеся при его сыновьях, свидетельствуют о подъеме общественных сил, о развитии местной жизни Смоленска.

Заняв киевский стол, Ростислав сохраняет в своих руках и Смоленск, посадив в нем сына Романа³¹⁸. Других сыновей он устроил в Киевщине, где они держатся целым гнездом³¹⁹. Это обстоятельство избавило Смоленскую волость от раздробления³²⁰ и упрочивало влиятельное положение Ростиславичей на юге: выбить их из занятой позиции и стало главной побудительной целью для других линий княжеского рода, когда их представители требуют себе «части в русской земле».

При таких условиях Смоленск стал не старшим столом среди территориальных владений данной княжеской семьи, а столом старейшего в их среде. Иной раз это вызывало возражения: «и рече Андрей Романови: не ходиши в моей воли съ братьею своею, а поиди с Киева, а Давыдъ ись

³¹⁸ Ипат. С. 349, 352. Во время последней болезни Ростислава его сестра Рогнедь уговаривает его остаться дома, не ехать в Киев, «веля ему лечи Смоленски въ своемъ ему зданьи», но он ответил: «Не могу зде лечи, повезите мя Киеву», предпочитая лечь «въ отни благословеньи», монастыре св. Федора (Там же. С. 362).

³¹⁹ Юрий: Там же. С. 349, 354; его надел — Вручий (Там же. С. 372); Давыд — в Вышгороде (Там же. С. 372), потом тут сын его Мстислав Давыдович (Там же. С. 440—441); Мстислав — в Белгороде (Там же. С. 355, 388).

³²⁰ Ср.: Голубовский П. В. История Смоленской земли. С. 277. Голубовский указывает на волости, принадлежавшие отдельным князьям в земле Смоленской, но справедливо замечает, что эти «уделы» смоленских князей не были «политическими единицами», а только «волостями, доходы с которых шли им на содержание», так что «князь смоленский оставался всегда полным хозяином всей земли». Ср.: Там же. С. 290.

Вышегорода, а Мьстиславъ из Бѣлагограда: ато вы Смоленскъ, а тѣмъ ся подѣлите»³²¹. Но Ростиславичи сумели долго держаться в своеобразном укладе своего владельческого и политического обеспечения.

Роман Ростиславич остался в Смоленске по смерти отца. Когда судьба по воле Андрея Боголюбского послала ему киевское княжение, он «вниде въ Киевъ и сѣде на столѣ отца своего и дѣда», а «сынови Ярополку да Смоленескѣ». Тут нет «очередного» владения. Роман держит Смоленск сыном, чтобы туда вернуться, раз Андрей снова «вывел» его из Киева³²².

Если раздел земли-волости легко вел к ее распаду, то рассеяние князей Ростиславичей ведет постепенно к ослаблению их солидарности и связи со Смоленском. Между братьями происходят политические разногласия. Младшие не согласны с уступчивостью Романа перед Андреем, и Рюрик занимает Киев по его уходу в Смоленск: «братья же даша Киевъ Рюрикови». А Роман нехотя служит Андрею против строптивых братьев: «нужею пусти сынъ свой Сьмолняны на братью, не хотяся объявити, бяше бо тогда въ рукахъ его (Андрея)»³²³. Далее видим столкновение между Романом и Мстиславом, встречая известие, что «смольняне выгнаша отъ себѣ Романовича Ярополка, а Ростиславича Мьстислава введеша Смоленску княжить»³²⁴. Это должно было произойти во время княжения Романа в Новгороде³²⁵. Но через год или в том же году Романа в Новгороде сменил Мстислав, а старший брат вернулся в Смоленск, чтобы затем занять снова стол киевский³²⁶, и опять ненадолго: его, видимо, тяготит суетливая борьба на юге.

Смерть Романа привела к новой комбинации отношений между Ростиславичами. Давыд, пошедший к Смоленску в помощь брату ввиду ожидавшегося нападения Ольговичей, не застал его в живых — «сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего» помимо старшего брата Рюрика, только что занявшего стол киевский³²⁷. И Рюрик, не удержавшись в Киеве, не в Смоленск уходит, а в свой Белгород³²⁸.

Но разрыв старого «одиначества» еще не полон. Правда, ни Давыд, видимо, не признает над собою старейшинства Рюрика, ни тем более Рюрик — Давыда. Их взаимоотношение

³²¹ Ипат. С. 388.

³²² Там же. С. 387—388.

³²³ Там же. С. 390—391.

³²⁴ Там же. С. 406.

³²⁵ Новг. I. С. 155—156: хронология сводов не согласна.

³²⁶ Ипат. С. 407. Видим и далее столкновения Романа с Мстиславом новгородским из-за полоцких дел (Там же. С. 412).

³²⁷ Там же. С. 417.

³²⁸ Там же. С. 420.

так отражается в словах Рюрика: «Брате, — посылает он сказать Давыду, когда снова сел в Киеве, — се вѣ осталася старѣйши всѣхъ в Русьской землѣ, а поѣди ко мнѣ, Киеву; что будетъ на Руской землѣ думы и о братьи своей, о Володимерѣ племени, и то все укончаевѣ»³²⁹. Если вспомним, что в это время Ростиславичи признают старейшинство «въ своемъ племени во Володимерѣ» за Всеволодом суздальским и действуют в общих спорах с Ольговичами с ним сообща³³⁰, то перед нами хороший пример того дробления идеи старейшинства, которое делает возможными столь искусственные и условные сочетания отношений³³¹.

«Одиначество» Ростиславичей, лишенное основы в общем территориальном владении и общих территориально-политических интересах, быстро разлагается по мере утраты надежд на осуществление «раздела Днепром», оставляя по себе лишь союзные отношения и соглашения, выражаемые в традиционных терминах, ставших условными. Оставляет оно свой след и в бытовых отношениях: старшие князья хранят еще представление об обязанности и праве опеки над младшими, сохраняют и традицию своеобразного преемства на смоленском княжении, хотя, как мы видели, и не выдерживают ее строго. Таков и последний пример этого преемства при жизни старших Ростиславичей.

Давыд смоленский умер раньше Рюрика, но этот князь, в третий раз княживший в Киеве, не предъявляет прав на Смоленск. «Давыдъ же столъ свой далъ сыновцю своему Мьстиславу Романовичю, а сына своего Константина в Русь посла брату своему Рюрикови на руцѣ»³³².

Что тут — в этом переходе стола от младшего дяди к старшему племяннику — родовой или очередной порядок или номинация предшественника с согласия веча? Происходит это при жизни второго Ростиславича, Рюрика, и, очевидно, с его согласия³³³; Константин, вероятно, мало-

³²⁹ Там же. С. 458.

³³⁰ Там же. С. 459, 462. А Всеволод и без них обходится (Там же. С. 469—470).

³³¹ Старейшина в Володимировом племени Всеволод требует себе части в русскои земле, волости которой Рюрик роздал «молужимъ брати своей», прибавляя грозные слова: «Да же мнѣ в ней части нѣтъ, да то ты, а то Киевъ и Русская область». А в устах Рюрика, старейшины по Киеву, это освещается так: «Свату! (не: отче) крестъ еси ко мнѣ целовалъ на томъ, кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ, и в Русской землѣ части просилъ еси у мене»⁸¹. Наконец, к Давыду, старейшине в Ростиславичах по Смоленску, Рюрик обращается с приведенными выше речами.

³³² Ипат. С. 472, под 1197 г. Мстислав Давыдович умер еще в 1187 г. (Там же. С. 440—441).

³³³ Мстислав Романович участвует в южных делах в 1206 г. Когда Всеволод Чермный сел в Киеве, «Рюрикъ же, видѣвъ свое непогодье, отъиде в свой

летний; Рюрик занят на юге, но не присылает в Смоленск и сына. Случай столь сложный, что его можно легко подвести под любую «теорию».

Во всяком случае, смоленские князья кончают XII век, не водворив в своей волости начал отчинного раздела, не введя у себя частнопроводного семейного наследования. Преемство в старейшинстве, постепенно искажаясь, дожило у них до исхода рассматриваемого нами исторического периода.

Только несколько слов скажу о турово-пинском княжении.

Особым семейным владением оно стало в руках Юрия Ярославича, отпрыска старшей, Изяславлей, линии потомков старого Ярослава³³⁴.

После двух неудавшихся попыток отнять у него Туров Мономашичи признали его владение: «створи миръ Ростиславъ съ Гюргемъ Ярославичемъ»³³⁵.

Мало мы знаем о его потомстве. Из пяти его сыновей в Турове упоминаются сперва Святополк, потом Глеб, ранее сидевший в Дубровице, а в Пинске Ярослав³³⁶; о Ярополке и Иване нет указаний. В начале XIII в. на Турово-Пинской волости сидят Святополчичи³³⁷, причем во главе их, вероятно, стоит Владимир пинский³³⁸. Весьма вероятно, что в пору этих известий туровские и пинские князья еще не раздробили своего владения на ряд обособленных отчин и что старейшинство не закрепилось за Туровом, уступившим свое значение Пинску. Но скудные известия оставляют нас в потемках.

«Изучая историю Суздальской земли с половины XII в. до смерти Всеволода III, мы на каждом шагу встречали все новые и неожиданные факты» — так заключает В. О. Ключевский свое изложение «политических следствий русской колонизации верхнего Поволжья»^{42*}.

Начало обособлению Ростовско-Суздальской земли из общей киевской системы земель-княжений положено Юрием

Вручий», а Мстислав «съде в Бѣлѣгородѣ»; не выдержав дальнейшей борьбы, он через год «иде Смоленску в свою отчину» (Лавр. С. 406, 408).

³³⁴ Ипат. С. 337, под 1158 г. Ср.: *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель. С. 130—133; *Грушевский М.* История. Т. 2. С. 307—311; Т. 3. С. 202: «Что до Турово-Пинской земли, то тут при конце XII в. мы видим родовой порядок».

³³⁵ Ипат. С. 356, под 1162 г.

³³⁶ Там же. С. 428, 466, 426.

³³⁷ Лавр. С. 407.

³³⁸ *Грушевский М.* История. Т. 2. С. 309.

Владимировичем. С тех пор как Мономах послал его в Суздальскую землю³³⁹ и до смерти своей в 1157 г. владеет Юрий этими волостями. При жизни отца и старшего брата о нем не слышно, кроме упоминания о его походе на камских болгар в 1120 г. В 30-х годах он выступил борцом против династических планов Мстиславичей, чтобы во время киевского княжения Всеволода Ольговича снова замкнуться на своем севере, пока борьба с Изяславом Мстиславичем не вовлекла его вновь в южные дела. Трижды княжит он в Киеве и умирает на золотом столе киевском. Но и во время этих княжений он держит в руке Ростово-Суздальскую землю, поручив ее тысяцкому — варягу Георгию Симоничу. Известно, что Юрий свои северные волости предназначал младшим сыновьям, Михалку и Всеволоду, и что «на них» целовали ему крест ростовцы и суздальцы³⁴⁰. К сожалению, не знаем, как думал он урядить старших сыновей; по-видимому, он имел в виду утвердить их на юге. Но Андрей ушел от отца без его воли «в свою волость Володимерю», как и раньше уходил³⁴¹. По всей видимости, его присутствие на севере было необходимо, если он хотел, вопреки отцовскому ряду, удержать за собой Суздальщину. О том же свидетельствуют и дальнейшие отношения.

И по смерти Юрия, забыв крестное целование, «Ростовци и Суждалцы вси пояша Андрея, сына его старѣйшаго, и посадиша ѿ в Ростовѣ на отни столѣ и Суждали»³⁴².

Двадцать лет владел Андрей Суздальщиной, не делясь ею с братьями. Их он держит на юге. Тут они должны быть орудием его политики, противовесом стремлению южных родичей утвердить власть в Киеве. Глеб Юрьевич, князь переяславский, затем киевский, исполняет это назначение, опираясь на всю силу Андрея в княжеской среде. На юге, на «частях» земли «русской» видим младших братьев, Михаила, Всеволода. Но братья оказались ненадежными союзниками и орудиями. В первые годы они, по-видимому, пытались «волоститься» с Андреем в самой Суздальщине, имея сторонников в земле, и он «братю свою погна Мсти-

³³⁹ Печерский патерик^{83*} сохранил предание о варягах Симоне и Георгии, в котором читаем: «И бысть посланъ отъ Владимира Мономаха въ Суздальскую землю сий Георгий. Дастъ же ему на руцѣ сына, сына своего Георгия. По лѣтѣхъ же мнозѣхъ съде Владимировичъ въ Киевѣ; тысяцкому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть область Суздальскую» (*Яковлев В.* Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872. С. 114). Первое упоминание о Юрии на севере под 1120 г. см.: Лавр. С. 277.

³⁴⁰ Лавр. С. 353.

³⁴¹ Там же. С. 318, 328—329. Интересно известие, что «его же лѣстью подъяша Кучковичи» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского / Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842. Т. 2. Примеч. 383).

³⁴² Лавр. С. 330.

слава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя» вместе с епископом Леоном, и «мужи отца своего передни»³⁴³. Далее видим Михалка Юрьевича ведущим свою политику на юге, поддавшимся влиянию Ростиславичей³⁴⁴. Это объясняет нам попытку Андрея подчинить своей политике непосредственно Ростиславичей, что, как мы видели, удалось ему в значительной степени относительно Романа: Ростиславичи оказались разьединенными.

Последний результат приводит нас и к другой стороне той политической обстановки, в какой действовал Андрей Юрьевич. История борьбы Изяслава и Юрия вскрыла то значение, какое имело в руках старших Мономашичей их положение в Смоленске и влияние в Новгороде³⁴⁵. И Андрей, по рассказу южного летописца, круто ставит вопрос о своих отношениях к Новгороду, послав сказать новгородцам: «въдомо буди, хочю искати Новгорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ, и мнѣ вамъ добра хотѣти»³⁴⁶. Вспомним, что эта настойчивость проявилась немедленно по занятии Киева Мстиславом Изяславичем: дело шло о подрыве союзной силы Мстиславичей. На этот раз Мстислав уступил Киев в пользу Ростислава, с которым Андрей «уладися о Новгородѣ». Но борьба за Новгород, опираясь на партийные разногласия в самом Новгороде, проходит красной нитью в политике Андрея. И характерно, что он и тут, неохотно отпуская от себя сыновей, стремится подобно тому, как на юге, вести свою политику через братьев и племянников³⁴⁷.

В борьбе с Мстиславичами северные князья стремятся разбить их систему объединения основного ядра древней Киевской державы, занимая своими силами ее основные

³⁴³ Ипат. С. 356, под 1162 г. Дело это стоит в какой-то связи с разногласиями между Андреем и Леоном по вопросу о посте в среду и пяток; изложение летописи явно сплетает историю Леопа с ссорой Андрея и братьев.

³⁴⁴ Ростиславичи придали ему к Торческу Переяславль, и Михалко «лишился Андрея брата своего и Святослава Всеволодича Черниговского, а к Ростиславичем приступи» (Там же. С. 389).

³⁴⁵ «Тамо, брате, у тебе по Бозѣ Новѣгородъ сильный и Смолнескъ, а скупивъся постережи же землѣ своя», — говаривал Изяслав Ростиславу; или еще: «Ты по Бозѣ тамо у Смоленскѣ и в Новѣгородѣ у Великимъ еси, а ты тамо удержи Гюрга с тѣми» (Там же. С. 314, 316).

³⁴⁶ Там же. С. 349, под 1160 г. И новгородцы «начаша ся мясти и въче начаша часто творити»; кончилось сменой посадника, ссылкой Святослава Ростиславича в Ладогу, арестом его дружины и вокняжением Андреева племянника Мстислава Ростиславича (Новг. I. С. 143—144).

³⁴⁷ «Новгородци же послашася къ Андрѣви Дюрдевичю у Суждаль просяче у него сына княжить Новугороду. Онъ же нѣ вдавъ имъ сына, но поча имъ давати брата своего Мъстислава; они же не въсхотѣша. . . и пусти к нимъ сыновца своего Мъстислава Ростиславича» (Ипат. С. 350).

пункты: Киев и Новгород. Можно отметить и еще одну черту, аналогичную в политике противников: сохранение ядра фамильных владений в руках старейшего представителя семьи, держание Киевской земли и Новгорода младшими братьями. Ростиславичи и Андрей действуют в этом отношении, по существу, одинаково.

Аналогии эти могут показаться внешними перед основным отличием деятельности Андрея: он лично остается в своей отчине, отделив старейшинство от места. Но не будем терять из виду условия, в каких произошло это событие. Андрей занял ростовско-суздальское княжение вопреки ряду отца, вопреки, насколько можно заметить по скудным намекам источников, и партии влиятельных людей, «передних мужей»; удержать его он мог только личной силой. С другой стороны, изменились дела на юге. Вместо деятеля с широкими запросами в духе традиций Мономаха, каким представляется Изяслав Мстиславич, осторожный и сдержанный Ростислав, лишенный авторитета и ослабленный раздорами с южной братией Мстислав. Опыт Юрия показал, что киевское старейшинство разбито, что вместо всей русской земли оно имеет некоторое значение лишь для Киевщины, что оттуда нельзя уже ждать подъема силы, действительно грозной для обособившихся княжений. Значительное влияние в среде княжеской не требовало владения Киевом: напротив, и то, и другое являлось результатом действия сил, накопленных в своем княжении князьями, которые имели такую опору. Сила Изяслава — в Волыни, как Володимирка — в Галичине, как Святославичей — в их Черниговщине, как Ростиславичей — в Смоленске, как самого Юрия — в его Суздальщине. И для политики княжеской владение Киевом получает скорее отрицательное значение — противодействия его переходу в исключительное владение какой-либо линии, особенно Мстиславичей, строивших на этом свое стремление к центральному положению на Руси. Так была подготовлена и обусловлена политика Андрея.

Андрей отделил старейшинство от места, и оно получило личное значение. Так, но оно и само изменилось по содержанию. Давая право на распоряжение киевским столом и волостями Киевской земли, оно потеряло общерусское значение. Фактически лишь во времена Мономаха и Мстислава осуществлялось это значение, затем постепенно и быстро падало.

Отказ от самой идеи, тенденции к такому осуществлению — трудно сказать, сознательный ли или в силу подчинения сложившимся условиям, — определенно видим на примере Юрия Долгорукого. Андрей сделал последний вывод из итогов этой эволюции.

Оценивая деятельность Андрея, В. О. Ключевский говорит, что в связи с новым отношением Андрея к Киеву «изменилось и положение суздальской области среди других областей русской земли, и ее князь стал в небывалое к ней отношение. До сих пор князь, который достигал старшинства и садился на киевском столе, обыкновенно покидал свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владельцу. Каждая княжеская волость была временным, очередным владением известного князя, оставаясь родовым, не личным достоянием. Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного, неотъемлемого достояния одного князя, и, таким образом, вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства»³¹⁸.

Мы не знаем «круга русских областей, владеемых по очереди старшинства», к которому когда-либо принадлежала Суздальская область, и не то нам в этой цитате важно. В ней ставятся два вопроса: о прекращении перехода на старейшинство в Киев с передачей прежней волости, другому князю и о возникновении нового отношения князя к волости как к своему личному владению. Это два разных вопроса, лишь косвенно связанных друг с другом.

Андрей первый из князей русских, добившись Киева и власти над ним, остался на прежней волости своей, не переехал в Киев. Но это само по себе не поставило его в новое отношение к волости-отчине. И старшие Ярославичи не отрешались от своих отчин, занимая Киев. В XII в. Всеволод Ольгович, Изяслав Давыдович, поступаясь Черниговом, сохраняют за собой черниговские волости; Святослав Ольгович, княжа в Киеве, оставался правителем-старейшиной черниговским и т. д. Ряд приведенных выше примеров переносит тяжесть вопроса об Андрее и Суздальщине с порядка на характер владения. И в этом отношении дело сводится не к нарушению «родового» или «очередного» порядка, а к вопросу: была ли Суздальщина для Андрея его личным владением или семейным? По отношению к братьям трудно усомниться, что Андрей не считал нужным делиться с ними суздальской отчиной, предоставляя им сидеть в Переяславле, Городце, Торческе, вообще на юге, либо искать стола новгородского под своим старейшинством. Возникало положение, сходное с тем, какое мы наблюдали среди смоленских Ростиславичей при Романе, особенно при Давыде. Андрей лишь более решительно и круто выделяет Суздальщину в личное свое распоряжение, стремясь в ней быть «самовластцем». Но достаточно ли всех данных, какие мы имеем относительно Андрея, чтобы приписать ему какой-либо определенный план относительно наследия в его волости? В. О. Ключевский

³¹⁸ Ключевский В. Курс. Ч. I. С. 394.

склонен признать чисто личный характер этого «самовластия», даже с элементами «самодурства», разбирая деятельность Андрея по управлению Суздальщиной. Не идя так далеко, можем сказать, что нам ничего не известно о «ряде» Андрея, погибшего неожиданно под ударами своей же дружины, а дальнейшие события не уясняют, подготовлял ли он какое-либо преемство по себе, например единственного пережившего его сына, или больше вероятия, что вопрос этот при жизни Андрея и не ставился. Во всяком случае, Суздальщина осталась семейным владением Юрьевичей, вступивших в раздоры при решительном и деятельном участии городского населения.

Борьба эта между дядьями Юрьевичами и племянниками Ростиславичами не представляет интереса для истории междукняжеских отношений, так как князья явились тут в значительной степени орудиями борьбы земских партий. Но в конце этой усобицы, точнее в последнем акте ее, находим ценную черту: владимирцы, стоявшие за Михалка и Всеволода Юрьевичей во имя верности ряду Юрия и крестоцелованию, после смерти первого «цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтяхъ его, посадиша ѥ на отни и на дѣдни столѣ в Володимери»³⁴⁹. «Значит, — замечает по этому поводу В. О. Ключевский, — установили у себя наследственность княжеской власти в нисходящей линии, вопреки очередному порядку и выросшему из него притязанию старших городов выбирать между князьями-совместниками»³⁵⁰.

Владимирцы целовали крест не на старшем сыне Всеволода, а на детях его. Князья-совместники остаются: это сыновья Всеволода; остается и возможность избрания: «народ только ограничивает на будущее время свое право избрания средою потомства Всеволода»³⁵¹. Княжой ряд такого рода не беспримерен: то же сделали, например, Ярослав и Мономах (Мстислав); новость тут лишь в том, что ряд этот обеспечен крестоцелованием населения города Владимира не только при жизни Всеволода, но и при самом начале его княжения. Всеволод не устанавливает этим актом никакого порядка преемства между своими сыновьями. Он только стремится обратить Владимир с согласия населения в семейное княжое владение своего потомства.

Определением будущности сыновей своих Всеволод занялся позднее. Лаврентьевская летопись под 1206 г. заставляет его в напутствии сыну Константину при отправлении на новгородское княжение говорить о его старейшинстве в братьи и во всей русской

³⁴⁹ Лавр. С. 360.

³⁵⁰ Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 406.

³⁵¹ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 77.

земле³⁵². Как ни сомнительно это известие, вероятно окрашенное позднейшей тенденцией, оно может иметь некоторое основание. Позднейшие своды сохранили известие о «ряде» Всеволода, как он послал «по сына своего Константина въ Ростовъ, дая ему по своемъ животъ Володимерь, а Ростовъ Юрюю дая». Что с владимирским столом Всеволод связывал старейшинство во всей братии и во всей волости своей, видно из дальнейшего.

Константин не принял отцовского «ряда», не желая двумя важнейшими городами делиться с Юрием и, может быть, предпочитая связать свое старейшинство с ростовским столом: «хотяше Володимеря къ Ростову»³⁵³. Тогда Всеволод передал и княжой стол владимирский, и старейшинство Юрию. К сожалению, известие о ряде Всеволода сохранилось лишь в позднейших летописных сводах, и притом в редакциях, вызывающих некоторые недоумения³⁵⁴. Отмечу, что в обеих редакциях речь идет о передаче

³⁵² Текст этот очень своеобразен: «Сыну мой, Костянтине, на тобѣ Богъ положишь переже старѣйшинство во всей братии твоей, а Новѣгородъ Великий старѣйшинство имать княженью во всей Русьской земли, по имени твоємъ тако и хвала твоя, не токмо Богъ положишь на тебѣ старѣйшинство в братии твоей, но и въ всей Русьской земли; и язъ ти даю старѣйшинство, поѣди в свой городъ» (Лавр. С. 401). Это очень похоже на измышление книжника, возникшее под влиянием позднейших споров о старшинстве Константина и Юрия, с попыткой обосновать права первого не только на том, что ему их, как старшему по рождению, сам Бог дал, но и на том, что они получены от Всеволода, тем самым, что его, а не другого сына отпустил отец на новгородское княжение; для чего бы иначе понадобилось измышлять старейшинство новгородского княжения, играя, по-видимому, на книжной памяти о призвании первого князя — Юрика?

³⁵³ Воскр. С. 117, под 1211 г. В. И. Сергеевич последние слова понимает так, что Константин «захотел взять Владимир к Ростову, т. е. захотел восстановить первенствующее значение Ростова и подчинить ему Владимир» (Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 78). С. М. Соловьев разделял то толкование, какое это место получило в Никоновской летописи: «Аще, — говорит тут Константин отцу, — . . . старѣйшину мя хоцещи устроити, то даждь ми старый и начальный градъ Ростовъ и къ нему Володимерь; аще ли не хоцеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимерь и къ нему Ростовъ» (ПСРЛ. Т. X. С. 63; ср.: Соловьев С. М. История России. Ч. 1. Стб. 580).

³⁵⁴ Имеем две редакции этого известия: 1) «Того же лѣта князь велики Всеволодъ Юрьевичъ созва вся боаре свои и начя смышляти о сынѣ своемъ Константинѣ, и много о семъ словесѣ быша, и не може како уставити о немъ; таже посла по отца своего Ивана епископа, и много совѣтоваше о семъ, но убо князь велики Всеволодъ восхотѣ дати Володимерь другому сыну своему князю Юрюю. И тако посла по сына своего по князя Юрья, и даде ему градъ Владимиръ со всѣми боары и со всѣми людми и всѣхъ укрѣпи къ нему крестнымъ целованиемъ, и даде ему и вся дѣти своя, а его братью. Князь же Констянтинъ, старѣйший сынъ его, услывшъ сиа и разгорѣся яростию, и воздвиже брови своя з гнѣвомъ на князя Юрья, брата своего, и на всѣхъ думцевъ, иже здумаша сиа тако сотворити, и много волнение и смущение бысть о семъ, и мнози людие сюду и изсюду отѣзжаху мятущеся» (ПСРЛ. Т. X. С. 63—64) и 2) «Князь великий Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрюю Володимерь по себѣ, и води всѣхъ ко кресту, и цѣловаша вси людие на Юрии; приказа же ему и братью свою» (Воскр. С. 117; ср.: ПСРЛ. Т. X. С. 63—64).

Юрию старейшинства во всей братии, Всеволодичах³⁵⁵. Далее обе редакции говорят, хотя и различно, об участии в акте Всеволода «бояр и всех людей»³⁵⁶. Сопоставляя эти известия с ролью «бояр и всей дружины» в спорах о княжении по смерти Андрея Боголюбского, считаю характерной особенностью действий Всеволода стремление укрепить за Юрием старейшинство во всей Ростово-Суздальской земле на «ряде» со всеми влиятельными элементами главных ее городов. В ряде этом, очевидно, участвовали и ростовцы — одни ли бояре ростовские или и другие представители социальных верхов Ростова, трудно решить; поэтому на назначение Константину Ростова нельзя смотреть как на окончательный и полный выдел. Все содержание наших известий предполагает политическое единение князей и всей земли под старейшинством Юрия, а необходимость утверждать его на «ряде» с боярством, с социальными верхами не одного стольного города, а всей земли, в чем можно видеть результат объединительной работы Андрея, резче, чем когда-либо ранее, отделяет политическое старейшинство от владения того или иного князя теми или иными городами и волостями в Ростово-Суздальской земле. Старейшинство во всей земле приобретало новое основание, новую гарантию, независимую от соглашений между братьями. В этом можно видеть крупное политическое явление, крупную политическую мысль, не давшую, впрочем, прочных результатов в дальнейшем развитии исторических судеб Северо-Восточной Руси.

³⁵⁵ В. И. Сергеевич (Русские юридические древности. Т. 2. С. 250) полагает, что Всеволод поручил попечению Юрия двух младших братьев, которым не назначил «участков» (ср.: Там же. С. 78—79), но оба текста говорят о «братии» вообще, а первый о всех детях, а его братья^{84*}.

³⁵⁶ Неуклюжую конструкцию Никоновского текста следует, конечно, понимать так, что Всеволод «со всеми боярами и со всеми людьми» дал Юрию Владимир. Не спорю, что ввиду выражения «даде ему и вся дѣти своя» можно понять мысль книжника-редактора иначе: Всеволод дал Юрию Владимир, всех бояр, всех людей и всю братию-князев. Кривизна необычности такой трактовки бояр как принадлежности города, совершенно противоречащей отношениям не только XIII в., но и позднейшим, заставила бы, во всяком случае, признать значительное искажение протографа в этой редакции, не понявшей или устранившей указание на авторитетную роль бояр и «всех людей». Вторая редакция сомнительна, по замечанию С. Ф. Платонова («К истории московских земских соборов». С. 13)^{85*}, для XIII в. по упоминанию «дворян» после купцов; сомнительно, пожалуй, и само упоминание «купцов» в данном тексте. Но каковы бы ни были сомнения относительно деталей редакции, само содержание известия не заслуживает отрицания: оно подготовлено и поясняется рассказом о суздальских событиях по смерти Андрея Боголюбского в Лаврентьевской летописи, когда «къ Володимірю» съехались «Ростовци и Суждальцы и Переяславци и вся дружина, отъ мала и до велика», действуют «Ростовци и бояре, гридьба и пасынки» и т. п. «Дворяне» и «купцы» Воскресенского текста могут быть поняты как осмысление позднейшим книжником устарелой для него терминологии его до нас не дошедшего источника. А сам рассказ вызывает представление о «ряде» Всеволода с собранием, которого элементы: «бояре и вся дружина», созданная с городов и волостей, и вече города Владимира.

Через пять лет по смерти отца Всеволодичи изменили завещание Всеволода. Константин вернул себе старейшинство и сел во Владимире, а Юрий перешел в Суздаль. Ростов остался за Константином, как и Ярославль³⁵⁷; эти два города входили в состав отчины его сыновей: перед кончиной Константин «посла старѣйшаго сына своего Василка Ростову на столъ, а Всеволода на Ярославль на столъ»; третий — Владимир сидит в Угличе³⁵⁸. Отчинное раздельное владение тут развивается и дальше: по Васильке Ростов достается старшему его сыну Борису, а младший Глеб садится на Белозерской волости; по Всеволоде Ярославль переходит к его сыну Василию, а дядя их Владимир остается в Угличе. Юрий занял владимирское княжение, а после его гибели в татарское лихолетье во Владимире сидит третий Всеволодич — Ярослав. Выморочный Суздаль Ярослав отдал брату Святославу, как тоже выморочный — по Владимире Всеволодовиче — Стародуб Ивану, но Переяславль, полученный от отца³⁵⁹, остался за ним.

Из явлений предыдущего времени «ряд» Всеволода, как видим, ближе всего напоминает «ряд» старого Ярослава: видим в нем то же сочетание отчинного раздела с сохранением единства в форме старейшинства, связанного с отним столем. Это владимирское единство пало по смерти Александра Ярославича, но легло на основу работы московских князей, которые на фундаменте все того же семейного владения создали здание новой государственности, осуществившей на иных началах завет единения всей земли, унаследованной от киевского старейшинства, и попыток Юрьевичей, Андрея и Всеволода, подвести под него земское основание.

VIII. ИТОГИ

Не сложны итоги моего очерка. Изложенный на предыдущих страницах беглый обзор владельческих отношений князей Рюрикова рода к землям и волостям приводит к заключению, что в основе их лежало отношение семейного владения. Чем? Не территорией. До конца рассмотренного периода князь не считался владельцем всей земли: ее окняжение было делом дальнейшего исторического развития. И не верховной властью. Князь XI—XII столетий не был государем ни сам по себе, ни тем более как член владельческого рода. Ни о единоличной, ни о коллективной государственной верховной власти древнерусских князей говорить не приходится, если не злоупотреблять словами.

³⁵⁷ Под 1207 г. читаем, что Всеволод «Костантина остави у собе и да ему Ростовъ и инѣхъ 5 городовъ да ему къ Ростову» (Лавр. С. 412). В 1215 г. Константин строит в Ярославле церковь на своем дворе (Там же. С. 416).

³⁵⁸ Там же. С. 420.

³⁵⁹ Там же. С. 406.

Князья Рюриковичи владели волостями. Волости эти слагались в системы по отдельным землям вокруг главных городов, а в общей сумме земли-волости составляли древнюю Киевскую Русь, русскую землю в широком смысле слова. Выше уже приходилось указывать, как попытки определить государственноправовую форму «единства русской земли» не дали удовлетворительных результатов. Это единство выражалось в такой совокупности взаимоотношений, которые не находят выражения в терминах государственного права. Не можем подвести древнюю Русь ни под понятие единого государства, ни под понятие федерации, ни под понятие суммы суверенных государств-волостей.

На всех волостях русских княжили князья Рюрикова рода. Княжение это они понимали как владение по праву. Право на княжение в данной волости приобреталось прежде всего наследованием по отцу. Отчинное право самое полное и бесспорное, в сознании князя, его право на волость. Князья добиваются столов отних и дедних. Избирая князя, вече зовет его на стол «отень» и «дѣдень». Случаи нарушения этого общего правила так и понимаются как нарушения. Они могут создать новое отчинное право для потомков князя, занявшего стол, на котором не сидел его отец, ни дед, но такое право не устраняет старых отчинных прав на тот же стол. В усобицах князей мы не раз видим борьбу разных отчинных прав, конкурирующих между собой.

В основе княжого владения волостями лежит понятие семейного владения. Князь-отец наделяет сыновей волостями, дает им города, при жизни ли своей или в предсмертном «ряде». Это семейный раздел, такой же, как раздел дома по отцовскому «ряду» согласно Русской Правде. Результат раздела — распад владения и семейной группы на ряд отдельных отчин и владельческих линий. Но практика княжого владения XI—XII вв. заставляет сильно ограничить суждение, что с производством раздела прекращается всякая правовая связь между отчичами, потомками одного отца, по владению. Разумею судьбу волостей, ставших выморочными. Данный исторический период не знает еще завещательных распоряжений княжениями, кроме отцовского «ряда». Они только возникают на наших глазах, и притом в такой форме, что необычность подобного явления выступает с полной наглядностью. Князь, желающий оставить стол, например, брату, притом стол, который этому брату не отчина и не надлежит ему по «ряду» отцовскому, прибегает к чрезвычайным мерам: Всеволод Ольгович заставляет киевлян и братью-князей целовать крест Игорю при себе; это еще не передача по завещанию, а передача права при жизни³⁶⁰. Тут договорный по-

³⁶⁰() Тот же характер носит и первое, дошедшее до нас в составе Галицко-Волынской летописи^{36*}, письменное завещание князя Владимира Васильковича, передавшего по себе княжение младшему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу

литический акт должен заменить отсутствующую возможность завещания. Нормальным представляется возвращение волости в распоряжение братьев, т. е. того, кто в их среде признается старейшиной.

Тут, точнее, нет и выморочности, а входят в силу отчинные права, равносильные праву усопшего отчича: круг возможных наследников данной волости определяется кругом ее отчичей, а определенное лицо либо избранием, либо дачей волости брату братьями или старейшим в их среде.

Указанное ограничение последствий раздела стоит в связи с рядом других проявлений тенденции избежать их, вызванной силою интересов политического или семейного-династического характера.

Красною нитью идет это стремление через историю междукняжеских отношений в древней Руси, начиная с «ряда» Ярослава и до «ряда» Всеволода Юрьевича. Если в X и первой половине XI в. оно вело к уничтожению самого раздела кровавой борьбой, то, хоть проявление таких же тенденций не вполне чуждо и позднему времени, преобладает в нем искание компромисса между отчинным разделом и сохранением единства отчины как территориально-политического целого.

Такова функция старейшинства. Если мы спросим себя, почему оно с таким трудом и в столь несовершенной степени осуществляло свое историческое призвание, то ответ найдем в рассмотрении двух основных форм организации единства княжеской владельческой группы, объединенной старейшинством.

Организация эта могла стоять в различном отношении к владению волостями: либо комбинируясь с раздельностью владения по отчинному разделу, либо поглощая и устраняя его.

В первом случае, наиболее распространенном, старейшинство могло бы сыграть свою роль более успешно при наличии двух житейски неразрывно связанных условий: прочном основании своей силы и своего авторитета на определенной материальной владельческой базе и устойчивом порядке преемства. Действием отчинных тенденций разрушались попытки создать первую, а отсутствие второго при общем — лишь гипотетическом, а не строго индивидуально определенном — праве на княжью власть и растяжимости понятия о старшинстве подрывало работу отдельных деятелей древней Руси над укреплением правительственного строя.

Вторая форма организации старейшинства опиралась на более прочное владельческое основание: на общее, нераздельное владение, на поглощение наследования преемством. Логически эта

(1289). Мстислав, получив грамоту, поехал во Владимир и, созвав в соборную церковь бояр и горожан, велел прочесть ее; затем епископ «благослови Мъстислава крестомъ воздвизальнымъ на княжение Володимѣрьское», и Мстислав «хоташеть уже княжити во Володимѣрь», но Владимир Василькович «ему не да, тако река: „моглъ ольны по моемъ животь княжити“» (Ипат. С. 594—596).

форма вела к отсутствию у князей понятий «то мое, а то мое же», к их «одиначеству», выражавшемуся в солидарности действий, во владении по наделам, а не отчинному разделу, с чередованием на волостях по старшинству или по взаимному соглашению. Окрепнув, скристаллизовавшись, если можно так выразиться, такой строй междукняжеских отношений привел бы к созданию того «очередного» порядка, какой находит в древней Руси современная историография. Но сила все тех же отчинных тенденций разрушала и этот путь развития. Мы видели лишь зачатки подобных отношений, редко переживавших одно поколение братьев, кроме разве недолгого их господства в конце нашего периода в земле Черниговской. Да и там до сколько-нибудь выработанного «очередного» порядка дело не дошло. И не думаю, чтобы было произвольным предположение, что и без татарской бури и без литовского напора Черниговщина недолго удержала бы свое относительное внутреннее равновесие в оригинальном строе княжого владения: в 20-х годах XIII в. видим усобицу представителей разных линий³⁶¹, слишком разветвившихся, чтобы жить в братском единении.

Старейшинство само было порождением двойственности сил, определявших княжие отношения и разрушавших его своею борьбою. Оно носило в себе первородный грех всякого компромисса: невозможность разрешить внутреннее противоречие, его породившее, в каком-либо синтезе. Разрешение это принес только удельный строй, подчинивший политическое преемство владельческому наследованию и ставший колыбелью патримониальной, вотчинной монархии. Унаследовав задачи старейшинства, власть московских государей выковала из вотчинных начал новые средства для их разрешения.

³⁶¹ Михаила Всеволодовича и Олега курского (Лавр. С. 426, под 1226 г.).

Очерк второй

КНЯЗЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЗЕМЛЕ-КНЯЖЕНИИ

I. ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ ЗЕМЛИ-КНЯЖЕНИЯ

1. Несколько литературных мнений

Вопрос о положении князя в древнерусской земле-княжении нельзя считать порешенным. Непримиренными стоят рядом два воззрения. Главным представителем одного из них является В. О. Ключевский: в постоянном передвижении со стола на стол, в силу «очередного» порядка княжого владения, князь мало связан с землею, сохраняя до конца XII в. черты своего происхождения от «наемных военных сторожей Руси», первых пришлых князей-варягов; «он приходил и скоро уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой»¹. Иное находим у В. И. Сергеевича: «князь есть народная власть», как, с другой стороны, и «народ составлял главную силу князей»; в основе нормальной политической жизни княжой волости должно лежать единение — «одиначество» — князя и веча. И древнерусский князь для В. И. Сергеевича далеко не политическая случайность: напротив, «во всех русских волостях заметна потребность в едином представителе власти», каким и является князь². Политический строй древних княжеств характеризуется «смешанной формой правления, в которой участвуют два элемента, а именно монархический, в лице князя, и народный, демократический, в лице веча».

Был ли князь «политической случайностью» или «единым представителем власти», очевидно, что его положение в земле-княжении определяется отношением к населению. Последний вопрос освещается различно в зависимости от воззрений на происхождение вечевого строя.

Организация населения в территориально-политической системе местных общин, подвластных центральному городу, относится в научной литературе обычно ко временам для наших источников доисторическим. Но разно понимается характер этой организации, как и условий, в которых она возникла. Тут решительно расходятся суждения В. И. Сергеевича, с одной, и В. О. Ключевского с М. Ф. Владимирским-Будановым, с другой стороны.

¹ Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 228.

² Сергеевич В. Лекции. С. 130—143. М. Ф. Владимирский-Буданов также признает князя древнерусских земель (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 44).

В. И. Сергеевич считает вечевой строй, по-видимому того же типа, какой наблюдаем в XI—XII вв., существующим с незапамятных времен. В его представлении он сильно развит уже в IX и X вв. Не только тексты, как «сдумаша Поляне и вдаша оть дыма мечь», толкуются им как ответ киевлян на требование дани хазарами, но и в договорах с греками он находит проявление крупной роли киевского веча³.

Главную опору вечевой силы В. И. Сергеевич видит в военном значении народного ополчения. Возражая против мнения о неограниченной власти древнейших князей, В. И. Сергеевич замечает: «Пока весь народ был вооружен, пока войско не специализировалось и не поступило в заведование князя, не могла образоваться абсолютная власть; народ составлял главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать с ним в соглашение»⁴. Образовалась же эта организация городских волостей, по гипотезе В. И. Сергеевича⁵, путем подчинения окрестного населения предприимчивыми основателями городов, сооружавшими также пригороды для «береженья» своих приобретений. Их Сергеевич представляет себе смешанными группами, в состав которых «могли входить и люди разных славянских племен, и даже иноплеменники; со славянами могли соединяться чудь и меря»⁶.

Иным идет путем и к иным приходит выводам В. О. Ключевский. Известна его теория торгового происхождения городов на Руси. В основе происхождения городских областей лежит

³ Сергеевич В. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1900. Т. 2. С. 33—34. Договор 911 г. был заключен не только от имени князей, но «и ото всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси»: В. И. Сергеевич не сопоставляет этой строчки с предыдущим «мы от рода Рускаго . . . иже послани оть Олга, великого князя Рускаго, и оть всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ боярь . . . похотѣнемъ нашихъ великихъ князь и по повелѣнню оть всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси», не видя в этой формуле повторения. Договор 945 г. заключен послами «отъ Игоря, великого князя Рускаго, и оть всякого князя и оть всѣхъ людей Руския земля»: В. И. Сергеевич не предполагает под последними словами передачи греческого *παντων των ηωζ*. Наконец, В. И. Сергеевич полагает, что слова последнего договора о приходе посла «къ князю Русскому Игорю и къ людемъ его», о присяге, «елико насъ хрестилися есмы», и некрещеной Руси относятся ко всему наличному населению Киева, а не подразумевают «какую-либо тесную группу зависимых от Игоря людей». Если так, то значение киевского веча при Игоре было чуть ли не выше, чем в XI или XII в.: тогда киевские князья заключали договоры с иностранными государствами, насколько знаем, помимо веча. Но если Константин Багрянородный говорит, что русский князь идет в полюдие *μετὰ παντων των ρως*^{1*}, значит ли это, что он брал с собою все наличное население Киева?

⁴ Сергеевич В. Лекции. С. 134.

⁵ См. выше. Очерк первый.

⁶ Сергеевич В. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1. С. 12. Представление это, очевидно, навеяно текстом Новг. I. С. 4 о том, как словене и кривичи, меря и чудь, изгнав варягов, «начаша владѣти сами собѣ и города ставити». Ср. сказание об основании Киева.

«возникновение древнейших городов на Руси с тянувшими к ним торгово-промышленными округами». А это явление может быть отнесено к VIII в., причем его происхождение так представлено: восточные славяне расселялись по Днепру и его притокам одинокими укрепленными дворами; с развитием торговли среди этих однодворок возникали сборные торговые пункты, куда звероловы и бортники сходились для гостьбы, отчего и сами пункты получили название погостов; такие мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях; из этих-то крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города⁷. Таков первый этап русского исторического развития. Он важен в исторической теории Ключевского тем, что служит в ней объяснением характера общественных элементов, создавших влияние вече и руководивших вечевою жизнью: это торгово-промышленная аристократия, представители торгово-промышленного капитала.

IX век приносит второй момент развития городских областей: в городах скапливается пришлый военно-промышленный люд, с помощью которого города организуют свою военную силу, пользуясь ею не только для борьбы с врагами внешними, но и для подчинения соплеменного им окрестного населения, для которого они прежде служили торговыми центрами. Так возникла городская область — «первая политическая форма Руси», предшественница формы вторичной — варяжского княжества. Власть в этой «первой политической форме» не была, однако, вечевой, народной. «В IX в. управление городом и областью сосредоточивалось в руках военной старшины, военных начальников главного города, тысяцких, сотских и т. д., выходивших из среды торговой городской знати. С появлением князей эта городская аристократия постепенно переходила в состав княжеской дружины, в класс княжих мужей, или оставалась на месте без правительственного дела. Военное управление городов по личному составу, прежде бывшее, может быть, выборным, во всяком случае туземным по происхождению своего личного состава, теперь стало приказно-служилым, перешло в руки княжих мужей по назначению князя. По мере упадка авторитета князей вследствие усобиц стало опять подниматься значение главных областных городов; вместе с тем политической силой в этих городах явилась вместо исчезнувшей правительственной знати вся городская масса, собиравшаяся на вече. Таким образом, всенародное вече главных областных городов было преемником древней городской торгово-промышленной аристократии»⁸.

⁷ Ключевский В. Курс. Ч. I. С. 148—149.

⁸ Там же. С. 229. Первое проявление вече в Киеве (вероятно: «Святополкъ же съде Киевъ . . . и съзва Кыяны и нача даяти имъ имъне») и Новгороде («соб-

В конце концов и по схеме В. О. Ключевского главная сила, ограничивавшая древнейших князей, — военная организация населения в руках «военно-правительственной старшины, которая называется в летописи старцами градскими»⁹.

Но в теории В. О. Ключевского есть другая сторона, составляющая ее характерное отличие: огромное значение для первичных стадий русского исторического процесса приписывает он влиянию внешней торговли. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, отмечу тут же, почему мое изложение пойдет в дальнейшем мимо этой стороны схемы В. О. Ключевского. Она построена на крайнем преувеличении глубины влияния торговли на племенной быт восточного славянства. Это хорошо выяснено Рожковым: «Внешняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имеющими первостепенную важность чертами: во-первых, торговая деятельность была занятием одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан; масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром, в виде дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторых, внешняя торговля в действительности не затрагивала и настоятельных, насущных, необходимо требовавших удовлетворения потребностей даже этих, руководивших ею, высших классов населения: все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избытки и выменивая там только предметы роскоши». И нельзя не согласиться с его выводом, что «глубины народного производства оставались не тронутыми внешнею торговлей»¹⁰.

Свой противоположный вывод В. О. Ключевский связал с происхождением погостов, объединивших рассеянные однодворки. Но нет основания считать основным и первоначальным то значение слова «погост», которое уясняется его сопоставлением с «гость», «гостьба», — значение торгового пункта, рынка, какого это слово никогда не имело. Самые ранние тексты, в каких мы встречаемся с погостом, ставят его в связь не с торговлей, а с оброками и даяниями. И конечно, более правильно определение погоста у С. М. Соловьева и И. И. Срезневского как стана, становища, места остановки князей или их мужей при объезде

равъ избытокъ Новгородецъ, Ярославъ рече» и т. д.) (Лавр. С. 129, 137) Ключевский отмечает под 1015 г.

⁹ «Большие торговые города были устроены по-военному, образовали каждый цельный организованный полк, называвшийся тысячей, которая подразделялась на сотни и десятки. Тысячей командовал выбиравшийся городом, а потом назначаемый князем тысяцкий, сотнями и десятками — также выборные сотские и десятские. Эти выборные командиры составляли военное управление города и принадлежавшей ему области, военно-правительственную старшину, которая называется в летописи старцами градскими» (Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 194).

¹⁰ Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. 2-е изд. М., 1905. Ч. 1. С. 16—43.

земель для полюдья, сбора дани¹¹. С другой стороны, значение наиболее оригинальных черт теории В. О. Ключевского для объяснения и строя и судеб городских областей в значительной степени снимается введением момента покорения окрестного населения торговым городом с помощью военной силы; таким путем теория эта приближается к схеме В. И. Сергеевича, поставившего первым тот процесс, который у В. О. Ключевского является вторым.

В понимании эволюции веча В. О. Ключевский близко сходится с М. Ф. Владимирским-Будановым. И у Буданова находим утверждение, что «князья-варяги застали везде готовый государственный строй», который характеризуется так: «...земля, как союз волостей и пригородов под властью старшего города»¹². И вechу Буданов приписывает «доисторическое происхождение»¹³. Но воззрение его далеко не то, что В. И. Сергеевича.

Доисторическим предком вечевых собраний были племенные сходки, которые, быть может, и назывались у славян вечами, как и сходки волостные или сельские, но не соответствуют тому значению, какое это слово имеет в науке истории права. Для IX и X вв. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает вече в состоянии «перехода от племенного собрания к городскому» и посредствующую форму описывает так: «Для решения дел сходятся в старший город лучшие люди всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии граждан этого города». Действующими лицами в этих совещаниях выступают «старцы градские» или просто «старцы»¹⁴. Все немногие упоминания о них

¹¹ Ср.: *Сергеевич В.* Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3. С. 79—82. «Иде Олга къ Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дани» (Новг. I. С. 12). В погосте встречаются волхвы с Яном Вышатичем, дань емлющим (Лавр. С. 170). И в жалованных грамотах XVI в. читаем: «...погоста имъ не платити, ни въ черный боръ не тянути» и т. п.

¹² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 12—14. Пример: «Древлянская земля с ее княжескою властью, вечевым устройством и городами», которая, «конечно, не могла образоваться после пришествия Олега в Киев». Это «земское государство»: «союз общин: старшая община правит другими общинами». Не знаю, как согласует автор представление о главном городе как «общине управляющей» с утверждением «полной самостоятельности пригородов»: указание на потерю «достоинства старшинства» старшими городами в случае неправомерных действий этого не объясняет (Там же. С. 24—26).

¹³ Там же. С. 57—58.

¹⁴ Под 983 г. Владимир «творяше требу кумиромъ съ людьми своими; и рѣша старци и бояре: мечемъ жребий на отрока и дѣвицу»; под 987 г.: «созва Володимеръ бояры своя и старци градскіи» и далее: «и созва князь бояры своя и старца, рече Володимеръ: „се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее“ и рече: „скажите предъ дружиною“»; под 996 г.: «створи праздики велики въ тѣ день бояромъ и старцемъ градскимъ» и далее: «рѣша епископи и старци: рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буде» (Лавр. и Новг. I). Слово «вече» упоминается впервые под 997 г.: белгородцы «створиша вѣче въ городѣ» и решили сдаться печенегам, тогда один старец, не бывший на вече том и узнав, в чем дело, «посла по старѣйшины градскыя» и убедил их подождать три дня, в течение которых хитростью избавил город от врага (Лавр. С. 124—125).

относятся к временам Владимира. Кто же они такие? М. Ф. Владимирский-Буданов назвал их «лучшими людьми», собирающимися в старший город со всей земли, и считает их особым классом «людей высших по родовому старшинству (происхождению, отчего члены его и называются старейшинами), по власти в своем обществе (члены его „держат землю“) и, наконец, по высшей экономической состоятельности»¹⁵ и, кроме того, отождествляет их со старейшинами, лучшими, нарочитыми людьми¹⁶. Наконец, «третья эпоха вечевых собраний (XI—XIII вв.) есть эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную (как собрание простых граждан) и полного развития ее прав. Она совпадает со временем окончательного установления власти старших родов»^{2*}.

Сила, с которой пришлось князьям считаться с первых шагов, это создавшаяся накануне их появления организация особого управления городских областей. «Система земского управления (более древняя, чем княжеская) построена по численному делению общества, как целое государство составляло тысячу, а старшие города и провинции делились на сотни и десятки, так центральным правителем был тысяцкий, а подчиненные ему сотские и десятские. Происхождение должности тысяцкого доисторическое: можно принять гипотезу о том, что тысяцкие заменили прежних князей»¹⁷.

2. Тысяча и тысяцкий

Признавая древнейших князей пришлыми варягами, исследователи русской древности задаются вопросом, в какую общественную организацию они вступили, какие и как приняли они в свои руки функции, осуществлявшиеся ранее, до их прихода, иными политическими органами восточного славянства. И видя в историческое время рядом с княжеско-дружинным элементом народное войско и городские области-земли как особые организации, относительно независимые от княжеско-дружинного строя, признают их наследием доисторического, докняжеского времени,

¹⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 29. Нельзя сказать, чтобы это было определено.

¹⁶ Под 945 г.: Ольга говорит древлянам: «Пришлите мужа нарочиты», и древляне «избраша лучьшие люди, иже дерьжаху Деревьску землю»; под 996 г.: Владимир «сзывает боляры своя и посадники, старѣйшины (Р. А.: и старѣйшины) по вѣмъ градомъ и люди многы» (Лавр. С. 122; ср.: Новг. I. С. 72: «боляры своя и старѣйшины своя и посадники своя по вѣмъ градомъ своимъ»); и далее: «устави на дворѣ въ гридьницѣ нирѣ гвориги и приходити боляромъ и гридемъ, и съзывать, и десяцкымъ, и нарочитымъ мужемъ», причем все это названо дружиной князя; под 997 г.: «старѣйшины градскыя в Бѣлгород» (см. выше; из них — «новое вече» по Буданову).

¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 82—83. От «тысяцких народных» Буданов отличает «княжих тысяцких», считая их предводителями княжой дружины, и тысяцких пригородных, которые заменяли посадников.

ставят их предпосылкой для деятельности князей и положения князя в земле, ставшей княжением.

Эволюция древнерусских военных сил шла путем постепенной специализации военного дела — от народного ополчения к все возрастающему значению особых княжеских войск, ядро которых составляла дружина, дворовый полк князя, а полное развитие принесли служилые поместные войска. Постепенная утрата народным ополчением основного боевого значения под влиянием развития военной техники, и прежде всего преобладания потребности в коннице, имела первостепенную важность в области политических отношений древней Руси¹⁸.

Дружины древнейших князей нельзя представлять себе особенно многочисленными; не в них их главная военная сила. С другой стороны, не видим в их руках и организованного народного ополчения, которое было бы в их власти мобилизовать. Войны ведутся, походы совершаются в летописных рассказах военными силами, набираемыми каждый раз при надобности. Так, читаем в летописи, что для похода на Византию «Игорь и Олегъ пристроиста вои многы», что Ольга идет на древлян, собрав «вои многы и храбры», что Святослав, приступая к завоеваниям, «нача вои совокупляти многы и храбры», что Владимир, идя на Рогволода, «собра вои многы, Варяги, Словѣни, Чюдъ и Кривичи» и т. п. Что тут мы не имеем дела с мобилизацией организованных народных ополчений, ясно само по себе относительно таких военных предприятий, как походы на Византию, походы Святослава. Но в том же смысле набора охотников надо понимать и остальные места летописи, сходные с приведенными. Чтобы убедиться в этом, достаточно присмотреться к действиям Владимира: их отражение в летописных рассказах не оставляет сомнения, что он не имел в руках сильного полка киевского, южных народных ополчений. Главная опора его на севере, доставившем ему и власть в Киеве. Туда идет он в годину тяжелой борьбы с печенегами — «Новугороду по верховьниѣ вои»: опять-таки, конечно, не за всенародным ополчением земли Новгородской; оттуда нарубают он «мужѣ лучшиѣ отъ Словенѣ и отъ Кривичѣ и отъ Чуди и отъ Вятичѣ» в города, построенные для обороны южных границ Киевщины¹⁹. Впервые упоминаются южные силы в княжеских походах под конец княжения Владимира, как при нем впервые упомянуты киевские сотские. В годи-

¹⁸ Ср. замечания: Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве. Киев, 1895. С. 66—67; Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1891. С. 10. Возражения М. С. Грушевского (Исторія. Т. 5, ч. I. С. 41) бьют мимо цели: именно указанная тут «киевская революция 1068 г.» показывает, как беспомощно было народное ополчение при необходимости организовать конное войско против кочевников.

¹⁹ Лавр. С. 124, 119.

ну смерти Владимира сын его Борис пошел на печенегов, и в войске его были киевляне-вои²⁰.

Но, быть может, все это только случайность? Может быть, лишь в силу особенностей древнейшего летописного предания, скомпилированного из разнородных материалов усмотрением старых книжников, не отразилась ничем в нем мощная организация городской области-земли с ее полком-тысячей, с тысяцким, сотскими, десятскими, объединившими в такой стройной организации силы вооруженного народа? Или еще неокрепшая власть княжая не могла в своих предприятиях ею пользоваться, на нее опираться? И то, и другое трудно допустимо, тем более если представлять себе князей призванными на служение интересам города, властвующего над системой волостей, составляющих землю, с развитой торговой жизнью, со своей военной организацией, охватывающей всю землю. Или земля, возложив княжое дело на «наемного защитника», сама сложила руки?

Посмотрим, однако, на чем основано представление о докняжеском происхождении сотенной военной организации с тысяцким во главе²¹. Из русских источников его никак не извлечь. Первое упоминание о тысяцком на юге, именно в Киеве, встречаем под 1089 г., а в Новгороде — в Уставной грамоте князя Всеволода Мстиславича святому Ивану на Опоках, относящейся к первоначальной редакции, к 30-м годам XII в., если не считать сомнительного по дате указания на тысяцкого в «Уставѣ о городскихъ мостѣхъ»²². Притом вне Новгорода

²⁰ «Святополкъ же съде Киевѣ . . . и созва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье; . . . и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ», и далее: «се дружина у тобя огньа и вои» (Лавр. С. 129).

²¹ Кроме М. Ф. Владимирского-Буданова еще М. С. Грушевский весьма определенно высказывается в пользу этого представления: «Эту десятичную (так означает ее М. С. Грушевский) военную организацию встречаем готовой уже в первые, ближе нам известные времена русского государства (конец X в.): земля делится на сотни, сотни на десятки, во главе десятков стоят десятники, а во главе сотен — сотские, и все это разом составляет тысячу, во главе ее тысяцкий, высший военный чин земли или княжества». Эта военная организация, по мнению Грушевского, в позднейшее время постепенно теряла свой военный характер, уступая значению дружинной организации военных сил, чтобы служить преимущественно судебнo-административным и финансовым целям (Грушевский М. История. Т. I. С. 347). В. И. Сергеевич знает, как и источники, только тысяцких, назначаемых князем, но полагает, что должности тысяцких поручались «лучшим людям из местных бояр» (Сергеевич В. Лекции. С. 315), т. е., по-видимому, не из княжой дружины, а из того класса, характеристику которого находим в кн.: Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 331—332. Сотских, по-видимому, и древнейших, какие известны, В. И. Сергеевич признает выборными на том основании, что князья не называют их «своими» (Сергеевич В. Лекции. С. 301).

²² Впервые встречаемся с новгородским тысяцким в грамоте князя Всеволода святому Ивану на Опоках, создающей новую организацию, которая своим развитием подорвала значение сотен: два старосты от купцов, три от житейх людей, а от черных — тысяцкий должны управлять делами торговыми, гостиными

наши источники знают только назначаемых князем тысяцких, мужей из княжой дружины²³. А между тем именно с этого исторически известного тысяцкого списан образ древнего народного тысяцкого, стоявшего во главе военного и правительственного строя городской области — земли. Тысяцкий держит тысячу или воеводство тысячи²⁴. Он воевода городского полка²⁵, которого западные источники называют *dux*, *herzog*. Но он также правитель города: про владимирского тысяцкого читаем: «тысящю предержащю Роману Михайловичю и весь рядъ»²⁶. Что касается связи тысяцкого с сотскими, то она не вызывает сомнений по самому названию должностей и характеру их функций, хотя прямых указаний на нее для южных городов почти нет²⁷, а в Новгороде тысяцкий и сотские выступают не как элементы од-

и судом торговым. Никитский^{3*} полагал, что тысяцкий этот, как «начальник сотен», так как в сотнях записаны купцы, был естественным главою «торговой думы», и в то же время объяснял, что тысяцкий «от черных людей», потому что в сотни организованы мелкие промышленники и ремесленники. Это противоречие осталось неразрешенным. И сам же Никитский заметил, что сотские стоят в иных отношениях особо от тысяцкого, что их значение падает по мере развития, например, судебной компетенции тысяцкого^{4*}. Существенно отметить вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым, что Устав того же князя Всеволода «о церковныхъ судѣхъ, и о людехъ и мирилѣхъ торговыхъ» не знает еще тысяцкого, а упоминает лишь «десять сотскихъ и старосту Болеслава, и бирца Мирошку, и старосту Иваньковского Васяту». «Устав Всеволода, — замечает Буданов, — дан тогда, когда посадник был еще княжеским сановником, а представителями народного самоуправления были лишь сотские и старосты»^{5*}. Политическое значение тысяцкого, опирающееся на новую купеческую организацию, растет постепенно, и только в известиях XIII в. видим его рядом с посадником влиятельным руководителем и внутренних дел и внешней политики новгородской. Сан новгородского тысяцкого, каким мы его знаем, был новообразованием той «революции в жизни Великого Новгорода», которая произошла во второй четверти XII в.

²³ Игорь Святославич, заняв Киев: «Ульбови рѣче: держи ты тысячу, какъ еси у брата моего держалъ» (Ипат. С. 231). Тысяцкий держит тысячу у князя: определения тысяцких по городу чередуются с определениями их по князьям. Суздальский и туровский тысяцкие названы под 1127 г.: «Воротиславъ — Андреевъ тысяцкий, Иванко — Вячеславъ»; Печерский патерик сообщает, что Мономах дал в управление Суздальскую землю «своему тысяцкому» варягу Георгию^{6*}, которого летопись называет тысяцким ростовским; упоминаются Дмитр — киевский тысяцкий Данилов; Юрий — тысяцкий Данилов. Мономах созывает «дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, киевского тысяцкого, Проколью, бѣлгородского тысяцкого, Станислава, переяславского и тысяцкого» (Русская Правда).

²⁴ Например: «Яронови же тогда тысящю держащю въ Перемышли» (Ипат. С. 490); «воеводство держащю Киевьския тысяща Яневи» (Лавр. С. 201); «воеводство тогда держащю тысяща Киевьския Иоану Славновичю» (Там же. С. 434). По-видимому, равносильным было и выражение — держать такой-то город: «и бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ» (Там же. С. 177).

²⁵ Например, в 1195 г. в битве действует «тысяцкий Михалко Давыдовъ (князя Давыда Ростиславича) со Смоленскимъ полкомъ» отдельно от «Давыдовой дружины» (Ипат. С. 464).

²⁶ Лавр. С. 450, под 1252 г.

²⁷ Недовольные управлением Святополка Изяславича киевляне после его смерти грабят дворы тысяцкого и сотских (Ипат. С. 198, под 1113 г.).

ной организации, а как самостоятельные силы²⁸. И в Киеве, и в Новгороде сотские упоминаются много раньше появления известий о тысяцких и притом в такой обстановке, когда упоминание о тысяцком, будь он во главе сотен, казалось бы неизбежным²⁹.

Если отнестись внимательно и объективно к известиям о древнерусских тысяцких и сотских, отрывочным и скудным, то придется признать, что перед нами не одна проблема: о происхождении тысячно-сотенной организации, а две разных: о тысяцких и сотнях с их сотскими.

Начну с нескольких замечаний о тысяцких. И прежде всего, что можно сказать о происхождении этой должности и ее названия? В. И. Сергеевич указывает, что «тысяцкий есть вместе с тем и воевода: первое наименование перенесено на него от военного деления на тысячи» и что «так называются преимущественно начальники городских полков или тысяч, откуда и возникло самое их имя»³⁰. Тут дано два ответа на наш вопрос: тысяча — единица военного деления и тысяча — городской полк. И оба определения тысячи не разъясняются источниками. В них мы не встречаем такого русского войска, которое делилось бы на тысячи под начальством тысяцких. Тысяцкий стоит во главе целого, не части. Не называют источники тысячей и городского полка. Не видим, чтобы тысяча означала военный отряд: тысяцкий ведет в поход киевский, смоленский полк или киевлян, смолян, а не киевскую, смоленскую тысячу. Тысячу нельзя вести, можно только держать ее воеводство. Больше было бы основания утверждать, что «тысяча» наших источников — понятие территориальное: по крайней мере, в Ипатьевской летописи под 1149 г. читаем, что Святослав Ольгович получил от Юрия Долгорукого «Курскъ съ Посемьемъ и Сновскую тысячу»³¹. Тысяча, по словоупотреблению летописи, — округ, подчиненный тысяцкому, который держит в нем воеводство и весь ряд.

Так открывается путь к поискам доисторического тысяцкого. Если наши источники не дают основания производить понятие тысячи на русской почве от военного деления на тысячи, то оно может оказаться пережитком более глубокой древности, общеславянской или общеарийской. И в литературе истории древнего права существует мнение, что тысячно-сотенная воен-

²⁸ У новгородских сотских заметны функции, не связанные с деятельностью тысяцкого (ср.: *Никитский А. И.* Святый великий Иван на Опоках // ЖМНП. 1870. № 8. С. 214), как, с другой стороны, не видно, чтобы они имели какое-либо отношение к той Иванской организации, во главе которой стоял тысяцкий, несмотря на попытку Никитского установить такую связь.

²⁹ Лавр. С. 123 (Новг. I. С. 73) и особенно Лавр. С. 137—138 (Новг. I. С. 82—84).

³⁰ *Сергеевич В.* Лекции. С. 313.

³¹ Ипат. С. 268. В территориальном смысле употребляет и слово «полк» князь Изяслав Мстиславич, говоря: «А мы поѣдемъ въ свой Киевъ, а въ силний полкъ в Киевський, аже въѣдемъ в нь, то азъ вѣде, ти ся за мя биють» (Там же. С. 287).

ная организация — общая черта доисторического племенного быта всех арийских народов.

«Uralt, — говорит Бруннер³², — vermutlich auf arischer Sitte erwachsen, ist die Einteilung des Heeres in Tausendschaften und Hundertschaften» [«Древнейшим, произошедшим, вероятно, на основе арийского обычая, является разделение войска на тысячи и сотни»], и считает вероятным, что германская волость (Gau) возникла путем поселения разделенной на сотни военной тысячи, получившей, таким образом, в эпоху расселения германских племен территориальное значение. Еще решительнее высказывается в этом смысле Рихард Шрёдер^{33, 37*}, усматривая в известии Цезаря о свевах³⁴ «переход от военного к территориальному делению»: что было сперва поселением тысячи, стало по расселении и умножении населения «территориально отграниченным областным мобилизационным основанием тысячи»; если Тацит не упоминает о тысяче, то потому, что у известных ему племен уже исчезло числовое представление, первоначально с нею связанное, и она перестала быть тактической единицей, хотя за сотнями такое значение сохранилось.

Но дело при ближайшем рассмотрении обстоит не так просто. Схема Бруннера—Шрёдера построена на сопоставлении двух единиц: волости (Gau) и военной тысячи, которых реальное существование одинаково спорно для древнейших времен германского политического быта³⁵. На эту слабую сторону схемы и направлена критика автора монографии о германской сотне

³² Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 181.

³³ Schröder R. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 4. Aufl. Leipzig, 1902. S. 19.

³⁴ De Bell. Gall., IV, S. 1: «Hi centum pagos habere dicuntur, ex quibus quotannis singula millia armatorum bellandi causa ex finibus educunt. Reliqui, qui domi manserunt, se atque illos alunt. Hi rursus in vicem anno post in armis sunt; illi domi remanent. Sic neque agricultura, haec ratio atque usis belli intermititur» [«Говорят, что у них есть сто областей, из которых они ежегодно набирают тысячу воинов для войны за пределами племени. Остальные, которые остались дома, кормят себя и тех. И напротив, на следующий год эти находятся при оружии, а те остаются дома. Так, ни сельское хозяйство, ни дела, ни ведение войны не прерываются»]. Искусственный схематизм этой картины правильно отмечен Ритшелем (см. ниже), у которого вообще можно найти ряд метких соображений относительно ценности показаний Цезаря для изучения древнегерманского быта.

³⁵ Эту волость, образованную поселением тысячи и делящуюся на сотни, они считают подразделениями племенного государства (civitas, Völkerschaft). Но тексты, на которые приходится при этом опираться, знают лишь двучленную организацию: civitas, состоящую из pagi. Чтобы устранить это затруднение, Бруннер считает pagus волостью, а сотню не территориальным, а личным союзом, образованным для целей военного и судебного дела, а Шрёдер, разделяя ту же точку зрения, указывает, что лишь в следующий период сотни, где они удержались, превратились в территориально определившиеся сотенные округа (Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. S. 159—161; Schröder R. Lehrbuch. S. 18). Этому противоречит прежде всего значительно бо́льшая бытовая содержательность сотен сравнительно с волостью-графством позднейшей эпохи.

Шверина^{36.8*}. Указывая, что волость, соответствующая графству, во франкский период — чисто административная единица, тогда как низшие ее подразделения — округа народных собраний и народного суда, в которых власть графа лишь постепенно завоевывает себе значение за счет местной власти сотского, Шверин естественно приходит к выводу, что волость стала между мелкими единицами и целой *civitas* только в позднейшее время. Если так, то попытку опереть существование исконной военной тысячи на колониационном значении волости надо признать неудавшейся.

Мало того. Если бы попытка отстоять волость-тысячу и была построена на более твердых основаниях, то представилось бы новое затруднение при желании поставить во главе ее тысяцкого. В недавней работе Зигфрида Ритшеля^{37.9*} находим внимательный пересмотр вопроса о древнегерманской тысяче и вывод о крайней недостаточности оснований для ее признания; аргументы Ритшеля и Шверина хорошо друг друга дополняют. Но особое внимание Ритшель обратил на известия о тысяцких и пришел к выводу, что они прочно засвидетельствованы лишь для вестготов и вандалов³⁸. Притом относительно вандалов показание Прокопия о хилиархе как начальнике отряда в войске Гензериха изображает эту должность как нововведение Гензериха. И Ритшель принимает вывод Моммзена^{10*}, что этот вандалский хилиарх-милленарий есть копия с римского трибуна, начальника нового легиона диоклетиано-константиновской эпохи, который обычно состоял из тысячи воинов. Такое же заимствование названия должности склонен Ритшель видеть и в вестготском милленарии, выступающем в источниках как военачальник (готское его название *thiuphadus*, по-видимому, от *thiuda* — народ, ополчение) и как судья по некоторым делам. Предположение Ритшеля, быть может, найдет некоторое оправдание и в том, что ни у вестготов, ни у остготов, ни даже у вандалов (Прокопий говорит о 800 воинах) значение милленариев не стоит в связи с главным смыслом слова, и потому сам термин получает характер искусственного выражения, не вытекающего естественно из связанных с ним бытовых явлений³⁹. Для меня важнее другое: этих милленариев-тысяцких нет никакого повода связывать с какими-либо волостями-тысячами⁴⁰.

³⁶ Указываю только вывод обстоятельной работы: *Schwerin Cl. von. Die altgermanische Hundertschaft*. Breslau, 1907.

³⁷ *Rietschel S. Die Germanische Tausendschaft // ZSSR. GA. 1906. Bd. 27.*

³⁸ Быть может, следовало бы прибавить остготов с их милленарием; ср. против Моммзена замечания Бруннера (*Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. S. 181*) и указанную им статью Эрнста Мейера.

³⁹ Само собой, что этим не решается вопрос о заимствовании: указанная черта одинаково может быть объяснена как архаизм термина, потерявшего первоначальный смысл.

⁴⁰ Если у графа и был исторический предшественник, то это не тысяцкий, а племен-

Критика Ритшеля и Шверина имеет для нас большое значение потому, что вскрывает недостаточность данных, какие можно извлечь из западных источников для поддержки не обоснованной в русских источниках гипотезы о доисторических тысяцких и докняжеской тысячно-сотенной организации. Так, как дело стоит теперь, когда германская «тысяча» под более чем справедливым сомнением, а, добавлю, ни у южных, ни у западных славян, насколько знаю, следов ее также не установлено, всякое значение теряют воспоминание о тысячно-сотенной организации монгольских полчищ или отмеченные Лейстом и Шрёдером поздние указания на тысяцких у арийцев Индостана. Гипотезу о доисторических народных тысяцких и тысячах надо признать не обоснованной ни в русском материале, ни в сравнительно-исторических наблюдениях.

3. Сотские и сотни

Обратимся к сотням и сотским. Соберем немногие имеющиеся у нас известия о них. Первое упоминание о сотских относится к Киеву; находим его в известном рассказе о пирах Владимира: «Се же паки творяше людемъ своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ, и съцьскимъ, идесяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, баше по изобилію отъ всего. Егда же подѣпяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревяными лжищами, а не серебряными“. Се слышавъ Володимерь повелѣ исковати лжищѣ сребрены ясти дружинѣ рекъ сице: „яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружинѣ, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра“. Бѣ бо Володимерь любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ»⁴¹.

Если взять эту страничку летописи отдельно, как она есть, и спросить себя, кого тут летописец считает дружиной, с которой князь совещается обо всех делах и доискивается всякого добра, то пришлось бы ответить: бояр и гридей, сотских и десятских, нарочитых мужей. И если мы несколько выше в той же характеристике Владимира читаем, что он в день окончания постройки Десятинной церкви «створи праздникъ великъ боляром и старцем градским», то в последних естественно предположить городскую старшину Киева, его сотских и десятских. Наконец, в третьем перечне гостей, созданных по поводу поставления церкви св. Пре-

ной князек — Gaufürst, выродившийся в тунгина, старейшину с судебными функциями. Ср.: *Schröder R. Lehrbuch*. S. 126; *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte*. Bd. 1. S. 202; Leipzig, 1892. Bd. 2. S. 149—156. Такой Gau — целое, а не часть, не подразделение.

⁴¹ Лавр. С. 123—124; Новг. I. С. 73—74.

ображения в Василеве на восьмидневный праздник, встречаем у князя «бояры своя и посадники, и старейшины по вѣмъ градомъ» (Новг. I пишет: «и старѣйшины своя, и посадники своя по вѣмъ градомъ своимъ»⁴²), но и тут найдем все ту же среду, не только на этот раз сосредоточенную в Киеве, но расположенную по всем градом: и праздник был вне Киева, в одном из построенных Владимиром городов, куда он «нарубал мужи лучшие» с севера. Таков буквальный смысл текстов.

О сотских на юге у нас почти нет сведений. Только под 1113 г. читаем уже упоминавшееся известие о том, как киевляне, поднявшись на людей, виновных в обидах народу при князе Святополке Изяславиче, грабили дворы тысяцкого и сотских. М. С. Грушевский⁴³ из этого известия заключает, что сотские были княжими, не народными должностными лицами, и, думаю, заключает правильно.

Древнейшим известием о сотнях в Новгороде был бы их перечень в знаменитом Уставе Ярославем о мостех, который находим в некоторых списках Русской Правды, если бы мы этот текст могли с некоторым основанием отнести к определенному времени⁴⁴: летопись впервые упоминает новгородского сотского мимоходом под 1118 г. В центре Устава о мостех, крайне трудного для толкования^{12*}, стоит, разрывая общую конструкцию текста, перечень десяти сотен новгородских, между которыми распределены городни великого моста на Волхове⁴⁵. «Ста» эти, кроме одного, означенного княжим, названы по личным именам, значение которых неизвестно⁴⁶. Но в этой черте нельзя не признать указания

¹² Лавр. С. 122; Новг. I. С. 72.

¹³ Грушевський М. Історія. Т. 3. С. 225.

⁴⁴ Исследователи давно обратили внимание на упоминаемую в нем церковь свв. Бориса и Глеба: о построении таких церквей летопись упоминает под 1146 и 1167 гг. Погодин считал это вставкой^{11*}. Ср. замечания Карамзина (История государства Российского / Изд. Эйнерлинга. Т. 2. Примеч. 108). Такое же недоумение вызывает во мне термин «тысяцкий», не встречающийся в других текстах ранее XII в.

⁴⁵ Остальные городни (11—19) возложены, по-видимому, на ряды?

⁴⁶ Карамзин предположил, что это имена их старейшин (Там же. Т. 2. С. 38). Среди многочисленных известий о сотенных поселениях у германских племен находим, насколько знаю, примеры такого же наименования сотен только у аламаннов и в Швеции. Бруннер видит в этом указание на сравнительно позднейшее возникновение аламаннских сотен, на их образование, впрочем, уже в VIII в., путем превращения личного союза в территориальную общину, так как очевидно, что наименования произошли от имен тех сотских, при которых имя сотни получило прочное и постоянное значение (Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. S. 161). Шверин поясняет, что, вероятно, эти сотни в предыдущее время или вовсе не имели названий, или назывались каждый раз по имени наличного вождя. Можно принять, что образование названий аламаннских сотен совпало с их «консолидацией» (Redizierung) в поселение: Шверин подчеркивает, что утверждение аламаннов на новой территории было более водворением отдельных отрядов племени, чем колонизирующим завоеванием. Центром и местом сходов одной из сотен (Munigisesuntare) видим виллу Munigisinga: «Была ли эта вилла поселением рода или отряда под предводи-

на организацию сотен под единоличным предводительством сотских в постоянные союзы или группы, игравшие роль определенных единиц в жизни города. Притом сотни — именно городское учреждение; Устав различает их от погостов⁴⁷, но также и от ряда других групп, стоящих внутри города⁴⁸. Они не объемлют ни населения всей земли Новгородской, ни даже всего городского населения Великого Новгорода.

С вопросом о древних новгородских сотнях следует связать известия о новгородских событиях во время княжения Ярослава Владимировича. Ярослав во время смерти отца «кормяше Варягъ много», боясь рати⁴⁹. Насилия этих варягов вывели новгородцев из терпения, и они, собравшись ночью, перебили пришельцев. Разгневанный князь, «собра вои славны тысящу и обольстивъ ихъ исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклѣ, а друзии бѣжаша изъ града»⁵⁰. Повесть временных лет передает этот текст по-своему, называя избитых «нарочитыѣ мужи»⁵¹. Не думаю, чтобы «вои славны тысящу» значило: тысячу знаменитых воинов. . . Это определенные лица, виновные в избиении варягов, нарочитые мужи, руководители ночного нападения на Поромонь двор, где были захвачены варяги врасплох и избиты. Своим актом мести Ярослав расшатал военную поддержку новгородцев, немедленно ему понадобившуюся ввиду действий Святополка. Тогда, собрав «избытокъ Новгородцевъ», он говорит: «Любимая моя и честная дружина, юже выѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топерво ми ихъ златомъ окупитѣ», — и, принеся повинную, зовет их на Святополка. Новгородцы согласились «потягнуть по немъ», а после похода Ярослав «нача вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривень, а смердамъ по гривнѣ, а Новѣгородъчемъ по 10 всѣмъ»⁵².

тельством Мунигиса, или названа она только по имени вождя, во всяком случае вероятно, что это первое поселение в данной сотне и что отсюда пошло дальнейшее расселение при сохранении прежнего центра» (*Schwerin Cl. von. Die altgermanische Hundertschaft. S. 139—140*). Ср. патронимические названия *hundari* в Швеции (*Rietschel S. Die germanische Tausendschaft*).

⁴⁷ Например: тигожане (погост тигодский), коломяне (погост коломенский), нерядичане (погост нередицкий), бережане (погост березский), пидбляне (погост пидебский). Ср.: *Tobien E. S. Die Prawda Russkaja. Dorgat, 1844*.

⁴⁸ Улицы: Бискупля, Прусы, Чюдинцева, Ильинцы, Михайловцы, Видковичи (Витковцы, Витковляне); загорожане — жители Загородья. Иные группы: софьяне, огнищане. Ср.: *Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851*.

⁴⁹ Очевидно, ввиду разрыва Ярослава с Владимиром из-за новгородской дани, которой 2/3 должны были идти в Киев, а треть «Новѣгородъ гридемъ раздаваху», т. е., вероятно, наемной варяжской дружине.

⁵⁰ Новг. I. С. 82.

⁵¹ Лавр. С. 137. Ипат. (С. 98) соединяет оба варианта (ср.: «во дворѣ пони» поправлено на «въ дворѣхъ Пронихъ»; упоминание о Ракоме: «Ракъмъ») и, понимая тысячу буквально, имеет на поле пометку: «исѣче ихъ 1000». Позднейшие редакции так и соединяют; например, Соф. I: «И позва къ себѣ нарочитыя мужи, иже бяху съкли Варягы, и обольстивъ исечѣ 1000 мужъ» (С. 131).

⁵² Новг. I. С. 84. Рассказ, несомненно, сокращенный. В Соф. I, Воскр. летописях находим после первого похода на Святополка, как в Повести временных лет,

В этих текстах отметим термины: «нарочитые мужи, вои славны тысяща», «старосты» (вариант: «старосты свои»), которые вводят, по-видимому, в тот же круг нарочитых мужей, старцев градских, сотских и десятских, старейшин, которых мы видели на пирах и совещаниях в Киеве у Владимира: и там, и тут к ним *in согроге* [в полном составе] одинаково с боярами и гридями применено, между прочим, и слово «дружина». Сопоставления эти приводят наконец к предположению, что «воев славных тысящу» следует приравнять к старшине десяти сотен, перечисленных в «Уставе Ярославем о мостех», рассматривая эту тысячу не как сумму 1000 воинов, а как совокупность 10 сотен. С другой стороны, подобно тому как и на юге в сотских вижу тех же лиц, которые называются старейшинами, старостами, иногда «своими» старейшинами и старостами князя⁵³.

И позднейшие известия представляют нам сотских на юге — в кругу, близком к князю, как тот сотский Микула, который подал князю Данилу Романовичу знаменитый совет: «Не погнетши пчель, меду не ѣдать»⁵⁴; на севере, в Новгороде и Пскове, — в рядах правящей, влиятельной части общества. Это не мелкие управители мелких областных единиц, а значительные должностные лица главного города⁵⁵. Правда, в эпоху развития и расцвета новгородской самостоятельности, в XII—XIII вв., рост значения посадника, тысяцкого и новгородского правительственного совета видимо отодвигает сотских на второй план⁵⁶; но самостоятельность их суда упразднена только договором Ивана III с Великим Новгородом 1471 г.⁵⁷ Печать городской организации, городского значения лежит и на всей дальнейшей истории новгородских сотен как организации купеческой подсудности и купеческих

историю дальнейшей борьбы: побег Ярослава в Новгород, откуда он хотел идти за море к варягам, но новгородцы не пустили, «и начаша скоть сбирати отъ мужа по четыре куны, а отъ старость по десять гривенъ, а отъ боярь по 18 гривенъ, и приведоша варягъ и вдаша имъ скоть», — затем об окончательной победе над Святополком и потом только о наделении воев, с вариантом «старостамъ своимъ» (Соф. I. С. 134; Воскр. С. 326).

⁵³ Термины «старейшины», «старосты», «старцы» вообще менее определены и шире, чем, например, «сотские»; под первое, судя по приведенным выше текстам Лавр., подходят и десятские и вообще всякие «нарочитые мужи». Пока ограничиваюсь указанием на однородность всего круга, обозначаемого этими терминами. Ср. начальные формулы новгородских договоров XIII—начала XIV в.: то благословение от владыки, поклон от посадника, тысяцкого, от всех старейших и от всего Новгорода, то от посадника (или от посадника и от тысяцкого) и от всех старейших и от всех меньших (СГГД. Ч. I. № 1—11).

⁵⁴ Ипат. С. 509.

⁵⁵ «Передние мужи и сътський» (Новг. I. С. 174), их посольства и вообще политическая роль — *passim* [«повсюду», т. е. в различных источниках].

⁵⁶ Ср.: Никитский А. И. Святой великий Иван. С. 203: «До тех пор, пока народный элемент в Новгороде еще не получил полной организации, сотские пользовались большим значением не только в своей собственной сфере, но даже в политических делах».

⁵⁷ «А сотцикм и рядовичам безо князей великих наместника и без посадника не судити нигде» (СГГД. Ч. I. № 20).

государственных повинностей, выделявшей новгородских купцов из среды волостного населения, даже когда они надолго покидали Новгород⁵⁸.

В ином смысле характер не общеволостного, а городского учреждения сохраняют сотни и на юге. Не противоречит этому выводу, а подтверждает его известная, вписанная в летопись грамота, которой князь Мстислав Данилович установил ловчее в Берестье на берестьян за их крамолу: со ста — натурою, а с горожан — 4 гривны кун⁵⁹. Тут население, разделенное на сотни, отличается от горожан, но на него падает кара за политическое поведение городского веча. Отмечу прежде всего некоторые наблюдения, уже сделанные в исторической литературе, которые ведут, по моему мнению, к верному освещению этого явления, заставляя видеть в нем черту не сельской, а городской организации. «Тысяча, — читаем у М. С. Грушевского, — обнимала собою, очевидно, город и городскую околицу, которая к нему тянула: местное ее население делилось на сотни и десятки». Из кары, наложенной на берестьян Мстиславом Даниловичем, Грушевский заключает, что тут «сто» — административно-финансовое подразделение пригородного люда⁶⁰. Но, замечает он, выделение горожан из сотенной организации было, по всей вероятности, фактом позднейшим, судя по городскому ее характеру в Новгороде⁶¹.

В Западной Руси позднейшего времени эта форма господства города над окрестным населением получила широкое развитие: сотенная организация служила орудием для взыскания повинностей с населения, тянувшего ими к городу⁶².

⁵⁸ Ср.: *Никитский А. И.* Святой великий Иван.

⁵⁹ Ипат. С. 613, под 1287 г.

⁶⁰ *Грушевский М.* История. Т. 3. С. 235.

⁶¹ Ниже попробую иначе объяснить это обстоятельство.

⁶² И. А. Линниченко^{13*} говорит: «По нашему мнению, на сотни делилось население, поселенное в ближайших к городам селах. Эти поселенцы получали землю и хозяйственный инвентарь и за это обязаны были службой, т. е. исполнять разные повинности в пользу города и содержать сидевшую в городе дружину» (*Линниченко И. А.* Черты из жизни сословий в юго-западной Руси. М., 1894. С. 74). Затем, изображая положение сотных людей в XV в. по книгам Саноцкого замка, автор указывает, что, по его мнению, «организация населения на сотни не есть древнейшая общая организация всего населения, а лишь специальная организация части населения», именно ближайших к городу сельских поселений, состоящих в особой зависимости и под особыми повинностями в пользу города (Там же. С. 107—112). К сожалению, И. А. Линниченко мысли своей не развил, ограничившись несколько сбивчивыми намеками. Грушевский, признавая зависимость от замка полусвободное состояние Саноцких сотных людей, считает, однако, слишком смелой попытку обобщить их характеристику на всех сотных людей, а тем более установить их связь со старорусской сотенной организацией. «Конечно, — говорит он, — возможно, что как эта сотенная организация из общей стала специальной (в одних местностях специально сельской, в других — специально городской), так в Саночине она перешла на несвободный замковый люд, но из этого еще нельзя делать вывод, что в древней Руси была она особен-

Ту же функцию сотенная организация исполняла по отношению к городам в древней Польше. Она тесно связана тут с так называемой гродовой организацией, созданной развитием княжеской власти, опершей свою силу на гродах, рассеянных по волостям. По гrodom древнепольский князь размещал дружину, в гrodom центры его имущественного обеспечения. К каждому гроду тянет работой и повинностями часть населения волости, выделенная из общей массы особой организацией в сотни и десятки⁶³.

Оставив пока в стороне все эти явления, вернемся к Новгородской земле. Построение городской области-земли на господстве главного города над населением волостей нигде не развернулось с такой интенсивностью и в такой территориальной широте, как в Новгороде и его младшем брате Пскове. Но тут не видим деления зависимо от города сельского населения на сотни. Напротив, известная формула договоров Новгорода с князьями, требующая, чтобы князь прочь отпустил людей, ставших его закладниками: «А купецъ поидеть въ свое сто, а смердъ поидеть въ свой погостъ», резко выдвигает городской характер сотен. Буквальное понимание этой формулы, предполагающей, что кто бы ни стал княжеским закладником, он окажется либо купцом, либо смердом, заставило бы признать, что все население земли Новгородской делится на купцов и смердов, под чем пришлось бы разумеать население городское и сельское, организованное первое — в сотни, второе — по погостам. Но мы знаем, что не все, кто жил в Новгороде, числились в сотнях. Вне сотен стояло боярство. Некоторое сомнение вызывает принадлежность к сотням высших разрядов купечества и житейх людей⁶⁴, но оно, по-видимому, навеяно чертами позднейшей эволюции, когда организации иного типа начинают в XII и XIII вв. стеснять и отодвигать на второй план первоначальное значение сотен в новгородской жизни.

ностью подобного же несвободного подгородного населения» (*Грушевский М.* История. Т. 5, ч. 1. С. 147—149). Вопрос требует, конечно, иной постановки.

⁶³ *Potkański K.* Geneza organizacji grodowej w Polsce // SAU. 1905. Т. 10, N 4; *Kutrzeba St.* Dawny zarząd Wawelu // Rocznik Krakowski. Kraków, 1906. Т. 8; *Курибеа Ст.* Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907. К сожалению, вопрос об организации зависимо от княжих гродов населения — один из самых темных и запутанных вопросов польской старины. Ср. ниже по поводу десятков.

⁶⁴ Никитский довольно сбивчиво толкует об этом вопросе, признавая ряды торговыми, купеческими товариществами и заключая из этого (?), что сотни обнимали остальное население, и притом ссылается на московское подразделение «сотен на гостинные, суконные и т. п., с одной стороны, и на черные, с другой». Но ряды он верно назвал торговыми организациями, а сотни — административная единица^{14*}. Только с образованием «Иваньской» организации и особенно с развитием компетенции тысяцкого стали сотни постепенно терять свое значение, но характер судебно-административной инстанции, вне ведения которой был, вероятно, только боярский класс, сохранялся до XV в. Попытку Никитского установить различие купеческих и черных сотен в Новгороде нельзя признать удачной.

Можно согласиться с Никитским, что масса не только купечества в собственном смысле слова, но и мелкого торгово-промышленного люда, черных людей, входили в сотенную организацию. С этим следует сопоставить не только упомянутую выше формулу договоров (купец — в свое сто, смерд — в погост), но также их требование, чтобы князья и судьи по волостям сохраняли подсудность купцов исключительно суду новгородскому: «а купчины въ силу не судити въ волости»⁶⁵. Эта централизация в Новгороде всего заведования торгово-промышленным людом в связи с такой же централизацией всех дел населения частновладельческих земель и сильной зависимостью смердов придавала земле Новгородской подлинный склад городской области, служащей интересам главного города и ему подвластной.

Между сотенной организацией новгородского городского населения и теми наблюдениями над «сотными» людьми Западной Руси и древней Польши, которые были выше упомянуты, так мало сходства, что попытка И. А. Линниченко поставить их в связь естественно вызвала скептические замечания М. С. Грушевского. Но ими вопрос отнюдь не решается. Попробуем расширить сферу наших наблюдений.

Быть может, краткая справка по вопросу о сотнях в среде германских племен поможет при скудости наших сведений выяснить и полную беспочвенность гипотезы о широкой тысячно-сотенной организации племен славянских в доисторические времена, и характер, какой следует приписать сотням новгородским, если признать их одним из древнейших учреждений новгородского городского строя.

Вопрос о сотнях в Западной Европе имеет весьма обширную литературу, обзор которой можно найти в упомянутой книге Шверина⁶⁶. Недавно к тщательному пересмотру его приступил и Ритшель⁶⁷, труд которого, к сожалению, еще не закончен.

Весь обширный материал, собранный исследователями древнегерманского быта, не содержит указаний на явления, которые были бы вполне аналогичны нашим древнерусским городским сотням или западнорусским и польским сотным людям, тянувшим повинностями к городу. Сотни, о которых идет речь там, на За-

⁶⁵ СГГД. Ч. 1. № 10. Никитский указывает и на свободу купцов от отбывания повинностей по волостям, толкуя так статью: «А у купецъ повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти»; в том же смысле понимает он и рассказ Новг. I под 1209 г. (С. 191), как вече поднялось на посадника Дмитра за повеление: «на Новгородцехъ сребро имати, а по волости куры (куны?) брати, а по купцемъ виру дикую и повозы возити». Никитский видит тут протест против попытки привлечь купцов к дикой вине и повозам по волостям, тогда как все их повинности сосредоточивались в сотнях^{15*}.

⁶⁶ Schwerin Cl. F. von. Die altgermanische Hundertschaft. S. 32—53.

⁶⁷ Reitschel S. Untersuchungen zur Geschichte der Germanischen Hundertschaft. Teil I: Die skandinavische und angelsächsische Hundertschaft // ZSSR. GA. 1907. Bd. 28.

паде, — это организация волостных людей, сказать по-нашему, и содержат они немало черт, которые дали бы скорее повод для сопоставления их с вервью Русской Правды или польским ополем (дикая вира, обязанность гнать след и т. п.). Но существенные черты германского сотенного строя, где он наблюдается, все-таки представляют для нас интерес в данной связи. И прежде всего то, что сотенные организации связаны с оккупацией новых мест поселения, что она не распространена равномерно, а составляет отличие центров нового племенного властвования. Так, в Швеции сплошную сеть *hundari* [сотен] наблюдаем в основной территории шведов — в области по озеру Меларен⁶⁸; позднее колонизованные и слабонаселенные территории севера и вообще подчиненные земли либо вовсе не знают сотенного деления, либо оно в них носит черты позднейшего, более или менее искусственного введения. Исследования Шверина и Ритшеля одинаково приводят к заключению, что сотни этого типа — продукт племенного переселения на новую территорию и что они отсутствовали там, где происходила постепенная колонизация отдельными группами областей, открывавших более или менее широкий простор расселению. Сотенная организация — создание единовременной и властной оккупации земли⁶⁹.

Что до ее происхождения, то Шверин доказывает невозможность свести ее к какому бы то ни было арифметическому основанию, в делении ли войска на отряды с определенным числом воинов или в разделе земли на волости с определенным числом земельных участков (гуф). Ритшель не идет так далеко. Для него суть дела в том, что по оккупации «делили страну на такое же число приблизительно равных округов и отводили каждому отделу такой округ для дальнейшего раздела. Эти отделы и эти округа и были сотни, которые получили свое название от дальнейшего раздела», хотя арифметические основы раздела бывали различны; название «сотня» указывает на значение сотенного счисления, при котором 100 основных единиц группировались при расселении в комплексы по 5, 10, 15, 20, 25; в Швеции наблюдается раздел сотен на трети и чети, что говорит в пользу двенадцатичного счисления, и на осьмины ($1/2$ чети), как в тех частях Англии, где прошла датская сила^{16*}, деление на единицы в 6-кратные шести карукат, единиц хозяйственного быта⁷⁰. Так, Ритшель отстаивает поземельное основание сотенной системы, отрицая, как и Шверин,

⁶⁸ Uppland, Södermanland, Westmanland (*Reitschel S. Untersuchungen; Hildebrand H. Das Heidnische Zeitalter in Schweden. Hamburg, 1873. S. 203*).

⁶⁹ Под это определение подходит и происхождение аламанных сотен как особый вариант (см. выше).

⁷⁰ Виноградов^{17*}, Мэтланд^{18*}, Роунд^{19*} считают эту систему для Англии счетной, связанной с приемами податного обложения. Ритшель видит в ней аграрную реальность, созданную условиями первоначального раздела земли при расселении.

за ней значение, хотя бы во времена доисторические, формы военного строя. Как естественно для вопросов столь большой сложности и спорности, критическая сторона его аргументации сильнее положительной; и вопросу о первичной реальной основе, на которой выросла сотенная система, вероятно, долго еще суждено оставаться спорным. Русскому историку по отношению к родным древностям нет повода подымать вопрос о поземельном характере тех сотен, какие наблюдаются сквозь смутные намеки источников в древней Руси. Перед ним вопрос о сотнях — городских учреждениях, а не форме волостного быта. По той же причине немного помогло бы объяснению, например, новгородских сотен торжество теории о происхождении германских из древнего подразделения вооруженного народа на отделы: общеплеменным учреждением они не были ни в среде восточного славянства, ни у славян вообще.

Но гипотеза эта, удобная по простоте и потому, что берет готовой предпосылкой как раз то явление, которое всего труднее поддается объяснению, пришла в литературном развитии своем даже у сторонников к тому, что держаться может лишь оговорками, что под словом «сто» нельзя разуметь более или менее определенного и устойчивого числового представления⁷¹; и вывод Шверина, что сотни надо рассматривать как поселения переселенческих групп, неопределенных по количеству особей⁷², представляется вполне естественным итогом истории вопроса. Сам этот вывод, однако, предполагает, что в основе сотенного поселения лежит известная группировка лиц в союзе — не территориального, а личного характера⁷³. И раз подчеркивается, что сотни возникли при оккупации новых территорий переселяющимся племенем в противоположность постепенной колонизации разрозненными группами переселенцев, то, какого бы происхождения ни была эта группировка, она получает окраску группы

⁷¹ Ср. историю ее и критику у Шверина (*Schwerin Cl. von. Die altgermanische Hundertschaft. S. 3—31*).

⁷² «...Als Niederlassungsgebiet eines unbestimmt grossen, wandernden Haufens» [«...как область поселения переселяющейся группы, неопределенной по величине»].

⁷³ Ср.: *Beauchet L. Histoire de la propriété foncière en Suède. P., 1904. P. 207*: «A l'origine, probablement, le hârad (hundari) n'était qu'un simple lien personnel entre les divers groupes de colons qui avaient occupé une même contrée, une dispersion de la tribu, dont les divers membres se tenaient par des liens de parenté plus ou moins éloignés, et plus tard seulement il constitua une division territoriale» [«Первоначально, вероятно, hârad (hundari) — добавлено А. Е. Пресняковым. — М. С.) был только простой межличностной связью различных групп поселенцев, которые заняли одну область, зону распространения племени, различные члены которого удерживались совместно более или менее отдаленными связями родства, а только позднее он представлял собой территориальное деление»]. Кровную основу состава сотенных союзов допускает и Ритшель в том смысле, что при образовании отдельных групп для поселения (*Ansiedelungverbände*) естественным материалом служили семьи, связанные кровным родством и общим происхождением.

завоевателей, овладевающих территорией для поселения в новых владениях. Ритшель находит сотни там только, где территория была «wirklich volksmässig erobert und besiedelt» [«в самом деле всенародно завоевана и заселена»]. Шверин, как мы видели, отмечает некоторые отличия аламаннского расселения: но и там перед нами организация властного захвата.

Крупное отличие воззрений Ритшеля и Шверина от «Heeres-theorie» [«войсковой теории»] в том, что они устраняют мираж тысячно-сотенной организации как основы и древнейшего военного строя и расселения, представляя себе сотни новообразованием, возникающим как результат устройства племенного быта на новых местах.

Но каковы функции германской сотни по расселению? Прежде всего это не единица военной организации. Мы нигде не видим сотню идущей в поход или посылающей в ополчение сто воинов⁷⁴.

Если сотня имеет отношение к военному делу, то лишь как территория, на которую падает известное число воинов, различное, как различны размеры сотен. Основное значение сотни — в ее роли как центра всего уклада жизни, правовой и административной, экономической и религиозной. Сотня — судебный округ, в ее центре место собраний судебных⁷⁵. Сотня — союз охраны земского мира, ответственной за каждое преступление, виновника которого она не укажет и не выдаст. По сотням разверстываются повинности.

Она часто владеет угодьями, находящимися в пользовании составляющих ее поселков, имеет свой центр культа, в христианское время — сотенную церковь. Сотня и составляющие ее поселки — реальная основа, на которую опирается примитивное государство.

Что общего у этой сотни с сотнями новгородскими? Не так мало, как может представиться на первый взгляд. На основании того, что мы об этих последних знаем, можем сказать, что сотни были в Новгороде основным судебно-административным учреждением для городского населения и в то же время формой организации его торгово-промышленного населения. По намекам, правда весьма скудным, Никитский в не раз упоминавшейся работе устанавливает понятие о сотнях как организации повинностей новгородского купечества, предполагая также связь круговой по-

⁷⁴ Шрёдер называет сотню тактической единицей — в тексте (*Schröder R. Lehrbuch*. S. 20, 36; ср. S. 38, Anm. 8); ср.: *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte*. Bd. 1. S. 180—195 и критику Шверина (*Schwerin Cl. von. Die altgermanische Hundertschaft*. S. 73—109).

⁷⁵ Это значение сотни Стеббс^{20*} для Англии готов признать основным с переносом позднее названия судебного округа на его территорию (*Stubbs W. Histoire constitutionnelle de l'Angleterre* / Ed. par Ch. Petit-Dutaillis. P., 1907. Vol. 1. P. 119).

руки по охране мира чертою сотен. Однородность, по существу, функций сотен новгородских и сотен германских в составе тех политических организмов, которых они были частями, представляется по меньшей мере весьма вероятной.

Заключение это побуждает коснуться еще одного темного вопроса. Летописный рассказ о пирах Владимира упоминает рядом с сотскими десятских. Десятки и десятских знают и западные источники. Но даже сторонники тысячно-сотенной военной организации готовы видеть там, где есть повод признать десятских военной должностью, заимствование из римского военного строя⁷⁶. Об основном и общем их значении как военной единицы нет основания говорить. Для Англии, где десятки играли особо видную роль, нет, по замечанию Ритшеля, и речи, чтобы сотне соответствовало десять десятков. Наблюдаемые в источниках десятки — искусственные группы, постоянно меняющиеся в составе⁷⁷. Характерна для них связь с системой взаимной поруки (*franc pleige*). В этом смысле законы Этельстана и Эдгара^{21*}, требующие, чтобы каждый человек имел поручителя, который обязан представить его в суд или отвечать за него, положили основание для требования закона Кнута^{22*}, поставившего право каждого свободного на судебную защиту (на принесение очистительной присяги, если он обвиняемый, и на виру за него) в зависимости от того, состоит ли он в сотне и десятке⁷⁸. Во времена Генриха I^{23*} это правило формулируется как требование, чтобы каждый, кто хочет пользоваться правами свободного, состоял в сотне и десятке, т. е. в свободной поруке⁷⁹; по этим же узаконениям (1114—1118 гг.), одна из главных обязанностей сотенных собраний — проверка состава десятков⁸⁰. Кроме общей поруки друг за друга в смысле ответственного надзора, на десятках лежат и другие обязанности, например гонение следа.

⁷⁶ Schröder R. Lehrbuch. S. 157.

⁷⁷ Лишь позднее и только в некоторых местностях Англии они стали территориальными единицами (ср.: Pollock F., Maitland F. W. History of English law before the time of Edward I. Cambridge, 1895. T. I. P. 568).

⁷⁸ Stubbs W. Histoire. Vol. I. P. 108—109; ср.: Pollock F., Maitland F. W. History. T. I. P. 568; Liebermann F. Gesetze der Angelsachsen. Halle a/S., 1898. Bd. I. S. 151—153, Anm. 2; S. 203, Anm. 6; S. 211, Anm. 3; S. 323, Anm. 20, 20a.

⁷⁹ Liebermann F. Gesetze. Bd. I. S. 554: «Ut a duodecimo etatis sue anno et in hundredo sit et decima, vel plegio liberali quisquis vere vel vite vel jure liberi dignus curat estimari» [«Чтобы с двенадцати лет состоял в сотне и десятке, или каждый находился в свободной поруке и был удостоен свободного права»].

⁸⁰ Сотенные собрания должны собираться дважды в год «speciali plenitudine» — «ad dinoscendum. . . si decanie plene sint, vel qui, quomodo, qua ratione recesserint vel supercreverint» [«с особой полнотой» — «чтобы узнать . . . в полном ли составе десятки или кто, каким образом, по какой причине в одних — недостача, а в других — переполнение»]. Десятки состоят под начальством десятских: «presit autem singulis hominum novenis decimus» [«во главе же девяти человек стоит десятый»], как во главе всей сотни «unus de melioribus» [«один из лучших»], именуемый «aldermannus» [«старейшина»].

Но какое общее значение может иметь это искусственное и установленное властью английских королей развитие полицейского порядка? Что может оно дать изучению русских древностей? Дело в том, что, во-первых, имеются намеки на иную и более древнюю основу, на которую это развитие опиралось, а во-вторых, на западнорусской почве сотенная организация в позднейшее время приняла формы, во многом сходные с теми, какие придали английским сотням законодательство о поруке. Помянутые намеки указывают на существование в Англии десятков ранее, чем развилось это законодательство, и притом они стоят в связи с системой повинностей: по-видимому, эта организация служила для их взыскания⁸¹.

Многими веками позднее и на противоположном конце Европы наблюдаем такие порядки⁸²: в селах Галицкой земли крестьяне,

⁸¹ Ср. полные колебаний рассуждения Стеббса (*Stubbs W. Histoire. Vol. I. P. 106—107*); он предполагает связь десятков с церковной десятиной. Тексты Беды о даровании королем Осви (*Baeda III, 24 — Baedae historia ecclesiastica gentis Anglorum / Ed. A. Holder. Freiburg; Berlin; Tübingen, 1882*) монастырю 12 участков земли (*donatis XII possessionibus terrarum*), из которых каждый во владении X семей (*singulae vero possessiones X erant familiarum*) с освобождением от военной повинности побудил Сибому^{24*} признать эти десятки группами несвободных или полусвободных держальцев. Возражая против признания этих семей сервами ввиду воинской повинности, Мэтланд указывает, что за освобождение от воинской повинности эти семьи обложены тяглом в пользу монастыря (*Maitland E. W. Domesday book and beyond. Cambridge, 1897. P. 361, 512*). Стеббс указывает на «финансовое» значение десятков.

⁸² *Линниченко И. А. Черты из жизни. С. 113—114.* Организация служебных людей в десятки встречается и в старой Польше в известиях XII—XIII вв. Историки относят ее к древнейшим временам польского строя, причем видят в ней организацию несвободной челяди. Так, Пекосиньский объясняет ее поселением военнопленных селами по десяткам, под ведением сотского; десятки эти служат гроду княжому, и вся их организация связана с «гродовым» строем. Известия о них находим в грамотах XII—XIII вв., дающих земли с десятками церковным учреждениям, с повинностями (строжа, стан, нараз, повоз), *не лежавшими на холопах* (*Piekosiński Fr. O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnym ustroju // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności. Kraków, 1881. T. 14; Idem. Ludność wieśniacza w Polsce w dobie piastowskiej. Kraków, 1896*). Однако и О. Бальцер полагает, что *decimi* — невольники, поселенные по системе десятков (*Balzer O. Historia ustroju Polski // SAU. 1905. T. 10, N 8. S. 13*). А между тем результаты анализа известий о *decimi* и сотнях сильно страдают от недостаточного различения рабского элемента, с одной, и несвободного населения — крепостного (*ascriptii*) — с другой стороны, различения, имеющего огромное значение для вопроса о происхождении сотенной организации. Ср.: *Potkański K. Opractwo pałaczymski grodzie (RAU. Wydz. hist.-filoz. Ser. 2. 1902. T. 18. S. 157)*: «Организации десятинной подлежало несвободное население разных категорий... прежде всего, невольники в собственном смысле слова, а кроме них население, непосредственно связанное с гродовой организацией, и также *ascripticii*». Ст. Закжевский^{25*} говорит о составе сотни: «*setka niewolników lub poddanych*» [«сотня рабов или подданных»], как бы это различие ни было принципиальным, и т. п. Причина отчасти в том, что слишком часто слово *servus* передается «невольник», несмотря на то что встречается же в документах для обозначения шляхтича *pobillis servus*! Только разрыв с традицией, связавшей в польской исторической литературе представление о сотенной организации с представлением

сидевшие на русском праве, пользовались лишь ограниченным правом выхода: не имеет его крестьянин, состоящий в числе, *in puthgo*; в случае спора о таком праве в село посылался пристав, чтобы «доличиться», и если окажется, что десяток, из которого выходит крестьянин, и без него полон, то он получает право выхода, если же он *in puthgo*, то нет. Речь идет о селах, состоящих во владении частных лиц — шляхты. Но нельзя не согласиться с И. А. Линниченко, что организация эта связана с сотенным строем сотных людей; владельческие крестьяне живут тут еще по старым своим порядкам.

Аналогия столь своеобразна, что объяснить ее можно только происхождением этих усложненных, применительно к новым условиям, форм из переработки учреждений более древних, в основе тождественных.

Все собранные на предыдущих страницах наблюдения приводят к следующему общему выводу. Нет основания говорить о тысячно-сотенной организации как о древнейшей форме военного строя. В сотнях (с их подразделением на десятки, где оно существовало) видим судебно-административные учреждения, основную ячейку того, что можно назвать древнейшей государственной организацией. Она не обнимала массы сельского населения, а типична в Новгороде, как, конечно, и в Киеве, для городского строя. Притом в древней Руси не заметно следов того порядка, какой замечается в юго-западной Руси позднее: даже в Новгородской земле, где больше, чем где-либо, развилось господство города над областью, повинности и вообще зависимость смердов не стоит ни в какой связи с сотенной организацией.

То определение характера новгородских сотен, какое пытаются установить, быть может, противоречит представлению о властной новгородской общине: на сотнях лежит печать организации прежде всего ответственности и повинностей. Впечатление это связано с другим вопросом, более существенным: как объяснить то обстоятельство, что сотни в Новгороде стали городским учреждением?

Отвергая происхождение сотен из мнимой общеславянской тысячно-сотенной организации и не имея даже повода искать их колонизационную основу, не могу видеть в них учреждение, выросшее на Руси в условиях племенного быта. Их надо признать явлением, возникшим в связи с развитием городского строя и преобладания городов над землями-волостями. Некоторые черты

о неволе, откроет путь к ее объяснению. Позднейший серваж, так называемый *decimī*, не должен влиять на решение вопроса о происхождении их организации (*Zakrzewski St. Ze studiów nad bullą z.r. 1136 // RAU. Wydz. hist.-filoz. Ser. 2. 1902. T. 17; Idem. Nadania na rzecz. Chrystyana, biskupa pruskiego // Ibid.; Bujak Fr. Studia nad osadnictwem Małonolski // Ibid. 1905. T. 22.*

из области древностей новгородских могут послужить для освещения этого вопроса. Новгород был общиной сложного состава. И. Е. Забелин⁸³ древнейшим поселением называет Славно, возвышенную местность на правом берегу Волхова, а на другом холме на том же берегу — Городище. На них лежит печать княжого и дружинного центра, и Забелин находит, что «зародыш Новгорода не мог быть родовым — он был дружинный». Далее, основная часть Новгорода — четыре конца: Славенский и Плотницкий, Людин и Неревский. Загородье долго оставалось вне городской организации, как, вероятно, и другие пригородные поселения. Восстановить постепенное нарастание Новгорода и его внутренней организации — дело невозможное. Но вспомним, что еще в XIV в. концы стоят рядом как особые единицы, часто различные по своим тенденциям. Летописи сохранили нам ценный рассказ о кончанской усобице в 80-х годах XIV в., где все концы с тысяцким во главе стоят против Славенского⁸⁴. Едва ли такая группировка случайна. Славенский конец — княжой и боярский, центр того элемента, противовесом которому служила купеческая организация с тысяцким во главе. И уставы князя Всеволода Мстиславича дают любопытные указания. Освобождая «домъ святѣй Софѣи и святого Ивана» от власти наместников и бояр княжих, предоставляя «домъ святѣй Софѣи владыкамъ строить съ сотчкыми, а старостамъ и торговцамъ, докладывая владыкы и кто будетъ нашего рода князей въ Новѣгородѣ, строити домъ святого Ивана», Устав «о церковныхъ судѣхъ и о людехъ, и мирилѣхъ торговыхъ», за которым последовало создание особой купеческой организации под руководством тысяцкого, кладет основание политическому освобождению тех элементов, которые входили в состав сотен и торговых рядов, ставшему исходным пунктом дальнейшего развития их силы и значения в новгородской жизни.

⁸³ См. страницы, посвященные Новгороду, в кн.: *Забелин И.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. С. 74—79; ср.: *Красов И.* О местоположении.

⁸⁴ Дело вышло из-за литовского князя Патрикия Наримунтовича. За него стоял Славенский конец, собиравшийся вечею на Ярославле дворе, а три левобережных конца и с ними тысяцкий Иосиф с Плотницким концом — против. «И бысть на черкисовѣ недѣли въ четвертокъ удариша Славенский конецъ на тысяцкого на Есифовъ дворъ съ вѣча со Ярославля двора, и Плотничане тысяцкого Есифа не выдаша и биша грабежниковъ и полупиша. . . И бысть на мясопустной недѣли во вторникъ, февраля 9, dospѣша три конци, Неревьский, Загородский, Людинъ, на Славенский конецъ и стояша у святѣй Софѣи на вѣчи, всякий въ оружии аки на рать, отъ обѣда и до вечернии, и Плотницкой конецъ, съславя послы съ тремя конци, на Славлянъ хотѣша ити, а заутра въ среду не потягнуша Плотничане на Славлянъ съ тремя конци, и три конци списаша грамоты во одина слова обѣтныи. И Славляне собѣ dospѣвъ стояша со княземъ на вѣчи на Ярославли дворѣ. . . и въ четвертокъ Славляне отъ своей сторонѣ мостъ великий переметаша промежи двѣма городнями. И по усобной той рати поидоша вся пять концовъ въ одиначество. . . и грамоту списаша съ княземъ и запечаташа на вѣчъ на Ярославль дворѣ» (ПСРЛ. Т. IV. С. 90—91, под 1384 г.). Ср. краткое известие Новг. I. С. 371.

Выше сотни новгородские названы неоднократно городским учреждением. Точнее было бы сказать, что это учреждение посадское, по московской терминологии. Сотни новгородские — организации торгово-промышленных, демократических элементов Новгорода под властью княжеско-боярской силы. Таким представляется мне их основное и первоначальное значение⁸⁵. По существу, это все та же форма организации власти княжого города над стянутым к нему населением, как в польских гродах и западнорусских замках с их пригородными сотными людьми. Глубокое социально-политическое различие судеб обнятого этими формами населения не должно скрывать основного тождества самих форм.

4. Город и волости-земли

Общее представление о сотнях, какое вытекает из предыдущих заметок о них, вызывает сомнение, чтобы тот городской строй, в котором не можем не отвести значительного места сотням, был на ранней заре русской исторической жизни строем самоуправляющейся народной общины. Сомнение это не рассеивается тем, что на Западе сотенные общины были бытовой опорой именно народного самоуправления. Там они выросли из оккупации территорий народом-завоевателем или отдельными организованными его отрядами и по расселению являются составными частями земель, носительниц политического быта. Эти земли, а не сотни, носительницы народного самоуправления. Сотни и в этом строе лишь подчиненные единицы, средства организации судебно-полицейского, административного порядка, а не самодовлеющие единицы. Элементы местного самоуправления в их деятельности играют лишь второстепенную роль. Этот служебный характер сотенных учреждений не сам по себе вызывает сомнение в том, чтобы древнейшая история наша знала самоуправляющуюся городскую общину, а в связи с отсутствием для той поры указаний на деятельность веча. Ученые мнения, приведенные в первом параграфе этой главы, не разрешают последнего вопроса в положительном смысле. Правда, В. И. Сергеевич ставит такое утверждение. Но его собственная теория происхождения городов и подчинения ими волостей заставила бы признать древнейшие веча собраниями предприимчивых основателей городов, групп смешанного состава, в представление о которых крайне трудно вложить какое-либо отчетливое содержание. Важнее отсутствие всяких указаний на вечевую деятельность до XI в. В. О. Ключевский заменяет их гипотезой власти олигархии торгово-промышленной аристократии, М. Ф. Владимирский-Буданов — значением

⁸⁵ Этим можно объяснить и отмеченное Никитским постепенное падение значения сотен и сотских в эпоху развития новгородской вольности.

старейшин, лучших людей, видя в их выступлениях переход от племенных собраний к вечевым в собственном смысле слова. Но и эти представления мало удовлетворяют. Самое существование торгово-промышленной аристократии в доисторические времена надо признать по меньшей мере недоказанным, а своеобразное представительство лучших людей, собранных в главном городе, — гипотеза, созданная, чтобы получить генетическую цепь между племенными собраниями и городскими вечеми, страдает значительной неопределенностью: предполагаемые ею «лучшие люди» не то богатством, не то знатностью, не то властью определены, причем едва ли возможно эту гипотезу разработать, объяснив, на каком бытовом фундаменте, на каком строе жизни населения такое представительство опиралось. Во всяком случае, воззрения Ключевского и Буданова не дают утвердительного ответа на вопрос о глубокой древности вечевого строя, а пробуют только определить те общественные силы, с которыми приходилось считаться княжеской власти с древнейших времен.

Думаю, что вопрос этот следует и поставить, и осветить несколько иначе. Отсутствие указаний на вечевую деятельность в древнейших времена стоит рядом с преданиями, в которых ярко выступает организующая и завоевательная деятельность князей. Чтение древнейших летописных сводов без всякой предвзятой мысли не дает представления о том, что князья-пришельцы нашли готовый и сложный строй городских областей и народных войск, а побуждает признать, что они создавали условия своей деятельности на более примитивной почве.

Выше уже приходилось касаться летописных рассказов о военных действиях древнерусских князей. Нельзя не признать, что в них дружина в техническом смысле слова не играет роли главной военной силы князя. Княжая дружина выступает лишь небольшим ядром в составе боевых сил. Для более значительных предприятий князья набирают воев. А с одной дружиной, и притом со всей дружиной, князья не в походы ходят, а в полюдье, по дань. Святослав спешит из Болгарии при вести о печенежском нападении к Киеву на помощь вборзе с дружиною своею, но бьется с печенегами, собрав «вои»^{85а}. И даже в истории похода на Византию 1043 г. видим, что, когда буря разбила русские корабли, дружина уместилась, по-видимому, на одном судне, а «вои многи» должны возвращаться берегом⁸⁶. Притом эти «вои» — не готовое войско, а организуемое князем, и состоит оно под властью, под начальством его воеводы⁸⁷. Этот воевода X—XI вв., исторический

^{85а} Лавр. С. 66, под 968 г.

⁸⁶ Там же. С. 150.

⁸⁷ Ср. выражения летописи в рассказе о древнейших временах «собра вои», князь сыну «вда вои многи» с такими позднейшими диалогами: «потягните по мнѣ», «пойдете по мнѣ», «ать же пойдемъ и всяка душа», «хотя и съ дѣтми», «можемъ по тобѣ бороти» и т. п.

предшественник тысяцкого, «князь мужъ», стоящий во главе ополчения воев. Дружина тесно связана с князем, и у княжих мужей бывала своя дружина. Но воевода упоминается в походах, когда идут вои⁸⁸. Своего воеводы «народное войско» не знает, а получает его от князя. Без организующей деятельности князя и княжого воеводы население не может мобилизовать своих сил: когда в 1068 г. люди киевские решили биться с половцами, они обращаются к князю: «Да вдай, княже, оружия и кони», — и, получив отказ, поднимаются на воеводу Коснячкя.

Ополчение воев, народное войско в древней Руси — создание княжой организующей силы. Иначе ли обстоит дело с городским строем и объединением под властью города земель-волостей? Думаю, что нет. Высказанные В. И. Сергеевичем предположения о возникновении городских волостей верно отражают основной характер этого явления. «Не на мирный характер первоначальных людских отношений, — читаем у него, — указывает и городовое устройство волости: это система укрепленных мест»; и далее: «... допустить мирное и согласное участие всего племени в сооружении городов и в созидании первоначальных волостей очень трудно»; «скрытый от глаз историка процесс возникновения первоначальных волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а с оружием в руках», «центр волости город, к нему тянет земля, огражденная пригородами, сила, создавшая такую волость, должна была выйти из города»⁸⁹.

Не думаю только, чтобы было основание считать процесс возникновения древнерусских городских областей завершившимся в доисторические, «доваряжские» времена. Если древнейшие предания летописи уже знают города, то знают они и ряд племен, постепенно «примученных» князьями и постепенно втянутых в городской строй. Не вижу оснований искать носителей организующих городской строй сил вне князей, вне варяжских вождей⁹⁰. Но сам по себе это вопрос второстепенный. Важнее было бы дополнить представление о том, что сила, создавшая городские волости, вышла из городов, выводом, что эта сила, создавшая городской строй в той форме, которая стала исходным пунктом исторического развития восточного славянства, есть сила княжая.

⁸⁸ Например: «Посла Ярославъ сына . . . и вда ему вои многы, а воеводство поручи Вышатъ» (Там же. С. 150). О воеводе ср.: *Пресняков А. Е.* Кормилец, воевода, тысяцкий // *ИОРЯС*. СПб., 1908. Т. 13, кн. 1. С. 163. «Наши тексты представляют древнерусского воеводу определенным должностным лицом, причем при каждом князе мы видим одновременно лишь одного воеводу; об этом лице имел какие-то сведения Ибн Фадлан²⁶, когда писал, что у русского князя «есть наместник, который предводительствует войсками, нападает на врагов и заступает его место у подданных (или: в управлении)» (*Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 101—102).

⁸⁹ *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 11—12.

⁹⁰ «Придоста два варяга и нарекося князем» (Новг. I. С. 4) — явление, которое, наверное, можно назвать и «дорюриковым».

Указание на это вижу в характере сотенной организации, которую надо признать весьма древним элементом городского строя хотя бы ввиду указаний на сотских в летописном рассказе о пирах Владимира. Это судебно-административная организация частей того городского или посадского целого, для которого нельзя установить в древнейшую пору определения как свободной вечевой общины. И объяснение ее возникновения нахожу в тех же чертах княжой деятельности, какие указаны в летописных преданиях о военных событиях той эпохи. Военные вожди, окруженные незначительной по количеству дружиной, организуют в Новгороде, затем в Киеве⁹¹ население пригородных поселений — посадов в сотни, закладывая тем самым основание городского строя, новой формы быта, стоящей в такой же противоположности формам племенного народного быта, как город — волости, земле. Они, по всей вероятности, пользовались этой организацией и для создания военных ополчений, хотя такую связь сотенной организации с военным делом нельзя ставить во главу угла, считая сами сотни делением военным.

Говоря так, не имею в виду настаивать, что стоявшие во главе сотен — сотские, старосты — были непременно княжими людьми, а не выборными, хотя такое положение было бы легче защищать, держась текстов буквально, чем противоположное. Считаю даже не лишним указать на возможность различия между сотскими, с одной, и старостами, старейшинами, с другой стороны. Сотские стоят во главе сотен, а сохраненные Ярославом Уставом о мостех названия сотен по личным именам говорят скорее об организации их под заведованием постоянных вождей, если это, как думал Карамзин, название по именам старейшин. Старосты в известии из времен Ярослава имеют, по-видимому, отношение к смердам, а не сотням, и едва ли можно их себе представлять выборными

⁹¹ А. А. Шахматов ставит вопрос несколько иначе, объясняя различие в судьбах имени Русь на севере и юге различием ролей, в каких там и тут выступают варяги. На севере пришельцы нашли нетронутое господство племенного быта, роль их свелась к собиранию дани, и они остаются «на поверхности чуждого им племенного быта». На юге варяги «появляются не в качестве данщиков и насильников, а в качестве дружинников и торговцев, захватывающих в свои руки власть», найдя тут «племенной быт полян и северян, значительно пошатнувшийся благодаря общим условиям жизни Южной России». Но и А. А. Шахматов видит в варягах силу, создавшую строй городских областей-земель: «На юге появление варягов в городах меняет весь строй жизни этих городов и тянувших к ним волостей: города возвышаются до значения политических центров, в них скапливаются значительные военные силы» (*Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. IX, кн. 2*). Построение А. А. Шахматова, по существу, не противоречит моему, так как образование княжеско-дружинного ядра, организующего заново политический строй городских областей на юге, чтобы затем захватить и север в сферу своей деятельности, А. А. Шахматов относит ко времени до моментов, отмеченных первыми сказаниями летописи о событиях новгородских. Но я, не решаясь идти в такую глубь времен, принимаю за первый момент, подлежащий историческому освещению, организацию в Новгороде княжой силы, ставшей опорой и для деятельности князей на юге.

от смердов. «Старейшины» — термин более широкий, чем «сотские», и «старейшины по градам», упоминаемые рядом с посадниками, могут быть и чем-либо особым и от сотских, и от старост. На чем только необходимо настаивать ввиду характера текстов, где встречаем эти термины, так это на том, что речь идет об официальных лицах, должностных, каково бы ни было происхождение их положения. Выборные или нет — они орудия княжого управления, а не представители местного общества. Наконец, неустраима и возможность сосуществования княжих и выборных старейшин в одной и той же организации для разных функций⁹². Недостаток данных уничтожает пути к какому-нибудь детальному развитию представлений об этих явлениях.

Работая над созданием и военных сил, и городского управления, князья организовали местное население, без которого обойтись не могли и с которым позднее пришлось считаться как в Новгороде, так и в Киеве. Мнение о первоначальном положении князя в древнерусской городской области, противоположное изложенному, покоится прежде всего на ранних проявлениях народной самостоятельности. Первыми выступают новгородцы. Когда Святослав, собираясь в Болгарию, посадил в Киеве Ярополка, а Олега в Древлянской волости, «придоша людьє Ноугородьстии просяще князя собѣ: аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ; и рече къ нимъ Святославъ: абы пошелъ кто к вамъ»; Ярополк и Олег отказались, а новгородцы, по наущению Добрыни, сказали Святославу: «„Вѣдай ны Володимера“; онъ же рече имъ: „Воты вы естъ“»⁹³. Если принять это предание за отражение действительных отношений, то надо признать и существование в Новгороде каких-то сил, и притом организованных, ведущих местную политику. На вопрос, какие это могли быть силы, у нас нет ответа вне рассказа о событиях 1015 и следующих годов. В нем, как мы видели, во главе новгородцев стоят «вои славны тысяща», нарочитые люди, старейшины городские. С ними и происходит столкновение Ярослава, вынуждающее его вступить в переговоры с новгородцами. Это был ряд крупных событий в жизни Новгорода, к которым следует присмотреться поближе. Вспомним, что новгородский север был главной опорой Влади-

⁹² Как, например, в Англии в эпоху развития законодательства о сотнях как судебно-полицейских учреждениях рядом с королевским *gerefa* (*praepositus*) [шериф (бейлиф)] стоит *aldermannus hundredi* [«старейшина сотни»], выбираемый сотней: «*unus de melioribus*» [«один из лучших»] называют его законы Генриха. Он председательствует на несудебных собраниях сотен, ведавших, по-видимому, общественные дела и повинности. Тексты такие собрания сотни иногда называют *hundred* в отличие от судебных — *placita* (*Rietschel S. Untersuchungen*). Ср. в «Польской Правде XIII в.» (Эльбингская рукопись)^{27*}, ст. IV, где в селе упоминают рядом: «*ein staroste, das ist der edilste* [читают: *eldiste*] *in der dorfe*» [«староста, то есть самый благородный в деревне»] и «*vloder, das ist der scheifer*» [«влодарь, то есть управляющий»].

⁹³ Лавр. С. 68, под 970 г.

мира: по «верховнии вои» идет он во время «рати безъ перестани» против печенегов, отсюда нарубают он мужи лучшии, чтобы ими населить города, построенные для обороны границы от кочевников. В Новгороде правят при нем его дядя Добрыня, потом сынновья Вышеслав, Ярослав. Тут был, по-видимому, один из важнейших источников материального обеспечения княжой варяжской дружины, наемных заморских варягов⁹⁴: с Новгорода идет дань «мира дѣля», Новгород платит $\frac{2}{3}$ собранной дани в Киеве, а треть «Новѣгородѣ гридемъ раздаваху». Готовясь к борьбе с отцом, Ярослав усилил свои отряды («посла за море, приведе Варягы»), и эти варяги, которых он «кормил» в Новгороде, вызвали своими насилиями восстание местных воев и населения. Мечь Ярослава, избившего изменой «славных воев», мужей нарочитых, не помешала ему помириться с новгородцами. И новгородцы не только решили «бороти» по нем, но и ведут эту борьбу с необычайным рвением. Доставивши первым походом победу Ярославу, они, когда князю пришлось сам-пять бежать в Новгород, силой не пускают его за море к варягам, а дают ему опору в себе: «Ярославу же прибѣгшю Новугороду и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородьци расѣкоша лодѣъ Ярославлѣ, рекуще: хотимъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». И обложив себя большим сбором — «от мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ», — привели варягов на эти деньги: и много воев собрал Ярослав. После второй и окончательной победы Ярослав много серебра раздал воям, как выше уже приведено. С этим рассказом связано в Новгородской летописи известие, что Ярослав отпустил новгородцев домой, «давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ

⁹⁴ Про времена Владимировы читаем: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху». Не умея объяснить различия в числах, полагаю, однако, что это та же дань «мира дѣля», которую Олег «устави Варягомъ дань даяти отъ Новогорода гривенъ 300 на дѣто, мира дѣля». Быть может, тут гривна — весовой слиток, а там — монета? Соотношения все-таки не получаются. Об этой дани естественно предположить, что это та же дань, которая встречается под названием *tributum pacis* у других славянских народов. Ср.: Ясинский А. Н. Падение земского строя. С. 69, 181; Он же. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Юрьев, 1901. Т. 1. С. 275—281; ср.: Грот К. Я. [Рец.] А. Н. Ясинский. Падение земского строя в Чешском государстве // Сборник ОРЯС. СПб., 1900. Т. 66. С. 106—200. По Ясинскому (см. вторую его работу), дань эта платилась в Чехии поселенцами княжой земли, находившимися под особой охраной княжого мира. Это для XI—XII вв. Происхождение этой дани могло быть в плате на содержание княжой дружины. Если предположение о принципиальном тождестве нашей древней дани «мира дѣля» и *tributum pacis* признать вероятным, то в этом было бы новое подтверждение моего представления о сотнях: дань «мира дѣля» платит Новгород, и она отличается от даней словен, кривичей и мери, об установлении которой говорится в том же тексте (Лавр. С. 23, под 882 г.).

ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите»^{28*}; за такими словами идет текст Правды Русской.

В этом рассказе перед нами несомненное выступление Новгорода как самостоятельной политической силы, «вечевого» Новгорода. И что же? Во главе действующих в нем новгородцев стоит посадник, княжой муж, вероятно, сын знаменитого Добрыни, двоюродный брат Владимира. В той же роли вижу в этом рассказе старост и сотских новгородских; наконец, упомянутых в сборе «скота» бояр нет основания считать «земскими»: они ведь действуют вместе с посадником⁹⁵, так что их «земская» роль не доказывает, что это не княжьи мужи.

Все движение было направлено против варягов и носит характер реакции местных влиятельных сил с посадником во главе против преобладания пришлых элементов. Но чем объяснить то рвение, с каким новгородцы борются против Святополка за доведение Ярославу власти на Руси? На это новгородская традиция отвечает тем, что связывает с именем Ярослава позднейшие вольности: когда князя новгородцы принимали «на всей волѣ своей», то он целовал им крест «на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ»⁹⁶. Под этой традицией должна быть историческая основа, и некоторые бледные следы ее можно указать. Прежде всего со времен Ярослава исчезает дань, платимая в Киев, исчезает дань варягам «мира дѣля»⁹⁷; не слышим более и о «кормлении» варягов многих в Новгороде. Дань князю с этих пор идет только со смердов новгородских. И это больше, чем «финансовая льгота»: это крупный шаг к изменению политического положения новгородцев. В этой «финансовой льготе» С. М. Соловьев видел главное содержание «грамот Ярославлих», на которые позднее ссылались новгородцы. Конечно, Русская Правда, если даже признать древнейшие ее элементы «судом Ярославлим», не похожа на льготную грамоту. Но и в ней есть черта, которую надо отметить: уравнивание в вине словенина с княжими людьми, гридями и др.⁹⁸ Снова черта политического повышения новгород-

⁹⁵ Вопрос о «земских» боярах вообще не касаюсь^{29*}, не находя в источниках никакого намека на их существование. В данном случае речь идет о таких же боярах, как в уставах Всеволода Мстиславича, где они поминуются рядом с наместником, как «мои бояре» князя.

⁹⁶ Новг. I. С. 230, под 1229 г.; С. 236, под 1230 г.

⁹⁷ В наших сводах при извещении об установлении этой дани Олегом (или Игорем, Новг. I) читаем: «Аже и нынѣ даютъ» (древнейший вариант, сохранившийся в Никон. летописи) или: «Яже не даютъ» (Ипат.) и «еже до смерти Ярославль даяше Варягомъ» (Лавр.). Последняя датировка едва ли точная: скорее это редакторская замена указания, что дань платилась до Ярослава?

⁹⁸ Ст. 3 по Древнейшей редакции: «Аше ли будетъ русинъ или гридѣнь, любо купецъ, или ябетникъ, или мечъникъ, аще ли изъгой будетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положить занъ». Тут только словенин не из числа людей, по существу стоявших под особой княжой защитой, так как русина можно толковать, согласно терминологии договоров, как общее название княжых мужей; а быть может, тут это слово означает человека из Киевской Руси, как словенин — новгородца? По расстановке слов первое вероятнее.

цев. Этих уступок было достаточно, чтобы считать Ярослава основателем новгородской вольности. А что во главе движения стояли главари княжого правительственного строя, показывает судьба Константина Добрынича: вскоре Ярослав сослал его в Ростов, а на третий год велел убить его в Муроме⁹⁹. Так первое выступление новгородцев на политической сцене не только не противоречит моему представлению о происхождении городского строя древнего Новгорода, но является одним из его оснований.

Меньше знаем мы о Киеве. В. О. Ключевский¹⁰⁰ относит первое проявление тут веча к 1015 г. Но тут читаем только «Святополкъ же съде Кыевъ по отци своемъ и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье, они же приимаху — и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ». Стремление найти опору в местном населении ввиду предполагаемого соперничества Бориса, конечно, признак, что с населением считались. Но в данном рассказе скорее поразит пассивность киевлян: они только колеблются, потому что братья их в рядах Борисовых воев, но каких-либо собственных тенденций, которые вызвали бы их выступление, незаметно до взрыва 1068 г. Это событие М. С. Грушевский называет «киевской революцией». Оно было народным движением, о котором княжне мужи отозвались презрительно: «Видиши, княже, людье възвыли», и после бурного порыва, изгнавшего Изяслава и доставившего семимесячное княжение Всеславу полоцкому, после бегства этого случайного князя дело кончилось быстрым упадком духа¹⁰¹, призывом к посредничеству братьев Изяслава, суровой расправой княжича Мстислава с бунтовщиками и полной повинной: «Изидоша людье противу съ поклономъ и прияша князь свой Кыяне»¹⁰². И долго сохраняет киевское вече весьма слабое значение. Его выступлений мы не видим в течение почти всего XI в. Только княжение Святополка Изяславича вывело народ из терпения, что выразилось в погроме городской администрации и евреев, причем в этом рассказе характерны жалобы киян, по-

⁹⁹ Соф. I. С. 134; Воскр. С. 328, под 1019 г.; Новг. I. С. 66, в списке князей: «И потом разгнѣвася Ярославъ на Коснятина и заточи и; а сына своего Володимера посади въ Новѣгородъ; и писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: по сей грамотѣ ходите». Тут та же связь событий. О Константине Добрыниче ср. замечания М. С. Грушевского (*Грушевський М. Історія*. Т. 2. С. 27). Позднее видим во главе новгородского общества, представителями его интересов перед князьями бояр, за которыми в Новгороде долго сохраняется характерное для княжих мужей название «огнищане»; например: «приде князь Ростиславъ ис Кыева на Луки и и позва Новгородѣ на порядъ: огнищане, гридь, купце вячшее» (Новг. I. С. 146, под 1166 г.).

¹⁰⁰ Ключевский В. Курс. Ч. I. С. 229.

¹⁰¹ «Мы же зло сотворили есмы, — посылают киевляне сказать Ярославичам, — князя своего прогнавши, а се ведетъ на ны землю Лядскую, а поидете въ градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегши городъ свой и ступити въ Грецкую землю».

¹⁰² Ипат. С. 120—122, под 1068—1069 гг.

сылающих за Мономахом, на киян, поднявшихся бунтом¹⁰³. Это знаменательный момент, когда во главе веча становятся боярские элементы общества, придав политике киевлян больше значения и определенности¹⁰⁴.

Позднее выступление и меньшее развитие вечевой жизни в Киеве тесно связаны с антагонизмом между народной массой и представителями городского управления, правящим слоем киевским. Тут развитию вечевого строя в меньшей степени послужила организация, ставшая в Новгороде из княжеской общественной.

Столь же существенные отличия найдем между новгородским севером и киевским югом в складе внутреннего строя городских областей, в отношении между главным городом и волостями, составляющими его землю.

Строй городской земли-волости покоится на политическом преобладании главного города над пригородами и волостным населением. В. И. Сергеевич, ведущий из городов силу, создавшую объединение земли-волости, видит в пригородах укрепленные пункты, поставленные для «бережения» приобретений, добытых этой силой. Конечно, наряду с такими могли существовать и пригороды, возникшие из городков, старших сравнительно с системой городской области-земли и затем подчиненных главным городом¹⁰⁵. Но отношения пригорода к городу — отношение подчинения¹⁰⁶. Память о том, что население пригорода подчиненное, живет долго. Так, во время усобицы в земле Суздальской по смерти Андрея Боголюбского видим признание властной роли за «Ростовцами». Володимирцы едут встречать князя «по повелѣнью Ростовець», бьются не против Ростиславичей, «но не хотяще покоритися Ростовцемъ», которые говорили про Владимир: «Пожьжемъ и, паки ли посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопи каменъници», или: «Како намъ любо, также створимъ: Володимеръ есть пригородъ нашъ».

Но кто эти «Ростовци»? Они упоминаются постоянно вместе с боярами, со «старшей дружиной». «Увѣдѣвше же смерть княжю Ростовци и Сужьдалцы, и Переяславци, и вся дружина, отъ мала до велика, съѣхашася къ Володимеру. . .» Ростовцы и суздальцы

¹⁰³ Там же. С. 198, под 1113 г. Ср. замечания М. С. Грушевского о том, что призвание Мономаха было делом высших, влиятельных слоев киевского общества (*Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 109*).

¹⁰⁴ Ср., например, роль Улеба тысяцкого и Ивана Войтишича в призвании Изяслава Мстиславича (Ипат. С. 231—232, под 1146 г.).

¹⁰⁵ Словене, кривичи и меря, изгнав варягов, «начаша владѣти сами собѣ и города ставити» (Новг. I. С. 4). Ср.: *Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 7*.

¹⁰⁶ «По происхождению своему пригород есть зависимый и служебный по отношению к городу член волости» (Там же. С. 12).

призвали Ростиславичей, владимирцы стали за Юрьевичей. Мстислава Ростиславича «приведоша Ростовци и боляре», он собирает и ведет на Владимир «Ростовци и боляре, гридьбу и па-сынки, и всю дружину»; тебя, говорил ему Всеволод Юрьевич, «привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову», тебя «Ростовци привели и боляре». Вместе с ростовцами поминаются и суздальцы: «а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль и вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья», но «како намъ любо», рекоша, «такоже створимъ, Володимеръ есть пригородъ нашъ». Однако сами суздальцы говорят Юрьевичам: «Мы, княже, на полку томъ со Мстиславомъ не были, но были съ нимъ боляре». И борьба владимирцев против ростовцев — борьба против бояр, признавших Ростиславичей: «Не убояшася князя два имуща въ власти сей, ни боляръ ихъ прѣщенья ничтоже положиша».

Конечно, и на стороне Всеволода имеются бояре: но это «что бѣше бояръ осталось у него». Сила старого Ростова в его боярстве, в правительственном значении старшей дружины. Она распоряжается в междукняжье, она ведет ростовцев, она подразумевается под «суздальцами», от действий которых отрекаются жители Суздаля, говоря, что то — бояре. Не думаю, чтобы была надобность и настаивать, что речь идет не о каких-либо особых «земских» боярах, но о среде бояр княжих, княжой старшей дружине¹⁰⁷.

Эти наблюдения существенны, так как указывают на то, что зависимость земли — волости и пригородов от главного города основывалась на правительственной организации, созданной княжеской властью. Подобно тому как в Новгороде и в земле Ростово-Суздальской сила, с которой пришлось бороться Андрею Боголюбскому, сила, от которой он ушел в свой Владимир, — это боярство, главная опора князей, ставшее самодовлеющим политическим фактором, опираясь на вече главного города и дав тем самым этому вечу значительно больший вес и силу.

Обратим внимание на притязания ростовцев. Была ли в их словах: поступим с Владимиром, как хотим, это пригород наш, посадим там посадника, они, наши холопы-каменщики, — только раздраженная риторика? Или в сходных словах киевского воеводы новгородцам, воям Ярослава: «Что придосте съ хромьцемъ симъ, а вы, плотницы суще! а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ!»? В выходках этих вижу отражение порядка, который существовал при полной зависимости пригорода от города, порядка старого, исконного, который дожил в измененном виде до XVI в.: на волостях новгородских лежало городовое дело на главный город. Еще при Иване III, «егда ставити градъ (в Новгороде), ино воставляху всею областю Новгородской земли

¹⁰⁷ Лавр. С. 352—362, под 1175—1177 гг.

волостями, елико ихъ есть во всей Новгородской земли и области, и Новгородские люди толико, кто пригоже, съ торговыхъ съ рядовъ нарядчики были»¹⁰⁸. С этим порядком связано и известие о том, что в Псковской земле пригороды делились между концами: «Весь Псков поделен по два пригорода на все концы, коему же концу к старым пригородам новые жеребьем делили, а имел жребий князь Василий, князя Федора Юрьевича сын, с престола»¹⁰⁹.

Конечно, в столь зависимом положении могли оставаться только пригороды, не развившие городского быта своего. Пригород, ставший в бытовом отношении городом, вырастает из прежних тесных рамок своего положения. Там, где городская жизнь и деятельность не были так сильно сосредоточены, как в земле Новгородской, само слово «пригород» исчезает: в XII—XIII вв., говорят не о «пригородах», но о городах киевских¹¹⁰. В Новгородской земле центр слишком поглощает торгово-промышленные интересы всей области, чтобы могло возникнуть значительное развитие местных городских пунктов. Лишь Псков вырастает до политической самостоятельности, да Ладога, Торжок, Порхов имеют некоторый политический вес. С пригородами, выросшими в города, центр поневоле должен считаться. Их тяглая — употребляю позднейшее слово — зависимость ослабевает и падает. Они участники вечевого самоуправления земли, то согласные с главным городом, то защищающие свои интересы, то втянутые в борьбу партий стольного города¹¹¹. Нарастающая самостоятельность может до выделения бывшего пригорода в особую волость-княжение. Нередко видим в древней Руси такие явления. Но это крайний результат развития местного городского быта. Возможен и обычен другой: сохранение политической зависимости пригородов при достижении ими внутренней самостоятельности. Это разумеет владимирец-летописец, признавая исконным правило: «На чтоже старѣйшие сдумають, на томъ же пригороди стануть»¹¹².

Какого же происхождения эта зависимость пригородов? Для Киевщины нет возможности указать какой-либо исторический

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. VI. С. 293, под 1534 г. Тут речь идет не о пригородской, а о волостной повинности; ср.: Новг. I. С. 414, под 1430 г. Но, сопоставляя это известие с отмеченным представлением о пригородах в речах старшей дружины, можно предположить, что освобождение пригородов от нее — явление не первоначальное, но едва ли оно касалось всех пригородов.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. IV. С. 231, под 1468 г. Ср. сильную зависимость пригородов от Пскова в порядке управления: кроме назначения посадников, разделенного между Псковом и князем, псковичи боролись против стремления пригородов к самосуду: «Псковъ упалився испродалъ Опочанъ, а взялъ 100 рублевъ, да дали князю Ярославу, что они повесили татя коневого, а безъ Псковского повелѣния» (Там же С. 254).

¹¹⁰ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 34.

¹¹¹ Там же. Т. 2. С. 104—118.

¹¹² Лавр. С. 358, под 1176 г.

момент, когда волости киевские зависели бы от города Киева, от киевского веча. Состроенная княжой силой земля Киевская до конца самостоятельного политического бытия своего имеет в ней опору своей связи, своего единства¹¹³. И посадников, и князей по городам киевским сажает князь. В исторических преданиях Киевщины нет следов, чтобы Киев как городская община распоряжался судьбою волостей своей земли. Правда, с развитием вечевой жизни Киева пригороды тянут за ним в делах политических¹¹⁴. Но это политическая связь, которой нет основания производить из более тесной прежней зависимости. Вышгород, Белгород — города княжие. Если где заметна рознь настроений пригорода и города, то пригород — орудие князей¹¹⁵.

Новгород сам раздает пригороды и села приезжим князьям¹¹⁶, назначает в них посадников¹¹⁷, строит и возобновляет их укрепления своими нарядчиками¹¹⁸. К городским властям Новгорода перешла тут княжая власть, точнее, осталась в их руках после политического освобождения Новгорода. В Псковской земле князь разделяет с Псковом власть над пригородами: до 1467 г. он назначает наместников в семи из 12 пригородов, потом достигает восстановления своей власти и над остальными¹¹⁹.

¹¹³ Когда татарский погром смел княжеско-дружинный строй в Киевщине и Переяславщине, «земли, по всей вероятности, распались на отдельные общины» (М. С. Грушевский)^{30*}.

¹¹⁴ Ср. ответ белгородцев Юрию Долгорукому на требование отворить ему город: «А Киевъ ти ся кое отворилъ?» (Ипат. С. 300, под 1151 г.; ср. С. 230, под 1146 г.).

¹¹⁵ Ср. роль вышгородских боярцев в 1015 г.; связь Вышгорода с Ольговичами (см. выше).

¹¹⁶ Например: кормление Патрикия Наримантовича (Орехов, Карельский городок, пол-Копорья и Луское село) (Новг. I, под 1382 г.), Лугвеня Ольгердовича (Там же, под 1407 и 1412 гг.), Константина Дмитриевича (Там же, под 1419 г.). Юрию Лугвеневичу в 1445 г. дали «по волости хлѣбъ, а пригородовъ не даша» (Там же. С. 424). Когда Святослав Ростиславич дал пригород брату, новгородцы заявили: «Не можемъ дву князю держати, а пошли выведи брата Давыда с Нового Торгу» (Ипат. С. 349, под 1161 г.). Ср. договор их с Михаилом Ярославичем (1307 г.), чтобы не кормить новгородским хлебом Федора Михайловича, которому прежде князь великий Андрей и новгородцы дали Псков, и то же о Борисе Константиновиче, которого «кормил Новгород Корелою» (СГГД. Ч. I. № 11).

¹¹⁷ Пскову (при участии на вече псковичей) (Новг. I. С. 126, под 1132 г.), Новому Торгу («и не прияша его Новоторжци») (Там же. С. 231, под 1229 г.), Ладоге (Там же. С. 301, под 1260 г.).

¹¹⁸ Новг. I. С. 373, под 1387 г.; ср. С. 179, 193, 252, 304, 371.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. IV. С. 231, под 1467 г. В Новгороде, разделяя с посадником суд, князь на Волоке и в Торжку держит тиунa «на своей части» (СГГД. Ч. I № 1—3, 6), но вообще «волости» новгородские (Волок со всеми волостями, Торжок, Бежице, Городецъ Паличи, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Колоперемь, Тре, Перемь, Печора, Югра — Там же. № 1—9) держит новгородскими людьми без права давать волости иначе, как будучи в Новгороде, и лишать мужей волости без вины; раздача — по соглашению с новгородцами (№ 3), при участии посадника; случалось, что и сами новгородцы давали волости (№ 1).

всей земле. Немного поселений подлинно городского типа выросло в Новгородской земле. Зато больше, чем где-либо, поселений типа промежуточного между городом и селом, рядов и рядков, то торговых, то с преобладанием промыслов¹²⁰. И все эти поселки, как и пригороды, тянули к Ильменскому центру своими экономическими интересами. Сильная концентрация всего экономического оборота земли Новгородской, по-видимому, втягивала в жизнь главного города все, что выбивалось наверх, а с другой стороны, вызывала деятельное участие новгородцев в торгово-промышленной жизни пригородов всей земли. Постоянно встречаем упоминания о купцах новгородских в пригородах и волостях, а приведенные выше постановления договоров о подсудности купеческой в Новгороде свидетельствуют о широком развитии участия новгородцев в местной жизни, куда их гнали промысловые и торговые интересы. Глубокие бытовые связи поддерживали единство Новгородской области и преобладание в ней главного города.

Путем ли перечисления в новгородские купеческие сотни, путем ли приобретения вольностей для местных организаций городского типа, но население пригородов вышло из той зависимости от центра, которая выше была названа тяглой. Дани и повинности в пользу главного города и его князя лежат на погостах, на волостных людях — смердах.

Господствующим можно назвать мнение, что слово «смерды» означает всю массу сельского населения¹²¹. Но со времен Лешкова, полагавшего, что «смерды были люди князя», живет и тенденция считать смердов специальным разрядом населения, находившимся в особой зависимости от княжой власти в земле-княжении.

Пересмотрим летописные известия о смердах. Новгородских смердов мы впервые встретили в составе ополчения, с которым Ярослав пошел на Святополка. Не допустив бегства Ярослава за море, новгородцы собрали денег на наем варягов и сами исполнились в поход. После победы Ярослав «поча вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ». Смерды стоят вне новгородцев, это особый разряд населения, не городской. По-видимому, тут смерды

¹²⁰ Ср. статью А. К. Ильинского «Городское население Новгородской области в XVI в.» (ЖМНП. 1876. № 8), наглядно раскрывающую основной скелет торговых и колонизационных путей Новгородской земли и формы поселков разного типа, обусловленные ходом ее экономической жизни.

¹²¹ В. И. Сергеевич (Русские юридические древности. Т. I. С. 178—189) это значение считает техническим смыслом термина, допуская и другое, — все, кроме князя и духовенства. То же М. Ф. Владимирский-Буданов (Обзор. С. 36—38) (кроме духовенства и бояр), но различает смердов свободных и прикрепленных.

составляют отряды под начальством старост¹²². Эти старосты по размеру полученного вознаграждения равны новгородцам и резко отличаются от смердов. Вижу в этом указание, что старосты не вышли из среды смердов, и если они выборные, то избрали их не смерды, а новгородцы.

Смерды редко мелькают в истории военных действий. Если мы и встречаем в рассказе Галицко-Волынской летописи о событиях 40-х годов XIII в. Курила, печатника князя Данила Романовича, «съ тремя тысящами пѣшець и тремя сты коньникъ», или князя Данила с «вои многи и пѣшыць» и признаем этих пешцев смердами, видя, что противник Даниила Ростислав Михайлович идет на него, «собравше смерды многы пѣшыць»¹²³, то не можем опираться на все эти тексты, так как в них отражаются последствия разгрома городов и избиения городского населения татарами, условия времени, когда «после татарского погрома центр тяжести населения переносится на низший класс, черных людей, который и дает победу своим князьям»¹²⁴. Отмечу только, что и в этих известиях вои отличаются от смердов-пешцев. Другие известия, где встречаем смердов в рассказах о военных действиях, не дают основания вводить их в состав основных сил военных. Видим их измену Ярославу галицкому, когда Иван Берладник пришел добывать себе отчину и осадил Ушицу: «Вошла бяше засада Ярославля в городъ, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, и смерды скачуть чересь заборола къ Иванови и перебеже ихъ 300»¹²⁵; видим их избивающими угров и ляхов, «бѣгающихъ по землѣ» из-под Галича¹²⁶. Больше оснований зачислить смердов в ряды сил военных при набеге Даниила и Василька Романовичей на земли Белзскую и Червенскую, когда, по риторическому выражению летописи, боярин пленил боярина, смерд смерда, град града, и не осталось ни одной веси не попленной¹²⁷.

Нужно ли настаивать на том, что общий характер всех этих известий не позволяет отождествить ополчение смердов с городскими полками, или видеть в смердах основной их контингент? М. Ф. Владимирский-Буданов нашел только два примера для своего определения: «Народное ополчение составлялось из всех взрослых мужчин городского и сельского населения»: слова половцев под 1185 г. «пойдемъ на Семь (р. Сейм), гдѣ ся осталѣ жены и дѣти», да известие, что Юрий Всеволодович, прибежав

¹²² Предположение это основано только на порядке слов: старосты — смерды — новгородцы все.

¹²³ Ипат. С. 526, под 1241 г.; С. 529—530, под 1245 г.

¹²⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Население юго-западной России // Архив юго-западной России. Киев, 1886. Ч. 7, т. 1. С. 21.

¹²⁵ Ипат. С. 341, под 1159 г.

¹²⁶ Там же. С. 493, под 1219 г.

¹²⁷ Там же. С. 494, под 1221 г.

в 1216 г. с Липицы во Владимир, нашел там только старых да малых, ибо «бѣшетъ погнано и изъ поселей и до пѣшца»¹²⁸. Но оба примера говорят не совсем то. «Кза молвяшетъ: поидемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовѣ намъ полонѣ собранѣ, емлемъ же города безъ опасы»¹²⁹: хан имеет в виду опустелые города. А во втором известии речь идет о том, что опустел город Владимир, не с кем князю Юрию в осаду сестъ, нет даже пешцев — видимо, смердов из пригородных поселений. Картины обычной поголовной мобилизации взрослого населения городов и сел, которая создавала бы однородный земский полк, ни эти примеры, ни иные известия летописи не дают. Высшую степень готовности проявляет вече, говоря, что готово идти, хотя бы и с детьми, или: «Ать же поидемъ и всяка душа, аче и дѣякъ, а гументо ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и тѣи поидеть»¹³⁰. Но не говорит: поидем всеми волостями, всюю землею или т. п.

Городовые полки всегда означаются либо «кияне», «новгородцы», «смоляне» и т. д., либо «киевский», «смоленский полк», или термином «вои». Смерды не входят в состав военных сил, так означаемых: в первый и последний раз удостоила их летопись названия «вои» в рассказе о том, как Ярослав наделял гривнами свое северное ополчение. В позднейших известиях их боевая роль третьестепенна. Смерды, если их где показывают в бою известия XII—XIII вв., составляли, по-видимому, пешие отряды, вооруженные киями и топорами, и завязывали битву, уступая затем место «полкам» и «воям» конным¹³¹. Затем смерды проявляют себя в преследовании бегущих, грабеже товара, захвате полона и т. д. Когда Мономах характеризовал счастливый исход битвы с половцами тем, что они «только семцю (?) яша единого живого, ти смердѣ нѣколько», то этим он хотел сказать, что ни дружина, ни вои потерь не понесли¹³².

Известия XII—XIII вв. знают только смерда «пешца». А между тем конь смерда играет такую важную роль в прениях Долобского княжого съезда и в Русской Правде. Лишь недавно вопрос этот о смерде и его коне привлек должное внимание в статье Б. А. Романова¹³³. Не раз цитировали историки текст о Долобском съезде¹³⁴, но как-то не замечали что война, видно, отрывала от пахоты главным образом не смерда, а его лошадь. Это наблюдение Б. А. Романов удачно сопоставил с известиями о том, что

¹²⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 92—93.

¹²⁹ Ипат. С. 435.

¹³⁰ Там же. С. 259.

¹³¹ Ср. с приведенными выше текстами, например, описание Липецкой битвы (Лавр. С. 472, под 1216 г.).

¹³² Лавр. С. 240.

¹³³ Романов Б. А. Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде) // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII, кн. 3.

¹³⁴ Лавр. С. 267; Ипат. С. 183. Повторение того же рассказа ниже — под 1111 г. (Ипат. С. 191) — переделка, устранившая эту черту.

городовой полк воев коней для похода получал от князя¹³⁵, а также с особым положением смерда относительно князя по Русской Правде. Вывод его, что «в юридически независимую от князя, находящуюся в распоряжении веча организацию народного ополчения смерды не входили; их участие в тяготах похода — посредственное, как в данном случае, или непосредственное — обуславливалось волею князей»^{31*}, — представляется хорошо обоснованным.

В связи с этими наблюдениями отмечу, что не только Русская Правда почти равняет смерда с холопом, признавая его в то же время свободным и ограждая его личность, но и летопись дает несколько примеров той печати зависимого, приниженного положения, какое характерно для смердов. Югра, обращаясь с лукавой покорностью к новгородцам, говорит: «А не губите своихъ смърдь и своей дани»¹³⁶. Князя после съезда в Уветичах требуют от Ростиславичей выдачи своих людей: «И холопы наши и смерды выдайта»¹³⁷. Защиту «худого смерда и убогыѣ вдовицы» от обид сильных людей ставит себе в заслугу Мономах, а «племе смердые» — слово бранное, как и слово «смерд» в устах Олега Святославича¹³⁸, обозвавшего так княжих мужей, дружину старших Ярославичей и градских людей киевских¹³⁹.

¹³⁵ Лавр. С. 166; ср. С. 124; Ипат. С. 246.

¹³⁶ Новг. I. С. 167.

¹³⁷ Ипат. С. 181; ср. о беглых смердах Новг. I. С. 230, под 1229 г.

¹³⁸ В. И. Сергеевич выходку сурового князя берет всерьез и полагает, что «все смерды, за исключением князей, епископов и игуменов». Главная опора такого мнения иная: толкование текстов «Русской Правды». Ср. замечания Романова («Смердий конь и смерд» и ниже).

¹³⁹ Под 1071 г. в Лавр. (С. 171) читаем рассказ о волхвах, которых захватил и покарал в Белозерье Ян Вышатич. «Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: „Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя“» (слов «моя и» в других списках и в Новг. I нет). В. И. Сергеевич (Русские юридические древности. Т. I. С. 187) толкует это как справку о подданстве волхвов. Не говоря уже о понятии «подданства» («...подсудность шла по земле и воде, — пишет В. И. Сергеевич, — но если волхвы были подданные не Святослава, а другого князя, то это могло вести к некоторым осложнениям»), которое нелегко было бы установить для древней Руси, замечу следующее: 1) те, видимо, местные жители, к которым Ян обращается с требованием выдачи волхвов, тоже «подданные» князя Святослава: странен мотив в обращении к ним — выдайте, ибо это подданные моего князя, и 2) смерды-волхвы отвечают Яну: «Нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеси нама створити ничтоже», ссылаясь на норму, какую находим в Русской Правде, запрещающую умучить смерда, а без княжа слова (II ред., ст. 14). Мука — наказание вообще (Сергеевич В. Лекции. С. 437). Неужели нельзя было умучить на Белозерье никого без «княжого слова» князя Святослава, сидевшего в Киеве? В. И. Сергеевич толкует, правда, слова «без княжого слова» (Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 182) как «без приказа подлежащей власти», но ответ волхвов дает иной смысл: «Стати передъ княземъ». Ср. о смердах в следующей главе. Когда князья хотели выразить то, что В. И. Сергеевич называет подданством, то говорили «люди мои», а не «смерды»: «Вы есте людие дѣда моего и отца моего», — говорит

Нужна, конечно, большая осторожность при выводе из известий, особенно столь отрывочных и случайных, которые разбросаны на пространстве от начала XI до второй четверти XIII в. За это время положение смердов и удельный их вес в общем строе не могли не потерпеть изменений. Например, во времена до Владимира, во времена Владимира и Ярослава пешая военная сила имела больше значения, чем позднее. И роль смердов, например, в ополчении Ярослава Владимировича была, вероятно, более значительной, чем та, какую находим в известиях XII—XIII вв. Ближе к пониманию их первоначального положения ведут указания на отношение Новгорода и Пскова к их смердам. Вопрос о смердах был очень важным вопросом в жизни этих вечевых городов: на смердах лежали платежи и повинности, необходимые для главного города. Михаил черниговский, поцеловав крест на всей воле новгородской, «вда свободу смърдомъ на 5 лѣтъ даний не платити, кто сбежалъ въ чюжую землю; а симъ повеле, кто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платити дань»¹⁴⁰. «Смерды платят дань князю», — замечает В. И. Сергеевич¹⁴¹, но, к сожалению, не возвращается к этому тексту, когда так обстоятельно разъясняет, что «дань» и «дани» в древней Руси не означают «отдельной повинности, которая носила бы наименование дани»¹⁴², а объемлют разные доходы. Но отождествление дани, от которой князь освобождает смердов на пять лет, если они вернутся на прежнее жительство, например, с черной куной, шедшей князю с определенных волостей новгородских¹⁴³, невозможно, так как общая мера не предполагает отношения к некоторым лишь волостям, да и выражение «како уставили переднии князи» едва ли можно отождествить с «пошлинами по старым грамотам и по сей крестной грамоте». Дань или дани смердов новгородских идут князю, из остальных доходов Новгорода он получает долю по уговору и старине. Это два разных источника его доходов.

Князь Михаил, признав обычную норму платежей смердов и приняв меры для возвращения ушедших в чужие земли и предотвращения новых уходов, выполнил княжью обязанность — блюсти смердов. Среди важнейших провинностей Всеволода Мстиславича новгородцы на первом месте ставят: «не блюдетъ

Изяслав Мстиславич дорогобужцам (Ипат. С. 285), а Юрий Владимирович белгородцам: «Вы есте люди мои»; они же отвечают: «Князь нашъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ» (Там же. С. 300).

¹⁴⁰ Новг. I. С. 230, под 1229 г. Ср. слова Югры: «Не губите своихъ смърдь и своей дани» (Там же. С. 167, под 1193 г.).

¹⁴¹ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 183.

¹⁴² Там же. Т. 3. С. 185—186.

¹⁴³ Договор 1471 г. с Казимиром IV, § 14 (Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. I. С. 206).

смердъ»¹⁴⁴. Князь в Новгороде имел ближайшее отношение к заведованию смердами.

В чем выражалось это отношение, кроме даннических повинностей смердов? Князь сохранил и подсудность населения, организованного в погосты: его судьи ездят по волости. Но и это его право строго ограничено договорами: «А судие слати тобѣ свое на Петровъ день, тако пошло». Кроме того, новгородцы по временам добивались отдачи суда на откуп местному населению: «А судѣ, княже, отдадь Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на 3 лѣта, судье не слати»¹⁴⁵. Смерды новгородские не «люди князя», они живут по общему земскому праву новгородскому, под общей подсудностью. Новгородские договоры принимают тщательные меры, чтобы смерды не попали в особую, личную зависимость от князя, не стали его закладными, закладниками, не «позорovali» к нему. Ниже увидим, что иным было отношение между смердами и князем в Киевщине. В Новгороде постоянно повторявшиеся попытки князей втянуть смердов, как по возможности и горожан, в круг личной своей власти встречали и в конце XIII и в XIV в. решительное противодействие¹⁴⁶. Князь не должен был пускать корней в землю Новгородскую, развивая свое землевладение и обособляя под своей особой юрисдикцией часть населения из общей организации новгородского управления. Управляя через новгородцев, князь, по-видимому, обязательно через них и дань получал; договоры ставят князю условие на Низу даней не раздавать¹⁴⁷. Кроме политического тут был и материальный расчет. Если дань оставалась княжим доходом, хотя и через новгородские руки, то, кроме того, на смердах лежали повинности в пользу Новгорода. Выше было приведено

¹⁴⁴ Новг. I. С. 129, под 1136 г.

¹⁴⁵ СГГД. Ч. I. № 1. Упомянутый князь — Дмитрий Александрович, княживший в Новгороде с 1259 по 1264 г.

¹⁴⁶ «А кто будеть закладень позороваль ко мнѣ, а жива въ Новѣгородѣской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду» (Там же. № 4—5. 1295 г.); но тут князь выговаривает «позорование» к себе «давнихъ людей» в Торжку и на Волоке. «А что закладниковъ въ Тържку или инде или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ — поидеть въ свое сто, а смѣрдъ поидеть въ свой погостъ» (Там же. № 6, 7), или: «и приставовъ ти съ Низу въ всю въ Новѣгородскую волость не всылати, а кто купецъ . . . погостъ» (Там же); это условие повторяется в ряде договоров, с прибавкой слов «такое пошло въ Новѣгородъ: отпусти их прочь» (ср.: Там же. № 12, под 1317 г.): «А что сель и людии Новѣгородскихъ въ сю замятню заложилоса за князя и за княгиню или за дѣти, или за бояры, или если кто купилъ, куны ему имати, а села къ Новугороду; это то же, что в № 10—11 (Там же. 1307 г.); «а сель тебѣ не ставить по новѣгородской волости, и слободѣ не ставить, сель ни купити, ни даромъ не примать».

¹⁴⁷ Кроме отдачи на откуп князь мог давать дань, по-видимому, и в дар на тот или иной срок, или до воли. «А что еси, княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, даль еси попу святого Михаила, а городскимъ попомъ не пошло дани имать на Новѣгородскомъ погостѣ; вдай опять» — договор 1270 г. (СГГД. Ч. I. № 3). «А на Низу ти, княже, Новѣгородца не судити, ни даний ти раздавати» (Там же).

известие о городовом деле, лежавшем на волостях. А в летописи Новгородской читаем еще: «Того же лѣта (1430) пригонъ былъ крестьяномъ к Новугороду городъ ставити, а покручалъ 4-й 5-го»¹⁴⁸.

Сходное положение смердов находим и в Пскове. Оно несколько освещается крупным столкновением псковичей с наместником Ивана III князем Ярославом Оболенским и делом о смердах, которое дало тому повод. Началось с того, что князь Ярослав при участии некоторых посадников псковских написал новую грамоту, по-видимому, о повинностях смердов в пользу князя и Пскова без ведома псковичей¹⁴⁹. От гнева псковского посадникам пришлось бежать в Москву, а заочно вписали их в «грамоту мертвую». Сопротивление смердов псковичи думали сломить карами, но пришлось уступить твердому вмешательству Ивана III, хотя черные люди псковские и настаивали против бояр и житых людей, что «мы-де о всемъ томъ прави и не погубить насъ о томъ князь великий», и не хотели примириться с новыми порядками. Но через год некий поп нашел у норовских смердов грамоту, «како смердомъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову, и всякия работы урочныя по той грамотѣ имъ знати». Из-за этой грамоты смердѣй стало великое смятенъе всей земле, послали бить челом в Москву о старом порядке, но получили такой ответ, что пришлось умолкнуть: московская политика разрушала власть Пскова над смердами¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Новг. I. С. 414.

¹⁴⁹ «Смердовъ посадиша въ крѣпость въ погребѣ, а посадниковъ изъ заповѣди закликаша, что грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣняхъ со княземъ Ярославомъ, а Псковъ о томъ не вѣдаетъ» (Пск. 1-я^{32*}, под 1484 г.; ПСРЛ. Т. IV. С. 266).

¹⁵⁰ В. И. Сергеевич толкует иначе. Дело в том, что после рассказа о найденной попом грамоте летопись продолжает: «И оттолъ начаша изъ пригородовъ приѣзда и изо всѣхъ волостей обиднии люди бити челомъ посадникомъ Псковскимъ и всему Пскову на намѣстниковъ князя Ярослава, а сущи во Псковѣ много обидныхъ людей биша челомъ на самого князя Ярослава. Посадники же и весь Псковъ събраша многия обиды, ихже невозможно исчесть за множество и написавше грамоты обидныя и отрядиша послы: посадника Микиту Ларионовича и посадника Андрѣя Ивановича, и боярина Андрѣя Семеновича Рублева, и иныхъ бояръ, и съ пригородовъ по два челоуѣка — обиднии люди; и ѣхавше биша челомъ князю великому, и повѣдаша о смердѣ, что грамоту потаилъ» (Пск. 2-я; ПСРЛ. Т. V. С. 45). В. И. Сергеевич полагает, что «обидние люди» — «землевладельцы, на землях которых сидели смерды» и которые «захотели установить барщину и ввести законом определенные урочные работы смердов» (Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 179—180). Но обидные люди били челом о многих обидах от князя Ярослава и его наместников против порядка, установленного «грамотой новой» за сохранение того, что считали стариной. Суть дела выясняется сопоставлением с известием о московской политике относительно повинностей в Новгороде (ПСРЛ. Т. VI. С. 293, под 1534 г.). Иван Грозный велит ставить в Новгороде град «всѣмъ градомъ, oprично волостей», тогда как раньше эта повинность лежала именно на волостях, а новгородцы давали только нарядчиков. Московское правительство

5. Заключительные замечания

Наблюдения, выдвинутые на предыдущих страницах, будут отчасти развиты и дополнены в дальнейшем изложении. Они ведут к признанию за русскими князьями древнейшей исторической поры более активной, более творческой роли, чем та, какая обычно им приписывается в нашей историографии. Не видя оснований для характеристики русского города на заре нашей исторической жизни как самоуправляющейся общины, полагаю, что в основе древнейшего городского строя лежала организация, созданная княжой силой. В ней совокупность приведенных данных заставляет узнать ту силу, которая, согласно мнению В. И. Сергеевича, исходя из городского центра, создавала городскую волость, строй земли, «огражденной пригородами» и тянущей к стольному городу. Признаков власти города как такового над пригородами и волостным населением для древнейшей поры наши исторические предания не указывают. И те черты этой власти, какие наблюдаются позднее, в северорусских народоправствах^{33*}, а также, по крайней мере в виде живучей традиции в воззрениях, если не в развитых фактах быта — и в других землях, нет основания считать архаизмами. В руки общественных властей Новгорода и Пскова эта власть перешла как наследие ослабевшей и ограничиваемой княжой власти. Тем более что сама их организация носит черты создавшей ее организующей деятельности князя. О том же свидетельствует доживший до конца новгородской и псковской вольности раздел прав по управлению и повинностям пригородов и волостей между вечевою общиной и князем, сохранившим в этой области больше прав, чем в какой-либо другой.

Более полное освещение положения и значения древнерусского князя может дать прежде всего анализ тех общественных устоев, на каких они опирались в древней Руси.

II. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КНЯЗЯ

1. Княжое право

«Народ, — читаем у В. И. Сергеевича, — сознает свою неспособность устроиться без князя и вместе с тем понимает необходимость дать ему высокое положение в своей среде, без чего не было бы возможно достижение целей призвания; князь есть народная власть»¹⁵¹.

налагает повинности на горожан, не исключая и духовенства, снимая их с волостных людей. Сходную тенденцию следует предположить и в псковской политике московского наместника.

¹⁵¹ Сергеевич В. Лекции. С. 143.

Это «высокое положение» древнерусского князя следует, по крайнему разумению моему, рассматривать с двух различных сторон. С одной стоят «цели призвания»: защита земли от внешних врагов и охрана внутреннего ее мира, установление наряда; это правительственная роль князя как народной власти. С другой — совокупность отношений, выделяющих князя из народной среды, ставящих его не только во главе общинного уклада народных общин, но и вне их, в сфере особого княжого права; черты такой обособленности князя в древнерусском общественном быту считаю возможным обозначить условным термином «общественное положение князя». Примером понятий и отношений, характеризующих указанную двойственность положения князя в земле-княжении, может служить рассмотренное в первом очерке семейно-владельческое воззрение на княжие волости. Оно не носит государственной печати. Мир междукняжеских владельческих отношений стоит вне области политических задач князя, защитника земли и установителя наряда, но в постоянном взаимодействии с нею, то в резком противоречии, подчиняя ее своим интересам, то в попытках согласоваться с нею в идее старейшинства и союза князей на пользу русской земли. Народное общественно-правовое воззрение признает за членами княжого рода их владельческую привилегию, но игнорирует княжие семейно-владельческие отношения и соглашения, стремясь то нарушить, то использовать их как внешнее условие в пользу интересов данной земли.

Народное обычное право имеет назначением охрану мира в недрах общественного союза: такими союзами видим местные общины, выступающие в Русской Правде под названием вервей; но верви в данных источников наших только часть целого, союза более широкого, земли, городской области. Народное право — право отдельных земель; для действия своего оно предполагает определенную оседлость и союзность, будучи ограничено в составе данного союза и на территории его поселения¹⁵². Оно вырастает из уклада местной жизни, его развитие идет путем непосредственного применения в практике народных судов того, что считается нормой, и формулируется на каждый данный случай¹⁵³. Князь стоит вне этого уклада местной жизни, вне общинного уклада. В своей среде князья сами создают свои отношения — семейно-правовые, договорные, фактические.

Определялось ли народным правом положение князя в земле-княжении? Оно могло определяться в рядах князей с вечем. И нов-

¹⁵² «А изъ своего города въ чюжую землю свода нѣтуть» (Русская Правда / Изд. В. Сергеевич. III ред. С. 48).

¹⁵³ Ср.: Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. S. 405 и примеч.: 1: «Die Gewohnheit ist nicht Entstehungs- sondern Erkenntnisform des Gewohnheitsrechts» [«Обычай — не форма возникновения, но форма познания обычного права»].

городские договоры содержат немало определений, касающихся личного и имущественного положения князя в Новгородской земле, но больше отрицательных¹⁵⁴. Новгородские договоры стремятся устранить возможность для князя занять в среде новгородской то исключительное общественное положение, какого князья достигали в других землях, и уничтожить все, что князья успевали по временам приобрести в этом направлении. Договоры эти стремятся поставить князя «на всей воле новгородской» так, чтобы он не имел никакой самостоятельной опоры в земле, помимо правительственной роли, предназначенной ему новгородским политическим строем.

Мы очень мало знаем о содержании рядов между князьями и населением других городов русских. Можно с уверенностью сказать, что оно не было богато общими положениями, а скорее касалось тех или иных очередных вопросов, злов дня. Так заставляет думать единственный пример: сохранный летописью договор киевлян с Игорем и Святославом Ольговичами в 1146 г.¹⁵⁵; так заставляет думать и преобладание общих выражений, что князь занял стол, урядившись с людьми, «весь порядъ положише», «створивъ людемъ весь порядъ», укрепившись с ними крестоцелованием. Эти «поряды» касались вопросов преемства стола (признание князя, иногда с детьми) или суда и управления. Но нет никакого намека на то, чтобы вне новгородского севера население брало на себя задачу определять общественное положение князя. Князья сами его строили, создавая и свое особое княжое право внутри земли-волости.

Выражение «княжое право» требует пояснения, так как с ним можно связывать весьма различные значения. Укажу прежде всего, чего я не подвожу под свой термин. Незачем называть «княжим» вообще право, создаваемое уставною деятельностью князей или исходящей от них судебной практикой. И то, и другое может вносить в жизнь земли немало новых правовых норм; но, дополняя, преобразовывая или видоизменяя действующее право, княжая власть не создает из творимых ею норм особой системы права, отличного от права народного и построенного на иных началах. Князь-правитель — народная власть, и его уча-

¹⁵⁴ Запрет приобретения земельной собственности и закладников.

¹⁵⁵ Киевляне жалуются князю на тиунов: «Ратша ны погуби Киевъ, а Тудоръ — Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и за братомъ своимъ; аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Князь отвечает: «Азъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни которого же, а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли» (Ипат. С. 229, под 1146 г.). Другая и, видимо, позднейшая редакция того же известия дополняет его словами Святослава Игорю: «Азъ, брате, цѣловалъ крестъ на томъ Кияномъ, яко быти тебѣ княземъ во правду, и людемъ кому до кого обида будетъ, ино ти ихъ судити во правду самому, или мнѣ, а тиуномъ ихъ не судити, ни продавати; а что были тивуны брата нашего Ратша и Тудоръ, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ имати съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати» (Воскр. С. 35).

ствие в правообразовании само по себе не раскалывает действующего права на две различные системы. Отдельные нормы такого происхождения могут конкурировать и даже стоять в противоречии с нормами народного обычного права, но этого, полагая, недостаточно, чтобы стоило говорить об особом княжом праве¹⁵⁶.

На князе лежит охрана внутреннего мира и наряда в земле. Историки германского права в этой функции конунга различают общую и специальную охрану мира. Первая объемлет все население и находит выражение как в самостоятельной судебно-административной деятельности князя и его агентов, так и в воздействии княжой власти на деятельность самоуправляющихся народных общин. Вторая создает для отдельных лиц или групп привилегию особой непосредственной защиты княжой власти, защиты, имеющей свою санкцию в особых карах, независимых от системы наказаний, принятых в общем народном праве¹⁵⁷. Как бы далеко ни шла творческая и преобразующая деятельность князя на первом из этих путей, она развивается в сфере общего права. Но и второй путь сам по себе не ведет к принципиальной, сознательной и намеренной противоположности между правом княжим — королевским и народным, а составляет необходимое дополнение этого последнего по мере усложнения жизни и возникающих в ней новых вопросов. На этом, думается, правильно настаивают названные немецкие ученые¹⁵⁸. Однако именно этот

¹⁵⁶ Таким образом, мое выражение «княжое право» отнюдь не соответствует тому, что, например, Г. Бруннер называет «Königsrecht» (*Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. S. 405—412*). Определяя народное право как то, какое возникает из участия народа в применении и установлении права, Бруннер королевским называет право, исходящее от правительственной деятельности короля и королевских чиновников и от практики королевского суда. Бруннер сам указывает на условность этого разграничения, так как, по существу, трудно его королевское право отделить от того, которое входит по королевскому почину в практику народных судов или, возникнув в сфере королевской деятельности, получает признание в постановлении народного собрания, или входит в силу потому, что вся область применения права перешла в руки короля. Все это политические моменты, очень важные, но не определяющие, по существу, разновидности действующего права. Бруннер дорожит понятием королевского права, по-видимому, потому, что законодательная и судебная деятельность королевской власти создавали право, водворение которого в уклад народно-правовых отношений «означает существенный прогресс в правовом развитии», а также потому, что королевское право «было в состоянии приобрести территориальное значение, подчиняя своему господству все государство или отдельные его области». Но и это — значение королевской власти, а не особого королевского права. Между этим королевским правом и народным Бруннер сам не видит принципиальной противоположности.

¹⁵⁷ *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. S. 48 ff.; Halban-Blumenstock A. Königsschutz und Fehde // ZSSR. GA. 1898. Bd. 30.*

¹⁵⁸ Хальбан^{34*} приводит следующий пример королевской защиты отдельного лица ради исправления несовершенства обычного права. По рассказу Григория Турского^{35*} к королю Хильдеберту обратилась женщина, убившая похитителя, но не в самозащите, а спящего: «Tunc rex misericordissimus non solum ei vitam donavit, verum etiam preceptionem tribui jussit, ut in verbo sui posita a nullo

путь специальной княжой защиты дает князю в руки могучее орудие для создания в земле-княжении крепкой опоры своему положению, независимой от народной общины. Это тот путь, на котором княжеская власть собрала вокруг себя новые социальные силы, противопоставляя их народным общинам и организуя их по началам, независимым от народного права, заложила фундамент нового общественно-политического строя, пришедшего на смену строю вечевых общин.

Дело в том, что практикой специальной княжой защиты князья пользовались (как и западные короли, что едва ли нашло себе достаточную оценку в упомянутых трудах) ¹⁵⁹ не только и даже не столько для пополнения дефектов старого права, но также — и прежде всего — для возвышения своей социальной силы, строя внутри земли-волости особый круг отношений и придавая ему, чем дальше, тем больше, значение опоры политической своей власти. Этот круг отношений можно назвать, применяя термин Хальбана, союзом княжой защиты. По определению Хальбана, «это правовой союз, стоящий вне общего государственного союза членов племени и построенный на совершенно иной основе». Иная основа, здесь указанная, и есть особое княжое право. Оно развилось и окрепло прежде всего в области княжого быта и княжого частного хозяйства, служа цементом для здания общественного положения князя, его социальной силы, восторжествовавшей над вечевыми общинами в эпоху перехода к новому, удельному и вотчинному строю.

2. Дружина

Опираясь на свое «одиначество» с вечевой общиной, скрепленное взаимным крестоцелованием и «рядом», князь XII—XIII вв. имел и вне его иную опору — в собственной, более или менее значительной дружине. Окружены дружиной и первые

unquam parentum defuncti illius in aliquo molestiam pateretur» [«Тогда же милосерднейший король не только ей подарил жизнь, но даже приказал вручить ей грамоту, чтобы она, опираясь на его королевское слово, не потерпела бы ни от кого из родственников убитого ею»]. Такой же характер носит уставная деятельность князей, создающая определение прав лиц, не входящих в состав обычных правовых народных союзов, например иноземцев и иностранцев, приезжих купцов и т. п., либо беря их под особую княжью защиту, либо создавая особые условия, облегчающие применение к ним общих норм права (например, особые формы судопроизводства — Древнейшая редакция Русской Правды, ст. 14; взыскания долга — III редакция Русской Правды, ст. 60; преимущества при конкурсе по взысканию с банкрота — ст. 68).

¹⁵⁹ Хальбан отмечает только, что специальная королевская защита — та почва, на которой законодательная власть королей впервые пыталась осуществить свои преобразовательные идеи и воззрения. Ср. у Бруннера объяснение причин, почему возникла в германской историографии тенденция к чрезмерному умалению исторического значения дружины (*Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. S. 195*).

князья русские: она ясно выступает при Игоре. Что же такое дружина?

Оставим в стороне общее и широкое значение этого слова в памятниках древней письменности, отчасти и в летописи, значение близких, своих людей, товарищей, спутников. В специальном, техническом смысле это слово означает ближайших соратников и сотрудников князя, окружающих его и в мире и на войне. Дружина, по существу, ни у нас, ни у германцев — не учреждение политического строя¹⁶⁰; это явление частного быта, притом исключительное и стоящее вне обычного течения народной жизни и потому живущее по-своему, лишь внешне соприкасаясь с укладом общинноправового народного быта.

Искать определения дружины особо на русской почве нет основания: это явление общеевропейское, и чтобы не возвращаться к частичным сопоставлениям, быть может, удобнее отметить общие его черты раньше, чем пойдет речь о дружине русских князей. Присмотримся к дружине германской; это поможет путем сравнения выяснить как общую основу германского и русского дружинного быта, так и некоторые отличия последнего.

Бруннер¹⁶¹ выводит дружину из условий воинственного быта германских племен. Бьющая через край боевая энергия молодежи не удовлетворялась общими народными войнами, в каких участвовали все способные носить оружие, и вызывала выход беспокойных сил в добровольных предприятиях вольных дружин с согласия и дозволения народного веча. Упоминаемые Цезарем вольные дружины могли быть зародышем и предпосылкой для возникновения настоящей дружины, тацитовского *comitat'а*. Отличительная черта такой дружины — постоянная и тесная связь дружинника с вождем. «Один из признаков дружины составляет принятие дружинника в домашний круг (*Hausgenossenschaft*) вождя» (Бруннер). Термины, которые обозначают дружинников, подчеркивают особенно ярко именно эту сторону: это термины, под которые подходят не только боевые соратники, но также вольные и невольные слуги. Таково, например, слово *Gesinde*, которого основным значением считают «спутник» и которое с дружины в собственном смысле слова перешло на челядь¹⁶²; основное и древнее

¹⁶⁰ Когда Рихард Шрёдер говорит в отделе «*Die germanische Urzeit*»: «*Das Gefolge war eine organische Staatseinrichtung für Frieden*» [«Германский древнейший период»: «Дружина была органическим государственным учреждением для войны и мира»], то допускает не только явный анахронизм, противоречащий его собственной характеристике дружины, но и прямую ошибку: «государственным учреждением» дружина как таковая никогда не была (*Schröder R. Lehrbuch. S. 35*).

¹⁶¹ *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I. S. 186—195.*

¹⁶² Общая основа обоих значений: принадлежность к дому, к домочадцам с вытекающим отсюда последствием — предполагаемой полной солидарностью интересов и личной связью преданности — с одной, опеки и попечения, с другой стороны. В позднем средневековье эти представления живут в положении

значение — вольный слуга¹⁶³. Таковы северногерманские обозначения дружины: *huskarlar*, *hiredhmen* (*hiredh*, *hirdh* — дом, семейная община), вестготское и вандальское *gardingi* (*gards* — дом), англосаксонское *thegn* (*degen* — слуга, отрок; ср. греч. *teknon*)¹⁶⁴ и т. д.

Эта связь по домашнему очагу вела в данной среде к последствиям, напоминающим те, какие мы видели в сфере задружных, семейно-общинных отношений, с теми отличиями, какие вызывались в дружинном союзе отсутствием равенства сторон. «Вступление в служилую дружину не наносит ущерба полной свободе, не ведет к умалению правового и общественного положения», — читаем у Бруннера. Дружинники — люди свободные, но сохраняли ли они право участия, например, в собраниях народных, по меньшей мере сомнительно. Сам Бруннер допускает известную ответственность главы дружинного союза за действия его дружинников, хотя бы в виде обязанности представить виновного на суд. К сожалению, характер источников, из которых приходится черпать сведения о германской дружине, таков, что в них нечего искать указаний на будничные, например имущественные, отношения дружинников к их вождю. Это, кроме сжатого текста у Тацита^{36*}, преимущественно памятники германской поэзии, особенно англосаксонский «Беовульф»^{37*}. Но некоторые намеки

наемной прислуги. Слуга отдает внаем не свой труд, а самого себя: служить должен по мере сил своих и считать пользу и убыток господ своими («als wer es sein eigne Sack») [«как будто собственная вещь»]; он не может быть свидетелем в пользу господина, имеет право отказаться от показаний против него; хозяин в ряде случаев отвечает за вину слуг и обязан за них выступать на суде и ходатаем и ответчиком; арестованного слугу ведут «an seines herres tür» [«к двери своего господина»], и тот должен представить его на суд; слуга — *familiaris domesticus* [домочадец], он есть хлеб хозяина: *brodede gesinde, familia que pane vescitur* — в этом корень отношения: *häusliche Gemeinschaft* [домашняя общность]. Ср. выше о задруге и семейной общине (*Hertz G. Die Rechtserhältnisse des freien Gesindes nach den deutschen Rechtsquellen des Mittelalters*. Breslau, 1879).

¹⁶³ «Der Gasindus kann nimmermehr, wie Roth will, ein Unfreier sein» [«Gasindus никогда не может быть несвободным, как хочет Рот»] (*Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte*. Kiel, 1847. Bd. 2, S. 259); тексты: «gasindi vel amici, ad gasindios vel parentes et amicos suos» [«gasindi, или друзья, к gasindios, или своим родственникам и друзьям»] и т. д.

¹⁶⁴ *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte*. Bd. 1. S. 186—195; *Schröder R. Lehrbuch*. S. 32—33. Усвоение варварской дружины в Римской империи со времен Каракаллы перенесло с собой те же отношения и ту же терминологию. В дружине Каракаллы — и свободные и рабы. В византийских текстах: *παῖδες, οἰκεῖοι, ἐκ τῆς οἰκίας ὄντες*; латинские термины: *satellites, amici, buccellarii* (от *buccella* — хлеб); последние слова сходя к Василикам поясняет: *οἱ τὸν ἄρτον τινὸς ἐσθίωντες ἐπ' αὐτῷ τοῦτ' ὡς τὸ λαράμεναι αὐτῷ* [те, кто ест хлеб у кого-либо потому только, что они у него живут] (*Seeck O. Das deutsche Gefolgswesen auf römischen Boden* // ZSSR. GA. 1896. Bd. 17 (30)).

требуют внимания. «Добыча дружины, — читаем у Шрёдера¹⁶⁵, — принадлежала господину, который таким преимущественно путем приобретал средства доставлять содержание и подарки своим людям». С этим надо сопоставить постановление вестготского законодательства¹⁶⁶, что дружинник (*buccellarius, sagio*), как человек свободный, может перейти от одного господина к другому, но обязан, однако, вернуть ему при этом не только оружие и все, что получил от господина, но еще половину того, что приобрел на его службе, или же и все приобретенное. Тан, умирая, должен был оставить королю англосаксов все свое оружие, одного коня оседланного, другого без седла; такое же правило знало и лангобардское право¹⁶⁷. Бруннер объясняет это тем, что дружинник при вступлении на службу получал оружие и коня от господина, на что, кроме Тацита, есть указания и в Хронике Гельмольда^{38*}. Но прибавка в вестготском законе — половины или всего приобретенного — вызывает сомнение: не имеем ли мы дело с смягчением прежнего права, предполагавшего полную передачу всей движимости уходящего или умершего дружинника господину. То значение, какое в дружинном союзе имела общность очага и хлеба, делает такое предположение необходимым ввиду извест-

¹⁶⁵ Schröder R. Lehrbuch. S. 34.

¹⁶⁶ *Leges Wisigothorum* // MGH, LL. Hannoverae, 1902. Vol. I. Постановления эти находим в отделе «de donationibus» фрагментов *Codicis Euriciani* (§ 310). *Buccellarius*, в позднейших редакциях именуемый «qui est in patrocínio» [«кто находится под покровительством»], имеет право уйти с отказом «quoniam ingenuus homo non potest prohiberi» [«потому что свободнорожденный человек не может быть удержан»], но должен вернуть патрону полученное от него оружие и все, что тот ему «donavit» [«подарил»]. Это вытекает из общего представления средневекового права о правовых последствиях дарения. Но тут же иное: «Et si aliquid buccellarius sub patrone adquiesierit, medietas ex omnibus in patroni vel filiorum ejus potestate consistat; aliam medietatem buccellarius, qui adquiesivit, obtineat» [«И если буцелларий наживет что-либо при господине, то половина всего станет собственностью господина; другой половиной пусть владеет буцелларий, который приобрел»]. Упоминаемое здесь приобретенное имущество отлично от того, что было a patrono donatum [подарено господином]: последнее идет патрону целиком, первое — наполовину. Далее (§ 311) читаем о сайонах или сагионах (по определению Цеймера: *comites privatorum armati* [вооруженные дружинники частных лиц]), что оружие, какое дается им pro obsequio [за службу], не подлежит возврату nulla ratione: «sed illa quae dum salus est adquisivit, in patroni potestate consistent» [ни на каком основании: «но то, что он приобрел, будучи сайоном, станет собственностью господина»].

¹⁶⁷ Ср. в Законнике Стефана Душана: «Каде оумре властелинь, конь добрь и оружие да се да царю, а свита велика бисерьяна и злати понась да оузьме сын его и да моу царь не оузьме; а коли не има сына, нъ има дышьрь, да има дыщи оузети или продати или отдати свободно» [«Когда умрет властель, добрый конь и оружие пусть будут переданы царю, а великую бисерную одежду и золотой пояс пусть возьмет его сын и да не возьмет у него царь; а если у него нет сына, а есть дочь, то пусть это возьмет дочь или она продаст или отдаст свободно»] — и это в пору, когда земельное имущество при отсутствии прямых наследников переходит «до третьяго братучада» [«до третьего племянника»] (ст. 100 и 101; Законник Стефана Душана царя српског. 1349 и 1354 / Изд. Ст. Новаковић. Београд, 1870).

ных нам из семейно-общинных отношений воззрений древнего европейского права на эту общность.

Так, как строится толкование дружины у историков германского права, оно остается несколько противоречивым, несмотря на естественные попытки противоречие сгладить. Согласно отчасти словам Тацита, отчасти поэтическим картинам северных бардов, дружина представляется по составу весьма аристократичной: она состоит из «свободных, по большей части знатных людей» (Шрёдер)¹⁶⁸. Кроме того, под тем же впечатлением представляют себе, как, например, Бруннер, что пребывание в дружине для большинства было только *Lehr und Wanderjahre* [годы учения и странствий]. В таком случае едва ли дружина могла бы сыграть столь серьезную историческую роль, какую ей приписывает тот же Бруннер. Можно с уверенностью сказать, что основной контингент дружин был постоянный и служилый, а вступление в нее знатной молодежи — действительно школой, и только. Основного контингента дружин она не могла составлять: это слишком противоречило бы и всем отмеченным выше чертам, характеризующим дружинников как слуг, хотя военных и вольных, в служилом положении и умирающих, не имея своего оружия и своих коней, а получая и оставляя их господину. Тацит, видимо, знал, что говорил, отмечая не без подчеркивания, что никому у германцев не стыдно явиться в рядах дружины.

И римские императоры едва ли особенно искажали характер дружины как союза личной зависимости, когда при конфискации имущества опальных военачальников конфисковали и их буцеллариев, либо зачисляя их в свои отряды, либо раздавая их в дружины приближенным: так и у нас при Иване III отписывали на государя не только села, но и добрых бояр и детей боярских¹⁶⁹.

Заметим хронологию приведенных известий. Вестготское свидетельство о праве выхода дружинника находим в памятнике V в. (законы Эрика — до 506 г.), английское — в «Книге страшного суда», и к тому же XI в. относится лангобардское известие о *relevium* [феодалном рельефе] (закон Конрада II — 1037 г.). Оба последние относятся, стало быть, как и Законник Стефана Душана, к поре, когда, скажем словами Бруннера, «дружинники, не разрывая служилого отношения к господину, отделяются от него, получая вместо содержания в его доме земли, на которых сами хозяйничают». Перед нами отношения не дружинные, а фео-

¹⁶⁸ И Бруннер говорит о «высокознатном происхождении и выдающихся заслугах отца» как источнике права юношей вступить в дружину. На почве этого воззрения возникло такое толкование спорного текста Тацита: «*insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem* (вариант: *dignitatem*) *etiam adulescentulis assignant*» [«выдающаяся знатность или великие заслуги предков наделяют достоинством вождя даже совсем юных»].

¹⁶⁹ Seeck O. Das deutsche Gefolgswesen; Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод // ИОРЯС. СПб., 1903. Т. 8, кн. 4. С. 83.

дальные, общность очага и хлеба разрушена, и лишь в указанных правилах о наследстве сохранен еще след прежних последствий этой общности: дружинник возвращает то, что получил от господина, но прежде он все от него получал, а в XI в. остался лишь пережиток, так как сомнительно, чтобы таны Эдуарда Исповедника, вассоры Конрада II, власти Стефана Душана не имели своего оружия, своих коней!

Как бы то ни было, дружину можно назвать частнопровым, личным союзом, построенным на общности очага и хлеба господина со слугами, союзом, выделяющимся из общего уклада народной общины в особое, самодовлеющее целое. Она имеет и свой строй, свою организацию, как дом, двор господина. У франков видим во главе дружины дворецкого, майордома. Став орудием королевского управления, источником личного его состава, двор этот сохраняет свои черты частного, личного дома, ставшего дворцом королевским, центром государственной силы правительства. *Princeps palatii* [палатин] стоит во главе дворцового управления и хозяйства, но он же — во главе *trustis dominicae* [королевской воинской службы], правая рука короля во всем, пока из этого майордомата не выросла новая великая династия. Рядом с майордомом стоит воспитатель королевского сына, его детей и той молодежи, которая ищет при дворе подготовки к жизни, связей и покровительства, — педагог, нутритор, байул¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Германских выражений для этих терминов мы не знаем, да и значение их в деталях не ясно. Может быть, по крайней мере первоначально, они неравносильны, *nutritor* выше, чем *bajulus*, но ниже, чем *paedagogus*. Вайц^{39*} (*Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. 2. Ausg. Kiel, 1860. Bd. 2. S. 537—538*) байула считает дядькой — пестуном по преимуществу, а педагога — кормильцем-опекуном с более выраженным политическим значением. Но скудный запас текстов не дает возможности проследить эти различия. Король Людовик посылает сына править Аквитанией «*graeponens ei bajulum Arnoldum*» [«поставив ему руководителем байула Арнольда»], поручает ему «*custodiam regni sub Arnoldi bajulatione*» [«охрану государства под руководством байула Арнольда»]. В обыденной речи байулами звали вообще королевских советников: «*monitores, quos bajulos vulgus appellat*» [«советники, которых простой народ называет байулы»]. Педагог встречается, по-видимому, только в единственном числе и с более знаменательной титулатурой: это «*procurator regni et magister imperatoris*» [«управитель королевства и учитель императора»], которого император посылает «*cum augusto filio ejus ob institutionem et dispositionem regni, quasi fidissimum et propinquum*» [«с августейшим сыном своим для устройства и распоряжения королевством, словно наиболее преданного и близкого»]. Эти воспитатели молодых поколений королевского дома выступают и при взрослых князьях руководителями их первых шагов на политическом поприще. А между тем возможно их или иного их разряда происхождение из несвободного состояния. «*Servuli vel nutritores... quia consueverunt nutrire filios et familias dominorum*» [«Молодые рабы или кормильцы... поскольку имели обыкновение кормить сыновей и семейства господ»], — читаем у Дюканжа^{40*}, свидетельство Виталия, епископа Остии.

Это типично для двойственного характера и положения дружины. В среде королевского дома завязывались отношения, которые вырастали до политического значения. Это понятно при резко выраженном личном характере королевского управления в Мерovingской и Каролингской Франции, как и то, что воспи-

Должности эти нередко бывали ступенью к маиордомату: пример того характера личных, домашних, семейно-общинных отношений, какой принимал дружинный строй в его основных элементах. Воспитатели королевских детей выступают их опекунами-руководителями на политическом и военном поприще, разделяя влияние на них с родителями. «Wandelinus, — передает Григорий Турский, — nutritor Childeberti regis, obiit, sed in locum ejus nullus est subrogatus eo quod regina mater curam velit propriam habere de filio» [«Умер Ванделин, кормилец короля Хильдеберта, но на его место никто не был избран ему взамен, так как королева-мать пожелала сама заботиться о сыне»]. Мать Хильдеберта заменяет ему нутритора: факт, бросающий свет на значение нутритора как quasi propinquo [словно родственника], имеющего на питомца влияние, аналогичное родительской власти; он для питомца — названный отец¹⁷¹. Такие отношения делали нутриторство естественной ступенью к маиордомату и могли человека незнатного, даже несвободного, вознести на высокую степень влияния.

Внутри дружины с первых известий о ней видим разные слои: amici junctissimi и comites: ὁμίητες καὶ ἄλλοι παῖδες [ближайшие друзья и дружинники; дружинники и другие юноши]; доблесть и младость, по поэтическому выражению «Беовульфа». Первый ряд — соратники (соплечники «Беовульфа») и советники (consilarii) вождя; второй — воины и слуги. Между ними нет непроходимой грани; «gradus» [«положение»], как заметил еще Тацит, определяется «judicio ejus quem sectantur» [«суждением того, кому служат»]. На низшей ступени (minimissimi [наименьшие] законов Лиутпранда⁴¹) стоят отроки, о которых нельзя не допустить, что бывали они и из несвободного королевского люда и что при удаче им был открыт путь к свободе и возвышению.

Общественное положение всего дома-двора вождей росло с ростом значения последних. Известно, что положение несвободных слуг королевских и княжих могло и в праве быть высшим, чем заурядных рабов. Тем более положение слуг вольных, домо-чадцев. Их личность, их имущество, их права охранялись силой и влиянием их вождя, господина. Он защищает их, как своих лю-

тание королевского сына брал в свои руки тот, кто стоял во главе королевского двора, или, наоборот, королевский опекун-воспитатель становился во главе двора и управления. У франков видим нутриторов Хлотаря II и Сигиберта маиордомами. И. Р. Шрёдер справедливо называет маиордома воспитателем королевского принца (Schröder R. Lehrbuch, S. 142).

¹⁷¹ Корень «сыновних» отношений королевича-питомца к нутритору — в обычае расширения кровных отношений так называемым искусственным родством. П. Г. Виноградов (Geschlecht und Verwandtschaft im altnorwegischen Rechte // Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. Leipzig; Weimar, 1900. Bd. 7) указывает на значение, какое в древненорвежском праве имели наряду с побра-твом «Pflegevaterschaft» [«отцовское попечение»] и «Pflegebruderschaft» [«братское попечение»].

дей; смертельный удар или увечье, им нанесенное, рассматривается как обида и оскорбление достоинству господина. На германском севере господин, будь то король или епископ, герцог или боярин (Негг), получал особую пеню за бесчестье сверх виры, шедшей родичам убитого. Лишь позднее стало это привилегией короля¹⁷².

Обратимся к дружине русских князей. Окруженными ею представляем себе древнейших князей русских, с тех пор как «прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро». Дело не в «историчности» самого известия этого, а в представлении «варяг-находников» как дружин пришлых вождей. Выше приходилось уже отмечать, насколько, по рассказам летописным, древнейшие князья лишены были возможности опираться только на собственные, дружинные силы, организуя по необходимости местное население в ополчение, с которыми и совершали они свои походы. Дружина в собственном смысле слова выступает сравнительно небольшим ядром княжеских войск в этих рассказах. Притом их терминология весьма далека от педантичной четкости. Такой остается она, впрочем, и до конца, до тех страниц наших летописных сводов, на которых замирает и исчезает употребление слова «дружина».

Слово это имеет то более широкий, то более узкий смысл. Своей дружиной древляне называют тех послов, которых загубила Ольга, а киевляне — сограждан, посаженных князем Изяславом в погреб¹⁷³, дружина друг для друга — ополченцы одного войска¹⁷⁴. В том же смысле князья называют дружиной вообще свои войска и союзников¹⁷⁵.

¹⁷² Lehmann K. Der Königsfriede der Nordgermanen. В.; Leipzig, 1886. S. 32, 62. Бруннер называет весьма соблазнительным предположение К. Маурера^{42*}, что повышенный вергельд за убийство королевского мужа получился вследствие уступки королевской пени самому потерпевшему или его роду (Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I. S. 193). Более вероятно, напротив, что первоначально и то и другое шло господину. Пеню за бесчестье (ob injuriam) встречаем как Mannbusse [штраф с человека] у англосаксов; у баваров убивший hominem principis [королевского человека] сверх уплаты виры родичам теряет всю свою hereditas [наследственную собственность] (VIII в.).

¹⁷³ Лавр. С. 56, под 945 г.; С. 166, под 1068 г. Ср.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка (СПб., 1893. Т. I. Стб. 729—731) — под словом «дружина» примеры общего значения этого слова.

¹⁷⁴ «Людьє оной страны Днѣпра», пришедшие выручать Киев от печенегов в 968 г., выехали навстречу юноше, пробиравшемуся к ним из Киева вплавь через Днепр, «взяша ѥ в лодью и привезоша ѥ къ дружинѣ» (Лавр. С. 64—65).

¹⁷⁵ В обращениях перед боем «братъѣ и дружино!» (Лавр. С. 68); ср. «потягнѣте, дружина, по князѣ» (Там же. С. 57); в рассказах о военных действиях; например, Ярослав «исполчи дружину: постави Варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмъ крылѣ Новгородци» (Там же. С. 147, под 1036 г.). Вышата отделяется от княжой дружины и идет с воями, говоря: «Аще погыну,

Иное, более техническое значение имеет слово «дружина», когда означает круг лиц, постоянно состоящий при князе, живущий при нем, разделяя все его интересы. Эта дружина корит Игоря за то, что дань с уличей и древлян ушла в руки Свенелда: «Се даль еси единому мужеву много» и говорит ему: «Отрочи Свѣнелжи изодѣлися суть оружием и порты, а мы назѣ; а поиде, княже, съ нами на дань: а ты добудеши и мы»¹⁷⁶. С этой дружиной считается Святослав, отвечая на предложение принять крещение: «Како азъ хочу инъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣяться начнуть»¹⁷⁷. Ею князья постоянно окружены. Изяслав Ярославич, узнав о святой жизни преподобного Антония, «приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы». «Въ малѣ дружинѣ» ездят князья друг к другу в гости. И дома князь обычно с дружиной. «И придохъ к нему, — рассказывает Василий, автор сказания о Васильке Ростиславиче, про свою беседу с Давыдом Игоревичем, — и съдяху около его дружина». По крайней мере на людях, перед народом, князь всегда с дружиной. Во время волнений 1068 г. пришли киевляне не «князь» двор: «Изяславу же съдяху на сѣняхъ с дружиною своею, начаша прѣтиса со княземъ»¹⁷⁸.

Тесно сплетены интересы князя и дружины. «А ты добудеши и мы», — говорит дружина Игорю, а Владимир рассуждает: «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра». И книжник позднейшего времени, вспоминая древних князей и мужей их, говорит, что те князья «не збираху много имѣния», но что получали, то давали дружине на оружие, а дружинники кормились, воююще иные страны, не ложилось их содержание бременем на мирное население, и не говорила дружина: «Мало есть намъ, княже, двусотъ гривенъ»¹⁷⁹.

Солидарность дружины с князем сказывалась и в доле и в не-доле. Дружина неотделима от князя, как его домашние. Изгнав из Владимира Ярополка Изяславича, Мономах «матерь Ярополчю и жену его и дружину его приведе Киеву и имѣнье вземъ его».

то с дружиною» (Там же. С. 150, под 1043 г.). Так и половчин во время боя под Киевом «дають дружинѣ своей, зане бяхуть остали его (князь Андрея) вси Половци» (Там же. С. 316, под 1151 г.), а в 1186 г. половцы оттягивают бой с Игорем «а дружины ожидающе» (Там же. С. 377). В ином смысле: «Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его 2 и Ярополчича 2, и Святоша, сын Давыдовъ Святославичя и прочая дружина» (Там же. С. 260, под 1097 г.).

¹⁷⁶ Новг. I. С. 8—9, под 922 и 945 гг. (рассказ разорван); Лавр. С. 53. Жадность Игоря проявилась особенно в том, что он, примыслив к первой дани, отпустил дружину домой, а сам «съ маломъ же дружины (с малою дружиною) возвратился, желая больше имѣния».

¹⁷⁷ Лавр. С. 62, под 955 г.

¹⁷⁸ Там же. С. 153 (под 1051 г.); С. 249 (под 1097 г.); С. 255 (под 1097 г.); С. 166—167

¹⁷⁹ Там же. С. 123 (под 996 г.); Новг. I. С. 2.

Так и после взятия Киева войсками Андрея Боголюбского Мстислав Изяславич успел бежать, но «княгыню его яша и сына его и дружину его изымаша», как и в 1174 г. Давыд Ростиславич «ять брата князя Андрея Всеволода и Ростиславича Ярополка и дружину ихъ», а рязанские князья, Глебовичи, одолев брата Всеволода, «жену же его, и з дѣтми, а свою ятровь, ведоша въ Рязань, и боярь его, и имѣнье ихъ розоимаша». Не только личным пленом, но имуществом своим платилась дружина за поражение своего князя: когда Ольгович Всеволод выгнал дядю Ярослава из Чернигова, то «дружину его ишѣче и разграби», а когда Изяслав Мстиславич выслал из Киевщины Ростислава Юрьевича по подозрению в происках против себя, то «дружину его изоимаша, а товаръ отъяша»; заключая мир с Юрием Долгоруким, Изяслав уговаривается с ним о возвращении и себе и мужам своим всего, что пограбили у них суздальцы, стад и челяди¹⁸⁰.

Близкая бытовая солидарность князя и дружины, как можно проследить отчасти и по приведенным выпискам, постепенно слабеет.

Дружинники, мужи княжие довольно рано (в ходе истории древней Руси) отделяются «хлѣбомъ и имѣньемъ» от своего князя, обзаводятся собственным хозяйством. Уже в рассказах о Владимире слышим, что он «созывает бояр своих» и велит собираться «по вся недѣля на дворѣ въ гридьницѣ» на пир и «приходити боляромъ и гридемъ . . . при князи и безъ князя»¹⁸¹. Старше времен Ярославлих должно быть гнездо княжих мужей, ставших боярством новгородским, с которым уже Ярославу пришлось считаться как с местной силой, преследующей свои цели, особые от княжих. При Ярославичах видим дом боярина Иоанна, «иже бѣ первый въ болярехъ» у князя Изяслава¹⁸².

Слишком мало у нас данных, чтобы поближе присмотреться к этим бытовым отношениям. Но и того немногого, что имеется, достаточно, чтобы признать хозяйственную самостоятельность членов дружины явлением не первоначальным. На это указывает прежде всего древнейшая терминология для обозначения личного состава дружины: «огнищане» и «гриди».

Параллелизм в употреблении нашими источниками выражений «огнищане — княжъ мужъ», «огнищане и гриди» — «бояре и гриди»¹⁸³ достаточно освещает значение первого из этих слов

¹⁸⁰ Лавр. С. 199 (под 1085 г.). С. 336 (под 1168 г.). С. 346 (под 1174 г.). С. 382 (под 1186 г.). С. 281 (под 1127 г.); Ипат. С. 262 (под 1149 г.). С. 274 (под 1149 г.).

¹⁸¹ Лавр. С. 123 (под 996 г.).

¹⁸² Житие Федосия (Яковлев В. Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872. С. 14—17).

¹⁸³ Русская Правда / Изд. В. Сергеевич. II ред., ст. 1: «аще убиють огнищанинъ . . . 80 гривень»; III ред., ст. 2: «80 гривень аче будетъ княжъ мужъ»; II ред., ст. 2: «аще же убиють огнищанина въ разбой»; III ред., ст. 5: «аже кто убьетъ княжа мужа въ разбой»; Новг. I. С. 170 (под 1195 г.): «идоша съ княземъ Ярославъмъ

как члена дружины. Не должно бы быть и колебаний относительно этимологии слова: этимологический (и социальный) близнец северногерманского *hirdhmann*'а — огнищанин — член огнища, дома своего вождя¹⁸⁴. Латинский перевод этого термина был бы *familiaris, domesticus*. Он мог бы применяться ко всей дружине, но с ним стал рядом заимствованный и родственный по смыслу термин «гридь». «Огнищане» — слово, ставшее специально означать высший, ближайший к князю слой дружинников старших. Но и это явление вторичное. В Русской Правде видим значение огнищанина как вообще княжого мужа. Едва ли будет ошибочным предположение, что оба термина, туземный и пришлый, первоначально чередовались и были равносильны.

Наглядное представление об исконном бытовом отношении бояр-огнищан к князю сохранил один поздний текст. Рассказав о гибели князя Василька Константиновича в 1237 г., летописец в похвальном слове ему говорит: «Никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ, и чашю пилъ и дары ималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше»¹⁸⁵. В Новгороде, как можно заключить из «Устава Ярослава о мостѣх», огнищане жили в определенной части города, в Славенском конце, княжом и боярском, составляя своего рода корпорацию.

По мере развития и усложнения деятельности князя и его положения в земле-волости усложнялось и значение его дружинного двора. Весьма вероятно, что усложнялся самый состав княжой дружины, расширялось понятие о ней, по мере того как развертывалась организаторская работа княжой власти. Выше приходилось уже упоминать, что слово «дружина» применяется в летописных текстах и к старшине, стоявшей во главе городской организации, созданной новыми потребностями политического быта. Объяснять ли это тем, что в круг дружинный втягивалась до постепенного поглощения старшина сотен и других форм городского строя, или тем, что из рядов дружины выходили элементы, составлявшие личный ее склад, не следует, во всяком случае ни упускать из виду ее отличия от дружины в собственном смысле слова, ни его преувеличивать. Вспомним, что тысяцкий — всегда княжой муж, но он входит в строй городской общины необхо-

огнищане и гридьба и купци», то же Новг. I. С. 244 (под 1234 г.): «сташа Рушане и засада, огнищанъ и гридба и кто купецъ и гости»; ср.: Лавр. С. 123 (под 996 г.): «болярюмъ и гридемъ» или С. 360 (под 1177 г.): «боляре, гридбу и пасынки и всю дружину».

¹⁸⁴ Это справедливо отмечено у Б. А. Романова («Смердий конь и смерд»). Обращать огнищанина во владельца огнища — такая же этимологическая несообразность, как счесть дворянина владельцем двора, а горожанина — города.

¹⁸⁵ Лавр. С. 444.

димым ее элементом, как, несомненно, городская и в этом смысле народная власть¹⁸⁶. Поэтому и вопрос, например, были ли сотские и десятские выборными или назначаемыми, не представляет сам по себе большой принципиальной важности: они, во всяком случае, органы княжого, а не вечевого управления. С другой стороны, деятельность князей по организации городского управления, а также управления пригородами и волостями должна была расширять состав дружины. Трудно сомневаться, что те «мужи лучшие», которых нарубал Владимир с севера в новые города, построенные им для обороны Киевщины, вступали в ряды княжих мужей. Дружина должна была разрастаться и в то же время расширять область своих действий. Ряд ее элементов отрывался от княжого двора на посадничества, на тиунства и т. п. Других разбрасывало по волостям развитие княжого хозяйства и землевладения. Подобно тому как князьям пришлось во времена Святослава — Ярослава развернуть все личные силы династии для укрепления своей власти над землями, составлявшими древнюю Русь, разбивая тем самым единство своего семейного союза, так необходимость организовать управление заставила их развернуть дружинные силы, тем самым разбивая бытовое единство дружинного союза — княжого огнища.

Но и в этом процессе дружина остается источником личных сил князя. Она стоит вне строя народных общин, действуя на них как внешняя, исходящая от князя сила, лишь постепенно выделяя ряд своих элементов земскому обществу, но и втягивая из него личные силы в свои ряды. В этом взаимодействии и обмене развивается расчленение дружины, изменяется ее отношение к князю и к местному населению. Из нее вырастает новое боярское сословие, из нее развивается княжая администрация, она — историческое зерно будущего строя поместных военных сил. Но в основе всей этой дальнейшей эволюции лежит первоначальное значение дружины как княжого двора.

Как огнище княжое дружина имела свою организацию. Не думаю, чтобы к дружинным элементам можно было причислить того «каженика», о котором Житие Феодосия

¹⁸⁶ Тысяцкий не идет в поход с князем, если не идет городской полк. Так, когда киевляне в 1147 г. отказались идти с Изяславом Мстиславичем, Лазарь, тысяцкий, остался в Киеве (Ипат. С. 243—246). Характерны для положения тысяцкого известные формулы датировки событий по княжению князя и воеводству тысяцкого (освящение церкви «при благороднѣмъ князе Всеволодѣ, державному Русьскыя земля, и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводство держащу Киевьскыя тысяща Яневи» (Лавр. С. 201); или поставление епископа «при князи Володимери и при сынѣ его Ростиславѣ, воеводство тогда держащу тысяща Киевьскыя Иоану Славновичю» (Там же. С. 434).

Печерского говорит, что он был «нѣкто отъ княжа двора, иже зѣло любимъ бѣ княземъ (Изяславом Ярославичем), предръжа у него вся»¹⁸⁷. Каженик-скопец едва ли был свободным человеком; такого рода рабы были в большом ходу и на Западе и в Византии, и притом именно скопцы-славяне. Постриженного под именем Ефрема, будущего «митрополита» переяславского, каженика, который у князя в его дворе все держал, естественно счесть за «тиуна огнищного», стоящего во главе дворовой челяди. В роли *judex curiae*, говоря языком галицко-волинских грамот XIV в.^{43*}, видим в Галицком княжестве XIII в. дворского, или дворецкого¹⁸⁸. Но древнейшие известия указывают нам лишь на одно лицо, стоящее рядом с князем во главе его дружинной силы — княжого кормильца. Первый известный нам кормилец — Асмуд: «...а Ольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтскомъ Святославомъ и кормилецъ (бѣ — Ипат.) его Асмудъ». Асмуд упоминается и далее с воеводою Свенелдом: «кормилецъ бѣ его Асмудъ и воевода бѣ Свѣнелдъ», или: «и рече Свѣнелдъ и Асмудъ: князь уже почалъ, потягнѣте, дружино, по князѣ»¹⁸⁹. Иногда одно лицо называется воеводой и кормильцем: «и бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода именемъ Буды (Будый, Блудъ)»¹⁹⁰. Кормильца же видим в варяге Георгии Симоновиче, о котором повествует «Слово о создании Печерской церкви» в Патерике: «...и бысть посланъ отъ Владимира Мономаха въ Суздальскую землю сий Георгий, дасть же ему на руцѣ сына своего Георгия»¹⁹¹. Под 1151 и 1171 гг. встречаем кормильца при князе Владимире Андреевиче: во время битвы у Лыбеди Владимира в бой «не пусти кормилецъ его, занѣ младъ бѣ в то время». Но и через 20 лет Пук, или Паук, именуется «кормильцем Володими-

¹⁸⁷ Яковлев В. Памятники русской литературы. С. 15.

¹⁸⁸ Грушевський М. Історія. Т. 3. С. 232; ср.: Линниченко И. А. Черты из истории сословий. С. 14. Под 1171 г. в Ипат. летописи находим упоминание о дворском Мстислава Изяславича («много изоимаша дружины около его: яша Дмитра Хороброго и Олексу дворского» — С. 372). В известиях XIII в. видим дворского начальником княжой военной силы (Ипат. С. 518, 529, 530, 533, 550, 552—553) рядом с тысяцким (Там же. С. 545). Великим дворским (Там же. С. 484) называет Галицко-Волинская летопись палатина венгерского (Грушевський М. Історія. Т. 3. С. 232).

¹⁸⁹ Новг. I. С. 9, 12; Лавр. С. 54, 57; Ипат. С. 34, 37. А. А. Шахматов указал мне, что имя Свенелда в ряде случаев является вставленным в летописный текст. Так и в последнем тексте: «и рече (а не: рекоша) Свѣнелдъ и Асмудъ». Ср.: Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. М. Оболенским. М., 1851. С. 12: «и рече Свиндилъ Исмудъ»; так в предыдущем Лавр., не имеет «и» (кормильца его Асмудъ воевода бѣ Свенелдъ). Как бы то ни было, во главе дружины и при князе его кормилец. О значении древнейших воевод см. ниже.

¹⁹⁰ Лавр. С. 139; Ипат. С. 100; Соф. I. С. 132; Ростовская ^{44*} и др.

¹⁹¹ Яковлев В. Памятники русской литературы. С. 114.

ровым», занимая должность посадника. Под 1231 г. упоминается вдова кормильца Нездиль, влиятельная сторонница галицкого боярина Судислава. Под 1202 и 1208 гг. «кормилчицами» называются галицкий боярин Володислав, захвативший было власть в Галиче, и брат его — вероятно, сыновья кормильца князя Владимира Ярославича галицкого, как предположил Грушевский¹⁹².

В XIII в. параллельно с термином «кормилец» как его синоним, быть может первоначально не полный, встречаем выражения «дядько», «дедко». Дядько Романовичей упоминается в Ипат. под 1202 г., а под 1289 г. князь Лев Данилович посылает к сыну «Семена, своего дядьковича». Кормильцем (Юрия II Болеслава) следует признать и Дмитрия Детка хотя бы потому, что слово «*noster*» [«наш»] в грамоте Юрия Болеслава к магистру Тевтонского ордена от 20 октября 1335 г.: «*Demetrio, detkone nostro*» [«Дмитрию, нашему дядьке»] нельзя же признать, как хотел Куник, простым выражением личной дружбы князя к боярину. Его печать, описанная и изданная А. С. Лаппо-Данилевским, имеет в легенде после имени Дмитрия: «*дад...*», а сам он себя титулует «дедко» в грамоте торунским купцам. Словом «дядька», «дедко» передают позднейшие списки устарелое «кормилец», например, Соф. I: «и бѣ у Ярослава дядька и воевода Блудъ», или Летописец Переяславля Суздальского: «и рече Свиндиль Исмудъ, дяко его»; а рукопись Ростовского летописца слово «дядька» на поле поясняет старым «кормилец»¹⁹³.

Кормильцев этих видим не при малолетних только князьях, но и при взрослых, притом со значительным политическим влиянием. Впрочем, первый из упомянутых кормильцев, Асмуд, быстро сходит со сцены, уступая место крупной фигуре Свенелда. Состояние преданий о Свенелде, дошедших до нас в сложном составе летописных сводов сплетенными с иными темами и мотивами, оставляет многое неясным в его истории и значении. При Игоре это первое лицо рядом с князем, ему уступает Игорь дань с уличей и древлян, а сам гибнет в попытке возместить себе и своей дружине перевес в обеспечении, какой получила дружина Свенелда, «отроки Свѣнельжи».

¹⁹² Ипат. С. 299, 373, 510, 481, 484.

¹⁹³ Ипат. С. 612; Лаппо-Данилевский А. С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907; Соф. I. С. 132; Летописец Переяславля Суздальского. С. 12; Ростовская летопись. Л. 50 об. Отмечу еще, что в Минеях Дмитрия Ростовского читаем: «а въ то время, малу еще возрастомъ бывшу князю Русскому Игорю Юриковичу, управляше княжение Олегъ, сродникъ и пѣстунъ князевъ» (Книга житий святых. М., 1705. С. 449). Трудно допустить, чтобы источником этого варианта — «и пѣстунъ князевъ» — не был какой-либо древний текст, быть может, с чтением «кормилец его».

В малолетство Святослава он, по-видимому, играл какую-то роль, о которой у летописца были противоречивые сведения: отсюда перебой его имени с именем Асмуда. Но при Святославе видим его в положении почти соправителя. Как «воевода отень»¹⁹⁴ он стоит до такой степени рядом с князем, что имя его находим вместе с княжим в договоре Святослава с Цимисхием: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ, и при Свѣналдѣ...» Притом его имени не было в Игоровом договоре ни среди членов княжого дома, ни в числе «всякого княжья». Совокупность черт, какими обрисовано положение Свенелда, не оставляет сомнения, что перед нами член княжой дружины, достигший необычайной силы и влияния. При Игоре между дружиной князя и отроками Свенелда — не будет слишком смело сказать: между Игорем и Свенелдом — предание отмечает некоторый антагонизм. При Святославичах сын Свенелда гибнет от руки одного из князей в земле Древлянской. Но при Святославе Свенелд стоит и действует рядом с энергичным князем.

Попытку предположительно осмыслить эти черты предания подсказало мне сходное явление древней польской истории. Тут первый известный по источникам кормилец-нутритор князя Войслав, воспитатель Болеслава Кривоустого; он состоял при Болеславе, когда тот четырнадцать лет правил в Бреславле. В грамотах видим подпись Войслава непосредственно за подписью палатного комеса Скарбимира. Но когда Болеслав занял отцовский стол, то о Войславе больше не слышим, а «педагогом» при том же Болеславе, главою двора княжого и *militiae princeps* [предводитель войска] над гнезненским ополчением, полком стольного града и его земли (*acies palatina*) видим Скарбимира¹⁹⁵. Источник его высокого значения — соединение в одной руке начальства над княжим двором и гнезненским полком, а также «педагогия» при князе¹⁹⁶.

¹⁹⁴ «Рече ему (Святославу) воевода отень Свѣналдъ: поиде, княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣзи в порозѣхъ, и не послуша его» (Лавр. С. 72, под 971 г.).

¹⁹⁵ *Wojciechowski T.* О *Piaście i piaście* // *RAU. Wydz. hist.-filoz.* 1893. Т. 7. Ser. 2. В этом исследовании находим сопоставление славянских — в том числе и русских — кормильцев и дядек с западными педагогами, нутриторами и банулами и обзор всех известий о польских педагогах-нутриторах. Интересно отметить, что должность эта постепенно теряет значение и к концу XIII в. сходит в конце списка чинов, выступавших свидетелями в княжих грамотах. Ср. у Войцеховского указания на должности педагога у чехов, дядя у хорватов, питара при дворе господарей валашских.

¹⁹⁶ Т. Войцеховский^{45*}, считая нутритора и педагога вполне тождественными, полагает, что произошла смена Войслава Скарбимиром. Но, вспоминая попытки Вайца установить некоторое различие между этими терминами, а также ту черту, что глава княжого двора и княжой военной силы у франков брал в свои руки педагогию при княжиче, можно допустить, что Скарбимир, *comes palatii* [пала-

Такое же соединение источников влияния естественно, казалось бы, предположить и у Свенелда, получившего столь исключительное значение в договоре Святослава с греками¹⁹⁷. Это последнее — наиболее документальное из сохранившихся свидетельств о Свенелде — трудно истолковать иначе, как привлекая к делу понятие «кормильства».

Выше было упомянуто, что основой политического влияния педагогов — нутриторов — кормильцев надо признать связь искусственного родства, придававшую кормильцу по отношению к питомцу влияние, аналогичное родительской опеке. Подобное явление засвидетельствовано и текстом нашего Патерика. За приведенным выше рассказом о Георгии Симоновиче, которому Мономах «дать на руцѣ» сына своего Юрия, следует: «по лѣтѣхъ же мнозѣхъ сѣде Владимировичъ въ Киевѣ, тысяцкому же своему Георгиеви, яко отцу, предать область Суздальскую»¹⁹⁸.

Среди немногих намеков на эту любопытную черту древнего княжого быта и дружинного строя отмечу, что воеводу Ярополка Святославича Блуда следует, по-видимому, отождествить с Буды, кормильцем и воеводой Ярославим, а при Владимире видим аналогичную фигуру в Добрыне, его родном дяде, руководителе его первых выступлений, соучастнике походов, правителе Новгорода¹⁹⁹.

Стремление князей Рюриковичей монополизировать в своих руках княжую власть не дало на Руси кормильству развиваться в крупную политическую силу. Те ростки, из которых у франков с развитием маиордомата поднялась династия Каролингов, которые, по остроумной гипотезе Войцеховского²⁰⁰, — дали полякам их первую историческую династию, у нас заглохли без крупных результатов. Подобно тому как в Польше короли, испытав

тин], был руководителем княжого воспитания Болеслава, получившего в нутриторы Войслава при отправлении в Бреслав, как Мономашич Юрий — варяга Георгия.

¹⁹⁷ Отмечу еще, что летопись в рассказе о гибели Святослава как бы подчеркивает «непослушание» князя.

¹⁹⁸ Очевидно, отдав под его опеку двух младших сыновей, Михалка и Всеволода, которым предназначал Юрий Суздальскую землю. Эта связь названного отцовства делает понятным и значение «кормиличей», подобное германской Pflegebruderschaft, которая была равносильна побратимству. Князь Лев Данилович в этом смысле называет Семена «своим дядьковичем» (Ипат. С. 612).

¹⁹⁹ Новг. I. С. 25; Лавр. С. 78. Буды и Блуда С. М. Соловьев считал разными лицами^{46*}. Указатель к ПСРЛ^{47*} их отождествляет. Летописные тексты дают оба имени как варианты одного. Характерно, что Длугош, приводя известие о Блуде из русских источников, называет его: consiliarius — советник и palatinus — палатин.

²⁰⁰ Войцеховский доказывает, что личного имени Пяст не существовало, что это название должности, ставшее прозванием, как у Дмитрия Дедка. Ср., впрочем, решительные возражения А. Бруннера против гипотезы Войцеховского: piast — не синоним пестуна, единственное возможное значение слова — tłuczek, пест, пестик (Wojciechowski T. O Piaście i piąście).

опасность от чрезмерной силы людей, подобных Скарбмиру, восставшему и ослепленному, стремятся сами держать свою «курию» и «per se patriam sine palatino comite regege» [«самим править государством без палатина»], и русские князья, быть может, под живым примером истории Свенелда, конец которой нам неизвестен, не терпят возле себя сильных и самостоятельных вождей, сосредоточивают управление в руках членов своей семьи, являются сами «начальниками дружины», как говорили про Ярослава скандинавы. Не только единоличным вождем дружины, но и собственным маиордомом-дворским выступает перед нами Мономах в своем «Поучении». И лишь слабыми отголосками былых возможностей прозвучали в годину галицких смут попытка кормиличица Володислава сесть на княжение да эфемерное правление Дмитрия Дедка. Стремление высших слоев дружины к независимости от княжой власти нашло иной выход там, где они стали во главе общественных сил как влиятельный класс — боярство. Самостоятельного значения дружинная организация не получила, и к князьям древней Руси можно вполне применить слово Стебса про королей англосаксов: они не замкнуты в уединенном величии, как последние Меровинги; они сами свои палатные мэры, вожди своей дружины, которая дает им силу в управлении и на поле битв.

3. Состав дружины

«Бъ бо Володимѣрь любя дружину, и с ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ», — говорит летописец о старом Владимире. «Володимѣрь Всеволодич, — читаем в Русской Правде про Мономаха, — по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, киевского тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть куны». «Скажите перед дружиною», — говорит Владимир Святославич мужам, вернувшимся с «испытания вер», и с «болярами» рассуждает: «Где крещение прием?»

Немного сохранилось указаний на совещания князя с дружиной по делам земли — о ее строе и уставе. И те носят особый отпечаток: в них упомянуты тысяцкие, старейшина городская, епископы²⁰¹. Но «сѣдше думати съ дружиною» входит в расписание постоянных занятий князя по «Поучению»

²⁰¹ Лавр. С. 104—105 (под 987 г.), С. 124 (под 996 г.): «Уставъ Володимѣрь Всеволодича» — в III ред. Русской Правды (изд. В. И. Сергеевича).

Мономаха. И в летописях немало свидетельств о постоянных совещаниях князей с дружиною.

Подавляющее большинство их, все совещания, носящие собственно дружинный характер, в отличие от совещаний с органами княжого управления, при участии иногда духовенства, относятся к личной политике князей: делам военным²⁰², отношениям к внешним врагам — половцам²⁰³, отношениям между князьями²⁰⁴ и князей к городам²⁰⁵. Такие совещания — дело обычное и, надо полагать, упоминаются так же случайно, как случайно не упомянуты в ряде других известий. Характер этих совещаний, вполне естественных и необходимых в условиях княжой деятельности, личный, бытовой. Нельзя не повторить за В. И. Сергеевичем: «Была ли княжеская дума постоянным учреждением с более или менее определенным составом и компетенцией или это только акт думания, действие советования князя с людьми, которым он доверяет? В литературе господствует первое мнение, тем не менее справедливо только второе»²⁰⁶. Это не значит, чтобы совещания не были неизбежны для князя: он рисковал получить ответ: «о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали», как сказала однажды дружина Владимиру Мстиславичу²⁰⁷. Но совещания князя с дружиною стояли вне политического строя земель-княжений, как более или менее частное его дело, и его «дума» с нею не сложилась в «учреждение».

Конечно, общественное мнение не могло быть равнодушным к совещаниям, сильно влиявшим на действия князей. «Злые думцы» часто бывали в его глазах виновниками дурной политики. Дружина, окружавшая князя, имела большой вес в делах земли, и внутренних и внешних. «Въ сихъ печали, — рассказывает летописец про последние годы киевского княжения Всеволода Ярославича, — всташа и недужи ему и приспѣваше

²⁰² Святослав «поча думати съ дружиною» о невозможности продолжать войну с греками и заключил мир, потому что «люба бысть рѣчь си дружинѣ» (Лавр. С. 70, под 971 г.). Военные советы: Ипат. С. 295 (под 1151 г.); Лавр. С. 307 (под 1149 г.); С. 356 (под 1176 г.); С. 370 (под 1185 г.) и т. п.

²⁰³ Дела половецкие: Лавр. С. 212 (под 1093 г.), С. 219 (под 1094 г.); С. 339 (под 1169 г.); С. 369 (под 1184 г.); на Долобьском съезде — Лавр. С. 267 (под 1103 г.).

²⁰⁴ Участие дружины на съездах (Лавр. С. 264, под 1100 г.), хотя тут отмечено только ее присутствие (Там же. С. 267, под 1103 г.); князь Андрей Владимирович, «сдумавъ съ дружиною своею», решает: «лѣплѣ ми того смерть на своей отчинѣ и на дѣдинѣ, нежели Курьское княжение» (Там же. С. 291, под 1139 г.); «здумавъ съ дружиною своею», решил Ростислав Юрьевич идти к Изяславу в Киев (Там же. С. 303, под 1148 г.).

²⁰⁵ «Видиши, княже, людье взвыли», — говорит дружина Изяславу Ярославичу во время киевских волнений 1068 г. и советует убить Всеслава (Лавр. С. 167). «Здумавъ съ дружиною своею», решает Всеволод Юрьевич дать новгородцам сына своего Святослава «на всей своей воли» (в совещании этом установлены и условия рязи?) (Там же. С. 395, под 1200 г.).

²⁰⁶ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 336.

²⁰⁷ Ипат. С. 367 (под 1169 г.).

старость к симъ, и нача любити смыслъ уныхъ совѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тиуни грабити, людей продавати, сему не въдушу в болѣзняхъ своихъ»²⁰⁸. Так, легкомысленное вероломство Святополка Изяславича по отношению к половцам летопись объясняет тем, что он поступил, «не здумавъ с болшею дружиною отнею и стряя своего, совѣтъ створи с пришедшими с нимъ», а клятвопреступление Мстислава Владимировича — тем, что Всеволод Ольгович добился своего, «боляры подбужая и дары дая»²⁰⁹. Пусть на суждениях этих лежит печать определенной партийности²¹⁰: по существу их можно признать отражением взгляда населения на роль советников — дружины. Но все это лишь подчеркивает, что «думал» князь с близкими, окружающими людьми, а не с советом должностных лиц как таковых, совещался с дружиной во всяких делах так же, как «плакался с нею» по умершем отце²¹¹.

Важнее иное. Суммарная характеристика дружинных совещаний древнерусского князя отвлекается от черт, которые указывают на сложность состава той среды, какую означают словом «дружина», и от тех перемен, которые постепенно происходили в положении отдельных ее элементов. А между тем внутренняя дифференциация дружинной среды была столь значительна и развивалась в X—XII вв. столь сравнительно быстро, что едва ли даже правильно говорить о политическом и общественном значении дружины в ее целом.

Если вспомнить боярское положение огнищанина в позднейших новгородских текстах конца XII и XIII в., каким архаизмом представится огнищанин устава старших Ярославичей! Видим его у клетки, у конюшни, на скотном дворе, наряду с конюхом старым при стаде, с ездовым и тиунами²¹². Попытка уловить

²⁰⁸ Лавр. С. 209 (под 1093 г.).

²⁰⁹ Там же. С. 211 (под 1093 г.); С. 282 (под 1127 г.).

²¹⁰ Во главе «смысленыхъ» мужей и старшей дружины, которой должны бы были слушаться Всеволод и Святополк, стоит Ян — вероятно, Ян Вышатиц, и притом тождественный со старцем Яном, со слов которого летописец многое выписал в летописание (Там же. С. 271, под 1106 г.); а рассказ о черниговских делах при Мстиславе пробует оправдать князя.

²¹¹ Там же. С. 196 (под 1078 г.).

²¹² П ред. Русской Правды (изд. В. И. Сергеевича). Не стану возводить на княжого мужа конокрадства или коровьей татьбы; ср. о смысле этой статьи замечания Б. А. Романова («Смердий конь и смерд»). Огнищанин у клетки или у коня и т. п. то же, что конюх старый у стада статьи 5. Непонятно, как можно убить во пса место уже убитого огнищанина. Мысль, которую вкладывает в эту статью М. Ф. Владимирский-Буданов (Христоматия. Вып. 1. С. 31, примеч. 5), была бы выражена иначе, как в ст. 17: «то той убить и есть». Статья стоит в ряду статей, защищающих огнищанина.

различие терминов «огнищанин» и «гридь» привела бы к признанию за гридем преобладания военного значения, а за огнищанином — принадлежности к княжому двору и хозяйству.

На юге эти термины не привились. Повесть временных лет огнищан вовсе не знает, гридей упоминает только раз, при Владимире²¹³, что можно связать с привлечением в ту пору на юг северных военных сил. Находим их в княжом уставе. Но литературная и, вероятно, народная речь киевлян не усвоила этой терминологии²¹⁴.

Ту часть дружины, которая сохранила непосредственную связь с домашним бытом князей и стояла всего неотлучнее при них, сближаясь и сливаясь с несвободной челядью, встречаем под названием «отроки», «детские», «пасынки». Их видим в тройкой роли: они личные слуги князя²¹⁵, они его вооруженная свита²¹⁶, из них младшие агенты княжого управления²¹⁷. Отроки то объемяются термином «дружина», то противопоставляются дружине²¹⁸. Когда читаем, что князь идет куда-либо «в малѣ дружинѣ», то в большинстве случаев не ошибемся, представив его окруженным детскими — отроками, хотя то же выражение означает и просто небольшой отряд. Отроки — это та «молодшая дружина», которая в течение

²¹³ Вне Новгорода, кроме указанного случая, встречаем гридей еще в Ростово-Суздальской земле (Лавр. С. 360).

²¹⁴ На севере ее потом вытесняет равносильное выражение «дворене», «дворяне», впервые встречающееся в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского (Лавр. С. 351; ср.: Новг. I. С. 195, под 1214 г.; *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. I. С. 461—462).

²¹⁵ «Греци . . . положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: „схороните“» (Лавр. С. 69, под 971 г.); «бѣше отрокъ съ родомъ сынъ Угрескъ, именемъ Георги, егоже любляше повелику Борись, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше предъ нимъ» (Там же. С. 131, под 1015 г.); «еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ» (Там же. С. 242). Часто видим отроков и детских в рассылке: Ярослав посылает отрока (Новг. I. С. 83); Василька предостерегает детский, высланный навстречу (Лавр. С. 249: «пригна дѣтский изъ Галича», «погна изъ города дѣтский»; Ипат. С. 319, 340).

²¹⁶ «Имѣю отрокъ своихъ 700, иже могутъ противу имъ стати» (Лавр. С. 211, под 1093 г.). Андрея Боголюбского, отбившегося во время сражения от дружины, защищают «токмо отъ меншихъ его дѣтскихъ два» (Лавр. С. 308, под 1149 г.); в битве с Литвой пал «князь дѣцкой» (Новг. I. С. 244, под 1234 г.).

²¹⁷ При Яне Вышатиче, дань емлющем, 12 отроков (Лавр. С. 171); отрок при вирнике (Русская Правда, III ред., статьи 12 и 21); при мостнике (ст. 127); при посаднике (ст. 146); ср. посадника дичького (Новг. I. С. 387); «дѣтцыкъ и мечники» по волости Суздальской (при посадниках и тиунах) (Лавр. С. 351, под 1175 г.); Ростиславичи роздали в ростовской земле «по городом посадничество Русьскимъ дѣтскимъ» (Там же. С. 355, под 1176 г.).

²¹⁸ «Боляре, гридьбы и пасынки и всю дружину» (Там же. С. 360); Глеб «с малою дружиною поиде . . . отроки Глѣбови уныша» (Там же. С. 132—133, под 1015 г.). С другой стороны: Ольга «повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня . . . и повелѣ дружинѣ съчи Деревляны» (Там же. С. 56). Володимир Мстиславич, разойдясь с дружиной, отправляется с детскими, сказав: «А се будутъ мои бояре» (Ипат. С. 367, под 1169 г.).

всего рассматриваемого нами периода всего более сохраняет черты дружины первичного типа: княжого двора, слуг княжих, и в бою, и в хозяйстве, и в управлении, и во всяких делах остающихся в полном распоряжении и личной зависимости от князя²¹⁹.

«Молодшая дружина» — не технический термин. Это выражение, употребляемое в противопоставление тому, что считают дружиной старшей. Поэтому трудно сказать, разумел ли Василько Ростиславич именно отроков, когда рассказывал о своих планах предложить братьям: «Дайта ми дружину свою молотшую, а сами пийта и веселитася», и пуститься в ряд смелых военных предприятий²²⁰. Дружина не разлагается только на отроков и бояр. Между боярами думающими и отроками стоят «мужи храбрствующие».

Старшая, большая дружина, прежде всего «дружина отня», старшие, опытные воины. Выше уже поминалось, как осуждает летописец Всеволода Ярославича за то, что он стал пренебрегать прежней своей дружиной, а возлюбил «смысл юных», а Святополка Изяславича — за предпочтение советов пришедшей с ним из Турова личной своей дружины мнению «дружины отней и стрыя», т. е. Ярославичей Изяслава и Всеволода времен их совместного правления. Эта старшая дружина переходит к младшему поколению князей, вооруженная давним влиянием и авторитетом в дружинной и в общественной среде. Из ее рядов выходили тысяцкие и посадники, советники князя и его сотрудники по делам строя и устава земли.

Давно отмечены указания, что высокое положение таких лиц переходило по отчеству на их сыновей. Сына Вышаты, которому Ярослав поручил воеводство над воями в 1043 г., Яна видим, под 1089 г., киевским тысяцким. Весьма вероятно, что это тот же боярин Иоанн, о котором Житие Феодосия говорит, что был он «первый у князя въ боярехъ» в княжение Изяслава: при Святославе, под 1071 г., встречаем Яна Вышатича в полюдье на Волге; при Всеволоде — тысяцким; при Святополке Изяславиче он во главе тех «смысленыхъ», которые сумели заставить князя признать свое влияние, хотя тот был окружен своим двором; а рядом стоит брат его Путята воеводой и ближайшим сотрудником Святополка.

²¹⁹ Лишь под 1175 г. на ростово-суздальском севере встречаем указание на дома детских («дѣтцкыѣ и мечники избиша, и домы ихъ пограбиша» — Лавр. С. 351) и то посланных по городам, т. е. едва ли это их собственные дома.

²²⁰ Лавр. С. 256, под 1097 г., ср.: Ипат. С. 287, под 1150 г.: «Рече Изяславъ брату своему Володимеру: поѣди ты на Бѣлгородъ передомъ, а мы вси пуцаемъ с тобою дружину свою молодъжью».

В 1072 г. «держа Вышегородъ Чюдинъ», брат его Туки — при Изяславе во время киевской смуты (1068 г.)²²¹, сын Иван — Ольгов муж²²², на совещании у Мономаха при выработке «Устава о резах».

Старшая дружина киевская, сложившаяся при Владимире и Ярославе, видимо, крепнет в значении своем в течение двух поколений. Соправительство Ярославичей могло только укрепить ее положение, несмотря на их раздоры: как Святополк Изяславич, заняв Киев, «сѣдѣ на столѣ отца своего и стрья своего», так к нему переходит и «большая дружина отня и стрья своего». Переяславская дружина Всеволода осталась в руке Мономаха, но не киевская. Перед нами — организация дружинных сил киевских, окрепшая в течение почти столетия, сильно и неизгладимо отошедшая от своего первоначального типа, княжого двора — огнища²²³.

Князьям пришлось развернуть силы этого последнего, чтобы организовать свое управление. Дружинники держат города как посадники, держат воеводство тысячи в стольных городах. Как при всякой определяющей административной системе, это придает положению их некоторую самостоятельность, дает в их руки власть и влияние, поглощаемые лишь в теории, не на деле, личным значением князя. «На посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ», — говорит о себе Мономах. Такова тенденция дельного князя, воспитанная в русских князьях временами строения киевской власти на Руси, борьбы с чересчур независимыми местными властями, княжими мужами, сидящими по городам «под рукою» киевского князя с их стремлением быть «всякимъ князьемъ», «свѣтлыми и великими князи, великими боярами», говоря слогом договоров. И семья княжая достигла монополии на княжое владение. Но орудия их управления тем не менее приобретают известную самостоятельность личного общественно-го положения и политического влияния. Уже при Всеволоде Ярославиче, при Святополке Изяславиче видим большую,

²²¹ Лавр. С. 150; Яковлев В. Памятники русской литературы. С. 14; Лавр. С. 171, 201, 212, 262, 264; ср.: Ипат. С. 186, под 1106 г.

²²² В первом очерке были указаны свидетельства о связях Олега и Ольговичей с Вышгородом. Чюдин, по всей вероятности, Микула, участник составления так называемой второй редакции Русской Правды.

²²³ Ср. М. С. Грушевского: «Основную массу дружины составляли люди местные», сохраняющие свое положение при смене князей (*Грушевський М. Історія. Т. 3. С. 306; Он же. Галицьке боярство XII—XIII вв. // Зап. Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1897. Т. 20. С. 2*), о дружинниках-землевладельцах, которые, будучи «привязаны к земле, держались разных князей, какие только попадали на киевский стол и только в крайности покидали Киевщину». Возражения Н. П. Сильванского (*Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 63—64*)^{48*} против «мнимых странствований бояр», формулированные им по отношению к удельному времени (конец XII—середина XVI в.), в значительной степени справедливы и для второй половины XI—всего XII в.

старейшую дружину влиятельной силой, с которой князьям приходится считаться как с самостоятельным фактором древнерусской жизни, имеющим, видимо, свои собственные корни в общественном быту. В бытовом отношении эти дружинные элементы в XI в. не поглощаются княжим двором. В Житии Феодосия читаем о боярском доме Иоанна, «перваго въ боярѣхъ» князя Изяслава (думаю, что речь идет о Яне Вышатиче). В 1068 г. киевляне бросаются на двор воеводы Коснячка. В 1113 г. грабят двор Путятин тысяцкого, а послы киевские говорят Владимиру Мономаху: «Яко много зло уздвигнется, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на монастырь»²²⁴. В XII в. боярство переходит классом с самостоятельным общественным и экономическим положением. Что же такое древнейшее боярство? Наши тексты знают лишь два значения слова «бояре»: высший разряд дружины и ее личный состав вообще²²⁵. Но эти бояре рано перестают быть огнищанами в строгом бытовом смысле этого слова. Известия о боярском землевладении дошли до нас только от XII в., и то в случайных упоминаниях. «И розѣграбиша кияне съ Изяславомъ дома дружины Игоревы и Всеволожъ, и села, и скоты, взяша имѣнья много в домехъ»²²⁶. Изгнанный из Киева «Изяславъ же рече дружинѣ своей: вы есте по мнѣ изъ Рускыя земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизний лишився», и уговаривается с Юрием Долгоруким о возвращении всего, «яко по Переяславьскомъ полку что будетъ пограблено или стада, или челядь»; по заключении мира князь послал «мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, егоже бѣ отшелъ, а мужи своего дѣля они самѣ ѣхаша, а друзии тивуны своѣ послаша»²²⁷. Но это только первые упоминания — свидетельства о давно сложившихся отношениях. Гадать о происхождении этого землевладения мудрено, но одну черту отмечу. Две последние цитаты относятся к двум

²²⁴ Ипат. С. 198.

²²⁵ «И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина» [Лавр. С. 20 (об Асколде и Дире)]; «великие бояре» договора 912 г.; «бояре и Русь вся» договора 971 г.; «бояры своя и старци градские» (Лавр. С. 104—105); «бояромъ и гридемъ» (Там же. С. 123); «кождо (князей) с своими бояры и слугы» (Лавр. С. 418—419); бояре и слуги (Там же. С. 444). Иногда значение шире и равно вообще княжим мужам: князь идет со всеми боярами, духовенством и всеми киянами (Там же. С. 200); «бояре и прости людь» (Там же. С. 210); «созва бояръ и Кынь» — «рѣша бояре и людь» (Там же. С. 250); это то же, что «мужи отецъ нашихъ и люди градские» (Там же. С. 222); князь идет на свадьбу «со всѣми бояры и с Кынь» (Там же. С. 295); «вси бояре отца его и вси купци» (Там же. С. 401); «бояре вси . . . и горожане» (Там же. С. 403); ср.: «вси мужи отца его и горожане вси» (Там же. С. 407); «бояре и прочие вои» (Там же. С. 424). Наконец, бояре Вячеслава, бояре Юрия, бояре Ярослава и т. п. (Там же. С. 298, 329, 322).

²²⁶ Ипат. С. 233 (под 1146 г.).

²²⁷ Там же. С. 284 и 274 (под 1150 и 1149 гг.).

разным, но близким моментам. И в одной из них, первой по времени, идет речь о возврате стад и челяди — не сел. Что же случилось с селами, а вероятно, и городскими домами мужей Изяславлих? На это имеем некоторый намек: в 1157 г. умер в Киеве Юрий Владимирович, «и много зла створися въ тѣ день: разграбиша дворъ его красный и другой дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, егоже звашеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ сына его разграбиша в городѣ; избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче»²²⁸.

Это еще один пример отмеченной выше тесной связи личных и имущественных интересов князя и дружины: поражение князя вело к разорению его дружины в пользу дружины победителя²²⁹. Трудно судить, по отсутствию данных, насколько подобная имущественная солидарность проистекала из представления, что добро дружинников получено ими от князя. Для XII в. следует скорее отрицательно или по крайней мере очень осторожно отнестись к такому предположению. Конечно, образ бояр-дружинников, что «дары имали» от князя, который «любляше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше», живет и дальше. И таким мог и должен был быть источник более или менее значительной части их богатства. Но сводить его целиком к княжим даяниям нет никакого основания. Личная предприимчивость, несомненно, должна была играть крупную роль в создании и развитии экономической силы боярства, все более втягивавшегося в жизнь местного населения. Но если так, то тем более характерны черты связи имущественных интересов князя и дружины в перипетиях борьбы за волости-княжения.

Дело в том, что бытовое обособление бояр-дружинников от княжого двора не разрывало их личной связи с князем. Когда сын боярина Иоанна, о котором повествует Житие Феодосия, самовольно постригся в Печерском монастыре, то постригшему его Никону пришлось выслушать грозное слово княжое: «Ты ли еси остригий боярина безъ повелѣния моего? ... иди и увѣщай я въ домъ свой поити, или на заточение послю ты и сушая съ тобою и пещеру вашу раскопаю»²³⁰. Бояре — люди князя. Княжие мужи не перестают ими быть,

²²⁸ Там же. С. 336. Ср. рассказ под 1208 г., как галицкий боярин Володислав отводит свою «братью» от Игоревичей, между прочим напоминая им, что «отъчествии вашими владѣша инни пришелци» (Там же. С. 485).

²²⁹ В усобицах князя вообще забирали себе имущество противников: победив Ольговичей, Изяслав говорит Давыдовичам: «что же будетъ Игоревъ в той волости, челядь ли, товаръ ли, мое; а что будетъ Святославъ челяди и товара, то раздѣлимъ на части — и тако сотвориша» (Там же. С. 239, под 1146 г.).

²³⁰ Яковлев В. Памятники русской литературы. С. 15—16.

став боярами²³¹. Они обязаны князю службой и личной верностью, которую без согласия князя не должен разрывать даже религиозный порыв. И лишь «всекозненный дьявол» может вложить боярам в сердце «совѣтъ золь съ кияны на князя своего»: так рассуждает сочувствующий Изяславу летописец по поводу заговора Улеба тысяцкого и Ивана Войтишича с киевлянами²³², в пользу Изяслава против Ольговича Игоря. Основ этой связи, не только этических, коснусь еще ниже, а пока отмечу ту двойственность, какая возникла для положения бояр и для общественного положения князя. Дружинные отношения подвергались тяжкому испытанию в противоречиях между интересами боярства и перипетиями княжой борьбы. Добиться большой устойчивости для своей земли-княжения стало естественной тенденцией киевского боярства, так же как высших торговых слоев городского общества. В полных тревоги перед поднявшимся народным волнением речах киевлян, торопивших прибытие в Киев Мономаха, слышим голос боярства и купечества киевского. Владимира Всеволодича звала «дружина отня и стрыя его» и «люди градские». Мономах укрепил эти отношения. Его законодательство, устав о процентах, выработанный при участии дружины, тысяцких и бояр, ему же принадлежащий, по всей вероятности, устав о закупах, как, может быть, и устав о холопах, сохранившийся в компиляции, известной под названием III редакции Русской Правды, имело целью ввести в определенные рамки обострявшуюся социальную борьбу и, поскольку ограничивает эксплуатацию меньшей братии, должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения черного люда²³³.

²³¹ Литературная традиция, признающая существование земского боярства, различного от боярства дружинного, характерно отразилась в работе М. С. Грушевского «Галицкое боярство XII—XIII вв.». Подробное изучение данных относительно древнерусского боярства показывает ненужность гипотезы о земских боярах для объяснения каких-либо явлений исторической жизни. И автор, ее допускающий, приходит к заключению, что, каково бы ни было происхождение бояр-землевладельцев, были ли они боярами земскими, вступавшими в дружину, или дружинниками, приобретающими земли, даже для галицкого боярства остается характерным, что оно должностной, служебный класс («верства урядова, служебна»).

²³² Ипат. С. 231 (под 1146 г.).

²³³ Для характеристики вызвавшего взрыв 1113 г. княжения Святополка Изяславича см.: Печерский патерик (Яковлев В. Памятники русской литературы. С. 152—155), о его насилиях и стачке с торговцами солью (Ипат. С. 198). «Устав о резах» — ст. 65 III ред. Русской Правды (по изд. В. И. Сергеевича), быть может, и предыдущие (62—64); в цельный устав связываются статьи о закупах (71—82, 84—86, 90); а под уставом о холопах разумеем статьи 83, 87—89 и 142—155, которые выделяются, с одной стороны, термином «холоп» в отличие от «челядина» статей 38 и 47, а с другой — сплетаются со статьями о закупах (между последними стоят статьи 83, 87—89, говорящие о холопах, а среди статей о холопах находим 143, которую, быть может, следует отнести к закупу, хотя

На путь этот толкали Мономаха не только «земские», но и дружинные отношения. Боярство, выросшее из дружины, не разрывая личных связей своих с князем, становится во главе общества как руководящая сила. Перейдет ли этим путем правительственная организация в состав вечевого строя, как в Новгороде, удержит ли ее в своих руках княжая власть, через нее подчиняя себе и общество, как в Руси северо-восточной, или боярство, как в Галичине, сделает попытку, опираясь на власть свою над населением, иметь князей по своей воле, — это уже вопросы дальнейшего развития, на которые киевская история не успела ответить. Но в боярстве киевском и за ним идущих зажиточных слоях населения естественно видеть носителей тенденции к обособлению Киевщины под княжением Мстиславовой линии Мономахова дома.

Труднее составить себе определенное представление о характере дружинных элементов, стоявших между боярами и отроками. Они не выделены особым термином, если не считать поэтического «мужи храборствующие», так хорошо передающего основное значение древних гридей. Они тонут в выражениях «дружина», «вся дружина», иногда «бояре», «княжи мужи». Их присутствие подчеркнуто, когда летопись говорит, что князь «созва бояры своя и всю дружину свою», и рассказывает, как были избиты «боляре и велможа и вся дружина», упоминает о «болярахъ и всѣхъ мужахъ», о дружине и «вельможах»²³⁴. В них видим прежде всего основной боевой контингент личных военных сил князя. И что для них характерно, так это то, как трудно, и чем дальше, тем труднее, отличить их в тексте наших летописей от городских ополчений. Не то чтобы резкое различие, какое клали извещения X и первой половины XI в. между дружиною и воями, исчезло. Нет, вечевой полк ясно выступает в XII в., и выражения, как «Всеволодъ посла сыновца своего Володимера с Переяславци и нѣколико дружины с нимъ»²³⁵, встретим и в конце его. Но рядом бросается в глаза сбивчивая терминология, то применяющая к подлинной дружине определения по городам: «дружина володимерская», «дружина русская (киевская)», то именующая дружиной городские ополчения. С трудом, под отрывочными намеками и случайными указаниями, можем заметить причину этого явления: разложение и преобразование старого военного строя, начало того процесса, венцом которого явилась организация поместных войск. И тут, стало быть,

он тут и не назван). В этом можно усмотреть указание на связь между двумя уставами о несвободных и полусвободных боярских людях.

²³⁴ Ипат. С. 243 (под 1147 г.); Лавр. С. 378 (под 1186 г.); С. 431 и 434 (под 1230 и 1232 гг.); С. 365 (под 1177 г.).

²³⁵ Лавр. С. 364 (под 1177 г.).

историческое развитие ведет постепенно к сближению элементов дружины и городских полков, затирая резкое различие между ними и вырабатывая таким путем черты нового уклада жизни.

Скудны, слишком скудны данные, которые сквозь отдельные черты летописных рассказов позволяют скорее угадать, чем изучить этот процесс. Но тем менее приходится пренебрегать ими. А указывают они, по крайнему разумению моему, с одной стороны, на разложение старых городских ополчений, а с другой, на такое же оседание, если можно так выразиться, дружинных военных сил по городам и волостям, какое наблюдаем и в судьбах старшей, большей дружины, ставшей боярством. И как корни этого последнего явления находим в деятельности древних князей, организовавших с помощью дружинных сил городской строй и городские войска, так судьбы дружинников-гридей стоят в тесной связи с нею же, имея своим исходным пунктом насущную потребность князей в конном войске.

Организация конных отрядов стоила больших усилий древним князьям. Развивая свои дружинные силы, князья «на оружие и на кони» ей отдавали значительную часть своих средств и держали в хозяйстве своем крупные табуны коней. Подымая народное ополчение, приходилось и ему доставлять оружие и коней, как показывает требование киевлян в 1068 г. На конное войско приходилось забирать коней у смердов, как видно из речей на Долобском съезде²³⁶. Сами городовые полки не привычны к конному бою и предпочитают биться пешими²³⁷. И только часть их выступает на конях²³⁸. Но старинные походы в лодьях, долго живущие на севере по волжской речной системе, на юге в XII в. доживают свой век. Настоящее и основное войско — конное. Пешци — второстепенная боевая сила; на ней лежит начало боя, пока князья не ударят полками «сквозь свои пѣщи», охрана бродов, но особенно защита укреплений, сиденье в осаде²³⁹. «Пешци» — необходимый элемент значительного ополчения²⁴⁰, но второстепенный и подчиненный. И как мы уже видели, некоторые известия возлагают пешую службу преимущественно на смердов, отделяя их от собственно «воев». Эти особенности

²³⁶ Ср.: Романов Б. А. Смердий конь и смерд.

²³⁷ Новгородцы в момент опасного боя сходят с коней; например, в битве на Колокше (1096 г.), на Липице (1216 г.), как и смоляне (Лавр. С. 231, 472).

²³⁸ Изяслав Мстиславич зовет на помощь киевлян: «А нынѣ, братья, поидѣте по мнѣ к Чернигову, кто имѣеть конь, ли не имѣеть кто, ино в лодѣѣ» (Там же. С. 300, под 1147 г.).

²³⁹ Там же. С. 472, 307—308, 320, 317, 321, 370.

²⁴⁰ «Княже не мочно ти поѣхати к нимъ, — возражают черные клобуки против наступления на Юрия Долгорукого, — зане наши ратнии всѣ на конѣхъ суть . . . а тобѣ будеть оставяче своѣ пѣшьцѣ поѣхати» (Ипат. С. 295, под 1251 г.; ср.: Лавр. С. 335, под 1164 г.).

древнего военного дела должны были вызвать естественную дифференциацию в среде прежних народных или городских ополчений. Известия XII в. дают нам несколько указаний, толкование которых представляет некоторую трудность. Так, читаем, что Глеб Юрьевич послал против половцев брата своего Михалко «и съ нимъ Переяславецъ 100, а Берендѣвъ полторы тысячи», причем Михалко пошел «дружинѣ его не суши с нимъ». Эти сто переяславцев, «дерзи суши», которые рвутся вперед, а берендеи им говорят: «Не ѣздите вы напередъ, вы есте нашъ городъ, а мы поидемъ напередъ стрѣлци», выглядели бы городовым полком, если бы летописец случайно пропустил цифру и говорил только так, как далее: «И приде Михалко съ Переяславци и съ Берендѣи къ Киеву, побѣдивши Половци»²⁴¹. А так — это отборный отряд, но отнесем ли мы его к дружине или к городовому полку? Считаю такой вопрос неправильно поставленным: для второй половины XII в., как увидим, возможно было бы тут говорить о дружине переяславской, не смешивая ее с личной дружиной князя.

Под 1186 г. читаем, как Всеволод Юрьевич послал пронским князьям «Володимерьское дружины 300»: это «дружина Всеволожа», про которую князь говорит: «моя дружина», «мои люди», а князья рязанские — «твои мужи»²⁴². Но к княжой дружине применено выражение «владимирская». Личная ли это или местная его дружина? Личная, ввиду дружинной ее связи с князем, но местная, так как она стала Всеволожей лишь потому, что Всеволод сел на владимирском княжении. Это, казалось бы, ясно из всего рассказа о событиях в Ростово-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского, которых уже приходилось касаться выше²⁴³. Мы видели, как «увѣдѣвше же смерть княжю Ростовци и Сужьдалци и Переяславци и вся дружина, отъ мала и до велика, съѣхашася к Володимерю», чтобы решить вопрос о признании князя; и совместное решение их называется: «рѣчь дружинья», а дальнейший рассказ ставит действия ростовцев и суздальцев в столь тесную связь с руководящей ролью старейшей дружины, что горожане суздальские даже утверждают относительно боя, где ростовцы и суздальцы защищали своего избранника Мстислава Ростиславича против владимирцев и юрьевичей: «Мы, княже, на полку томъ со Мстиславомъ не были, но были с нимъ бояре».

Не столько «вечевые» города тут действуют, сколько их социальные верхи: бояре и вся дружина. Вспомним киевлян, торопивших приезд Мономаха в 1113 г. жалобами на действия киевского люда... Такие наблюдения могут удержать от поправки

²⁴¹ Лавр. С. 341—342 (под 1169 г.).

²⁴² Там же. С. 381—383 (под 1186 г.).

²⁴³ Там же. С. 352—362 (под 1176—1177 гг.).

текста: «Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою, Кыяне» — вставкой «и» перед «Кыяне»²⁴⁴, хотя в дальнейшем речь идет о несомненнейшем киевском вече.

По мере обособления земель-княжений под более устойчивой княжеской властью эта последняя не только усиливалась, но и приобретала местный, территориальный характер. Административная, организующая деятельность ее не могла не наложить руку на строй военных сил, притом так, что дружинные войска становятся местными, а городские — княжими. И судьбы слова «дружина» своими колебаниями свидетельствуют об этом сближении элементов, бывших разнородными. Князья начинают говорить о городских полках как о «своих» полках, а дружиной называть отряды, составленные из местного населения, не отождествляя их со своею личною дружиною — двором.

Приведу примеры. Изяслав Мстиславич просит дядю Вячеслава: «Ты со мною пусти полкъ свой», и получает ответ: «Что сыну, у мене дружины моя, вси съ тобою пушаю»; князь пошел, созвав киян, «полкы своими» из Киева, но «Вячеславль бяше полкъ к нему не притягль». А по смерти Изяслава, перенося прежний ряд на его брата Ростислава, Вячеслав говорит: «А дружина моя и полкъ мой, а то буди обою нама ... а ты ѳзди съ моимъ полкомъ и съ своимъ»²⁴⁵. «Своим полком» Вячеслав, видимо, называет полк вышгородский, которым распоряжался, как и собственно дружиной, не сохраняя и различия терминов. То же видим в рассказе о походе Изяслава на Суздальщину в 1148 г.: он идет с новгородцами, а Ростислав привел ему все силы и полки русские (киевские) и смоленские; поход не удался, и «дружина Руская — они с Ростиславомъ идоша»²⁴⁶.

С другой стороны, сопоставим два следующих текста: «Князь Андрей посла сына своего Мстислава со всею дружиною на Великий Новгородъ» и рассказ о походе Юрия Долгорукого на Русь в 1152 г. «„Поиде Гюрги, — читаем тут, — с сынами своими и с Ростовци, и с Суждалцы, и с Рязанци со князи Рязаньскими в Русь“ и напал на Чернигов; „Черниговцамъ же бьющимъ из города, князи здумавши вси: не крѣпко бьются дружина, ни Половци, оже с ними не ѳздимъ сами“;

²⁴⁴ Ипат. С. 243 (под 1147 г.). Ср. замечания М. С. Грушевского (Галицке боярство. С. 5), что под «Галичанами» Ипат. летопись часто разумеет галицких бояр, галицкую дружину.

²⁴⁵ Лавр. С. 289 и 321 (под 1138 и 1152 г.).

²⁴⁶ Ипат. С. 260. Во время борьбы Мстислава Мономашича с Олегом черниговским к нему под Суздаль «собрашася дружина ... Новгородци и Ростовци, и Бѣлозерци» (Лавр. С. 236); ср. Новг. I, под 1097 г.: «Побѣди Мъстиславъ съ Новгородци Олга на Кулацьскѣ». Быть может, тут слово «дружина» в общем значении своего, союзного войска.

Андрей же рече: „тако створимъ, ать язъ почну день свой“, поимъ же дружину свою и ѣха подъ городъ“»²⁴⁷. Летописец мог бы сократить свой рассказ, сказав: «Поиде Гюрги с сынами своими и со всею дружиною и с Рязанскими князи».

На местную дружину указывает и рассказ, как Мстислав Изяславич, решив добывать из Канева Переяславль от Ростислава Юрьевича, посылает в эту отчину свою «к Турпѣямъ и к дружинѣ, веля имъ ѣхати к собѣ»²⁴⁸.

В походе князя со своими личными дружинами, составляющими их боевую свиту и силу. Но это ни порознь, ни в совокупности не «вся дружина». Эта последняя к концу XII в. отождествляется с «полком» и состоит под ведением и командой боярина, которому приказано воеводство и весь наряд. «Бывшу же князю Мстиславу на Городьци, — читаем под 1172 г., — совокупльшуся со братома своими, с Муромьскимъ и с Рязаньскимъ на усть Оки, и ждаша дружины двѣ недѣли и не дождавшѣ ѣхаша съ переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводѣ в то время нарядъ весь держащю»; Юрий Всеволодович, собирая воев против татар, приказывает Жирославу «воеводство в дружинѣ своей», и для этой поры такие выражения равносильны следующему: «Великий князь Гюрги посла на Мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремѣя Глѣбовича воеводствомъ с полкомъ»²⁴⁹.

Слово «бояре» имело то более узкое, то более широкое значение. Часто объемлет оно все, что стоит выше просто-народной массы и городского купечества. В этих случаях под ним разумеются не только «бояре думающие», но и «мужи храброствующие», весь наличный состав «княжой мужей», кроме отроков и челяди. Но понятие о княжой дружине сильно расширилось к концу XII в. Оно объемлет влиятельные верхи общества и всю военную силу княжения. Дружина разделилась на княжой двор и боярство, крупное и рядовое. В дальнейшей эволюции своей слово «бояре» укрепилося в Московской Руси за высшими разрядами, в западной — за низшим слоем военного люда. Но исторический их корень общий — в княжой дружине²⁵⁰.

²⁴⁷ Лавр. С. 321 (под 1152 г.).

²⁴⁸ Там же. С. 310 (под 1150 г.).

²⁴⁹ Там же. С. 345 (под 1172 г.); С. 438 (под 1237 г.); С. 428 (под 1228 г.).

²⁵⁰ Естественно сопоставить с изложенными замечаниями темный и спорный вопрос о происхождении польских владык или владычего рыцарства. Владыки — низший разряд польского военного люда, отделенный от шляхты отсутствием гербов и некоторых привилегий (*Potkański K. Zagrodowa szlachta i włódcze gycerstwo* // RAU. Wydz. hist.-filoz. 1888. Т. 23); — это *milites inferiores* [воины, более низкие по положению], люди *medietatis militiae, non nobiles, de simplici militia* [воины среднего состояния, не знатные, из простых воинов], хотя по бытовому положению, близко напоминающему наших однодворцев,

4. Правовое положение дружины

При распадении бытовой основы древнейшего дружинного союза общая всем дружинникам связь с княжим двором переходила в новую форму собрания дружины в княжой гриднице на пиры и совещания, а «кормление» дружины князем сменялось заботами об ее обеспечении иными приемами и обычными «дарами» князя своим мужам. Постепенное изменение бытовых отношений должно было влиять и на характер той особой защиты, какую обязан был оказывать вождь дружины своим людям. Эту особую защиту княжих мужей находим в памятнике, который В. И. Сергеевичем выделен из состава старшей редакции Русской Правды как вторая редакция. Строго говоря, это не «вторая» редакция, а особый устав, выработанный на съезде старших Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода и их мужей: Коснячка, Перенегы, Микифора Кыянина и Микулы Чюдина. «Правда уставлена Руськой земли», как назван этот памятник в дошедших до нас списках, возникла во время совместного правления старших Ярославичей, т. е. между 1054 и 1068 гг. В этой Правде видим охрану жизни огнищанина, указаны и частные примеры: ездовой княж, тивун княж, конюх старый у стада, 80-гривенной платой за его голову. Древнейшая Правда Русская знает лишь 40 гривен, уплачиваемых за убийство, если нет мстителя, а также статью: «...аще ли будеть русинъ, или гридънъ, любо купцъ, или ябетникъ или мечъникъ, аще ли изгой будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». Эти постановления (статьи 2 и 3 Древнейшей Правды) не связаны друг с другом, так как третью статью нельзя подвести под оговорку: «аще не будеть кто мстыя». Наконец, III редакция (Пространная Правда, как ее называют), пользуясь двумя первыми и соединяя их статьи не всегда удачно²⁵¹, но располагая не дошедшими до нас источниками,

они равны загородовой, загоновой шляхте. Фр. Буяк указывает на связь различия владык и шляхты с антитезой землевладельцев, сидевших *in vicinatu* (в опольном союзе), и *pobiles* [знатные], имевших *bona hereditaria* [наследственные владения] вне опольной организации. «Шляхта имела обособленную собственность, владыки принадлежали к опольному союзу, несли опольные повинности, имели земли, разбросанные среди ополя». Осторожный исследователь считает крайне рискованным делать вывод, что владыки были частью древнего сельского населения, сохранившего свою свободу. Но можно сказать с уверенностью, что его наблюдения ведут к пониманию владык как класса, созданного развитием специализации военного дела и дифференциации среды древних «воев», часть которых была захвачена организацией поместных войск на основе поземельной военной повинности. Ср. замечания автора о влиянии этой последней на социальный строй населения (*Bujak Fr. Studia. S. 329, 219*).

²⁵¹ Первая ее статья — сокращение I, 1; вторая соединяет I, 2 с II, 1 и 4, причем неправильно; третья повторяет I, 3, заменяя «ябетника» «боярским тиуном» (это не совсем удачный перевод, хотя коренное значение ябетника —

добавляет указания на 40 гривен «въ княжи отроци, или въ конюсъ, или въ поваръ». Притом Древнейшая Правда не знает термина «вира», который встречаем в Правде Ярославичей (вирное ст. 2 и «поконъ вирный», ст. 24) и в Пространной.

Все эти данные надо рассматривать в общей связи. Но прежде чем касаться их по существу, необходимо привести некоторые справки относительно самих чисел, означающих размер уплаты.

Дело в том, что пеня в 40 марок имеет свою особую историю на скандинавском севере, не лишенную интереса и для русского историка. Ей посвятил особое внимание К. Леман в труде «Королевский мир у северных германцев»²⁵². Тщательное изучение датской, норвежской и шведской систем уголовных пеней приводит его к выводу, что на всем скандинавском севере первоначальной и исконной была высшая пеня в 12 марок и скала, построенная на основании 3, с его кратными и частями²⁵³. Пеня в 40 марок стоит ребром в этой системе и вообще играет особую роль. Происхождение этой пени остается невыясненным; Леман оставляет открытым вопрос, возникла ли она на севере самостоятельно или заимствована. Но вне трех названных стран она нигде, по-видимому, не встречается, кроме, конечно, России, о чем Леман, впрочем, не имел сведений.

Раньше всего встречаем ее в Дании: Кнут IV (1076—1086) за измену (самовольно разошлись суда, собранные для экспедиции в Англию, в отсутствие короля, отозванного волнениями в Шлезвиге) наложил на начальников судов пеню по 40 марок, на матросов — по 3. Затем идет известие, что при короле Нильсе (1104—1134) старый суровый закон, налагавший полное лишение прав и мира (поток) на убившего или тяжело ранившего члена королевской дружины (Witherlag), был, по частному случаю, заменен новым, назначавшим уплату 40 марок королю, 40 марок, сверх двух унций золота, потерпевшему и 40 марок — товарищам. Отмечая, что в обоих случаях 40-марковая пеня заменяет полное исключение из общественного союза, объявление преступника вне закона, Леман устанавливает и общий вывод, что такова была историческая функция этой пени на всем скандинавском севере. Она стала карой за деяния, прежде не подлежавшие выкупу, ценой мира, за которую преступник мог его себе

ambacht, ambatt — равно значению слова «тиун» — слуга, а «боярский» — прибавка в силу тенденции этой редакции вставлять указание на бояр и боярское; тринадцатая статья черпает из II, 4 и 5, 6 и 7, добавляя из недошедшего источника, быть может более полного списка Правды Ярославичей, о княжих отроке, конюхе и поваре.

²⁵² Lehmann K. Der Königsfriede der Nordgermanen.

²⁵³ Дания и Норвегия знают 15 марок пеню, но см.: Ibid. S. 203—204 (15=12+3).

вернуть. Притом в Дании, если королевская пеня стоит рядом с вознаграждением потерпевшему, между ними нет никакого соответствия; если же кроме короля 40 марок получает и потерпевший, то сверх своего вознаграждения; последнее видно из приведенного известия, где вознаграждение потерпевшего составляют 2 унции золота, а также, например, из Ютского королевского закона, где наследник убитого получает как условие возвращения мира убийце 40 марок сверх «правой головщины» и сверх уплаты 40 марок королю.

В Норвегии и Швеции пеня в 40 марок носит черты нововведения, которое лишь постепенно завоевывает себе все большее значение в борьбе со старой пеней в 12 (15) марок. Общая черта ее истории — тесная связь ее распространения с успехами королевской власти. В Исландии, сохранившей старую свободу, она неизвестна. Как в Дании эта пеня есть чрезвычайное «*jus regis*» [«королевское право»], так в Норвегии ею карает королевская власть нарушение своих велений (своего *bann* [запрета]), ее ставит ценою мира за наиболее тяжкие преступления. В Швеции она усваивается более всего центральными землями — собственно шведскими (*Svealand*), причем здесь, где она утверждается, исчезают указания на головщину семье убитого. 40 марок — размер королевской дикой виры. Это, вообще, пеня по «*regiae causae*» [«королевским делам»], и носит она «публичноправовой» характер. Правда, в Швеции она не всегда идет королю; древнейшие упоминания делят ее на три части, между потерпевшим, сотней и королем: королевская власть сильно ограничена в Швеции и ее нововведения или не проникали, или проникали в измененном виде в действующее право отдельных земель. Характерно, что старейшее указание на пеню в 40 марок в Швеции связано с защитой жизни чужеземца. В Вестётском законе треть 40 марок — королевская пеня за убийство невестёта, причем убийца не платит головщины. Это обстоятельство, как и несоответствие самой суммы счетной системе в уголовных установлениях народного права, показывают, что пеня в 40 марок в него со стороны врезалась. Характерен и перечень преступлений, караемых 40 марками пени. Это, например, по закону короля Магнуса (1285 г.), убийство кого-либо в его доме, за что положены «поток и разграбление» с разделом имущества на три части между истцом, сотней и королем, но поставленный вне закона может, однако, вернуть себе мир по просьбе за него истца и уплате 40 марок королю; эта же пеня назначена за похищение женщины, убийство или нанесение ран в церкви или народном собрании, месть вопреки королевскому приговору и заключению мира, за неправильный арест свободного, за увечье. В Дании

это прежде всего пеня за убийство с нарушением домашнего мира, нападение на дом, нанесение ран во время «королевского мира», насилие, чужеложество, удар ножом. Некоторые из этих преступлений прежде карались 12 марками, потом — 40.

Возвращаясь к вопросу о происхождении пени в 40 марок, Леман ее родину для скандинавского севера ищет в Дании. Только тут можно проследить ее в прошлое до середины XII в., а отчасти до конца XI в. Только тут не видно ее борьбы с иной системой, а вся скала кар строится на 40 и 3 марках. Отвергая мнение Стеенструпа^{49*}, что основное и древнее значение этой пени — плата за убийство ввиду несоответствия ее другим данным о размере последней, Леман видит в ней кару за нарушение мира наиболее тяжкими проступками, и прежде всего, думает он, преступлениями против неприкосновенности чужого дома (*Heimsuchung*), затем кругом деяний, на которые направлено действие королевской власти как установительницы и охранительницы внутреннего порядка в земле. Как новая и повышенная кара эта пеня стала существенным орудием королевской власти в области охраны мира и права.

Нельзя не пожалеть, что Леман не знал Русской Правды. Он нашел бы в ней указание на существование 40-гривенной пени более раннее, чем все ему известные указания на пеню в 40 марок. И нашел бы ее в связи именно с охраной жизни, с платой за убийство, притом в такой форме, которая проявляется в шведских законах XIII в. как нововведение. Именно в Остётском законе читаем: «А будет убит королевский муж, то ценится он столько, как ранее было определено за свободного человека, и, кроме того, пеня королю за бесчестье: прежде это было 12 марок, но потом Биргер ярл^{50*} так поставил в закон: это должно быть 40 марок; прежде было это так, что, был он убит у корабля или на корабле или в сотенном собрании, тогда получал король пеню за бесчестье, а не иначе; а после так установлено во времена короля Эрика: что всегда, где он будет убит, должны, кому это надлежит, взимать за то пеню за бесчестье»²⁵⁴. В сопоставлении с древними нормами Русской Правды постановления Биргера получили бы больше интереса в глазах исследователей.

²⁵⁴ Ср.: «А будет убит королевский управитель в Упсальских имениях, оценен он в 40 марок, которые должен получить король, так установил в законе Биргер ярл, а прежде это было 12 марок» (*Lehmann K. Die Königsfriede. S. 32, 55*). Тут же: 40 марок королю за убийство, совершенное, когда король был в данной области, причем это должно было быть ведомо убийце; то же за нанесение тяжких ран при тех же условиях (*Ibid. S. 46*). Остётские законы присуждают пеню за бесчестье герцогу и епископу (9 марок) и господину, «который имеет конюшего, повара и сорокавесельное судно на собственный счет» (6 марок), при убийстве их людей. В позднейшем шведском законодательстве такая цена — привилегия короля.

дователя, как и связь, по старейшему Вестётскому закону, сорокового счета с охраной жизни иноземца ²⁵⁵.

Обращаясь к Русской Правде, находим прежде всего те же две скалы денежных кар, которые привлекли внимание Лемана: скалу продаж — 3, 12, и вир — 20 (полувиры), 40, 80 гривен ²⁵⁶. У нас они не конкурируют, как в Норвегии и Швеции, а, подобно датским, стоят рядом, каждая в своей области. Принципиально тождественно и значение нашей 40-гривенной виры с тем, какое она имела на скандинавском севере: замены более суровых кар и княжого нововведения. Но область применения — значительно уже и, полагаю, ближе к первоначальному смыслу этой пени.

В Повести временных лет под 996 г. читаем следующий рассказ: «Живяше же Володимеръ в страсть Божьи и умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойници, почто не казниши ихъ? Он же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники. И рѣша епископы и старци: рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди. И рече Володимеръ: тако буди» ^{51*}. В. О. Ключевский толкованию этого отрывка посвятил особое приложение в «Боярской думе» ^{52*}. Слово «казнь» в древнем языке означает наказание вообще, в частности же правительственное возмездие. Из слов «отверг виры, нача казнити» В. О. Ключевский выводит, что при Владимире действовало

²⁵⁵ Сопоставление скандинавских данных с Русской Правдой не поколебало бы аргументации Лемана против Стеенструпа, но если бы он захотел сохранить свою теорию о нарушении неприкосновенности дома как основном предмете 40-марковой пени, то причину пришлось бы искать не как у него — в связи преступлений этого рода с действиями скопом (Ibid. S. 245), а в охране королевских дома и домоладцев с постепенным ее распространением на всех вступавших под королевскую защиту.

²⁵⁶ Таковую же двойственность в системе денежных кар находим и в старом польском праве. Так, в Польской Правде XIII в., как можно назвать запись на немецком языке польского права в сборнике Эльбингской городской библиотеки, кроме архаической наименьшей пени в 6 и 12 марок (раз встречается 15 марок), находим и другие — в 30, 50 и 70 марок — 70 марок за кражу из княжой конюшни или дома, как и за нарушение земского мира приводом в землю злодея (? — ст. XII), 50 марок — за кражу в кладовой или кухне князя; за сокрытие тела убитого (ст. VIII), за мир, который нарушен на большой дороге совершенным на ней убийством («большая дорога охранена миром князя и кто на ней кому причинит беззаконие, тот нарушил мир князя: это поляки называют — княжая рука» — ст. XV), за насилие над девушкой (ст. XVII). За кражу из клети рыцаря или крестьянина — 12 марок. Вообще 6 и 12 марок — «продажи» по нарушению прав частных лиц. 30 и 50 марок встречаем как плату за голову родне убитого: 30 марок — головщина крестьянина и «немца, которого поляки называют гостем» (это не купец, а колонист); головщина рыцаря и купца — 50 марок (ст. VIII и XV). Княжие пени в 50 и 70 марок по значению сродни 40 маркам скандинавского севера. Быть может, и по происхождению: сопоставление систем денежных кар крайне затруднено изменениями в денежном счете (ср. ст. XX).

иное уголовное право, чем в Русской Правде, где разбойник карается потоком и разграблением (III ред., ст. 10), и что вира при нем не была «штрафом в пользу князя»; Владимир впервые заменил эту старую виру за разбой казнью, т. е. правительственным наказанием (потоком и разграблением). Вторая половина отрывка, по мнению В. О. Ключевского, сообщает о другом постановлении, не стоящем в прямой связи с предыдущим: Владимир обратил все вообще виры в «казнь», в наказание правительственное, в ту плату князю, какой является вира в Русской Правде. Таковы текст первого известия о русской вине и наилучший комментарий к нему. Остается, конечно, открытым вопрос, насколько само летописное предание исторически достоверно. Его значение В. О. Ключевский определяет так: «Оба постановления Владимира ставят нас при начале законодательного процесса, создавшего Русскую Правду». Проверить само известие мы можем только сопоставлением его с Русской Правдой, которая содержит указания на несколько иные условия происхождения своих вир.

Исходным пунктом является третья статья Древнейшей Правды: «Аще ли будет русинъ или гридѣнь, любо купѣъ, или ябетникъ, или мечникъ, аще ли изгой будетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». Из перечисленных лиц гридень, ябетник, мечник — люди княжие, члены княжой дружины, его двора; нападение на них есть прежде всего нападение на «княжих» людей, и естественный мститель за них — сам князь. Весь склад понятий и отношений, связанный с представлением о дружине как княжом дворе-огнище, заставляет признать, что 40 гривен тут вира, шедшая князю в случае убийства его мужа. То же надо сказать об изгое: с ним еще встретимся и найдем его под княжой властью и защитой внутри союза княжого мира. Остаются русин, купец и словенин. Договоры с греками под Русью разумели прежде всего княжую дружину; объединение в понятие дружины княжого двора и городской старшины, создание княжой властью городской организации могли привести к тому значению слова «русин», какое всего лучше подходит к смыслу данной статьи²⁵⁷. Купца ее можно истолковать двояко. Если понимать под ним купца, гостя иноземного или иногородного, то упоминание о нем среди лиц, состоящих под особой опекой князя, — обычная черта средневекового права; если же это купец местный, городской, то его можно сопоставить с словенином и связать обе эти черты нашей статьи с новгородской традицией о расширении прав и вольностей новгородских при Ярославе: как упоми-

²⁵⁷ Некоторые списки Русской Правды поняли русина как горожанина, а словенина как селянина. Это толкование позднейшего переписчика отражает весьма древнюю традицию, выражение которой находим в терминологии договоров с греками или Константина Багрянородного и имеющей свой корень в представлении о городе как княжом и дружинном центре.

налось выше, уравнивание словенина (добавим: и купца) в охране его жизни вирой с княжими мужами дает некоторое объяснение, почему в Новгородской I летописи текст Русской Правды помещен вслед за рассказом о награждении новгородцев за киевский поход и получении ими особой грамоты. В этом смысле прав составитель III редакции, приписывая к статье об убийстве княжого мужа (ст. 5): «пакиль людинъ, то 40 гривенъ». Высокая вира, распространение которой на все население (города или земли?) могло первоначально иметь значение уравнивания его с кругом мужей княжих, на деле оказалось орудием усиления княжой власти и увеличения княжого дохода: естественно было ей распространиться и на юге и удержаться в практике княжого управления.

Но о 40-гривенной вире говорит и вторая статья Древнейшей Правды: «аще не будетъ кто мстыа, то 40 гривенъ за голову». Следуя за статьей, определяющей круг законных мстителей как ближайший круг родичей, она говорит о случае отсутствия мстителя. Не вижу возможности переводить с В. И. Сергеевичем: «когда нет желающих мстить», ни принять его замечание: «если некому мстить, то и выкуп платить некому». При дикой вире ни мстить, ни искать некому, а вира платилась. С этим позднейшим правилом о дикой вире естественно сопоставить и данную статью: нет мстителя, то 40 гривен князю²⁵⁸. В 40-гривенной пене Древнейшей Правды вижу санкцию охраны прежде всего членов княжого двора-огнища, распространенную по мере развития роли князя как охранителя общего мира до значения виры — правительственной кары за всякое совершенное убийство.

Та же печать дружинного быта и княжого права лежит на пени в 12 гривен «за обиду». Это первоначально не «продажа», шедшая князю, но и не «частное вознаграждение». Ее значение представляется житейственным с теми 40 марками, какие получал член датского витеблага сверх двух унций золота (вознаграждения за рану), или тех 9 и 6 марок «ob injuriam» [«за обиду»], какие получали шведские герцоги, епископы и бояре при убийстве их человека. Она стоит рядом с возмещением нанесенного ущерба²⁵⁹.

²⁵⁸ В. И. Сергеевич (Лекции. С. 382) сопоставляет с этой статьей постановление смоленского договора с немцами: «Оже имуть Русина вольнаго у вольное жены въ Ризъ или на Готскомь бѣрѣзѣ, оже убьютъ, и тогъ убить; паки ли не убьютъ, платити ему 10 гривенъ серебра», но эта статья идет в параллель не с 2-й статьей Древнейшей Правды, а ст. 17—19 Правды Ярославичей: убитый на месте преступления «той убить и есть», а не убили его на месте — то кара по уставу, а не самосуд.

²⁵⁹ Древнейшая Правда: «личью мзда» — ст. 6: «изимати ему свой челядинъ» — ст. 15; «взяти ему свое» — ст. 17; получение «своего скота» — ст. 20. 12 гривен, по-видимому тоже «за обиду», платит по ст. 12 господин холопа, ударившего свободного мужа за то, что не хочет его выдать. Этим дело не кончилось:

Истинный ее смысл как платы «за обиду» виден, из того, что эта плата за личное оскорбление²⁶⁰.

В. О. Ключевский отметил, что Русская Правда «оказывает усиленное внимание к чести людей, постоянно имеющих при себе наготове меч, т. е. военно-служилого класса, так что это внимание является не правом всех, а привилегией лишь некоторых», но полагает, что «эти тонкие различия оскорблений по их нравственному действию» внесены в Правду позднее²⁶¹. Но они особенно характерны именно для Древнейшей Правды,

оскорбленный мог убить холопа, или «бити и розвѣзаше», или помириться на гривне кун за сором (постепенное смягчение нормы — ст. 87—88 III ред.). Ср. любопытный вариант к ст. 47 Пространной Правды у Калачова, CVII: «А оже уведеть чюжь холопъ либо робу, платити ему за обиду 12 гривнѣ; а князю продаже 12 гривне, а челядинѣ или украдше или уведенѣ есть»^{53*}. Древнейшая Правда, ст. 7, 8, 11. В последней характерно, что 12 гривен назначены за ус и бороду, а за отрубленный перст — всего 3. Гривна за угрозу (ст. 12), 3 гривны, «... аще ринеть мужь мужа любо отъ себе, любо к собѣ» (ст. 13; ср. ст. 36 III ред.), платы, вызванные скорее борьбою против насильничанья буйных людей в среде городского населения, чем в среде дружинной: и в этой черте можно видеть шаг княжой власти навстречу требованиям городского населения (ср. рассказ саги об Олаве, приведенный В. О. Ключевским во 2-м Приложении к «Боярской думе») ^{54*}. Вообще вся тенденция этих норм — борьба против самоуправства. Раз на месте не разрешилось столкновение (ср. ст. 28 III ред.: «Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему въ томъ нетуть»), то потом обязательно удовлетвориться уставной платой: «аще сего (ударившего) не постигнуть, то платити ему, то ту тому конецъ». Княжие виры и пени «за обиду» — орудие против самоуправства и постепенно вытесняют месть и личную расправу. Вопрос об «отмене мести» спорен. Видят ее в указании статьи Пространной Правды: «отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати». Но так как не вижу оснований двоить съезд Ярославичей из-за слова «паки», которое не значит вторично (ср. ст. 5), и вопреки словам «по Ярославѣ», то не знаю, видеть ли в этой статье след нормы, не сохраненной в дошедшем тексте Правды Ярославичей, или плод компилятивной работы, ненадежный характер которой был выше отмечен. Ст. 9: «Аще утнеть руку и отпадетъ рука, любо усьхнеть, то 40 гривны» — вознаграждение за увечье, заимствованное из цены мужа по вире, подобно тому как Литовский статут определяет плату за раны и увечье в некоторых случаях как за головушину или как за целого человека.

²⁶¹ Ключевский В. Курс. Ч. I. С. 292. Пространная Правда, черпая из Древнейшей, повторяет (ст. 27 и 25) ст. 7 и 8, но ее «за обиду» толкует, по своему времени, как «продажу». 3 гривны «за обиду». ст. 11 — тут (ст. 30) «продажа» рядом с вознаграждением гривной кун (последнее, вероятно, подразумевается и при ст. 11 Древнейшей Правды, подобно «личью мзда» ст. 6). В продажу обратились и 3 гривны за обиду ст. 6 в ст. 34 Пространной Правды (см. чтение «продажи» Карамзинского списка). Любопытны платы «за обиду» ст. 78—80, защищающих закупа от обид господина: за имущественный ущерб «все воротити» и «за обиду платити ему 60 кун»; за залог закупа в кунах «за обиду платити ему 3 гривны продажи»; за продажу закупа в рабство — то же. Последнее понятно: продажа идет сверх освобождения закупа от всех обязательств (а наймиту свобода во всех кунах), но в ст. 73 не ясно, чтобы куны взыскивались в пользу закупа, как полагает М. Ф. Владимирский-Буданов (Христиоматия. Вып. I. С. 61). Указанные суммы — продажи, но не указывает ли выражение «за обиду» на первоначально иное значение их? Более вероятным считаю, что тут перед нами только позднейшая терминология, отождествившая «за обиду» и «продажу» ввиду их исторической связи.

свидетельствуя о том укладе быта и воззрений, среди которых возникли ее древнейшие нормы, чтобы затем, видоизменяясь, войти в общенародное право.

Такое представление о древнейшей основе Древнейшей Правды тесно связано с развитым на предыдущих страницах мнением об организующей городской строй и городские области деятельности князей, кульминационный пункт которой естественно отнести ко временам Владимира и Ярослава. Так определится по совокупности данных время, к которому можно предположительно отнести первое значительное воздействие княжеско-дружинного права на обычное право восточного славянства, или, точнее, распространение некоторых норм первого на примкнувшие к городскому строю княжих городов элементы второго. Подобно тому как на скандинавском севере 40-гривенная вира стала орудием значения князей как защитников мира и права. Но ее происхождение следует искать в области специального княжого мира, охранявшего прежде всего княжих людей. Отсюда переходит она в более широкую область общего земского мира и права, как и пеня «за обиду».

Правда Ярославичей раскрывает нам дальнейшие судьбы специальной княжой защиты. В первых пяти ее статьях речь идет о защите княжого огнищанина. Вира за его убийство — 80 гривен, вира двойная. Трудно сомневаться, что это нововведение времени Ярославичей. За это говорит запись такого факта: «а конюхъ у стада старый 80 гривенъ, яко уставиъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже убилъ Дорогобудци» (ст. 5). Конюх старый — княжой муж, тиун конюший 13-й статьи Пространной Правды, которая рядом указывает виру в 10 гривен за простого конюха, равного отроку или повару. Конюх старый — огнищанин, подобно ездовому или княжому тиуну (Пространная Правда — ст. 13 — видит в этом последнем, упоминаемом в ст. 14 Правды Ярославичей, тиуна огнищного, дворового). Но, с другой стороны, ездовой и тиуны отличаются от огнищанина, быть может, тем, что они — вспомним каженика, тиуна огнищного князя Изяслава, упоминаемого в Патерике Печерском, — могли быть и несвободными людьми. Если при этой вире платилась особо головщина, то она могла быть и различной для различных людей княжих при одинаковой вире. Но платилась ли особая головщина при 80-гривенной вире? На это Русская Правда прямого ответа не дает. Сравнительно-исторические данные говорят, однако, скорее в пользу утвердительного ответа²⁶², как и Пространная

²⁶² Бруннер задается обратным вопросом: «При убиении дружинника по англосаксонскому и шведскому праву (добавим: и датскому — см. выше) платилась господину особая пеня, как Mannbusse, сверх вергельда, шедшего родичам. Такая пеня была, по-видимому, известна первоначально и лангобардскому праву, тогда как оно позднее предоставляло размер вергельда дружинника в известных границах усмотрению короля. У франков господин имеет позднее

Правда. В этой последней находим повторение ст. 2 Правды Ярославичей относительно платежа 80 гривен за княжого мужа-огнищанина вервью, если «убийца не изыщуть» («головника не ищють»), и следом ряд статей о платеже вир вервью. Правда, тут читаем только о 40 гривнах, платимых «вообчи», «из дружины», с упоминанием о том, что головничество платит сам головник. Но что 80-гривенная вира не разложима на 40 гривен виры и 40 гривен головщины, видно из «урока Ярославля» о «поконѣ вирном» в той редакции, какую находим в Пространной Правде²⁶³. Нет оснований предполагать, что при уплате 80-гривенной виры головник не платил головщины и что, стало быть, слияние их в одной сумме вызвано было тем, что обе суммы шли князю, да особым порядком взыскания: тут все платилось вервью как вира.

Кроме того, Русская Правда не дает никаких указаний на размер древнерусской головщины. Единственное упоминание о ней — указанная статья Пространной Правды²⁶⁴, и переносить на время Ярославичей позднейшее равенство виры и головщины (например, в Литовском статуте) нет основания. Как бы то ни было, перед нами двойная вира княжого мужа-огнищанина. Не думаю, чтобы эту двойную виру было правильно назвать привилегией княжих мужей. Не их это привилегия, а князя, которому шла вира; не в силу самодовлеющего общественного значения, а по личной связи с князем и его двором пользовались

право мести и иска за убийство своего человека, а дружинники короля отличены повышенным вергельдом»; притом он осторожно называет соблазнительным предположение К. Маурера, что этот повышенный вергельд сложился из пени господину «за обиду» и виры, причем позднее вся сумма была предоставлена потерпевшим (*Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I. S. 193*). У нас вся сумма идет князю, причем аналогия плат «за обиду», ставших продажами князю, заставила бы предположить, что не то, что шло князю, уступалось потерпевшему, а обратно: вытесняя месть «казнью», княжая власть и выкуп мести — цену мира — обращала в княжую пеню. Но смена 40-гривенной пени 80-гривенной говорит в пользу простого удвоения виры. Этим, однако, вопрос о головщине еще не решается. Все дело в том, существовала ли она при прежней 40-гривенной цене? Отрицательный ответ может быть легко подсказан строем двора-огнища относительно княжих мужей: огнищане как члены этого двора княжого им поглощались, в нем имели мстителей, и пеня их вождю и была ценою мужа. Но такое априорное суждение не может быть поддержано никакими историческими данными, так как в дошедших до нас источниках уже не отразилось это предполагаемое «первичное» состояние дружины.

²⁶³ Ст. 12: поконы вирные указаны с 40 гривен вирнику 8, с 80 — вирнику 16.
²⁶⁴ Насколько она игнорирует головщину, видно из ст. 34—35: «Аже ударить мечем, а не утнеть на смерть, то 3 гривны (продажи — Кар.), а самому гривна за рану же лѣчебное; потнеть ли на смерть, а вира» — без прибавления «и головщина». Это особенно странно при множестве указаний на вознаграждение потерпевших. Ср. замечания М. Ф. Владимирского-Буданова: «Высота головничества не определяется законом» (*Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 317*) и Н. А. Максимейко: «Литовский статут отступает от Русской Правды в том отношении, что головщина его имеет определенный размер, тогда как головничество Русской Правды не имеет такового» (*Максимейко Н. Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894. С. 38*).

они усиленной защитой. Так князь и юрисдикцию свою над своими людьми охранял высокой пеней за наложение кары («муки») «без княжого слова» на огнищанина, тиуна княжого или мечника²⁶⁵. Повышенная вира обнимала не все разряды княжих людей: отроки, детские, мечники остались, судя по указаниям Пространной Правды, при 40-гривенной. Лишь бытовое положение и равенство в вине с людьми свободными выделяли их как мужей княжих, да защита 12 гривен.пеней от «муки без княжого слова».

Самодовлеющая организация дружины развилась в древней Руси несравненно менее, чем, например, в меровингской Франции. Она не получила особого от князя вождя и не сливалась в рассматриваемый период (позднее отношения строятся на иных основаниях) с княжим двором, точнее сказать, чем дальше, тем больше от него отделялась. Слишком велико было значение организации, которую деятельность князей вносила в среду населения, слишком много уходило на эту организацию дружинных сил, чтобы дружина могла прочно сложиться в особое, самостоятельное целое, отграниченное от верхних слоев городского населения. Сильно поднявшая свое значение городская вечевая стихия в XI—XII вв. втягивает в себя дружинные, боярские элементы. Яркий пример тому — положение тысяцкого, правой руки князя, который не стал, однако, во главе дружины, не соединил в своей руке всех военных сил княжества. Князь остается сам вождем своей дружины, как сам держит и двор свой. Но это отсутствие в древнерусской жизни, насколько можем ее разглядеть сквозь призму наших источников, четкой обособленности и замкнутости дружины не устраняло особого характера дружинных отношений, влияние которых на положение князя среди населения, чем дальше, тем больше его преобразовывало, подготавливая превращение князя в вотчинника удела, политической единицы, в которой все отношения будут определяться личным отношением к князю составных ее элементов.

Особенно характерной чертой внутреннего уклада дружинных отношений в древнейшее время была выше признана принадлежность дружинника к княжому двору-огнищу как домочадца,

²⁶⁵ Ст. 14 Правды Ярославичей. В позднейших списках встречаем статью, указывающую на вознаграждение потерпевшему неправильную кару: «Оже утяжут в мукъ, а посадить у дворянина, 8 ногать за ту муку, а у колоколници бьюгъ кнутомъ, а за ту муку 800 гривень»: Эта статья, последняя в Карамзинском списке, понятна только в сопоставлении с 14-й статьей Правды Ярославичей. Ср. сопоставление княжой кары и вознаграждения потерпевшему в ст. 103 Пространной Правды: «Аже смердь (?) мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ; аже огнищанина мучить, то 12 гривень продажъ, а за муку гривна»: при равном вознаграждении потерпевшему — различная продажа.

слившегося с этим огнищем все свои личные и имущественные интересы. Быстро разлагается в ходе жизни русской бытовая основа этих отношений. Но следы ее живут, как мы видели, в солидарности князя и дружины в доле и недоле. И в конце XII в. могла дружина, как во времена Игоря, сказать князю: «а ты добудеши, и мы», добавив, в годину усобиц: «а ты погубиши — и мы». Но этим не исчерпываются пережитки прежнего положения огнищан, отразившиеся в чертах позднейшего быта. В их ряд надо поставить и статьи Русской Правды о боярском наследстве.

В составе Пространной Правды сохранилась статья: «О задницѣ боярстѣи и о дружнѣи: аже въ боярехъ любо дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, а дчери возмуть»²⁶⁶. Отрицательная форма статьи, противопоставляющая порядок наследования в боярских имуществах тому, какому подчинены смердьи статьи, может быть принята за указание на видоизменение прежнего обычая.

Как в вышеупомянутых чертах средневекового западноевропейского и сербского права, вижу тут смягчение в пользу дружины, ставшей боярством, древнего права, не знавшего имущественной самостоятельности княжих мужей-огнищан. Статья — ибо это одна статья — говорит о наследстве дочерей²⁶⁷. Расширять ее значение до наследования боковых нет прямого основания, хотя несомненно, что такое расширение принесено было жизнью, и в этом историческое значение нашей статьи; но едва ли возможно утверждать, что оно лежало уже в первоначальном смысле ее. Такое же ограничительное замечание следует сделать и по вопросу о том, какое имущество разумеет эта статья. Один из списков сохранил в варианте «остатках» указание, что речь шла о «статках», т. е. об имуществе движимом²⁶⁸: нет прямого указания на отношение этой статьи к боярским селам; находим же в «Законнике» Душана рядом со статьей, ограничивающей права

²⁶⁶ Для меня не подлежит сомнению, что таково лучшее чтение статей 119 и 120 Пространной Правды, неразрывно связанных по содержанию. Ср. выше сходную статью Законника Душана. Другой заголовок — «О боярских остатках (читай: статках) и о людских» или «О боярстей задницѣи и о людстѣ» — распространяется и на следующие статьи (121 и далее), а вариант «любо в боярстѣи дружнѣи» создан тенденцией этого свода вставлять — быть может, соответственно росту в XIII в. боярской силы — указания на боярские права.

²⁶⁷ Несколько иначе шло смягчение дружинного права в Польше: в упомянутой Польской Правде XIII в. читаем в ст. 21 о наследстве рыцаря: «Если муж не оставил сына, то жена владеет имуществом, пока остается без мужа; а когда она умрет, то наследство берет господин мужа; если же он оставил дочь, то должен господин ее справедливо наделить и дать столько вещей, как имела мать, как сказано выше». А выше упомянуто, что мать, выходя замуж вторично, имеет право на двух лошадей с повозкой, на служанок, скот и вещи, что она принесла с собой в дом первого мужа или купила на деньги, вырученные от продажи льна или другого зерна, принадлежавшего ей в собину.

²⁶⁸ «И дворъ зажгоша и статокъ его весь поимаша» (Ипат. С. 450, под 1190 г.). Судебник 1497 г.^{55*}, ст. 60: «статокъ весь и земли».

царя на ценные статки властелинские, признание наследства в земельных имуществах «до третьяго братучада»²⁶⁹. Каково было наследование в боярских селах в эпоху Русской Правды, она не говорит, но чтобы предполагать для древнерусского права такое же различие, как в постановлениях более позднего типа²⁷⁰ «Законника» Душана, нужно было бы иметь определенные основания. За неимением их наиболее естественным представляется предположение, что к вопросу о наследовании в земельных имуществах применялись в данном случае те же нормы, что и к «статкам». По крайней мере, в позднейшем западнорусском праве не видим различия в наследовании имуществ движимых и недвижимых. Нет основания предполагать его и для Русской Правды.

Чрезвычайно спорен вопрос об отношении статей Русской Правды, трактующих о боярском наследстве, к общему наследственному праву ее времени. М. Ф. Владимирский-Буданов решительно настаивает на том, что в этих статьях перед нами норма общего права, что касаются они наследства «бояр и людей» в отличие от смердов²⁷¹. В. И. Сергеевич, напротив, считает именно содержание ст. 117 о смердьей заднице «общим правилом о судьбе выморочного имущества»; а объяснению остальных статей Русской Правды о наследстве посвящает несколько страниц своих «Лекций и исследований»²⁷². Выводы В. И. Сергеевича резко расходятся с изложенным выше толкованием статей о боярском наследстве и основаны на ином чтении самого текста. «Единственно возможным» считает В. И. Сергеевич для 119-й статьи чтение списка Дубенского (Мус.-Пушк.): «аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ», отрицая всякую связь между нею и следующей (120): «но оже не будетъ сыновѣ, а дчери возмуть»; союз «но», связавший непонятным для В. И. Сергеевича образом эту статью с предшествующей, устраняется замечанием, что он встречается не во всех списках, и предположением, что союз этот вставлен некоторыми переписчиками «по непониманию старого текста». Такому исправлению текстов считаю необходимым противопоставить два утверждения: 1) что оценка варианта «аще въ боярстѣй дружинѣ» должна быть поставлена в связь с другими примерами, где Пространная Правда вставляет свои замечания о боярских людях взамен или в дополнение к первоначальным чтениям статей Русской Правды²⁷³,

²⁶⁹ Законник Стефана Душана, ст. 100, 101.

²⁷⁰ «Более позднего типа» потому, что в «Законнике» речь идет только об определенных предметах, составляющих, как конь и оружие (эти идут царю), отличие военного слуги либо, как бисерная свита и золотой пояс (эти уступаются дочери), отличие боярского звания. Русская Правда говорит вообще о «статках».

²⁷¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 479—480.

²⁷² Сергеевич В. Лекции. С. 537—548.

²⁷³ Так она вставила тивуна боярского в 3-й статье, замечание «такоже и за боярескъ» после 13-й.

и 2) что связь между 119-й и 120-й ее статьями неустранима. Первое соображение заставляет признать вставку слова «бояр-стѣй» в тех списках, где оно есть, а не пропуск его в остальных. Второе, помимо того что чтение слов «оже не будетъ сыновъ, а дщери возмуть» как отдельной статьи, а не окончания предыдущей не дает ответа на вопрос, о чьих сынах идет речь и что «возмуть» дщери, вытекает из параллелизма ст. 117—118, 119—120 (о смердѣм наследстве — о правах дочери смерда; о боярском наследстве — о правах дочери боярина)²⁷⁴. Притом сходные черты наследственного права на боярские имущества у других народов устраняют повод и надобность критики, отрицающей содержание нашего источника, критики, для которой нет опоры и в данных нашего отечественного исторического материала.

Таковы немногие черты, какими отразилось в источниках наших правовое положение древнерусского боярства. Они носят черты его дружинного происхождения. М. Ф. Владимирского-Буданова именно эта последняя печать побудила отвергнуть толкование ст. 119—120 как специальных норм боярского наследства, так как «в эпоху 3-й Русской Правды, т. е. в XII—XIII вв., класс этот должен быть признан вполне свободным от личной зависимости от князя»²⁷⁵. Та характеристика эволюции дружины в боярское сословие, которая была выше намечена, лишает меня возможности принять это общее положение за критерий для оценки нашего источника: боярство до конца рассматриваемого периода оставалось, несмотря на глубокие перемены в его положении, классом княжих мужей. И в пользу этой точки зрения на древнерусское боярство говорит, полагаю, между прочим, и то, что она дает возможность более консервативного толкования статей Русской Правды.

Признание за боярскими дочерьми права на наследование отцовского имущества — крупный шаг в развитии прав боярского сословия. Вспомним, что в меровингской Франции право наследования дочерей и сестер ранее признано, точнее, введено для наследования крестьянских имуществ, чем боярских²⁷⁶. У нас признание боярской дочери наследницей стоит

²⁷⁴ Комментарий к этим статьям, предложенный В. И. Сергеевичем, предполагает не только их случайную последовательность (против чего говорит указанный параллелизм), но и неправильное установление связи между ними компилятором, искусственно связавшим «по непониманию старого текста» разнородные нормы, перedefируя и искажая свой источник, вводя в него по недоразумению новый смысл. Но основание этой критики текста не в объективных данных каких-либо источников, а в несоответствии их точного смысла точке зрения, устанавливаемой исследователем.

²⁷⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 480. В надписании 119 (104) ст. по Карамзинскому списку «О боярскомъ наследствѣ и о людскомъ» Буданов хочет видеть указание, что речь идет о порядке общем, но статья говорит о боярах и («боярской») дружине. Надписание можно отнести лишь ко всему дальнейшему ряду статей.

²⁷⁶ Эдикт Хильперика^{56*}. См.: *Glasson E. Le droit de succession dans les lois barba-*

рядом с отрицанием женского наследования в статье о наследстве смерда и в ст. 125, формирующей общее положение народного права²⁷⁷.

С этим нарастанием боярских прав, вероятно, связана любопытная черта Пространной Правды: те ее статьи, где встречаем слово «боярский». Статья о боярском наследстве в некоторых списках редактирована так: «А иже въ боярехъ или же въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ» (Кар.), и даже: «аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ» (Мус.-Пушк.). Что тут мы имеем дело не с первоначальным текстом, заставляет признать невозможность связывать эту форму статьи с дальнейшим: «но оже не будетъ сыновъ, и дчери возмуть». Понятно, что В. И. Сергеевич, оказав ей предпочтение, должен был разорвать такую связь статей. Рядом с этим упоминанием о боярской дружине стоят такие черты, как упоминание боярского тиуна в двух статьях — 3-й и 89-й и приписка «также и за боярескъ» после статьи «о княжи мужъ» (13—14). И тут явно сказывается позднейшая рука. Третья статья Пространной Правды повторяет третью же Древнейшей Правды, заменив ее ябетника своим тиуном боярским. Полагаю, что ябетник выбыл не бесследно, а только перешел во 2-ю статью как тиун княжой, как оцененный (по 4-й статье Правды Ярославичей) в 80 гривен: первоначальное значение обоих слов было, быть может, и на русской почве равносильно²⁷⁸. Заменивший его боярский тиун, по ст. 89 — холоп, на которого «по нужи» вскладывают послушество, «оже не будетъ свободнаго». Мысль, выраженная его упоминанием в ст. 3, что за его убийство плата 40 гривен, та же, что в ст. 14: «также и за боярескъ», пытающейся приравнять плату за боярских людей плате за людей княжих. Точный смысл этого приравнения остается, впрочем, неясным, так как ст. 13 говорит о плате 40 гривен за княжого отрока, конюха или повара, 80 гривен за огнищного и конюшего тиунов, 12 — за сельского и ратайного тиунов и 5 — за рядовича. В сущности, приписка ст. 14 имела в виду, скорее всего, только последние две цифры и должна быть отнесена к тексту «а въ сельскомъ тивунѣ . . . 5 гривенъ», который можно рассматривать и как отдельную статью: ведь ст. 3 не приравнивает боярского тиуна княжому. Боярский тиун в ст. 77 Карамзинского списка (=ст. 89 по изд. В. И. Сергеевича) опре-

res Nouvelle Revue historique de droit français et étranger. P., 1885. T. 9; *Idem*. Histoire du droit et des institutions de la France. P., 1889. T. 3. P. 81; *Gierke O.* Erbecht und Vicinenrecht im Edict Chilperichs // ZSSR. GA 1876. Bd. 12.

²⁷⁷ Ст. 118 (см. о ней ниже); ст. 125: «Аже будетъ сестра въ дому, то той задницѣ не имати, по огнатию ю за мужъ братия, како си могутъ».

²⁷⁸ Сев.-нем. *ambalt*, сканд. *ambatt* — слуга из челяди, как и тиун (готск. *thius*, сев.-нем. *diu*; ср. *dienen*). В феодальной Европе видим иногда название *amtmann* — пренозита — тиуна в крупном землевладельческом хозяйстве частных владельцев.

делен как тиун «дворьский» (в отличие от сельского, ратайного); перед нами та же фигура в боярском быту, что тиун огнищный при княжом дворе.

Все эти черты — упоминание о боярской дружине, о боярских тиунах — могут иметь реальную, бытовую основу для поздних моментов рассматриваемой исторической эпохи, когда укрепившееся правовое и бытовое положение боярства выдвинуло вопрос о боярских людях, которых зависимость от бояр-вотчинников начинает закрывать от княжой власти. Не придавая, впрочем, особого значения этим предположениям, высказываю их прежде всего для выяснения, почему не считаю упомянутые черты Пространной Правды данными для изучения положения боярства в XI—XII вв., и усматриваю тут позднейшие редакционные наслоения в ее тексте.

5. Население княжих сел

Правдой Ярославичей и рассмотренными статьями Пространной Правды очерчен собственно дружинный круг специальной княжой защиты, опеки и власти. Но этим наш вопрос не исчерпан. В особом отношении к князю стояло и население княжих сел, в составе которого находим кроме несвободной челяди людей полусвободных. Княжое землевладение и княжое хозяйство тех времен слабо обрисованы в наших источниках; точнее, вовсе не обрисованы, а лишь указаны, случайно и мимоходом. Но существование княжих дворов и сел с сотнями челяди, с конскими табунами и стадами скота, с земледельческим хозяйством устанавливается этими упоминаниями в достаточной степени. Только в Новгороде княжое землевладение не пустило корней, несмотря на усилия князей его создать: новгородцы лишь отводили им известные угодья в пользование²⁷⁹. Домашнее и сельское хозяйство княжое велось преимущественно трудом челяди, трудом холопским, под надзором тиунов огнищных, сельских, ратайных, конюших и рядовичей. Но грамоты XII в. указывают нам еще одну черту.

Так, в Уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии (1150 г.)^{57*} читаем, что князь дает святой Богородице «село Дросенское со исгои и съ землю» и «село Ясенское и съ бортникомъ и съ землю и съ изгои»²⁸⁰. Для определения того, что такое изгон, имеем всего два текста.

²⁷⁹ «Такое различие, — замечает В. И. Сергеевич, — государственных имуществ и лично княжеских могло быть и в других княжениях вечевой эпохи» (Сергеевич В. Лекции. С. 328; ср. С. 22; *Он же*. Русские юридические древности. Т. 3. С. 22). Но в других княжениях не было условия, вызвавшего появление особых земель, бывших лишь в пользовании князей: отрицания княжой частной земельной собственности.

²⁸⁰ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия. Вып. 1. С. 245.

Во-первых, известную глоссу в Уставе князя Всеволода Мстиславича о церковных судах, говорящую о трех изгоях: безграмотном поповиче, обанкротившемся купце и выкупившемся на волю холопе. Историки русского права согласны в признании первоначальным и типическим значения изгоя как вышедшего из неволи холопа²⁸¹, на что указывает второй текст: в «Наставлении духовнику о принятии кающихся»²⁸² находим требование, чтобы, кто продаст челядина или принимает от челядина выкуп, брал не больше, чем сам за него заплатил; кто не удовлетворяется этим, а емлют «изгойство на искупающихся от работы», требуют с помощью лжесвидетелей сверх «цены уреченой» лишней платы с бывшего холопа после выкупа или «изгойства» за детей, родившихся уже на свободе, те свершают тяжкий грех, который «горѣ всего». Из текста ясно, что изгой — вышедший из неволи холоп; но своеобразная терминология, означающая особым словом «изгойство», не выкуп, платимый холопом господину (это справедливая, если равна тому, что за холопа заплачено, или «уреченная» цена), а лишек, несправедливо взыскиваемый с бывшего холопа сверх выкупа или за детей, рожденных на свободе, заставляет поставить вопрос, на который, впрочем, не может быть прямого ответа по недостатку данных: не явились ли подобные притязания господ на «изгойство» пережитком более древних воззрений и отношений, по которым вышедший на волю холоп оставался под известной властью господина?²⁸³

Если даже признать такое предположение не лишним основанием, то немногие дошедшие до нас известия об изгоях дают уже иную картину их положения. Они живут в селах, жертвуемых князем церкви²⁸⁴. Древнейшая Правда уже называет изгоя в ряду людей, состоящих под княжой защитой. Видим их в среде «церковных людей», подсудных церковным властям и составляющих рабочую силу в церковном хозяйстве: «Уставъ Ярославль о мостѣхъ» говорит о повинности, лежащей на «владыцѣ съ изгой», а Климент Смолятич подчеркивает экономическое значение изгоев в развитии крупного церковного землевладения, осуждая «славы хотящихъ, иже прилагають домъ къ дому, и села къ селомъ, изгой

²⁸¹ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 274; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 380.

²⁸² РИБ. Т. 6. С. 842—843. Ср. замечания М. А. Дьяконова (Очерки общественного и государственного строя древней Руси (до конца XVII в.). Юрьев, 1907. Т. I. С. 114).

²⁸³ Явление широко распространенное в истории либертината на Западе. Ср.: Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I. S. 142—144, 146—147) и особенно Vormoor J. Soziale Gliederung im Frankenreich. Leipzig, 1907. Борьба церкви с изгойством связана с стремлением ее к монополии на опеку над изгоями как церковными людьми и имеет свои яркие аналогии в истории западной церкви.

²⁸⁴ Ср. «на княжи селъ на Изгояхъ» (ПСРЛ. Т. IV. С. 187).

же и сябры, и борти, и пожни, ляда же и старины»²⁸⁵. Их «безатщина» идет епископу по Уставу Ярослава.

В. И. Сергеевич полагает, что «слово изгой может быть применено и вообще для обозначения низшего разряда людей, смердов, крестьян. Именно в таком смысле, кажется нам, — говорит он, — употребляется оно иногда в княжеских жалованных грамотах. Князья, даря монастырям деревни и села, говорят, что они дарят их „со изгой“. Это значит, что князь, одаряя монастырь своей землей, передает ему и те участки, которые сданы были крестьянам»²⁸⁶. Слова Климента Смолятича показывают, что

²⁸⁵ Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя 12 в. СПб., 1892. С. 104. С изгоями следует сопоставить «задушных людей», пушеников, прощеников. Задушных людей как зависимых, передаваемых с землею или без земли церкви в виде пожертвования на помин души, встречаем и в Чехии. Положение этих *proanimatores*, *proanimati*, задушников, душников характеризуется тем, что они несут определенные повинности и платежи и что их земля при отсутствии прямых наследников переходит к церковному учреждению (Ясинский А. Н. Падение земского строя. С. 45; Грот К. Я. [Рец.] А. Н. Ясинский. Падение земского строя. С. 126; Lippert J. Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. Prag; Wien; Leipzig, 1896. Bd. 1. S. 282).

Словом «пушеник» Устав Всеволода Мстиславича заменяет «прошеника» Устава Владимира (Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. 1. С. 214, 229). В пушенике естественно видеть вольноотпущенного холопа, а И. И. Срезневский (Срезневский И. И. Материалы. Т. 2. Стб. 1611) предлагает — с вопросительным знаком — отождествить прошеника с задушным человеком. Ср. Прошеник (село?) в Новг. I. С. 329. Прошеника обыкновенно объясняют как «получившего чудесное исцеление» (Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. 1. С. 230). Ср. замечания Голубинского (Голубинский Е. Е. История русской церкви. 2-е изд. М., 1901. Т. 1. С. 423). Во всяком случае, под этими терминами может скрываться довольно пестрая по составу и положению социальная группа (ср.: Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.) СПб., 1898. С. 296 и след. — о «трудниках» монастырских).

²⁸⁶ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 273—274. «В московских грамотах XIV в., — добавляет В. И. Сергеевич, — крестьяне называются не изгоями, а сиротами», и ссылается на: 1) жалованную грамоту Тверскому Отроучу монастырю, освобождающую «монастырских людей», в том числе и сирот, «кто имѣтъ съдѣти на земли святое Богородици», от платежей и повинностей; 2) жалованную грамоту Троицкому монастырю: «а слугамъ Сергѣевымъ креста не цѣловати, сироты ихъ стоять у креста», и 3) жалованную грамоту Микуле с детьми: «не надобѣ имъ потянути Новоторжъци ни въ которую дань, ни въ Ординское серебро, ни его сиротамъ». Все — зависимые, чьи-либо люди. Последний пример показывает, что слово «сироты» шире, чем «изгой», но не до значения вообще «крестьяне». Ср. еще грамоту митрополита Киприана Константиновскому монастырю: «... ходите вси по моей грамотѣ: игумень сироты держи и сироты игумена слушайте» и противоположение сирот крестьянам в духовной Антония Римлянина: «... ни себѣ покоя не дахъ и братии, и сиротамъ, и здѣ крестьянамъ досаждая»^{58*} (ААЭ. Т. 1. № 5, 7; ДАИ. Т. 1. № 9; ААЭ. Т. 1. № 11; Милютин В. О недвижимых имуществх духовенства в России // ЧОИДР. 1859. Кн. 4. С. 29). Более широкий смысл слова «сироты», какой придает ему В. И. Сергеевич, находим, например, в 114-й статье Пространной Правды по Мусин-Пушкинскому списку, где слова «князь бояринъ или купецъ или сирота» объемлют, по-видимому, в представлении писавшего, все разряды насе-

не все изгой, что сидят на церковной земле; от них отличны сябры. Объяснения положению изгоев надо искать в общественном положении вышедших из неволи холопов. На другие разряды это понятие распространилось по аналогии их положения под опекой церкви.

Ответ, соответствующий смыслу скудных данных, какими располагаем для ознакомления с древнерусскими изгоями, дает сравнение с положением вышедших из неволи холопов по средневековому германскому праву. Большинство их попадало в положение людей полусвободных²⁸⁷, оставаясь в известной зависимости от прежнего господина или поступая под властную опеку короля и церкви. Особенно характерно для их истории стремление церкви втянуть их в круг своих интересов. Церковь поощряла отпуск холопов на волю как дело богоугодное, настаивая в то же время на своем праве брать отпущенных под свою опеку, причем стремилась провести признание этого права относительно всех пущеников и добиться подсудности своим судам всех споров о свободе. Эти тенденции церкви стали вразрез с интересами светской власти, и она признала за церковью право опеки лишь над известными разрядами пущеников, сохраняя другие для себя²⁸⁸. Оба разряда либертов, королевские и церковные, имели ту общую черту, что их имущество при бездетной смерти шло в казну или в церковь²⁸⁹. Положение пущеников, попавших под опеку церкви, — наследственная зависимость, из которой принципиально нет выхода. Для остальных возможна новая эмансипация с переходом к полноте прав гражданских. Но они одинаково полусвободные, составляя ряд переходных ступеней между полной неволей и гражданской свободой. Указанное правило относительно их наследства — одна из черт, характеризующих их зависимое положение. Причина этого зависимого положения пущеника та, что он изгой, т. е. человек, вышедший из общественного положения, к какому принадлежал по происхождению, стоящий вне общественной организации. При огромном значении, какое в древнем быту имела порука семьи, соседей, сотни, верви, господина²⁹⁰, это более или менее значило оказаться

ления. Это расширение смысла слова «сироты» естественно отнести ко временам, когда восторжествовало представление, что вся земля княжая.

²⁸⁷ О редкости случаев отпуска на волю в полноправное положение см.: Vormoor J. Soziale Gliederung. S. 7; Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I. S. 359.

²⁸⁸ Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. S. 359—360.

²⁸⁹ По Рипуарской Правде^{59*} (см.: Vormoor J. Soziale Gliederung. S. 42—43).

²⁹⁰ Ср. наглядное изображение поруки в сербской песне, приводимой Новаковичем: «Изгуби ее пашина јабука — у Будиму граду бијеломе. — Пушта паша лакога телала, — да се један за другога јемчи: — за којера јемац не изиде, — хоче њега паша погубити. — Све се један за другога јемчи, — све богати те за богатога, — сиромаси један за другога: — за једнога јемац не изиде, — за јунака мајстора Манојла» (Новаковић Ст. Село С. 112). Не знаю лучшей иллюстрации средневекового поручительства.

вне закона. Лишь опека князя или церкви вводила изгоя снова в правовой союз. Рядом с этой стороной дела стояла другая, экономическая необходимость искать обеспечения и приложения своему труду. Вне частной зависимости путь к ее удовлетворению вел на княжие и церковные земли²⁹¹. Так, развитие княжого и церковного землевладения дает выход элементам населения, выбитым судьбою из обычного строя и уклада народной жизни. Это выход в состав особого социального союза «княжих людей» и «людей церковных», стоящего вне народной общины и тесно сплоченного связями покровительства и зависимости труда и обеспечения в чужом крупном хозяйстве. Что касается имущественного положения изгоев, то единственное указание, какое имеем в так называемом «Уставе Ярослава о церковных судах», дает черту, схожую с тем, что мы видели на Западе: «безатшина ихъ епископу идеть», причем эта уступка епископу княжого права. Перед нами особый «союз княжеской защиты, стоящий вне общегосударственного союза членов племени и построенный на совершенно иной основе» (Хальбан). Основа его не взаимная порука и защита членов общины, а властная опека князя. И рядом с этим «союзом княжой защиты» вырастает другая организация, столь же выделенная из общинного уклада жизни населения, — церковное общество, получающее от княжой власти свои особые права, свой особый строй.

6. Вопрос о смердах

Сложный и спорный вопрос о древнерусских смердах неотделим от общей темы этого очерка, посвященного характеристике сил, на которые опиралось личное и не зависящее от вечевой общины положение и влияние князя в земле-княжении. Выше уже приходилось касаться некоторых данных относительно смердов²⁹². Не повторяя того, что там отмечено, остановлюсь прежде всего на толковании статей Русской Правды о наследстве смердов.

Надписание этих статей — 117-й и 118-й — Пространной Правды в разных списках различно. Одно, «о задницъхъ», может быть отнесено ко всем следующим статьям, трактующим о наследстве, другие, «аже умереть смердъ», «о смерды статкъ», «о смерды задници», выделяют тему ближайшего текста двух статей. А

²⁹¹ Рядом с изгоями в упомянутой грамоте Ростислава Мстиславича находим еще одну категорию зависимых людей: бортника, «капустника съ женою и съ дѣтьми», которого князь дает епископу вместе с огородом, «тетеревника съ женою и съ дѣтьми». Не подлежит спору, что это люди не свободные. Но отождествить их попросту с холопами мешают их специальные обязанности. Было бы правильнее причислить их к одной социальной группе с изгоями как людей, состоящих в личной зависимости и работающих на чужое хозяйство, но под условием определенных только повинностей.

²⁹² См. выше.

гласит он так: «Аже смердь умереть (без дѣти, безажю), то задницю князю (то князю задница); аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ за мужемъ, то не даяти части имъ».

В этом тексте М. Ф. Владимирский-Буданов видит *privilegium odiosum* [печальное преимущество] в порядке наследования смердов, отличающее его от того, какой существовал для бояр и «людей»²⁹³.

В. И. Сергеевич, предпочитая и тут чтение списка Дубенского («аще смердь умереть безажю, то князю задница»), признает это положение общим правилом о судьбе выморочных имуществ, отрицая связь между ним и следующими словами о «части», даваемой дочери²⁹⁴.

Оба мнения имеют предшественников. Общим законом о выморочности считал статью о смердах П. П. Цитович^{295, 60*}, из личной зависимости смердов выводил права князя на их наследство В. Н. Никольский^{296, 61*}.

Существенные различия встречаются в понимании не только взаимного отношения наших статей и широты их значения, но и самого их смысла. Идет ли речь при «безатщине» смерда об отсутствии у него сыновей или детей обоего пола? Что такое «часть» незамужней дочери?

Рассматривая статью о дочерней части как независимую от условий выморочности, В. И. Сергеевич признает ее противоречащей ст. 125: «аже будетъ сестра въ дому, то той задницѣ не имати, но отдадять ю за мужь братья, како си могутъ». Противоречие в том, что ст. 125 отрицает за дочерью право на часть в наследстве, а 118-я, по мнению В. И. Сергеевича, вводит «византийское начало», назначая дочери часть, равную части братьев, подобно тому как ст. 123 говорит о части жены, равной, по тому же толкованию, части детей.

Толкование В. И. Сергеевича насилует текст. 123-я статья ясно говорит о жене, что она не участница в наследстве мужа: «а задница ей мужня не надобѣ», но предоставляет ей иные права: «на ню часть дати (Кар.: „а у своихъ дѣтей взять часть“), а что на ню мужь възложить (възложилъ) тому же есть госпожа». Часть, взятая у детей, и полученное от мужа²⁹⁷ стоят отдельно

²⁹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 480.

²⁹⁴ Сергеевич В. Лекции. С. 546: «Эта статья особая, и нет ни малейшего повода сливать ее с предшествующей». Однако «повод» дан словами «у него» и параллелизмом статей 117—118, 119—120.

²⁹⁵ Цитович П. П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. У Цитовича это мнение стоит рядом с воззрением на смердов как на княжих изорников или наймитов, людей, зависимых от князя как хозяина.

²⁹⁶ Никольский В. Н. О началах наследования по древнерусскому праву. М., 1859.

²⁹⁷ Эти черты Русской Правды считают по существу тождественными с следующими положениями «Польской Правды XIII в.» — ст. XXII: «Так же (раньше речь шла о рыцарском наследстве — см. выше), если умрет крестьянин, не имея сына, его господин берет его имущество, но должен он дать женщине ее подушки

от «задници мужней», не входя в ее состав. То же надо сказать и о дочерней части, следуя правильному приему В. И. Сергеевича, сопоставляющего ст. 118 и 123 для выяснения, что тут разумеет Русская Правда под «частью». Добавлю, что в том же значении употребляет это слово ст. 122, говоря, что наследство идет «всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати по души». Часть — не доля законных наследников, а выдел из имущества известных средств для специальной цели: наделения вдовы, дочери или вклада на помин души. Размер ее не определен в Русской Правде; вероятно, он и не был безусловно определен обычным правом: «како си могутъ» ст. 125 равносильно этому понятию «часть даяти на нѣ», «на ню часть дати»²⁹⁸. В Русской Правде нет тут противоречия, ее составитель понимал, что пишет, разумея под «частью» дочери или матери-вдовы долю движимого имущества, выделяемую им из общей массы наследства, переходящего либо к князю как выморочное, либо к сыновьям-наследникам.

Такое толкование делает неизбежным признание имущества смерда выморочным при отсутствии у него сына. Этому не противоречат даже те списки, которые говорят: «аще смердъ умереть без дѣти», так как продолжают: «аще будутъ дщери». Тут шероховатость терминологии легко объясняется, если принять мнение В. И. Сергеевича, что «безъ дѣти» явилось толкованием устарелого древнейшего чтения «безажю».

При таком понимании статей о смердѣм наследстве перед нами встает аналогия их со статьями о наследстве бояр-дружников. Но там право князя на безатщину княжого мужа представлялось естественным объяснить из особенностей всего строя дружинных отношений, выросших из такого исторического корня, как княжой двор — огнище. Но как могло возникнуть право князя на безатщину смерда, умершего без сына-наследника?

и ее покрывала и вещь, называемую *denicze*, на чем спят, и некоторую милость надо ей оказать из имущества, то есть дать ей корову, или две-три, или больше (?), или что-либо из другого скота, чем бы она себя содержала»; вдова может оставаться при сыне-наследнике, но если она пойдет вторично замуж, то сын дает ей названные вещи, а «милость» для него не обязательна: «...хочет ли он ей дать что-либо другое — это в его воле». Русская Правда идет дальше, признавая право вдовы получить часть от детей сверх того, что она получила от мужа, если она остается сидеть на мужнем дворе с детьми (ст. 132—133); это последнее положение предполагает, по-видимому, случай раздела имущества (частичного), не уничтожающего житья в одном дворе (ср.: *Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. 1. С. 73, примеч. 137; С. 75, примеч. 147, 148*). О дочерях «Польская Правда» говорит: «...оставил ли муж дочерей, их должен наделить, кто берет его наследство, сын ли его или господин». Ср. постановления Литовского статуса 1529 г. о вдовей части — раздел IV, ст. 2—5; о дочерней — ст. 8.

²⁹⁸ В последнем случае дочь получает часть лишь при выходе замуж, по ст. 125, или при разделе. Замечу еще, что равенство прав в наследстве дочерей с сыновьями плохо согласуется с исключением из него дочерей замужних.

В. И. Сергеевич дает простой ответ. Речь, по его мнению, идет о смерде как подданном, смерде в широком смысле слова и о праве князя на всякое имущество, оказавшееся выморочным в земле-княжении. Это заимствованное византийское право, именно то, какое формулировано в Эклоге^{62*}: «*si defuncti ne uxor quidem extat, tunc universum ejus patrimonium veluti cujus nullus extat heres, fisco infertur*» [«если у покойного нет жены, тогда вся его собственность передается фиску, как будто нет никакого наследника»]. Но если тут заимствование из Эклоги, то весьма свободное. Эклога выморочным признает имущество, на которое «*nullus extat heres*» [«нет никакого наследника»], а под наследниками, о которых речь идет непосредственно выше, понимает не только нисходящее потомство, а кровных родственников вообще, при отсутствии которых допускает переход к вдове половины наследства, обращая другую половину в пользу фиска²⁹⁹; а если и жены нет, то все наследство идет фиску. Что же взяла Русская Правда из Эклоги? Только самое понятие «*fisco infertur*» [«передается фиску»], отождествив фиск, «царское сокровище» славянского текста, с князем? Да и текст Эклоги, который мог быть под руками русских книжников, дает не то, что давал оригинал: «аще ли не жены будеть умершему, и тогда все имение его или апостольская церковь или царское сокровище или людский соньмъ да приметъ»³⁰⁰. По этому тексту не всякое выморочное имущество шло в казну, рядом с князем стоят церковь и еще «людский соньмъ», введенные славянским переводчиком, видимо не знавшим общего права князя на выморочные имущества. Славянская Эклога не могла подсказать князьям русским притязания на такие наследства-безатщины, и едва ли есть повод искать в статьях о них византийского начала.

Отклоняя византийское заимствование, которое само по себе ничего бы не объяснило в данной черте — не текста, а правового быта, остаемся перед открытым вопросом о происхождении княжого права на выморочное наследие смерда и отношении этого права к порядкам выморочности имуществ боярских или изгойских.

Объяснить происхождение этого права значит найти те отношения, которыми обусловлен переход имущества при отсутствии кровных наследников к князю. Первый вопрос, который следует поставить: могут ли быть указаны такие отношения князя к населению, на выморочные имущества коего он имеет право, которые сами по себе объяснят возникновение этого права? Только отрица-

²⁹⁹ П. 8 титула XVIII: «...quod si nulli etiam propinqui sunt, at uxor defuncti superest: in semissem totius illa patrimonii succedat, altero semisse fisco inferendo» [«...если же у покойного нет никаких близких, но супруга жива, пусть она наследует половину той собственности, другую половину должно передать фиску»]; затем идет п. 9, приведенный выше.

³⁰⁰ Печатной Кормчей, гл. 49, царя Леона и Константина^{63*}.

тельный результат подобных разысканий даст основание предполагать в этом праве искусственное учреждение, например заимствование со стороны.

«Право наследства, — читаем у М. Ф. Владимирского-Буданова³⁰¹, — возникает не из искусственного измышления, а коренится в совладении лиц, живущих в одном доме с наследодателем, разделявшим вместе труды приобретения имущества и право пользования им». Таков, действительно, исторический корень права наследства в частных имуществах, семейных: общность огнища и хозяйства. Но таков же, как мы видели, один из исторических корней права вождя дружины на наследство дружинника-огнищанина; его же можно отметить в праве князя или церкви на наследство вольноотпущенника-изгоя: принадлежность последнего к чужому хозяйству. Но таков лишь один из корней, на которых вырастает право о выморочных имуществах. Другим является защита.

Древние кровные союзы не только семейные и трудовые общины; они также союзы защиты. И возникновение права наследства связано не только с общностью дома, труда, хлеба и имени; оно связано также с правом и обязанностью взаимной защиты. Эту последнюю черту встречаем и в западном и в русском средневековом праве. Связь права наследования с мезью за убитого, с правом получать за него виру известна по варварским правам³⁰². То же находим и в литовско-русском праве, где права на наследство и на головщину подчинены одним и тем же нормам³⁰³. Представление об этой связи, столь естественной в организации каждого огнища, в том числе и княжого, пополняет существенной чертой характеристику как дружинных отношений, так и положения людей зависимых, в которых начала бытовой связи неотделимы от охраны и защиты по отношению к третьим лицам и общинам.

Гирке³⁰⁴ сделал попытку объяснить возвращение выморочного имущества роду-племени (*Sippe*) помимо предположений о доисторическом родовом хозяйстве как следствие защиты и опеки племенного союза над отдельными членами, признавая, однако, и другой момент: уничтожение обособленного владения с превращением той семейной общины, ради которой оно существовало³⁰⁵. Между теми же двумя моментами — началом защиты

³⁰¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 481.

³⁰² По Салической Правде^{64*} (титул 60), кто отрывается от родства, теряет *faida*, *compositio* и *hereditas* [право на вражду, виру и наследство]^{65*}, которую *fiscus adquirat* [приобретает казна]. По Тюрингской Правде^{66*}, право мести, вергельд и земля переходят к одному и тому же родственнику, и т. д.

³⁰³ Статут 1529 г.^{67*}, артикул 13, раздел VII.

³⁰⁴ Gierke O. Erbrecht und Vicinenrecht.

³⁰⁵ «Das Sonderrecht hatte mit dem Hausstande selbst, für den es da war, sein Ende erreicht» [«Особое право достигло своего конца с самой семейной общиной, для которой оно существовало»].

и опеки или верховного права на территорию — колеблются объяснения права князя на земельные выморочные имущества. В этом вопросе о выморочных землях наиболее распространенным можно назвать мнение, что право на них князя выросло из презумпции, что ему принадлежит вся территория. Рихард Шрёдер³⁰⁶ так объясняет ограничение франкским правом наследования салических земель, переходивших при отсутствии мужского потомства к королю: к тому же выводу пришли историки чешского права Челяковский^{307, 68*} и Калоузеке^{308, 69*}. Теорию эту, соблазнительную по простоте и ясности, нелегко, однако, согласовать с фактом, что, например, в германском праве королю шли земли выморочные, лишь оставшиеся после крупных владельцев, военного класса, а крестьянские переходили к соседской общине³⁰⁹. Одно это обстоятельство должно бы заставить исследователей искать объяснения изучаемого явления на ином пути: не в отношениях князя к территории, а в отношениях его к тому разряду владельцев и имуществ, какие имеет в виду княжое право на выморочные имущества, притом не только земельные, но прежде всего движимые (статки).

Еще труднее приложить эту теорию к русским древностям. У нас нет основания даже предположительно говорить о воззрении на древнерусского князя как на владельца всей земли в X—XII вв. К тому же Русская Правда именно относительно смерда говорит не о земле, а о «статках» выморочных. И ответа на свой вопрос можем искать лишь в положении смерда по отношению к князю.

³⁰⁶ Schröder R. Die Franken und ihr Recht // ZSSR. GA. 1894. Bd. 15.

³⁰⁷ Čelakowsky Jar. Právo odúmertné v Čechach. Praha, 1882.

³⁰⁸ Kalousek J. O staročeském právé odúmertném na statcích svobodných v Čechách i na Morave. Praha, 1894. Челяковский указывает на различие судеб выморочных недвижимостей по городскому и земскому праву. В земском праве они идут князю, «как вождю народного племени и господину земли, которому принадлежали все незаселенные или покинутые имения»; в праве городском наследование боковых родственников, даже дальних, и возможность завещательных распоряжений, а в XIII и XIV вв. — распространение привилегий на переход выморочных имуществ в пользу городов; шляхта чешская лишь постепенно добывается в XIV ст. расширения своего права наследования. Калоузеке устанавливает, против Палацкого^{70*} и Воцеля^{71*}, что право князя как «верховного дедича чешской земли» на выморочные земли независимо от «выслуг» и распространения ленного права, и относит его возникновение ко времени объединения Чехии в руках одного князя; соединив в своих руках власть всех племенных князей, чешский князь явился, по мнению Калоузеке, преемником права на земли, которое ранее, вероятно, принадлежало отдельным племенам или их вождям. Для Польши см.: *Piekosiński Fr. Ludność wieśniacza w Polsce* — «князь — собственник земли во всем государстве»; *Balzer O. Historia ustroju Polski* — «князь есть частный собственник всей не занятой населением земли».

³⁰⁹ Ср.: Schröder R. Die Franken; Gierke O. Erbrecht und Vicinenrecht; Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I. S. 281.

Лешков^{72*}, Никольский^{73*}, Цитович смотрели на смердов как на «людей князя», стоящих в особой, частноправовой зависимости от него. Никольский сопоставил их с прониарами сербскими и кметами польского права, проводя, с другой стороны, аналогию между древнерусскими боярами и властелями Душанова «Законника». Цитович, отмечая аналогичные черты в положении относительно князя бояр-дружинников и смердов, видит в последних изорников-наймитов княжого хозяйства, состоящих в особой защите князя и связанных с ним условиями своего экономического быта³¹⁰. В. И. Сергеевич считает смерда Русской Правды подданным в широком и общем смысле слова, а Владимирский-Буданов занял среднее положение, признавая, что «в княжествах, при тогдашнем смещении частного права с государственным» «земли общинные считались государственными и смерды, населявшие их, были смердами князя»³¹¹.

В наших источниках нет никаких указаний на то, чтобы в древней Руси общинные земли считались государственными; нет основания вводить эти понятия в характеристику древнерусского быта. Если мы позднее встречаем «смещение частного права с государственным» и представление о «земле великого князя», на которой только пожни и пахоты населения, то задача историка — найти в древнем периоде явления, обусловившие и подготовившие эти позднейшие понятия и отношения. Переносить на всю древнюю Русь наблюдения, получаемые от времен удельного строя или порядков новгородских, псковских, времен расцвета своеобразного уклада жизни севернорусских народов, не значит разрешить эту задачу. И прежде всего нет у нас оснований строить объяснение положения смерда на отношениях поземельных. С одной стороны, свидетельства о смердах не говорят о том, чтобы они сидели на княжой земле, с другой — свидетельства о княжих дворах и селах, грамоты о даровании земель духовенству не указывают смердов на землях княжеских. Не в поземельных, а в отношениях властной опеки зависимости, с одной стороны, и повинностей — с другой, корень нашего вопроса.

³¹⁰ «Имущества смерда и князя представляют какую-то слитость, или по крайней мере на некоторые вещи князя ложится такой характер, как будто они находятся в обладании смерда». Цитович разумеет прежде всего статью о княжом и смердьем коне, сопоставляя эту 9-ю статью Правды Ярославичей («...а за княжь конь, иже с пятномъ, 3 гривны, а за смердий 2 гривнѣ» и т. д.) с 72-й статьей Пространной Правды («...аже у господина ролейный закупъ, а погубить воиский (свойский, воинский) конь, то не платити ему»), и полагает, что оба коня ст. 9 — княжие, быть может боевой и рабочий, и, во всяком случае, они оба — в одном стаде, «одинаково находились в пределах княжеского двора, дома, хозяйства»^{74*}.

³¹¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 37. Предполагая «тогдашнее смещение частного права с государственным», Буданов примыкает, по-видимому, к мнению о древнем князе как собственнике всей земли?

Разрешение его представляет трудности почти непреодолимые. Вопросу о древнерусских смердах суждено, по-видимому, оставаться крайне спорным — надолго, быть может навсегда. Причина тому в скудости данных, какими располагаем: несколько случайных упоминаний в летописи да тексты Русской Правды. Позднейшие источники почти ничего не дают: они сводятся к редкому упоминанию о смердах в грамотах западнорусских, столь же исключительному, как встреча с термином «смерд» на польской почве — в Силезии, в земле краковской. Богаче впечатления, какие имеем от новгородских и псковских смердов (о них речь была выше).

Из совокупности данных ясно одно: смерды — сельское население, земледельческое, противопоставляемое горожанам³¹².

Кроме того, это термин, вымирающий на наших глазах. Поздние пережитки терминологии, еще знающей его, дают ему то же значение. В Западной Руси «это название, по-видимому, прилагалось только в массе рядового тяглого крестьянства и не простиралось на высшие разряды „ремесленных“ крестьян, людей вольных, служивших с своих земель военную службу наряду с слугами и юридически им равноправных»³¹³. На польской почве встречаем изредка смердов в составе зависимого сельского населения, раздаваемого вместе с землей церковным учреждениям³¹⁴.

Разногласия научной литературы в определении положения древнерусских смердов зависят прежде всего от недостаточности данных, притом отрывочных и разбросанных по времени на несколько столетий. Эволюция этого положения и смысла самого термина остается скрытой. А между тем то, что дают нам источники, едва ли может быть понято, помимо предположения, что в них отразился процесс разложения первоначальных отношений

³¹² Предположение, что слово «смерд» употребляется иногда в более широком смысле «для обозначения всего населения, за исключением одних князей» (Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 178) или «обнимающая все население, кроме духовенства и бояр» (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 36), вызвано стремлением толковать статьи Русской Правды, упоминающие о смердах, как общие нормы для всего населения, притом не все, а те, которые не укладываются в построенное данным исследователем представление о положении смердов «в тесном смысле слова». Ср. также замечания Н. А. Максимейко о тенденции искать в статьях Русской Правды полноты определений и норм, исчерпывающих практику, вопреки ее характеру (Максимейко Н. А. Мнимые архаизмы уголовного права «Русской Правды» // Вестник права. СПб., 1905. № 3—4).

³¹³ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С. 358.

³¹⁴ См.: Tzschoppe, Stenzel. Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte... in Schlesien und der Ober-Lausitz. Breslau, 1832; Du Cange. Sub verbo Smurdusc^{75*}; поселок Smardzewo во владениях краковского архиепископа (Potkański K. Opactwo. S. 97; Zakrzewski St. Ze studiow. S. 39).

или, по крайней мере, ряд коренных изменений в их составе. Указание на первоначальный строй этих отношений вижу в том положении смердов новгородских и псковских, какое сохранилось в существенных чертах до падения вольности Новгорода и Пскова. Это строй властвования городского центра над сельским, а первоначально и пригородским населением земли-волости. Городская власть налагает на это население ряд повинностей, собирает с него дань. Власть эта — власть князя. На севере она постепенно падает, обращаясь из самостоятельной власти в орган вечевой общины. Но если княжой суд над населением стал на севере земским, а повинности, как, например, городовое и мостовое дело, функцией земского управления, то даже здесь князь сохраняет право на дань смердов и ближайшую обязанность «блюсти смердов». Эволюция политического быта новгородского подорвала для князя возможность опереть на власти своей над сельским населением политическую силу, которая была бы независимой от городской общины, и новгородцы ревниво следили за тем, чтобы эта власть не выродилась в личную зависимость, чтобы смерды новгородские не стали «людьми князя».

На юге отношения должны были сложиться иначе: тут центральная власть в земле-волости была и осталась княжой. Вече главного города и городские власти, которые также остались княжими, не стояли во главе управления всей земли. Киев, Чернигов и другие «стольные» города никогда не управляли пригородами и волостями так, как управлял своими владениями господин Великий Новгород. И то особое, ближайшее отношение к управлению смердами, какое отчасти сохранилось за князем даже на новгородском севере, получило на юге особое развитие и приняло особый характер, нашедший свое выражение в Правде Ярославичей и в сохранных Пространной Правдой правилах о статках и безатщине смерда.

Так ставится для меня вопрос о положении смердов в Южной Руси. Но выяснить его сколько-нибудь детально не позволяют скудные данные. Нет у нас сколько-нибудь наглядных сведений о шедшей князю дани; рассказ летописи о том, как Ян Вышатич в 1071 г. пришел на Белозерье, «дань емлюще», от князя Святослава Ярославича, едва ли не единственное конкретное на нее указание, если не считать княжих грамот, дающих церковным учреждениям волости «съ данью и съ вирами и съ продажами» или «десятину отъ даний и отъ вирь и отъ продажъ, что входитъ въ княжь дворъ всего». Притом тут речь не о смердах с их специфическою данью князю. Смыслу этих свидетельств наиболее отвечает пояснение В. И. Сергеевича: «В памятниках встречается . . . слово „дань“, и некоторые исследователи думают, что везде под ним разумеется поземельная подать, т. е. один из видов прямых налогов; в действительности, однако, под данью разуме-

ются всевозможные подати: все, что отдается в пользу князя, называлось данью»³¹⁵.

Не более знаем о том, насколько падало на смердов военное дело. Собранные выше сведения об участии смердов в военных действиях показывают, как мало осталось в «княжеской» Руси от доисторических всенародных племенных ополчений. По мере развития конницы уходили в прошлое походы в ладьях, падало значение пеших ополчений. Основа древнерусской военной силы XII—XIII вв. — конные полки дружины и воев, а смерды-пешыцы сидят в осаде, в походах же играют обычно роль передовых отрядов в бою да обозного люда. И конь смерда, идущий под дружинника либо под городского воя, важнее для княжой военной силы, чем сам смерд. Само по себе это явление должно свидетельствовать о начале крупной дифференциации в среде населения, подобно той, какая, предположительно, привела в Польше к возникновению класса влодык и в Западной Руси разряда слуг — панцирных, доспешных, путных и т. д. Но на исторические корни подобной дифференциации в Киевской Руси наши источники не дают никаких указаний, кроме упомянутых косвенных намеков³¹⁶. Наконец, на городовое дело и мостовую повинность указывают ст. 126 и 127 Пространной Правды — об «уроцѣхъ» городнику и мостнику да новгородские аналогии.

Насколько положение князя относительно повинностей населения было на юге иное, чем в Новгороде XII—XIII вв., показывает известный летописный рассказ об установлении ловчего в Берестье. Раздраженный крамолой берестьян князь Мстислав Данилович спросил бояр своих: «Есть ли ловчии здѣ?» Они же отвечали: «Нетуть, господине, изъ вѣка». А Мстислав сказал: «Язъ пакъ уставливаю на нѣ ловчее за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ кровь», и оставил «ловчее на Берестьяны и в вѣкы»: с каждого ста — медом и хлебом, льном, овсом и рожью, овцами и курами, а с горожан — 4 гривны кун³¹⁷. Князь устанавливает чисто «дворцовую» повинность на содержание «ловчаго пути» своего взамен заслуженной, по его мнению, берестьянами кровавой расправы. И речь идет тут не о смердах, а о горожанах берестейских и пригородных сотных людях: эти последние, надо полагать, — смерды, а Берестье князь трактует по-старому как пригород. Правда, известие это позднее и свидетельствует, быть может, не столько о старине, сколько о выраставшем на ее почве новом, вотчинном укладе княжого властвования. Но оно, во всяком случае, бросает некоторый свет на условия, в каких развивалась княжая власть в Южной Руси.

³¹⁵ Сергеевич В. Лекции. С. 325—326; ср.: Он же. Русские юридические древности. Т. 3. С. 180—181.

³¹⁶ Ср.: Грушевський М. Історія. Т. 5. С. 42.

³¹⁷ Ипат. С. 613, под 1289 г.

Главный источник для заключений о положении смерда — Правда Ярославичей и некоторые статьи Правды Пространной. Прежде всего два слова о первом из этих памятников. Его заглавие «Правда уставлена Руськой земли егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ» и т. д. исследователи относят довольно единодушно только к первым четырем статьям. Не понимаю почему. Вся Правда носит однородный характер в самом существенном содержании: это Правда княжая. Она говорит, во-первых, о вирах княжих мужей (огнищанина, ездового, тиуна, конюха старого) и пенях, идущих князю, за княжих старост (сельского и ратайного), за рядовича, смерда, холопа, кормилицу-рабу и кормилича (ст. 1—8); далее говорит о продажах княжих по 12 гривен, 3 гривны, 30 резан и 60 резан — за разные преступления (ст. 12, 14, 15, 16, 22), о процентах с княжого судебного дохода в церковную десятину и княжим чиновникам, а также о корме вирнику и уроке мостнику (23—25). Это составляет 16 статей из 25. Остальные 9 распределяются на группы: 1) 11, 17, 18, 19, 20 касаются процессуальных правил, причем четыре из них (17—20) регулируют самоуправство в пользу суда княжого, 11 выдает свое случайное появление в данном тексте, повторяя 4-ю статью Древнейшей Правды, притом оборвав изложение, идущее там дальше в двух следующих статьях; 2) три статьи, 9, 13 и 21, определяют «уроки» за украденное имущество, причем в двух на первом месте стоит княжое имущество: его конь, его борть, а остальные уроки о скоте (ст. 9) названы в Пространной Правде (ст. 56) «уроци смердомъ, оже платять князю продаю».

Остается вне естественной связи ст. 10, подобно 11-й не дающая, по-видимому, полного текста³¹⁸. Устраняя эти две сомнительные статьи, получаем такую постановку вопроса о содержании Правды Ярославичей: она вообще говорит о княжих доходах, но причем тут смерд и «уроци смердомъ»? Нет основания разрубать это затруднение пояснением, что в данном случае перед нами смерд в «широком» смысле слова. Напротив, место, какое смерды занимают в Правде Ярославичей, — ценное пояснение к обязанности новгородского князя «блюсти смердов». Это особое княжое блюденье сказывается в 14-й статье, где за «муку» смерда без княжого слова (по-латыни сказали бы: они *in verbo regis*) назначена пеня в 3 гривны, княжого мужа — 12 гривен (причем, по ст. 103 Пространной Правды, вознаграждение потерпевшему огнищанину и смерду одно и то же — гривна кун), а также в установлении княжим уставом «уроков», платимых за кражу скота у смерда³¹⁹.

³¹⁸ Ср. приведенный выше вариант Калачова, ст. CVII: «А оже уведеть чужь холопъ либо робу, платити ему за обиду 12 гривнѣ, а князю продаже 12 гривне, а челядинѣ или украдше или уведень есть». Ср. ст. 47 Пространной Правды.

³¹⁹ Что касается ст. 9: «А за княжь конь, иже съ пятномъ, 3 гривны, а за смердий 2 гривнѣ» и т. д., то мнение П. П. Цитовича, что оба помянутые коня — в одном

Рядом с княжим «блюдением» смердов стоит пеня за убийство смерда, равная пене за княжого холопа, 5 гривен. Статья эта вызывает большие недоумения. В. И. Сергеевич, указывая, что за изгоя определена вира в 40 гривен, считает недопустимым, чтобы меньше изымалось за свободного смерда. На вопрос этот можно ответить действительно лишь тем или иным предположением. Можно принять во внимание, что за смерда платилась надо полагать, головщина, за изгоя же, по крайней мере первоначально, головщины взимать было некому. Но этим вопрос не разрешился бы; едва ли разрешается он и протестом Н. А. Максимейка против «предвзятой мысли, что за всякого свободного человека платился штраф в 40 гривен»³²⁰. Быть может, всего естественнее предположить, что 5 гривен — это «урок», уплачиваемый сверх виры³²¹. Как бы то ни было, существенным остается факт взыскания за смерда такого же вознаграждения князю, как за холопскую рабочую силу³²². Как ни естественным может

стаде, одинаково находились в пределах княжеского хозяйства, наваяно, по-видимому, тем, что противоплагаются не только княжий конь смердъему, но конь, «иже съ пятномъ», коню немеченому. Быть может, замечание П. П. Цитовича заслуживает внимания, особенно если видоизменить его в смысле сопоставления смердов Правды Ярославичей с так называемыми конокормцами Литовской Руси, как назывались «крестьяне, владевшие хорошими выгонами и пастбищами и кормившие на них вместе со своими и господарских лошадей» (Любавский М. К. Областное деление. С. 329). Считаю весьма вероятным, что среди повинностей населения древней Руси была и такая, тем более что предположение это сняло бы характер полной случайности с содержания 5-й статьи Правды Ярославичей о конюхе старом, убитом дорогобужцами у стада. Но при наличных данных все это более чем предположительно. В. И. Сергеевич понимает под «смердмъ» всякого некаяжого коня, между прочим, на основании переделки 9-й статьи Правды Ярославичей в отделе Пространной Правды «О татьбѣ, иже кто скота ищетъ»: именно ст. 55 влетает заимствование из нее в свой текст: «А у него же погигло, то, оже будетъ лице, лице поиметь, а за лѣто возметь по полугривнѣ. Паки ли лица не будетъ, а будетъ былъ князь конь, то платити зань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны». В. И. Сергеевич в замене слов «а за смердмъ» выражением «а за инѣхъ» видит указание, что тут слово «смерд» в «широком» значении. Если бы оба выражения были равносильны, не оставил ли бы книжник прежнего? Но он, пользуясь Правдой Ярославичей, стремится ее нормы обобщить и отметить их распространение за пределы того круга отношений, какой она имела в виду. Поэтому и прибавляет он замечание о вире «людина» к статье о вире княжого мужа (ст. 5), слова «также и за боярескъ» к статье о цене за слуг княжих (ст. 13), потому меняет определение «смердмъ» на слова «а за инѣхъ»^{76*}.

³²⁰ Максимейко Н. А. Мнимые архаизмы. С. 8. Нельзя не считаться с указанием 5-й статьи Пространной Правды «пакиль людин то 40 гривенъ» и с тем, что ее 29-я статья «полувирьемъ» называет штраф в 20 гривен: очевидно, 40-гривенная вира — нормальная, основная единица карательной системы.

³²¹ Так толкует М. Ф. Владимирский-Буданов (Христоматия. Вып. 1. С. 31, примеч. 6).

³²² Допуская отчасти такое толкование, В. И. Сергеевич предпочитает его устранить с помощью списков, дающих чтение «а въ смердмъ въ холопѣ 5 гривен», и поддерживает это чтение указанием, что в ст. 6—7 ранее исчерпан состав княжих рабов, так как упомянуты и княжие рабы — старосты и княжие «рядо-

представиться делаемое отсюда заключение, что смерд — рабочая сила княжого хозяйства и, стало быть, сидит на княжой земле (или на «общинной», считавшейся «государственной», что «при тогдашнем смешении частного права с государственным» вело к признанию смердов «смердами князя»), однако полагаю, что оно несколько поспешно и, так сказать, упреждает историческую эволюцию. Хозяйственную связь смердов с княжим двором осторожнее представлять себе основанной не на поземельных отношениях, а на системе повинностей, которыми они тянули к княжому хозяйству и которая стала источником и исходным пунктом позднейшего «окняжения» их земли.

По изложенному представлению об отношениях между князем и смердами эта часть населения входит в состав тех элементов, из которых слагалось особое «княжое общество», социальный организм особого уклада, служивший опорой самостоятельному положению древнерусского князя в земле-княжении. В этой связи становится понятным и право князя на выморочное имущество смерда, принципиально тождественное с его правом на наследство дружинника-огнищанина или изгоя.

7. Заключение

Изложенные на предыдущих страницах наблюдения над теми отношениями, совокупность которых обозначена условным термином «общественное положение князя», представляются мне существенными потому, что вскрывают, хотя бы в общих только и недостаточно четких ввиду скудости данных чертах, исторические корни той личной и независимой от веча силы князя, которая в дальнейшем развитии с падением вечевого строя привела к организации всех социально-политических отношений на началах службы и повинностей и на личной власти князя над всеми элементами населения его вотчины-княжения. Это придает принципу специальной княжеской защиты с ее последствием — особой властью князя над теми группами населения, какие ею охвачены, значение главного устоя «монархического» начала в древнерусском политическом строе, как обозначил В. И. Сергеевич элемент личной княжой власти в сложном составе древнерусской

вые рабы (рядовницы)» (Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 185). Рядовичей В. И. Сергеевич считает «простыми рабами, рядовыми» (Там же. С. 105—106) или «продавшими себя в рабство» (? от ряд — купля-продажа? С. 106). Такое толкование термина не может быть подтверждено текстами. Они знают слово «рядович» только в значении низшего агента хозяйственного или административного управления. Например: «Тиунъ бо его (князя) яко огонь трепетицею накладень, а рядовичи его яко искры», или: «А сотскимъ и рядовичемъ . . . не судити». Устранив холопа как «смердяго», мы устраним из статьи княжого холопа.

государственности. Исходного пункта в развитии помянутого принципа я искал в строе княжого двора-огнища, постепенно расширившего свое значение не только с ростом княжого хозяйства и землевладения, но особенно с распространением его начал на отношения между князем и общественными группами, стоявшими уже вне непосредственной бытовой связи с княжим двором и хозяйством, как, с одной стороны, боярство, с другой — смерды. Права князя на личную службу и верность первого, на повинности и дани вторых, сохраняя по принципу связь с началом специальной княжой защиты и особой сферой княжого права, приобретают более широкий и общий характер, отличный от примитивного строя отношений «огнищного» типа. Но изучение разрастания этих отношений в целый новый уклад социально-политического строя русской жизни стоит уже за пределами моих очерков.

Остановлюсь в заключение несколькими замечаниями на двух крупных явлениях, тесно связанных с этим разрастанием начал княжого права, приведшим к смене вечевого строя древнего государства-волости новым, удельно-вотчинным, как его обыкновенно называют. Разумею возникновение и развитие церковного и боярского землевладения. Известия о них за рассматриваемый период чрезвычайно скудны, не слагаются в сколько-нибудь отчетливую картину и дают возможность лишь самых общих замечаний.

Не будет ошибкой, если признаем тесную связь княжого и церковного землевладения, княжие земельные пожалования первоначальным источником этого последнего. Возникло оно рано, в эпоху организации русской церкви или в ближайшее время по введении церковного строя. Но учесть размер церковного землевладения в домонгольский период хотя бы в самых общих чертах невозможно по случайным и отрывочным данным, и остается только повторить с В. А. Милютиным, что церковь к началу XIII в. успела уже сосредоточить в своих руках довольно значительное земельное богатство³²³. Источники этого богатства — пожалования князей и вклады других лиц, как и собственные приобретения путем купли и иных денежных операций. Из княжеских пожалований наиболее ясны по содержанию те, где речь идет о передаче церковным учреждениям частного княжого земельного имущества, сел с рабочей силой, как в грамоте князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии, что равносильно вкладу частным лицом в монастырь земли с челядью³²⁴. Но одно из старейших известий о княжом пожаловании — грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстисла-

³²³ Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства. С. 33.

³²⁴ Ср. вкладную грамоту Варлаама Хутынского монастырю, ок. 1192 г.^{77*}

вича Юрьеву монастырю (1130 г.) ставит трудно разрешимый вопрос о значении их дара: «отдати Буйцъ святому Георгиеви съ данию и съ вирами и съ продажами»^{78*}. В примечании к этому тексту М. Ф. Владимирский-Буданов выражает сомнение, «жалуется ли чрез это уголовный суд частному владельцу или только доходы с него», так как «о праве (вотчинного) суда под крестьянами нет известий». Действительно, Буйцы — по-видимому, волость по берегам озера того же наименования^{79*} — нельзя счесть «селом с челядью»; ее население, очевидно, смерды, свой княжой доход с которых князь дает монастырю. Притом приведенная формула не исчерпывает княжих прав; ниже читаем: «. . . язь [Мстислав] даль рукою своею и осеннее полюдие дарованное, полътретиядесяте гривньъ святому же Георгиеви»^{80*}. Нет основания отделять и этот дар от Буец³²⁵. Трудно судить о том, какие княжие права на Буйцы остались после этих пожалований, но характерен сам факт передачи не десятины с даней, вир и продаж и даже не самих даней, вир и продаж, а Буец с данью, вирами и продажами. Трудно отрешиться от представления, что перед нами земельное пожалование, соединенное с передачей монастырю определенных прав на княжие доходы, шедшие с населения Буец. Если такое понимание грамоты правильно, то мы имели бы в ней первое и весьма ценное свидетельство о распоряжении князя землей, не входившей в состав его дворцового землевладения; ценность, которую приобретал по этой грамоте Юрьевский монастырь, состояла бы не только из дохода от даней, вир и продаж, но также из земли-новины, подлежащей разработке руками монастырских людей и крестьян-арендаторов (ср. сябров послания митрополита Климента)^{81*}.

Овладевая рядом земельных имуществ, путем ли вкладов сел с челядью и изгоями, т. е. с налаженной уже эксплуатацией, путем ли развития своего хозяйства на непочатой почве, церковь создавала ряд социально-экономических явлений особого типа, стоявших вне общего уклада общеправовых отношений народной массы. Население монастырских и вообще церковных сел входило в состав «церковного общества», обособленного церковными привилегиями. На границах этого мира замирает значение общего права и княжой власти. Тут, говоря словами церковных уставов, ведает между церковными людьми «суд или обиду или котору или задницу» митрополит, или епископ, или кому прикажут, и «не вступаются княжи волостели в то, а то ведают епископли волостели». Церковное общество в своем обособленном строе

³²⁵ Чрезвычайно любопытно различие дара Буец с данью, вирами и продажами, который делается Всеволодом по повелению Мстислава, от пожалования полюдья Мстиславом «своею рукою»; что тут под «язь» разумеется Мстислав, показывает начало грамоты и дальнейшее: «а се язь Всеволодъ».

аналогично тому, что я выше назвал обществом княжим, и тесно с ним связано, получая от князя, опекуна церкви, особую защиту, ряд исключительных прав и привилегий.

В известном смысле третьим явлением того же порядка можно назвать боярское землевладение. Правда, насколько можно уловить его древнейшие черты, оно строилось на иных основаниях, чем княжое или церковное. В XI—XII вв. не видим признаков связи боярского землевладения с началами вотчинной юрисдикции. Время иммунитета, уже народившегося для церкви, было для боярства еще впереди — в удельной эпохе. Нет данных, чтобы говорить и о княжеских земельных пожалованиях как основном источнике боярского землевладения³²⁶. Отсутствие

³²⁶ Ср. спор М. С. Грушевского и И. А. Линниченка по вопросу о характере боярского землевладения в древней Руси. Грушевский так резюмирует свое мнение: «Мы знаем, что дружина содержалась доходами с должностей или деньгами и натуральными из княжих доходов. Продержались ли эти способы до самой литовской оккупации, или, может быть, уже перед нею в русских землях стали практиковать вознаграждение за военную службу земельными наделами (державами) или пожалованием доходов с населения определенных территорий? То обстоятельство, что одновременно, как видим, возникла связь военной службы с земельными пожалованиями и держаниями на территории прежнего Русского (Киевского) государства как под верховною властью литовскою и польскою, так и в вел. кн. московском, делает такое предположение весьма соблазнительным. Но так как мы не имеем каких-либо более определенных указаний на такую практику от времен русского (киевского) государственного права, то не можем идти дальше догадок о возможности ее существования» (*Грушевський М. Історія. Т. 5. С. 42—43*). Вопрос, занимающий М. С. Грушевского, — это «вопрос о существовании или несуществовании начатков поместной системы в древней Руси», и, так поставив дело, он прав, настаивая на отрицательном ответе, так как указания на раздачу сел боярам, какие можно найти в летописи, не содержат в себе сколько-нибудь определенных указаний на раздачу князьями имений с обязанностью службы («Еще о грамотах князя Льва Галицкого» // *ИОРЯС. СПб., 1904. Т. 9, кн. 4. С. 282*). Напротив, И. А. Линниченко («Грамоты Галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников» // *Там же. Т. 9, кн. 1. С. 93—95*) находит «целый ряд фактов именно для Галицкой земли, указывающих, что здесь широко была распространена еще в середине XIII в. (ниже автор добавляет: а может быть, и еще раньше) практика раздачи князьями земельных имуществ боярам в держание, т. е. под обязательством службы»; примеры приводятся такие: 1) рассказ о том, как Владимир Васильковичу сообщали, что двоюродный брат его, Мстислав Данилович, которому он завещал «землю свою и городы», не дожидаясь его кончины, «дает городъ Всеволожь бояромъ и села роздаваетъ» (Владимир негодует: «мнѣ еще живу сушу, а онъ роздаваетъ городы мое и села моа; ольны моглъ по моемъ животѣ роздавати») (*Ипат. С. 592—593*); 2) слова Даниила Романовича: «Черниговскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, примати, нъ дати волости Галичкимъ» (*Там же. С. 525*) и 3) возражение Якова (боярина Данилова) против отдачи Коломыи Лазарю и Ивору: «Како можеши бес повеления князя отдати ю сима, яко величии князи держать сию Коломюю на роздавание оруженникомъ; си бо еста не достойна на Вотьнина держати» (*Там же*). Ссылаясь тут же на то, как Даниил «прия землю Галичскую и розда городы бояромъ и воеводомъ и бѣаше корма у нихъ много» (а венгры «изнемогаху гладомъ в градъ» — *Там же. С. 514*) и как византийский царевич получил «нѣколико городовъ

свидетельств не означает еще отсутствия самого явления, но лишает возможности его установить. Остается допустить, что боярское владение селами и дворами могло возникнуть из княжого дара³²⁷, но могло возникать и иным путем — покупкой, постановкой хозяйства на свободной новине. Конечно, и ставилось и велось такое хозяйство первоначально руками несвободной челяди. Но развитие боярского сельского хозяйства еще в пределах рассматриваемого периода переросло условия ведения его исключительно трудом челяди. Отсутствие в руках боярства тех средств, какими располагали князь и церковь для увеличения числа рабочих рук в своих селах, привело к возникновению закупничества.

С этим последним знакомит нас группа статей Пространной Правды (ст. 71—82, 84—87, 90), которые по содержанию естественно выделяются в своего рода «Устав о закупах». Известно, какие разногласия существуют в научной литературе по вопросу о закупах. Определяют их как «сельских рабочих, селившихся на землях частных собственников со ссудой от хозяев»³²⁸; видят в них наемных рабочих³²⁹; рассматривают закупничество как договор займа, обеспеченный залогом личности должника кредитору, причем «закупничество продолжалось до отработки долга с процентами или до уплаты его»³³⁰.

на утшение» (Там же. С. 359). И. А. Линниченко замечает, что в держание отдавались как села, так и города^{82*}. Но такие «держания» ближе к кормлению, чем к «раздаче земельных имуществ ... под обязательством службы», что и было указано Грушевским (Галищке боярство^{83*}. С. 6), хотя и нет указания на связь их с правительственными функциями держальцев, какую предполагает Грушевский.

³²⁷ Такие земельные дары, если допустить предположение о их существовании, должны были в ту эпоху создавать собственность пожизненную и наследственную в мужском потомстве с расширением затем наследственного права в смысле ст. 119—120 Пространной Правды. Полагаю, что для XI—XII вв. нет возможности при самой большой смелости предположений говорить о пожалованиях в условную собственность, под условиями службы. Относя наследование по упомянутым статьям не только к «статкам», но и к селам боярским, представляю характер владения ими аналогичным знаменитым земельным пожалованиям Меровингов и Агилофингов, а спорный вопрос об этих последних — разрешенным соображениями Вайца и особенно монографией Бруннера (*Brunner H. Die Landschenkungen der Merowinger und Agilofinger // Sitzungsberichte der Berliner Akademie. B., 1885. Bd. 12*).

³²⁸ Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 297.

³²⁹ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 189: «Не дожившее до наших дней и не совсем понятное нам слово закуп объяснено в Русской Правде совершенно понятным выражением — наймит ... закуп, следовательно, есть наемный человек, наемный работник».

³³⁰ Владимировский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 386. Ср. по истории вопроса о закупах: Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 198—199; Ясинский М. Н. Закупы Русской Правды и памятников западно-русского права // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904.

Что касается определения закупа как наемного работника, то главное, а в сущности единственное, его основание в том, что одна статья Русской Правды назвала его наймитом. Конечно, выражение это вполне понятное, и нетрудно указать тексты XIII и XIV вв., где его смысл тот же, что и в нашей речи. Но этим вопрос о значении его не исчерпывается, так как в так называемых *Вопросах Кирика*, памятнике XII в., читаем: «а наимъ дѣля, рекше лихвы. . .», и ниже: поучай простеца, «не достоинъ ти имати наимъ», а если не могут удержаться, «то рци им: будите милосерди, възмете легко, аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны възми или 4»³³¹. Это отождествление найма с лихвой делает понятным наименование закупа наймитом и без признания его наемным рабочим.

Положение закупа в чужом хозяйстве обрисовано довольно отчетливо. Закуп «ролейный» пашет хозяйскую пашню, получая от господина плуг и борону, смотрит за скотом, исполняет «орудье», на какое пошлет его господин³³². В общественном отношении закуп стоит на скользкой грани между свободой и рабством: статьи Русской Правды с особым вниманием подчеркивают грань между закупничеством и холопством. Закуп находится под охраной общего права, он может искать судебной защиты от обид господина, в плате за побои равен свободному (стало быть, и в вине), огражден от продажи в холопы и от залога в обеспечение долга господского уголовным штрафом. Но гражданское положение его, несомненно, принижено его бытовым состоянием. Только «въ малъ тяжи, по нужи» допустимо свидетельство закупа на суде: в этом он приравняется к боярскому холопу-тиуну; и господин может бить его «про дело». Наконец, в случае совершения закупом кражи господину предоставлено на выбор или уплатить за украденное и взять себе закупа в холопы, или продать его на сторону и, уплатив что следует, остаток вырученной суммы взять себе.

Отношения между господином и закупом основаны на договорном обязательстве. Содержание договора и характер обязательств не ясны и вызывают различные толкования³³³. Но все

³³¹ РИБ. Т. 6. Стб. 24—25.

³³² Следует, по-видимому, признать, что иногда закуп пашет на своей лошади, так как в ст. 73 варианты «воинский» и «воиньский» не дают понятного смысла. Об этом, как и о словах «орудья своя дѣя», см.: *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. I. С. 192—194.

³³³ Значительную трудность представляет толкование статей 74 и 78 ввиду спорного вопроса о значении слов «купа» (вар.: копа, кова) и «отарица». В. И. Сергеевич купу считает денежной платой, так как один из списков заменяет это слово в ст. 78 словом «цена», но в этом значении слово «купа» не указано в других текстах. М. Ф. Владимирский-Буданов, пользуясь вариантом «копну», видит в копе долю закупа в урожае, но это толкование трудно применить к ст. 74 (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия. Вып. I. С. 61, примеч. 101). А. И. Соболевский предпочел чтение «кову» (ср. словацкое *chova*, польское *chow* — прокормление, воспитание) и перевел ст. 74: «от которого получает

разногласия эти имеют мало значения для определения юридического положения закупов и социальной функции закупничества³³⁴. А его развитие должно было достигнуть значительной степени ко временам Владимира Мономаха, если правильно мнение, что статьи Русской Правды, слагающиеся в «Устав о закупах», обязаны своим происхождением деятельности этого князя. Развитие закупничества, в свою очередь, может быть принято как свидетельство нарастающей потребности более крупных хозяйств в рабочих руках, в частности — хозяйств землевладельческих, вовлекавших в свой быт закупов ролейных. К сожалению, не располагаем ни малейшими данными для оценки размеров этого явления в XII в. Но самый факт его существования и его регулировки в праве нельзя не признать показательным. Боярское землевладение, подобно княжескому и церковному, строит внутри древнерусских земель-княжений новый склад экономических и социально-правовых отношений, выходящих за пределы общего уклада народного быта. Вступив в круг этих отношений, закуп Русской Правды не вполне выбывает из области действия общего права. Но, во-первых, сама необходимость поддержать его связь с этим правом особыми статьями уставного характера показывает, какой она стала хрупкой, а во-вторых, те же статьи свидетельствуют о значительном уменьшении его гражданской полноправности. С другой стороны, закуп попадает под дисциплинарную власть господина, прямо признанную в статье «аще господин бьет закупа про дело, то без вины есть», и под его властную опеку, подобно челяди и домоладцам, перед третьими лицами (в случае преступности закупа). Словом, положение закупа, столь знакомое средневековому быту, — двойственное и внутренне противоречивое положение

пропитание» (Соболевский А. Язык Русской Правды // ЖМНП. 1886. № 4. С. 379—381). Отарицу В. И. Сергеевич считает «собственным имуществом» закупа, указывая на передачу этим словом в переводном тексте слова *resulium*. М. Ф. Владимирский-Буданов и А. И. Соболевский толкуют отарицу как долю в скоте, собственное стаде закупа. Ср. первоначальное значение слова *resulium* (от *resus*), а также его смысл в старших западных средневековых текстах, где *resulium* означает только движимое имущество, прежде всего скот; «это то имущество, которое серв или крепостной приобретает для себя и затем сохраняет в своем обладании с определенно выраженного или молчаливого согласия своего господина» (*Vormoor J. Sociale Gliederung*. S. 45). Этот *resulium* — отарицу естественно сопоставить с имуществом, приобретенным на службе господина вестготским дружинником — буцелларием или сагионом (ср. выше).

³³⁴ Ср. замечание М. А. Дьяконова^{84*}, что ученые споры о закупах имеют «важное значение для выяснения древних форм залога, а также для решения вопроса о преемственной связи между древними закупами и московскими кабальными холопами, а не для разяснения юридического положения закупов» (Дьяконов М. А. Очерки. Т. I. С. 101).

людей полусвободных. В строгом смысле это положение временное, хотя и не срочное. Но выход из него, обусловленный ликвидацией связанных с закупничеством долговых отношений³³⁵, должен был на практике часто оказываться весьма затрудненным.

Тенденция «роботить» в даче, по хлебе, по придатке (напоминающая позднейшую роль ссуд и подмог в закрепощении крестьянства) даже при соглашении о сроке (ст. 143) и неизбежная слабость средств для проведения в жизнь мероприятий «Устава о закупах» к защите их прав ставят нас перед явлениями начавшейся борьбы несоизмеримых сил, приведшей позднее разными путями к постепенному закабалению сельского населения на боярскую работу.

Но борьба эта получила свое полное развитие лишь в тот исторический момент, когда ее формы и средства значительно

³³⁵ М. А. Дьяконов (Очерки. Т. I. С. 101) справедливо замечает, что Русская Правда в той же ст. 80, где он назван наймитом, точно указывает, что закуп — должник своего господина («наймиту свобода во всех кунах») и что «поэтому исследователи, считающие закупа наймитом, прибавляют, что закуп получал наемную плату вперед». Если ст. 143 («а въ дачѣ не холопъ, ни по хлѣбъ роботять, ни по придатьцѣ; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть») отнести к за купу, то и она указывает на отработку «милости» и может быть признана свидетельством о разновидности закупничества, действительно близкого к найму: закупничества на срок (не непременно годичный, так как слово «год» имело более общее значение), каким, конечно, не всякое закупничество было. Что касается погашения долга закупом, то М. Ф. Владимирский-Буданов полагает, что «закупничество продолжалось до отработки долга с процентами или до уплаты его» (Обзор. С. 386), а В. И. Сергеевич — что закуп «погашает свой долг, если берет плату вперед, работой» (Русские юридические древности. Т. I. С. 191), видя в этом его отличие от московского кабального холопа, который «служил за проценты с занятого капитала». Процентов по «кунам», лежащим на закупе, В. И. Сергеевич, видимо, не предполагает. Но против такого мнения говорят: 1) указанное значение слова найм=лихва; 2) обращение закупа в обельные холопы за побег от господина (ср.: Ясинский М. Н. Закупы. С. 457), правило (ст. 71), резко отделяющее статьи о закупе от ст. 143 и понятное только при задолженности закупа; долг же этот нет основания считать беспроцентным. Вопрос об отношении работы закупа к погашению долга неразрешим на основании текстов Русской Правды, так как в них нет соответствующих указаний. Не лишены, полагаю, значения (вопреки замечаниям М. А. Дьяконова. — Очерки. Т. I. С. 102) для этого вопроса черты закупничества по памятникам западнорусского права, собранные М. Н. Ясинским. Тут видим закупа, отдавшего себя самого или другим отданного в заклад кредитору либо отрабатывающим долг, погашая его путем ежегодных «выпусов» определенной суммы, либо работающим без «выпусов» впредь до погашения долга путем уплаты его сполна. Какая из этих двух практик существовала в эпоху Русской Правды, не спорили ли обе, как и позднее, об этом наши источники хранят полное молчание. При таких условиях мнение, представляющееся мне наиболее вероятным, что отношения закупничества разделяли судьбу вообще долгового права, т. е. развивались по пути постепенного смягчения, а не наоборот, не может быть тверже обосновано.

усложнились усвоением в сфере отношений между боярством и зависимыми от него людьми начал княжого права, когда зависимость эта начинает закрывать людей боярских от княжой власти, разрушая в то же время их связь с общим правом народным и их подсудность общему суду. Насколько следует признать зарождение этого процесса относящимся еще к концу рассматриваемого периода — это вопрос, который приходится оставить открытым: предположения, высказанные в этом направлении, основаны на слишком бледных намеках в мелких вариантах разных статей Русской Правды, чтобы на них настаивать.

ЛЕКЦИИ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.
КИЕВСКАЯ РУСЬ

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ. КИЕВСКАЯ РУСЬ

Лекция I

ДРЕВНЕЙШИЕ СУДЬБЫ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА^{1*}

^а Киевская Русь — исторический термин для обозначения вполне определенного крупного явления в истории восточного славянства: политической организации этого славянства с центром в Киеве, как она сложилась в X в. и просуществовала до середины XII в. IX и начало X в. — период образования этой организации; вторая половина XII в. — время ее распада. Кроме этого внешнего признака — политической организации, связанной с центральным значением Киева, — так называемый Киевский период русской истории обособляется и определяется рядом других: единством особого момента в этнографической и языковой истории восточного славянства, резко отличного от предыдущего («доисторического») и последующего («удельного») периодов, единством социально-экономических признаков («примитивно-торговое государство») ^{2*}, общественного строя и права, духовной культуры (в области церковной жизни, письменности, искусства), наконец, в территориальных (колониационных) условиях и международных отношениях (южная ориентация).

В общем ходе русской истории Киевская Русь имеет огромное значение как период выработки всех основ позднейшей национальной жизни, как бы далеко ни разнилось позднее дальнейшее развитие этих основ по разделении населения Киевской Руси на новые культурно-исторические типы малороссов, белорусов и великороссов. Киевская Русь впервые выработала из этнографического материала восточнославянских племен историческую народность. Эта восточнославянская основа русской народности и ее различных элементов, все более обособлявшихся в дальнейшем ходе исторической жизни, требует особого рассмотрения. Осложненная рядом иноплеменных примесей, эта основа была слишком сильна и определена в Киевской Руси, чтобы не определить навеки судьбы и характер всей восточно-европейской исторической жизни пошедшими от нее антропологической наследственностью и традициями определенных форм народного племенного быта и элементарной культуры. Традиции Киевской Руси в политической и общественной жизни, в письменности и искусстве, в народном быту и праве были тем культурно-историческим фондом, на котором выросла историческая жизнь и Северной, и Юго-Западной, и Западной, литовской,

Руси, видоизмененные и осложненные рядом новых и разнородных элементов.

Восточное славянство — ветвь великого славянского племени, одной из крупных частей так называемого индоевропейского племени. Сложная история выделения славянства от прочих индоевропейцев, попытки охарактеризовать «праславянский» период, т. е. период единого доисторического славянства, лежат вне кругозора историка по отсутствию каких-либо исторических источников для изучения такой глубокой древности. Это в полном смысле слова времена доисторические. То немного, что более или менее можно узнать о судьбах и жизни славянства в те времена, добывается трудом не историка, а лингвиста. Сравнительное языкознание пытается установить путем сравнительного изучения славянских языков самый факт праславянского единства, выяснить звуковой и морфологический характер праславянской речи, наконец, элементы праславянского словаря, а с помощью рассмотрения того запаса слов, которые считает возможным приписать древнейшей эпохе общеславянского племенного быта, намечает с помощью понятий и предметных представлений, на какие указывает этот «праславянский» словарь, общие черты этого племенного быта в его хозяйстве, общественном строе, верованиях, а также определяет, хотя бы предположительно, территорию «славянской прародины» по составу слов, относящихся к миру флоры и фауны^{1, 3*}.

Сравнительное языкознание идет и дальше; путем такого же изучения всех индоевропейских языков подходит к попыткам реставрации существенных черт общей индоевропейской древности. Историк приходится пользоваться выводами этой науки, хотя и с крайней осторожностью ввиду гипотетичности этих выводов, а часто и их спорного значения в разногласиях самих языковедов^{2, 4*}.

Нам и незачем углубляться в эти вопросы. Если я о них упомянул, то лишь с одной целью: напомнить, что восточное славянство, вступая на путь своего особого исторического бытия, несло в своей среде некоторое наследие многовековой племенной жизни в языке, обычаях, приемах хозяйства и формах быта. В процессе этой непрерывной и многовековой жизни историк только пытается уловить момент, с которого может получить некоторые, более конкретные данные о так называемом доисторическом славянском быте, которые явились бы предпосылкой для понимания тех явлений исторического времени, которые он изучает по древнейшим историческим источникам. Некоторый, хотя и то очень еще слабый, свет падает на славянское прошлое с той поры, когда славянские племена входят в соприкосновение с культурными народами Южной Европы — с римлянами и греками. Французские археологи отличают доисторическую древность от протоисторической, под которой разумеют эпоху, для которой уже

имеются такие иноземные литературные свидетельства об изучаемом племени, хотя от него самого не дошло еще никаких прямых исторических свидетельств. Протоисторическим периодом в истории славянства можно назвать время так называемого расселения славян, т. е. эпоху распада доисторического славянского единства, выделения из него отдельных ветвей славянства — западной, восточной и южной — и их постепенного расселения по тем местам, где затем и протекает их историческая жизнь^{5*}.

Что же приходится нам принять как данное из всей этой далекой славянской древности, как минимум сведений, которые будут исходной точкой для характеристики восточного славянства накануне той исторической жизни, которую мы можем далее изучать уже своими историческими методами и по своим историческим материалам? Весьма немного, но это немногое бесполезно. Прежде всего данные сравнительного языкознания указывают на знакомство еще праиндоевропейцев с начатками земледелия, на значительное его развитие в славяно-литовскую эпоху, а тем более в эпоху праславянскую. Расселение славян было не движением кочевой орды, а переселением оседлых племен, живших земледельческим хозяйством, лесными и водными промыслами. С другой стороны, развитая терминология семейно-родственных отношений у индоевропейцев указывает на господство у них в глубочайшей древности патриархальной семьи как основной ячейки их социального быта. Эти черты устраняют возможность, а стало быть, и надобность рассмотрения вопроса о переходе славянских племен от кочевого быта к оседлости, а также от каких-либо примитивных форм родового быта, поглощавшего так называемую индивидуальную семью, к формам быта семейно-общинного. Теория «родового быта», сыгравшая столь крупную роль в развитии русской исторической науки, — ценная и весьма интересная глава в русской историографии, но имеет лишь историческое значение для нашей современной науки^{6*}. Далее, существенным делом было бы определение так называемой славянской прародины, если бы этот вопрос был разрешен специалистами-языковедами достаточно определенно и бесспорно. Однако на деле он вызывает немало разногласий. Определение территории, откуда началось расселение славян, имеет свою цену потому, что до некоторой степени помогает представить себе направления самого расселения и те соприкосновения или столкновения с иными племенами, которые пережили славянами на их «прародине» и в эпоху «переселений». Рассмотрю несколько этот вопрос, пользуясь новейшим трудом А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (вып. II в «Энциклопедии славянской филологии») и другими его статьями³.

Весьма сложен самый вопрос о так называемом доисторическом единстве или праединстве целых групп племен и народов, кото-

рые в историческое время представляются особыми, отдельными друг от друга, хотя и «родственными». Однако сравнение взаимных отношений, например, между современными славянскими языками с их же взаимоотношениями в древности показывает, что по мере развития раздельной исторической их жизни они все дальше расходились от прежней сравнительно большей близости. Древнейшие из письменных памятников русского, польского, болгарского языков наглядно показывают, насколько эти языки были ближе друг к другу, чем теперь. Изучая древнейшие общие черты языков и отделяя их от все нараставших позднее отличий и особенностей, сравнительное языкознание и реконструирует их общий праязык (праславянский, праиндоевропейский). Так получается генетическая схема происхождения новых языков из древнего их языка, их родословное древо. Однако самое представление о таком праязыке вызывает ряд недоуменных вопросов.

Прежде всего такое представление о едином языке связано с двумя другими: [во-первых,] об определенной, не слишком обширной территории, на которой жило говорившее им племя; а во-вторых, о некоторых формах общей жизни, т. е. о единой племенной организации. Без этих условий едва ли возможно себе и представить единство языковой жизни племени, обособленной от других и вырабатывавшей у него особенности фонетики, морфологии, синтаксиса, вообще живой речи, общей для всех его частей. А. А. Шахматов настолько отчетливо это осознает, что пишет так о выделении славян из праиндоевропейцев: «Обособленность славян зависела, конечно, прежде всего от обособленности их территории, а также и от возникновения среди них такого культурно-экономического центра, который поддерживал единство племенной их жизни»^{7*}. Эти обстоятельства делают для лингвиста весьма важным определение в соответствии к «праязыку» и той «прародине», где жило данное «праплемя». Решение этой задачи идет у А. А. Шахматова таким путем. Значительное сродство между такими древнейшими чертами в языках славянских и балтийских (литва, латыши, пруссы), которые всю их группу отличают от других индоевропейских языков, заставляет признать, что славяне и балтийцы жили еще все вместе, составляя одно балтийско-славянское племя, уже отделившись от иных родственных племен. А первоначальной территорией собственно балтийских племен представляется, по общему признанию исследователей глубочайшей древности, приблизительно та самая, какую заселяют литовцы и латыши. Древнейшими соседями балтийцев были финны, так как не только в западнофинских языках (ливы, эсты, водь, сумь), но и в восточных (мордва, черемиса) немало слов, заимствованных из языков балтийских и притом в такой форме, какая в этих языках существовала в глубокой древности, а затем изменилась. А с другой

стороны, в финских наречиях немало заимствований из языков древнейших, индоиранских и иранских (скифо-сарматских), т. е. финны должны были долго быть соседями тех иранцев, которые господствовали некогда в черноморских степях. Эти соображения заставляют А. А. Шахматова помещать древнейшие поселения финнов между мирами балтийской и черноморской культуры и полагать, что бассейны Березины, северного Днестра, Припяти, Оки и верхнего Поволжья были заняты в древности финнами. Прародиной балтийцев признается бассейн Немана; из всех народов Европы они больше кого-либо могут считать себя автохтонами. Группа прибалтийских племен, которая, отделившись от общего славяно-балтийского корня, стала предком славянства, жила первоначально, по Шахматову, в бассейне Западной Двины. Отсюда их поселения тянулись к бассейну «великих озер» Ильменя, озера Нево (Ладожского), но главным центром их племенного и культурного единства было Балтийское побережье. Поддержку этому представлению А. А. Шахматов находит в значительном влиянии на праславянский язык соседства германцев; в славянских языках указывают ряд слов, заимствованных из германских наречий еще в общеславянскую эпоху. Продвигая так называемую норманнскую теорию вглубь доисторических времен, А. А. Шахматов готов самое отделение славян от балтийцев приписать скандинавам: «Разъединение славян с балтийцами могло создаться именно на почве культурно-экономической; северная часть Прибалтийского края, бассейн Западной Двины, благодаря скандинавам могла стать в иные условия сравнительно с южной его частью, бассейном Немана, которая тяготела к германскому Повислиню», а скандинавы сюда проникали не только морем и с устья Западной Двины, но и сухим путем, так как нынешняя Финляндия, заселенная в те времена бедным лопарским населением, давно оторвавшимся от общего финского корня, стала рано привлекать выходцев со Скандинавского полуострова. «Море» — общеславянское слово и свидетельствует о древнем знакомстве славян с морской стихией^{8*}.

Пусть это только весьма гипотетическое построение. Пусть оно вызывает сомнения, главным образом столь северным положением славянской прародины. Его большим достоинством нельзя не признать определенность представленной картины и попытку связать лингвистические наблюдения с историко-географическими, культурными и политическими отношениями. Задача берется во всем ее объеме, во всей ее сложности и получает определенное решение, гипотетическое, по условиям всякого вывода из скудных данных о доисторических временах.

Однако, признавая «первой славянской прародиной» бассейн Западной Двины, А. А. Шахматов не тут ищет «исходного пункта славянских движений». Еще в эпоху общеславянской племенной жизни славяне передвинулись в Повислинье, которое А. А. Шах-

матов называет «второй славянской родиной». Ранее этот край был занят германскими племенами. Но они его покинули в стремлении к югу. Богатая природа и культурная жизнь греко-римского юга производили неотразимое впечатление на северных варваров, как только они о нем узнавали. Ведь вся ранняя история и германских и славянских племен ярко окрашена этой тягой к богатому югу. А торговые интересы издавна протянули нити торговых путей в глубь северных стран с культурного юга. Вспомним хотя бы геродотовых гелонов — жителей торгового пункта в земле будинов — вероятных предков восточнофинских племен: эти гелоны, по словам Геродота^{9*}, первоначально были те же эллины, выходцы из торговых колоний, поселившиеся среди будинов; одни из них говорили на скифском языке, другие — на эллинском. Меха пушных зверей, которыми так богаты были леса Северной и Средней России, — главная приманка иноземцев. На запад торговли ими шла через германцев-скандинавов. Известно значение балтийского янтара в древнеримской торговле (Плиний)^{10*}. Тацит знал финнов, с которыми римляне непосредственно не встречались, под этим германским их названием. Втянутые постепенно в оборот сношений с римским миром, германцы бурно потянулись к югу. В III и II вв. до н. э. бастарны и скифы вышли из Привислиня на южные течения Днестра и Днепра — до нижнего Дуная. Во II в. н. э. по их следам пошли готы. Повислинье открылось для новых поселенцев. Славяне спускаются к югу — в бассейн средней и верхней Вислы. Нижнее ее течение занято пруссами. Двинское побережье Балтики занято латышами, а теснимые дальнейшим движением славян финны отходят к северо-западу — к Финскому заливу (эсты) и озерной области, а другие начинают отступать на восток.

Передвижение в Повислинье окончательно решило дальнейшую судьбу славян. Они втянуты в охватившее всю Европу племенное движение — так называемое великое переселение народов, которое началось еще до христианской эры и не может быть ограничено поздними явлениями IV и V столетий. Это первое передвижение привело славян к первым встречам с финнами, которым затем на ряд веков суждено было отступать перед славянской колонизацией или подчиняться поглощению славянами, сходя на роль этнографического материала новых восточнославянских народностей. Что славяне влияли на финнов еще в общеславянскую эпоху, показывают финские слова, заимствованные у славян еще без типичного восточнославянского (русского) полногласия: *varpu* (воробей), *taltta* (долото), *värttinä* (веретено) и т. п.

В Привислинье на славян уже повеяло южной культурой. Они втягиваются в южные торговые сношения, в которых господствовали предприимчивые греки. В общеславянскую эпоху усваивают они греческое слово *καράβιον* в форме *корабъ* (ко-

рабль) в отличие от своих ладей и насадов. Первое передвижение нарушило внутреннее равновесие славянской стихии. Остановка в Привислинье была длительным моментом в южном движении славян. Но эта остановка перед препятствием — германские и частью кельтские племена занимали с юга дальнейшие пути — заставила славян расколоться. Часть славян двинулась из Привислинья в бассейн Одера и Эльбы, вытесняя отсюда остатки германского населения, большая часть которого ушла в юго-западном направлении. Это движение и было началом распада славянства: от него откололась западная группа славянских племен, колонизовавшая земли по Одеру и между Одером и Эльбой вниз по этим рекам — до Балтийского поморья включительно — и вверх — в будущие чешские, малопольские, моравские, словинские земли. В V в. южные пути еще закрыты движением и господством гуннов. Только распадение царства Аттилы (ум. в 453 г.) устранило эти препятствия. В конце V в. предки восточных и южных славян, еще не разделившиеся, покинули Привислинье и потянулись в Дунайскую равнину. Это время общей жизни восточных и южных славян характеризуется рядом особенностей, сближающих русский язык с южнославянскими (болгарским и сербским) в отличие от языков западнославянских (выпадение *т*, *д* перед *л* — вел из ведл; переход *к*, *г* в *ц*, *з* — цвет, звезда).

Дальнейшее движение в южном направлении вызвало в силу неизвестных нам причин раскол этих славян на две части — южную и восточную. Византийские писатели VI в. — Прокопий Кесарийский^{11*} и Маврикий^{12*} — различают среди враждебных Византии славян два племени: одно называют склафинами (словене), другое — антами, считая границей между ними реку Днестр. Прокопий («О готской войне») сообщает о войне между ними в 30-х годах VI в. и о победе словен над антами. отождествление этих словен с южными славянами, которые втянуты в борьбу с Византией и колонизацию Балканского полуострова, антов же с восточными славянами можно считать общепринятым в научной литературе (подробнее «антский вопрос» у Грушевского, надо остерегаться его увлечения готским историком Иорданом^{13*})^{14*}. Отбитые своими югославянскими родичами от дальнейшего движения на Балканский полуостров, анты потерпели неудачу и в попытках овладеть наследием остготов — Черноморским побережьем. В черноморских степях кочевали остатки гуннских орд — кутургуры и утургуры; в середине VI в. их покорили авары — турецкое племя, явившееся из Средней Азии. Этих аваров поминает старая Киевская летопись под именем обров и повествует о притеснениях, какие от них пришлось претерпевать части восточных славян, именно племени дулебов. Киевский книжник вспомнил о них по поводу войны с аварами императора Ираклия (610 г.), о которой прочел в своем византий-

ском источнике, и рассказывает: «Си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша дулѣбы, сущая Словены, и насилѣ творяху женамъ Дулебскимъ: аще поѣхати бяше Обърину, не дадѣше въпрѣчи коня, ни вола, но веляше въпрѣчи 3 ли, 4 ли, 5 ли женѣ в телѣгу и повести Обръна, и тако мучаху Дулѣби. Быша бо Объри тѣломъ велики, а умомъ горды, и богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ Обринъ, и есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обръ, их же нѣсть племени, ни наслѣдка»^{15*}. Происхождение этого «известия» выяснено Вестбергом^{4, 16*}. В истории авар, собственно, нет и места для сколько-нибудь длительного их соседства в местностях, заселенных восточными славянами. Все, что мы знаем о встрече этих славян с аварами, — это известие Менандра^{17*}, который продолжил Хронику Агапия за годы 568—582 о разгроме антов аварами, которые грабили славянскую землю и забирали невольников. Исторической чертой народного предания, сохраненного летописью, могло бы быть разве воспоминание о жестокости авар к поработленным пленникам (оно могло сохраниться, например, в песенной форме вроде позднейших песен о неволе татарских полоняников). Но возможно и другое: что рассказ этот забрел в нашу летопись книжным путем из западнославянского ее источника, где шла речь о притеснениях аварами чешского племени дулебов в духе рассказов об этом латинской Хроники Фредегария^{18*}.

Как бы то ни было, аварская сила закрыла на время Черноморье от восточного славянства. А когда авары ушли дальше на запад и заняли земли старого гуннского царства, в черноморские степи проникли по их следам болгары. Где-то в Поволжье тюркское племя болгар, увлеченное из Азии в Восточную Европу, по-видимому, еще гуннским движением (это та же группа подвластных гуннам тюркских племен, части которых составляли орды кутургуров, утургуров, оногундуrow), было разорвано на две части, из которых одна двинулась к северу и основала свое царство на среднем течении Волги и нижней Каме (камские или волжские болгары), а другая, увлекаемая подчинившими ее аварами, потянулась к западу, в 80-х годах VI в. достигла нижнего Дуная, выбилась из-под аварской власти в начале VII в. и господствовала в черноморских степях до смерти хана Курта (Кубрата), т. е. до 40-х годов VII в. При таких условиях Черноморье до середины VII в. было закрыто для восточнославянской колонизации. «Естественно предположить, — пишет Шахматов про эту эпоху, — что, потеряв нижнее Поднепровье и Черноморское побережье, анты продвинулись несколько к северу и заняли лесистые местности между Днестром и Днепром, северную часть нынешней Подольской губ., Волынь и северную часть Киевской». Свидетельства движения восточных славян к северу вверх по Днепру, Днестру и Бугу А. А. Шахматов видит в назва-

нии Десной двух рек — левого притока Днестра и левого притока Южного Буга.

Эта временная концентрация восточнославянских племен (антов) в определенной и не слишком обширной территории запечатлелась выработкой в их языке некоторых характерных особенностей, отличающих русский язык во всех его разветвлениях от западно- и южнославянских языков: в истории русского языка этому историческому моменту судеб восточного славянства соответствует, по определению А. А. Шахматова, «общерусский период», когда русский язык, еще «до начала своей исторической, засвидетельствованной памятниками жизни», успел утратить носовые звуки, развить полногласие, смягчить согласные перед гласными переднего ряда (зима, дело), изменить *tj*, *dj* в *ч*, *ж* и *т. д.* и вообще сложилась типичная восточно-русская фонетика. Следующая эпоха — расселения восточных славян — принесет распад языкового единства на несколько разошедшихся в своем развитии наречий, а единства племенного — на обособленное бытование отдельных племен, живущих «особе», каждое по своим обычаям и законам «отец своих» и преданиям, каждое по своему «нраву», как изображает их старая летопись. Только к этому моменту можно отнести и известные указания на эпоху, когда жизнь восточного славянства сосредоточивалась — задолго до возвышения Киева — вокруг одного племенного центра. «Всего вероятнее, что таким центром была Волынь, Волинская область, — замечает А. А. Шахматов, — здесь сложились те силы, которые не замедлили перейти в наступление, как только это позволили окружающие условия»^{19*}. А. А. Шахматов понимает, очевидно, знаменитое известие араба Масуди^{20*} (писал в 20-х годах X в.) о племени валинана, которое, по его словам, «прежде, в древности, имело власть над другими», так что «этому племени подчинялись все прочие племена, ибо власть была у него». Известие Масуди, повторенное затем в сочинении Ибрагима Ибн Йакуба^{21*} (по Масуди), использовано В. О. Ключевским в параграфе его курса о «военном союзе восточных славян на Карпатах» (?) под предводительством князя дулебов, причем, по неожиданному мнению Ключевского, «сомкнула восточных славян в нечто целое» какая-то «продолжительная борьба с Византией»^{22*}. Тексты Масуди и Ибн Йакуба соблазнительны упоминанием о Валинана (хотя в рукописях читаем ряд других форм: Влинбаба, Вальмана, Вальмая), а смущает оно тем, что если взять тексты целиком, то получается вовсе мудреная картина. Дело в том, что Масуди еще перечисляет подчиненные волинским племена: астрабана, дулаба, бамджин, менгабан, сарбин, марава, харватин, сасин — ряд имен, часть которых вовсе непонятна, а другие — сербы, моравы, хорваты — вызывают представление о каком-то общеславянском царстве. А Ибн Йакуб, пересказывая и дополняя известие Масуди, говорит о

последовавшем распаде этого царства, из которого, по его представлению, выделились Болгария, Чехия, Польша и Поморское княжество. Если придавать значение известию о бывшем когда-то господстве волянян над группой славянских племен, то другое построение арабских писателей придется признать результатом смешения ими этих смутных преданий, дошедших до них, с позднейшим представлением о великоморавской державе, хотя тоже по крайней мере преувеличенным. Несмотря на всю эту путаницу и крайнюю ненадежность арабских сообщений, историкам трудно отказаться от этих «Валинāнā, с одной стороны, потому что общий ход развития восточного славянства требует предположения о пережитом им в доисторические или протоисторические времена периоде объединения в стране, где Волянь — естественный центр, как это справедливо указал и А. А. Шахматов, а с другой — потому, что в соотношении древнейших племенных и территориальных имен Юго-Западной Руси есть черты, поддерживающие эту гипотезу. Старая летопись сообщает, что «дулебы живяху по Бугу, где ныне вельняне», а в другом месте говорит о «бужанах, зане седоша по Бугу, после же вельняне». Попытка А. А. Шахматова⁵ истолковать эти выражения летописца как указание на племенные передвижения, при которых воляняне — племя, пришедшее с юга, вытеснило дулебов или частью ассимилировало их, а бужан признать особым племенем — жителями бассейна не Южного, а Западного Буга, — мало разъясняет судьбу этих имен. Грушевский только в слове «дулебы» признает племенное имя, а два других — «вельняне» и «бужане» — производит от города — Вельня или Воляня, который существовал как незначительный городской пункт Волинской земли еще в XIV в., и города Бужьска (ныне Буськ в Галиции, на верхнем течении Западного Буга). В смене имен Грушевский видит следы политической истории, память о древнем центральном значении Бужьска, затем Вельня, подобно тому как позднее племенные имена полян, северян вытеснялись политическими терминами Киевская, Черниговская земля — кияне, черниговцы и т. д.²³ Толкование Грушевского имеет то преимущество, что объясняет, почему, несмотря на переход центрального, стольного значения к городу Владимиру, земля навеки сохранила имя Воляни, Волинской земли, чем она выделяется из всех земель древней Руси, именуемых всегда по главному городу. Аналогию видим в устойчивости названия Суздальской земли, когда стольное значение давно перешло к городу Владимиру Залесскому.

Таковы соображения, которые, кажется, позволяют признать в картине, нарисованной А. А. Шахматовым, удачную попытку реконструкции последнего доисторического момента русской древности накануне нового периода в расселении восточного славянства.

Этот новый период в истории Восточной Европы открывается образованием Хазарского царства на нижнем течении реки Волги. Хазары — опять новая волна турецких племен, которых из века в век бросало на Европу колоссальное азиатское движение народов. Еще при жизни болгарского хана Курта (Кубрата) — около 635—641 гг. — они начинают теснить болгар с востока. По смерти Курта, при его пяти сыновьях, болгары разбились на пять орд; одна из них с ханом Аспарухом перешла около 660 г. за Дунай, подчинила славянские племена по нижнему течению Дуная и до Балкан и положила тем основание славянской Болгарии. Разгром болгар хазарами (в 70-х годах VII в.) очистил от них черноморские степи. Часть ушла на запад, в Паннонию, часть — к северу, в Камскую Болгарию, часть подчинилась хазарам, утратив племенную особенность, их остатки — «черные болгары» летописи — в IX—X вв. находятся у Азовского моря. Однако на этот раз произошло нечто иное, чем простая смена одних турецких кочевников другими. Хазары оказались значительно восприимчивее к новым формам культуры и создали крупное государство со столицей в городе Итиль на Волге. Столетия на два хазарская сила заперла «ворота народов» — равнину между южными отрогами Урала и северным берегом Каспийского моря, обычный путь азиатских орд в Европу.

Огромно значение Хазарского царства в ранней истории восточных славян. Замирение Черноморья и всей Восточной Европы обеспечило им пути мирной колонизации. Международное культурно-экономическое значение Хазарии втянуло их в богатый новый мир культурных отношений. Хазарская столица быстро выросла до роли крупного центра международной торговли. Сношения с Азией, с турецкими племенами, кочевавшими на востоке, с Камской Болгарией, столица которой Великие Болгары — своего рода форпост хазарской торговли с племенами Сибири и северных областей, занятых финнами, с скандинавским миром — на северо-западе, а на юге — с населением Кавказа, среди которого жили ценные элементы старой иранской культуры, Персией, Арабским халифатом, Малой Азией, греческим побережьем Черного моря и Византией, — ставили хазар в центре скрещения разнородных культур и на перекрестке нескольких артерий мировой торговли. Хазарские отношения вводили славян в соприкосновение прежде всего с турецким и арабским мирами, и оба имели большое значение для славянской жизни. Среду азиатских кочевников — «варварскую», по терминологии древних эллинов, — не следует представлять себе примитивной, первобытной.

Это своеобразная среда сложного быта и по-своему яркой «варварской» культуры. И эта культура производила подчас сильное впечатление на просвещенных греков и латинян, влияла на них, вызывала даже подражание. Набеги и торговля знако-

мили степных хищников с богатыми культурами Китая, Средней Азии, Персии, Малой Азии, Византии. Привлекала их внешняя блестящая сторона старых восточных цивилизаций и то, что кроме пленников они ценили в добыче, — это изделия из драгоценных металлов, драгоценные камни, пестрые ткани — шелк, парчу, ковры, ткани бумажные и льняные, разнообразную утварь и оружие, богато украшенные. Варварские владыки степей поражали и увлекали греков роскошью и яркостью красок своего быта. «Варварские» уборы сильно влияли на византийские моды.

Эти очарования Востока объясняют яркость красок, золота, парчи, столь характерную для византийского убранства и византийского искусства. На той же «варварской» почве выросло арабское искусство, возведя его элементы на высокую степень художества. В увлечению Византии Востоком был, конечно, и политический расчет. Добиваясь подчинения окрестных варваров своему влиянию, Византия приноравливалась к их понятиям и вкусам, стремилась поражать их и привлекать собственной пышностью; для этого она сплошь и рядом брала у них мотивы «варварского» орнамента их утвари, их предметов религиозного культа, конского и людского убора и возвращала их им же в культивированной, художественной форме. Творилась в этом обмене новая восточная международная культура. Византия черпала восточные элементы не только у «варваров», но еще больше и плодотворнее из общего с ними источника — в культурах Средней и Малой Азии, Сирии, из центров стародавней и самобытной жизни азиатского Востока. Торговые караваны шли из Индии и Китая через турецкий мир к Волге и дальше в Черноморье, к Киммерийскому Босфору. Изделия из серебра, золота, стекла и драгоценных камней, блюда, чаши, монеты проникали с персидско-арабского юга через среду кочевников к народам Сибири и северным угро-финнам. Так слагался на рубежах Европы и Азии особый и сложный культурный мир — греко-восточный. Об этом говорит не одна только археология. Богатый запас поэтических преданий — эпоса и лирики — у турецких племен, пережитки иранских и иных мотивов культурного Востока создавали параллельные явления и в области духовной культуры. Хазарское царство втягивало славян в общение с этим азиатским миром, давая их расселению защиту от разрушительных сил Азии, а их народному хозяйству открывало далекие торговые пути^{24*}.

Еще важнее была доступность движения в Черноморье. Проникая в черноморские области, славяне вступали на территорию давних культур в их многовековой смене. Элементы древнегреческой культуры занесены сюда издавна ионийцами, колонизаторами Черноморского побережья. А ведь самые быт и творчество малоазийских ионян были издревле пропитаны восточными, азиатскими элементами. В этих древних элементах греки, достиг-

шие исключительной высоты культурного развития, легко находили общую почву для сближения с «варварами», для понимания их верований и вкусов, для влияния на них. Проф. Фармаковский^{25*} в недавнем труде своем «Архаический период в России», дает яркие указания на культурную роль греков в варварской среде скифов и сарматов, суть которой та же, что позднейшего византийского влияния, например, в художественной и стильной обработке стародавних мотивов народного искусства, особенно того «звериного стиля» в орнаменте, который был когда-то полон религиозной символики, да и позднее оплодотворял яркими образами народную поэзию (сказки, былины) и живет затем вековой жизнью и в русском народном искусстве⁶. Конечно, все это вопросы прежде всего археологии и истории искусства. Но их широкое освещение в трудах русских археологов⁷ раскрывает широту и сложность скрещения культур на юге России, богатство того наследия, которого элементы вошли оплодотворяющим началом в ранние и в позднейшие наслоения культуры древнерусской.

Сношения с греками не только проложили морской торговый путь отсюда на юг — в Средиземное море, но прокладывали и дальнейшие пути на север и на восток из черноморских колоний. Создавалась прочная традиция торговых путей и торговых сношений. Заложенная в скифо-сарматские времена, она то ширилась и крепла, то ослабевала, чтобы затем снова возродиться при смене разнородных племен в Черноморье. Во II в. н. э. сарматское племя, аланы, господствует в Черноморье, но в конце этого II в. и в начале III в. нашествием готов они вытеснены за Дон к Кавказским горам. Остатки их живут до наших дней на Кавказе — осетины, древней Руси известные под именем ясов. Готы во время своего господства в Черноморье, в свою очередь, подчинились сильному влиянию греческой культуры; их морские набеги на берега Малой Азии и Черноморское побережье Балканского полуострова — первая страница в многовековой борьбе севера и юга за господство на Черном море — создают тоже своего рода традицию военно-морских предприятий, которая живет затем в походах Руси на Малую Азию и Византию, да и далее — до казацких морских походов XVII в. и русско-турецких войн. Знакомство готов с черноморской скифо-сарматской культурой и новые влияния греческого Юга и азиатского Востока (Кавказ, Малая Азия) дали плодотворный толчок успехам готского быта и искусства. «Готские древности» — крупное культурное явление в жизни всего германского и вообще западного мира.

В оценке готского наследия для славянской культуры (восточного славянства) наша археологическая и лингвистическая литература еще полна колебаний. Вопрос этот также имеет более широкое значение, как и вопрос об отношении восточнославянской древности к тому великому наследию греко-восточного

мира, одним из внешних знаков которого было распространение «звериного стиля» в орнаменте, к культурному течению, которое при посредстве готов широко распространилось в Западной Европе. Эта готская культура имеет большое значение для археологии и вообще культурной истории Западной Европы: на ее основе слагается тот стиль «варварских древностей», который господствует в Западной Европе с III по VII в., развиваясь все сложнее, а со времен Карла Великого ложится, переплетаясь с новыми веяниями от традиций латинского антика и Византии, в основу так называемого романского стиля, первого оригинального художественного стиля Западной Европы. Что же касается восточного славянства, то наряду с попытками выдвинуть и подчеркнуть связь его древнейшей культуры с готским наследием⁸ стоят выводы Н. П. Кондакова, который указывает по поводу «греко-восточного стиля», тесно связанного с древностями кочевых орд, на «бедность» в древностях Киевской Руси в первое время всякой орнаментации из мира животных, при «преобладании геометрических форм и растительного типа украшений». То же и для специально «готских» древностей: «Как будто вся эта характерная орнаментация была пронесена мимо и не дала отпрысков на север от Киева». Н. П. Кондаков^{26*} пришел на основании археологических наблюдений к вопросу: не приходит ли славянское население в Черноморье «с северо-запада» и притом сравнительно поздно, «уже после окончательного ухода с Днестра готов и других союзных с ними племен»⁹? — вопрос, на который, как мы видели, А. А. Шахматов дает утвердительный ответ, опираясь на данные иного порядка, помимо археологического материала. К тому же заключению приходят и наблюдения лингвистов: слова, указываемые как заимствования у готов, во-первых, могли быть взяты славянами в большинстве и из других германских языков, а во-вторых, относятся к словам, заимствованным в общеславянский язык, т. е. могли попасть к славянам еще до переселения готов в Черноморье. Специально восточнославянских «готизмов» нет. Готское господство в Черноморье — лишь один из моментов его исторической жизни, создавшей традицию путей и сношений, которая жила из века в век, переходя от народа к народу по мере их смены на этой территории. Как известно, настоящий охват восточных славян, более глубокий и плодотворный, влиянием сложной культуры греко-восточного типа Н. П. Кондаков относит к позднему времени — к истории Суздальской Руси¹⁰. И самых готов пережили, как пережили и длинный ряд их предшественников, греческие и малоазийские связи Черноморья.

Таковы общие историко-географические черты и культурно-исторические традиции обширной Восточно-Европейской равнины, которая с VII в. открылась для нового колонизационного движения восточного славянства. В его среде не замедлила возро-

диться старая тяга на юго-восток по проторенным путям к Черному морю. Это колонизационное движение привело к заселению частью восточных славян среднего Днепра, где археологические судьбы Киева указывают на давнее значение этого пункта.

Раскопки В. В. Хвойко^{27*} в 1893 г. обнаружили следы весьма древних поселений с костями мамонта, бивнями мамонта, орнаментированными насечкой, поделками из кремня; это признаки жилья каменного века, притом эпохи палеолита; затем идут остатки неолитического жилья¹¹. Географическое положение Киева, господствовавшего над путем вниз по Днепру и над переправой за Днепр, создало значение его, лишь унаследованное славянским его населением. Отсюда часть восточного славянства перекинулась за Днепр — на Десну, Сейм и Сулу, часть пошла дальше к югу, заселяя пространство между Днестром и Южным Бугом и вниз по Днепру до моря и до устья Дуная.

Начавшееся движение в среде восточных славян вызвало глубокий разрыв их прежних племенных связей; часть их втягивается снова в круг северных прибалтийских интересов. Движение славян к югу, в Привислинье, и дальше на юг сдвинуло, как было уже упомянуто, финнов на север и северо-восток. Затем «опустение Привислинья», покинутого славянами, открыло путь к «обратному» движению на восток некоторых ветвей западного славянства, которое притом не остановилось в Привислинье, а захватило верховья Днепра и перекинулось в бассейн верхних течений Оки и Волги. А. А. Шахматов признает радимичей ляхским племенем, поправляя известное заявление летописи, что-де радимичи и вятичи были «оть ляховъ» лишь в отношении к вятичам (согласно с другим местом летописи, только радимичам приписывается происхождение «от рода ляхова»). Подтверждение этому мнению А. А. Шахматов видит и в данных языка — смешение *ц* и *з*, *з* и *ж*, *с* и *ш* в говорах западновеликорусских. Явление это, родственное так называемому польскому мазурканью, Шахматов объясняет тем, что северная часть восточных славян встретилась в своем поступательном движении со среднего Днепра к северу «со значительными ляхскими поселениями, распространившимися, быть может, еще в VII—VIII вв. на восток от исконно польской территории»^{28*}. Эти «ляхи были поглощены русской волной, но, смешавшись с северноруссами, дали им некоторые свои звуковые особенности»¹². Признав, как было упомянуто, господство скандинавов на Балтийском море явлением глубокой древности, А. А. Шахматов в них видит элемент, вызывавший и далее брожение и ряд организующих племенную жизнь концентраций в прибалтийских краях. Тут «прибрежные племена становятся данниками скандинавов, основывающих торговые и политические центры для эксплуатации страны и управления покоренными племенами везде, где это предписывается торговыми и экономическими выгодами». Влечет их вели-

кий водный волжский путь, который вел через области, богатые мехом пушных зверей, в торговые центры камских болгар и хазарского Итиля. Издавна представляется знакомым для скандинавов путь в глубь материка вверх по Западной Двине (на значении этого пути особенно настаивал польский историк Шелёновский)^{13, 29*}.

Торговля скандинавов с арабами — давняя. Находки арабских монет в Скандинавии начинаются с монет 698 г. Даже первоначальную дорогу скандинавов в Византию Шелёновский ведет через землю хазар, по Волге и Дону в Азовское море.

Эта предприимчивость скандинавов, продолжает А. А. Шахматов, захватила и ляшские племена в бассейне верхнего Днепра и, наконец, втянула в торговые и промышленные интересы Балтийского мира часть восточного славянства. Северная их часть отделилась от общего корня и «направила свою колонизацию по пути, расчистившемуся для ее экономических интересов, к истокам Днепра и далее к западу, северу и востоку по течениям рек, сближающихся своими истоками с началом Днепра»^{30*}.

Тут северноруссы разбились на две ветви, одна из которых пошла по течению Западной Двины, заселяя ее бассейн без разрыва со своим юго-восточным базисом: «это кривичи, которых мы в историческое время застаем в Смоленске, Полоцке, Витебске, Пскове». «Другая, также не отрываясь от своего южного базиса — верховьев Днепра», заняла север и северо-восток: это словене, которых затем видим в Новгороде, на Белом озере, в верхнем Поволжье. Это движение северноруссов прижало плотнее литовские племена к их Балтийскому побережью и прорезало клином финские поселения, разорвав, например, исконные связи эстов с восточнофинской мордвой^{31*}, близких друг другу по языку и культуре.

Описанные движения резко разбили восточное славянство на две большие группы племен — южноруссов и северноруссов. Но часть восточного славянства не примкнула ни к той, ни к другой. Уже переход северян за Днепр, в бассейн Десны и Сейма и в Посулье, указывает на некоторое отклонение славянской колонизации от южного направления. Его возможно объяснить притягательной силой путей, шедших в бассейн Дона и Азовского моря — в мир хазарской торговли и восточной культуры. Отдельная волна переселенческого движения и пошла в этом направлении и проникла на восток далее, чем северяне, сохранившие связь с южнорусской ветвью восточного славянства; это восточноруссы, по терминологии А. А. Шахматова, которых древнейший центр — северное Подонье, а поселения в бассейне Дона спускаются по его течению до Азовского моря и, захватывая древнюю Таматарху, превращают ее в русскую Тмутаракань. Это вятичи, только позднее сдвинутые напором печенегов в конце

X и XI в. назад к северо-западу, в бассейн Оки, вверх по Донцу и вниз по южным притокам Оки.

Восточноруссы целиком вошли в круг влияния и господства хазар. Предание сохранило воспоминание о даннической зависимости от хазарского хана (кагана) и южноруссов: «Козари имаху дань на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма», — в то время как «имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнѣхъ на Мери и на Всѣхъ и на Кривичѣхъ»^{32*}. Таков первый исторический факт, с какого киевский летописец начинает свое повествование.

Лекция II

ПОСЛЕДСТВИЯ РАССЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Ближайшим результатом расселения восточных славян был распад их бывшего племенного единства. В области истории языка, по замечанию А. А. Шахматова, «расселение на обширной территории (особенно в примитивных бытовых условиях, когда невозможно сколько-нибудь тесное общение между группами населения, разбросанными на широких пространствах) ведет неминуемо к разрушению единства в языковой жизни раздробившегося племени и создает несколько новых жизней на месте прежней, отошедшей в историю». «Единство между древлянами и словенами, угличами и вятичами существовало уже только в прошедшем». На диалектическом расхождении говоров отражается общая разрозненность племенной жизни: «Имаху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ»^{33*}.

Мы, конечно, не знаем наречий и говоров древнерусских племен. Но сравнительное изучение позднейших наречий — великорусского, украинского и белорусского — показывает, что в составе их особенностей есть ряд таких, которые характеризуют говоры, вошедшие в состав этих крупных групп наречий, притом так, что есть черты общие у украинской речи с южно-великорусскими говорами (в отличие от северновеликорусских) или одинаково характерные для украинских и белорусских говоров. С другой стороны, при ряде типичных общих черт говоров, вошедшие в состав каждой из трех крупных групп наречий, отличаются столь существенными особенностями друг от друга, как например, оканье и аканье в Великороссии и т. п. Словом, наряду с отличиями, которые и создают представление вполне определенное и устойчивое о языках или наречиях великорусском, украинском и белорусском, вскрывается ряд иных, которые,

так сказать, спутывают классификацию русских говоров по этим трем группам. Эти черты русской диалектологии могут быть только наследием предыдущей эпохи, иного, чем современное, диалектического расчленения восточных славян, которое затем при новых передвижениях племен было сбито, смешано и привело, поскольку древние черты сохранились в связи с дальнейшим языковым развитием, к той пестрой диалектической картине, в которой исследователь выделяет отдельные черты более древней диалектологии, чем современная. Отдел о «древнерусских наречиях», пожалуй, наиболее оригинальная часть нового труда А. А. Шахматова. Выделив ряд черт, которые приходится отнести за счет диалектов внутри «общерусского языка» доисторических времен, А. А. Шахматов группирует свои наблюдения в указанном направлении так, что получается некоторая характеристика южнорусского, восточнорусского и севернорусского наречий, не совпадающая с позднейшими особенностями малорусского, белорусского и великорусского языков.

Разрозненность племенного быта шла, однако, и глубже. «Особе» жили отдельные племена южно- и севернорусские. Это суждение древнего киевского летописца подтверждается данными русской археологии. Попытка А. А. Спицына ³⁴ охарактеризовать «расселение древнерусских племен по археологическим данным» ¹⁴ выясняет, во всяком случае, значительную пестроту в погребальных обрядах и в материальной культуре, как она сложилась в древностях восточных славян с IX—X вв. (по определению А. А. Спицына). Что до попытки определить по сходству основные группы (племенные), то Спицын приходит к характеристике трех групп: 1) юго-западной (воляняне, поляне, древляне, дреговичи, причем и вещи северянских курганов «ближе всего напоминают предметы курганных насыпей юго-западной группы»), 2) северной (новгородцев и кривичей — псковских, полоцких и смоленских) и 3) восточной, в которой характерных черт и определенности не получается, так как Спицын пытается ее сложить из радимичей, вятичей и тех же северян. Археологу приходится оперировать с данными курганных древностей, которые он сам относит к XI в., когда уже значительно осложнились взаимоотношения племен и их культур все крепнущим влиянием киевского центра, да и племенными передвижениями — именно в восточной группе (вятичи).

Все эти вопросы до крайности осложняются вопросом о том значении, какое следует приписывать летописной этнографической карте восточного славянства. И лингвисты, и археологи прикидывают к ней свои наблюдения и систематизируют их как комментарий к «несторовой географии».

А. А. Спицын, кроме того, исходит из представления об этих племенах как «этнографических единицах», говорит по их поводу о «единстве по крови» как исконном понятии для классификации

древних племен. Однако он справедливо замечает: «Достойная удивления по ширине и определенности картина расселения древнерусских племен, нарисованная Нестором, имеет, однако, существенный недостаток — совершенное отсутствие исторической перспективы. Наш летописец не знает, в какой постепенности заселяли эти племена страну, не отмечает, как они группируются по этнографической близости, какие из них наиболее сильны и какие слабы. . .» Летопись дает простое перечисление племенных названий по местностям, как они установились в практическом употреблении у киевлян XI в. Читателю статьи А. А. Спицына остается неясным, почему иначе и не могло быть. Ведь эти «племена», во всяком случае, не что-нибудь глубоко исконное в смысле «этнографических» единиц и их сродства по крови, а продукт расселения восточнославянских племен, едва ли уже выделившихся друг от друга в эпоху «общерусскую», в эпоху «общеславянского единства». Конечно, и в ту пору относительноного «единства» восточнославянской племенной жизни существовали племенные подразделения и диалектические отличия отдельных частей восточного славянства. Но ничто не дает нам основания утверждать, что эти древнейшие черты племенной дифференциации совпадали не то что с позднейшими отличиями великорусской, малорусской и белорусской народностей, но и с теми, какие сложились в эпоху расселения и в Киевский период. Племенная дифференциация, как она слагалась в период IX—XII вв., явилась результатом расселения и тех условий, в какие попали части восточнорусского племени, разошедшиеся вширь и вдаль по территории Восточной Европы.

Заслуживает пристального внимания та критика вопроса о древнерусских племенах, какую находим в лекциях по исторической географии С. М. Середонина¹⁵. Середонин³⁵ настаивает на том, что «некоторые так называемые „племена“ в действительности обнимали лишь население известной местности, а вовсе не составляли союзов родственных» (т. е. кровных этнических групп). Наиболее южные племена — улучей и тиверцев — Середонин отказывается признать двумя различными племенами. Имя улучей засвидетельствовано и Константином Багрянородным — *ultini*. Имя это разное читается: угличи, улучичи, улици, ульци, лучичи. Выступают они в летописи вместе с тиверцами — до неразличимости: «Улучи и Тиверьци съдяху по Днѣстру, присъдяху къ Дунаеви, бе множество ихъ, съдяху по Днѣстру оли до моря»; Олег «съ Уличи и Тиверьци имяше рать», а иногда названы либо те, либо другие, словно оба имени заменяют друг друга или одно покрывает другое (Свенельд покорил уличей, Игорю подвластны тиверцы). Имя тиверцев поясняется словами «иже суть толковины», значение которых тоже неясно. Середонин заключает, что, всего скорее, уличи — общее наименование племени, а тиверцы — частное, точнее обозначающее уличей,

которые «жили по Днестру, Тирасу или Тире». Обычно полагают, что оба имени — топографические. Побережье между устьями Днестра и Днепра называлось у славян «Угол», откуда греческое название этой местности — ὄγλος — и название угличей; тиверцы от реки Тиры (?). Славянское население этого юга, откинутое на заре русской истории назад к юго-востоку, оставило надолго следы своих поселений — «оли до моря и до Дуная», с которыми мы еще не раз встретимся в истории Киевской Руси. Но имена угличей и тиверцев так быстро потеряли реальное значение, хотя и «бе множество их», что книжник-летописец начала XII в. не имел о них отчетливой традиции. Рано исчезает и племенное имя дулебов, может быть поглощенное политическим именем волынчан?

Топографический характер носит имя полян. Книжник-летописец, первый «исследователь» русской древности, полагал, что: «Словѣне пришедше сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне. . . зане въ поли сѣдяху». Однако центр их — Киев, а вокруг Киева было не поле, а «бѣаше лѣсъ и боръ великъ». Поляне сосредоточены на «горах Киевских», на высоком и лесистом берегу Днепра. Середонин полагает, что название полян они получили позднее, «когда выступили к югу от Киева в X—XI вв.» Это заключение кажется малоубедительным. В X в. берет верх имя русь, затем кияне, и Середонин, кажется, напрасно не хочет признать имя полян более древним, а тот топографический парадокс, который он справедливо подчеркивает, — результатом сдвига полян к северу из занятого ими — с опорой тыла на Киев — более южного «поля», сдвига, вызванного, вероятно, теми же причинами, что и сдвиг к северо-западу угличей и тиверцев, т. е. напором угров, а затем печенегов. Однако замечание Середонина, что мы «не имеем никаких данных, указывающих на существование особого полянского племени», что это не этнографическое, а «местное» название, тем более заслуживает внимания, что, насколько знаю, и археологии не удалось при всем желании определить какой-либо тип «полянских» погребений. Топографический характер носит и имя древлян — «зане сѣдоша в лѣсах». По данным археологии, одна культура курганов объединяет полян, древлян, волынчан. Но, с других точек зрения, древляне выступают довольно обособленно, однако едва ли эта обособленность этнографическая, племенная. Середонин очень метко замечает, что такое название возникло в противоположность «полю» и антитеза «древляне» — «поляне» ярко отразила раздел населения на две долго боровшиеся группы. Очень возможно, что начало этой борьбы обусловлено упомянутым движением полян к северу. Летописец сохранил предание, что когда-то, в старину, вскоре по основании Киева легендарным эпонимом его Кием, «были обидимы поляне древлянами»; «примучивали» древлян и Олег, и Игорь, и Ольга, причем древляне выступают

организованной силой со своими князьями не то славянского, не то варяжского происхождения. Тут, видимо, несомненна «племенная» организация, но политического и местного характера, а не на этнографической, сколько-нибудь ясно выраженной основе. Хорватов, поминаемых летописью в числе восточнославянских племен, Середонин выкидывает со счета, предполагая, что тут лишь отголоски времени, когда, быть может, западнославянская колонизация заходила на восток от Карпат, так что лишь «местность сохранила имя народа, некогда в ней жившего», а занята она угличами-тиверцами, быть может, и древлянской колонизацией, вызванной напором на древлян киевской, полянской силы.

Топографично также имя «дреговичей»: от дрягва, дрегва — болото, трясина. Указания летописи, давно смущающие нашу историческую географию, помещают их в широких границах между Припятью и Западной Двиной. Археологи считают «дреговичские курганы» XI в. довольно хорошо выясненными, хотя в общем их древности весьма близки к воыньским. Эти «дреговичские» древности не доходят до бассейна Западной Двины; уже по среднему течению Березины, по замечанию А. А. Спицына, «дреговичские курганы, видимо, смешаны с кривичскими», а по Сожи, вероятно, с радомичскими. Коренная область дреговичей — бассейн Припяти. Дреговичи, по Середонину, не «особое племя» в строгом этнографическом смысле слова, а население особой местности к северу от древлян.

Бассейн верхнего течения Западной Двины — уже область кривичей. Название это считают литовским, так как литвины русских вообще называли *kreevo* (что само по себе, конечно, ничего не доказывает). Терминология книжника-летописца дает рядом племенное имя кривичи и политическое или топографическое полочане, по имени кривичского центра, Полотска; но термин «кривичи» шире и он ближе означает восточную ветвь племени, «иже съдять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ». «Кривичей» и позднее называлась, однако, преимущественно Полоцкая земля, хотя несомненен «кривичий» характер населения и земель Смоленской и Псковской. И тут не столько «литовское» происхождение имени, на чем настаивает Середонин, сколько общая совокупность данных позволяют признать, что он прав, говоря: «кривичи» не было именем того племени, которое переселилось с юга на Западную Двину, а стали кривичи кривичами после и вследствие расселения на новых местах, сплотившись, вероятно, вокруг своего полоцкого центра, откуда колонизовали землю Смоленскую и Псковскую. Курганные древности XI в. в общем подтверждают культурное единство всех этих кривичей.

Для северноруссов ильменского бассейна даже летописец не сохранил особого племенного имени, они «прозвашася своим

именем» — словене, а обособляющее их имя — политическое — новгородцы. Курганные древности обособляют их от кривичей. Середонин полагает, что «в бассейн Ильменя славяне перебрались раньше, чем ими было усвоено имя „кривичей“». Радимичей можно с А. А. Шахматовым рассматривать как восточнославянское племя, обособившееся на этнографической подпочве прежних ляхских поселений; их курганные древности выступают особым типом рядом с кривичскими и дреговичскими, с которыми перемешиваются в бассейне р. Сожа. Подобно вятичам, они резко отдельно выступают в позднейшей киевской традиции среди общей массы восточнославянских племен. Радимичи и вятичи всего ранее и прочнее втянуты в круг хазарской власти и хазарского влияния, а вятичи, собственно, в течение всего Киевского периода оставались почти вне течения общерусской жизни, а вступили определеннее в ее русло уже как этнографическая основа рязанских и иных южновеликороссов.

Наконец, северяне — выступ южнорусской колонизации за Днепр на восток, в бассейн Десны и Сейма — сохранили связь с заднепровскими родичами и плотно входят в состав Киевской Руси. И курганные древности северян «ближе всего напоминают предметы курганных насыпей юго-западной группы» (Спицын). Колонизуя Посулье, Посемье, северяне растянулись на границах степи. Их особый характер и особые судьбы определились поселением в данных местах, а видеть в них этнографическую единицу, определившуюся в общерусской прародине, у нас нет никаких оснований.

Так рассмотрение тех представлений, какие мы можем иметь о древнерусских племенах, перечисленных в летописном обзоре, не только не противоречит шахматовскому определению состава восточного славянства по расселению из северно-, южно- и восточноруссов, но в общем вполне его подтверждает. Нет основания признать за этими «племенами» сколько-нибудь коренное, определенно выраженное значение особых этнографических единств. Они продукты группировки населения по определенным местностям, частью вокруг определенных культурно-политических и, вероятно, культурно-экономических центров. Такая группировка, конечно, должна была привести к усилению тех или иных этнографических и культурных, а в дальнейшем и языковых (диалектических) отличий, но сама-то эта группировка возникла в процессе расселения в VII—VIII вв., частью, быть может, и IX в., оказалась недолговечной и неустойчивой, так как дальнейшие судьбы восточного славянства определили поглощение зародившегося племенного быта новыми культурными и политическими влияниями, которые не дали ему устояться, а разрушали и перестраивали на новые лады.

Эти наблюдения по вопросу о древнерусских племенах наводят на определенные выводы относительно самого характера

восточнославянского расселения. Середонин ставит вопрос: «Как двигались славяне?» — и отвечает: «Они могли двинуться большими родовыми (я предпочел бы сказать — племенными) союзами; такие союзы прокладывали себе путь среди сравнительно слабо населенной страны до тех пор, пока не находили новых удобных и безопасных мест. Могли славяне брести и в одиночку, отдельными семьями или значительно меньшими группами, чем племена; вся позднейшая, с X по XI в., колонизация происходит именно этим последним способом, т. е. славяне как бы просачиваются в окружающую их инородческую среду». Середонин допускает возможность отдельных примеров и первого рода переселений: таковы, может быть, движение угличей на север, передвижения вятичей (Середонин называл и радимичей, но тут речь может идти разве о движении ляхского племени, смешение с которым дало позднейших радимичей). Но полагает, что «главной особенностью славянской колонизации всегда была „ползучесть“ ее: сравнительно небольшими группами, часто отдельными семьями славянские племена расплзались по великой Восточно-Европейской равнине. Вследствие этого постоянно изменялась граница Русской земли, распадалась прежние союзы, на их место образовывались новые, которые уже нельзя считать союзами лиц, связанных единством происхождения»³⁶.

Таким представлением о «главной особенности славянской колонизации» объясняется отмеченная мной недолговечность, неустойчивость племенных группировок, объясняется и самый характер племенных имен, где так ясно преобладают термины либо топографического, либо политического происхождения. Объясняется им и многое в древнейшем укладе восточнославянского быта: дробность поселений, преобладание так называемого задружного быта, незначительность каких-либо следов сколько-нибудь крупных «родовых» союзов, какие, вероятно, существовали в славянской прародине, а может быть, и в «общерусском» доисторическом периоде и либо сохранились, либо заново возникли, например, у южных славян (сербов, хорватов).

Основными результатами расселения восточных славян были:

1) распадение «общеславянского единства»; 2) разрушение какого бы то ни было единства племенной жизни восточного славянства, в частности «разрушение единства языковой жизни раздробившегося племени»: русские племена так далеко разошлись друг от друга, что не может быть речи о единой общей жизни русского языка в IX—X вв. (Шахматов); языковое единство это «существовало уже только в прошедшем», на смену ему явилось развитие местных отличий, все нараставших; «потребовались неимоверные усилия, — пишет Шахматов, — и труды не одного поколения, прежде чем создались такие условия, которые объединили эти племена в одной общей государственной и культурной жизни», а в частности то, что все восточное славян-

ство в своей языковой жизни еще раз пережило ряд явлений, общих всем его наречиям и говорам в XI—XII вв.; «но эти новые объединяющие условия, имея против себя, во-первых, различия, создавшиеся в прошлом, во-вторых, местную обособленность, питаемую разнообразными факторами, уже не могли привести этнографическую, в частности языковую, жизнь русского племени к сколько-нибудь полному единству»; 3) вступление восточного славянства в ряд новых и весьма сложных международных экономических и культурных отношений, которые не замедлили вывести его племенную жизнь на совсем новые пути исторического развития.

Лекция III

РУСЬ И ВАРЯГИ

В одной из своих статей А. А. Шахматов как-то выразился так: русская история начинается спешным отступлением восточных славян перед напором азиатских кочевых орд ^{37*}. Действительно, к первым страницам этой истории надлежит отнести возобновление «азиатской опасности» в черноморских степях. В начале IX в. движение угров (венгров) потрясло положение юго-восточных и южных черноморских славянских поселений. Угры — ветвь восточных финнов (родственных вогулам и др.), спустившаяся к югу, в бассейн верхнего Дона. Тут долгое общение с хазарами, затем борьба с печенегами ввели их в круг турецкой культуры и сильно их отуречили. В современном венгерском языке исконная финская основа обросла множеством тюркизмов, как и в народном типе и характере оказалась сильная примесь турецкой крови и турецких влияний. Подчинившись хазарской власти, угры участвуют в хазарских войнах, особенно в напряженной борьбе с печенегами, кочевавшими на восток от Волги, у Яика, в самых «воротах народов». Теснимые узами (торками), печенеги наконец прорвали хазарско-угорскую плотину и к концу первой четверти IX в. (Вестберг) ^{38*} потеснили угров с Дона. Угры отступают перед ними сквозь черноморские степи. В середине IX в. видим их в Крыму, затем дальше к западу — за Днепром и в западном Черноморье, где их напором оттеснены углич и тиверцы на север, вероятно и поляне (летописец вспоминает о проходе угров мимо Киева, чем остроумно, но едва ли правильно поясняет название Угорского урочища под Киевом). Под 862 г. Хинкмар Реймский ^{39*} поминает в своей хронике уже первое нападение венгров на владения Людовика Немецкого.

Уход угров с Дона — тот момент, к которому А. А. Шахматов относит движение вятичей на Дон, его верховья и вниз по Дону,

в области, оставшиеся за хазарами. В 30-х годах IX в. каган и бек хазарские обратились к императору Феофилу с просьбой прислать им искусных строителей для укрепления границы против кочевников. Византийский инженер Petronas выстроил крепость Саркед на Дону в 835 г., причем арабские источники (Ибн Русте)^{40*} сообщают, сверх того, о целой системе укреплений: хазары, по преданию, дошедшему до Ибн Русте, окружили себя валом из-за опасности от угров (мадьяр) и других соседних народов (печенегов).

Эти события — движение угров и особенно прорыв печенежских орд за Дон — нанесли сильный удар хазарскому владычеству, но не разрушили Хазарского царства. По-видимому, печенеги только обошли с севера ядро Хазарского царства и, тесня угров, прошли по их следам в черноморские степи^{41*}. В их тылу уцелело Хазарское царство, сохранив под своей властью данниками вятичей и радимичей до времен Святослава. Но события эти должны были глубже изменить положение южного Поднепровья. Угличи, тиверцы, поляне отступают из степи в лесные области. Их зависимость от хазар и раньше едва ли выходила за отношения случайных данников. Теперь они вовсе оторваны от связей с хазарским центром, предоставлены сами себе перед лицом крупной опасности. Угорская буря прошла мимо, на запад. Печенеги остались близкими соседями. Такова обстановка первого момента самостоятельной политической истории Киева — появления на юге новой, варяжской княжеской власти, полупо- легендарных Аскольда и Дира.

Этот момент приводит нас вплотную к так называемому варяжскому вопросу. Отсутствие твердых и несомненных данных для восстановления сколько-нибудь полной фактической истории восточного славянства за IX и начало X в. дало широкий простор разнообразным построениям по вопросу о «происхождении Руси». Появилась «норманская теория», против нее «теория антинорманистов», а затем пошел ряд «теорий» до самых фантастических. История борьбы этих теорий и их методологический анализ — весьма любопытные страницы в истории нашей науки; но им место в русской историографии^{42*}, а не в специальном курсе по истории Киевской Руси¹⁶. Научный результат этой полемики — в выяснении круга источников для древнейшей истории восточных славян и их тщательном анализе.

Для моего изложения исходным пунктом будет тот момент, когда с падением хазарской силы варяжский элемент получает руководящее значение в судьбах Восточной Европы. Но для выяснения этого момента нельзя не отступить немного назад и не оглянуться на праисторию этого скандинавского элемента в восточнославянских отношениях.

Первый книжник, построивший свою «теорию» «происхождения Руси» на соблазн грядущим исследователям, был соста-

витель Повести временных лет. Он отождествил Русь с варягами, счел ее одним из северногерманских племен. На что он опирался? По-видимому, дошла до него какая-то традиция о том, что «Русь» — название норманнов. Была ли это своя, туземнославянская, традиция или он почерпнул ее из византийского источника, так как греки хорошо знали этих россос, мы не знаем; последнее, пожалуй, даже вероятнее. Но дело в том, что эта традиция была, по существу, правильна. Из всех предложенных объяснений самого слова «Русь» на научное значение может претендовать только его производство от финского названия Ruotsi, которое обращается в Русь при переходе в славянскую речь по общему фонетическому закону финно-славянских языковых отношений, подобно тому как, например, Suomi перешло в Сумь.

Заимствование названия для скандинавов из финского языка свидетельствует о том, что восточные славяне узнали их через посредство финнов, т. е. в то время, когда сидели на юге, отделенные от прибалтийского края финскими поселениями, стало быть, во всяком случае, ранее продвижения северноруссов в бассейн Ильменского озера. Это указывало бы на VIII в. или начало IX в. Само происхождение финского названия Швеции Ruotsi, а шведов Ruotsalainen, нельзя считать выясненным. Были попытки связать его с шведским словом rodsmenn, rods-karlar — гребцы, мореходы (Томсен)¹⁷; рыбацьи артели Северной Норвегии и теперь называются Rossfolk. Но Шахматов не считает исключенной возможность, что финны перенесли на шведов название прибалтийских пруссов, знакомых им по древнему, доисторическому соседству. Эти древнейшие выходцы из Скандинавии проникали, стало быть, в среду южного населения, славянского, через финские области и сохранили имя русь на юге, где так их звало местное население. «Русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном лесистом и болотистом славянском севере» (Шахматов)¹⁸. Арабам и византийцам эта русь VIII—начала IX в. известна раньше, чем на юге появляются варяги. Они знают ее в Черноморье и на Волге; эта русь организует своими и славянскими силами знаменитые набеги на Сурож и на Амастриду¹⁹. Имя руси срастается как политическое имя с южными областями восточных славян, что свидетельствует о ее крупной организационной роли.

Прежде всего этот вопрос о руси должен быть использован для определенных выводов о «доваряжской» эпохе. Как ни мало-численны твердые данные о доваряжской руси, их достаточно, чтобы противопоставить блестящей и прямо гениальной, но крайне неисторической конструкции Ключевского о вполне выработанном строе городов-областей в среде восточного славян-

ства до появления на сцену скандинавских вождей с их дружинами. Эта конструкция, тяготеющая над нашей историографией, едва ли крепче обоснована, чем «призвание князей» Нестора-летописца. Предание о Руси, восстановленное нашим летописцем едва ли не по византийским сведениям, только искусственно связано с историей Новгорода. Быть может, прав Шелёнговский, придавая для древнейшего времени наибольшее значение иным путям «из варяг в греки», чем позднейшие общеизвестные пути через Западную Двину в Днепровский бассейн и Волжский⁴³.

Как бы то ни было, в начале IX в. политическая жизнь восточного славянства выступает перед нами разбитой на два обособленных мира — южный, русский и северный, варяжский. Южный втянут в круг византийских и хазарских отношений и под влиянием и руководством Руси скандинавской выходит из глуши племенной быта на новые пути боевой и торговой международной жизни. А в то же время на севере «имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди, и на Словѣнх, и на Вьси, и на Кривичѣхъ». Утверждение славян в бассейне Ильменского озера и по Волхову до Ладожского озера вывело их через раздвинутую ими финскую массу на пути непосредственных отношений со скандинавами. Этим скандинавов они зовут уже так, как те сами себя называли, — варягами — *varingjar*. Так в историческое время звали скандинавы своих сородичей, которые служили дружинниками у русских князей и византийских императоров, от слова *vār* — клятва, скреплявшая дружинный договор службы. *Varingi* — варяги — первоначально дружины скандинавов, приходившие в среду восточных славян со своими конунгами — викингами — князьями. По мнению Ф. А. Брауна²⁰, термин и возник-то в России, откуда перешел и к грекам (*βαρύνγοι*). Начало движения скандинавов в Россию, на Восток и в Византию Браун относит ко второй половине IX в.; его причина — в политических и социальных переворотах, переживавшихся тогда скандинавскими народами и, в частности, именно шведами, а также условия восточноевропейской и среднеазиатской торговли, сулившей богатую наживу. «Многочисленные монетные и вообще археологические находки в России и Швеции косвенно подтверждают правильность летописного приурочения начала скандинаво-русской государственности ко второй половине IX в.» Эта формулировка Ф. А. Брауна приводит к заключению, что у него «начало движения скандинавов в Россию, на Восток и в Византию» совпадает с отмеченным в летописном предании началом скандинаво-русской государственности, которое, однако, едва ли было первым моментом этого движения⁴⁴. Я уже упоминал о том, что находки арабских монет в Скандинавии указывают на скандинаво-арабскую торговлю VIII в.⁴⁵

Беда в том, что древнейшая шведская история еще темнее, чем наша русская. Письменных источников для нее вовсе нет,

даже такого типа, как наша летопись^{46*}. Скудные сведения добываются путем анализа саг, часто спорного; некоторое знакомство с этим материалом дает К. Ф. Тиандер^{21, 47*}. Рунические надписи дают лишь поздние сведения о русско-скандинавских отношениях, так как «обычай ставить надгробные надписи получил в Швеции широкое распространение лишь с начала XI в., когда массовый наплыв варягов в Россию уже прекратился» (Браун)^{48*}. Эти надписи говорят лишь об отдельных авантюристах со времен Игоря до середины XII в. и ничего не дают для того «раннего варяжского периода, когда скандинавы селились в России сплошными группами». След такого поселения Браун видит в Гнездовском могильнике^{49*} Смоленской губ. (до 500 погребений IX—X вв. на курганном поле версты в 4 длиной; большая часть вещей — скандинавские, но есть и чисто восточные, а утварь славянская; господствующее мнение считает гнездовские курганы славянскими, но под сомнением более крупные курганы).

Возникновение «скандинаво-русской государственности» на севере могло дать толчок и опору более широкому «движению варягов в Россию, на Восток и в Византию», но для начальной истории восточного славянства важно было бы хоть несколько выяснить иную стадию отношений — господства скандинавов на Балтийском море, ранний захват ими Финляндии, их движение по Западной Двине, вероятно, и по Висле, которое создало раннюю роль скандинавского элемента на черноморском юге (Русь) и в западославянских землях²². Мы видели, что Шахматов отодвигает эпоху этого господства скандинавов на Балтийском море и их организующего влияния на население восточных берегов Варяжского моря ко временам еще «первой», прибалтийской, прародины славян. Затем это же скандинавское воздействие усилилось в эпоху, когда славяне передвинулись на юг, распались на три ветви и началось расселение восточных славян. Северноруссы, двинувшись к северу в кривичские и ильменские области, уже тем самым втягивались в круг скандинавских влияний^{50*}. Эту концепцию Шахматова очень трудно обосновать историческими и археологическими данными, потому что таких данных очень уж мало. Но историческая география говорит за нее, поскольку дело идет о скандинавах. Традицию торговых путей, далеко проникавших на север в эпоху скифскую, вероятно, и готскую²³, устанавливаемую на основании отрывочных намеков древних авторов, нельзя игнорировать. Великий волжский путь должен был быть очень древней торговой дорогой²⁴. Все это еще область почти что непочатых историко-географических и археологических исследований^{51*}. Но лишь весьма мнимая научная осторожность говорит за несуществование того, о чем у нас нет прямых свидетельств в письменных и вещественных памятниках. Эти вопросы глубокой древности правильнее считать открытыми.

К IX в. восточное славянство распалось на три ветви — южную, северную и восточную. На юге уже началась группировка южноруссов вокруг Киева в начале IX в.; строится ядро «Русской» земли силами южной руси. На севере северноруссы объединяются вокруг Новгорода, хотя по северным преданиям, которые нашли себе место в Ипатьевской редакции Повести временных лет, частью и в Новгородской I, не Новгород, а Ладога (Aldoga) была первым центром варяжского княжения^{52*}.

Усиленная деятельность в чужих странах вообще отличает историю скандинавов IX в. Брожение в скандинавских странах, потрясшее всю Европу походами викингов, началось в середине IX в. под влиянием роста монархической власти в ее суровой борьбе с местными племенными князьями. Особенно острой стала эта борьба в Норвегии при Хальфдане Черном и его сыне Харальде II Харфагре (Прекрасноволосом), который закончил объединение Норвегии после битвы при Хафрсфьорде в 872 г. Именно из Норвегии вышло много викингов, вождей дружинной завоевательной колонизации (тогда как позднейшие варяги рунических надписей и Ф. А. Брауна — почти исключительно шведы); недаром сага о Харальде Норвегию назвала Варангией. Эмиграция норвежцев с их викингами хлынула на Оркадские острова, на Гебриды, в Шотландию и Ирландию; в 860 г. норвежцы открыли Исландию, в 870-х годах начали ее заселять; к 862 г. относится их набег на саксов, в 870 г. начались их поездки в Белое море (в Биармию — Пермь). В X в. они громят Францию, поднимаясь вверх по рекам, так что в латинской литургии появилось прошение: «*Libera nos, Domine, a furore normannorum*» («Избави нас, господи, от ярости норманнов»). В XI в. норманны появляются в Сицилии и Южной Италии^{53*}.

В параллель этому западному направлению норманнских набегов развивается варяжское движение на восток и на юг Восточной Европы. Вполне естественно, что в южных известиях — византийских и арабских — варяги, новые выходцы с севера, слились с Русью, давно знакомой. Просвещенные арабы и греки легко их отождествляли по языку и типу. Весьма вероятно, что это отождествление отразилось и на воззрениях русского книжника-летописца. Но и византийцы, и арабы имя Русь связывают с Черноморьем, с южными областями. Арабы и северных варягов зовут русью, хотя знают и в ряде известий ясно указывают на связь имени Русь именно с черноморским югом, а в то же время знают, что на север от славян простирается Варяжское море, Бахр Варанк (ал-Бируни)^{54*} и что «варанк — имя народа, живущего на его берегах». Отсюда перебои их терминологии и некоторая путанность — не для них, а для нас — содержания их известий, относятся ли эти известия к югу или к северу.

Те события, которые относятся к так называемому происхождению русского государства, только одна из страниц, хотя и

важнейшая, истории деятельности варягов в Восточной Европе. Знаем из арабских источников ряд фактов, где играют роль русь и варяги, которые стоят в то же время вне связи с рассказами нашей летописи и вне связи с событиями истории Киева. В известиях этих, по указанной особенности арабской терминологии, мы не всегда умеем различать, что относится к южной Руси, что к северным варягам^{25, 55*}. К тому же надо иметь в виду и другую особенность арабской терминологии. Подобно тому как греки скифами называли всякое население Северного Черноморья, например готов и позднее русских славян (ср. в летописи: «придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козарь» или «Улучи и Тиверьци . . . да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфъ»), так и арабы часто называют славянами (сакалиба) вообще северные народы Европы, не гоняясь за точными этнографическими подразделениями. Наконец, кроме этих терминологических причин смешения Руси, варягов и славян во многих известиях южных писателей, надо иметь в виду, что варяги, проникая на юг, и реально, действительно смешивались с русью, что слово «русь» связалось прочно с организациями, которые пришлою русью созданы в славянской среде, что термин «варяги» означал у самих скандинавов те их дружины, которые оседали в среде восточных славян. А ведь известия арабов и византийцев идут от тех времен, IX—X вв., когда эти явления стали заметно определяться в восточнославянской стране. В сознании киевского книжника-летописца эти обстоятельства отложились, пожалуй, очень характерно, когда он пишет, что «новугородьци ти суть людье новгородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша Словѣне», хотя знает, что по славянским городам «суть находници варязи», или пишет, что у Олега, когда он с севера на юг пришел, были в войске варяги и словене, а в Киеве — «прозвашеся Русью».

Старшее известие о Руси идет с Запада и относится к 30-м годам IX в. Это рассказ так называемой Бертинской летописи^{56*} о том, как в мае 839 г. к императору Людовику Благочестивому в Ингельгейм прибыло посольство от византийского императора Феофила с людьми, «qui Rhos vocari dicebant» [«которые говорили, что их зовут Рос»], а к Феофилу они прибыли в 838 г., присланные от своего царя, которого называли хаканом. По расспросу оказались они «de gente Sueonorum» [«из народа свеонов»] и цель прибытия своего объяснили так, что-де желают вернуться домой через владения Людовика. Западный император отнесся к ним весьма подозрительно, полагая, что это шпионы. И кажется, он был прав. Шахматов пользуется этим известием, чтобы сделать вывод, что «русь в то время сравнительно только недавно утвердилась в южной России и что она была озабочена обеспечением себе связи с далекими родичами». Объяснение же этой руси, что она не отправилась домой прямым путем на север «по причине опасностей, которые угрожали со стороны

варварских и свирепых народов», Шахматов принимает за указание на определенный факт, состоявший в том, что «путь по Днепру» для них закрылся из-за вражды восточных славян. Я бы не решился подтвердить эти объяснения, осложненные у Шахматова представлением о целых «полчищах» скандинавов и даже «несметных полчищах северноруссов и финнов, предводительствуемых скандинавами»^{57*}. Эти количественные гиперболы — большой недостаток изложения у Шахматова.

Рассказ Бертинской летописи соблазняет скорее на сопоставление с другими текстами, подтверждающими, может быть, подозрения императора Людовика. Это тексты, важные для истории того пути вокруг Европы из Черноморья на скандинавский север, которого искали руссы в 839 г., выдавая себя за посланцев «хакана». Ибн Хордадбех^{58*}, большой знаток торговых путей — по должности начальника почт в Джибале (области древней Мидии), — составил в 80-х годах IX в. свою «Книгу путей и царств», где сообщает, между прочим, о купцах-евреях, которые ездят для торговли с дальнего Запада на Восток либо через Германию и славянские земли в Итиль и далее, либо по «Западному морю» — из южной Франции. А в X в. (976/977 г.) Ибн Хаукал^{59*} сообщает о набеге варяжской вольницы в 969 г. на Поволжье (варяги), которая разграбила Булгар, Хазеран, Итиль, Самандар, а после того «отправилась в страну румов (Византию) и в Андалуз», т. е. в Андалузию, Испанию. Через Средиземное море руссы отправились с богатой добычей воссия, быть может, для попутной торговли ею; «словами Рум и Андалус Ибн Хаукал намечает направление возвратного пути руссов», — правильно замечает Вестберг^{60*}. В 843/844 г., по сообщению Ахмеда ал-Йакуби^{61*} («Книга стран», 891/892 г.), руссы напали на Ал-Джезир (Альхесирас — гавань в Гибралтарской бухте) и разграбили Севилью. Эти сопоставления придают, кажется, особую значительность сообщению Бертинской летописи. Оно отметило любопытный момент в истории европейских путей и первые шаги на нем скандинавов. Напомню, что 30-е годы IX в. — это время, когда скандинавский мир впервые раскрывается для Западной Европы, объединенной в монархии Карла Великого и еще сохранившей свои «имперские» тенденции. Из недр франкской церкви выходит первый апостол шведов — Ансгар, который в 830 г. совершил поездку в Швецию, а в 831 г. посвящен в архиепископы гамбургские, и его архиепископия — центр северной миссии. Житие Ансгара упоминает о нападениях норманнов на Курляндию и о взятии ими «славянского города» (по предположению Куника — Полоцка). Из учредительной грамоты гамбургско-бременской епархии (864 г.) видно, что папская курия (Николай I) уже тогда помышляла о распространении ее миссии и пастырской власти на всю Восточную Европу, включая и Русь. Так в этих известиях смыкается тот кружоевропейский

путь, который не упустил наметить и наш книжник-летописец: «из Руси . . . по Двинѣ въ варяги, изъ варягъ до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова» и далее «Онѣдрѣю учащу въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь, увѣдѣ яко ис Корсуны близъ устье Днѣпрѣвское и въсхотѣ поити в Рим и проиде въ устье Днепрѣвское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ . . . и приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новѣгородъ. . . и иде въ варяги и приде в Римъ. . . и бывъ в Римѣ, приде в Синопию»^{62*}, — две схемы варяжских «периплов».

При таких общих исторических и историко-географических условиях понятно, насколько скандинавские элементы деятельно участвуют в судьбах Восточной Европы. Но целый ряд вопросов, связанных с этим, поддается хоть какому-либо выяснению с чрезвычайным трудом, да и то результаты работы получаются весьма спорные и сомнительные.

Прежде всего верну на минуту ваше внимание к так называемой Руси. Построение представления о южной черноморской руси явилось первоначально под давлением хронологических недоумений. В старых спорах норманистов с антинорманистами (Куник^{63*} и Погодин против Гедеонова^{64*}), отчасти и в позднейших (Васильевский^{65*} — Иловайский) играло роль и то соображение, что Русь действует на юге ранее 862 г. — пресловутого года призвания варяжских князей (нападения на Амастриду до 842 г. и на Сурож в первой четверти IX в., 838 г. Бертинской летописи, поход на Византию 860 г.). Важнее близкая связь имени русь с черноморским югом: оно здесь «туземно», не на севере. Это соображение в связи с лингвистическим объяснением имени русь лежит в основе выводов и А. А. Шахматова. Прикидывая свои построения к историческим событиям, А. А. Шахматов представляет себе, что первое движение скандинавов на юг надо отнести к 30-м годам IX в. — это и была Русь: «под этим именем их узнали и южная Россия, и херсонесские греки, и Византия»^{66*}. Вот и все. Попытки построить некоторые представления о черноморской руси по арабским свидетельствам ничего надежного не дают от времен Гедеонова и Куника до недавних статей Пархоменко^{67*}, и кому охота разбираться в этих попытках, тот пусть исходит из критических этюдов Вестберга^{68*}.

Вторую волну скандинавских выходцев, варягов, А. А. Шахматов относит к середине IX в.: это «утверждение варягов в Новгороде, Изборске, Полоцке, Белоозере и Ростове». Мотив «призвания» не подлежит исторической оценке. Это мотив литературный, и, как ни слаба работа Тиандера «Скандинавское переселенческое сказание»²⁶, она дает полезный свод материала, освещающего его как «перехожий» мотив, встречающийся у разных германских племен. Часть северных варягов пошла на юг, к Византии. Шахматов считает удачной догадку книжника-летописца, который, прочитав у византийцев рассказ о нападении руси на Царьград

в 860 г., связал его с именами варяжских князей Киева — Аскольда и Дира. 18 июня 860 г. русь на 200 судах появилась под стенами Византии, когда император Михаил отсутствовал: был в походе против арабов. Михаил успел вернуться по вестям о новой опасности, и руссы были отбиты. Позднейшие рассказы приурочили сюда сказание о чуде ризы влахернской божьей матери, которое раньше относилось к нападению аваров в 626 г. Рассказ этот — о нападении руси и чуде — попал в наши летописные своды: в Новг. I под 854 г. и в Лаврентьевский под 866 г., тут уже с именами Аскольда и Дира.

Это первое известие о походе руси на Царьград, который произошел после нескольких экспедиций по Черному морю в первой половине IX в. Ему придают особое значение свидетельства, что тогда у руси уже была организованная военно-политическая сила, что поход этот исходил из молодого южнорусского государства. Толкование этих известий у Шахматова стеснено тем, что он сохраняет указание Повести временных лет, что Аскольд и Дир были варяги. Если строить на этих обрывках определенное представление, я предпочел бы признать их вождями руси (не варягами)²⁷ и принять другое указание старого книжника-летописца, что варяги и словене назвались на юге русью при Олеге, когда и возникло в Киеве варяжское княжество на смену старому, русскому. Тогда хоть больше времени останется для укоренения имени русь на киевском юге. И 30-е годы IX в., может быть, слишком поздняя дата для появления руси на юге: ведь нападение на Сурож относят к первой четверти IX в. Правильнее признать, что нет у нас надежных оснований датировать это явление десятилетиями.

Сами предания об Аскольде и Дире дают основание усомниться в их «парности». Текст Повести временных лет о их гибели от руки олеговых воев дает основание их разделить: «И убиша Асколда и Дира и несоша на гору, и погребоша ѿ (единственное число) на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ (единственное число) поставилъ (кто?) церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною»^{69*}. Ценимое историками известие араба Масуди, что в царство славянского князя ал-Дира ездят с разными товарами мусульманские купцы, сильно подрывается тем, что этого ал-Дира Масуди считает своим современником, а сам он был современником Игоря. Царство ал-Дира, по Масуди, — восточный сосед Чехии Вячеслава, и может быть признано киевским, тем более что тогда, по-видимому, чехи и Краковом владели. Вестберг поправляет имя ал-Дир на Ингир — Игорь, но остается имя, хоть и поставленное не на месте. Таковы шаткие намеки, всего смелее использованные Грушевским, чтобы признать Аскольда вождем похода 860 г., а Дира — позднейшим князем, жертвой Олега. Какой-либо «точности» сведений тут и не добьешься. Но как бы то ни было в дета-

лях, само известие о походе 860 г. — крупная черта в истории Черноморья и Византии, выступление новой исторической силы. И византийцы это сразу оценили. Патриарх Фотий в послании (окружном) 866—867 гг. представляет последствия этого эпизода совсем удивительно: патриарх заявляет, что не только болгары променяли прежнее нечестие на христову веру, «но даже и многими многократно прославленные и всех оставляющие за собою в жестокости и злом убийстве так называемые *тὸ Ρῶς*, которые, поработив находящихся кругом себя и отсюда помыслив о себе высокое, подняли руки и против Римской державы, — в настоящее время даже и эти променяли языческое нечестивое учение, которого держались прежде, чем чистую истинную веру христианскую, с любовью поставив себя в ряд подданных (*ὑπηκόων*) и друзей наших, вместо того, чтобы нас грабить с великой против нас дерзостью, как прежде, и до такой степени разгорелись в них желание и ревность веры, что они приняли епископа-пастыря и святые обряды христиан с великим усердием и ревностью»^{70*}.

Фотий был патриархом цареградским во время набега руси. Он произнес два «слова» по поводу этого нападения, где весьма ярко и патетически изобразил русские зверства: варвары истребляли все мирное население, избивали даже скот и птицу. Рассказ о набеге руси и чудесном их отражении внесен в источники наших летописных сводов — Хронику Амартола и Палею. В Житии патриарха Игнатия, составленном Никитой Пафлагонянином, сообщаются еще некоторые сведения, относящиеся, по-видимому, к тому же набегу: в 860 г. «злоубийственный скифский народ, называемые *ρῶς*, через Эвксинское море прорвался в залив, напал на остров Теревинт (у Синопа), опустошил всю местность и все монастыри, разграбил всю утварь и деньги, умертвил всех захваченных ими людей»^{71*}.

На этот раз набег вызвал острую панику, но миновала опасность, и надо было подумать о предотвращении ее повторения. В. И. Ламанский^{72*} в труде «Житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение»²⁸ весьма остроумно связывает с впечатлениями 860 г., которые «не могли не заставить задуматься светские и духовные власти Царьграда», последовавшие сношения их с хазарским каганом и миссией св. Константина-Кирилла в Крым и Хазарию — в конце 860—начале 861 г.: Русь втягивалась в тогдашнюю мировую политику. Ламанский считает не случайным совпадение ее набега с арабской войной. Арабы, воюя с Византией, подымали на нее северных врагов. В Житии Константина-Кирилла послы от хазар сообщали Византии, что «срацыны» склоняют их к своей вере и союзу, «мир дающе и дары многи стужают». Слишком смелым и вовсе не обоснованным кажется предположение Ламанского, отождествляющего этих «хазар» с русью, а посольство «от руси Аскольдовой», но общая связь отношений, может быть, им верно угадана.

Для Византии остро ставился вопрос о замирении варварского севера. Греки ищут содействия хазар для сдержки руси, но Хазария уже слишком ослаблена прорывом печенегов. Назревает поэтому другой план, другая программа, чреватая крупными последствиями. Она отчетливо намечена в «Окружном послании» Фотия. Факты, о которых он говорит, не внушают доверия, если понимать буквально риторически расписанную картину миссионерских успехов греческой церкви на севере. Исторических следов от этих «успехов», во всяком случае, не осталось. Но и помимо фактической точности слова Фотия ценны: они намечают характерную для будущего программу. Эта «программа» исходила из средневекового воззрения на империю как на единое и притом вселенское христианское царство. Поэтому как в западной империи Карла Великого, так и в восточной, Византийской, распространение христианства неразрывно связывалось с расширением пределов самой империи и подчинением ее власти, не церковной только, но и светской, императорской, всех «варваров», которые примут христианство и войдут в состав вселенской церкви. Водворение в варварских странах христианской религии и церковной иерархии подчиняло их культурному воздействию и политическому влиянию Византии. Ее культурно-религиозное миссионерство было постоянно связано с определенными политическими целями. Вся эта церковно-политическая деятельность империи по отношению к варварскому миру на Западе приняла завоевательный характер; там меч прокладывал путь кресту и обеспечивал ему успех, а империя, покоряя разрозненные силы варваров, организовывала их по-своему, втягивала их в свой политический строй и в свою культурную жизнь. Византии такое вооруженное воздействие на варваров востока Европы было не по силам; она еле защищалась от арабов, славян, руссов. Обеспечить по возможности северный фронт империи предстояло, по мысли византийских политиков, культурно-религиозному миссионерству. Но оно могло дать сколько-нибудь определенные церковные и политические результаты только при том условии, чтобы этот варварский мир стоял перед Византией уже организованным, вышедшим из хаоса бурных племенных передвижений. По-видимому, Фотий таким его перед собой и видел, хотя, очевидно, сильно преувеличил самую возможность прочных успехов церковно-политического воздействия на него, преувеличил потому, что представил себе его более прочно организованным, чем оказалось на деле.

Днепровской Руси предстояло пережить еще ряд потрясений, связанных с движением на юг варягов, раньше чем она сложится в большое восточнославянское государство и войдет в устойчивые отношения к Византии.

Так и немногие конкретные данные и общие соображения склоняют историков к признанию, что к 860 г. уже существовало на юге, с центром в Киеве, русское княжество. В то время, надо

полагать, на севере уже водворились варяги — их центральным пунктом была, по-видимому, Ладога, затем Новгород.

Проблема образования Киевского государства сводится при таких условиях к вопросу, когда и как пришли в политическую связь юг и север, когда и как объединились под властью Киева все города по великому водному пути «из варяг в греки», начиная с Новгорода Великого. Установление этой связи — дело «варягов». Но о их деятельности наша летопись сохранила лишь неполную, ненадежную, искаженную домыслами и легендами традицию, византийские источники ничего не дают, а арабы много путают. Однако кое-что надо у них взять, что более ясно, отделяя относящееся к Киеву от тех известий о варягах, которые не имеют прямой связи с киевской историей.

Вестберг и Маркварт^{29, 73*}, изучая арабских писателей, пришли независимо друг от друга к выводу, что те пользовались для ряда известий о руссах и варягах (которых не различали) первоисточником, составленным во второй четверти IX в. Из этих известий Вестберг удачно извлекает древнейшие сведения о варягах в Новгороде. По упомянутому первоисточнику IX в., Ибн Русте, Мукаддаси^{74*}, Гардизи^{75*} сообщают, что русь живет «на острове, окруженном озером»; отсюда она совершает набеги на славян и живет тем, что от них добывает; своего хозяйства не ведет, пашен не имеет, а на кораблях совершает набеги, захватывает полон и сбывает его болгарам и хазарам, захватывает в земле славян «полезные предметы» (например, меха) и ведет ими торговлю на Волге. Типичная «варяжская» торговля добычей. Но где же этот остров? Его многие крайне натянуто ищут у Азовского моря. Путь варягов — Волга, «река, которая течет к хазарам от руссов и впадает в море Хазарское» (ал-Бекри)^{76*}, по ней народы, которые живут на ее берегах, везут к болгарам свои товары — меха соболей, горностаевы, беличьи и др. «Остров» руссов, по Вестбергу, тождествен с Holmgard (что значит: островной город) исландских саг, а так скандинавы называли Новгород «вероятно, потому, что расположен на острове (Holm), образуемом Волховом при выходе из озера Ильменя», — поясняет Томсен^{77*}, а Куник отмечает полуостровное положение Городища, которое легко могло быть искусственно обращено в остров. Эти «руссы» арабов — ильменские варяги; речь идет о «заморских» варягах, которые брали дань, «отъ мужа по бѣлѣ и въверици», «а иже бяху у нихъ, то ти насилъе дѣяху Словеномъ, Кривичемъ, и Мерямъ и Чюди»³⁰.

Уловили арабы и другой момент, когда разбойничья торговля-промышленная колония варягов стала втягивать в организацию под своей властью местных славян и вращаться в их среде: «много людей из славян приходят к руссам и служат им, чтобы этой службой обезопасить себя» (Гардизи).

Эти указания восходят к арабскому источнику второй четверти

IX в.^{78*}, притом, быть может, к тому же источнику восходят указания тех же арабских авторов на Киев как столицу славян, резиденцию их южного князя. Руссов они знают только на севере. Для Вестберга тут опровержение вообще представления о южной руси, особой от северных варяго-руссов. Для других — только условная особенность арабской терминологии.

И долго позднее видим независимое от юга, от Киева, и неведомое ему значение северного варяжского центра.

Ко второй половине, даже последней четверти IX в. относится знаменитое свидетельство Ибн Хордадбеха о русско-арабской торговле: «Руссы — а они из славянских племен — приходят из отдаленнейших областей Саклаба (страны славян) к Румскому морю и тут продают шкуры бобра, черной лисицы, а также мечи». Государь ромеев взимает с них десятину их товаров [добавление Ибн ал-Факиха^{79*}: «а затем идут по морю в Самакарш (Таматарху), город евреев (хазар?), и оттуда возвращаются в славянскую землю»]. Это путь к Черному морю — видимо, по Днепру — и по Черному морю в Таматарху. Но где же взимается императором ромеев пошлина? Вестберг предполагает — в Херсонесе^{80*}. . . Это путь руси.

Другой путь: «Или же руссы спускаются по славянской реке (Волге), проходят через Каммедж (одно из названий Итиля), столицу хазар, где владелец страны взимает с них десятину. Отсюда они идут в море Джурджана (Каспийское, специально — его юго-восточная часть) и пристают к любому намеченному ими месту берега. Ширина этого моря 500 парасангов. Иногда они перевозят свои товары из города Джурджана в Багдад. Здесь евнухи из славян служат им переводчиками». Это южная часть того волжского пути, северная часть которого — от Ильмень-озера до Болгарии и Хазарии — намечена известием о северном «острове» руссов. Это те «руссы», которых арабские писатели помещают, вполне так же, как наш автор Повести временных лет, по «великому морю» рядом с саксами и англами (Бен Иосиппон)^{81*}, тогда как знают они и руссов по соседству с венграми и печенегами (Ибн Йакуб). Даже сведения о Скандинавии, Норвегии арабы излагают как сведения о руссах. В 922 г. Ибн Фадлан северных руссов-варягов встретил в земле болгар, куда они приезжали с товарами. Деятельная торговля велась скандинавами-варягами по Волге помимо связи с Киевом и после того, как спаялись края Днепровской Руси — Новгород с Киевом. Как днепровский путь «из варяг в греки» остался доступен варягам, которые ходили через Гардарики в Византию искать выгодной службы и торговых барышей, так и волжский путь не был им закрыт русской княжеской властью.

Нет достаточных оснований связывать с Киевской Русью ряд военных предприятий на востоке, о которых узнаем из арабских источников. Так, в 70-х годах IX в. русь нападала на Абесгун

(в юго-восточном углу Каспия). Около 925 г., по рассказу Масуди, флотилия руссов на 500 кораблях прошла в Азовское море и вверх по Дону и перебралась на Волгу, а тут, условившись с хазарским ханом о пропуске за обещание половины будущей добычи, они вышли в Хазарское море, ограбили Гилан, Табаристан, Абесгун и «нефтяную страну», укрепились на острове близ Баку и вернулись с большой добычей, но в устьях Волги были перебиты мусульманскими войсками хагана. Ибн Хаукал писал в 70-х годах X в., как в 969 г. руссы разгромили Булгар, Итиль и Семендер, чем добились Хазарское царство, потрясенное перед тем победами Святослава, который отнял у них в 965 и 966 гг. власть над вятичами, ясами и касогами. Эти выступления варяжской силы на Волге, идут ли они с Черного моря или с верховьев Волги, независимы от деятельности киевских князей, с которой насильно их связывают некоторые историки, как, например, Грушевский (ранее Гаркави) ^{82*}.

Как ни отрывочны, а часто и не совсем ясны, а в толкованиях спорны все эти известия о деятельности скандинавского элемента в ранней истории Восточной Европы в IX и X вв., они дают один общий результат, который нельзя не признать существенным. Именно вывод о большой энергии этой деятельности, торговой и боевой; Восточная Европа прорезана рядом путей, по которым варяги проходили то мирно, то бурно, будоража местную племенную жизнь, втягивая местное население в более сложные международные отношения.

За этим полулегендарным и героическим периодом варяжества последовал иной, когда тот же элемент, прочнее оседая на новых местах, получил уже иное значение — не бродила только, а организующей силы. Образование русского княжества было одним из ранних явлений того же порядка, как позднее образование нормандского герцогства на севере Франции (911 г.) или нормандских владений в Южной Италии. И всюду норманны быстро втягивались в местную культуру, становились итальянцами в Италии, французами в Нормандии, ославянивались на Руси.

Лекция IV

ПЛЕМЕННОЙ БЫТ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ОБЛАСТЕЙ

Ранние судьбы восточного славянства так сложились, что прочно его поселения утвердились в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. Попытки колониационного продвижения в степную полосу не дали прочного результата. Напротив,

«борьба со степью» — с господствовавшими там кочевниками — основная черта исторической жизни Южной Руси за длинный ряд столетий с первых же моментов истории Киева.

Лесная область, как известно, в Приднепровье спускалась к югу, захватывая окрестности Киева, про который летописец говорит, что около него был «лес и бор велик». Далее к востоку эта полоса леса постепенно отступала в северном направлении, пока у Волги не подходила приблизительно к устью Камы. Южнее простиралась луговая полоса, плодородная, с частыми перелесками, а дальше к югу — открытые степи. Народный быт восточного славянства определился его связью с хозяйством в условиях страны, обильной лесом и водой лесных озер, болот и многоводных рек.

Экономический быт издревле и надолго характеризуется большим значением лесных и водных промыслов — звероловства, охоты, рыболовства, бортничества — наряду с трудным и менее благодарным подсечным земледелием. Эти общие условия в значительной мере определили формы колонизационного процесса и расселения славян на новых территориях. Надо признать с Середониным, что главной особенностью славянской колонизации была ее «ползучесть», что славяне двигались небольшими группами, часть отдельными семьями и небольшими союзами. Во всяком случае, так они расселялись по берегам рек и речек, озер и по лесным «островам». Расселение слишком крупными поселками было невозможно в данной обстановке. Первобытные приемы эксплуатации природных богатств требуют сравнительно значительного пространства для каждого хозяйства. Переселенческие группы восточного славянства должны были занимать округа, весьма широкие сравнительно со своим количественным составом, разбрасывая по ним свои отдельные поселки. Но и каждый поселок не мог быть особенно людным. Однодворное и малодворное (2—3 двора) «село» с прилегающими отвоеванными у леса новинами-деревнями, бортными и иными лесными ухажьями, «куда топор и соха ходили», — надолго типичная единица славянского народного хозяйства и поселения. Но, с другой стороны, трудная задача подъема новин в лесных местах, такие промыслы, как охота на пушного зверя и рыболовство, не допускали чрезмерного дробления сил, рассеяния и бытования так называемыми индивидуальными семьями, т. е. малыми семейными группами — из отца и матери и детей. Условия хозяйства предопределяли не только известный максимум, за который не мог переходить размер поселка, но и определенный минимум рабочих рук, ниже которого трудно было обойтись. Таковы условия, которые поясняют, почему древнейшее расселение в странах такого типа, как лесная полоса Восточно-Европейской равнины, не знает людных сел с десятками дворов, а дробные односемейные поселки знает разве как исключение, неустойчивое и преходящее ^{83*}.

Византийцы отметили это отсутствие у славян крупных поселений. Прокопий (VI в.) изображает их жилье в жалких хижинах, разбросанных далеко друг от друга. Но объем этих казавшихся культурному византийцу «жалкими» дворищ определялся бытовыми потребностями сотрудничества и самозащиты. Состав такой группы — из кровной родни, внутренний ее строй типичен для всей славянской территории и восточного, и западного, и южного славянства, как был он в свое время типичен для германских и кельтских племен, расселявшихся в сходных условиях: это группа из отца с двумя-тремя взрослыми сыновьями и их семьями, трех-четырех братьев на безраздельном хозяйстве, лишь редко, особенно у западных и восточных славян, разрастающаяся шире. Южные славяне знавали и семейную общину свыше десятка мужчин. Объединенные общей жизнью «на одном хлебе», общим хозяйством и работой, они создают и общее имущество, которое принадлежит всей группе, составляя одно имущественное целое. Пока во главе стоит кровный старшой — отец, перед нами нераздельная «большая семья», патриархальная по внутреннему строю. При нераздельности братской семьи патриархальность исчезает, возникает типичная «семейная община» с общим имуществом. Предполагаемое право каждого члена на определенную обычаем идеальную долю этого имущества с правом требовать выдела — вероятно, позднейшая, не первоначальная, черта, продукт уже развивающегося бытового индивидуализма, симптом разложения семейной группы. Но эта черта семейного быта уже налицо в данных, по каким приходится восстанавливать характеристику этого быта, и дальше в глубь прошлого историк не идет.

Подобные семейные общины носили у разных славянских племен разные названия. В древней Руси, по-видимому, и не было технического выражения. Применялось слово «род», «племя», употреблявшиеся и в других смыслах, слово «семья», не выделявшее данного типа. Мы говорим условно, книжно: «большая семья», «семейная община». Не было особого термина у поляков и чехов. Говорили *bracia nedzielni, bratři niedilni*.

У южных славян, где эта бытовая форма сохранила жизненное значение до наших дней, установились термины: «куча», «дружество», «задруга», «задружна куча», а для членов ее — «задругари», «задружни люди». Условный научный термин для всего славянства — «задруга», слово, которое, однако, по-сербски употребляется и в более широком смысле — «сельская община».

Отличительные черты задруги — общее хозяйство при общем имуществе, состав из родичей не только в одной линии, но и боковых (племянники с дядьями, двоюродные), организация под управлением одного большака, старейшины, домачина, главаря, господаря, газды. Преобладающий объем по количественному составу — небольшой, особенно у западных и восточных славян, что наглядно выражено польским и чешским термином — нераз-

дельные братья, а на Руси типичным в народной поэзии (а также в обычных представлениях о родовых, например, местнических отношениях) значением трех братьев. Даже у южных славян, по исследованию Новаковича, очень крупные задруги, в несколько десятков душ, — явление редкое, обычно временное, неустойчивое, преходящее^{84*}. Все это, конечно, зависит от различных местных экономических, а то и политических условий.

Основа семейной общины — задруги в народном быту не столько кровная, сколько трудовая, экономическая. Эта основа, поддерживающая задружную связь взамен первоначальной патриархальной семьи, сказывается особенно наглядно в положении главаря — большего задруги — и в обычных правилах имущественного раздела при ее разложении, окончательном или частичном. Большак — не владелец, а только распорядитель и опекун общего имущества, управитель задруги в ее внутренних отношениях и работе, ее представитель перед внешним миром. Всякое распоряжение задружным имуществом возможно только с согласия всех членов задруги. Отсюда же, естественно, отсутствие завещаний или ограничение завещательных распоряжений лично приобретенным на стороне, вне общего хозяйства (собина, причина, например женское приданое). Под влиянием задружного быта проникает и в патриархальную семью правило, что отец имеет право разделить наследство между сыновьями, но не завещать его на сторону.

Слабость собственно родовых начал в задруге хорошо выясняется крайней неопределенностью порядка преемства в звании и роли большака. Сравнительное изучение задружных порядков у разных славянских народов показывает, что в этом отношении славянское обычное право вообще не выработало сколько-нибудь твердых норм. Надо не упускать из виду, что при этом нет речи о «наследовании» какого-либо имущества, а дело сводится к преемству в распорядительной власти над хозяйством и личным составом семейной общины. Видим в руководящей роли, по смерти «природного» старейшины, отца, либо вдову-мать, либо сына, обычно старшего, но не всегда, а после брата — большего — либо брата, либо сына, но возможен и выбор младшего по общему соглашению членов задруги. Встречается и замена старейшины — даже отца, тем более иного лица — другим большаком заживо при его старческой или иной какой неспособности.

С другой стороны, характер и внутренний строй задруги весьма наглядно выступают в моменты ее разложения и раздела. Раздел имущества производился не поголовно, а по поколениям. Старшее поколение (например, сыновья родоначальника-отца) — это ближайшие участники в созидании и накоплении дедины-отчины, и она делится между ними поровну, а на долю младшего поколения (внуков) выпадает лишь раздел одной доли на каждую линию (два-три сына одного из братьев-вотчичей могут оказаться

равными по доле одному дяде): они позднее вступили в общую работу. Но это касается именно только дедины-отчины, т. е. унаследованного имущества, накопленного при жизни отца. А новоприобретенное делится поголовно как заработанное общим трудом всех наличных членов задруги; тут племянник равен дяде. Хорватское обычное право поясняет принцип подобных правил дележа: «*da vsaki trud svoju placu prime*» [«чтобы всякий труд имел свою оплату»] (Полицкий статут), сознательно подчеркивая трудовое начало в задружном праве.

У нас нет прямых данных для восстановления картины племенного быта восточных славян в доисторические времена. Наши источники позднейшего времени, а свидетельства иностранцев, византийцев и арабов, отрывочны и случайны. Всякие попытки представить себе те или иные черты древнейшего быта будут более или менее гипотетичны. Они опираются на два приема — на заключении от позднейших времен, в быту которых выделяем черты, которые есть основание считать пережитком от далекого прошлого, и на сравнительный метод, выясняющий общие черты народного быта у разных племен, живших в сходных условиях и на одинаковой ступени культурного развития. Сравнительное изучение обычного права славянских народов и, далее, права всех индоевропейских народов укрепило и утвердило научные основы теории задружного быта, которую впервые в русской исторической литературе выдвинул Леонтович^{85*}. Это его большая заслуга, хотя сам он сделал из понятия задруги весьма ненадлежащее употребление, толкуя как «задругу» даже городское вече Киевской Руси. Сравнительный метод, привлекая к делу большой и разнообразный материал, внес в построение представлений о древнем быте ту научную конкретность, которая необходима для получения реальных научных результатов. Этим определяется устарелость таких построений, как соловьевская «теория родового быта» и аксаковская «теория общинного быта», построенные с чрезмерным элементом чисто дедуктивных приемов, какими создавалась их отвлеченная схема начал русского быта и их развития в историческом процессе. Кроме богатого сравнительного материала задружная теория опирается на ряд наблюдений в области русского народного быта и права исторического времени, начиная с эпохи Русской Правды до недавних времен, пока «землеустройство» не разрушило остатков «семейно-общинных» черт крестьянского права.

⁸⁵Но незачем, конечно, вслед за Леонтовичем и в подражание Соловьеву и Аксакову искать какого-то «основного начала», которым можно было объяснить все существенные черты древнего славянского быта. Догматичный схематизм старой историографии строил свои «системы» крайне односторонне. Поэтому эта историография уделяла слишком мало внимания другим явлениям племенного славянского быта, для восстановления которых было не

меньше данных, чем для построения гипотез о роде, или общине, или задруге как «основных» явлениях древнеславянского быта⁶.

В Киевской Руси в эпоху Русской Правды единицей общественного строя, объединявшей группы задруг-дворищ, поселков в более крупный союз, была вервь. Это слово встречается только в Русской Правде, а в других памятниках письменности отсутствует; это обстоятельство само по себе наводит на предположение, что слово «вервь» уже в XI—XII вв. стало вымирать. Позднейшие эпохи вовсе его не знают, а для соответствующего явления употребляют иные термины: в Западной Руси — копа, на севере — погост, волость. Этимологически слово «вервь» указывает на кровную, родственную связь. Оно означает эту связь, подобной тому как термин *linea* — вервь на Западе (французское *lignage* — родство). Такой смысл имеет слово «вервь» в южно- и западнославянских языках, рядом с «ужа» («ужики», «ближики» — родственники). «Врвные братья» у хорватов (Полицкий статут) — члены кровнородственной группы, которая связана и экономически, — делят земельные угодья по «врви от башине» — линиям родства по отцу. У западных и южных славян мы можем наблюдать довольно ясные следы родственных союзов, более широких, чем «задружна куча»: «братства» у сербов и хорватов (вероятно, и у болгар), которые территориально охватывали несколько сел и владели общими земельными угодьями (лес, пастбища) и состояли из нескольких задруг-куч с их «баштинами», т. е. вотчинами (наследственными участками).

Для эпохи Русской Правды у нас нет оснований предполагать на Руси кровной связи между членами верви: они называются не братьями, а просто: людие. Вервь Русской Правды уже территориальный, соседский, а не кровный союз. Это наблюдение в связи с одиноким положением слова «вервь» в Русской Правде среди других текстов побудило Ключевского (в неизданном курсе «Терминология русской истории»)^{86*} предположить, что «название верви для городского или сельского общества взято не из русского языка, а перенесено с славянского юга». Если и не принять такого предположения, все-таки приходится признать, что родовое, кровное значение «верви» не подтверждается русской бытовой действительностью. Едва ли когда удастся решить с полной определенностью вопрос о том, в какой мере термин «вервь» свидетельствует о былом существовании у восточных славян кровных союзов более обширных, чем «семейная община» (задруга). Остается по аналогии с другими славянскими племенами весьма вероятным, что такие союзы были в эпоху «общерусскую» на восточнославянской прародине. Но в таком случае переселенческое движение, процесс расселения их частью разрушил, частью переродил в территориальные, соседские союзы. По типу русская вервь, какой мы ее знаем, ближе к чешскому и польскому ополу, иначе — соседству (*vicinitas*), да и в Сербии видим рядом с братствами «околины»,

т. е. и у западных и у южных славян, как видно и по самой терминологии, выступают на заре их истории организации территориального характера — соседские общины. Значение и, так сказать, социальная функция этих соседских общин, по существу, те же, что «братства». Это части племени, занявшие под хозяйство своих дворищ определенную, хотя, конечно, и не строго ограниченную, территорию, или, наоборот (в зависимости от того или иного хода колонизации), объединившие в соседский союз разрозненные дворища отдельных задруг. Эти отдельные хозяйства устраивались враздробь, захватывая под эксплуатацию участки поля и леса путем запашки, закоса, зарубок на деревьях, и так создавали свои заимки из «села»-дворища со всем, что к нему потягло, а потягло — то, куда топор и соха ходили.

По свойствам первобытного хозяйства нельзя представлять себе такие «заимки» в виде устойчивых хуторных хозяйств. Эксплуатация земельных и лесных участков не впивалась в землю, как крестьянское хозяйство позднейших веков, а скользила по ней хищнически и поверхностно. На низких ступенях экономической культуры не возникало крепкой «власти земли» над землевладельцем, ни того отношения к ней, какое мы разумеем под «землевлadenием». Ведь и хозяйство тех времен, как еще и много позднее, было не столько «земледельческим», сколько промысловым, где пахота — часто лишь подспорье к звероловству, рыболовству и бортничеству. Вне немногих, относительно, участков, более устойчиво закрепленных за отдельными дворищами, лес и пастбища оставались в вольном общем пользовании. Покосы, даже бортные деревья осваивались на время, на хозяйственный период, а затем часто забрасывались с переносом работы на другой период в новое место. И пашня была летучей, подвижной, легко забрасывалась, как только появлялись признаки ее оскудения, из «деревни» становилась «пустошью» и могла стать объектом новой заимки, новых захватов. Все эти обычные черты первобытного экстенсивного хозяйничанья должны были вести к спутанности и неустойчивости междухозяйственных отношений.

Признание соседской общины — прежде всего некоторая регулировка этих отношений, улаживание и предупреждение возможных раздоров и столкновений, которые неизбежно возникали при ограниченности количества более удобных и легких для эксплуатации участков. Потребность в установлении мирных соседских отношений определяла значение соседской общины. Она вырабатывала в практике соседских отношений основы обычного права для разрешения возникавших споров, постепенно вводила вольный захват в некоторые рамки раздела угодий, хотя бы на данный хозяйственный сезон, по взаимному мирскому соглашению соседей. Значение соседской общины крепнет при надобности защиты занятой «волоости» от более дальних соседей, сгруппированных в другую соседскую, волостную общину. Она выступает

союзом взаимной защиты, охраны внутреннего и внешнего мира. Из таких основных древнейших черт соседской общины вырастают в историческое время при дальнейшей эволюции народного обычного права такие явления, как право соседей — волостных людей — контролировать иммиграцию, т. е. появление новых посланцев на территории волости, право соседской общины на выморочные участки вымершего дворища или даже право ограничивать соседей в распоряжении их своими участками, например отчуждать их на сторону. В параллель этим чертам позднейшего волостного быта идут другие: ответственность верви (по Русской Правде) за преступления, совершенные ее членами или хотя бы на ее территории, ее обязанность искоренять в своей среде «лихих людей». Все это — продукты дальнейшей эволюции древней соседской общины как союза, охраняющего «всем миром» внутреннее равновесие и внешнюю безопасность бытовых отношений. Мы ничего не знаем о формах ее внутреннего строя. По аналогии с другими славянскими племенами естественно представлять дело так, что у соседских общин были издревле свои старосты, может быть, выборные, а может быть, в древности и «природные», т. е. пользовавшиеся особым авторитетом члены определенных семей-дворищ. Для характеристики этих явлений нам доступны только самые общие беглые схемы, с большой примесью гипотетических допущений. Задача таких схем — наметить те древнейшие предпосылки, какие приходится сделать для понимания форм народного быта в историческое время. В наших источниках этот быт выступает уже очень сложным явлением, продуктом долгой и сложной культурной эволюции, первые стадии которой лежат далеко за пределами исторического изучения.

Семейная община-дворище и соседская община-вервь рисуются двумя древнейшими, какие можем себе представить с некоторым основанием, ячейками восточнославянского племенного быта.

Что же можем сказать о еще более широких организациях, объединяющих целые племена, об организациях так называемых политических? Анализ наших сведений и представлений о восточнославянских «племенах» по летописи, какой читаем в «Исторической географии» Середонина, тем и интересен, что сильно расшатывает их определенность. По-видимому, действительно, нет достаточных оснований считать эти племена определенными этнографическими единицами, и весьма сомнительна для большей части из них, особенно для раннего, доисторического времени, какая-либо политическая организация, охватывающая целое племя. А между тем такие «политические» или по крайней мере военные организации бывали в славянской среде древнейшего времени. В VI и VII вв., по византийским свидетельствам, славяне выступают в войнах вооруженными ватагами внушительного размера под начальством вождей, пользовавшихся большой властью. Маврикий (Strategicon, VI в.) называет их *ῥῆγες*, а Фео-

филакт Симокатта^{87*} (Ἱστορίαι, VII в.) сообщает, что «на языке варваров» их звали риксами. Выходит, что это слово, родственное латинскому гех, было туземным в славянских языках, а затем вытеснено заимствованным у германцев словом «князь». Это возможно. Слово — общеиндоевропейское (латинское гех, кельтское rig, rigs, санскритское raj — раджа), но, вероятно, заимствованное от кельтов через готов (готское reiks, литовское rikis, немецкое Reich). Тот же Феофилакт называет славянского вождя племенным φύλαρχον [командиром филы], а одну славянскую область по имени вождя: ἡ ἀμφὶ τὸν Ἀρδάγαστον χῆρα [страна Ардагаста]. Эти известия относятся к южным славянам. Но византийцы отмечают такие же элементы военно-политической организации и у восточных славян — у антов. Вспомним и построение А. А. Шахматова. Он ведь считает вероятным существование определенного «племенного центра» восточных славян в «общерусскую эпоху» и полагает, что всего вероятнее им была Волынь. Если признать, что термин «вельняне» политический (по городу Вельню), и отнести сюда известие Масуди о валинанах, которым подчинялись все другие племена, «ибо власть была у них», придется признать, что восточные славяне задолго до образования в их среде варяжских княжеств прошли через моменты организованного на время войн и даже в более длительной форме политического властвования. Однако позднейшие предания о славянских племенах не сохранили нам даже таких намеков на племенную княжескую власть, которыегодились бы для опытов реконструкции восточнославянской древности. Долго служил этой цели древлянский князь Мал с другими «князьями, иже распасли суть деревскую землю». Но шахматовский анализ летописного сказания о мести Ольги древлянам подрывает эти «известия», ставя их в связь с сложным перебоем народных сказаний о временах уже вполне «варяжских»³¹. Аскольда и Дира, несмотря на старания проф. Грушевского, можно разжаловать из «варягов», какими их считает летопись, разве для того, чтобы признать их вождями скандинавской «руси». Из восточнославянских племенных князей нам остаются лишь поздние представители: Ходота и сын его, на которых ходил «в вятичи» по две зимы Владимир Мономах в 80-х годах XI в., если это действительно были «вятицкие племенные князья». Византийцам VI—VII вв. славяне вообще представлялись ἄναρχα καὶ μισάλληλα [не подчиненные власти и не уступающие друг другу]^{88*}, а Прокопий Кесарийский определенно утверждает, что ни славяне, ни анты не управляются единым вождем, а издревле живут в «демократии»^{89*}.

⁸⁷Нет у нас оснований представлять себе какую-либо восточнославянскую политическую организацию, которая объединяла бы сколько-нибудь прочными узами отдельное племя полян или северян, древлян или вятичей в эпоху, ближайшую к их расселению по Восточно-Европейской равнине. Столь же ничтожны дан-

ные для вопроса о древнейших восточнославянских городах. Самый вопрос вполне законен. Оглядываясь снова на других славян, мы видим у сербов в центре каждой жупы, объединявшей группы селений, главное укрепленное «городом» село, которое служило крепостью, рынком, местом народных собраний, вероятно, и центром деятельности местных старейшин-жупанов. Такие же укрепленные центры в польском ополе: сюда сходились на собрания опольные старшины. Но для восточных славян данных нет, тем более что и археология так называемых городищ тут ничем помочь не в состоянии.

Само собой разумеется, что было бы ошибочно заключать от отсутствия сведений к отсутствию самого явления. Старейшины отдельных вервей могли приобретать влияние вне границ своей общины, особенно в боевое время становиться князьями более обширных округов; упоминание во множественном числе о «древлянских князьях» может отражать действительность, подобную той, какую наблюдаем у некоторых литовских племен, например у пруссов, где на небольшой племенной территории гнездились чуть не десятки племенных князьков, и у литвы и жмуди, где эти мелкие «династы», как их почему-то любят называть историки, стали предками литовской аристократии. Трудно сомневаться, что у восточнославянских племен были и центральные укрепления — селения для защиты от врага, целей племенного культа, торгового рынка. Но отчетливой картины племенного строя даже набросать никак нельзя, вероятно, потому, что следы этого прошлого были под корень сметены новыми формами организации и городского быта, какие принесли с собой в среду восточных славян выходцы из далекой Скандинавии⁹.

Неизбежно, однако, при этом коснуться той картины состояния восточного славянства накануне появления на сцену этих скандинавских «находников», которую в разных вариантах можно назвать общепринятой в нашей ученой и учебной литературе. Основная идея этой картины в том, что «князья-варяги застали везде готовый государственный строй» (Владимирский-Буданов), а именно, «союз волостей и пригородов под властью старшего города»^{90*}. Еще «до начала летописных сказаний», по Владимирскому-Буданову, «славянские племена перешли от чисто племенного быта в быт государственный, земский, т. е. образовали княжения-земли, пределы которых не всегда совпадали с границами племени». У Владимирского-Буданова особенно наглядно выступает происхождение такого представления. Главная причина тут в традиционном пользовании «начальной летописью», т. е. попросту Повестью временных лет, произведением книжника начала XII в., как чуть ли не документальным источником не только для «княжеских», но и для «докняжеских», «доисторических» времен. Вопрос о том, почему сведения книжника XII в. о прошлом IX в. могут быть надежнее, чем сведения о том же

книжника-профессора XX в., даже не ставится. Лишь анализ источников Повести, впервые проделанный научно А. А. Шахматовым, выясняет всю наивность такого приема. Сложнее подход к тому же выводу у В. О. Ключевского. Ключевский ведет происхождение «первой политической формы Руси», т. е. той же «городской области» по двум этапам: 1) «славяне расселялись по Днепру и его притокам одинокими укрепленными дворами. С развитием торговли среди этих однодворок возникали сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостьбы, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название погостов... Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города по греко-варяжскому торговому пути. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов», и 2) эти «главные города областей», «некогда, еще до прихода варяжских князей», «одни правили своими областями». Но потом в них произошла перемена. В IX в. управление городом и областью сосредоточивалось в руках военной старшины, военных начальников главного города, тысяцких, сотских и т. д., выходивших из среды торговой городской знати. «С появлением князей... военное управление городов, по личному составу прежде бывшее, может быть, выборным... теперь стало приказно-служилым, перешло в руки княжих мужей по назначению князя»³². Этот процесс закончен, когда возникает вторичная политическая форма — варяжское княжество.

Иначе строит первоначальную картину «политической формы Руси» Сергеевич^{91*}. Он признал, что нет основания предполагать «родовое единство отдельных племен и обуславливаемую этим единством политическую их цельность». Древние городовые волости возникли не на племенной основе. Притом «скрытый от глаз историка процесс возникновения первоначальных волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а с оружием в руках». Города возникали по почину «предприимчивых людей». Сергеевич этих людей не считает варягами; это могли быть «смешанные группы из разных славянских племен, а также финны (меря, чудь)». Они стремились, засев в укрепленном пункте, «к расширению своих владений» и к подчинению себе разрозненного населения окрестных земель, создавали «волость», в которой для «береженья» своих приобретений строили пригороды. «Сила, создавшая такую волость, должна была выйти из города». Тут, как вообще у Сергеевича, больше исторического реализма. Набрасываемая им картинка напоминает, например, сообщение арабского источника IX в. о руси, засевшей «на острове» (Holmgard), чтобы из своего

укрепленного пункта господствовать над славянами, а многие из славян приходят к этой руси, чтобы служить ей и тем себя обезопасить. Исторический реализм Сергеевича только выиграл бы, если бы он своих «предприимчивых людей» определил не так расплывчато, а просто признал варягами.

Грушевский в своей «Киевской Руси» весьма осторожно набрасывает изображение, как значительные городские центры могли возникнуть путем естественной эволюции из доисторических укрепленных поселений и стать центрами «земель-волостей» с их «городской, чисто территориальной группировкой», разбивавшей старые племенные связи. Но сам он приходит к тому, что результат этого процесса — в образовании «волостей-княжеств» и что «конкретной и реальной зависимостью от города его пригородов стала уже тогда, когда в городе явился князь или его наместник с наличностью военной силы»^{92*}. Простое соображение, что сила, необходимая, чтобы придать историческому явлению «конкретность и реальность», еще нужнее для того, чтобы его создать, должно бы, кажется, привести Грушевского к выводу вроде того, какой делает Сергеевич. Во всяком случае, у Грушевского уже нет той сильной городской общественной власти, на службу которой является варяжский князь у Ключевского.

Поучительно изложение в лекциях С. Ф. Платонова. Он так изображает ход дела: «С развитием по русским рекам торгового движения к черноморским и каспийским рынкам в земле славян стали возникать большие города как центры торгового обмена и сборные пункты караванов, уходивших в далекую гостьбу». «Охрана товаров в складах и на путях требовала вооруженной силы, поэтому в городах образовались военные дружины», во главе которых «стояли обыкновенно (?) варяжские предводители-конунги» (по-славянски «князья»). Конунги «нанимались на службу в городах» (к кому на службу?) или «захватывали власть в городах и становились городскими владетельными князьями. А так как городу обыкновенно (?) подчинялась окружавшая его волость, то в таком случае (в случае захвата власти конунгом?) образовывалось целое княжество»^{93*}.

У С. Ф. Платонова новый момент после «племенного быта» определяется «появлением городов, а с ними торговых иноземцев и военных дружин на Руси». Раздельность «появления городов» и «иноземных дружин» есть дань авторитету В. О. Ключевского, но от сочной картины, начертанной Ключевским, осталась схема, в ряде черт конкретно непонятная. Зато уступка более реальному представлению, сближение появления варяжских конунгов и дружин с началом городской жизни и формированием городских волостей-княжеств приближает к более согласному с данными, какими располагаем, изображению коренного перелома в жизни восточного славянства.

Лекция V

ПЕРЕХОД ОТ ПЛЕМЕННОГО БЫТА
К СТРОЮ ЗЕМЕЛЬ-КНЯЖЕНИЙ
(образование Киевского государства)

Представления о так называемом племенном быте относятся ко временам «доисторическим» или, точнее, согласно с терминологией французских археологов, «протоисторическим», т. е. таким, о которых имеются при отсутствии местных «исторических источников» свидетельства иностранных писателей. А как только восточное славянство выступает на свет истории, уже организованное в политической форме Киевской Руси, перед нами картина такого строя народной жизни, который ничего общего с племенным бытом не имеет. Страна, занятая восточными славянами, разделена на ряд «земель»; каждая из этих «земель» тянет к одному главному своему городу, составляя его «волость», а все земли вместе объединены в один сложный политический организм под главенством Киева. Вопрос о том, как представить себе процесс перехода от древнейшего племенного быта к историческому строю городских земель-областей, труднейший в истории древней Руси. Все попытки вывести второе явление из первого в виде органической эволюции не дают никакого результата и обречены на неизбежную неудачу. Городские волости-земли явились на развалинах племенного быта, не из него выросли, а его разрушали. Попытка Костомарова подвести под деление Киевской Руси на земли этнографическую (племенную) основу не имела успеха и тем более безнадежна, если согласиться с середонинской критикой самых представлений о древнерусских племенах^{94*}. Наши историки единодушно признают, что городские волости-земли чужды такого этнографического основания, а построены на ином: на властвовании и господстве главного города над землей, стало быть, на связях политических и экономических. Для проблемы о происхождении городских волостей основной вопрос в определении приоритета фактора экономического или политического в их образовании и тех сил, какие их создавали.

Для ориентации в этом вопросе удобно начать с некоторой историографической справки. Стройную теорию «торгового» происхождения городских волостей построил Ключевский. Общая схема этого построения такова. «Днепр, — пишет Ключевский, — потянул славянских поселенцев к черноморским и каспийским рынкам. Это торговое движение вызвало разработку естественных богатств занятой поселенцами страны. . . Лесная полоса своим пушным богатством и лесным пчеловодством (бортничеством) доставляла славянам обильный материал для внешней торговли. С тех пор меха, мед, воск стали главными статьями русского

вывоза; с тех пор, при хлебопашестве для себя или с незначительным вывозом, началась усиленная эксплуатация леса. . .» Таково одно из экономических следствий расселения восточных славян по русской равнине. Второе следствие: «„Повесть о начале Русской земли“ не помнит, когда возникли города Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Полоцк. . . Довольно быстрого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси. . . Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса, завязавшегося среди славян на новых местах жительства». Процесс этот так изображен у Ключевского: он первоначальное расселение славян представляет в виде ряда одиноких укрепленных дворов (по-видимому, вне всякой их связи в соседские общины-верви, а тем более в какие-либо более широкие организации); далее, с развитием торговли среди этих однодворок возникли сборные торговые пункты — погосты (для гостыбы-торговли); погосты, мелкие сельские рынки, тянули к более крупным рынкам, которые выросли на особенно бойких торговых путях. Эти «более крупные рынки» — древнейшие города. Как упомянуто было, весь этот «сложный экономический процесс» В. О. Ключевский относит к VIII в.^{95*}

Конечно, это только схема. Не надо упускать из виду, что ряд вопросов русской истории изложен Ключевским лишь в общем курсе. А всякий общий курс неизбежно дает схематическое обобщение, обычно упрощая его ради задач педагогических — ясности и доступности изложения. Схема Ключевского дает изображение ряда моментов как бы в хронологической последовательности: однодворки — погосты — города. Но стоит немного подумать, чтобы понять, что это не хронологическая, а логическая последовательность моментов эволюции. Ведь побудительной силой группировки однодворок вокруг погостов, а погостов вокруг городов был отклик восточнославянского народного хозяйства на требования внешней торговли. Недаром Ключевский само промысловое хозяйство признает следствием этих требований: «Торговое движение вызвало разработку естественных богатств». А требования торгового движения, которое шло по торговым путям, ранее всего предъявлялись в более крупных центрах торгового обмена, тех, что стали городами. Спрос городских рынков — исходный пункт для воздействия «торгового движения» на «мелкие сельские рынки», а через них и на хозяйство однодворок. Самые лесные промыслы, конечно, и возникли и существовали с незапамятных времен вне связи с «торговым движением». Оно могло их оживить, усилить, развить, но не «вызвать». Кроме того, само торговое движение на Восточно-Европейской равнине не возникло после расселения восточных славян, а они в него втянулись по старым, давно приложенным путям, за которыми было вековое прошлое. Слишком отвлеченно и схематично и

представление, что все общественные связи славянства сплошь возникают по расселении словно заново. Восточное славянство как-никак прожило немало в прошлой племенной жизни «общерусской» и «общеславянской». В новых условиях, по расселении, конечно, немыслима идиллия «однодворной» жизни вне соседских сношений и связей, которые к тому же подсказывались и традициями прошлой племенной жизни. Общеславянские, даже «общегарийские» черты общин — не только семейных (задруг), но и соседских (вервей) или родовых (братств) — не позволяют говорить о таком начале ab ovo [с яйца, т. е. с самого начала] процесса образования элементарнейших общественных союзов у каждого славянского племени порознь. В. О. Ключевский, очевидно, и сам придавал своему построению значение не исторической, а логической схемы, так как он ее и не пытался согласовать, например, с им же утверждаемым фактом существования у восточных славян издревле племенных княжений, которые и не укладываются никак в эту схему. Однако Ключевский сам ставит ее изображением определенного исторического момента, который относит к VIII в. (предположительно), но это, по-моему, скорее черта литературного изложения в знаменитом «Курсе русской истории», чем подлинно исторической конструкции. Ведь «литературности» в этом курсе вообще много.

Те — очень немногие — известия иностранных писателей, которые говорят что-либо о характере древнерусской торговли, вызывают совсем иные представления о ней для времени даже позднейшего, чем VIII век. Араб Ибн Русте, пользовавшийся источником второй четверти IX в. (по Вестбергу), изображает активными носителями этой торговли скандинавов, засевших в крепком пункте, откуда они подчиняют себе славян, добывая от них в виде дани и военной добычи «полон» и «полезные предметы» — материал для торговли вниз по Волге рабами, мехами, медом, воском. Сопоставим с этим рассказ Константина Багрянородного на столетие позднее. Константин последовательно различает русь и славян, разумея под русью «варягов-находников» нашей летописи. Эта русь сидит по городам — в Новгороде и Смоленске, Любече и Чернигове, Вышгороде и Киеве. Эта русь каждое лето — в июне месяце — спускается вниз по Днепру к сборному пункту Витичеву, организуя тут караван ладей-однодеревков для поездки с товарами в Болгарию и Византию. Однодеревки-ладьи русь снаряжает так: покупает у славян, платящих ей дань, выдолбленные колоды и снаряжает их веслами, уключинами и другими снастями. О происхождении товаров Константин говорит: «Когда наступает ноябрь месяц, выходят их князья со всеми руссами из Киева и отправляются в полюдь, а именно в славянские страны тиверцов, дреговичей, северян и остальных славян, которые платят дань руссам; они кормятся там в течение целой зимы, а когда в апреле месяце лед на Днепре опять проходит, спускаются в Киев; затем

приобретают, как было сказано выше, свои одnodеревки, снаряжают их и отправляются в Византию»^{96*}. Какой огромный регресс пришлось бы предположить к началу IX в., если признать для VIII в. картину развитого торгового быта с крупными центрами, мелкими поселками-рынками и развитой внутренней торговлей, которая скупкой товаров у мелких промышленников-одnodворцев создает весь материал для «русского вывоза».

Нельзя, кажется, не признать, что ближе к исторической действительности та характеристика древнерусской торговли, какую дает Рожков в своем «Обзоре русской истории с социологической точки зрения». «Внешняя торговля того времени, — пишет Рожков, — характеризовалась двумя отличительными и имеющими первостепенную важность чертами: во-первых, торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан; масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром, в виде дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторых, внешняя торговля не затрагивала в действительности и настоятельных, насущных, необходимо требовавших удовлетворения потребностей даже этих, руководивших ею, высших классов населения: все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избыток и выменивая там только предметы роскоши»^{97*}. Словом, древнерусская торговля по внутреннему характеру своему является прямым продолжением той торговли, какую греки вели с северными варварами со времен Геродота, и носит обычные черты торговли культурных народов с малокультурными племенами, будь то тюркские кочевники или оседлые звероловы и пчеловоды «скифского» севера. Свидетельства Ибн Русте и Константина Багрянородного ведут, скорее, к представлению, что земли-волости и сами сложились и стали служить «торговому движению» между Русью и Византией вследствие своего подчинения власти, засевшей в городах, и что Сергеевич прав, говоря: «Сила, создавшая такую власть, должна была выйти из города»^{98*}. Из города строили новые политические и экономические силы древнерусскую «землю», а не выросла она «органически» из одnodворок.

Весьма искусственно у Ключевского и то промежуточное звено, какое он ставит между городом и одnodворками, — погост. Два слова о самом слове. «Погост» — слово не общерусское, а специально новгородское, северное. В. О. Ключевский считает погост «малым рынком», производя его от «гостьбы» — торговли. Но ведь не всякая торговля — гостьба, как не всякий купец — гость. Гость — приезжий купец из чужой земли или едущий с товарами по чужим землям, и гостьба — крупная торговля на вывоз. Мелкую деревенскую торговлю по «мелким рынкам» гостьбой не называли. Само коренное родство этих слов несомненно, но семасиологически, по значению, они друг другу чужды. Каково основное

и первоначальное значение слова «погост»? «В лѣто 6455 иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты»^{99*}. Связь «погоста» с данью придает ему характер не местного рынка, а административного пункта. Торговые поселки в Новгородской земле назывались не погостами, а «рядками», и торговые люди не были связаны с погостами: купец поидет в свое сто, а смерд в свой погост, — читаем в новгородских грамотах^{100*}. Под 1071 г. Повесть временных лет изображает, как княжой муж Ян Вышатич ездит по земле «дань емлюще», для чего останавливается в погостах^{101*}. Еще в XVI в. ясно финансово-административное значение погоста; слово это даже означает иногда какие-то платежи: «ни погоста им не платити, ни в черный бор не тянути», — говорит жалованная грамота 1504 г.³³ Соловьев и Срезневский метко определили погост как стан, становище, место остановки князей (или их мужей) во время объезда земель (полюдь) ³⁴.

В итоге — если и возможно построить «торговую» теорию происхождения древнерусских городов и городских волостей-земель, то совсем в ином смысле и направлении, чем это делает Ключевский. Торговое движение в восточноевропейской Руси выступает, по данным арабских и византийских источников, прежде всего как мотив энергичного стремления варягов, точнее, скандинавов, которых в славянской среде называли то русью, то варягами, к поволжским, прикаспийским и черноморским рынкам. Умалять значение скандинавского элемента в судьбах Восточно-Европейской равнины не приходится, особенно ввиду его широкой, общеевропейской бурной деятельности в IX—XI вв., которая была очерчена ранее.

Это умаление явилось в русской историографии следствием слабого внимания к «варягам» самим по себе, окрепло отчасти под влиянием псевдопатриотических тенденций, видевших в таком умалении роли иноземных «находников» в истории славянства защиту своего национального достоинства и самобытности, и вошло, в конце концов, в состав историографической традиции, содержание которой не всегда соответствует «установленным результатам научной работы». Этой особенности историографической традиции еще придется коснуться по поводу вопроса о «варяжском влиянии» в древнерусской жизни. Не вижу оснований отделять вопрос об образовании городских областей от вопроса о появлении в восточнославянской среде варяжских княжеств. А для этого последнего у нас сколько-нибудь определенные данные имеются для Киева, с несомненными, не очень глухими указаниями на Новгород. Дело в том, что первый исторический момент, «событие», которое стоит в начале истории Киевской Руси на рубеже доисторических и исторических времен, — это водворение Олега в Киеве. Так смотрел на дело древнейший

киевский летописец, начиная свои исторические и хронологические выкладки «от первого лета Олгова, понеже седе в Кieve», — «Олега, князя русского». Отсюда ведет свое изложение «повесть», откуда пошла Русская земля. Такова «эра» киевской исторической традиции. А до нее стоят лишь представления, что «словене, кривичи и меря дань даяху варягом», а поляне — хазарам, да вовсе бессодержательное глухое представление, что были в Кieve князья Аскольд и Дир, чьи имена, по-видимому, уцелели в киевских преданиях только в связи со сказаниями об Олеге. Лишь позднейшая книжная работа обогатила память о них, приурочив эти имена к вычитанному из византийского источника рассказу о набеге руси на Византию. О доолеговых временах в старой традиции — только обрывки преданий и комбинаций летописца, которые и для него стоят вне того, что он сам считал «историческим».

С преданиями об Олеге связан вопрос о важнейшем моменте в образовании Киевского государства — о соединении новгородского севера и киевского юга в один политический организм. Но предания эти дошли до нас в таком виде, что выделить в них подлинно старинное от комбинаций книжника-летописца, который их перекраивал по-своему, трудно. Прежде всего эти предания в летописном изложении сплетают в одну деятельность Олега и Игоря, притом по-разному. По версии Новг. I летописи, у Рюрика сын Игорь, а при нем воевода Олег. Игорь — взрослый князь, и действуют они оба вместе: «начаста воевати», «поидоша», «рѣша. . .». Но Аскольду и Диру Игорь «рече»: «Вы нѣста князя. . . но азъ есмь князь», «сѣде Игорь княжа в Кыевъ», «а посла князь Игорь на Грѣкы», затем после неудачного похода на Византию, взятого из византийского источника («Хронографической Палеи»), — «Игорь и Олегъ пристроиста воя многы» и «иде Олегъ на Грѣкы», а по возвращении из похода (успешного) умер на севере: «иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладугу» — «есть могила его в Ладозѣ». Игорь же все время княжит в Кieve^{102*}.

Совсем иначе строит Повесть временных лет: «Умершю Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, отъ рода ему суца, въдавъ ему сынъ свой на руце, Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми». Действует поэтому один Олег, имея при себе «Игоря княжича». Он говорит Аскольду и Диру: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», — но прибавляет, когда «вынесоша Игоря»: «А се есть сын Рюриковъ». И в Кieve княжит Олег, «Игореви же възрастъшю и хожаше по Олзѣ и слушаше его», «иде Олегъ на Греky», Игоря оставив в Кieve. Умер он, вернувшись из удачного похода, в Кieve, «и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Шековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова». А тогда «поча княжити Игорь по Олзѣ»^{103*}.

А. А. Шахматов в одной из прежних статей остроумно объяснил, почему составитель Повести временных лет переделал воеводу Олега в князя, когда вставлял в свой свод найденный

им договор с греками, где Олег титуловался «великим князем Русским», а потому сделал его родственником Рюрика, а Игоря обратил в малолетка, для пояснения, почему не он княжит, а Олег. Теперь в «Разысканиях» А. А. Шахматов столь же остроумно поясняет, почему книжник-летописец превратил князя Олега, о котором повествовало старинное предание, в Игорева воеводу^{104*}. Это объяснение построено в связи с общими выводами А. А. Шахматова по истории древнейшего русского летописания: в Новгородской I летописи переработан киевский источник, который знал Олега князем (независимо от договора). Несомненно одно: обе версии — одинаково плод книжнической работы, которая по-своему кроила и перекраивала комбинации из преданий о древних князьях, примиряя и сглаживая, как умела, их противоречия и разногласия.

Едва ли даже возможно разрешить задачу твердой критики этих версий и преданий как исторического источника. Задача эта того же сорта, как попытка выделить какие-либо исторические черты из народных преданий, например былин, да еще таких, которые дошли уже в переделке и пересказе мудривших над ними книжников. Эту задачу А. А. Шахматов пробует разрешить во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка»^{105*}. Он склоняется к тому, что надо вовсе отделить Олега от Игоря. Их сплетение вызвано потребностью согласовать сказания о них с мотивом о призвании Рюрика и установить преемство власти от Рюрика; задача осложнялась, по-видимому, тем, что имена Игоря и Рюрика связывались в устойчивом предании как имена сына и отца (может быть, так, что в известном предании к имени Игорева отца, Рюрика, приурочен мотив призвания), а вместе с тем основные черты этого предания не позволяли поставить Олега после Игоря: Игорь — отец Святослава, фигуры достаточно «историчной», чтобы допустить твердое предание об имени его отца.

А. А. Шахматов разрубает запутанный узел предположением, что Олег был таким же «самозванным», с точки зрения традиции о Рюриковой династии, князем, какими летопись представляет Аскольда и Дира, независимым от Рюрика. Но в таком случае пришлось бы, чего Шахматов не делает, представить себе Олега северным князем-варягом, которого вытеснили с севера события, приведшие к водворению в Ладоге и Новгороде Рюрика. Олег с варягами и примкнувшими к ним словенами и кривичами ушел на юг и, сокрушив «русских» (Шахматов и их считает «варягами») князей Аскольда и Дира, засел в Киеве. Шахматов считает, что положение Олега на юге верно характеризует текст летописи, по которому «бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны и Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имяше рать»^{106*}. Но маловероятным представляется А. А. Шахматову, чтобы ему были покорны также кривичи и словене, т. е. новгородский, полоцкий

и смоленский север. Шахматовская критика текста договора Олега с греками убедительно устанавливает, что подлинный текст этого договора (907 г.) называл только Киев, Чернигов и Переяславль городами Олеговой Руси.

При всем том Олег — фигура не легендарная, а историческая. Его имя и деятельность удостоверены двумя источниками, не зависящими от летописных сказаний и комбинаций: договором с греками и недавно найденным «еврейским документом».

Договор Олега с греками — единственный источник для заключения о походе Олега на Византию. Все остальное в летописи — книжническая работа по разным источникам: описание зверств, учиненных русскими в окрестностях Византии, взято из славянского перевода Жития Василия Нового и Продолжателя Амартола^{107*}, которые использованы и для рассказа о походе Игоря, затем ряд легендарно-эпических мотивов, как ладьи под парусами на суше, мудрая отгадка отравы, народный анекдот о «паволочатых» и «кропинных» парусах. Самый договор изложен под 907 и 912 гг. Историки давно спорят о том, два ли это договора или один — выдержки под 907 г. и текст, как бы цельный, под 912 г. Трудно представить себе возможность такого объяснения, что летописец имел два документа — из одного вырвал только несколько фраз, а другой дал полностью. К тому же «второй договор» не связан с рассказом о какой-либо новой войне, так что историкам, приемлющим два договора, приходится трактовать изложение под 907 г. как «прелиминарное» соглашение, а договор 912 г. — как окончательный, что едва ли соответствует практике X в. Разбор вопроса в статье Шахматова³⁵ устанавливает способ, каким использовал свой источник летописец, разбив его в своей схеме, и тем в значительной мере подрывает представление, что текст договора передан в летописи достаточно точно^{108*}.

Но при всем том существование такого договора и текстуальная связь с его текстом летописной передачи не вызывают сомнения ни по языку, ни по содержанию. Летописный текст — несомненный перевод с греческого, притом настолько «подстрочный», что иногда непонятен без попытки обратного перевода на греческий язык. Договор заключен при царях Льве и Александре, а Лев умер 11 мая 912 г., что согласно с датой договора — 2 сент. 6420 (911) г. Договор заключают от имени «Олега, великого князя русского», и «от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих боярь», 15 послов, все имена которых скандинавские: они «от рода русского»; заключают по поручению князей и по повелению от всех, «иже суть под рукою его сущих руси». Едва ли можно с Сергеевичем видеть в этих словах указание на «киевское вече»: договоры, как особенно видно из Игорева договора, скрепляли клятвой не только князя, но и всей его дружины. Договор регулирует русско-византийские отношения — вечный мир, торговлю, приезды руси в Царьград, отношения

в Царьграде и на пути из Руси в Византию и обратно (греков и руси).

«Еврейский документ» найден доктором Шехтером в рукописи, которая попала в университетскую библиотеку Кембриджа из рукописного собрания Каирской синагоги. Рукопись XI—XII вв., но в ней документ, который по содержанию относится к середине X в.: письмо хазарского еврея к какому-то лицу, которое он почтительно титулует «своим господином». Письмо сообщает о бегстве евреев из Малой Азии, о том, как жили они среди хазар, о каганате, о войнах хазар с соседями и подчинении им алан. При царе хазарском Иосифе, современником которого является автор, византийский император Роман (Роман Лекапин, 919—944 гг.) учинил большое гонение на евреев, с чем автор письма, по-видимому, связывает и вражду его к хазарам. «Роман послал, — пишет он, — также большие дары Hlgw (Halgu или Helgu), царю России, и подстрекнул его на беду. И пришел он ночью к городу (или области) Самбараю (S-m-b-r-w, по Шехтеру, северяне; по Коковцеву, искаженное S-m-k-r-c — Samkarš — еврейско-арабское название Тмутаракани) и взял его воровским образом». Затем говорится об успехах хазарского военачальника в войне с греками — взятии трех городов Романа в Крыму. Тот же военачальник, Песах, спас жителей, подвергшихся нападению руссов, «поразил всех, оказавшихся из них там, и умертвил их мечом. И оттуда пошел он войной на Хельгу, которого бог смирил перед Песахом, отнял у него добычу, захваченную из Самбарая, и заставил его, смирившись с хазарами, идти войной на Византию. И пошел тот против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне ослепили их огнем. И бежал он и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Paras (это можно понять и как Персию и как Фракию), и пал там он и весь стан его. Тогда стали русские подчинены власти хазар»^{109*}.

Этот документ сродни другому, который вызвал столько разногласий по вопросу о его подлинности: письму самого кагана Иосифа с рядом сведений о Хазарском царстве. Письмо это к рабби Хасдаю; даже отрицающие подлинность считают письмо скорее псевдоэпиграфом, чем подлогом³⁶. Вс. Миллер признает его надежным источником^{110*}, а новое письмо признано, кроме Коковцева³⁷, хотя и с колеблющимися оговорками, и Шахматовым. Сомнения могут относиться опять-таки к форме изложения. Но по содержанию черты близости к данным событиям, конкретность не всегда нам понятных указаний устраняют возможность отбросить такой источник. А содержание это вызывает ряд вопросов. Имя императора Романа и описание похода на Византию скорее подходят к летописному походу Игоря, чем Олега. Тут и упоминание о «македонянах» и о «фраках», и «огнь на лодьи русския», и общая неудача похода. А. А. Шахматов полагает, что затрудне-

ния согласовать данные нового свидетельства об Олеге с летописными мнимыми и касаются только хронологии, которая в летописи мало чего стоит.

Добавлю, что летопись вообще ничего не дает об Олеге, кроме сказания о его утверждении в Киеве и то в перебой с сказаниями об Игоре; вопрос, собственно, может быть только о соотношении «еврейского документа» с договором 911 г. и Игоревым договором 945 г. Оба не вяжутся с новым источником, а поход 941 г. ничем не обеспечен в смысле даты и плохо связан с договором, который помещен под 945 г.: летописец так представил дело, что после неудачного похода Игорь снова собрал войско, но греки испугались и без борьбы заплатили ему контрибуцию, а затем заключили с ним мирный договор. Самый договор этот заключен при Романе, Константине и Стефане. Роман был низложен в декабре 944 г., а Константин и Стефан — в январе 945 г. Договор приходится отнести к началу сентябрьского 6453 г., т. е. к концу январского 944 г., не позднее. А соправительство этих кесарей началось с 924 г., что, впрочем, не дает еще даты *post quem* [т. е. начальной даты], так как первые годы соправителем отца был и старший Христофор, а когда он умер, точно не знаем.

Любопытнее для сопоставления с «еврейским документом» иной рассказ о набеге Руси на Византию, тот, который из византийского источника через так называемую «хронографическую Палею» попал в Новг. I: «В лѣто 6428 посла князь Игорь на Грѣкъ Русь скидей (σχεδία) 10 тысячъ. И приплыша ко Царюграду, и многа зла створиша Русь...», затем о жестокостях руси рассказывается близко к тому, как про поход Олега 911 г. в Повести временных лет, и далее: «Въ время же то царствующю во градѣ Роману и абие посла Романъ царь патрикия Феофана съ вои на Русь, и огненымъ строемъ пожже корабля Рускыя, и възвратишася Русь въ своя; том же лѣтъ, препочиша и другое, на третье идоша»^{111*}. Кого «посла» Игорь? «Еврейский документ» подсказывает: Олега, поддерживая этим общую концепцию Новг. I, что Олег — воевода Игорев. Дата 6428/920 г. — год коронации Романа — может быть просто летописной передачей общего указания, что поход состоялся «царствующю во градѣ Роману». Далее, по Новг. I, руссы на третье лето после неудачного похода — в лето 6430 — снова пошли на Византию. Год прошел в том, что «Игорь и Олегъ пристроиста вои многы... и корабля многы бещислену», призвав новые силы с севера — варягов, кривичей и словен, а затем в 6430/922 г. — «иде Олегъ на Грѣкы»: это тот успешный поход, который Повесть временных лет перенесла под 911 г., связав с ним заключение Олегова договора с греками 2 сентября 6420/911 г. Об особом Игоревом походе Новг. I ничего не знает^{112*}.

Таковы «источники». Разве с отчаяния перед их сбивчивостью можно пойти за А. А. Шахматовым, вовсе разрывая всякую связь

между Олегом и Игорем. Скорее, особенно под влиянием «еврейского документа», можно соблазниться во всяком случае остроумной догадкой книжника-летописца, который создал то построение, какое находим в Новг. I. Сбивчивость данных, какими располагаем, открывает простор для построений на разные лады. Пархоменко в статье по поводу нашего «еврейского документа»³⁸ видит в Олеге норманнского викинга, который только ненадолго появляется в Киеве, сажает тут Игоря, а сам устремляется на Византию и после удачного похода уходит с добычей в «Тмутараканскую Русь» и тут переживает все рассказанное евреем: борьбу с хазарами, поражение, второй поход на Византию («быть может, вместе с Игорем») и гибель на чужбине. Это построение было бы не хуже других, если бы Пархоменко не переплел его с рядом иных фантазий — о родстве Игоря с Аскольдом, о княжении какого-то угорского князя в Киеве и т. д., да, сверх того, не скинул со счетов Олегова договора, свидетельствующего, во всяком случае, не о набеге норманнского пирата, а о стремлении установить прочные и длительные отношения между двумя странами.

События, о которых говорят эти сбивчивые свидетельства, близко примыкают к той общей картине скандинавских движений на Востоке и Западе, которая так характерна для общеевропейской истории IX и X вв. С одним, однако, отличием: факт договора свидетельствует о значительном укреплении у греков того представления о руссах, которое патриарх Фотий преждевременно и преувеличенно высказывал в 860-х годах. Русь выступает организованной политической и торговой силой, вышедшей из элементарного хаоса племенных передвижений, раз Византия может заключать с нею формальный договор. Этот договор содержит, кроме того, намек на политическую форму, какую начинает принимать эта Днепровская Русь: во главе ее старший князь, а «под рукою его» — по городам (Чернигов, Переяславль, может быть, и Полоцк, и Любеч, и «прочие города») князья, которых нет никакого повода считать его родней. Знаменательно, что Новгород в наших источниках не упомянут. Так трудно помириться с мыслью, что это — случайность, что именно эта черта натолкнула А. А. Шахматова на построение, в котором «Игорь связан с Олегом только хронологически», что это новгородский князь во время господства Олега на юге, пошедший по стопам Олега на юг, чтобы утвердиться тут после его гибели или еще ранее, в борьбе с ним. Пожалуй, если исходить из стремления во что бы то ни стало привести в порядок отрывочные и сбивчивые данные летописей, можно такое предположение признать разрешающим ряд недоумений. Можно и добавить, что сходство в действиях Олега и Игоря, тождество их общей схемы могло дать психологический толчок к их смешению и слиянию в народном предании; ведь такова весьма обычная черта народной памяти и народного творчества: слияние мотивов и их «обобщение»

по сходству основных черт. Но историческим выводом такую догадку все-таки нельзя считать. Она не может претендовать на большее, чем значение остроумного соображения, иллюстрирующего состояние наших источников. Ведь могло быть и совсем иначе; например, умолчание о Новгороде среди городов, где сидят князья «под рукою» великого князя Олега, может оказаться следствием того положения дел на севере, которое отразилось независимым от киевских событий и отношений набегом варягов вниз по Волге, на приазовские и прикаспийские места, около 925 г., о котором говорит араб Масуди.

Момент, когда новгородский варяжский центр, давший себя знать еще в IX в., вступил в прочную связь с Киевской Русью, установить чрезвычайно трудно. Но всего вероятнее, что объединение под одной властью Киева и Новгорода совершилось при Игоре. Шахматов так и принимает, и притом видит в этом основание для признания Игоря сыном новгородского князя Рюрика. Константин Багрянородный, современник Игоря, сообщает, что в Новгороде «сидел Святослав, сын Игоря, князя Руси»^{113*}. В торговые караваны к Вышгороду сходятся во времена Игоря однодеревки из Новгорода и Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода вместе с киевскими. Эта торговля с греками идет не только на Византию (а по дороге и в Болгарию), но и на Херсонес. Константин Багрянородный указывает на переправу через Днепр, через которую идет путь из Руси в Херсонес, ниже порогов. По этому пути ездят в Русь и обратно херсониты, ходят и печенеги, ходили, очевидно, и русские торговцы. Сквозь беглые наброски Константина Багрянородного видно страну замиренную, торговую, с преобладающим значением городов, а в них — варяжской руси. Не надо упускать из виду, что Константин вполне определенно считает участниками этой торговли только руссов, которых столь же определенно отличает от «славян, платящих им дань». Предания, сохраненные летописью о княгине Ольге, связали ее имя с Новгородской областью, где она «устави по Мьсть повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани, и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и сани ея стоять въ Плесковѣ и до сего дне»^{114*}. Переход от племенного быта к строю городских волостей остается неуловимым в сколько-нибудь конкретных чертах. Но лишь излишняя покорность историографической традиции и увлечение уверенным и блестящим изложением Ключевского позволяют нашей ученой и учебной литературе отделять этот переход от водворения среди восточных славян варяжской княжеской власти.

Договор Игоря с греками, помещенный в Повести временных лет под 945 г., дает кое-какие черты, дополняющие то представление о внутреннем строе Киевской Руси, которое получаем от Олегова договора. Суть дела та же. Во главе Игорь, великий князь русский, а под его рукою «всякое княжье и все люди руския

земли» (по-видимому, последнее выражение передает греческое *λάττων τῶν ρῶς*). Но в перечне послов есть одна особенность. Они расписаны по тем, кто их посылал, поименно. Ивор — посол Игоря, великого князя русского; Вуефаст — посол Святослава, сына Игорева; далее послы от Ольги, княгини; от Игоря, племянника Игорева; от Владислава, от Предславы, от Сфандры, «жены Ульблѣ»; от Турда, Арфаста, Сфирка и Якуна, Игорева племянника, и еще от 14 лиц, названных по именам (далее идут 26 имен гостей-купцов). Семья князя, кроме жены и сына, состоит из двух племянников — Игоря и Якуна (Константин Багрянородный упоминает еще сына Игоря Святослава, который княжил в Новгороде); но и Владислав своим славянским именем выделяется из варяжских имен подручного князя, тем более что за ним следуют две женщины: Предслава и Сфандра, жена Улеба, которые попали так высоко в списке, конечно, потому, что это княгини, одна из них — вдова Улеба-Глеба; Турд, Арфаст и Сфирк, записанные выше Игорева племянника Якуна, — также претенденты на особое княжое положение. По заключении договора терминология несколько меняется: тут говорится о хранении договора: «отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людей страны Руския». Характерны в обоих договорах перебои выражения «князья» и «бояре», «светлые князья» и «великие бояре», которым, впрочем, нельзя придавать особого значения, памятуя, что ведь это не самостоятельная терминология русского текста, а попытка передать какие-то выражения греческого оригинала. И кто мог переводить? Едва ли кто из Руси; скорее болгарин на греческой службе. Сидели ли эти родичи князя по городам или «всякое княжье» — это отдельные варяжские вожди, а княжеская Игорева семья сидела гнездом в Киеве «на одном хлебе», как я представлял дело в своем «Княжом праве»? В пользу второго предположения я видел намек в том, что несколько позднее появляются упоминания об особых княжествах (варяжских): Рогволода — в Полоцке, Туры — в Турове. Но А. А. Шахматов в последней работе предполагает, что эти княжества появились заново во время смут, последовавших за смертью Святослава, чем лишний раз подчеркивается, насколько зыбка почва древнейших времен Киевской Руси для сколько-нибудь твердых и устойчивых заключений. Как бы то ни было, Киевская Русь выступает во времена Игоря уже значительной и организованной, хотя и элементарно, политической силой. Наша летопись распределила, как умела, свои представления о ходе объединения восточного славянства под властью Киева по княжениям Олега и Игоря.

Образование Киевского княжества повело к устранению хазарской власти над восточнославянскими племенами в пользу киевских князей. Летопись упоминает об установлении дани со словен, кривичей и мери, о дани с «примученных» древлян, о замене хазарской дани северян и радимичей данью их киевской власти.

Все это приписано Олегу. На долю Игоря — усмирение древлян с увеличением их дани («болши Олговы») и ярким рассказом о его гибели во время полюдья в Древлянской земле и о конечном разгроме древлян Ольгой, мстившей за мужа. Одно существенно в этих записях: киевский книжник-летописец говорит о «примучивании» племен, а не городских областей. Если бы существовал со времен «доваряжских» такой выработанный строй городских волостей, какой изображает Ключевский, пришлось бы признать, что всякая традиция о нем, как древнем, умерла в Киевской Руси XI в. А такой строй с развитой торговлей и крупным значением торговых городов предполагает сравнительно значительную культуру, при которой традиция о прошлом более живуча. На деле ничто в тех данных, какими мы располагаем, — в писаниях арабов и византийцев и в преданиях нашей летописи, — не противоречит тому представлению о положении дел в стране, где главными центрами были Новгород и Киев, расположенные, как в эллипсе, в двух «фокусах» области, втянутой в «торговое движение», и властвование варягов, отраженное в представлении Константина Багрянородного о взаимоотношении руси и славян.

Однако эту антитезу русь — славяне нельзя уже для времен Игоря понимать слишком этнографически или национально. Конечно, чисто скандинавские элементы руси еще не совсем стушевались. «Двужычие» Днепровской Руси в эту пору несомненно. Достаточно вспомнить, что Константин Багрянородный дает названия днепровских порогов параллельно «по-русски» и «по-славянски»^{115*}, а также «варяжские» имена князей и бояр до времен Игоря — сплошь, при нем — преимущественно. Однако столь же несомненно, что в недрах тогдашней Руси сравнительно быстро нарастал тот процесс, исходный пункт которого намечен по источнику второй четверти IX в. арабом Гардизи: «Много людей из славян приходит к руссам и служит им, чтобы этой службой обезопасить себя». Недаром в Гнездовском могильнике варяжские крупные курганы с скандинавскими вещами обросли кругом славянскими курганами помельче, с вещами местной славянской культуры. Варяжские дружины нельзя себе представить особенно многолюдными; засев в городских пунктах по стране восточных славян, особенно вдоль водного пути «из варяг в греки», они ищут опоры в местном населении, пускают корни в землю и постепенно перемешиваются со славянскими элементами, усваивают славянский быт (в Гнездовском могильнике вся утварь славянская) и через стадию двужычия переходят к славянской (русской) речи, хотя знание «варяжского» языка, по-видимому, долго жило в княжеской среде, еще во времена Ярослава Мудрого и его сыновей.

Этот процесс поглощения варягов-находников славянской средой сделал, по-видимому, значительные успехи уже во времена Игоря. В княжеской семье встречаются имена славянские: Святослав, Володислав, Предслава. В 960-х годах испанский еврей

Ибрахим Ибн Йакуб сообщает, что норманны, покорив славян, смешались с ними и усвоили их язык. В то же, Игорево, время наблюдаем и другое явление, чрезвычайно важное: Киевская Русь уже втянута в круг влияния южной христианской культуры. Текст Игорева договора с греками еще так отредактирован, что «русин» резко противопоставляется «хрестьянину», т. е. греку. Договор заканчивается указанием, что хартия должна быть препровождена к «князю русскому Игореви и к людем его, и ти, приимающе харатью, на роту идуть хранили истину». А далее приписано о том, как послы Игоревы подтверждали договор в Византии: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы кляхомъся церковью святого Ильѣ въ сборнѣй церкви и подлежащемъ честнымъ крестомъ», что договор будет соблюден князем и иными крещеными и некрещеными; затем в той же записи описывается клятва некрещеной руси на своем оружии. Своеобразную клятву приносили «крещеные» руссы в византийской церкви соборной, т. е. в св. Софии, премудрости божией: они клялись не только подлежащим крестом честным, но и своею церковью св. Илии, о которой летописец сообщает, что эта церковь находилась в Киеве «надъ ручаємъ, конецъ Пасыньчѣ бесѣды», и поясняет: «се бо бѣ сборная церковь, мнози бо бѣша варязи и козарѣ хрестиани»^{116*}. Во времена Игоря христианство делало большие успехи в самой Скандинавии, хотя и вело еще значительную и упорную борьбу с язычеством. Во всяком случае, возможно, что христиане были и среди варягов, приходивших на Русь из-за моря, но, с другой стороны, именно насаждение в Скандинавии христианства властью конунгов шло рука об руку с усилением этой власти — и вызывало острое недовольство местных князьков и вождей, толкая их на выход в чужие края в роли викингов. Эти общие условия тогдашних скандинавских отношений делают более вероятным, что на Русь уходили именно варяги-язычники. Не лучше обстоит дело с общепринятым суждением о заносе христианства варягами из Византии. Тщательное обследование данных о варягах, служивших в Византии, приводит к выводу, что «варяжский корпус» в гвардии византийского императора образовался не ранее 980 г., а византийские источники упоминают о нем только с 1034 г., исландские саги «первым варангом» считают некоего Болле, относя его пребывание в Византии к 1027—1030 гг. При этом и Васильевский и Браун признают, что образовался этот византийский корпус варягов не прямо из скандинавских выходцев, а из русских варягов³⁹. Ведь самый термин «варяги» означал в Скандинавии (исландские саги) исключительно служивших в Византии варягов и, вероятно, возник для обозначения дружин скандинавов на Руси, откуда и перешел к грекам: греческое *βάραροι* есть передача славянского «варяг». Стало быть, роль варягов едва ли была значительна при появлении христианства в Киеве ранее времен Игоря (спорадически) и при нем в такой уже

силе, что у христиан была даже своя церковь в Киеве. Едва ли можно придавать особое значение и упоминанию о хазарах. Откуда же они взялись, эти упоминания о христианах-варягах и хазарах, для пояснения христианства в Игоревой дружине? Думаю, это всего правильнее понять как догадку книжника-летописца XI в., на которую его навели, во-первых, память о киевских первомучениках-варягах (при Владимире), а во-вторых, известное ему сказание Жития св. Кирилла и его успешной проповеди среди хазар.

Откуда же пришло христианство в Киев при Игоре? Существование церкви св. Илии, подтверждаемое записью в договоре Игоря с греками и комментарием к ней летописца, который даже знал ее место, говорит в пользу того, что едва ли христианство это существовало только в малочисленной дружинной среде. Раз была церковь, было и богослужение, был причт, были богослужебные книги. Источника христианского культа для Киева времен Игоровых негде искать, кроме Болгарии. Соседняя и родственная славянская страна пережила в начале X в. (век царя Симеона, 899—927 гг., и сына его Петра, 927—969 гг.) первый расцвет своей, славянской, религиозной культуры и церковной жизни с самостоятельным патриархатом. Все спорное, неясное, темное в ранней истории русского христианства зависит от состояния наших источников. Исследования А. А. Шахматова⁴⁰ и М. Д. Приселкова^{41, 117*} в значительной мере выяснили странную судьбу этих источников, подвергшихся неоднократной тенденциозной переделке, которая тщательно вытравляла из них следы крупного значения Болгарии в просвещении Руси христианством, сводя всю историю этого просвещения исключительно к заслуге греческого духовенства. А между тем культурно-исторические судьбы Днепровской Руси связаны с болгарским влиянием глубже и непосредственнее, чем с Византией. Вот как говорит об этом А. А. Шахматов в рецензии на книгу Пархоменко: «Болгары были непосредственными нашими соседями с юго-запада; греческая культура шла к нам именно оттуда; на это указывает между прочим то обстоятельство, что редкое греческое культурное слово попало в древнерусский язык непосредственно: посредствующей средой была Болгария. Исторiku культуры надо прежде всего считаться со следующим реальным и осязаемым фактом: болгары дали нам богослужебные книги и письменный язык; это лучшее доказательство, что христианство пришло к нам из Болгарии»⁴². Принятие христианства Владимиром было подготовлено «предшествующей культурной связью с Болгарией». Из Болгарии проникало оно в славянскую среду полян, уличей, тиверцев; из Болгарии шла христианская проповедь к восточным славянам. Таковы общие соображения, подтверждаемые позднейшей историей Святослава и Владимира, которые заставляют и значительные успехи христианства ко времени Игоря и при нем ставить в связь с усилением

в это время славянского элемента, подчинившего своему влиянию варягов. В пользу такого воззрения говорит и то соображение, что славянская культура оказалась в X в. сильнее варяжской, раз варяги в несколько поколений вовсе ославянились.

Всматриваясь с возможным вниманием в скудные данные, какие имеем о временах Игоря, получаем впечатление, делающее понятным, откуда взялась, так сказать, психологически, скорее, чем логически и исторически, та концепция древнерусских отношений, какую так блестяще развил В. О. Ключевский. Ведь в основе этой концепции лежит представление, что славянская среда была культурнее и устойчивее, чем наносный элемент «варягов-находников». Это представление разрослось у Ключевского в художественный образ бродячего князя-вождя дружины, наемного военного стража Руси, «блуждающей кометы», «политической случайности» и т. д. Реально тут лишь то, что вращение варяжского элемента в славянскую почву происходило постепенно и проявлялось по временам порывами варяжского авантюризма. Но, как увидим, двойственность устойчивого быта и «варяжских» порывов не совпадает уже для X в. с антитезой между славянами и скандинавами. Это двойственность в деятельности самих князей, с одной стороны, организаторов нового политического быта городских волостей-княжений, с другой — предприимчивых воителей, которые готовы многое вдруг на одну карту поставить. Киевский центр уже при Игоре — прочный опорный пункт княжеской власти, укрепленный центр в «горах киевских», связанный с другими городскими пунктами, где сидели другие «князья» — «под рукою» киевского князя. Их основной интерес — южная торговля, а для нее — господство над славянскими элементами, сбор с них дани и вербовка из них новой военной силы, ее организация вокруг варяжского дружинного ядра для больших походов на печенегов, на Византию. Ближайшее дело — утвердить свое господство над славянскими племенами, «примучить» их, по техническому выражению летописи, и обложить их данью. Это требует борьбы и притом, видимо, двойной: с самими славянами, которые снова и снова восставали, но иногда и с другими варяжскими вождями, которые устраивали себе отдельные княжения и не давались «под руку» великого князя русского или выбивались из-под нее. В обрывках преданий об этой борьбе, какие сохранила нам старая летопись, особенно ярко, хоть тоже обрывками, отразилась упорная борьба Киева с древлянами. Быть может, она потому была столь упорна, что у древлян были свои племенные князья — издревле или как организационный элемент, выступивший на сцену по необходимости, ради этой самой борьбы. Разумею упоминание в летописном сказании о мести Ольги за смерть Игоря князьям, «иже распасли суть Деревьску землю». Драматические эпизоды этой борьбы Киева с древлянами — смерть Игоря и месть Ольги — запечатлены тем же характером

суровой дикости и эпической силы, какими веет от северных саг. Расправа Ольги с древлянами, по этому сказанию, закончилась избиением и порабощением («старѣйшины же града изъима, и прочая люди овых изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ») древлян, а «прокъ ихъ остави платити дань»^{118*}.

На юге, вне киевского центра, власть киевских князей только устанавливается «примучиванием» и «полюдьем». И в тех же древнейших преданиях более организованным выступает княжеское властвование на новгородском севере. Этот новгородский север вообще выступает как главная опора княжеской силы со времен Олега и до Ярослава: отсюда черпают князья боевую мощь, когда своей дружины не хватает, набирают «воев многих и храбрых», кроме заморских варягов, от словен и кривичей («верховнии вои» Владимира). Установление определенной дани со словен, кривичей и мери при Игоре дополняется преданием, что Ольга в Новгородской земле ввела вместо полюдья сбор дани в определенном размере («оброки») путем повоза, т. е. доставки ее в определенные пункты, «погосты», где ее, как видно из позднейших известий, принимали княжие мужи («данышки»)†. К тому же времени отнесло предание и другое установление — особую дань с Новгорода, «мира деля», на лето. Термин «мира деля» вполне соответствует скандинавскому термину, означающему вознаграждение наемной дружине: *tributum quod mir vocatur* [подать, которая называется «мир»], известен и западнославянским источникам и обозначает, например, в Чехии дань населения за охрану и защиту его княжеской властью. Эта дань — та самая, что позднее (при Владимире) упоминается как «урок», идущий в двух третях Киеву, а одна треть — раздается в Новгороде «гридем», т. е. дружине, названной тут варяжским словом *hird* — дом, двор; ср. *hirdmenn* — дружинники. Аналогичный раздел древлянской дани приписывает летопись Ольге: две части дани идут Киеву, а третья — Вышгороду к Ольге, «бѣ бо Вышгород град Вользин». Вспомним, что, по свидетельству Константина Багрянородного, при Игоре сидел в Новгороде его сын Святослав.

Так несколько выясняется значение Новгорода и Киева как главных центров варяжской княжеской власти на Руси; так обеспечено было в них и содержание княжеской дружины. Остальные города пока в тени. В них сидят особые вожди — князья, которых естественнее представлять себе неродственниками Игоря. Лишь постепенно вытесняют их князья «Рюрикова» рода в пользу своих родичей или мужей-посадников и вводят их плотнее в организацию своего Киевского государства.

Если не упускать из виду, что главным мотивом утверждения варяжских князей на Руси было стремление к югу ради торговли и добычи, то их организационная работа представится преимущественно работой над обеспечением себе, во-первых, опорных пунктов для этих южных отношений, а во-вторых, источников

горий. Но в церемониале приема ему отведено место столь невысокое, что едва ли его считали духовником княгини. При распределении подарков ему назначили дар меньше переводчиков, бывших в свите Ольги. И называет император свою гостью «Helga», т. е. ее скандинавским языческим именем, не упоминая ни разу ее христианского имени Елена.

С Ольгой были в Византии ее племянник (не названный по имени), несколько родственников, русских княгинь, и большая свита — 18 женщин, 22 посла, 42 купца, 12 переводчиков-толмачей. В таком составе посольства видят указание на его обычную цель — торговые и политические переговоры. Отражение такой цели посольства видят в некоторых деталях летописного рассказа, в общем вовсе переиначившего все дело. А именно в словах императорских послов, которые прибыли в Киев по возвращении Ольги, что она обещала выслать императору «дары многи» — челядь, воск, скору и «вои в помощь». Названы главные товары русского вывоза и «вои в помощь». В этом видят (Шахматов, Грушевский) реальную черту, след переговоров о торговом договоре и военном союзе. Последнее было бы особенно любопытно, по аналогии с Владимировыми временами, если бы не естественные подозрения, не эта ли аналогия послужила источником для сказания об Ольге^{121*}.

Однако не одна наша летопись говорит о крещении Ольги в Константинополе. О том же говорят западные хроники и позднейшие греческие писатели. Из западных хроник важнейшая — труд современника, хрониста императора Оттона I, так называемого Продолжателя Регинона^{122*}. Он под 959 г. сообщает, что «пришли к королю (Оттону I), — как после оказалось, лицемерно, — послы Елены, королевы ругов, которая при константинопольском императоре Романе крещена в Константинополе». Что руги — руссы, а Елена — наша Ольга, видно из других западных хроник, где говорится о прибытии к Оттону послов от русского племени (*legati Rusciae gentis*). Роман тут, разумеется, сын Константина Багрянородного Роман II; Константин умер в ноябре 959 г., так что нодмена одного имени другим едва ли дает основание для хронологических соображений, как делает Пархоменко^{123*}. Цель посольства к Оттону, по Продолжателю Регинона: «просили посвятить для сего народа епископа и священников». Отправка епископа задержалась. Назначенный было Либуций умер неожиданно, и только в 961 г. поехал на Русь епископ Адальберт. Но и этот через год вернулся назад, «ибо не успел ни в чем, зачем был послан, и видел, что его старания тщетны». Что до позднейших византийских историков, то упоминания их, т. е. Скилицы (у Кедрина)^{124*} — XI в. и Зонары^{125*} — XII в., о крещении Ольги в Византии едва ли имеют цену: они могли отражать версию, ставшую, так сказать, официальной со времен Ярослава и торжества на Руси греческой иерархии.

Наш летописный рассказ помещен под 955 г., быть может, случайно. В одном памятнике киевской письменности, так называемой Похвале Владимиру Иакова Мниха^{126*}, говорится, что Ольга умерла в 969 г., прожив христианкой 15 лет. По этому расчету ее крещение как раз придется на 954/955 сентябрьский год⁴³. Поэтому часть наших историков готова признать крещение Ольги в Киеве ранее поездки в Византию, самую поездку объяснять желанием побывать в столице новой веры. Указанные особенности рассказа Константина Багрянородного о приеме Ольги тогда пришлось бы объяснить тем, что ее христианство было, так сказать, неофициальным (как это было, например, в XIV в. у литовских князей, например, Ольгерда) и что ее священник был поэтому неважным лицом при княжьем дворе. Другие принимают крещение после 957 г., а Пархоменко строит целое второе путешествие Ольги после 959 г. Приселков принимает 955 г. для крещения Ольги в Царьграде, поездку ее в 957 г. считает второй, а враждебный тон отношения Ольги к императору в летописном рассказе, след несостоявшегося соглашения, объясняет раздражением Ольги против тех «приниженных форм церковно-политической зависимости Киева», какие ей навязывали греки в случае принятия из Византии церковной иерархии. Тогда, по мнению Приселкова, Ольга поступила по примеру болгар, т. е., не поладив с греками, обратилась на запад, но и тут получила не лучшие условия — не архиепископию или митрополию, а подвластную чужой высшей иерархии епископию^{127*}.

Мне представляется весьма трудным сделать надежный вывод из этих данных. Думается только, что 955 год заслуживает внимания ввиду свидетельства Скилицы об имени патриарха, [и] что слишком искусственно в то же время всякое удвоение поездки Ольги в Царьград. Поэтому сравнительно более вероятным я считал бы крещение Ольги в Киеве и притом ранее 955 г., а запись ее приема отражением недовольства греков тем, что Ольга не склонилась перед греческой церковью, а быть может, и не получила «полного» крещения, т. е. епископского миропомазания. Все это предположения, которые, может быть, не хуже, но, во всяком случае, и не лучше других. Они не противоречат приселковским соображениям, в пользу которых говорит сообщение Регинона о назначении на Русь епископа. Сообщение весьма интересное, так как оно свидетельствует, что у Ольги была мысль о введении на Руси христианской церкви (ср. летописные рассказы о том, как она Святослава уговаривала креститься)^{128*}. Кажется только, что Приселков слишком прямолинейно сводит все дело к разногласиям с Византией по вопросу о независимости этой иерархии от патриарха и вообще о «церковно-политической зависимости». Вероятнее, что и другие мотивы разногласия были: не состоялся и торговый договор, шла, быть может, неудачная речь о союзе и военной помощи; словом, византийцы поставили ряд требований, а к тому

же в летописном рассказе звучит, хоть и в народно-юмористической форме, словно отголосок вполне возможного недовольства Ольги, что «архонтиссу руссов» приняли не как владетельную особу, а наравне с иноземными послами.

Твердым остается только самый факт принятия христианства Ольгой с именем Елены. Он показателен для силы влияния христианской культуры в Киеве, но не только для этого. Свидетельства Константина Багрянородного и Регинона показывают, что при ней Киевская Русь выходит на путь более широких и определенных государственных (международных) сношений с соседними культурными странами. Как бы уже назрела мысль о вступлении Руси в круг стран, составлявших тогдашний европейский мир, что неизбежно должно было связаться с ее христианизацией. При некоторых конструктивных преувеличениях «Очерки» Приселкова имеют ту бесспорную заслугу, что чутко уловлен в них этот момент: на исторической очереди стоял важнейший вопрос о том, как же сложатся дальнейшие отношения Руси. Христианский культурный мир стоял перед нею организованным в две империи — западную и восточную. Обе половины когда-то единой Римской империи несли в себе дух ее универсализма, лишь углубленного и усиленного связью империи со вселенской христианской церковью, еще не расколотой формально тоже на две части. Каждая из этих империй была, однако, особым миром своеобразной культуры. Русь могла примкнуть к любому из них, и к миру восточному ее в конце концов привязала не Византия, а Болгария как посредница между христианской культурой и восточным славянством.

Вопрос остался нерешенным при Ольге. Быть может, потому, что сама-то Русь была еще недостаточно готова к какому-либо его решению. Рядом с Ольгой стоит сын ее Святослав со своей дружиной как носитель еще стихийных варяжских импульсов. Таким, по крайней мере, его рисует нам летописное предание. Впрочем, и тут он не совсем варяг. Это не викинг, который неукротим на ладье и в пешем бою. Святослава летопись изображает, скорее, степным наездником. Еще в ходу походы в ладьях, но уже выступает преобладающее значение конного войска, необходимого для степных походов и борьбы с наездниками-кочевниками печенегами. Не варягом, а каким-то предком казаков украинских выглядит Святослав на портрете, который набросал с него Лев Диакон^{129*} при свидании его с императором Иоанном Цимисхием. Святослав переехал реку в ладье, сидя за веслом, и греб наравне с прочими; стройный, широкоплечий, среднего роста, с голубыми глазами и плоским носом, с бритой бородой и длинными густыми усами, с голой головой и одним локоном — чубом, что означало, по мнению византийца, знатность рода, в простой белой одежде, с золотой серьгой в одном ухе, украшенной двумя жемчужинами и рубином. Чем не запорожский атаман? История

Святослава — последняя вспышка буйной силы, разгулявшейся в IX и X вв. на вольном просторе Восточной Европы, и в то же время последний взмах меча, создавшего основу Киевского государства. Потому «последний», что в то время уже работали другие исторические силы над созданием новых условий для концентрации восточного славянства как основы новой исторической народности. Кочевники-печенеги создали внешнее давление, которое принудило разбросанные племенные силы сжаться в определенной территории, а рост экономической и духовной культуры и развитие новой гражданственности, новых форм политического и общественного быта готовили иную организацию внутреннего строя этих племенных сил.

В начале боевой деятельности Святослава стоит разгром хазарской силы. Святослав нанес хазарам решительное поражение — взял их крепость Белую Вежу (Саркел) на Дону, победил ясов и касогов, что, по-видимому, предполагает захват и Тмутаракани. Быть может, с этой восточной войной Святослава связан и варяжский набег, разгромивший в 969 г. Булгар, Итиль и Семендер, чем Хазарскому царству нанесен был смертельный удар. Но если и связан, то не так, чтобы с Гаркави^{130*} и Грушевским самый набег этот приписывать Святославу, а так, что успехи Святослава подготовили разгром Хазарии четыре года позднее, а может быть, и ближе, так что варяжские силы, ринувшиеся на Волгу из Новгорода, действовали по соглашению с Святославом. Но все это весьма гадательно. Победив хазар, Святослав покорил вятичей киевской власти и наложил на них дань.

Разгром Хазарии в 60-х годах X в. был результатом напора на хазар не только киевского князя и северных варягов. Еще на сто лет раньше начался подрыв хазарской силы печенегами. Ведь против них сооружена была на Дону крепость Белая Вежа, и тогда еще они, тесня угров, стали проникать в черноморские степи. Повесть временных лет записывает под 968 г.: «Придоша Печеньзи на Руску землю первое», забыв, что сообщала о появлении печенегов даже ранее прохода угров мимо Киева, о первом их приходе на Русь при Игоре, о его войнах с печенегами, о том, как печенегов дарами поднимали на Игоя греки и как он их пропустил на войну с болгарами, после того как купил их помощь против Византии, с которой, однако, без боя помирился. Разгром Хазарии должен был развязать руки кочевникам, и в этом смысле, пожалуй, права Повесть временных лет: печенеги впервые напали на самый Киев, а с тех пор стали надолго бичом Южной Руси. Во время этого нападения печенегов Святослав был далеко на юге. Византийская политика втянула его в войну с дунайскими болгарами. Кстати сказать, этот акт византийской политики, согласный с их обычной практикой — подкупом поднимать одних

«варваров» на других, как в свое время они поднимали печенегов на Игоря, делает вероятным известие, что Константин Багрянородный у Ольги просил «вои в помощь». Византия, чья культура и благосостояние расцвели на широких торговых связях с Западом и Востоком, переживала в X в. трудное время все усиливавшегося напора с востока арабов, с севера — болгар. Засорялись кругом ее торговые пути.

Углубить свои связи с севером, открыть тут себе новые рынки, замирить по возможности этот буйный черноморский север и подчинить его своему влиянию, черпая из него, в частности, и боевую силу, когда своей не хватало, а ее никогда не хватало, — было прямой необходимостью. Можно повторить суждение проф. Андреева ^{131*}, что «Византия идет к нам, не мы к ней». Византия сама втягивала русские силы в круг своих торговых и политических интересов. Лев Диакон сообщает о посылке к Святославу херсонесца Калокира с 1500 тысячами фунтов золота, чтобы склонить его на поход против Болгарии ⁴⁴. По рассказу Льва Диакона, Калокир внушал Святославу мысль о захвате Болгарии для себя. В такой затее, как показал ход событий, не было ничего слишком фантастического. Соблазнительно было овладеть всей подунайской торговлей, придвинувшись вплотную к Византии по следам болгарского царя Симеона, который ведь мечтал о славянском царстве на Балканах с Византией в руках болгарского царя и так близок был к осуществлению этой мечты. Летопись приписывает Святославу такие слова: «Хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середина земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь — сребро и кони, из Руси же скура, и воскъ, медъ и челядь» ^{132*}. В 968 г. Святослав появился в Болгарии с большим войском (по Льву Диакону — 60 тысяч). Болгары были разбиты под Доростолом (Силистрия), Святослав овладел восточной частью Болгарии и засел в Переяславце (село Преслав у Тульчи, на юг от Дуная).

Царь Петр Симеонович неожиданно умер после Доростольской битвы, и для Святослава раскрывались как будто самые широкие перспективы. Разрыв с греками был неизбежен. Император Никифор Фока укрепляет Царьград, начинает переговоры с болгарами, видимо испуганный тем, что часть болгар пристала к Святославу. Быть может, хотя прямых указаний на это нет, само нападение печенегов на Киев, заставившее Святослава покинуть Болгарию, случилось не без участия византийской политики и византийского золота. Эта осада Киева вызвала Святослава с дружиной домой. Набрав воев, он отогнал печенегов в степи, заключил с ними мир и поспешил обратно на Дунай. Тут ждала его борьба с новым противником. В 969 г. Иоанн Цимисхий, убив Никифора Фоку, занял его престол. Об этой борьбе летопись дает лишь анекдотические подробности, а греки — только намеки на большие успехи

и конечную неудачу Святослава. Он занял Преслав, столицу болгар, и царь Борис в каком-то соглашении со Святославом, ибо сидит в Преславле вместе с русским воеводой, которого греки называют Сфенкел, который занимал третье (?) место по Святославе (вероятно, Свенельд или третий за вторым, Свенельдом).

Русские войска вместе с отрядами болгар, угров и печенегов разорили Фракию, но были разбиты недалеко от Адрианополя (при Аркадиополе) Вардой Склиром, которого прислал Цимисхий, сам занятый борьбой с арабами в Сирии. Однако и Склира пришлось отозвать назад ввиду восстания племянника убитого императора Никифора — Варды Фоки, а русь пока разоряла Македонию. Только захватив Фоку в свои руки, в начале 971 г. Цимисхий смог сам повести дела в Болгарии: Суда с «греческим огнем» вошли в устье Дуная, а сам император обрушился на врага, используя огромную оплошность Святослава, оставившего незанятыми балканские проходы. Цимисхий взял Преслав, и болгары при первых успехах перешли на его сторону. Трехмесячная осада Доростола, где заперся Святослав, заставила Святослава после отчаянной попытки пробиться заключить мир с правом уйти на Русь и получить на дорогу провиант. Лев Диакон сообщает о возобновлении прежних торговых договоров и о выдаче хлеба на 22 тыс. воинов. По договору, сохраненному в летописи, Святослав обязался не нападать на греков и не насылать печенегов («языка иного») на их владения, ни на Корсунскую страну, ни на Болгарию и даже защищать их, если кто нападет (опять — печенеги) ^{133*}.

Восточная Болгария была присоединена к Византии. Русской силой разбита славянская опасность для греков. В то же время византийские послы появились у печенегов замирать их. Скилица, греческий хронист, сообщает, будто это же посольство заботилось о безопасном пропуске печенегами Святослава. Вероятно, результатом этой «греческой заботливости» была засада, где Святослав был захвачен Курей, ханом печенежским, и убит. «И взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху из него» ^{134*}.

Упорное стремление Святослава в Болгарию, его попытку тут устроить «среду земли своей», естественно связать с указанным общим усилением болгарского влияния во времена Игоря. Тот процесс постепенной славянизации варяжского элемента, который составляет важнейшую сторону образования Киевской Руси, сказался тут достаточно ярко, придав особое направление не набегу, а завоевания культурных и торговых центров, и именно югославянских, самому завоевательному импульсу Святослава. Приселков сделал в своих «Очерках» попытку еще более углубить мотивы Святослава: он предполагает, что Святослава манило в Болгарию вместе с другими мотивами «выгодное решение для Руси церковного вопроса с приобретением болгарского патриархата». На это достаточно заметить, что у нас нет ровно никаких указаний на то,

чтобы Святослава интересовали церковные вопросы, а, напротив, определенно засвидетельствовано его язычество⁴⁵. Лев Диакон дает описание языческих обрядов, какие выполняла русь в Доростоле. Приселков полагает даже, что в дружине Святослава вовсе не было христиан, а все-таки представляет принципиальный политический вопрос об учреждении на Руси самостоятельной церковной иерархии чуть ли не основным мотивом всей политики Святослава. Не думаю, чтобы тут можно было видеть что-либо, кроме крайнего увлечения излюбленной предвзятой мыслью. Кстати, о дружине Святослава: санкцию договора Святослава с греками: «да имѣмъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса, скотья бога»^{135*} — А. А. Шахматов так толкует, что бог — тут христианский бог, противопоставляемый Перуну и Волосу, — в полной аналогии с санкцией Игорева договора.

Завершителем образования Киевского государства историки обычно называют Владимира Святославича. Этот взгляд на историческое значение Владимира связан с определенными моментами как внутренних отношений, так и внешнего положения Киевской Руси — до Владимира и при нем. Для первых наш единственный источник — летопись, именно Повесть временных лет, так как Новг. I не дает тут существенных вариантов. Уходя на вторую болгарскую войну, «Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. В се же время . . .» и т. д.^{136*} А. А. Шахматов в «Разысканиях» замечает: «Не может быть сомнения, что перед нами народное новгородское предание. В нем сказывается и некоторый юмор сознающего свой перевес новгородца, и гордость по поводу сделанного выбора, ибо Владимир оказался победителем Ярополка и могущественнейшим князем русским. Кроме того, здесь в активной роли выступает Добрыня — один из популярных посадников новгородских. Это также доказывает новгородское происхождение записи»⁴⁶. А. А. Шахматов исключает это «народное новгородское предание» из своей реставрации прототипа Повести временных лет — Древнейшего Киевского свода и так изменяет текст «по догадке»: «Святославъ посади Ярополка Киевѣ, Ольга в Деревѣхъ, а Володимера Новегородѣ». Сказание же новгородское Шахматов относит к другому источнику Повести временных лет — к так называемому у него Начальному своду, т. е. «Временнику киево-печерского игумена Иоанна», составленному около 1095 г., — к Новгородскому своду 1050 г., т. е. сложившемуся во времена Ярослава. Существенно в этих распоряжениях Святослава, что опять организованными центрами Руси выступают только Киев и Новгород — тут прочные гнезда власти киевских князей. Киев с его областью Святослав поручает старшему сыну Ярополку, в Новгород посылает посадника Добрыню, «вдав ему на руки» младшего сына Владимира. А среднего — Олега — он сажает «в Деревѣхъ» у сравнительно недавно «примученных» древлян. Сам термин как бы подчеркивает отсутствие крепкого

городского центра. Нет еще «Волынской земли», нет еще городской волости. «Градом» Олега был, может быть, Овруч, где он затем находит последнее убежище и могилу («и есть могила его и до сего дне у Вручего»). С этой попыткой Святослава передать в гостиницу ухода на большую борьбу власть в главных пунктах на Руси сыновьям связан вопрос о княжении иных варяжских вождей по другим городам Руси.

В летописном рассказе о деятельности Добрыни и Владимира выступает Рогволод с пояснением: «Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ»^{137*}. Шахматов принимает это пояснение за указание, что Рогволод незадолго перед тем появился из-за моря и засел в Полоцке. Это ведет его к дальнейшим предположениям. Он полагает, что «смерть Святослава, а может быть, и все бурное его княжение» привели к распадению Киевской державы; новгородский север освобождается от киевского господства. Вероятно, в связи с этим стоит усиление здесь пришедших варяжских элементов. Так, к полоцким кривичам приходит варяг Рогволод и основывает здесь своё княжение; варяги проникают и южнее, в землю дреговичей и древлян: в Турове садится варяжский князь Туры. Киево-Печерский современник, взяв из Новгородского свода известие о Рогволоде, добавляет: «А Туры Туровѣ, отъ него же и Туровцы прозвашася»^{138*}, и тем еще более навел А. А. Шахматова на представление об «усилении варяжского элемента», хотя неизвестно, были ли у него основания считать создание Турова варяжским эпонимом его Туры одновременным с появлением в Полоцке Рогволода. Может быть, правильнее говорит Грушевский о Туре и Турове: «Эта легенда, разумеется, только этимологический миф: от имени города получился рассказ про его основателя — эпонима, но она показывает, что в Турове помнили о князьях, раньше княживших, чем старший Володимирович (Святополк туровский)»^{139*}. Считаю возможным принять из всех этих указаний предания, что были независимые от Киева княжества варяжские в Полоцке, в Турове и, конечно, в некоторых других городах; были и до Святослава, и при нем. Это, видимо, те самые «князья», что в договорах Олега и Игоря понимаются как сущие под рукой великого князя киевского.

Что же произошло по смерти Святослава? И прежде всего, как понимать самое «посаждение» Святославичей в Киеве, Новгороде, в Древлянской земле? Был ли это раздел отцовских непосредственных владений между сыновьями или только их посажение в качестве посадников великого князя-отца? В пользу второго предположения говорит помещение в главном городе, Киеве, старшего, а второго — не в Новгороде, а в ненадежной, недавно «примученной» и, видимо, еще бурлившей земле древлян. Как бы то ни было, смерть Святослава создала сразу весьма острое положение. Суть этого положения превосходно определил Ключевский: «Когда

умирал отец, тогда, по-видимому, разрывались все политические связи между его сыновьями: политической зависимости младших областных князей от старшего их брата, сядившегося после отца в Киеве, не заметно. Между отцом и детьми действовало семейное право; но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права»^{140*}. Основная черта древнего семейного права — равенство братьев, без всяких преимуществ и прав старшего над младшими, — становилась в резкое противоречие с основной тенденцией всей деятельности киевских князей создать прочное подчинение Киеву всех славянских племен и городов Днепровской Руси. Отсюда братоубийственные усобицы, которых исход — в гибели всех, кроме одного, кто овладеет всем отцовским наследием и станет снова «един володея в Руси». Такой разрыв между братьями видим сразу по смерти Святослава. Летописные предания ничего прямо не говорят о варягах-вождях, сидевших под рукой великого князя киевского. Но если они были, как во времени Игоря, их зависимость от Киева должна была тем более порваться. Одного мы знаем — Рогволода полоцкого; упоминание о Туры дает намек на смутную память, что и в Турове, на правом берегу Припяти, в области древлянской, было такое варяжское княжество. Правил же кто-либо в Переяславле, Чернигове, Смоленске? Мужичи, посадники Святослава? Но можно ли их отличать от «светлых князей», «великих бояр» для договоров тех времен с греками? Мы слишком мало знаем об этих отношениях, а потому так трудно понять фигуру Свенельда.

Свенельд (Свеньделд) — воевода Игорев (Новг. I), но сразу выступает особливо. Примучил Игорь угличей и «дать дань на них Свенелду». Примучил древлян «и дать же дань деревьскую Свенелду», несмотря на ропот дружины: «все дал еси единому мужеву много». В связи с этим ропотом предание ставит поход Игоря «по дань» в Древлянскую землю, кончившийся его гибелью. Дружина говорит Игорю: «отроки Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази, а поиди, княже, с нами по дань и ты добудеши и мы». Повесть временных лет и Новг. I дают уже ясную переделку сказания, книжную, когда вместо удвоения дани древлян тем, что сверх сбора Свенельдом («по черне куне от дыма») Игорь в свою пользу учиняет полюдье, дают удвоение Игорева дани — переделку, весьма неуклюжую в редакционном отношении. Далее, Свенельд весьма странно мелькает в рассказе о событиях времен Святослава. О детстве Святослава говорится: «...и кормилец его Асмуд [и] воевода бѣ Свѣнелдъ, то же отецъ Мистишинъ» (Мстишин). И далее — в рассказе о походе Ольги с малолетком Святославом на древлян: «...и рече Свѣнелдъ и Асмудъ». Наконец, Свенельд появляется в рассказе о возвращении Святослава из последнего похода в Болгарию. «Рече же ему воевода отень Свѣнелдъ: поиди, княже, на конихъ, около стоять

по Печенѣзи в порозех», — не послушал Святослав, пошел «в лодях» — и погиб. «Свѣнелдъ же прииде Киеву ко Ярополку». Когда Ярополк начал княжить в Киеве, у него был воеводой Блуд, а Свенельд выступает в последний раз в рассказе о том, как князь Олег убил на охоте Свенельдича Люта, а Свенельд за то подговорил Ярополка: «поиди на братъ свой и приимеши власть его». В первых текстах имя Свенельда явно вставное в первичный текст, где его не было. Рассказ же о роли Свенельда в усобице сыновей Святослава А. А. Шахматов исключает из первоначальной редакции Киевского свода (тут нет ему места при Блуде, как искусственно его положение при Асмуде), как и упоминание Свенельда в истории Святослава. Но А. А. Шахматов совсем не объясняет, откуда взялся Свенельд в тексте договора Святослава с греками, тоже в позиции чрезвычайной и весьма странной. Тут так читаем: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналдѣ. . .», затем: «Азь Святославъ. . .» и т. д.^{141*}. Договор имеет вид не договора, а, скорее, обязательства Святослава Цимисхию. И тут имя Свенельда — явно вставка. В чем же дело? А. А. Шахматов в «Разысканиях» устанавливает вполне убедительно, что все сомнительные сведения о Свенельде идут из «Киево-Печерского временника», который он называет Начальным сводом, т. е. из той переработки древнейшего Киевского свода, которая была общим источником для Повести временных лет и Новг. I. Начальный свод имел какие-то предания о Свенельде как воеводе отнем при Святославе и вставил его при Асмуде, а Блуда исключил в пользу Свенельда, на него перенес и совет Блуда — отнять волость в пользу Свенельда, на него перенес и совет — отнять волость у Олега, плохо согласовав этот мотив с другим — мести за сына. Далее конструкция А. А. Шахматова такова: Лют Свенельдич — Мстиша (Мстислав), со ссылкой на существование былин о Мстиславе Лютом (Лютым Мстиславом называют некоторые тексты князя Мстислава Владимировича). О Мистише упоминается как об известном из предыдущего, а раньше о нем ничего нет. Ведь исключил Начальный свод и упоминание о Свенельде при дани угличей и древлян. Этот пропуск А. А. Шахматов связывает с пропуском о Мистише и полагает, что затушевана редактором целая история об уступке Игорем Свенельду власти в земле Древлянской и его гибели в борьбе за древлянскую дань с Мстиславом Свенельдичем.

Вождь древлян назван в Начальном своде Мал, но Длугош, пользовавшийся русскими летописями в списках, особых от тех, какие мы имеем, называет его Miskina, т. е. Мистина, — вариант имени Мстислав у западных славян. Скрещение этих известий древнейшего свода с преданиями об убиении Люта Олегом и гибели Олега в борьбе с братом Ярополком по наущению Свенельда было нескладно разрешено в Начальном своде вставками и про-

пусками, которые оставили следы в наших текстах. Затем путем довольно сложных комбинаций и догадок А. А. Шахматов с Мистишей, чье имя заменено князем Малом, связывает Малку — Малушу (Мальфредь 6508/1000 г.), мать Владимира, сестру Добрыни (Никитича — Мистишича)^{142*}.

Не буду подробно разбирать это построение. По-моему, в нем мало того, что должно быть основной чертой всякого гипотетического построения — внутренней цельности. Но часть его, кажется, удачно совмещает странности дошедших до нас текстов. Именно та, где гибель Игоря ставится в связь с борьбой по настоящему дружины между Игорем и Свенельдом. Она находит подтверждение в прямом указании на связь этой истории с ропотом дружины против уступки Свенельду древлянской дани, а что об этом прямо не сказано, объясняется следами недомолвок и переделок в наших текстах. А. А. Шахматов предполагает их причину в стремлении книжника согласовать свои разные источники. Быть может, тут дело было не так просто. Летописец вообще строил, так сказать, «династическую» историю князей Рюрикова дома и вытравлял, что шло с нею вразрез. Недаром же у него без вести пропали все «светлые князья», сидящие по городам под рукой великого князя киевского. Рогволод уцелел только в связи с биографией Владимира и преданием о Рогнеде, а Туры — случайная (ненужная) вставка в связи с объяснением названия Турова.

Разъяснить историю Свенельда едва ли возможно при наличных данных. Но облик его при Игоре рисует положение слишком сильных вождей, стоящих о бок главного «князя»; ему с ними приходится делиться не добычей только, а завоеваниями (улучи, древляне). Ведь дань — основная черта тогдашней подвластности. Так, может быть, и история Люта Свенельдича, сведенная, как и многое другое в летописи, к анекдоту, скрывает под собой момент борьбы Святославичей с варяжскими вождями за власть над областью, еще слабо связанной с Киевом. Во всяком случае, таков более поздний эпизод борьбы Владимира против Рогволода полоцкого.

Тем важнее было сохранить единство киевской власти. А оно распалось. Ярополк начал борьбу за ее восстановление походом на Олега, чтобы «принять волость его» (источник Длугоша знает только этот мотив усобицы). Владимир так и понял и «убоявся, бѣжа за море», «а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ и бѣ володѣя единѣ в Руси». Но Владимир вернулся из-за моря с варягами, прогнал посадников Ярополчих, объединил весь север под своей властью, убив полоцкого Рогволода, и двинулся на юг добывать Киев. Изменой, по преданию, заманил он к себе брата, убил его, «и нача княжити Володимерь въ Киевѣ единѣ». Как последний проблеск самостоятельной и строптивой варяжской силы выступает против него какой-то Варяжко, дружинник Яро-

полка, который после гибели своего князя бежал к печенегам «и много воева Володимера с печенѣгы», да наемные варяги Владимира, которые помогли ему занять Киев, потребовали окупы с города, но Владимир «избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры и раздая имъ грады», а прочим «показал путь в греки». Рассказ об этом эпизоде, вероятно, смягчен в летописи, так как сама она приписывает Владимиру посольство к императору с советом не держать варягов «въ градъ, оли то створять ти зло, яко и сде». На этом моменте завершается, можно сказать, варяжский эпический период русской истории. Не то чтобы на этом кончилась роль варягов в жизни Руси. Она весьма значительна и при Владимире и при Ярославе, частью и позднее, но это роль уже другая: варяги на Руси впредь встречают сильную, организованную княжескую власть, к которой вступают на службу либо целым отрядом, либо поодиночке на условленном жалованье. Это не боевые товарищи князя-завоевателя, а наемная дружина князя-правителя.

Нет никаких оснований представлять себе тех же варягов до времен Владимира наемниками, а не «находниками» даже по отношению к князьям, а тем более к населению. А какая есть возможность представлять себе без явного противоречия с совокупностью данных, какие у нас только и есть относительно древнейших времен Киевской Руси, самих князей и их дружины наемниками русских городских общин, сильных и организованных, господствующих над «городскими волостями», по Ключевскому и другим? Строй этот вырабатывается весьма постепенно в «княжеские» времена. В некоторых его чертах и позднейших летописных рассказах можно еще отметить некоторые «архаизмы» и «пережитки», которые дают кое-какие намеки на порядки X в. Но их я отмечу позднее, при описании уже сложившегося строя¹.

«Владимир был настоящим основателем русского государства» (Шахматов). Первые летописные известия о деятельности Владимира по утверждению его в Киеве подтверждают суждение А. А. Шахматова, что «смерть Святослава, а может быть и все его бурное княжение привели к распадению киевской державы»^{143*}. Владимир заново покоряет вятичей, усмиряет повторное их восстание и восстанавливает дань, наложенную на них Святославом. Снова покоряет радимичей, и они «платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне», обеспечивает северо-восточные владения походом на камских болгар, а западные — походами на «ляхов» (овладевает Перемышлем, Червенем и другими городами и укрепляет за Русью обладание ими), а также походом на ятвягов, землю которых разорили его войска. Ходил он и на «хорватов» (по-видимому, чехи или подвластное чехам карпатское славянское население?). Летописец киевский метко определил значение этой деятельности Владимира, отметив, что Владимир «бѣ живя съ князи околними миромъ — съ Болеславомъ Лядьскимъ и съ

Стефаномъ Угрьскимъ и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любви». Владимир закончил территориальное определение Киевской державы как определенного государства, пограничного с другими, поставил его в ряд организованных единиц политического мира, вступив с соседями в устойчивые международные отношения. Такие отношения возможны были только на западе. Восточная граница Киевской Руси прилежала к изменчивой и бурной степи. Владимир усиленно укрепляет эту границу, которая никогда не могла стать прочно замиренной. Он «нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ», ряд укрепленных линий, одну за другой, «бѣ бо рать отъ Печенѣгъ и бѣ воюяся с ними и одоляя имъ». Три линии укреплений должны были затруднить доступ к Киевщине. С востока от Днепра степная местность, центр которой Переяславль, была в постоянной опасности; тут, около Переяславля, еще сохранились старинные валы, а на правом, западном берегу Днепра опасная граница еще ближе подошла к самому Киеву. Память о ней хранят до сих пор три линии валов в бассейне реки Стугны. А центром обороны с юга стал Белгород, построенный Владимиром на берегу Ирпени, всего в трех милях от Киева.

Давление внешней опасности — могучий фактор, кующий национальное и государственное объединение. Владимир возобновляет и завершает строение Киевской державы; для этого ему надо было сосредоточить в своих руках силы восточного славянства. А для этого требовалось сосредоточить в своих руках более непосредственную и действительную власть над ним.

Святославом был найден путь к этой цели — посадить по важнейшим пунктам сыновей. Прием весьма двусмысленный с точки зрения единства власти, так как, по тогдашним воззрениям, в которых не было различия разных сторон права, каждый княжич — потенциальный носитель отцовских прав на «вотчинном» основании, и передача ему в управление части отцовских владений будила представление о «выделе» сыну-наследнику его «вотчинной» доли для самостоятельного пользования и хозяйничанья. Но сохранение отцовской власти над посаженными по городам сыновьями (власти «патриархальной») могло, казалось бы, выполнить нужную политическую функцию — сохранить в отцовской руке право и возможность распоряжаться военными силами и финансовыми средствами, какие отдавались в заведование сыновьям. Казалось, что на своих скорее можно положиться, чем на чужих, хотя бы «мужей» из княжой дружины, которые еще не выработались за ранний, варяжский период в тип «слуг» князя, а слишком еще чувствовали себя соучастниками общего боевого предприятия с правом на долю в добыче, доходах и власти.

Фигуры Свенельда, может быть и Олега, затем Рогволода показывают, хоть намеком, как легко «великие бояре» превращались в «светлых князей» под рукою великого князя, пока это выгод-

но, без такой зависимости, когда это выгоднее. Овладев Киевом, Владимир посадил в Новгороде дядю своего Добрыню. Князем или посадником? Вопрос праздный, ибо к такому «посаднику» переходила вся княжья власть по управлению, а такой «князь» оставался «под рукой» великого князя киевского и отправлял в Киев часть собранной дани. Позднее Владимир сажает по волостям или по городам сыновей. Летописи перечисляют имена 12 сыновей Владимира. Он сперва, по сообщению летописи, сажает по городам четырех старших сыновей: Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, Ярослава в Ростове. По позднейшим известиям оказывается, что Судислав сидел в Пскове; он исчез из летописного перечня ввиду позднейшей судьбы: вероятно, его Ярослав посадил «в поруб», и лишь по смерти Ярослава Ярославичи выпустили дядю, заставив его постричься в монахи. А по смерти Вышеслава Владимир перевел Ярослава в Новгород, в Ростов послал Бориса, посадил в Муроме Глеба. В Древлянской земле в момент кончины Владимира сидел Святослав; на Волини, во Владимире Волынском, сидит Всеволод. В Тмутаракани летопись, может быть тоже по позднейшему представлению, сажает Мстислава; позднейшие летописи упоминают Станислава в Смоленске, а сомнительная по источникам компиляция XVII в. — Густынская летопись — Позвизда на Волини^{144*}. А. А. Шахматов решительно заподозрил весь этот перечень даже в основной его части. Он только для известий о Вышеславе и Ярославе в Новгороде допускает основание в источниках, какими старый летописец пользовался. Но его критика малоубедительна, ибо построена на весьма произвольных представлениях о «старшинстве столов» и о «мотивах», будто заставивших летописца рассадить по-своему Владимировичей. Перечень страдает, скорее, тем, что сводит в одно разновременные явления.

Что же означало то или иное «посаждение» князя-сына в данном городе? Знаем предание о полоцком вокняжении Изяслава. Сказание о Рогнеде лишь позднее вписано в летописный свод, в продолжение Повести временных лет⁴⁷. В ней или в ее летописном пересказе любопытна одна черта — совет бояр Владимиру: «въздвигни отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ» Изяславом. «Володимеръ же устрои городъ и да има, и нарече имя городу тому Изяславль». Нет основания думать, чтобы Полоцкое княжество позднее расширялось к югу. А его состав с Изяславлем, Минском, Свислочем охватывал все течение Свислочи и половину бассейна Березины, т. е. значительную часть Дреговицкой земли. Полоцкое княжество Изяслава и его потомков выросло не на этнографической почве области полоцких кривичей и значительно обширнее, чем княжество Рогволода. «Восстанавливая» отчину Рогнеде и ее сыну, Владимир создал нечто новое, не имевшее ни этнографической, ни исторической основы. Земля Полоцкая, «городская волость» Полоцкая, выглядит скорее новообразованием,

чем какой-либо стародавней единицей. Отчина Изяслава заняла на Руси особое положение. Посаждение там Изяслава носило, вполне в духе предания о Рогнеде, особый характер. Для киевских князей, Ярославлих внуков, потомки Изяслава — чужие, «Рогволожи» внуки. Посаждение Изяслава — выдел. Он умер раньше Владимира, в 1001 г. по летописи, и за ним в Полоцке княжит сын его Брячислав, затем внук Всеслав во вражде и частых столкновениях с новгородско-киевскими Ярославичами.

Иной склад отношений остальных «стольных градов» младших князей к Киеву. Когда Ярослав сидел в Новгороде, оттуда шла дань в 2000 гривен «уроком Киеву» «и тако даяху вси посадницы новгородстии», а третья тысяча шла на содержание дружины в самом Новгороде («Новегороде гридемъ раздаваху»). Однако и тут дело кончилось пробуждением сепаратизма: Ярослав прекратил уплату дани, и Владимир собрался с походом на сына, да заболел и умер. Какие общественные силы стояли за этим «новгородским сепаратизмом», увидим в истории Ярослава: это местная дружина, опирающаяся на новгородское население. Что до земли Новгородской («городской волости»), то она — определенная сила уже в те времена, но данные для ее характеристики слишком скудны и дробны, чтобы их дробить хронологически. О них придется потом сказать, как и о земле Ростовской. Тут, вдали от Киева, видимо, всего ранее сложились крепко организованные центры княжеской власти, вероятно, уже во времена Владимира, но выступают черты этой организации с главными городами и пригородами, с сильной местной дружиной (боярством) лишь в более поздних известиях наших источников, в пору, когда сама организация эта успела вкорень измениться. Поэтому рассмотреть вопрос о них придется несколько позднее.

Не то видим на юге. Тут в центре старая «Полянская» земля. Весьма метко замечание С. М. Середонина, что мы не имеем никаких данных, указывающих на существование особого «полянского племени». Это не «этнографический», не «племенной» термин в настоящем смысле слова, а «местный». Выдвинувшись при отступлении от юга из «поля» в лесную область, «поляне» потеснили «древлян», а сами сплотились вокруг Киева, старого гнезда «руси», а со времен Олега—Игоря, центра варяжской власти, опершей свое утверждение на киевском юге, на северные силы «варяг и словен», которые тут «прозвашася русью». Эта северная опора как бы обновляется при Владимире, новгородском князе, который с варягами и словенами новгородскими победил Ярополка. Эта его опора (которая еще раз обновится, как увидим, при Ярославе Владимировиче) ярко сказывается в летописных известиях о нем. Владимир, по этим известиям, идет «Новугороду по верховьнии вои», когда у него завязалась с печенегами «рать велика бесъ перестани»; в укрепленные городки, которые он сооружает по южной и восточной границе со стороны степи, он «нару-

баеѣ мужѣ лучшиѣ отъ Словенѣ и отъ Кривичѣ и отъ Чюди и отъ Вятичѣ, и отъ сихъ насели грады»^{145*}.

Чрезвычайно характерно это указание на военную силу с севера для организации обороны юга, и в нем нельзя не видеть подлинную историческую черту. Вглядимся в «Киевскую землю», в «сильный полк киевский», как ее позднее называли: характерная черта ее политико-географического строя — боевая. С северо-запада форпост Киева — крепкий Вышгород, вверх по Днепру, на переправе; к юго-западу Белгород — центр укрепленной границы по Стугне, а за Днепром передовой форпост Киева против степи — Переяславль на Трубеже, центр восточной укрепленной границы. Тесная связь Переяславля с Киевом, по существу дела стратегическая, имела существенное значение во всей политической истории Киевщины.

Это киевское укрепленное ядро Руси создано Владимиром как завершителем работы прежних князей над созиданием и утверждением киевской власти. Но что такое «Киевская земля»? Характерна одна ее устойчивая особенность: неопределенность, изменчивость ее границ. Южная граница то выдвигалась к югу за Рось, то отступала в зависимости от хода борьбы со степью. При Владимире укрепленная линия проходила еще севернее, по Стугне. . . Но колебался вообще состав того, что мы зовем «Киевской землей». «Киевскими волостями» бывали и Деревская земля, и Туровская область, и «Погорина» — область реки Горыни, притока Припяти, но те же «волости» то бывали самостоятельными княжествами, то примыкали к другим владениям, например к Волини. То, что мы весьма условно именуем «Киевской землей», представлялось в старину сложным комплексом, состоявшим из небольшого киевского ядра («Русской земли» в тесном смысле слова) и «киевских волостей». Это политическое целое представлялось киянам как «Русская земля» + «киевские волости»; только когда сгладились в политической жизни различия «Русской земли» от ее «аннексов», стали они все вместе называться «Киевской землей». А это произошло весьма поздно — в XII в., почти на исходе киевской истории. Обычное общее представление о «городовой волости» нельзя применить без больших натяжек к этой Киевской земле. Да и города, входившие в ее состав, никогда не назывались киевскими пригородами. Это «города киевские», и положение их совсем иное, чем северных «пригородов».

Киевский центр закончил подчинение остальных земель Южной Руси ко временам Владимира. В Древлянской земле сидел Святославич Олег; потом она в обладании киевского князя; при Владимире в ней сидит Святослав, но в городскую волость с каким-либо городским центром она не выработалась. Туров долго считался «киевской волостью», хотя Владимир одно время посадил там на княжение сына Святополка. С ним у Владимира вышел разрыв вроде того, какой позднее произошел между Владимиром

и Ярославом. Но это эпизод, осложненный русско-польскими отношениями. Установив мирные отношения с Польшей, Владимир женил Святополка на дочери польского короля Болеслава Храброго. С вступлением Болеслава на престол (992 г.) отношения были весьма натянутые. Вероятно, к этим 990-м годам относятся походы Владимира для утверждения за Русью «Червенских городов» и поход на каких-то «хорватов», а не к началу княжения Владимира в Киеве, куда их отнес летописец. Враждебные отношения прекратились, видимо, после похода Болеслава на Русь в 1013 г., о котором знаем из хроники Титмара Мерзебургского, источника, современного этим событиям (1012—1015 гг.) и хорошо осведомленного. Вероятно, к этому времени надо отнести мир между Владимиром и Болеславом. При королевне состоял некий епископ Рейнберн. Владимир, по рассказу Титмара, узнал, что Святополк готовится восстать против него (*relictorum sibi*) по тайному наущению Болеслава (*ortatu Bolizlavi tacito*), и потому арестовал Святополка с женой и Рейнберном и подверг их строгому заключению (*in singulari custodia clausit*)^{146*}. Обо всей этой истории ничего не говорят русские источники. А ею и историей с Ярославом, по-видимому, не исчерпываются столкновения между Владимиром и его сыновьями.

Впервые при Владимире выступает г. Владимир Волынский как центр Волынской земли. Земли на запад от Киевщины и Древлянской земли были «собраны в одно политическое целое», когда Владимир посадил тут, в городе, названном по его имени, одного из своих сыновей. Но вопреки А. А. Шахматову и Грушевскому, которые предпочитают известие Несторова «Сказания о Борисе и Глебе», что первым владимирским князем был Борис, думаю, что правильнее держаться летописного указания, что во Владимире посажен был отцом Всеволод. Дело в том, что Несторово упоминание в том, как Владимир вывел Бориса с Волыни, опасаясь злобы к нему Святополка из-за того, что «хотяше бо окаянный всю братью погубити и владети один», по-моему, слишком явно опирается на мотив, возможный лишь как перенос обратно по времени впечатлений от позднейшего поведения Святополка Окаянного. А Грушевский неудачно пытается согласовать Нестора с летописью, предполагая, что на Волыни сидел сперва Борис, который затем переведен в Ростов, уступив место Всеволоду. Оба они, и Шахматов и Грушевский, не имели в виду, что Всеволод уже в 990-х годах вовсе исчезает из русских известий, потому что исчез он и с Руси. Ф. А. Брауну удалось найти вторую половину истории этого Visivalda: он бежал в 994 г. с Руси за море, в Скандинавию, где и погиб в весьма романтической обстановке (сага об Олаве Трюгвасоне). Возможно, что и дело Всеволода связано с русско-польскими отношениями, так как 992 г. — время, когда, по западным хроникам, готовилась большая война Болеслава против Руси. (В Несторовой версии о Борисе возможно, что

Борис сидел во Владимире после Всеволода, но, собственно, реально тут скорее та черта, что «злоба» Святополка на Бориса, а может быть, и на отца вызвана была явным предпочтением Бориса другим сыновьям, и, как еще увидим, весьма вероятным намерением Владимира передать Киев после себя именно Борису.) Из этих данных вытекает, по-видимому, один существенный вывод, подтверждаемый и дальнейшим ходом дел и отношений, именно что определенные «земли-волости», «городовые волости» возникают, по крайней мере на запад от Днестра, постепенно, уже в глазах истории, а не представляют собой наследия из «докняжеских» времен. Относительно областей на восток от Днестра сведений нет. Но Переяславль явно в непосредственном обладании Владимира как форпост против степи, а Чернигов не имеет особого князя; Черниговская же земля, во всяком случае, не сформировалась еще в тех размерах, в каких мы ее позднее видим, ибо в Муроме сидит Глеб, а это показывает, что Муром не был еще городом Черниговской земли, каким стал позднее. Так строил Владимир в напряженной борьбе с внутренними и внешними затруднениями Киевскую Русь.

Лекция VI

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Но важнейшее из исторических деяний Владимира не в этом. Введение христианства на Руси было не только огромным культурно-историческим событием, но и актом, который имел не меньшее политическое значение, так как подводил под еще не прочное здание молодого государства новый фундамент культурного единства.

К сожалению, история этого важнейшего исторического события весьма темна и запутанна благодаря своеобразному состоянию наших источников.

Сложной была и сама историческая обстановка этого события. Оно явилось результатом весьма сложного скрещения культурных течений и политических отношений как на русской почве, так и на византийской. В центре их изучения — русско-византийские отношения времен Владимира⁴⁸. Главный источник для них — арабско-византийский писатель Яхъя Антиохийский. Христианин Иоанн, родственник александрийского патриарха Евтихия, писавшего по-арабски и под арабским своим именем Саида Ибн Батрика хронике «Нить драгоценных камней», врач по образованию и деятельности, составил продолжение хроники Евтихия-Саида также по-арабски [и известен под своим арабским именем Яхьи Ибн Саида]^{147*}. Для нас существен рассказ Яхьи Ибн Саида о событиях 986—989 гг.

В конце 986 г. командующий азиатской армией Византии Варда Склир поднял восстание против Василия II. Весной 987 г. император призвал против Склира бывшего в опале Варду Фоку из заточения в монастыре на острове Хиосе. В сентябре 987 г. Фока захватил Склира, но сам себя провозгласил императором, а к концу 987 г. дошел со своим войском до Хризополя, крепости на малоазийском берегу, напротив Константинополя.

«И стало опасным дело его, — продолжал Яхъя Ибн Саид, — был озабочен им царь Василий по причине силы его войск и победы его над собой. И истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении; и согласился тот на это. И заключили они между собой договор о свойстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия (однако возможен и такой перевод: и женился царь руссов), после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, и они народ великий. Не причисляли себя руссы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушею к Хризополю. И победили они Фоку». 13 апреля 989 г. Василий II вторично разбил Фоку при Абидосе, и в этой битве пал сам Фока, «и была продолжительность его бунта один год и семь месяцев»^{148*}.

Ход событий по этому рассказу следующий: когда Фока дошел до Хризополя, т. е. к концу 987 г., император Василий обратился к царю руссов за помощью и заключил с ним договор о помощи и свойстве, под условием крещения не только личного, но и официального всей страны. Само крещение и брак совершились впоследствии, а войска руссов пошли на выручку тотчас, «когда решено было между ними дело о браке», т. е. по заключении договора. Еще в апреле 988 г. Василий в грамотах своих говорит о положении дел безнадежным тоном: победа над Вардой Фокой при Хризополе произошла, очевидно, позднее. Восстание усмирено в апреле 989 г., когда погиб Фока под Абидосом, но до ноября 989 г. Василий занят борьбой с заново восставшими Склиром и сыном Варды Фоки Львом. В марте 990 г. он уже обращается против болгар, которые, пользуясь смутой, разорили византийские области до самого Солуня. Русские войска все время и позднее (999, 1000, 1003 гг. и далее) действуют в составе малоазийской армии императора. Очевидно, их нельзя себе представить как «вспомогательное войско» от киевского князя: он организовал «варяжский корпус» и послал его императору для поступления

на византийскую службу, как раньше «указывал путь» в Византию варягам, помогшим ему отнять Киев у Ярополка.

В этот ряд фактов клином врезается известие о взятии Владимиром Корсуни.

Лев Диакон описал в 10 книгах историю своего времени с 959 до 976 г., а продолжение его труда за годы 976—1077 составил Михаил Пселл^{149*}. В этом продолжении упомянуто небесное знамение (явление огненных столпов) и истолковано как предвещание взятия Веррии Самуилом Болгарским и Корсуни Владимиром; дату этого знамения сообщает Яхъя: 7 апреля 989 г., стало быть, взятие Корсуни произошло после этого, также летом 989 г., как и взятие Веррии (действительно павшей летом 989 г.). О другом знамении, которое произошло 27 июня 989 г., в Хронике Льва Диакона, т. е. ее продолжении Пселлом, сказано, что оно предвещало октябрьское землетрясение. Отсюда заключают, что, по Пселлу, взятие Херсонеса Владимиром произошло между апрелем и июнем 989 г., как раз после падения Фоки под Абидосом.

Какая могла быть причина войны вчерашних союзников? «Возможен, — говорит В. Р. Розен, — только один ответ: Корсунь была взята с целью принудить Василия к исполнению какого-нибудь или каких-нибудь существенных условий договора», и полагает, что византийцы, избавившись от опасности, медлили с выдачей за Владимира царевны Анны. Ведь незадолго перед тем они ответили императору Оттону Великому, который сватал за сына царевну, дочь императора Романа II: «Inaudita res est ut porphirogenita, hoc est in purpuro nati filia, in purpure nata, gentibus misceatur» [«Неслыханная вещь, чтобы порфирородная, то есть дочь рожденного в пурпуре, рожденная в пурпуре, вступала в брак с варваром»] (968 г.). А если для них был варваром новый император Запада, то тем более «царь руссов». Только мир, закончивший корсунскую войну, привел к браку Владимира с царевной Анной ценою возврата Корсуни грекам «за вено — царицы деля».

Много сложнее вопрос о самом крещении Владимира. О нем имеем ряд противоречивых русских известий. Важнейшие, по их анализу, работы принадлежат А. А. Шахматову⁴⁹ и Н. К. Никольскому^{50, 150*}. Текстов об этом крещении немного: 1) летописные рассказы Новг. I и Повести временных лет; 2) древнейшее Житие Владимира, сохранившееся в позднейшей редакции, но в нем весьма архаична выписка из летописи старшей, чем наши своды; 3) «Память и похвала русскому князю Владимиру» Иакова Мниха, составленная, вероятно, после колонизации Владимира, т. е. в конце XII—начале XIII в.; 4) обычное Житие Владимира; 5) проложное житие; 6) «Слово о том, како крестися Владимир, возмзя Корсунь», так называемая Корсунская легенда; 7) переработка жития в разных редакциях (Чудовский список, Пли-

гинский сборник, позднейшая редакция); 8) летописный рассказ позднейших сводов⁵¹.

Сравнительное изучение всех этих текстов, их взаимоотношения и т. д. составляют весьма сложную историко-литературную задачу, которую далеко еще нельзя считать законченной. А общая цель ее — выяснить источники наших текстов, общие и разные у них, выяснить и манеру пользования ими, которая привела к тем текстам, какие имеем. А ведь не эти тексты, строго говоря, должны историку служить первоисточниками, а те, древнейшие, до нас не дошедшие, поскольку возможно их разглядеть сквозь переделки и искажения позднейших редакций.

Даже старшие из дошедших до нас текстов очень неполно отражают свои первоисточники, а компилированы из них с переделками и дополнениями. А когда мы находим в позднейших памятниках письменности, например в летописных сводах XV и XVI вв., упоминания о фактах, которых нет в старых памятниках (например, известие Никоновской летописи о сношениях Владимира с Римом), мы оказываемся перед трудно разрешимым вопросом, что тут: позднейший ли вымысел и домысел или черта старинных первоисточников, ускользнувшая или намеренно пропущенная более древними памятниками, а восстановленная позднейшим книжником, который мог иметь под руками материал, до нас не дошедший?

Из всех текстов, какими мы располагаем, видно, что уже в XI—XII вв., в эпоху Повести временных лет и Начального свода, существовали различные и несогласные между собой версии сказания о крещении Владимира. Идет в них перебой киевских и корсунских преданий, притом в таких книжных обработках, которые не просто обрабатывали старый материал, а подгоняли его под определенные тенденции церковно-политических воззрений и интересов, не стесняясь заменой одних фактических сведений другими. Момент сознательного искажения исторической действительности несомненен в этой письменности и ярко освещен в трудах А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова. А сверх того, предания о крещении Владимира в наших письменных памятниках подверглись сильному воздействию тогдашнего книжнического творчества.

В приемах этого творчества надо отметить две особенности: его близость к приемам народного эпоса и его подражательность чужим, болгарским и византийским, образцам. Древнерусский книжник ведь и сам представитель того типа народной исторической памяти, которая легко идет по пути слияния разновременных сходных событий в одну типическую картину (например, «испытание веры»), перестановки конкретных деталей из одного рассказа в другой, по аналогии и по склонности представлять себе события в готовых эпических образах и формулах. На той же почве возникло и своеобразное подражание чужим литературным

образцам. Я разумею одно историко-литературное явление, характерное для древнерусской агиографии, для исторических повествований: литературная подражательность выражается не только в усвоении общих приемов изложения, но и готовой фразеологии, которая целиком переходит из одного текста в другой при малейшем сходстве содержания, а в него переходят и элементы самого содержания, не исключая иной раз и фактической стороны изложения. Этот прием сказывается особенно ярко в древней русской литературе житий, сказаний, похвальных слов, но не чуждо ему и летописание (ср., например, описание походов на половцев под 1103 и 1111 гг. по Ипатьевской летописи).

А. А. Шахматов выдвинул гипотезу о том, что на летописном Сказании о крещении Владимира сказалось влияние болгарского Сказания о крещении князя Бориса, гипотезу весьма соблазнительную, так как ею объясняются некоторые черты русского сказания, иначе непонятные, например имя — по некоторым спискам — грека-философа, проповедовавшего Владимиру христианство, Кирилла, и некоторые другие. Таким образом, критика наших источников по истории крещения Владимира и Руси разрастается в большую историко-литературную работу над группой текстов, составители которых преследовали цели не исторического повествования, а церковного поучения и проведения в сознание читателей определенных церковно-политических тенденций, притом памятников не вполне оригинальных, а отчасти даже переводных и в значительной мере подражательных по отношению к болгарским и византийским образцам. В своем изложении я могу остановиться только на главнейших вопросах, поднятых этой работой, поскольку они касаются фактической стороны утверждения христианства на Руси.

На первом месте — вопрос о взаимном отношении трех событий: крещения Владимира, крещения Руси и взятия Корсуня, причем под «крещением Руси» разумею не сцену в водах Почайны, а установление на Руси церковного строя — иерархии, миссионерства. Обычный рассказ по Повести временных лет сливает эти три события в один исторический момент. Но составитель Повести временных лет, а вернее, его ближайший источник, Начальный свод, Киево-Печерский временник игумена Иоанна, не скрыл от нас, что ему было известно предание, излагавшее последовательность и связь событий иначе. «Се же, — пишет он с укоризной, — не свѣдуше право глаголють, яко крестился есть (Владимир) в Киевѣ, инии же рѣша — в Василеве (на реке Стугне; в 996 г. Владимир построил тут церковь Преображения), друзии же инако скажуть».

Действительно, в древнейшую редакцию Жития Владимира попал отрывок летописной записи, где читаем:

«На другое лѣто къ порогомъ ходи по крещении; на третье лето

взять Корсунь; на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородици (Десятинную) заложи; на пятое лѣто Переяславъ заложи, на девятое лѣто блаженный князь Владимир, христолюбивый, церкви святыя Богородици вдаде десятину отъ имѣния своего». Сама датировка не по годам от сотворения мира, а счетом лет от одного события до другого, обличает древний тип летописных записей, еще не примкнувших к хронологической сети какого-либо летописного свода; быть может, житие взяло эти строки из записей при Десятинной церкви?

Тут взятие Корсуня — на третье лето по крещении Владимира. Это указывало бы при сопоставлении с сообщениями Яхьи Антиохийского и Льва Диакона (Пселла) на личное крещение Владимира в конце 987 г., т. е. немедленно по заключении им договора с Василием II «о сватовстве и женитьбе». Этот расчет подтверждается и словами того же жития, что «по святомъ крещении поживе блаженной князь Владимиръ лѣтъ 28». Владимир умер 15 июля 6523/1015 г. Стало быть, житие относит его крещение к 987 г. Наконец, намек на крещение Владимира в 987 г. можно найти и в Повести временных лет как плохо затушеванный след старшего ее источника. Ведь под 987 г. Повесть временных лет рассказывает о совещании Владимира с боярами о том, «гдѣ крещенье примемъ», но на их ответе, «гдѣ ти любо», прерывает изложение сколько-нибудь понятной связи событий и вместо сообщения о крещении переходит к рассказу о походе на Корсунь, вставя дату «в лѣто 6496» (988 г.) в середину фразы: «И минувшу лѣту в лѣто 6496 иде Владимиръ съ вои на Корсунь», — притом в явном противоречии со словами «минувшу лѣту» (после 987 г., что дало бы взятие Корсуня в 989 г., согласно Яхье и Льву Диакону). Надо признать с Шахматовым, что в древнейшем Киевском летописном своде за рассказом о проповеди «грека-философа» следовал «не дошедший до нас рассказ о крещении Владимира в Киеве» (или Василеве?). Причем А. А. Шахматов полагает, что тогда же крестились и сыновья Владимира и бояре его^{151*}.

Летопись наша строит свой рассказ иначе, из элементов весьма разнородных. Под 986 г. Повесть временных лет дает рассказ о приходе к Владимиру проповедников различных вер — болгар-магометан, немцев, евреев хазарских. Перед нами поистине эпическая картина, уснащенная народным юмором и полемически злыми выходками. Но она может иметь в основе кое-какие обрывки реальных исторических воспоминаний. Вспомним известия западных хроник (Регинона и Хильдесхаймской^{152*}) о сношениях Ольги с Оттоном и посылке на Русь епископа из Германии, вспомним неведомо откуда взятые известия позднейших сводов — Никоновской летописи — о приходе из Рима послов к Ярополку (979 г.) и сношениях с Римом Владимира. А. А. Шахматов и их считает случайными литературными заимствованиями

из болгарской Повести о Борисе болгарском. Но это как-то плохо вяжется с их летописной формой и обилием: 988 г. — «приходиша послы из Рима от папы и мощ святых принесоша к Володимеру»; 991 г. — «придоша к Володимеру послы из Рима от папы с любовью и честью»; 994 г. — «послы Володимеровы придоша в Киев иже ходиша в Рим к папе»; 1000 г. — «придоша послы от папы Римского»; 1001 г. — «посла Володимер гостей своих, аки в послех в Рим». А с другой стороны, в одном арабском сочинении XIII в., в «Сборнике анекдотов» Мухаммеда ал-Ауфи, находим рассказ о посольстве Владимира (Буламира) в Ховарезм с разговорами о желании Руси принять мусульманство и о посольстве на Русь мусульманского имама для обращения в магометанскую веру⁵². Встречи Киевской Руси с еврейской пропагандой при сношениях с хазарами и наличности евреев-купцов в Киеве более чем вероятны. При международных сношениях Руси как отдельные факты разновременного миссионерства, так и народные рассказы на эту тему могли лечь в основу той эпически обобщенной формулы, какую с литературной точки зрения представляют летописные рассказы о беседах Владимира с представителями разных религий и о его посольствах для «испытания веры» в разные страны.

Такой же литературной легендой, но уже книжнического типа, выступает рассказ о приходе к Владимиру греческого «философа» для проповеди. Все приписанные ему речи без остатка разлагаются на элементы литературной компиляции из памятников переводной церковно-славянской письменности, частью позднейших по времени. Нет повода думать, что тут хоть что-нибудь восходит к «современной» записи. А. А. Шахматов и самую схему рассказа, и его основные мотивы считает подражанием какому-то до нас не дошедшему болгарскому рассказу о крещении Бориса.

А за этими моментами летописного рассказа идет описание корсунского похода, взятия Корсуня и крещения Владимира в Корсуне. Рассказ этот, уснащенный также и эпическими и житийно-литературными чертами, в общем выдает свое корсунское происхождение хорошим знакомством с топографией Херсонеса. Это греческое по своему происхождению сказание вышло, вероятно, из среды корсунского духовенства, сыгравшего видную роль в организации русской церкви. Его успех в русской традиции придал ему значение официальной церковной версии, устранив другие киевские предания, отделявшие крещение Владимира от корсунских событий. Оно, это корсунское сказание, явилось орудием определенных церковно-политических тенденций, торжество которых было закреплено внесением «корсунской легенды» в Начальный свод в ущерб прежним русским известиям о крещении Руси и исторической правде.

Выяснение этих тенденций связано с другим вопросом — о пер-

воначальной организации русской церкви. И этот вопрос, пожалуй, еще больше запутан противоречиями источников, чем история самого крещения.

Весь уклад деятельности Владимира — строителя Киевского государства — и связь истории его крещения с русско-византийскими отношениями делают несомненным, что вопросы политические играли значительную роль в самом решении Владимира принять христианство и в том, как он это решение выполнил.

Е. В. Аничков^{153*} сделал весьма любопытную попытку вскрыть даже в рассказах летописи о поведении Владимира-язычника политические мотивы⁵³. Он исходит из текста Повести временных лет о том, как Владимир, «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, а Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь»^{154*}. Надо признать с А. А. Шахматовым, что это текст, развитый и дополненный позднее нагромождением имен сомнительных богов русского «Олимпа», но едва ли он прав, сводя первичную редакцию к словам: «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго»^{155*}. Дело в том, что варианты Радзивилловского и Академического списков не раз дают лучшие чтения, чем основной Лаврентьевский: «кумир» — указывает на текст, где был назван один Перун, который и в договорах с греками — один, рядом с Велесом, чей идол (каменный) стоял в Киеве в ином месте — на Подоле, на торгу. А чтение «Володимиръ постави кумиръ на холму внѣ двора теремнаго, Перуна древяна и главу его сребрену, и творяще потребу ему съ людьми своими» в соответствии дальнейшему (новгородскому) известию — «Володимиръ же посади Добрыню в Новѣгородѣ, уя своего, и пришедъ Добрыня къ Новугороду, постави кумиръ (Перуна кумиръ. — Новг. I) надъ рекою Волховомъ, и жряху ему людье новгородьстѣи, акы богу»^{156*}, лучше еще подходило бы к построению Аничкова. Чтение же это представляется наиболее вероятным как древнее, первоначальное. Так вот Аничков толкует этот текст как попытку «объявить свой военно-дружинный культ общим культом». Культ Перуна, «дружинно-княжеский культ киевских Игоревичей», получает новое значение, когда «князь и дружина» окончательно превратились в «политическую власть» на Руси, т. е. при Владимире. Владимир в связи с этим затеял «религиозно-политическую реформу», поставил богатый идол Перуна «внѣ двора теремнаго», т. е. «предназначил этого бога для общественного поклонения» (так толкует этот акт Владимира и Ф. Е. Корш)^{54, 157*}. Все это построение Аничкова опирается на весьма ценный анализ древнерусского язычества, с одной стороны, а с другой, на представление, что дружина была первоначально особым, замкнутым в себе, учреждением — с особым своим внутренним строем как «огнище» князя и своим особым культом, а затем развертывается в настоящую политическую силу. К этим весьма, по-

моему, ценным построениям я вернусь, когда буду говорить о дружине. А пока отмечаю только «религиозно-политические» мотивы деятельности Владимира-язычника ради аналогии, какую находим для них в его действиях как просветителя Руси христианством.

Общий исторический смысл образования Киевского государства — в южной ориентировке всей восточнославянской жизни. Оно, по выражению А. А. Шахматова, «ослабило связь севера с центрами балтийской культуры и повернуло Новгород лицом к Киеву и Царьграду; разрушение Хазарского царства оторвало вятичей от восточных владений и повернуло также и их лицом к юго-западу». Но в частности шахматовская оценка исторического смысла владимировых времен не совсем понятна. «Приобщением государства к византийской цивилизации, — пишет он, — Владимир дал ему определенный облик и создал могущественные средства для внутреннего единения». Про поход Владимира на греков (корсунский) А. А. Шахматов говорит, что его цель «установить непосредственное общение с греческой культурой, проникавшей раньше через посредство Болгарии». А между тем, по А. А. Шахматову же, «не подлежит сомнению, что Владимир принял веру именно от болгар и что в X в. Киев поддерживал самые оживленные сношения именно с Болгарией». «Киев, объединяя русские племена Поднепровья и соседних северных областей, является проводником особой культуры, которую можно назвать южнорусской». Эта культура взращена разнообразными влияниями: византийскими и малоазийскими с сильным восточным элементом — через Крым, Кавказ (ясы, касоги, хазары) и через кочевников; северными — варяжскими, западными, романо-германскими, — через Чехию и Польшу. На первом месте по значению, глубине и силе стоит именно болгарское влияние. «Для историка русской культуры, — пишет А. А. Шахматов, — в частности и языка, это обстоятельство имеет большое значение: Киев получил через Болгарию то могущественное орудие духовного просвещения, которое сделало его духовным центром всех русских племен и содействовало их объединению: получив из Болгарии христианство, Киев одновременно заимствовал отсюда книжный язык». Но все эти несомненные и важнейшие явления в истории русской культуры остаются в источниках наших без сколько-нибудь достаточного исторического комментария. «Момент, сыгравший чрезвычайную роль в деле объединения русских племен в создании единой для всего русского народа южнорусской культуры», с фактической, бытовой своей стороны весьма нам плохо известен ^{158*}.

Как ни строго отнеслась наша ученая критика к труду М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» ^{159*}, нельзя не признать, что это единственный труд, в котором сделана серьезная попытка разрешить историческую загадку болгарских основ нашей древней киевской

культуры в связи с ранней историей русской церкви⁵⁵. Приселков, как и Шахматов, признает, что Владимир принял крещение в конце 987 г., тотчас по заключении договора с императором Василием II, причем говорит об этом так: «Владимир крестился вместе с семьей и боярами, а может быть, и народом; уже христианином киевский князь оказал военную помощь императору Василию и спас его колебавшийся трон». Далее, основной вопрос о введении на Руси православной церкви, т. е. об установлении церковной иерархии. Старейшие источники, поскольку они отразились в Повести временных лет и в Новг. I, не знают при Владимире никакого митрополита на Руси.

Повесть временных лет сообщает, что Владимира окрестил в Корсуни «епископ корсунский с попы царицини», а потом повенчал его с «царицей». О возвращении Владимира из Корсуни в Киев Повесть временных лет пишет: «Володимеръ же посемь поемъ царицю и Настаса и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фива, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ». В дальнейшем его советники — епископы. О митрополите или архиепископе нет и помину. То же и в Новг. I. Однако кто же такой Анастас Корсунянин? По построении храма св. Богородицы Владимир «поручи ю Настасу Корсунянину и попы корсуньскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы и съсуды и кресты». Церкви этой он дал «отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть», «и вдасть десятину Настасу Корсунянину»^{160*}. Этот Настас выступает еще сперва в рассказе, где ему приписано изменническое содействие Владимиру при взятии города, а затем уже, по смерти Владимира, в истории господства польского короля Болеслава в Киеве, когда он захватил Киев, придя на помощь Святополку против Ярослава: Болеславу пришлось бежать из Киева, ибо население стало избивать ляхов, и он «побѣже ис Кыева възма имѣнье и бояры Ярославѣ и сестре его, и Настаса пристави десятиннаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣриль лестью». Больше о нем ничего не знаем. Разве что к нему отнесем, согласно нерешительному предположению А. А. Шахматова, одно известие Титмара Мерзебургского. Титмар про те же события 1018 г. так сообщает: когда Ярослав в первый раз отнял Киев у Святополка, пришли на него Болеслав с Святополком, и ему пришлось бежать из города. «Архиепископ этого города со всем духовенством» с почетом встретил прибытие Святополка и Болеслава в св. Софии. А затем Болеслав посылал этого архиепископа к Ярославу для переговоров о размене пленниками: у Ярослава в плену была Болеслава дочь, жена Святополка, а Болеслав захватил в Киеве мачеху Ярослава, его жену и сестер^{161*}. Некого признать в этом «архиепископе», кроме Анастаса Десятинного. «Епископом» называет Анастаса и одно из житий Владимира. Епископом признают Анастаса и А. А. Шахматов с Приселковым. Но почему наши

тексты так странно с ним обходятся? Зовут его просто Настасом. Едва ли достаточно объясняется это его непристойным политическим поведением. Но пока примем, что Анастас был епископ, поставленный в Корсуни для Киева, как Иоаким Корсунянин — епископом для Новгорода, и обратимся к другим данным о русской церкви при Владимире Святославиче.

В нашем рукописном материале имеются разные списки русских митрополитов. Старейшей редакцией надо признать ту, какую читаем в тексте Новг. I: этот список начинается с Феопемпта, поставленного на Русь константинопольским патриархом уже при Ярославе; он в первый раз упоминается под 1039 г. по поводу освящения церкви (вероятно, св. Софии, «митрополии», заложенной Ярославом в 1037 г., а не Десятинной, как сказано в Повести временных лет!). Но в позднейшей письменности Феопемпт оказывается то четвертым митрополитом после Михаила, Леона, Иоанна, то вторым после Леона; есть и такой порядок: Леон, Михаил, Иоанн; Михаил и Леон как киевские митрополиты не имеют никакого права на историческое бытие. Весь «вопрос» о них сводится к догадке, откуда забрели их имена в списки митрополитов и в иные памятники позднейшей письменности. На это пытались дать ответ и Голубинский, и Шахматов, и Приселков^{162*}. То Михаила, то Леона или Леонта называют первым митрополитом киевским уставы св. Владимира в разных редакциях в связи с анахронизмом тех же редакций, что-де «взят» этот первый митрополит Владимиром у «патриарха Фотия», который на сто лет старше Владимира. Имя Фотия навело Голубинского, а за ним и А. А. Шахматова на мысль, что связь по имени с «Михайлом» или «Леонтом» не случайна, а забрели они на Русь вместе либо из Сказания о крещении руссов в 860 г. (Михаил), либо из Сказания о крещении болгар (Леонт). Но то или иное историко-литературное объяснение этих имен ничего не прибавит и не убавит к их историческому небытию на почве русской церкви. Сложнее дело с Иоанном. Киевский митрополит Иоанн засвидетельствован для 20-х годов XI в., стало быть, ранее Феопемпта, в рассказе об обретении Ярославом мощей св. Бориса и Глеба и перенесении их в Вышгород, как у Нестора в его «Чтении о житии и погублении св. кн. Бориса и Глеба», так в другом «житийном» сказании о них. Эти сказания, согласно весьма убедительным заключениям А. А. Шахматова, использовали с фактической стороны записи, ведшиеся при Вышгородской церкви, стало быть, и их показания существенны. Житие Бориса и Глеба притом колеблется в титуле Иоанна: именует его то митрополитом, то архиепископом. Естественно признать (с Приселковым и А. А. Шахматовым), что подлинный старый титул — «архиепископ», естественно замененный словом «митрополит» в труде позднейшего книжника, привыкшего именовать так главу киевской церкви.

Итак, в 20-х годах XI в. в Киеве был архиепископ Иоанн. Приселков отождествляет его с тем «архиепископом», о котором говорит Титмар: это весьма невероятно, ибо едва ли Ярослав мог примириться со сторонником или, по крайней мере, угодником своих врагов. Приселков идет и дальше: того же Иоанна он отождествляет с главой болгарской церкви Иоанном, патриархом охридским, который в 1018 г., когда Болгария была сокрушена Василием II Болгаробойцей, был посредником между византийским императором и болгарскими при заключении Струмицкого договора об условиях подчинения Болгарии, а зато сохранил свое положение, даже получил расширение своей власти по трем императорским хризовулам, но с титулом уже не патриарха, а архиепископа автокефальной охридской церкви. Против последнего отождествления Шахматов представил веские возражения: киевский архиепископ Иоанн в 1018 г. был на Руси, в Киеве, затем идет в Новгород к Ярославу для переговоров, а охридский Иоанн едва ли мог разъезжать по Руси в то время, когда решалась судьба Болгарии и его патриархата. Правда, Струмицкий договор заключен в феврале-марте 1018 г., упоминание об Иоанне киевском относится к августу, но первый хризовул императора Василия Иоанн охридский получил в 1019 г., стало быть, весь 1018 г. был еще слишком «горячим» временем, чтобы архиепископ мог покинуть надолго Болгарию. Отождествление двух Иоаннов нужно Приселкову для обоснования основной гипотезы, что при Владимире русская церковь была подчинена не византийскому, а болгарскому патриарху. Объясняет он это тем, что Владимир не сталкивался с греками ввиду их стремления держать местные церкви в строгом подчинении константинопольской церкви и связывать это церковное подчинение с идеей политической зависимости новообращенной страны от Византийской империи. Недовольный Владимир тогда и обратился к болгарскому патриарху и от него получил нужное ему поставление епископов, опору и руководство в организации русской церкви. Устраняя отождествление двух Иоаннов, А. А. Шахматов думает устранить по существу приселковскую гипотезу и считает более вероятным как раз обратное, именно что «Владимир приобщил русскую церковь именно к греческой, разорвав исконную церковную связь Киева с Болгарией».

Дело в том, что эту «исконную церковную связь» А. А. Шахматов выдвигает сильнее, чем это делает Приселков, справедливо удивляясь, почему Приселков «не остановился на вопросе, откуда же пришло христианство в Киев?». Если бы Приселков поставил вопросы: «кто ставил попов в церкви св. Илии?» и «какому епископу была подчинена церковь?», он мог бы в их наиболее вероятном решении найти «несколько веских аргументов» в пользу своей «охридской гипотезы». Не сведи Приселков всего церковного вопроса на политическую почву, он глубже оценил бы значение

«культурных отношений», которые, несомненно, издревле связывали Киев именно с Болгарией. Насколько постоянны были русско-болгарские сношения, видно, как метко подчеркивает А. А. Шахматов, из того, что греки не раз получали из Болгарии предостережения о готовящихся набегах Руси; указывает А. А. Шахматов на такие черты болгарско-хазарских отношений, как болгарская мода на еврейские имена (Давид, Моисей, Аарон, Самуил). Болгарское влияние на Руси должно было быть сильным, может быть, и ранее времен Игоря. С христианством, ранее Владимира, появились на Руси церковнославянский язык и болгарская письменность. Договоры с греками А. А. Шахматов считает «древне-болгарскими» по языку. На этом же языке, конечно, совершалось и богослужение в церкви св. Илии попами из Болгарии, стало быть, под юрисдикцией болгарской церкви. Но что же произошло при Владимире?

Владимир крестился на Руси. Едва ли следует принять, что крестил его грек-миссионер. Вероятнее, что он мог креститься в той же церкви св. Илии. Но А. А. Шахматов полагает, что Владимир в 989 г. разорвал «исконные церковные связи» с Болгарией. Причина та, что первые епископы в Киеве и в Новгороде — корсунские греки, что сильная и древняя традиция говорит о деятельной роли в «крещении Руси» корсунских попов и корсунской церковной утвари. Недаром у нас и позднее все особо ценное, редкостное или древнее в церковном искусстве называли «корсунским», даже знаменитые новгородские «корсунские врата», хотя они немецкой работы. Однако сам же А. А. Шахматов указывает, что, если бы мы даже признали достоверным предание о крещении Владимира греками, «мы все-таки должны допустить обращение к Болгарии за книгами и учителями». Шахматов легко мирится с тем, что это «обращение» как-то исчезло из наших источников, словно современники «крещения Руси» и их ближайшие потомки и не заметили его: он видит в этом лишь доказательство того, что «наши сношения с Болгарией шли путем неофициальным».

Совсем не понимаю, что тут может означать «официальный» или «неофициальный», раз речь идет об обращении князя, организующего церковь, в соседнюю страну за «книгами и учителями». Летописец рассказывает, что Владимир «нача ставити по градом церкви и попы» и «нача поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на ученье книжное». И попы и книги несли в русскую среду болгарский церковный язык и болгарскую письменность. Кадр грамотных и книжных людей в Киеве при церкви св. Илии не мог быть особенно значителен. Обращение в Болгарию за просветительными силами и средствами было крупным делом, близким и важным для всякого киевского книжника, а наши источники о нем молчат. Естественно приходишь к мысли: причина этого умолчания та же, что причина третирования Анастаса, что пута-

ница с «митрополитами», что появление «корсунской легенды», затершей почти совсем следы подлинной обстановки крещения Владимира и т. д., т. е. тенденциозное искажение, *ad maiorem Byzantiae gloriam* [к вящей славе Византии], всей ранней истории русского христианства и русской церкви. В этом глубокое основание гипотетических построений Приселкова. По недостатку данных он насилует тексты и создает факты иной раз с излишней смелостью. Но не всегда удачные аргументы и иллюстрации его мысли не должны затемнять оценку его меткой критики традиционных представлений и верного чутья исторических отношений в их сути, хотя и мудрено облечь эту «суть» по состоянию материала в конкретную форму исторического рассказа о том, как же дело на самом деле происходило^с.

Надо, кажется, признать первым киевским епископом Анастаса. Приселков признает, что «киевская церковь времени охридского господства представляется как три епископии: киевская, новгородская и белгородская», а киевским епископом считает Анастаса Корсунянина. Так двое — корсунские греки, третьего мы не знаем по имени. Приселков считает их поставленными по воле Владимира «рукою охридского патриарха». На это нет, конечно, указаний, но нет их и на поставление их от патриарха константинопольского. Правда, Яхъя пишет, что император Василий «послал к нему впоследствии митрополитов и епископов», которые окрестили Владимира. Но это стоит в противоречии с корсунской легендой, которая почему-то в Корсуні знает только корсунского епископа при крещении и бракосочетании князя. Правда, Новг. I под 989 г. пишет: «Крестися Володимиръ и вся земля Руская, и поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа, а по иным градомъ епископы и попы и диаконы»^{163*}. Но она же знает первым митрополитом Феопемпта, а епископ новгородский стал архиепископом только в 1165 г. (Илья). Наибольшее недоумение вызывает вопрос об иерархической подчиненности киевской епархии и вообще ранней русской церкви. Епископское поставление Анастаса и Иоакима тотчас по браке Владимира с царевной Анной трудно вести с Приселковым из Охриды. Ведь эти корсунские греки могли быть поставлены как будто только в Корсуні. Быть может, Яхъя и прав, что в свите Анны были «митрополиты и епископы», ибо трудно себе представить, чтобы царевну отпустили из Византии без сопровождения двух-трех видных церковников. Это, может быть, и не противоречит первой роли при бракосочетании местного корсунского епископа. Но ведь и в культурно-историческом отношении важно то «обращение к болгарам», которое остается невыясненным и для которого недостаточно шахматовских оговорок.

У того же А. А. Шахматова (в его рецензии на Приселкова) находим ряд указаний, свидетельствующих о позднейшем сближении Владимира с Болгарией в ущерб его византийским связям.

Эти указания связаны с вопросом о последнем браке Владимира. Анна умерла, по согласному свидетельству Титмара и наших летописей, раньше Владимира, а между тем в событиях по смерти Владимира упоминается мачеха Ярослава. Летопись называет его младших сыновей Бориса и Глеба сыновьями «болгарки»; считать их рожденными в языческие времена до 988 г. нельзя, потому что, по согласному показанию источников, они убиты в отроческом возрасте, а ведь им было тогда уже под 30 лет. Характерно, что со всеми иными «болгарофильскими» чертами исчезло не только имя этой мачехи Ярославлей, но и всякое о ней упоминание из русских источников.

Но указание Титмара не может быть отброшено. Если принять это рассуждение, гипотеза Приселкова получила бы несколько иной вид и примирена бы была с несомненной значительной ролью корсунского духовенства в крещении Руси. Но тут есть одно большое препятствие. Повесть временных лет дает год, когда «преставися царица Володимеря Анна», именно 1011. Если Владимир после того и женился, то Бориса и Глеба придется признать сыновьями Анны, на чем Приселков настаивает. Но откуда тогда столь определенная запись, что они «оть болгарыни»? Ведь в житиях св. князей, да и в летописи бережно сохранили бы, даже особенно подчеркнули бы, что это сыновья «цесарицы». А. А. Шахматов предпочитает признать недостоверность летописной даты, хоть и нерешительно («если только она скончалась раньше, чем указывает русская летопись»). Прием этот, конечно, рискованный и не вяжется он с наблюдением А. А. Шахматова, по которому даты событий в княжеской семье (рождений, смертей), пожалуй, наиболее достоверны, так как идут из церковных записей. Мы перед еще одной неодолимой трудностью. Нельзя, однако, не признать, что дата смерти Анны не вяжется никак с остальными известиями о Борисе и Глебе. А ведь их искажение тоже необъяснимо. И легче понять ошибку в записи краткого известия под определенным годом, чем подмену цесарицы Анны безымянной болгарыней в роли матери князей. Характерно и то, что об Анне нет у нас ни одного известия — только брак да смерть, хотя по летописи выходит, что она жила в Киеве с 989 по 1011 г., целых 22 года. Если строить «гипотезы» со смелостью Приселкова и А. А. Шахматова, то осталось бы предположить, что Анна кончила жизнь в монастыре. Что-то неладно с известиями о ней: монах-летописец к ее имени не приставил даже эпитета «благочестивая», не то что какого-нибудь похвального слова, а поминает ее кончину так же, как какой-нибудь Малфреды или Рогнеды.

Что Анне несладко жилось в замужестве, видно из слов Титмара, что, женившись на греческой принцессе, Владимир хотя принял христианство, но «не украсил новой веры *justis operibus*, erat enim fornicator immensus et crudelis magnamque vim Danais mol-

libus ingessit» [«праведными делами, ибо был великий развратник и жесток, и чинил великие насилия над слабыми греками»].

Большой заслугой Приселкова надо признать, что он покончил с представлением об установлении греческой иерархии на Руси в виде киевской митрополии. Как ни много спорного в его предположениях о подчинении русской церкви охридскому патриархату, она, в общем, не больше вызывает сомнений, чем ходячее представление о каких-либо «митрополитах» при Владимире, и, несомненно, выросла из прямой научной потребности объяснить темноту известий о ранних русских церковных отношениях. Его построения впервые дают некоторую возможность понять, что же, собственно, произошло в церковных делах при Ярославе. Вначале тот же Анастас был епископом в Киеве. Случайно ли, по ошибке ли, Титмар его титулет архиепископом? Или это результат сближения Владимира с Болгарией, женитьбы его на болгарке в связи с уступками от болгарского патриархата в пользу киевской церкви? Затем — архиепископ Иоанн, о котором мы также мало знаем. Не знаем, кто его поставил; возможно, что его охридский соименник, которого нет достаточного основания с ним отождествлять, как делает Приселков. Но Ярослав, утвердившись во власти, идет иными путями в церковной политике. При нем впервые организуется в Киеве митрополия с греком-митрополитом Феопемптом, ставленником византийского патриарха. Эта перемена стояла в связи с событиями на Балканском полуострове. С 1018 г., со Струмицкого договора, Болгария — под властью Византии, в 1019 г. закончена борьба Ярослава с Святополком. К этому моменту естественно отнести исчезновение из Киева Анастаса, примкнувшего к Святополку и Болеславу польскому, и стало быть, поставление в Киеве архиепископом Иоанна. По Струмицкому договору, Иоанн Охридский сохранил управление своей церковью, променяв звание патриарха на архиепископа. В хризовулах, определяющих его права, перечислены его епархии; но киевской, или русской, среди них нет. Приселков, пользуясь тем, что хризовулы дошли до нас только в списке XIII в., полагает, что русские епархии были в них упомянуты, но исключены в тексте XII в.; однако возможно и другое, что русская церковь была с 1019 г. изъята из-под власти Иоанна Охридского, как архиепископия, подчиненная константинопольскому патриархату или хоть самостоятельная, подобно охридской. Последнее было бы актом византийской политики, нуждавшейся в дружбе русского князя, чтобы он не мешал расправе с Болгарией. Но и то было бы лишь кратким переходным моментом: в 1037 г. умер Иоанн Охридский, на охридскую кафедру поставлен из Константинополя грек Лев и «автокефальная охридская церковь стала орудием духовного порабощения болгар». Тогда же организуется и на Руси митрополия для грека-митрополита Феопемпта.

В этих церковных событиях крылась перемена, существенная

для дальнейших судеб русской церкви и всей русской духовной культуры. Приселков яркими красками рисует «гонение», воздвигнутое «греками» на порядки и традиции «болгарского», Владимирова периода в истории русской церкви. Пошло в ход то тенденциозное искажение ранней истории русского христианства, которого наиболее ярким выражением была пресловутая «корсунская легенда». Старому центру христианского культа, Десятинной церкви, приходит на смену новый собор — «митрополия», св. Софии премудрости божией. Чрезвычайно характерно в наших старших летописных сводах сказывается перебой двух церковных традиций, двух церковно-религиозных воззрений, из которых одно связано с именем Владимира, другое — Ярослава. Княгиня Ольга, «бысть предтекущая крестьянстѣй землѣ аки деньница предъ солнцем и аки зоря предъ свѣтом», а Владимир «дивно же есть се, колико добра сотвори Русьстей земли, крестивъ ю», «сего бо память держать русьстии люди, поминающе святое крещение, и прославляютъ бога въ молитвах и въ песнях и псалмѣх, поюще господави, новые людье, просвещении святымъ духомъ».

Гимном радости о своем спасении звучат воспоминания о Владимире. При нем, так мечтают русские книжники, «избра богъ страну нашу на последнее время», и восклицают: «Кого богъ тако любить, яко же ны возлюбил есть, кого такъ почель есть, яко же ны прославиль есть и възнесль?»⁵⁶ Н. К. Никольский в любопытных своих этюдах о древнерусском христианстве⁵⁷ отмечает в древней русской письменности черты веро- и нравовоспитания, которые идут от времен Владимира и носят особый характер, чуждый каких-либо черт монашеского аскетизма и отрицания мира (летопись, жития Владимира, Иаков Мних, писания митрополита Иллариона; из переводных: Толкования на пророка, Толковая Палая). Суть этого раннего русского христианства, по Никольскому, в вере, что крещенные безусловно спасены, в твердой, уверенной надежде, в большом «религиозном оптимизме». Путь к спасению — крещение (при малой роли покаяния), а милостыня — главная «заповедь» этого учения. Милостыне приписывается «спасающая» сила, такая же, если не большая, как таинствам («Златоструй», «Эпитимейник»). Другая заповедь — апостольство, первое просвещение («равноапостольный») и учительство — просвещение: «христианство, принятое Владимиром, есть книжная вера, которая просвещает землю, разгоняя мрак бесовского кумирслужения и насаждая истину в прежнем царстве неведения и лжи». В то же время это вера деятельной любви, примиряющая радость веры с радостью жизни.

Идеалами милостыни и нищелюбия охристианены знаменитые «пиры Владимира», о которых и Титмар, столь суровый к нему, сообщает, что он выкупал пленных и кормил их^{164*}. С этим у Никольского связаны указания на полное отсутствие данных, чтобы монахи играли какую-либо роль в крещении Руси. Миссионе-

рами были не иноки; так и Константин принял монашество лишь перед смертью с именем Кирилла. Не иноки и епископы X в.: духовничество — дело белого духовенства. А при Ярославе вливается в русскую жизнь с большой силой монашеско-аскетическая струя. Ее утверждение на Руси относится уже ко временам после Ярослава в связи с деятельностью Феодосия Печерского. Но это течение само связывает себя с Ярославом, при котором (а не при Владимире) «нача вера христианская плодится и расширяется, и черноризци почаша множитися, и монастыреве починаху быти». Время Ярослава — эпоха водворения церковности уставной и иночества: «... бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ». С него началось, а не с Владимира, «сетованье» «врага, побеждаемого новыми людьми христианскими».

«Следы такого же религиозного оптимизма, — замечает Никольский, — мы находим в X в. в Болгарии, например, у Косьмы пресвитора»^{165*}; но аналогичное течение, постепенно уступавшее аскетическому, существовало и в самой Византии; Никольский предполагает одно из гнезд его в Корсуні, примиряя представления о болгарском и корсунском влияниях в русской церкви времен Владимира.

Таким образом, подводятся глубокие основы под крупное различие между укладом киевской церковно-религиозной жизни времен Владимира и Ярослава, а гипотеза Приселкова, как ни трудно ее точное обоснование, историческое и документальное, получает большое значение как научная попытка объяснить церковно-политические условия отмеченных существенных отличий в иерархическом строе и характерных течениях духовной культуры X и XI вв.

Лекция VII

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КИЕВСКОЙ РУСИ В XI в.

Церковный строй — церковь как учреждение — стал политической и общественной силой лишь со времен Ярослава. Эта Ярославова эпоха вообще завершает по-своему организационную работу Владимира и закладывает основы политического быта Киевской Руси, надолго определившие ход русской исторической жизни.

Из обзора древнейших судеб Днепровской Руси и того, что знаем об отдельных областях во времена Владимира, казалось бы, достаточно ясно, что характерный строй Киевской Руси как суммы «городовых областей», «земель-княжений» отнюдь не наследие доисторического, докняжеского времени, которое Ключевский считает вполне сложившимся в VIII в., а явление, постепенно слагающееся на глазах историка в связи с организующей деятельностью княжеской власти. К тому же до XI в. нет никаких следов

выступлений или какого-нибудь значения веча, которое наши историки тщетно пытаются генетически связать с племенными собраниями доисторических времен.

Проследим ближе политические (внутренние) судьбы Киевской Руси, насколько это возможно.

Ярослав при отце сидел в Новгороде. Раньше тут княжил в юности Владимир под опекой дяди Добрыни; когда Владимир ушел на юг, власть в Новгороде была поручена Добрыне, потом Владимир посылает сюда сыновей — Вышеслава, Ярослава. Смутные известия указывают на то, что и раньше в Новгороде была местная княжеская власть, связанная с Киевом: по свидетельству Константина Багрянородного, в Новгороде при Игоре княжил Святослав, которого Константин называет «братом» Игоря. А в начале новгородской истории стоит известие арабов Ибн Русте и Гардизи о варягах, которые засели в Holmgard—Новгороде и отсюда облагают данью славян, а многие из славян проходят к этой «руси» и служат ей. Что же представлял собой этот ильменский центр и его область? Я уже высказывал предположение, что тут, на севере, по всей видимости, раньше и прочнее сложился особый центр княжеско-дружинного властвования в форме настоящей «городовой волости». Сергеевич так изображает древнейший тип подобной организации: «группами предприимчивых людей» (которые Сергеевич представляет себе «смешанными» из славян и финнов, а вернее и ближе к данным источников представлять их варягами, к которым постепенно примыкают туземцы) строился город; из такого укрепленного пункта-города вышла сила, создавшая «волость» путем подчинения себе разрозненного населения окрестных земель. «Центр волости — город, к нему тянет земля, огражденная пригородами», построенными для «береженья» владений «города»⁵⁸. Сложилась эта схема на примере именно Новгородской области, и на все другие распространена, как бы имеющая общее значение, без достаточных оснований. Не надо, прежде всего, упускать из виду, что слово «пригород» туземно только на севере — в землях Новгородской и Ростовской. На юге говорят о «городах» Киевской земли, о «волостях» киевских, но не о пригородах киевских.

Исконный центр Новгорода — Городище на «острове» между Волховом, Малым Волховцом и притоками. Тут древнейший укрепленный «город». Местные топографические условия не дали ему стать подлинным центром Новгорода, и он стал «городищем», вероятно, во времена Ярослава. Болотистая почва мешала скученности населения, и, притянутое значением нового «города», оно селилось на более возвышенных местах враздробь, отдельными поселками. Лишь для одного из них знаем древнейшее имя — Славно, юго-восточный «конец» Новгорода. Сюда при Ярославе перешел центр княжой власти из Городища в «Ярославов двор», возле которого расположился и «торг», а кругом боярские дворы

княжеских дружинников — огнищан. Славенский конец на все времена истории Новгорода остался боярской, аристократической частью города, нередко враждовавшей с остальным Новгородом как особая, боярская политическая партия. Славно, по всей вероятности, древнейшее поселение тех колонистов, которые, по слову летописи, тут «своим именем прозвашася» словене, славяне. Самое слово «славянин» образовано, как «горожанин», «киевлянин» etc. К северу от Славенского конца примыкал вниз по Волхову Плотницкий конец, а мост через Волхов вел на Софийскую, западную сторону Новгорода, в Детинец — деревянный город (*tête de pont*), возникший, вероятно, тоже при Ярославе, который позднее, когда он сам княжил в Киеве, а Новгород держал сыном Владимиром, соорудил тут храм св. Софии премудрости божией. К Детинцу с юга примыкал Гончарный, или Людин, конец; название «Людин», по-видимому, древнее Гончарного. Такова, по всей вероятности, основная часть Ярославова Новгорода. Северо-западная часть Новгорода, Неревский конец, иногда в источниках называется Неревским Загородским, в чем можно видеть след позднейшего вступления его в состав собственно городских концов; а Загородье — на запад от Детинца — концом (Загородским) стало только в XIV в.

Названия Плотницкого и Людина концов — бытовые, так сказать, профессиональные термины. В них память о зависимом повинностном отношении этих поселков к городу и княжеской власти. Слово «люди» в древней Руси всегда означало низшее население, массу подвластную в противоположность свободным «мужам». Позднейшая свобода мужей новгородских почти убила память о первоначальном положении «плотников» и «гончаров», «людей» перед княжеской властью; только в живучей антипатии демократических концов против боярского Славенского конца остался его след. Однако мы все-таки знаем, что с обывателей Новгорода собиралась дань «мира деля» на содержание и новгородской (одна треть) и киевской (две трети) дружин; знаем, что на них лежали и издельные повинности, например «мостовая», т. е. ремонт волховского моста, и «мощение» всего Новгорода по «Уставу Ярослава о мостех».

Повинности эти (мостовое и, конечно, городовое дело) распределены были по «улицам», которые в Новгороде служили единицами административного деления Новгорода и составляли особые общины, так сказать участковые, а доставка материала для «большого моста» и работа на нем — по «сотням». Сотня тут — деление городского населения на организации ради целей управления (судебно-полицейского) и отбывания повинностей. Любопытно отметить, что в Уставе о «городских мостех» эти «ста» перечислены по именам их сотских (Довыдже сто, Слепцово, Бовыково, Олексено, Ратиборево, Кондратово, Романово, Сидорово, Гаврилово, а одно «княжое», вероятно «княжих людей», подобно участию

«владычных людей» — изгоев — в мостовой повинности?). Конечно, Устав дошел до нас в весьма поздней редакции, но все-таки в нем отразились отношения очень архаичные, так как в XII в. подобная организация повинностей в Новгороде, когда он «вечевым» стал, была уже невозможна и перешла в «сгон крестьян», смердов новгородских, на новгородские городские работы.

Дань и повинности издельные в пользу главного города, т. е. утвердившейся в нем княжеской власти, лежали в древности на пригородах. Свидетельства об этом у нас только чисто литературные, отразившие пережиток воззрений на приниженную роль пригорода. Так, например, киевляне поносят новгородцев перед боем между Святополком и Ярославом: «А вы, плотники суще, а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ». Так, ростовцы еще в XII в. утверждают, что могут «сотворить» с Владимиром Залесским, «како им любо», потому что «Владимир есть пригород наш», и грозятся: «Пожьемъ и, паки ли посадника в немъ посадим: то суть наши холопи каменъници»^{166*}. Довольно ясно указывает это употребление терминов «плотники», «каменьщики» как бранных и уничижительных на традицию повинностного отношения пригородов к власти главного города. След крепкой подвластности пригородов сохранился даже в вечевой период истории Новгорода и Пскова: Новгород назначает по своему произволу посадников и нарядчиков в пригороды, штрафует их за самосуд, считая «народоправство» лишь своей привилегией, а Псков делит пригороды по жребю между своими «концами». Впрочем, в эти позднейшие народоправческие времена тягость дани и повинностей уже переложена с горожан и пригорожан на сельское население. Таков естественный результат политического освобождения городских общин от подавления городских «людей» властью князя. Дань и повинности — черты именно княжеского властвования, так что в «вольном» Новгороде, когда собиралась дань со всего населения («черный бор»), она шла князю, и данные люди, смерды новгородские, были долго под особым княжеским управлением («блюдение смердов» — особый долг новгородского князя). Так, в запоздалых, пережиточных отражениях позднего времени сохраняются следы древнего строя «городовых волостей». Однако вернемся в Новгород, когда там княжит Ярослав под рукой киевского Владимира.

Скандинавские саги хорошо знают новгородского Ярослава. При Владимире, который собрал заново северные силы для подчинения себе киевского юга, обновилась связь Новгорода с заморскими варягами, но характер варяжского движения на Русь резко иной, чем в старину. Теперь, при Владимире и Ярославе, на Руси сильная, организованная княжеская власть, и варяги, отдельные авантюристы или целые дружины, являются наемными «гридями» русского князя (недаром и новгородская дружина названа этим скандинавским словом — *gridmenn*). Ярослав двор

полон варяжских выходцев. Ярослав женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олава Шётконунга, а по смерти ее в 1051 г. она погребена в храме св. Софии в Новгороде. На Руси ее звали Ириной, а перед кончиной она приняла иночество с именем Анны. Саги изображают ее подлинной владычицей на Руси, а Ярослава, не без иронии, — только «начальником дружины». Не случайно ее погребение в новгородском соборе. Тут, в Новгороде, — родимое гнездо варяжского двора Ярослава. Сага об Олаве Святом сохранила сведения о наемной варяжской дружине в Holmgard — Новгороде с указанием и на условия службы — $1/2$ öge на человека, полное содержание, одежда; новгородская летопись указывает, что варяжская дружина жила в особом дворе — Поромонь двор. И сага, и летописи сообщают о резко враждебных отношениях между варягами и новгородцами. «Варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ», — сообщает летопись, а сага об Олаве повествует, как Олав в ссоре убил какого-то «Клеркона», а народ собрался, требуя смерти убийцы, но княгиня вступилась за Олава и готова была защищать его своими слугами, князь выступил посредником и свел дело к примирению, т. е. к замене кровной мести уплатой виры, которую за Олава уплатила княгиня^{167*}. Варяжский пришлый элемент тут новый, недавний; это не «русские», а «заморские» варяги. Против них местное общество, во главе которого в рассказах о Ярославе выступает новгородское боярство, княжи мужи — огнищане, местная, не наемная, а постоянная дружина князя. Не «варяги» посадники новгородские времен Владимира и Ярослава, Добрыня и сын его Константин Добрынич, хотя, может быть, и прав А. А. Шахматов, предполагая для Добрыни происхождение от старого «варяго-русского», т. е. ославянившегося рода^{168*}. С этих пор подлинно варяжский элемент выступает случайным и наносным, а старые, довлاديمовы варяжские элементы нераздельно слиты в одно целое с славянским обществом в одно русское общество.

Мы не имеем никаких данных для изучения того, как сложилось и окрепло это местное новгородское общество, но ход дальнейших новгородских событий показывает, что оно стало во времена Ярослава серьезной политической силой, имело решительных вождей среди княжого боярства, решительно и успешно отстаивало свои интересы против нового варяжского засилья и не только заставило князя считаться с собой, но и добилося важных уступок от княжеской власти. Первые выступления местной новгородской общественной силы связаны с тревожными событиями, какие разыгрались на Руси по смерти князя Владимира Святославича (1015 г.).

«Хотяшу Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего, но богъ не вдасть дьяволу радости»^{169*}, — Владимир разболелся и умер, как, судя

по тону, писал, согласно критике текста у Шахматова, новгородский книжник-летописец. Север отложился от киевской власти, опираясь на «заморских» варягов и, как далее увидим, еще более на местные новгородские силы. А на юге отношения были сильно запутаны, источники же наши дают указания неясные и частью противоречивые. Шахматов полагает, что Святополк «сидел» в момент смерти Владимира в Вышгороде. Основание такого представления в том, что вышгородцы выступают в дальнейшем главной опорой Святополка. Но это толкование весьма сомнительно. Нет, думаю, никаких оснований предполагать, будто Вышгород был «стольным» городом, куда Владимир «посадил» бы Святополка, сняв с него недавнюю опалу. Вышгород вообще на каком-то особом положении в составе киевских владений. При Святославе это «градъ Олзинъ»: небольшой по объему городок на высоком холме, с крутым обрывом к Днепру, а с другой стороны ограниченный балками и оврагами от остальной прибрежной возвышенности; покатым южным склон был укреплен рядом валов. Это типичный княжеский городок, по-позднейшему сказать — дворцовый. Тут, в Вышгороде, киевские князья, как и в подгородном княжеском селе Берестове, больше дома, чем в самом Киеве. Сюда они ездят на «потеху» — «ловы дѣяти», тут отдыхает больной князь, тут иные и умирают. В Вышгороде иногда князья предпочитали держать заключенных; вероятно, тут жил в годину смерти отца Святополк под надзором, но, может быть, на свободе, отбыв «in singulari custodia» [«в одиночном заключении»], как сообщает Титмар Мерзебургский, отцовскую опалу. Он успел завязать отношения с «вышегородскими боярцами», подготовив себе партию на случай смерти отца⁵⁹.

Мы не знаем ничего определенного о каких-либо предсмертных распоряжениях Владимира. Но есть серьезные основания думать, что он прочил себе в преемники на киевском столе Бориса. Такое намерение сказывается в известиях, что Борис жил при престарелом отце, что ему отец передал командование киевской дружиной и поручил за себя вести борьбу с печенегами. Мне уже приходилось указывать основания, по которым Бориса можно считать сыном от последнего (второго, христианского) брака Владимира с какой-то болгарыней. Если такое предположение признать правильным, то и намерение Владимира передать главное преемство после себя вполне в духе воззрений эпохи. Семья, по этим воззрениям, состоит из отца, матери и детей. Резко сознавалось различие единоутробного братства от братства сводного, «мачешина», от родного брата. Притом в гражданском быту обычно было воззрение, выраженное, например, в статье Русской Правды: «а дворъ безъ дѣла отень всякъ младшему сынову». С другой стороны, в древнейших семейно-правовых воззрениях мы не находим сколько-нибудь определенного представления о преимуществах права первородства, преимуществах

старшего сына перед остальными. Да если бы они и были, их перенос на отношения разносемейных сыновей не соответствовал бы господствующим понятиям, по которым настоящая семья — единоутробная: так, Ярослав Владимирович, наставляя в летописном рассказе сыновей, говорит им: «Вы есте братья единого отца и матери». Так, указанные намерения Владимира не противоречили семейно-правовым понятиям его времени, а лично у него могли еще укрепиться раздорами его со старшими сыновьями. Но эти планы были разбиты решительным выступлением Святополка. Летописные рассказы о дальнейших событиях уже окрашены позднейшей точкой зрения, требовавшей идеализации облика св. мучеников Бориса и Глеба и обличения Святополкова «окаянства». Исторически можем себе поэтому представить ход событий лишь в самых общих чертах. В момент смерти Владимира Борис с дружиной отца и киевским войском возвращался из бесплодного похода, «не обрета печенег». Боевая сила была в его руках, но Киев успел занять Святополк, который «сзывает кыяны и нача даяти имъ имѣнье», а сам «сѣде Киевѣ по отци своемъ». Кыяне недоумевали, как быть, видимо, только потому, что «братья ихъ бѣша с Борисомъ». Весть о занятии стола киевского Святополком и успокоительные его присылки к Борису парализовали энергию последнего, а дружина отня и вои киевские его покинули. Но Святополк решил отделаться от него, и Борис убит подосланными убийцами. Погиб и Глеб, а вслед и Святослав, правивший Древлянской землей, по дороге в «Угры», куда пытался бежать. Завязалась борьба за единство отцовского наследия, за владение всей Днепровской Русью, которая разыгралась по смерти Святослава Игоревича и назревала еще при жизни Владимира в его столкновениях с сыновьями. И снова поднялся новгородский север в союзе с варягами и решил спор в пользу своего князя.

События 1015/16 г. — чрезвычайно важный момент в истории Новгорода и Киева. Документальных сведений о них у нас нет. Имеем только летописные рассказы, и то в позднейшей редакции Повести временных лет и Новгородского летописного свода, да сказания житийного характера об убиении Бориса и Глеба, а еще известия польских летописцев и некоторых западных хроник.

Впрочем, есть основание думать, что в основе наших летописных рассказов лежат записи современные или почти современные. Один из важнейших выводов работы А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших летописных сводах» — установление момента возникновения древнерусского летописания и в Киеве, и в Новгороде при Ярославе. В частности, возникновение новгородского летописания Шахматов связал непосредственно с событиями 1015/16 г. События эти пробудили самостоятельную политическую жизнь Новгорода и вместе с тем его историческую письменность. Однако первоначальный текст записей до нас не дошел, а вошел

в состав Новгородского свода и Повести временных лет уже скомбинированной редакцией из новгородских и киевских источников со значительной путаницей порядка событий и кое-какими добавками, домыслами сводчиков. Только сопоставляя их между собой и с западными источниками, можно выяснить их порядок.

Момент кончины Владимира застал Ярослава готовым к войне с отцом. Он «кормил» у себя много варягов, призванных «из-за моря»; но поход не состоялся, а варяги начали «насиле дѣяти новгородцамъ и женамъ ихъ», чем вызвали восстание. Ночью новгородцы напали на Поромонъ двор, где жила наемная варяжская дружина, и перебили ее, воспользовавшись отсутствием Ярослава, который был в ту ночь на Ракоме, в пригородном княжьем селе. Ярослав вернулся и отомстил — призвал будто для переговоров — и избил у себя на дворе — кого? Новг. I летопись дает текст: «Собра вои славны тысящу, и обольстивъ ихъ исъче, иже бяху варягы ти исъклѣ, а друзии бѣжаша изъ града». Повесть временных лет: «и позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху исъкли варягы и обльстивъ я исъче»^{170*}. А. А. Шахматов восстанавливает (по-моему, неудачно): «и позъва къ собѣ нарочитыя мужа, иже бяхуть исекли Варягы и обльстивъ я, исече вои славныхъ тысящу, а друзии бежаша из града»^{171*}. А. А. Шахматов сливает, подобно сводчикам-летописцам, две записи. По-моему, выражение киевского книжника «нарочитые мужи» есть перевод слов новгородца «вои славны тысящу», что не значит 1000 славных воев, а нечто иное, указывающее на весьма важный факт существования рядом с наемным отрядом заморских варягов местной новгородской военной организации. Ведь и на юге — несколько позднее — встречаем название народного городского ополчения «тысячей», а по «Уставу Ярослава о мостех» знаем о существовании в Новгороде десяти «сот», т. е. сотен. Название этих сот по личным именам показывает, что едва ли их «сотские» были выборные. А что первоначально сотни имели военное значение, видно, например, из такого известия: «нача [Ярослав] вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 всѣмь»^{172*}.

Ярослава дружина наемных варягов стоит рядом с новгородской военной силой, во главе которой новгородское боярство — огнищане князя, очевидно, смешанного варяжского (обруселого) и славянского (местного) происхождения. Эта новая антитеза туземно-новгородского и пришлого скандинавского элементов вызвала взрыв местного самосознания и первых проблесков новгородской политической самостоятельности. Впрочем, А. А. Шахматов устанавливает путем тщательного анализа старейших летописных текстов кое-какие признаки, судя по которым такая самостоятельность старше событий 1015/16 г. Так, новгородскую запись: «и посади [Владимир] Вышеслава Новѣгородѣ; умершу же Вышеславу, посадиша Ярослава», — он так толкует: «воз-

можно, что Ярослав был приглашен на стол самими новгородцами», а в другой записи: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающую Киеву 2 тысящи гривенъ отъ года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху»^{173*}, — видит указание на то, что и в этих делах Ярослав не один действует, а при участии «людей новгородских». Вождей этой новгородской «тысячи» — нарочитых мужей — и избил Ярослав в отместку за избиение своей наемной дружины на Поромоне дворе. Это столкновение хорошо освещается упомянутыми скандинавскими сагами, которые так резко подчеркивают зависимость Ярослава от заморской варяжской силы.

И как раз в момент такого разрыва Ярослава с новгородцами пришло известие о гибели его братьев от руки Святополковых сторонников. Ярославу грозила личная опасность, Новгороду — подчинение враждебному, во всяком случае, чуждому князю. А у них была ведь почва для примирения и объединения в общих интересах: незадолго перед тем Ярослав взял на себя почин освобождения Новгорода от дани Киеву. Примирение и состоялось — Ярослав «сотвори вѣче на поли», вне города, потому что новгородцы были настроены недоверчиво, и убедил их поддержать его в борьбе с братом. Ярослав с новгородцами и варяжским отрядом (видимо, вновь призванным по сбору дани в Новгороде) пошел на Святополка, победил его и занял Киев. Святополк бежал «въ Ляхы», откуда вернулся с Болеславом и польской помощью. Ярослав был в Киеве захвачен, видимо, врасплох, потому что бежал сам-пят в Новгород, а его мачеха и сестры попали в плен к Болеславу. По новгородскому известию, Ярослав, прискакав в Новгород, «хотяше бѣжати за морѣ». Видно, он заморских варягов считал главной своей опорой. Но посадник, назначенный Ярославом при уходе на юг, Константин Добрынич, сын Добрыни, стало быть, двоюродный брат Владимира Святого, с новгородцами его не пустили, а решили сами организовать борьбу с Болеславом и Святополком. Новый поход закончился полным успехом — побежденный Святополк бежал «в печенѣгы», а «Ярославъ иде Киеву и сѣде на столѣ отца своего Володимира».

Новгородский рассказ об этих событиях заканчивался известием о крупной раздаче денег новгородцам и сообщением, что Ярослав «давѣ имѣ правду и уставѣ списавѣ тако рекши имѣ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахѣ вамѣ, тако же держите». В дошедших до нас летописных сводах за этим сообщением идет Русская Правда. По А. А. Шахматову, первоначальное составление новгородской летописи и было вызвано потребностью «закрепить писанием в летопись тот „учредительный“ акт, который даровал Новгороду Ярослав, провожая в 1016 г. из Киева посадивших его на великое княжение новгородцев»^{174*}. Она до нас не дошла. Ведь Новг. I летопись дошла до нас в поздних списках и редакциях, испытавших сильное влияние руководящей роли

в летописном деле московского митрополичьего двора, и потому А. А. Шахматов полагает, что замена старой Ярославовой грамоты Русской Правдой произошла «по соображениям не литературным, а политическим». А. А. Шахматов полагает, что большое значение этого акта в жизни Великого Новгорода побудило епископа Иоакима Корсунянина в 1017 г. озабочиться составлением летописи, куда занесены сведения о крещении новгородцев, построении первых церквей, управлении Владимира через Добрыню и сыновей, о событиях при Ярославе, объясняющих, как добыта первая княжая грамота Великому Новгороду.

Но вскоре Ярослав свел отчасти счета с руководителями новгородского движения. «И потомъ разгневался Ярославъ на Константина и заточи ѿ»; позднейшие своды (Соф. I, Воскр.) сохранили известие, что Константин Добрынич сослан в Ростов, а на третий год убит по повелению князя в Муроме; это запись старая, новгородская. Такая же запись, сохранившаяся в позднейших сводах, сообщает о второй грамоте Ярослава Новгороду под 1036 г.: «Ярославъ посади сына своего Володимера Новѣгородѣ и епископа постави Жидяту (Луку), и людемъ написа грамоту рекъ: по сей грамотѣ дадите дань»⁶⁰. А с этими двумя Ярославовыми грамотами новгородцы позднее связывали основы своей политической свободы. По утверждению в 30-х годах XII в. выбора посадника и тысяцкого, до того назначавшихся князем, и вечевой самостоятельности сложилось представление, которое и суздальский летописец высказывает под 1169 г. (Лавр.): «Яко издавна суть свобожени новгородци прадѣды князь нашихъ», а в XIII в. князья, которых новгородцы принимали к себе «на всей воле новгородской», целовали им «крест» «на всех (?) грамотах Ярославлих». К сожалению, содержания их мы не знаем. Осторожные ученые, с Соловьева и до А. А. Шахматова включительно, полагают, что это содержание не имело никакого отношения к содержанию Русской Правды, что, вероятно, новгородцы получили лишь «финансовую льготу», т. е. уменьшение дани (согласно 1036 г.). Действительно, несколько сбивчивые замечания летописей об этой новгородской дани говорят по поводу дани, установленной Олегом, что она равнялась 300 гривнам, «яже и ныне дают» (Новг. I) или «еже до смерти Ярославль даяше варягомъ» (Лавр.) и «яже не даютъ» (Ипат.). Тут можно видеть указание, что при Ярославе дань новгородская взималась, но в 10 раз меньшая, чем при Владимире (3 тысячи), а также, что при его сыновьях она вовсе прекратилась (быть может, прекращена в 1017 г., восстановлена в таком уменьшенном размере в 1036 г.). Но если бы к этому сводилось все содержание Ярославлих грамот, странной была бы их роль как «хартии новгородской вольности», которой так дорожили новгородцы в эпоху установления своего народоправства.

Восстановление полного содержания этих грамот, конечно,

вовсе невозможно по нашим материалам. Конечно, если, как указано А. А. Шахматовым, в одном летописном тексте XVI в. о Ярославе говорится: «дать им судебную грамоту, почему им ходити», то это, всего вероятнее, просто отражение того, что в подлинных сводах на месте Ярославлей грамоты 1017 г. стояла Русская Правда. Но трудно, казалось бы, сомневаться, что грамота подлинная содержала какие-либо не финансовые только, а и правовые определения. Я думаю, что кое-какие черты этих определений можно найти в древнейшей части Русской Правды — в первых 17 статьях краткой ее редакции. Распространение ее гарантий на «русина и словенина» — важное правовое приобретение времен Ярослава — дело явно новгородское. По-видимому, оно обусловлено сближением новгородского боярства (огнищан) с городскими общинами Новгорода против засилья заморских варягов. Если признать, что я верно понимаю этот момент, то важно его значение и в истории древнерусской княжеской власти. Князь как «начальник дружины» имел в этой «дружине» круг лиц, ему служащих, его огнищан-домочадцев, его гридей, княжих мужей и слуг двора княжого, «отроков», — словом, особый круг лиц, находившихся под особой его, князя, опекой. Все они считались двором (огнищем), домом князя. Отсюда два следствия. С одной стороны, эта «княжая община» стояла обособленно в общине городской (народной) и столкновения между ними были столкновениями двух замкнутых и обособленных миров: весь строй древней жизни вел к тому, что каждая общинная единица — семья (дворище), группа родичей (род) и соседская община (вервь) были своего рода союзами взаимопомощи, взаимной защиты. Они защищали жизнь и имущество своего сочлена, хотя [и мстили] за его убийство кровной мезтью, но и защищая его, если он сам совершит насилие против мести чужаков. Лишь постепенно вырабатывалась замена кровной мести и иного самоуправления соглашениями о замене ее денежной (имущественной) уплатой, покупкой мира (с обрядом примирения — покоры).

Такую же отдельную организацию в ряду других представлял собой и княжой двор с тем отличием, что все его дела касались князя. Поэтому месть за убитого кем-либо княжого человека превращалась в акт карающей княжеской власти, а попытка мести княжому человеку наталкивалась на причастность к такому вопросу князя как покровителя своих людей и потому должна была вырождаться в жалобу князю на дружинника-насильника. Тогда князь выступает в другой роли установителя «наряда», общего мира, охраны общественного мира и порядка. Как верховный посредник в столкновении он определяет вознаграждение потерпевшему и кару виновному. Но такова лишь одна сторона дела. А с другой, если каждая община — городская, соседская, семейная — жила своим обычаем, улаживая внутренние дела и трения судом и расправой своих старших, то княжое огнище также

управлялось своим обычаем, какой вырабатывался в его среде и находил поддержку в «начальнике дружины» — «князе». Я вижу в древнейшей части Русской Правды черты такого дружинного права, но эти нормы получили тут уже более общее значение, так как новгородцы добились признания той же княжеской защиты, как средства ограничить самоуправство дружины в ее столкновениях с местным населением. Если так, то княжеская власть впервые при Ярославе сперва на новгородской почве получает характер правительственной власти и князь из «начальника дружины» становится «земской властью». Конечно, это только гипотеза, но, по-моему, она естественно вытекает из данных отношений эпохи. Момент этот соответствует и внешнему факту — выходу княжеской власти из Городища на Ярославов двор в Славенском конце, близ Торга.

Как бы то ни было, в Новгороде Ярослав нашел опору для захвата власти в Киеве. Из братьев только Мстислав остался ему соперником, да и в Полоцке княжат местные князья линии Изяслава Владимировича. Остальные Владимировичи, неведомо как, сошли с исторической сцены. Только кое-что мы узнаем о судьбе Судислава. По-видимому, старые записи сохранили лишь указания на то, что «всади Ярославъ Судислава в порубъ брата своего, Плесковъ, оклеветанъ к нему», откуда редакторы позднейших летописных сводов заключили, что Судислав посажен был княжить в Пскове Владимиром Святым (Соф. I, Воскр.). Повесть временных лет отнесла заточение Судислава к 1036 г.; лишь по смерти Ярослава «Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрья своего ис поруба сидъ бо лѣтъ 20 и 4, заводивъше кресту и бысть чернцемъ». Но с Мстиславом дело было труднее. Его Повесть временных лет считает сыном Рогнеды, старшим Ярослава, вторым сыном после Изяслава Полоцкого. Его Владимир послал в далекую Тмутаракань — владение на Таманском полуострове, столь непонятное до сих пор для русских историков. Ведь еще во второй половине XI в. Тмутаракань — русская волость точно «остров за половецким морем», по выражению Грушевского. Волость Мстислава представляет себе Грушевский состоящей из нижнего Подонья, крымских и кавказских волостей. По византийским известиям, в устье Дона существовал «русский порт», Ῥωσία; есть указания, что во времена Владимира восток Крымского полуострова с Корчевом — Керчью — был под властью киевского князя, а «кавказские волости» — это область Тмутаракани — греческой Ταμатарχα на месте греческой Фанатории. Здесь, в стране обезов (абхазцев), Русь точно на чужбине, оторванная от своей базы. Как забрела сюда русская власть? Иные, например А. А. Спицын, готовы отрицать сколько-нибудь значительную русскую колонизацию в Тмутаракани и считать Мстислава только своего рода «варягом», которого призвали обезы для защиты от соседей, касогов и зихов⁶¹. Спицын даже

пытался установить, что летописную Тмутаракань надо приурочивать не к Тамани, а к устью Дона и отождествить с «русским портом», который тут указан греческими источниками, но в конце концов кажется, отказался от этого мнения⁶². Грушевский собрал все данные в пользу признания прочной власти и прочной русской оседлости в Тмутаракани⁶³. И ее русский характер остается фактом, как бы ни трудна еще была для полного выяснения «тмутараканская загадка». Роль Мстислава — охрана русской власти на юго-восточной окраине, слабевшей под все большим напором печенегов на Южную Русь и от засорения путей к Тмутаракани по суше. Его борьба с осетинами (ясами) и касогами (горное племя — черкесы, кабарда?) укрепила еще на столетие русское господство в Тмутаракани.

Утвердившись в Киеве, Ярослав не сразу примирился с отходом Полоцкой земли в особое владение Изяславичей. Брячислав полоцкий напал было (1021 г.) на Новгород, «зая Новгород» и ушел, забрав новгородцев и имение их, но подоспел из Киева Ярослав, разбил его на реке Судомири, отнял полон новгородский. Известия об этом столкновении разбиты и разрозненны. Позднейшие своды (Никоновский) вычитали в своих источниках, что Ярослав, мирясь с Брячиславом, уступил ему Витебск и Усвят. Возможно, что, как и поминают скандинавские саги, Ярослав сперва отнял у полоцкого князя эти волости (Эймундова сага говорит о «соседних с его краем селах и городах»), так что почин нападения шел от Ярослава. Это подходило бы к моменту: утвердившись в Киеве, Ярослав, подобно Владимиру, стремился овладеть всей Русской землей. Но с Брячеславом пришлось помириться ввиду более серьезной опасности от Мстислава. В 1023/24 г. Ярослав был занят на севере, где разыгралось народное волнение из-за неурожая и голодовки — языческое движение под внушением волхвов, которое Е. В. Аничков так сильно выдвигает в своем труде «Язычество и древняя Русь».

А в это время завязалась и борьба Ярослава с Мстиславом. Мстислав начал ее с хазарами и касогами, пытался захватить Киев, но «не прияша его кыяне»⁶⁴, он же пошел от Киева и «сѣде на столѣ Черниговѣ», собрав для дальнейшей борьбы северянское ополчение. Это первое наше известие об организации определенной власти в Чернигове над Северной землей, к которой и впредь тянет также Посеймье и Подонье с Тмутараканью. Ярослав как обычно «посла за море по варягы» и призвал целую их дружину с Якуном (Хаконом). Летописи рассказывают о победе, не очень решительной, Ярослава при Листвене^{175*} (к северо-западу от Чернигова); но «не смяше Ярославъ ити в Киевъ, дондеже смириастя». Мстислав засел княжить в Чернигове, Ярослав же — в Новгороде, а в Киеве «бѣяху... мужи Ярославли». Этот факт, сохраненный в Повести временных лет, опять подчеркивает, что центр силы Ярослава и его главная опора — на севере, в Нов-

городе; лишь через год Ярослав «совокупи воя многы и приде Киеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мьстиславомъ у Городья»; помирились на том, что они разделили по Днепр Русскую землю; Ярослав «прия сю сторону, а Мьстиславъ ону». И долго живет среди русских князей традиция такого раздела Русской земли Днепром на две «стороны» — восточную и западную.

Ярослав сосредоточил свои усилия на укреплении за собой западных пределов. Ходил он на чужь и поставил город Юрьев на реке Онбоже (Эмбах) на запад от Чудского озера для обороны Псковской волости; и на севере по усмирении «восстания волхвов» в Поволжье начал систематическое покорение севера (1032 г. — поход Улеба на заволоцких финнов, 1042 г. — Владимира Ярославича на ямь); взял Белз и ходил на ляхов с помощью Мстислава, чтобы вернуть Руси червенские города, захваченные Болеславом; укрепляет и заселяет бассейн реки Роси, отодвигая от Киева южную границу.

По смерти Мстислава (бездетного: сын его Евстафий умер раньше), в 1036 г., «перяя власть его всю Ярославъ и бысть самовластецъ Русьстѣй земли», — так оценивает этот момент книжник XI в. Тогда же Ярослав и брата Судислава «всади в поруб».

Этот период борьбы закончил образование территории Киевского государства. Как видите, ее центр больше в Новгороде, чем в Киеве. С большой постепенностью и в несколько приемов — от Олега до Ярослава — завершается утверждение за Киевом значения «матери городов русских». Только в 1037 г. может Ярослав развернуть тут свою деятельность организатора. Киев он застал в виде небольшого укрепленного города на «горе Киевской»; еще то место, где он соорудил соборный храм св. Софии премудрости божией, «бѣ тогда поле вне града». Ярослав «заложил городъ великий», Золотые врата с Благовещенской церковью на них, потом церковь св. Ирины (мира) и монастырь св. Георгия. Княжеская власть при нем вышла из Городища в Новгород — на Ярославово дворище, так и в Киеве она вышла из малого города ^{176*}, становясь земской, городской властью.

Время киевского княжения Ярослава (1036—1054 гг.) — решительная эпоха в истории политического и церковного строя Киевской Руси.

Основы гражданской и правительственной организации, сложившиеся в Новгороде, перенесены на юг. Новгородская Правда стала Русской Правдой. Традиция старых списков Русской Правды указывает на ряд правовых норм, восходящих к установлениям Ярослава: «То ти урок Ярославль», «Суд Ярославль Володимеричь, а ино все якоже Ярослав судил, тако же и сынове его уставиша», «а се покони вирни и были при Ярославе» и т. д. У нас нет серьезных оснований подозревать историческую верность этой традиции ^{177*}. [А традиция эта снова приводит нас к пресловутому вопросу о «происхождении Русской Правды». Различие

вопроса о «записи» и о происхождении самого права, слияние «дружины» с городской общиной в общем правовом строе и обособленность «дружины» от народной общины. Генезис норм Русской Правды — «покон вирный», разнородный состав норм. Компромиссный характер старейших княжих «уроков» и «уставов»: соглашение с дружиной и с населением. Суд князя. Народно-обычное и княжеско-уставное (996 г.) право].

Что сделано Ярославом? Трудность реставрации княжого управления при Владимире и Ярославе — в крайнем недостатке источников прежде всего для представления о порядке народного быта, который князья нашли существующим при утверждении своей власти на Руси. В первой половине своего курса я подробно разъяснял, почему считаю невозможным признать общепринятое воззрение, будто на Руси чуть не в VIII в. сложился уже законченный строй «городских земель-областей», в который явились «призванные» князья как «наемные» защитники земли. След «земской» власти, стоящей рядом с княжескими властями, видят обычно в «старцах градских» или «старейшинах по градомъ», о которых упоминают рассказы про Владимира. Рассказы эти, как они сохранились в Повести временных лет, упоминают о пирах Владимира, на которые он созывал людей, названных раз так: «боляры и старцы градские», другой раз так: «боляры своя и посадники, старѣйшины по всѣм градомъ» (и старейшины), а третий раз так: «боляре и гриди и сотские и десятские и нарочитые мужи», и еще: «боляры своя и старѣйшины своя, и посадники своя по всемъ градомъ своимъ». В этих «старцах» думают видеть руководителей местного общества, то богатых представителей торгового капитала (Ключевский), то землевладельцев (Владимирский-Буданов). Но с этой терминологией надо обращаться осторожно. Три приведенных текста приходится рассматривать как параллельные, а тогда «старцы градские» окажутся истолкованными в терминах «посадники» и «сотские».

Строить на этой терминологии представление о «земском боярстве» в отличие от «княжого боярства» слишком смело, так как такого противопоставления не знает древняя Русь, как и самого термина «земский» в применении к боярину или иному «нарочитому мужу». Исторически мы имеем дело только с княжими мужами, княжескими посадниками; если отличать от них «старейшин по градомъ», то основание для такого отличия можно найти, например, в рассказе об осаде Белгорода печенегами, где под 997 г. белгородские «старейшины градские» упоминаются во множественном числе. Но и тут это должностные лица, управляющие «людьми», и прежде всего должностные лица городские; никакого прямого отношения их к земле и ее населению мы не видим. В рассказе летописи о борьбе Ярослава новгородского с Святополком в Новг. I видим старост, которые отличны от смердов тем, что получают от Ярослава по 10 гривен, тогда как смерды

по гривне; они равны в получении по 10 гривен новгородцам. И правильнее представлять их себе новгородскими начальниками ополчения смердов, чем их «представителями»; это более соответствует сильной власти главного города, с тех пор как в нем утвердилось княжеское над пригородами и сельским населением. Ведь немногим позднее мы видим ослабление этой зависимости пригородов, ее сравнительно слабые пережитки в традиции русского севера — новгородского и ростовского, а на юге, в Киевщине, власть главного города над второстепенными городами всецело в руках князя и даже термин «пригород» к ним вовсе не применяется.

Общий исторический вывод, на котором я настаиваю, — невозможность вывести княжеско-дружинный строй, а также исторически нам известный строй городских областей, земель-княжений, из племенного быта как продукт его органической эволюции. Разрушение племенного быта напором новых княжеско-дружинных сил было настолько полным, что наши исторические источники о нем не сохранили сколько-нибудь ясных свидетельств. А это значит, что его формы были слабо развиты, что отнюдь не научным является весьма распространенное у нас представление, будто «князья-варяги застали везде готовый государственный строй» (Владимирский-Буданов). Все основные элементы этого строя — значение главного города, «военно-правительственная старшина» (термин Ключевского), сотские и сотни, — все это является новообразованием на развалинах племенного быта, созданным деятельностью княжеской власти. О происхождении и характере веча поговорим особо, когда с ним исторически встретимся. До смерти Ярослава о нем и помину нет.

На основах, заложенных Владимиром, Ярослав завершил строение Киевского государства. Он правит подвластными городами через посадников или сыновей своих, заново стягивая власть над всей Русью к киевскому центру. Только Полоцкая земля осталась отрезанным ломтем, особой вотчиной «Рогволожих внуков», местной княжеской династии *.

Таким же завершителем организации Киевского государства выступает Ярослав и в церковных делах. В 1037 г. Ярослав заложил соборный храм св. Софии премудрости божьей, в 1039 г. состоялось его освящение (надо принять эту поправку к странной ошибке Повести временных лет, будто в 1099 г. «священа бысть церковь святых Богородица, юже созда Володимеръ, отец Ярославль», митрополитом Феопемптом). Этот момент совпал с установлением митрополии русской, вошедшей в состав константинопольского патриархата. «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы», — восхваляет его книжник-летописец, подчеркивая заслугу уставной организации церковного управления по греческому образцу. «И церкви ставляше по градомъ и по местомъ, поставляя попы и дая имъ урокъ отъ имения своего». «При семь нача вѣра

христьяньска плодитися и расширяться, и черноризьци почаша множитися, и манастиреве починаху быти»^{178*}. Мы уже видели в прежнем изложении, как трудами Приселкова, Никольского выясняется подлинный перелом в ранней истории русской церкви и древнерусского христианства с переходом власти в руки Ярослава. Русь тесно примыкает к Византии, к ее церковным и культурным влияниям (Илларион). К тому же для постоянных сношений с Византией благоприятно складывались дела в степях.

В 20-х годах XI в. печенеги притихли; их сила слабеет, разлагается. Набег на Киевщину в 1036 г. — последний порыв их слабеющей энергии. С востока их теснила новая орда — узы-торки. Печенеги отброшены после победы над ними Ярослава к Дунаю и за Дунай, пока разгром их орды в 1092 г. половецкими ханами Боняком и Тугорканом не положил конец их историческому бытию. Их остатки частью поглощены половцами, частью вошли в состав Византийской империи. Эти поздние судьбы их изучены В. Г. Васильевским в труде «Византия и печенеги»^{65, 179*}. Укрепленная южная граница Руси продвинута южнее — с реки Стугны на Рось, где Ярослав построил город Юрьев.

Значительность окрепшей при Ярославе Киевской державы характеризуется широтой международных ее отношений. Особенно тесны связи скандинавские. Отсюда Ярослав призывал военную силу; у него живет Олав Святой с сыном Магнусом, вынужденный бежать из Норвегии (пока с русской помощью не вернулся к власти); при дворе Ярослава жил и Харальд — Hardgaade, будущий норвежский король, женатый затем на Елизавете Ярославне (не известной русским источникам)⁶⁶.

Известна Анна Ярославна, французская королева, супруга Генриха Капета, мать короля Филиппа I, по второму браку графиня де Крепи. Переговоры с Генрихом III, императором Священной Римской империи, о женитьбе его сына на дочери «русского короля» не увенчались успехом, но Святослав Ярославич женат на сестре епископа Бурхардта трирского, Изяслав Ярославич — на германской принцессе Гертруде; за какими-то русскими князьями были замужем дочери маркграфа саксонского Одона и графа штадского Монольда. Эти отношения показательны для места, какое Киевская Русь заняла в тогдашнем политическом мире^{180*}.

Лекция VIII

ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ В XI—XII вв. БОРЬБА СО СТЕПЬЮ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Предыдущее изложение было посвящено общему обзору тех элементов, из которых строилось Киевское государство: его этнографической основы — восточного славянства, создавшего характерные формы своего племенного быта по расселении в Восточно-Европейской равнине и вступившего в ряд сложных торговых, культурных, политических отношений, предопределенных международным положением этой территории, и тех учреждений, которые стали основными силами, творившими новую организацию: княжеской власти и дружины в их древнейшей форме и церкви в условиях ее водворения на Руси в первые времена по принятии христианства.

Теперь перед нами другая задача: изучить, по возможности, выросший на указанных основах исторический организм Киевской Руси.

Жизнь восточного славянства сильно усложнилась рядом новых элементов, и основная черта дальнейшего исторического процесса — их кристаллизация в новых формах социально-политического строя.

Анализу этих форм необходимо предпослать обзор внешних условий, в которых суждено было слагаться общественному и государственному быту Киевской Руси в течение XI—XII вв., так как их давлением определилось многое во внутренней жизни древней Руси. На первом плане среди этих внешних условий — борьба со степью.

Среди условий, вызвавших создание в Киеве сильной военной княжеско-дружинной организации, большую роль сыграла в свое время, как мы видели, печенежская опасность. Господство в южных степях печенежской орды продолжалось, однако, лишь до первой половины XI в.: к середине его они уже вытеснены дальше на юго-запад новыми пришельцами из Азии, и та «рать без переступа», которую пришлось вести с ними Владимиру Святославичу, была напором их на русские границы, который явился следствием необходимости отступать к западу перед восточным врагом. Энергичная военная деятельность Владимира, сумевшего привлечь для обороны Южной Руси северные силы новгородцев и кривичей и сконцентрировать около Киева все силы восточного славянства, построение им ряда укрепленных военных поселений-городов по южной и юго-западной границе отразили движение печенегов, свернувшее на юг, в дунайские земли.

В 20-х годах XI в. печенеги затихают. Их набег на Киевщину в 1036 г. — последний порыв замиравшей энергии. Дальнейшая судьба печенегов прослежена В. Г. Васильевским⁶⁷. Судьба отбросила их к Дунаю и за Дунай, в пределы Византийские, пока разгром их орды в долине реки Марицы в 1092 г. половецкими ханами Боняком и Тугорканом не положил конец их историческому существованию. Их остатки либо примкнули к половцам, либо вошли в состав служилых варваров Византийской империи.

По следам печенегов шли другие орды того же обширного турецкого племени — узы-торки и половцы. Торки сыграли роль лишь половецкого авангарда и как самостоятельная сила лишь мелькнули на русском горизонте. Борьба на два фронта — с печенегами, которых они теснили к западу, и половцами, которые их теснили с востока, — была не по силам этой сравнительно немногочисленной орде. И поход на них русских князей в 1060 г. нанес им, по-видимому, окончательный удар: торки, говорит летописец, убоявшись русской силы, «пробѣгоша и до сего дни и помроша бѣгающе, божимъ гнѣвомъ гоними, овии отъ зимы, друзии же гладомъ, инии же моромъ, судомъ божиимъ: и такъ богъ избави крестьяны отъ поганыхъ»⁶⁸.

Их дальнейшая судьба подобна судьбе печенегов. В 1064 г. они появляются на Дунае и переправляются на византийский берег грозой для Византии; но гроза эта, действительно, была рассеяна поразившими узлов бедствиями — голодом и эпидемией. Остатки их видим потом военными поселенцами в Малой Азии. Однако и с русского горизонта они ушли не бесследно. Тюркский элемент значителен в ряду тех турецких поселений на южнорусской почве, какие устраивали князья в Переяславщине, южной Киевщине, в Черниговщине, начиная с 60-х годов XI в., для усиления военной обороны границ против половцев. Эти турецкие колонисты русских земель встречаются под разными названиями: черные клобуки (каракалпаки), берендеи, турки, ковуи, торки, печенеги, половцы и играли позднее видную роль в истории Киевской Руси.

После этих событий на полтора столетия водворяется в черноморских степях господство половцев. Остатки печенегов и торков примкнули к ним, подчинившись половцеской власти, иногда переходя к Руси или пробуя даже восстать против новых владельцев степи.

Радость летописца по поводу гибели торков, что «богъ избави крестьянъ отъ поганыхъ», была преждевременна. Со следующего, 1061 г. идет ряд половецких набегов: в 1061, 1067, 1071 гг. Но особенно сильной становится половецкая опасность в 80-х и 90-х годах XI в.: половцы громят Переяславщину и Киевщину.

Русь в эту эпоху была еще достаточно сильна, чтобы внешние удары вызвали подъем энергии на решительный отпор. В начале

XII в. наблюдаем переход ее в наступление против степи⁶⁹. Под 1103 г. записан первый большой поход русских князей на половцев. Затем следуют три других — 1109, 1111 и 1116 гг. Все эти походы, созданные энергией и настойчивостью Владимира Мономаха, отбросили половецкие кочевья в область Дона, а про сына Мономаха и его преемника на киевском столе летопись говорит, что он «наслѣди отца своего отъ Володимера Мономаха Великаго» и, послав мужей своих, «загна Половци за Донъ и за Волгу, за Яикъ», — с обычным припевом: «и тако избави богъ Рускую землю отъ поганыхъ»⁷⁰.

По-видимому, половцы были действительно отброшены за Дон, и часть их ушла на Кавказ, так как известие летописи, что хан Сърчан жил на Дону в нужде, питаясь рыбой, а хан Отрок ушел в обезы, подтверждается упоминанием в грузинских источниках о пребывании Атерака, сына Шарукана, в Закавказье⁷¹. В 1120 г. другой Мономашич, Ярополк, ходил искать половцев в бассейн Донца и Дона: западнее их уже не было.

И по мере этих успехов все больше колен и племен выражают готовность служить русским князьям — торки, печенеги, половцы.

Но со смертью Мстислава Мономаховича (1132 г.) усиление до крайних размеров внутренней борьбы на Руси, княжеских усобиц позволило половцам снова придвинуть свои кочевья к западу. Их ханы снова начинают, как во времена Олега Гориславича, вмешиваться в русские дела, а с 60-х годов XII в. идет ряд известий о половецких набегах на русские области, а в 80-х и 90-х годах снова идет «ратъ без перерыва» до появления татар.

Этот сухой перечень внешних черт борьбы Южной Руси со степью сам по себе красноречив. В течение всего своего исторического существования древняя Киевщина была на боевом положении. В ее истории не было сколько-нибудь продолжительного мирного периода, который дал бы возможность сосредоточить все национальные силы на внутреннем строительстве. Велико общеисторическое значение Киевщины в истории тех веков: она стоит на рубеже европейского и азиатского мира, принимая на себя и упорно отражая удары турецких орд на север от Черного моря, как Византия стояла оплотом против натиска того же турецкого племени по южным путям в лице сельджуков, быстро расширявших свои завоевания в Малой Азии. Но за свое служение делу европейской культуры Киевщина заплатила ранним надрывом своих сил: огромная историческая задача легла на нее в эпоху, когда Киевская Русь была еще непрочно построенным, вышедшим из периода внутреннего брожения организмом и молодой в социологическом отношении средой, постепенно переходившей от слишком элементарных условий разрозненного племенного быта к более сложным формам социально-политического строя. Этим противоречием между необходимостью напрягать силы для непрерывной, тяжелой борьбы за существование и недостаточной

еще организованностью этих сил многое объясняется в трагической судьбе Киевского государства.

Указанные внешние условия киевской истории необходимо иметь в виду при изучении внутренней жизни Киевщины: основные процессы этой исторической жизни развивались под постоянным давлением борьбы со степью.

Представление о Киевщине XI—XII вв. как о форпосте европейского мира против азиатских сил получает еще больше рельефности, если припомнить тесные и разнообразные связи ее с Западом. В этом отношении значительный интерес представляет работа В. Г. Васильевского «Древняя торговля Киева с Регенсбургом», остающаяся до сих пор лучшим сводом известий о западной торговле Киева⁷². Регенсбург был в то время главным торговым центром Южной Германии, и два торговых пути были основными артериями, укреплявшими это значение. Один вел на юг, в Италию, другой — на восток, через Паннонию, на Русь. По отрывочным свидетельствам источников можно проследить, что движение торговых караванов по этому пути совершалось в течение трех столетий (X—XII вв.) и что он имел для Средней Европы крупное, первостепенное значение до эпохи преобладания венецианской и генуэзской торговли в XIII в. Торговля между Регенсбургом и Киевом — обоюдная: и отпускная, и привозная. Особенно ценны привозные из Киева товары — меха и драгоценные произведения восточной и византийской промышленности. Недаром в знаменитом трактате о технике художественных ремесел (*Schedula diversarum artium*) пресвитера Теофила, писателя XII в., говорится о янтарных изделиях, эмалях и черни русских; они названы рядом с греческими и, быть может, должны быть признаны русскими изделиями. Вспомним, что позднее Плано Карпини и Рубрук видели при дворе татарских ханов русских ювелиров^{181*}. Недаром в средневековой западной поэзии говорится о русских дорогих тканях (*Soie de l'oeuvre de Rouzi, pales de Rosie*)^{182*}. Предметы восточной и византийской роскоши шли на Запад через Киев, и самое техническое определение их как «русских» свидетельствует о значительности этого торгового движения. Этим же путем шли вина, пряности.

Тем же путем шли, конечно, и сношения дипломатические. Я упоминал уже по другому поводу о посольстве Ольги к Оттону, о сношениях Владимира с Римом, которые не вижу основания считать мнимыми. Международное положение Ярослава характеризуется его сношениями с императором Генрихом III: он ищет его союза против поляков, а в 1043 г. отправляет посольство, предлагает ему руку одной из своих дочерей. Генрих Капет высватал за себя Анну Ярославну. Вообще, известий о родственных связях Рюрикова дома с западными династиями можно набрать довольно много, хотя они не всегда нам ясны, не встречая поддержки в наших источниках, как, например, известия о браке Святослава

Ярославича с сестрой епископа трирского Бурхардта, Изяслава с какой-то принцессой Гертрудой; дочерей саксонского маркграфа Одона и графа штаттского Леопольда с русскими князьями и т. д. Сами по себе известия эти совсем бессодержательны. Но они ценны, так как указывают на участие Киевской Руси в западно-европейской жизни, на постоянные отношения, которые только и делали возможным подобное свойство. Вспомним известную историю Изяслава Ярославича. Изгнанный из Киева, он бежит в Польшу к Болеславу, а в 1075 г. мы видим его в Майнце при дворе императора Генриха IV, и тот отправил послов к Святославу, чтобы поддержать претензии старшего брата. И посол, Бурхардт трирский, привез, по рассказу современника, столько золота, серебра и дорогих тканей в дар от Святослава Генриху, сколько никогда еще никто в Германию не привозил. Киевщину знали на Западе, считали богатой и культурной страной и отнюдь не смотрели на нее свысока, как на варварскую окраину. В те времена молодое русское государство было хоть отдаленной и обособленной, но частью европейского мира, а Киев — существенным для него оплотом и пунктом торговой связи с Черноморьем.

В XIII в. положение Киева меняется. Когда итальянцы основали складочные пункты для восточных и северных товаров в Каффе — Феодосии и в Тане (в устьях Дона), то германская торговля и другие сношения Средней Европы с Черноморьем пошли, минуя Киев, на Львов через Галицию, по Днестру, на Аккерман.

Дополним эту картину международного значения Киева в XI—XII вв. указаниями на отношения к нему скандинавского севера и Византии.

В начале русской истории, в IX и X вв., скандинавский север был обращен всеми интересами на юго-восток⁷³, навстречу великому торговому пути с востока и юга, к Балтике, от Каспия и Черного моря вверх по Волге и Днепру, вниз по Неве и Западной Двине. Лишь постепенно, в исходе эпохи викингов, втягивается он в общеевропейскую жизнь. И по мере развития этого процесса, органически связавшего материальные и культурные интересы Севера и Европы, папства и империи, Восток теряет первенствующее значение для него. В рассматриваемую эпоху связи Киевской Руси с Севером продолжают, постепенно слабея. И Владимир, и Ярослав опираются еще преимущественно на северные силы — новгородцев, кривичей и наемных варягов. Владимир овладел Киевом силой варягов, которых ему с трудом удалось удалить в Византию, оставив только отборных, «мужей добрых, смысленых и храбрых», в своей дружине и «раздая им грады». При нем «Ярославу живушу Новѣгородѣ», в Новгороде содержится дружина варяжских гридей, которой раздается в год 1000 гривен. В скандинавских источниках находим любопытные данные относительно вознаграждения варягов, служивших в Новгороде.

Воины Эймунда — 600 человек знатных людей, в том числе некоторые, известные в истории Исландии, служат «за золото, серебро и хорошее платье», получая особый дом, полное содержание и по 1 öge = $\frac{1}{2}$ марки. Ярослав вместо денег платит мехами по оценке. Потом Эймунд перешел на службу к Брячеславу полоцкому.

Во времена Ярослава саги считают варяжское влияние в Киеве очень сильным. Его жена Ингигерда — Ирина, дочь Олава шведского, по их утверждению, «всем распоряжалась, хотя начальником дружины считался князь». У Ярослава живет изгнанный из своего королевства Олав норвежский, и сын его Магнус с русской помощью возвращает себе престол. Дочь Ярослава, неизвестная летописи Елизавета, за Харальдом — Hardgaade, который в Киеве живет с дружиной знатных исландцев; сохранилась его песня из 16 строк с припевом: «а русская девица в золотой гривне мной пренебрегает». Их дочь Гида, по другим данным дочь Харальда английского, погибшего в Гастингской битве (1066 г.), бежавшая от Вильгельма Завоевателя в Данию, была женой Владимира Мономаха, а его сын Мстислав — Мстислав-Харальд, как зовут его саги, — женат на Христине, дочери Инга шведского. Эти черты характеризуют связи Киева с севером Европы. Притом цепь известий о варягах — в подавляющем большинстве норвежцах — на Руси, начиная с X в., замирает в начале XIII в.

Приведу еще одно свидетельство для характеристики значения, какое приобретали варяжские выходцы в Киеве. Дело идет о целой варяжской семье. В летописном рассказе о борьбе Ярослава с Мстиславом тмутараканским упоминается вождь варяжского отряда Ярослава Хакон, которого рукописное недоразумение обратило в слепого. Сказание о создании печерской церкви св. богородицы в Печерском патерике упоминает брата Хаконова — князя Африкана, сын которого Шимон, изгнанный дядей Хаконом, пришел к Ярославу, и тот «его же приимь, въ чьсти имаше и дасть того сынови своему Всеволоду, да будет старей у него; приа же велику власть отъ Всеволода». Сын этого Шимона Георгий был Владимиром Всеволодовичем послан в Суздаль: отправляя туда на княжение Юрия Долгорукого, Мономах «вдасть его на руць» варягу Георгию. Заняв позднее Киев, Долгорукий «тысяцкому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть область Суздальскую»^{163*}.

Перед нами крупный центр с широкими торговыми и политическими отношениями. К нему же тянулись за разными выгодами иноземцы из разных краев. Наши источники упоминают в составе киевского населения, кроме своих новгородцев, колония которых имела центром «новгородскую божницу» — церковь св. Михаила, евреев, армян, латинян, немцев.

Все эти пестрые международные отношения Киева, конечно, имели свое культурное значение. Но по состоянию наших сведений мы можем указать, например, черты западного влияния лишь

в отрывочных частностях, и хотя более тщательное изучение, быть может, несколько увеличит число этих наблюдений^{184*}, но, несомненно, не изменит общего характера наших представлений о киевской культуре как выросшей по существу на усвоении и переработке элементов византийской культуры, заимствуемых либо непосредственно, либо при посредстве южных славян. И торговые отношения с Византией и Херсонесом составляли главный источник значения Киева, как видно из самих известий о торговле с Регенсбургом. Как преддверие к богатой Византии имел значение Киев в глазах скандинавов.

Тесные культурные и политические связи с Царьградом установились у Киева со времени принятия христианства. Византия держала в руках управление влиятельной церковью русской, стремясь придать своим отношениям к Руси характер суверенитета. В 1016 г. греческие хронисты упоминают о помощи Византии против восставшего Херсонеса какого-то брата Владимира (Σφεύρος); Болеслав польский и Святополк во время борьбы с Ярославом сносятся с Византией, чтобы выяснить, дружба или вражда ждет их с этой стороны. Под 1043 г. читаем рассказ о большом походе Ярослава сына Владимира на Византию; поход кончился неудачей, но мы ничего не знаем о вызвавших его причинах. Не знаем также, как объяснить поставление митрополита Иллариона собранием русских епископов при Ярославе помимо Византии. Наши известия не дают повода к оценке этого факта как попытки порвать церковную зависимость от патриарха, а близость Иллариона к Ярославу как бы указывает на личные мотивы, тем более что Илларион — лицо, несомненно, выдающейся книжности и литературного таланта.

Остальные наши сведения о русско-византийских отношениях за рассматриваемое время рисуют их дружественными и союзными. Об этом говорит ряд связей свойства между Рюриковичами и Византией. Отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич женат на принцессе из дома Константина Мономаха (1052 г.)⁷⁴. Через 25 лет видим дочь Володаря Ростиславича за сыном императора Алексея Комнина. Мономаховна Марица — за Леоном Диогеном, и сын ее Василько Леонович или Мариич гибнет в битве Мономаховичей с Ольговичами в 1136 г. Одна из Мстиславен, внучка Мономаха, была тоже за византийским принцем (1122 г.), как и Евфимия Глебовна, внучка Святослава Всеволодовича киевского (1193 г.).

Связи Киева с Византией поддерживались не только церковными делами и торговлей, но и рядом политических интересов, касавшихся дел на севере Балканского полуострова и на Северном Черноморье⁷⁵. Пока Киев был силой и Византия сохраняла энергию для поддержки своего значения в этой области, их интересы не раз переплетались и скрещивались. Еще в договорах X в. видна забота о сохранении крымских владений Византии и устьев

Днепра от русской власти. В тех же пунктах встречались интересы Киева и Византии позднее. Но изнуряемый борьбой со степью Киев не мог уже стремиться расширить свои владения на юг до моря и перестал быть опасным для греков. Ниже порогов все сильнее чувствовалась опасность от кочевников, которые засоряли пути торговые.

Тесная связь борьбы с половцами с интересами русско-греческой торговли хорошо подчеркнута словами Мстислава Изяславовича на княжеском съезде 1170 г. «Братъе, — говорил он, — пожалуйте о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несутъ хрестъяны на всяко лѣто у вежѣ свои... а уже у насъ и гречьскій путь изъютимають и Соляный и Залозный»⁷⁶. По мере ослабления киевской силы вооруженные отряды должны все чаще проводить «гречников» через пороги. О таких походах на защиту торговых караванов читаем, например, под 1167, 1168, 1170 гг., и иной раз рать русская подолгу стоит у Канева, чтобы дать подняться вверх по Днепру «гречникам» и «залозникам».

Эти южные пути, главные артерии торгового благосостояния Киева, — ахиллесова пята Киева. В нее быют противники киевского князя. Давыд Игоревич в 1084 г., захватив Олешье, заставил Всеволода киевского дать себе волость; в 1154 г. Олешье захватывают враждебные Киеву берладники.

С трудом поддерживала Киевщина в конце XII в. движение по южным торговым путям. Тем легче пришло в упадок ее влияние в придунайских землях. Много времени — со времен энергичных выступлений Святослава — это влияние еще держалось, и еще при Мономахе видим под 1116 г. попытку укрепить его: «посла и» великий князь Владимир Ивана Войтишича и «посажа посадники по Дунаю», и в том же году другой поход князя Вячеслава Владимировича с воеводой Фомой Ратиборичем, безуспешный. К концу рассматриваемого нами периода Киев, изнемогая в борьбе со степью и в усобицах, теряет значение в глазах Византии. Дунайская политика, как и торговое движение, начинает переходить к земле Галицкой. Галицкие Ростиславовичи влиятельнее на юге, чем Мономашичи киевские. И характерны поэтому известия о союзе императора Мануила с Владимирком галицким (в то время как Изяслав Мстиславич сближается с Венгрией против Владимира) или то, что Андроник Комнин, царевич византийский, гостит у Ярослава Осмомысла.

Одна из характернейших особенностей киевской истории — сложность той международной обстановки, в которой пришлось восточному славянству вырабатываться из разрозненной племенной массы в народность, объединенную организацией государственного характера и овладевшую определенной территорией, отграничивая ее от соседей.

Задача территориального самоопределения этого государства оказалась поставленной в крайне неблагоприятные условия.

Жизненные интересы вызвали стремление сохранить господство над всем великим водным путем — от моря и до моря. Манила славянскую колонизацию и широкая черноморская степь, и она проникла до Донецкого бассейна и Тмутаракани⁷⁷.

Тюркские кочевые силы заставили славян отступать из степной в лесную полосу Восточно-европейской равнины. В итоге вековой борьбы с ними славяне оказались отрезанными с юга и замкнутыми в бассейне среднего Днепра, Десны, Оки и средней Волги, в условиях, наименее благоприятных как для развития туземного земледельческого хозяйства, так и для развития столь блестяще начатых Киевом международных сношений с культурными странами греческого Востока.

Сложными оказались территориальные отношения и на западной границе восточного славянства. Но тут для рассматриваемой эпохи Киевскому княжеству удалось достигнуть более определенных результатов в смысле территориального самоопределения, чем на Востоке, и удержаться на занятых позициях. Притом результаты эти достигнуты были в начале рассматриваемого нами периода, во времена Ярослава и его сыновей, быть может, с некоторым ущербом против эпохи первоначального поселения, так как имеются некоторые указания, что восточнославянские поселения доходили в X в. до Вислы и до границ земли Краковской, а в области Карпат несколько переваливали на ту сторону горного кряжа. В одном документе Оды, вдовы Мешка Старого, короля польского, умершего в 992 г., говорится о границах Руси, тянувшихся до Кракова, а тот же документ, как и Хроника Титмара, представляет дело так, что русская граница соприкасалась с поселениями пруссов. Но польская колонизация, консолидированная основанием монархии Пястов, рано приняла в силу географических и экономических причин то юго-восточное направление, которое характерно определило всю южнорусскую политику исторической Польши на ряд столетий. И встреча двух колонизаций на водоразделе двух правых притоков Вислы, Вепря и Сана, привела к известному нам лишь в отрывочных известиях первому периоду русско-польской борьбы в XI в.

Первый очерк западной границы русской дал еще Владимир Святославич своими походами на ляхов (981 г.) и хорватов (992 г.), причем «зая города червѣньские». Болеслав I подготавливал борьбу с ним, подчинив своему влиянию зятя своего Святополка, и в смутах по смерти Владимира проник до Киева, стремясь помочь Святополку оплатить себе перевесом над Русью. Он «грады червѣньские зая себе», как и Берестейское Забужье после разрыва со Святополком (1018 г.). Войны с поляками Ярослава (1030—1031 гг.) вернули Руси червенские города, и он укрепляет установившиеся отношения, помогая Казимиру Обновителю подчинить себе Мазовию (1047 г.). Его сестра Мария-Доброгнева была замужем за Казимиром, а на сестре польского короля он женил сына своего

Изяслава^{185*}. Но в эпоху раздоров между сыновьями Ярослава борьба возрождается. И поддержка, какой ищет Изяслав против изгнавших его киевлян, носит столь же антинациональный характер, как прежний польский союз Святополка; братья Святослав и Всеволод готовы помириться с Изяславом, но ставят ему условие: «Не води ляховъ Киеву, противнаго ти нѣтуть; аще ли хощеша гнѣвомъ ити и погубити градъ, то вѣси, яко намъ жаль отня стола»^{186*}.

И когда Изяслав, заняв Киев, «распуша ляхов на покормъ» из волости киевской, население стало ляхов избивать «отай» и принудило Болеслава уйти с Руси.

В результате этих перипетий древнейших русско-польских отношений создалось особое княжение галицких Ростиславичей, на которых и пала вся тяжесть борьбы с поляками для охраны западной русской границы. Правда, после смерти Болеслава Кривоустого в 1138 г. в Польше настал период удельного раздробления и удельных смут, на время ослабивший ее наступательную силу, и только в XIV в. русско-польский территориальный спор стал снова и резко на очередь, чтобы привести к распространению польской власти на Южную Русь в позднейшее время.

Ярославу же принадлежит укрепление русских владений на северо-западе и севере. Его походы на Литву в 40-х годах XI в. намечают завязку русско-литовских отношений — первый отпор Южной Руси литовской тяге на юг, а более ранние походы 30-х годов на эстонскую чудь и основание Юрьева очерчивают западные пределы Новгородской земли, как походы новгородцев в 1032 г. и Владимира Ярославича в 1042 г. в Заволочье (между Ладогой и Северной Двиной) кладут основание новгородскому политическому и промысловому господству на севере России.

Этот элементарный очерк внешних условий киевской истории XI—XII вв. должен послужить внешней рамкой моему дальнейшему изложению. Повторяю, характерная их черта — сложность международного положения, существенным следствием которой была невозможность для южнорусского государства создать себе прочно определенную территорию. Не опираясь в своем территориальном самоопределении на какой-либо определенный географический факт, не имея так называемых естественных границ, Киевская Русь не могла создать прочной концентрации подвластных себе земель, растянувшихся в политически невыгодной конфигурации в бассейнах Днепра, Оки, средней Волги, ильменском, верховьях Западной Двины, с крайне зыбкими границами как со стороны беспокойной степи, так и со стороны литовских и польских соседей. Владея верховьями Днестра и Буга и Днепра, Киевское государство было не в силах спуститься до их устьев и вынуждено было постепенно отступать с востока и юга, изнуряя свои силы в упорной борьбе на несколько фронтов.

И внутренняя политическая организация не соответствовала

сложным оборонительно-наступательным задачам внешних отношений. Определенная в основных своих чертах не этими внешними потребностями, а внутренними условиями древнего политического и социального быта, она не выдержала внешнего тяжкого давления и рухнула к концу XII в.

К изучению этой внутренней организации древней Киевщины мы теперь и обратимся.

Лекция IX

КНЯЖЕСКОЕ ВЛАДЕНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ XI И XII вв. — ДО 1132 г.

Историки-юристы потратили немало остроумия на то, чтобы установить формальное определение древнерусской государственности. Ввиду несоизмеримости явлений древней политической жизни и современных понятий государственного права определения эти носят характер более или менее искусственного компромисса, имеющего целью выделить из явлений древней жизни те признаки, которые можно без явной натяжки подвести под наше понятие государства. Возьмем это понятие в наиболее элементарной его форме, при которой «существенными признаками государства являются три элемента: 1) совокупность населения, образующего общественный союз; 2) власть, стоящая во главе этого общественного союза, и 3) территория, занятая данным населением»⁷⁸, — и посмотрим, в какой форме и каком взаимном отношении были эти элементы государства налицо у русских славян в Киевской Руси.

Литература истории русского права не находит государственного обличия у древней Руси как целого. «Наша древность, — читаем у Сергеевича, — не знает единого „государства Российского“; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств»⁷⁹. Подобно всем древним народам, и восточное славянство «выступает в истории не в виде большого национального государства, но разделенным на значительное число маленьких народностей, из которых каждая живет самостоятельной жизнью»⁸⁰, и летопись помнит свои особые княжения у полян, древлян, дреговичей, новгородцев, полочан, кривичей и т. д. В этой племенной среде вырастают города и преобразуют ее организацию на новый лад — в ряд земель-волостей, тянущих каждая к своему городскому центру. И волость выступает перед нами как основной элемент древнерусской государственности. Каждая отдельно взятая волость — это «вполне законченное социальное целое со всеми необходимыми элементами

государственности»; «у нее была и своя определенная территория, и свой народ, и самостоятельная верховная власть»⁸¹. Форму этой государственности Сергеевич определяет как «смешанную, в которой участвуют два элемента: монархический — в лице князя и народный — в лице веча»⁸².

Взятая в целом, древняя Русь не имеет с этой точки зрения единой государственной организации. И попытки определить формальную сторону «единства Русской земли» не дали удовлетворительного результата. Трудно говорить о единстве ее государственной территории даже по отношению к иноплеменным соседям, так зыбки и неустойчивы стали ее очертания, так непрочны оказались усилия Киевщины достигнуть территориального самоопределения. Но еще глубже подрывается самое представление о такой древнерусской территории, которую можно бы назвать государственной, раздробленностью ее на отдельные земли-волости, отношения между которыми часто принимают характер междугосударственных. Число таких волостей-земель менялось. Обособленность их политического бытия была то более, то менее сильной. Первый пример крайнего обособления одной волости, почти полного выхода ее из связи с общей системой русских волостей — это выделение Полоцкой земли во владение рода Изяслава Владимировича; второй — выделение Галицкой земли в роде Ростиславичей после Любецкого съезда 1097 г. И эти так называемые выделения непосредственно примыкают к периоду, когда ряд моментов напряженной борьбы за единовластие во всей области восточного славянства создавал на время господство одного князя (Владимир, Ярослав) над рядом волостей без внутренней органической их связи в единое государство. Иногда исчезала реальная обособленность той или иной волости, и она поглощалась соседней землей. Так, Киевская волость уничтожила автономию Деревской земли, дреговицкой Турово-Пинской волости, оторвала от Волыни Погорынье, но это не создало расширенного единства собственной киевской территории, в составе которой сохраняется различие киевской — русской в тесном и техническом смысле — и киевских волостей^{187*}.

Трудно говорить в государственно-правовом смысле слова о единстве населения древней Руси, слабо объединенного бытовыми и культурными связями. Для этого характерно отсутствие общенационального термина. Лишь медленно, и то больше книжным путем и в противопоставлении иноземцам усваивалось словами «Русская земля» такое значение^{188*}. Национальное определение отдельного лица как «русского» возникает лишь к концу рассматриваемого периода и то в книжно-поэтической форме «русичи». Слабо связаны разные области и материальными интересами^{189*}. По мере подъема западноевропейского мира в материальном и культурном благосостоянии с ним теснее вяжутся интересы Юго-Западной и Северо-Западной Руси; последняя

в середине XI в. глубже входит и в эксплуатацию лесных богатств поморского севера; с XII в. северо-восточная окраина обособляется в особый народнохозяйственный район. И южная торговля теряет постепенно свою непрочную гегемонию в экономическом быту восточного славянства, гегемонию поверхностную, не проникавшую в глубины народного быта. Слабы и внешние духовные связи. Нет национального просвещения, носителя национальной идеи, а церковная организация, стройная и влиятельная, еще далека от позднейшего значения, ибо далеко еще в грядущих веках отождествление понятий «русский» и «православный» народ.

Не менее трудно говорить для всей древней Руси как целого о единой «власти, стоящей во главе этого общественного союза». Чтобы спасти представление о государственном единстве древней Руси, Костомаров пробовал определить ее как федерацию. Но юридическое понятие это требует наличия «федерального» правительства, а такого значения история права не может признать ни за властью великого князя киевского, ни за княжескими съездами.

Обратимся от этих юридических размышлений к конкретным явлениям древнерусской жизни и прежде всего рассмотрим характер княжеского владения в XI—XII вв. — после 1054 г.

Мне уже приходилось говорить о княжеском владении до смерти Ярослава. И в известиях о том времени я не нашел следов какого-либо старейшинства и проявлений родового начала. Поэтому и завет детям Ярослава представился как нововведение, как попытка установить в линии Ярослава начало старейшинства с помощью того, что юристы называют семейным законом (Hausgesetz). Конечно, идея Устава Ярослава не была без корней в древнеславянском обычном праве: он имел аналогию в порядках семейной общины (задруги), в которой, как мы видели, преемство в старейшинстве устанавливалось по соглашению ее членов или по завету предыдущего главы, и притом иногда наряду с другими вариантами в виде преемства брата после брата. Но различие лежало в том, что задружное старейшинство покоилось на общности нераздельного владения, а всякий раздел (реальный, в натуре), уничтожая эту общность, устранял и старейшинство, дробя общину семейную на ряд независимых единиц. В завете же Ярослава перед нами попытка сохранить старейшинство при наличии раздела частей общего владения между членами княжеской семьи. Функции этого старейшинства определены в летописном тексте о завете Ярослава так: «Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будеть в мене мѣсто». Цель этого послушания в поддержке семейного согласия братьев, которые должны «имѣти в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере», для того, чтобы

бог помог «покорить вы противныя» и быть «мирно живуще» и не погибнуть в распрях и не лишиться «земли отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, уже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ». Вот для чего должны братья держаться и по разделе вместе, охраняя совместными силами общую отчину и дедину, пребывая «мирно, послушающе братъ брата», держась по-прежнему, несмотря на раздел братской общины, под общей опекой старшего, обязанного, «аще кто хоцетъ обидѣти брата своего», помогать обижаемому^{190*}.

Создавшееся положение во второй половине XI в. может быть характеризовано борьбой двух противоположных тенденций: понимания каждой волости, выделенной тому или иному из сыновей Ярослава как отчины потомства этого сына, и стремления князей, владевших Киевом, сохранить единство распоряжения силами всей страны, а также судьбой ее частей. Ошибку старой родовой теории я вижу в попытке явления, обусловленные борьбой двух указанных противоположных тенденций, во что бы то ни стало объяснить из одного принципа обычного права. Эта ошибка создала ряд искусственных толкований текста источников. Проследим фактические данные по истории княжеских отношений второй половины XI и XII вв.⁸³

По смерти отца «Изяславъ съде Киевѣ, Святославъ — Черниговѣ, Всеволодъ — Переяславли, Игорь — Володимери, Вячеславъ — Смолинскѣ». Действующей силой видим союз трех старших братьев. В 1059 г. они втроем выпустили «ис поруба» дядю Судислава и, взяв с него присягу, постригли его в монахи. Это, кстати сказать, первый пример столь обычного в позднейшее время приема удалять пострижением неудобных людей с политического поприща.

Когда в 1057 г. умер Вячеслав смоленский, то братья «посадиша Игоря Смолинскѣ, изъ Володимеря выведше». Последнее выражение устраняет возможность видеть в этом случае пример «лествичного восхождения» князей. Игорь «выведен» волей братьев, причем Волынь никому не дана, по-видимому, она осталась под управлением киевского триумvirата. Это предположение подтверждается известием, что по смерти Игоря в 1060 г. ни этот город, ни какой-либо другой не достался его сыну Давыду, а «раздѣлиша Смоленскѣ собѣ на три части»⁸⁴. Подобные примеры деления города (доходов) на части встречаются и позднее, например, в Москве (завещание Калиты). В 1064 г. бежит в Тмутаракань, где сидел Глеб, сын Святослава, Ростислав Володимирович и, выгнав Глеба, «самъ съде въ него мѣсто»; Святослав идет на племянника, и начинается борьба за Тмутаракань; Ростиславу удастся отстоять ее за собой, но в 1066 г. его отравили греки. Мы ничего не знаем о предыдущей судьбе этого Ростислава, сына того Владимира Ярославича, который ходил в 1043 г. на Византию и умер раньше отца. Грушевский делает остроумное и не лишнее

вероятности предположение, что он по смерти отца (ум. 1052 г.) сидел в червенских городах, где на опасном посту нужен был князь; потом Перемышль и Теребовль получают его сыновья Василько и Володарь на Любецком съезде 1097 г.⁸⁵ Как и Волынь, видим Галичину⁸⁶ в руках Изяслава киевского. Одновременно разыгрывается борьба за Полоцк. В 1067 г. Ярославичи заманили к себе Всеслава Брячиславича, внука Изяслава, и посадили его в поруб с двумя сыновьями. В Полоцке Изяслав посадил позднее, после нового изгнания Всеслава, сына своего Мстислава, потом, после его смерти, и другого — Святополка, и только в 1071 г. удалось Всеславу вернуть себе отчину свою, выгнав Святополка.

Перед нами картина вполне ясная. Мы видим такую же борьбу за соединение всех волостей в руках киевских князей, какую наблюдали в X и в первой половине XI в., с той только разницей, что роль «собирателя» играет не один князь, а союз трех Ярославичей. Захватив Полоцк, они достигли цели. Держат они волости, посадив в главных городах либо посадников, либо сыновей.

Отношения между братьями-триумвирами неожиданно осложнились раздором между Изяславом и киевским вечем, которое привело к освобождению из поруба Всеслава полоцкого, провозглашению его киевским князем, бегству Изяслава к двоюродному брату (сыну его тетки Владимировны, которая была за Казимиром Обновителем), Болеславу Смелому польскому. Когда Всеслав из-под Белгорода перед битвой с Изяславом и Болеславом бежал в Полоцк, только коснувшись злата стола киевского, кияне послали звать Святослава и Всеволода: «идета в град отца своего», и братья поставили Изяславу требование — «не водить ляхов Киеву», грозя ему ратью, не желая дать ему погубить «града отца своего». И союз трех князей восстановился, причем был торжественно освящен перенесением в 1072 г. мощей Бориса и Глеба в новую церковь. Эти святые стали с тех пор идеалом братского миролюбия, и весь культ их проникнут определенной тенденцией, столь жизненной для эпохи усобиц. Но уже в 1073 г. Святослав и Всеволод, опираясь на недовольство киевлян, снова выгоняют Изяслава из Киева. На этот раз Болеслав не дал помощи Изяславу, не помогло ему и обращение к императору Генриху IV и папе Григорию VII. И на три года установилось господство над Русью двух братьев, только Полоцк ускользнул из их рук. 27 декабря 1076 г. умер Святослав, и характерно, что его хоронят не в Киеве, а в его личном княжении, в черниговской церкви св. Спаса⁸⁷.

Положение снова меняется: в 1077 г. Всеволод сел было на столе киевском, но приход Изяслава с польской помощью привел к новому соглашению между братьями. Изяслав и Всеволод вдвоем стремятся теперь сосредоточить в своих руках все волости русские. Черниговские Святославичи теряют свою отчину — там

видим Всеволодича Мономаха, и выбитые из земли Русской младшие князья собираются в Тмутаракани: Святославици Роман и Олег, Борис, сын Вячеслава смоленского, потом Игоревич Давыд, Ростиславич Володарь. Настает разгар усобиц, в которых гибнет Изяслав, убитый в 1078 г. на Нежатиной ниве под Черниговом. Усобицами полно и княжение Всеволода (1078—1093), но ему уже приходится идти на компромиссы с так называемыми изгоями. Смысл борьбы удачно определил Грушевский в словах: «Сироты, отчины которых захватили старшие Ярославичи во время их малолетства, ничего им не оставив, вырастали один за другим и шли добиваться своего добра»⁸⁸.

И кто не погиб — добились. Не говоря об Изяславичах, которых Всеволод посадил — Святополка в Новгороде, а Ярополка на Волыни, придав ему Туров, Игоревич Давыд, захватив Олешье, перехватив, стало быть, артерию византийской торговли Киева, заставил Всеволода дать ему Дорогобуж (1084), а потом и Владимир, отчину свою, как и Ростиславичам Всеволод уступил червенские города (после войны с ними в том же 1084 г.)⁸⁹. Этому устройству «изгоев» на волынско-галицких вотчинах мешал сидевший там Ярополк Изяславич, — вот причина убийства его в 1085 г. «проклятым Нерадцем», который скрывается затем у Ростиславича Рюрика.

Так, Всеволод, сидя в Киеве, по словам летописца, много терпел огорчения от племянников своих, которые ему докучали, требуя волостей, один такой, иной другой, и, умиряя их, раздавал им волости.

Смерть Всеволода в 1093 г. открыла снова вопрос о столе киевском. Перед смертью он вызвал из Чернигова Мономаха. Но Владимир не решился взять в свои руки наследие, потому что предвидел, что в таком случае придется «рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ»^{191*}.

Этот текст часто приводили в доказательство, что Мономах признавал родовое старейшинство. Но говорит он только о конкуренции двух отчинных прав и свидетельствует о желании Мономаха возобновить со Святополкомъ двоевластие их отцов ввиду особенно его непрерывной борьбы со Святославичами за Чернигов. Пришлось развить дальше компромиссы с «изгоями». В 1094 г. Мономах уступил Олегу Чернигов и пошел «на стол отень Переславлю».

Так готовились постановления Любецкого съезда 1097 г. Собрались князья «на устроенье мира» и порешили восстановить в своей среде единодушие: «Да нынѣ отсель имемся по единому сердцу и блюдемъ Рускыѣ земли», а для этого «каждо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ, Изяславлю отчину, Володимерь Всеволожю отчины, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ — Святославлю; а им же роздаяль Всеволодъ города: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышьль Володареву, Теревовль Василкови».

И целовали крест все на том, «аще кто отселѣ на кого будеть», то на того будут все князья и вся земля Русская⁹⁰.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие упоминания о старейшинстве: санкция неприкосновенности волостей по Ярославову завету — в защите прав обижаемых старшим князем, по Любечкому съезду — в союзе всех князей на обидчика.

Затем признание начала отчины, вне которого остается только Новгород (ср. события 1102 г.)^{192*}. Кроме того, соглашение это объемлет лишь Ярославово потомство: полоцкие князья остались в стороне от всего дела.

Общеполитическая цель Любечкого соглашения — объединение для борьбы с половцами. Основной мотив: «половци землю нашу несутъ розно и ради суть, оже межю нами рати». И в этом отношении постановления Любечкого съезда подготовлены были событиями предыдущих лет. Трижды наводил Олег Святославич «поганных» на русскую землю, и половцы вообще получили возможность вмешательства во внутренние дела Руси. В 1095 г. Святополк и Всеволод «начаста гнѣвъ имѣти» на Олега за то, что он не шел с ними на половцев, держал у себя Итларевича, которого он не хотел выдать, и «бысть межи ими ненависть» из-за половецких отношений. В 1096 г. они звали Олега в Киев, чтобы урядиться с ним перед духовенством, мужами своих отцов и градскими людьми, «да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганныхъ». Олег не пошел на суд духовенства и смердов.

Так во вторую половину XI в. грозило совершенно распасться намеченное единство Русской земли и единение ее сил для борьбы со степью. Любечкий съезд был второй после завета Ярослава попыткой примирить раздел Русской земли на ряд волостей-отчин с необходимостью единения сил для внешней самообороны. Но как созданное Ярославом старейшинство не вошло в жизнь, так не создал и Любечкий съезд новых отношений, не установил братского договорного союза князей сколько-нибудь прочного. Суть дальнейших отношений (съезды в Городце — 1097 г. и Уветичах — 1100 г.), за которыми в деталях следить не буду, — в борьбе князей за вотчины-волости без всякого влияния любечкого крестоцелования, причем Галицкая земля и Черниговская остаются в руках местных княжеских линий. Киевский Святополк расширяет свои владения на западе, подчиняя себе Волынь и Турово-Пинскую волость, Мономах держит Переяславль, Смоленск, Новгород и Поволжье. Во главе общих действий против половцев стоит Святополк при деятельном участии Мономаха. Походы решались на съездах (на Золотычи под Киевом — в 1101 г.; на Долобске — 1103 г.).

16 апреля 1113 г. умер Святополк Изяславич, и кияне послали к Владимиру Мономаху: «Пойди, княже, на столъ отень и дѣдень». В этой формуле можно видеть признание эвентуального, или гипотетического, как выражаются историки, права — права на стол

каждого князя, чей отец был князем данного города. Названный тип наследственного права очерчивает круг лиц, могущих быть призванными к наследованию, но не определяет порядка последовательности, реального осуществления их прав.

Такой вид наследования господствовал, например, в германском мире, где гипотетическое право очерчивает группу призванных к княжению, а определенное лицо из этой группы получает доступ к действительному наследованию актом народного избрания. Наиболее сильный из князей, Мономах, несколько помедлив, прибыл в Киев и принял власть в 1113 г. Старшие линии Ярославичей — Изяслава и Святослава — с этих пор сходят на второй план, и мы не слышим при Мономахе о притязаниях на Киев «старших в роде» черниговских князей.

Мономах возобновляет централизующее влияние Киева на рассыпанную хранину древней Руси. Возобновляет он и попытку, удавшуюся в других условиях Ярославу: свести владения Киевщиной к владению своей семьи наперекор интересам других линий Ярославлего рода. С 1117 г. ясно его намерение передать по себе киевский стол сыну своему Мстиславу, которого он переводит из Новгорода в Белгород под Киев. Такая тенденция, как и постоянное стремление киевских князей владеть и Волынью, делает понятным разрыв Мономаха с другим отчичем на Киев — Ярополком Святополчицем, князем на Волыни. Сперва Мономах его смирил на всей воле своей, «наказавъ его... о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову» (1117)^{193*}, потом (1119) посадил на его место своего сына (Романа, ум. в 1119 г., потом Андрея). Ярополк бежал в Угры, но, несмотря на венгерскую и галицкую помощь (Ростиславичи боялись соединения Волыни с Киевом, «концентрационной» политики Мономаха), Волынь осталась в руках Мономаха. То же по отношению к Глебу Всеславичу минскому: сперва Мономах смиряет его, заставив его обещать «по всему послушати Володимера», потом лишает волости (1116, 1119), «приведя его Киеву», где он в тот же год и умер. Со Святославичами черниговскими Мономах живет мирно, и их видим послушными его сотрудниками во всех его предприятиях.

19 мая 1125 г. 73 лет от роду умер Владимир Мономах. Киев беспрепятственно переходит к Мстиславу (1125—1132). В Новгороде и Смоленске его сыновья — Всеволод и Ростислав, в Переяславле, Турове, на Волыни, в Поволжье (Ростов и Суздаль) братья — Ярополк, Вячеслав, Андрей и Юрий. При Мстиславе все Мономашичи держатся дружно и составляют основную силу в древней Руси.

В Черниговщине гнездом сидит потомство Святослава. В их внутренние счеты вмешивается Мстислав властной рукой, под ней действуют черниговские князья в походах Мстислава, а южную часть их владений Мстислав отрезал для своего сына Изяслава (Курск с Посеймьем). Распространяется гегемония его и на галиц-

ких князей. А с полоцкими он поступил круто. Смирив их большим походом 1127 г. и заставив их признать свою власть, он через три года «поточи. . . полотский князь съ женами и с дѣтми въ Грѣкы» за то, что они, преступив крестное целование, «не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовящето въ Рускую землю в помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здорově»^{194*}.

Смертью Мстислава, 1132 г., Грушевский заканчивает целый период в истории Киевщины, когда «традиция единства и объединительные стремления еще борются с распадением и не без успеха»^{195*}. За этот период не выработалось устойчивой системы объединения русских земель, основанной на каком-либо государственно-правовом или династическом принципе. Ни старейшинство, ни начало организованной союзности князей не вошли в жизнь сколько-нибудь прочно. И если «традиция объединения» по временам не без успеха боролась с окончательным распадением комплекса земель-волостей на отдельные княжения-уделы, то, как мы видели, в те именно моменты, когда она совпадала с интересами личными и семейными той или иной энергичной личности или союза двух-трех князей, державших в руках Киев, его силу и влияние. Киевщина оказалась не в состоянии создать единое государство и преодолеть внутреннюю разрозненность отдельных земель-волостей, спаяв их в одно национально-государственное целое.

«Наша древность не знает единого „государства Российского“; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств»^{196*}. Обратимся к анализу внутреннего строя древнерусской волости-государства.

Лекция X

ВОЛОСТЬ, ВЕРВЬ И ВЕЧЕ

Княжеская власть и не могла стать исторической силой, которая создала бы единое русское государство, прежде всего потому, что и внутри отдельных волостей, в частности в киевской, не доросла до государственного властвования.

Основной элемент древнерусской государственности — городская волость. Что же она такое «сама в себе», как сказал бы Пассек?^{197*}

Напомню здесь некоторые выводы, которые получены в предыдущем изложении при рассмотрении племенного быта восточных славян. Исходными точками их социальной эволюции пришлось признать, с одной стороны, семейную общину, построенную на экономическом и кровном началах в своеобразной их комбинации, с другой — территориальные союзы, создававшие наряду и поверх задружной системы расселения и эксплуатации природ-

ных богатств древнейшую известную нам систему племенного господства над занятой территорией.

На вопрос о происхождении и внутренней основе этих территориальных союзов мы имеем в литературе сравнительного правоведения два различных ответа. Один выдвигает указания на то, что такой основой были первично кровные связи, более широкие, чем те, на каких покоилась задруга, причем новые потребности, ведущие к возникновению территориальных союзов, построенных на политическом и социально-экономическом начале, пользовались группировкой задруг по более широкому кровно-племенным связям как готовой основой для этих новообразований, перерабатывали их постепенно в союзы, потерявшие архаические черты кровной основы. Другой предполагает образование территориальных союзов от той группировки членов племени в отряды, какая существовала в организации народного ополчения в период расселения и захвата новых территорий: по сотням и тысячам селились согласно этой гипотезе славяне, как и воевали.

Наконец, обе теории можно примирить естественным предположением, что в основе военной организации племени лежала группировка его членов в меньшие союзы, связанные бытовыми связями общего происхождения, общего культа, как югославянские братства, врывные братства, греческие филы и фратрии и т. п.

Как бы мы ни смотрели на эти вопросы, перед нами с древнейшего времени, о каком мы только можем составить себе хоть кое-какое представление, ряд территориальных союзов, частей племени, которые, захватывая под свое поселение и под хозяйство входивших в их состав семейных общин определенную территорию, тем самым образовали ряд соседских общин, функция которых — осуществлять территориальное господство племени не только защитой его вовне, но и поддержкой мирного его распределения внутри.

Как такие соседские территориальные общины над дворищем-задругой в древней Руси стоят верви. Я в свое время указывал на то, что термин этот, по этимологическому своему происхождению, поддерживает теорию о значении в первичном образовании древнейших территориальных союзов традиции кровной связи. Но теперь нам незачем и вспоминать об этом. В историческое время нет уже следов ее происхождения из кровного союза, и слово это означает чисто территориальную единицу, соседскую общину, личный состав которой называется просто «людие».

Верьвь — носительница того, что можно назвать общинным самоуправлением. С этой точки зрения можно ее рассматривать как союз внутреннего соседского мира и как единицу, входящую в состав более широкой организации — волости-земли, для которой вервь одно из орудий, и притом главное, поддержания правового порядка и внутреннего мира всей волости. Как союз мира

соседская община представляется и основной носителем общинноправового уклада отношений.

Чтобы разъяснить и обосновать эти определения, напомним некоторые черты древнего землепользования. Основной хозяйственной единицей древнего быта в предыдущем изложении было признано поселение семейной общины (задруги) — дворище, которое, захватывая путем запашки, закоса, зарубок в лесу свой эксплуатационный участок, создавало село в древнейшем смысле слова — хутора или заимки со всем, что к нему потягло, а тянуло все, куда топор и соха ходили. По свойствам первобытного хозяйства, о которых речь уже была выше, состав этих заимок не мог быть устойчивым. Тогдашнее хозяйство, как я указывал, не впибалось в землю, а скользило по ней хищнически, поверхностно, не создавая прочной связи земледельца с землей, той «власти земли», над земледельцем, которая лежит в основе крестьянской земельной собственности. Лес и пастбища оставались в вольном захватном пользовании. Бортные деревья и покосы осваивались отдельным хозяйством на данный хозяйственный период. И пашня была подвижной, часты были перезхваты, передвижения хозяйства.

В условиях крепнувшей оседлости эти черты древнего экономического быта вели к усложнению соседских отношений внутри территориальной общины. Нарастала потребность охраны внутреннего мира путем развития начала союзности и самоуправления, например, в столкновениях, вытекавших из захватного пользования природными богатствами. Союз соседства выступает тут с характером не столько экономической, сколько административно-распорядительной и судебной организации, даже когда распоряжается распределением земельных угодий: над захватным пользованием возвышается общинное владение и право распоряжения ими. Общинное владение не создает общего хозяйства, а только общинный контроль над взаимоотношениями отдельных хозяйств.

Только при таком определении характера древней общины понятны для меня некоторые черты древнего права. Прежде всего судьба выморочного участка. Заимка отдельного дворища при исчезновении владевшей «селом» семьи не становится ничьей, так как входит в состав общинной территории. И недаром славянский перевод византийской «Эклоги» — текст о выморочном имуществе, который в оригинале говорит о том, что при отсутствии наследников имущество идет в казну, передан так: «Аще ли ни жены будет умершему, и тогда все имение его или апостольская церковь, или царское сокровище, или людский сонм да примет». Такое наследование соседской общины в выморочных имуществах знало и франкское право и право византийское (особого типа)⁹¹. Западное, германское право выработало и другие ограничения личных прав в пользу соседской общины как контроль ее над правом отчуждения и над иммиграцией, т. е. право допустить

или не допустить чужака на участок какого-либо поселка. У нас сходные черты развиваются или, точнее, делаются заметными в источниках только позднее.

Другая характерная черта верви — ее судебно-административные обязанности и связанная с ними ответственность. Она особенно ярко выступает в так называемом гонении следа и в уплате виры.

Население обязано содействовать разысканию преступника. Если на месте преступления есть след, по которому можно гнаться за вором, то потерпевший или заинтересованный криком сзывает людей (послухов) и «гонит след». Приведет ли след к селу или товару (обозная или торговая стоянка), то они должны отсчитать от себя след и гнать по нему (идти на след); если же этого не сделают или даже отобьются, то платят и татьбу, т. е. вознаграждение потерпевшему, и продажу, т. е. уголовный штраф (погоня же ведется с чужими людьми и послухи) ⁹².

Так ведется розыск внутри верви: это называется «по верви искать татя». Приведенный выше текст требует уплаты и татьбы и продажи той группой, к какой приведет след, если она не ответит следа и не поможет гнать его дальше. Другая статья Русской Правды ⁹³ указывает общее правило, что при наличии следов татьбы обязательно «...то верви искать (к себе) татя или платить продажу». Владимирский-Буданов толкует так, что тут платит продажу вервь, к которой привел след, за неотыскание вора, за неисполнение своей полицейской обязанности; поэтому она платит только продажу и не платит татьбы ^{198*}. Едва ли так: след не может привести «к верви», а разве [что] на территорию верви, к одному из ее сел или на пустое место. В первом случае платит село и продажу и татьбу, во втором — по той же 102-й ст., если потеряют след на большой дороге, а села не будет, или на пусте, где не будет ни села, ни людей (товара), то никто не платит ни продажи, ни татьбы. Обе статьи (102-я и 95-я) равносильны и если в 95-й названа продажа и не названа татьба, то это обычная манера Русской Правды всегда упоминать княжой доход и лишь случайно — частное вознаграждение.

Иное дело при убийстве. Разыскать убийцу прежде всего обязанность той верви, на территории которой совершено преступление. Собственно речь идет в соответственных статьях Русской Правды, единственном источнике нашем, прежде о случаях убийства княжого человека. Мы имеем эту статью в двух редакциях — более ранней и позднейшей. Обе имеют в виду обязанность отыскать убийцу, головника. Если же его не изыщут или даже не ищут, то за убитого огнищанина, княжого мужа, платит князю виру в размере 80 гривен та вервь, в которой «голова лежить». Позднейшая редакция, приписавшая к сведениям о княжих требованиях относительно княжих мужей кое-какие нормы и общего права, добавляет: «...пакили людин, то 40 гривен» ⁹⁴. Причем

такая вира, которую платят «без головника», называется дикой, и верви дается рассрочка на несколько лет: «колико лет заплатити ту виру».

Кроме случая необнаружения убийцы, вервь участвует в платеже виры, если убийство произошло открыто, в ссоре или на пиру. Тогда головничество, т. е. вознаграждение родственникам убитого, платит сам убийца, а виру в 40 гривен (не полувиры ли, как думает Ланге?)⁹⁵ уплачивает вервь, причем и убийца вносит свою долю в эти 40 гривен. Такое соучастие или помощь убийце имеет место, если головник — участник и в дикой вире, «аще ли кто не вложиться в дикую виру, тому людье (вервь) не помогают, но сам платит».

Последнее правило обычно, как например, Владимирский-Буданов, понимают в том смысле, что платеж дикой виры, «круговая порука», «не установленная князьями с целями полицейскими и фискальными», а возникает путем договорного соглашения^{199*}. Это, однако, противоречит категорическому требованию статьи о дикой вире за огнищанина. Вервь освобождается от помощи преступнику, если убийца не вложился при случае в платеж дикой виры, «если он раньше в подобном случае отказался от участия в платеже по раскладке»⁹⁶, а помогает, если он прикладывался к ним вирую. Другой случай, когда вервь не платит, если убийца — ведомый разбойник; за такого люди не платят, а вервь выдает его всего, с женой и детьми, на поток и на разграбление. Не платит вервь, если убит неизвестный бродяга (III, 20).

Корень всех этих правил, формулированных в Русской Правде по поводу требований князя при случае убийства княжих людей, лежит в праве и обязанности верви искать и отыскать убийцу и либо выдать его, либо выкупить его своей помощью в уплате виры, либо платить за неисполнение своей судебно-административной функции. Владимирский-Буданов справедливо указывает, что в этих данных нельзя не видеть права общины, которым она обязана пользоваться, — преследовать преступления и карать за них, право, которое в дальнейшем развитии создало копные общинные суды Западной Руси⁹⁷.

Княжая власть имеет дело не с убийцей, а с вервью, которая его ищет, за него платит (если убит княжой муж), его выдает. Важно при этом отметить, что древнейшая редакция Русской Правды ничего не знает еще о вирах, поступающих к князю, а только плату за голову 40 гривен одинаково за гридя, дружинника, вообще за княжих людей и за любого людина, «аще не будет кто мстыа».

Жизнь древнерусских общин лишь случайно и косвенно отражается в наших источниках, которые, как летописи, так и грамоты и Русская Правда, отражают полнее лишь княжескую деятельность и княжеские интересы.

Самоуправляющийся территориальный союз верви — элемен-

тарная ячейка волости, которая, однако, скорее, как увидим, суммирует их более или менее механически, чем сливает в высшей государственно-административной организации. Черта, указанная в этих словах, весьма существенна, чтобы оттенить примитивный характер той государственности, которой основным элементом история русского права признает именно волость. Волость в историческое время — это территория, тянувшая к определенному стольному городу. Оставляя в стороне вопрос о положении князя в волости, сосредоточим внимание на главном земском органе волостной государственности — вече, прежде всего чтобы дать себе отчет, в чем состояло объединение более мелких территориальных союзов данной земли в высшем единстве — волости.

Слово «вече» (совещание) употреблялось и в более широком значении, чем то, какое технически с ним связалось, — собрания жителей города. Вечем называли всякое сборище, а так как вечем западнорусские источники позднее называют копу, т. е. собрание для судебного дела жителей соседних деревень, «wies» назывались и у поляков судебные собрания, то надо полагать, что вечами назывались и у нас собрания верви.

Но в летописи и в нашем представлении термин «вече» укоренился за народным собранием городского населения, именно жителей главного города земли (хотя существовали и пригородные вече).

Доисторическим предком этого вече⁹⁸ были племенные собрания, существовавшие у славян на ранней заре их истории, по свидетельству VI в. у Прокопия (славяне «с древнейших времен живут в народоправстве; счастливые и несчастные случаи созывают их в общее собрание») и Маврикия, продержавшиеся у вятичей, где слабо развился городской быт, до XII в. (Ипат., 1146 г.: Давыдовичи «съззавша Вятичѣ и рѣша имѣ»).

Процесс развития вече из племенного собрания в городское Владимирский-Буданов представляет себе так, что в IX—X вв. «для решения дел сходятся в старший город лучшие люди всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии граждан этого города», называя такое переходное явление «общеземской думой, совмещающей в себе два будущих учреждения — боярскую думу и вече»^{200*}. Примеры Владимирский-Буданов находит в рассказах летописи: 1) под 987 г., как Владимир, «созва бояры своя и старцы градьские» для обсуждения вопроса о вере, а «бояре и старцы» предложили отправить послов для испытания вер, причем речь их «бысть любя князю и всем людем»; затем перед боярами своими и старцами Владимир выслушивает отчет послов; 2) под 997 г., как осажденные печенегами белгородцы «сотвориша вече в городе» и «совет створиша» сдать город; но один старец, не бывший на вече том, узнав, что «людые хотят ся предати печенегам», послал «по старейшины градьския» и предложил им избавить город от печенегов хитростью.

И в этих примерах, и в рассказе 983 г. о том, как старцы и бояре предложили принести Перуну жертву — отрока и девицу, а когда варяг не дал сына, то «они же шедше поведаша людям», и те бросились на хулителя богов, — видна руководящая и явно официальная роль старцев или старейшин градских, которые всегда упоминаются рядом с княжими боярами. Вариант Лаврентьевской летописи дает еще наименование — «старци людстии». Те же старцы вместе с епископами советуют Владимиру обратить виры на военные расходы. Их же можно видеть в тех «нарочитых мужах, лучших мужах, иже держаху Деревску землю», которых древляне посылают к Ольге: взявши Искоростень, Ольга «старейшины града изыма», а прочих людей «овых изби, а других работе предасть мужем своим» (Лавр. С. 58).

Кто же они такие? Владимирский-Буданов и Ключевский склонны признать их социальным слоем, древнейшей аристократией. Представление текстов уже: оно связывает старцев или старейшин градских с определенной ролью, притом постоянной, правительственного характера. Это всегда определенная группа лиц, которую можно созвать, которая распоряжается, которая «держит землю».

Некоторый свет на вопрос о них бросает рассказ о пирах, на которые Владимир приглашает вместе с боярами и гридями группу гостей, называемую то «старцы градские», то «старейшины»⁹⁹, то «сотские и десятские». Отождествление «старцев» с сотскими поддерживается, по-видимому, и рассказом летописи о новгородских событиях 1015 г., где руководители новгородского общества и военные вожди их ополчения называются то «нарочитые мужи», то «вои славны тысяща», то «старосты», а князь зовет их «честная и любимая дружина».

Эти соображения позволяют сопоставить с мнением Владимирского-Буданова указание Никитского: «До тех пор пока народный элемент в Новгороде еще не получил полной организации, сотские пользовались большим значением не только в своей собственной сфере, но даже и в политических делах как Пскова, так и Новгорода»¹⁰⁰, а специальной их сферой была судебно-административная деятельность в сотнях.

Наблюдения эти существенны потому, что указывают, хотя и в чертах не совсем ясных, на существование внутренней организации населения тех городов, которые стали в древней Руси во главе волостей-земель. Они раскрывают нам характер древнейших городов в их внутреннем строе как союзов ряда меньших общин, соединенных в одной общине городской, — явление, напоминающее греческий синойкизм и особенно ярко выступающее в строе Великого Новгорода. Устройство территориальных волостей, тянувших к определенному городскому центру, характеризуется в третьих (по счету Владимирского-Буданова) период развития вечового строя — XI—XIII вв. — установлением гегемонии старшего

города над землей-волостью, какая выражена в известном тексте Лаврентьевской летописи (под 1176 г.): «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся: на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть»^{201*}.

В то же время и вече принимает окончательно форму народного собрания граждан главного города. О «старцах градских» мы более не слышим. Ключевский правильно отметил, что их участие в княжом совете «не началось, а кончилось при Владимире». Не видим их и во главе веча, во главе жизни города. Значит ли это, что вожаками вечевой общины перестали быть наиболее зажиточные и влиятельные ее члены как социальная сила? Конечно, нет. Это означает только, что отодвинулась в сторону руководящая роль выборной городской старейшины, должностной. Сотских мы и далее видим существенным органом, но уже княжеской администрации, с назначаемым от князя тысяцким во главе (до 1089 г. нет упоминаний о тысяцком): недовольные княжеским управлением киевляне в 1113 г. громят дворы тысяцкого и сотских^{202*}.

Главный город стал представителем земли; его вече — верховной властью волости. В идее — это народное собрание всей волости; и пригорожане, на что имеются прямые указания, и, вероятно, хотя указаний нет, вообще свободные жители земли могли участвовать на вече: под «кыянами» надо разумеать часто не жителей только Киева, а Киевской земли. Этот общеземский в принципе характер веча подчеркивается случаями, когда по обстоятельствам именно верховное вече волости собиралось в пригороде: тут с пригородным вечем действуют представители веча главного города. Так можно толковать случаи, когда в 1159 г. в Друцке дручане и полочане принимают нового князя или когда в 1166 г. князь вызывает новгородцев на поряд в Луки. Но обыкновенно в таких случаях (ср. еще 1136 г. — новгородско-псковские дела)¹⁰¹ перед нами раскол между вечевыми партиями.

В чем же выражалась роль веча как органа верховной власти государства-волости?

Весьма любопытна попытка (Сыромятникова)^{203*} установить два момента в развитии компетенции веча. Первоначально-де функции веча обнимали всю сферу государственного правления: правообразование, суд, управление, роль веча как послуха, удостоверяющего фактические вопросы спора о праве, и т. п. Позднее постепенно за вечем остаются функции высшего управления: призвание и изгнание князей, ряд с ними, контроль над управлением, высший суд, вопросы войны и мира, международные договоры, законодательство.

Эту мысль можно признать правильной, если под первой стадией веча разумеать народные собрания древнейших территориальных союзов — верви, сотен и т. д. Но исторически известное

городское вече как орган верховной власти волости может быть характеризовано только «функциями высшего управления».

С этим связан и вопрос о «периодичности» собраний веча. Владимирский-Буданов считает ее вероятной, полагая, что «летописи, рассказывая весьма часто о народных собраниях, соединенных с каким-либо переворотом, пропускают обыкновенные мирные собрания для решения текущих дел»^{204*}. Ему нужно допустить периодичность собраний веча, потому что он утверждает, что «вече занималось текущими делами суда», для подтверждения чего он приводит только текст из толкования Упыря¹⁰² на библейский текст пророка Амоса, а также из позднейшей практики Новгорода и Пскова — суда княжого и посаднического на вече. Вывод весьма искусственный и необоснованный.

Напротив, нельзя не согласиться с отрицанием у Сергеевича «самой мысли о периодичности вечевых собраний»¹⁰³ и с его объяснением, что «для периодических собраний не было повода, так как вече не занималось никакими текущими вопросами законодательства, суда и управления», как относительно законодательства и управления признает это и Владимирский-Буданов (конечно, кроме Новгорода и Пскова). Недавно Сергеевич в статье «Первичные народные собрания у германцев и греков»¹⁰⁴ особенно выдвинул различие непериодических русских и периодических германских народных собраний, объясняя это различие именно тем, что германское собрание было судебным, а наше вече нет.

Это отсутствие постоянного и органического участия веча в текущих делах суда и управления, а стало быть, и правообразования надо признать характерным и существенным его признаком.

Текущее управление (в составе которого нераздельно надо мыслить и суд и обычное правообразование) оставалось делом городских и местных общин, сотен и вервей и постепенно разраставшейся княжеской администрации. Об этой последней и об ее отношении к общинному самоуправлению речь пойдет особо.

Итак, вече не централизовало управления волости, не имея вне княжеской администрации и органов для какой-либо своей администрации. Созывается оно князем или тысяцким, сходится само или по зову сограждан лишь в особо важных случаях. Среди дел, ради которых созывалось вече, можно различать такие, которые без веча не могли быть решены, и такие, где участие веча проявлялось лишь в случаях экстраординарных. Различие это, как увидим, относительно и условно.

К первому разряду следует отнести призвание и изгнание князей и вопросы войны.

Не буду приводить многочисленных примеров призвания князей, например, киевлянами «на столъ отецъ и дѣдень». Мне уже приходилось отмечать, что тут перед нами комбинация гипотетического права наследования князей-отчичей и народного решения,

кто из возможных наследников в данном случае получит княжение. С этой точки зрения следует понимать если не намерения, то реальное значение попыток князей Ярослава I, Владимира Мономаха ограничить круг возможных наследников на Киев своей линией Рюрикова дома, как и возражение черниговских Ольговичей против такой попытки Мономаховичей исключить их из круга возможных наследников: «Мы не Угры и не Ляхи, а единого дѣда внуки». Если князья пытались установить по своей воле наследство (как те же Ярослав и Мономах, как Игорь Ольгович), то это не соответствовало настроению населения: «Не хотимъ, — говорили киевляне, — быти аки в задничи». С другой стороны, тенденция к ограничению разросшегося круга Ярославовых внуков часто соответствовала и воле веча. Киевляне предпочитают старшую линию Мономаховичей, хотя, охотно воюя с Ольговичами, не хотят поднять руку на Володимирово племя, на Мономаховичей суздальских. Или другой пример: в 1177 г. владимирцы посадили «на отни и на дѣдни столъ» Всеволода Большое Гнездо, целовав ему крест «и на дѣтехъ его», ограничивая, как правильно толкует Сергеевич, на будущее время свое право избрания средой потомства Всеволода¹⁰⁵. И действительно, в 1211 г. они еще при жизни Всеволода целовали ему крест «на Юрии». Такие случаи признания князем преемника, им предложенного еще при жизни предшественника, встречаем в XII в. в Киеве (1146), Ростове (1157), Галиче (1187)^{205*}.

Признание князя вечем необходимо сопровождалось «рядом» между ними и взаимным крестоцелованием. Князья занимали стол, «весь порядъ положъше», «створивъ людемъ весь порядъ», урядившись с ними и утвердившись крестным целованием. Содержанием ряда было то, как князь будет волость «держати и рядити». Так, в 1146 г., принимая на княжение Игоря Ольговича, киевляне жалуются ему и брату его Святославу на тиунов — киевского Ратшу и вышгородского Тудора: «Ратша ны погуби Киевъ, а Тудоръ — Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и зъ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». И Святослав ответил: «Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья никоторогоже, а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли». Потом и Игорь подтверждает это соглашение, целуя киевлянам крест: «На всей ихъ воли и на братни»^{206*}.

Наряду с этой основной функцией веча стоит его власть над народным ополчением. Оно мобилизовалось не иначе, как по решению веча. И случаи обращения к вечу, и случаи его согласия или отказа нередки в летописи. Иногда вече заставляет князя заключить мир или говорит: «Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы». Только войны против половцев организуются, по-видимому, иногда без предварительного обсуждения на вече: им население всегда сочувствовало.

С другой стороны, в рассматриваемый нами период необходимо для мобилизации народного войска организующее участие князя. После поражения киевского войска половцами в 1068 г. люди киевские «прибегоша Киеву и створиша вече на торговищи и реша, пославшеся к князю: „Се Половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“»^{207*}. На такую экипировку воев всего нужнее князю средства. Епископы и старцы говорили Владимиру Святому: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди»^{208*}. Для этой цели князья держали большие табуны коней. В Русской Правде упоминается «конюхъ старый у стада» князя Изяслава Ярославича, под 1145 г. упоминается табун в 4000 голов, принадлежащий черниговским Ольговичам. Но одних табунов не хватало: они, вероятно, шли больше под дружину, а под воев приходилось брать коней смердов, живших на княжой земле. На съезде 1103 г. дружина Святополка киевского возражала против похода на половцев весной, чтобы не погубить смердов, лишив их пахоты. А Мономах отвечал: «Дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ Половчинъ, ударить и стрѣлю. . . то лошади жаль, а самого не жаль ли?»^{209*}. Из слов Мономаха видно, что война отрывала от ролыи (пашни) — не смерда, а его лошадь. Когда же князь из похода наспех зовет киевлян на помощь, то говорит: «Братье-кияне, доспевайте от мала и до велика, кто имѣть конь, кто ли не имѣть коня, а в лодьи»^{210*}. Сам полк народный шел в поход всегда под тысяцким, который держал воеводство данной тысячи.

Уже в этих чертах видна как зависимость князя от веча, так и малая дееспособность веча без князя.

Остальные известные нам проявления силы и значения веча носят всецело характер выступлений его в чрезвычайных случаях. Властно вмешивается оно своими требованиями и протестами в княжое управление, но не берет его в свои руки. Оно судит и карает неугодных ему людей, вмешивается иногда по своему почину, иногда вследствие обращения князя в междукняжеские отношения и в политику князей, но все эти проявления вечевой жизни не выработались нигде, кроме Новгорода и Пскова, в постоянную и систематическую организованную правительственную деятельность.

Лишь в делах высшей политики стояло вече во главе волости. Управление ею было в руках либо мелких местных общин, либо — увидим, в какой мере — княжой администрации. Поэтому деятельность веча не могла создать прочной и внутренне объединенной организации волости.

Посмотрим теперь, какое значение в этом отношении имела правительственная деятельность князей.

Лекция XI

ВОЛОСТЬ. КНЯЗЬ И ДРУЖИНА

В недавно вышедшей в свет «Истории русской государственности» С. А. Корф относится иронически к старому взгляду, будто князь-правитель был необходимым атрибутом древнерусской государственности, необходимым элементом волости, и развивает мысль, что в течение всего древнего периода князь оставался «придатком волости», только случайно и далеко не прочно с нею связанным. Верховным органом государственной власти в волости представляется ему вече, а князь — органом подчиненным^{211*}. Трудно более поверхностно и менее удачно определить положение князя в волости.

Конечно, князь для волости не государь, и нельзя представлять себе волость как маленькую монархию. «Все социальное положение, все условия тогдашнего времени решительно не благоприятствовали образованию абсолютной власти. Пока весь народ был вооружен, пока войско не специализировалось и не поступило в заведование князя, не могла образоваться абсолютная власть. Народ составлял главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать с ним в соглашение»^{212*}. Эти слова В. И. Сергеевича верно схватывают суть дела. Народ составлял главную силу князей. Народ, а не дружина.

Рядом надо поставить другую цитату из лекций В. И. Сергеевича: «Народ сознает свою неспособность устроиться без князя и вместе с тем понимает необходимость дать ему высокое положение в своей среде, без чего не было бы возможно достижение целей призвания. Князь есть народная власть»^{213*}.

Такова другая сторона изучаемого явления. Князь — народная власть, а не внешний и случайный придаток к волости. Он необходимый орган древней государственности для удовлетворения насущных общественных потребностей населения — внешней защиты и внутреннего «наряда».

Такой представляется власть князя с точки зрения населения волости-земли. Для самих князей княжение есть отчина, средство для поддержки своего княжого значения, своего «отечества», в старом смысле слова, своих владельческих интересов. Лишь постепенное взаимодействие и слияние обеих тенденций в сложном историческом процессе создаст монархический принцип с его двумя сторонами: государственно-правовой и династической. Лишь в исключительных случаях, как в северных вольных городах, выработает вечевая жизнь особый строй земли-волости вне указанного компромисса двух противоположных воззрений на значение и цели княжеской власти, строй, который легко может обойтись без нее и обратит ее действительно в «придаток» к во-

лости, и без князя законченной в своей государственной организации.

Наша задача, отметив общие основные черты изучаемого явления, проследить его эволюцию в конкретных проявлениях исторической жизни.

Предание о «призвании варягов», как на него ни смотреть, само по себе не решает вопроса о происхождении княжеской власти. Признавая древнейших князей пришлыми варягами, мы должны прежде всего спросить себя, в какую общественную организацию они вошли и особенно — не взяли ли они в свои руки каких-либо функций, которые до их появления осуществлялись какими-нибудь иными органами. Подобный вопрос имеет смысл, потому что на него наводят некоторые черты летописных преданий о древнейших русских князьях.

Одна из черт древнерусского быта, докняжескую древность которой трудно не признать, это организация восточного славянства в ряд мелких территориальных общин, а в военном отношении — в сотни. Чем и как объединялись эти более дробные единицы в одно боевое целое, когда приходилось соединять силы для защиты? Весьма вероятно, что роль таких объединителей племенной силы играли племенные князья, скорее выборные, чем наследственные, судя по аналогии с древностями германскими, причем более крупные предприятия происходили, вероятно, под руководством избираемых на данный поход, на данную войну. Возникновение варяжских князей всего естественнее представлять себе так, что, принеся с собой больше военного опыта и выработанную военную технику, эти князья упрочили и развили далее местную сотенную военную организацию, так как говорит старое предание: княжили в Киеве братья Кий, Щек и Хорив, а после братья той «приидоста два варяга» и «бѣста княжаща въ Киевѣ». Летописные сказания о военных действиях древнейших князей изображают их военные силы состоящими из воев многих, собираемых из среды местного населения. Собирает эти народные ополчения князь, а ведет их либо без князя, либо рядом с князем воевода, первое лицо после князя, рядом с ним, близкое ему, часто его «кормилец» или его «воевода отень», упоминаемый даже, как Свенельд при Святославе, в договоре.

С конца XI в. во главе народного ополчения видим тысяцких, держащих воеводство киевской, смоленской и так далее тысячи, княжих мужей, князем назначаемых. Отмечу мимоходом, что мы не имеем указаний на то, чтобы участие народного ополчения до середины XI в. стояло в зависимости от решений веча. Напротив, присматриваясь, например, к летописным рассказам о Владимире Святославиче, как он идет по «верховые» вои для борьбы с половцами, строит города на южной границе и заселяет их гарнизонами «лучших людей» от славян, кривичей, вятичей и чуди, получаем представление о сильной княжеской власти, распоряжавшейся

на Руси свободно. В эпоху объединения племенных областей восточного славянства политическое самоуправление было подавлено. Вспомним, что это явление совпадает с тем моментом в развитии веча, по схеме Владимирского-Буданова, когда племенные собрания стали невозможны, а заменило их участие в деятельности князя городской старейшины при пассивной, второстепенной роли собрания граждан главного города. Если связать эти два наблюдения, то получится вывод, что сила княжой власти Владимира опиралась на тесный союз его со старейшиной народных общин, которую княжеская власть объединяет в одно целое своим творческим и энергичным руководством.

И можно повторить с Грушевским, что «сформирование землевласти как замкнутого политического организма и превращение гегемонии города в формальную власть с зависимостью от него пригородов» — все, стало быть, основы, на какие опиралась позднейшая деятельность веча, сложились, по всей вероятности, уже под влиянием княжеско-дружинного строя¹⁰⁶. И в той форме, в какой вече выступает в следующее время, начиная с выступления киевлян в 1068 г. против Изяслава Ярославича, оно должно быть признано, согласно с Владимирским-Будановым и Грушевским, новым созданием русской исторической жизни XI в.

Эта новая форма народно-городской общинности, конечно, сильно повлияла на положение князя. Народное войско стоит под властью не его, а веча, хотя так значительна роль князя в мобилизации народного полка, хотя во главе его стоит княжой тысяцкий, хотя мы не знаем ни одного случая выступления его помимо, независимо от князя. Князь с тысяцким — необходимые элементы народного военного строя. И тем не менее если вече не согласно на поход, то полк не идет и тысяцкий остается в городе, как видно из рассказа о событиях 1147 г.

Необходимость народного признания для занятия княжого стола, согласия с населением, чтобы на нем удержаться, и поддержки веча, чтобы иметь в руках народное ополчение, достаточно подтверждают вывод В. И. Сергеевича, что «народ составлял главную силу князей». Но сила эта слишком самостоятельна в рассматриваемый нами период, чтобы считаться подвластной князю. И мне вспоминаются только два примера репрессий со стороны князя против враждебного ему населения города: в 1069 г. Изяслав, возвращаясь в Киев, послал вперед сына Мстислава, и тот «исъче Кыяны, иже бѣша выськли Всеслава, числомъ 70 чади, а другая слѣпиша, другая же без вины погуби, не испытавъ». А другой в 1144 г., когда Володимиръ галицкий «многы люди исъче, а иныя показни казнью злою»^{211*}. Первый случай расправы над горожанами за попытку заменить князя другим (Всеславом) стоит в начале, второй в конце того периода, когда вече было сильно, и притом последний пример относится к земле, где оно ранее всего пало.

Но, опираясь на свое «одиначество» с вечевой общиной, скрепляемое взаимным крестоцелованием и рядом, князь имел вне ее свою опору, получавшую чем дальше, тем больше значения, — в дружине.

Явление, о котором мы думаем при слове «дружина», было широко распространено в европейском мире, знакомо было и тюркам, — наши летописи не раз говорят о дружине половецких ханов. И нелишним будет предпослать речи о дружине русских князей более общую характеристику этого явления.

Германские вожди окружены группой лиц, стоящих к ним в особом личном отношении; она в военное время служит им отрядом телохранителей и своего рода штабом, в мирное — почетной свитой, личным советом и при случае дает контингент помощников в различных делах, будь то правительственного, будь то частного, бытового или хозяйственного характера. Среди этой дружины царила особая дисциплина, основанная на личной верности и безусловной преданности воле вождя. Его воля определяла, кого принять в дружину и какое ему положение дать в дружинном строе: простого воина он мог сделать великим мужем. Все, что составляло доходы и добычу вождя, прежде всего давало средства содержать дружину, опору личного, независимого значения и положения. Но и вся добыча дружины принадлежала вождю. Перед нами дружинная община, если можно так выразиться, с общей жизнью, общим имуществом. Дружинные связи и создавались как аналогичные родственным: на дружине лежал долг мести за вождя, на вожде — за дружинника.

На этой почве развились и те отношения, которые так ярко выступают в законе вестготов. *Lex Wisigotorum* [Вестготская Правда] дружинника называет *bucellarius* — от *bucella*, хлеба особого сорта, — отмечая этим, что дружина жила при вожде и кормилась в его доме. Этот *bucellarius* — свободный человек, может покинуть господина и перейти к другому, но это редкое явление, так как переход ему весьма убыточен. Уходя, дружинник должен вернуть оружие и все, что получил от того, кому служил, а также половину всего, что приобрел себе во время службы. Едва ли будет смелым предположение, что тут перед нами смягчение более древней практики, когда дружинник, уходя, не уносил с собой никакого имущества. Он был членом дома, οἰκία. Известно, что со времен Каракаллы дружина проникла в числе других варварских элементов и в римскую жизнь, окружая императоров, военных вождей, всякого сильного человека. Она свита — *sequentes*, ἐλόμενος, домочадцы — ἐκ τῆς οἰκίας οὐτες, οἱ τὸν ἄρτον τινὸς ἐσθίωντες [находящиеся в доме, питающиеся чьим-нибудь хлебом], с тем чтобы всегда при нем *παράμενεiv* [состоять]. Поэтому дружинники — *bucellarii comitis*. Их связь с вождем так сильна, что, несмотря на личную их свободу, близка к понятию его собственности: при конфискации имущества выс-

шего военного лица император конфискует и его дружину и либо зачисляет ее в ряды своих военных сил, либо даже раздает ее приближенным. Так и у нас позднее — во времена Ивана III — на государя отписывали не только земли княжат, но и их «детей боярских добрых».

Не думаю, чтобы эти явления римского и московского времени можно было объяснить как новые, произвольно созданные. Их исторический корень в том древнем представлении о дружиннике как домочадце, вся судьба которого — и личная, и имущественная — нераздельно связана с личным и экономическим бытом вождя.

В составе дружины и германские и римские источники различают два слоя — высший и низший. Поэтический язык англосаксонской песни о Беовульфе различает их словами *Tugend* и *Iugend*; у алеманнов видим *amicos junctissimos* (ближнюю дружину) и толпу *comites*; у Прокопия — копьеносцев и щитеносцев; у Малалы — *ἑομῆτες καὶ ἄλλοι παῖδες* (отроки).

Принадлежность дружины к дому вождя (огнищу?) и ее правовое, как и личное, положение делают понятными нередко изумляющие нас своей видимой противоречивостью черты: подчеркнутое у Тацита и в сказаниях германских благородство дружины и ее зависимое служилое положение, выводящее ее из сферы гражданской свободы в область частноправовой зависимости. И в отражениях германской дружины на римской почве видим ту же двойственность: практика и право рассматривают дружину под углом зрения, близким к признанию ее собственностью вождя, а рядом подчеркнутая привилегированность дружины телохранителей (*protectores*), которая служит при императорском дворе и дает штаб, из которого прямой путь к офицерским должностям в армии или к префектурам.

Императорская дружина — путь для карьеры из рядовых воинов на верхи военной команды и администрации. А между тем мы знаем определенно, что, например, Каракалла набирал в нее и свободных и рабов (*Dio Cassius*), и они сопоставляются у других авторов с личными слугами и рабами. Вспомним, что во главе франкской королевской дружины стоит *major domus*, что у нас из нее выработался позднейший «двор» князей как их личная военная сила и центр княжой администрации.

Таковы основные черты этого характерного явления древней жизни. Стоя вне общенародного общинно-политического союза, дружина, говоря нашим новейшим слогом, относится не к области политических, государственно-правовых учреждений древней жизни, а входит в сферу частноправовых явлений древнего быта¹⁰⁷.

Эта основная точка зрения вполне подтверждается данными относительно древнерусской дружины и, быть может, четко

поставленная, поможет разобраться в некоторых неясных или спорных вопросах.

Слово «дружина» употребляется в летописных текстах в различном значении. Прежде всего, отделим и отбросим те случаи, где бытовое значение «дружины» равно, более или менее, словам «наши», «свои люди» — и только. Особенно в памятниках церковной письменности (переводных) слово это значит «близкие», «окружающие вообще», «спутники» и т. д. Быть в дружине — быть вместе. И в летописи можно найти тому примеры. Например, когда в 968 г. отрок пробирался из осажденного печенегами Киева, то люди с «оной» стороны Днепра выехали к нему навстречу в лодке и «привезоша и къ дружинѣ». Или в обращениях ко всему войску: «князь уже почаль, потягнѣте, дружина, по князѣ» (946); «потягнемъ мужьски, братья и дружино» (971). В этих случаях, как и в тех, где дружиной называется все войско (Лавр. С. 107 — Владимир вошел в Корсунь «и дружина его»; С. 139 — притиснули Святополк с дружиной ко льду; С. 271 — Литва в 1106 г. победила Всеславичей и избила девять тысяч дружины) или вообще сопровождающие князя, я не считаю возможным искать технического смысла слова «дружина». Не ищу его и в том, что Ярослав дружиной называет избитых им новгородцев, или что киевляне в 1068 г. освобождают из погреба «дружину свою» — заключенных там киевлян (а не князя Всеслава с сыновьями, которые сидели не там, а в порубе), или когда в 1097 г. Святополк II прибежал к Владимиру с несколькими князьями и прочей дружиной. Думаю, что в том же общем, не техническом смысле слова называют дружиной древляне «нарочитых мужей», посланных к Ольге, и даже Владимир — бояр и старцев градских, перед которыми он предлагает изложить свои впечатления послам, ходившим испытывать разные веры.

Дружина в техническом смысле — это круг ближайших соратников, сотрудников и слуг князя, постоянно находящихся с ним и при нем. «И приидохъ к нему, — рассказывает автор Сказания о князе Васильке Ростиславиче о своем разговоре с князем Давыдом Игоревичем, — и съдяху около его дружина»¹⁰⁸. Так и Владимир сидит с дружиной, во дворе теремном ожидая Ярополка^{215*}. Мономах в 1085 г. забирает в Киев «матерь Ярополчю и жену его и дружину его. . . и имѣнье возьмѣ его»^{109, 216*}. Изяслав Ярославич (1051) идет на богомолье в Печерский монастырь «с дружиною своею». Дружина окружает князей на съездах, как видно из описания съездов князей в Уветичах (1100 г.) и на Долобске (1103). Это понятно, так как с ней князья постоянно советуются: «сѣдше думати с дружиною» входит по «Поучению Мономаха» в расписание ежедневных занятий князя. «Думал с дружиной» и старый Святослав; «бѣ. . . любя дружину и с ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ» Владимир. При всяком серьезном деле князья «созывают дружину свою на совет» и начи-

нают думать с ней (Лавр. С. 212. 1093 г.). Дружину князь тешит и балует. Известный эпический анекдот о серебряных ложках, которые вытребовала дружина у князя Владимира, дает и причину тому: «Дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискаса дружиною злата и сребра», — говорит Владимир. У них общая добыча, общее богатство. Дружинники говорят князю: «Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши, и мы». И дельный князь «любляше дружину повелику, имень не щадяше, ни питья, ни еденья браняше». С этой более тесной дружиной идет Игорь по вторичную дань к древлянам, Ольга обходит землю, уставляя уроки и дань, на нее ссылается Святослав, говоря, что если крестится, то «дружина сему смѣяться начнуть». «Дружина отня» переходила от отца к сыну. И летопись подчеркивает тот авторитет, каким должна пользоваться при князе старшая, заслуженная дружина. В Лавр. и Ипат. сводах под 1093 г. читаем укоризну Святополку за то, что он не советовался «с болшею дружиною отнею и стрья своего» (Изяслава и Всеволода — времени их соправительства), а только «совет сътвори» с пришедшими с ним — со своей личной дружиной, бывшей с ним в Турове. Сурово осуждает летопись и старого князя за неуважение к старшей дружине, как, например, Всеволода Ярославича, что тот под старость «нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ творя с ними» и «негодовати дружины своя первая».

Но кроме этого различия старших и младших дружинников, чисто бытового, внутри ближней дружины, которую нельзя себе представлять особенно численной, дружина, выступающая в битвах как самостоятельная сила, была явлением более широким. Вспомним, что Игорь идет в Деревскую землю с дружиной и с данью отпускает ее домой, а сам возвращается «походить еще» «с маломъ дружины», что Мстислав Владимирович в битве против Ярослава у Листвена (1024) «исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома»^{217*}. Как боевая сила дружина была более обширна, чем круг ближайших спутников и сотрудников князя, включая в себе и толпу «младшей дружины», отроков, так сказать рядовых дружинников. Впрочем, насколько можем проследить по нашим скудным источникам, это явление есть результат постепенного расширения первоначальной дружины, по мере того как князья стали создавать для себя более значительные личные военные силы. Первоначально, опираясь главным образом на силу народного ополчения, князья дружиной пользуются как кругом ближайших сотрудников в своей деятельности и как своего рода штабом. Из ее среды выходили воеводы для народного полка: когда вои во время неудачного похода на Византию в 1043 г. вынуждены были по суше искать пути на Русь, затруднение было в том, что с ними не хотел идти никто из княжой дружины, сохранившей для себя один корабль, пока не пошел Вышата,

которому поручено было воеводство и который потому зовет воев своей «дружиной». Действуя помимо веча и народного полка, князья набирали охочих людей, становившихся на время их дружиной в широком смысле слова. Так, думается мне, следует понять рассказ 1096 г., как Мстислав Мономах ходил в Суздальскую землю на Олега черниговского и, обманутый им, «распусти дружину по селомъ», а потом еле успел в два дня собрать эту дружину — новгородцев, ростовцев, белозерцев. Припоминание, что этот князь перед тем сидел в Ростове и в Новгороде, объяснит нам состав этой «дружины». Сходное указание дает и рассказ 1147 г., как Изяслав Мстиславич, не добившись согласия киевского веча на поход против Юрия Долгорукого, кликнул клич: «А тот добръ, кто по мнѣ поидеть» — и собрал много воев^{218*}. Такой же сборный состав можно предположить и для упомянутой дружины Мстислава под Лиственном, куда он пришел из Тмутаракани.

Таким образом, дружина представляется мне не «главной военной силой княжества», как ее иногда называют, а лишь отборным ядром княжих воинов-телохранителей, его «двором», говоря по-позднейшему, постоянными спутниками и советниками и штабом, который давал организаторов и вождей от руки князя народному ополчению.

Дружина, в широком смысле «двора» княжого, была и главным орудием княжеской администрации, как и княжеского хозяйства. Но эту роль ее, как и общественное положение дружины, можно выяснить себе только в связи с изучением правительственной деятельности и общественного положения самого князя.

Лекция XII

КНЯЗЬ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КНЯЗЯ

Из предыдущего уже выяснились некоторые черты, характеризующие положение князя в волости. В государстве-волости, этой древнерусской политике, не могла обойтись без князя прежде всего организация народной обороны, народного ополчения. Несмотря на власть веча, он был центром объединения народных сил. Такова же роль князя и в установлении внутреннего наряда. Мы видели, что вече не держало в своих руках ни администрации земли, которая объединяла бы ее отдельные общины в одно государственно-административное целое, ни в древней жизни нераздельного с администрацией судебного дела. А ведь судебно-административная практика была в старину главным фактором правообразования — и притом таким, значение которого усиливалось по мере усложнения и изменения общественной жизни. Старые нормы

обычного народного права не отличались достаточной гибкостью, чтобы, изменяясь и усложняясь, отвечать на новые вопросы, новые потребности, возникавшие в жизни. Таково было основное условие возникновения правительственной деятельности по созданию нового права. Она имела две формы — судебно-административную практику, создававшую по отдельным случаям решения прецеденты, которые, применяясь к ряду новых сходных случаев, обобщались и вырастали до значения новых норм права; и уставную деятельность, прямо создававшую новые нормы в руководстве этой практикой. Ни текущая судебно-административная практика, ни текущее законодательство не были делом веча. И тут центром был князь.

Чтобы понять причины, вызвавшие к жизни правительственную деятельность князя, его значение как судьи, управителя и законодателя, надо представить себе те явления в общественной жизни древней Руси, которые создавали положения и вопросы, не разрешавшиеся народным обычным правом и в то же время требовавшие решения в интересах общего мира. Основная черта народного права — то, что оно рассчитано на определенную оседлость и союзность. Это право народных общин, которые мне уже приходилось характеризовать как союзы для охраны мира. И во внутреннюю их самостоятельность княжая власть весьма долгое время не вмешивалась: лишь медленно стала она преодолевать замкнутость самоуправляющихся общинных миров уже за хронологической гранью рассматриваемого нами периода русской истории. Но объединение их в волости, развитие городской жизни, более постоянные сношения с иностранцами, развитие торговли, наконец, ряд перемен в социально-экономических условиях древнерусского быта — словом, усложнение жизни создало ряд таких явлений, которые и вызвали к жизни новое право — право княжее. Оно возникло — это необходимо иметь в виду — не как сознательное и намеренное противопоставление новых норм и тенденций обычному народному праву, а как необходимое его дополнение. Ведь князь не только начальник военных сил, охранитель земли от внешних врагов, но и установитель «наряда», и это его значение растет по мере развития в жизни явлений, которые выходили за рамки сложившегося «по старине и пошлине» народного быта.

И прежде всего в источниках наших бросается в глаза возникающая необходимость определить правовое положение лиц — нечленов народной общины, неоседлых в данной местности, потому ли, что они вошли в волость со стороны, потому ли, что они вышли из общинноправовых союзов — семейных, родовых, общинных, — оказались «изгоями».

С такими элементами населения древнее право разное обходилось у разных народов. Греческая и римская древность разрешала задачу с помощью патроната члена общины над пришельцем

путем представительства патрона за клиента или путем *hospitium* — союза гостеприимства между членами разных общин или даже союза между целой общиной и стоящим вне ее лицом. Русская древность идет, в сущности, тем же путем, но активную роль она дает тут только князю, а затем отчасти и церкви.

Мне уже приходилось касаться состава лиц, выбитых жизнью из тех или иных общинноправовых союзов или определенных общественных положений и потому потерявших необходимые условия для защиты их личных и имущественных прав и потому нуждавшихся в особой опеке, не предусмотренной народным правом. Это прежде всего изгои и родственные им задушные люди, прощеники и тому подобные социальные категории церковных уставов. Не буду повторять того, что уже было о них сказано. Напомню только, что основной элемент изгойства — это холопы, вышедшие на волю путем выкупа, путем отпуска на волю (задушные люди), а также свободные люди, потерявшие свое бытовое положение в силу ли материального разорения или каких-либо других условий, прощеники, калики перехожие и т. п. Они оказывались вне правового союза, и к ним не приложимы обычные нормы права. Им мудрено было найти мстителя за смерть свою или преследователя убийцы перед судом, некому было требовать за их голову плату — головшину, некому было поручиться за них в обычной форме старого процесса — очистительной присяги с соприсяжниками. Они выходили не только из состава общинноправовых союзов, но и из-под норм древнего права и процесса. В данном отношении эти обездоленные судьбой стояли в том же положении, как и пришлые люди, иноземцы-варяги, колбяги, как приезжие купцы-гости, откуда бы они ни пришли — из далекой чужбины или из другой земли русской. Из последнего вы видите, что я представляю себе новгородца в Киеве или киевлянина в Черниговщине или на Волыни пришлым, одиноким человеком, каково бы ни было его положение дома. Обычное народное право, рассчитанное, как сказано, на определенную оседлость и союзность, на местный суд и местную расправу, их не охраняло. Расследование и кара за преступление производились в пределах земли-волости: «А изъ своего города въ чюжую землю свода нѣтуть; но такоже вывести ему послухи любо мытника, передъ кимъ же купивше. То истыцю лице взяти, а прока ему желѣти, что съ нимъ погибло, а оному своихъ кунъ желѣти». Эта статья (48) III редакции Русской Правды сохранила, по-видимому, весьма архаическую черту: свод — способ розыска украденного и вора — действует лишь в пределах данной земли-волости, замирая на ее границе. Позднейшие списки добавляют: «дондѣже налѣзеть». Понимать ли это, как толкует Владимирский-Буданов, «пока не встретит в пределах своей земли продавца, у которого он купил краденую вещь», или тут неясный намек на позднейшую эволюцию, нарушившую строгую замкнутость земли-волости, не знаю.

В таком же положении, как изгои или пришлые люди, были по отношению к народному праву и княжие дружинники. Не говоря о том, что они по своей роли помощников и слуг княжих легко могли попадать в чужие земли, чуждые месту их оседлости, они часто бывали людьми со стороны, то иноплеменники, то иноземцы русские.

Задача определить правовое положение всех этих разнородных элементов выпала на долю княжеской власти. И она идет к той цели двумя путями: 1) распространяя на них общие нормы путем создания особых условий, с помощью которых это оказалось бы возможным, и 2) создавая новые нормы, по существу отличные от общеправовых, народных. Князь берет на себя защиту людей, у которых нет общеправовых защитников, и требует за них той же платы, какая требовалась «за голову» каждого «людина». Древнейшая редакция Русской Правды ставит рядом общую норму мести (т. е. убийства за голову), ограничивая круг мстителей членами ближайшего кровного союза: «Аще не будет кто мстя, то 40 гривенъ за голову». Отсутствие мстителя, указанное здесь, и ставит на очередь вопрос, на который отвечает перечнем или сводом отдельных примеров 3-я статья: 40 гривен за изгоя, за купца-гостя, за княжих чиновников и дружинников — гридя, ябетника, мечника. Что же такое названные тут русин и словенин? Я перевожу — киевлянин, новгородец, разумея их тут убитыми на чужбине, ходившими, например, для торговли, хотя не решаюсь настаивать на таком понимании. Во всяком случае, тут мы имеем лишь применение общей нормы к специальным разрядам лиц и III редакция Русской Правды знает 40 гривен платы за всякого людина (ст. 5).

Характернее II редакция Русской Правды, содержащая Устав князей Изяслава, Всеволода и Святослава во время их троевластия, т. е. до 1068 г. Она устанавливает повышенные вдвое виры — в 80 гривен за людей, находящихся под особой, личной защитой князя. Тут названы огнищанин, княжой тиун, княжой конюх старый у стада как обеспеченные 80-гривенной карой за голову, но III редакция, можно сказать с уверенностью, не искажила дела, говоря, что 80 гривен платятся вообще, если убит будет княжой муж или тиун княжой.

Таковы примеры деятельности князей, создававшей наряду с общеправовыми особый «союз княжеской защиты, стоящий вне общегосударственного союза членов племени и построенный на совершенно иной основе»¹¹⁰. Эта основа не взаимная порука и защита членов общины, а властная опека князя над теми, кого он берет под свою защиту.

Эта особая «княжая защита» — общен историческое явление у всех европейских народов. Удвоенная и утроенная вира за лиц, состоящих под особой опекой конунга, — общая черта права германских народов. Общее явление и применение этой особой

защиты к отдельным лицам, когда они по исключительности своего положения не могли быть охранены обычным правом. Останавливаться на этом не буду.

Отмечу теперь одно существенное для древнерусского быта социальное последствие возникновения того, что я назвал «союзом княжеской защиты». Из общества древнерусского выделялась группа лиц, стоящая вне общей связи и вне общей, общноправовой юрисдикции. Стоящие под княжой защитой подсудны княжому суду. Не знаю, можно ли это назвать их судебной привилегией, как и то, следует ли называть повышенную виру княжих мужей их привилегией. Ведь в обоих случаях суть дела не в увеличении прав данного лица, а лишь в экстраординарной их защите, причем повышенная кара, шедшая в княжью казну, была привилегией князя, а не его мужей. Лишь косвенно создавалось для них преимущество социального значения, которое легло в основу развития из этого слоя и материально и юридически выделенной из общей массы населения аристократии.

Первоначально дело не в привилегированности, а в возникновении особого, если можно так выразиться, социального организма, сплоченного княжеской силой вокруг себя.

По составу эта среда «княжих людей» весьма разнообразна. Те элементы, которые мимоходом попадали в сферу действия княжой охраны, — приезжие купцы, иноземцы, — не представляют для нас интереса. Вира за них шла князю, а если не было под рукой их родни, то, вероятно, и головщина, как в польском праве; вероятно, их наследство шло князю, как в праве франкском, но все это предположения, которые основаны на одних аналогиях. Наши источники молчат об этом. Остается двор княжой — дружина в тесном смысле слова и отроки княжие, которых тоже можно зачислять в дружину, — среда, в которой, по-видимому, люди несвободного происхождения не были так резко обособлены от мужей свободных, чтобы возвышение их на княжой службе не могло быть путем к свободе и высокому положению. И рядом с двором княжим — население княжих сел.

Княжеское землевладение и княжое хозяйство слабо обрисованы в наших источниках, точнее, вовсе не обрисованы, а лишь указаны случайно, мимоходом. Уже приходилось упоминать о княжих стадах и табунах. Немало можно набрать указаний на княжие дворы и села. Домашнее и полевое хозяйство княжеское велось преимущественно на труде челяди, труде холопском, под надзором тиунов сельских, тиунов ратайных, тиунов конюших и рядовичей. Но в связи с вышесказанным особенно существенно отметить, что опекаемые княжой защитой изгои, прощеники селятся на княжой земле, входят в состав княжого хозяйства. В грамоте смоленского князя Ростислава 1150 г. князь дает церкви «прощеники с медом, и с кунами, и с вирую, и с продажами, и не надобе их судити никакому же человеку»; близ Пскова было село, называв-

шеся Пущеник; та же грамота дает церкви «село Дросенское со изгой и з землю», «село Ясенское. . . и з землю и съ изгой»^{219*}.

Отмечу тут одну черту: прощеники и изгой дарятся церкви со всеми доходами, в том числе судебными, и переходят под юрисдикцию епископа. Князь дарит свое, и та юрисдикция, которую он дарит, — это юрисдикция не общего права, а его собственная, вотчинная. Это отчуждение прав князя, сложившихся внутри «союза княжеской защиты», стоящих вне сферы его государственноправовых отношений к волости-княжению.

Теперь мы можем несколько расширить выставленные выше положения относительно дружины. Принимая общее заключение В. И. Сергеевича, что «народ составляет главную силу князей», я уже отметил, что князь, опираясь на свое «одиначество» с «вечевой общиной», имел и вне ее другую опору — в дружине. Но для правильного представления о положении князя в волости необходимо это суждение расширить, заменить другим, более широким. Дружина, в собственном смысле слова, лишь один из элементов той своеобразной организации, стоящей внутри волости, но вне народной общины, которая составляла самостоятельную опору того, что можно назвать общественным положением князя. Вся эта организация, состоящая из княжого двора и княжих сел, из княжой дружины, княжих отроков, челяди (челядь = люди; чел + ядь, как чел + век), людей княжих, несвободного и полусвободного населения княжих сел, не только окружала князя группой людей, дававших ему личные силы для развития его княжой деятельности, правительственной и военной, но также давала независимую материальную базу его общественному положению в особом княжом, по-позднейшему сказать, дворцовом хозяйстве. И вся эта организация с входившим в ее состав населением стояла, говоря современным слогом, вне общинноправового союза народной общины, вне государственной правовой организации государства-волости. Внутри ее действовало особое право, которое можно назвать по-позднейшему, вотчинным правом. Оно слагалось по аналогии с общенародным, но с теми изменениями, какие вызывались отличиями внутреннего строя «княжого общества» сравнительно с общиной народной.

Особенно яркий пример дает нам право наследственное. Оно вырастает исторически на основе единства владения. «Право наследства, — говорит Владимирский-Буданов, — возникает не из искусственного измышления, а коренится в совладении лиц, живущих в одном доме с наследователем, разделявших труды приобретения имущества и право пользования им»¹¹¹. На почве единства владения в двух сравниваемых нами социальных организациях вырастало в одном из них ограничение имущественных прав лица в пользу общины, семейной и соседской, в другом — в пользу князя¹¹². На одном принципе вырастало два разнородных порядка.

С другой стороны, объединенные на основе единства имущества или владения союзы были союзами защиты. И необходимо иметь в виду связь правонаследования с мостью за убитого с правом получать и платить за него виру. Эта связь ярко выступает в германском праве. По Тюрингской Правде мость, плата за убитого и его земля переходят к одному и тому же лицу. По «Правде Салической» (*tit.*, 60) — кто отрекается от родства, теряет *faida*, *compositio*, *haereditas*, *sed hereditatem ipsius fiscus acquirit* [участие в мести, в вергельде, наследстве, а его наследство поступает в фиск]. Разобраться в спорных вопросах древнейшей истории русского наследственного права можно, только имея в виду взаимную связь указанных сторон древнего быта.

Мы видели, что князь защищает своих людей двойной вирой. Естественно задаться вопросом, помогало ли «княжое общество» своему члену в уплате, например, головщины, если он совершил убийство? Ведь перед вервью стояла дилемма — либо выдать сочлена, либо платить за него. Такая же дилемма стояла перед господином холопа-преступника: если холоп совершит кражу, то по 57-й ст. III редакции Русской Правды господин, будь то князь, будь то боярин, будь то монастырь, платит вдвое истцу; ударит ли холоп свободного мужа, то господин может или выдать его, или уплатить 12 гривен, сумму, которая значительно выше обычной цены холопа: по-видимому, эти 12 гривен — штраф за невыдачу холопа, так как в вознаграждение обиженному, кроме того, полагалась гривна кун, если он не предпочитал получить удовлетворение личное: «бити и развязавше», а прежде — во времена Ярослава — даже убить холопа обидчика или взять холопа себе (судя по варианту Карамзинского списка).

Отношение князя к преступлениям своих свободных слуг не отмечено в наших источниках. Могу лишь привести рассказ Саги об Олаве, как он в Новгороде убил некоего Клеркона, и когда народ сбежался, требуя его смерти, княгиня приняла Олава под свое покровительство и готова была защищать его своими слугами. Князь примирил обе стороны и присудил плату за убийство, которую княгиня и уплатила, выкупив, таким образом, Олава от мести ^{220*}.

Связанные защитой и службой с княжим двором, дружинники стояли к князю и в особом имущественном отношении. След его остался в статье (119) Русской Правды о наследстве, которая в первоначальной редакции должна читаться так: «Аже въ боярехъ любо дружинѣ (=из первичного: аже въ дружинѣ?), то за князя задница не идетъ. Но оже не будетъ сыновъ, а дчери возмуть».

В нашем контексте Русской Правды противоплагаются относительно наследства высшие слои княжих людей, называемые тут бояре и дружина, низшему их слою, который в Русской Правде фигурирует под названием смердов. Об их наследстве в Русской

Правде читаем: «Аже смердъ умереть (без детей), то задницю князю; аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ за мужемъ, то не даяти части имъ».

Толкование этих статей крайне спорно в нашей научной литературе. Но прежде чем касаться разногласий, я устанавливаю свое толкование.

Прежде всего, о каком имуществе идет речь, когда оно называется «статок»? В старших текстах статок — имущество движимое: «и дворъ зажгоша, и статокъ его весь поимаша», — читаем в Ипат. летописи под 1190 г. Еще в Судебнике 1497 г. полное наследство описывается как «статок весь и земли»^{221*}. Затем отмечу, что сама отрицательная форма статьи о боярском и дружинном наследстве вызывает представление, что перед нами отмена порядка, прежде бывшего обычным: наследство дружинника шло князю при отсутствии сыновей. Перед нами смягчение прежней нормы в пользу дочерей-наследниц.

Как на смягчение прежней, более суровой, нормы смотрит Павлов-Сильванский и на статью о наследстве смерда, считая ее первоначальной редакцией вариант, читаемый так: «Аже смердъ умереть, то задницю князю», и признавая допущение до наследства сыновей смерда уже новостью^{222*}. Как бы то ни было, в обеих статьях перед нами особый порядок наследования, в котором обеспечены в известных случаях права князя, уже отодвигаемые в эпоху III редакции Русской Правды XII в. на задний план в вопросе о наследовании и бояр и дружины, но еще сохранившие силу относительно наследства княжих смердов.

Корень этого явления лежит в отмеченных выше особенностях положения дружины и населения княжих земель, которые ставили их вне общего правового строя. И мне уже пришлось указывать на черты германского (вестготского) права, характеризующие ограничение имущественных прав дружинника в пользу князя. Там они проявлялись в правилах, соблюдавшихся при выходе из дружины. Теперь приведу еще примеры, освещающие вопрос о наследстве дружинников, и возьму их из прав славянских.

У сербов бояре служилые назывались властели или властелины. И в Законнике Стефана Душана, царя сербского, читаем: «Каде умре властелинь, конь добр и оружие да се да цароу, а свита велика бисерьна и злати поиас да оузьме сын его, и да му царь не оузьме». И тут видим уступку в пользу бояр-дружинников. И далее: «А коли не има сына, но има дщерь, да има дьщи узети или продати или отдати свободно».

В Польской Правде XIII в., ст. 21 и 22, читаем: «Если умрет рыцарь, имеющий сына или двух или более, которые и получают наследство, то они должны держать мать свою в такой же части (власти), как была она прежде, пока она захочет оставаться без мужа... Если же муж не оставил сына, то жена владеет имением, пока остается без мужа; а когда она умрет, то наследство

берет господин мужа; а если он оставил дочерей, то должен их господин пристойно наделить и дать столько вещей, как имела мать. . .

Также, если умрет крестьянин, не имея сына, то его господин берет его имущество. . . Оставил ли муж дочерей, их должен наделить, кто его наследство берет, сын ли его или господин»^{223*}.

Все это варианты смягчения старого права в пользу сыновей, вдов, дочерей, но не далее. Аналогичные примеры можно, конечно, привести и из германского права. Но это завело бы нас слишком далеко.

Основные черты описываемого явления и так ясны. Перед нами следы эволюции, состоявшей в постепенном выделении личных и наследственных прав лиц свободных, но входящих в личную зависимость от князя, черты из истории особого княжого права. Немудрено, что источники не сохранили первоначальных норм, а дают лишь их изменения и смягчения. Обычное право подвергается записи и кодификации, лишь когда оно переживает ломку, кризис, и потому-то древнейшие памятники права содержат всегда почти смесь архаизмов с новообразованиями, а не стройные системы права.

Какое же право было общим рядом с этим особым вотчинно-княжим? Это непрерывное владение семейной общины, постепенно вырабатывающее понятие семейного наследования. Кто был наследником в эпоху Русской Правды, на это нам ответ дает древнейшая духовная грамота XII в., в которой завещатель новгородец Климент делит свое наследство между разными лицами. Главный наследник, кредитор Климента — Георгиевский монастырь, потому что «не было у мене ни брата, ни сыну»^{224*}. Что касается судебных выморочного имущества по народному праву, то указание на его судьбу вижу в приведенном выше тексте из славянского перевода «Эклоги», вошедшего в наши Кормчие, где в числе наследников такого имущества назван «людской сонм» — соседская община. Такое толкование этого указания, как было отмечено, поддерживается и аналогиями западного права, и явлениями позднейшего общинного быта на Руси.

Итак, в соответствии дуализму князя и веча видим в древней Руси два социальных организма — народную общину и княжих людей, и две системы права — общенародное и княжое.

Что такое княжие люди, жившие под особым княжим правом, об этом уже было говорено. Я должен только прибавить несколько слов в пояснение термина, который я позволил себе употребить: «княжие смерды». Такого выражения вы в источниках не встретите. Это не цитата, а толкование. Дело в том, что нельзя понять статей о смердах Русской Правды Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей, не признав, что тут речь идет о людях, зависимых от князя и стоящих под особой его опекой, мало того, имеющих определенное и особое отношение к княжому хозяйству,

если взять эти статьи вместе со статьями о смердах III редакции.

Из этих статей о 117-й я только что говорил. Ее толкуют иначе. Сергеевич, Дьяконов, Владимирский-Буданов видят тут общий закон, а не специальное право.

Я бы затруднился найти пример более искусственного толкования текста, чем то, какое находим на 544—546 страницах «Лекций» Сергеевича. Прежде всего, он разрывает связь между 117-й и 118-й статьями, утверждая, что «нет ни малейшего повода их сливать». В первой дано общее правило о судьбе выморочного имущества», а источник ее — византийское право, именно та самая статья «Эклоги», которая говорит, что при отсутствии наследника *universum patrimonium fisco inferitur* [вся наследственная собственность поступает в фиск]. При этом Сергеевич для оценки рецепции этой статьи на Руси не принимает во внимание, что славянский перевод ее изменил, передав слово «*fiscus*» тремя понятиями: церковь, «царское сокровище» и «людской сонм». Вторую половину постановления Русской Правды о наследстве смерда Сергеевич не только произвольно отрывает от первой, но и толкует как признание за дочерью права на часть наследства, равную части братьев! Владимирский-Буданов не разрывает тесно связанных статей 117 и 118 и не игнорирует антитезы смердьего и боярского наследства. Он видит «простой и ясный смысл статей Русской Правды в различении порядка наследования в классе бояр, боярской дружины и людей, с одной стороны, и в классе смердов — с другой»¹¹³. Эти два класса определяются им как класс городской — разных слоев, с одной, и класс сельский, с другой стороны. Смерды — это все сельское население, а особенность их наследственного права объясняется тем, что «земли общинные считались государственными, и смерды, населявшие их, были смердами князя»¹¹⁴. Так и Владимирский-Буданов приходит к понятию «княжого смерда», но расширяет его на все свободное сельское население древней Руси. Тут нет насилия над текстом, но имеется крупное нарушение исторической перспективы. Положение князя, подобное рисуемому Владимирским-Будановым, сделало бы совершенно непонятными значение веча и его власть над ополчением земли. Будь вся земля и все смерды в руках князя, его власть была бы несоизмеримо сильной сравнительно с силой городской общины. То «окняжение» всей земли и обращение всего населения в подвластное непосредственно князю, какое вносит Владимирский-Буданов в Русскую Правду, — явление позднейшее, созданное удельным периодом.

Обратимся к другим статьям о смерде. И прежде всего к 14-й (во II редакции = 103-й III редакции). «Или смердь умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны. А въ огнищанинѣ и въ тиунѣхъ и в мечниѣхъ 12 гривнѣхъ». Слово «мука» в старой письменности употребляется в значении «наказание». Так, последняя статья (135) Карамзинского списка Русской Правды говорит: «Оже утя-

жуть въ мукѣ, а посидить у дворянина, 8 ногат за ту муку». И следует принять для данного текста толкование Владимирского-Буданова: мука — самоуправный суд (арест, наказание)^{225*}. Тут незаконна та мука, которой смерд или княжой человек подвергнуты без княжого слова. Князь тут защищает не столько их, сколько неприкосновенность своей юрисдикции над ними. Это особенно ясно, если прочесть эту статью так, как находим ее в III редакции (ст. 103). Правда, тут текст испорчен непонятным началом: «аже смердъ мучить смерда *безъ княжа слова*» (*in verbo regis*), но ценно, что идет дальше: «. . . то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ; аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажъ, а за муку гривна (кун)». 3 гривны и 12 гривен шли князю за нарушение его права судить смердов и огнищан, а сами потерпевшие получали одинаково по гривне. Это установление, по сути дела, совершенно параллельное 80-гривенной вире за княжих мужей. Вот почему и волхвы в известном рассказе требуют «княжого слова»: «Стати нама пред Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже», — говорят они Яну Вышатичу^{226*}.

Остаются две статьи. В одной (9=56) читаем таксу за скот, которую III редакция называет «уроци смердомъ, оже платять князю продажу». Урок — вознаграждение потерпевшему, например, от кражи. Продажа — уголовный штраф. Перевод будет такой: «таковы назначаемые взыскания смердам, подсудным князю». При краже скота продажа 3 гривны 30 резан, а урок — по расценке. Тут записана практика суда княжого в среде смердов. Эта статья особого интереса не представляет. Остается наиболее спорная и трудная статья 7 (=16), которая читается различно: либо «а въ рядовицѣ княжи 5 гривенъ, а въ смерды въ холопѣ 5 гривенъ», либо «а въ смерде и въ холопѣ 5 гривенъ». Как ни читай, трудность толкования остается. При первом чтении равенство платы за княжого рядовича и за смердьего холопа плохо вяжется с повышенной охраной всего княжого. При втором непонятно уравнивание смерда, свободного человека, платящего князю продажу, с холопом, которого князь продажею не казнит, «зане» есть не свободен. Третьим стоит рядович или рядовник — в той же цене. Это слово Сергеевич толкует — рядовой раб¹¹⁵. Такое значение этимологически возможно, но старыми текстами не подтверждается. Рядович княжой — помощник тиуна. «Не держи села близ княжа села, — советует Даниил Заточник, — тиун бо его яко огонь трепетицею наложен, а рядовичи его яко искры». «А сотским и рядовичем без наместника и посадника не судити», — постановляет договор новгородцев с князем^{227*}. Не ясно ли из этих текстов, что рядович не рядовой холоп, а помощник тиуна по уряженью работ и управлению княжой челядью? В таком случае несомненным представляется, что 5 гривен взимаются по нашей статье за лиц разного положения.

Но что такое эти 5 гривен? Прежде всего, сумма эта стоит

в ряду княжих доходов. Но это, конечно, не цена за голову смерда, не вира и не продажа. Смерд — свободный человек, и мы должны исходить из того, что вира за него 40 гривен или, по крайней мере, головщина равна этой сумме¹¹⁶. Сорок — но не более. Хотя мы ставим смерда в то, что называли «союзом княжой защиты», но нет никаких оснований приписывать ему повышенную виру. По-видимому, наиболее соответствующее понимание текста сведется к признанию, вместе с Владимирским-Будановым, что 5 гривен эти — «вознаграждение князю за нанесенный ему убыток по равной оценке всякой рабочей силы», что не исключает обычного зыскания 40 гривен за свободного, как и — согласно статье 116 III редакции — 12 гривен продажи за убитого без вины холопа; эти 5 гривен не уголовная кара, а «урок»^{228*}.

Смерд — необходимый элемент княжого хозяйства. Это сближает его с теми изгоями, прощениками, пущениками, о которых речь была выше.

Мы стоим тут перед весьма важным социально-экономическим явлением выделения среди массы сельского населения особой части, стоящей вне обычного склада отношений, выделения из массы земель части, состоящей в особом от обычного владения и под особой новой формой эксплуатации. В XI—XII вв., когда под напором степной силы русская жизнь все больше замыкалась в лесном пространстве, когда по необходимости сузился размах русской колонизационной и завоевательной силы, пришлось восточному славянству подобраться, сконцентрироваться на более определенной территории, осесть на ней плотнее. Пришлось приступить к более усиленной разработке местных богатств природы, завоевывать у нее новые и новые участки почвы, занимая лежавшие впусе пространства, отнимая их у леса. Начался процесс внутренней колонизации.

И в этом деле наряду с разрастанием починков, исходящих от общин сельского населения, более гибким и предприимчивым, лучше вооруженным и силами организующими и средствами материальными оказалось княжое хозяйство, с одной стороны, и хозяйство опиравшихся на князя церкви и боярства — с другой. Развившаяся в этом направлении частная предприимчивость названных сил рано переросла условия ведения хозяйства руками несвободных слуг — челяди и холопов. Потребность в рабочих руках привела к пользованию трудом полусвободных людей — выражение, которым обыкновенно характеризуют двойственное положение людей, у которых правовое положение лично свободных и полноправных соединялось с экономической зависимостью живущих на чужой — необщинной — земле и работающих в чужом хозяйстве. Эта экономическая зависимость связывалась для них с особой опекой и защитой, с особой подсудностью, ставила их под власть особого права. Так возникал особый разряд полусвободных зависимых людей, стоявших между холо-

пами-рабами и свободными членами народной общины. Личный состав этого класса набирался преимущественно из лиц, вышедших из тех или иных общиноправовых состояний. Это либо вольноотпущенники, вышедшие из холопства, либо свободные люди, ищущие защиты и обеспечения вне круга общиноправовых союзов под властью сильных людей и в составе крупного хозяйства.

Начало княжой защиты, княжого покровительства было средством привлечения этих элементов в круг княжого хозяйства и княжого права.

Явление это широко распространено по всей Европе. Во Франции XI в., в лесных пространствах, требующих расчистки, видим множество новых починков, сел, где живут и работают так называемые *hospites* — пришельцы, полусвободные держальцы участков во владении крупных землевладельцев. Это колонизационное движение столь сильно, что мы слышим жалобы на запустение старых, давно насиженных поселений. В Польше тот же элемент чужаков в селе, присельников, состоявших обычно либо из отпущенников, либо из младших членов семей, вышедших на новые места, называется в латинских источниках тем же термином *hospites*, а по-польски *lazegi* (вольные, гулящие люди). Это наши изгои или смерды на княжой земле, два главных элемента внутренней колонизации XI—XII вв.

Таков запас рабочих сил, направленных на расчистку новин, на пользу вновь возникавшего крупного хозяйства и крупного частного (т. е. стоящего вне общиноправовой народной организации) землевладения.

Наряду с княжим мы знаем два вида этого землевладения — церковное и боярское. О церковном мне уже приходилось говорить. Оно возникает рано. Печерский монастырь владеет селами уже вскоре после своего основания в XI в., как видно из Несторова Жития св. Феодосия (в «Патерике»). Источником церковного землевладения были пожалования князей и вклады других лиц. Так, в Ипат. летописи под 1158 г. читаем, что князь Ярополк Изяславич дал Печерскому монастырю «всю жизнь свою Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую около Киева». Был у Печерского монастыря двор и в Суздале с церковью св. Дмитрия и с «селы» — дар митрополита Ефрема¹¹⁷. Первая дошедшая до нас жалованная грамота на землю 1130 г. — грамота Мстислава Мономашича Юрьеву монастырю (новгородскому) на село Буицы с данию, с вирами и с продажами^{229*}. Эта грамота, как и приведенные выше тексты грамоты Ростислава смоленской епископии 1150 г. и церковных уставов, свидетельствуют, что предметом пожалования были земли с населением их и с административно-судейскими правами и доходами над этим населением зависимых людей.

На другой способ расширения монастыря указывает упомянутая уже духовная новгородца Климента (игумен Варлаам Юрьев-

ского монастыря, ум. в 1270 г.). Климент взял в долг у монастыря 20 гривен серебра и за то дает монастырю «два села съ обильемъ и съ лошадьми и съ бортью и съ малыми селищи, и пнь и колода — одерьнь». Тут первое известие о денежных операциях монастырей, сыгравших столь крупную роль в развитии монастырского землевладения в следующие века. Далее духовная дает еще черту существенную: Климент «приказывает игумену Варлааму и всей братии» свою жену, которой завещал двор свой городской и часть другого имущества с тем, чтобы она постриглась, а монастырь бы ее обеспечил на безголодную жизнь, а если не пострижется, то наделил бы меньше. Тут пример приказывания монастырю под опеку, закладывания за монастырь лиц, ищущих опеки.

Учсть размер монастырского и вообще церковного землевладения в домонгольский период по нашим отрывочным данным не представляется возможным. Можно только повторить с Милутиным, что церковь «к началу XIII в. успела уже сосредоточить в своих руках довольно значительное земельное богатство»¹¹⁸.

Важнее подчеркнуть характер социально-политического властвования, связанный с этим землевладением. Население церковных имений подчинено церковным властям, они судят его своим судом, собирают с него княжие доходы. Князь, его бояре, его администрация не вмешиваются в управление «церковным обществом». Оно обособлено в особый организм, стоящий вне народной общинно-правовой организации, как и общество княжое. И таким оно остается на ряд веков, хотя с усилением княжеской власти эта иммунитетная автономия церкви несколько ограничивается. Древнейшее содержание этих иммунитетов шире: всякий суд над церковными людьми принадлежит церковным властям, а дела между ними и сторонними людьми судит «обчий» суд из представителей духовной и светской власти. Позднейшие тексты вносят уже оговорку: «развее татьбы съ поличнымъ, таже и душегубления, то судити съ моимъ судьей княжимъ, а в иные дела никакоже моим не вступатися».

Третье явление того же порядка — боярское землевладение. Насколько можно уловить его древнейшие черты, оно, однако, строилось на принципиально иных основах, чем княжое или церковное. В XI—XII вв. в Киевской Руси не видим еще признаков существования в боярских вотчинах вотчинного суда, вотчинной власти. Время иммунитета, уже народившегося для церкви, для боярства, впереди, в удельной эпохе. Нет данных, чтобы говорить и о княжеских земельных пожалованиях как источнике боярского землевладения. Упоминания о боярских селах случайны и немногочисленны, но это упоминания мимоходом, как о явлении обычном. В 1150 г. князь Изяслав Мстиславич говорит дружине своей: «Вы есте по мнѣ из Рускые земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизний лишився». А князь Владимир Василькович упоминает

в своей духовной грамоте село Березовичи, которое он купил у боярина Федорка Юрьевича Давыдовича за 50 гривен кун, 5 локтей скарлату и броню дшатуу¹¹⁹.

Возникнуть это боярское землевладение могло путем заимки и распашки новин на незанятых участках. Ставилось и велось это хозяйство руками челяди. Но потребность в рабочих руках и тут создала применение полусвободного труда. Отсутствие в руках боярства такой политической силы, какой располагали князь и церковь, создает иной, чисто экономический прием для достижения этой цели, — закупничество. В составе III редакции Русской Правды исследователи давно отметили ряд статей о закупах, легко выделяемых в особый «Устав о закупах» (71—86, и 90). Что же такое закуп?

1. Закуп — свободный человек. За его обиду платеж такой же, «якоже в свободнем». Он стоит под общей подсудностью: может бежать «обида деля» от своего господина к князю или к судьям. За продажу его в холопы — кара 12 гривен, как и за отдачу в залог другому.

2. Свобода его понижена его социальным положением: только «в мале тяже», «по нуже» можно сложить послушество на закупа.

3. Причина этого в том, что он состоит в личной зависимости от господина, который, например, если бьет закупа «про дѣло»¹²⁰, то «без вины есть». А при совершении закупом кражи обращаются к господину, который может или заплатить за него и взять его себе в холопы, или, если не хочет, продаст его в холопы и уплатит «урок», а остаток себе возьмет.

4. Закуп состоит на чужой работе, и если сбежит от господина, то обращается в полного холопа. Не ясно, всегда ли он «ролейный» закуп. Пашет он, по крайней мере, иногда на своем коне (ср. смердьего коня II редакции), но иногда («еже») получает борону и плуг от господина и должен платить, если их «погубит», как и в том случае, если пропадет господский скот, буде он его не загнал во двор и не запер, как ему велено.

5. Связь господина с закупом — связь договорного обязательства. Содержание и характер договора неясны и вызывают различное толкование: то видят в закупничестве наем с платой вперед, то заем под залог личности с обязательством отрабатывать долг, то соединение и того и другого. Соответственные статьи Русской Правды толкуются и переводятся различно¹²¹. Основных затруднений два: 1) перевод слова «купа» («копа», «кова») в ст. 74 и в связи с этим толкование ст. 78 и 2) понимание ст. 79.

Купа — обыкновенно переводят «цена, плата». Слово это в таком смысле не указано вне Русской Правды, и потому другие, например, Владимирский-Буданов, видят тут «копну» — долю копен половника, а Соболевский предпочитает вариант «кова», тол-

кую его сопоставлением со словацким *chova* — корм, польским *chow* — прокормление. Сторожев переводит «ссуда». В ст. 78 слово «отарица» переводят «имущество» на том основании, что суздальский архиепископ Дионисий в грамоте 1382 г. перевел словом этим «ресулит». Но «отара» значит «стадо», и потому Владимирский-Буданов и Соболевский переводят «долю в скоте, стадце». Споры эти, однако, ничего не меняют в общем представлении о закупе как о зависимом, полусвободном человеке, работающем в чужом хозяйстве, с которым его связала та или иная экономическая связь ^{230*}.

Перед нами прошел в беглом очерке ряд крупных явлений древнерусской жизни. Вне и над строем народнообщинной жизни создаются новые организации иного типа на началах экономического и политического властвования. Их опора — в крупном хозяйстве, его основа — все разрастающийся элемент полусвободного населения, стоявшего вне общеправовых отношений народных общин. Князь, церковь, боярство — новые социальные силы, связанные тесно друг с другом, родственные по типу и социально-политическому значению, это явления, пророчащие гибель старому складу жизни волости-государства. И первым шагом к этому результату стало развитие правительственной силы князя.

Лекция XIII

КНЯЗЬ-ПРАВИТЕЛЬ.

КНЯЖЕСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И СУД В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Если мы оглянемся назад, на рассмотренные черты внутреннего строя древнерусской волости-земли, то окажемся перед сложной картиной. Каждая такая волость, объединенная вокруг главного стольного города, состоит из ряда городских (пригороды) и сельских (верви) общин со значительно развитым самоуправлением, самодовлеющих во внутренней жизни своей. Над ними стоит власть веча главного города, нигде, однако, кроме Новгородской и Псковской земель, не выработавшаяся в деятельное управление землею посредством органов городской вечевой общины. Вообще, по всей остальной Руси деятельность веча не создавала прочной внутренне объединенной организации волости. Оно стояло во главе волости-земли лишь в делах высшей политики, а текущие дела по управлению ею оставались в руках либо дробных местных общин, либо княжой администрации.

Рядом с вечем и народными общинами стоит князь — вождь и организатор народного ополчения, глава общего управления

земли, охранитель внешней безопасности и внутреннего мира, внутреннего «наряда». В этой двойной роли своей он стоит во главе земских сил народного полка, во главе того союза общин, какой представляется внутренняя организация земли-волости, — он, а не вече. Правда, высшая решающая власть для народного войска и народных общин — вече, а не князь. Правда, полк тысячи земской идет в поход по решению веча, а не по княжескому приказу; и «пригороды станут» на том, на чем старшие города «положат», а не на том, что князь решит. Но как войско народное требовало для своих выступлений организующей деятельности князя, так же значительна была его роль в судебно-административной и финансовой организации земли-волости. Если права историка права, что вече, а не князь должно быть признано носителем верховной власти древнерусской политико-волости, то, с другой стороны, элементарные нити древнерусской волостной администрации сходились в руках князя, а не веча или каких-либо его органов. В этом оригинальная черта древнерусской государственности. И Корф только затемняет ее своеобразие, называя князя зависимым, несамостоятельным, подчиненным вечу органом управления, которому вече уступало добровольно исполнение известных административных функций¹²². Вече не могло уступать князю того, чего само никогда в своих руках не держало. И дуализм князя и веча был своеобразным внутренним противоречием в древнерусской государственности, которого не разрешила жизнь Киевской Руси, а потому не должны разрешать в истории русского права искусственные юридические конструкции.

Дело именно в том, что положение и деятельность князя в волости, в сфере управления, фактически не зависели от веча, пока не возникало резких конфликтов, пока не вырабатывались «ряды» между князем и вечем более конкретного и подробного содержания, чем простое взаимное крестоцелование с обещанием князя судить и рядить по правде, и особенно пока не выработалось постоянных органов веча, ограничивающих и контролирующих его деятельность. А все это произошло только в севернорусских народоправствах.

Более независимое положение князя на киевском юге обуславливалось не только недостатками вечевого управления, но и самостоятельным общественным положением князя, опиравшегося на свой двор и свое землевладение, на дружину, на полусвободное и несвободное население своих сел, на связь свою с церковью и с землевладельческим боярством, т. е. на особую сложную силу, стоявшую вне вечевого и народнообщинной организации и независимую от веча.

И на юге, как увидим, так же как и по всей Руси, кроме Новгорода и Пскова, силой, с которой пришлось князьям считаться, которая вступила с ними в конкуренцию, явилось в конце

концов не вече народное, а земледельческое боярство, когда оно окрепло до значения самостоятельной социально-политической силы, стремившейся к подчинению себе и вече и князя. Но прежде чем рассматривать это позднейшее явление, нам надо изучить правительственную роль князя в древнерусской волости XI и XII вв.

Я как-то назвал народные общины — городские (пригороды, сотни) и сельские (верви) — главным орудием для поддержания общинного порядка и внутреннего мира всей волости. А теперь характеризую князя как охранителя этого мира и порядка, стоящего во главе судебно-административной организации всей земли-волости. Необходимо выяснить взаимные отношения княжой администрации и общинного самоуправления.

В центре древней администрации стоит судебное дело. То, что можно назвать древней правительственной властью, не вмешивалось в текущую жизнь, не пыталось регулировать ее нормальное, обычное течение. Акты ее возникали лишь в случаях нарушения обычного порядка, в случаях необходимости защитить и восстановить его. Именно защита внешней и внутренней безопасности составляет суть и назначение древней правительственной власти.

Наибольшей активности от нее требовала первая из этих задач — охрана внешней безопасности. Тут все лежало на князе — и организация военной силы, и ее экипировка оружием и конями, и руководство военными действиями. Дельный князь должен военным делом сам заведовать: «на войну вышедъ» «не лениться», «не зреть на воеводы»; «ни питью, ни еденью» «не лагодить», «ни спанью»; «и сторожъ» «сам должен наряживать», а ночью, «отовсюду нарядивше около вои», может лечь, но рано встать, «а оружия не снимать с себя вборзе, но все разглядавшѣ»^{231*}. И военные неудачи объяснялись иногда тем, что «князя не было, а боярина не все слушают». Для этой военной деятельности своей князь=правитель почерпал и личные силы и материальные средства из недр того социального организма, который создался вокруг него из круга дружины княжой челяди, подвластного населения¹²³ княжих сел и из своего княжого хозяйства. Организация личного постоянного княжого войска, ядро которого составляла дружина, — дело, начавшееся в изучаемую нами эпоху, — дала новую и могучую опору княжой силе в дальнейшем.

Что же касается активности княжой деятельности в охране внутреннего «наряда», то она развивается и усиливается лишь постепенно. Княжеская администрация и княжой суд постепенно расширяют сферу своего значения. Расширение это и внешнее и внутреннее. Внешнее в том смысле, что княжие суды были вначале редкостью, постоянно функционировали только в крупных городских центрах, и лишь постепенно утверждаются и в менее

значительных пунктах, лишь наездом появляясь в среде сельского населения, предоставленного собственной своей управе. Внутреннее — в постепенном расширении самой компетенции княжой власти, круга лиц и дел, подчиненных ее решению.

Это прежде всего потому, что самый характер древнего судебного дела предопределял большую пассивность судьи, будь то князь, будь то судящий по поручению князя муж княжой.

Начать с того, что в старину сама заинтересованная сторона производила следствие, без участия представителей какой-либо власти. Потерпевший должен найти доказательства своего иска — свидетелей, поличное. Он сам должен отыскать преступника путем свода, гонения следа или обеспечить себе право на возврат краденого или право иска против вора путем «заклича на торгу» — объявления об утрате. Если ему в этом нужна была помощь, то искать ее приходилось прежде всего у соседей, у тех, кого соберет криком на гонение следа, у свидетелей, каких соберет, чтобы перед ними сделать свои заявления, констатировать нужные ему факты. По-видимому, несколько позднейший уже порядок, не заменивший старого, а лишь его дополнивший, рисует ст. 146 III редакции Русской Правды, что если истец найдет украденного холопа в чужом городе, то должен заявить посаднику и взять у него отрока, с которым и идти, чтобы «увязать» холопа. За это истец должен уплатить отроку «вязебное» — 10 кун. Сам же истец вызывает на суд противника, и стороны условиваются о сроке, когда им стать перед судьей. Так и перед судьей все дело ведут стороны в форме состязания, а роль его может быть названа ролью лишь председателя, руководящего процессуальной борьбой, которая должна идти в строго установленной обычаем форме и затем констатировать исход ее вполне формально, как предрешает тот или иной исход обычай. Наконец, и само исполнение приговора лежит на выигравшем процесс. Не говоря уже о древнейших временах родовой мести, кредитор сам устраивал продажу должника или обиженный сам расправлялся с обидчиком, подлежащим телесной каре. Помощь должностных агентов лишь предполагается возможной и, по-видимому, эвентуальна. С тех, «кому помочь», они в таком случае получают особые «уроци» в зависимости от величины иска.

При таком характере процесса главное назначение суда состояло в определении тех норм обычного права, которые подходили к данному случаю, но не в этом была роль княжого судьи. Правда, мы мало знаем об этой стороне дела, но аналогия судебного дела у германцев и западных славян позволяет представить себе дело так, что самое «нахождение права», предрешавшее приговор, было функцией присутствовавших на суде членов местной общины. Один памятник древнерусской письменности называет судебный процесс: «пресъставити передь княземъ

и передъ людьми»¹²⁴. С другой стороны, в иных делах отзыв послухов-свидетелей бывал, по существу, приговором и установлением обычноправовой нормы для данного случая (ср. III редакцию, ст. 110: «А тыя же тяжь всѣ судять послухи свободными»). Так в ст. 19 древнейшей Русской Правды читаем: «Аще гдѣ възыдеть на друзи проче, а онъ ся запирати начнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 мужа».

Как видите, общинный характер судебного дела лежит яркой печатью на всех основных чертах древнего судопроизводства. На общине лежали, как мы раньше видели, обязанность борьбы с преступлениями, преследование преступников, то, что можно назвать полицейским делом в тесном смысле слова. Ведомых лиходеев — разбойника (III редакция, ст. 10) и конокрада (III редакция, ст. 42) — она выдает князю на уголовную кару, на поток. Если все основные судебно-административные функции того времени лежали, таким образом, на самом населении, то к чему сводилась тут роль княжеской власти?

В ответе на такой вопрос надо различать личный суд князя и отношение княжеской власти к общинному самоуправлению и суду. Древняя Русь придавала особое значение личному суду князя, лишь неудовлетворявшим население суррогатом, которого считался суд княжих людей. Княжой суд — особый вид суда, и его значение можно понять, только приняв во внимание, что усложнение и видоизменение жизни, особенно в городских центрах, создавало ряд правовых вопросов, не раз решавшихся традиционным народным обычным правом. Устойчивое, медленно изменяющееся, консервативное по самой сути своей обычное право легко отстает в своем развитии от потребностей жизни. И тут основная причина крупного значения князя как судьи. Его суд не связан в своих решениях строгой зависимостью от обычного права. Случаи сложные, неясные, новые, случаи, при которых применение обычного права привело бы к явной несправедливости, — вот, прежде всего, область княжого решения. Это *judicium aequitatis*, решение по справедливости, игравшее существенную роль в развитии права у всех народов. Это фактор творчества нового права путем прецедентов, какими становились отдельные княжие приговоры.

Такое значение признавалось прежде всего за личным судом князя. Личное его судопроизводство входило нормальным элементом в постоянную деятельность князя. В расписание княжого дня у Владимира Мономаха входит и момент — «людей оправливати». И в принципе от князя ожидали весьма широкой судебной практики. На нем в глазах населения лежала и ответственность за суд его людей, судивших по его поручению. Именно тем, что весь суд судей считался княжим, объясняется, что судьями мы видим не только бояр-посадников, но и тиунов, которых следует представлять себе либо несвободными слугами князя,

либо людьми из младшей дружины княжой. Это суд на княжом дворе, суд перед князем, суд князя и судей, по-видимому, без принципиальной разницы. Всякий суд—княжой, потому и не возникало понятия апелляции. Характерен в этом отношении рассказ (Ипат., 1146 г.), как киевляне, требуя смены прежних тиунов-притеснителей, говорят: «А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и зѣ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави»^{232*}, требуя личного контроля князя над деятельностью тиунов. Мы видим тут нечто аналогичное с тем, что уже наблюдали в других вопросах: княжая сила вступает более гибким, творческим фактором в крепкий традицией, но косный склад народной жизни.

В такой же организующей и руководящей роли, как в деле военном, видим княжую силу и в ее отношении к народнообщинному самоуправлению. На нем, как мы уже знаем, лежала львиная доля текущей судебно-административной деятельности. Княжой суд, не только личный, но и через заместителей, был мало доступен народной массе. Он играл свою роль только в городских центрах, лишь наездом вмешиваясь в жизнь сельских общин. Но и эта несовершенная форма вмешательства имела свой глубокий исторический смысл как характерный момент в развитии древнерусской государственности.

В чем же она состояла? Как в вопросе об определении прав лиц, стоящих вне общеправовых союзов, так и в деле воздействия на деятельность (судебно-административную) народных общин, княжая власть берет на себя развитие права и судебно-административной практики в тех случаях, где обычный порядок оказывается недостаточным. Так, это воздействие сказывается, например, в такой форме, которую можно назвать карой верви за бездействие.

Примером может служить дикая вира: за мертвое тело, найденное на общинной земле, платит община за то, что не отыскала головника, убийцу («а головника не ищють» — Русская Правда, III редакция, ст. 5). Другой пример дает ст. 95 III редакции: «Аже будетъ росѣчена земля или знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ, то по верви искати татя, ли платити продажу». Ланге удачно связывает эту статью с предыдущей (ст. 94): «Аже украдетъ кто бобръ, то 12 гривенъ», — понимая так, что если в месте бобрового промысла найдены будут следы или остатки орудий ловли, то обязательно для жителей гонение следа — розыск вора по верви или уплата 12 гривен продажи за неотыскание вора^{124а}. Это правило, сходное с обычаем дикой виры, — частный случай общего установления, которое видим в ст. 102 III редакции, где село, которое не отсочит от себя следа, не идет по нему или отобьется от гонящих след, платит и татьбу и продажу. Во всех этих случаях видим ответственность населения за бездействие по отысканию преступника или возможное укрывательство его. Ибо при

обстоятельствах, где нет данных для розыска или для подозрения, что преступник должен оказаться в данной среде, нет и платежа: ст. 20: «А по костехъ и по мертвечи не платить верви, аже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его», и ст. 102: «Аже погубятъ слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ, а села не будетъ, или на пустѣ, где не будетъ ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татьбы». Но воздействие княжой власти на судебную деятельность народных общин не ограничивается этими случаями. Она налагает руку на все процессы, на все преступления, требуя наряду с вознаграждением потерпевшего и уголовной кары в свою пользу, вир или продаж, смотря по характеру преступления.

Прежде чем разбирать по существу это явление, попробуем дать себе отчет в том, как оно возникло.

Начнем анализ этого вопроса с одного места летописного рассказа о Владимире Святославиче. Под 996 г. читаем в Лаврентьевской летописи: «Живяше же Володимеръ в страсть божьи, и умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „Се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ“. Онъ же рече имъ: „Боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „Ты поставлень еси отъ бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, на со испытоть“. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники. И живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдню»^{233*}.

В. О. Ключевский посвятил толкованию этого отрывка особое приложение «Боярской думы». Указывая, что слово «казнь» в древнем языке отнюдь не имеет значения смертной казни¹²⁵, а означает вообще наказание, в частности же наказание правительственное, возмездие от правительства, и если это денежная пеня, то в пользу правительства, а не частных лиц, Ключевский видит в рассказе о совете епископов казнить разбойников указание на то, что при Владимире действовало другое уголовное право, не похожее на Русскую Правду, по которой разбойник наказывался «потоком и разграблением»¹²⁶. Кроме того, в словах, что Владимир «отвергъ виры, нача казнити разбойники», Ключевский видит свидетельство о том, что «при нем вира не была штрафом в пользу князя», так как Владимир виру за разбой заменил казнью, а по Русской Правде вира и есть казнь, уголовная пеня в пользу князя.

Что же касается второго известия о том, что Владимир принял совет епископов: «Оже вира, то на оружьи и на конихъ буди», — то, по Ключевскому, оно не стоит в прямой связи с предыдущим, а сообщает о другом, новом постановлении. Первое заменяло виру за разбой каким-то правительственным наказанием (потоком и разграблением?). Второе обращало виру вообще, т. е. все остальные виры, в «казнь», в наказание правительственное, каким они являются в Русской Правде. Таким

образом, заключает Ключевский, «оба постановления Владимира ставят нас при начале законодательного процесса, создавшего Русскую Правду»^{234*}.

Этот остроумный комментарий можно поддержать некоторыми наблюдениями над Русской Правдой. Древнейшая редакция ее еще не знает «казни» вирами и продажами. Она устанавливает или, точнее, записывает цифры платы «за голову» или «за обиду», а кому шла эта плата, видно из ст. 6: «Аще ли себе не можеть мстити (подвергшийся побоям), то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а лечьцо мзда». По-видимому, из уплат, в ней упоминаемых, князю шла только та 40-гривенная плата, какая полагалась по ст. 3 за лиц, состоявших под княжой защитой.

Картина меняется, как только мы от этой древнейшей Правды Русской перейдем к той, которая «установлена Руской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ» с мужами своими. Тут рядом с установлением двойной 80-гривенной виры за убийство княжих людей: огнищанина, ездового, княжа тиуна, конюха; рядом с перечнем «уроков» за княжих людей, как сельский или ратайный княжий староста, рядович, смерд и холоп, «уроков» в вознаграждение за пропажу имущества встречаем впервые различие в пене за преступление — «урока» за убыток, и уголовного штрафа — продажи в пользу князя. Например, ст. 15: «Аще ли лодью украдетъ, то лодью платитѣ 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ», или ст. 16: «... а въ голуби и въ куряти 9 кунъ, а въ утки и въ гуси и въ жеравъ и въ лебедь 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ». Или ст. 22: если и 10 человек одну овцу украли, «да положить по 60 рѣзанъ продажи». В этой редакции мы не находим указаний на различие в плате за убийство соответственно различию урока и продажи при краже двух элементов: головщины в пользу родных убитого и уголовной виры в пользу князя. Это понятно: она, эта Правда Ярославичей, в рукописях не встречается отдельно, а приписана к первой, древнейшей. Но некоторые статьи III редакции дают нам ясное представление и об этом: при плате за убийство виру платит в известных случаях вервь по раскладке, а головничество уплачивает целиком сам головник, внося и свою долю в 40 гривен виры (обычай).

Может быть, есть некоторое основание предположить, что практика взыскания в пользу князя «продаж» с провинившихся в краже установилась первоначально в среде княжого управления населением княжих сел. По крайней мере, III редакция Русской Правды, повторяя «уроци скоту», т. е. таксу плат за кражу скота, приведенную во II редакции, где, как мы видели, слово «смерд» означает полусвободного поселенца на княжой земле, замечает: «То ти уроци смердомъ, оже платять князю продажу». Но если и так, то несомненно, что взыскание не только вир, о чем свидетельствуют статьи о верви, но и продаж распростра-

нилось на всю судебную практику в земле-волости и касалось всего населения. Об этом свидетельствует вся III редакция Русской Правды, о том же говорят и княжие грамоты XII в.

Недостаток известий крайне затрудняет попытку пояснее представить себе, как тут происходило дело. Сбор судебных доходов в пользу князя легко представить себе на суде княжом, самого ли князя или княжого мужа. Но как осуществлялся он в сельских общинах, в суде местном? Если мы обратимся к аналогиям германского мира, то найдем там ряд явлений, которые, быть может, пояснят нам некоторые черты, отразившиеся и в наших источниках. Увидим там конунга или княжого графа, или иного княжого судью, объезжающего волость, чтобы созывать в заранее назначенные сроки судебную сходку местного населения, творить с нею суд и расправу. Но у нас нет следов того¹²⁷, чтобы такая практика получила сколько-нибудь широкое значение. Возможно, что князья и княжие посадники во время своих разъездов творили суд и расправу. Можно, пожалуй, указать и рассказ летописи, как в 1071 г. «приключися прити (на Белоозеро) отъ Святослава дань емлющу Яневи, сыну Вышатину, и повѣдаша ему бѣлоозерьци яко два кудесника избила многы жены»^{235*}. Но пример этот не совсем-то подходящий, так как речь шла не о местных жителях, а о княжих смердах, и судит их сам Ян. Источники нам говорят не о разъездах судей для суда, а только о разъезде княжих вирников для сбора вир. Правда Ярославичей устанавливает, сколько корму себе и слугам своим может брать у населения вирник в неделю, пока соберут виру, и сколько коней имеет право кормить. Эту таксу она называет «уроком Ярославлим». Как виру собирает вирник, так продажи — емец¹²⁸. Это обстоятельство надо сопоставить с данными грамоты новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г.^{236*} и уставной грамотой смоленского князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии 1150 г.

Первая дает св. Софии новгородской десятину от дани, от вир и продаж, определяя последнюю круглой ежегодной цифрой в 100 гривенных кун. Вторая называет доход с села Дедичей — «дань и вира 15 гривен». И обе оправдывают вопрос Владимирского-Буданова: «Каким образом вира могла попасть в окладные доходы?» — и ответ его: «Ясно, что общины откупались от платежа виру общей суммой, условленной заранее», а преступников судила и карала в таком случае сама община^{237*}. С этой точки зрения толкует Грушевский и статьи Русской Правды о вирнике и емце. «Князь, — говорит он, — оставлял общинным судам полную свободу, и только от времени до времени посылал своих агентов собирать виру и продажи, которые должны идти в княжью казну с виновных». Но если данным грамот XII в. такое понимание дела вполне соответствует, то в толковании Русской Правды остается трудность. Тут доход вирника определен

в виде процента не с какой-либо общей оброчной суммы, а с каждой виры; так и доход емца — процентом с каждой 12-гривенной продажи. Предположить же, что сбор вир вирником совпадал с судебной сессией, мешают слова: «а борошна колко могут изъести, дондели же виру соберуть вирницы» и отсутствие корма для судьи¹²⁹. Или сам вирник был председателем судебной сходы, играя при ней только роль блюстителя княжого дохода?

В датских судебных собраниях, сотнях, видим вместо судьи королевского *imbuzman* (*exactor regis*) [королевский исполнитель], который собирает пени, помогает исполнению приговора и руководит судом.

Тут еще много неясного. Но как бы то ни было, совокупность имеющихся данных заставляет признать, что упомянутое воздействие княжой власти на судебно-административное дело земли-волости не развилось до такой степени, чтобы она взяла это дело последовательно в свои руки. Воздействие это осталось внешним и поверхностным. Таким осталось оно и за пределами рассматриваемого нами периода. Достаточно прочесть для Северной Руси, например, Уставную белозерскую грамоту 1488 г. или для Руси Западной познакомиться с характером народных копных судов в Литовско-Русском государстве, чтобы убедиться в правильности нашего освещения судебно-административного дела в древней Руси. Воздействие княжой власти на это дело недоразвилось до действительного заведования им. Отношения, сложившиеся к концу рассматриваемого периода, характеризуются по-старому широкой самодеятельностью народных общин, предоставленных себе в деле внутренней управы, под внешним воздействием княжой власти, выродившимся в конце концов в средство извлечения дохода, ставшего окладным и взимавшегося в виде общей ежегодной суммы «вир и продаж» вместе с данью.

Это приводит нас к рассмотрению финансовых средств, извлекавшихся князем из волости, княжих доходов. «Всякий налог, — скажем словами В. И. Сергеевича, — первоначально возникает в форме окупа, платы за мир и спокойствие сильным соседям с тем, чтобы они не воевали, не нападали. Это дань»¹³⁰. При организации специальных средств самозащиты дань обращается в сбор на содержание князя и дружины. Новгородцы платят варяжской дружине «мира деля», дань идет князю на содержание дружины, отроков, детских. Таково основное назначение волостных доходов князя: содержание дружины, заготовка оружия и коней для нее и народного ополчения. Летописный свод XIII в. хвалит старых князей: «Тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ виръ, ни продажъ въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, а возмя, дааше дружинѣ на оружье»^{131, 238*}. Единицей обложения были дым или рало; и они переживают киевский период: впоследствии в Западной Руси господствует подымная, а в Московской — посошная подать.

Способ определения ее размера неизвестен; вероятно, он устанавливается обычаем, как «урок». Древнейший способ сбора — полюдье, носившее характер военного похода по дань с дружиной. Позднее видим князя «Ростовъ в полюдьи», «в Переяславли в полюдьи», под чем можно понимать разъезды князя для суда и расправы и сбора дохода¹³²; или видим княжого мужа, едзящего по погостам «дань емлющи». Так и вирник ездит собирать виры. При разъездах князя и его людей они получали корм от населения и подарки — «полюдье даровное», «ссадную гривну», прикладную. Сборщики княжих доходов получали известный процент в свою пользу. Вирник — с 40 гривен 8, с 80 гривен 16. Дань княжую собирали посадники, получая свою долю. Грамоты XII в. называют ее «боярскою данью».

Кроме этих сборов видим пошлыны, которые мы назвали бы косвенными налогами, как мыто, сбиравшееся мытниками в торговых пунктах, перевоз, судебные пошлыны. Но, как мы видели, они обращались иногда в своего рода окладные сборы, уплачивавшиеся населением данной местности в форме общей откупной суммы. Поэтому и слово «дань» получило позднее более широкое, общее значение, как читаем в позднейших жалованных грамотах: «А не надобъ ему никоторая моя дань ни мытъ, ни мостовщина, ни коня кормити». Рядом с такими сборами стоят натуральные повинности: содержание приезжего князя с его свитой или княжих мужей, обязанность «кормить коней», кормить и постоянных должностных лиц данного города — посадников. Повинность населения составляли постройка и ремонт укреплений, мостов, «городовое дело». В Русской Правде находим «уроци городнии» — сколько платить городнику и давать ему корма, пока он руководит работой и «город срубит» (III редакция, ст. 126), или мостнику, который мост мостит (III редакция, ст. 127). От конца XIII в. Ипатьевская летопись (1289 г.) сохранила любопытную грамоту князя Мстислава Даниловича: «Се азъ князь Мъстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и в вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцать десяткѣвъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ; а потолку со всякого ста; а на горожаныхъ 4 гривны кунъ; а хто мое слово порушить, а станет со мною передъ богомъ»^{239*}.

Но это позднее известие, не характерное для предыдущего времени. Это памятник усилившейся вотчинной власти князя над землем при переходе к новому, удельному строю.

Как судебно-административная деятельность князя не развилась до действительного управления волостью-княжением, так и совокупность приемов извлечения доходов не сложилась в финансовую систему. Нет и повода говорить даже о зачатках того, что мы называем государственным хозяйством. Правительствен-

ная власть князя не доросла за изучаемый период до государственного властвования. Поэтому она и не могла стать силой, которая создала бы единое прочное государство. И когда в конце изучаемого нами периода, в XIII в., княжеско-дружинный строй пошатнулся в Киевщине и был внешней силой сметен с областей южной окраины Русской земли, они рассыпались на мелкие автономные общины. Ни вечевой строй, ни княжеско-дружинная сила не создали прочного, устойчивого их единства. А где княжая власть удержалась, там она овладела землей на новых, вотчинно-владельческих, началах, сама раздробляясь и землю раздробляя на ряд удельных единиц.

Лекция XIV

КНЯЗЬ-ПРАВИТЕЛЬ. РУССКАЯ ПРАВДА И УСТАВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Выяснившийся из предыдущего общий характер правительственного значения древнерусских князей отчасти предreshает представление об их участии в правообразовании данной эпохи.

Не вдаваясь в сложные вопросы философии права и психологии правообразования, мы можем ограничиться следующими исходными точками зрения для разбора вопроса о характере древнерусского права.

Из общего строя обычаев, какими определялось обычное течение древней общественной жизни, те приобретают правовой характер, назначение которых охранять личность и имущество членов общества. На практике это те из обычаев, которыми определяется деятельность самих общин и органов управления в сфере суда, в широком смысле слова «суд» как означающего всю совокупность приемов охраны прав населения от их нарушения и восстановления этих прав в случае их нарушения. Это древнерусское значение слова, обнимавшего, как выше было отмечено, всю совокупность административных действий по установлению и защите внутреннего наряда.

В эпоху господства обычного права при возникновении вопроса о его нарушении и восстановлении оно, прежде всего, предполагается существующим и в отношении к данному случаю должно быть «найдено», «высказано», как красноречиво подчеркивают самые названия постановляющих приговор у германцев: «*Rechts-sprecher*», «*Urteilsfinder*»; то же основное представление лежит и в корне нашего слова «суд» (=суждение). Право надо в спорном случае найти и формулировать. Эти формулы права — в виде

судебных приговоров — становятся прецедентами: найденные формулы облегчают нахождение и применение права на будущие потребности. Понятно, что сама формулировка может, естественно, вносить сознательные или бессознательные изменения в действующее право, обращаясь в его толкование, расширение, дополнение при его применении к новым случаям.

Усложнения жизни, создающие ряд явлений, не предусмотренных обычным правом, вызывают потребность в действиях, дающих правовое определение таким явлениям, которых не уложить в рамки обычного права путем даже свободного и расширительного его толкования, так как они стоят вне обычного уклада жизни. Эта потребность, как мы видели, создает прежде всего значение княжого суда, как *judicium aequitatis*, не связанного строгими нормами обычного права. И такое новое или измененное право, не корнящееся в общеправовой мудрости и памяти старейшин-старожильцев, естественно, раньше всего приводит к потребности записи, начаткам кодификации. Ей удовлетворяют «уставы», формулирующие нормы новой судебно-административной практики, или «своды», составляемые для памяти. Запись сама по себе вначале не меняет юридического характера этих норм и не имеет юридического значения. Но технические преимущества писаного памятника перед простой памятью людей придают ему значение источника права, характер официальности. Запись становится уставной грамотой, уложением, авторитетным документом с правовым весом. Но такое значение памятников кодификации — позднейшее явление. Первые записи — лишь вспомогательное средство для памяти, без самостоятельного правового значения. Поэтому и содержание их отличается неполнотой и односторонностью. Они и не стремятся охватить все содержание древнего права, предполагая основную массу его хорошо известной и памятной всем. Кроме того, самые условия возникновения старейших записей права предопределяют и еще одну их черту — отсутствие того, что мы назвали бы системой. Составители древних записей имели в виду не те или иные общие теоретические понятия о разных сторонах права, а практику суда и его органов. Перед ними картина судебного состязания, спора о праве, и они записывают те правила, по которым эти состязания должны вестись и разрешаться. Существенное содержание их сводится к определению предметов тяжб и правил для их разрешения судом. Наконец, это содержание определяется и еще одним моментом: те интересы, обеспечение которых побуждало к составлению записи, диктовали особое внимание к той или иной стороне дела, например к доходам князя от судебного дела, к определению правил тяжб того или иного содержания и т. д.

Что сказать о древнейших записях русского права? Вопрос о них прекрасно поставлен Ключевским в XIV лекции его «Курса русской истории»^{240*} как вопрос, который еще не разрешен

нашей исторической наукой и для решения которого материалы далеко еще не собраны с желательной полнотой. Именно Ключевский указывает на разбросанные в нашей древней письменности «следы частичной кодификации», состоящие в том, что в древнерусской письменности, преимущественно церковно-юридической, встречаем «одинокие статьи русского происхождения, как будто случайно попавшие в то место, где мы их находим, не имеющие органической связи с памятником, к которому они прицеплены». И Ключевский указывает примеры таких статей в сборниках, как «Книги законные»^{241*}, «Мерило праведное»^{242*}, главное содержание которых — выдержки из византийского законодательства, отмечая при этом, что «другие такие же бродячие статьи попадали только в некоторые списки Русской Правды более позднего времени, не попав в древнейшие».

Это наблюдение Ключевского имеет весьма существенное значение для правильного понимания так называемой Русской Правды, разъясняя ее характер как компиляции очень сложного состава. Указывая, что «систематической кодификации, из которой выходили памятники, подобные Русской Правде, предшествовала частичная выработка отдельных норм, которые потом подбирались в более или менее полные своды или по которым перерабатывались своды, раньше составленные», Ключевский полагает, что «участием такой частичной выработки и одновременного подбора статей в составлении Русской Правды можно объяснить несходство списков Русской Правды в количестве, порядке и изложении статей».

Итак, в ряде списков Русской Правды перед нами сложная компиляция, пересоставлявшаяся в течение долгого времени из разнородного материала. И в неизданных рукописях ее есть элементы, которые не вошли в списки обнародованные и изученные, так же как ряд элементов того же типа и той же эпохи находятся в других компиляциях, например в памятниках церковно-юридической письменности или в тех вопросах-ответах, какие возникали как результат пастырской деятельности епископов.

Русская Правда — сложная компиляция, напоминающая своими судьбами в старой письменности наши летописные своды. Это необходимо иметь в виду при изучении права Русской Правды. Изучая его, мы стоим не перед законченной системой, а перед рядом наслоений, разновременных и разнохарактерных.

Сказанного не следует преувеличивать. Те разрозненные материалы и варианты, которыми необходимо окружить Русскую Правду для полного и систематического ее изучения, не могут существенно изменить наше представление об основных типах или редакциях памятника. По крайней мере все, что пока известно, не колеблет этого представления в его целом, хотя несомненно, что понимание и оценка отдельных составных частей

и статей Русской Правды может много выиграть от дальнейшего изучения указанного еще не использованного материала.

Списки Русской Правды делятся на три редакции. Сергеевич первую из них расчленяет на две, что не составляет само по себе принципиального разногласия, так как первая редакция обычного счета ($17+26=43$ статьи) есть соединение в рукописях двух редакций Сергеевича ($25+25$ статей), причем никто не отрицает их разновременного происхождения. Кроме того, при пользовании Русской Правдой нельзя упускать из виду, что деление ее на статьи есть уже комментарий к ее содержанию: его нет в большей части рукописей, и встречающиеся в некоторых списках опыты деления на статьи (независимо от заголовка, с помощью киноварных букв) есть также комментарий, но не современного ученого, а старого книжника. А между тем, как мы видели на примере статей о наследстве, разрыв или признание связи по содержанию двух соседних статей имеют существенное влияние на понимание их содержания.

Ключевский из своей характеристики компилятивного характера Русской Правды делает еще один существенный вывод, предостерегая от стремления видеть во всех статьях Русской Правды согласованное содержание. Так, он указывает, что не только денежный счет Русской Правды не может быть сведен к единству, — в ее таксе денежных взысканий «отразились все денежные курсы, испытанные русским рынком в XII в.», — но не может быть примирено и содержание некоторых статей без предположения, что они разновременные и что Русская Правда — «сводная кодификация, старающаяся собрать в одно целое всякие нормы, какие она находила в своих источниках». Примеры приводятся такие:

Статья 57 III редакции: «Аже будутъ холопи татие . . . ихъ же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платитъ ко истцю за обиду».

Статья 83: «Аже холопъ обельный выведетъ конь чии любо, то платити зань 2 гривны», т. е. столько же, сколько и со свободного по статье 55.

Статья 154: «Аже холопъ крадеть кого любо, то господину выкупити и любо выдати и съ кимъ будутъ краль . . . паки ли выкупает господинъ [и соучастников]».

Или статьи 25 и 27: «Аже кто ударить мечемъ не вынезь его или рукоятю, то 12 гривенъ продажи за обиду», «Аже кто кого ударить батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылъснию, то 12 гривенъ».

Статья 36: «Аче попъхнеть мужъ мужа . . . любо по лицу ударить. . . то 3 гривны продажи»¹³³.

Чтобы покончить замечания о том, что сделал Ключевский для правильной постановки вопроса о Русской Правде, я должен коснуться его объяснения и ее происхождения. Этому посвящена

лекция XIII его «Курса русской истории», где доказывается, что Русская Правда явилась ответом на «нужды местной церковной юрисдикции» и была попыткой «составить кодекс, который воспроизводил бы действовавшие на Руси юридические обычаи применительно к принесенным церковью или измененным под ее влиянием понятиям и отношениям».

Теорию эту, подробно развитую Ключевским, надо признать неудачной прежде всего потому, что она построена на пространной редакции Русской Правды, а не на древнейшей, более первоначальной. Только к ней приложимо главное основание Ключевского, что Русская Правда является не как особый самостоятельный судебник, а только как одна из дополнительных статей к Кормчей^{243*}. Другие же два, что Русская Правда не знает судебного поединка потому-де, что церковь его не признавала и что Русская Правда «составлена не без влияния памятников церковно-византийского права», сильно преувеличены. Максимейко в статье «Русская Правда и литовско-русское право»¹³⁴ указал, что «всего вероятнее молчание Русской Правды о поединках объясняется тем, что она возникла в той местности, где поединки не практиковались: ни в законодательных памятниках, ни в судебных актах княжества Литовского нет указаний на судебные поединки». В наших источниках судебный поединок упоминается впервые в договоре Смоленска с немцами 1229 г.^{244*} Владимирский-Буданов и Сергеевич полагают, что судебный поединок у нас был в ходу с древнейших времен и что умолчание Русской Правды случайно. Грушевский считает вопрос открытым¹³⁵. Но наблюдение Максимейко требует внимания и делает это умолчание многозначительным, впрочем, не в пользу Ключевского, так как, с одной стороны, в Русской Правде встречаем испытания железом и водой, еще более трудно примиряемые с воззрениями церкви и исчезающие в XIII в., а с другой — господство «поля» в праве московском трудно понять как реакцию в пользу обычая, столь резко осужденного церковью в древней Руси. Преувеличивает Ключевский и влияние византийского права, видя его в статьях, которые не содержат ничего типично византийского, а дают нормы общие и западноевропейским варварским «правдам», где мудрено установить черты византийского влияния. Таким образом, теория Ключевского 1) может относиться только к одной из редакций Русской Правды, 2) построена на соображениях по крайней мере спорных и 3) не разрешает вопроса о происхождении Русской Правды в его целом.

То, что я решился бы даже назвать основной ошибкой Ключевского, состоит в недостаточной оценке древнейшей краткой редакции Русской Правды, т. е. первых двух редакций, по Сергеевичу, и в переоценке III редакции, пространной. Ключевский о первой подчеркивает, что она «обыкновенно попадает

в памятниках чисто литературного свойства, не имевших практического судебного употребления» — в летописных сводах, а Русская Правда пространная встречается большей частью в сборниках канонического содержания, — и отсюда заключает, что «Русская Правда жила и действовала в церковно-юридическом обществе», и потому ее преимущественно и изучает как памятник действовавшего права¹³⁶.

Думаю, что ближайшее рассмотрение различных редакций Русской Правды приводит скорее к обратной оценке их сравнительного значения.

Древнейшая редакция Русской Правды сохранилась всего в двух списках (Академический — в списке конца XV в. Новг. I летописи Академии наук и Археографический — рукопись Новг. I летописи Археографической комиссии половины XV в.)^{245*}. Эти списки дают подряд два памятника, которые Сергеевич и различает как I и II редакции Русской Правды. Первая (17 ст. = 25 ст.) носит печать наибольшей древности. «Краткую редакцию, — говорит Ключевский, — можно признать первым опытом кодификационного воспроизведения юридического порядка, установившегося при Ярославе и его сыновьях». Первая ее половина — древнейшая Русская Правда, по Сергеевичу, составлена в первой половине XI в., во времена Ярослава: это надо думать на том основании, что в нее внесена статья, приписываемая III редакцией Ярославу (22 и 88 статьи «бють — убють», так [считают] Сергеевич, Владимирский-Буданов, Ключевский). Грушевский считает ее еще более древней, доярославовой, на том основании, что в ней нет смертной казни, которая, судя по III редакции ст. 4 и 88, была в ходу при Ярославе, но отменена его сыновьями. Само по себе это соображение неубедительно, потому что 1) смертная казнь в древней Русской Правде указана, 2) статью 4 III редакции можно понять как литературное недоразумение.

Древнейшая Русская Правда говорит о мести за убийство, мести родственников, предполагая плату за убийство лишь в тех случаях, «аже не будет, кто мьстя».

Статьи 6—7 предполагают месть и за нанесение побоев или оскорбительного удара с заменой ее платой, «аще ли себе не может мьстити» или если обидчика «не постигнуть». Статья 10 предполагает месть детей за изувеченного отца. О характере этой мести у нас в литературе большие разногласия. Сергеевич полагает, что «Русская Правда сохранила указания только на досудебную месть»¹³⁷. Максимейко доказывает, что Русская Правда не знает «досудебной расправы»¹³⁸. Владимирский-Буданов занимает среднее положение, считая, что в статьях 6—7 «суд предваряет месть», но что «в большинстве случаев месть, конечно, предваряла суд, который лишь потом санкционировал ее, если она совершена законно»¹³⁹.

Содержание древнейших памятников права сложно и вызывает разногласия в толковании, потому что в них отражаются моменты кризиса правового быта, переходные эпохи его истории, когда старое отмирает или изменяется, новое возникает. Явление мести и смысл самого термина имеет свою историю. Основное значение мести — «возмездие за уголовную неправду, совершенное руками потерпевшего» (Владимирский-Буданов). Мсть — прежде всего бытовой факт. Правовой характер акты мести получают, когда она регулирована не обычаем только, а обычным правом, т. е. допустима «правая мсть» под контролем обычного суда. Едва ли при этом для древнего правосознания была такая принципиальная разница между «досудебной» мстью и мстью по приговору суда, как для современных ученых. И то и другое — акты правомерные. Русская Правда допускает убийство татя на месте кражи, признает, что нет вины, если кто на удар батогом ответит ударом меча, заменяет мсть за обиду платой, только если не достигнут обидчика. По рассказу летописи (Лавр., 1070 г.) княжий муж Ян Вышатич спрашивает белозерцев-повозников про волхвов: «„Ци кому васъ кто родинъ убьень отъ сею?“ Они же рѣша: „Мнѣ мати, другому сестра, иному роженъ“. Онъ же рече имъ: „Мьстите своихъ“. Они же поимше убиша я и повѣсиша я на дубѣ. „Отмьстье, — добавляет летописец, — приемша отъ бога по правдѣ“»^{246*}. Что тут: мсть или смертная казнь? Одно переходит в другое. И я думаю, что белозерцы не обращались бы к княжому мужу, если бы дело не шло о княжих смердах и если бы они не боялись волхвования. От этого их расправа с волхвами не потеряла бы характера правомерного акта.

Мсть древнейшей Русской Правды есть форма смертной казни — «убиенья за голову». Так понял ее первый ее комментатор — составитель III редакции, усмотревший в постановлении Ярославичей о вирах за княжих мужей реформу, которую выразил в словах: «отложиша убийство за голову, но кунами ся выкупати». Это он говорит, изложивши с некоторой перефразировкой то, что считает «судом Ярославлим», т. е. статьи о мести и взыскании платы при отсутствии мстителя, а потом приводит то, что тут изменили Ярославичи, заключая: «а ино все яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша».

Указывают еще на одну статью, 23-ю, Русской Правды, как упоминающую о каре смертью, но статья 22 дает текст испорченный и неясный, а 23-я — ее заключение. Исследователи понимают в ней слова «да бють его» как «да убьют», видя тут то самое постановление Ярослава, на которое ссылается III редакция, статья 88.

Это приводит нас к следующему замечанию относительно состояния текста древнейшей Русской Правды, как он дошел до нас в своих поздних списках XV в. Если сравнить статьи 22—23 ее

с 87—88 III редакции, то не ясно ли, что архаические черты первоначального вида древнейшей Русской Правды подверглись некоторому влиянию, их исказившему, последующих редакций? Такое же сомнение вызывает во мне и статья 6: «Аще ли себе не можеть мстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а лечью мзда», если ее сравнить со статьей 34 III редакции: «Аже ударить мечемъ, и не утнеть на смерть, то 3 гривны продажи, а самому гривна за рану же лѣчебное [оже лечебно естъ]», — именно двойственность вознаграждения, понятная в III редакции, вызывает в I редакции недоумение¹⁴⁰.

Таким образом, для меня не убедительны приведенные основания в пользу доярославова характера древнейшей Русской Правды. Но самое это мнение надо, кажется, признать правильным, и вот почему. Основное отличие древнейшей Русской Правды — то, что она не знает вир и продаж. И это отличие трудно поставить на счет Ярославичам, установившим виры и продажи. По летописному сказанию, как мы видели, обращение вир в казнь, т. е. в уголовный штраф в пользу князя, относится ко временам Владимира. И я принимаю это известие не по текстуальному достоинству данного летописного отрывка, а по двум соображениям: 1) II редакция Русской Правды Ярославичей уже трактует уголовные штрафы как существующие и не содержит никаких указаний на то, что устанавливает их вновь; 2) тот крупный успех княжеской власти, каким надо признать введение уголовной ответственности перед княжой казнью, должен быть отнесен ко времени установления и организации княжеско-дружинного строя в Киевщине, т. е. ко временам Владимира и Ярослава, и едва ли исторически мыслим при Ярославичах, когда началось ослабление княжой власти и подъем значения веча.

Конечно, оба соображения эти гипотетичны и представляют собой обобщение данных, извлеченных из материала, как я указывал, недостаточно еще обработанного. В пользу его говорит, однако, и общий характер древнейшей Русской Правды, настоящего судебника, не выдвигающего еще так энергично княжой интерес на первый план, как Русская Правда Ярославичей.

Эта II редакция Русской Правды так говорит о своем происхождении: «Правда уставлена Руской земли егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячъко, Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ, Чудинъ Микула». Исследователи довольно единодушно относят это заглавие только к первым четырем статьям. Не понимаю, почему? Вся эта Правда носит однородный характер в самом существенном. Это такса княжих доходов: виры за огнищанина, ездового, тиуна, конюха и уроки за княжих старост (сельского и ратайного), рядовича, смерда, холопа, кормилицу (1—8); продаж — по 12 гривен, по 3 гривны, 30 резан и по 60 резан за разные преступления (12, 14, 15, 16, 22); процентов с княжого дохода в церковную десятину и княжим чиновни-

кам; корма княжому вирнику (23—24), и мостнику пошлина (25). Тут 16 статей из 25. Остальные 9 распределяются на две группы: 1) 11, 17, 18, 19, 20 касаются процессуальных правил, причем 11-я повторяет 4-ю древнейшей Русской Правды и обрывает изложение, которое там идет в 5-й и в 6-й по тому же вопросу, точно случайно вписана, а четыре остальных, связанных вместе, регулируют самоуправство над татем в пользу суда княжого; 2) три статьи (9, 13 и 21) дают «уроки» — вознаграждения за украденное имущество, причем на первом месте имущество князя — его конь, его борть. Остальные уроки о скоте в III редакции названы «уроки смердам», и сюда же можно отнести четвертый урок за сено и дрова (ст. 21). Статья 10 остается для меня непонятной. Не могу объяснить, как она сюда попала. Назвать ее 12 гривен за обиду уголовным штрафом на основании статьи 47 III редакции, как делает Владимирский-Буданов, не могу, не вижу оснований. Подобно статье 10, она стоит в ряду статей II редакции клином.

Эта Русская Правда называет «покон вирной» «уроком Ярославим». Новое указание на то, что уголовные штрафы — виры — старше времени Ярославичей. Иное дело — продажи. Вопрос о времени их возникновения сложнее. Я уже имел случай указать, что при понимании смерда II редакции как смерда княжого, живущего на княжой земле под его вотчинной властью, возникает соблазн предположить, что и взыскания продаж установились сперва в сфере вотчинной юрисдикции князя, чтобы потом распространиться на все население. Это соображение поддерживается замечанием составителя III редакции, что «уроки» за скот, которые он берет из II редакции, — это «уроки смердам, оже платят князю продажу». Но III редакция и княжие грамоты XII в. ясно свидетельствуют о том, что продажи, как и виры, шли князю со всего населения. Если примем во внимание, что виры существуют уже в эпоху Русской Правды Ярославичей, что видно из 80 гривен за княжих мужей, что составляет не «двойную» виру, как мы это обычно называем, а $40+40$ ¹⁴¹, т. е. виру+головщину, так как обе шли князю, то, быть может, дело всего вернее будет так себе представить, что взыскания в пользу князя, выросшие в условиях его специального мира, распространились и на явления в области его роли как охранителя общего мира-наряда в земле-волости.

Не будем забывать, что первые две редакции Русской Правды в списках, какие знаем, представляют одно нераздельное целое. И это целое надо рассматривать как один памятник. Он представляет собою компиляцию из элементов древнего обычного правового судейника и княжого устава Ярославичей о княжих доходах и княжих людях. Когда и как он составлен, не знаем. Время его возникновения — последние десятилетия XI в. Ничто ни в содержании, ни в характере рукописной традиции не дает повода

связывать его с церковным обществом. Впрочем, этого и Ключевский не делает.

III редакция Русской Правды носит более сложный характер. Основной ее источник — первые две редакции, древнейшая Русская Правда и Русская Правда Ярославичей. Сливая те их статьи, какие поддавались такой операции, и обобщая — иногда неудачно — их конкретные нормы, она получает главный свой остов. На этот остов наросли, однако, значительные дополнения. И пользоваться ею надо с большой осторожностью. Ее текст требует тщательной критики. Неудачный редакционный прием видим сразу вначале, сравнивая ее первые три статьи с первыми тремя древнейшей Русской Правды и первыми четырьмя Русской Правды Ярославичей. Внося из второй 80-гривенную виру за княжа мужа или тиуна княжа, она из первой сохраняет 40 гривен за гридя и мечника. Можно ли заключить отсюда, что мечник — не княжой муж? Или следует заключить иное: что нормы пространной Русской Правды получались иногда вследствие неудачного приема компиляции и могут легко ввести в заблуждение? (Ср. I редакцию, ст. 55 и II редакцию, ст. 9.)

Четвертую статью обыкновенно весьма ценят как известие о втором (про первый см. II редакцию) съезде Ярославичей и их реформе уголовного права: отмене «убиенья за голову» и введении денежного выкупа взамен смертной казни. Сомнительно, чтобы слово «паки» указывало, как часто принимают, что составителю пространной Русской Правды известен был предыдущий съезд: он ясно говорит о суде «по Ярославе», причем одно только изменение и указывает в «суде Ярославлем» — «а ино же все, якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Да и слово «паки» не означает обязательно «вновь», «опять». Тут оно связывает статью 4 с предыдущими тремя как добавление к ним и может быть переведено: «кроме того», а еще «в свою очередь». Ср. «паки ль» в статье 5 III редакции.

Высокая ценность пространной Русской Правды как исторического источника зависит от того, что она содержит обильный материал, дополнивший данные старших редакций таким количеством новых, что их 50 статей тут тонут в числе 159. Кроме ряда статей процессуального характера, имеем тут устав Владимира Мономаха о «резах», целый «устав о закупах», с некоторым вероятно приписываемый тому же князю, статьи о наследстве и т. д.

Отличительная черта пространной Русской Правды та, что она в целом не стоит на княжеской точке зрения. Она вводит нас рядом черт в оборот гражданского быта. Но полноты отражения этого быта в компиляции такого сборного и несистематического характера мы, конечно, искать не будем. Естественно подойти к ней с другим вопросом. Именно о том, какие стороны быта всего больше вызвали потребность в более четкой, письменной форму-

лировке регулировавших их норм права, какие из этих норм всего тщательнее собирались? Наблюдая пространную Русскую Правду с этой точки зрения, Ключевский нашел возможным отметить в ней «некоторую внутреннюю несоразмерность»: «воспроизводя правовое положение личности, она довольствуется простейшими случаями, элементарными обеспечениями безопасности, зато, формулируя имущественные отношения, ограждая интересы капитала, она обнаруживает замечательную для ее юридическо-го возраста отчетливость и предусмотрительность, обилие выработанных норм и определений»^{247*}.

Попробуем расчленить с этой точки зрения содержание пространной Русской Правды. Интересы князя широко в ней представлены. Правда, специальную защиту княжих мужей она вводит как бы мимоходом, беря ее готовой из своего источника — Русской Правды Ярославичей, может быть, более полной, чем та, что до нас дошла¹⁴². Но зато мы именно в пространной Русской Правде находим последовательное проведение уголовных штрафов — вир и продаж, последних по скале 60 кун, 3 гривны (ст. 30), 12 гривен — в пользу князя со всяких преступлений. Кроме того, находим ряд статей, перечисляющих доходы, шедшие в пользу княжих чиновников: вирнику (ст. 12) с отроком и метельнику, отроку — сметная при оправдательном приговоре с истца и ответчика по гривне (ст. 21), помочное — за содействие при исполнении приговора (ст. 21), пошлина при испытании железом (ст. 112) — «то ти желѣзный урок» (который, по-видимому, платили обе стороны; ст. 113: один если ожегся, а «кто и будетъ яль» — всегда), уроци судебные — пошлина «отъ всѣхъ тяжъ» (ст. 139), ротные — при присяге, смотря по важности обвинения (ст. 141); наконец, «наклады» — княжому мужу с отроком и писцом, едущему для суда и расправы (ст. 99). Тут и более подробный перечень корма и платы городнику и мостнику (ст. 126—127). Быть может, все эти пошлины извлечены из одного источника — устава княжого. Но в пространной Русской Правде они разбросаны между разнородными процессуальными статьями и стоят в контексте скорее как указание на судебные расходы сторон, чем на судебные доходы князя и его людей.

Статьи, знакомящие нас с народной общиной — вервью, — указывают, когда она должна платить виру (ст. 5) за убитого княжого мужа, как и Правда Ярославичей, но добавляют: «паки ль людинъ, то 40 гривенъ», и затем отмечают льготу-рассрочку и ряд случаев, когда вервь не обязана платить (ст. 6, 10, 11, 20). На ряде процессуальных статей останавливаться не буду: ими уже приходилось пользоваться. Отмечу только ст. 110, где пространная Русская Правда подчеркивает роль общественного элемента в суде: «А тыя же тяжѣ всѣ судять послухи свободными».

Основное содержание остальных статей в общем удобно разлагается на несколько крупных групп: статьи об охране личности, об охране имущества с особым вниманием к владению холопами и к вопросам кредита и торговых сделок и, наконец, драгоценная группа в 21 статью (!), изображающая древнерусское наследственное право.

Разбирая вопрос, какое обычное право легло в основу статей Русской Правды, Ключевский приходит к выводу, что в нем, «насколько оно служило источником для Русской Правды, надобно видеть не первобытный юридический обычай восточных славян, а право городской Руси, сложившееся из довольно разнообразных элементов в IX—XI вв.»^{248*}. И действительно, внимательное рассмотрение пространной Русской Правды приводит к заключению, что она, кроме статей о верви и статей общего значения для всех слоев свободного населения, сосредотачивает преимущественное внимание на вопросах, ближе касавшихся не сельской массы, а социальных верхов древнерусского общества, выросших до значения руководящей социально-политической силы, опираясь на свою роль в городских центрах и на извлекаемую из этой влиятельной роли и деятельности экономическую мощь.

Увлекаясь своей теорией «торгового» происхождения древнерусских городов, Ключевский называет «капитал самой привилегированной особой в Русской Правде», причем подразумевается главным образом капитал торгово-промышленный. «Легко, — говорит он, — заметить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основанием Русской Правды: это был большой торговый город. Село в Русской Правде остается в тени, на заднем плане: ограждению сельской собственности отведен короткий (?) ряд статей среди позднейших (?) частей Русской Правды. Впереди всего, по крайней мере в древнейших (?) отделах кодекса, поставлены интересы и отношения состоятельных городских классов, т. е. отношения холоповладельческого и торгово-промышленного мира»^{249*}. В этой характеристике есть большая доля правды при некоторой и весьма существенной односторонности. Разберем и то и другое.

Значение торговли для быта, отразившегося в Пространной Правде, выступает в ее статьях 58—70 и 150. Статьи 58—59 определяют порядок решения дел по долговым обязательствам, а 60-я — упрощенное производство по делам о торговой ссуде, под чем можно разуместь и торговое товарищество. Статья 61 трактует о недоразумениях по сдаче товара на хранение. Статьи 66—69 определяют правила конкурса при банкротстве неисправного должника с различием преступной и несчастной несостоятельности. При этом выступает особое значение гостинной торговли в признании преимущественного права на получение долга полностью для гостя «из иного города или чужеземца» сравнительно с «домашними» кредиторами. Причем речь идет

и об иностранных купцах, и о купцах из иного города или иной русской земли. Статья свидетельствует о значительном развитии внутренней торговли, как и торговли иностранной. Второе, как известно, — явление очень древнее для восточного славянства.

Мне уже приходилось отметить известия о разнообразии и интенсивности торговых и иных сношений с Западной Европой Киевщины, долго служившей передаточной станцией между Средней Европой и византийским Востоком. Киев XII и начала XIII в. выступает перед нами крупным торговым центром с торговыми колониями новгородцев, латин, немцев¹⁴³, и именно эти известия составляют конкретный фон для разбираемых известий пространной Русской Правды. Это указание на то развитие торговли в конце изучаемого нами периода, которое создало значение Смоленска, отразившееся в его договоре с немцами 1229 г., где имеются статьи о кредите, сходные со статьями пространной Русской Правды, создало расцвет Новгорода, значение Волыни и Галича в XIII и XIV вв.

Торговля с русской стороны велась и купцами и господскими холопами, как видно из статьи 150 (ср. статью 12 Смоленского договора), боярскими и княжими («Аже латинянинъ дасть княжю хълопу въ заемъ или инъму добру человеку. . .»). Статьи 62—65 и 70 составляют «устав о резах», быть может целиком принадлежащий Владимиру Мономаху. Тут находим процессуальные правила для спора о процентном долге (ст. 62 и 64) и связанное с именем Мономаха ограничение ростовщичества. Его постановление гласит: «Уставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть куны: аже кто возьметъ два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возьметъ три рѣзы, то иста ему не взяти. Аже кто емлетъ по 10 кунъ отъ лѣта на гривну, то того не отмѣтати». Статья 70 дает только неопределенную парафразу первой части этого постановления: «Аже кто многа рѣза ималъ, не имати тому» (подразумевается — «иста»). А выше статья 63 говорит, что «мѣсячный рѣзъ» можно брать только «за мало» (Карамзинский список: «за мало дни»), но отбрасывается («погренути»), если «зайдутся куны до того же года»; в таком случае — «дадать ему куны въ треть».

Владимирский-Буданов все это так толкует: рост различается месячный, третной и годичный. Месячный допускается только при краткосрочных займах; если же заем на год или не уплачен в течение года, то взыскиваются уже не месячные, а третные проценты. Третной рост дозволено брать только два раза: получивший его в третий раз теряет право на получение «иста». Очевидно, заключает Владимирский-Буданов, сумма третных процентов, уплаченных трижды, превышала значительно капитальный долг. И рядом отмечает, что годичный рост (стало быть, при долгосрочном займе) допускался по статье 65 не свыше 10 кун на гривну, что составляет при 25-гривенной куне 40 %^{250*}.

Ключевский толкует иначе: в треть — значит на два третей, т. е. 50 %, и смысл статьи 65 в том, что при взимании роста в треть, то «брать до третьего реза»: дважды — 100 % + исто, а за третий рез — кара: получил 150 % — теряешь «исто». Годовой процент при краткосрочном займе — «в треть», на год, а не месячный рез, при долгосрочном — 40 %. В памятнике второй четверти XII в., в «Вопросах Кирика», рекомендуется «брать легко», сбавляя с условия: «аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возьми или 4», — подразумевается на гривну, т. е. если дал по 20 % — взыскивай по 12 или 16 %. В одном получении неизвестного точнее времени как крайний предел допустимой лихвы указывается «по три куны на гривну или по семи резан», т. е. 12—14 %. Это — идеал, внушаемый церковной проповедью, в принципе отрицавшей всякую лихву, допуская ее в сильном смягчении, «аще не можете отстати»^{251*}.

Толкование Ключевского ближе подходит к тексту, но при правильном понимании древнерусского денежного курса Русской Правды, о чем ниже, результат тот же — 40 % при долгосрочной ссуде, 50 % — при краткосрочной (три реза значительно превышают исто). Неясным остается расчет месячного реза.

Устав Мономаха о «резах», вошедший в состав пространной Русской Правды, — весьма крупное явление для истории княжеской власти. Ведь из памятников «уставной» деятельности князей мы для времени до XII в. знаем только Русскую Правду Ярославичей, касающуюся княжих людей и княжих интересов, стало быть, представляющую акт не общего, а специального законодательства, да церковные уставы, дошедшие до нас в таких позднейших переработках, что в них трудно выделить их подлинную старую основу, и представляющие, во всяком случае, акты столь же специального законодательства. Иное дело «устав о резах»: он регулирует отношения в области общего права городской общины. Возникновение его, естественно, ставят в связь с бурными событиями, разыгравшимися в Киеве после смерти князя Святополка Изяславича. Святополк оставил худую память в массе населения. Одно из сказаний «Печерского патерика», о Прохоре черноризце, говорит, что «бысть убо въ дни княжения Святополка въ Киевѣ много насилие людем сотвори Святополкъ: дома бо сильныхъ безвинныхъ искоренивъ и имена многы отъимъ» князь составил себе большое личное имущество¹⁴⁴. Ипатьевская летопись рассказывает, что о нем плакали его бояре и дружина, не упоминая о людях киевских, а «княгини же его много раздали богатство монастыремъ и попомъ и убогымъ, яко дивитися всѣмъ человекомъ, яко такая милости никто не можетъ створити»¹⁴⁵. Княгиня словно раздавала на помин души грешного князя несправедливо собранное богатство. Упомянутый рассказ о черноризце Прохоре раскрывает завесу происхождения этого богатства,

повествуя, как Святополк, начав войну с Володаром и Васильком, прекратил торг из Галича и Перемышля с Киевом, «и не бысть соли во всѣй Руской земли». Годы вообще были тяжелые: «Быша брани многы отъ половец, къ симъ же усобица бысть въ ти времена, и гладь и скудота велиа во всѣмъ въ Руской земли». А продающие соль, «мневше себе въ ты дни богатство много преобрести въ соли», обратились к князю с жалобой на Печерский монастырь, который, по сказанию, даром раздавал соль, получая ее путем чудесного превращения в нее пепла. «Князь же, хотя им угодити» и себе богатство приобрести, стакнулся с купцами и «с вѣщавъ съ своими советники цену многу соли, да, отымъ у мниха, продавецъ съ ей будетъ». Едва ли можно отрицать реальную основу под сказанием. Тут след усиления торговой эксплуатации населения княжеско-дружинным слоем в союзе с купечеством. Немудрено, что по смерти Святополка «кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячьского, идоша на жида и разъграбиша я; и послашася паки кияне к Володимиру, глаголюще: „Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зла уздвигнешься, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьских, но и жида грабити, и паки ти поидуть на ятровъ твою и на бояры, и на манастирѣ“»^{252*}.

Грушевский думает, что «монастыри притянуты сюда для большего эффекта»¹⁴⁶, но мы знаем нечто о кредитных операциях древнерусских монастырей, хотя бы по духовной новгородца Климента XIII в., приведенной выше, где монастырю за долг в 20 гривен серебра достается земельное имущество завещателя. Да и само «чудо» Прохора слишком ли смело признать свидетельством об операциях монастыря с солью? Когда Мономах сел в Киеве, «вси людье рады быша, и мятежь влѣже».

Приведенные обстоятельства, естественно, могли вызвать определение новых норм долгового права, которые потом вошли в состав пространной Русской Правды.

Такова одна сторона социальной физиономии пространной Русской Правды; она обращена к нуждам торгового быта и долгового права, стремясь регулировать эти все разраставшиеся отношения, смягчая нарастание социальной розни, ставя ее в законные рамки и тем создавая новое право, закреплявшее создававшиеся социально-экономические отношения, формулируя и упорядочивая их.

В приведенных чертах существенно отметить, что в них наряду с купцами, своими и иноземными, стоит княжеская и боярская среда как представительница капитала.

К этой же среде обращено внимание пространной Русской Правды в других отношениях. Ключевский выдвигает внимание пространной Русской Правды к интересам «холоповладельцев». При этом отдельно стоящая статья 38 вызывает некоторое сомнение. Ее сравнение со статьей 15 древнейшей Русской Прав-

ды показывает, что перед нами обобщение статьи, указывавшей на определенный и притом для XII в. уже устаревший случай бегства челядина к иноземцу, варягу или колбягу. Обобщение, быть может, только книжное, а не запись нормы, обобщившейся в обычае. Статья 47 трактует свод при краже челядина. Остальные статьи (83, 87—89 и 142—155) можно назвать, пожалуй, «уставом о холопах», так как тут целый свод статей, притом объединенных термином «холоп» в отличие от более архаического «челядина» статей 38 и 47. При этом то обстоятельство, что статьи 83, 87—89 попали в ряд статей о закупе и, с другой стороны, положение статьи 143, которую следует отнести к закупу, хотя он в ней и не назван, среди статей о холопстве указывает, по-видимому, на связь между двумя уставами — о полусвободных и несвободных боярских людях.

Характерны здесь, с одной стороны, определения источников холопства, с другой — большое внимание к различным вариантам темы о беглом холопе.

Статья 142 гласит: «Холопство обельное трое. Оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самѣмъ холопомъ (Карамзинский список — «а без него»). Авторое холопство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будетъ рядиль, на томъ же стоять. А се третье холопство: тивунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ собѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядиль, на томъ же стоять».

Сводчик, по-видимому, добросовестно понял это как перечень видов «обельного холопства», не заметив, что тут отмечены не основные источники холопства (плен, рождение от холопа, продажа в холопы за преступление, за несостоятельность и т. п.), а случаи наиболее спорные (фиктивная продажа, женитьба на рабе, личное услужение) и разрешены с презумпцией в пользу порабощения.

Статьи о беглом холопе и о холопе-преступнике (144—155, 57, 83, 87—88) тщательно защищают интересы холоповладельца, предоставляя ему в последнем случае выбор между выкупом холопа и утратой его.

Иной тенденцией проникнуты статьи о полусвободных закупах (71—82, 84—87, 90, 143), о которых мне уже приходилось говорить раньше. Они стремятся сохранить грань, отделяющую закупничество от холопства. Что касается пресловутого спора о том, что лежит в основе закупничества — наем или задолженность, то я отмечу, что в пользу второго мнения говорит не только аналогия «закупов» литовско-русского права, подробно разработанная Ясинским, но и статья 143; «а въ дачь не холопъ, ни по хлѣбъ роботять, ни по придатьцѣ: но оже не доходятъ года, то ворочати ему милость, отходить ли, то не виновать есть». Эта статья конкретнее раскрывает суть того определения закупни-

чества, какое дает ему, например, Ключевский: это «сельские рабочие, селившиеся на землях частных собственников со ссудой от хозяев»^{147, 253*}. Надо бы только прибавать: и должники, отрабатывающие долг в хозяйстве кредитора. Оба эти явления могли в древнем праве подойти под одно правовое понятие, так как сутью отношений в обоих случаях считалась задолженность и временная кабала. Что касается теории о закупе — наемном рабочем, то она выросла на слове «наймит» статьи 80. Но что значило слово «наем» в языке XII в., видим из «Вопросов Кирика»: «а наймъ дѣля, рекше лихвы», и ниже: «не достойтъ ти имати наймъ», а если не могут воздержаться, то «възмете легко; аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны възми или 4»^{251*}.

Экономическая роль холоповладения и закупничества уже отмечена выше в моем изложении. Это два основных орудия крупного частного хозяйства, боярского хозяйства. Зная, какое крупное значение в позднейшем княжеском и боярском хозяйстве играли бобровые ловы и бортные ухажай, мы можем, естественно, с той же точки зрения взглянуть на статьи, охраняющие частные права на эти промыслы в пространной Русской Правде (ст. 94, 95, 96, 97, 100, 101, 105), отметив и высокую кару за ястреба и сокола как особо ценившихся охотничьих птиц (ст. 106).

Это приводит нас к самой любопытной черте пространной Русской Правды — к тому, что в ней мы впервые встречаем термин «бояре». Пространная Русская Правда намеренно вводит этот термин в текст своих источников, вставляя «такое же и за боярескъ» после статьи «о княжи мужъ», дважды упоминая «тиуна боярского» (ст. 3, 89).

Что же нам разумеать под этими терминами? Одна из статей — 114-я по позднему списку — перечисляет классы населения так: «князь бояринъ, или купецъ или сирота»¹⁴⁸. Я уже как-то указывал, что при всем желании не умею найти в древних русских источниках указаний на «земских» бояр, стоящих вне круга княжих людей. Но пространная Русская Правда дает одно весьма важное указание на то, что к концу изучаемого нами периода боярство добивается значительной эмансипации от княжой власти. Разумею статью «О задницъ боярстѣй и о дружнѣй. Аже въ боярехъ любо дружинъ, то за князя задниця не идетъ. Но оже не будетъ сыновъ, а дщери възмутъ» (III редакция, ст. 119—120).

Эта статья отмечает шаг в развитии личной семейной боярской собственности, весьма существенный, или признать эту статью относящейся и к земельным владениям боярства. Заметим, что на Западе право наследования по женской линии получило раньше признание в крестьянской среде и дольше отрицалось в боярской среде. У нас оно, по-видимому, развилось в этой последней раньше, чем на Западе. И для XII—XIII вв. нет оснований отрицать приложимость статьи 119 к земельным имуществам. В других списках эта статья переработана так:

«Аже в боярех либо в боярстей дружине, то за князя задница не идеть». Или даже: «Аще въ боярстѣй дружине, то за князя задница не идеть». Это позднейшие наслоения. Право боярское укрепилося. Центр внимания переносится на вопрос о наследстве зависимых от бояр людей, которых власть бояр-вотчинников начинает закрывать от княжеской власти. Мы с этими фактами уже вступаем в атмосферу нового уклада жизни — удельного, того, который у Павлова-Сильванского характеризуется «феодальными отношениями удельного времени»^{255*}. Их зачатки успели отразиться в поздних редакциях Русской Правды.

Еще два слова о терминах: «тиун боярский» и «боярская дружина». По статье 89, боярский тиун — холоп, но отличенный в суде тем, что на него, как на закупа, «складают послушество», «по нужи» — в крайнем случае. Статья 3 заменяет этим же термином слово «ябетник» своего источника. Что же такое ябетник? Слово это германское — сравним северонемецкое *ambacht*, скандинавское *ambatt*, где его этимологическое значение «преданный» (*ergebener*) слуга из челяди (северонемецкое *manahoubit* — *menschen häupter*) — слуга-челядин, слово, равносильное слову «тиун» готов (готское *tius*, северогерманское *din*, современное *diene*n). И в древнейшей Русской Правде видим упоминание ябетника княжого рядом с мечником. Русская Правда Ярославичей вместо ябетника называет тиуна княжа, выделяя его в ряд княжих мужей или, точнее, ставя его рядом с ними, как 80-гривенную голову. Пространная Русская Правда, повторяя статью 3 древнейшей и сохранив в ней, думаю, ошибочно, мечника исключила ябетника, заменив его тиуном боярским. Это такой же прием, как приписка «также и за боярескъ» в статье «О княжи мужъ»¹⁴⁹, причем это сопоставление должно предостеречь от слишком буквального понимания последней приписки. Тут княжие люди распределены на три категории: за тиуна княжого огнищного и за конюшего — 80 гривен, за отрока, конюха, повара — 40 гривен, за сельских слуг урок — 12 гривен и 5 гривен, а за боярского тиуна — 40 гривен по статье 3. Что же он такое? Один из вариантов к статье 89 (Карамзинский список, ст. 77) дает: «на боярьска тиуна на дворьскаго». Перед нами та же фигура при боярине, как тиун огнищный при князе. Это лицо — *græropositus*, *advocatus* — во главе хозяйства крупного землевладельца феодальной Европы тоже иногда называлось *amtman*n. Быть может, в этом лишний предлог для замены ябетника древнейшей Русской Правды именно тиуном боярским. Под этим термином перед нами выступает один из боярских людей, один из представителей «боярской дружины». Введение всех этих терминов в поздние редакции Русской Правды — слабо выраженный, но тем более ценный намек на усвоение черт княжого права и княжого быта средой бояр, крупных землевладельцев, в конце изучемого нами периода.

Это наблюдение придает особо существенное значение вопросу о времени составления пространной Русской Правды. Из нее самой можно извлечь только одно указание: она не старше времен Мономаха, так как пользуется его «уставом о резах».

Ключевский считает Русскую Правду памятником, который получил «законченный состав во второй половине XII или в начале XIII в.». Свой окончательный состав Русская Правда в пространной редакции «получила позднее половины XII в.». Указание на это Ключевский находит в денежном счете, которого держится Русская Правда. Денежные взыскания высчитываются в ней на гривны кун и их части¹⁵⁰.

В Карамзинском списке вставка о прибыли скота и пр. (Карамзинский список, ст. 50) дает: 90 112 коз по 6 ногат — 27 033 гривны 30 резан, т. е. 1 гривна = 20 ногат = 50 резан. Так и по предыдущей статье 49 о рунах — 1 гривна = 50 резан^{256*}.

Ключевский принимает по 25 кун на гривну на основании расчета епископа Нифонта (в «Вопросах Кирика»), что за пять сорокоустов — гривна, а за один — 6 кун, предполагая скидку при оптовом заказе, и получает, что куна равна 2 резанам^{257*}. Это подтверждается сравнением статей о вепрях и о свиньях (Карамзинский список, ст. 52—53; Сергеевич, ст. 4—5), где цена вепря раз дана 6 ногат, другой — 15 резан, и то и другое равно $7\frac{1}{2}$ кун (20 ногат = 25 кун = 50 резан). Этот расчет, установленный еще Карамзиным, надо признать верным, но им не объяснить соотношения всех цифровых данных Русской Правды¹⁵¹. Дело в том, что пространная Русская Правда часто сохраняет цифры Русской Правды Ярославичей, заменяя при них резаны кунами (статьи 9 и 56, 16 и 106: цены на скот и птицу; статьи 24 и 12; в среду — резана; в среду куна «оже» сыр. Ср.: Карамзинский список, ст. 56; Сергеевич. Прил. 1 — цена сыра — резана) и в «уроках» и в продажах (ст. 15 и 104, 12 и 52, 22 и 53). Ключевский видит в этом сильное падение ценности денег, так что куна стала теперь покупать на рынке то, за что прежде платили резану. И «по привычке обозначать иноземную (?) монету туземными названиями равноценных ей мехов» резану стали называть куну. Это толкование Ключевский поддерживает наблюдением над весом «гривен» в наших археологических находках. Гривны XI — начала XII в. — по две на фунт серебра, по 48 золотников. Гривны же конца XII и начала XIII в. упали в весе до $\frac{1}{4}$ фунта, так что и $\frac{1}{25}$ такой легковесной гривны стала равной прежней резане. Устав князя Святослава новгородскому Софийскому собору 1137 г. говорит о «новых кунах». Отражение этой пертурбации на денежном рынке древней Руси в пространной Русской Правде и заставляет Ключевского относить ее ко второй половине XII или к началу XIII в.

Грушевский, считая теорию Ключевского слишком гипотетичной, предпочитает относить пространную Русскую Правду к первой

четверти XII в., допуская, что она позднее подверглась лишь второстепенным изменениям и дополнениям. Но в том все и дело, какие элементы пространной Русской Правды считать более поздними, чем времена Мономаха, и насколько. Впрочем, едва ли можно отнести ко временам Мономаха компиляцию, в которую и его «устав о резах» вставлен, очевидно, не в первоначальном виде, а как элемент компиляции.

Однако если и по форме и по содержанию пространную Русскую Правду естественно относить к той эпохе, к которой ее приурочивает Ключевский, то сама его теория о свойствах денежного счета Русской Правды действительно вызывает некоторые сомнения. Была ли замена резаны куной следствием удвоения цен или только изменением монетной чеканки и системы, остается неясным. А между тем в самой пространной Русской Правде есть намеки на то, что ее составитель или какой-либо его предшественник понимал, что, переводя счет с резан на кун, надо изменять и цифры. Так в статье 9 II редакции находим среди резанного счета цену третьяка 15 кун, а в статье 56 III редакции — 30 кун. По-видимому, ясна ошибка: читай во II редакции 30 резан, а в III — 30 кун, если цифровая поправка не сделана, и 15, если она имела место. Или, например, ср. статьи 16 и 106 — во второй исчезла продажа 60 резан; не потому ли, что за нее составитель принял 30 кун, в которые по недоразумению вместо 15 обратился у него «урок» в 30 резан.

Конечно, эти намеки столь скудны, что на них ничего опереть нельзя. Но представляется недоказанным, что пространная Русская Правда не просто переводит устарелое слово «резана» (которого в ней нет) словом «куна», а и сознательно сохраняет счет старый, давая тут нечто, имеющее реальное значение. Ключевский далек от такого сомнения. Для него пространная Русская Правда — памятник права, действовавшего в церковных судах. Но именно его главное основание, что эта Русская Правда встречается в составе вспомогательных статей к Кормчей, наводит на сомнение в ее практическом значении, так как и целый ряд других элементов Кормчей, извлеченных из византийских законов, едва ли мог иметь практическое приложение на Руси. Да и сам Ключевский отметил несогласованность между собой различных статей пространной Русской Правды, подрывающую приложимость ее к практике. Но, во всяком случае, различие денежных систем само по себе несомненно, и одного этого обстоятельства достаточно, чтобы признать значительную разницу в возрасте между Русской Правдой Ярославичей и пространной и принять датировку, установленную Ключевским. Это источник для изучения социальной истории древней Руси второй половины XII и начала XIII в., хотя и заключающий целый ряд элементов права предыдущей эпохи, отчасти для ее времени уже устаревших.

В общей сумме источников для изучения древнерусского права, кроме актов специального законодательства, Русской Правды Ярославичей о княжих людях и церковных уставов, одиноко стоит указание на более широкое по значению законодательство Мономаха, его «устав о резах», быть может, и о закупах. Но при ближайшем рассмотрении и это законодательство не текущее, не общегосударственное в полном смысле слова, а вызванное особыми обстоятельствами — моментом поднявшегося народного движения — и коснувшееся интересов тех слоев, которые близко связаны были, а в значительной степени и слиты с княжеско-дружинной средой социальных верхов киевского общества. И если мы видим, что тенденция этих уставов направлена к ограничению их эксплуататорских инстинктов, то это дела не меняет. Уставы Мономаха были актом самозащиты социальных верхов от народного раздражения. И недаром рядом и в связи с ними стоит «устав о холопах». И не только дальше этого не пошло развитие княжого законодательствования, но и иных его созданий мы не знаем, кроме грамоты князя Всеволода церкви св. Иоанна на Опоках 1130-х годов, но это уже явление иного порядка.

Лекция XV

КНЯЖОЕ ВЛАДЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII И В НАЧАЛЕ XIII В. (1132—1169—1240)

Приведенная выше характеристика княжения Святополка Изяславича, Мономахова предшественника, — хронологически первое в ряду дошедших до нас известий отражение тех социально-экономических противоречий в древней Киевщине, дальнейшее развитие которых отражается в особенностях социальной физиономии пространной Русской Правды. В XII в. над народной массой вечевой общины стоит подавляющая ее сила общественных верхов, держащих в руках нити торгового оборота и средства развивающегося крупного землевладения. Верхи эти связаны с князем, опираются на его власть, составляя в то же время главную ее опору. Древний княжеско-дружинный элемент земли-власти меняет свой характер. Сохраняя свое военно-правительственное значение, он подводит под него новый социально-экономический фундамент, обращая его в орудие экономической эксплуатации земли-власти. Само княжое управление получает более фискальный характер. Если для предыдущего времени можно расценивать взаимное отношение княжой деятельности по защите внешней безопасности и внутреннего наряда, с одной стороны, и доходов князя и княжих мужей — с другой, как отношение

цели и средства, характеризую князя, по Ключевскому, как наемного защитника земли и порядка, то к концу изучаемого периода наблюдаем признаки обратного взаимоотношения управления и дохода. Один из этих признаков был уже отмечен. Разумею развитие вир и продаж в окладной сбор, подобный дани. С этой точки зрения представляет особый интерес и то, что разыгралось в Киеве в 1146 г. Мы уже знаем эту историю, как киевляне после смерти князя Всеволода Ольговича рязались с его братьями Игорем и Святославом, жалуюсь на тиунов: «Ратша ны погуби Киевъ, а Тудоръ Вышегород; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и зѣ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Позднейший свод так передает уговор словами Святослава к Игорю: «Азъ, брате, цѣловаль крестъ на томъ княземъ, яко быти тебѣ княземъ во правду, а людемъ кому до кого обида будетъ, ино ты ихъ судити во правду самому, или мнѣ, а тиуномъ ихъ не судити, ни продавати, а что были тивуни брата нашего Ратша и Тудоръ, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати»¹⁵². Мысль ясна: перед нами протест против передачи полномочий княжого суда — с их характером мы уже знакомы — в руки тиунов-вирников и мечников (после соглашения с князьями киевляне, «устремишася на Ратьшинъ дворъ грабить и на мѣчъники»), роль которых должна ограничиться сбором уреченных уголовных штрафов, а не «въ свою волю имъ людей продавати»¹⁵³. Судебные полномочия, очевидно, становились в руках низших агентов княжой власти орудием вымогательства. Но вспомним похвалу свода XIII в. древним князьям, что они не вскладывали на людей творимых вир и продаж, и тогда поймем, что усердие тиунов касалось не их только личных доходов, но и княжого прибитка, почему Игорь, когда вошел в Киев, «не поча до тому чинити, яко же людие хотяху» и «якоже обещася». С этим не мешает сопоставить значение слова «ябеда». Мы видели, что слово «ябетник» равносильно слову «тиун». Слово же «ябеда» в позднейшем языке означает клевету с вымогательством, шантаж (ср. Судебник Ивана Грозного^{258*}: бьют челом ябедою в великих исках, а мирятся на малом). На причину такой эволюции значения слова «ябедник» указывает, например, один привилей, полученный смоленскими гражданами в 1505 г.: «Што ся тычетъ ябедниковъ, которые, ходечи по мѣсту, людей соромотятъ и боемъ клепятъ ... а кто бою ... оттяжется, от того пересуды великие на нихъ намѣстники и окольничии въ оный часъ бирывали»^{259*}. Ябедники искусственно создают процессы и тем увеличивают доход с судебных пошлин, платившихся, как мы видели, и оправдавшимся и с «творимых вир и продаж» в случае обвинения. Сама история слова «ябедник» и киевская история 1146 г. указывают на такую роль древнерусских ябедников-тиунов, сборщиков княжого судебного дохода.

Все это черты явных злоупотреблений. Можно ли им придавать более серьезное историческое значение? Но когда с ними сопоставишь обращение уже в XII в. вир и продаж в окладной сбор и превращение в удельный период суда в доходную статью княжого и боярского владения, с правом и обычаем отчуждения его как всякой собственности, то острое выступление указанных злоупотреблений получает характер симптома перехода от земской точки зрения по отношению к судебно-административному делу к другому — вотчинно-владельческому воззрению на нее. Это первое уродливое выступление фискальной практики — предвестник нового общинноправового уклада удельного, владельческого — всей общественной жизни Руси.

Вторая половина XII в. — период резкого развития этого процесса перехода к новому строю. Его политическая сторона сказалась в усилении обособленности отдельных земель-княжений и нарастании признаков упадка центрального, объединяющего значения Киева. Его социальная сторона — в развитии земле-владельческого боярства, которое, вращаясь все глубже в местную жизнь той или иной области, подчиняя ее себе, разбивается на ряд провинциальных, областных обществ, замыкающихся в местных интересах. Его экономическая сторона — в упадке торговой гегемонии Киева и возникновении новых, независимых экономических центров на запад от Киева в связи с изменением направления торговых путей из Средней Европы к Черному морю; на север от него — с развитием прибалтийской торговли; на далеком северо-востоке — с развитием колонизации Суздальской Руси и ее обособлением в особый экономический район, связанный торговыми связями с инородческим востоком и новгородским северо-западом. Начавшаяся на самой заре исторической жизни Киевской Руси борьба на жизнь и смерть со степью становится в этом переходном периоде особо острой и тяжелой. Половцы, отодвинутые за Дон в эпоху Мономах, после смерти его сына Мстислава (ум. 1132 г.) снова надвигаются на южные пределы Руси, и с 60-х годов XII в. этот напор степных кочевников достигает снова огромной силы. Историческая жизнь древней Руси не удержалась на первоначальной территориальной базе, сдвинулась к северу, северо-западу и западу и, осевши на более ограниченной, но и более раскинутой территории, постепенно теряя прежнюю ориентировку на юг, стала группироваться вокруг новых центров, обособленных друг от друга, имевших уже не общерусское, как Киев, а местное значение. Идет процесс децентрализации русской жизни, но, как справедливо подчеркивает Грушевский¹⁵⁴, запасы культуры, накопленные Киевским государством, тем самым проникают в глубь народной массы, втягивая ее плотнее в движение новых форм быта, хозяйства, права, религии, господство которых утвердилось на социальных верхах древнего общества.

И этот процесс децентрализации русской жизни не ограничился обособлением отдельных крупных земель-княжений. «В XII в., — скажем словами Грушевского, — каждая земля, — за немногими исключениями — обращается в целую политическую систему, с целой группировкой княжеств, с княжескими линиями, старшими и младшими, с большими и меньшими политическими центрами, с разными системами княжеских отношений, — одним словом, земля, как микрокосм, повторяет в себе характер политической системы земель Киевского государства».

И далее: «Создавалась такая сложность жизни и отношений внутри каждой земли, что она начинает все больше жить своей жизнью, а интересы и деятельность ее князей, дружины, общества все меньше выходят за границы своей земли, и это, очевидно, ослабляло связи не только данной земли с другими, но и ее собственных частей между собой». Историческая жизнь, «разбившись на атомы, шла в глубь областей, в низы общества, замыкаясь во все более узком, тесном пространстве, и вместе с тем мельчала, серела и вырождалась, потому что при такой децентрализации и партикуляризме не могли уже возникнуть центры, достаточно сильные, мощные, чтобы оплодотворять далее новыми запасами энергии, новыми течениями идей и сил этот процесс раздробления, рассеяния всего, что было добыто политической и культурной эволюцией Киевского государства»¹⁵⁵.

Таковы действительно самые общие черты того процесса, каким завершился переход от строя Киевской Руси к новому удельному укладу русской жизни. Рассмотрим прежде всего его политическую сторону в междукняжеских отношениях второй половины XII и начала XIII в.

В междукняжеских отношениях предыдущего периода (1054—1132) мы видели борьбу двух тенденций: понимание каждой волости-княжения, доставшейся какому-либо князю, как вотчины его сыновей и стремление князей, владевших Киевом, сохранить единство распоряжения силами всей Русской земли и судьбой отдельных ее частей. И это последнее стремление при господстве сперва трех старших Ярославичей (1054—1068), потом Святослава и Всеволода (1073—1076) и, наконец, Изяслава и Всеволода (1077—1078) имеет характер борьбы со всеми младшими князьями за соединение в руках киевских князей всего Ярославова и даже Владимирова наследства. Перелом в междукняжеских отношениях приносит княжение Всеволода (1078—1093), который идет на компромиссы с изгоями, постепенно признавая их права на вотчины, окончательно признанные на Любецком съезде 1097 г.

Не говоря уже о Полоцке, земля Червенская и Черниговщина обособляются в руках местных линий отчичей. И в борьбе князей видим, с одной стороны, борьбу разных отчинных прав, переплетавшихся и скрещивавшихся, а с другой — стремление более сильных князей объединить возможно больше владений

в своих руках. Во главе Русской земли стоят сперва Святополк Изяславич, захвативший, кроме Киевщины, Волынь и Турово-Пинскую область, вместе с Мономахом, который держит Переяславль, Смоленск, Новгород и Поволжье; а затем — один Мономах (1113—1125). Отодвинув фактически на второй план представителей старших линий Ярославова потомства — Изяславичей и Святославичей, Всеволодович Мономах делает решительную попытку укрепить владение Киевщиной за своей семьей, отстраняя другие линии Ярославичей и на будущее время. Тут нет еще и следа какого-либо нового принципа в наследственном праве: речь идет лишь о таком же сужении круга возможных наследников данного стола, какое уже произошло при Ярославе, когда полоцкие Владимировичи остались за общей чертой княжого рода. Сосредоточив в руках своей семьи, кроме Киевщины, Новгород и Смоленск, Ростов и Суздаль, Переяславль, Туров, Волынь, Мономах беспрепятственно передает свою власть сыну Мстиславу, который поддерживает и укрепляет Мономахову систему до своей кончины в 1132 г. Система эта, основанная на семейной силе и солидарности Мономаховичей, давала киевским князьям — Мономаху, Мстиславу — возможность возродить и усилить зависимость от Киева всех русских земель. По отношению к младшим князьям они проводят начало гегемонии, требуя от них прихода на свой зов, во всем послушания, карая их, если те не «бяхуть в их воли» и уклонялись от участия в общих походах на защиту Русской земли, по принципу, который один из князей так выразил именно по поводу неявки одного князя в общее ополчение против половцев: «Рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову»¹⁵⁶. Результаты Мономаховой системы были блестящи. Половцы оттеснены за Дон, усобицы прекратились, княжая власть окрепла, проявляя себя в уставном законодательстве, коим регулировались социальные отношения и ставилась в определенные рамки нарастающая социальная рознь. Но основы ее были непрочны и недолговечны.

Отчинная тенденция расколола и Мономахово потомство, что привело к крушению всей системы. Мстислав, исполняя волю отца, передал Киев брату Ярополку, по-видимому связав его обещанием, что затем Киев перейдет к Всеволоду Мстиславичу. По крайней мере, Ярополк переводит Всеволода из Новгорода в Переяславль, поближе к Киеву, в город, который был «отним» городом для самого Мономаха и который он дал обоим старшим сыновьям, Мстиславу и Ярополку, вместе. Мстислав же, передавая в год смерти Киев Ярополку, урядился с ним с крестоцелованием, что тот Переяславль передаст Всеволоду Мстиславичу. Таким образом, Переяславль, преддверие Киева, должен был стать отчиной одних старших Мономаховичей Мстиславова потомства и притом «по отню повелению»¹⁵⁷ самого Мономаха, установившего это соглашение между старшими сыновьями. И хотя в известиях

об этих обстоятельствах есть некоторая неясность, но проявление резкой тенденции старших Мономаховичей к обособлению Киевщины в своих руках делает такое толкование вероятным; будем ли мы приписывать самую идею Мономаху или Мстиславу — дело второстепенное. Перед нами любопытный пример развития идеи отчинности, состоявшего в том, что отчину стремятся считать по отцу, устраняя понятие дедины, которое создавало притязания ближайших боковых линий.

Применение начала отчины к золотому киевскому столу имело особое значение, так как с этим столом связывалось представление о старейшинстве во всей земле Русской, о руководящей роли во всей системе русских земель-княжений. Понятен острый протест, какой вызвала подобная тенденция: «И раздырся вся земля Руськая», «сильно бо възмялася вся земля Руськая». Началась борьба старших и младших Мономаховичей. Юрий и Андрей Мономаховичи заключают тесный союз: Юрий со своим братом Андреем крест целовал на том, «яко кто ся наю останеть, то тый будеть обонимъ дѣтемъ отецъ и волость удержати»¹⁵⁸. Нельзя этих «дядей» считать защитниками старого принципа «родового» старейшинства: это борьба двух линий, из которых каждая думает о себе и своем потомстве. Они заставили Ярополка вывести из Переяславля Всеволода, потом Изяслава Мстиславичей, заключив с ним новый договор в разрез намерениям Мстислава (или Мономаха). Снова старшие князья Ярополк, Юрий, Андрей при пассивной роли второго брата Вячеслава выступают против младших — Всеволода, Изяслава. Этот раздор дал возможность полоцким князьям вернуть себе отчину и независимость от Киева, черниговским и галицким — возможность играть независимую роль. Мстиславичи даже союз заключают с Ольговичами против дядей, воюют против Юрия суздальского, чтобы доставить Суздальщину Изяславу с помощью новгородцев. Ольговичи вырастают в большую силу, добиваясь возврата себе Посемья, что отнял у них Мстислав Великий, подрывают положение Мономаховичей в Новгороде, вырастающем за эти смуты в вольный город с самостоятельным строем, и после смерти Ярополка отнимают Киев у Вячеслава Мономаховича.

Тщетно Вячеслав настаивал, что Киев ему вотчина, а не Ольговичам: «Азъ, брате, придохъ здѣ по братии своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, по отецъ нашихъ завѣщанию», а Всеволод Ольгович «восхотѣль еси сего стола, оставя свою отчину»¹⁵⁹. Летописные рассказы понимают этот шаг Всеволода как попытку его возобновить политику Мономаха, но в пользу черниговской линии: «Всеволодъ Ольговичъ сѣде въ Киевѣ и нача замышляти на Володимерици и на Мъстиславичи, надѣяся силъ своей и восхотѣ всю землю дръжати со братиею своею». Княжение Всеволода Ольговича (1139—1146) — сплошная и тщетная попытка создать такую систему. Тщетная потому, что у него не было

двух опор, поддерживавших Мономаха: сочувствия киевского общества, которое, как мы видели, Всеволод оттолкнул хищениями своих тиунов, и солидарности своих родичей, с которыми Всеволод часто враждовал из-за черниговских волостей, иной раз опираясь против них на Мономаховичей. Но все-таки он сделал в 1145 г. попытку обеспечить преемство на Киев за своим братом Игорем, созвал на съезд братьев — двоюродного брата Давыдовича Владимира и Изяслава Мстиславича — и заявил: «Володимиръ посадилъ Мъстислава, сына своего, по себѣ в Киевѣ, а Мъстиславъ Ярополка, брата своего, а се я мольвлю: оже мя богъ поимѣтъ, то азъ по собѣ даю брату своему Игореву Киевѣ». И заставил съехавшихся князей крест целовать, что они признают этот завет. Причем сделал и попытку определить содержание того старейшинства в Русской земле, какое предназначал Игорю как киевскому князю: Игоря заставил крест целовать, «яко имѣти братью в любовь», а других князей — крест целовать к Игорю, «что вы начнете даяти, но по воли, а не по нужи».

Это встретило резкое противодействие. Игорю и Святославу Ольговичам пришлось исправлять дело Всеволода, уряжаясь с киевлянами, которые, хотя и признали их обоих, а не одного Игоря, себе князьями, но не утратили чувства, что не хотят быть у Ольговичей «аки в задничи»¹⁶⁰. С другой стороны, Мономахович Изяслав Мстиславич выдвигает начало отчины: «Любо си голову положу перед вами, любо си налезу стол деда своего и отца своего».

Отчинное начало было уже слишком сильно для таких государственно-династических тенденций, какие носились перед Всеволодом Ольговичем. И сила его коренилась не только в воззрениях князей. Его главной опорой была тенденция в самом населении, чтобы иметь князем того, кого они себе «вскормили». Разбирая вопрос о компетенции веча, я уже приводил примеры того, как стремление тех или иных отичей ограничить круг возможных наследников на данный стол встретило именно во второй половине XII в. отклик в настроении населения. Ряд случаев, когда вече, принимая князя, целует крест и на детях его, объясняет нам и заявление киевлян Изяславу Мстиславичу: ты наш князь, а Ольговичей не хотим.

Перед нами критический момент в историческом развитии древней Руси. Политическую суть его можно охарактеризовать как крайнее обострение борьбы тех же двух начал, какими определялись междукняжеские отношения и владельческое положение князей со времени Ярославичей: отчинного раздела и старейшинства в Русской земле. Начала, тенденции, стало быть, те же. Но их обострение настолько интенсивно, что ведет к явлениям нового характера уже по существу.

Прежде всего отмечу стремление к новому пониманию старейшинства, которое мы отмечали уже у Мономаха, а резче у Всево-

лода Ольговича. Оно не создавалось князьями, его представляли как новое. Напротив, в праве старейшины на полное подчинение младших князей и на полное распоряжение волостями земли Русской видели возврат к временам Ярослава, восстановление отцовской власти над всеми членами княжого рода. Но это старейшинство, кто «в отца место», держится не в силу кровного права, а вследствие фактической силы, фактических отношений. В работе Я. А. Голяшкина «Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в.»¹⁶¹ найдете тщательный подбор наблюдений над условностью, с какой употреблялись во второй половине XII в. термины «отец», «брат», «сын» для определения отношений между князьями, как, например, в словах Вячеслава Владимировича к племяннику Изяславу: «Ты мой еси отецъ, а ты мой и сынъ, у тебе отца нѣту, а у мене сына нѣтуть, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ»¹⁶².

О праве на старейшинство и для этой эпохи нет основания говорить, так как нет указаний на существование каких-либо общепризнанных норм в княжеской среде. Князья заключают соглашения, причем один другого обещает «имѣти въ отца мѣсто и въ всей воли его . . . ходити»¹⁶³, причем комбинации возможны самые разнообразные: племянник оказывается отцом дяде, князья разных поколений — друг другу братьями. Вся эта терминология выродилась в условный дипломатический язык при заключении договора о союзе, помощи, покровительстве. И это явление, быть может, особенно наглядно подчеркивается такими оборотами речи: «Ты, брате, къ намъ крестъ цѣловаль. . . дажь стоиши на томъ ряду, но ты намъ братъ, паки ли . . . сътупилъ еси ряду, мы ся въ то не дамы». Быть братом тут равносильно сохранению ряда.

Эти черты свидетельствуют о том, что можно назвать значительной индивидуализацией княжеских отношений. Перед нами в конце изучаемого периода не единый, органически связанный род Рюриковичей, а, скажем словами Голяшкина, «политическое общество самостоятельных владетелей, регулирующих свои взаимные отношения сообразно личной выгоде и пользе», и признаем с тем же автором, что братьями князья называли друг друга прежде всего по равноправию независимых владельцев отдельных земель-княжений, или, как говорил еще Неволин, «все вообще князья, как равные в известном отношении друг другу по княжескому достоинству, называют себя взаимно братьями».

Но как ни далеко ушли в прошлое, как пережитые, семейные основы междукняжеских отношений, идея единого княжого рода уцелела. Даже более, именно в данную эпоху она как бы подчеркивается, и князья напоминают друг другу: мы единого деда внуки. Эта идея нужна как выражение равноправия князей, в княжом их достоинстве. И эту сторону дела удачно подметил

Голяшкин, говоря, что одним из существенных условий для сохранения семейной и родовой терминологии при изменившихся в корень отношениях было то, что князья «продолжали составлять один род, изолированный от общества и потому тем теснее захватывавший своих членов», а «в силу своего обособленного положения в обществе» этот род, хотя он не имел никакой организации, «никогда не был учреждением», сохранял весьма крупное социально-политическое значение для своих членов.

Размножившийся род Рюриковичей выработался в особую социальную категорию. Князь не только тот, кто княжит и владеет определенной властью. Князь безземельный, какой-нибудь скиталец вроде Ивана Берладника — все же князь, с прирожденным княжим достоинством. Первое противопоставление князя остальному обществу в таком аристократическом смысле видим в известном ответе черниговского Олега Святославича: «...нѣсть лѣпо мене судити епископу, ли игумену, ли смердомъ»^{260*}. В 1096 г. это, по-видимому, произвело еще впечатление заносчивой гордыни. В XII в. гордое сознание княжого достоинства — бытовая норма. Виновный князь может быть наказан лишением волости, но личность его неприкосновенна. На божий суд призывают смоленские Ростиславичи Андрея Боголюбского за то, «аже еси съ сякими рѣчьми прислалъ не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту челоувѣку...»^{261*}. В старину сказали бы не так, но «не акы къ братьямъ...». А когда галицкий боярин Владислав в начале XIII в. захватил было княжение в Галиче, то, низложенный поляками и венграми, он «нашедь зло племени своему и дѣтемъ своимъ... вси бо князи не призряху дѣтий его того ради»^{262*}. Солидарность в монополии на княжое достоинство — один из существенных моментов в живучести понятия о едином Рюриковом роде.

При таком характере русского княжья XII—XIII вв. «единство княжого рода», лишенного организации, не могло играть роли объединяющего русские земли элемента. Охарактеризованная выше внутренняя обособленность земель-волостей не только не встречала противодействия во влиянии княжого элемента, но, напротив, встречала в нем силу, которая каждой земле-волости давала возможность выработать себе законченный политический строй в соответствии с общим укладом древней политической жизни. Каждая волость-земля становилась волостью-княжением, стремясь упрочить свой политический быт укреплением у себя определенной княжой семьи.

Начало отчины встречало поддержку в тенденциях населения, кладя своим развитием начало новому удельному строю всего политического быта древней Руси. При таких условиях общее старейшинство во всей Русской земле, связанное по традиции с киевским столом, рисковало вовсе погибнуть. Уцелеть оно могло, лишь возродившись на новых началах.

И политическое сознание князей, владевших Киевом, самой жизнью воспитывалось к уразумению этой необходимости новых начал старейшинства. Их, как мы видели, намечают в отношениях к младшим князьям Мономах и сын его Мстислав, а затем Всеволод Ольгович; эти начала — династическая организация власти, обращенной в вотчину одной княжеской линии, и усиление зависимости младших князей от старшего, которого на севере называть станут великим, в послушание его распоряжениям относительно общих действий и распределения волостей.

Как выше уже сказано, это усиление старейшинства мыслилось как восстановление реального значения приписываемой ему отчей власти над другими князьями.

Изяслав Мстиславич, заняв Киев, так понимает свое положение: «А мнѣ, — говорит он двоюродному брату, — дай богъ васъ, братью свою, всю имети и весь родъ свой в правду», а уступая Киев дяде Вячеславу, говорит ему: «Ты ми еси отецъ, а се ти Киевъ, а се волость: которое тобѣ угодно, то возьми, а иное мнѣ вдай». Такое право распоряжения волостями как атрибут старейшинства особенно резко подчеркивает Андрей Боголюбский. Андрей в 1174 г. заявляет Роману Ростиславичу и его братьям, которым дал Киевщину: «Не ходиши в моей воли съ братьею своею, а поиди с Киева, а Давыдъ исъ Вышегорода, а Мъстиславъ из Бѣлагограда, а то вы Смоленескъ, а темь ся подѣлите»^{263*}.

Все эти цитаты, особенно ярко последняя, показывают, с другой стороны, насколько узка и практически незначительна была реальная основа, на которой во вторую половину XII в. покоилось старейшинство в Русской земле: она сводилась в смысле распоряжения волостями к границам Киевской земли. Все остальное было уже прочно освоено отдельными князьями линиями в особое владение, удельное. И тем не менее изменение тона отношений между младшими и старшими князьями, отмечаемое в этих цитатах, имеет свое значение. Оно свидетельствует о безнадёжной и тщетной, но характерной попытке реакции более сильных князей против полного упадка объединявшего княжью Русь авторитета киевского князя. Та же тенденция сказывается и в появлении термина «господин» в обращении князей к старшему, более сильному. «Ты, господинъ, ты, отецъ», — обращаются рязанские князья к Всеволоду Суздальскому в 1180 г. «Отце господине», — титулует его же Владимирко Галицкий и просит: «Удержи Галичъ подо мною, а язъ божий и твой есмь со всимъ Галичемъ, а во твоей волѣ есмь всегда». И это не только «северное» явление. В 1152 г. отец Владимирка говорил Изяславу Мстиславичу так: «Нынѣ, отце, . . . прими мя яка сына . . . ать . . . подлѣ твой стремень ѣжду, всими своими полкы»^{264*}.

Теперь ясно, что я разумел под обострением проявлений обеих конкурировавших тенденций в сфере княжого владения Древней Руси. Отчинное начало привело к полному обособле-

нию всех областей русских, кроме киевской, во владение особых линий княжого дома и к распаду княжого рода на ряд равноправных, независимых князей, определявших взаимные отношения договорами. Старейшинство, связанное с владением Киевом, должно было или погибнуть, или переродиться в отношения политического господства, с одной, и служилого подчинения — с другой стороны. И пути этой эволюции были намечены в русской жизни XII в., в эпоху, в начале которой стоит деятельность Мономаха, а в конце — Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. И важно запомнить, что эта вторая тенденция не родилась на севере вновь и лишь дальше развивала там зерна, не воспринятые киевской почвой.

Ясно для нас, с другой стороны, и безнадежное положение Киевщины в эту эпоху.

В силу своего пограничного географического положения, так как из Переяславщины не удалось создать прочного оплота со стороны степи, а правобережная южная граница Поднепровья оставалась открытой и ее военную оборону пришлось организовать с помощью инородческой колонизации турецких племен, во второй половине XII в. часто оказывавшихся союзниками ненадежными, Киевщина оказалась не в состоянии сыграть роль территориальной базы и материальной основы для объединения русских земель в одной и более прочной государственной организации. Ей не было суждено сыграть роль Московского княжества Даниловичей или Иль-де-Франса Капетингов.

С другой стороны, пробудившаяся и в Киевщине тенденция к обособлению в особое законченное целое, в живущую собственной жизнью, местной и замкнутой, землю-княжение, была решительно подорвана живой традицией киевского первенства. Традиция эта налагала свою печать и на политику всех киевских князей, будя в них стремление к расширению своего влияния на дела всей Русской земли, не давая им сосредоточиться на местных интересах и замкнуться в них. Сказывалась она и в особом отношении к Киеву всех сколько-нибудь сильных князей, будя в них стремление овладеть почетным и влиятельным золотым столом киевским. Борьба за Киев продолжается еще долго после того, как он по существу дела потерял значение действительного центра всей Русской земли, и в этой борьбе гибнут попытки старших Мономаховичей стать местной киевской династией, гибнут, несмотря на поддержку, встреченную ими в населении. Сама Мономахова линия Рюрикова рода, широко раскинувшаяся от Волыни до Суздальщины, раскалывается на враждебные стороны в борьбе за Киев. Не хотят отказаться от него черниговские Ольговичи, ревниво следят за ним, препятствуя его усилению, особенно соединению с Волынью, и галицкие князья.

В этом смысл всей борьбы за Киев после кончины Всеволода Ольговича (1146). Не вдаваясь в анализ ее перипетий, отмечу

только существенные ее моменты. Такими можно считать: 1) стремление Мономахова потомства разграничить в свою пользу правобережное Поднепровье от Ольговичей черниговских; 2) отказ старших Мономаховичей от мечты основать в Киеве центр своего семейного владения и перенос его на Волынь; 3) отказ — после попытки Юрия Долгорукого — суздальских Мономаховичей от связи старейшинства с Киевом и переход их к политике, сходной с галицкой, политике ослабления Киевщины, которая перестает быть опорным пунктом для общерусского влияния князей, ведущих более широкую политику, и 4) превращение Киева из центра в форпост Южной Руси, пока его окончательно не сломил татарское нашествие.

Княжение Всеволода Ольговича в Киеве (1139—1146), хотя Мономаховичам пришлось признать его, и «иметь его в правду брата старейшего», пережито ими как нарушение их отчинных прав на Киев. Но пока вопрос о Киеве осложнялся борьбой среди самих Мономаховичей, Ольговичи еще дважды овладевали Киевом. Прочным результатом этих усобиц оказалось отделение от Киева в обособленные отчинные владения Переяславля Южного, где с 1155 г. прочно сидит Глеб, сын Юрия Долгорукого, и Турово-Пинской земли в руках Юрия Ярославича, внука Святополка Изяславича.

Победа Юрия Долгорукого, который и умер киевским князем в 1157 г., над старшими Мономаховичами привела к тому, что они осели на Волыни, обратив ее в свою семейную отчину.

Новая попытка старших Мономаховичей, имевших опору в вотчинах своих, Волыни и Смоленске, укрепиться в Киеве (Ростислав Мстиславович пробует передать в 1167 г. свою власть Мстиславу Изяславичу) вызывает новую усобицу, которой финал — разорение Киева в 1169 г. войсками Андрея Боголюбского.

Это событие получило в традиционной схеме русской истории весьма своеобразную оценку, мало соответствующую действительности: перенесения политического центра на север не произошло. Правильнее оценивает дело Ключевский, говоря, что «Андрей впервые отделил старшинство от места». Старшинство признавалось за Андреем, а не за его городом Владимиром-на-Клязьме. А после его смерти создается своеобразное переходное положение — симптом резкого развития все усиливавшейся децентрализации русской жизни. Разумею то, что создано в 80-х годах XII в. На юге видим соглашение Ростиславичей с Ольговичами на том, что Святослав Ольгович получает «старейшинство и Киев» и 13 лет (1181—1194) сидит на киевском столе в почетной роли слабосильного патриарха, каким его рисует «Слово о полку Игореве», называет Всеволода суздальского «братом и сыном»; а на деле Киевской землей владеют Ростиславичи, признающие Всеволода старейшиной в Воло-

димировом племени, сам Святослав посылает сына с полком в помощь Всеволоду против волжских болгар (1181), а собрав союзников для похода на рязанских князей, посылает к Всеволоду «просячися у него на Рязань», а когда «Всеволодъ их воли не сътвори», то «грозный великий князь киевский повернул с похода назадъ» (1194).

Перед нами полное выделение сильной Суздальщины и полный упадок действия силы Киева при живучей традиции связанного с ним старейшинства. И Всеволод суздальский следил лишь за одним: чтобы Киевщина не усилилась, и ловко ссорил южных князей, чтобы не дать им сплотиться в силу. И ревнивое внимание двух сильных княжений — Галицкого, а особенно созданного Романом Мстиславичем Галицко-Волынского, и Суздальского нависло тяжелой тучей над Киевом. Еще при жизни суздальского Всеволода Роману удастся превратить Киев в передовой пост галицких владений на востоке, а после смерти Всеволода в 1212 г. окончательно падает влияние северо-восточных князей на южные дела.

Так, первая четверть XIII в. — тот хронологический момент, когда древняя Русь окончательно распадается на ряд отдельных земель-княжений, о связи которых в одну цельную систему не может быть и речи. Старая Русь умирала, потому что умерло единство интересов, поддерживавших объединительную политику Киева: интересов южной торговли и национальной самообороны против степи. Тяжелее всего отражался этот распад объединения русских сил на южных областях — Переяславщине, Черниговщине, Киевщине. Все более предоставляемые самим себе, они не могут дать прежнего отпора половецкой силе. И Южная Русь оставила нам горький плач высокого поэтического достоинства о своей гибели в «Слове о полку Игореве»: «Тоска разлися по Руской земли. Печаль жирна тече средь земли Руской. А князи сами на себе крамолу коваху. . .». «А поганинъ съ всехъ странъ приходаху съ побѣдами на землю Рускую».

Никто не идет на защиту Русской земли. Великий Всеволод суздальский так силен, что может «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». Будь он на юге, «была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ». Но: «Не мыслию ти прилетѣти издалеча — отня стола поблюсти». Не слушают и Роман с Давыдом Ростиславичи, отчичи смоленские, призыва: «Вступита, господина, въ злата стремя — за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича». И галицкий Осмомысл Ярослав «высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки» и, заступая пути королю венгерскому, затворяя ворота к Дунаю, суды рядя до Дуная, не слышит призыва: «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича».

И волынский Мстиславич — Роман, ум коего храбрая мысль носит на дело, и его племянники двоюродные, Ярославли дети, Мстислав, Ингварь, Всеволод, — все поглощены вотчинными делами, борьбою с литвой, ятвягами и между собою, и не слышат призыва загородить полю ворота своими острыми стрелами.

Всюду местные, разнородные интересы, ориентирующие жизнь в новых направлениях. И Русь отступает перед степью. Переяславщина уже не ищет опоры на Западе. Во всю вторую половину XII в. она держится суздальских князей, которые дорожат ею, пока дорожат влиянием на юге, и суздальская летопись зовет Переяславль отчиной потомков Юрия Долгорукого. Туда же тянет и все Посеймье. Но защита этой Украины, как именно Переяславщина впервые названа в Ипатьевской летописи под 1187 г., не по силам и северным князьям, и они с трудом и с перерывами держатся там в начале XIII в. против южных князей и половцев, разоряющих землю. И после татарского погрома замиравшая на Украине жизнь политическая обрывается. В Киевщине и Переяславщине княжеско-дружинный строй после татарского погрома упал совсем, и земли, по всей вероятности, распались на отдельные общины, где если иногда и появлялись князья, то в роли татарских подручников.

ДОПОЛНЕНИЯ

^a *В редакции 1907—1908 гг. вступительная лекция А. Е. Преснякова имела другое содержание и назначение:*

«Обычное, шаблонное заглавие моего курса „Киевский период русской истории“ требует объяснения и оправдания. Та общая схема — тоже обычная, традиционная, на которую оно как бы указывает — несомненно требует некоторого пересмотра и теоретического освещения. Я назвал ее традиционной: она имеет свою историю, хорошо выясненную в главных чертах известным трудом П. Н. Милюкова „Главные течения русской исторической мысли“^{1*}. Быть может, вы эту историю знаете. Но мне представляется нелишним вам ее напомнить. Милюков удачно связал происхождение этой схемы с той работой историко-политической мысли, которая совершалась в сознании московских книжников XV в. Жизненной задачей этих книжников было теоретически осмыслить и исторически оправдать рост Московского государства и осветить те широкие притязания, с которыми оно выступило во времена Ивана III. Рассматривая государство как „вотчину“ государеву, они и в основу своей исторической теории, слагавшейся под давлением упомянутой публицистической потребности, положили династическую или, точнее, генеалогическую точку зрения. Стремление московских собирателей земли Русской к созданию объединенного национального

государства „всая Руси“ в теории книжников оправдывалось их династическими, вотчинными правами на все наследие рода Рюриковичей. И московский великий князь представился прямым наследником киевского, предъявляя на Киевскую Русь свои исторические права.

Учение о „наследственных“ правах московского правительства на Киевщину было натянуто и искусственно, по крайней мере с точки зрения генеалогической. Но и речь у московских книжников шла не столько о фамильном, сколько о политическом наследстве на „от прародителей вотчину“ московских князей. Проводилась „идея тождества и наследственной связи московской и киевской государственной власти“. Представляя себе киевское великое княжение монархией наподобие Московского царства, московские книжники удельное время объясняли как время смут и распада, вызванного ошибочной политикой великих князей, деливших землю между младшими князьями, и, отодвигая его на задний план, получали внешне стройную схему единой истории русского государства, начавшейся в Киеве, продолжавшейся в Москве. В основе схемы — утверждение исконного единства русского национального государства и толкование его распада как случайного, ненормального явления. Не только обособленное существование Новгорода и Пскова, не только самостоятельность среднерусских удельных княжеств характеризовались этой печатью случайной ненормальности, но и захват значительной части русских земель Литовским великим княжением рассматривался в московской схеме как узурпация.

В хронологический промежуток между падением Киева и возвышением Москвы выдвигалась фигура владимирского князя как носителя общерусской власти, и тем достраивалась до конца ставшая традиционной схема истории русского государства с периодами киевским, владимирским, московским.

Такова политическая подпочва, на которой выросла наша схема. Позднейшая историография XVIII и XIX вв. сильно от нее зависела, да и до сих пор зависит. Жизнь прибавила период петербургский, научная разработка выдвинула значение некоторых эпох, например удельной или Смутного времени, теснее связала XVII в. с XVIII в., чем с временами Ивана Грозного, передвинув на столетие назад понятие „перелома“, связанное с именем Петра Великого. Но все эти — очень важные сами по себе — частичные изменения общей конструкции едва ли разрушали влияние и даже господство старой схемы. То, что в ней есть случайного, ненаучного, особенно ярко сказывается теперь, когда рядом с так называемой общерусской историей выросла в целую богатую отрасль нашей исторической науки история Западной Руси, Литовско-Русского государства. Вы знаете, вероятно, каким скудным, случайным придатком обзор истории Западной Руси является в наших общих курсах, если

только вовсе из них не исчезает. Пример первого имеем в курсах покойного К. Н. Бестужева-Рюмина и С. Ф. Платонова^{2*}. Московские же историки проходили, так сказать, мимо Западной Руси. У Ключевского, у Милюкова вы истории Литовско-Русского государства и литовско-русской культуры не найдете в обзоре русской истории и „Очерках по истории русской культуры“^{3*}. История Западной Руси выделяется при специализации занятий в особую самостоятельную дисциплину, связанную с историей Руси Московской не более и скорее менее, чем с историей не только Литвы, но и Польши.

Вот эти элементарные факты современной историографии нашей привели к постановке ряда существенных вопросов как о месте, занимаемом так называемым Киевским периодом в общей системе русской истории, так и о законности самого понятия единой „русской истории“ и тем более истории русского народа.

Обращусь опять-таки к некоторым явлениям нашей исторической литературы.

В „Очерках по истории русской культуры“ П. Н. Милюкова отсутствует Киевская Русь со всем складом ее политических, социальных и культурных отношений. И это не случайность. „На протяжении семи веков, от IX до XVI, прежде чем Москва создала хотя какую-нибудь связь между окраинами России, — по мнению Милюкова, — каждая отдельная область жила своей отдельной исторической жизнью и переживала особого рода местный процесс, не похожий на процессы других областей“. Итоги исторической жизни восточного славянства до эпохи образования Московского государства представляются Милюкову крайне элементарными, своего рода преддверием к более широкому течению государственной и национальной жизни в рамках возникшего на северо-востоке Великорусского государства. Этим и история Киевской Руси IX—XII вв. низводится на уровень узкоместного процесса наравне с исторической жизнью любой области в так называемый удельный период.

Такое представление о древнерусской истории тесно связано с той конструкцией, какую у Милюкова получила история русского „национального самосознания“. Тот склад воззрений на свою национальность, какой сложился у московских книжников на рубеже XV и XVI вв., Милюков согласно своим общим социологическим воззрениям считает первичным, исходным пунктом этой истории, отсюда и начинается ее изложение^{4*}.

Таким образом, так называемый Киевский период оказывается если не совсем вне, то по крайней мере в своеобразном преддверии общей системы русской истории, построенной у Милюкова, в сущности, на основах традиционного отождествления русской истории с московской, великорусской, постепенно разрастающейся по мере роста государства во всероссийскую, импер-

скую, если можно так выразиться. Схема упрощена отсечением ее первого члена, но едва ли принципиально переработана. Русскую историю в собственном смысле этого слова оказывается возможным в школе Милюкова строить, в сущности, без Киевского периода. Эволюционная связь между ним и позднейшими периодами истории России, которая сводится для средних веков к истории Руси Московской, порвана. Это Милюков и выразил в таком тезисе: „Можно сказать, что русская народность, достигнувшая значительных успехов на юге, на севере должна была начать всю историческую работу сначала“.

Милюков в своем отрицании связи между историческими процессами, совершавшимися на юге в IX—XIII вв. и на северо-востоке в XII—XVI вв., не стоит одиоко. Вот, например, что говорит другой историк московской школы, Сторожев^{5*}, в предисловии к сборнику „Русская история с древнейших времен до Смутного времени“: „Днепровская Русь — древнейший период нашей истории, не хронологически только, но и реально очень далекий от последующей истории собственно России, выросшей из удельного княжества северо-восточной Руси. Русь днепровская и Русь северо-восточная — две совершенно различных исторических действительности“. Называя древнейшее прошлое Днепровской Руси „совершенно особым и законченным историческим процессом“, Сторожев отмечает и особую этнографическую причину этой обособленности южно- и севернорусской истории: „Историю той и другой Руси создают не одинаково два различных отдела русской народности“^{6*}.

Так, разрушая традиционное единство схемы русской истории, современная историография приходит к вопросу об этнографических основах русской исторической жизни — спорность представления о единстве так называемой русской истории вела неизбежно к более глубокому вопросу о единстве русской народности.

Сам по себе этот вопрос не нов, и он имеет свою литературную историю, начало которой восходит к 60-м годам прошлого века и даже ко времени более раннему¹ — к разыгравшейся в 50-х годах полемике между Погодиным и Максимовичем^{7*} о том, кто, южане или северяне, были „россы“ по преимуществу, кому из них принадлежит по преимуществу древняя киевская русская история и заслуга основания русского государства и национальности. В 80-х годах этот спор возгорелся с новой силой между проф. Соболевским и украинскими учеными^{8*}.

Особенно резко с украинской точки зрения поставил вопрос львовский проф. Грушевский². Сделав весьма ценную попытку цельного изложения истории украинского народа с древнейших времен, Грушевский отрицает генетическую связь между „киевским периодом“ и историей северо-восточной Руси. „Киевское государство, — говорит он, — право, культура были созданием

одной народности — украинско-русской; владими́ро-московское — другой, великорусской“. Сопоставляя отношения двух половин древней Руси с отношением Рима и Галлии, Грушевский говорит о рецепции киевского права и культуры великороссами, считая Владимиро-Московское государство не преемником Киевского, а выросшим на своем корню.

„Киевский период“ у Грушевского получает новый смысл сравнительно с традиционной схемой „русской истории“: он перешел не во Владимиро-Московский, а в Галицко-Волинский — XIII в., потом в Литовско-Польский — XIV—XVI вв. и оказывается первым отделом не русской истории вообще, а истории украинского народа.

Навстречу этой точке зрения идет ряд исследований, выясняющих связь социально-политических отношений Литовско-Русского государства и его права с киевскими традициями. Труды Любавского^{9*}, Максимейко, Ясинского^{10*} как бы дополняют и уясняют общую конструкцию Милюкова, устанавливая непосредственную преемственную связь между исторической жизнью древней Киевщины и Литовской Руси^{11*}.

Многое, добытое на этом пути изучения, несомненно составляет существенное приобретение исторической науки. Но если так, то не имеем ли мы перед собой действительно задачу строить схему и теорию двух различных исторических процессов — истории великорусской и украинской?

Более обоснованный и обстоятельный ответ на этот вопрос может быть дан только в конце такого курса, как предполагаемый мной. Но я считаю необходимым теперь же установить некоторые точки зрения, которые, быть может, помогут нам разобраться в нем.

Раз вопрос переносится на этнографическую почву, то и ставится он так: говорят, русская история есть история русского народа. Что понимать под историей русского народа? Что разуместь как содержание самого понятия „русский народ“?

Я не знаю, что вы ответили бы на эти вопросы. Думаю, что не ошибусь, предположив, что многим из нас самые вопросы покажутся очень простыми. На самом деле они очень сложны. Мы и в разговорной речи и в литературе постоянно встречаем выражения: „народ“, „народность“, „нация“, „национальность“ в довольно-таки разнообразных значениях и оттенках значения, то как синонимы, то — нет. Точнее и даже резко разграничены выражения, означающие определенные общественные направления, как „национализм“ и „народничество“, или качественные признаки — народный, национальный.

Часто сказывается в нашем деле первородный грех исторической науки — отсутствие четко и критически установленного содержания в смысле общих понятий, какими оперирует историк. Так и тут: в употреблении терминов „народность“, „народ“,

„нация“ мы постоянно встречаемся с колебаниями их значения, свидетельствующими о неустойчивости целого ряда понятий. Я, конечно, не могу вдаваться в теорию исторических понятий. Ограничусь несколькими замечаниями о тех из них, с какими мне сейчас приходится иметь дело, и притом с чисто практической целью, — условиться о значении тех терминов, какие приходится и еще придется употреблять в моем изложении.

Речь идет о „русском народе“, его единстве или отсутствии этого единства. В чем же может или должно состоять это „единство“?

Обыкновенно первое, что приходит в голову при таком вопросе, это единство крови, породы, антропологического типа и языка. В основе антропологических особенностей каждого народного типа лежат его расовые особенности. Большое значение им в наше время приписывают такие писатели, как Гобино^{12*}, Чемберлен^{13*} и их сторонники^{14*}. Но среди историков — и, я думаю, правильно — господствует довольно скептическое отношение к значению не только рас в вопросе национальном, но и племенного происхождения. Антропология давно и твердо выяснила, что на земном шаре вообще, а в Европе, быть может, особенно, мы напрасно стали бы искать более или менее чистые расы. Единство французского народа нисколько не нарушается тем, что его этнографическая основа — сложное сплетение кельтических и романских, германских, иберийских и даже семитических элементов. Оставляя в стороне вопрос о единстве русского народа как величину еще искомую, напомним общеизвестный факт сложного этнического состава, например, великорусской народности из элементов славянских, финских, тюркских, монгольских, с позднейшей примесью различных западноевропейских и западославянских элементов. Теперь часто трунят над рядом иностранных фамилий в составе русского народа. Но обруселые в ряде поколений немцы, евреи, поляки, конечно, действительно принадлежат русской, а не какой-либо иной народности. Основные антропологические признаки — строение костяка, длинно- или короткоголовость, цвет волос и т. д. — так перемешаны в среде любого из современных европейских народов, что установить общий, хотя бы в самых общих чертах, антропологический тип для каждого из них совсем невозможно. Точных, научных определений народности по признакам антропологическим быть не может.

Более твердым признаком народности часто представляется нам язык. И представление это опирается на такие очевидные факты, что, казалось бы, тут мы имеем признак бесспорный. Но не надо забывать столь же несомненного факта, с одной стороны, существования крепкого единства швейцарского народа, говорящего на трех языках, или, наоборот, существования двух народов — датского и норвежского, говорящих на двух фило-

логически весьма мало различающихся наречиях, гораздо меньше, чем малорусский язык от великорусского. Среди наречий единого германского народа можно найти такие, которые отличаются друг от друга едва ли меньше, чем славянские языки или наречия между собой. А язык голландского народа есть незначительная разновидность *platt-deutsch*, которым говорят многие „чистокровные“ немцы.

Но если мы в самом деле откажемся от антропологических признаков и от языка как средств для различения и определения народности, то что же нам останется? Современная литература по этому вопросу пробует подойти к понятию народности с двух сторон: психологической и политической.

„Народность“ или „национальность“ — оба слова употребляются безразлично — есть явление „культурно-психологическое“, и притом явление, которого реальным носителем является не народ, не племя, не этническая группа, а человеческая личность. Это свойство личности, и притом не природой ей данное, а выработанное исторически в культурной эволюции. Принадлежность личности к данной народности, или, как вернее было бы сказать с этой точки зрения, — принадлежность данной народности тому или иному лицу — есть явление его, этого лица, отчасти бессознательной, отчасти сознательной политической жизни. Бессознательными элементами этой субъективной народности, если можно так выразиться, являются те психические навыки, какие с детских лет прививаются человеку влиянием той национальной среды, в которой он растет, развивается и живет. Факторы этого влияния крайне разнообразны.

Родной язык сам по себе уже несет ряд психологических явлений, представляя собой целую сокровищницу определенных представлений и понятий, навыков мысли и тонов чувства, образов и символов, глубоко воздействующих, и притом незаметно, бессознательно, на духовное развитие. Бытовой склад жизни, в котором не меньше, чем в языке, веками сложившихся и медленно изменяющихся элементов, взращенных данной национальной средой, также неизменно, глубоко и прочно влияет на это психическое развитие. Прибавьте влияние национальной литературы, исторических преданий, традиционных симпатий и антипатий и получите приблизительный, достаточный для иллюстрации психологического явления личной, субъективной народности комплекс факторов, ее создающих. „Национальность, — скажем словами Милюкова, — есть социальная группа, располагающая таким единственным и необходимым средством для непрерывного психического взаимодействия, как язык, и выработавшая себе постоянный запас однообразных психических навыков, регулирующих правильность и повторяемость явлений этого взаимодействия“^{15*}. Я бы только прибавил оговорку, что язык — весьма важное, но не обязательное, как показывает пример Швейцарии,

или не основное, как видно на примере датско-норвежских отношений, условие выработки народности в культурно-историческом процессе. Какой из многих факторов создания народности является основным, это решается ходом истории той социальной группы, которая постепенно вырабатывается в народность. Но наряду с факторами, вырабатывающими „народность“ лица и его бессознательной жизни, стоят и явления сознательной жизни, акты сознания и воли. Но эти последние настолько в действительной жизни тесно связаны с политической стороной вопроса, что лучше их и указать, сперва выяснив эту сторону.

В отличие от слов „народность“, „национальность“ термин „нация“ и в нашей и в западноевропейской литературе начинают употреблять в особом технико-политическом смысле. Венгерцы говорят о своей нации, господствующей над народностью хорватов. Хорваты не без успеха стремятся стать из народности нацией, приобретая известный круг самостоятельных государственно-политических прав. Немцы себя называют нацией, признавая познанских поляков только народностью. Поляки стремятся стать нацией в полном смысле слова, стремясь к государственной автономии, или считают себя нацией, временно утратившей политическую самостоятельность, так сказать нацией в ненормальном положении. „Нацию без стремления к государственной жизни невозможно себе и представить“, — говорит один немецкий писатель. Итак, нацией называют народность, создавшую для себя государственную организацию. Но исторически такое определение не точно. Множество исторических фактов говорит о том, что государства возникали раньше, чем населявшее их территорию население слагалось в действительную нацию.

Для того чтобы это последнее явление произошло, необходимо, чтобы в общественной жизни совершился культурно-психологический факт, который можно назвать возникновением национального самосознания или лучше национальной воли. Воля к общей политической жизни, стало быть, явление коллективной психики данного населения, есть основная черта как личной, так и общественной „народности“ или „национальности“ на той ступени исторического развития, когда создаются нации.

Я сказал, что государства часто возникают раньше наций. Теперь эти слова понятны: для того чтобы говорить о существовании „нации“ в указанном смысле слова, необходимо предполагать или иметь налицо в населении данного государства известный уровень сознательного отношения к политической жизни и определенное направление коллективной политической воли. Вот почему напряжение национального чувства и так называемое национальное самосознание прямо пропорциональны поли-

тической самодеятельности народа и, стало быть, развитию у него политической свободы.

Вернемся к нашей исходной задаче — определению понятия народа, народности, нации. Мне кажется, что у нас вместо обычного определения получается, пожалуй, объяснение, почему это понятие принципиально по существу неопределимо. Оно, как и многие исторические понятия, разворачивается при анализе в эволюционный ряд — от расового инстинкта через субъективную народность к политически сознательной нации. Вы, может быть, скажете, что эти явления, которые я пробую уложить в эволюционный ряд, разного порядка, и не только сменяют друг друга в историческом развитии, но и сосуществуют. Отчасти такое замечание было бы и справедливо. Тут эволюция не простая, а сложная. Более элементарные и первоначальные явления, участвуя в развитии, неся его, так сказать, переживают эволюцию, входя в ряд все новых и более сложных сочетаний с другими факторами жизни, входя в состав новых, более сложных явлений, не уничтожаясь, но отступая по жизненному своему значению на второй, третий и т. д. план. Таков характер эволюции многих социальных явлений (например, семья — род — племя — община — государство).

В заключение этих общих рассуждений мне хотелось бы отметить значение в этой национальной эволюции, кроме упомянутых культурно-психологических факторов, еще особенно два, так сказать, внешних, объективных: территорию и государственную организацию. Изучение влияния природных географических условий на жизнь человеческих обществ сложилось почти на наших глазах в особую научную дисциплину — антропогеографию. И одним из ценных ее приобретений нельзя не назвать выяснение роли территории в образовании народностей и наций. Сама природа, говорят нам, как бы начертала известные формы территорий, предназначенных для единства культурно-исторического и социально-политического населения, их занявшего. Это предначертанное природой единство обуславливается естественным единством географических и климатических, а потом экономических и далее социальных условий быта, а с другой, международно-политической, стороны — так называемыми естественными границами государств в виде моря, горных кряжей, больших рек. В таких географически индивидуальных районах скрещиваются, смешиваются элементы разных рас, в них оседая, живут общей жизнью хозяйственной и культурной, наконец, спаиваются при соответствующих обстоятельствах в политическую организацию, в государство. Это последнее часто, даже обыкновенно возникает раньше, чем его можно в полном смысле слова назвать национальным. Оно, говоря словами С. М. Соловьева, вначале только „хирургическая повязка“ на теле, еще лишенном внутренней сплоченности, внутренней связи. Как внешне

объединяющая форма оно помогает охваченным ею одному или нескольким племенам или народностям, частям разных племен или народностей выработаться в нацию, воспитаться к сознательной общей жизни.

Если мы подумаем над этими вопросами и примем во внимание вышесказанное, то и самый спорный в нашей историографии вопрос о единстве русского народа и русской истории примет несколько иной характер и получит несколько иное значение. Указание на разноплеменный состав населения и на различие исторических судеб тех или иных его элементов само по себе не разрешает вопроса. Да и само решение этого вопроса из прошлого переносится скорее в настоящее и будущее. Вернее, явления, которых он касается, развиваясь в многовековом историческом процессе, представляют собой одну из тех сторон исторической жизни, которые мы наблюдаем в непрерывном процессе изменения и движения то более, то менее интенсивного, с моментами то задержки и регресса, то ускорения и прогресса и которые именно потому так трудно определить, что законченности в них нет и по существу быть не может.

В грубой своей безусловности и утверждение и отрицание единства русского народа в его целом является, таким образом, ненаучным и некритическим. В исторической же действительности прошлое — до XI—XII вв. включительно — и позднейшее время — XVII—XIX вв. — так тесно принадлежат одинаково к истории обеих ветвей русского народа или обеих народностей русских — великорусской и украинской, что без ущерба для полноты и правильности научного изучения, без измены исторической правде разрывать изучения их судеб нельзя. Что касается последних трех веков, то нет основания называть как государственную, так и духовную жизнь России великорусской. При несомненно доминирующем значении в ней великорусского элемента слишком глубоко, содержательно и важно было значение в ее развитии украинского народа, его культуры, его дарований. В XVII, отчасти и в XVIII вв. им следует даже приписать в некоторых отношениях руководящую роль в созидании общерусской культуры. С другой стороны, и в тот период, XIV—XVI вв., когда обе половины русского славянства резко разошлись в своих политических и культурно-исторических судьбах, наблюдаем ряд явлений, указывающих, что сознание национального единства долго поддерживалось оживленным взаимодействием и сношениями, лишь постепенно замирая и ослабевая под влиянием исторических условий для того, чтобы возродиться позднее.

Вот те теоретические и научно-практические соображения, которые заставляют меня сохранять понятие единства русской народности в его историческом развитии, еще не оконченном, а Киевский период рассматривать как пролог не южнорусской, а общерусской истории, которая для следующей эпохи распа-

дается на два самостоятельных, равносильных и параллельных отдела: историю Западной Руси и историю Руси северо-восточной. Фактическое обоснование этого воззрения, конечно, приходится оставить на долю обстоятельного изложения и анализа исторических данных.

Для Киевского периода решающее значение в данном случае имеет полное отсутствие признаков, которые позволяли бы сказать, чтобы между южноруссами и северноруссами тех времен существовало сознание племенного и национального различия. Вражда киевлян и новгородцев, киевлян и суздальцев проявляется не в иных и не в более резких формах, чем, например, соперничество в борьбе владимирцев и ростовцев во время усобиц между сыновьями Андрея Боголюбского.

Вывод из сказанного: нельзя ставить понятие данной определенной национальной в начале исторического процесса и самое явление национальной, самобытной индивидуальности рассматривать как носителя, как основу исторической жизни в так называемой национальной истории. Наоборот, выделение восточнославянских племен из общей массы племен славянских, начало их культурно-исторической индивидуализации и постепенного объединения в новую народность и составляет первый вопрос курса древнерусской истории. Как сложное и живое явление народность возникает, развивается, строится в течение всей исторической жизни народа непрерывно, без конца или гибнет с концом исторической жизни данной страны. Возникает она и растет на почве различных, скрещивающихся и перемешанных расовых и племенных элементов, обыкновенно, впрочем, с преобладанием одного из них, у нас восточнославянского.

Эта восточнославянская основа позднейшей русской народности и ее различных элементов требует поэтому особого рассмотрения» (*Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1. С. 1—20*)³.

⁶⁻⁶ В редакции 1907—1908 гг. данному образцу соответствует следующий историографический и теоретический экскурс:

«Задружная теория сменила прежние: родовую (Эверс, Соловьев, Никитский) и общинную (К. Аксаков) как естественный, логически необходимый результат дальнейшего развития науки. На них я останавливаться не буду, так как их надо признать уже отошедшими в область пережитого прошлого, истории науки. У всех трех, если брать задружную [теорию] в ее первоначальной, лентовичевской редакции, есть одна общая черта, которая стоит того, чтобы ее отметить: это были именно теории, социологические конструкции, имевшие целью, определив исходный пункт русского исторического процесса, логически стройно объяснить развитие первоначальных форм русской государственности из принятой предпосылки — рода, общины, задруги. Основное явление, какое та или иная из этих теорий принимала за такой исходный пункт, должно было удовлетворить этой

задаче — объяснения, как из данной социальной ячейки постепенно развились и дифференцировались более сложные, исторически наблюдаемые формы русского социального и политического быта.

В этой теоретичности лежала и односторонность метода. И сказалась она в том, что оставлены были без внимания другие явления племенного славянского быта, для восстановления которых имелось не менее данных, чем для построения гипотез о роде, или общине, или задруге как исходных моментах исторического процесса. И эти другие явления, если бы на них обратили должное внимание, дали бы более твердые основания для ответа на вопрос о происхождении наряду с кровными союзами территориальных общин иного характера и большего объема, а также о происхождении первичных организаций политического значения.

Слишком догматично и отвлеченно пыталась старая историография объяснить происхождение этих последних явлений из развития одной социальной ячейки — рода, общины, задруги, как будто в общеславянском наследии русских племен ничего иного и не было» (*Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1. С. 65—66*).

" " *В редакции 1907—1908 гг. А. Е. Пресняков устанавливал общественный строй восточных славян, основываясь на сравнительно-историческом анализе восточнославянских и германских племен, а также привлекая ретроспективный метод:*

«По-видимому, сходные формы племенной организации имели и славяне в эпоху переселений. На первых же порах исторической жизни Днепровской Руси встречаем ряд известий о тысячно-сотенной организации и притом с явными признаками устарелости, так как она, несмотря на скудость известий, является довольно определенно замирающей и перерождающейся на глазах истории под влиянием новых условий княжеско-дружинного строя. В историческое время должность тысяцкого рисуется вполне зависимой от князя. Князь „дает тысячу“ своему княжому мужу. Тысяцкий — воевода в стольном городе. Он же, по-видимому, и главная судебно-административная должность в стольном городе: держит тысячу и весь ряд. Но две черты отличают тысяцкого от всех других должностных лиц княжеско-дружинного строя. [Во-первых,] хоть он и выходит из рядов дружины, но как воевода стоит уже вне ее: его воеводство есть военное начальство над народным вечевым ополчением, тысячей. Во-вторых, наши известия дают впечатление постепенного упадка этой должности в Южной Руси. Сперва мы имеем известия о большем числе тысяцких, чем позднее. Были, например, тысяцкие во второстепенных городах — Белгороде, Вышгороде и притом ранее, чем эти города стали княжими, стольными; потом они исчезают, и тысяцкие стоят рядом с князьями там, где князья сидят. Кроме того, должность тысяцкого выглядит в наших изве-

ствиях учреждением, которое, постепенно умаяясь в своем значении, долго еще сохраняет следы своей самостоятельности: тысяцкий стоит как бы рядом с князем. В Киевщине долго — еще в начале XIII в. — датируют события не по князю только, но и по тысяцкому: „воеводство держащу Киевския тысячи такому-то“. Наконец характерное для тысяцкого значение „воеводы“ вымирает. В истории старых войн мы тщетно будем искать видного участия „тысяцких-воевод“... И все больше преобладания получает другая — позднейшая сторона тысячно-сотенной организации: судебно-административная. Где тысяцкие дольше всего уцелели и лучше нам видны, как в Новгороде? Их роль — судебно-полицейская. (Вероятно, и в Москве?). Соответственно этому видим и „сто“ на Волини в XIII в. в роли финансово-административного округа сельского, как и „сто“ городское, купечское.

„Сто“ как территориальная административная единица засвидетельствована текстами. Но имела ли когда-нибудь территориальное значение „тысяча“? Единственное указание на возможность такого значения термина „тысяча“ находим в известии Ипатьевской летописи под 1149 г., где в составе удела, взятого великим князем Святославом Ольговичем у Изяслава Мстиславича, названы: Курск с Посемьем и Сновская тысяча (Сновь — правый приток Десны; г. Сновеск)⁴. То, что это *ἡ ἀλαξ λεγόμενον* [некогда упомянутое], как бы подтверждает, что мы тут имеем дело с пережитком, случайно, в силу местных условий уцелевшим в Черниговской земле. Эти черты потому представляются лишь пережитками, архаизмами, что они в современный им княжеско-дружинный строй входят как нечто ему постороннее и параллельное, из него необъяснимое, им перерабатываемое и устранимое. „Должность тысяцкого, — говорит Сергеевич, — не могла пережить тех условий, которые ее вызвали, то есть веча и зависевших от него городских полков“^{16*}. И невольно возникает представление об иной, племенной, докняжеской военной организации, которую новый строй отчасти приспособил к себе, отчасти упразднил.

Но этой гипотезой, согласно которой тысячно-сотенная доисторическая военная организация племен дала готовую форму для раздела территории на округа при расселении отдельных частей племени на захваченной им территории, вопрос о происхождении древнейших территориальных союзов далеко не исчерпывается.

Прежде всего отмечу, что сказанное выше уже дает рядом черты, которые трудно связать в логически-стройную систему. Речь шла о племенных князьях, притом о многих или нескольких князьях на одной племенной территории. Шла речь и о тысячной организации военных сил племени, может быть генетически связанной с образованием на племенной территории отдельных округов, вероятно особо связанных при утверждении осед-

лости в одно политическое целое. Отождествлять ли эти два явления? Они скорее представляются разнородными. Но надо помнить, что показываемый племенной быт едва ли основательно было бы представлять себе однообразным на всем протяжении поселений восточного славянства. „Имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своих и преданья, кождо свои нравъ“, — говорит летопись о бытовом складе жизни русских племен. Можно ли предполагать при значительных бытовых отличиях однообразие в формах организации? Вспомним, что Тацит говорит о древних германцах: у одних племен он упоминает наследственных князей, у других — выборных вождей, указывая на разнообразие германских племенных организаций.

Во всяком случае, как бы мы ни представляли себе суть древнейших форм племенной политической организации, представляется правильным, не перенося в древнейшую историческую действительность отвлеченной, хотя бы социологически и верной, теории о происхождении общества из индивидуального брака, семьи, которая, разрастаясь, переходит в род и племя, признать исходным пунктом в развитии восточнославянского быта существование наряду с семейно-общинными, кровными группами также союзов иного характера, сыгравших при первой оккупации новых территорий роль организованной силы, захватывавшей ту или иную область, и, оседая в ней, превращавшихся в союзы территориальные с функциями, говоря по-нашему, публично-правовыми.

А внутри таких территорий организация племенного быта и хозяйства может быть характеризована задружным, семейно-общинным хозяйством и строем гражданских, говоря по-нашему, отношений» (*Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1. С. 85—90*).

^{г-г} В редакции 1907—1908 гг. в отличие от редакции 1915—1916 гг. А. Е. Пресняков более подчеркивал в образовании Древнерусского государства не политические, а экономические факторы:

«Характер дани, ее сбора и ее значения ясно выступает из приведенного выше рассказа Константина Багрянородного^{17*}. Получается отчетливое впечатление, что не политическое господство, а экономическая эксплуатация была целью первых киевских завоеваний. Ольге предание приписывает упорядочение сбора дани установлением ее размеров — уставов и уроков, и административных центров, куда дань свозилась, — погостов. Еще характерные другие черты этого предания, приписывающие Ольге меры для прямой хозяйственной эксплуатации подчиненных территорий. Она устанавливает ловища и перевесища княжие^{18*}. Ловище — место лова зверей, перевесище — место установки больших сетей, перевесов, для ловли птицы, а иногда и мелкой зверины.

Эта уставная деятельность Ольги охватывает старые владе-

ния — Ильменские и новые — землю Деревскую. События, связанные со смертью Игоря, привели к устранению племенной княжой власти деревских князей, подчинению Древлянской земли тяжкой дани и промысловой эксплуатации» (*Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1. С. 180—181*).

^а *В редакции 1907—1908 гг. определению общественного строя Руси IX—X вв. посвящен также следующий экскурс:*

«Если мы будем представлять себе владычество княжеско-дружинного элемента над восточным славянством как явление вначале для большей части племен внешнее, лишь поверх племенного быта, не нарушая его внутреннего склада, не изменяя и основ его экономического быта, то дальнейшая история русского государства представится нам процессом постепенного усиления органической связи между городскими центрами и волостями путем развития двух элементов социально-политического быта: 1) управления, 2) экономического господства социальных верхов над массой.

Внешней формой обоих этих явлений были развитие княжеской правительственной власти и возникновение княжеского и боярского землевладения.

В городских центрах, живших своею жизнью, необходимо предположить постепенный рост населенности, развитие ремесла, сравнительно более интенсивного местного торгового, постепенную подготовку позднейшего более сложного городского быта.

Но к этим внутренним явлениям мы можем присмотреться ближе, собственно, только позднее, когда они достигли уже такой сравнительной зрелости, что стали отражаться в известиях о текущих явлениях южнорусской жизни в летописных текстах и памятниках церковной письменности.

Постепенное нарастание государственного быта на первых порах, до Владимира, заметно для нас лишь в скудных указаниях на зачатки внутреннего управления и во внешних отношениях Киевской Руси с соседями. Более глубокие процессы разложения старых форм племенного быта и выработки нового строя социальных отношений можно опять-таки конструировать лишь путем осторожных заключений из позднейших фактов, освещая их сравнительно-историческими наблюдениями.

Указание на зачатки нового управления можно видеть в известиях летописного предания о „мужах“, сидящих по градам. Так, предание, сохранившееся во II редакции Повести временных лет (Ипатьевская летопись), говорит о Рюрике, что он срубил город над Волховом (Новгород) „и сѣде ту княжа и раздая мужемъ своимъ волости и города рубати, овому Польтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“. Олег, взяв Смоленск, „прия городъ . . . и посади . . . мужъ свои“, то же и в Любече, и в прочих городах, „по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подѣ Ольгомъ суще“^{19*}, как выражается договор 907 г. (ср. договор 911 г.).

Я уже отмечал, что представлять их себе членами одного рода нет никаких оснований и явно противоречит выражениям летописи и договоров. Им приписано строение городских укреплений, чего не следует смешивать с основанием городов. О правительственной их деятельности нет никаких указаний, кроме сбора дани. Да и о ней наши известия говорят лишь относительно киевских князей.

Эти новые вожди, по-видимому, заменили прежних племенных князей и тысяцких. Это видно из позднейшей судьбы сана тысяцкого, ставшего княжим воеводой, но долго сохранявшего важное и самостоятельное значение. Усиление центральной княжеской власти и переход к разделу владения Русской землей между княжими сыновьями и членами рода княжого вытеснило их из первоначального крупного значения, а быть может, и было более прямым средством для устранения их чрезмерно самостоятельного положения. Этот первичный момент нового строя можно связать с вопросом о „происхождении“ городов в том смысле, что старые племенные центры получают новое значение, новый характер, а рядом с ними возникают и новые центры городские. По-видимому, только с появлением новой военной княжеской власти Днепровская Русь становится по-настоящему Гардариком, страной городов, покрываясь рядом более значительных укреплений. Город как крепость, как центр власти, как более крупный рынок является фактором, разлагающим и перестраивающим племенной быт славянства. Прежде всего тем, что его влияние усиливает значение территориального, волостного начала на счет племенного, разрывая постепенно прежнюю связь между ними. В летописном предании постепенно исчезают племенные имена в довольно точном соответствии с постепенностью в развитии значения городов. Имя словен и части кривичей покрывается словом „новгородцы“, „кияне“ вытесняют полян, Полоцк, Смоленск, Чернигов захватывают собою племенной состав соответственных волостей. Давно указано, что земли-волости исторического времени не совпадают со старыми племенными территориями. Население стало группироваться по-новому вокруг волостных городских центров. Когда Киевская земля подчинила древлян, то почти вся Деревская земля вошла в состав Киевщины вместе с полянами и южной частью дреговичей, северная часть которых потянула к Полоцку. Северяне поделились между Переяславлем и Черниговом, который господствует и над вятичами, и над частью радимичей. Радимичи поделились между Черниговом и Смоленском, городом юго-восточных кривичей. Кривичи разбились между Псковом, Полоцком и Смоленском и т. д. Но старые отличия племенных территорий отчасти сказались заново позднее, при дроблении земель на уделы.

О внутреннем содержании новых форм мало что можно сказать. Судя по кратким упоминаниям о дани и погостах при Ольге,

в то время непосредственная власть киевских князей распространялась на Полянскую и Новгородскую земли, а заново подчинила себе Древлянскую. Дань остальных волостей, по-видимому, шла в местные их центры. Это косвенно подтверждается и позднейшей более тесной связью именно Новгорода с Киевом.

Наряду с известиями о дани стоят отрывочные намеки на то, что я называл „прямой хозяйственной эксплуатацией подчиненных территорий“. Ловища и перевесища Ольги — зачаток княжских промысловых сел, населенных княжими бортниками и бобровниками, предки позднейших сокольников, ловчего и других „путей“. Лишь позднейшая редакция текста поставила рядом с ними и „села“ княжне: по-видимому, развитие земледельческого хозяйства на княжой двор — явление позднейшее» (*Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1. С. 195—200*).

^е Редакция 1907—1908 гг. содержала также следующий текст:

«Организация церкви русской должна была начаться непосредственно после официального введения христианства в Киеве, которое последовало за бракосочетанием Владимира и царевны Анны. Вопреки идиллической картине принятия христианства, какую нам рисует древний книжник, его введение надо назвать актом княжой власти, как читаем в знаменитом „Слове о законе и благодати“ с похвалой „кагану нашему Владимиру“ первого митрополита из русских Иллариона (1051—1055 гг.): „И заповѣда по всей землѣ своей хреститися . . . и не бысть ни единого же противящеся благочестному его повелѣнню: да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся, понеже бѣ благовѣрие его съ властью съпряжено“. Само собою, что и в этих словах и в позднейших восхвалениях Владимира за то, что он „всю землю русскую крести отъ конца и до конца“ (Иаков Мних), много риторического преувеличения. Новая вера раньше всего укрепила свое влияние в высшем княжеско-дружинном строе и лишь постепенно из городских центров завоевывала себе практическое значение в народной массе.

Первым шагом к утверждению новой веры должны были служить построение церквей, основание монастырей и меры для распространения нового книжного просвещения, хотя бы для того, чтобы иметь своих проповедников и свое духовенство.

Окрестив киевлян, Владимир „повелѣь рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры“. На месте, где стоял идол Перуна, поставлена была церковь св. Василия, но первую солидную постройку Владимир начал, когда „помысли создати церковь пресвятыя Богородицы и пославъ приведе мастера отъ Грекъ“. Закончив постройку, князь поручил ее Настасу Корсунянину и корсунским попам, поместив в нее все, что привез из Корсуня: иконы, сосуды и кресты. Обращает на себя внимание способ материального обеспечения нужд этой церкви, примененный Владимиром: «Даю, — сказал он, — церкви сей . . . отъ

имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть»^{20*}. Дело в том, что этот вид дотаций церкви не был употребителен в греческой церкви, а, напротив, широко распространен на Западе⁵.

Правда, между русской и западной десятиной есть существенное отличие: там (со времен капитулярия Карла Великого, 779 г.) десятина слагалась из десятой части государственных доходов и десятой части доходов со всего населения, у нас же она не стала общей податью, а шла только с княжих доходов. Но различие, очевидно, не принципиальное, а обусловленное тем, что политический строй Киевской Руси не давал князю возможности ввести в пользу церкви подобный налог, что было бы и несомненной ошибкой в деле распространения христианства.

Правда, до нас дошли церковные уставы князей, изображающие десятину иначе. Во-первых, так называемый „Устав Владимира Святого о церковных судах“ гласит: „Се язъ князь Володимеръ поставихъ церковь святыя Богородицы въ Киевѣ и дахъ церкви той десятину по всей Русской земли въ всехъ градѣхъ“ (так в краткой редакции, а более пространная развивает: „отъ всего княжа суда десятую вѣкшу, а ис торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякого стада и отъ всякого жита чюдному Спасу и чюдней его матери“). Формула краткой старшей редакции устава вполне совпадает с показанием летописи. Но добавление пространной расширяет десятину до налога „изъ домовъ на всяко лѣто“, что можно понять как налог общий, хотя формула „изъ домовъ“ необычна и вызывает уже сама по себе недоумение. Помимо того, пространная редакция носит характер позднейшей литературной обработки, довольно давней, так как старейший ее список — в Кормчей конца XIII в.; так, она говорит вначале о восприятии святого крещения Владимиром от Фотия, патриарха цареградского, и о первом митрополите: в одних списках — Леоне, в других — Михаиле.

Этот текст пространной редакции Владимирова устава повторяется в начале Устава великого князя Всеволода с именами Фотия и Михаила, причем говорится еще подробнее: „И даша ей (церкви св. Богородицы) десятину въ всей Рустѣи земли и съ всѣхъ княжений (?) въ соборную церковь св. Богородицы, иже въ Киевѣ (повторение!) и святѣй Софѣи Киевьской и святѣй Софеи Новгородцкой (анахронизмы: речь идет о Владимире и Ярославе, хотя последний не назван, а св. София в Новгороде заложена в 1045 г.) и митрополитомъ Киевскимъ и архиепископомъ (? с 1165 г.) Новгородскимъ, отъ всякого княжа суда десятую вѣкшу, а исъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто отъ всякого стада и отъ всякого жита св. Спасу и пречистой его матери и премудрости божии св. Софии“, — а в дальнейшем Устав Всеволода великого князя сродни пространной редакции Устава Владимира, да и вообще носит следы интерполяций и

переделок, и сам поэтому дошел до нас отнюдь не в первоначальном своем виде^{21*}.

Так шла литературная история старшего устава, развившегося в еще более поздней письменности в повествование о льготах и заботах, какими церковь и духовенство пользовались со стороны Владимира Святого и других князей.

Возвращаясь к десятине, отмечу, что под 1037 г. летопись изображает ее так: Ярослав „церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ от имѣнья своего урокъ, веля имъ учить люди“^{22*}. Так и в позднейшем Уставе, около 1135 г., Всеволода Мстиславича князь дает новгородской церкви св. Ивана на Опоках (в Новгороде) доход „отъ своего великоимѣнья“, а по Уставу 1137 г. новгородского князя Святослава Ольговича — „Уставъ, бывшій прежде насъ въ Руси отъ прадѣд и от дѣд нашихъ“ — состоит в том, что „имати пискупомъ десятину отъ даний и отъ виръ и продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего“^{23*}. Наконец, и Устав Ростислава смоленской епископии 1150 г. дает церкви десятину от всех даней смоленских, „что ся наречетъ области Смоленское, или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чья си хотя, — правити десятину святѣй Богородици“. Церкви в XI—XII вв. идет десятина только с княжих доходов, идущих лично ему или уступленных им княгине, боярам и судьям, которым уставы запрещают нарушать церковные привилегии. Их же надо разуметь и под „людьми своими“ князя Ростислава, а не вече, как хочет Владимирский-Буданов^{24*}.

Не одна десятина составляла эти привилегии. Уставы старшие главным содержанием имеют определение суда церковного. Но вопрос о характере и объеме церковного суда более осложнен сомнительностью текстов уставов, особенно старейших, чем вопрос о десятине. Несмотря на ссылки уставов (начиная с пространной редакции Владимирова) на греческий „номоканон“, на „уряженья“ греческих царей и вселенских соборов, привилегии судебные церкви по уставам нашим значительно шире тех, какие были предоставлены самой греческой церкви. Кроме того, сомневаясь в достоверности уставов, указывают обыкновенно на два противоречия: между ними и бытовыми условиями древнерусской жизни, состоящие в том, что Устав Владимира передает в заведование епископов больницы, гостиницы и странноприимные дома, которых на Руси не существовало, и между уставами, с одной, и Русской Правдой, с другой стороны, состоящее в том, что споры о наследстве по Русской Правде подсудны княжому суду, а по уставам — епископскому.

Сами по себе все эти соображения не имеют решающего характера. Пришлось духовенство могло своим влиянием расширить свою судебную компетенцию, по-своему излагая и греческие узаконения. Подобная тенденция могла естественно

вытекать не только из столь обычного в истории церкви стремления ее иерархов усилить свое влияние, но и из мотивов, связанных с задачами церковно-просветительного влияния в новообращенной среде, влияния особенно на ее семейный быт. Упоминание о благотворительных учреждениях могло быть простым переносом греческой формулы и греческой практики, имевшей для духовенства на Руси значение привычной программы, плана действий. Наконец, противоречие между Русской Правдой и уставами относительно споров о наследстве, в сущности, мнимое. Русская Правда не говорит о подсудности спора о наследстве князю, а лишь о том, что „аще братиа растяжутся предъ княземъ о задници, то которые дѣтьскыи идеть ихъ дѣлити, тому взяти гривна кунъ“⁶; тут, по существу дела, не подсудность, а обращение к третьей роли княжого чиновника при спорах о семейном разделе.

Уставы Владимиров и зависящий от него Всеволодов относят спор братьев или детей о наследстве к судам, которые даются „церквам, всем епискупиям на Русской земле“ с оговоркой, что „князем и бояром и судьям в те суды не вступатися“. Тут наряду с попыткой духовенства монополизировать в свою пользу известную функцию можно видеть, ввиду того что речь идет о споре, решаемом в порядке третейского разбирательства, конкуренцию двух тенденций. Но как бы то ни было, и последний пример, и весь характер истории текста уставов заставляют видеть в них скорее выражение стремлений и притязаний духовенства, чем кодификацию норм действовавшего права. Быть может, наиболее правильным следует признать мнение о подлинности Устава Владимира Святославича, высказанное покойным канонистом А. С. Павловым на VIII Археологическом съезде (в Москве)^{25*}. Оно сводится к отрицанию, что Владимир был составителем устава, но что в основе его содержания лежат правила, установленные при Владимире. Сам же устав образовался, как и Русская Правда, путем работы частного лица, конечно духовного, причем к старейшей его части приписывались отдельные случаи — разновременные — передачи тех или других дел церковному суду. В таком случае устав в своей торжественной официальной форме является фальсификатом, но содержание его в целом ряде случаев, определимых только гипотетически, отражает действительность историческую или притязания духовенства.

Содержание это распадается на две части. По некоторым делам епископскому суду подсудны все христиане. Эти дела: распуст (развод), смильное заставье (*delictum flagrans*; ср. чешское *smilny* — *lascivus*, *smilstwo* — *fornicatio*), пошибенье между мужем и женой о животе (драка), женитьба в недозволенных степенях родства или свойства, ведьство, зелийничьство (знахарство), уреканье — развратом, знахарством или еретичеством, зубояжа (?), побои, нанесенные детьми родителям, „братни

ли дѣти тяжутся о задници“, церковная татьба, „мертвеца волочат, крест поѣдут или на стѣнах режут, скоты или псы или поткы безъ велики нужи ввести или что неподобно въ церкви подѣет“. „Тѣ вся суды, — по Уставу Владимира краткой редакцин, — церкви даны суть“⁷.

Дополнения в перечнях подсудных церкви дел в пространной редакции Устава Владимира и в ее переделке в Уставе Всеволода не меняют общего их характера. Это дела по преступлениям против нравственности, против религии и церкви и дела семейного характера. Особый характер носит так называемый Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. Он также дошел в ряде редакций, то более, то менее полных, с различными введениями. Две черты в нем особенно привлекают внимание: 1) за ряд преступлений полагается денежный штраф епископу, „а князь казнить“ или „а казнять его волостельскою казнью“, под чем разумеется, вероятно, тот или иной вид физического наказания; 2) плата за преступления различна, смотря по значению потерпевшего лица. Последняя черта будет нами рассмотрена особо в связи с той же особенностью Русской Правды.

А первая дала Ключевскому повод очень высоко оценить внутреннее достоинство Ярославова устава, который, „углубляя понятие о преступлении“, „значительно расширил область вменяемости“, так как почти вся определяемая им компетенция церковного суда, обнимавшая жизнь семейную, религиозную и нравственную, составила из дел, которых не считал преступлениями или не предусматривал древний обычай^{26*}. Это меткое замечание касается вообще древнейших уставов о церковном суде. Оно подчеркивает общую их тенденцию изменить представление о каре как мести или вознаграждении потерпевшего другим, более государственным, видящим в наказании акт власти, которая поставлена от бога, как говорили епископы Владимиру, „на казнь злым, а добрым на милованье“.

Напомню вам предание об этой беседе: «Живяще же Володимеръ в страсть божьи и умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „Се умножишася разбойници, почто не казниши ихъ?“ Он же рече имъ: „Боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „Ты поставленъ еси отъ бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ“. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископи и старци: „Рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди“. И рече Володимеръ: „Тако буди“. И живяще Володимеръ по устроенью отъню и дѣдню»^{27*}.

В сопоставлении с Уставом Ярослава этот рассказ, может быть, получает не лишенный интереса исторический смысл как след попыток византийского по воззрениям и происхождению духовенства привить на Руси новые представления о роли государственной власти. Будущее, далекое историческое будущее,

было за этими представлениями. Но ближайшее время их не приняло. Поэтому рассказ летописи заканчивается известием о возврате к системе обычных денежных кар за преступления. Поэтому и Устав Ярослава, имеющий, вероятно, историческую основу, что поддерживается его родством с Русской Правдой, и в градации взысканий и в денежной системе, должен быть признан памятником, выражающим тенденции духовенства, нашедшие, может быть, поддержку со стороны Ярослава, но не может служить источником для изучения действительной практики того времени. Вот почему и стоит он так обособленно даже в ряду других церковных уставов.

Не имея никаких документов, которые познакомили бы нас с действительной практикой церковных судов, мы не в состоянии дойти до желательных результатов в выработке отчетливого представления об их роли и вынуждены ограничиться самой общей характеристикой круга дел, подлежащих их ведению относительно всех мирян.

Другую сторону судебно-административных привилегий церкви составляло изъятие, полное или ограниченное, из-под ведения княжого суда и княжой администрации так называемых церковных людей, т. е. духовенства и служащих при церкви, живущих при церквях или монастырях или на церковных землях, состоящих под опекой церкви людей. Краткая редакция Владимирова устава говорит без ограничений, что „митрополить или епископъ вѣдаетъ межю ими судъ или обиду, или котора, или задница“; если же есть дело между и сторонними людьми, то „обчий“ суд, т. е. судят и делятся судебными доходами вместе судьи духовный и княжой.

То же находим в одной — полагаю, старшей — редакции Ярославова устава: „А что дѣется въ домовыхъ людехъ и церковныхъ и въ монастырехъ — и не вступаются княжи волостели въ то, а то вѣдаютъ епископли волостели“^{28*}.

Позднейшие редакции обоих уставов содержат уже оговорку: „Судити ихъ оприсно мирянъ, развѣе татьбы съ поличнымъ, то судити съ моимъ, та же и душегубление, а въ иные дѣла никакоже моимъ не вступатися“.

Состав этих „церковных людей“ определяется в краткой редакции Устава Владимира так: „А се церковные люди: игумень, попъ, дьяконъ, и кто въ клиросъ, черньцъ, черница, попадия, проскурница, поповичъ, лѣчець, прощеникъ, задушный челоувѣкъ, монастыреве, больницы, гостиници, странноприимници: то люди церковныи, богадѣльные“. Устав Всеволода, развивая Владимира, добавляет паломника, свечегаса, странника, слепца, хромца, а слово „прощеникъ“ заменяет словом „пущеникъ“, затем добавляет изгоев с знаменитым определением: „изгойи трои: поповъ сынъ грамотъ не умѣть, холопъ исъ холопства выкупитися, купецъ одолжаетъ“^{29*}. Три термина в этом перечне требуют

объяснения: „прощеник“ („пущеник“), „задушный человек“, „изгой“.

Слово „прощеник“ обыкновенно объясняют: получивший чудесное исцеление. Основание для этого видят в передаче Герберштейном^{30*} Владимирова устава, именно в словах „*Volodimerus potestati spiritualium subiecit... et hos qui miraculum ab aliquo sanctorum acciperint*“ [„Владимир подчинил власти духовных лиц... и тех, кто получил чудесное исцеление от какого-нибудь святого“], в том, что слово „прощеник“ в других текстах — „прощеники божии“, получившие прощение грехов или исцеление у святых мощей. Другое пояснение предлагает Голубинский^{31*}, опираясь на текст Маржерета^{32*}: „В России есть особенный орден, состоящий из людей, которые, предчувствуя приближение смерти, были соборованы маслом, однакоже не умирали; такие люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское... жены их имеют право выйти за другого замуж“. Голубинский указывает, что в некоторых местностях России и теперь выздоровевшие по соборовании считаются как бы воскресшими из мертвых и обязанными жить не как другие люди, но аскетически. Таких он и предлагает разуметь под прощениками^{33*}.

Некоторое недоумение в исследователях вызывало большое количество „прощеников“ и выделение их в особый класс. Так, в грамоте князя Ростислава смоленской епископии (1150 г.) читаем: „А се даю святѣй Богородици и епископу прощеники, съ медомѣ и съ кунами, и съ вирую и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому же человѣку“^{34*}. Этот текст в сопоставлении с такими топографическими именами, как Прощеник (близ Пскова, Новг. I) вызывает представление о существовании поселений „прощеников“.

Вероятно, такие впечатления заставили Срезневского предложить — правда, с вопросительным знаком — отождествление прощеника с задушным человеком, что можно поддержать ссылкой на замену слова „прощеник“ пущеником в Уставе Всеволода Ольговича. В таком случае прощеник оказался бы холопом, отпущенным на волю „бога деля“. Но едва ли есть прямое основание так суживать значение термина „прощеник“, скорее обходя этим трудность его толкования, чем разрешая ее. Сопоставим лучше его значение с термином „изгой“.

Глосса в грамоте Всеволода Ольговича знает три вида изгойства — безграмотного поповича, разорившегося купца, выкупившегося на свободу холопа. Этимологический смысл слова достаточно ясен. Не знаю только, есть ли прямое основание считать его заимствованным: указывают на латышское *izgois* — вышедший, на готское *usgaïs jan* — выходить, *usgaüja* — изгнанник; среди современных провинциализмов указано Беляевым выражение „изгойные поля“ в смысле „отдельные“. И с этим

ставят в связь значение „вышедший из своей социальной группы, выбитый из обычного строя жизни и общественного положения“, считая основным источником изгойства выход холопа из холопства⁸. Действительно, в древнем „Наставлении духовнику о принятии кающихся“ читаем требование, чтобы, кто продает челядина, брал за него не больше, чем сам дал, и чтобы, кто выкупается на свободу, давал за себя столько же, сколько за него заплачено. Лишек при таких сделках называется в этом наставлении „изгойством“, „и се паки горѣ всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы“ и не удовлетворяющимся „ценою уреченою“, а требующим еще после выкупа платы с бывшего холопа или ищущим изгойства с его детей, родившихся на свободе, с помощью лжесвидетелей⁹. Изгои, подобно прощеникам и больше их, играли видную роль в княжеском и церковном землевладении. В той же местности, под Псковом, где мы встретили Прощеника, находим княжье село Изгои¹⁰. „Села со изгои“ упоминаются в актах. В грамоте Ростислава смоленского князь дает св. Богородице и епископу „село Дросенское, со изгои и съ землей“, „село Ясенское и съ бортникомъ и съ землею и съ изгои“, а „изъ двора своего“ — „на горѣ огородъ съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтми, за рѣкою тетереvникъ съ женою и съ дѣтми“; устав о мостовой повинности в Новгороде: „А владыцѣ сквозѣ городная врата съ изгои, а съ другими [изгои] до Острое улицы“^{35*}.

Климент Смолятич подчеркивает эту экономическую роль изгоев в развитии крупного землевладения, осуждая „славы хотящихъ, иже прилагають домъ къ дому, и села къ селомъ, изгои же и сябры, и борти, и пожни, ляда же и старины“^{36*}.

Чтобы получить полное представление о материале для толкования занимающих нас терминов, вспомним и о задушных людях. Это тоже холопы, вышедшие из холопства, но не выкупом, а отпущенные на волю „на помин души“ по духовным завещаниям.

Осмыслить и объединить все эти разрозненные впечатления можем, сопоставив их с данными позднейшего времени о составе населения, работавшего на монастыри и зависевшего от них. Тут находим „трудников“, которые с малых лет в монастырских огородах „тружались“, безродных сирот, которые „за сиротством“ кормятся при монастыре, работая в его хозяйстве, людей, которые „были крестьянами, да за скудостью сошли на монастырский двор и живут в коровниках, скотниках“ и т. п., — видим добровольных работников, которые по обету временно, годами или вечно живут при монастырях в положении монастырских работников, как это и в XX в. можно было наблюдать, например, в Соловецком монастыре. Такими были прощеники, изгои и другие обездоленные судьбой, находившие на монастырской земле или за монастырской оградой зависимое, но определенное положение, защиту и материальное обеспечение.

Перед нами, как увидим, пока разрозненные черты очень глубокого и важного социального процесса, к которым мы еще вернемся в связи с вопросом о происхождении и значении крупного землевладения — княжеского, церковного и боярского» (Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 2. С. 231—252)^{37*}.

** Редакция 1907—1908 гг. содержала также следующий текст:*

«Какие выводы можно сделать из перечисленных фактов относительно характера княжеского владения в древней Руси до смерти Ярослава Владимировича?

Прежде всего надо подчеркнуть то, что уже отмечалось: полное отсутствие каких-либо указаний на понятие старейшинства, каких-либо преимуществ первородного сына. Борьба идет каждый раз за всю отчину, за все, чем владел отец, и кончается, лишь когда кто-либо начнет один владеть в Русской земле.

Иной, конечно, характер носят столкновения Владимира с сыновьями: тут борьба отца за власть над сыновьями, борьба с их попытками выбиться из-под нее и, стало быть, выделить в полное особое владение себе то, что получено от отца в заведение как частью общего целого. Удалось это фактически одному Изяславу — после смерти отца или раньше, не знаем. Но Полоцкая волость сразу становится отдельным владением Изяславова рода, а позднейшие попытки Ярослава, его сыновей и внуков восстановить зависимость Полоцка от Киева не давали прочных результатов.

Как только прекратилось сиденье княжого рода совместно одним гнездом в Киеве, с первого реального раздела владений между братьями-сыновьями перед Киевской Русью стоят только две возможности: восстановление единства путем борьбы и уничтожения родичей или дробления на ряд обособленных владений.

Такая оценка перечисленных фактов не только прямо из них вытекает, но объясняется и подтверждается путем сравнения с древнейшими формами княжеского владения у других славянских народов и сопоставления с особенностями древнего обычного наследственного права вообще.

Чтобы понять эти явления, надо иметь в виду, что перед нами такой момент в развитии понятий и фактов наследования, который, во-первых, связан с семейными, а не родовыми отношениями, а, во-вторых, осложнен и обусловлен политическими интересами служившего объектом владения и наследования молодого государства.

Все, что мы наблюдали, происходит в пределах одной семьи, состоящей из отца и сыновей-братьев. Для объяснения этих явлений неприложимы, по крайней мере взятые во всей их сложности, понятия, заимствованные из области кровно-имущественных отношений задружного или родового быта, господствовавших в племенном быту и обычном праве восточного славянства. Основным фактором наследования в семейном союзе является

воля отца. Строй семьи, основанный на отцовской власти над детьми, осложняет вопрос об имущественных отношениях членов кровного союза. Если вообще «право наследства возникает не из искусственного размышления, а коренится в совладении лиц, живущих в одном доме с наследодателем, разделявших вместе труды приобретения имущества и право пользования им», то эта общая основа древнего обычного наследственного права в союзе семейном осложняется началом отцовской власти. И в результате нормы семейного права оказываются результатом компромисса между двумя разнородными началами, их создававшими.

Воля отца не безгранична в распоряжении имуществом; завещания в смысле римского теста мента древнее право не знает. Оно незыблемо определяет круг наследников: это сыновья. Но раздел между сыновьями в воле отца. Как гласит Русская Правда: «Аже кто умирая раздѣлити домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти». Если же отец раздела не произведет, а «умреть без ряду», то наследство всем детям. Старинное обычное право не знало различия в правах сыновей, не знало его и древнейшее княжое право, ничем не выделявшееся до поры до времени из общего обычного правового уклада.

Результат раздела — прекращение совладения, распад связанной им социальной группы. Но результат этот осуществлялся в полной мере в тех случаях, когда не было налицо иных интересов неимущественного характера, достаточно сильных, чтобы вызвать к жизни явления нового порядка.

А такие интересы бывали налицо и в недрах старого славянского племенного быта. Глава рода, общины задружной, был не только распорядителем работ совместных и общего имущества, он представитель рода перед богами, своего рода жрец, и управитель, хранитель норм обычного права, имевших в древнейшем быту сакральный характер¹¹. И слово «князь» в истории своей у различных славян сохранило следы двойственности первоначальной племенной власти. Оно значит «священник и князь». С распадом хозяйственного, имущественного единства кровного союза сохранялось единство культа и общинноправового порядка. Связанные с этими интересами функции и у славян и у германцев оставались часто в руках одной семьи, из которой и выходили их носители. Но понятие наследования, выросшее на почве имущественного совладения, к этому новому явлению было неприменимо. Оно и не прилагалось, заменяясь выбором вождей, но непременно из определенного рода, сохранявшего традиционную привилегию такого характера.

Не прилагалось, как мы раньше видели, понятие наследства и к должности главы задруги, домачина, старейшины или как бы он там ни назывался. И тут решающее значение имели тот или иной фактический авторитет или выбор при отсутствии строго определенного порядка преемства.

Вообще, если сказать по-современному, гражданское или частнопрововое понятие наследства в древности ни у славян, ни у германцев не прилагалось к публичноправовым функциям власти. Это не значит, чтобы оно не применялось вообще к княжескому владению. Напротив. По смерти князя-отца его княжение как вотчина переходило ко всем его сыновьям, открывая перспективу либо раздела, либо совладения. Первые же попытки пойти по пути раздела приводили, однако, к опасности полного разрушения вековой работы ряда деятелей, ряда поколений. И раз за разом в кровавой борьбе восстанавливается единство государства путем уничтожения соперников-братьев и прочей родни, если она была налицо.

Кровавы первые страницы молодых государств славянских и германских. И это не «случайность», не «черта нравов» грубой эпохи. Это жестокая историческая необходимость эпохи первого возникновения государственности, еще не успевшей окристаллизоваться в подходящих для ее потребностей формах. Вполне сходно положение вопроса о судьбе княжения при наличии нескольких сыновей у умершего князя — и у нас, и в Чехии, и в Польше. Понятие наследства ведет к распаду, потребность сохранить раз созданное единство — к кровавой борьбе. И то же положение дел наблюдаем в германском мире. И там, за одним любопытным исключением, долго не создавалось политического наследства, понятия и факта преемства власти, престола, а такой же, как у нас, склад обычного имущественного наследования грозил молодым политическим организмам полным распадом. Противоядий было два. Народное избрание единого конунга из членов княжого рода часто предотвращало дробление государства между сонаследниками, или же кровавая борьба разрешала вопрос¹². «Лишь общее право на корону принадлежало вообще всем членам королевского дома: в каждом отдельном случае выбор народа определял, кто из нескольких, самих по себе призванных к короне, на этот раз будет возведен, независимо от степени близости по родству к предыдущему конунгу»¹³. «Прочное преемство, которое установило бы преемство определенного лица, не получило правовой силы ни в одном из германских государств».

Итак, отмеченное явление имеет общен историческое значение. Но в дальнейшем развитие вопроса о государственном преемстве получило различный характер у славян и германцев. В германском мире начало народного избрания сыграло несравненно более крупную роль, чем у славян, а затем уступило место назначению, по римскому примеру, преемника самим государем, с коронацией и соправительством еще при жизни предшественника. Эти приемы и у нас сыграли позднее большую роль. Но Киевская Русь их не знает. И выход нашелся иной, такой же, как у чехов и поляков, выход, подсказанный самой жизнью и некоторыми явлениями,

встречавшимися, вероятно, часто в родовом задружном быту.

В 1055 г. Бржетислав чешский завещал своим сыновьям новый порядок, заклиная их принять и хранить его. Суть была в том, «дабы всегда старейший имел верховную власть и стол княжения, а все его братья и все, кто из княжого рода, были бы под его властью».

Через 80 лет на тот же путь вышла и Польша. Известия о завещании Болеслава Кривоустого, умершего в 1138 г., находятся в целом ряде польских хроник. Но наиболее четкую формулу приведу из письма папы Иннокентия III к архиепископу гнзненскому (9 июля 1210 г.): «Когда Болеслав, бывший князь Польши, раздал отдельным сыновьям своим определенные части в Польше, оставляя старшему город Краков, он установил, чтобы всегда, кто старейший в его роде, имел этот город, так чтобы если старейший умрет или откажется от своего права, то вступал бы во владение этим городом тот, кто во всем роде после него старейший»¹⁴. Тут, согласно с темой письма, речь идет только о владении столицей. Но другие источники, например Хроника Кадлубка, поясняют, что мысль Болеслава была в том, «ut penes majorem natu et cracoviensis provinciae principatus et auctoritas resideret principandi» [«чтобы в обладании у старшего по рождению находилось и княжение Краковской областью, и княжеская власть»], указывая притом письменное завещание Болеслава (*testamentales codicilli*).

В Киеве годом раньше Бржетислава чешского умирал Ярослав. Перед кончиной он «наряди сыны своя», увещал их жить в мире и держаться дружно. Руководящая мысль его наряда — сохранение «земли отец своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ». С этой целью он делает такое постановление: «Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моем и брату вашему Изяславу Киевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будете в мене мѣсто»¹⁵.

Самый текст не дает указания на установление Ярославом общей нормы на будущее время. Только то, как понималось его завещание позднее князьями, дает основание видеть в нем установление нового политического порядка, подобного тому, какой ввели в Чехии и Польше Бржетислав и Болеслав.

Как видите, нет никаких оснований для вывода княжеского порядка «родового» владения Киевом и великим княжением из обычных гражданских отношений наследования и преемства. Это не значит, чтобы между ними не было связи. Не наследство устанавливалось этим порядком, а преемство во власти старейшинства, притом так, что один из вариантов, возможных в практике жизни семейных общин, возводился в норму княжого преемства. Существенным недостатком Эверсо-Соловьевской родовой теории было упущение из виду различия между семейным или ро-

довым наследством — с одной, и преемством во власти старейшины, с другой стороны. В завещании Ярослава речь шла только о последнем.

Нет оснований искать корни этого порядка в германском быту. Германский мир не знал ничего подобного, за одним, как сказано, исключением. Именно Гейзерих вандалский (ум. 477 г.) установил преемство по так называемому принципу сеньората (в отличие от майората) так, чтобы вступал во власть каждый раз старейший из родственников по мужской линии умершего короля¹⁶, притом без зависимости от степени ближайшего родства с предшественником» (*Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1. С. 214—225*)^{38*}.

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ. КИЕВСКАЯ РУСЬ

Примечания А. Е. Преснякова

¹ Пособия: *Krek G.* Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz, 1887; *Нидерле Л.* Славянские древности. Киев, 1904; Т. 1: Происхождение и начало славянского народа; *Грушевский М.* Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1; *Шахматов А. А.* Очерки древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1915. Вып. 11, ч. 1.

² *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1910. Bd. 1; *Погодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901; *Грушевский М.* Киевская Русь. Т. 1.

³ *Sachmatov A.* Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // Archiv für slavische Philologie. В., 1911. Bd. 33; *Шахматов А. А.* К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // ИАН. 1911. N 9, 10. В тексте карандашом приписано: «Древн. судьбы р. п.» (*Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919).

⁴ *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. N 2. С. 394—397.

⁵ *Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. N 4.

⁶ *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // Материалы по археологии России. СПб., 1914. N 34.

⁷ Русские древности в памятниках искусства, издаваемые И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 1: Классические древности южной России. СПб., 1889; Вып. 2: Древности скифо-сарматские. СПб., 1889; Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб., 1890; Вып. 5: Курганские древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897; *Кондаков Н. П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. Т. 1; *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. 1.

⁸ *Погодин А. Л.* Киевский Вышгород и Гардарики // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. 19, кн. 1.

⁹ *Кондаков Н. П.* Русские клады. Т. 1. С. 9, 13—14.

¹⁰ Русские древности в памятниках искусства... Вып. 6: Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899; *Кондаков Н. П.* О научных задачах древнерусского искусства // Памятники древней письменности. СПб., 1899.

¹¹ *Хвойко В. В.* Каменный век Среднего Поднепровья // Тр. XI Археологического съезда в Киеве. М., 1901. Т. 1; *Он же.* Киево-Кирилловская палеологическая стоянка и культура эпохи Мадлэн // Археологическая летопись южной России. Киев, 1903. N 1; *Волков Ф. К.* Искусство мадлэнской эпохи в Украине // Там же.

¹² *Шахматов А. А.* К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // Рус. филол. вестн. Варшава, 1913. N 1.

¹³ *Szelągowski A.* Najstarsze drogi z Polski na wschód w okresie bizantyńsko-arabskim. W., 1904.

¹⁴ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. N 8.

¹⁵ *Середонин С. М.* Историческая география: Лекции, читанные проф. С. М. Середониным в Петроградском Археологическом институте. Пг., 1916.

¹⁶ *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913; *Любавский М. К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI в. 2-е изд. М., 1916.

¹⁷ *Томсен В.* Начало русского государства. СПб., 1891.

¹⁸ *Шахматов А. А.* Очерк. С. XXVII—XXXI.

¹⁹ *Васильевский В. Г.* Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пб., 1893.

- ²⁰ Браун Ф. А. Варяги // Русская энциклопедия. СПб., Б. г. Т. 4.
- ²¹ Туандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- ²² Szelągowski A. Najstraszsze drogi.
- ²³ Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений.
- ²⁴ Arne T. J. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914.
- ²⁵ Хвольсон Д. Известия о хозарах, бургасах, булгарах, мадьярах, славянах и руссах. . . Ибн-Даста. СПб., 1869; Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. СПб., 1878. Т. 1; СПб., 1903. Т. 2; Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. N 2, 3.
- ²⁶ Туандер К. Ф. Датско-русские исследования. СПб., 1915. Вып. 3.
- ²⁷ Ср.: Arne T. J. La Suède et l'Orient; Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени.
- ²⁸ Ламанский В. И. Житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение // ЖМНП. 1903. N 7.
- ²⁹ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- ³⁰ Новг. I. С. 4.
- ³¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 108 и след.
- ³² Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 148—149, 229.
- ³³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1018.
- ³⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Общественная польза. Б. г. Кн. 1. Стб. 186; Срезневский И. И. Материалы. . . Т. 2. Стб. 1017.
- ³⁵ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. Неофилологич. о-ва. СПб., 1915. Вып. 8.
- ³⁶ Письмо Иосифа см.: Гаркави А. Я. Сообщения о хазарах // Еврейская библиотека. СПб., 1879. Т. 7. С. 143 и след.; 1880. Т. 8. С. 135 и след.
- ³⁷ Коковцев П. К. Новый европейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913. N 11. С. 150 и след.
- ³⁸ Пархоменко В. А. К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. 19, кн. 1.
- ³⁹ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. 1.
- ⁴⁰ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому. СПб., 1908. Ч. 2; Он же. Разыскания. . . С. 133—161.
- ⁴¹ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.
- ⁴² Шахматов А. А. [Рец.] В. Пархоменко. Начало христианства Руси: Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913 // ЖМНП. 1914. N 8.
- ⁴³ Скилица-Кедрин относит ее крещение ко времени патриарха Феофилакта, который умер в 969 г.
- ⁴⁴ Знойко Н. Д. О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. 1907. N 4.
- ⁴⁵ Шахматов А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. II, вып. 2, N 4.
- ⁴⁶ Шахматов А. А. Разыскания. . . С. 173.
- ⁴⁷ Лавр. С. 284, 1128 г.
- ⁴⁸ Васильевский В. Г. К истории 976—986 гг. // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. 2. С. 56 и след.; Он же. Варяго-русская и варяго-английская дружина; Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен. СПб., 1883.
- ⁴⁹ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира; Он же. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира // Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. М. С. Дринову. Харьков, 1905; Он же. Разыскания. . . С. 133—161.
- ⁵⁰ Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI вв. СПб., 1906; Он же. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // Христианское чтение. СПб., 1902. N 7.

- ⁵¹ О житиях Владимира см.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития // ЧОИДР. 1915. Кн. 3.
- ⁵² *Бартольд В.* Новое мусульманское известие о русских // Зап. Восточного отд-ния Рус. археологич. о-ва. СПб., 1896. Т. 9. С. 262—267.
- ⁵³ *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
- ⁵⁴ *Корш Ф. Е.* Владимировы боги // Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва. 1908. Т. 18. С. 51—59.
- ⁵⁵ Ср. о книге Приселкова статью Шахматова «Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни».
- ⁵⁶ *Приселков М. Д.* Очерки. . . С. 87—88 и след.
- ⁵⁷ *Никольский Н. К.* О древнерусском христианстве // Русская мысль. М., 1913. Кн. 6.
- ⁵⁸ *Сергеевич В.* Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1. С. 11—12.
- ⁵⁹ *Ляскоронский В. Г.* Киевский Вышгород в удельно-вечевое время // ЖМНП. 1913. N 9.
- ⁶⁰ Соф. 1-я. С. 134, 136; ПСРЛ. Т. III. С. 179.
- ⁶¹ *Спицын А. А.* Тмутараканский камень // Зап. Отд-ния русской и славянско-археологии Рус. археологич. о-ва. СПб., 1915. Т. 11.
- ⁶² *Спицын А. А.* Историко-археологические разыскания // ЖМНП. 1909. N 1. С. 79 и след.
- ⁶³ *Грушевский М.* История. Т. 2. С. 505 и след.
- ⁶⁴ «бѣяху Киевѣ мужи Ярославли».
- ⁶⁵ *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги (1043—1094 гг.) // ЖМНП. 1872. N 11, 12.
- ⁶⁶ Значение иных варяжских выходцев бывало весьма крупным. Племянник Хакона, который помог Ярославу одолеть Мстислава, варяг Шимон, изгнанный дядей, пришел к Ярославу, и тот «его же приемъ въ чѣсти имяше и дасть того сынови своему Всеволоду, да будеть старѣй у него; приа же велику власть отъ Всеволода». Сын же этого Шимона Георгий был назначен Владимиром Мономахом опекуном Юрия Долгорукого, которого Владимир «вдасть на руце» варягу Георгию, а когда Долгорукий занял Киев, он «тысяцкому же своему Георгию, яко отцу, придасть область Суздальскую».
- ⁶⁷ *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги.
- ⁶⁸ Ипат. С. 115.
- ⁶⁹ *Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 г. // ЖМНП. 1907. N 3—5.
- ⁷⁰ Ипат. С. 217—218.
- ⁷¹ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22.
- ⁷² *Васильевский В. Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. N 7.
- ⁷³ *Dehio G.* Geschichte des Erzbistums Hamburg — Bremen. B., 1877. Bd. 1. S. 56.
- ⁷⁴ Ср. гипотезу Васильевского о письмах Михаила Дуки к Всеволоду с предложением брака брата своего с одной из дочерей киевского князя (*Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки // ЖМНП. 1875. N 12).
- ⁷⁵ Тмутаракань — с конца VI до X в. — хазарская, X—XII вв. — русская; отравление Ростислава Владимировича в 1066 г.; в 1169 г. договор Мануила с Генуей.
- ⁷⁶ Ипат. С. 368.
- ⁷⁷ Ср.: *Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 36—37.
- ⁷⁸ *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908. С. 59.
- ⁷⁹ *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 1.
- ⁸⁰ *Дьяконов М. А.* Очерки. . . С. 61.
- ⁸¹ *Корф С. А.* История русской государственности. СПб., 1908. Т. I. С. 70, 84.
- ⁸² *Сергеевич В.* Лекции. С. 130.

- ⁸³ В понимании этих отношений, в общем, примыкаю к Грушевскому; см.: *Грушевський М.* Історія. Т. 2.
- ⁸⁴ ПСРЛ. Т. XV. С. 153; ср.: Т. XX, п/т I. С. 91; Соф. I. С. 139; Воскр. С. 333; ср.: *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 52.
- ⁸⁵ *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 46, 363.
- ⁸⁶ В 1907 г. Святополк Изяславич называет Галичину «волость отца моего и брата» (Ипат. С. 176).
- ⁸⁷ *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 67.
- ⁸⁸ Там же. С. 69.
- ⁸⁹ Там же. С. 75.
- ⁹⁰ Ср.: Там же. С. 90—91.
- ⁹¹ *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1892. Bd. 2. S. 71.
- ⁹² Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича. III ред., ст. 102.
- ⁹³ Там же. ст. 95.
- ⁹⁴ Там же. ст. 5; II ред., ст. 2.
- ⁹⁵ *Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860.
- С. 122.
- ⁹⁶ *Рожков Н. А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. 2-е изд. М., 1905. Ч. I. С. 30.
- ⁹⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 316.
- ⁹⁸ Там же. С. 57—58.
- ⁹⁹ Пресняковым позднее здесь приписано: «Это сомнительно, ср. Новг. I.
- С. 72: «боляры своя и старѣшины своя и посадники своя по всѣмъ градомъ своимъ»».
- ¹⁰⁰ *Никитский А. И.* Святой великий Иван на Опоках // ЖМНП. 1870. № 8.
- С. 203.
- ¹⁰¹ «Новгородѣци призваша Пльсковиче и Ладожаны» (Новг. I. С. 128).
- ¹⁰² «Нравъ есть пръвья чади всея предъ враты граду творити вѣще и суды».
- ¹⁰³ *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. I. С. 55.
- ¹⁰⁴ Журнал министерства юстиции. СПб., 1907. N 12.
- ¹⁰⁵ *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 2. С. 77.
- ¹⁰⁶ *Грушевський М.* Історія. Т. 3. С. 209.
- ¹⁰⁷ Англия: «gesind-comes (langol gasind) — minor followers of high thanes, members of the family of a landowing thane» [«младшие спутники высоких танов, члены фамилии танов-землевладельцев»]. Knight — в основе не социальное состояние, а служилое. Ср.: Gesinde (sind — Reise, Fahrt — спутники (боевые). Скандинавская дружина: hirdmenn (hir — Hausgenossenschaft, huskarlar). Ср.: Итларева чадь.
- ¹⁰⁸ Ср.: Лавр. С. 153, 166.
- ¹⁰⁹ Ср. 1127 г.: Всеволод Ольгович выгнал дядю Ярослава из Чернигова и «дружину его иѣче и разграби» (Лавр. С. 281).
- ¹¹⁰ *Halban-Blumenstok A.* Königsschutz und Fehde // ZSSR. GA. 1898. Bd. 30.
- ¹¹¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 491, примеч.
- ¹¹² Ср.: *Glasson E.* [в рукописи название не указано. — М. С.]; *Gierke O.* Erbrecht und Vicinenrecht im Edict Chilperichs // ZSSR. GA. 1876. Bd. 12.
- ¹¹³ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 479.
- ¹¹⁴ Там же. С. 37.
- ¹¹⁵ *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. I. С. 106.
- ¹¹⁶ Там же. С. 184.
- ¹¹⁷ Лавр. С. 230.
- ¹¹⁸ *Милютин В.* О недвижимых имуществах духовенства в России // ЧОИДР. 1859. Кн. 4. С. 39.
- ¹¹⁹ Ипат. С. 284, 594.
- ¹²⁰ *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. I. С. 60, примеч. 97; *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. I. С. 195.
- ¹²¹ Ср.: *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. I. С. 189—199; *Дьяконов М. А.* Очерки... С. 100—102; Русская история с древнейших времен до Смутного времени: Сб. статей / Под ред. В. Н. Сторожева. М., 1898. Вып. I. С. 458—459; *Ясинский М. Н.* Закупы Русской Правды и памятников западнорус-

- ского права // Сборник статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.
- ¹²² Корф С. А. История русской государственности. Т. I. С. 68 и след.
- ¹²³ Мы видим в некоторых известиях летописей смердов в войске — это слуги княжне (и дружины?), обозначая челядь, вооруженная, быть может, но не воины в собственном смысле слова (*Романов Б. А.* Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде) // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII, кн. 3). См. в «Поучении» Мономаха о подводах, на которых везли оружие (*Лавр.* С. 240, 242).
- ¹²⁴ Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц (РИБ. Т. 6. Стб. 46).
- ^{124a} Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. С. 214—215.
- ¹²⁵ Ипат. С. 226; «Володимеръ же вшедь в Галичъ, многы люди исъче, а иныя показни казнью злою»; Русская Правда: князь холопов «продажею не казнить».
- ¹²⁶ Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича. III ред., ст. 10.
- ¹²⁷ Над строкой приписано: «есть? Лавр., под 1190 г.? Ср. 1154, Новг. IV».
- ¹²⁸ Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича. II ред., ст. 24, 23.
- ¹²⁹ Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича. III ред., ст. 6.
- ¹³⁰ Сергеевич В. Лекции. С. 326; см. также: *Грушевський М.* Історія. Т. 3. С. 255 и след.; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 89 и след.
- ¹³¹ Новг. I. С. 2.
- ¹³² Лавр. С. 387, под 1190 г.; ср.: ПСРЛ. Т. IV. С. 9, под 1156 г.
- ¹³³ На с. 292 Ключевский называет 12-гривенную продажу «четверной» по отношению к 3-гривенной, на с. 279 объясняет разницу различием денежных единиц; ср. «только» на с. 278.
- ¹³⁴ Сборник статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.
- ¹³⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 648 и след.; Сергеевич В. Лекции. С. 579; *Грушевський М.* Історія. Т. 3. С. 247.
- ¹³⁶ Ключевский В. Курс. Ч. I. С. 265: «„Русская Правда“ получила законченный состав во второй половине XII или в начале XIII в.».
- ¹³⁷ Сергеевич В. Лекции. С. 378.
- ¹³⁸ Максимейко Н. А. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды // Вестн. права. СПб., 1905. N 3, 4.
- ¹³⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. I. С. 24—25, примеч. 7; ср.: Он же. Обзор. С. 313 и след.
- ¹⁴⁰ М. Ф. Владимирский-Буданов, наоборот, поправляет первую по третьей. См. примеч. 7 к Академическому списку (*Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. I. С. 24—25).
- ¹⁴¹ Ср.: *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. S. 614.
- ¹⁴² См., например, статью 15 о «ремественице», где, судя по цифре 12 гривен, речь идет не о свободном человеке.
- ¹⁴³ *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 273.
- ¹⁴⁴ Ипат. С. 198; Памятники русской литературы XII—XIII вв., изданные В. Яковлевым. СПб., 1872. С. 152.
- ¹⁴⁵ Ипат. С. 198.
- ¹⁴⁶ *Грушевський М.* Історія. Т. 2. С. 110.
- ¹⁴⁷ Ключевский В. Курс. Ч. I. С. 298.
- ¹⁴⁸ О слове «сирота» как равном древнему «изгою» см.: Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. С. 273—274. Это термин, позднее означавший зависимых монастырских крестьян (ААЭ. Т. I. N 5, 7; ДАИ. Т. I. N 9). Распространение его на все крестьянство — результат «окняжения» всей земли в удельный период.
- ¹⁴⁹ Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича. III ред., ст. 13—14.
- ¹⁵⁰ Гривна — металлический обруч как шейное украшение. См.: *Кондаков Н. П.* Русские клады. Т. I. С. 160 и след.; Русские древности в памятниках искусства. . . Вып. 5. С. 127 и след. Для куны ср.: *Казанский П. С.* Исследования о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веках // Зап. Археолог. о-ва. СПб., 1851. Т. 3. С. 122—126; Четьи-Минеи, май 28: «Связаша его двомя веригами и куну железную на выю возложиша». Ср. польское купа — цепь, железный ошейник; украинская куня, западнорусское кунца.

- ¹⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 1.
 т. 2. Примеч. 79; ср.: Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича. С. 36.
¹⁵² Воскр., С. 35.
¹⁵³ Ипат. С. 230.
¹⁵⁴ Грушевский М. Исторія. Т. 2. С. 129.
¹⁵⁵ Там же.
¹⁵⁶ Ипат. С. 409.
¹⁵⁷ Лавр. С. 286.
¹⁵⁸ Ипат. С. 335.
¹⁵⁹ Воскр. С. 32.
¹⁶⁰ Ипат. С. 230.
¹⁶¹ Издания Ист. о-ва при Моск. ун-те. Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг.
 М., 1898. Т. 2.
¹⁶² Ипат. С. 290.
¹⁶³ Ипат. С. 349.

ДОПОЛНЕНИЯ

¹ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их русизма // ЧОИДР. 1847. N 4.

² Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. 2-е изд. СПб., 1906; Он же. Исторія. Т. 1—3. Он же. Звичайна схема «русскої» історії й справа рационального укладу історії східнього слав'янства // Статьи по славяноведению / Под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1904; ряд статей в «Записках Наукового товариства імени Шевченка» (Львів, 1896. Т. 33; 1900. Т. 37; 1901. Т. 39).

³ Конечно, при этом не предполагается представление о «чистоте» расы или племени славянского в ту «доисторическую» эпоху, когда они впервые выступают на сцену. Напротив, сложные передвижения племен, скрещивания рас и т. п. в длинном ряде веков на той территории, где мы должны искать предков исторического славянства в глубочайшей древности, не позволяют допускать такой мысли.

⁴ Ипат. С. 268.

⁵ Суворов Н. С. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; Он же. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893; Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892; ср.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. 2-е изд. М., 1904. Т. I, п/т. 2.

⁶ Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича. III ред., ст. 110; Карамзинский список, ст. 117.

⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. 1. С. 229.

⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия. Вып. 1. С. 244, примеч. 5; С. 245; примеч. 23; Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 274.

⁹ РИБ. Т. 6. Стб. 842.

¹⁰ ПСРЛ. Т. IV. С. 187.

¹¹ Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 126; Lippert J. Sozialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. Prag; Wien; Leipzig, 1896. Bd. 1. S. 196, 197. Общеслав. князь (из княгъ), польск. książdz, książę, чешск. kněz, knizekuningas (лит.-герм.), готск. kuni — род, лит. кунигас-ксендз.

¹² Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. S. 23.

¹³ Dahn F. Urgeschichte der Germanischen und Romanischen Völker. 2. Aufl. B., 1881. Bd. 1. S. 207; ср.: Balzer O. O następstwie tronu w Polsce // RAU. Wydz. hist.-filoz. 1897. Ser. 2. T. 11.

¹⁴ Cosmae Chronica Boemorum // MGH. SS. Hannoverae, 1851. Vol. IX. P. 75; Smolka St. Testament Bolesława Krzywoustego // RAU. Wydz. hist.-filoz. 1881. T. 13.

¹⁵ Лавр. С. 157.

¹⁶ Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. S. 23; Dahn F. Urgeschichte. Bd. 1. S. 207. Дан объясняет идею Гейнзериха заимствованием у мавров, из их порядка преемства шейхов и эмиров (Dahn F. Geinserichs Testament // Bausteine: Gesammelte Kleine Schriften. B., 1880. Bd. 2).

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Е. ПРЕСНЯКОВ (1870—1929) ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

В новейшей исторической литературе, посвященной общественно-политическому строю Древней Руси, редко можно встретить исследование, в котором бы не привлекались труды А. Е. Преснякова «Княжое право в древней Руси» и «Лекции по русской истории». Это не дань историографического почтения трудам предшественника. С наблюдениями Преснякова соглашаются, их оспаривают. Его работы до сих пор побуждают исследовательскую мысль к творческому поиску.

Однако не только конкретно-исторические наблюдения Преснякова привлекли внимание последующих исследователей. Его труды стали крупным явлением русской исторической мысли конца XIX — первой трети XX в. Они были выполнены на самом передовом уровне отечественной науки того времени. В них раскрывались слабые стороны самых разных концепций истории России. После Октябрьской революции Пресняков стал активно участвовать в становлении новой исторической науки¹.

На общем собрании Общества историков-марксистов М. Н. Покровский предложил присутствующим почтить его память в числе других скончавшихся товарищей вставанием².

Труды Преснякова вошли в практику исследований истории России. Публиковались его ранее не изданные работы³. Его труды стали изучаться как факты историографии. В них отмеча-

¹ Личный фонд А. Е. Преснякова находится в Архиве ЛОИИ. Ф. 193. См.: Чирков С. В. Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова // АЕ за 1970 г. М., 1971. Полную библиографию работ Преснякова см.: Архив ЛОИИ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 29. Л. 26—66. Выборочную библиографию работ Преснякова по исторической тематике см.: Список трудов А. Е. Преснякова / Подгот. С. В. Чирков // АЕ за 1970 г.

² Покровский М. Н. Очередные задачи историков-марксистов: (Доклад на общем собрании Общества историков-марксистов от 19 марта 1930 г.) // ИМ. 1930. Т. 16. С. 18—19.

³ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1: Киевская Русь; 1939. Т. 2, вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство (тексты лекций были подготовлены учеником Преснякова Б. А. Романовым. См.: Пресняков А. Е. Лекции. Т. 2, вып. 1. С. 3); Он же. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963; Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания / Подгот. С. В. Чирков // АЕ за 1968 г. М., 1970. Было оценено также историографическое значение эпистолярного наследия Преснякова: Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России / Подгот. С. В. Чирков // АЕ за 1972 г. М., 1974; перепечатано в кн.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.

лась «острая критическая мысль»⁴, значительное влияние «источниковедческого направления»⁵, крупный вклад в изучение русского летописания как сторонника и ученика А. А. Шахматова⁶, интерес уже в годы начала научной деятельности к общим вопросам истории и социологии, к сравнительно-историческим сопоставлениям⁷ и вместе с тем ограниченные возможности позитивистской методологии этих трудов⁸. В трудах советских ученых конца 50-х—60-х годов вновь было отмечено участие А. Е. Преснякова наряду с другими лучшими представителями дореволюционной интеллигенции в развитии советской науки⁹, значение в его творчестве критического начала¹⁰ наряду с конструктивными чертами в изучении исторического процесса¹¹. Отмечался также позитивизм как философская основа исследований Преснякова¹². Впрочем, И. И. Смирнов отметил неоднородность позитивизма как философского направления¹³.

Историографический анализ свидетельствует о значительном вкладе Преснякова в развитие отечественной исторической науки¹⁴. Вместе с тем его творчество изучено в ограниченном круге вопросов. Названы, но не раскрыты те объективные и субъективные факторы, которые формировали его научные и общественно-политические взгляды, не выяснены формы их отражения в «Княжом праве в древней Руси» и в «Лекциях по русской истории» — видных памятниках русской исторической мысли предреволюционной поры. Недостаточно изучены творческая эволюция Преснякова и место в ней данных произведений.

⁴ Рубинштейн Н. От редакции // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. С. III.

⁵ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 506.

⁶ Греков Б. Д. Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 81, 86; Смирнов И. И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе // Там же. С. 92—93.

⁷ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбил. науч. сес. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 56—58, 63—64.

⁸ Черепнин Л. В. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // Ист. зап. М., 1950. Т. 33.

⁹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 92—95.

¹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 280.

¹¹ Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 87—98.

¹² См. также: Гальперин Г. Б. К вопросу о философской основе исторической концепции А. Е. Преснякова // Философские проблемы государства и права: (Ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке). Л., 1970. С. 100—110.

¹³ Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв.: (По поводу исследования Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.») // История СССР. 1962. № 2. С. 140—145.

¹⁴ См. также: Чирков С. В. А. Е. Пресняков как источниковед и археограф: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

Специального анализа требует основная проблематика публикуемых памятников и определение их места в отечественной историографии.

Александр Евгеньевич Пресняков родился 21 апреля 1870 г. в Одессе в семье инженера путей сообщения. Пресняковы много переезжали в соответствии со служебными назначениями главы семьи. Среднее образование Саня Пресняков завершил в 1-й Тифлисской гимназии с золотой медалью в 1889 г.¹⁵ Уже в гимназии он приобрел прекрасное знание древних языков и глубокое понимание античной культуры. Но особое значение для расширения кругозора юноши, формирования его общественно-политических и историко-философских взглядов имело интенсивное самообразование.

Достаточно ознакомиться с кругом его чтения гимназических лет, чтобы увидеть определяющую роль в нем произведений прогрессивной демократической и умеренно-либеральной общественно-политической и научной мысли. За научно-популярными работами по истории философии последовали сочинения революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, теоретика революционного народничества П. Л. Лаврова и лидера либерального народничества Н. К. Михайловского. Широкие интересы уводили любознательного юного читателя в самые разные, иногда противоположные, историко-философские и общественно-политические системы: здесь и французский историк Ф. Гизо, который писал о феодализме и классовой борьбе в средневековой Западной Европе, и английский историк-позитивист Г. Т. Бокль, и мелкобуржуазный социалист П. Ж. Прудон. Здесь же пестрый по идейным направлениям и проблемам подбор литературы, характеризующий прежде всего демократическим содержанием, противоположным консерватизму и реакции: П. В. Шелгунов, Т. Г. Шевченко, А. П. Шапов, М. М. Ковалевский, А. Н. Пыпин, В. В. Стасов, а также общественно-политические и литературные труды Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, В. Г. Короленко, М. А. Бакунина, И. И. Мечникова и многих других¹⁶. Обстоятельно знакомясь с древней историей России, Пресняков уже в гимназические годы прочитал значительную для того времени литературу по истории и философии (В. О. Ключевского, К. Д. Кавелина, Н. И. Костомарова, И. И. Срезневского, И. В. Ягича, И. Н. Жданова, Л. Н. Майкова, Ю. Ф. Квашнина-Самарина, А. Н. Веселовского, В. Ф. Миллера, А. И. Соболевского, Н. А. Лавровского, С. А. Гедеонова, Ф. И. Буслаева, М. И. Сухомлинова и других)¹⁷. Увлечение раннесредневековой историей

¹⁵ Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 162. Л. 206.

¹⁶ Там же. Л. 195—198; Д. 105, 106, 108, 111—113.

¹⁷ Там же. Д. 107, 115.

Европы и особенно древней историей славян и Руси оказалось впоследствии определяющим в формировании научных интересов Преснякова.

Гимназические годы были для Преснякова временем интенсивного накопления гуманитарных знаний, нравственного развития под влиянием прогрессивных мыслителей и общественно-политических деятелей. Поэтому уже тогда он отрицательно относился к парадности и личному успеху, приобретенному без большого труда¹⁸. С юности Пресняков вырабатывал требовательность к себе, уважение к исследовательскому труду, твердые морально-этические правила, которыми не поступился в дальнейшем. Не случайно появилась в его юношеской записной книжке мысль А. И. Герцена: «Людей губит теснота, неестественная жизнь, праздность, отчуждение от всеобщих интересов, преступный холод ко всему человеческому»¹⁹.

После окончания гимназии Пресняков в 1889 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Но, вероятно, устремленного в творческий научный поиск юношу отпугнул догматизм правоведения. Уже через полгода он перешел на историко-филологический факультет. Студенческие годы Преснякова (1889—1893 гг.) совпали со временем, когда факультет уже выходил из упадка, причиной которого стали реакционные контрреформы Александра III, в частности введение устава 1884 г., предназначенного ограничить на историко-филологических факультетах историю средневековья, нового и новейшего времени, а также философии. Историко-филологический факультет Московского университета вышел из этих испытаний с меньшими потерями. Там были сильны традиции либерально-буржуазного направления в изучении истории России, заложенные С. М. Соловьевым и продолженные его учеником и преемником по кафедре русской истории В. О. Ключевским. Феодализм в странах Западной Европы интенсивно и плодотворно изучал И. Г. Виноградов. В Московском университете сохранились традиции обобщающих концепционных исследований.

На историко-филологическом факультете Петербургского университета преобладали тенденции к скрупулезному анализу отдельных исторических фактов на основе глубокого изучения источников, которые, однако, не перерастали в целостный анализ исторического процесса. Профессор русской истории С. Ф. Платонов преимущественно занимался историей XVI—XVII вв. Он не изучал самостоятельно предшествующие периоды истории России, обобщая в лекциях наблюдения других исследователей, и тем более его не интересовали специально основные закономерности исторического развития. Профессором «средней

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 197 об.—198.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 107. Л. 15.

истории» являлся В. Г. Васильевский. Крупный византист, он установил ряд важных фактов социально-экономической истории средневековой Византии, распространение там сельской общины, особое значение для Византии славянской колонизации. Социально-экономическую историю стран средневековой Европы он излагал, лишь обобщая наблюдения ведущих, преимущественно французских и немецких, ученых. Однако тщательность эмпирических исторических исследований, определенный уровень обобщения, анализ отдельных исторических фактов на основе великолепного знания источников оказывали положительное воздействие на студенческую молодежь. В 80—90-е годы на историко-филологическом факультете существовала школа Васильевского, которая сохраняла исследовательские традиции своего учителя. Таковы были работы крупного специалиста по истории стран Балтийского региона и русско-скандинавских отношений в XV—XVII вв. Г. В. Форстена, исследователя поздней античности и раннего средневековья, историка средневековой культуры И. М. Гревса, позднее — византиста А. А. Васильева. Намечались на историко-филологическом факультете и новые исследовательские тенденции обобщающих трудов Н. И. Кареева по истории французского крестьянства, французской буржуазной революции конца XVIII в. и философии истории, А. С. Лаппо-Данилевского по истории России XVII—XVIII вв. и русской историографии. Для этих работ был характерен позитивизм в философской основе исторического анализа и либерализм по политической направленности.

Определенные различия в постановке исследовательских вопросов, большее стремление к обобщениям у москвичей и особый интерес к источниковедческому анализу, к историческому факту у петербуржцев стали основанием для представления о появлении в 80—90-е годы особых «московской» и «петербургской» школ. Однако это различие школ было относительным. Оно имело место в пределах единой по философскому содержанию позитивистской исторической науки, методологические принципы которой не позволяли раскрыть объективные исторические закономерности.

Таково было состояние исследований по средневековой истории в ведущих российских университетах: Петербургском и Московском. Процесс научной подготовки и формирования научных интересов Преснякова в студенческие годы определялся этими возможностями университетской науки.

Живой, общительный, с легким характером, Пресняков имел много друзей, строго следуя моральным принципам в отношениях с товарищами²⁰. Он умел радоваться чужому успеху, и мало кто

²⁰ А. Е. Пресняков — матери, 30 июля 1890 г. // Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 8 об.—9.

умел так приветствовать критику собственных исследований, если эта критика способствовала установлению научной истины.

Активный в отношениях с товарищами и в студенческой жизни, он сдержанно относился к революционной студенческой деятельности. Либерализм его общественно-политических взглядов не развился в революционность, хотя он и полагал «высшие сферы» «достаточно низменными и паршивенькими»²¹, без всякого почтения относясь к министерским кругам, уподобляя министров крыловским «музыкантам»²².

Несмотря на живость характера и широкий круг интересов, для Преснякова всегда на первом месте оставалась учеба. Учился он легко, получая высшие баллы. Но он не любил обычной студенческой зубрежки всех обязательных дисциплин. Его интересы были направлены прежде всего на изучение предметов, относящихся к средневековому периоду русской и западноевропейской истории. Поэтому он с таким удовольствием посещал лекции и практические занятия Платонова и Васильевского.

Лекции Васильевского сообщали студентам результаты новейших исследований о феодализме как определенных формах общественных отношений. Слушая лекции Платонова по русской истории, занимаясь в его семинарии вопросом о «роли Уложения царя Алексея Михайловича в прикреплении крестьян»²³, изучая лекции Ключевского, Пресняков не видел знакомых ему по странам Западной Европы признаков феодализма и вслед за Платоновым не воспринимал изучаемые им общественные отношения как феодальные, что отражало общие тенденции в отрицании феодализма в России в русской науке этого времени.

Для Преснякова процесс обучения всегда был шире усвоения обязательных программ. Среди конспектов лекций четвертого курса в записях, относящихся к практическим занятиям Платонова по русскому источниковедению и археографии XVIII—XIX вв., появляются шифры рукописей различных рукописных собраний, среди которых названа Царственная книга²⁴. Платонов заинтересовал подающего надежды студента исследовательской научной работой. Обращение Преснякова к изучению летописей и рукописей в это время было закономерным и необходимым для воспитания ученого-историка. Студенческие работы, посвященные теоретическим или обобщающим вопросам исторических исследований, обычно или компилятивны, или малообоснованны в построениях. Студенты еще не освоили всю совокупность исторических источников по изучаемой проблеме — исходный «материал» исторического исследования. К тому же использование источников

²¹ А. Е. Пресняков — матери, 29 августа 1892 г. // Там же. Л. 80.

²² А. Е. Пресняков — матери, 3 сентября 1892 г. // Там же. Л. 83.

²³ А. Е. Пресняков — матери, 30 июля 1890 г. // Там же. Л. 8 об.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 154. Л. 22—24.

конструктивно только с учетом их источниковедческого анализа, с установлением обстоятельств появления данного источника и истории его текста. Изучение теоретических вопросов требует также творческого осмысления всего опыта, накопленного предшествующими поколениями ученых, хорошей подготовки в теоретических вопросах исторического анализа и в методологии исторического знания. К такому подходу в изучении исторических проблем студенты еще не готовы. Поэтому педагогически Платонов совершенно правильно поступил, направив интересы талантливого юноши на изучение источников. Это направление было тем более верным, что источники исследовались по рукописям, т. е. с наиболее полными результатами анализа, когда между исследователем и источником не стоит публикация с ее возможными ошибками при археографической подготовке и субъективными особенностями издателя. Такая направленность научных интересов студента совпадала с общими тенденциями в так называемой петербургской школе.

Платонов обратил внимание Преснякова на малоизученную рукопись в московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеке (№ 149). Эта рукопись представляла собой летописный свод, написанный полууставом, великолепно иллюстрированный, с обширными редакционными приписками скорописью на полях, существенно меняющими содержание и политическую направленность уже написанного основного текста. Ее открыл и издал в 1769 г. под названием «Царственная книга» крупный историк князь М. М. Щербатов. Щербатовское издание широко вошло в научный оборот, но оно имело существенные недостатки. Поскольку рукопись была в плохом состоянии, Щербатов не сумел восстановить должную последовательность листов, и рукопись была издана с перепутанными страницами. Издатель то включал в публикацию редакционные приписки, то не учитывал их. Происхождение рукописи, ее состав, источники и соотношение с другими московскими летописными сводами оставались неизученными. Ответить на эти сложные и важные вопросы предстояло Преснякову. Важно было также научно описать рукопись, выявить недостатки щербатовского издания. Решить все эти проблемы могло только самостоятельное и тщательное исследование.

В начале мая 1892 г. перешедший на пятый курс Пресняков приехал в Москву и начал работу с рукописью Царственной книги в Синодальной библиотеке. Там он нашел другую рукопись, относящуюся к тому же Лицевому (иллюстрированному) летописному своду. Вернувшись в Петербург, он продолжил разыскания в рукописном отделении (теперь — отделе) Публичной библиотеки и в библиотеке Петербургской духовной академии. Результаты исследования Преснякова оказались такими важными, что Платонов предложил ему срочно подготовить статью о Царственной книге уже по накопленным материалам, а саму работу предста-

вить в качестве конкурсного сочинения. Это исследование было удостоено золотой медали, которая была вручена Преснякову 7 февраля 1893 г., а в начале апреля статья была напечатана в 31-м томе «Записок историко-филологического факультета С.-Петербургского университета»²⁵.

Исследователи и ранее знали, что Царственная книга представляла собой часть большого летописного свода. Заслугой Преснякова стало начало выявления в различных рукописных собраниях разбросанных частей этого огромного Лицевого свода, названного им позднее вслед за В. Н. Щепкиным «московской энциклопедией XVI в.». Царственная книга представляла собой ее последнюю часть. Он указал необходимую последовательность листов, нарушенную в щербатовском издании, отметил редакционные вставки и пометки, относящиеся ко времени правления Ивана Грозного, частично опубликовав их. Пресняков сделал также важные наблюдения о текстуальной близости Царственной книги и Никоновской летописи, о сходстве почерка автора редакционных добавлений и правки в Царственной книге и «Никоновской с рисунками» (Синодальной летописи), о политической направленности редактирования.

При анализе Царственной книги в полной мере проявились самостоятельность и оригинальность мышления молодого исследователя, его огромная работоспособность, смелость и осторожность в решении сложных проблем. Лишь в вопросе о датировке рукописи семнадцатым столетием он уступил таким авторитетным ученым, как С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков, В. Н. Щепкин, хотя приводимые им материалы постоянно указывали на ее написание в царствование Ивана Грозного²⁶. Тем более охотно он согласился с ее датировкой XVI в., которую доказал позднее на основании бумажных водяных знаков Н. П. Лихачев²⁷. Не все наблюдения Преснякова над текстом Царственной книги впоследствии подтвердились. Но его исследование послужило началом значительного ряда работ историков, текстологов, искусствоведов нескольких поколений. И лишь спустя почти 90 лет в полной мере были выяснены время и место появления Лицевого свода Ивана Грозного и история его текста²⁸.

Исследование такого сложного памятника, как летописный свод, привило Преснякову навыки работы с источниками, причем не с публикациями, а рукописями. Оно показало его большие возможности исследователя-источниковеда. Приобретенный опыт

²⁵ Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893 (отд. отт.).

²⁶ Там же. С. 20, 30, 32—33.

²⁷ А. Е. Пресняков — матери, 23 октября 1894 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 86 об.—87.

²⁸ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 206—265.

стал основой последующих исследований по истории Древней Руси, образования Московского централизованного государства, западнорусских земель. Пресняков показал себя способным студентом в освоении обязательных дисциплин и талантливым начинающим исследователем, так что у членов ученого совета не было сомнений в необходимости оставить его в университете «для приготовления к профессорскому званию».

Период 1893—1895 гг., когда Пресняков был «оставлен при Петербургском университете», стал временем интенсивного научного роста молодого исследователя. Он продолжал активно усваивать научный опыт, накопленный в новейших исследованиях. И за «умом» ему не надо было отправляться далеко. Научная жизнь историко-филологического факультета Петербургского университета середины 90-х годов прошлого века в полной мере отражала все многообразие концепций, которые существовали в отечественной медиевистике. Пресняков видел это, понимал сильные и слабые стороны лидеров научных направлений и сознательно выбирал себе руководителей.

Лучшие времена в творчестве Васильевского к середине 90-х годов уже прошли. Его научное влияние на Преснякова ограничилось студенческими годами. Сейчас молодого исследователя интересовало не накопление отдельных фактов, а концепционные подходы к анализу исторического процесса. Поэтому вполне естественно, что его симпатии привлекли два наиболее ярких преподавателя факультета — А. С. Лаппо-Данилевский и Г. В. Форстен. Причины сближения Преснякова с ними заключались прежде всего в том, что концепционное мышление первого и тщательность, глубина анализа исторического факта у второго привлекали те же творческие интересы молодого исследователя. Поэтому он прослушал специальные курсы — в 1893/94 академическом году «Историю России в XVIII в.» у Лаппо-Данилевского и историографический курс о Леопольде Ранке у Форстена, а в 1894/95 академическом году «Методы изучения источников и явлений русской истории» у Лаппо-Данилевского и «Историю немецких университетов» у Форстена. Характерна широта хронологии и проблем, которые интересовали молодого Преснякова. Широта научных интересов останется у него на всю жизнь, тогда как концепционность мышления, глубина и тщательность исторического анализа также стали характеризовать творческий почерк Преснякова.

Третьим руководителем Преснякова, но не идейным, а помощником на жизненном пути стал С. Ф. Платонов. Странные у них сложились отношения. Пресняков неоднократно признавал определенное влияние Платонова, но был совершенно самостоятелен от его воздействия как ученый. Личные отношения их сохранялись до конца дней Преснякова корректными, то более теплыми, то более отчужденными. Платонов не раз помогал своему одаренному

ученику и коллеге. Однако в конце жизненного пути их отношения все более и более охлаждались, видимо, в результате быстрой творческой эволюции Преснякова в советский период, так что в некрологе, посвященном памяти своего ученика, Платонов позволил себе недоброжелательную и несправедливую реплику, согласно которой Пресняков печатал некоторые части своего общего курса в виде очерков²⁹, хотя все опубликованные им работы явились результатом специальных научных исследований, сюжетно входивших, разумеется, в его лекционные курсы.

Активный в университетской и научной жизни, Пресняков оставался пассивным в жизни политической. Он не одобрял деятельности революционной молодежи и не оценил ее значение. Но и полицейские расправы со студентами вызывали у него искреннее и глубокое возмущение. Он негодовал в связи с полицейской провокацией и избиением студентов дворниками и полицией 8 февраля 1895 г. Он навелит тяжело избитого во время этого побоища приват-доцента Н. Д. Чечулина, что было мужественным поступком во время полицейских преследований. Пресняков возмущался преследованиями полиции и «глубокой мерзостью» Министерства народного просвещения в связи с его запрещением преподавать П. В. Безобразову и П. Н. Милюкову за их участие в студенческих волнениях в Москве³⁰.

В центре внимания Преснякова находились научные интересы, освоение идей, накопленных русской и зарубежной исторической наукой, философской и общественно-политической мыслью. Круг его чтения по-прежнему составляла передовая революционно-демократическая, народническая и умеренно-либеральная литература, что выражало направленность его общественно-политических и научных взглядов. Он обстоятельно конспектировал основные труды историков либерального направления, относящихся к разным школам. Здесь славянофилы — сторонники общинной теории К. С. Аксаков, И. Д. Беляев, западники — сторонник родовой теории С. М. Соловьев и сторонник государственной школы К. Д. Кавелин, здесь же ведущие историки России В. О. Ключевский, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. П. Загоскин, И. И. Дитятин, А. И. Никитский, С. В. Ешевский, Ф. А. Терновский, Н. П. Лихачев. По-прежнему Пресняков конспектирует работы историков, написанные под влиянием революционно-демократической и народнической литературы, А. П. Щапова, Н. И. Костомарова, А. Я. Ефименко, М. М. Ковалевского, А. Н. Пыпина. Читает он также и самих идеологов революционно-демократи-

²⁹ Платонов С. Ф. А. Е. Пресняков: Некролог // ИАН СССР. Отд-ние гуманитарных наук. 1930. № 2. С. 84.

³⁰ А. Е. Пресняков — матери, 14 февраля 1895 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 151—153.

ческого и революционно- и либерально-народнического направления: Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и других. Среди его конспектов есть заметки об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском. Однако в самых разнообразных по идейному содержанию трудах он встречал лишь модификации родовой, общинной и государственной теорий или мнения об особой роли общинности русской деревни.

Широкие интересы Преснякова охватывали не только всю русскую историю с IX по XIX в. и западноевропейскую историю периода средневековья. Они обращались также к литературе самых различных, но не реакционных научных и общественно-политических направлений. Преснякову были известны работы «легалого марксиста» П. Б. Струве, и к тому, что у него читал, молодой ученый относился с очевидным неодобрением. Его не удовлетворяли метафизичность и позитивизм «экономического материализма»³¹.

Пресняков явно недостаточно был знаком с марксистскими работами. Когда он стал читать книгу Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», то сразу понял, что автор скрылся за псевдонимом, но предположил, что автор — Петр Струве. Ему еще были неизвестны труды Г. В. Плеханова. Не разделяя, видимо, идеи книги в целом, он отмечал, что «кое-что в книге метко, начитанность большая, критика толковая». Смущал его только полемический, публицистический тон автора³².

Ярко выраженная склонность Преснякова к научной деятельности, широта интересов и философское мышление нашли выражение в первых работах, опубликованных в 1893—1895 гг.³³ Его не удовлетворял девиз Ранке «говорить только то, как, собственно, было». Он указывал невозможность его реализации в том, что источники лишь частично отразили историческое прошлое, а сами источники субъективны по содержанию. Выход Пресняков предлагал искать в разработке теории исторического знания³⁴.

Если философские взгляды Преснякова были эклектичными, позитивистскими, как и у большинства либеральной научной молодежи, то интенсивные исследования московских летописных сводов давали конструктивные новые наблюдения. Разработанные им принципы излагались пока в критических заметках по отношению к уже существовавшим исследовательским подходам. Прин-

³¹ Пресняков А. Новый труд по теории исторической науки // ЖМНП. 1895. № 1. С. 15 (отд. отт.); А. Е. Пресняков — матери, 4 марта 1894 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 19.

³² А. Е. Пресняков — матери, 1 января 1895 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 128 об.

³³ См. рецензии на монографии М. А. Дьяконова, Г. В. Форстена, А. Н. Веселовского, В. Г. Васильевского, М. К. Любавского, А. И. Никитского и др.: Филологическая библиотека. 1893—1894. СПб., 1894. Т. 1, 2.

³⁴ Пресняков А. Новый труд по теории исторической науки. С. 2—5.

ципиальное значение имеет рецензия Преснякова на труд И. А. Тихомирова «Обозрение состава московских летописных сводов»³⁵. Тихомиров продолжал разработанные П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым принципы изучения летописей как сводов. Но эти своды понимались как совокупность использованных летописцем источников. Поэтому конечной целью такого историко-ведческого анализа являлось установление привлеченных автором летописных и нелетописных источников, принципов их подбора и политических тенденций, отразившихся в данном сочинении. Но исчезала история летописания как особого вида историко-литературного творчества, история летописных сводов, форма и содержание которых, их политическая направленность определялись общественно-политической жизнью. С данной стороной истории летописания Пресняков хорошо ознакомился при изучении Царственной книги, где наглядно были видны формы и методы редактирования летописных сводов. Этот эмпирический опыт противоречил прежним принципам изучения летописных сводов, которые уже не удовлетворяли новым научным требованиям.

Соглашаясь с установленными Тихомировым нелетописными источниками, отраженными в Воскресенской летописи, Пресняков указывает, что в исследовании не ставится вопрос о происхождении рассматриваемых летописных сводов, в частности, остается неясным, является ли Воскресенская летопись переделкой другого свода или представляет собой самостоятельный труд. Таким образом, в исследовании летописи нет ответа на основной вопрос, который опреляет все остальное, — установление летописных источников, состава и идейной направленности летописного свода. Вводя элементы историзма при изучении летописания XVI в., он отнес источники Воскресенской летописи к XV в. Обоснованные исходные методические посылки привели молодого исследователя к верным наблюдениям, которые были подтверждены другими учеными много позднее: он отметил не только близость Софийской I и Новгородской IV летописей, но и московский характер последней (в отличие от Тихомирова, который полагал ее новгородской), наличие общего источника у Воскресенской летописи, Софийской I и Новгородской IV летописей. Все это разъяснилось открытым Шахматовым реконструируемым московским сводом 1448 г., который находился в основе этих летописей (в Воскресенской летописи через Московский великокняжеский летописный свод 1479 г., также открытый Шахматовым)³⁶. Отличия Воскресенской и Никоновской летописей — общерусских летописных сводов XVI в. — Пресняков объяснил различиями в привлечении ими

³⁵ ЛЗАК. СПб., 1895. Вып. 10.

³⁶ См. подробнее: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 181—225; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 62—121.

московских и немосковских сводов, что также подтвердилось более поздними исследованиями³⁷. Вывод Преснякова о рецензируемой работе был логичен и снисходителен: труд Тихомирова не разрешил вопроса о взаимном отношении различных редакций московских летописных сводов, но дал обозрение состава московских сводов³⁸.

В наблюдениях Преснякова сказался новый, более широкий подход к изучению летописания, задачи которого сформулировал в беседах с молодым исследователем Л. Н. Майков. «По его мнению, — писал Пресняков, — изучить летописные своды следует не как исторический источник, а как „культурно-историческое явление“, ибо первая из этих задач неразрешима без второй; историко-литературный анализ сводов должен предшествовать их критике как источника исторических сведений и служит для нее основанием. Но не в этом была для Леонида Николаевича главная цель подобного анализа; устанавливая взгляд на летописные своды как на своеобразную энциклопедию московских преданий и тенденций, Леонид Николаевич ожидал от разработки истории московского летописания ценных результатов для выяснения характера и приемов литературной работы московских книжников, их воззрений и стремлений»³⁹. Но Пресняков уже перерастал такой историко-литературный подход к изучению летописания. Он дополнил его текстологическим анализом истории летописных сводов, введя в изучение обыкновенные критерии источниковедения, т. е. он пришел к тому же творческому методу, который блестяще был развит Шахматовым.

О степени актуальности задач, поставленных Пресняковым перед изучением летописных сводов в связи с исследовательскими методами И. А. Тихомирова, а вообще-то в связи с пересмотром устаревшей методики изучения летописания, свидетельствует принципиальная, острая рецензия Шахматова три года спустя на другой труд Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной»⁴⁰, где применялись те же приемы анализа (исследование, рецензированное Пресняковым, составило сюжетно третью часть труда, рецензированного Шахматовым). 35-летний академик Шахматов тогда еще только начинал изучение истории

³⁷ Левина С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. II; Она же. К изучению Воскресенской летописи // Там же. М.; Л., 1957. Т. 13; Она же. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение) // Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. 1957. Т. 10; Она же. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1989. Вып. 2, ч. 2; Клосс Б. М. Указ. соч.

³⁸ Пресняков А. [Рец.] Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 10. СПб., 1895 // ЖМНП. 1896. № 9. С. 153—160.

³⁹ Пресняков А. Е. Архивский летописец // Памяти Майкова. СПб., 1902. С. 1.

⁴⁰ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899 (Зап. Акад. наук по Ист.-филол. отд.-нию; Т. 4, № 2).

русского летописания, которое дало такие замечательные результаты. Но его подход принципиально отличался от предшественников. Он стремился охватить всю историю летописания XI—XVI вв. как историю летописных сводов, основанных на летописных и нелетописных материалах. Новая методика сразу же дала новые положительные результаты. Поэтому разбор труда Тихомирова стал для Шахматова не столько основанием для критического анализа, сколько поводом для того, чтобы наглядно показать ограниченные возможности старой методики, вследствие которой исследователь проходил мимо важнейших фактов истории летописания, и продемонстрировать неисчерпаемые возможности нового метода. Помимо многочисленных новых наблюдений, которые, естественно, нуждались еще в дальнейшей разработке (что впоследствии было выполнено им самим и продолжателями его научного метода, преимущественно в советское время), большое значение имело тогда утверждение новых принципов изучения летописания в их соотношении со старыми. Формулируя различия обоих методов, Шахматов писал: «Изучая тот или другой летописный свод, г. Тихомиров редко останавливается на вопросах о происхождении, времени составления, редакциях памятника; его мало занимает исследуемый памятник сам по себе. Задача ограничивается определением внутреннего состава свода, разложением его на первоначальные источники — погодные записи и сказания. Не сомневаюсь, что автор убежден в том, что дошедшим до нас сводам предшествовали другие, более древние, причем эти более древние своды и должны быть признаны источниками позднейших, но... он не интересуется памятниками самими по себе. Вследствие этого и в своих выводах г. Тихомиров не приходит к определению источников того и другого свода в виде других, более древних сводов; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившие разрозненные исторические данные, а сырой, необработанный материал в виде погодных записей, сказаний, исторических повестей и т. п.; вместе с тем автор, минуя всякие переходные своды, устанавливает прямую связь между позднейшими сводами и какими-то до нас не дошедшими местными летописями — тверскими, нижегородскими, рязанскими и т. д. Вместо того чтобы на основании изучения позднейших сводов приходиться к восстановлению памятников с ними однородных — более древних летописных сводов, г. Тихомиров извлекает из них указания на существование памятников неоднородных с ними: каких-то не дошедших до нас местных летописей, погодных записей, перечней местных событий, отдельных исторических сказаний и т. п.» Не сомневаясь, что летописание начиналось с таких записей и сказаний, Шахматов подчеркивал необходимость изучения Повести временных лет и последующих летописей как истории летописных сводов с изучением конкретных летописных памятников, с установлением внутренних связей между отдельными редак-

циями и списками памятника, исследованием летописей как историко-литературных памятников. Здесь же он указывал на ошибочные оценки Тихомирова, происходившие вследствие его методики ⁴¹.

Наблюдения Преснякова в значительной мере перекликались с исследовательскими приемами и выводами Шахматова, который их в значительной мере подтвердил. Но Шахматов более методично, широко и глубоко разрабатывал новые методы изучения летописания, и Пресняков полностью их поддержал. Эта близость исследовательских позиций стала основой последующего личного и творческого сближения двух ученых, что сыграло позднее важную роль в творческой судьбе Преснякова.

Если при изучении летописных сводов Пресняков показал, что находится на передовом уровне летописеведения, то при дальнейшем исследовании Лицевого свода, подвергнув тщательному текстологическому и кодикологическому анализу Лебедевскую и Александро-Невскую летописи, он доказал, что стал тонким, наблюдательным текстологом ⁴². Однако «свою судьбу» имеют не только книги, но и статьи. Последующие исследователи Лицевого свода забыли об этой работе Преснякова. Спустя 85 лет Б. М. Клосс проделал аналогичную работу и пришел к близким выводам, дополнив их ⁴³. Такая необычная проверка и подтверждение выводов 85-летней давности свидетельствуют о высоком уровне текстологического анализа молодого ученого.

Период 1893—1895 гг. стал очень важным в жизни Преснякова. В эти годы закладывались основы его научного стиля — философская широта научного мышления, высокая профессиональная подготовка в анализе источников, не допускающая их иллюстративного использования, широта интересов в истории России и других стран. Подготовка его к изучению социально-экономических проблем была еще недостаточна. Но Пресняков был молод, энергичен, очень трудолюбив и постоянно совершенствовал свои знания во всех областях исторической науки. Он подавал большие надежды.

Женитьба в 1895 г. нанесла сильный удар по научным занятиям Преснякова. Хотя Юлия Петровна и была художницей, но происходила из буржуазной семьи. Поэтому тесть с тещей, жена, да и сам Пресняков считали, что в их семье все должно быть, «как у других». Муж обязан содержать семью на «приличном» уровне достатка, и Пресняков осуществлял эту задачу с огромным напряжением сил. В 1895—1909 гг. он преподавал в частных гимназиях, на Педагогических женских курсах (с 1903 г. — Женский педагогический институт), выпускницы которых имели право преподавать в старших классах женских гимна-

⁴¹ Там же. С. 233—236.

⁴² Пресняков А. Новые данные для изучения московских летописных сводов // ЖМНП. 1895. № 6. Отд. 2.

⁴³ Клосс Б. М. Указ. соч. С. 227—231.

зий, в Петербургском сиротском институте. Бюджет семьи был в основном обеспечен.

Преснякова постоянно волновало состояние средней школы в России. Он резко критиковал систему просвещения в России, созданную реакционной политикой царизма⁴⁴. Пресняков активно участвовал в организации учебного процесса тех учреждений, где преподавал, в совершенствовании программ и методов обучения, а в 1915 г. даже опубликовал учебник по русской истории для младших классов, который вышел, впрочем, в то время, когда революционная Россия уже отказывалась от прежних представлений об истории.

Приступив к преподаванию, молодой учитель истории стремился выйти из тесных рамок обязательных программ, но его творческие порывы постоянно входили в противоречие с косностью требований Министерства народного образования, которое он называл «пустым и узкореакционным»⁴⁵. Да и на Педагогических женских курсах Пресняков вместе с С. В. Рождественским, другим учеником Платонова, решили вести преподавание не в учительском тоне, как там было принято, а по-университетски⁴⁶, т. е. готовить серьезные лекции, самостоятельно разработанные, что создавало условия для творческого осмысления молодым преподавателем всей истории России. Над этим курсом Пресняков работал постоянно, и уже к 1896/97 учебному году заново переписал его⁴⁷. Так начал накапливаться и осмысляться материал будущих научных исследований.

Пресняков не принадлежал к тем людям, которые, едва поступив в университет, думают о магистерской диссертации и, еще не защитив магистерской диссертации, мечтают о докторской. Для него наука была не средством для карьеры, ученой или на политическом «поприще», как тогда говорили, а сферой исследования, поиска исторических закономерностей. Отношение Преснякова к науке было глубоко этичным. Поэтому ему было совершенно чуждо соревнование в «ловле счастья и чинов»⁴⁸, хотя он уже и обратил на себя внимание ведущих специалистов по древней истории России своими работами.

Для Преснякова ученые степени и звания должны были быть логическим завершением значительных ученых трудов. Поэтому он спокойно отнесся к почти полному переключению поначалу на педагогическую деятельность. Однако историческая наука

⁴⁴ Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 3. Л. 257—257 об.; Пресняков А. [Рец.] Книга для чтения по истории нового времени. Т. 1. М., 1910 // Вестн. Европы. СПб., 1910. Т. 45, № 5. С. 418.

⁴⁵ А. Е. Пресняков — матери, 2 апреля 1899 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 4. Л. 27 об.

⁴⁶ А. Е. Пресняков — матери, 11 сентября 1895 г. // Там же. Д. 2. Л. 229 об.

⁴⁷ А. Е. Пресняков — матери, 20 октября 1898 г. // Там же. Д. 3. Л. 62.

⁴⁸ А. Е. Пресняков — матери, 11 октября 1899 г. // Там же. Д. 4. Л. 70 об.

стала уже необходимой для него. Вскоре он возобновил научные исследования. В 1896 г. сдал магистерские экзамены. Не прерывались его связи с факультетом, учителями, коллегами и товарищами по научным интересам. Но во второй половине 90-х годов под влиянием общественно-политических событий, меняющихся научных взглядов происходила существенная переоценка Пресняковым научных и личных отношений. В эти годы ему стали ближе по научному стилю Милюков и Лаппо-Данилевский, стремившийся к обобщениям в пределах либеральной науки, отчасти Форстен с его глубоким анализом исторического факта. Ему была близка общественно-политическая позиция профессоров Гревса, Кареева, приват-доцента Венгерова и других, уволенных из университета за сочувствие студенческому революционному движению.

Пресняков не участвовал в революционном преобразовании общества. Он всей душой хотел, чтобы оно стало лучше, но видел пути к этому в реформах, в благотворительности, в публичных лекциях. Последняя форма общественной деятельности существенно активизировалась во второй половине 90-х годов, что вызывало большое неудовольствие полиции, которая стремилась взять их под свой контроль (такие лекции могли стать средством революционной пропаганды⁴⁹). Пресняков начал читать в 1897 г. в только что организованном «народном университете» публичный курс о Петре Великом. Лекции Преснякова доходили и до рабочих. В 1899 г. он читал на Обуховском заводе лекцию о татаро-монгольском иге и Московском царстве, о Смутном времени (1605—1613 гг. — самозванцы и польско-шведская интервенция, острая классовая борьба, восстание под руководством И. И. Болотникова и широкое народное движение за изгнание интервентов из России) и о царе Алексее Михайловиче. Нам не известно содержание лекции, но об отношении 375 рабочих к ней Пресняков писал: «Слушали удивительно внимательно, и тишина была полная»⁵⁰. На заводе в это время вели работу социал-демократические кружки, а всего два года спустя рабочие Обуховского завода приняли самое активное участие в забастовке и знаменитой Обуховской обороне, когда рабочие камнями отбивали атаки конной полиции.

Это приближение к жизни, к рабочим, преодоление тесных рамок кабинетных штудий, но в то же время преобладание преподавательской деятельности в гимназиях и высших учебных заведениях для состоятельных сословий определили новое отношение Преснякова к марксизму. Он начал сотрудничать с журналом «легальных марксистов» «Новое слово», для которого написал несколько небольших рецензий. Но журнал был вскоре запрещен,

⁴⁹ А. Е. Пресняков — матери, 16 февраля 1897 г. // Там же. Д. 3. Л. 192 об.

⁵⁰ А. Е. Пресняков — матери, 21 февраля 1899 г. // Там же. Д. 4. Л. 14.

и эти материалы были переданы в либеральный «Мир божий». Марксизм не стал для Преснякова неким жупелом, как для многих его товарищей из либеральной интеллигенции⁵¹⁻⁵².

Сложные общественно-политические взгляды Преснякова, которые всегда делали его в своей профессорско-преподавательской среде левее центра, но не «левым», отразились на его отношении к студенческому движению. Он сочувствовал тем формам студенческого движения, которые выражали протест против «недостатков» царского режима, реакционной политики Министерства народного просвещения с умеренно-либеральных позиций, но осуждал революционные, социал-демократические формы студенческого движения. Он был за реформы и против революционной активности, поскольку его устраивали хотя бы частичные достижения и он очень опасался административно-полицейских репрессий⁵³.

Подобно многим представителям либеральной интеллигенции, Пресняков еще надеялся, что тяжелые поражения армии и флота в войне с Японией в 1904 г. могут стать «залогом внутреннего возрождения»⁵⁴. Однако царский режим развеял эти надежды. Через год он уже писал: «Ждем реакции во внутренней политике. . . Трепов обратился в министра полиции с такими широкими полномочиями, что не поздоровится всей матушке России. На место Ламсдорфа прочат бывшего министра юстиции Муравьева. Все это дрянь на дряни»⁵⁵. Но Пресняков не смог подняться в общественно-политической деятельности над своим либерализмом и социальным положением. Он не увидел конечных целей революции 1905 г., ее задач, хотя и признавал, что это начало необратимого политического процесса. «В настоящее время, — писал он жене, — больше 80 тысяч сидят по тюрьмам по делам политическим. Идет российская революция, идет шатаясь, тяжелой поступью. . . Не месяцами, а годами будем считать ее путешествие. Никто ее не остановит. Пока она только раскачивается и медленно подвигается. Года пройдут, пока мы увидим, если вынесем эти года, куда она нас ведет»⁵⁶. Эта неопределенная либеральная политическая позиция и определенное социальное положение стали причиной того, что с образованием в октябре 1905 г. кадетской партии Пресняков, подобно многим либеральным профессорам и преподавателям недворянского происхождения, стал ее членом. Это чувство сословности было сильно развито в Преснякове, и он остро осознавал свое социальное отличие от дворянского сословия, резко отделяя себя от него и ясно видя

⁵¹⁻⁵² А. Е. Пресняков — жене, 4 мая 1899 г. // Там же. Д. 7. Л. 21—21 об.

⁵³ А. Е. Пресняков — матери, 18 марта 1899 г. // Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 21.

⁵⁴ А. Е. Пресняков — жене, 19 мая 1904 г. // Там же. Д. 7. Л. 196.

⁵⁵ А. Е. Пресняков — жене, 25 мая 1905 г. // Там же. Л. 278—278 об.

⁵⁶ А. Е. Пресняков — жене, 14 сентября 1905 г. // Там же. Л. 307 об.

сословные различия между собой и столь высоко чтимым Лаппо-Данилевским⁵⁷.

Как либеральный ученый, стремящийся принять участие в первой русской революции (в ее буржуазно-демократическом, а не пролетарском направлении), Пресняков стал сотрудничать в газете «Страна», ответственным редактором которой являлся крупный ученый М. М. Ковалевский. Впрочем, друг Преснякова С. А. Адрианов занял в революции более активную позицию: организовал столовую для безработных, среди которых было много бывших стачечников.

Наступление реакции повергло Преснякова в смятение. Его иллюзии быстро развеивались. Им овладевало характерное для либеральной интеллигенции отчаяние: «Трепов все больше выступает на первый план. Он дворцовый комендант — правая рука придворной шайки. От него ждут „спасения“. А он шушукается с гвардией и обменивается любезными телеграммами с черносотенными компаниями. . . Вчера в Петергофе обедало у государя несколько офицеров, громивших Остзейский край⁵⁸, и эти „герои“ получили георгиевские (!) кресты⁵⁹. Россия попробовала выйти на путь приличной государственной жизни. Но наш старый порядок такая огромная скотина, что грозит, разлагаясь, задушить Россию в грязи»⁶⁰.

Между тем первая русская революция способствовала тому, что Пресняков стал одним из первых среди либерально настроенных ученых историком революционного движения в России. В цикле статей он рассмотрел основные его периоды. В этих работах сказалась еще начальная стадия изучения революционного движения, ограниченность привлеченных источников, но главное, влияние либеральной концепции, основным содержанием которой являлось стремление доказать историческую закономерность перехода от самодержавия к конституционному буржуазному государству. Однако революционные события обострили научный анализ и восприятие Пресняковым истории революционного движения, вследствие чего он пришел к ряду метких замечаний. Таково его мнение о содержании революционных программ декабристов, указание причины их «беспомощно-трагического конца» в стремлении достигнуть «обновления русской жизни и освобождения скованных народных сил путем государственного переворота, произведенного не народным движением, а усилиями

⁵⁷ А. Е. Пресняков — жене, 27 июня 1904 г. // Там же. Л. 214—214 об.

⁵⁸ Пресняков имеет в виду потопленные в крови крестьянские и городские восстания в Латвии и Эстонии в ноябре-декабре 1905 г.

⁵⁹ Георгиевскими крестами награждались до 1913 г. только офицеры и генералы за храбрость в бою.

⁶⁰ А. Е. Пресняков — жене, 11 января 1906 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 9. Л. 3—4 об.

отдельной группы, которая вступила в борьбу с правительством за власть». Это стремление «сделать все для страны, не опираясь на ее народные силы», Пресняков указал в качестве основной причины поражения декабристов⁶¹.

Он верно отмечал большое значение революционно-демократической пропаганды Добролюбова и Чернышевского в процессе формирования народничества, но придавал при этом чрезмерно большое значение «индивидуализму» в народничестве наряду с «социалистическими элементами»⁶². Однако российская действительность указывала на новое содержание определяющих революционных идей, против которых позднее народничество оказалось несостоятельным, и Пресняков отметил это⁶³.

Революция 1905—1907 гг. оказала большое влияние на личную жизнь Преснякова. В 1907 г. он стал приват-доцентом Петербургского университета, но при особых обстоятельствах. Поднятое революцией студенчество требовало реорганизации обучения на факультете и, в частности, чтения параллельных с общим курсом профессора Платонова плановых специальных курсов. Но это не было дублированием, поскольку позволяло студентам прослушать курс русской истории, отличный от официозной платоновской концепции. Курс лекций Преснякова в университете был порожден революционными настроениями студенчества и шел навстречу этим настроениям. В свою очередь, материалы лекций и семинарских занятий в университете, общественно-политический настрой того времени, интенсивная научная деятельность определили содержание лекций и первой монографии Преснякова, которую он защитил в качестве магистерской диссертации. Все эти обстоятельства, научные достоинства лекций и книги Преснякова сделали их крупным явлением в истории исторической мысли дореволюционной России. Но творческий путь к этим научным достижениям после окончания университета в 1895 г. и до 1907 г. был сложным.

Первые три года чтение лекций в различных учебных заведениях и гимназические уроки почти не оставляли времени для научных занятий.

В условиях активной преподавательской деятельности во второй половине 90-х годов Пресняков мог плодотворно работать только в той области исторического знания, где у него уже был накоплен большой опыт, — в истории летописания. Платонов и особенно Шахматов много сделали, чтобы вернуть его к этим исследованиям. Их интерес к работам Преснякова по истории московских летописных сводов объясняется существенной активи-

⁶¹ Пресняков А. Декабристы // Полярная звезда. СПб., 1905. № 1. С. 57.

⁶² Пресняков А. Накануне народничества // Моск. еженедельник. 1906. № 32. С. 45—47.

⁶³ Пресняков А. Революционное народничество // Там же. № 27. С. 47.

зацией в это время деятельности Археографической комиссии по изданию летописей. Комплексные исследования Шахматова создали новые возможности для археографической подготовки. Решающее значение приобрели не факты существования летописей в виде множества списков, а определение истории летописных сводов для установления их редакций для выбора основного издаваемого списка и подведения чтений других списков как вариантов. Предшествующие исследования Преснякова показали, что в изучении летописания он стоит на верном пути. Его методы оказались близки к шахматовским, хотя он пришел к ним самостоятельно. Поэтому активное вовлечение Преснякова в дела Археографической комиссии имело объективные основания.

22 января 1900 г. А. А. Шахматов и Л. Н. Майков представили записку об «ученых трудах» Преснякова на заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук, которое постановило назначить ему стипендию в 1200 рублей, чтобы он имел возможность написать диссертацию о московских летописных сводах. Эта стипендия позволила ему освободиться от значительной части уроков и сократить число лекций на Педагогических женских курсах. Однако вскоре стало очевидно, что подготовить диссертацию о московских летописных сводах XVI в. в относительно короткий срок невозможно. Решить эту проблему хотя бы в первом приближении можно было, лишь рассматривая, как Шахматов, комплексно русское летописание XIV—XVI вв., а не выборочно отдельные летописи. К тому же надо было размежеваться с Шахматовым, чтобы не дублировать работу. Поэтому, учитывая плодотворность исследований Преснякова, было принято решение о зачислении его на службу в качестве сотрудника Археографической комиссии (20 декабря 1900 г.) для изучения летописей и их археографической подготовки к изданию. 12 декабря 1906 г. он был избран членом Археографической комиссии. Служба в Археографической комиссии еще больше освобождала Преснякова от уроков, давая ему время для научного творчества. В 1900—1902 гг. появился цикл статей о московских сводах XVI в.⁶⁴ Результатом археографической деятельности Преснякова стало издание им Симеоновской летописи, руководство (совместно с Шахматовым) изданием Типографской летописи. Собранные им материалы были привлечены при подготовке последних трех томов Никоновской летописи, а также Львовской летописи⁶⁵. Уже

⁶⁴ Пресняков А. Е. *Московская историческая энциклопедия XVI в.* // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 3; *Он же.* Мелкие заметки к Воскресенской летописи // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13; *Он же.* Заметки о лицевых летописях // ИОРЯС. СПб., 1903. Т. 6, кн. 4; *Он же.* Архивский летописец.

⁶⁵ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII: Симеоновская летопись / Подгот. к печ. и ред. А. Е. Пресняков; Пг., 1921. Т. XXIV: Типографская летопись / Подгот. к печ. и ред. С. П. Розанов; Под наблюд. А. А. Шахматова, А. Е. Преснякова; СПб., 1901. Т. XII: Летописный сборник, именуемый Патриаршию или Никоновскую

в 1901 г. Пресняков выступил в Археографической комиссии с обоснованным предложением переиздать Новгородскую IV летопись, в 1913 г. он предложил переиздать Тверскую летопись с учетом в обеих публикациях источниковедческих и текстологических наблюдений Шахматова⁶⁶.

Большое значение для творчества Преснякова сыграли труды Шахматова. Он сразу оценил новаторство его творчества и последовательно соблюдал шахматовские принципы в изучении летописных сводов. Показательно, что именно Преснякову было доверено написание глав по истории летописания в «Истории русской литературы до XIX в.», среди авторов которой был сам Шахматов. Эти главы Пресняков написал прежде всего в соответствии с шахматовскими основными выводами и собственными наблюдениями⁶⁷. Он поддержал также шахматовский опыт реконструкции текста древнейших летописных сводов, впрочем не без критических замечаний. В трудах Шахматова он обоснованно видел начало нового этапа изучения русского летописания в отечественной науке⁶⁸.

Планам Преснякова написать диссертацию по истории русского летописания не суждено было сбыться. Но его источниковедческие работы и археографическая деятельность сыграли значительную положительную роль в истории отечественного летописеведения. Имела она также большое значение и для совершенствования источниковой базы его исторических исследований. Эти труды основывались на вдумчивом изучении историографии русского летописания в XVIII—начале XX в. от Татищева до Шахматова⁶⁹.

Пресняков постоянно советовался с Шахматовым по самым разным вопросам истории летописания, археографии⁷⁰, а также относительно университетского курса лекций, работу над которым Шахматов всячески поощрял, и даже семинарских занятий.

летописью / Ред. С. Ф. Платонов, при участии С. А. Адрианова; Т. XIII, п/т 1 / Подгот. к изд. и ред. С. Ф. Платонов; 1906. Т. XIII, п/т 2 / Подгот. к изд. и ред. С. Ф. Платонов, при участии С. А. Адрианова; 1910. Т. XX, п/т 1: Львовская летопись. Ч. 1 / Ред. С. А. Адрианов; 1914. Т. XX, п/т 2: Львовская летопись. Ч. 2 / Ред. С. А. Адрианов.

⁶⁶ ЛЗАК. 1902. Вып. 14. С. 16—21; 1913. Вып. 25. С. 25—26.

⁶⁷ Пресняков А. Е. Древнерусское летописание // История русской литературы до XIX в. М., 1916. Т. 1. С. 148—169; Он же. Летописное дело в XIV—XVI вв. // Там же. С. 248—270.

⁶⁸ Пресняков А. [Рец.] Повесть временных лет. Том 1: Вводная часть. Текст. Примечания ... Пг., 1916 // РИЖ. Пг., 1917. Кн. 1/2. С. 227—230; Он же. А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Пг., 1922. Т. 25. С. 163—171; Он же. А. А. Шахматов // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 611—614.

⁶⁹ Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания / Подгот. С. В. Чирков.

⁷⁰ А. Е. Пресняков — А. А. Шахматову, 12 ноября 1908 г., 15 октября 1916 г. // ЛОААН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1234. Л. 22, 28. См. также письма А. А. Шахматова А. Е. Преснякову // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 21.

Пресняков делился с ним впечатлениями о работе студентов своего семинария, радуясь их успехам и оригинальности в понимании ими давно известных источников. Когда же 18-летний студент Б. А. Романов написал на первом же году работы его семинария талантливую статью «Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде)», он направил одаренного юношу со следующим рекомендательным письмом: «В воскресенье к Вам, вероятно, явится студент Романов и представит Вам статью: о смердьем коне и смерде. Он читал ее со мною и отчасти переработал ее по моим указаниям. Я и направил его, чтобы он ее Вам снес. Интересно, как Вы ее найдете»⁷¹. Шахматов высоко оценил эту статью, и она была опубликована уже в 3-й книге за 1908 г. такого авторитетного издания, редактируемого Шахматовым, как «Известия Отделения русского языка и словесности». Романов стал позднее крупным ученым, создавшим уже в советские годы свою школу в изучении истории России.

Шахматов в полной мере разделял исследовательские и преподавательские заботы Преснякова. Между ними сложились близкие отношения. Шахматов обращался к Преснякову в самой разной связи и искренне признавался: «Мне очень недостает, что не приходится совсем с Вами видеться. Конечно, при более близких расстояниях я пытался бы заходить к Вам»⁷². В свою очередь, Пресняков высоко ценил талант Шахматова, в полной мере понимал его особое место и значение в истории русской науки, хотя не во всем был с ним согласен и в вопросах общественно-политических, и в историко-филологических, и в археографических.

Любовь к историко-философским обобщениям нашла у Преснякова отражение в рецензии на третью часть популярных в те годы среди интеллигенции «Очерков по истории русской культуры» Милюкова⁷³. В рецензируемой книге автор стремился раскрыть содержание формирования русской нации и национального самосознания. Но именно в этих вопросах прежняя историософия была недостаточно готова к всестороннему решению основных теоретических проблем образования нации, соотношения индивидуального и коллективного сознания, его классового характера, влияния на общественное сознание социальной борьбы и т. д. В качестве недостатка книги Пресняков отмечал игнорирование ее автором генетических связей Руси Москов-

⁷¹ А. Е. Пресняков — А. А. Шахматову, 14 марта 1908 г. // ЛОААН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1234. Л. 57—57 об.

⁷² А. А. Шахматов — А. Е. Преснякову, 28 января 1908 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 21. Л. 7.

⁷³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1901. Ч. 3: Национализм и общественное мнение, вып. 1.

ской и Руси Киевской⁷⁴. Но конструктивной концепции Пресняков книге Милюкова противопоставить не мог. Более того, эта работа Милюкова, написанная с умеренно-либеральных позиций, оказала на него определенное влияние, от которого он освободился лишь к середине 10-х, как следует из второй редакции его «Лекций по русской истории».

В последующем творчестве Пресняков больше не обращался к философским проблемам исторической науки, хотя стремление к историко-философскому осмыслению изучаемых исторических явлений у него сохранилось. Но в отличие от абстрактной идеалистической концепции неокантианства, в которой искал средство исторических обобщений Лаппо-Данилевский, Пресняков остался в пределах позитивистской историософской концепции. Отсюда его отдаление в вопросах теории исторического знания от одного из учителей своей юности, Лаппо-Данилевского, и сближение с другим крупным историком — Павловым-Сильванским.

Н. П. Павлов-Сильванский был ровесником Преснякова, близок ему по социальному происхождению (сын флотского врача). Годом раньше он закончил тот же историко-филологический факультет Петербургского университета, но в отличие от Преснякова он стал не преподавателем, а поступил на службу в архив Министерства иностранных дел и стал позднее помощником директора Государственного архива. Случайный провал на магистерском экзамене (по иронии судьбы при ответе на вопрос о феодализме профессору Карееву, который впоследствии активно поддерживал концепцию Павлова-Сильванского о феодализме в России) надолго отсрочил его преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях. Научные интересы Павлова-Сильванского были столь же широки, как и Преснякова, — от Древней Руси до XIX в., но при изучении общественно-политического строя России XIII—середины XVI в. он разработал собственную теорию о феодализме в России этого периода.

Именно эти новые возможности исторического анализа, сравнительно-исторического метода вместо предшествующей описательности, установление определенных исторических закономерностей на конкретных материалах источников привлекли Преснякова. Многие, главное методика исторического исследования Павлова-Сильванского, использовал Пресняков, по-новому осмысляя историческое развитие России уже на новом теоретическом уровне современной ему научной историографии, хотя он не применял понятие «феодализм» по отношению к русской истории. Пресняков и Павлов-Сильванский стали во многом единомышленниками в изучении истории России. Поэтому он особенно тяжело перенес внезапную смерть Павлова-Сильванского

⁷⁴ Пресняков А. Е. Первый опыт истории русского самосознания // ИОРЯС. СПб., 1901. Т. VI, кн. 3.

от холеры 17 сентября 1908 г.⁷⁵ Исполняя нравственный долг и в полной мере понимая большое значение почти завершенной монографии Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси», Пресняков срочно подготовил ее к печати и издал⁷⁶, несмотря на очень большую занятость. Эта книга, содержащая многочисленные материалы и новые для своего времени наблюдения, оказала большое воздействие на дореволюционных, а позднее советских историков 10—20-х годов.

Наряду с интенсивной разносторонней научной деятельностью, тесными связями с ведущими прогрессивными учеными Петербурга особым фактором, который способствовал новому содержанию курса лекций Преснякова и его монографии «Княжое право в древней Руси», стала русская революция 1905—1907 гг. Революционные события прямо и опосредованно приводили к переоценке прежних позиций либеральной историографии. В передовом ее направлении остро критиковался самодержавный строй как порождение вотчинной власти государя, а затем полицейского государства, но противопоставлялись ему конституционная монархия и буржуазное государство. Снова стало актуальным понимание истории как «учительницы жизни», усилились прагматический и дидактический аспекты исторических исследований. Как писал в те годы Павлов-Сильванский, «время, в которое мы живем, придает для нас новое освещение прошлому»⁷⁷, т. е. изучение прошлого открыто ставилось в связь с проблемами современности, но эта связь была насыщена определяющим партийным содержанием.

Первая русская революция не только повлияла на тематику исследований Преснякова, посвященных революционному движению, но и оказала прямое воздействие на его работы о далеком прошлом России. Уже в 1905 г. под редакцией Преснякова вышел сборник «Люди смутного времени», в котором приняли участие его старшие коллеги и друзья С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский, М. А. Полиевктов и другие. Не нужно было обладать большой проницательностью читателю в 1905 г., чтобы в условиях поражения царской армии и флота в русско-японской войне, кризиса царизма, буржуазно-демократической революции, крестьянских восстаний увидеть прямые аналогии со Смутным временем, а в событиях и судьбах его политических деятелей установить аналогии с новейшими событиями. Не случайно в другой связи Павлов-Сильванский писал: «В наше смутное время понятен был бы плач о разложении и разорении Московского

⁷⁵ А. Е. Пресняков — жене, 19 сентября 1908 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 9. Л. 208—208 об.

⁷⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

⁷⁷ Валк С. Н. Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. С. 620.

государства»⁷⁸. Но основной вывод Преснякова заключался в следующем: в период, когда социальная борьба довела Московское государство до полного разрушения и соседи стали вмешиваться в его судьбы, залогом возрождения страны в Смутное время стала деятельность «средних классов», «служилых и торговых людей» «в защиту государственной самостоятельности и внутреннего порядка», земский собор, который признавался «носителем верховной власти», тогда как дела решались царским указом по приговору всей земли⁷⁹. Данный порядок был заменен Филаретом, т. е. династией Романовых, приказным управлением и закрепощением всех сословий (в соответствии с концепцией «государственной школы»). В этом выводе легко узнаются либерально-буржуазная программа кадетской партии и ее критика в адрес царствующей династии.

Если такие идеи по политическому настрою и тематике были связаны с первой русской революцией непосредственно, то на исследованиях по истории Древней Руси она сказалась опосредованно. Основным содержанием пресняковских лекций, «Княжого права» стала новая историческая концепция «княжого права», противопоставленная предшествующим в историографии теориям и прежде всего концепциям Сергеевича и Ключевского, известных специалистов по истории России двух ведущих университетов, работы которых оказали большое влияние на либерально-буржуазную историографию 90-х—начала 900-х годов. Особое значение концепции Преснякова в условиях революции 1905—1907 гг. раскрывалось не в ее конструктивном изучении отдельных исторических фактов, а в ее заостренном стремлении к анализу общества в целом. Павлов-Сильванский искал «социологическое» решение изучаемых проблем⁸⁰ в теории «феодализма» в России XIII—XVI вв., Пресняков — «в княжом праве» X—XII вв. и в последующем развитии «вотчинного» строя. Но в условиях 1905—1907 гг. концепция Преснякова приобретала не только научное, а также общественное значение, и поэтому она нашла широкий отклик в студенчестве, еще охваченном революционными идеями. Изучение общественно-политического строя Древней Руси стало актуальной проблемой. К ней Пресняков обратился в специальной монографии «Княжое право в древней Руси», одновременно читая лекции по данной теме.

Лекции Пресняков начал 17 сентября 1907 г. Перед ним был новый слушатель, поскольку революция открыла двери в университет широким массам разночинной молодежи. Именно это передовое

⁷⁸ Муравьев В. А. Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») // История и историки, 1972 г. М., 1973. С. 340.

⁷⁹ Люди смутного времени / Под ред. А. Е. Преснякова. СПб., 1905. С. 2.

⁸⁰ Муравьев В. А. Указ. соч. С. 340—341.

по настроениям студенчество потребовало чтения курса лекций, параллельного платоновскому, что также налагало на Преснякова особые обязательства находиться на переднем крае исторической науки. Да и само чтение лекций происходило в кипящей обстановке студенческих сходов и забастовок. Студенчество не удовлетворяли старые, уже канонические концепции либеральной историографии. Все эти обстоятельства наряду с высокими научными требованиями самого Преснякова оказывали определяющее воздействие на процесс исследования.

Семинарий Преснякова пользовался большим успехом. На следующий год к нему записалось 36 человек (в предшествующем — 29), и Пресняков должен был отказывать желающим. Среди студентов семинария 1908/09 учебного года находились С. Н. Валк, Б. Я. Закс, П. Г. Любомиров, Б. А. Романов, С. Н. Чернов. Позднее учеником Преснякова стал Н. Ф. Лавров. Эта плеяда молодых талантливых людей в первые же годы Советской власти включилась в строительство новейшей исторической науки, и в ее научную подготовку существенный вклад внес Пресняков. Но и тогда, в 1908/09 учебном году, эта талантливая молодежь, чутко отзывавшаяся на революционные идеи (в частности, Валк принял участие в студенческом революционном движении), являлась плодотворным импульсом для новаторских поисков своего учителя. Студенты становились не только учениками. Вырабатывая индивидуальную манеру творчества, они сохраняли основные черты научного стиля учителя, т. е. начала формироваться школа Преснякова. Они становились помощниками, младшими по возрасту товарищами и друзьями Преснякова. Особенно близок к нему стал Романов, который очень хотел помочь учителю в работе над «Княжим правом» и составил к книге великолепные указатели; автор сердечно поблагодарил его в предисловии к книге за «незаменимую дружескую услугу»⁸¹. Пресняков привлекал своих учеников в редактируемые им издания (составление указателей к томам «Полного собрания русских летописей» — Романов, Лавров; написание статей для энциклопедического словаря издательства «Деятель» — Романов, Любомиров), что было хорошей школой для молодых ученых. А признательные ученики, особенно Романов, доверительно делились с учителем своими личными и даже сердечными заботами⁸².

Начало преподавания в университете в качестве приват-доцента в 1907 г., избрание профессором на Высших женских

⁸¹ А. Е. Пресняков — жене, 14 сентября 1908 г. // Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 9. Л. 202; Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. VIII. Отношения Преснякова и Романова, учителя и ученика, обстоятельно рассмотрены Валком (Валк С. Н. Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 9—12, 22—23, 38).

⁸² Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 10. Л. 142—142 об., 158 об., 135 об.—136.

курсах в 1908 г., издание книги и защита магистерской диссертации в 1909 г. стали итогом значительного периода активной творческой деятельности Преснякова. Он стал известным в стране специалистом по истории России.

В 1907—1917 гг. интенсивность научной и преподавательской деятельности Преснякова возрастает еще больше. Уже в 1915/16 академическом году он создал новую редакцию курса, как справедливо отметил Н. Л. Рубинштейн, «без какой-либо оглядки на формулы и подходы 1907/1908 г.»⁸³

В 1914 г. он становится профессором Петербургского университета. Одновременно читает курс истории русского права на Высших женских (Бестужевских) курсах и курс лекций по русской истории в Женском педагогическом институте. В 1908 г. он прекращает вести уроки в гимназиях, но начинает читать лекции на демократических по составу слушателей курсах П. Ф. Лесгафта, М. В. Побединского, общества «Маяк».

Книга Преснякова сразу же вошла в научный оборот, а отрывки из нее были включены в научно-популярную хрестоматию по истории Киевской Руси уже в 1910 г. наряду с выдержками из работ С. М. Соловьева, К. С. Аксакова, Н. И. Костомарова, К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, Н. А. Рожкова, Ф. И. Леонтовича, М. С. Грушевского и других авторитетов того времени⁸⁴. Когда в Москве в 1915 г. собирались издавать «Историю русской культуры» под редакцией М. К. Любавского, то раздел о Киевской Руси предполагалось поручить Преснякову, что также свидетельствует о его большом авторитете в данной области исследований.

Углублял Пресняков свои исследования по истории России XIV—XVI вв. Под явным влиянием Павлова-Сильванского он начал сравнительно-историческое исследование уделов московского великокняжеского дома и апанажей французского королевского дома. Для более интенсивной работы с зарубежными источниками и литературой он поехал летом 1911 г. заниматься в Париж, в Национальную библиотеку. Тогда же работали там по своим темам Е. В. Тарле и И. М. Гревс, с которыми у него установились теплые отношения.

Пресняков способствовал в значительной мере совершенствованию исследовательской методики в изучении истории России этого периода. Если предшествующие исследователи часто использовали летописи — основной источник по политической истории — иллюстративно, привлекая известия одних летописей и не замечая (или не зная) других или без различия используя все выявленные летописи, отдавая предпочтение тем, которые более подходят

⁸³ Рубинштейн Н. Л. От редакции // Пресняков А. Е. Лекции. Т. 1. С. V.

⁸⁴ Киевская Русь / Под ред. В. Н. Сторожева. М., 1910. (Библиотека для самообразования; Т. XIII).

к исходной авторской концепции, то для Преснякова такой подход был неприемлем. В полноте привлечения источников, в их источниковедческом анализе им был установлен единственно возможный объективный критерий объективности, и то, что Пресняков способствовал утверждению такого метода исторического исследования истории России XIV—XVI вв. через источниковедение, т. е. были объединены в одной работе исторический и источниковедческий аспекты исследования, составило его большую научную заслугу⁸⁵.

Большой накопленный опыт исторических исследований, обобщенный в лекционных курсах, прекрасная источниковедческая подготовка, применение новых исследовательских методов формировали у Преснякова тот творческий настрой, который способствует созданию крупных новаторских произведений⁸⁶. С обычной для него интенсивностью творчества, несмотря на преподавательскую и исследовательскую перегруженность, несмотря на постоянную общественно-политическую активность, еще более возросшую в условиях первой мировой войны и двух революций, Февральской и Октябрьской, Пресняков публикует монографию «Образование Великорусского государства» в 1918 г. и защищает ее в качестве докторской диссертации.

Но познания Преснякова в русской истории IX—XIX вв. были поистине энциклопедичны. В 1910—1917 гг. Пресняков публикует работы, преимущественно посвященные истории России XVII—XIX вв. При этом века минувшие по-прежнему у него перекликались с острыми проблемами начала XX в. и в анализе прошлого проявлялась политическая позиция исследователя. Для работ Преснякова в это время характерно стремление проследить сословную определенность изучаемых общественных явлений. Даже в официозном юбилейном издании, посвященном 200-летию Сената, он указал на дворянскую сословную принадлежность Сената и его «стремление опереться на силу господствующего сословия ввиду слабости правительственных средств»⁸⁷. В статьях же, посвященных дворянскому и крестьянскому вопросам в наказах и Уложенной комиссии 1767 г. такая тенденция приобрела ярко выраженное направление, обличающее ограниченную сословную позицию дворянства и законодательство Екатерины II, укреплявшее в его интересах крепостничество, хотя Пресняков исходил при оценке предыстории внутренней политики Екатерины II из давней теории «государственной школы» о закреплении всех сословий⁸⁸. Но антидворянская критика

⁸⁵ Пресняков А. Е. Иван III на Угре // Сборник статей, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1911.

⁸⁶ Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 10. Л. 194 об.

⁸⁷ Пресняков А. Е. Правительствующий Сенат в царствование Елизаветы Петровны // История правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911. СПб., 1911. Т. 2. С. 313.

⁸⁸ Пресняков А. Е. Дворянский и крестьянский вопрос в наказах // Великая

прошлого была направлена в настоящее. Она имела в виду и помещичье землевладение начала XX в., и продолжающееся разорение крестьянства для сохранения землевладения помещиков, и саму «великую реформу», проведенную для его спасения. На это недвусмысленно указывало предисловие к книге, в которой вместе с очерками Преснякова были опубликованы исследования либеральных ученых М. К. Любавского, Ю. В. Готье, М. М. Богословского, В. Н. Сторожева, В. И. Пичеты, А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Семева и других.

Устаревшая концепция «государственной школы» о закреплении всех сословий существенно ограничила исследовательские возможности Преснякова в изучении «политических настроений» в России XVIII в. Он ярко показал развитие в дворянской среде консервативного и прогрессивного направлений, связывая их с экономической и политической жизнью страны, но не смог в полной мере раскрыть их классового содержания, отражавшего противоположные крепостнические и буржуазные тенденции в развитии страны. Открыто выраженное сочувствие к прогрессивной деятельности новиковского кружка стало формой выражения активной общественно-политической позиции автора. В ней выражались более либерально-реформистские настроения, чем революционно-демократические⁸⁹. Однако он напоминал «суровую, грозную» мысль А. Н. Радищева о возможности крестьянского восстания: «...крестьянин в законе мертв, но он жив будет, если того захочет»⁹⁰. Анализируя историю «свободной общественной мысли» в XVIII в., но думая о веке двадцатом, он приходил к оптимистичному, либеральному по форме выражения выводу: «Ее первые представители были сломлены, но будущее, хоть и далекое, принадлежало ей»⁹¹. Писал Пресняков и о крахе «рабского консерватизма всей Николаевской эпохи»⁹².

В годы первой мировой войны, в период кризиса экономического и социально-политического строя самодержавной России Пресняков вновь вернулся к истории Смутного времени. Но вместо классов и сословий или классов-сословий его «героями» стали единый «народ» и «земское дело»⁹³.

реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1911. С. 193—203; *Он же*. Дворянский и крестьянский вопрос в Екатерининской комиссии // Там же. С. 206—217.

⁸⁹ Пресняков А. Политические настроения русского общества в XVIII столетии // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. 2. С. 687.

⁹⁰ Там же. С. 688.

⁹¹ Там же. С. 689.

⁹² Пресняков А. Россия в царствование императора Николая I // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. СПб., 1914. № 5. С. 99—104; № 6. С. 87—91.

⁹³ Пресняков А. Кузьма Минин // Биржевые ведомости. 1916. 7 мая. Саласкин А. Земское дело // Русь. 1913. 26 февр. А. Саласкин — псевдоним А. Е. Преснякова.

Было бы неверно думать, что Преснякову в предреволюционный период стала чужда история революционного движения. В рецензии на исследования П. Е. Щеголева о декабристах⁹⁴ он писал в условиях подцензурной печати, в период натиска царизма о продолжении дела декабристов даже в условиях николаевской реакции (хотя связи дворянского и разночинного периодов в истории русского революционного движения для него оставались, видимо, неясны). Завершалась статья оптимистически: «Порыв двадцатых годов не разбил внешних пут, сковавших русскую жизнь, но вскрыл глубокие источники русского творчества, углубив и расширив его мощное движение»⁹⁵. Здесь демократ брал верх над либералом. Эта неустойчивость общественно-политической позиции и определяемых ею научных взглядов объяснялась общественным положением Преснякова, но он всегда был далек от консервативных и реакционных сил.

Октябрьская революция бескомпромиссно поставила перед интеллигенцией вопрос — с кем она? Найти ответ на этот вопрос для многих ее представителей было очень непросто, и отвечали они на него по-разному, в том числе и самые близкие Преснякову люди, его учителя и старшие товарищи.

Некоторые не выдерживали испытания революционной бурей. О столь высоко чтимом, но происходившем из чуждой среды столбового дворянства Лаппо-Данилевском Пресняков писал, тонко устанавливая причины и следствия: «... крайне тягостно переживал он распад той культуры, которая его вскормила, и подрыв многого в той традиции, которая при всей ее исторической условности была носителем дорогих ему „абсолютных ценностей“». И когда заболевание, казавшееся случайным и не грозным, унесло его из жизни (7 февраля (ст. ст.) 1919 г.), у близко его знавших осталось смутное чувство связи этой безвременной кончины с историческим моментом. Носитель глубоких культурных традиций не вынес их трагической ломки»⁹⁶. Шахматов был среди тех ученых, которые приняли решение о сотрудничестве с Советской властью. Он продолжал активную деятельность в Академии наук и Библиотеке Академии наук.

В период, когда для значительной части русской интеллигенции понятие «революция» стало синонимом разрушения, хаоса, лишений, в записной книжке Преснякова уже в 1919 г. появляются заметки «История революционного движения в России». В них выделены три периода революционного движения: дворянский, буржуазный и народный. Последний этап назван им: «Октябрьская революция и партия коммунистов», но начинается история

⁹⁴ Щеголев П. Е. Исторические этюды. СПб., 1913.

⁹⁵ Сандро. Декабристы: (По поводу этюдов П. Е. Щеголева) // Рус. молва. 1913. 12 апр. Сандро — псевдоним А. Е. Преснякова.

⁹⁶ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922 С. 44—45.

народных движений с Московского государства, с Ивана Болотникова и Степана Разина^{96а}. Эти конспективные записи Преснякова перерастают свое непосредственное назначение последовательного перечня основных периодов и фактов истории революционного движения в России. Они свидетельствуют о высокой степени понимания передовой частью российской интеллигенции уже в 1919 г. истоков, традиций, содержания и целей революционного движения. В этих записях проявились широта общественных интересов Преснякова, его большая начитанность с юных лет в прогрессивной общественно-политической литературе, его обостренное чувство социального происхождения и сословного положения, его постоянная близость к студенческой молодежи, которая активно участвовала в революционном движении, наконец, постоянный интерес Преснякова к истории революционного движения, особенно ярко проявившийся уже в годы первой русской революции. Эта конспективная запись 1919 г. имеет также существенное значение для понимания деятельности и научного творчества Преснякова в последующий период — широту охвата проблематики, включая историю революционного движения и самодержавия.

В период, когда многие ученые чуждались происходивших преобразований в революционной России, Пресняков одним из первых представителей старой профессуры в беспартийном сборнике «Дела и дни» ставит вопрос о сущности происходящих в 1918—1920 гг. событий и необходимости их научного изучения. В данной связи Пресняков писал в еще недостаточно определившихся для старой интеллигенции понятиях: «Едва ли человечество когда-либо переживало столь глубокий и всесторонний кризис, как тот, что выпал на наше время. Бурно завершает он вековое перерождение общественных отношений и давно начавшийся распад основных форм старой культуры. . . На развалинах изжитой старины вырастает новая жизнь, и взбудораженное сознание современников жадно, хоть и растерянно, ищет разума „переживаемого момента“». Этой растерянности и представлениям о стихийности он противопоставляет «углубление» революции, «планомерное подчинение стихийной игры революционных сил сознательному партийному руководству», которое, «покоряя эти силы и дисциплинируя массы, достигло крупных результатов в форме так называемой „диктатуры пролетариата“ и всемерно стремится расширить и укрепить свою базу пробуждением и культивированием сознательности в этой народной массе». Открытым сочувствием проникнуты слова Преснякова о революционных преобразованиях и возникающих новых культурных потребностях народа: «Преодоление стихийности — основная задача революционной

^{96а} Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 124. Л. 27—29.

эпохи. И с первых дней революционного взрыва навстречу этой потребности идет упорное и жадное искание просвещения, обучения, осмысления возникших вопросов — словом, жажда „сознательности“ в массе населения, впервые пробужденной к самодеятельности и самоопределению»⁹⁷. Эти слова разъясняют, почему Пресняков решительно встал на сторону Советской власти, поддерживая ее преобразования. Г. Д. Алексеева верно отметила в связи с содержанием статьи «Обзоры пережитого», что в 1920 г. она стала «фактом не только большого научного, но и политического значения»⁹⁸.

В годы Советской власти раскрылся в полной мере исследовательский, научно-организационный и преподавательский талант Преснякова. В реорганизованном Петроградском университете он читал общие и специальные курсы по истории России до XVIII в., вел практические занятия. В период реформ и организационных поисков он принял самое активное участие в строительстве новых учебных, научных и архивных учреждений. В конце 10-х—начале 20-х годов он являлся деканом Архивно-археологического отделения Археологического института, где читал лекции по историографии и источниковедению. С учреждением в 1921 г. Исторического исследовательского института при Петроградском университете он стал его директором. После организации Главного управления архивным делом Пресняков принял самое деятельное участие в его работе, в строительстве архивного дела. Эти виды деятельности имели самое различное назначение, но в равной мере важное для организации научных учреждений и научно-исследовательской работы в молодом Советском государстве.

При организации учебного процесса Пресняков стремился, чтобы студенты стали преемниками лучших традиций дореволюционной науки, приглашая для участия в работе Архивно-археологического отделения ведущих ученых Петрограда, в частности Шахматова⁹⁹. Но в годы революции и гражданской войны особое значение приобретали обратные связи — воздействие на профессорско-преподавательский состав студенчества, чуткого к революционным преобразованиям в стране и в научном творчестве, требовательного к высокому качеству научного исследования и преподавания. Поэтому принципиально звучало в 1920 г. его утверждение в речи во время защиты докторской диссертации о пересмотре им ряда предшествующих концепций по основным вопросам социально-политической истории России XIII—XV вв.: «Эта попытка сложилась не столько в условиях кабинетной

⁹⁷ Пресняков А. Обзоры пережитого // Дела и дни. Кн. 1. С. 346—347.

⁹⁸ Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968. С. 227.

⁹⁹ А. Е. Пресняков — А. А. Шахматову, 13 апреля 1920 г. // ЛОААН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1234. Л. 31 об.

работы, сколько в аудитории, в живом общении с младшим поколением историков, питомцев той же школы¹⁰⁰. Работа отличалась в форме специальных курсов и семинарских занятий, и в моем сознании обе мои книги¹⁰¹ прежде всего публичный отчет о характере и направлении моего университетского преподавания»¹⁰². Но лекции оставались для Преснякова средством распространения научных знаний среди широких масс трудящихся. Эта форма научно-популярной деятельности стала широко распространенной в годы Советской власти, так что Пресняков принял деятельное участие в чтении лекций наряду с С. В. Рождественским, И. М. Гревсом, В. В. Струве, О. А. Добиаш-Рождественской на общедоступных научных курсах при Петроградском университете уже в мае—июле 1918 г.¹⁰³

Руководство Историческим исследовательским институтом имело большое значение в организации научного коллектива ведущих ученых Петрограда. В научно-исследовательских исторических институтах при Московском и Петроградском университетах менялись формы и содержание подготовки кадров молодых специалистов¹⁰⁴. В организации петроградского института, собравшего замечательных представителей лучших научных традиций прошлого и воспитывавшего молодое поколение советских историков, большую роль сыграла организаторская деятельность Преснякова. Разумеется, первое время методологической основой этих исследований оставался позитивизм. Прежде всего обновлялась проблематика работ и углублялось исследование ранее поставленных проблем. Здесь исследования и доклады Б. А. Романова, посвященные изучению дальневосточной политики царизма, которая привела к поражению царской России в войне с Японией, очерк А. И. Тюменева «Падение крепостничества в деревне (в результате революции 1905 г.)» наряду с капитальными трудами по истории античности, многочисленные исследования по истории Греции и Рима, переводы и «Введение в археологию» С. А. Жебелева, работы Б. Д. Грекова по истории хозяйства крупной церковной вотчины — Новгородского дома святой Софии, статьи С. Н. Валка по дипломатике, истории революционного движения, цикл исследований С. В. Рождественского по истории просвещения в России XVIII—XIX вв., труды М. Д. Приселкова по истории русского летописания, включая уникальный в истории текстологии опыт реконструкции текста Троицкой летописи, сгоревшей во время пожара Москвы в 1812 г., и многие другие

¹⁰⁰ Пресняков имеет в виду продолжение традиций школы Васильевского.

¹⁰¹ Имеются в виду «Княжое право в древней Руси» (1909) и «Образование Великорусского государства» (1918).

¹⁰² Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 7.

¹⁰³ Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 254.

¹⁰⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. С. 233.

работы, которые имели большое значение для последующего развития советской исторической науки. Кроме названных ранее и многие другие сотрудники Исторического исследовательского института старшего и младшего поколений стали крупными советскими учеными — это В. В. Струве, Е. В. Тарле, Н. В. Пигулевская, А. Д. Люблинская, В. С. Люблинский, М. А. Тиханова, Е. Ч. Скржинская и т. д.

Большое значение в деятельности Преснякова имели не только организация и руководство институтом, но и непосредственное участие в обсуждении докладов научной молодежи, что имело большое значение для ее дальнейшего роста. Эти обсуждения становились формой передачи молодежи большого исследовательского опыта, накопленного Пресняковым.

При обсуждении докладов С. Н. Валка, А. Н. Насонова, П. А. Садикова, А. А. Шилова Пресняков проводил те принципы, которые должны были способствовать повышению уровня исторических исследований: 1) комплексное использование источников, 2) соответствие выводов работы объему явной и скрытой информации, содержащейся в источниках во избежание субъективизма построений, 3) отчетливое определение природы и функций изучаемых исторических явлений, 4) проблема соотношения жанровых особенностей и содержания явлений духовной культуры средневековой России, 5) необходимость в историографическом исследовании точного отражения взглядов исследуемого автора, выявления их характера в системе представлений определенной научной школы, установление творческой эволюции ученого. Последовательное соблюдение этих принципов сохраняет значение и в наши дни для поддержания высокого уровня исследовательской культуры.

В процессе организационных поисков в 20-е годы происходила трансформация научных исторических учреждений¹⁰⁵. Работа Исторического исследовательского института при Петроградском университете была прекращена. Но в 1927 г. было организовано Ленинградское отделение Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Директором его стал Пресняков, который энергично взялся за организацию его работы. Научно-организационная деятельность Преснякова находилась на передовом направлении строительства советской исторической науки. Он содействовал созданию выдающихся по составу научных коллективов и разработке ими актуальных проблем, что наиболее полно было реализовано в 30-е годы.

Столь же активной была научно-организационная деятельность Преснякова в первые годы Советской власти в строитель-

¹⁰⁵ Там же. С. 233—237.

стве советских архивов, в создании новой структуры архивного дела и новых форм публикаций архивных материалов¹⁰⁶.

Преподавание в высших учебных заведениях, организация научных исследований, строительство советских архивов неразрывно связывались в творчестве Преснякова с расширением собственной исследовательской тематики и углублением исследовательских методов. Большое значение имело для него определение своей авторской позиции, соотнесение с предшествующей и современной немарксистской историографией в условиях широкой публикации марксистских исследований. Этим целям послужил цикл его историографических статей и рецензий послереволюционного периода (в большинстве случаев исследователи, о которых он писал, лично им высоко ценились, и тем большее значение имела принципиальность таких выступлений).

На примере творчества Бестужева-Рюмина Пресняков показывал бесплодность ограничения исторического исследования только «фактами», и реже не столько «фактами», сколько свидетельствами источников о «фактах» и существующей литературой вопроса. Это приводило к «инвентаризации итогов выполненной работы» и «хронике былой научной жизни», тогда как теоретические обобщения и развитие «главных течений русской исторической мысли» отсутствовали. Обращал Пресняков внимание и на неудовлетворительность источниковедческих исследований Бестужева-Рюмина: ограничение прежде всего летописями, к тому же только опубликованными текстами. Для Преснякова был неприемлем подход Бестужева-Рюмина к летописи только как к историческому источнику без исследования ее «как особого вида произведений древнерусской письменности», ограничение источниковедческого анализа летописей «критическим изучением» их «первоисточников» — «исторических записей об отдельных событиях, которые в первоначальном виде до нас не дошли, а сохранились в составе летописных сводов, какие имеются в наших руках»¹⁰⁷.

Пресняков подверг критическому пересмотру наиболее распространенные и авторитетные в предшествующей историографии концепции, начиная с теории Соловьева. Он отмечал ее большое значение как теоретического осмысления исторического развития России IX—XVIII вв., что сыграло положительную роль в раз-

¹⁰⁶ Пресняков А. Е. Реформа архивного дела // РИЖ. Пг., 1918. Кн. 5; Николаев А. С. Главное управление архивным делом // Ист. архив. Пг., 1919. Кн. 1; см. также: Макасов В. В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959; Он же. История и организация архивного дела в СССР (1917—1967). М., 1969; Шмидт С. О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970; Чирков С. В. Археографическая деятельность А. Е. Преснякова // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975. С. 88—89.

¹⁰⁷ Пресняков А. К. Н. Бестужев-Рюмин: (К 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. Пг., 1922. Кн. 3. С. 170—172.

витии русской науки, и показал ее большое влияние на последующую историографию. Вместе с тем он подчеркивал, что основное содержание этой концепции — постепенный переход от родового быта в быт государственный — применительно к истории России IX—XVI вв. является априорной «готовой схемой». В подтверждение этой схемы Соловьев переработал и отобрал для ее иллюстрации огромный исторический материал, и этот подбор источников также стал оказывать определенное воздействие на последующих исследователей. Однако этот отрыв истории «государства» от истории «народа» имел значительные отрицательные последствия.

Государственная, или юридическая, школа абсолютизировала в истории развитие государства (Кавелин, Чичерин). Такой вне-историчный подход к «государству» предполагал «безразличное» использование источников XII—XVI вв., прежде всего летописей и грамот, при изучении государственно-правовых институтов, что наиболее полное воплощение нашло в «Древностях русского права» Сергеевича. С другой стороны, абсолютизация «изучения русской народности» в отрыве от истории «государства» вела к поиску ее «начал» кроме рода в общине у славянофилов, позднее в задруге (Леонтович). Отрицательное воздействие концепции Соловьева, по Преснякову, не смог преодолеть и наиболее авторитетный историк Ключевский¹⁰⁸.

К этим наблюдениям Пресняков обращался неоднократно. Они продолжали и развивали мысли, сформулированные им еще до Октябрьской революции в отношении творчества Соловьева, Сергеевича, Забелина, Ключевского, основные выводы которых он оспаривал в «Княжом праве». Теперь это ясно сформулированное отношение к историографическому наследию ему было необходимо для указания тех принципов, на основе которых он исследовал историю образования «Великорусского государства» в XIII—XV вв.¹⁰⁹ Но истоки своего несогласия с этими историческими концепциями Пресняков историографически обоснованно возводил к противоположности «московской» и «петербургской» исторических школ. Концепциям москвичей, основанным на отборе источников и фактов, он противопоставлял еще в 1920 г. школу Васильевского и Платонова. Ее характерную черту он определял «как научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном,

¹⁰⁸ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (речь на публичном заседании Союза архивных деятелей в память С. М. Соловьева 1 июня 1920 г.). Немного позднее Пресняков подчеркивал близость своей характеристики творчества Ключевского, переработавшего соловьевско-чичеринскую схему, и аналогичной оценки М. Н. Покровского (Пресняков А. [Рец.] Вестник Социалистической Академии. № 1, 2, 3. М.; Пг., 1923 // Анналы. Пг., 1923. Кн. 3. С. 280).

¹⁰⁹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 5—26; Он же. Речь перед защитой диссертации. С. 3—6; Он же. В. О. Ключевский (1911—1921) // РИЖ. Пг., 1922. Кн. 8.

непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции»¹¹⁰.

Впрочем, чуткий к новым тенденциям в развитии исторической науки, Пресняков вносил коррективы в такой анализ историографии, и тем более очевидным для него становилось, что творчество Ключевского стало уже пройденным этапом русской исторической науки. По мнению широкого круга историков еще в начале 20-х годов Ключевский создавал предпосылки будущего развития исторической науки¹¹¹. Противоположным образом завершал статью о творчестве Ключевского Пресняков. Он отмечал, что «с русским настоящим Ключевский расставался скорбно, почти безнадежно, по крайней мере для своего поколения», но подчеркивал призыв Ключевского «к коренному пересмотру унаследованных идей и к внимательному изучению действительности»¹¹². Отсюда следовал естественный вывод, прямо не сформулированный, о необходимости создания исторической науки на новых исследовательских принципах.

В этих взглядах на состояние изучения основных проблем исторического развития России сказалась неудовлетворенность Преснякова, человека острого критического мышления, предшествующими историческими концепциями. Возможности прежней исторической науки в данных проблемах для него были исчерпаны.

Тонко проанализировал Пресняков творчество А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова. В работах первого он отмечал противоречие того сословно характеризуемого наследия дворянской культуры, органично усвоенного ученым, и вместе с тем осознанность им этой сословной ограниченности, противоречие возможностей теоретических воззрений, первоначально позитивистских, а затем неокантианских, и объективно происходившими преобразованиями в жизни и науке, в которых Лаппо-Данилевский участвовал как член общества и ученый. В этом противоречии Пресняков видел трагический лейтмотив жизни и творчества Лаппо-Данилевского¹¹³. Другой тип ученого-фактографа без широких исторических обобщений предстает перед читателем в статье Преснякова о Дьяконове¹¹⁴.

Иначе характеризовал Пресняков труды Шахматова. В его книге «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг., 1919) он особо подчеркивал комплексное использование различных по

¹¹⁰ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации. С. 6.

¹¹¹ Голубцов С. А. Теоретические взгляды В. О. Ключевского (1911—12 мая — 1921) // РИЖ. Кн. 8. С. 202.

¹¹² Пресняков А. Е. В. О. Ключевский. С. 224.

¹¹³ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6; Он же. Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Там же; Он же. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский.

¹¹⁴ Пресняков А. Е. Труды М. А. Дьяконова по русской истории // РИЖ. Пг., 1921. Кн. 7.

происхождению источников¹¹⁵. Эти новаторские для отечественной науки начала XX в. методы были близки творчеству самого Преснякова, и он активно поддержал их.

В трудах Шахматова по истории русского летописания Пресняков отмечал качественно новый подход к его изучению. Но он не ограничился выводами Шахматова. Обобщая их, он пошел дальше в их осмыслении, упреждая накопленный исследовательский опыт. Идеи Преснякова о связях летописных сводов со средой, их создавшей, об их значении как явления русской общественной мысли, анализ летописных сводов как крупных историко-литературных произведений¹¹⁶ указывали пути дальнейшего изучения летописания. Раскрыть общественно-политическое, научное и культурное значение древнерусских летописных сводов еще предстояло советским историкам и литературоведам. Но уже в первые годы Советской власти историческая действительность способствовала тому, что Пресняков (и в этом его поддержал Приселков) переступал тесные пределы позитивизма, устанавливая всесторонние связи такого историко-культурного явления, как летописные своды.

Отзывы о творчестве выдающихся русских ученых становились средством выражения отношения Преснякова к основным проблемам методологии, историографии, источниковедения и практики исторических исследований. В них раскрывались взгляды Преснякова на изучаемые вопросы, некоторые из которых исследовались им самим, а также содержались плодотворные идеи, которые были реализованы значительно позднее другими учеными. Эти идеи опережали свое время и свидетельствовали о замечательном таланте их автора.

Показательна в данной связи рецензия Преснякова на «Очерк русской дипломатики частных актов» Лаппо-Данилевского¹¹⁷. Анализ книги Лаппо-Данилевского стал поводом для размышлений Преснякова о значении и месте источниковедения в историческом исследовании, о проблемах изучения дипломатики как специальной исторической дисциплины. Отмечая, что в русской историографии накоплен большой опыт по анализу источников в связи с использованием их данных, Пресняков указывает совершенно недостаточный анализ древнерусских актов как явления общественной жизни и духовной культуры, т. е. иллюстративному использованию источников или их изучению в соответствии с субъективно избранными принципами он противопоставил

¹¹⁵ Пресняков А. Е. Взгляд А. А. Шахматова на древнейшие судьбы русского племени // Там же. С. 120.

¹¹⁶ Пресняков А. А. Шахматов в изучении русских летописей. С. 164.

¹¹⁷ Пресняков А. [Рец.] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920 // Дела и дни. Кн. 1. С. 450—453.

целостный анализ определенных видов источников, продуктов «людской деятельности и особых приемов творчества, отражавших в себе строй отношений и воззрений»¹¹⁸. В рецензии предвосхищалась постановка вопроса о перерастании «вспомогательных исторических дисциплин» в «специальные». Подчеркивая заслуги Лаппо-Данилевского в развитии русской дипломатики, Пресняков указывал на его стремление к формализации деления актов на публичные и частные, возводимое к делению права на публичное и частное. Такому метафизическому членению он противопоставил исторический подход, согласно которому «граница между сферами публичного и частного права была в разное время различной и устанавливалась постепенно в исторически слагавшейся практике», что отражалось на формулярном составе актов. Вместе с тем он предлагал методически совершенствовать дипломатический анализ актов, не смешивая его с общими палеографическими и археографическими предпосылками всякого изучения текста.

Ясно осознанная авторская позиция, большой накопленный опыт в изучении источников, энциклопедические познания в русской истории IX—XIX вв. позволили Преснякову создать в после-революционный период, 1918—1929 гг., обширный цикл исследований, который охватывал тысячелетний период русской истории хронологически, а проблемно пересматривал наследие предшествующей научной литературы и создавал предпосылки для развития нового периода историографии.

Исследования конца 10-х годов хронологически и проблемно продолжали «Княжое право в древней Руси». В научно-популярной книге «Московское царство» (Пг., 1918) Пресняков рассмотрел основные вопросы общественно-политического строя России XIV—XVII вв., или Московского государства, по терминологии того времени. Кратко, но очень емко он охватил этот большой исторический период, высказывая собственное, во многом отличное от предшественников мнение по значительному числу проблем истории «Московского царства». Московский период для Преснякова был продолжением древнерусского не только хронологически, но и по существу социально-политического процесса, и в этом его концепция активно противостояла буржуазно-националистическим теориям П. Н. Милюкова и М. С. Грушевского. В организации «народной жизни» XIV—XV вв. он видел, подобно многочисленным представителям предшествующей историографии, решающее значение свободной крестьянской общины-волости с административно-судебным самоуправлением при «крайне слабосильной» «правительственной деятельности княжеской администрации»¹¹⁹. Развитие государства он видел в эволю-

¹¹⁸ Там же. С. 450.

¹¹⁹ Пресняков А. Е. Московское царство. Пг., 1918.

ции от «удельно-вотчинного» владения, сложившегося в XII в., к «вотчинному государству», завершившему эволюцию в XV в. при Иване III. Его социально-правовым содержанием являлось, по Преснякову, то, что «князь-вотчинник был не только правителем, но и владельцем своего княжества», но в противоположность «государственной школе», полагавшей в этом смешение противопоставленных «частного» и «государственного» права, Пресняков высказал мысль о «первичном синкретизме социально-политических функций властвующей силы»¹²⁰. Структура «вотчинного самодержавия» состояла из государственных систем дворцового и наместничьего управления, а также из крупного вотчинного боярского землевладения, истоки которого восходили к XI в.

Пресняков подчеркивал единую социально-правовую природу светского и церковного вотчинного землевладения, в единстве рассматривая их историю и судьбы. Становление «вотчинного самодержавия» стало, по его мнению, социально-политической основой распоряжения великим князем «по своей воле» личными силами и материальными средствами всего населения, «жизнью и имуществом» всех. Эта полнота власти стала основой социально-политических мероприятий государства в XVI в.¹²¹ Пресняков полагал, что по мере развития царской власти ее интересы расходились с крупной землевладельческой знатью — боярством, опиравшимся на «земские» традиции. Она опиралась на рядовую службу — дворянство, вследствие чего развивалось условное служилое землевладение и происходила в конце XV—XVI в. реорганизация всей социально-политической структуры государства: рост центральной государственной власти, создание новой большой армии, низведение определяющей роли княжат и боярства и рост значения дворян. Активную роль государства Пресняков отмечал и в «организации торгово-промышленного класса» с теми же тенденциями централизации «по отношению к деятельным силам торгово-промышленной среды и торгово-промышленному капиталу» — это организация купечества и тяглого торгово-ремесленного населения посада. «Вотчинный характер государственного властвования», по Преснякову, выразился в представлении, что «вся земля в пределах великого княжения есть земля государя великого князя»¹²². Как следствие вотчинного характера государственного властвования Пресняков объяснял развитие служилого землевладения, государева тягла, а позднее крепостного права.

В этой многоплановой работе, насыщенной новыми идеями, впрочем более намеченными, чем разработанными, община была оторвана от всей структуры общественно-политического строя, отсутствовало исследование социально-экономических отношений

¹²⁰ Там же. С. 45.

¹²¹ Там же. С. 96.

¹²² Там же. С. 110—111.

при изучении общественно-политического строя, причем *феодализм* даже в понимании Павлова-Сильванского остался за пределами работы (в этом проявились отрицательные последствия ограниченного понимания «феодализма» как определенного комплекса сеньориальных и фьефно-вассальных отношений). Не были еще преодолены представления юридической школы о природе государства, в результате чего *государство* оказалось внешней силой по отношению к другим элементам общественно-политического строя, «дело государственное» противопоставлялось «делу земскому» и т. д.

Однако эта книга была знаменательной для своего времени. История государства исследовалась в развитии. Социально-политическая структура рассматривалась во взаимодействии классов, впрочем, основное внимание уделялось господствующим классам. Общественно-политические отношения изучались в тесной связи с отношениями собственности, притом основной акцент делался на земельной собственности. В книге содержалось значительное число новаторских гипотез, которые еще предстояло исследовать.

Исследуя политическую историю образования Московского государства, Пресняков пришел к выводам, противоположным господствующей в предшествующей историографии концепции государственной школы, в основе которой находилась схема Соловьева, модифицированная Кавелиным, Чичериным и Ключевским, о постепенном развитии государственности на северо-востоке Руси в XII—XIII вв., об образовании там «удельного порядка» в условиях колонизации, о формировании Великорусского государства в результате накопительства и собирания земли Иваном Калитой и его потомками и т. д., и т. п. Поэтому так полемически заостренно Пресняков начинал свою книгу: «Ее задача — восстановить по возможности права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории — образовании Великорусского государства. Ранняя история северо-восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы»¹²³. Пресняков привлек к изучению широкий круг летописных и актовых материалов с учетом их источниковедческого анализа¹²⁴, но видел в книге значение более критическое и

¹²³ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. V. Данная цитата подчас обрывается первой фразой или даже ее первой половиной. В этом случае она как бы свидетельствует о метафизической позитивистской методологии автора, отрицающего возможность исторических обобщений. Между тем мысль Преснякова недвусмысленно ясна: «восстановить права источника и факта», ограниченные тенденциозным отбором и интерпретацией в предшествующей историографии.

¹²⁴ На такой же широкой источниковой основе Пресняковым написана тематически близкая статья «Завещание Василия III» (Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922).

«методологическое» (т. е. методическое), чем конструктивное. «Она, — писал Пресняков о своей работе, — пытается расчистить пути для более реального понимания нашего прошлого»¹²⁵.

Сейчас не удовлетворяет изучение политической истории образования Русского централизованного государства в отрыве от ее социально-экономических факторов. Пресняков сознавал, что им рассматривается лишь часть темы — междукняжеские отношения и развитие великокняжеской политики¹²⁶. Вместе с тем он продемонстрировал замечательное искусство анализа источников при изучении политических событий, и поэтому его исследование сохранило научное значение до настоящего времени.

В 1920 г. Пресняков защитил монографию «Образование Великорусского государства» в качестве докторской диссертации. В том же году, 24 ноября, он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Основанием для этого избрания стали широкая известность ученого, благодаря многочисленным трудам, значительным по хронологическому охвату и глубоким по историко-философскому содержанию, активная научно-организационная и профессорско-преподавательская деятельность, большой научный авторитет.

Это признание заслуг как бы удваивает силы Преснякова. Несмотря на огромную занятость научно-организационной и профессорско-преподавательской работой, он публикует значительный ряд работ, посвященных всем периодам отечественной истории. К этим же годам относится стремление Преснякова обстоятельно познакомиться с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, с работами советских историков-марксистов, желание обновить исследовательские методы, прийти к новым научным выводам.

Впервые в русской науке история народа как история основных производительных классов общества стала главной темой исторических исследований. И Пресняков со свойственной ему чуткостью к актуальным проблемам исторической науки, подобно другим представителям передовой части русской интеллигенции, откликнулся на решение новых задач. Вместе с Ю. И. Гессеном, Е. В. Тарле, И. М. Кулишером, Б. А. Романовым и другими исследователями он принял участие в первом выпуске «Архива истории труда в России», опубликованном уже в 1921 г. Заостренно была сформулирована Пресняковым тема его статьи «Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения». При такой постановке проблемы в новых исторических условиях свершавшейся революции раскрывались творческие возможности ученого. Революция вновь оказывала прямое воздействие на творчество ученого. Но общественные взгляды Преснякова развивались быстрее, чем сложившиеся научные представления.

¹²⁵ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации. С. 10.

¹²⁶ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. VI.

Освоение новых исследовательских методов являлось для старой русской интеллигенции длительным и сложным процессом. Поэтому в определенной мере закономерно, что в поисках «экономических факторов» она обращалась к опыту предшествующей историографии, и этим можно объяснить сохранение влияния в 20-е годы идей Ключевского, который придавал существенное значение «экономическим факторам», но в пределах позитивистской концепции. Эта закономерность проявилась и в творчестве Преснякова, особенно в его представлениях об общественном строе Древней Руси.

Процесс выделения землевладельческого боярства и княжеской власти он отнес к «раннему периоду» «первоначального накопления» (воздействие марксистской терминологии), который он характеризовал вслед за Ключевским как осуществление власти князьями и их дружинами, «засевшими по городам», и экономической эксплуатации населения посредством натуральной дани, которая «служила основой для оптовой внешней торговли»¹²⁷. Князья, бояре «с примкнувшим к ним духовенством» сосредоточили «значительные производственные средства» — рабов (холопов, челядь), «полусвободных» людей (изгои, закупы), зерно, скот, инвентарь и, «главное, платежные средства» (ценные меха, серебро, золото). Превращение их в крупных землевладельцев-вотчинников Пресняков рассматривал как следствие вложения накопленных средств в землевладельческое хозяйство.

Справедливо отмечая, что «крупное землевладение еще не означает крупного хозяйства», а для средневекового крупного хозяйства было характерно его соединение с мелким хозяйством. Пресняков представил организацию хозяйства «вотчинника-рабовладельца», опять-таки по Ключевскому, как посадение холопов и других зависимых людей на пашенную и промысловую работу. Однако «дальнейшее развитие этого личного и потомственно-вотчинного землевладения скоро переросло убогие рамки рабовладельческого хозяйства» посредством интенсивного привлечения обедневшего сельского населения. Проводя аналогию с западноевропейским феодализмом, Пресняков и на Руси XIII—XV вв. отмечает у крупных землевладельцев «значительную правительственную власть над населением их имений», над холопами и свободными¹²⁸ (один из признаков феодализма в прежней историографии). Эта вотчина по своему социально-экономическому содержанию противоположна крестьянской волости — основной форме организации свободного сельского населения. Здесь Пресняков возвращается к наблюдениям Павлова-Сильван-

¹²⁷ Пресняков А. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. I. С. 34.

¹²⁸ Там же. С. 34—35.

ского. Далее надо было установить их место и значение в системах межклассовых отношений и раннеклассового государства. Однако учение о государстве являлось одним из наиболее слабых мест в прежних историософских концепциях, поскольку они не учитывали его классовой природы и функций. Поэтому у Преснякова государство, вотчина и община не соединились в единую социально-экономическую или социально-политическую систему. Впрочем, он установил одну из основных функций средневекового государства — эксплуатация непосредственных производителей путем государственных податей и повинностей. «Великокняжеская власть, — писал Пресняков, — опирается на них (т. е. крестьянские волости и вотчины крупных землевладельцев. — М. С.) в своей деятельности; она, в сущности, мало „управляет“ народной и общественной жизнью; ее основная забота в эксплуатации народного труда для обеспечения средств, нужных правительству, путем организации платежей и повинностей населения»¹²⁹.

Он отметил также экономическую и социальную принадлежность великокняжеской власти к «крупно-землевладельческим силам страны», эксплуатацию крестьян в дворцовом хозяйстве. Великокняжеская власть, по Преснякову, «стоит во главе землевладельческого класса, объединяет и организует его», черпает в нем кадры административного управления, «с помощью крупных землевладельцев, светских и духовных, строит свое „государство“ над трудовой народной массой». Все это было новым словом в немарксистской русской историографии. Однако, поскольку вопрос о происхождении, классовой природе и функциях государства не был решен, Пресняков сохраняет у государства черты надклассовости по отношению к «землевладельческому классу», в чем проявляется еще не изжитое влияние «государственной школы». В конце XV—XVI в. с образованием самодержавного Московского царства он отметил развитие крупного землевладения с появлением условного служилого землевладения. Но влияние «государственной школы» и здесь оказалось значительным. «Все классы населения, — по его мнению, — должны были склониться перед единой самодержавной властью», что для крестьянства означало введение крепостного права. Пресняков показывал дворянский характер российского самодержавия, нарастающий кризис крепостнического хозяйства и рост буржуазных отношений¹³⁰.

В этом исследовании, насыщенном новыми для прежней историографии идеями, ясно выразилось открытое сочувствие Преснякова к основному в истории России классу — крестьянству, новый подход к изучению его истории под влиянием марксизма и произошедших революционных изменений и вместе с тем

¹²⁹ Там же. С. 36

¹³⁰ Там же. С. 38—39.

сдерживающее воздействие старых исторических теорий. Содержащаяся в нем концепция социально-экономического развития России совершенствовалась Пресняковым, представляя собой основу его последующих исследований общественно-политического строя.

В рецензии на книгу С. Б. Веселовского, посвященную сложнейшей и острой в идейно-политическом содержании проблеме о происхождении «вотчинного режима»¹³¹, Пресняков, пожалуй, одним из первых советских историков выступил против формально-юридических методов в изучении этим крупным ученым социально-экономической истории России XIII—XVI вв.¹³² Эта рецензия имеет большое значение для изучения эволюции взглядов Преснякова на развитие феодализма в России в новый период русской исторической науки.

Пресняков широко поставил проблемы сравнительно-исторического изучения истории России, которое должно было преодолеть давнее противопоставление исторического развития России и стран Западной Европы, продолжавшее традиции реакционной идеологической политики Николая I, а также идеалистических историко-философских концепций, начиная со славянофилов. Рецензируя сборник «Россия и Запад», авторы которого ставили частные задачи и исходили еще из ограниченных теоретических концепций¹³³, Пресняков поставил изучение проблемы «Россия и Запад» значительно более широко методологически: «Преодоление обособленности русской истории, суживающей ее разделение в духе и истине, достигается в исторической работе двумя путями: сравнительно-историческим, задача которого не иллюстрация на местном материале готового шаблона социологической схемы, а живая проработка социологических проблем на каждом новом материале, и тем, что называют иногда всемирно-историческим, который выясняет не только аналогии и отличия местных исторических процессов, но прежде всего их живые — близкие и отдаленные — связи и взаимодействия»¹³⁴. Однако всесторонне научно поставить и решить данную проблему можно было только на основе нового анализа истории общества¹³⁵.

¹³¹ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

¹³² Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // ЛЗАК. Л., 1927. № 1(34). С. 174—192; см.: Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; Он же. К историографии крепостного права в России // История и историки, 1972 г. М., 1973; Он же. Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки, 1974 г. М., 1976.

¹³³ Россия и Запад. Исторические сборники / Под ред. А. И. Заозерского. Пг., 1923. Кн. 1.

¹³⁴ Пресняков А. «Россия и Запад» // Анналы. Пг., 1923. Кн. 3. С. 281.

¹³⁵ Активное сравнительно-историческое изучение генезиса и типологии феодальных обществ началось в СССР в конце 60-х—70-х годах: Проблемы возникнове-

Широта интересов и энциклопедические познания Преснякова во всех периодах отечественной истории способствовали тому, что он смог откликнуться на наиболее актуальные тогда научные проблемы в исследовании истории свергнутого общественного строя, а также революционного движения, которое привело к его свержению.

Пресняков создал целую галерею портретов правителей в России. В этих работах впервые в советской литературе обстоятельно исследовалась не биографическая канва их жизни (в отличие от прежней историографии), а неразрывные связи внутренней и внешней политики русских царей с обстоятельствами социально-экономической жизни страны в столкновении классовых интересов и международных отношений¹³⁶.

В новых условиях Советской власти Пресняков вернулся к изучению истории революционного движения в России. Эта тема, при царской власти нежелательная и опасная для режима, стала одной из наиболее актуальных научно и в политико-воспитательных, агитационных целях. В архивах было открыто для исследования огромное количество материалов по истории революционного движения. Они начали интенсивно публиковаться. Появились многочисленные работы, обобщающие и частные, посвященные дворянскому, разночинному и пролетарскому этапам. В этих условиях реальный вклад Пресняков мог внести при его огромной занятости и широте научных интересов, ограничившись изучением одного из направлений революционного движения. Особо привлекали его внимание декабристы, хотя история революционного движения в целом его продолжала интересовать по-прежнему¹³⁷. Чрезвычайно характерна в данной связи статья Прес-

ния феодализма у народов СССР. М., 1969; *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы: Международный конгресс исторических наук. М., 1970; *Королюк В. Д.* Особенности становления феодализма и формирование раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе // *Сов. славяноведение*. 1970. № 5; *Удальцова З. В.* Генезис и типология феодализма // *Средние века*. М., 1971. Вып. 34; *Новосельцев А. П., Пащут В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972; и другие работы.

¹³⁶ *Пресняков А.* [Рец.] *А. Н. Шебунин.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925 // *Былое*. Л., 1926. № 1 (35); *Он же.* Идеология Священного союза // *Анналы*. Пг., 1923. Кн. 3; *Он же.* Александр I. Пг., 1924; *Он же.* Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925; *Он же.* Самодержавие Александра II // *Русское прошлое*. Пг.; М., 1923. Кн. 4.

¹³⁷ Пресняков активно сотрудничал с историко-революционным журналом «Каторга и ссылка», помогал ее редакции в первые годы существования журнала в рецензировании поступивших туда статей и в подборе материалов (*А. Е. Пресняков* — жене, 19 февраля 1927 г. // *Архив ЛОИИ*. Ф. 193. Оп. 2. Д. 10. Л. 289 об.); в начале 20-х годов он работал в секции «Декабристы и их время» при Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев (*Сироткин В. Г.* *А. Н. Шебунин* — историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. // *История и историки*, 1973 г. М., 1975. С. 122).

някова «1905 год»¹³⁸, в которой содержались яркие характеристики пролетарского движения и разоблачительные оценки политики царизма и буржуазии. Однако наиболее обстоятельно исследована им история декабристских организаций, предыстория и ход восстания на Сенатской площади¹³⁹.

Пресняков активно включился в изучение и рецензирование мемуаров и эпистолярного наследия, относящихся к последнему периоду существования царизма¹⁴⁰. Сочувственно откликнулся он и на появление первых «провинциальных», как тогда говорили, изданий, посвященных изучению гражданской войны на Кубани и в Крыму¹⁴¹. В этих рецензиях почти не рассматриваются вопросы археографии публикаций и не приводится научная критика содержания как исторических источников. Не рассматривает рецензент критически и первые книги по истории гражданской войны. Это было дело будущих специалистов. Рецензии Преснякова преследовали цель привлечь внимание к этим книгам, вызвать у читателей те же чувства критического и в лучшем значении слова пристрастного отношения к дореволюционным представи-

¹³⁸ Былое. Л., 1925. № 4 (32).

¹³⁹ Пресняков А. Е. [Рец.] П. Е. Шеголев. Петр Григорьевич Каховский. М., 1919 // РИЖ. Пг., 1918. № 5 (так в заголовке рецензии и на титульном листе журнала); Он же. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. М., 1925. № 8 (21); Он же. Восстание декабристов // Былое. Л., 1925. Кн. 5 (33); Он же. Декабристы: (Накануне столетнего юбилея) // Вестн. знания. Л., 1925. № 2; Он же. Этюды С. Н. Чернова по истории декабристов // Былое. Л., 1926. № 1 (35); Он же. Мотивы реальной политики в движении декабристов // Бунт декабристов: Юбил. сб. 1825—1925. Л., 1926; Он же. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926; Он же. [Рец.] Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М.; Л., 1927 // Каторга и ссылка. М., 1927 № 6 (35). Историографический анализ работ Преснякова по декабристоведению см.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 32, 34; Окунь С. Б. Движение декабристов в советской исторической литературе // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1. С. 83—106; Ракитин С. А. Оценка А. Е. Пресняковым политических программ декабристов // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. Сб. тр. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1985.

¹⁴⁰ Пресняков А. Е. Предисловие // Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). М.; Л., 1927; Он же. Воспоминания Е. М. Феоктистова и их значение // Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929; Он же. [Рец.] Граф П. А. Валуев. Дневник, 1877—1884. Пг., 1919 // Дела и дни. Пг., 1921. Кн. 2; Он же. [Рец.] Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1 // Каторга и ссылка. М., 1927, № 8; Он же. [Рец.] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. 1916—1917. М.; Л., 1927 // Каторга и ссылка. М., 1927. № 4.

¹⁴¹ Пресняков А. Е. [Рец.] Я. Никулихин. Как и почему мы победили? На фронте гражданской войны. Пг., 1924 // Красная летопись. Л., 1924. № 2 (11); Он же. [Рец.] Г. Ладоха. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923 // Там же; Он же. [Рец.] Революция в Крыму. Исторический сборник Истпарта Крыма. № 1 (3). Симферополь, 1924 // Там же. Пресняков написал также введение к публикации последнего журнала крымского краевого «правительства» (издатель публикации не указан): Пресняков А. Крымское правительство в дни унижения // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Кн. 5.

телям господствующего класса и чувство уважения к участникам гражданской войны.

Деятельность Преснякова была плодотворной и многосторонней. Поэтому естественно то, что в составе советской делегации наряду с ведущими советскими историками М. Н. Покровским, В. В. Адорадским, В. П. Волгиным, Е. А. Косминским, В. И. Пичетой, Е. В. Тарле и другими он принял участие летом 1928 г. в работе VI Международного конгресса историков в Осло. Пресняков был полон творческих замыслов, но неизлечимая болезнь не дала им осуществиться. Он умер 30 сентября 1929 г. в возрасте 59 лет.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. Е. ПРЕСНЯКОВА

Когда А. Е. Пресняков начал исследовать историю Древней Руси, русская историческая наука имела уже более чем 150-летний опыт изучения ее основных проблем. На разных этапах развития исторической науки на передний план выдвигались различные вопросы и предлагались разные их решения. Пресняков занял собственную авторскую позицию по отношению к значительной предшествующей литературе, вследствие чего его произведения, посвященные истории Древней Руси, представляют особый интерес как памятники исторической мысли 900-х—20-х годов XX в.

Молодая русская историческая наука XVIII в., дворянская и раннебуржуазная по классовому и идейному содержанию, исходила из самодержавной концепции истории России, предполагающей царскую (княжескую) власть основной побудительной силой исторических событий. В науке описание еще преобладало над анализом, политическая и этническая история — над социально-экономической. Между тем именно в XVIII в. были сформулированы разные принципы изучения двух значительных проблем отечественной истории.

В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов возводили истоки истории России к славянам VI в., а этногенез русских — к скифам, что связывало древнейшую историю России с основными для науки XVIII в. этапами всемирной истории — эпохами Юстиниана и классической Греции. Такой подход создавал предпосылки последующего историзма в изучении этнополитической и социально-экономической истории Руси. Другой подход начинал русскую историю с 862 г., когда, согласно Повести временных лет, на Русь были призваны варяги во главе с Рюриком, Синеусом и Трувором. Этот подход опускал предшествующую историю восточнославянских племен, возвеличивал значение монархической власти и содержал значительные возможности для развития унижающей национальное чувство мысли о создании Русского государства скандинавами, о неспособности русских к самостоятельному историческому творчеству. Отсюда произошла другая, так называемая варяжская проблема, обсуждение которой пошло по линии противоборства двух мнений — отрицание или утверждение в варягах скандинавов. Значительные явные и скрытые отрицательные стороны норманизма имели следствием страстное отрицание Ломоносовым скандинавов в Древней Руси, тогда как Г. Байер, В. Н. Татищев, Г. Миллер, А. Шлёцер, привлекая

разнообразные письменные источники, настаивали на скандинавской, прежде всего шведской, принадлежности варягов. Обе стороны, в равной мере идеалистические в понимании причин образования государства, внесли положительный для своего времени вклад в изучение проблемы: Ломоносов — вниманием к последовательным этапам самостоятельного развития русского народа и государства, его оппоненты — анализом этнокультурных связей Руси, расширением круга изучаемых иностранных источников, исследуемых, впрочем, односторонне. Этот ученый спор, то затухая, то разгораясь, длился все XIX столетие, особенно обострившись в его середине, когда официозному норманизму М. П. Погодина и А. А. Куника был противопоставлен антинорманизм С. А. Гедеонова и Н. И. Костомарова. Норманская проблема во всей остроте односторонних подходов противоборствующих мнений стала перед историками XX столетия.

Русская историческая наука XVIII в. создала еще одну концепцию, которая в отличие от описательных приемов могла стать средством научного изучения общественного строя Руси, — теорию феодализма в России.

Источками этой теории являлись историческая действительность феодальной Европы XVIII в. и начала исторического анализа в науке XVIII в., отмечавшей феодальные формы правления и общественных отношений в истории Западной Европы (Дж. Вико, граф Булэнвилле, аббат Дюбо¹). Историческая концепция «просвещенного абсолютизма», сформулированная императрицей Екатериной II, подчеркивала европейский характер России и ее истории. Поэтому при доказательстве единства российских и западноевропейских институтов Екатерина II отождествляла русские «поместья» и западные «фьефы» как форму условного землевладения за военную службу². Однако Екатерина II избегала использовать понятие «феодализм» по отношению к истории России, поскольку оно перерастало употребляемое узконаучное значение ослабления центральной власти и вело к феодальной действительности 60-х годов XVIII в., т. е. России в канун крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева и предреволюционной Франции. Более широко на феодализм смотрел И. Н. Болтин, который отмечал «феодальное право» во всех европейских государствах в послекаролингский период и завершал «феодальное правление» с установлением централизованных государств. По Болтину, «наши древние удельные князья полным феодальным правом пользовались», но в соответствии с избранным критерием он завершал феодальный период в царствовании Ивана Грозного. Поэтому Болтин видел в современной ему Европе, в канун

¹ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С. 109—112.

² Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II // Оснадацый век. М., 1869. Кн. 4. С. 304, 314.

Французской буржуазной революции 1789 г., «полное феодальное право» только в Германии³.

В период острой критики феодализма идеологами «третьего сословия», просветителями и энциклопедистами, в результате Французской буржуазной революции конца XVIII в. и последующих потрясений феодальных режимов в Западной Европе научная концепция феодализма в истории европейских стран оказывалась насыщенной революционным содержанием. Поэтому русская дворянская историография конца XVIII—начала XIX в. еще сохраняла теорию о феодализме в России, но относила его к древнейшему строю IX—X вв. как выражение политической власти бояр, ограничивающей самодержавную власть⁴, как следствие распределения земель во власть мужей Рюрика или как раздробление «удельной» Руси⁵.

Впрочем, идея о феодализме в России выбивалась в либеральной дворянской историографии из такого искусственного ограничения. М. Н. Муравьев, видя в феодальном, или поместном, владении в России «разделение государства», относил этот период к пяти столетиям, от Святослава Игоревича до Ивана III, опять-таки противопоставляя «феодализму» политическую централизацию государства⁶. Поэтому «феодализм» отрывался от феодально-крепостнической действительности конца XVIII—начала XIX в. Однако феодальные отношения, еще господствовавшие в Европе, властно напоминали о себе ученым и политикам, и М. М. Сперанский в проектах либеральных реформ связывал «феодальное самодержавие» с отсутствием политической и гражданской свободы в государстве. Отсюда следовало, что феодализм еще жив в России. Поэтому Сперанский писал: «... в общем движении человеческого разума государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе»⁷.

Значительно большее значение концепция феодализма в России приобретала для русского революционного движения. Поэтому энциклопедически образованный П. И. Пестель обратился к трудам О. Тьерри и Ф. Гизо, родоначальникам теории классовой борьбы во французской романтической историографии. Но, во многом самостоятельно формулируя основные положения и в тоне революционного обличения, он писал о «феодальном строе» как

³ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1794. Т. 2. С. 298—300.

⁴ Елагин И. Опыт повествования в России. М., 1803. Кн. 1. С. 250.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. [1-е изд.] СПб., Б. г. Т. 1. С. 116—117; Строев П. Краткая Российская история для начинающих. 2-е изд. М., 1819. С. 10; Кайданов И. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829. С. 2.

⁶ Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1819. Ч. 2. С. 198, 241.

⁷ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 160.

особом периоде, когда «начало формироваться третье сословие» и «совершилось деление на четыре класса почти во всех европейских странах с некоторыми отличиями, которые проистекали из местных условий, но все же ничего не меняя в существе дела». «Приблизительно то же, — писал Пестель, — совершилось в России. . .»⁸.

Прогрессивное содержание и политическая актуальность учения о феодализме стали очевидными в период буржуазно-демократических революций в странах Западной Европы в 1830 и 1848 гг. Поэтому царизм в стремлении сохранить феодально-крепостнический режим в России, сформировав идеологическую программу «православия, самодержавия, народности», противопоставил историческое развитие России другим странам Европы. Феодализм с замками, рыцарями, «третьим сословием», борьбой классов и революциями был «оставлен» странам Западной Европы, тогда как для России, и в частности Древней Руси, подчеркивалось патриархальное единение «государя», «бояр» и «народа». Именно так выполнял «социальный заказ» Погодин с позиций верноподданнической самодержавно-охранительной концепции⁹.

В результате организованного давления реакционной официозной историософской концепции «православия, самодержавия, народности» теория о феодализме в России вместо дальнейшего развития стала исчезать из научных трудов или «феодализмом» стали называться отдельные проявления феодального общественно-политического строя. С. М. Соловьев, первоначально отвергавший феодализм в России, в 60-х годах стал рассматривать феодализм как систему личностных отношений, отметил на Руси аналогичные западноевропейским отношения «частного союза защиты», «союза закладничества» и «форму дружинную»¹⁰. Для Н. И. Костомарова определяющим в феодализме является иерархический строй государства, и он связывал начало феодальной системы с татарским господством на Руси (середина XIII—XV в.), противопоставляя ее периоду удельно-вечевого федеративного строя домонгольской Руси и периоду «монархизма» (с XVI в.)¹¹. Н. И. Хлебников усматривал «существенные черты феодальной системы» в «жаловании войска землями» в XV—начале XVIII в. и относил эти «черты» в отличие от Костомарова к еще более позднему «царскому периоду»¹². Однако даже такие

⁸ Восстание декабристов / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1958. Т. VII. С. 296.

⁹ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1856. Т. 7. С. 1—91.

¹⁰ Соловьев С. М. Собр. соч. СПб.: Обществ. польза. Б. г. Кн. 1. Стб. 1301, 1310—1311.

¹¹ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 12. С. 87—93.

¹² Хлебников Н. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 14—15; Он же. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 450.

определения общественных отношений были большой редкостью в дворянско-буржуазной историографии середины—второй половины XIX в. Характеризуя предшествующую историческую литературу, Н. П. Павлов-Сильванский с полным правом писал в начале XX столетия: «Отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего тона»¹³. Такого же мнения был Н. И. Кареев, который обратил внимание на отрицание феодализма как причину противопоставления истории России и стран Западной Европы. Он писал в данной связи: «У нас не было феодализма — такова была господствующая точка зрения нашей историографии. Среди историков было как бы неприлично находить феодализм в России»¹⁴.

Между тем исследователи продолжали искать те «начала», которые характеризовали сущность общественного строя Древней Руси и его последующего развития, стремясь от поверхности исторических явлений проникнуть в их сущность. Соловьев подхватил мысль И. Ф. Г. Эверса об определяющей роли родовых отношений в Древней Руси. Но ограничил он их междукняжескими отношениями, т. е. выявляя природу политического строя: «... все князья суть члены одного рода, вся Русь составляет нераздельную родовую собственность; идет речь о том, кто из князей старше, кто моложе в роде, за это все споры, все междоусобия»¹⁵. От Андрея Боголюбского до Ивана Калиты (середина XII—первая половина XIV в.) происходит процесс смены родовых отношений государственными, которые заключались в единовластии и в появлении княжеской семейной «отдельной собственности» на землю на северо-востоке Руси, где преобладали новые города — собственность князя¹⁶. Позднее начинает преобладать и полное господство государственных отношений над родовыми. На низшем уровне происходили, по Соловьеву, другие процессы: в результате завоевательной деятельности князей племени переходят из родового быта в областной, а в городах «вследствие деятельности правительственного начала» «родовой быт ослабевает, уступая место общинному». После принятия христианства Соловьев устанавливал три «главных условия», которые определяли «дальнейший ход русской истории»: природа страны, включая равнинный характер рельефа, «быт племен» (они стали причинами постоянного колонизационного процесса восточных славян), а также «состояние соседних народов и государств»¹⁷. Эти идеи надолго

¹³ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 19.

¹⁴ Кареев Н. И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910. С. 6.

¹⁵ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. IX.

¹⁶ Там же. С. V—VI.

¹⁷ Там же. С. 272—279.

определили направление и содержание исследований общественного строя Руси в историографии середины—второй половины XIX в.

Концепция Соловьева была подвергнута критике славянофилами, которые отметили в ней отсутствие общины. Однако община для них имела особое значение как выражение наиболее характерной черты русской жизни до XIX в. наряду с самодержавием и православием. Общинность в концепции славянофилов служила также для объяснения основного начала в общественной истории Древней Руси (наряду с монархической властью). В то же время она «свидетельствовала» о коренном отличии от феодальной Западной Европы с ее замками, рыцарями, их воинственными отношениями друг к другу, к «вольным городам, к королю и к церкви»¹⁸. Претворяя принципы славянофильства в историческом исследовании, И. Д. Беляев подчеркивал особое значение в истории крестьян иерархии общин — волости, села, малых деревень, которые являлись собственниками земли¹⁹.

Общинность как основное «начало» русской истории была отвергнута последующими исследователями, но определение общины, ее характера и значения в истории общественного строя стали постоянными дискуссионными вопросами русской историографии.

К. Д. Кавелин дополнил первоначальный «родовой быт» соловьевской теории общинным, добавив к исторической концепции западников главный тезис славянофилов. Но для Кавелина установленные черты общественного строя Руси, несмотря на признание «феодализма», отнесенного ко времени «пришествия варягов» (реминисценция идей историографии конца XVIII—первой четверти XIX в.), лишь противопоставляли древнейшую историю России и стран Западной Европы: «В истории — ни одной черты сходной и много противоположных. В Европе дружинное начало создает феодальное государство; у нас дружинное начало создает удельное государство. Отношение между феодальной и удельной системой как товарищество к семье. В Европе сословия, у нас нет сословий; в Европе аристократия, у нас нет аристократии; там особенное устройство городов и среднее сословие — у нас одинаковое устройство городов и сел и нет среднего, как нет и других сословий; в Европе рыцарство, у нас нет рыцарства...»²⁰ Т. Н. Грановский активно поддержал идею Соловьева и Кавелина о господстве на определенном историческом этапе «родового быта», но в отличие от них подчеркивал его значение как обще-

¹⁸ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. М., 1861. Т. 2. С. 264—265.

¹⁹ Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903. С. 37—38.

²⁰ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. Стб. 57.

европейского явления²¹, что способствовало установлению единых закономерностей исторического развития Руси и других европейских стран.

Убеждения Грановского разделял, но лишь частично, его любимый ученик Б. Н. Чичерин. Он ограничил «родовой быт» древнейшим периодом, отмечая всеобщность этого явления и не различая хронологически и стадияльно различные виды «союзов», племенных, родовых и общинных, что сближало его с мнением Кавелина. Если Эверс и Соловьев стремились увидеть, хотя идеалистически, причины внутреннего закономерного развития общественно-политического строя, то Чичерин вслед за Кавелиным указывал причину распада родовых связей во внешнем факторе — в призвании варягов, дружина которых была основана на новых началах добровольного согласия каждого лица²². Другим следствием метафизического подхода к изучению единого процесса становления общества и государства явилось сужение функции управления только к сбору судебных штрафов и даней с завоеванных земель²³. Следующим этапом развития, по Чичерину, являлось превращение князей из «начальников дружины» в «вотчинников».

Для Чичерина вотчинная система представляла собой аналогию феодальной, ленной системы. Но, указывая на их сходство, он полагал их различие «в особенностях народного духа того времени»: на Западе дворяне и крестьяне заключали «постоянные договоры» и «прочные, потомственные союзы», «на Руси, напротив, бояре, слуги и крестьяне никогда не вступали в прочные, потомственные союзы, а, сохраняя личную независимость, заключали только временные договоры, которые разрывались при первом удобном случае»²⁴. Поэтому в отличие от западного «оседлого феодального владельца», который в замке «мог стоять за свою самостоятельность», русские бояре и слуги переходили с места на место, заключая временные договоры с крестьянами, которые также сохраняли личную независимость, отношение к земле «имело менее прочности», и они также переходили с места на место. Городские общины на Руси еще в начале удельного периода являлись «остатками патриархального быта», и в них едва развивалось «договорное начало»²⁵. Поэтому для концепции Чичерина особое значение приобретало государство, которое в результате указанных социальных факторов, а также природных условий, переселений и колонизации приобретало организующее

²¹ Грановский Т. Н. О родовом быте у древних германцев // Соч. 4-е изд. М., 1900. С. 109.

²² Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 1—2; Он же. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 5—7.

²³ Чичерин Б. Н. Областные учреждения. С. 2.

²⁴ Там же. С. 26.

²⁵ Там же. С. 25—35.

значение²⁶. Отсюда следовала теория о закреплении всех сословий: бояр и дворян — служилых людей, тяглого посадского и крестьянского населения, а также зависимых вотчинных крестьян²⁷.

Эти положения государственной теории наряду с общинной теорией стали оказывать постоянное воздействие на последующую буржуазную, народническую и революционно-демократическую литературу, выдвигавшую в качестве основного фактора исторического прогресса то «государство» (как внеклассовый институт), то общину и народ (классово нерасчлененный).

В условиях первой революционной ситуации под влиянием революционно-демократической пропаганды В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского Н. И. Костомаров заявил, что главной темой исторических исследований является народ²⁸. До середины XI в. он представлял политическую структуру Руси как совокупность «земель» с народным совещанием — вечем и начальниками — князьями, которые только собирали дань. Затем образовались земли территориальные с народным земским собранием — вечем всей земли и зависящими от нее вечами сел и пригородов, тогда как князь был только органом веча²⁹.

Модификацией общинной теории стала задружная теория Ф. И. Леонтовича, который возвел принципы организации задруги — южнославянской общины, понимаемой им как родственно-территориальной единицы, — в основу общественно-политического строя Древней Руси³⁰.

Более активно привлекалась в исторические исследования и модифицировалась государственная теория. Согласно В. И. Сергеевичу, вече в Древней Руси представляло собой народное начало, князь — монархическое начало. Народ активно участвует в волостном вече, которое призывает князя и заключает с ним договор. Договорами регулируются также междукняжеские отношения. Но если в древнерусском периоде личные права преобладают над государственным началом, то в Московский период государство преобладает над личными правами. Власть веча осуществляется в волости, состоящей из главного города и пригородов

²⁶ Там же. С. 339.

²⁷ Там же. С. 227—228.

²⁸ Костомаров Н. И. Вступительная лекция в курс русской истории, читанная профессором Костомаровым в имп. Санкт-Петербургском университете 22 ноября 1859 г. // Русское слово. СПб., 1859. Т. 12.

²⁹ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. С. 7—21, 40—42.

³⁰ Леонтович Ф. И. О значении верви по «Русской правде» и «Полицкому статуту» сравнительно с задругой юго-западных славян // ЖМНП. 1867. № 4; Он же. Задружно-общинный характер политического быта древней России // Там же. 1874. № 6—8.

и сельских поселений, распространившихся в результате колонизационного процесса³¹.

Мысль о земле, но не на племенном начале (как Костомаров), а на территориальном союзе волостей и пригородов под властью старшего города высказал М. Ф. Владимирский-Буданов. По его мнению, князья-варяги уже застали такой государственный строй в виде совокупности земель, которые только «сблизились» Рюриковичами в IX—XI вв. и вновь распались в XII в., сохранив внутреннюю целостность. Так что в так называемый удельный период совершались не междукняжеские, а междуземские отношения³².

В. О. Ключевский ввел в объяснение общественно-политической структуры Руси VIII—XII вв. «экономические факторы». По торговым речным путям вырастали города, торгово-политические центры политически обособленных городских областей, которые разрушили родовые и племенные союзы. Основу экономики составляли торговля, лесные промыслы, звероловство и бортничество. Города были центрами рабовладения и работорговли. Княжеская дружина представляла собой «военно-правительственный класс», первоначально варяжский, а затем слившийся со славянами, тесно связаный с купечеством и заморской торговлей. Князья и их дружины, вышедшие из «военно-торговой аристократии», оказывались внешней силой по отношению к «городовой области», осуществляя сбор налогов и охрану торговых путей, оборону границ. После смерти Ярослава Мудрого установилось «лествичное восхождение» князей (по Соловьеву)³³. Отсюда представление о князьях и их дружинах как о «перелетных птицах Русской земли», тогда как «у бояр туго развивалась и самая крепкая привязь к месту — землевладение»³⁴. Важнейшими экономическими факторами, по Ключевскому, являлись природные условия Восточно-Европейской равнины с лесами и многочисленными реками, что способствовало постоянному процессу колонизации (также вслед за Соловьевым). Это стало причиной появления в XIII—первой половине XV в. Руси «верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой»³⁵. В этот период вотчинное боярское землевладение стало господствующим, тогда как в XI—XII вв. оно только начиналось.

Теории середины—второй половины XIX в., исходившие из противоположности исторического развития России и других стран

³¹ *Сергеевич В. И.* Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867; *Он же.* Русские юридические древности. СПб., 1893. Т. 2.

³² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 10—23.

³³ *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 51—52, 165—198.

³⁴ Там же. С. 208, 205.

³⁵ Там же. С. 52.

Европы, абсолютизировали одну из сторон исторической действительности, что лишало исследование объективных критериев и свидетельствовало о кризисе исторической мысли. Поэтому молодое поколение историков в конце XIX—начале XX в. обратилось к поиску объективных критериев в определении основных этапов исторического развития России. Однако методологическая основа этих исследований — позитивизм, расчленявший диалектическое единство исторической действительности на совокупность фактов в отдельных причинно-следственных связях, не раскрывал сущности изучаемых явлений объективно существующего мира. «Положительное мышление, — писал родоначальник позитивизма О. Конт, — отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от знания внутренних причин явлений и стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений»³⁶. Такие методологические принципы предполагали широкое применение сравнительно-исторического метода как средства познания объективных закономерностей исторической действительности.

В западноевропейской историографии большой опыт сравнительно-исторических исследований был накоплен Л. Г. Морганом, Э. Тайлором, Дж. Фрейзером, Г. Л. Маурером, Г. Мейном и многими другими, в русской историографии — М. М. Ковалевским, П. Г. Виноградовым и другими исследователями. Поэтому закономерно, что теоретической основой исследований общественно-политического строя Древней Руси стало широкое привлечение сравнительно-исторического метода, а конкретной формой его выражения — теория о феодализме в России. Наибольший вклад в изучение феодализма на Руси в этом исследовательском направлении внес Н. П. Павлов-Сильванский. Он вернулся к этой теории уже на новом историографическом уровне, когда под «феодализмом» понимались в историографии уже не только политические факторы распада единых раннесредневековых государств или ослабление центральной монархической власти, а социально-экономические и политико-правовые факторы фьефно-вассальных отношений и вотчинного господского хозяйства. Вслед за Г. Л. Маурером и М. М. Ковалевским, К. Лампрехтом и П. Г. Виноградовым Павлов-Сильванский отметил преобладание в Древней Руси соседской общины-марки и волостных общин, которые являлись, по его мнению, «главной основой» древнейшего государственного строя. Содержание последующего общественного развития Павлов-Сильванский видел в «разрушении» волости и марки быстро усиливающимся крупным землевладением, что составило основу развития феодализма в Западной Европе и в России XIII—XVI вв. Община борется с боярщиной, которая побеж-

³⁶ Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1899. Т. I. С. 4.

дает «к концу средних веков при содействии княжеской власти»³⁷. Павлов-Сильванский сравнивает боярщину удельной Руси и западноевропейскую сеньорию, эксплуатацию в них зависимого населения, устанавливая их единое феодальное содержание. При этом под феодализмом он понимает вслед за Гизо и Фюстелем де Куланжем: 1) «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением», что находило выражение в крупном землевладении, сеньории (боярщине); 2) соединение сеньорий вассальной иерархией, «иерархическую систему учреждений законодательных, судебных, военных, которые связывали вместе владельцев феодалов и образовывали из них единое общество»; 3) условность землевладения, «приравнивая к условно-землевладельческому феодалу другие поземельные отношения феодальной эпохи», при этом наряду с феодалом — землей, землевладением под условием службы существовал также феодал — должность и феодал — деньги³⁸. Проследившая на Руси XIII—XVI вв. эти «основные черты феодализма», а также такие феодальные институты, как иммунитет, служба, бенефиций, закладничество-патронат, Павлов-Сильванский показал их характер, тождественный западноевропейским.

Исследования Павлова-Сильванского имели большое значение для новейшей историографии, поскольку впервые после значительного перерыва на новом уровне развития науки они устанавливали общие черты в истории России и стран Западной Европы, раскрывали, хотя и в ограниченной мере, феодальное содержание отдельных общественных категорий и институтов средневековой Руси, указывали на необходимость более обстоятельного изучения форм зависимости и эксплуатации в господском хозяйстве. Между тем ограниченная позитивистская методология автора стала причиной того, что он не смог раскрыть содержания изучаемых явлений как результата определенных общественных отношений, установить их место в едином процессе исторического развития. Следствием этого явились метафизическое выделение «основных учреждений» и установление их последовательности в процессе исторического развития: «от доисторической древности до XII в.» — мир, с XIII до середины XVI в. — боярщина, в XVI—XVIII вв. и «частью» XIX в. — государство³⁹. Таким образом, общинность по-прежнему осталась основной характеризующей чертой общественного строя Руси X—XII вв. Количественная характеристика подменила качественную.

Работы Павлова-Сильванского оказали большое влияние на современную ему историографию, прежде всего на ее либерально-буржуазное направление, значительно оживив интерес исследо-

³⁷ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 53.

³⁸ Там же. С. 68—72.

³⁹ Там же. С. 646—647.

вателей к учению о феодализме. Рецензируя ранние работы Павлова-Сильванского, Ф. В. Тарановский поддержал интерпретацию закупничества, иммунитета, лена, княжеской защиты и васалитета как феодальных отношений на Руси. Вместе с тем он отметил как недостаток отсутствие более широких проблем в изучении феодальной системы — ее становления, сословности, определения экономических факторов⁴⁰. Вместо тезиса Павлова-Сильванского об «окняжении» земли, предупреждавшем ее «обояренье», Тарановский предложил иное развитие феодализма — «переход от феодализации недвижимой собственности к феодализации власти»⁴¹. Впрочем, первый упрек упреждал последовательность работ Павлова-Сильванского, который готовил обстоятельное исследование боярщины XV—XVI вв. (с экскурсами в XI—XIV вв.), охарактеризованной как феодальная сеньория⁴².

Кареев также поддержал основные положения теории Павлова-Сильванского. Обобщая наблюдения западных историков, он более широко сформулировал основные политические и экономические признаки феодального строя: 1) раздробление суверенитета государственной власти; 2) иерархия мелких владельцев; 3) условная поземельная собственность (с отождествлением аллода с вотчиной, бенефиция с поместьем и в то же время с ошибочным отождествлением понятий «феод» — «поместье» — «государство», исходя из суверенных прав князя на территории); 4) соединение верховной власти с землевладением или сеньориальный строй в отличие от феодального «в более тесном смысле»; 5) различные формы феодальной зависимости крестьян от владельцев. Кареев неоднократно отмечал также возможные отличия в конкретно-историческом выражении этих признаков в различных странах⁴³. Однако Кареев не мог разглядеть за явлением сущность, крайне ограничивая возможности изучения феодализма. «У нас, в России, — писал Кареев, — крепостное право получило наибольшее развитие в ту эпоху, когда уже нельзя говорить ни о каком в ней феодализме, когда на крепостной основе возвышалась не удельно-феодальная, а самодержавно-бюрократическая надстройка»⁴⁴.

Необходимость изучения феодализма была столь очевидна, что Кареев в качестве одного из редакторов включил в обширную статью о феодализме в такое авторитетное издание, как «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Наряду с разделами о феодализме во Франции, Италии, Испании, Англии и т. д.

⁴⁰ Тарановский Ф. В. Феодализм в России. Варшава, 1902. С. 7—15.

⁴¹ Там же. С. 35—36.

⁴² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 174—259.

⁴³ Кареев Н. И. В каком смысле... С. 28—143.

⁴⁴ Там же. С. 47.

(написанными ведущими русскими специалистами И. М. Гревсом, В. К. Пискорским, Д. М. Петрушевским) в статью был включен раздел о феодализме в России, написанный П. Н. Милюковым. Однако на примере этого раздела хорошо видно, как важный научный вопрос был сведен к идейно-политической фронде. Предшествующие исследования о феодализме в Европе подсказывали мысль о феодализме как закономерном историческом явлении, и задача заключалась в том, чтобы показать общее и особенное в развитии феодализма в России. Так и построил текст Милюков, но эта верная посылка наполнялась содержанием, далеким от научного анализа даже того времени: «Родовые черты феодального строя повсеместно одни и те же: таково считать совмещение политического и частного господства сильного, политического и частного подчинения слабого»⁴⁵. Но признавая в общих чертах существование феодализма в России, он сделал упор на его особенности в «видовом смысле». Поэтому он предложил не называть «русский вариант» «феодализмом». Формально признавая феодализм в России, Милюков фактически его отвергал.

Среди большого числа высказываний по поводу работ Павлова-Сильванского следует отметить авторитетное мнение М. М. Ковалевского, который подчеркнул их положительное значение в исследовании «генезиса и характера феодализма» как всеобщей закономерной стадии развития, а не «особенности романо-германского быта». Подобно Карееву, он отмечал необходимость выявления различий в «характере феодализма»⁴⁶.

Ведущие историки России, профессора крупнейших университетов в Петербурге, Москве и Киеве — Сергеевич, Ключевский и Владимирский-Буданов, отстаивая свои взгляды, отозвались о работах Павлова-Сильванского резко отрицательно⁴⁷. Между тем более молодые профессора Петербургского и Московского университетов, С. Ф. Платонов и М. К. Любавский, читавшие основные лекционные курсы по истории России в предреволюционный период (и до 30-х годов в советский период) приняли теорию Павлова-Сильванского о феодализме на Руси XIII—XV вв., сопрягая ее с прежними представлениями об общественной истории России. Платонов отмечал первоначальный «племенной быт», который распался и заменился «областным бытом». С расширением в XI—XII вв. Киевской Руси, «национальное объединение» которой было создано варяжскими князьями и их дружинами в X в., установился родовой порядок наследования

⁴⁵ Милюков П. Феодализм в России // Энцикл. слов. / Брокгауз, Ефрон. СПб., 1902. Т. 35. С. 548.

⁴⁶ Ковалевский М. [Рец.] // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 294—298.

⁴⁷ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. С. 360—362; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 283—289; Сергеевич В. И. Древности русского права. 2-е изд. СПб., 1911. Т. 3. С. 470—475.

столов. Этот порядок разрушался принципом отчинности — семейным наследованием (вслед за Пресняковым). В XIV—XV вв. Платонов отметил «параллели с феодальным порядком Западной Европы» — отношения княжеского вассалитета-сюзеренитета, «смешение начал государственного и частного с преобладанием последнего», установление феодальных форм зависимости по земле (по Павлову-Сильванскому) ⁴⁸.

Любавский более следовал за Ключевским, допуская в X в. «скорее» федерацию племенных и городских волостей с внешней деятельностью киевских князей по охране торговых путей. С географическим, политическим и экономическим разобщением установился, по его мнению, областной строй, определяющее значение в котором имело осевшее на землю боярство. В политическом строе этих земель основными силами являлись веча главных городов, состоявшие из «домовладык» и князей (с определенными изменениями по Сергеевичу). Удельный период XIII—XV вв. характеризовался феодальными отношениями: раздроблением государственной власти, закладничеством и патронатом, жалованиями и кормлениями, переходами бояр и слуг (по Павлову-Сильванскому) ⁴⁹.

В такой сложной и противоречивой историографической ситуации, в которой новые исследовательские направления сложно переплетались с давними научными традициями, Пресняков приступил к составлению лекционного курса и написанию монографии, посвященной общественно-политической истории Руси IX—XII вв.

В поисках новых путей он отказывается от многих положений предшествующих научных направлений: от теории родового быта и «лествичного восхождения» князей и ее позднейших модификаций (от Соловьева до Ключевского и Милюкова), от преувеличения роли торговли и торговых городов и их значения в истории Древней Руси у Ключевского, от равноправных факторов свободного вооруженного народа и веча, с одной стороны, и князя — с другой, в договорной теории Сергеевича, от преувеличения степени развитости государственного строя в древнейший период у Забелина и Владимирского-Буданова и вечевой организации земель у последнего ⁵⁰. Отказываясь во многом от предшествующих научных теорий, он занял особую позицию по отношению

⁴⁸ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. 6-е изд. СПб., 1909. С. 59—61, 117—118 (об этом же писал Платонов в последнем дореволюционном восьмом издании лекций 1913 г. на тех же страницах).

⁴⁹ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. 2-е изд. М., 1916. С. 83—85, 109, 121—125, 174—181.

⁵⁰ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев // Вестн. и библиотека самообразования. 1904. № 41; Он же. Памяти Ивана Егоровича Забелина // Вестн. Европы. 1909. № 2; Он же. Княжое право в древней Руси // Зап. ист.-филол. фак. имп. С.-Петербург. ун-та. 1909 г. Ч. 90. Позднее он многократно обращался к анализу основных исторических концепций в историографических очерках.

к остро дискутируемой в современной ему исторической литературе теории Павлова-Сильванского о феодализме в России. Выяснение сути этой позиции во многом раскрывает содержание исходных посылок в формировании концепции Преснякова об общественно-политической истории Древней Руси.

Отношение Преснякова к теории Павлова-Сильванского о феодализме в России определялось ясно понимаемой необходимостью сравнительно-исторических исследований и тем комплексом представлений о феодализме в странах Западной Европы, которые он освоил еще в университете и которые господствовали в современной ему новейшей историографии. Переписка А. Е. Преснякова и Н. П. Павлова-Сильванского, великолепно изданная С. В. Чирковым⁵¹, раскрывает развитие взглядов Преснякова на новую теорию в 1901—1908 гг., когда он разрабатывал собственную концепцию истории Древней Руси. В анализируемой статье Павлова-Сильванского «Феодальные отношения в удельной Руси», опубликованной в 1901 г., Пресняков выделяет, подобно своему корреспонденту, в качестве основного отличия вассалов от дружинников земельную оседлость и хозяйственную самостоятельность первых, выделяя в качестве поземельной собственности, впрочем, не условное землевладение — феода, а полную земельную собственность — аллод. В основе тождества бояр и вассалов оба исследователя выделили княжескую службу. Но в эти размышления, идущие по новому пути, тут же вклиниваются старые научные представления. Службу, отделенную от поземельных отношений, т. е. от передачи земли князем за службу, Пресняков характеризует дружинной, а не вассальной, а Павлов-Сильванский замечает: «В удельное время еще нет „государства“ в позднейшем смысле», да и с противопоставлением вассалов и дружинников он был полностью согласен: «Ибо дружина — бродящая, боярская служба, как и вассалитет, — оседлая. Во всяком случае, их надо строго различать». Такое ограниченное понимание феодализма приводило Преснякова к давнему «логичному» выводу, согласно которому централизованное государство при Иване III и особенно при Иване IV губило слабые ростки (или «остатки») феодализма, в частности вассалитет, с чем Павлов-Сильванский соглашался лишь отчасти, настаивая на формировании и господстве феодализма в XIV—XV вв.⁵²

Новая концепция увлекла Преснякова, и в письме к Павлову-Сильванскому от 16 октября 1901 г. он сообщает о намерении ввести ее в общий курс лекций по русской истории⁵³, который

⁵¹ Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России // АЕ за 1972 г. М., 1974; перепеч. в кн.: *Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России*. М., 1988. В дальнейшем ссылки даются по изданию 1988 г. (кроме сн. 57).

⁵² Там же. С. 545—547.

⁵³ Там же. С. 549.

читал на Петербургских женских курсах. Между тем Павлов-Сильванский в письме, также датированном 16 октября 1901 г., раскрывал перед своим единомышленником содержание дальнейшей разработки теории о феодализме в России в устанавливаемом тождестве основных институтов: патронат и мундебурдий; вассалитет, поместье — бенефиций и вотчинный феодал, иммунитет, раздробление суверенитета. Он подчеркивал также совпадения в деталях и терминах: прекарий — вкладные грамоты, *beneficium* — «жалованье», поместья, жалованные грамоты, кормления; коммендация — закладничество, *servire* — «служить», «удельно-феодалное разьединение». Павлов-Сильванский отмечал и отличия русского феодализма от западного во внешних различиях разделения суверенитета («деление», а не «узурпация», как на Западе), в «землевладельческой слабости боярства вследствие отсутствия крепостного права, а еще глубже — вследствие большего простора колонизации, обусловившей невозможность закрепощения». Завершая эти наблюдения, Павлов-Сильванский писал: «Многое у нас развито слабее, менее резко выражено, но тождественно по существу. Происхождение феодальных отношений — из общих славянам с германцами первобытных начал права под влиянием одинаковых условий, географических и экономических». Пресняков в ответе на это письмо согласился: «Феодализм русский=феодализму западному»⁵⁴. Согласие в этом основном вопросе двух друзей и единомышленников стало началом более глубокого обсуждения проблемы⁵⁵.

Теоретически Павлов-Сильванский стремился преодолеть ограниченные рамки сравнительно-исторического изучения феодализма отдельными факторами, с тем чтобы исследовать их «социологически», т. е. на основе глубокого теоретического анализа. При этом для него становилась очевидной большая роль Маркса и марксистов в таких исследованиях, но он их тогда считал «узковатыми». Он предпочел «более широкий» путь выделения «основных признаков» феодализма, не установив его генезиса и последующего развития, ограничив феодализм содержательно и хронологически.

Подход Павлова-Сильванского и Преснякова к изучению феодализма в России, несмотря на его прогрессивность по сравнению с предшествующей русской историографией, не нашел продолжения в дореволюционных трудах Преснякова, который не включил феодализм в свою концепцию исторического развития России⁵⁶.

⁵⁴ Там же. С. 550—551.

⁵⁵ Там же. С. 552—563.

⁵⁶ Исследованиям Павлова-Сильванского, посвященным Древней Руси и «феодализму» в России, Пресняков посвятил тонкий по наблюдениям историографический очерк (Из доклада А. Е. Преснякова «Н. П. Павлов-Сильванский» // Отчет о деятельности Учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908 и 1909 годы. М., 1910. С. 48—49).

Объясняя это, Чирков предположил, что «влияние идей о „русском“ феодализме состояло в длительной внутренней разработке этих идей, в своеобразном их вынашивании и введении их Пресняковым в самый фундамент его „ученой постройки“»⁵⁷. Между тем представляется, что отказ Преснякова от понятия «феодализм» в этот период был осознанным. Объясняется он прежде всего степенью разработанности учения о феодализме в новейшей историографии начала XX в. Оно охватывало лишь часть социально-экономического и политического строя в России XIII—первой половины XVI в. Поэтому последующее крепостничество и самодержавие рассматривались как отрицание феодализма, не устанавливая единую сущность общественного строя этих двух периодов.

Альтернативным теории Павлова-Сильванского, но традиционным в определении общественного строя XIII—первой половины XVI в. являлось учение юридической школы о вотчинном характере государства в этот период с последующим «логическим» (по форме, но не по содержанию) развитием самодержавия и крепостничества как закрепощения всех сословий. Так в Москве полагали (с определенными различиями) В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, позднее М. К. Любавский, в Петербурге — А. Д. Градовский, С. Ф. Платонов. Пресняков сознательно выбрал традиционный путь, но «логически» объясняющий различные периоды русской истории. Освоив теорию «феодализма в России», по Павлову-Сильванскому, он не смог ее применить к своей концепции. Поэтому представляется преувеличением поставленный в литературе вопрос о соавторстве Преснякова в труде Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси»⁵⁸. Здесь речь может идти только о высокопрофессиональной редакторской подготовке текста.

В том, что Пресняков все же не использовал в этот период понятие «феодализм» по отношению к истории России, сказалось преобладание для него особенного, частного над общим, закономерным, сущностным. Об этом свидетельствует его запись, относящаяся к 900-м годам: «Шаблонное представление, что Россия переживала и переживает по культурной отсталости своей те же стадии исторического развития, какие пережила в прошлых веках Западная Европа, совершенно нелепо. На всем протяжении своей истории Россия шла, с точки зрения социологической, вровень с остальной Европой, но переживая свои стадии развития по-своему, в иных условиях, создававших более сложную, спутанную для исследователя комбинацию перекрещивавших друг друга процессов, почему и вышло так, что ни один из этих процессов

⁵⁷ Переписка Н. Н. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова. С. 320.

⁵⁸ Муравьев В. А. Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Тр. Моск. гос. ист.-ар. ин-та. М., 1965. Т. 22. С. 285.

(например, феодализация, развитие сословности, индивидуализма, секуляризации и т. д.) не получил в русской истории такого яркого и, так сказать, обособленного выражения, как в истории стран Западной Европы»⁵⁹.

Лишь в советский период «вотчинное государство» в концепции Преснякова стало наполняться феодальным социально-экономическим содержанием, но и в данном случае в соответствии с теорией Павлова-Сильванского.

Основу концепции Преснякова об общественно-политическом строе Древней Руси составляет гипотеза об особом «княжьем праве», которое являлось его основным организующим принципом. Он раскрыл это понятие как «совокупность обычноправовых норм, возникавших вне общего хода правового развития древнерусских земель-княжений, в сфере деятельности княжеских сил, независимой от общего уклада народной жизни». Данный комплекс норм Пресняков стремился проследить в междукняжеских владельческих отношениях и в особой власти князя над теми группами населения, которые находились под специальной княжеской защитой. В XIII—XV вв. этот общественно-политический строй с окняжением общинных земель развился, по его мнению, в удельно-вотчинный строй.

Концепция Преснякова была неразрывно связана со всей системой исторических теорий, которые существовали в русской историографии конца XIX—начала XX в. Автор, преодолевая их односторонность, стремился к более широкому охвату исторических явлений. Однако она не раскрывала их сущность, и поэтому критическое ее содержание оказывалось более обоснованным, чем позитивная часть, а исследовательская позиция автора — двойственной. Пресняков обоснованно критиковал «догматические» начала родовой, общинной и задружной теорий, сторонники которых стремились объяснить содержание общественно-политического строя Древней Руси лишь одним избранным явлением исторической действительности. Последовательно критиковал он «договорную» теорию Сергеевича, которая не учитывала особенностей междукняжеских отношений, объясняемых в определенной мере семейно-родственными отношениями, и в то же время формализуя их, не учитывая развитие политического классового государства в XI—XV вв. Этим теориям Пресняков противопоставил концепцию нераздельного семейного владения и семейного права как основного начала княжеского владения волостями и междукняжеских отношений. Основу этой концепции составил установленный историко-этнографической наукой конца XIX—начала XX в. факт существования нераздельных семей и характерных для них особых форм землевладения и внутрисемейных отношений. Однако абсолютизация этого факта и возведение его в основное

⁵⁹ Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об.

начало общественно-политического строя Древней Руси продолжало те же историософские принципы родовой, общинной и за-дружной теорий, которые критиковались и отвергались Пресняковым. Так что, несмотря на внешнее новаторство концепции Преснякова, ее появление было предопределено давними традиционными построениями исторических теорий в историографии. Вместе с тем несомненной заслугой исследователя явилось то, что он первым в отечественной историографии указал на существование в Древней Руси неразделенных семей как особого вида семейно-хозяйственного коллектива.

В результате такого подхода к изучению общественно-политического строя Древней Руси Пресняков не смог установить основные периоды его развития и их содержание. Поэтому он не увидел на Руси ни единого государства (даже в ограниченных пределах представлений родовой теории), ни «федерации» (как Костомаров), ни суммы суверенных государств-волостей (как Сергеевич). Он полагал на Руси совокупность волостей, на которые распространялись права княжого семейного владения. При этом реализовывалось отчинное право как при наследовании, так и при избрании князя вечем волости-земли. Мнение о волости-земле, состоявшей из главного города, пригородов и сельских волостей как основных социально-политических образований в Древней Руси, также продолжало давние традиции работ Костомарова и Сергеевича. Они были продолжены и модифицированы Владимирским-Будановым и Ключевским. Так что и здесь Пресняков не смог оторваться от предшествующих исследовательских традиций. Но он стремился преодолеть их. Поэтому в период до середины XI в. он указывал политическое единство древнерусских земель, которое отмечал, впрочем, исходя из своей концепции нераздельности семейного житья и владения. Последующее политическое развитие Руси он объяснял распадом семьи на ряд отдельных линий, а общего владения на ряд отдельных отчин вследствие «житейского начала» и «отчинных владельческих интересов». Однако нетрудно заметить, что за этими искусственными объяснениями скрываются верные наблюдения над основными периодами истории политического строя Древней Руси, которые в советской историографии были обоснованно показаны как периоды единого Древнерусского государства и феодальной раздробленности. Эти наблюдения останавливались на поверхности исторических явлений; не раскрывая их сущности, чему препятствовала позитивистская методология исследования, но исследовательский талант Преснякова преодолевал эту ограниченность, объективно разрушая стереотипы историографии и подготавливая предпосылки развития новых взглядов на развитие политического строя Древней Руси.

Между тем концепция Преснякова обладала общим для всех прежних теорий недостатком — политический строй страны отры-

вался от системы общественных отношений. Эта концепция предполагала самостоятельное положение князя в древнерусской земле-княжении. Но и в этом случае Пресняков стремился преодолеть ограниченность современных ему построений, и его теория княжого владения волостями значительно больше связывала князя с землей-волостью, чем авторитетные тогда мнения Соловьева о «лествичном восхождении» князей, Ключевского о князьях — «перелетных птицах Русской земли» (с определенными коррективами оно было продолжено Милюковым), Сергеевича о договорном характере отношений князя и народного волостного веча и т. д. Однако вне сословных отношений, отношений эксплуатации и собственности, вне учения о государстве и его функциях Пресняков не мог раскрыть социально-политическую природу княжеской власти.

Эти же недостатки, характерные для всех теорий об общественном строе Древней Руси, в равной мере сказались при определении Пресняковым социально-политической структуры земли-княжения и места в ней князя. Общинная организация сельского и городского населения оказывалась для него, как и для других историков, чем-то самим по себе сущим вне сословного содержания общественного строя в целом. Поэтому количественное преобладание общин становилось для Преснякова, как, впрочем, и для его современника и ровесника Павлова-Сильванского, качественной характеристикой, что перекликалось со славянофильской общинной теорией. Княжеская власть оказывалась метафизически выделенной из «народной среды», тогда как князь оказывался не только во главе общинного правового уклада народных общин, но и вне их, в сфере особого «княжого права». Отсюда функции княжеской власти также оказывались «внешними» по отношению к земле-княжеству, закономерно не происходящими из структуры его социально-экономического и политического строя, — защита земли от внешних врагов и охрана ее внутреннего мира. Поэтому, несмотря на критику Пресняковым теорий Соловьева, Ключевского, Сергеевича и других об общественно-политическом положении княжеской власти, он оставался близок к ним вследствие единства методологических позиций. Однако неудовлетворенность такой разрозненностью изучаемых социальных элементов, объективно существующая потребность в целостном анализе социально-политических структур способствовали тенденциям уже в пределах позитивистской методологии установления общественных связей зависимости и эксплуатации князьями зависимого населения. У Преснякова эти тенденции нашли выражение в конструкции особой сферы княжого права, противопоставленного народному праву отдельных земель, «местной жизни». Эта конструкция свидетельствовала об односторонности теории Ключевского, но оставалась в круге представлений прочих теорий, вследствие чего для концепции Преснякова особое значение приобретали ряды —

договоры князей с вечем, о чем так много писал критикуемый Пресняковым Сергеевич.

Не смог преодолеть Пресняков и традиционных для современной историографии представлений о возникновении древнерусского города, в основе чего он видел не социально-экономические факторы, а «силу княжую». С вопросом о происхождении города он искусственно связал вопрос о происхождении сотенной организации, полагая вторичное, позднее происхождение тысячно-сотенной, не видя путей ее развития в условиях племенного строя и феодального средневекового государства. Вместе с тем практика исторической действительности, отраженная в исторических источниках, привела Преснякова к обоснованному сомнению в том, что городской строй и строй городской волости являлся строем самоуправляющейся народной общины, о чем писал Сергеевич. С вопросом о происхождении города и городской волости был тесно связан вопрос о вече, понимаемом в прежней историографии как орган народовластия и народоправства вне сословного содержания веча, как, впрочем, и самого «народа». Пресняков обоснованно показывал, что значение городского веча увеличивалось с ростом самостоятельности городов. Но их сущность его концепция княжеского происхождения родов так же не раскрывала, как и мнения о древнейшем происхождении городских вечевых собраний из собраний предприимчивых основателей городов (Сергеевич) или органа олигархической власти торгово-промышленной аристократии (Ключевский), с которыми Пресняков решительно не соглашался.

Третьим элементом в этой конструкции «одиначества» князя и вечевой общины являлась княжеская дружина — по Преснякову, «частноправовой, личный союз, построенный на общности очага и хлеба господина со слугами, союзом, выделяющимся из общего уклада народной общности в особое самодовлеющее целое». Такое понимание дружины правомерно для начального этапа ее существования в период разложения родоплеменного строя. Но у Преснякова оно статично и относится ко всему периоду IX—XII вв., когда дружина ошибочно противопоставлялась им бесклассово характеризуемой городской «и в этом смысле народной власти». Пресняков не увидел значительной эволюции в это время самого понятия «дружина», которое стало обозначением иерархически организованной, сложной по составу и функциям служилой части господствующего класса. Поэтому его представление о дружине существенно архаизировало общественные отношения в Древней Руси. Вместе с тем Пресняков отметил те явления в истории дружины, которые размывали его же ограниченные представления. Это были важные находки конкретно-исторического анализа: интеграция дружины и местной знати, формирование боярского сословия, дружина как источник кадров аппарата государственного управления и княжеского господского хозяйства,

дружина как «историческое зерно будущего строя поместных военных сил», т. е. военно-служилого сословия. Важные наблюдения были сделаны Пресняковым о дружинном землевладении уже в XI в., причем «в XII век боярство переходит, — по его мнению, — классом с самостоятельным общественным и экономическим положением», впрочем, односторонне ограничивая боярство «высшим разрядом дружины» и не видя местного неслужилого боярства. Новаторским и плодотворным стало установление связей законодательства Владимира Мономаха с обострившейся социальной борьбой (в пределах позитивистской методологии Пресняков не мог подняться до понимания ее как борьбы классово́й). Это законодательство, по его словам, «должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения черного люда». Эти наблюдения были продолжены и развиты в советской историографии Б. Д. Грековым, С. В. Юшковым, М. Н. Тихомировым, Б. А. Рыбаковым, В. В. Мавродиным и другими исследователями.

В характеристику общественного положения князя Пресняков включал также княжеское землевладение. Однако эти плодотворные наблюдения были существенно ограничены пониманием населения княжеских сел как объекта княжой защиты, опеки и власти. Такой подход исключал анализ общественных отношений в процессе общественного производства и поэтому не раскрывал сущности отношений зависимости и эксплуатации в господском хозяйстве. Вместе с тем несомненной заслугой Преснякова являлась констатация на Руси в XII в. развитой системы землевладения, княжеского, боярского и церковного, хотя он не раскрывал закономерность их появления как следствие социально-экономического развития общества, а накладывал эту систему землевладения сверху, извне «общего уклада народного быта».

Концепция «княжого права» свидетельствовала о неудовлетворенности передовых представителей либеральной историографии состоянием современной им исторической науки и вместе с тем об их трудностях в создании плодотворной всеобъемлющей теории, раскрывающей содержание общественно-политического строя Древней Руси (как, впрочем, и общественно-политической истории в целом). Она метафизически расчленила социально-политические категории и институты, лишь частично охватывая все богатство и сложность исторической действительности, не раскрывая их классового содержания. Поэтому вполне закономерно, что Пресняков, как и ранее Павлов-Сильванский, не увидел в изучаемых явлениях исторической действительности развития феодальных отношений. Но была и другая причина, методическая, вследствие которой Пресняков, подобно Павлову-Сильванскому, не видел в Древней Руси развивающихся феодальных отношений — это соотнесение устанавливаемых социально-политических категорий и институтов с тем стереотипом, который сложился в исторической

науке в результате изучения северофранцузского феодализма. Именно так, сравнивая развитые феодальные институты и категории Руси XIV—XVI вв. и Франции, Павлов-Сильванский доказывал существование феодализма в России, и поэтому он не видел его в более ранний период.

Вместе с тем Пресняков, талантливый исследователь, сделал ряд ценных конкретно-исторических наблюдений, которые показывали дискуссионность авторитетных тогда концепций Ключевского, Сергеевича, Владимирского-Буданова. Преодолевая сковывающие возможности позитивистской методологии и сложившиеся исследовательские стереотипы, он приходил к выводам, которые были поддержаны и развиты в советской историографии. Все это сделало концепцию Преснякова важным явлением в истории отечественной исторической науки.

Концепция особого «княжого права» легла в основу курса лекций Преснякова по истории Киевской Руси. Пресняков составлял свой курс в особых условиях. Конец 900-х—середина 10-х годов были временем, когда в распоряжении студентов по истории Киевской Руси было несколько новейших опубликованных лекционных курсов профессоров ведущих российских университетов — Бестужева-Рюмина, Ключевского, Платонова, Любавского, а также историко-правовые курсы Сергеевича, Владимирского-Буданова и Дьяконова. К тому же, напомним, Пресняков читал свой специальный курс на историко-филологическом факультете Петербургского университета как параллельных лекций для студентов, которые уже прослушали на первом году обучения основной курс профессора Платонова. В этих условиях Пресняков, всегда стремившийся к творческой самостоятельности, искал свой подход к раскрытию основных проблем истории Киевской Руси (здесь и далее речь идет только об этом специальном курсе в соответствии с темой издания) и ему удалось создать такой оригинальный по содержанию курс лекций. Оригинальна была новая в русской историографии концепция «княжого права», которая существенно отличалась от господствовавших в то время теорий. Но и другие вопросы освещались во многом по-новому.

Редакция 1907—1908 гг. начиналась вступительной лекцией, посвященной острой проблеме определения места «киевского периода» в русской истории. Лекционные курсы Ключевского и Платонова, равно как и его предшественника по кафедре Бестужева-Рюмина, не учитывали, что древнерусский период являлся в равной мере начальным этапом в истории народов, как тогда говорили, Западной Руси, Литовско-Русского государства, т. е. Украины и Белоруссии. Наряду с этим односторонним представлением существовали националистическая теория Грушевского о Киевской Руси как начале только украинского народа⁶⁰, тогда

⁶⁰ Грушевський М. Історія. Т. 1—3.

как теория Милюкова игнорировала древнерусский период, начиная историю русского «национального самосознания» с северо-восточных земель Руси XII—XIII вв. и лишая ее глубоких корней предшествующего исторического периода⁶¹.

Пресняков решительно указывает на односторонность и ошибочность таких представлений. Привлекая новейшие тогда исследования М. К. Любавского, Н. А. Максимейко, М. Н. Ясинского, собственные наблюдения, он показывает, что древнерусский период, или Киевская Русь, был единым началом в истории русского и украинского народов (история белорусского народа тогда еще только начинала изучаться в составе так называемого Литовско-Русского государства). Такой подход к древнейшему периоду отечественной истории оказался близок определению места Киевской Руси в истории трех народов, русского, украинского и белорусского, в советской исторической науке⁶². Однако Пресняков не мог раскрыть социально-экономического, политического и культурного содержания становления этих народов. Верно решая вопрос исторически о месте древнерусского периода в истории русских и украинцев, Пресняков не мог преодолеть методологической ограниченности позитивизма в определении содержания понятий «народ», «народность», которые он односторонне рассматривал как «культурно-психологическое» явление⁶³. В такой постановке проблемы было еще сильно влияние Милюкова. Однако в конце 900-х—начале 10-х годов Пресняков решительно освобождался от влияния идей Милюкова. Видимо, поэтому во второй редакции лекций 1915—1916 гг. он опустил вводную лекцию первой редакции и начал изложение истории Древней Руси с периода распада праславянского единства. Эту тему Пресняков раскрывал прежде всего в соответствии с новейшими лингвистическими исследованиями А. А. Шахматова и археологическими работами А. А. Спицына, крупнейших специалистов того времени в данных научных областях⁶⁴. Эти материалы существенно расширили данные традиционно используемых письменных источников.

Таким образом, Пресняков с его обостренным чувством всего нового, один из первых русских ученых, которые комплексно

⁶¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 3-е изд. СПб., 1909. Ч. 3: Национализм и общественное мнение, вып. 1.

⁶² Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). М., 1954. С. 5.

⁶³ О содержании понятия «древнерусская народность» см.: Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

⁶⁴ См. новейшие обобщающие лингвистические и археологические исследования советских ученых по периоду праславянского единства и истории восточных славян: Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян // *Вопр. языкознания*. 1982. № 4, 5; 1984. № 2, 3; 1985. № 4, 5; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

использовали материалы письменных, археологических и лингвистических источников при изучении истории Древней Руси. Это направление стало основным в советской историографии в трудах Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова, В. И. Равдоникаса, Н. Н. Воронина и многих других исследователей, которые уже в 30—40-е годы значительно расширили применение комплексных методов исследования при изучении уровня развития производительных сил и общественных отношений, что позволяло установить объективные критерии в определении процесса развития феодального общества в древнерусский период отечественной истории.

Пресняков не пытался пересмотреть господствовавшую во второй половине XIX—начале XX в. теорию «городовых областей» как исторического этапа развития Руси, сменившего «родовой быт». Однако он видел, что мнение Ключевского, а вслед за ним и Платонова о формировании «городовых земель-областей» в результате активной внешней торговли до пришествия варягов в IX в. не подтверждается источниками, и поэтому он соединил эти мнения о формировании земель и пригородов, подчиненных главным городам, с норманистским тезисом об определяющей роли варягов в формировании древнерусской государственности. Также в круге представлений того времени находится мнение Преснякова о Киевской Руси конца X—начала XI в. как сумме «городовых областей» или «земель-княжений». Древнерусское государство при этом исчезает, исчезают предпосылки изучения объективных причин образования государства и его функций, но формулируются исходные посылы теории «княжого права» — власти и юридических прав ослабяннвшейся варяжской династии над строем сельских и городских общин, организация «княжой защиты» и княжеского господского хозяйства с последующим окняжением общинных земель и образованием в XIII—XV вв. княжества-вотчины с патримониальной или полной вотчинной собственностью князя на территорию княжества.

В «Лекциях» содержатся также ценные экскурсы о крещении Руси и развитии церкви как особой части господствующего класса, крупного землевладельца, эксплуатирующего зависимое население⁶⁵. Внимание Преснякова постоянно привлекает международный аспект исторического развития Киевской Руси от ее истоков, когда восточные славяне оказались в сфере воздействия могущественных враждебных сил тюркских кочевых народов и Хазарии, до подъема могущества Руси в X—XII вв., когда она всту-

⁶⁵ Новейшие исследования см.: Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Он же. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972; Он же. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

пила в активные политические отношения со странами Запада, Востока и Византией⁶⁶.

Большое значение имели наблюдения Преснякова над Русской Правдой. Показывая ошибочность мнения Ключевского о Русской Правде как выражении «нужд местной церковной юрисдикции», он стремится установить исторический подход к этому правовому памятнику, совершенно верно указывая на необходимость учета его развития от древнейших редакций краткой Правды к пространной Правде. Не все может быть сейчас принято в этом анализе, на который большое влияние оказала концепция «княжого права», включая историю текста пространной редакции Русской Правды⁶⁷. Но конкретно-исторический анализ привел Преснякова к важному выводу о влиянии социальной борьбы на древнерусское право. Этот вывод имел большое значение для последующего плодотворного изучения Русской Правды, которая исследовалась уже как юридический памятник классового феодального общества в трудах Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова и многих других ученых.

Методологические позиции не позволили Преснякову преодолеть круг основных представлений прежней историографии об общественно-политическом строе Киевской Руси. Его тонкие критические замечания указывали на уязвимость концепций ведущих специалистов того времени, предшественников и современников от Соловьева до Ключевского, Сергеевича, Владимирского-Буданова, Грушевского. Для отношения Преснякова к идеям, в частности, Грушевского характерно, что, решительно размежевавшись с его националистической концепцией Украины — Руси, Пресняков принял ряд его конкретно-исторических наблюдений, сделанных в русле русской либерально-буржуазной исторической науки. Несмотря на ряд ценных конкретно-исторических исследовательских находок, оригинальная по внешней форме концепция «княжого права» оказалась во все том же замкнутом круге представлений об общественно-политическом строе Киевской Руси, свидетельствуя в то же время о неудовлетворенности передовой части ученых сложившимися в науке концепциями. Поэтому монография Преснякова «Княжое право в древней Руси»

⁶⁶ Новейшие обобщающие исследования см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси. IX—первая половина X в. М., 1980; Он же. Дипломатия Святослава. М., 1982.

⁶⁷ Пресняков указывал на необходимость новых подходов в археологии и источниковедении Русской Правды (Пресняков А. [Рец.] Л. К. Goetz. Das Russische Recht. Bd. 1, 2. Stuttgart, 1910—1911 // ЖМНП. 1912. № 11; Он же. [Рец.] И. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920; С. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов, 1921 // Книга и революция. Пг., 1921. № 1). Эта задача была выполнена классификацией списков Русской Правды В. П. Любимовым, а также академическим изданием Русской Правды под редакцией Б. Д. Грекова (Правда Русская. М.; Л., 1940—1963. Т. I—III).

и его лекции являются ценным памятником русской исторической мысли начала XX в.

Концепция общественно-политического строя Древней Руси, сформулированная Пресняковым, сразу же вошла в научный оборот. Ее положительное воздействие на современную ей историографию сказывалось в том, что она показывала настоятельную необходимость пересмотра существующих теорий в данной области исторического знания. Она побуждала мысль к новым поискам и обобщениям, свидетельствуя о необходимости качественно нового подхода в изучении древнерусского периода отечественной истории.

После Октябрьской революции он первоначально придерживался прежних взглядов на Русь как удельно-вечевую, с «княжим правом» и общиной как определяющими ее общественно-политическими факторами. В конце 20-х годов представление о феодализме как особой форме «вотчинного строя» в XIII—XVI вв. стало составной частью исторической концепции Преснякова. В таком понимании феодализма нашли выражение уже новые представления по сравнению с предшествующими его работами, в частности, социально-экономическое содержание классовой борьбы в этот период как борьбы боярщины с крестьянской волостью и захвата крупным землевладением волостных земель и крестьянской рабочей силы (близко к Павлову-Сильванскому). Пресняков ввел в свою концепцию «вотчинного строя» Московского государства, соединив ее с теорией Павлова-Сильванского о феодализме в России, понятие экономической эксплуатации. Но вместо процесса развития производственных отношений, классов, государства феодализм сводился им все к тому же соединению политической и экономической власти в вотчинном хозяйстве. Феодальный политический строй по-прежнему отождествляется с центробежными силами, удельной раздробленностью государства. Процесс централизации государства рассматривается как противоположный «феодальной, удельно-вотчинной» России, что подразумевало (Пресняков этого не пишет) конец «феодализма», который сменило «вотчинное самодержавие» Московского государства, «властно распоряжавшегося земельным фондом и трудовой силой страны, подчиняя их своим финансовым требованиям и организации служилого землевладения»⁶⁸.

Показательно, что эта концепция, в значительной мере преобразованная под воздействием исследований 20-х годов, была опубликована в книге, редактором которой являлся М. Н. Покровский. В эти годы и сам Покровский находился еще под значительным влиянием идей Ключевского и Павлова-Сильванского.

⁶⁸ Пресняков А. Московское государство XVI—XVII вв. // Книга для чтения по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Харьков, 1930. Т. 1. С. 26—27, 43.

Но Пресняков чутко воспринимал те идеи, которые возникали в советской исторической науке конца 20-х годов. Он вновь пересмотрел свою концепцию средневековой истории России, причем ее основным содержанием явилось становление, расцвет и упадок феодализма. Впрочем, в ней сказалось и влияние Покровского. Эта работа, названная Пресняковым «Феодализм в России», осталась неопубликованной⁶⁹. Она имеет большое историографическое значение, поскольку показывает, какими путями один из ведущих историков России пытался преодолеть ограниченность теорий прежней историографии, существенно эволюционируя во взглядах.

Начало феодализма Пресняков указывал в древнерусский период. Содержание этого процесса он раскрывал как «зачатки феодализма в Киевской Руси» и «процесс феодализации в Киевском периоде»⁷⁰. Однако социально-экономическая и политическая структура Руси X—XII вв. излагалась им в соответствии с дореволюционными концепциями. Политическая власть, согласно Преснякову, принадлежит князьям, но «сильно ограничена» городскими вечевыми народными собраниями. Князю служит дружина военных людей — особая организация, независимая от городских вечевых общин. Между князем и его дружиной существуют договорные отношения добровольной службы с содержанием дружины на княжеские средства и княжеской защитой, которая выражалась в подсудности князю и двойной вине в случае убийства дружинника.

Эти наблюдения, сделанные еще в «Княжом праве», Пресняков развил, включив экономические факторы, как их понимал Ключевский, а под его влиянием Рожков, В. В. Святловский, Покровский. Первоначальная примитивная торговля пушниной, кожами, воском, медом, рыбой с Византией, Востоком и Западом к XI в. существенно развилась, что вызвало рост городов. Это способствовало подъему промыслового и земледельческого хозяйства, которое подняло значение землевладения. В XI—XII вв. Пресняков отмечает крупное землевладение князей и бояр (у последних посредством наделения княжескими селами и освоения лесных и водных угодий руками челяди, т. е. рабов-холопов). Крупное светское и церковное землевладение вырастает рядом с мелким дворишным землевладением сельского населения, организованного в соседские общины-верви. Крупное землевладение, по Преснякову, соединено с мелким промысловым и земледельским хозяйством, которое эксплуатируется посредством сбора владельческого натурального дохода. Рабочую силу таких «имений» составляла челядь, посаженная на земельные участки, «сторонние крестьяне-смерды, переходившие на владельческую землю», изгои, «т. е. вы-

⁶⁹ Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 28.

⁷⁰ Там же. Л. 1.

битые судьбой из состава общественных союзов, к которым раньше принадлежали», закупы, попавшие в экономическую кабалу. Бояре-землевладельцы собирали с сел владельческие дани, устанавливали «судебную и полицейскую власть» над населением владельческих сел. Они имели свою боярскую дружину. Традиционная боярская служба князю сохранялась, но «дружина к XII в. разрастается количественно и, приобретая землевладельческую базу, становится общественным классом, значительным и влиятельным независимо от ее службы князю как землевладельческая аристократия»⁷¹. Из этих бояр князья назначают в свою «военную и гражданскую администрацию» тысяцких, воевод, посадников, «правительственный совет» — «бояр думающих». Экономическая самостоятельность «боярского класса» приводит к его относительному освобождению от княжеской власти, подавляя подчас значение князя и самостоятельность вече, «подчиненного их руководству и часто служившего орудием боярских партий»⁷². В росте экономического, социального и политического значения крупного боярского и церковного землевладения Пресняков отмечал основную причину борьбы между княжеской властью и боярством, «жестоких кризисов» перестройки дружинных отношений в новые, феодальные, которые сменяли дружинные и вечевые отношения. Значение торговли на Руси падало с началом крестовых походов и ростом значения средиземноморских торговых путей. Русским торговым городам и вечевому строю татаро-монгольское нашествие нанесло, по мнению Преснякова, «только последний удар»⁷³.

Другой стороной исторического процесса, по Преснякову, стал рост значения княжеской власти, двора, дворцового хозяйства, княжеской администрации и «кормлений» — «пожалований», что придавало княжескому управлению характер вотчинного владения. Все эти причины способствовали победе в XII в. центрбежных сил над центростремительными — обособлению земель-княжений во владения отдельных линий княжеского рода⁷⁴. Так Пресняков подводил к выводу о появлении «основных признаков» феодализма уже в XII в.: распад территории и власти, дробление на отдельные земли-княжества, их вотчинно-владельческий характер, появление вотчинного землевладения. Эти «основные элементы феодализации» составили процесс, который, — по Преснякову, — к исходу Киевского периода достиг значительной зрелости»⁷⁵.

Второй период развития феодализма Пресняков называет «феодализм удельно-вотчинного периода» в XIV—XV вв., соединяя новое для его концепции название определенного общественного

⁷¹ Там же. Л. 1—5.

⁷² Там же. Л. 5—6.

⁷³ Там же. Л. 7.

⁷⁴ Там же. Л. 8.

⁷⁵ Там же. Л. 11.

строю и прежнее обозначение удельно-вотчинного периода. Переломное значение он придавал переменам в XIII в., когда происходило углубление процесса феодализации, но в различающихся формах русского Севера, белорусско-литовского Запада и украинского Юго-Запада. «Наиболее типичным» он считал «русский феодализм» в Великом княжестве Владимирском и Великом Новгороде⁷⁶. В условиях активной внутренней колонизации, развития земледелия и сельских промыслов, преобладания натурального хозяйства, земледельческого и промыслового, определяющее значение в «экономическом быте» приобрело землевладение. «Слагаются два типа „русской сеньории“ — вотчинное княжество и боярская вотчина»⁷⁷. Политическое выражение этот процесс находил в упадке «вечевых общин», в наследственности удельных владений и договорных отношениях между удельными князьями и великим князем при полном разделении власти. Крупное светское и церковное землевладение, для которого по-прежнему было характерно соединение с мелким хозяйством, являлось опорой княжеской власти, осуществлявшей вотчинную власть над всем местным населением, против волостного крестьянского землевладения и волостного народного права. В свою очередь, княжеская власть передает вотчинникам податной и судебный иммунитет. Но важно отметить, что, находясь в начале длительной дискуссии в отечественной историографии о происхождении иммунитета, Пресняков тонко отмечает, что жалованные грамоты не создают нового права, а «утверждают сложившиеся отношения»⁷⁸, т. е. Пресняков видел, что сложившиеся общественные отношения предшествовали их правовому оформлению государством. Особое внимание он уделил боярству и служилым людям, формам их военной и административной службы, обеспечению за службу «кормлениями», которые на Руси в отличие от стран Западной Европы не стали наследственными, «не феодализировались до конца» (т. е. западноевропейские феодальные институты оставались еще моделью, степень соответствия которой определял уровень «феодализации»). «Зато в своей вотчине, — писал Пресняков, — боярин — полновластный феодал»⁷⁹, устанавливая вслед за Павловым-Сильванским ее полное тождество с западноевропейской сеньорией.

Наряду с этим социально-политическим строем в удельно-вотчинный период, «тождественным с типичными чертами западноевропейского феодализма», Пресняков выделил особенности феодализации в «севернорусских наропоправствах» Великого Новгорода и Пскова⁸⁰, для которых было характерно сохранение

⁷⁶ Там же. Л. 12.

⁷⁷ Там же. Л. 13—15.

⁷⁸ Там же. Л. 22.

⁷⁹ Там же. Л. 25.

⁸⁰ Там же. Л. 26—31.

определяющего значения «вечевой общины» с ее феодально-договорными отношениями с князьями. Но в этих отношениях Великий Новгород выступает как «коллективный феодал» (в таком выводе принципиальное отличие его толкования от понимания городской общины в прежней историографии). Этот характер «коллективного феодала» Новгород сохраняет по отношению к своим пригородам и населению своей земли.

С образованием централизованного Московского государства в XVI в. Пресняков отмечает «разложение феодализма». Его содержание заключается в смене обширных феодальных владений предыдущей эпохи более мелкими поместьями и служилыми вотчинами, бояр-феодалов сменяет новый господствующий класс служилых землевладельцев, «дворян и детей боярских», который служит опорой самодержавию в его борьбе с боярством и «своими интересами определяет всю его социальную политику». «Смена боярско-княжеского удельно-вотчинного феодализма дворянской самодержавной монархией — результат коренного сдвига во всем строе русских общественных отношений, обусловленного в конечном счете перерождением их народнохозяйственной базы». Эти изменения являются причиной новых форм эксплуатации сельского населения, начала крепостничества. В этих преобразованиях Пресняков видит смену новым социально-политическим строем прежнего, «феодального»⁸¹. Но вместо прежнего противопоставления этих двух периодов он в принципе не возражает против использования понятия «новый феодализм», подчеркивая положительные и отрицательные, по его мнению, стороны в его использовании: «Такая терминология подчеркивает существенное сходство между старым и новым феодализмом: господство землевладельческого класса (хотя и разных его слоев), зависимость крестьянства (хотя и в разных формах), преобладание сельского хозяйства (хотя при разной его организации). Но такая точка зрения не должна закрывать принципиальных отличий нового строя: крепостного хозяйства от хозяйства феодального, возвышения дворянства за счет боярства и торжества самодержавной монархии над дроблением власти и территории в феодальном строе»⁸².

Тогда же Пресняков подготовил публикацию юридических и нарративных источников XIV—XVII вв., в которых содержались материалы об общественных отношениях в Московской Руси в период, «который начинается господством феодального строя, а кончается утверждением абсолютной монархии»⁸³. Эта подготавливаемая книга имела принципиальное заглавие «Боярский феодализм».

⁸¹ Там же. Л. 36—37.

⁸² Там же. Л. 38.

⁸³ Там же. Д. 29. Л. 106.

Таким образом, в конце творческого пути Пресняков интенсивно работал над совершенствованием своей концепции истории Древней Руси, которую соединил с последующими периодами отечественной истории: процесс развития феодализма, согласно этой концепции, начинался в Киевской Руси. В основе преобразований общественного строя он стремился установить экономические причины. Впрочем, в основе понимания Пресняковым феодализма оставалась концепция Павлова-Сильванского. Он освобождался от теории государственной школы о закреплении сословий. В то же время он стал допускать во второй половине XVI—XVII в. существование феодализма. И показательно, что в этот период речь идет не о преемственности феодальных институтов, а о единстве основных экономических и социальных элементов. Выделение общего и особенного подводило к мысли о новом, крепостническом этапе развития феодализма. Однако такого вывода Пресняков не сделал.

С большим интересом Пресняков отнесся к теории Н. Я. Марра, принимая ее за новейшее достижение науки. Он попытался по-новому рассмотреть проблемы этногенеза восточных славян, привлекая последние по времени работы, и проследить древнейшие элементы в восточнославянской культуре, руководствуясь марровской концепцией глотто- и этногенеза⁸⁴.

Значительная эволюция в 20-е годы взглядов Преснякова на историю России свидетельствует об активном взаимодействии его трудов и новых направлений в советской историографии. Однако по отношению к древнерусскому периоду его концепция претерпела наименьшие изменения. Новое в его анализе общественного строя Древней Руси шло от концепции Павлова-Сильванского. Последовательно проводя ее принципы, он установил наличие феодализма на Руси в XII в., но в отдельных социально-политических институтах и общественных категориях. Однако вопрос о генезисе феодализма в Древней Руси не мог плодотворно исследоваться исходя из ограниченных толкований о наличии или отсутствии тех или иных институтов и признаков феодализма по мере соответствия их западноевропейскому феодализму.

Впрочем, творческое наследие Преснякова было живым. Такие специалисты, прошедшие творческую лабораторию пресняковского семинара в университете, как Б. А. Романов, С. Н. Валк, П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов, Б. Я. Закс, Н. Ф. Лавров и другие, их ученики внесли значительный вклад в отечественную историческую науку в исследовании всех периодов истории России, в источниковедение, историографию, археографию.

⁸⁴ Пресняков А. Е. Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы // Яфетический сборник. Л., 1926. Т. 5.

ПРИМЕЧАНИЯ

КНЯЖОЕ ПРАВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Книга была опубликована в 1909 г. в серийном издании «Зап. ист.-филол. фак. имп. С.-Петербургского ун-та» (Ч. 90) и после этого не переиздавалась. Текст данной публикации воспроизводится по этому изданию. Сокращения слов раскрыты, опечатки исправлены, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами. Авторские примечания обозначены цифрой, научно-справочный аппарат книги приводится по современному издательским нормам. Примечания издателя указаны цифрой со звездочкой и приведены в конце книги. Переводы иностранных текстов выполнены издателем, они приведены в квадратных скобках рядом с текстами.

Искренняя признательность А. К. Гаврилову за редактирование выполненных переводов.

Предисловие

^{1*} А. Е. Пресняков имеет в виду вывод С. М. Соловьева и следовавших за ним историков о древнерусском общественно-политическом строе, который выражался, в частности, в «лествичном восхождении» князей от «младших» столов к «старшим» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1988. Кн. I. С. 333—339*).

^{2*} Пресняков указывает основной принцип в объяснении междукняжеских отношений Сергеевичем и следующих за ним представителей государственной школы (*Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867. С. 122—272*).

^{3*} Пресняков тонко почувствовал уязвимость своего определения смердов как особой группы волостных людей, находившихся под особой властью князя, несущей в его пользу особые повинности. Исследованию Преснякова о смердах предшествовали многочисленные работы, в которых высказывались самые различные мнения о смердах: смерды были свободными (И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, А. Рейц), смерды были несвободными (Н. А. Полевой, М. Т. Каченовский), смердами называлось все сельское население (С. М. Соловьев, М. А. Дьяконов), смерды — зависимые на княжеской земле (В. Н. Лешков, С. В. Ведров, Д. Я. Самоквасов). В советской историографии в социально-экономическом и правовом положении смердов исследователи видели выражение процесса развития феодальных общественных отношений. Поэтому отношение смердов к княжеской власти стало объясняться классовым развитием всего общества. Смерды определялись (с различиями в толкованиях) как все сельское население, а также как феодально зависимое (Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин, М. Б. Свердлов), только свободные (М. Н. Покровский, Б. А. Романов, Б. И. Сыромятников, С. А. Покровский). С. В. Юшков и Е. Д. Романова полагали в смердах только феодально зависимое значение, тогда как А. А. Зимин в социально-правовом положении смердов видел следствие разложение холопства-рабства. По мнению Б. А. Рыбакова, смерды — особая категория феодально зависимых с правами лично свободных. Есть и другие мнения. Историографические обзоры см.: *Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. Т. II. С. 171—182; Черепнин Л. В. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 176—182; Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 84—93; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 135—139.*

^{1*} Пресняков имеет в виду проводимое в польской историографии конца XIX—начала XX в. различие «городской» и «опольной» организаций. Это различие устанавливалось без учета единства их социально-политической природы. В новейшей историографии «городская» организация рассматривается как свойственное средневековой Европе государственное административно-территориальное, судебное и военное управление, опорными центрами которого являлись города, где находились члены княжеского (королевского) аппарата (*Krzemińska B., Trześniak D. Služebná organizace v raně středověkých Čechách // Československý časopis historický. 1964. R. 12. N 5. S. 665; Lalik T. Organizacja grodowo-prowincjonalna w Polsce XI i początków XII w. // Studia z dziejów osadnictwa. W., 1967. T. 5. S. 6—9.* «Опольная» организация рассматривается в новейшей литературе как соседская территориальная община — марка (*Buczek K. Organizacja opolna w Polsce średniowiecznej // Studia Historyczne. W., 1970. R. 13. S. 205—250; Kultura Polski średniowiecznej X—XIII w. W., 1985. S. 126—127.*).

^{5*} Позднее Пресняков обстоятельно рассмотрел вопросы периодизации и содержания развития «удельно-вотчинного» строя, которое он относил к периоду от формирования в XII в. к становлению «вотчинного государства» и завершению этого процесса в XV в. (*Пресняков А. Е. Московское царство. Пг., 1918.*). Показательно стремление Преснякова к поиску внутренних причин развития социально-политического строя Руси в отличие от Сергеевича, с которым он полемизирует. Сергеевич в поисках причины завершения земско-вечевого строя, предполагаемого им на Руси XI—XII вв., обратился к внешнему фактору — «татарскому завоеванию» (*Сергеевич В. И. Вече и князь.*).

^{6*} Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — филолог, лингвист, историк, академик (*Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1947. С. 253—293.*).

^{7*} *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. В этом исследовании, не утратившем научного значения до сих пор, наиболее глубоко в дореволюционной историографии раскрыта история русского летописания XI—XV вв. Шахматов показал, что летописи являлись сводами предшествующих историко-литературных сочинений, актовых и агиографических материалов, различного рода устных преданий и сообщений. Эти своды имели длительную предшествующую историю и были политически тенденциозны в изложении общественных событий, что объективно ограничивало иллюстративное использование летописи при изучении социально-политической истории без учета их предшествующего источниковедческого анализа. В советском источниковедении изучение древнерусских летописных сводов было существенно развито в трудах М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто и других ученых (*Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: (Обзор советской литературы). М., 1975.*).

^{8*} Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, археограф, академик, профессор Петербургского университета, крупный специалист по истории России XVI—XVII вв. Не изучая самостоятельно древнерусский период, он излагал в регулярно переиздававшихся «Лекциях по русской истории» (до 1913 г. — 8 изданий), на которых воспитывались многие поколения студентов Петербургского университета, компилятивную концепцию, включавшую распространение во второй половине XIX—начале XX в. мнения о древнерусской истории, но модернизированной по мере развития исторической науки. Отмечая смену «племенного быта» «областным бытом», он считал киевских князей IX—X вв. «защитниками страны, которые за известную плату охраняют общество от неприятеля». Признавая на Руси XI—XII вв. родовой порядок наследования столов (вслед за Соловьевым и Ключевским), который поддерживал земское единство, он снимал свойственные концепции Ключевского ограничения понимаемые экономические факторы, вследствие чего междукняжеские отношения и строй городских властей приобретали самодовлеющее значение. В удельный период Платонов стал признавать вслед за Павловым-Сильванским аналогии на Руси с западноевропейским феодализмом.

^{9*} Книга Преснякова «Княжое право в древней Руси» была опубликована в продолжающемся издании «Зап. ист.-филол. фак. имп. С.-Петербургского ун-та» (Ч. 90).

^{10*} Книга Преснякова имела три указателя: имен, авторов, предметный. Б. А. Романов сам составил эти указатели, чем помог очень занятому Преснякову в скорейшей публикации монографии.

Очерк первый

^{1*} В начале XX в. ошушался недостаток монографических исследований по социально-политической истории Древней Руси, тогда как концепционное изложение этого периода содержалось в обобщающих трудах и курсах лекций по истории России С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова, С. Ф. Платонова. Эти работы неоднократно переиздавались.

^{2*} Максимейко Николай Алексеевич (1870—1941) — историк права, профессор Харьковского университета, автор трудов по истории права Руси и Великого княжества Литовского.

^{3*} Леонтович Федор Иванович (1833—1911) — историк права, профессор Новороссийского и Варшавского университетов, разрабатывал «задружную» теорию, в которой преувеличивалось значение задруги и задружных отношений в социально-экономической и политической жизни средневековой Руси, южных и западных славян.

^{4*} Очерк Преснякова о формах семейной организации в древний период истории славянских народов имеет существенное историографическое значение. Показывая ошибочность внеисторического использования понятия «задруга» к политическому строю Древней Руси и семейно-хозяйственной организации древнерусского сельского населения, Пресняков одним из первых в русской историографии ввел в типологию исторического развития семьи понятия «неразделенная семья» и «неразделенные братья» в определениях, соответствующих уровню развития историко-этнографической науки того времени. Однако эти наблюдения, приведенные без учета определяющего значения развития производительных сил на формы семейной организации, не позволили ему раскрыть содержание главных закономерностей основных периодов развития семьи. В равной мере, приводя веские аргументы против односторонней «родовой» и «договорной» теорий (в том числе об эклектичности первой в трудах В. О. Ключевского), Пресняков предполагает в формах семейной организации объяснение системы землевладения и политического строя в Древней Руси. Однако такой метод не учитывает социально-экономических причин в развитии семьи, с одной стороны, и общественно-политического строя — с другой, их различного места в структуре общества в целом.

^{5*} Русская Правда — древнерусский свод законов, содержащий нормы устного и писаного права. Краткая редакция Русской Правды состоит из так называемой Древнейшей Правды, изданной, вероятно, в 1015—1016 гг., и так называемой Правды Ярославичей (середина XI в.). Пространная редакция Русской Правды сформировалась, вероятно, в первой трети XII в. Обстоятельные очерки по историографии и археографии Русской Правды см.: *Калачов Н. В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Рассуждение, писанное для получения степени магистра кандидатом прав Н. Калачовым. М., 1846. С. 1—42; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 7—32; *Юшков С. В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 225—239; 272—287; *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 120—132; *Он же.* И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. XIV; *Он же.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в. // АЕ за 1958 г. М., 1960; *Он же.* Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40-х годов XIX в. // АЕ за 1959 г. М., 1960; *Шапов Я. Н.* Калачов как буржуазный источниковед // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964; *Никитин А. Л.* Болтинское издание Правды Русской // Вопр. истории. 1973. № 11; см. возражения этой работе: *Валк С. Н.*

Еще о Болтинском издании Правды Русской // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX; *Хачатуров Р. Л.* Некоторые методические и теоретические вопросы становления древнерусского права. Иркутск, 1974. С. 12—41; *Зимин А. А.* Из историографии советского источниковедения («Русская Правда» в трудах С. В. Юшкова) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; *Кочин Г. Е.* Русская Правда // Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979; *Гальперин Г. Б.* Древнерусское право // Там же. Новейшее исследование см.: *Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

^{6*} Обстоятельное исследование Полицкого статута, сравнение его норм с нормами Русской Правды см.: *Греков Б. Д.* Полица: Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. // Избр. тр. М., 1957. Т. I. С. 111—263.

^{7*} Пресняков имеет в виду теорию «трудового начала» или «долевой организации» древней крестьянской семьи, которая позднее под влиянием исторических условий разрасталась в сельскую соседскую общину (*Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1; *Она же.* Южная Русь. СПб., 1905. Т. 1, 2).

^{8*} Сергеевич Василий Иванович (1832—1910), историк права, профессор Московского и Петербургского университетов; сторонник государственной школы. В магистерской диссертации «Вече и князь» (см. примеч. 2 к Предисловию), оказавшей большое влияние на последующую историографию, он рассматривал народ и князя в IX—XIII вв. как два противоположных, но необходимых друг для друга элемента (с «началами единения и розни»), отношения между которыми регулировались договорами. Вследствие этого «вечевой быт» как форма участия народа в политической жизни был необходимым и всеобщим на Руси и был прекращен татарским завоеванием. Политический строй Руси X—XIII вв. характеризовался, по Сергеевичу, строем волостей с «главными» городами и пригородами при политическом руководстве волостью народным собранием — вечем в «главных» городах. Поэтому он отрицал сословия, считая народ «единообразной массой» с различиями социальных слоев по «достоинству», а не «правам». Призывая различные виды зависимых, Сергеевич видел противопоставление «свободному мужу» только в рабах. Эта концепция обоснованно связывалась с идеями буржуазного конституционализма (*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 364; *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. С. 196). Ее основные положения продолжались и развивались в последующих трудах Сергеевича, обобщенных в трехтомнике «Русские юридические древности» (т. 1 и 2 — три издания, т. 3 — два издания).

^{9*} Пейскер Ян (1851—1933) — историк, профессор Пражского университета, автор трудов по социально-экономической и этнокультурной истории славянских народов.

^{10*} Новакович Стоян (1842—1915) — историк, археограф, государственный деятель, автор трудов по средневековой истории и культуре Сербии.

^{11*} Бруннер Генрих (1840—1915) — историк права, профессор Берлинского университета, рассматривал правовые институты и отношения в единстве, в связи с экономической, социальной, политической эволюцией общества, указывая на качественные отличия социального строя германцев от античного и средневекового строя. В раннесредневековом обществе он отмечал господство общинных отношений и преобладание свободного крестьянства, с возникновением вотчины и ростом ее влияния «народное государство» превращалось в феодальное, «народное право» — в феодальное право (*Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков (середина XIX в.—1917 г.). 2-е изд. М., 1985. С. 152).

^{12*} Законник Стефана Душана составлен по инициативе сербского царя Стефана Душана и принят собором 1349 г. Новейшее издание см.: Законник царя Стефана Душана / Уред. М. Беговић. Београд, 1981. Кн. 2.

В советской историко-этнографической литературе были продолжены исследования переходных форм от рода или первобытной общины к соседской через патриархальную большесемейную общину (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 73—96, 547—560), через первобытную соседскую общину (*Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972;

Хазанов А. М. Община в разлагающихся первобытных обществах и ее исторические судьбы // ВДИ. 1975. № 4) или «пракрестьянскую» и крестьянскую общину (Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976; Он же. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979). М. О. Косвен предложил считать древней формой семейной организации патронимию, свойственную патриархально-родовому строю (Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963). Он думал, что древнерусская вервь — патронимия, но это мнение не нашло поддержки (Рапов О. М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // Сов. этнография. 1963. № 3; Свердлов М. Б. Генезис и структура. С. 90—105).

^{14*} Богишич Валтазар 1834—1908) — историк, историк права, археограф, общественно-политический деятель.

^{15*} Кадлец Карел (1865—1928) — историк права, профессор Пражского университета, автор трудов по истории права славянских народов.

^{16*} Имеется в виду Судебник 1550 г., изданный в царствование Ивана IV Васильевича. Новейшее издание см.: Судебник 1550 года / Подгот. текста Р. Б. Мюллер; Коммент. Б. А. Романова; Ред. С. Н. Валк // Судебники XV—XVI веков / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 111—340.

^{17*} Маркович Милан (1874—?) — сербский историк права, в 1903 г. защитил докторскую диссертацию в Боннском университете.

^{18*} Спевец Франьо (1855—1918) — историк права, политический деятель, профессор Загребского университета.

^{19*} Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович (1838—1916) — историк права, историк, археограф, профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле, Киевского университета, сторонник государственной школы, автор трудов по истории права в России, Польше, Литве и др. В древнерусской истории рассматривал земско-вечевой строй городских земель-волостей с княжеской властью как необходимый элемент государственного устройства всех земель на Руси.

^{20*} Гирке Отто, фон (1841—1921) — историк права, профессор Бреславльского, Гейдельбергского, Берлинского университетов, сторонник марковой теории. В истории Германии до 800 г. полагал преобладание идеи «сотоварищества» над идеей «господства», в 800—1200 гг. видел расцвет феодальной системы, понимаемой как патримониальный строй (Гутнова Е. В. Историография... С. 95—99).

^{21*} Бальцер Освальд Мариан (1858—1933) — историк, историк права, профессор Львовского университета, академик, автор трудов по истории и праву славянских стран, прежде всего Польши.

^{22*} Винодолский статут составлен в 1288 г. в Винодоле, приморской области Хорватии. Обстоятельный анализ текста см.: Греков Б. Д. Винодол: Винодолский статут об общественном и политическом строе Винодола // Избр. тр. Т. I. С. 31—107.

^{23*} Бомануар Филипп де Реми (ок. 1250—1296) — французский юрист, составил «Кутюмы Бовези» — запись обычного права местности в Северной Франции.

^{24*} Хубе Ромуальд (1803—1890) — польский историк права, государственный деятель Российской империи, автор трудов по истории славянского права.

^{25*} Здесь и далее Пресняков использует тексты краткой и пространной редакций Русской Правды: Русская Правда в четырех редакциях: По спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского с дополнениями и вариантами из других списков / Изд. В. Сергеевич. СПб., 1904. Согласно классификации Сергеевича, Русская Правда имела четыре редакции: Древнейшая редакция Правды (I), так называемая Правда Ярослава (текст воспроизведен по Археографическому списку); вторая редакция Правды (II), так называемая Правда Ярославичей (текст воспроизведен по Археографическому списку); третья редакция Правды (III), пространная редакция Русской Правды (текст воспроизведен по Троицкому списку); четвертая редакция Правды (IV), сокращенная редакция

Русской Правды (текст воспроизведен по списку Оболенского). В советской исторической науке изучению и изданию списков Русской Правды придавалось большое значение. Наиболее полным академическим изданием является: Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова, М.; Л., 1940—1963. Т. I—III. Это издание и принятая в нем классификация списков легли в основу многочисленных последующих публикаций Русской Правды. Соотношение статей краткой и пространной редакций Русской Правды в изданиях Сергеевича и академического издания см.: Правда Русская. Т. I. С. 458—459; Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова; Сост. А. А. Зимин. М., 1952. Вып. I. С. 226—230.

^{26*} Лейст Бурхард-Вильгельм (1819—1898) — историк права, профессор университетов в Базеле, Росток, Йене, широко применял сравнительно-исторический метод в изучении права, в частности древнеарийского права.

^{27*} Ягич Ватрослав (1838—1923) — филолог, археограф, академик. В числе его многочисленных исследований и публикаций труд, использованный Пресняковым: Закон Винодолский: Подлинный текст с русским переводом, критич. замечаниями и объяснениями: Труд В. В. Ягича. СПб., 1880.

^{28*} Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк, академик, профессор Московского университета, автор многочисленных трудов по истории России IX—XVIII вв. Его исследования древнерусского периода характеризуются увеличением значения социализма и экономического материализма в историческом исследовании, сохранением традиций исторической концепции С. М. Соловьева. Труды Ключевского оказали большое влияние на русскую историческую науку конца XIX—первой четверти XX в., прежде всего на так называемую московскую школу историков, включая ведущих советских историков 20-х годов Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского. В обобщающем труде «Курс русской истории» Ключевский отмечал в качестве определяющих элементов социально-экономического и политического строя Руси IX—XII вв. колонизацию, торговлю, городовые области при ограничении функций княжеской власти военной охраны страны. В основном делении он указывал свободных, служивших князю, свободных, не служивших князю, несвободных — холопов, служивших частным лицам. Основу господского землевладения в XI—XII вв. составляло рабство (Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974; Цамутали А. Н. Борьба направлений. С. 134—140). При написании «Княжеского права» Пресняков пользовался вторым изданием «Курса русской истории» (ч. 1) Ключевского (М., 1906). Новейшее издание см.: Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. I: Курс русской истории, ч. 1.

^{29*} Забелин Иван Егорович (1820—1908) — историк, археолог. Древнерусский период характеризовал перерастанием «родового быта» в «дружинный» с городом-общиной и городовыми округами с властью народного веча при судебных и военных функциях князя. Русь X в. он рассматривал как земский строй союза древнерусских земель с их последующим развитием как особых волостей и княжеств при местнических отношениях власти. Отсюда его сравнение древнерусских городов с древнегреческими полисами, представление об «античной русской форме бытового развития», отрицание в древнерусский период государственной власти, понимаемой как «феодальная, самодержавная» (Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1; 1879. Ч. 2).

^{30*} Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, профессор Московского университета, академик. В основном обобщающем труде «История России с древнейших времен» (29 томов) разрабатывал по отношению к древнерусскому периоду концепцию перерастания родового быта в областной, а в городах, княжеских опорных центрах, — в общинный. Соловьев объяснял последующее развитие Руси X—XII вв. географическим фактором, бытом племен и как их следствием — колонизацией, «состоянием соседних народов и государств», но при этом разрывал общественный строй земли и княжескую власть, что вело к ограничению деятельности князя военными функциями во время войны, судебными и организационными функциями в мирное время. В равной мере оторванной от земли оказывалась неразрывно связанная с князем доходами и образом жизни дружина. Появление бояр Соловьев объяснял дружинным происхождением. Родо-

вые отношения он ограничивал в X—XII вв. только княжеской семьей, которая владела всей землей, что определяло политический строй страны: в соответствии со старейшинством князей, значением «столов» и волостей происходило «лествичное» восхождение от младших степеней к старшим и великому княжению, что нарушалось княжескими спорами и вмешательством населения волостей. При Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском на северо-востоке Руси родовые отношения стали сменяться государственными с властью старшего князя как «государя относительно младших», утверждением каждого князя в своей волости и распадом владения всей землей княжеским родом. Поэтому Соловьев отрицал феодализм на Руси, допуская его в пореформенный период своего творчества в закладничестве.

^{31*} Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 200—226.

^{32*} Пресняков имеет в виду книгу В. И. Сергеевича «Вече и князь» (см. примеч. 2 к Предисловию), которая была позднее включена во второй том труда Сергеевича «Русские юридические древности» (три издания).

^{33*} Константин Багрянородный. Об управлении империей: (Текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44—45.

^{34*} Лавр. С. 30—46. Здесь и далее сноски приведены по изданию Лаврентьевской летописи Археографической комиссией (1872 г.), использованному Пресняковым при написании «Княжого права». Последнее по времени издание см.: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Л., 1926. Вып. 1: Повесть временных лет; 1927. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (ПСРЛ. Т. I). Это издание было фототипически воспроизведено в 1962 г.

^{35*} Начальный свод 1093 г. реконструирован А. А. Шахматовым как один из источников Повести временных лет (Шахматов А. А. Начальный киевский летописный свод и его источники // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. СПб., 1900; Он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 1—182).

^{36*} Новг. I. С. 12. Здесь и далее сноски приведены по изданию Новгородской I летописи Археографической комиссией 1888 г., использованному Пресняковым при написании «Княжого права». Последнее по времени издание см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

^{37*} Здесь и далее биографические материалы о древнерусских князьях, их владениях см.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977.

^{38*} Титмар Мерзебургский (975—1018) — хронист, с 1009 г. епископ г. Мерзебурга. В 1012 г. он начал писать хронику, над которой работал до самой смерти. Среди многочисленных известий о современных ему событиях есть важнейшая информация о Руси. Текст и перевод этих сообщений см.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия IX—первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М. Б. Сverdлова. М.: Л., 1989. С. 57—103.

^{39*} Обобщающее исследование Ф. А. Брауна о русско-скандинавских связях см.: Braun F. A. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrhunderts // Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle, 1924. S. 150—196. Браун Федор Александрович (1862—1942) — историк, профессор Петербургского и Лейпцигского университетов, автор трудов по славяно-германским, варяго-русским связям.

^{40*} Не придавая значения точности названия, Пресняков назвал Хильдесхаймские анналы хроникой. Сведения об этих анналах, текст, перевод и комментарий их сообщения под 992 г. см.: Латиноязычные источники... С. 108—115.

^{41*} Густынская летопись — украинский летописный свод, известен в списках XVII в., до 1300 г. по содержанию близок к Ипатьевской летописи; впервые опубликована в ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 231—373.

^{42*} Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934), историк, профессор Львовского университета, активный деятель националистических движений на Украине. По его мнению, Киевская Русь являлась исторической предшественницей только украинского народа. Его представления об общественном строе Киевской Руси

были близки к концепции Владимирского-Буданова и Ключевского: в XI—XII вв. (удельно-вечевой период) он характеризовался княжеско-дружинным и общинно-вечевым элементами с земской автономией, суверенными общинами, которыми являлись в равной мере села и города. Вслед за Ключевским он указывал связи князя с городами и внешней торговлей, устанавливал единство социально-политической жизни земель вместо противопоставления князя и веча. В конкретно-исторических разысканиях Грушевского содержались важные наблюдения, основанные на глубоком прочтении письменных источников, комплексном использовании археологических и лингвистических материалов, вследствие чего эти наблюдения широко вошли в русскую историографию, в частности в труды Преснякова. Основное историческое исследование, посвященное древнерусскому периоду: *Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 1—5.*

^{43*} Лавр. С. 129.

^{44*} *Грушевський М. Історія. Т. 2. С. 8.*

^{45*} Вислицкий статут 1347 г. издан польским королем Казимиром III (1333—1370). Издание статута см.: *Statuty Kazimirza Wielkiego / Oprac. O. Balzer. Poznań, 1947.*

^{46*} Вартский статут 1423 г. издан на сейме в Варте при короле Владиславе II Ягайло (1386—1434) в продолжение и развитие статутотворчества Казимира Великого.

^{47*} Бржетислав I — чешский князь в 1034—1055 гг.

^{48*} Козьма Пражский (ок. 1045—ок. 1125) — хронист, декан Пражской церкви, работал над хроникой до года своей кончины. Перевод на русский язык см.: *Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1962.*

^{49*} Это скрытая цитата из Евангелия от Луки (11, 17), мысль, часто встречающаяся в средневековой письменности по поводу постоянных феодальных разделов государств и междоусобиц.

^{50*} Здесь и далее Пресняков привлекает материалы, обстоятельно проанализированные С. Смольской в статье, указанной в сноске 63.

^{51*} Кадлубек Винцентий (ок. 1150—1233) — хронист, краковский епископ в 1207—1218 гг. Написанная им «Хроника поляков» доведена до 1202 г. Издание хроник см.: *Monumenta Poloniae historica / Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1872. Т. 2. С. 191—455.*

^{52*} Татищев Василий Никитич (1686—1750) — историк, государственный деятель; основной исторический труд — «История Российская с самых древнейших времен». Новейшее издание: *История Российская: В 7 т. М.; Л., 1962—1968.*

^{53*} Львовская летопись — ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX, п/т I. С. 91; Тверская летопись — ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV.

^{54*} «Устав князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых» исследовался в советское время: *Юшков С. В. Устав кн. Всеволода (До завнішньої історії пам'ятки) // Юбейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927; Он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 216—221; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1949. С. 216—221; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 1. С. 636—637; Памятники русского права / Сост. А. А. Зимин. М., 1953. Вып. 2. С. 160—161, 166—171; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 89—93; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 165—177. Публикации и комментарии см.: Памятники русского права. Вып. 2. С. 162—171; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 153—165; Российское законодательство X—XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 249—261. По мнению Б. А. Рыбакова, Устав князя Всеволода составлен в Новгороде в начале 1136 г. и поновлен в XIII—XIV вв., В. Л. Янин относит составление Устава к XIII в., Я. Н. Шапов — к XIII в. с дополнениями и переработками в XIV—XV вв., А. А. Зимин — к концу XIV в.*

^{55*} Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — историк. В обобщающем труде «История России» (М., 1876. Ч. 1) он отмечал начальные государственные формы в Х в., рассматривая княжескую власть с судебными и военными функциями как противоположность «земскому началу» и городскому вечу, широко распростра-

ненному в Южной Руси и Новгородской земле. На Руси XI—XII вв. он видел «неопределенность и бесформенность» «государственного быта» и общественных категорий, метафизично понимаемых в современных развитых формах. Хозяйства князей и бояр он считал основанными на эксплуатации челяди-рабов.

^{56*} Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — археограф, академик.

^{57*} При указании разночтений Лаврентьевской летописи Пресняков приводит чтения по Радзивиловской летописи — *Р* и по рукописи б. Московской духовной академии — *А*.

^{58*} При указании разночтений Ипатьевской летописи Пресняков приводит чтения по Хлебниковскому списку — *Х* и по Погодинскому списку — *П*.

^{59*} Пекосинский Франтишек Ксаверий (1844—1906) — историк, историк права, археограф, профессор Краковского университета, академик, автор трудов по социальной истории средневековой Польши.

^{60*} Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 1. С. 1.

^{61*} Леман Карл (1858—?) — историк права, профессор Ростоцкого и Геттингенского университетов, автор трудов по истории немецкого права.

^{62*} Грушевский М. Історія. Т. 2. С. 110.

^{63*} Голубовский Петр Васильевич (1857—1907) — историк, автор трудов по древнерусской истории.

^{64*} Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — историк, археограф, летописец, профессор Петербургского университета, академик. Древнерусские летописи он воспринимал как своды, механически соединявшие использованные летописцами письменные и устные произведения. Являясь сторонником позднего славянофильства, он придавал большое значение общинным (задружним) отношениям в общественно-политической жизни Руси. В IX—X вв. он видел противопоставление дружины и земства, свободных и рабов, в XI—XII вв. — сохранение «многих условий первоначального быта», но с «нарушением первоначального равенства», без определенных сословий, с началом отделения города от села при существовании веча во всех городах, где оно «по исконно славянскому обычаю» «стояло» рядом с князем. Поэтому Бестужев-Рюмин отрицал феодализм на Руси, что соединялось со свойственным для славянофильства утверждением различных исторических путей России и Запада.

^{65*} Голяшкин Я. А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Изд. Ист. о-ва при Моск. ун-те: Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг. М., 1898. Т. 2. С. 281.

^{66*} Лавр. С. 291.

^{67*} Неволин Константин Алексеевич (1806—1855) — историк права, профессор Киевского и Петербургского университетов.

^{68*} Неволин К. А. О преемстве великокняжеского Киевского престола // Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т. 6. С. 587—634.

^{69*} Голяшкин Я. А. Очерк... С. 280.

^{70*} Там же. С. 268—282.

^{71*} Данилевич Василий Ефимович (1872—1936) — историк, археолог, профессор Киевского университета, автор трудов по древнерусской истории.

^{72*} Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867—1934) — историк, профессор Киевского университета, автор трудов по истории России, Белоруссии, Великого княжества Литовского.

^{73*} Довнар-Запольский М. В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. С. 167—169.

^{74*} Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 203.

^{75*} Там же. С. 206—207.

^{76*} ПСРЛ. Т. X. С. 26.

^{77*} Голяшкин Я. А. Очерк... С. 275.

^{78*} Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — литератор, историк, в исторических трудах исходил из идеи самодержавия как определяющего фактора русской истории. Однако, следуя идеям Просвещения XVIII в. (прежде всего И. Г. Гердера) о единстве исторического прогресса, а также историко-философской

концепции российского «просвещенного абсолютизма» о европейском содержании исторического развития России, он признавал «феодальную систему» на Руси, отождествляемую с удельным строем. Основной исторический труд Карамзина, «История государства Российского», стал объектом оживленной дискуссии современников, занимавших разные общественно-политические позиции (*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. С. 166—188; *Эйдеман Н. Я.* Последний летописец. М., 1983; *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989). При написании «Княжого права» Пресняков пользовался «Историей государства Российского» в издании И. Эйерлинга. На этом же издании основывается новейшая академическая публикация: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1.

^{79*} Длугош Ян (1415—1480) — историк, краковский каноник (с 1436 г.), архиепископ львовский (1480 г.). В своем обширном труде «История Польши» наряду с польскими источниками использовал многочисленные иностранные письменные памятники, среди которых не сохранившиеся до наших дней русские летописи (*Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978. С. 110—148). Новейшее издание «Истории Польши» Длугоша (период раннего средневековья) см.: *Joannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Varsaviae*, 1970. Т. 1.

^{80*} Андрияшев Александр Михайлович (1863—1939) — историк, археограф, автор трудов по древнерусской истории и источниковедению.

^{81*} Ипат. С. 470.

^{82*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1. С. 389—411.

^{83*} Патерик Киево-Печерский — сборник произведений об истории Киево-Печерского монастыря (в XI—XIII вв.) и его подвижниках, сформировался в первой трети XIII в. (*Ольшевская Л. А.* Патерик Киево-Печерский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. I. С. 308—313).

^{84*} Так в тексте.

^{85*} *Платонов С. Ф.* К истории московских земских соборов. СПб., 1905.

^{86*} Галицко-Волынская летопись — источник, использованный в тексте Ипатьевской летописи, начиная с 1200 г. (*Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // *Ист. зап. М.*, 1941. № 12. С. 228—253; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 17—133).

Очерк второй

^{1*} *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: (Текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 50.

^{2*} *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 58.

^{3*} Никитский Александр Иванович (1842—1886) — историк, преподаватель Варшавского университета. Являясь сторонником родовой теории, рассматривал город как общину — центр соединения общин, а средневековый Псков как аналогично античного города-государства, изучал социально-экономическую историю Новгорода и Пскова.

^{4*} *Никитский А. И.* Очерки из жизни Великого Новгорода. Ч. II: Святой великий Иван на Опоках // *ЖМНП*. 1870. № 8. С. 214—215.

^{5*} *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 82—86.

^{6*} Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 5.

^{7*} Шрёдер Рихард (1838—1917) — историк права, профессор Боннского, Страсбургского, Геттингенского университетов, близкий по историко-правовой концепции к Бруннеру.

^{8*} Шверин Клаудиус, барон — историк права, автор трудов по истории германского права.

^{9*} Ритшель Зигфрид — историк права, профессор Лейпцигского университета, автор работ по истории германского права.

^{10*} Моммзен Теодор (1817—1903) — историк, профессор Лейпцигского, Цюрихского, Бреславльского, Берлинского университетов, автор трудов преимуще-

ственно по античной истории, праву, вспомогательным дисциплинам, лингвистике, литературе.

^{11*} Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, археограф, литератор, профессор Московского университета, академик; в его творчестве преобладали фактографические работы; в исторической концепции от признания феодализма на Руси перешел в 1830—1831 гг. к решительному его отрицанию в результате крайнего поправления собственной общественно-политической позиции, идеологической политики правительства Николая I, что привело Погодина к осознанному противопоставлению истории России, понимаемой в духе официальной концепции «православия, самодержавия, народности», и исторического развития Западной Европы со свойственным ей феодализмом, классами, классовой борьбой, революциями. Приведенное Пресняковым мнение Погодина см.: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. I. С. 259—260.

^{12*} В советской историографии «Устав князя Ярослава о мостех» обстоятельно исследовался. М. Н. Тихомиров и С. В. Юшков отнесли его к концу XII в., Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин — к 30-м годам XIII в., А. А. Зимин — к концу 1220-х годов, В. В. Мавродин и С. Н. Орлов — к концу XII в. возникновение норм Устава, к началу XIII в. — их запись, В. Л. Янин — к 60-м годам XIII в. Издания, комментарии и литературу см.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 149—152; Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. I. С. 233—248.

^{13*} Линниченко Иван Андреевич (1857—1926) — историк, профессор Новороссийского университета в Одессе, сторонник государственной школы.

^{14*} *Никитский А. И.* Святой великий Иван на Опоках. С. 206—211.

^{15*} Там же.

^{16*} Пресняков имеет в виду «область датского права», образовавшуюся в Англии в конце IX в.

^{17*} Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк, профессор Московского и Оксфордского университетов, академик. В Италии и Франции отмечал синтезный путь германских и римских элементов в становлении феодализма, под которым понимал господство политической власти крупных землевладельцев, условной земельной собственности и вассальной иерархии. В Англии указывал бессинтезный (или слабый синтез) генезиса феодализма, обращая внимание на длительный период существования свободной сельской общины, формирования крупной земельной вотчины-манора на основе постепенного разложения общины и попадания вилланов в феодальную зависимость с преобладающей отработочной рентой (*Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков (середина XIX в.—1917 г.). 2-е изд. М., 1985. С. 332—341).

^{18*} Мэтланд Вильям (1850—1906) — историк права, профессор Кембриджского университета, критиковал манориальную теорию Сибомы—Виноградова с юридических позиций, видя главный источник исторического процесса в эволюции государства и права. К нормандскому завоеванию он относил появление в Англии феодализма, под которым понимал вассальные отношения и условное землевладение. Он отмечал в Англии XI—XIII вв. различные по структуре и размерам маноры, наряду с которыми существовали свободные сельские общины (в них он видел «группы собственников» без реальных коллективных прав и общей собственности) (*Гутнова Е. В.* Историография. . . С. 440—447).

^{19*} Роунд Джон Гораций (1854—1928) — историк, автор трудов по средневековой истории Англии.

^{20*} Стеббс Вильям (1825—1901) — историк, археограф, профессор Оксфордского университета, сторонник общинной теории. Изучая английскую конституционную историю средних веков, считал общественный строй начального англосаксонского периода тождественным строю германцев, описанных Цезарем и Тацитом, с общинной организацией, связанными с ней демократическими учреждениями местного самоуправления и ограничением королевской власти «национальным советом». Последующее историческое развитие Англии он связывал с процессом феодализации, под которым понимал переход от «персональной к территориальной организации», становление феодальных сословий (*Гутнова Е. В.* Историография. . . С. 232—238).

^{21*} При англосаксонских королях Этельстане (925—939), внуке короля Альфреда Великого (871—899), и Эдгаре Миролюбивом (959—975), внуке Этельстана, были изданы законы, в которых отразились тенденции роста значения государственного аппарата, усиления борьбы с правонарушениями, прежде всего с воровством, укрепления положения церкви. Издание законов см.: *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Bd. 1. Text. S. 146—183, 192—215.*

^{22*} Датский король Кнут завоевал Англию и стал ее королем (1016—1035). В изданных им законах продолжались и развивались традиции законодательства англосаксонских королей. В них постановлялась борьба с беззакониями и «улучшение мира» в стране, усиление местных органов власти, регламентации институтов сотен и десятков. Издание законов см.: *Liebermann F. Op. cit. S. 273—371.*

^{23*} Пресняков имеет в виду английский король Генриха I (1100—1135) из Нормандской династии и изданные при нем законы. См.: *Liebermann F. Op. cit. S. 547—611.*

^{24*} Сибом Фредерик (1833—1912) — историк, финансист, противник марковой теории. По его мнению, вотчинная система появилась у германцев I—II вв. н. э. и утвердилась в Англии после англосаксонского завоевания, а свободная община стала превращаться в общину зависимых людей, рабов и колонов. Другим источником средневековой вотчинной системы являлась рабовладельческая римская вилла, указывая ее в качестве предшественницы англосаксонского манора IX—X вв. с зависимыми людьми и крепостной общиной (*Гутнова Е. В. Историография. . . С. 253—262*).

^{25*} Захжевский Станислав (1873—1936) — историк, профессор Львовского университета, автор трудов по политической и социальной истории Польши.

^{26*} Ибн Фадлан Ахмед — арабский путешественник, в 921—922 гг. совершил поездку к царю волжских болгар в качестве секретаря посольства багдадского халифа Муктадира. обстоятельный рассказ об этом путешествии изложил в особом сочинении, где содержатся также известия о русах (*Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956*).

^{27*} Текст и перевод Польской Правды, анализ ее норм, их сравнение с нормами Русской Правды см.: *Греков Б. Д. Польская Правда: Опыт изучения общественного и политического строя Польши XIII в. по Польской Правде («Книга права») // Избр. тр. Т. I. С. 207—442. Рукопись «Польской Правды» называют также Элбингенской и Эльбленгской.*

^{28*} Новг. I. С. 258.

^{29*} Пресняков имеет в виду распространенное мнение (в частности, в трудах М. Ф. Владимирского-Буданова) о местной знати, не находившейся на службе князю в отличие от бояр княжеских.

^{30*} *Грушевский М. История. Т. 3. С. 175.*

^{31*} *Романов Б. А. Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде) // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII, кн. 3. С. 21.*

^{32*} Здесь и далее последнее по времени издание Псковской 1-й и 2-й летописей см.: *Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2.*

^{33*} Пресняков использует понятие «севернорусские народоправства», заимствованное у Н. И. Костомарова, которое им использовалось для обозначения общественно-политического строя древнего Новгорода и Пскова.

^{34*} Хальбан-Блюменшток Альфред (1865—1925) — историк права, отрицал общинную коллективную собственность у германских народов, считал исконной формой собственности у них мелкую крестьянскую частную собственность, тогда как община была вторичным явлением и возникла в результате деятельности королевской власти для нужд королевского управления (*Гутнова Е. В. Историография. . . С. 145—146*).

^{35*} Григорий Турский (ок. 540—ок. 594) — хронист, епископ Турский с 573 г., являлся лицом, близким к франкскому королевскому дому и влиятельным церковным деятелем в королевстве, автор «Истории франков», доведенной до 591 г., где использована значительная информация по истории и современному состоянию Франкского королевства. Перевод хроники см.: *Григорий Турский. История франков / Изд. подгот. В. Д. Савукова. М., 1987.*

^{36*} Пресняков имеет в виду главы XIII, XIV сочинения Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» (традиционное сокращенное название «Германия»). Тацит Корнелий (ок.56—ок. 117) — римский историк и государственный деятель, собрал ценнейшие материалы о расселении, быте и общественном строе германцев I в. н. э. Новейший перевод «Германии» см.: *Тацит Корнелий*. Соч. В 2 т. Л., 1969. Т. I. С. 353—373.

^{37*} «Беовульф» — англосаксонская поэма, героический эпос, созданный на основе англосаксонских народных преданий, героических песен, скандинавских саг (*Мельникова Е. А.* Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987).

^{38*} Гельмольд (до 1125—после 1177) — хронист, пресвитер церкви в Бузу (земля вагров), относящейся к Любекскому епископству. Его сочинение «Славянская хроника» доведено до 1172 г. Наряду с письменными и устными источниками в хронике использованы непосредственные наблюдения автора над жизнью прибалтийских славян. Новейший перевод «Славянской хроники» см.: *Гельмольд*. Славянская хроника / Предисл., пер. и примеч. Л. В. Разумовской. М., 1963.

^{39*} Вайц Георг (1813—1886) — историк, археограф, профессор Кильского, Геттингенского, Берлинского университетов, академик. Основы истории государства и права искал в поземельных и социальных отношениях. Социальное развитие германцев с древнейших времен до XII в. он представлял как постепенный переход от свободного строя общины-марки к феодальному (ленному) строю. Он обстоятельно изучил структуру общины-марки, ее систему землепользования, гуфовое устройство, а также ее последующее разложение в результате роста социальной дифференциации и разорения крестьян, которые теряли свои гуфы и попадали в феодальную поземельную зависимость. Сложившийся в Западной Европе XI в. феодальный (ленный) строй Вайц характеризовал как господство зависимости и частноправовой защиты, связь зависимости с определенными повинностями в пользу государей или знати, передача земли государством или знатью в держание вассалам за выполнение определенных повинностей, передача верховных политических прав частным лицам или корпорациям (*Гутнова Е. В.* Историография... С. 86—94).

^{40*} *Du Cange C. F.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883. Т. 1. P. 525—527 («bajulus»).

^{41*} Лиутпранд (712—744) — лангобардский король.

^{42*} Маурер Конрад (1823—1902) — историк права, специалист по истории Скандинавских стран.

^{43*} Новейшее издание грамот см.: Грамоты XIV ст. / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-покажчики М. М. Пешак. Київ, 1974.

^{44*} Пресняков имеет в виду Ростовскую летопись (так называемую Архивскую); ныне в ЦГАДА. Ф. 181. № 20 (25).

^{45*} Войцеховский Тадеуш (1838—1919) — историк, профессор Львовского университета, автор трудов по истории средневековой Польши.

^{46*} *Соловьев С. М.* История России. СПб.: Обществ. польза. Б. г. Кн. 1. Стб. 156—158.

^{47*} Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. СПб., 1898. Отд. I. Указатель лиц.

^{48*} Новейшее издание см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России / Статьи С. О. Шмидта и С. В. Чиркова; Примеч. С. В. Чиркова. М., 1988.

^{49*} Стеенструп Иоанн Христофор Хагеман Рейнхардт (1844—1935) — историк, профессор Копенгагенского университета, автор трудов по средневековой истории, в частности истории Дании.

^{50*} Биргер (нач. XIII в. — 1266) — государственный деятель Швеции, ярл с 1247 г., содействовал укреплению королевской власти, ввел поземельные налоги вместо службы в морском ополчении, вел активную законодательную политику.

^{51*} Лавр. С. 124.

^{52*} *Ключевский В.* Боярская дума древней Руси. [1-е изд.] М., 1882; последнее прижизненное 4-е изд. М., 1909.

^{53*} Пресняков имеет в виду исследование Н. В. Калачова «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Рассуждение, писанное для получения степени магистра кандидатом прав Н. Калачовым» (М., 1846).

^{54*} Свод известий о Руси в исландских сагах, в том числе в «Саге об Олаве Триуггвасоне», см.: *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.: (Материалы и исследования) / Сост. и подгот. к изд. М. Б. Свердлов. М., 1978. С. 29—104.

^{55*} См. академическое издание: Судебник 1497 года / Подгот. текста и коммент. Л. В. Черепнина; Ред. И. И. Смирнов // Судебники XV—XVI веков / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 13—108.

^{56*} Пресняков имеет в виду норму § 3 эдикта короля Нейстрии Хильперика (561—584). Перевод см.: Салическая Правда / Пер. Н. П. Грацианского. М., 1950. С. 72.

^{57*} Новейшее издание Уставной и жалованной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича см.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. С. 141—145. Я. Н. Шапов датирует эту грамоту 1137 г., А. Понпэ — 1136 г. (*Понпэ А.* Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 59—71; *Шапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 37—47).

^{58*} В связи с дискуссией о подлинности грамот новгородского игумена XII в. Антония Римлянина см. исследование В. Л. Янина, который считает в сохранившемся списке грамоты XVI в. духовную Антония списком с подлинного документа XII в. (до 1131 г.), а купчую — списком с подлинной грамоты 1354—1357 гг. (*Янин В. Л.* Грамоты Антония Римлянина и их датирование // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 40—59; см. там же литературу вопроса о подлинности грамот). Издание грамот см.: ГВНП. № 102, 103. С. 159—161.

^{59*} Рипуарская Правда — писаный источник права рипуарских франков, сложившийся в VI—начале VIII в., состоящий из норм устного права и писаных законов, относящихся преимущественно к законодательной деятельности короля Дагоберта (629—639). Издание см.: MGH. LL. Sectio I / Ed. F. Beyerle, R. Büch-
ner, Hannover, 1954.

^{60*} Цитович Петр Павлович (1843—1913) — историк права, юрист, профессор Новороссийского, Киевского, Петербургского университетов.

^{61*} Никольский Владимир Николаевич (1821—1874) — историк права, профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле и Московского университета.

^{62*} Эклога — византийский свод законов VIII в., переводился в славянских странах. Перевод см.: Эклога: византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер, коммен. Е. Э. Липшиц. М., 1965.

^{63*} Печатная Кормчая — Кормчая книга, сборник государственных и церковных постановлений и юридических актов, включавших греческие переводные, южнославянские и древнерусские памятники, напечатана в 1650 г. при патриархе Иосифе, переиздана в частично отредактированном виде при патриархе Никоне в 1653 г.

^{64*} Салическая Правда — законы салических франков в основном с использованием норм обычного права, написана по распоряжению короля Хлодвиг I (465 или 466—511) в начале VI в. Перевод см.: примеч. 56*.

^{65*} Упоминание Пресняковым права на вражду (или месть) в титуле 60 Салической Правды является опiskой; в нем идет речь только об утрате «отказавшегося от родства» прав на виру и на наследство как его умершего родственника, так и его самого, которое передается в казну.

^{66*} Тюрингская Правда — писаный источник права герцогства тюрингов, содержащий нормы устного права англов и варнов — предшественников тюрингов, а также писаные законы; создана в начале IX в. Издание см.: *Lex Saxorum et Lex Thuringorum* / Hrsg. von C. von Schwerin. Hannover; Leipzig, 1918.

^{67*} Пресняков имеет в виду Литовский статут 1529 г. Новейшее издание см.:

Первый литовский статут. Вильнюс, 1983. Ч. I: Палеографический и текстологический анализ списков / Изд. С. Лазутка, Э. Гудавичюс.

^{68*} Челяковский Яромир (1846—1914) — историк права, археограф, профессор Пражского университета, автор трудов по истории чешского права.

^{69*} Калоузец Йозеф (1838—1915) — историк, профессор Пражского университета, автор трудов по истории славянских стран, прежде всего Чехии.

^{70*} Палацкий Франтишек (1798—1876) — историк, философ, деятель культуры, академик, автор трудов по истории славянских стран, прежде всего Чехии.

^{71*} Воцел Ян Эразим (1803—1871) — историк, археолог, профессор Пражского университета.

^{72*} Лешков Василий Николаевич (1810—1881) — историк, профессор Московского университета. В соответствии со славянофильской историко-философской концепцией считал общину и общинность определяющими факторами древнерусской истории; при анализе общественного строя Руси, ее «общинного быта» исходил из разделения «земли» и «народа» с «властями народными» и «государства», но снимал в отношениях между ними и в общественных отношениях антагонистичность.

^{73*} См. прим. 61*.

^{74*} Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 34—35.

^{75*} *Du Cange C. F. Glossarium. Niort, 1886. Т. 7. Р. 502.*

^{76*} Сергеевич В. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1. С. 178—179.

^{77*} ГВНП. № 104. С. 161—162.

^{78*} Там же. № 81. С. 140.

^{79*} Топонимический анализ грамоты В. Л. Яниным подтвердил мнение Преснякова о местности Буец как о волости; по наблюдениям Янина, она находилась у верховьев реки Пола, на южной границе Деревской пятины (Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 239—240).

^{80*} ГВНП. № 81. С. 140.

^{81*} Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме / Сооб.: Х. Лопарева. СПб., 1892. С. 14.

^{82*} Линниченко И. А. Грамоты галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. 9, кн. 1. С. 94.

^{83*} Грушевский М. Галицкие боярство XII—XIII в. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1897. Т. XX. С. 1—20.

^{84*} Дьяконов Михаил Александрович (1855—1919) — историк, историк права, профессор Юрьевского (Дерптского) университета, академик, сторонник государственной школы. В древнерусский период отмечал существование классов, различаемых по занятиям и имущественному положению, но в отличие от Ключевского указывал в основе особого положения «высших классов» (знати) в XII в. не торговлю и военное дело, а землевладение и рабовладение. «Средними классами», по его мнению, были торговые люди, а «низшие классы» — свободное городское и сельское население («черные люди» и смерды), несвободное население (рабы-холопы и челядь), на переходной ступени от свободы к неволе находились закупы. Верховная власть имела тройственную структуру: князь — «необходимый элемент» государственного строя, дума, народное собрание — вече как форма непосредственного участия народа, проявление его воли в решении государственных дел, причем отношения князя и народа основывались на «взаимном доверии». В XIII—XVII вв. происходит быстрое усиление «монархического элемента», тогда как «демократический» и «аристократический» элементы постепенно теряют прежнее политическое значение, хотя и не уничтожаются.

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ. КИЕВСКАЯ РУСЬ

Текст «Лекций» сохранился в авторской рукописи в двух редакциях: 1907—1908 и 1915—1916 гг. Курс лекций 1907—1908 гг. сохранился полностью в трех записных книжках. Текст написан карандашом начисто без последующей редакционной правки, за исключением небольшого числа сокращений текста (Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1, 2, 3). Пагинация авторская, постраничная. Редакция 1915—1916 гг. сохранилась в двух записных книжках (Там же. Д. 4, 5). Третья записная книжка была потеряна Пресняковым в начале 20-х годов. Текст написан начисто, чернилами, пагинация авторская, полистная.

Текст лекций был опубликован в 1938 г. (Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1: Киевская Русь. С. 1—240). Его подготовка осуществлена Б. А. Романовым, который тщательно воспроизвел текст, лишь в самых редких случаях литературно его редактируя, преимущественно меняя порядок слов. При подготовке лекционного курса к изданию Романов обоснованно положил в основу публикации редакцию 1915—1916 гг., поскольку она была выполнена на новом уровне исследований Преснякова. Там, где текст лекций второй редакции обрывался, он был дополнен по редакции 1907—1908 гг. Между тем в новое издание «Лекций» введен ряд коррективов по сравнению с предшествующим. В издании 1938 г. в текст второй редакции были включены части первой редакции. Хотя эти включения оговорены, создавался контаминированный текст лекций двух редакций. Но данные тексты не были включены Пресняковым в редакцию 1915—1916 гг. намеренно, что отражает развитие его научных взглядов, в частности преодоление влияния работ П. Н. Милюкова. Поэтому в настоящем издании публикации второй редакции лекций выдержана последовательно. Вместе с тем вступительная лекция, дополнения и разночтения первой редакции, которые имеют историографическое значение, приведены в «Дополнениях» (отсылки указаны буквами). Текст «Лекций» воспроизведен с учетом археографической и редакционной работы, проделанной Б. А. Романовым. Имена указаны в современной транскрипции.

Существенные коррективы по сравнению с изданием 1938 г. введены в научно-справочный аппарат лекций. В рукописях обеих редакций ссылки на использованную литературу приведены тройным образом. Большей частью источники и исследования указаны в тексте или в скобках в строке. Реже в строке в скобках сообщаются в сокращенной форме основные выходные данные использованной работы. Изредка примечание автора помещено под текстом внизу страницы (или еще реже над текстом). В этих случаях примечания представляют собой не только ссылки на использованную литературу, но и небольшие научные комментарии. При цитировании источника его название и издание в значительной части случаев не указываются, иногда при ссылке на летописи приводятся их название и год, под которым помещено цитируемое известие, но не использованное издание. Такое состояние научно-справочного аппарата объясняется тем, что Пресняков не предполагал публиковать лекции, и ему были достаточны лишь краткие библиографические указания для себя или для слушателей.

Оформление научно-справочного аппарата в публикации 1938 г. объясняется стремлением придать лекциям вид исследования-монографии, а также недостаточным вниманием в 20—30-е годы к последовательному оформлению ссылок на литературу и источники. Поэтому в публикации 1938 г. научно-справочный аппарат развернут и помещен постранично под текстом, чего нет в авторской рукописи Преснякова. Но при этом ссылки Преснякова в тексте на источники и литературу приведены и развернуты частично. Также частично установлено происхождение цитат из источников и литературы, которые Пресняков не сопроводил ссылками. В издании 1938 г. не всегда даются указания на страницы, которые содержатся в ссылках авторского текста, и вместе с тем в отдельных случаях источники и литература указаны по более поздним изданиям, которыми Пресняков не пользовался. Подчас ссылки в авторском тексте опущены, в некоторых примечаниях сообщается «Примеч. автора», в ряде случаев такое указание отсутствует. Иногда ссылки на более позднюю литературу дополнены издателем, но это не оговорено.

Не указана также принадлежность издателю введенных в сноски цитат из источников, которых нет в авторском тексте. Поэтому у читателя отсутствует ясное представление о реальном научно-справочном аппарате «Лекций» Преснякова.

В данном издании научно-справочный аппарат, включенный Пресняковым в «Лекции», приведен отдельно, после текста. Сокращенные Пресняковым записи ссылки на литературу и источники тщательно раскрыты Романовым. Лишь в немногих необходимых случаях восстановлены те издания, которыми пользовался Пресняков. Дополнительные примечания Романова и его краткие комментарии сохраняют свое научное значение. Они помещены вместе с примечаниями и комментариями издателя и отмечены буквой Р. В связи с тем, что Пресняков исходил из достаточно высокого уровня подготовки слушателей, он не перегружал текст постоянными ссылками на источники, опуская их в тех случаях, когда речь идет о хорошо известных сообщениях источников, или давая общие ссылки на цитируемые источники и литературу. Понимая данную особенность лекционного курса, Романов не делал ссылки при каждом цитировании. Этому принципу следовал также издатель. Комментарий к изданию реальный. Лишь в небольшом числе случаев, когда сведения Преснякова неточны или опровергнуты дальнейшим развитием науки, издатель обращает на это внимание читателей, приводя дополнительную литературу. Исследовательским комментарием к работам Преснякова о Древней Руси стала вся последующая советская историческая наука (Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки. Л., 1979). Основные проблемы изучения Пресняковым Киевской Руси указаны в очерке, посвященном его творчеству. Оформление научного аппарата «Лекций» приведено в соответствие с современными издательскими правилами. Примечания к названным в «Лекциях» авторам и их трудам приводятся в тех случаях, когда они не сделаны ранее к «Княжому праву в древней Руси».

Издатель благодарен К. Н. Сербиной, которая слушала лекции Преснякова в Ленинградском университете, за ценные советы.

^{1*} Лекции I—VII относятся к курсу, прочитанному в 1915/16 академическом году; лекции VIII—XV относятся к курсу, прочитанному в 1907/08 академическом году.

^{2*} Термин «примитивно-торговое государство» выдвинут В. В. Святловским (*Святловский В. В. Примитивно-торговое государство как форма быта*. СПб., 1914). (Р.)

^{3*} Новейший обзор исследований, посвященных лингвистическому изучению праславянского периода, см.: *Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции*. М., 1987. Реконструкцию праславянского лексического фонда см.: *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1993. Вып. 1—19 (издание продолжается).

^{4*} Опыт изучения общественного строя индоевропейцев по лингвистическим материалам см.: *Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. P., 1969. Vol. 1: *Economie, parenté, société*; Vol. 2: *Pouvoir, droit, religion*.

^{5*} Новейшие комплексные исследования по истории распада праславянского единства см.: *Łowmiański H. Początki Polski: z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e.* W., 1963. Т. I, II; *Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян*. М., 1979.

^{6*} В русской историографии принципы родовой теории, предполагающей развитие государства из рода и последующее влияние родовой организации на «юридический быт» и «междукняжеские отношения», начал разрабатывать дерптский ученый И. Ф. Г. Эверс. Эта теория имела большое значение в концепции С. М. Соловьева, которая оказала значительное влияние на последующую русскую историографию. К содержанию и судьбам родовой теории в русской исторической науке А. Е. Пресняков обращался неоднократно (см. настоящее издание: «Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А. Е. Преснякова»; о родовой теории см.: *Рубинштейн Н. Л. Русская историография*. М., 1941. С. 223—233, 328—332;

Ерыгин А. Н. История и диалектика: (Диалектика и исторические знания в России XIX века). Ростов, 1987).

^{7*} Здесь и далее А. Е. Пресняков широко использует труд А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. Вып. 11).

^{8*} Далее после точки приписано: «— Плющ и тис» (Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 5). Эту запись Пресняков, очевидно, развивал в устном изложении. Шахматов в отношении этих слов писал: «В-третьих, наличие общих для всего славянства слов, обозначающих *Taxus baccata* L. (общеслав. тис) и *Nedega helix* L. (общеслав. блющъ, плющъ и бърстан, бършлянъ), свидетельствует о том, что оба эти растения были известны на праславянской территории; между тем тис и плющ в Восточной Европе растут только у Балтийского побережья» (Шахматов А. А. Очерк. С. XIII).

^{9*} Геродот (ок. 490—480 гг. — ок. 430—424 гг. до н. э.), древнегреческий историк, автор сочинения, условно названного «Историей», в четвертой книге которого содержатся ценные сведения о скифах.

^{10*} Плиний Старший (23 или 24 — 79 г.) — римский писатель и ученый, автор «Естественной истории» (ок. 77 г.), которая содержит важные материалы по истории народов Европы.

^{11*} Прокопий Кесарийский (ок. 490—507 — после 562 г.) — византийский историк; в его сочинениях, в том числе «О готской войне» (553 г.), содержатся важные сведения о славянах.

^{12*} Маврикий или Псевдо-Маврикий — предполагаемый автор сочинения «Стратегикон» (после 592 г.—до 640 г.), авторство которого приписывалось императору Маврикию; в этом труде сообщается о войнах Византийской империи со славянами.

^{13*} Иордан (VI в.) — готский историк, основной труд которого, «О происхождении и деяниях гетов», содержит ценные материалы о народах Центральной и Восточной Европы.

^{14*} Грушевский М. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. С. 203—218. (Р.)

^{15*} Лавр. С. 11 (Р.)

^{16*} Вестберг Фридрих (1864—?) — рижский арабист, учитель, автор переводов арабязычных источников и комментариев к ним.

^{17*} Менаандр (конец VI в.) — византийский историк, его продолжение хроники Агафия «О царствовании Юстиниана» содержит ценные сведения о Византии 558—582 гг.

^{18*} Фредегар (VII в.) — предполагаемый автор анонимной франкской хроники, написанной в середине VII в.

^{19*} Шахматов А. А. Очерк. С. XVIII—XIX.

^{20*} Ал-Масуди (конец IX—начало X в. — 956 г.) — арабский историк, географ и путешественник, автор книги «Промывальни золота и рудники самоцветов», написанной в 943 г.; ранее считали, что книга была написана в 20-е годы X в.

^{21*} Ибрахим Ибн Йакуб (X в.) — испано-арабский ученый и дипломат, совершивший во второй половине X в. путешествие ко двору германского императора Оттона I.

^{22*} Ключевский В. Курс. Ч. 1. С. 125. (Р.)

^{23*} Грушевский М. Киевская Русь. Т. 1. С. 247 и след. (Р.)

^{24*} Как следует из новейших исследований, положительное влияние Хазарского каганата на историю и культуру восточных славян Пресняковым преувеличено. Новейшие работы о Хазарии и ее отношениях с восточными славянами см.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962; Плетнева С. А. Хазары. [1-е изд.], М., 1976; 2-е изд. М., 1986; Новосельцев А. П. К вопросу о древнейшем титуле русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159; Он же. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

^{25*} Фармаковский Борис Владимирович (1870—1928) — археолог, историк, профессор Петроградского (Ленинградского) университета, член-корреспондент Академии наук, автор трудов по античной археологии, культуре, искусству.

^{26*} Кондаков Никодим Павлович (1844—1925) — историк, профессор Петер-

бургского университета, академик, автор трудов по истории древнерусского и византийского искусства.

^{27*} Хвойка Викентий Вячеславович (1850—1914) — археолог, исследовал археологические памятники на территории Украины от палеолита до древнерусского периода, открыл памятники трипольской культуры, культуры полей погребений зарубицевого и черняховского типов, сторонник теории автохтонности славян в Среднем Поднепровье.

^{28*} Последующие лингвистические и археологические исследования не подтвердили мнения о ляхском происхождении радимичей (*Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 156—157).

^{29*} Шелёновский Адам (1873—1961) — историк, профессор Львовского университета, автор трудов по исторической географии, социально-политической истории Польши и стран Западной Европы.

^{30*} *Шахматов А. А.* Очерк. С. XXI.

^{31*} Над строкой приписано: «мерей» (Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 17).

^{32*} Лавр. С. 18.

^{33*} *Шахматов А. А.* Очерк. С. XXII—XXV; Лавр. С. 12.

^{34*} Спицын Александр Андреевич (1858—1931) — археолог, автор многочисленных трудов по археологии народов Восточной Европы, одним из первых применил комплексный анализ данных археологических и письменных материалов при локализации восточнославянских племен.

^{35*} Середонин Сергей Михайлович (1860—1914) — историк, автор трудов по исторической географии и истории России.

^{36*} *Середонин С. М.* Историческая география: Лекции, читанные проф. С. М. Середониным в Петроградском Археологическом институте. Пг., 1916. С. 153—155.

^{37*} Взгляды А. А. Шахматова обобщены в его позднейших работах: *Шахматов А. А.* Введение в историю русского языка. Пг., 1916. Т. 1; *Он же.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. (Р.)

^{38*} *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. № 3. С. 16—23.

^{39*} Хинкмар (ок. 806—882) — реймский архиепископ, автор анналов.

^{40*} Ибн Русте (вторая половина IX—начало X в.) — арабский географ, автор географического сочинения «Китаб ал-лак ан-нафиса» («Книга драгоценных ожерелий»), написанного вскоре после 903 г.

^{41*} *Голубовский П.* Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. Киев, 1884. (Р.)

^{42*} *Шаскольский И. П.* Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965; *Он же.* Антиномизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 35—51; *Ruß H.* Die Warägerfrage // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1979. Bd. I. L. 4/5. S. 267—282.

^{43*} *Szelągowski A.* Najstarsze drogi z Polski na wschód w okresie bizantyńsko-arabskim. Łwów, 1904. (Р.)

^{44*} Новейшие археологические открытия подтвердили это мнение Преснякова: в Ладоге был открыт скандинавский производственный комплекс второй половины VIII в. (*Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII в. из Старой Ладоги // Сб. Таллинн, 1980. Вып. XXV. С. 161—178).

^{45*} О процессе поступления арабских дирхемов на Балтику в конце VIII в. и его связи с торговлей см.: *Фомин А. В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 16—21.

^{46*} О накопленном опыте изучения скандинавских источников по истории Киевской Руси и задачах их дальнейшего исследования см.: *Свердлов М. Б.* Письменные источники Западной, Центральной и Северной Европы // Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки. Л., 1979. С. 84—87; *Мельникова Е. А., Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н.* Древнескандинавские письменные источники по истории Европейского региона СССР // Вопр. истории. 1985. № 10. С. 36—53.

^{47*} Известия саг о скандинавах на Руси, их анализ в новейшей литературе см.: *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.: (Материалы

и исследования) / Сост. и подгот. к изд. М. Б. Свердлов. М., 1978. *Свердлов М. Б.* Скандинавы на Руси в XI в. // Сб. Таллинн, 1974. Вып. XIX. С. 55—68; *Мельникова Е. А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа. . . С. 289—295; *Она же.* Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984. С. 127—133; *Джаксон Т. Н.* К методике анализа русских известий исландских королевских саг // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 128—143; *Она же.* Скандинавский конунг на Руси: (о методике анализа сведений исландских королевских саг) // Восточная Европа. . . С. 282—288; *Она же.* Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримониальных связях // Сб. Таллинн, 1982. Вып. XXVII. С. 107—115. *Она же.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X—XIII вв. // АЕ за 1988—1989 гг. М., 1991. С. 5—169; *Глазырина Г. В.* Русский город в норвежской саге: К вопросу о достоверности исторических описаний в сагах // ДГ, 1982 г. М., 1984. С. 48—55; *Мельникова Е. А., Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н.* Древнескандинавские письменные источники. . .; *Свердлов М. Б., Шаскольский И. П.* Культурные связи России и Швеции в IX—XVI вв. // Сб. Таллинн, 1986. Вып. XXX. С. 113—123; Древнерусские города в древнескандинавской письменности: (Тексты, перевод, комментарий) / Составители Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон. М., 1987 (см. там же значительную литературу).

^{48*} *Браун Ф. А.* Варяги // Русская энциклопедия. СПб., [1912]. Т. 4. С. 2; Анализ шведских рунических надписей см.: *Свердлов М. Б.* Известия шведских рунических надписей о скандинавах на Руси и в Византии // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 102—109. Обобщающее исследование см.: *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: (Тексты, перевод, комментарий). М., 1977.

^{49*} О погребальных комплексах Гнездовского могильника и их этнической принадлежности см.: *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнездове // Вестн. МГУ. История. 1974. № 1. С. 74—86; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978; *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А.* Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестн. МГУ. История. 1982. № 1. С. 68—80.

^{50*} *Шахматов А. А.* Очерк. С. XIII—XXXI.

^{51*} Новейшие исследования по истории Волжского пути см.: *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв. // ВИД. Л., 1976. Вып. VIII. С. 95—110; *Леонтьев А. Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 3—9.

^{52*} К мнению о Ладоге как центре варяжского княжения в Северной Руси вернулся в новейшей литературе Д. А. Мачинский (*Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: (Период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 3—29).

^{53*} Новейшие обобщающие исследования «эпохи викингов» см.: *Sawyer P. H.* The Age of the Vikings. L., 1962; *Musset L.* Les invasions: le second assaut contre l'Europe chrétienne (VIIe—XIe siècles). P., 1965; *Jones G.* A History of the Vikings. 2 ed. Oxford, 1973; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

^{54*} *Ал-Бируни (973—1048)* — среднеазиатский ученый-энциклопедист; упомянутое Пресняковым сообщение о «море варанков» содержится в сочинении, посвященном астрологии: «Книга наставления в элементах искусства астрологии».

^{55*} Анализ известий восточных источников о славянах и Руси см.: *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956. Т. I; 1977. Т. II; *Бейлис В. М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 21—28; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355—419; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. 1; 1967. Ч. 2; *Свердлов М. Б.* Локализация русов в арабской географической литературе IX—X вв. // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. Л., 1970. № 4. С. 363—369; *Он же.* Восточные письменные источники // Советское источниковедение Киевской

Руси. С. 63—71; *Калинина Т. М.* Ал-Масуди о расселении русов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 16—22; *Она же.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: (Тексты, перевод, комментарий). М., 1988.

^{56*} Известие о росах в Бертинских анналах под 839 г. принадлежит придворному капеллану императора Людовика Благочестивого Пруденцию (Галиндо), автору продолжения анналов за 835—839 гг. Анналы имели официальный имперский характер, и вероятно, Пруденций во время приема послов росов находился при дворе императора.

^{57*} *Шахматов А. А.* Очерк. С. XXVII—XXIX.

^{58*} Ибн Хордадбех (ок. 820—ок. 912) — арабский географ, автор книги «Китаб-ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путешествий и государств»); по одному мнению, было две редакции — около 846 г. и не ранее 885 г., по другому мнению, существовала одна редакция 885 г.

^{59*} Ибн Хаукал (X в.) — арабский географ и путешественник, автор книги «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путешествий и государств»); вероятно, существовали две редакции этого сочинения — до 967 г. и ок. 977 г. Во время путешествий Ибн Хаукал жил в Испании на территории Кордовского халифата. Сведения о походе Руси на Булгарию и Хазарию в 969 г. относятся к военным действиям киевского князя Святослава, сообщение о нападении на Андалузию в Испании относится к набегу скандинавов.

^{60*} *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников // ЖМНП. 1908. № 3. С. 4.

^{61*} Ал-Йакуби (ум. 897 или 905) — арабский историк и географ, автор книги «Китаб ал-булдан» («Книга стран»), написанной около 891 г.

^{62*} Лавр. С. 6—8. (Р.).

^{63*} Куник Арист Аристович (1814—1899) — историк, академик Петербургской Академии наук, занимал крайние норманистские позиции в изучении роли скандинавов на Руси.

^{64*} Гедеонов Степан Александрович (1818—1878) — историк, литератор, директор Эрмитажа, императорских театров, в норманнском вопросе занимал антинорманистские позиции.

^{65*} Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899) — историк, профессор Петербургского университета, академик, автор трудов по истории Византии, России, медиэвистике.

^{66*} *Шахматов А. А.* Очерк. С. XXVII.

^{67*} Пархоменко Владимир Александрович (1882—1941 или 1942) — историк, автор трудов по истории Древней Руси и православия.

^{68*} *Kinik A. A.* Der Berufung der schwedischen Rodsen durch Finnen und Slaven. SPb., 1844. Bd. 1; 1845. Bd. 2; *Гедеонов С.* Варяги и Русь. СПб., 1876. Т. 1, 2; *Пархоменко В.* Начало христианства Руси: Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913; *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников. В. Пархоменко вернулся к этим вопросам в своей последней работе «У истоков русской государственности». Л., 1924. (Р.)

^{69*} Лавр. С. 22—23.

^{70*} Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // Христианское чтение. СПб., 1882. Сентябрь-октябрь.

^{71*} «Жизнь святого Игнатия-патриарха» написана Никитой Пафлагонским вскоре после смерти Игнатия (877 г.). Новейший анализ известий Фотия и Никиты Пафлагонского см.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси: IX—первая половина X в. М., 1980. С. 48—65 (см. там же литературу вопроса).

^{72*} Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — историк, профессор Петербургского университета, академик, автор трудов по славяноведению.

^{73*} Маркварт Йозеф (1864—1930) — немецкий востоковед, исследовал труды арабских средневековых географов.

^{74*} Ал-Мукаддаси (X в.) — арабский ученый, автор компилятивного сочинения «Китаб ал-бад ва-т-тарих» («Книга творения и истории»), составленного в 966 г.

^{75*} Гардизи (XI в.) — персидский историк, автор книги «Зайн ал-ахбар» («Украшение летописи»), где содержатся известия о росах.

^{76*} Ал-Бекри (ум. 1094 г.) — автор географической компиляции «Книга путей и стран».

^{77*} Томсен Вильгельм (1842—1927) — лингвист, историк, профессор Копенгагенского университета. Пресняков ссылается на исследование Томсена «Начало русского государства» (СПб., 1891. С. 74); этому труду Томсена Пресняков посвятил специальное исследование (*Пресняков А. Е.* Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории // Памяти В. Томсена: К годовщине со дня смерти. Л., 1927).

^{78*} Данное мнение подтверждено и уточнено А. П. Новосельцевым, который считает, что в сочинениях Ибн Русте, ал-Мукаддаси, автора «Худуд ал-Алам», Гардизи и других более поздних авторов сохранились различные редакции полного текста о славянах и русах Ибн Хордадбега или заимствовавшего эти сведения ал-Джайхани. Они датируются IX веком (не позднее 80-х годов) (*Новосельцев А. П.* Восточные источники. С. 408).

^{79*} Ибн-ал-Факих ал-Хамадани (конец IX—начало X в.) — арабский географ, автор книги «Китаб ал-Булдан» («Книга городов»), написанной ок. 903 г., заимствовал данный текст из сочинения Ибн Хордадбега, но писал не о русских купцах, а о славянских.

^{80*} Вестберг Ф. К анализу восточных источников // ЖМНП. 1908. N 2. С. 370—374.

^{81*} Бен Иосиппон — автор еврейской переработки сочинений Иосифа Флавия, жил, вероятно, в конце X в. в Италии.

^{82*} Грушевский М. История. Т. 1. С. 409—411.

^{83*} Новейшие археологические исследования подтвердили мнение о существовании малодворных сел в лесной зоне в древнерусский период (*Конечный В. Я., Носов Е. Н.* Загадки новгородской округи. Л., 1985. С. 17).

^{84*} Новаковић Ст. Село // Глас. Београд, 1891. Т. 24.

^{85*} Леонтович Ф. И. О значении верви по «Русской Правде» и «Полицкому статуту» сравнительно с задругой юго-западных славян // ЖМНП. 1867. № 4; *Он же.* Задружно-общинный характер политического быта древней России // Там же. 1874. № 6—8 (Р).

^{86*} Специальный курс В. О. Ключевского «Терминология русской истории» опубликован в кн.: *Ключевский В. О.* Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 129—275.

^{87*} Феофилакт Симокатта (VII в.) — византийский историк, автор «Истории», содержащей ценные сведения о славянах.

^{88*} Пресняков приводит слова Псевдо-Маврикия (Ps.-Mavri. IX, 3).

^{89*} Пресняков цитирует сочинение Прокопия Кесарийского «О готской войне» (III, 14).

^{90*} Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 12, 15. (Р).

^{91*} Сергеевич В. И. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб. 1902. Т. 1. С. 11—12. (Р.)

^{92*} Грушевский М. Киевская Русь. Т. 1. С. 449—454. (Р.)

^{93*} Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. 8-е изд. СПб., 1913. С. 62. (Р.)

^{94*} Костомаров Н. И. О федеративном начале Руси // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. Т. 1. (Р.)

^{95*} Ключевский В. О. Курс. Ч. 1. С. 144—148. (Р.)

^{96*} Приведенное сообщение о русах содержится в 9-й главе книги «Об управлении империей», написание этой главы датируется временем ок. 944 г. (*Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio* / Ed. R. J. H. Jenkins. L., 1962. Vol. 2. P. 19).

^{97*} Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. 2-е изд. М., 1905. Ч. 1. С. 24—25; ср. также: *Он же.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. 4-е изд. М., 1930. Т. 1. С. 85. (Р.)

^{98*} Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. С. 12.

^{99*} Лавр. С. 58—59. (Р.)

^{100*} См., например: Памятники истории Великого Новгорода. М., 1909. С. 13. (Р.)

^{101*} Лавр. С. 170: «Бывши бо единою скудости в Ростовѣѣ области въстаѣа два волѣхва отъ Ярославля, глаголюща: „Яко въ свѣѣѣ, кто обилье

держитъ“, и поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погость, ту же нарекаста лучышиѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ а си медъ» и т. д. (Р.)

^{102*} Новг. I. С. 5—7. (Р.)

^{103*} Лавр. С. 22, 23, 28, 29, 38, 41. (Р.)

^{104*} *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 99—108, 316—321. (Р.)

^{105*} *Шахматов А. А.* Очерк. С. III—V.

^{106*} Лавр. С. 23—24. (Р.)

^{107*} Установленные в литературе XIX в. факты использования в Повести временных лет в качестве источников Жития Василия Нового и Хроники Георгия Амартола (*Веселовский А. Н.* Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. 1889. N 1. С. 80—92; *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856 и др.) были обстоятельно разработаны В. М. Истриным (*Истрин В. М.* Где было переведено Житие Василия Нового? // ИОРЯС. СПб., 1918. Т. XXII, кн. 2. С. 320—325; *Он же.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Текст, исследования и словарь. Пг., 1920. Т. I: Текст; 1922. Т. II: Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование; Л., 1930. Т. III: Греческо-славянский и славяно-греческий словари).

^{108*} В новейшей литературе А. Н. Сахаров склоняется к мнению о существовании самостоятельного договора 907 г. (*Сахаров А. Н.* Русско-византийский договор 907 г.: реальность или вымысел летописца? // Вопр. истории. 1978. N 2, 3).

^{109*} Текст письма см.: *Schechter S.* An unknown Khazar document // The Jewish Quarterly Review. New Series. Philadelphia, 1912. Vol. 3, N 2. P. 181. (Р.) Обстоятельный источниковедческий анализ см.: *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

^{110*} *Миллер В. Ф.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892. С. VI и след. (Р.)

^{111*} Новг. I. С. 6. (Р.)

^{112*} Новг. I. С. 6; Лавр. С. 32. (Р.)

^{113*} Пресняков приводит сообщение из гл. 9 «Об управлении империей» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей: (Текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44—45).

^{114*} Лавр. С. 58—59.

^{115*} *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 46—49.

^{116*} Лавр. С. 51, 53.

^{117*} Приселков Михаил Дмитриевич (1881—1941) — историк, профессор Ленинградского университета, автор трудов по источниковедению и истории древней Руси, в изучении летописания продолжатель исследовательской методики А. А. Шахматова.

^{118*} Лавр. С. 54—58.

^{119*} *Шахматов А. А.* [Рец.] В. Пархоменко. Начало христианства Руси (Очерк из истории Руси IX—X вв.). Полтава, 1913 // ЖМНП. 1914. N 8. С. 346.

^{120*} Этот труд Константина Багрянородного называют также «О церемониях византийского двора» или «О церемониях» (*De ceremoniis aulae byzantinae.* Bonnæ, 1829. Т. I; 1830. Т. II).

^{121*} *Fischer W.* Die russische grossfürstin Helga am Hofe von Byzantien // Zeitschrift für Geschichte und Philologie. Stuttgart, 1888. Bd. XI. (Р.) Новейшие исследования, посвященные датировке и анализу содержания посольства княгини Ольги в Константинополь, см.: *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // ВВ. М., 1981. Т. 42. С. 35—48; *Он же.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. N 5. С. 173—183; *Он же.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. М., 1982. С. 71—92; *Он же.* Русско-византийские связи в середине X в. // Вопр. истории. 1986. N 6. С. 41—52; *Он же.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ, 1985 г. М., 1986. С. 49—57; *Назаренко А. В.* Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // ВВ. М., 1989. Т. 50.

С. 66—83; *Литаврин Г. Г.* Реплика на статью А. В. Назаренко // Там же. С. 83—84.

^{122*} «Продолжение Хроники Регинона» принадлежит Адальберту (ум. 981 г.), который изложил обстоятельства своей миссии на Русь, в 966 г. он стал аббатом Вейсенбургского монастыря, а в 968 г. назначен первым архиепископом Магдебурга.

^{123*} *Пархоменко В.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913. (Р.)

^{124*} Иоанн Скилица — византийский историк, в 1081—1118 гг. был сановником императора Алексея Комнина, автор «Обозрения истории», доведенного до 1079 г.; этот труд сохранился в компиляции хрониста XII в. Георгия Кедрина.

^{125*} Иоанн Зонара — византийский хронист и политический деятель конца XI—середины XII в., автор «Сокращения историй», доведенного до 1118 г.

^{126*} Иаков Мних (XI в.) — монах Киево-Печерского монастыря, вероятный автор агиографических сочинений; ему принадлежит, возможно, «Память и похвала князю Владимиру» (*Творогов О. В.* Иаков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I. С. 191—192).

^{127*} *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 9—14. (Р.)

^{128*} Лавр. С. 61—62. (Р.)

^{129*} Лев Диакон (вторая половина X в.) — византийский хронист, автор «Истории в десяти книгах», написанной ок. 990 г. Описанная хронистом встреча Святослава и Иоанна Цимисхия состоялась на Дунае после сражения под Доростолом 22 июля 971 г.

^{130*} Гаркави Авраам Яковлевич (1835 или 1839—1919) — филолог, историк. Его переводы арабоязычных источников и комментарии к ним (*Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870) имели большое значение для изучения Руси IX—X вв.

^{131*} Пресняков имеет в виду, вероятно, одно из высказываний Ивана Дмитриевича Андреева, автора трудов по церковной истории.

^{132*} Лавр. С. 66.

^{133*} Новейший анализ политических акций князя Святослава на Балканах см.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982.

^{134*} Лавр. С. 77.

^{135*} Там же. С. 71—72.

^{136*} Там же. С. 77.

^{137*} Там же. С. 74.

^{138*} Там же.

^{139*} *Грушевский М.* История. Т. 2. С. 304. (Р.)

^{140*} *Ключевский В. О.* Курс. Ч. 1. С. 201.

^{141*} Лавр. С. 71: «Азъ Святославъ, князь Руский, якоже кляхъся, и утвераю на свѣщанъ сем роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ Гречьскимъ . . . и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка». (Р.)

^{142*} *Шахматов А. А.* Разыскания. С. 354—376.

^{143*} *Шахматов А. А.* Очерк. С. XXXIV—XXXV.

^{144*} Воскр. С. 313; Соф. I. С. 120. (Р.)

^{145*} Лавр. С. 119.

^{146*} Thietmari chronicon. VII. 72.

^{147*} Вставленное в скобки — из редакции «Курса» 1907/08 г. (Р.)

^{148*} Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Ан-тиохийского / Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен. СПб., 1883. С. 60.

^{149*} Михаил Пселл (1018—ок. 1078 или ок. 1096) — византийский писатель и историк, автор «Хронографа», мнение о нем как о продолжателе «Истории» Льва Диякона ошибочно.

^{150*} Никольский Николай Константинович (1863—1936) — историк древнерусской литературы, историк, академик.

^{151*} *Шахматов А. А.* Разыскания. . . С. 152—158.

^{152*} Хильдесхаймские анналы первоначально велись при кафедральном соборе во времена епископа Отвина (964—984). Запись под 960 г. о миссии епископа Адальберта на Русь была сделана на основе Херсфельдских анналов, где это сообщение появилось, вероятно, самостоятельно, вне связи с хроникой «Продолжателя Регинона» (текстуальное единство не прослеживается).

^{153*} Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — историк, теоретик и историк литературы.

^{154*} Лавр. С. 77.

^{155*} Шахматов А. А. Разыскания... С. 139.

^{156*} Новг. I. С. 30.

^{157*} Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) — филолог, славист и востоковед.

^{158*} Шахматов А. А. Очерки... С. XXXV—XXXIX.

^{159*} Пресняков имеет в виду рецензии В. З. Завитневича и В. А. Пархоменко, которые критиковали не только многие новые наблюдения М. Д. Приселкова, но и новаторскую методику исследования, основанного на широком привлечении источниковедения, в частности выводов А. А. Шахматова (Завитневич В. З. [Рец.] // Тр. Киевской духовной академии. 1914. N 4. С. 628—651; Пархоменко В. А. Три момента начальной истории русского христианства: Игорь Старый, Владимир Святой и Ярослав Мудрый: (По поводу нового исследования М. Д. Приселкова) // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. XVIII, кн. 4. С. 371—380). Шахматов критиковал Приселкова за постоянное использование им шахматовских реконструкций летописного текста в ущерб сохранившимся летописным текстам (Шахматов А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. II, вып. 2. № 4. С. 30—61).

^{160*} Лавр. С. 109, 113, 119, 122.

^{161*} Thietmari chronicon. VIII. 31—33.

^{162*} Голубинский Е. История русской церкви. 2-е изд. М., 1901. Т. I, п/т I. С. 621—622; Приселков М. Д. Очерки... С. 40; Шахматов А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни (здесь и далее А. Е. Пресняков широко использует эту статью А. А. Шахматова).

^{163*} Новг. I. С. 65.

^{164*} Так в тексте. У Титмара нет известий о пирах Владимира, выкупе им пленных и их кормлении.

^{165*} Никольский Н. К. О древнерусском христианстве // Русская мысль. 1913. Кн. 6. С. 12.

^{166*} Лавр. С. 138, 355.

^{167*} Опыт изучения известий скандинавских саг о Руси см. в примеч. 47*.

^{168*} Этот вывод Пресняков сделал, исходя из гипотезы Шахматова, согласно которой Мистиша Свенельдич Древлянин был отцом Добрыни и Малфредии-Малуши, матери Владимира Святославича (Шахматов А. А. Разыскания. С. 373—378). Эта гипотеза не была поддержана в последующей литературе.

^{169*} Лавр. С. 127.

^{170*} Новг. I. С. 82; Лавр. С. 137.

^{171*} Шахматов А. А. Разыскания. С. 617. (Р)

^{172*} Новг. I. С. 84.

^{173*} Там же. С. 65, 75.

^{174*} Шахматов А. А. Разыскания. С. 507. (Р.)

^{175*} Как верно отметил Пархоменко, в тексте допущена неточность: при Листвине победу одержал Мстислав (Пархоменко В. Древняя история России. С. 202).

^{176*} Последующие исследования не подтвердили мнение Преснякова о Киеве конца X—первой трети XI в. как о малом городе: Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. I; Свердлов М. Б. Відомості про Київ у хроніці Тітмара Мерзебурзького // Український історичний журнал. Київ, 1971. N 8. С. 77—80; Кулиев С. Р. Детинец Киева IX—первой половины XIII в. Киев, 1982; Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.

^{177*} Далее следуют конспективные строки, разворачивающиеся, очевидно, в устном изложении. (Р.)

^{178*} Лавр. С. 148.

^{179*} Опыт, накопленный в отечественной историографии в изучении отношений Руси и кочевников, обобщен Р. М. Мавродиной (*Мавродина Р. М.* Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): Историографический очерк. Л., 1983).

^{180*} Многочисленные материалы и исследования по истории внешней политики Руси XI—XIII вв. обобщены В. Т. Пашуто (*Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968).

^{181*} *Иоанн де Плано Карпини*. История монголов. *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 87, 96, 135, 142. (Р.) Вильгельм де Рубрук сообщал только о русских в татаро-монгольском плену без указания их профессии ювелиров.

^{182*} Обстоятельный анализ источников см.: *Дробинский А. И.* Русь и Восточная Европа в французском средневековом эпосе // Ист. зап. М., 1948. Т. 26. С. 95—127.

^{183*} Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 5.

^{184*} Анализ культурных связей Руси и стран Западной Европы, прежде всего по археологическим материалам, см.: *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XV вв.). М., 1966 (см. там же литературу вопроса).

^{185*} О польско-русских отношениях X—XII вв. см.: *Щавелева Н. И.* Польки — жены русских князей (XI—середина XIII в.) // ДГ, 1987 г. М., 1989. С. 50—58 (см. там же литературу вопроса).

^{186*} Ипат. С. 122.

^{187*} Анализ сложного процесса формирования Киевской земли см.: *Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли (IX—первая треть XII в.). Киев, 1988; *Толчко П. П.* Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 5—56.

^{188*} Анализ формирования территории Древнерусского государства см.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.

^{189*} О социально-политических институтах, составлявших основы относительного единства Руси: собор, совет, княжеский съезд, подруничество, экономические и политические основы вассалитета неславянских земель и т. д., см.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство... С. 11—127.

^{190*} Лавр. С. 157. (Р.)

^{191*} Там же. С. 210. (Р.)

^{192*} Лавр. С. 265. Игнорируя ряд Святополка Изяславича с Владимиром Мономахом, «яко Новугороду быти Святополчю», новгородцы отказались признать Святополка и «попаша» себе Мстислава, сына Мономаха, (Р.)

^{193*} Ипат. С. 204.

^{194*} Там же. С. 211, 217.

^{195*} *Грушевский М.* Исторія. Т. 2. С. 126.

^{196*} *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 1.

^{197*} Пресняков в шутку повторяет выражение В. Пассека; см.: *Пассек В.* Новгород сам в себе // ЧОИДР. 1869. Кн. 4. В основе этого выражения находится философская категория Э. Канта «вещь в себе».

^{198*} *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 64, 66. (Карамзинский список, ст. 80, 88, примеч. 111, 119). (Р.)

^{199*} Там же. С. 39 (Карамзинский список, ст. 6, примеч. 13). (Р.)

^{200*} *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 54. (Р.)

^{201*} Лавр. С. 358.

^{202*} Ипат. С. 198. (Р.)

^{203*} Сыромятников Борис Иванович (1874—1947) — историк, профессор Московского университета, автор трудов по истории России X—XIX вв. Анализ работ Сыромятникова по общественному строю Древней Руси см.: *Муравьев В. А.* Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси // История и историки, 1973 г. М., 1975. С. 128—160.

- 204* *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. С. 57, 58. (Р.)
- 205* Ипат. С. 229 и след., 442; Лавр. С. 330. (Р.)
- 206* Ипат. С. 229—230. (Р.)
- 207* Лавр. С. 116. (Р.)
- 208* Там же. С. 124.
- 209* Там же. С. 267.
- 210* В данном случае цитата не точна, следует: «...а ныне, братия, поидѣте по мнѣ к Чернигову, кто имѣеть конь, ли не имѣеть кто, ино в лодѣхъ» (Лавр. С. 300).
- 211* *Корф С. А.* История русской государственности. СПб., 1908. Т. I. С. 67—97.
- 212* *Сергеевич В. И.* Лекции. С. 134. (Р.)
- 213* Там же. С. 143. (Р.)
- 214* Лавр. С. 169 (Р.); Ипат. С. 226.
- 215* Лавр. С. 225 (Р.)
- 216* Лавр. С. 76. (Р.)
- 217* Лавр. С. 144.
- 218* Лавр. С. 320; Ипат. С. 243. (Р.)
- 219* Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 143. О дате Уставной и жалованной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича см.: Княжое право в древней Руси. Очерк второй. Примеч. 57*.
- 220* Пресняков приводит эпизод из «Саги об Олаве Трюггвасоне» (*Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. С. 30—32).
- 221* Пресняков имеет в виду ст. 60 Судебника 1497 г. (Судебник 1497 года / Подгот. текста и коммент. Л. В. Черепнина; Ред. И. И. Смирнов // Судебники XV—XVI веков / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 27).
- 222* *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России / Статьи С. О. Шмидта и С. В. Чиркова; Примеч. С. В. Чиркова. М., 1988. С. 62.
- 223* О Законнике Стефана Душана и Польской Правде см.: Княжое право в древней Руси. Очерк первый. Примеч. 12*; Очерк второй. Примеч. 27*.
- 224* Духовная Климента, не позднее 1270 г. (ГВНП. N 105. С. 162—163); ранее эту духовную датировали XII в.
- 225* *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 32, примеч. 14; с. 67, примеч. 120. (Р.)
- 226* Лавр. С. 173. (Р.)
- 227* СГГД. Т. I. N 20. С. 30: «А сотскимъ и рядовичемъ безъ князей великихъ наместника и безъ посадника не судити нигде» (Договор Новгорода с великим князем Иваном III, 11 августа 1471 г.). (Р.)
- 228* *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 31, примеч. 6; С. 71, примеч. 133. (Р.)
- 229* Более точная легенда этой грамоты: грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю на село Буйцы, полудье и серебряное блюдо (ГВНП. № 81. С. 140—141).
- 230* *Соболевский А. И.* Язык Русской Правды // ЖМНП. 1886. N 4. С. 380; Киевская Русь: Сб. ст. / Под ред. В. Н. Сторожева. 2-е изд. М., 1970. Т. I. С. 589. (Р.)
- 231* Лавр. С. 237.
- 232* Ипат. С. 229.
- 233* Лавр. С. 124.
- 234* *Ключевский В.* Боярская дума в древней Руси. Прил. II. (Р.)
- 235* Ипат. С. 123. (Р.)
- 236* Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии с датой 1136/37 г. (Древнерусские княжеские уставы. С. 147—148).
- 237* *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 260, примеч. 25. (Р.)
- Анализ Уставной грамоты Святослава Ольговича см.: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 80—90.
- 238* Как показали исследования А. А. Шахматова, данная фраза относится к предисловию к Начальному своду, составленному в конце XI в. в киевском

Печерском монастыре; последующий анализ источниковедов подтвердил этот вывод (*Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 14, 53—55).

^{239*} Ипат. С. 613. (Р.)

^{240*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1. С. 272—303.

^{241*} Издание см.: *Павлов А.* «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885.

^{242*} «Мерило праведное» — юридический сборник второй половины XIII в., сохранился в рукописях XIV—XV вв. Издание см.: *Мерило праведное по рукописи XIV века / Изд. под наблюдением и со вступ. ст. М. Н. Тихомирова.* М., 1961.

^{243*} Кормчие книги — сборники апостольских, соборных, епископских правил и посланий, светских законов и других материалов, которые являлись руководством для церковного управления и суда в славянских странах. Новейшие исследования см.: *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978; *Милов Л. В.* О древнейшей истории кормчих книг на Руси // *История СССР.* 1980. N 5. С. 105—123.

^{244*} Новейшее издание см.: *Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Под ред. Р. И. Аванесова.* М., 1963. С. 18—62.

^{245*} Академический список Русской Правды находится в составе Новгородской I летописи младшего извода (Библиотека Академии наук. 17.8.36, осн. N 153; датируется второй четвертью—40-ми годами XV в.), Археографический список Русской Правды находится в составе Новгородской I летописи младшего извода по Комиссионному списку (Архив ЛОИИ. Собр. Археографической комиссии. N 420) и датируется серединой XV в. (*Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова.* М.; Л., 1940. Т. I. С. 67, 77).

^{246*} Лавр. С. 173.

^{247*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1. С. 301. (Р.)

^{248*} Там же. С. 268. (Р.)

^{249*} Там же. С. 303. (Р.)

^{250*} *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 58, примеч. 85. (Р.)

^{251*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1. С. 302. (Р.)

^{252*} Ипат. С. 198.

^{253*} *Ясинский М. Н.* Закупы Русской Правды и памятников западнорусского права // Сборник статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. (Р.) Опыт определения социально-экономического и правового статуса закупа см.: *Свердлов М. Б.* К изучению формирования феодально зависимого крестьянства в Древней Руси (Закупы Русской Правды) // *История СССР.* 1978. № 2. С. 54—66 (см. там же анализ предшествующей литературы вопроса).

^{254*} РИБ. Т. 6. Стб. 25—26. (Р.)

^{255*} *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси.

^{256*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1. С. 265; *Русская Правда / Изд. В. И. Сергеевича.* С. 35; *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 54. (Р.)

^{257*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1. С. 302. (Р.)

^{258*} Пресняков имеет в виду Судебник 1550 г. Новейшее издание см.: *Судебник 1550 г. / Подгот. текста Р. Б. Мюллер; Коммент. Б. А. Романова; Ред. С. Н. Валк // Судебники XV—XVI веков.* С. 111—340.

^{259*} Пресняков имеет в виду жалованную подтверждательную грамоту от 1 марта 1505 г. смоленскому владыке Иосифу, боярам и всем жителям. См.: *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.* СПб., 1846. Т. 1. С. 362.

^{260*} Лавр. С. 222.

^{261*} Ипат. С. 390.

^{262*} Там же. С. 489.

^{263*} Там же. С. 388.

^{264*} Лавр. С. 367; Ипат. С. 448.

ДОПОЛНЕНИЯ

^{1*} Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, политический деятель, автор трудов по истории России IX—XVIII вв., по историографии (Главные течения русской исторической мысли. М., 1897), сторонник государственной школы.

^{2*} *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1; 1885. Т. 2. *Он же.* Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // ЖМНП. 1887. N 7, 8; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. 9-е изд. СПб., 1915. (P.)

^{3*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1, 2 (P.); *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 3-е изд. СПб., 1898—1909. Ч. 1—3.

^{4*} *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 3: Национализм и общественное мнение, вып. 1.

^{5*} Сторожев Василий Николаевич (1866—1924) — историк, археограф, профессор Московского университета, автор трудов преимущественно по истории России XVII в.

^{6*} Русская история с древнейших времен до Смутного времени: Сб. ст. / Под ред. В. Н. Сторожева. М., 1898. Вып. 1. С. XVIII. (P.)

^{7*} Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — историк, фольклорист, профессор Киевского университета, член-корреспондент Российской Академии наук.

^{8*} *Погодин М. П.* Записка о русском языке // Изв. Академии наук. СПб., 1856. Т. 5; *Максимович М. А.* Филологические письма к М. П. Погодину // Русская беседа. М., 1856. Т. 3; *Он же.* Ответные письма М. П. Погодину // Там же. 1857. Т. 2. В «Чтениях в Историческом обществе Нестора Летописца» (Киев, 1884. Т. 2) помещен отчет о прочитанном в 1883 г. в обществе А. И. Соболевским докладе «Как говорили в Киеве в XIV—XV вв.» и прения, в которых против Соболевского выступали В. Б. Антонович и ряд других представителей украинской науки. Подробности см.: *Грушевский М. С.* Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. С. 469 и след. (P.)

^{9*} Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936) — историк, профессор Московского университета, академик. В Руси X в. он видел федерацию племенных и городских волостей с военно-политической деятельностью киевских князей по охране торговых путей. С раздробленностью Руси он связывал появление областного строя при определяющем экономическом значении осевших на землю бояр и политической роли веча главных городов, с одной стороны, и князей — с другой. Общественно-политический и экономический строй Литовско-Русского государства XIV—XV вв. он рассматривал как естественное продолжение и развитие образований древнерусского периода.

^{10*} Ясинский Михаил Никитич (1862—1935), историк русского права, профессор Киевского университета, автор трудов по истории России.

^{11*} *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1893; *Он же.* Литовско-русский сейм. Опыт истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900; *Максимейко Н. А.* Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894; *Он же.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902; *Он же.* «Русская Правда» и литовско-русское право // Сборник статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 382—395; *Ясинский М. Н.* Закупы Русской Правды и памятников западнорусского права // Там же. С. 430—465. (P.)

^{12*} Гобино Жозеф Аргюр (1816—1882) — французский социолог, один из основоположников расизма.

^{13*} Чемберлен Хоустон Стюарт (1855—1927) — английский философ, сторонник расистской теории о превосходстве арийцев в европейской культуре.

^{14*} *Gobineau I.* Essai sur l'inegalite des races humaines. P., 1753—1855. Vol. 1—4; *Chamberlain H. S.* Die Grundlagen des XIX. Jahrhunderts. 14. Aufl. München, 1922. Bd. 1, 2; *Idem.* Arische Weltanschauung. München, 1916. (P.)

^{15*} Данное определение понятия «национальность» отражает определенное

влияние историко-философских взглядов Милюкова на труды Преснякова в конце XIX—начале XX в. Позднее Пресняков эту вступительную лекцию исключил из курса 1915—1916 гг. При издании первого тома «Лекций по русской истории» данное определение Милюкова было из текста убрано.

^{16*} *Сергеевич В.* Лекции. С. 314.

^{17*} Пресняков имеет в виду цитированное ранее известное сообщение Константина Багрянородного о сборе полюды на Руси.

^{18*} Лавр. С. 58.

^{19*} Ипат. С. 11, 18.

^{20*} Лавр. С. 116, 119, 122.

^{21*} *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 242 и след. (Р.)

^{22*} Лавр. С. 149. (Р.)

^{23*} *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 248 и след. (Р.)

^{24*} Там же. С. 257 и след.; примеч. 2 к с. 257. (Р.)

^{25*} *Павлов А. С.* К вопросу о подлинности церковного устава св. Владимира // Тр. VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. II. (Р.) Новейшее исследование Устава князя Владимира см.: *Шапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 12—135.

^{26*} *Ключевский В.* Курс. Ч. 1. С. 310. (Р.) Новейшее исследование Устава князя Ярослава см.: *Шапов Я. Н.* Княжеские уставы. С. 178—306.

^{27*} Лавр. С. 124. (Р.)

^{28*} *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 230—231, 239.

^{29*} Там же. С. 230, 245.

^{30*} Герберштейн Зигмунд, барон (1486—1566) — немецкий дипломат и путешественник, посетил Россию в 1517 и 1526 гг., автор «Записок о московитских делах», при написании которых использовал русские источники.

^{31*} Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834—1912) — историк, академик, к источникам по истории русской церкви (основная тема его научных исследований) относился критически.

^{32*} Маржерет Жак (ок. 1550 или 1560 — после 1618) — французский военный, был в России в 1600—1611 гг., автор записок.

^{33*} Сказания современников о Димитрии самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 1. С. 261; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. 2-е изд. М., 1901. Т. I, п/т 1. С. 422—423. (Р.)

^{34*} *Владимирский-Буданов М.* Христоматия. Вып. 1. С. 257.

^{35*} Там же. С. 82, 261—262. (Р.)

^{36*} *Никольский Н. К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича. СПб., 1892. С. 104. (Р.)

^{37*} Данный текст опубликован в составе второй редакции курса лекций «Киевская Русь»: *Пресняков А. Е.* Лекции. Т. 1. С. 114—122.

^{38*} Данный текст опубликован в составе второй редакции курса лекций «Киевская Русь»: Там же. С. 138—142.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. СПб. 1836. Т. 1—4.
- АЕ — Археологический ежегодник.
- ВВ — Византийский временник.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор. — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев; СПб., 1900.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия. Вып. 1. — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия по истории русского права. 5-е изд. СПб.; Киев, 1899. Вып. 1.
- Воскр. — Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М., 1949.
- Грушевський М.* Історія. Т. 1—3, 5, ч. 1. — *Грушевський М.* Історія України — Руси. 2-е вид. У Львові, 1904. Т. 1: До початку XI віка; 1905. Т. 2: XI—XII вік; 1905. Т. 3: До року 1340; Т. 5, ч. 1: Устрій українських земель XIV—XVII вв.
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1846—1872. Т. 1—12.
- ДГ — Древнейшие государства на территории СССР.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ИАН — Известия Академии наук.
- ИМ — Историк-марксист.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Ипат. — Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
- Ключевский В. О.* Курс. Ч. 1. — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. 2-е изд. М., 1906. Ч. 1.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН.
- Лавр. — Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археологической комиссии.
- ЛОААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук (ныне: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук).
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР (ныне: Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН).
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Новг. 1 — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией.
- Пск. 1-я — См. ПСРЛ. Т. IV.
- Пск. 2-я — См. ПСРЛ. Т. V.

- ПСРЛ. Т. III — Новгородские летописи / Гл. ред. Я. И. Бередников. СПб., 1841.
- ПСРЛ. Т. IV — Новгородские и Псковские летописи / Гл. ред. Я. И. Бередников. СПб., 1848.
- ПСРЛ. Т. V — Псковские и Софийские летописи / Гл. ред. Я. И. Бередников. СПб., 1851.
- ПСРЛ. Т. VI — Софийские летописи / Гл. ред. Я. И. Бередников. СПб., 1853.
- ПСРЛ. Т. IX, X — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Ред. А. Ф. Бычков. СПб., 1862. Т. IX; СПб., 1885. Т. X.
- РИБ — Русская историческая библиотека. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI—XV вв.
- РИЖ — Русский исторический журнал.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1828. Т. 1—4.
- Сергеевич В.* Лекции. — *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903.
- Ск. сб. — Скандинавский сборник.
- Соф. 1-я — См. ПСРЛ. Т. IV.
- Тверск. — Летописный сборник, именуемый Тверской летописью / Гл. ред. А. Ф. Бычков // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (ныне: Российский государственный архив древних актов).
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- MGH. LL. — Monumenta Germaniae historica. Legum.
- MGH. SS. — Monumenta Germaniae historica. Scriptorum.
- RAU — Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Kraków.
- SAU — Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii umiejętności w Krakowie.
- ZSSR. GA. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanische Abteilung. Weimar.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аванесов Р. И. 614
 Авдусин Д. А. 606
 Агапий (Агафий), историк византийский 264, 604
 Агафья Владимировна, княгиня 65
 Адальберт, еп. 325, 610, 611
 Адорадский В. В. 554
 Адрианов С. А. 524, 527
 Аксаков К. С. 298, 481, 515, 533
 Акун *см.* Якун
 Александр, имп. византийский 313
 Александр III Александрович, имп. 509
 Александр Всеволодович, кн. 120
 Александр Ярославич 132
 Алексей I Комнин, имп. византийский 382, 610
 Алексей Михайлович, царь 511, 522
 Алексеева Г. Д. 538, 539
 Альфред Великий, кор. англосаксонский 598
 Амартол *см.* Георгий Амартол
 Амос, пророк 402
 Анастас (Настас), еп. 351, 352, 354, 355, 357, 487
 Андреев И. Д. (?) 329, 610
 Андрей (Ондрей), апостол 288
 Андрей Александрович, кн. 173
 Андрей Владимирович, кн. 66, 71, 73, 74, 76, 77, 144, 202, 393, 463
 Андрей Иванович, посадник 180
 Андрей Семенович Рублев, боярин 180
 Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. 90, 91, 93, 94, 98, 115, 121, 122, 125—129, 131, 132, 170, 171, 193, 194, 204, 212—214, 466—469, 481, 559, 593
 Андрих *см.* Олдржих
 Андрияшев А. 118, 596
 Андроник I Комнин, имп. византийский 383
 Аничков Е. В. 349, 371, 502, 611
 Анна, княгиня 344, 355, 356, 487
 Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого 375, 379
 Ангарий (Ансгар), архиеп. 287
 Антоний Римлянин, иг. 193, 232, 600
 Антонович В. Б. 615
 Ардагаст, вождь праславянский 302
 Арне (Arne) Т. Й. 501
 Арнольд, байул 190
 Артамонов М. И. 604
 Арфаст, знатный муж русский 28, 318
 Арциховский А. В. 579
 Аскольд, кн. 207, 281, 289, 302, 311, 312, 316
 Асмуд (Исмуд), кормилец 197—199, 333, 334
 Аспарух, хан праболгарский 267
 Атерак, хан половецкий 378
 Аттила, царь гуннский 263
 Африкан, конунг 381
 Багалеи Д. И. 105
 Байер Г. 555
 Бакунин М. А. 508
 Бальцер (Balzer) О. 11, 16, 20, 22, 23, 29, 32, 41, 159, 239, 505, 591, 594
 Бартольд В. В. 502
 Бегович М. 590
 Беда (Baeda) Почтенный, хронист англосаксонский 159
 Безобразов П. В. 515
 Бейлис В. М. 606
 Ал-Бекри, географ арабский 292, 608
 Белинский В. Г. 508, 562
 Беловский (Bielowski) А. 594
 Бельтов Н. *см.* Плеханов Г. В.
 Беляев И. Д. 515, 560
 Бен Иосиппон, писатель еврейский 293, 608
 Бенвенист (Benveniste) Е. 603
 Бередников Я. И. 617, 618
 Бестужев-Рюмин К. Н. 76, 117, 473, 515, 517, 541, 577, 589, 595, 615
 Биргер, ярл шведский 218, 599
 Бирнбаум Х. 603
 Ал-Бируни, среднеазиатский ученый-энциклопедист 285, 606
 Блунчли (Bluntschli) И. К., политический деятель Швейцарии 16
 Богишич (Bogisić) Б. 12—14, 18, 591

* Принятые сокращения: архиеп. — архиепископ, гр. — граф, друж. — дружинник, еп. — епископ, иг. — игумен, имп. — император, кн. — князь, кор. — король, легенд. — легендарный, маркгр. — маркграф, митр. — митрополит, с. — сын, св. — святой, тыс. — тысяцкий.

- Богословский М. М. 535
 Бокль Г. Т. 508
 Болеслав, староста 144
 Болеслав I Храбрый, кор. польский 31, 32, 167, 336, 341, 351, 357, 367, 372, 382, 384
 Болеслав II, кн. чешский 34
 Болеслав II Смелый, кн. польский 43, 380, 385, 390
 Болеслав III Кривоустый, кор. польский 38, 39, 41, 56, 58, 108, 199, 200, 385, 498
 Болотников И. И., предводитель восстания 522, 537
 Болтин И. Н. 556, 557, 587
 Бомануар (Beaumanoir) Ф., автор записи кутюмов 18, 591
 Боняк, хан половецкий 67, 375, 377, 394
 Борис I, царь болгарский 330, 346, 348
 Борис Василькович, кн. 132
 Борис Владимирович, кн., св. 24, 31—33, 75, 143, 169, 204, 338, 341, 342, 352, 356, 364, 365, 390
 Борис Всеволодович, кн. 79
 Борис Всеславич, кн. 103
 Борис Вячеславич, кн. 42, 47, 48, 391
 Борис Жидиславич, воевода 214
 Борис Константинович, кн. 173
 Борис Юрьевич, кн. 90
 Боше (Beauchet) Л. 156
 Браун (Braun) Ф. А. 32, 283—285, 320, 341, 501, 606
 Бржетислав I, кн. чешский 38, 56, 498, 594
 Бромлей Ю. В. 590
 Бруннер (Brunner) Г. 11, 39, 146, 148, 149, 157, 182, 184—189, 192, 200, 223, 224, 231, 233, 239, 250, 503—505, 590
 Брячислав Василькович, кн. 104
 Брячислав Изяславович, кн. 34, 40, 47, 103, 339, 371, 381
 Буганов В. И. 588
 Буды (Будый, Блуд), воевода, кормилец 197, 198, 200, 334
 Булкин В. А. 606
 Булэнвилле, гр. 556
 Бурхардт, еп. 375, 380
 Буслаев Ф. И. 508
 Буяк (Bujak) Ф. 12, 160, 215
 Бычков А. Ф. 51, 595, 618
 Вайнштейн О. Л. 556
 Вайц (Waitz) Г. 187, 190, 250, 599
 Валк С. Н. 507, 530, 532, 539, 540, 586, 589, 591, 614, 616
 Валленрод Конрад, литературный герой Адама Мицкевича 87
 Ванделин (Wandelinus), кормилец 191
 Варда Скир, полководец византийский 330, 343
 Варда Фока, полководец византийский 330, 343, 344
 Варлаам, иг. 247, 424, 425
 Варяжко, дружинник 335
 Василий, дружинник (?) 193
 Василий II Болгаробойца, имп. византийский 343, 344, 347, 351, 353, 355
 Василий Всеволодович, кн. 132
 Василий Новый, св. 313, 609
 Василий Федорович, кн. 172
 Васильев А. А. 510
 Васильевский В. Г. 288, 320, 375, 377, 379, 500—502, 510, 511, 514, 516, 539, 542, 607
 Василько Константинович, кн. 132, 195, 214
 Василько Леонович (или Маричич), кн. 382
 Василько Романович, кн. 120, 175
 Василько Ростиславич, кн. 43, 48, 49, 52, 54—56, 67—69, 116, 193, 204, 205, 390, 391, 410, 452
 Василько Святославич, кн. 73, 103
 Василько Юрьевич, кн. 89, 126, 208
 Васята, староста 144
 Ведров С. В. 587
 Велес (Волос), бог языческий 331, 349
 Венгеров С. А. 522
 Венелин Ю. И. 505
 Веселовский А. Н. 508, 516, 609
 Веселовский С. Б. 551
 Вестберг Ф. 264, 280, 287, 289, 292, 293, 308, 500, 501, 604, 605, 607, 608
 Вико Дж. 556
 Вильгельм Завоеватель, герцог нормандский 381
 Виноградов П. Г. 155, 191, 509, 564, 597
 Виталий, еп. 190
 Владимир Андреевич, кн. 79, 91, 197
 Владимир Василькович, кн. 133, 134, 249, 425
 Владимир Всеволодович Мономах, кн., с. Всеволода Ярославича 47—52, 54—56, 61—70, 72, 73, 75, 76, 78, 80—82, 90, 93, 94, 96, 97, 101, 123, 125, 127, 129, 144, 170, 176, 177, 193, 196, 197, 200—202, 206, 207, 209, 210, 212, 252, 302, 378, 381—383, 391, 393, 403, 404, 410, 431, 447, 450—452, 456—458, 460, 462—464, 467, 502, 612
 Владимир Давыдович, кн. 77—79, 105, 464
 Владимир Игоревич, кн. 108
 Владимир Константинович, кн. 132
 Владимир Мстиславич, кн., с. Мстислава Владимировича Мономаха 90, 91, 94, 118, 120, 202, 204, 205
 Владимир Мстиславич, кн., с. Мстислава Изяславича 107

- Владимир Святополчич, кн. 124
Владимир Святославич, кн., с. Свято-
слава Игоревича 29—35, 39, 40, 47,
63, 64, 82, 93, 101, 102, 140—143,
148—151, 158, 165, 166, 168, 178, 183,
194, 196, 200, 201, 204, 206, 219, 220,
223, 321, 323, 326, 331, 332, 335—
342, 344—360, 362—368, 370, 371, 373,
374, 376, 379, 380, 384, 387, 399—
401, 404, 406, 407, 410, 411, 433, 434,
445, 485, 478—493, 611
Владимир Святославич, кн., с. Свято-
слава Ярославича 114, 116
Владимир Ярославич, кн., с. Ярослава
Владимировича Мудрого 40, 169, 361,
368, 372, 385
Владимир Ярославич, кн., с. Ярослава
Владимировича Галицкого 98, 118,
198
Владимирский-Буданов М. Ф. 15, 21, 29,
35, 45, 136, 140—144, 162, 163, 174—
176, 178, 203, 222, 224, 227, 228, 230—
232, 235, 236, 238, 240, 241, 245, 248,
250—253, 303, 373, 374, 397—400,
402, 407, 414, 417, 421—423, 426, 427,
435, 442—445, 450, 489, 503—505, 563,
567, 568, 573, 576, 577, 580, 589, 591,
594, 596, 598, 608, 612—614, 616, 617
Владислав (Володислав), кн. 80
Владислав, боярин 466
Владислав (Володислав) II, кор. поль-
ский 594
Войслав, кормилец 199
Войцеховский (Wojciechowski) Т. 199,
200, 599
Волгин В. П. 554
Волков Ф. К. 500
Володарь Глебович, кн. 104
Володарь Ростиславич, кн. 43, 48, 49,
55, 56, 65, 67—69, 116, 382, 390, 391,
452
Володимерко Володаревич, кн. 69, 78,
79, 88, 90, 117, 127, 383, 607
Володислав, боярин 99, 198, 201, 208
Володислав, кн. или княжой муж (?)
28, 318, 319
Волос см. Велес
Воронин Н. Н. 579
Воротислав, тысяцкий 144
Воцел Я. Э. 239, 601
Всеволод Владимирович, кн. 32, 338,
341, 342
Всеволод Всеволодович, кн. 120
Всеволод Глебович, кн. 104, 194
Всеволод Давыдович, кн. 68
Всеволод Константинович, кн. 132
Всеволод Мстиславич, кн. 70, 71, 73,
74, 120, 143, 144, 161, 168, 178, 231,
232, 247, 248, 393, 458, 462, 463, 488—
492, 613
Всеволод Ольгович, кн. 68, 74—82, 86,
105, 106, 125, 128, 133, 194, 203, 207,
459, 463, 464, 467—469, 493, 503
Всеволод Святославич Чермный, кн.,
с. Святослава Всеволодовича 108, 123
Всеволод Святославич, кн., с. Свято-
слава Ольговича 107, 109
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, кн.
91, 93, 94, 97, 98, 107—109, 112, 116,
123, 125, 129—132, 134, 171, 194, 200,
202, 210, 212, 403, 467—470
Всеволод Ярославич, кн., с. Ярослава
Владимировича Мудрого 24, 26, 35,
37, 40—45, 47—53, 56, 57, 61, 63, 65,
82, 95, 117, 196, 202, 203, 205, 206,
215, 244, 370, 381—383, 385, 389, 391,
392, 411, 415, 420, 434, 445, 461, 502
Всеволод Ярославич, кн., с. Ярослава
Изяславича 120, 471
Всеволодко Давыдович, кн. 65
Всеслав Брячиславич, кн. 43, 44, 47,
57, 73, 103, 169, 339, 390, 407, 410
Всеслав Василькович, кн. 104
Всеслав Изяславович, кн. 103
Всеслав Рогволодич, кн. 104
Вуефаст, посол 28, 318
Вышата, воевода 164, 192, 411
Вышеслав Владимирович, кн. 31, 167,
338, 366
Вячеслав, кн. чешский 289
Вячеслав Владимирович, кн. 65, 73—79,
84, 85, 88, 90, 95, 100, 106, 144, 178,
207, 213, 360, 383, 393, 463, 465, 467
Вячеслав Ярославич, кн., с. Ярослава
Владимировича Мудрого 35, 42, 389
Вячеслав Ярославич, кн., с. Ярослава
Святополчича 66
Гаврилов А. К. 587
Гальперин Г. Б. 507, 590
Гардизи Абу Саид, историк персидский
292, 319, 360, 607, 608
Гаркави А. Я. 164, 294, 328, 501, 610
Гедеонов С. А. 288, 508, 556, 607
Гейнзерих (Гензерих), кор. вандаль-
ский 39, 108, 147, 499, 505
Гельмольд, хронист немецкий 188, 599
Генрих I, кор. английский 166, 598
Генрих I, кор. французский 158, 375, 379
Генрих III, имп. германский 375, 379
Генрих IV, имп. германский 380, 390
Георгий, отрок 204
Георгий Амартол, хронист византий-
ский 290, 313, 609
Георгий Кедрин, хронист византийский
610
Георгий Симонович, тыс. 125, 144, 197,
200, 381, 502
Герберштейн З., дипломат 616
Герлер И. Г. 595

- Геродот, историк древнегреческий 262, 309, 604
- Гертруда, жена кн. Изяслава Ярославича 375, 380
- Герцен А. И. 508, 509, 516
- Гессен Ю. И. 548
- Гизо Ф. П. Г. 508, 557, 565
- Гирке (Gierke) О. 15, 16, 229, 238, 239, 503, 591
- Гита (Гида), жена Владимира Мономаха 381
- Глазырина Г. В. 605, 606
- Глассон (Glasson) Е. 228, 503
- Глеб Василькович, кн. 132
- Глеб Владимирович, кн., св., с. Владимира Святославича 24, 31, 33, 75, 338, 342, 352, 356, 365, 390
- Глеб Всеволодович, кн. 79
- Глеб Всеславич, кн. 66, 67, 103, 393
- Глеб Рогволодич, кн. 104
- Глеб Ростиславич, кн. 114, 115
- Глеб Святославич, кн. 104, 108, 389
- Глеб Юрьевич, кн., с. Юрия Владимировича 86, 87, 90, 93, 94, 99, 125, 212, 469
- Глеб Юрьевич, кн., с. Юрия Ярославича 124
- Гневко Вода (Gneuco Wooda), земле-владелец 19
- Гобино (Gobineau) И. А. 476, 615
- Гоголь Н. В. 508
- Голубинский Е. Е. 232, 352, 493, 505, 611, 616
- Голубовский П. В. 68, 105, 108, 109, 120, 121, 595, 605
- Голубцов С. А. 543
- Голяшкин Я. А. 79, 96—98, 114, 465, 466, 595
- Готье Ю. В. 535
- Градовский А. Д. 571
- Грановский Т. Н. 560, 561
- Грацианский Н. П. 600
- Гревс И. М. 510, 522, 533, 539, 566
- Греков Б. Д. 507, 539, 576, 579, 580, 587, 590—592, 598, 600, 613, 614
- Григорий, священник 324, 325
- Григорий VII, папа римский 390
- Григорий Василькович, кн. 117
- Григорий Турский, историк франков 184, 191, 598
- Грим, посол 28
- Грот К. Я. 167, 232
- Грушевский М. С. 30, 32, 33, 40—44, 46—49, 52—57, 59, 64, 65, 68—76, 78, 82, 87, 92, 93, 99, 102, 105, 108—111, 113, 117, 118, 120, 124, 142, 143, 149, 152—154, 169, 170, 173, 197, 198, 206, 209, 213, 243, 249, 250, 263, 266, 294, 302, 305, 325, 328, 332, 341, 370, 371, 389, 391, 394, 407, 435, 442, 443, 452, 456, 461, 474, 475, 500, 502—505, 533, 545, 577, 580, 593, 595, 598, 601, 604, 608, 610, 612, 615, 617
- Гудавичюс Э. 601
- Гутнова Е. В. 552, 590, 591, 597—599
- Давыд Всеславич, кн. 67, 99, 103
- Давыд Игоревич, кн. 47—50, 52, 53, 55, 65, 193, 383, 389, 391, 410
- Давыд Ольгович, кн. 68
- Давыд Ростиславич, кн. 69, 94, 112, 121—123, 128, 144, 194, 467, 470
- Давыд Святославич, кн. 52, 67, 68, 105, 193
- Дагоберт, кор. франкский 600
- Дажьбог, бог языческий 349
- Дан (Dahn) Ф. 39, 505
- Даниил Заточник, книжник древнерусский 422
- Даниил Романович, кн. 120, 144, 151, 175, 249
- Данилевич В. Е. 28, 34, 73, 75, 95, 103, 104, 595
- Даркевич В. П. 612
- Дейо (Dehio) Г. 502
- Ал-Джайхани, географ арабский 608
- Джаксон Т. Н. 605, 606
- Дженкинс (Jenkins) Р. И. Х. 608
- Дживелегов А. К. 535
- Джонс (Jones) Г. 606
- Дионисий, архиеп. 427
- Дир, кн. 207, 281, 289, 302, 311, 312
- Дитятин И. И. 515
- Длугош Ян, средневековый историк польский 69, 117, 200, 334, 335, 596
- Дмитр, тыс. 144
- Дмитр Мирошкинич, посадник 154
- Дмитр Хоробрый, друж. 197
- Дмитрий, дядько 198, 200, 201
- Дмитрий Александрович, кн. 179
- Дмитрий Иванович Донской 59
- Дмитрий Ростовский 198
- Добиаш-Рождественская О. А. 539
- Добролюбов Н. А. 508, 525, 562
- Добрыня, дядя кн. Владимира Святославича 29, 31, 167, 168, 200, 331, 332, 335, 338, 360, 363, 367, 368, 611
- Довнар-Запольский М. В. 103, 120, 124, 142, 595
- Дробинский А. И. 612
- Дубов Н. В. 606
- Дьяконов М. А. 231, 232, 252, 253, 421, 502, 503, 516, 543, 577, 587, 589
- Любо, аббат 556
- Дюканж (Du Cange) 190, 241, 599, 601
- Евстафий Мстиславич, кн. 372
- Евстафий Ростиславич, кн. 99

- Евтихий (Саид Ибн Батрика), патриарх 342
Евфимия Глебовна, дочь кн. Глеба Святославича 382
Екатерина II, императрица 534, 556
Елагин И. 557
Елена *см.* Ольга
Елизавета Ярославна, дочь кн. Ярослава Мудрого 375, 381
Еремей Глебович, воевода 214
Ерыгин А. Н. 604
Есиф, тыс. 161
Ефименко А. Я. 18, 515, 590
Ефрем, митр. 197, 424
Ешевский С. В. 515
- Жданов И. Н. 508
Жебелев С. А. 539
Жирослав, воевода 214
- Забелин И. Е. 24, 161, 542, 568, 592
Завитневич В. З. 611
Загоскин Н. П. 515
Закжевский (Zakrzewski) Ст. 159, 160, 241, 598
Закс Б. Я. 532, 586
Заходер Б. Н. 606
Зек (Seeck) О. 189
Зибом *см.* Сибом
Зимин А. А. 580, 587, 590, 592, 594, 597
Знойко Н. Д. 501
Зонара *см.* Иоанн Зонара
- Иаков Мних, книжник древнерусский 24, 26, 326, 344, 358, 487, 610
Ибн ал-Факих, географ арабский 293, 608
Ибн Русте (Ибн Ростэ), географ арабский 281, 292, 308, 309, 360, 605, 608
Ибн Фадлан Ахмед, путешественник арабский 164, 293, 598
Ибн Хаукал, географ арабский 287, 294, 607
Ибн Хордадбех, географ арабский 287, 293, 607, 608
Ибрахим Ибн Йакуб, ученый испано-еврейский 265, 293, 320, 604, 607
Иван III Васильевич, кн. 151, 171, 180, 189, 409, 471, 546, 557, 569, 613
Иван IV Васильевич Грозный, царь 180, 459, 472, 513, 556, 569
Иван Василькович, кн. 117
Иван Войтишич, воевода 170, 209, 383
Иван Всеволодович, кн. 132
Иван Данилович Калита 59, 547, 559
Иван Иванович Красный 59
Иван Мстиславич, кн. 120
Иван Ростиславич Берладник, кн. 99, 117, 118, 175, 466
Иван Юрьевич, кн., с. Юрия Владимировича 87
Иван Юрьевич, кн., с. Юрия Ярославича 124
Иванко, тысяцкий 144
Иванко Чудинович, друж. 76, 201, 206
Иванов П. А. 118
Ивор, посол 28, 318
Ивор Молибожич, муж древнерусский 249
Игнатий, патриарх 290
Игорь, племянник кн. Игоря 318
Игорь Ольгович, кн. 76—81, 133, 183, 207—209, 403, 459, 464
Игорь Рюрикович, кн. 28, 29, 137, 142, 168, 186, 193, 198, 226, 276, 284, 289, 311—324, 328, 330, 332, 333, 335, 339, 354, 360, 411, 485
Игорь Святославич, кн. 107—110, 144, 193, 470
Игорь Ярославич, кн. 35, 42, 389
Изяслав Владимирович, кн. 31, 34, 47, 50, 71, 76, 103, 119, 178, 338, 339, 370, 387, 495
Изяслав Давыдович, кн. 90, 105, 106, 111, 128
Изяслав Мстиславич, кн. 66, 68, 73—75, 77—80, 83—90, 92, 95, 97, 99, 100, 105, 106, 114, 118, 119, 121, 125, 127, 145, 170, 178, 194, 196, 202, 205, 207, 208, 211, 213, 383, 412, 463—465, 467, 483
Изяслав Ярославич, кн., с. Ярослава Владимировича Мудрого 24, 35, 36, 40—44, 47, 48, 52, 54, 56, 57, 61, 65, 67, 82, 95, 169, 192—194, 197, 202, 205—207, 215, 223, 244, 370, 375, 380, 385, 388—391, 404, 407, 410, 411, 415, 420, 425, 434, 445, 461, 498
Изяслав Ярославич, кн., с. Ярослава Изяславича 120
Илларион, митр. 358, 375, 382, 487
Иловайский Д. И. 47, 99, 114, 116, 288, 594
Ильинский А. К. 174
Илья, архиеп. 355
Илья, священник 504
Илья Ярославич, кн. 40
Ингварь Игоревич, кн. 116
Ингварь Ярославич, кн. 120, 471
Инге, кор. шведский 381
Инггерд (Ирина), княгиня 363, 381
Иннокентий III, римский папа 38, 498
Иоаким Корсунянин, еп. 352, 355, 368
Иоанн, боярин 194, 205, 207, 208
Иоанн (Иван), еп. 130
Иоанн, иг. 51, 331, 346
Иоанн (архиеп.?) 51, 352, 353, 357

- Иоанн, патриарх 353, 357
 Иоанн Зонара, историк византийский 325, 610
 Иоанн Малала, историк византийский 409
 Иоанн Скилица, историк византийский 325, 326, 330, 501, 610
 Иоанн Славнович, тыс. 144, 196
 Иоанн Цимисхий, имп. византийский 199, 327, 329, 330, 334, 610
 Иордан, историк готский 263, 604
 Иосиф, каган хазарский 314
 Иосиф, патриарх 600
 Иосиф, тыс. 161
 Иосиф Флавий, писатель древнееврейский 608
 Ираклий, имп. византийский 263
 Ирина *см.* Ингигерд
 Искусев, посол 28
 Исмуд *см.* Асмуд
 Истрин В. М. 609

 Ал-Йакуби Ахмед, географ арабский 287

 Кавелин К. Д. 508, 515, 533, 542, 547, 560, 561
 Кадлец (Kadlec) К. 11—13, 15, 18—20, 23, 29, 591
 Кадлубек Винцентий, хронист польский 39, 498, 594
 Казанский П. С. 504
 Казимир I Обновитель, кн. польский 384, 390
 Казимир II Справедливый, кор. польский 58, 64
 Казимир III Великий, кор. польский 35 594
 Казимир IV, кор. польский 178
 Кайданов И. 557
 Калачов Н. В. 222, 244, 589, 600
 Калинин Т. М. 607
 Калокир, посол 329
 Калоузеке (Kalousek) И. 239, 601
 Каницар, посол 28
 Кант Э. Г. 612
 Канут *см.* Кнут
 Каракалла, имп. римский 187, 408, 409
 Карамзин Н. М. 114, 125, 149, 165, 456, 505, 557, 587, 595, 596
 Каргер М. К. 611
 Кареев Н. И. 510, 522, 529, 559, 566, 567
 Карл Великий, имп. франкский 270, 287, 291, 488
 Каченовский М. Т. 587
 Каштанов С. М. 551
 Квашнин-Самарин Ю. Ф. 508
 Кжеменьская (Krzemieńska) Б. 588

 Кза, хан половецкий 176
 Кий, кн. 406
 Килиевич С. Р. 611
 Киприан, митр. 232
 Киреевский И. В. 560
 Кирик, книжник 251, 451, 454, 456, 504
 Кирилл *см.* Кюрил
 Клеркон, легенд. 418
 Климент, боярин 420, 424, 425, 452, 613
 Климент, св., папа римский 351
 Климент Смолятич, митр., книжник древнерусский 231, 232, 248, 494
 Клосс Б. М. 513, 518, 520
 Клочков М. В. 12
 Ключевский В. О. 23—26, 30, 37, 39, 42, 45, 47, 57, 59, 60, 94, 96, 104, 128, 129, 136—140, 162, 163, 169, 219, 220, 222, 250, 265, 282, 299, 304—310, 317, 319, 322, 332, 336, 359, 373, 374, 400, 401, 433, 434, 439—443, 447—449, 451, 452, 454, 456, 457, 459, 469, 473, 491, 501, 504, 508, 509, 511, 515, 531, 533, 542, 543, 547, 549, 563, 567, 568, 571, 573—575, 577, 579—582, 588, 589, 592—594, 596, 599, 601, 604, 608, 610, 613—617
 Кнут IV, кор. датский 158, 216, 598
 Ковалевский А. П. 598
 Ковалевский М. М. 508, 515, 524, 564, 567
 Козьма Пражский, хронист чешский 38, 594
 Коковцев П. К. 314, 501, 609
 Кон (Cohn) Г. 12, 15—18
 Кондаков Н. П. 270, 500, 504, 604
 Конецкий В. Я. 608
 Конрад II, кор. лангобардский 189, 190
 Константин VII Багрянородный, имп. византийский 29, 137, 220, 275, 308, 309, 315, 317, 319, 323—327, 329, 360, 484, 593, 596, 608, 609, 616
 Константин IX Мономах, имп. византийский 382
 Константин Владимирович, кн. 99
 Константин Всеволодович, кн. 130—132
 Константин Давыдович, кн. 123
 Константин Дмитриевич, кн. 173
 Константин Добрынич, посадник 40, 167, 169, 363, 367, 368
 Константин-Кирилл, св. архиеп. 290, 321, 346, 359
 Конт О. 564
 Короленко В. Г. 508
 Королюк В. Д. 552
 Корф С. А. 58, 405, 428, 502, 504, 613
 Корш Ф. Е. 349, 502, 611
 Косвен М. О. 591
 Косминский Е. А. 554

- Коснячко, воєвода 164, 207, 215, 445
 Костомаров Н. И. 306, 388, 508, 515, 533, 556, 558, 562, 573, 598, 608
 Косьма Пресвитор, писатель средневековый болгарский 359
 Кочин Г. Е. 590
 Красов И. 150, 161
 Крек (Krek) Г. 500
 Кулишер И. М. 548
 Куник (Kunik) А. А. 198, 288, 292, 501, 556, 607
 Курил (Кирилл), печатник 175
 Курт (Кубрат), хан праболгарский 264, 267
 Курце (Kurze) Ф. 32
 Курия, хан печенежский 330
 Кутшеба (Kutrzeba) Ст. 153
 Кюрил (Кирилл) Хотунич, боярин 179

Лавров Н. Ф. 532, 586
Лавров П. Л. 508, 516
Лавровский Н. А. 508
Лазарь, тысяцкий 196
Лазорь Домажиречь, муж древнерусский 249
Лазутка С. 601
Ламанский В. И. 290, 501, 505, 607
Ламздорф В. Н. 523
Лампрехт К. 564
Ланге Н. И. 398, 432, 503, 504
Лаппо-Данилевский А. С. 198, 510, 514, 522, 524, 529, 535, 536, 543—545
Лебедев Г. С. 606
Лев, архиеп. 357
Лев, имп. византийский 313
Лев, с. Варды Фоки 343
Лев Данилович, кн. 198, 200
Лев Диакон, историк византийский 327, 329—331, 344, 347, 610
Левина С. А. 518
Левицкий (Lewicki) Т. 606
Лейст (Leist) Б.-В. 22, 148, 592
Леман (Lehmann) К. 61, 192, 216, 218, 219, 595
Леон, еп. 126
Леон (Леонт), митр. 352, 488
Леон Диоген, аристократ византийский 382
Леонтович Ф. И. 10, 26, 69, 298, 533, 542, 562, 589, 608
Леонтьев А. Е. 606
Леопольд, гр. штаденский 380
Лесгафт П. Ф. 533
Лешко, кн. польский 99
Лешков В. Н. 174, 240, 587, 601
Либберман (Liebergmann) Ф. 158, 598
Либ, посол 28
Либуций, еп. 325
Лимонов Ю. А. 596

Линниченко И. А. 152, 154, 159, 160, 197, 249, 601
Липперт (Lippert) Ю. 232, 505
Липшиц Е. Э. 600
Литаврин Г. Г. 593, 596, 609, 610
Лиутпранд, кор. ломбардский 191, 599
Лихачев Д. С. 588
Лихачев Н. П. 513, 515
Ловмянский (Łowmiański) Х. 603
Лозерт (Loserth) И. 34, 38
Ломоносов М. В. 555, 556
Лопарев Х. М. 108, 601
Лугвень Ольгердович, кн. литовский 173
Лука Жидята, еп. 368
Лурье Я. С. 517
Любавский М. К. 241, 245, 475, 500, 516, 533, 535, 567, 568, 571, 577, 578, 615
Любимов В. П. 580
Люблинская (Стефанович) А. Д. 540
Люблинский В. С. 540
Любомиров П. Г. 532, 586
Людовик Благочестивый, имп. франкский 190, 286, 287
Людовик Немецкий, имп. восточно-франкский 280
Лют Свенельдич 334, 335
Лялик (Lalik) Т. 588
Ляскоронский В. Г. 502

Маврикий (Псевдо-Маврикий), писатель византийский, возможно, имп. византийский 263, 301, 399, 604, 608
Мавродин В. В. 576, 578, 587, 597
Мавродина Р. М. 612
Магнус, кор. шведский 217, 375, 381
Майков Л. Н. 508, 518, 526
Макарий, митрополит 45
Максаков В. В. 541
Максимейко Н. А. 8, 224, 241, 245, 442, 443, 475, 504, 578, 589, 615
Максимович М. А. 474, 615
Мал, кн. древлянский 302, 334, 335
Малала см. Иоанн Малала
Малуша, мать кн. Владимира Святославича 335, 611
Малфредь (Мальфред), княгиня 335, 356, 611
Мануил I Комнин, имп. византийский 383, 502
Маржерет Жак, офицер-наемник 493, 616
Марица Владимировна, дочь Владимира Мономаха 382
Мария-Добронег (Доброгнева), дочь Владимира Святославича 384
Маркварт (Marquart) И. 292, 501, 607
Маркович (Marković) М. 11, 14, 591
Маркс К. 548, 570

- Марр Н. Я. 586
 Ал-Масуди, географ арабский 265, 289, 294, 302, 317, 604
 Маурер Г. Л. 192, 564
 Маурер К. 224, 599
 Мачинский Д. А. 606
 Мейер (Meyer) Э. 147, 500
 Мейн Г. 564
 Мельгунов С. П. 535
 Мельникова Е. А. 599, 605, 606
 Менандр, историк византийский 264, 604
 Мечников И. И. 508
 Мешко Старый, кн. польский 384
 Никифор Кыянин, боярин 215, 445
 Микула, муж древнерусский 232
 Микула, сотский 151
 Микула Чюдин, боярин 76, 144, 206, 215, 445
 Миллер В. Ф. 314, 508, 609
 Миллер Г. 555
 Милов Л. В. 614
 Милюков П. Н. 471, 473, 474, 477, 500, 513, 515, 522, 528, 529, 545, 567, 568, 571, 574, 578, 602, 615, 616
 Милютин В. А. 232, 247, 425, 503
 Микита (Никита) Ларионович, посадник 180
 Миндовг, кн. литовский 99
 Мирослав, друж. 201
 Мирослав Андреевич, боярин 80
 Мирослав Гюрятинич, посадник 74
 Мирошка, бирич 144
 Мистиша (Мстиша) Свенельдич, боярин 333, 335, 611
 Михаил VII Дука, имп. византийский 289, 502
 Михаил, митр. 352, 488
 Михаил Всеволодович, кн. 107, 108, 135, 178
 Михаил Пселл, историк византийский 344, 347, 610
 Михаил (Михалко) Юрьевич, кн. 125, 129, 212
 Михаил Ярославич, кн. 173
 Михайловский Н. К. 508, 516
 Михалко, тыс. 144
 Михалко (Михаил) Юрьевич, кн. 200
 Мокошь, богиня языческая 349
 Моммзен (Mommssen) Т. 147, 596
 Монольд, гр. 375
 Морган Л. Г. 564
 Мстислав Андреевич, кн. 94, 115, 119, 213
 Мстислав Владимирович, кн., с. Владимира Всеволодовича Мономаха 50, 54, 64—76, 78, 79, 81, 90, 93, 103, 105, 117, 119, 129, 209, 213, 247, 248, 379, 393, 412, 424, 460, 462—464, 467, 613
 Мстислав Владимирович, кн., с. Владимира Святославича 31, 33, 47, 334, 338, 370—372, 381, 411, 412, 502
 Мстислав Давыдович, кн. 121, 123
 Мстислав Данилович, кн. 133, 134, 152, 243, 249, 437
 Мстислав Изяславович, кн., с. Изяслава Мстиславича 85, 90, 91, 93, 97, 126, 127, 194, 197, 214, 383, 469
 Мстислав Изяславович, кн., с. Изяслава Ярославича 40, 49, 169, 390, 407
 Мстислав Лютый *см.* Мстислав Владимирович
 Мстислав Романович, кн. 123, 124
 Мстислав Ростиславич, кн. 94, 98, 122, 126, 171, 212, 467
 Мстислав Свенельдич *см.* Мистиша Свенельдич
 Мстислав Святославич, кн. 108
 Мстислав Юрьевич, кн. 126
 Мстислав Ярославич Немой, кн. 120, 471
 Мстиша *см.* Мистиша
 Ал-Мукаддаси, географ арабский 292, 607, 608
 Муктадир, халиф 598
 Мунигис, вожь германский 150
 Муравьев В. А. 531, 571, 612
 Муравьев М. Н. 557
 Муравьев Н. П. 523
 Мухаммед ал-Ауфи, писатель арабский 348
 Мэтланд (Maitland) Ф. В. 155, 158, 159, 597
 Мюллер Р. Б. 591, 614
 Мюссе (Musset) Л. 606
 Нажир, друж. 201
 Назаренко А. В. 609
 Насонов А. Н. 517, 540, 588, 593, 598, 612, 614
 Настас *см.* Анастас
 Неволин К. А. 98, 465, 595
 Нездила, кормилец 198
 Нерадец, убийца кн. Ярополка Изяславича 48
 Нестор, летописец 275, 283, 341, 352, 424
 Нечкина М. В. 553, 592
 Нидерле (Niederle) Л. 500
 Никита Пафлагонский, писатель византийский 290, 607
 Никитин А. Л. 589
 Никитский А. И. 143—145, 151—154, 162, 400, 481, 503, 515, 516, 596, 597
 Никифор Фока, имп. византийский 329, 330
 Николаев А. С. 541
 Николай I, папа римский 287
 Николай I Павлович, имп. 551, 597

- Никольский В. Н. 235, 240, 600, 601
Никольский Н. К. 232, 344, 358, 359, 375, 501, 502, 610, 611, 616
Никон, иг. 208
Никон, патриарх 600
Нильс, кор. датский 216
Нифонт, еп. 456
Новакович Ст. 11—13, 17, 188, 233, 590, 608
Новосельцев А. П. 552, 587, 593, 596, 604, 606, 608, 609, 612
Носов Е. Н. 606, 608

Оболенский М. А. 115, 197
Ода, княгиня польская 384
Одон, маркгр. 375, 380
Окунь С. Б. 553
Олав Святой, кор. норвежский 363, 375, 381
Олав Трюггвасон, конунг 341, 418
Олав Шетконунг, кор. шведский 363, 381
Олдржих (Андрих), кн. чешский 31, 337
Олег (Хельгу), кн. 27—29, 137, 140, 142, 167, 168, 198, 275, 276, 286, 289, 310—317, 319, 323, 332, 339, 368, 372, 485
Олег (Игоревич?), кн. 107, 108, 135
Олег Святославич, кн., с. Святослава Игоревича, 29, 30, 166, 331, 334, 335, 337, 340
Олег Святославич, кн., с. Святослава Ольговича 107, 109, 110
Олег Святославич, кн., с. Святослава Ярославича 44, 47, 48, 50—52, 55, 68, 75, 103, 105—107, 177, 201, 206, 213, 378, 391, 392, 412, 466
Олег Ярославич, кн. 118
Олека, дворский 197
Ольга, княгиня 28, 29, 140—142, 192, 197, 204, 276, 310, 317—319, 322—324, 326, 327, 329, 347, 358, 379, 400, 410, 411, 484, 486, 487, 609
Ольгерд, кн. литовский 326
Ольма, киевлянин 289
Ольшевская Л. А. 596
Ондрей *см.* Андрей
Орлов С. Н. 597
Осви, кор. англосаксонский 159
Отвин, еп. 611
Отрок, хан половецкий 378
Оттон I Великий, имп. германский 325, 344, 347, 379

Палацкий Ф. 239, 601
Пархоменко В. А. 288, 316, 321, 325, 326, 501, 607, 610, 611
Пассек В. 612
Патрикий Нариманович, кн. литовский 161, 173
Паук *см.* Пук
Пашуто В. Т. 552, 580, 587, 588, 596, 612
Пейскер (Peisker) Я. 11—13, 590
Пекосиньский (Piekosiniski) Ф. 58, 159, 239, 595
Передслава (Предслава), княгиня 28, 318, 319
Переменг, боярин 215, 445
Перун, бог языческий 331, 349, 400, 487
Першиц А. И. 590
Песах, полководец хазарский 314
Пестель П. И. 557, 558
Петр, царь болгарский 321, 329
Петр I Великий, имп. 472, 522
Петрона (Petronas), инженер византийский 281
Петрушевский Д. М. 567
Пещак М. М. 599
Пигулевская Н. В. 540
Писарев Д. И. 508, 516
Пискорский В. К. 567
Пичета В. И. 535, 554
Плано Карпини Иоанн де, путешественник 379, 612
Платонов С. Ф. 6, 131, 305, 473, 509, 511—515, 521, 525, 527, 530, 542, 567, 571, 577, 579, 588, 589, 596, 608, 615
Плетнева С. А. 604
Плеханов Г. В. 516
Плиний Старший, писатель римский 262, 604
Побединский М. В. 533
Погодин А. Л. 500, 501
Погодин М. П. 149, 288, 474, 556, 558, 597, 615
Позвизд Владимирович, кн. 32, 338
Покровский М. Н. 506, 534, 581, 582, 587, 592
Покровский С. А. 587
Полевой Н. А. 587
Полиевктов М. А. 530
Поллок (Pollock) Ф. 158
Поппэ А. В. 600
Потканьский (Potkański) К. 153, 159, 214, 241
Прастен, посол Акуна (Якуна) 28
Прастен, посол Турда 28
Предслава *см.* Передслава
Пресняков А. Е. 156, 164, 471, 482, 484, 503, 506—555, 567—605, 608—614, 616

- Преснякова Ю. П. 520
 Приселков М. Д. 321, 326, 327, 345, 350—353, 355—359, 375, 501, 502, 539, 588, 609—611
 Прокопий, тыс. 144, 201
 Прокопий Кесарийский, историк византийский 147, 263, 296, 302, 399, 409, 604, 608
 Прохор, монах 451, 452
 Пруденций, хронист 607
 Прудон П. Ж. 508
 Псевдо-Маврикий *см.* Маврикий
 Пугачев Емельян, предводитель восстания 556
 Пук (Паук), кормилец 197
 Путята, воевода 205, 207, 452
 Пушкина Т. А. 606
 Пыпин А. Н. 508, 515
- Равдоникас В. И. 579
 Радищев А. Н. 535
 Разин Степан, предводитель восстания 537
 Ракин С. А. 553
 Ранке Л. 514, 516
 Рапов Ю. М. 591, 593
 Ратибор, тыс. 48, 144, 201
 Ратша, тиун 183, 403, 459
 Регинон Прюмский, хронист немецкий 325—327, 347
 Рейнберн, еп. 341
 Рейц А. 587
 Ритшель (Rietschel) З. 147, 148, 150, 154—158, 166, 596
 Рогволод, кн. 28, 30—32, 142, 318, 332, 333, 335, 337, 338
 Рогволод Борисович, кн. 104
 Рогволод Всеславич, кн. 67
 Рогнеда, княгиня 30, 34, 47, 335, 338, 339, 356, 370
 Рогнеда Мстиславна, княгиня 121
 Рождественский С. В. 521, 530, 539
 Рожков Н. А. 139, 309, 503, 533, 582, 592, 608
 Розанов С. П. 526
 Розен В. Р. 344, 501
 Роман I Лакапин (Лекапин), имп. византийский 314, 315
 Роман II, имп. византийский 325, 344
 Роман Владимирович, кн. 66, 68, 393
 Роман Михайлович, тыс. 144
 Роман Мстиславич, кн. 93, 113, 120, 470, 471
 Роман Ростиславич, кн. 65, 69, 94, 121, 122, 128, 467, 470
 Роман Святославич, кн. 47, 48, 391
 Романов Б. А. 6, 176, 177, 195, 203, 211, 504, 506, 528, 532, 539, 548, 586, 587, 591, 598, 602, 603, 614
- Романова Е. Д. 587
 Ростислав Владимирович, кн., с. Владимира Рюриковича 196
 Ростислав Владимирович, кн., с. Владимира Ярославича 42, 47, 389, 502
 Ростислав Володаревич, кн. 117
 Ростислав Всеволодович, кн. 51, 52, 79, 196
 Ростислав Всеславич, кн. 67
 Ростислав Глебович, кн., с. Глеба Все-славича 104
 Ростислав Михайлович, кн. 99, 175
 Ростислав Мстиславич, кн. 73—76, 79, 85, 86, 90, 93, 95, 111, 120, 121, 124, 126, 127, 178, 213, 230, 234, 247, 393, 416, 424, 435, 469, 489, 493, 494, 600, 613
 Ростислав Юрьевич, кн. 84—87, 90, 99, 194, 202, 214
 Ростислав Ярославич, кн. 43, 114, 116
 Ростовцев М. И. 500
 Роунд Д. Г. 155, 597
 Рубинштейн Н. Л. 507, 533, 590, 596, 603
 Рубрук Вильгельм де, путешественник 379, 612
 Рыбаков Б. А. 576, 578—580, 587, 588, 594, 597
 Рыдзевская Е. А. 600, 605
 Рычка В. М. 612
 Рюрик, кн. 82, 100, 106, 130, 132, 133, 192, 311, 312, 317, 485, 555, 557
 Рюрик Ростиславич, кн. 48, 49, 108, 109, 112—114, 116, 121—123, 391
 Рюс (Rûß) X. 605
 Рябинин Е. А. 605
- Савва, священник 504
 Савукова В. Д. 598
 Садилов П. А. 540
 Самоквасов Д. Я. 587
 Самуил, царь болгарский 344
 Санчук Г. Э. 594
 Сахаров А. Н. 580, 607, 609, 610
 Свенельд (Свенелд, Свенделд, Сфенкел, Свиндил), воевода 28—30, 193, 197, 199, 200, 201, 275, 330, 333—335, 337, 406
 Свердлов М. Б. 587, 590, 591, 593, 600, 605, 606, 611, 614
 Святловский В. В. 582, 603
 Святополк, боярин 99
 Святополк Владимирович, кн., с. Владимира Святославича 31—33, 138, 143, 150, 167, 168, 174, 332, 338, 340—342, 351, 357, 362, 364, 365, 367, 373, 382, 384, 385, 410, 458
 Святополк Изяславович, кн. 43, 44, 48—56, 61, 62, 64, 65, 67, 81, 144,

- 149, 169, 193, 201, 203, 205, 206, 209,
390—392, 404, 410, 411, 451, 452,
462, 469, 503, 612
- Святополк Мстиславич, кн. 73, 77, 85,
86, 118, 119
- Святополк Юрьевич, кн. 124
- Святослав Владимирович, кн., с. Вла-
димира Давыдовича 105, 106
- Святослав Владимирович, кн., с. Вла-
димира Святославича 33, 65, 338,
340, 365
- Святослав Всеволодович, кн., с. Все-
волода Ольговича 77—79, 85, 86, 93,
107—110, 114, 126, 432, 470
- Святослав Всеволодович, кн., с. Всево-
лода Юрьевича 132, 202, 382
- Святослав Всеславич, кн. 67
- Святослав Давыдович Святоша, кн. 55
- Святослав Игоревич, кн. 28, 29, 39,
101, 142, 163, 166, 193, 196, 197, 199,
200, 202, 204, 281, 294, 312, 317—319,
321, 323, 324, 326—334, 336, 337, 360,
365, 383, 406, 411, 557, 607, 610
- Святослав Мстиславич, кн. 120
- Святослав Ольгович, кн. 74, 78, 80, 82,
85—87, 90, 95, 105—111, 113, 118,
128, 145, 183, 456, 459, 469, 483, 489,
613
- Святослав Ростиславич, кн. 126, 173,
403, 435, 464
- Святослав Ярославич, кн., с. Ярослава
Владимировича Мудрого 24, 35, 37,
40—44, 47, 48, 50, 55, 57, 61, 82, 105,
177, 205, 215, 242, 244, 370, 375, 379,
380, 385, 389, 415, 420, 422, 434, 435,
445, 461
- Святослав Ярославич, кн., с. Ярослава
Святославича 114
- Седов В. В. 578, 603, 605
- Семевский В. И. 535
- Семен, дядько 198, 200
- Семенов Ю. И. 591
- Сербина К. Н. 603
- Сергеевич В. И. 11, 12, 14, 21, 26, 27, 31,
39, 41, 46, 49, 53, 56, 58—60, 64, 69,
71, 82, 85, 99—101, 129—131, 136,
137, 140, 143, 145, 162, 164, 170, 172,
174, 177, 178, 180—182, 194, 201—
204, 209, 215, 221, 227—232, 235—
237, 240—243, 245, 246, 250—253,
304, 305, 309, 313, 360, 386, 387, 402,
403, 405, 407, 417, 421, 422, 436, 441—
443, 456, 483, 502—505, 531, 533,
542, 562, 563, 567, 568, 572—575, 577,
580, 587—593, 595, 596, 601, 608,
612—614, 616, 618
- Серебрянский Н. И. 502
- Середонин С. М. 275—279, 295, 301,
339, 500, 605
- Сибом (Зибом) Ф. 159, 597, 598
- Сигиберт, кор. франкский 191
- Сильванский Н. П. см. Павлов-Силь-
ванский Н. П.
- Симаргл, бог языческий 349
- Симеон, царь болгарский 321, 329
- Симеон Иванович Гордый 59
- Симон см. Шимон
- Синеус, легенд. 555
- Сироткин В. Г. 552
- Скарбимир, палатин 199, 201
- Скилица Иоанн см. Иоанн Скилица
- Скржинская Е. Ч. 540
- Слуды, посол 28
- Смирнов И. И. 507, 587, 600, 613
- Смолька (Smolka) С. 38, 505, 594
- Соболевский А. И. 251, 252, 426, 427,
474, 508, 613, 615
- Сойер (Sawyer) П. Х. 606
- Соловьев С. М. 24, 32, 33, 41—43, 46,
47, 53—55, 64, 70, 73, 87, 130, 139,
168, 298, 310, 368, 479, 481, 498, 501,
509, 515, 533, 541, 542, 558—561,
563, 568, 574, 580, 587—589, 592,
593, 599, 603
- Спевец (Spevec) Ф. И. 14, 591
- Сперанский М. М. 557
- Спицын А. А. 274, 275, 277, 278, 370,
500, 502, 578, 605
- Срезневский И. И. 42, 139, 192, 232,
310, 493, 501, 508
- Станислав, тыс. 144, 201
- Станислав Владимирович, кн. 31, 338
- Стасов В. В. 508
- Стеббс (Stubbs) В. 157—159, 597
- Стеенstrup И. Х. Х. Р. 218, 219, 599
- Стефан, кесарь византийский 315
- Стефан I, кор. венгерский 31, 337
- Стефан Душан, царь сербский 12, 17,
188—190, 226, 227, 240, 419, 590, 613
- Сторожев В. Н. 427, 474, 503, 533, 535,
613, 615
- Стрибог, бог языческий 349
- Строев П. М. 517, 557
- Струве В. В. 539, 540
- Струве П. Б. 516
- Суворов Н. С. 505
- Судислав, боярин 198
- Судислав Владимирович, кн. 31, 33, 42,
338, 370, 372, 389
- Супзи (Supzi), землевладелец 19
- Сухомянов М. И. 508, 609
- Сфандра, княгиня 28, 318
- Сфенкел, вероятно, Свенельд, см. Све-
нельд
- Сфирка, знатный муж русский 28, 318
- Сыромятников Б. И. 401, 587, 612
- Сърчан, хан половецкий 378

- Тайлор Э. 564
 Тарановский Ф. В. 566
 Тарле Е. В. 533, 540, 548, 554
 Татищев В. Н. 42, 43, 47, 527, 555, 594
 Тацит Корнелий, историк римский 146, 187—189, 262, 409, 484, 597, 599
 Творогов О. В. 610
 Тельберг Г. 60
 Теофил, писатель, пресвитер 379
 Терновский Ф. А. 515
 Тиандер К. Ф. 284, 288, 501
 Титмар (Thetmarus) Мерзебургский, хронист немецкий 32, 34, 341, 351, 353, 356—358, 364, 384, 593, 610, 611
 Тиханова М. А. 540
 Тихомиров И. А. 517—519
 Тихомиров М. Н. 576, 580, 588, 589, 597, 614
 Толочко П. П. 611, 612
 Толстой И. И. 500
 Толстой Л. Н. 508
 Томсен В. 282, 292, 500, 608
 Трепов Д. Ф. 523, 524
 Третьяков П. Н. 579
 Тржештик (Třeštík) Д. 588
 Трубачев О. Н. 578, 603
 Трувор, легенд. 555
 Тугоркан, хан половецкий 375, 377
 Тудор, тиун 183, 403, 459
 Туку, друж. 206
 Тургенев И. С. 508
 Турд, знатный муж русский 28, 318
 Туры, кн. 28, 31, 32, 318, 332, 333, 335
 Тьерри О. 557
 Тюменев А. И. 539

 Удальцова З. В. 552
 Улеб, кн. 318, 372
 Улеб, посол 28
 Улеб, тыс. 144, 170, 209
 Упырь, книжник 402

 Фармаковский Б. В. 269, 500, 604
 Федор Михайлович, кн. 173
 Федор Юрьевич, кн. 172
 Федор (Федорка) Юрьевич-Давыдович, боярин 426
 Феодосий Печерский, иг. 37, 194, 196, 205, 207, 208, 359
 Феопемпт, митр. 352, 355, 357, 374
 Феофан, патрикий византийский 315
 Теофил, имп. византийский 281, 286
 Феофилакт, патриарх 501
 Феофилакт Симокатта, историк византийский 301, 302, 608
 Фив, св. 351
 Филарет, патриарх 531
 Филипп I, кор. французский 375
 Фишер (Fischer) В. 609

 Фома Ратиборич, воевода 383
 Фомин А. В. 605
 Формер (Vormoor) Й. 231, 233, 252
 Форстен В. Г. 510, 514, 516, 522
 Фотий, патриарх 290, 291, 316, 352, 488, 607
 Фредегарт, хронист 264, 604
 Фрейзер Дж. 564
 Фюстель де Куланж Нюма Дони 565

 Хазанов А. М. 591
 Хакон, конунг 381, 502
 Хальбан (Halban-Blumenstock) А. 184, 185, 234, 503, 598
 Хальфдан, конунг 285
 Харальд, кор. английский 381
 Харальд Жестокий Правитель, кор. норвежский 375, 381
 Харальд II Прекрасноволосый, кор. норвежский 285
 Хасдай, раввин 314
 Хачатуров Р. Л. 590
 Хвойко В. В. 271, 500, 605
 Хвольсон Д. 501
 Хельгу см. Олег
 Херц (Hertz) Г. 187
 Хильдеберт, кор. франкский 184, 191
 Хильдебранд (Hildebrand) Х. 155
 Хильперик, кор. франкский 228, 600
 Хинкмар Реймский, хронист 280, 605
 Хлебников Н. И. 558
 Хлодвиг I, кор. франкский 600
 Хлотарь II, кор. франкский 191
 Ходота, кн. 302
 Хольдер (Holder) А. 159
 Хорив, легенд. 406
 Хорс, бог языческий 349
 Христина, жена кн. Мстислава Владимировича 381
 Христофор, кесарь византийский 315
 Хубе (Hube) Й. 19
 Хубе Р. 19, 591

 Цапутали А. Н. 590, 592
 Цезарь Гай Юлий, консул, писатель римский 146, 186, 597
 Цеймер 188
 Цимисхий см. Иоанн Цимисхий
 Цитович П. П. 235, 240, 244, 245, 600, 601
 Цшоппе 241

 Челяковский (Celakowský) Я. 29, 239, 601
 Чемберлен (Chamberlain) Х. С. 476, 615
 Черепнин Л. В. 507, 552, 580, 587, 588, 596, 597, 600, 613
 Чернов С. Н. 532, 586

Чернышевский Н. Г. 508, 516, 525
 Чечулин Н. Д. 515
 Чирков С. В. 506, 507, 527, 541, 569, 571, 599, 613
 Чичерин Б. Н. 542, 547, 561
 Чюдин см. Микула Чюдин

Шапиро А. Л. 507
 Шарукан, хан половецкий 378
 Шаскольский И. П. 605, 606
 Шахматов А. А. 5, 29, 165, 189, 197, 259—261, 264—266, 270—274, 278—280, 282, 284, 286—289, 302, 304, 311—317, 321, 324, 325, 331, 332, 334—336, 338, 341, 344—356, 363—369, 500—502, 507, 517—520, 525—528, 536, 538, 543, 544, 578, 588, 593, 604—607, 609—611, 613
 Шверин (Schwerin) К. фон 147—150, 154—157, 596, 600
 Шевченко Т. Г. 508, 516
 Шелгунов Н. В. 508
 Шелонговский (Szelągowski) А. 272, 283, 605
 Шехтер (Schechter) С. 314, 609
 Шилов А. А. 540
 Шимон (Симон), конунг 125, 381, 502
 Шихберн, посол 28
 Шлёцер А. Л. 555
 Шмидт С. О. 541, 599, 613
 Шнейдер, политический деятель Швейцарии 16
 Шрёдер (Schröder) Р. 146, 148, 157, 158, 186—189, 191, 239, 596
 Штенцель (Stenzel) 241

Шавелева Н. И. 612
 Шапов А. П. 508, 515
 Шапов Я. Н. 579, 589, 594, 597, 600, 613, 614, 616
 Щеголев П. Е. 536
 Шек, легенд. 406
 Щепкин В. Н. 513
 Щербатов М. М. 512

Эверс И. Ф. Г. 481, 498, 559, 561, 603
 Эдгар, кор. англосаксонский 158, 598
 Эдуард Исповедник, кор. англосаксонский 190
 Эйдельман Н. Я. 596
 Эймунд, конунг 381
 Эйнерлинг И. 125, 149, 596
 Энгельс Ф. 548
 Эрик (Эрих), кор. вестготский 189
 Эрик, кор. шведский 218
 Этельстан, кор. англосаксонский 158, 598

Юрий, тыс. 144
 Юрий II Болеслав, кн. 198
 Юрий Василькович, кн. 117
 Юрий Владимирович Долгорукий, кн., с. Владимира Всеволодовича 65, 71, 73—75, 77, 78, 83—92, 95, 99, 106, 111, 114, 127, 129, 145, 173, 178, 194, 197, 200, 207, 208, 211, 213, 214, 381, 393, 412, 463, 469, 471, 502, 593
 Юрий Владимирович, кн., с. Владимира Святославича 115
 Юрий Всеволодович, кн. 124, 125, 130—132, 175, 176, 214, 403
 Юрий Игоревич, кн. 116
 Юрий Лугвенович, кн. литовский 173
 Юрий Ярославич, кн. 66, 114, 124, 469
 Юстиниан, имп. византийский 555
 Юшков С. В. 576, 587, 589, 592, 594, 597

Ягич В. В. 17, 23, 59, 508, 592
 Яков, боярин 249
 Яковлев В. 125, 194, 197, 206, 208, 209, 504
 Якун, племянник кн. Игоря 28, 318
 Якун (Хакон), конунг 371
 Ян Вышатич, тыс. 51, 140, 144, 177, 196, 203—205, 207, 242, 310, 422, 435, 444
 Янин В. Л. 594, 597, 600, 601, 613
 Ярон, тыс. 144
 Ярополк Владимирович, кн. 65, 66, 68, 70—76, 79, 339, 344, 347, 378, 393, 462—464
 Ярополк Изяславович, кн. 44, 48, 49, 193, 391, 410, 424
 Ярополк Романович, кн. 122
 Ярополк Ростиславич, кн. 194
 Ярополк Святополчич, кн. 393
 Ярополк Святославич, кн. 29, 30, 166, 200, 331, 334, 335
 Ярополк Юрьевич, кн. 124
 Ярослав Васильевич Оболенский-Стрига, кн. 180
 Ярослав Владимирович Мудрый, кн. 5, 24—26, 31—44, 50, 53, 54, 56, 57, 59—65, 81, 82, 93—96, 101, 102, 108, 112, 113, 124, 129, 132, 134, 150, 164—169, 171, 174, 176, 178, 192, 194, 196—198, 200, 201, 204—206, 220, 222—224, 232, 319, 323, 325, 331, 336, 338, 339, 341, 351—353, 356—363, 365—375, 379—382, 384, 385, 387—389, 392, 393, 403, 410, 411, 418, 443—445, 447, 453, 462, 465, 488, 489, 491, 492, 495, 498, 499, 502, 563
 Ярослав Володимирович (Владимирович) Осмомысл, кн. 93, 97, 99, 118, 175, 383, 470
 Ярослав Всеволодович, кн., с. Всеволода

- Ольговича 107—110, 112
Ярослав Всеволодович, кн., с. Всево-
лода Юрьевича 132, 194
Ярослав Изяславович, кн. 85, 90, 111,
113, 119, 120, 207
Ярослав Ингваревич, кн. 120
Ярослав Святополчич, кн. 65—67, 70
Ярослав Святославич, кн. 52, 55, 64,
68, 70, 105, 114, 194, 391, 503
Ярослав Юрьевич, кн. 124
Ясинский А. Н. 142, 167
Ясинский М. Н. 232, 250, 253, 475, 503,
578, 614, 615
Яхъя Антиохийский (Яхъя Ибн Саид),
писатель арабо-византийский 342—
344, 347, 355

СОДЕРЖАНИЕ

КНЯЖОЕ ПРАВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ X—XII СТОЛЕТИЙ

Предисловие	4
-----------------------	---

Очерк первый

КНЯЖОЕ ВЛАДЕНИЕ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ РЮРИКОВИЧАМИ В X—XII вв.

I. Введение: черты древнеславянского семейного права	7
II. Борьба за единовластие	27
III. Ряд Ярославль	35
IV. Борьба за отчины во второй половине XI в.	41
V. Борьба за старейшинство в XII в.	62
VI. Падение киевского старейшинства	83
VII. Строй княжого владения в отдельных землях	102
VIII. Итоги	132

Очерк второй

КНЯЗЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЗЕМЛЕ-КНЯЖЕНИИ

I. Черты внутреннего строя земли-княжения	136
1. Несколько литературных мнений — 136; 2. Тысяча и тысяцкий — 141;	
3. Сотские и сотни — 148; 4. Город и волости-земли — 162; 5. Заключи-	
тельные замечания — 181.	
II. Общественное положение князя	181
1. Княжое право — 181; 2. Дружина — 185; 3. Состав дружины — 201;	
4. Правовое положение дружины — 215; 5. Население княжих сел —	
230; 6. Вопрос о смердах — 234; 7. Заключение — 246.	

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Лекция I. Древнейшие судьбы восточного славянства	256
Лекция II. Последствия расселения восточных славян	273
Лекция III. Русь и варяги	280
Лекция IV. Племенной быт восточных славян и образование городских областей	294
Лекция V. Переход от племенного быта к строю земель-княжений (образование Киевского государства)	306
Лекция VI. Крещение Руси	342
Лекция VII. Политический строй Киевской Руси в XI в.	359
Лекция VIII. Внешнее положение Киевской Руси в XI—XII вв. Борьба со степью и территориальное самоопределение	376

Лекция IX. Княжеское владение в древней Руси XI и XII вв. — до 1132 г.	386
Лекция X. Волость, вервь и вече	394
Лекция XI. Волость. Князь и дружина	405
Лекция XII. Князь. Общественное положение князя	412
Лекция XIII. Князь-правитель. Княжеская администрация и суд в древней Руси	427
Лекция XIV. Князь-правитель. Русская Правда и уставное законодательство	438
Лекция XV. Княжое владение во второй половине XII и в начале XIII в. (1132—1169—1240)	458
Дополнения	471
Лекции по русской истории. Киевская Русь. Примечания А. Е. Преснякова	500

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Е. Пресняков (1870—1929). Жизнь и творчество	506
Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А. Е. Преснякова	555

ПРИМЕЧАНИЯ

Княжое право в древней Руси	587
Лекции по русской истории. Киевская Русь	602
Список сокращений	617
Указатель имен	619

Научное издание

*Пресняков
Александр Евгеньевич*

КНЯЖОЕ ПРАВО
В ДРЕВНЕЙ РУСИ.
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
X—XII СТОЛЕТИЙ

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.
КИЕВСКАЯ РУСЬ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Памятники исторической мысли»

Редактор издательства С. А. Левина
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректор Е. Л. Сысоева

ИБ № 46055

Сдано в набор 20.06.91

Подписано к печати 15.04.93

Формат 60×90¹/₁₆

Гарнитура литературная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 40,1. Усл. кр. отт. 40,1. Уч.-изд. л. 47,2

Тираж 10 000 экз. Тип. зак. № 3013

ИПКП «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука»

199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
В 1993 ГОДУ
ВЫХОДЯТ В СВЕТ**

А. А. Новосельский. Научное наследие: Исследования по истории эпохи феодализма / Архив РАН. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 21 л. — ISBN 5-02-08645-2 (в пер.): 310 р.

Ранее непубликовавшиеся сочинения выдающегося отечественного историка А. А. Новосельского, посвящены внешнеполитической истории русского государства в период его складывания как многонациональной державы. Рассматривается сложный узел дипломатических отношений с Крымским ханством, Украиной, Польшей и Турцией во времена гетманства Ивана Выговского, Юрия Хмельницкого, Ивана Брюховецкого, Петра Дорошенко (вторая половина XVII в.). В научный оборот вводится большой архивный материал.

Крестьянские челобитные XVII в. (Из собраний Государственного исторического музея) / Ин-т рос. истории. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 25 л. — ISBN 5-02-008676-2 (в пер.): 190 р.

Сборник документов является первым изданием челобитных крестьян всех социальных категорий, проживавших в разных регионах России. Крестьянские челобитные — уникальный документ, отражающий быт, социальные отношения и круг требований крестьян. В публикуемых документах разносторонне отражена история многонационального российского крестьянства XVII в.

Археографический ежегодник за 1991 год / Археогр. комис. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 33 л. — ISBN 5-02-008648-7 (в пер.): 290 р.

Ежегодник включает статьи и сообщения по проблемам археологии, архивоведения и других специальных историко-филологических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных памятников отечественной истории. Исследуются материалы о разгроме костромского краеведения в 1930—1931 гг. и документы о жертвах репрессий, собираемые обществом «Мемориал». Публикуются обзоры Тихомировского собрания рукописей в Новосибирске, документы об отношениях Ивана Грозного с Речью Посполитой. Новые материалы о деятельности отечественных историков — Э. Б. Генкиной, А. Д. Корского, В. В. Дорошенко, И. И. Полосина, Е. В. Чистяковой, С. И. Якубовской.

Софийская I летопись по списку И. Н. Царского / Ин-т рос. истории РАН. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 35 л. (Полное собрание русских летописей. Т. 39). — ISBN 5-02-008670-3 (в пер.): 340 р.

Софийская I-я летопись по списку Н. Н. Царского начинается «Повестью временных лет», заканчивается записью за 26 ноября 1508 г. Источники списка Царского, являющегося самостоятельной редакцией летописного свода, — это редакция Софийской I-й летописи, Сокращенный свод 1493 г., записи великокняжеского летописания, доведенные до 1508 г.

И. И. Свирида. Сады века философов в Польше / Ин-т славяноведения и балканистики. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 15 л. — ISBN 5-02-010126-5: 180 р.

Богато иллюстрированное издание, в котором рассматривается утопическая концепция естественного парка XVIII в. Автор рассказывает о художественном облике парка, об иллюзиях и реальности паркового быта, о том, как представляли себе идеального обитателя парка его «конструкторы» и создатели. Читателя наверняка заинтересует и подробный рассказ о тайной символике парков, возникшей не без влияния масонства. Приложение содержит различные описания парков их современниками.

Резюме на английском языке.

История, этнография, фольклор и культура славянских народов / Отд-е истории, Отд-е лит. и языка. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 25 л. — ISBN 5-02-008687-8 (в пер.): 190 р.

Сборник включает доклады историко-культурной и фольклористической проблематики к XI Международному съезду славистов. Представлены традиционные и новые исследования: этногенез славян, «восточный вопрос», «Россия и балканские славяне», методологические проблемы истории славистики, проблемы создания общеславянского языка. Огромный интерес представляют комплексные исследования фольклора, этнического сознания, конфессиональной среды бытования.

Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре / Ин-т всеобщ. истории. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 25 л. — ISBN 5-02-010166-4. — 210 р.

Авторский коллектив очередного, пятого выпуска сборника — созвездие имен: Л. Копелев (Германия), П. Хайэмс, П. Берк (оба — Великобритания), Ж.-К. Шмитт (Франция), А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бесмертный, А. А. Игнатенко (Россия) и др. Исследуются проблемы психологии межнациональных и межконфессиональных отношений, картина мира в обыденном сознании европейцев и мусульман. В разделе публикаций — памятник древнеисландской литературы «Прядь о Торлейве».

Для историков, этнологов, филологов etc.

А. И. Абакаров, О. М. Давудов. Археологическая карта Дагестана / Ин-т истории, языка и лит. Даг. науч. центра. — М.: Наука. II полугодие 1993. — 30 л. — ISBN 5-02-009731-4 (в пер.): 260 р.

Сводный обобщающий труд по археологии Дагестана. Изложена история археологического изучения края, даны характеристики археологических эпох и культур от каменного века до средневековья включительно, а также полный свод памятников археологии. Книга богато иллюстрирована. Библиография включает несколько сот названий.

В. И. Пилипко, Старая Ниса. Здание с квадратным залом /
Ин-т истории АН Туркменистана. — М.: Наука. II полугодие 1993. —
15 л. — ISBN 5-02-010149-4: 180 р.

Городище Старая Ниса расположено на юге Туркменистана; оно принадлежит к числу важнейших культурных и политических центров Парфянского государства (III в. до н. э.—III в. н. э.). Книга содержит полное описание результатов археологического исследования одного из важнейших архитектурных сооружений Старой Нисы. — «Здания с квадратным залом», истории изучения здания, его планировки, архитектурного убранства. Анализируются проблемы исследования парфянской культуры. Многие приведенные в книге сведения получены при раскопках последних лет и публикуются впервые. Книга богато иллюстрирована.